

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Н. Карѣевъ.

ИСТОРІЯ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

ВЪ НОВОЕ ВРЕМЯ.

Томъ III.

ИСТОРІЯ XVIII ВѢКА.

ИЗДАНІЕ 3-е.

С.-Петербургъ.
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28.
1904.

Государственная Публичная
БИБЛИОТЕКА
Историческая
ТИПОГРАФІЯ М. СТАСЮЛЕВИЧА
В. О. 5 ЛИН. 28

3383

ВСТУПЛЕНІЕ.

I. Изученіе исторіи XVIII вѣка.

Значеніе реформаціи и революціи въ новой западно-европейской исторіи.—Главныя явленія исторіи XVIII вѣка.—Общія обработки исторіи XVIII вѣка.—Исторіографія «просвѣщенія».—Неразработанность исторіи просвѣщеннаго абсолютизма.—Общій взглядъ на литературу по исторіи французской революціи.—Главные вопросы при изученіи эпохи.—Основные элементы ея движеній.—Государственное и личное начала въ исторіи новаго времени.—Политическая свобода и соціальная борьба.

Исторія Западной Европы въ новое время можетъ быть раздѣлена на два большіе отдѣла по двумъ, такъ сказать, центральнымъ эпохамъ, сообщающимъ то или другое значеніе каждому изъ этихъ двухъ отдѣловъ въ цѣломъ культурно-соціальнаго развитія европейскихъ народовъ въ послѣдніе вѣка. Первенствующее мѣсто въ первомъ отдѣлѣ принадлежитъ религіозной реформаціи XVI в. со всѣми культурными и соціальными, церковными и политическими движеніями, которыя ей предшествовали, ее вызвали, ее сопровождали и осложняли, за нею послѣдовали и изъ нея вытекали. Въ серединѣ XVII в. реформаціонный періодъ кончается, и наступаетъ новый періодъ западно-европейской исторіи, характеризующійся господствомъ на материкѣ абсолютной монархіи, періодъ отъ вестфальскаго мира до начала французской революціи, т.-е. отъ 1648 по 1789 г. Но подобно тому, какъ реформація XVI вѣка, начиная новый историческій періодъ, находится вмѣстѣ съ тѣмъ въ центрѣ эпохи, первая половина которой была временемъ ея подготовленія и ея предшественниковъ, а вторая—временемъ ея развитія и обнаруженія ея слѣдствій, такъ и французская революція, открывающая собою новѣйшую исторію Западной Европы, можетъ быть разсматриваема, какъ событіе, къ которому сходятся и отъ котораго расходятся всѣ главныя явленія предыдущей и послѣдующей исторіи. Мы имѣемъ право идти и далѣе въ

этомъ сравненіи. Въ концѣ XVIII в. Западная Европа вступила въ столь же бурную эпоху, какъ и въ началѣ XVI столѣтія, но какъ тогда общественныя движенія совершались подъ знаменемъ религіозныхъ идей, еще ранѣе высказывавшихся въ литературѣ, такъ и движеніямъ, начавшимся въ концѣ XVIII в., предшествовала эпоха работы культурной мысли, направленной на вопросы философскіе, нравственные и общественные. Это явленіе и составляетъ одну изъ характерныхъ особенностей XVIII столѣтія, вѣка „просвѣщенія“ (siècle des lumières, Zeitalter der Aufklärung) или „философскаго вѣка“, какъ его также называютъ. Новое культурное направленіе, соединившее въ себѣ результаты гуманизма и протестантизма, усвоившее свободомысліе и свѣтскій характеръ перваго и унаслѣдовавшее отъ второго элементы религіозной и политической свободы, въ серединѣ XVIII в. овладѣло до извѣстной степени абсолютными монархами и ихъ совѣтниками, что породило характерное явленіе „просвѣщеннаго абсолютизма“, или „просвѣтительнаго деспотизма“, какъ его еще называютъ, характеризующаго приблизительно пять десятилѣтій передъ началомъ французской революціи (1740—1789). Какъ въ реформаціонный періодъ церковныя преобразованія совершались двоякимъ путемъ, т.-е. или сверху, путемъ дѣйствія государственной власти, или, наоборотъ, снизу, въ силу народнаго движенія, такъ и въ это время государственныхъ и общественныхъ реформъ послѣднія предпринимались либо по иниціативѣ правительствъ („просвѣщенный абсолютизмъ“), либо были, напротивъ того, результатомъ общественнаго движенія (революція), и „просвѣщенные деспоты“ являлись поэтому какъ-бы предшественниками революціи, поскольку и они, и революціонные дѣятели иногда ставили себѣ однѣ и тѣ же задачи и исходили изъ однѣхъ и тѣхъ же идей. Такимъ образомъ *главными явленіями культурно-соціальной исторіи XVIII вѣка нужно считать просвѣщеніе, просвѣщенный абсолютизмъ и французскую революцію.*

Подобно тому, какъ изложенію реформаціоннаго періода мы предпослали общее вступленіе съ указаніемъ на историческую литературу, такъ и теперь, переходя къ XVIII столѣтію, мы сдѣлаемъ краткій очеркъ изученія историческою наукою какъ всего XIII в. въ цѣломъ, такъ и трехъ вышеназванныхъ явленій, оставивъ пока въ сторонѣ сочиненія менѣе общаго характера, дабы дѣлать на нихъ необходимыя указанія въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ.

Само собою разумѣется, исторіи XVIII в. отводится почетное мѣсто въ большихъ всемірныхъ исторіяхъ *Шлоссера*, *Беккера* и *Вебера* [1]), равно какъ въ коллективной Allgemeine Weltgeschichte, въ

[1]) Во „Всеобщей Исторіи“ *Георга Вебера*, существующей въ русскомъ переводѣ, XVIII вѣкъ занимаетъ около трети 12-го тома (1700—1740) и весь 13-й.

которой новая исторія обработана Филиппсономъ, посвятившимъ XVIII вѣку большой томъ, или въ аналогичномъ изданіи *Лависса* и *Рамбо*, далѣе въ сочиненіяхъ по философіи исторіи и по исторіи культуры, но до сихъ поръ нѣтъ отдѣльнаго цѣльнаго труда по этой эпохѣ, который могъ бы замѣнить знаменитую „Исторію XVIII столѣтія и девятнадцатаго до паденія французской имперіи“ Шлоссера, существующую и въ русскомъ переводѣ (въ восьми томахъ), но уже устарѣлую, такъ какъ этотъ трудъ былъ законченъ еще въ первой половинѣ истекшаго столѣтія. Послѣ Шлоссера уже никто не брался за такую задачу [1]). Зато весьма обширна разработка исторіи отдѣльныхъ странъ, эпохъ и культурно-соціальныхъ явленій въ XVIII столѣтіи, въ особенности же великая литература по исторіи самаго главнаго явленія этого времени—французской революціи съ ея причинами и умственнымъ движеніемъ, ее подготовившимъ. Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать объ эпохѣ просвѣщеннаго абсолютизма, по которой до сихъ поръ нѣтъ ни одного цѣльнаго сочиненія.

„Просвѣщеніе“ XVIII вѣка, подобно ренессансу въ началѣ новаго времени, было явленіемъ, имѣвшимъ главное значеніе въ духовной жизни извѣстной части европейскаго общества и потому выражалось преимущественно въ литературѣ. Поэтому факты, относящіеся къ исторіи „просвѣщенія“, находятъ мѣсто обыкновенно въ исторіяхъ литературы и культуры, въ исторіяхъ философіи, моральныхъ доктринъ, политическихъ ученій, соціальныхъ наукъ, экономическихъ воззрѣній и т. д. Наиболѣе удачною попыткою дать общій обзоръ умственнаго движенія XVIII вѣка (съ исхода предыдущаго столѣтія) нужно признать „Всеобщую исторію литературы XVIII вѣка“ *Геттнера*, переведенную на русскій языкъ, но, какъ и исторія Шлоссера, успѣвшую уже устарѣть во многихъ своихъ отдѣлахъ. Съ точки зрѣнія общей исторіи наибольшую важность представляетъ собою второй томъ этого труда, посвященный французской литературѣ [2]). Далѣе могутъ быть названы здѣсь такія сочиненія, какъ „Философія XVIII в. и христіанство“ (La philosophie du XVIII siècle et le christianisme) *Лорана*, „Исторію англійскаго деизма“ (Geschichte des englischen Deismus) *Лехлера*, „Исторія моральныхъ и политическихъ идей во Франціи въ XVIII в.“ (Histoire des idées morales et politiques en France au XVIII siècle) *Барни*, „Церковь и философія XVIII вѣка“ (L'église et la philosophie du XVIII s.) *Ланфре*, „Восемнадцатый вѣкъ“

[1]) Europäische Geschichte im XVIII Jahrhundert *Карла Нордена* доведена въ трехъ томахъ едва до 1711 г. и на этомъ остановилась за смертью автора.

[2]) Кромѣ того, см. *Hallam*. Introduction to the literature of Europe in the XVI, XVII and XVIII centuries.

(Le dix-huitième siècle) *Фаге*, „Революціонный духъ до революціи“ (L'esprit révolutionnaire avant la révolution) *Рокена*, „Общественный духъ въ XVIII в.“ (L'esprit public au XVIII siècle) *Обертена*, „Германія въ XVIII в.“ (Deutschland im XVIII J.) *Бидермана* [1]), „Исторія литературы въ XVIII столѣтіи“ (History of the literature of the eighteenth century) *Госса*, „Исторія раціонализма въ Европѣ“ *Лекки*, „Исторія общественнаго движенія въ XVIII столѣтіи“ (Historya ruchu społecznego w XVIII stuleciu) *Лимановскаго*, „Исторія англійской мысли въ XVIII вѣкѣ“ (History of english thought in the XVIII-th century) *Стефена*, „Идея государства“ (L'idée de l'état) *Анри Мишеля*, „Соціальная философія XVIII в. и французская революція“ (La philosophie sociale du XVIII siècle et la révolution française) *Эспинаса*, далѣе цѣлый рядъ монографій объ отдѣльныхъ писателяхъ, которыя будутъ указаны въ своемъ мѣстѣ, наконецъ, нѣкоторые отдѣлы такихъ сочиненій по исторіи французской революціи, каковы труды *Луи Блана*, *Тэна*, *Сореля*, *М. М. Ковалевскаго*, посвященные обзорамъ философскихъ и соціальныхъ идей предшествующей эпохи. Всѣ эти сочиненія съ разныхъ сторонъ и въ разной мѣрѣ освѣщаютъ это замѣчательное время въ умственной исторіи западно-европейскаго общества. По своему свѣтскому характеру и общему критицизму „просвѣщеніе“ XVIII в. было какъ бы вторымъ ренессансомъ, отъ котораго оно отдѣляется эпохою реформаціи съ преобладаніемъ религіозныхъ интересовъ и теологическаго мышленія, но вмѣстѣ съ этимъ оно восприняло изъ англійскаго реформаціоннаго движенія тѣ религіозныя и политическія идеи, которыя породили цѣлую литературу деизма и разсужденій объ источникѣ и предѣлахъ государственной власти. То, что называется „философіей XVIII вѣка“, собственно говоря, какъ и гуманизмъ, есть явленіе общекультурное, а не спеціально-философское, вслѣдствіе чего, напримѣръ, историки философіи отводятъ обыкновенно очень мало мѣста такимъ писателямъ, какъ Вольтеръ, Монтескье, Руссо, Дидро, Мабли, или даже едва о нихъ упоминаютъ, тогда какъ историкъ культурно-соціальнаго развитія по ихъ непосредственному отношенію къ современной имъ общественной жизни, по ихъ прямому вліянію на умственное движеніе эпохи, наоборотъ, выдвигаетъ ихъ на первый планъ предпочтительно передъ философами-спеціалистами. „Просвѣщеніе“ XVIII в. касалось вопросовъ личной морали и соціальной жизни, тѣхъ самыхъ, которые занимали—съ весьма близкихъ къ ихъ воз-

---

[1]) Собственно вторая часть труда, озаглавленная Deutschlands geistige, sittliche und gesellige Zustände im XVIII Jahrhundert. Отдѣлы о „просвѣщеніи“ въ разныхъ странахъ есть еще въ книгѣ *Онкена* „Das Zeitalter Friedrichs des Grossen“ (въ издаваемой имъ коллекціи).

зрѣніямъ точекъ зрѣнія—гуманистовъ, но съ тѣмъ различіемъ, что просвѣтители были гораздо болѣе, нежели гуманисты, заняты общественными вопросами, больше обнаруживали соціальнаго идеализма и стремленія къ политическому переустройству, и что присущій и имъ индивидуализмъ получалъ у нихъ болѣе практическій характеръ. Отсюда—развитіе въ XVIII в. политическаго мышленія, во имя извѣстныхъ принциповъ подвергавшаго критикѣ современное государство и общество, отсюда же—и болѣе широкая постановка всѣхъ относящихся сюда вопросовъ, благодаря чему возникаетъ цѣлая новая область соціальнаго знанія—политическая экономія. Гуманизму не удалось овладѣть общественнымъ движеніемъ. Какъ извѣстно, послѣднее пошло подъ религіознымъ знаменемъ церковной реформаціи, съ которою у „просвѣщенія" есть тоже одна общая черта: это—тотъ элементъ глубокой и искренней вѣры, въ данномъ случаѣ вѣры въ человѣческій разумъ, въ лучшее будущее, которою проникались наиболѣе видные представители движенія. Сила гуманизма была въ области мысли, сила протестантизма—въ области чувства и воли: „просвѣщеніе" XVIII в. какъ бы сочетало въ себѣ характерные признаки обоихъ культурныхъ явленій. Поэтому оно могло овладѣть историческимъ движеніемъ, поставивъ государству новыя задачи и обществу новыя цѣли или придавъ новый характеръ старымъ задачамъ и цѣлямъ. Какъ въ XVI в. королевская реформація отличалась отъ народной, такъ и въ XVIII столѣтіи существовала большая разница въ примѣненіи къ жизни новыхъ идей государями и подданными, но тѣмъ не менѣе нужно признать, что у просвѣщеннаго абсолютизма и революціи было много общаго, вслѣдствіе чего оба явленія можно подвести подъ одно общее понятіе преобразовательнаго движенія XVIII в. подъ знаменемъ общественныхъ идей этого столѣтія.

Къ сожалѣнію, нельзя, какъ было уже сказано, назвать историческаго труда, который былъ бы посвященъ спеціально разсмотрѣнію просвѣщеннаго абсолютизма, какъ явленія, имѣющаго свою, если позволено такъ выразиться, опредѣленную физіономію и характеризующаго цѣлую эпоху въ исторіи Европы. Дѣло вообще въ томъ, что въ разныя времена западно-европейскій абсолютизмъ принималъ разный характеръ въ зависимости отъ общихъ историческихъ теченій: въ эпоху католической реакціи онъ былъ вѣроисповѣднымъ абсолютизмомъ испанскихъ и австрійскихъ Габсбурговъ; борьба съ аристократіей при Ришелье сообщила тогдашнему французскому абсолютизму характеръ по преимуществу антифеодальный, но при Людовикѣ XIV и его преемникахъ онъ могъ бы, пожалуй, называться придворнымъ, какъ прусскій абсолютизмъ—военно-хозяйственнымъ. Такъ и во второй половинѣ XVIII в. абсолютизмъ получаетъ совершенно

особенный характеръ благодаря воздѣйствію на него просвѣтительныхъ идей вѣка, и столько же отличается, напримѣръ, отъ вѣроисповѣднаго абсолютизма Филиппа II или императора Фердинанда II, сколько и отъ реакціоннаго абсолютизма, время котораго настало главнымъ образомъ послѣ вѣнскаго конгресса, скорѣе сходствуя съ антифеодальнымъ абсолютизмомъ Ришелье и революціоннымъ—Наполеона I, хотя и сохраняя нѣкоторыя общія черты, характеризующія внутреннюю политику и всѣхъ Габсбурговъ, и всѣхъ Бурбоновъ, и Бонапарта. Есть, дѣйствительно, извѣстные признаки, позволяющіе намъ разсматривать внутреннюю политику абсолютныхъ монархій въ „вѣкъ Фридриха II“, этого „короля-философа“, какъ совокупность однородныхъ явленій, проникнутыхъ нѣкоторыми общими принципами, общими у нихъ притомъ и съ „просвѣщеніемъ“ XVIII в., и съ французской революціей, и этими-то явленіями характеризуется въ разныхъ странахъ одна и та же историческая эпоха. Ее, поэтому, весьма удобно было бы сдѣлать предметомъ особаго изслѣдованія, поставивъ вопросы о томъ, что̀ въ указанной политикѣ было наслѣдіемъ и продолженіемъ стараго и что̀ привнесло въ нее новаго культурное движеніе вѣка, въ какомъ отношеніи старое стояло къ этому новому, какія возникли отношенія между абсолютизмомъ и просвѣщеніемъ, какими принципами и интересами руководились преобразователи, какъ понимали они свои задачи, при какихъ условіяхъ дѣйствовали, какихъ результатовъ достигали. Между тѣмъ не только не существуетъ работъ, спеціально посвященныхъ „просвѣщенному абсолютизму“, какъ явленію, о которомъ можно говорить съ такимъ же правомъ, съ какимъ мы говоримъ о католицизмѣ, феодализмѣ, гуманизмѣ, реформаціи, революціи и т. п., но и самое понятіе о немъ нельзя считать прочно установившимся въ наукѣ. Во многихъ историческихъ трудахъ, гдѣ было бы у мѣста обозначать этимъ словомъ совокупность извѣстныхъ явленій, мы, наоборотъ, даже этого термина не находимъ, а въ другихъ сочиненіяхъ употребленіе его отличается нѣкоторою произвольностью и неопредѣленностью.

Въ виду отсутствія историческихъ трудовъ, спеціально посвященныхъ этому явленію, съ нимъ приходится знакомиться по сочиненіямъ, лишь имѣющимъ къ нему то или другое, болѣе близкое или болѣе отдаленное отношеніе. Во-первыхъ, таковы всеобщія исторіи, когда въ нихъ отводятся особые отдѣлы для „преобразовательныхъ попытокъ государей и министровъ“ [1]), тогда какъ въ другихъ по-

[1]) Такъ въ „Курсѣ“ *Г. Вебера* (переводъ Е. и В. Корша, IV, 28—65). Въ большой „Всеобщей исторіи“ Вебера есть глава „Общественная жизнь подъ вліяніемъ идей просвѣщенія“. Но весьма часто для этого нѣтъ особаго отдѣла (см., напр., *Зевортъ*. Исторія новаго времени, I, 481—530). Въ VII томъ коллек-

добныхъ трудахъ (напримѣръ, у Шлосссера) внутренняя политика представителей просвѣщеннаго абсолютизма даже не разсматривается въ одномъ мѣстѣ, а разбросана по разнымъ главамъ, такъ что о внутренней дѣятельности Фридриха II говорится въ пяти мѣстахъ, а о преобразованіяхъ Іосифа II—въ шести. Изъ новѣйшихъ сочиненій слѣдуетъ здѣсь отмѣтить „Вѣкъ Фридриха II“ (Das Zeitalter Friedrichs des Grossen) *Онкена* (въ его коллекціи), книгу, хотя и посвященную преимущественно дипломатической и военной исторіи, но заключающую въ себѣ главы, которыя прямо касаются нашего предмета (Despotismus und Aufklärung, Der reformirende Despotismus). Но особенно близокъ къ надлежащей постановкѣ предмета первый томъ переведенной и по-русски книги *Сореля* „Европа и французская революція“ (L'Europe et la révolution française), о которой будетъ еще сказано ниже. Затѣмъ могутъ быть указаны соотвѣтственные отдѣлы въ исторіяхъ отдѣльныхъ странъ, гдѣ производились реформы государственною властью, отдѣльныхъ царствованій, когда они совершались, и т. п.

Неизмѣримо богаче литература по исторіи французской революціи. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ нѣтъ еще полной исторіографіи этого предмета, потому что всѣ существующія въ такомъ родѣ работы очень кратки, хотя и онѣ могутъ быть рекомендованы желающимъ нѣсколько оріентироваться въ предметѣ [1]).

Исторію французской революціи начали писать еще нѣкоторые ея современники, но настоящее историческое къ ней отношеніе сдѣлалось возможнымъ лишь на нѣкоторомъ отъ нея отдаленіи. Главнѣйшіе труды по эпохѣ принадлежатъ, конечно, французамъ, но каждый такой трудъ для того, чтобы быть вполнѣ понятнымъ и надлежащимъ образомъ оцѣненнымъ, долженъ разсматриваться въ связи съ характеромъ времени, когда онъ появился, и въ зависимости отъ

тивной „Всеобщей исторіи съ IV столѣтія до нашего времени“, изданной подъ редакціей *Лависса* и *Рамбо*, гдѣ излагается исторія XVIII в., изложеніе идетъ по странамъ только для южно-романскихъ странъ даны особые очерки „государей и министровъ-преобразователей“.

[1]) *P. Janet*. Philosophie de la révolution française. Статья *К. К. Арсеньева*, приложенная къ русскому переводу „Исторіи французской революціи“ Минье. Краткій обзоръ литературы, сдѣланный въ IV томѣ (стр. 122—143) „Лекцій по всеобщей исторіи“ Петрова проф. *В. П. Бузескуломъ*. (Ср. мои статьи „Новѣйшіе труды по исторіи французской революціи“ (Ист. Обозрѣніе, т. I) и „Работы русскихъ ученыхъ по исторіи французской революціи“ (Извѣстія Спб. Политехническаго Института, т. I за 1904 г.), а также исторіографическій обзоръ въ „Энциклопедическомъ Словарѣ“ Брокгауза-Ефрона (т. XXXVI, стр. 650—654). О Тэнѣ есть статьи проф. *В. И. Герье* (Вѣстн. Евр. 1878, 89, 90, 94 и 95).

политическихъ воззрѣній своего автора. Въ эпоху реставраціи Бурбоновъ, именно въ двадцатыхъ годахъ вышли въ свѣтъ двѣ исторіи французской революціи, одна бо́льшихъ размѣровъ—*Тьера*, другая—меньшихъ *Минье* (обѣ переведены по-русски), написанныя съ точки зрѣнія тогдашней либеральной оппозиціи въ защиту революціи. Эта оппозиція достигла своихъ цѣлей, благодаря іюльской революціи 1830 г., но іюльская монархія вызвала противъ себя демократическую и соціалистическую оппозиціи, нашедшія выраженіе въ большихъ трудахъ по исторіи революціи — *Мишле* и *Луи-Блана* [1]), изъ которыхъ одинъ былъ именно написанъ съ точки зрѣнія демократической, другой—съ соціалистической, и оба стали появляться отдѣльными томами незадолго до февральской революціи 1848 г. Послѣ государственнаго переворота, совершоннаго Наполеономъ III, написаны были труды *Кине* (La révolution) и *Токвиля* „Старый порядокъ и революція" (L'ancien régime et la révolution), переведенный и по-русски. Послѣднее сочиненіе начинаетъ собою совершенно новый періодъ въ изученіи французской революціи. Токвиль связалъ исторію этого событія съ предыдущей исторіей Франціи, доказывая, что революція была не разрывомъ съ прошлымъ, а естественнымъ его продолженіемъ; съ этого времени особенно и сталъ изучаться „старый порядокъ". Кине и Токвиль дополняютъ другъ друга, такъ какъ одинъ выдвигаетъ на первый планъ роль идеи равенства въ исторіи революціи, а другой—роль идеи свободы, но оба сравнительно съ предыдущими историками болѣе безпристрастны. Впрочемъ, ихъ книги не суть исторіи въ тѣсномъ смыслѣ, такъ какъ Токвиль написалъ только введеніе къ оставшемуся неоконченнымъ труду, а Кине—философскій обзоръ. Послѣдними крупными явленіями въ исторіографіи французской революціи были: „Происхожденіе современной Франціи" (Les origines de la France contemporaine) *Тэна*, „Европа и французская революція" L'Europe et la révolution française) *Сореля* [2]), „Политическая исторія французской революціи" (Histoire politique de la révolution française) *Олара* [3]) и большой трудъ *Жореса* объ учредительномъ и законодательномъ собраніяхъ и конвентѣ составляющій первые томы коллективной „Histoire socialiste". Трудъ Тэна, первый томъ котораго, посвященный „старому порядку", переведенъ по-русски, несмотря на выдающійся талантъ автора, страдаетъ крупнымъ недостаткомъ—одностороннимъ и пристрастнымъ отноше-

---

[1]) Первый томъ переведенъ. Это—обширное историко-философское введеніе.

[2]) Послѣдній (VII) томъ труда Сореля, въ которомъ изложеніе доведено до 1812 г., только что вышелъ. Переведены по-русски лишь первые четыре тома.

[3]) Существуетъ и въ русскомъ переводѣ.

ніемъ къ изображаемой эпохѣ: въ немъ мало обращено вниманія на соціологическую сторону исторіи и выдвигается на первый планъ то, что можно назвать патологическими явленіями эпохи. Сорель, напротивъ, отличается большимъ научнымъ безпристрастіемъ. Этотъ историкъ поставилъ себѣ задачею сдѣлать для всей Европы то, что Токвиль сдѣлалъ для Франціи, т.-е. установить связь потрясенія, испытаннаго всею Европою въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія, съ предыдущею ея исторіей и показать, что и тутъ былъ не разрывъ, а продолженіе. Попытку разсмотрѣть всю европейскую исторію въ революціонную эпоху сдѣлалъ еще раньше (въ пятидесятыхъ годахъ) нѣмецкій историкъ *Зибель* въ своей переведенной и на русскій языкъ „Исторіи революціоннаго времени" (Geschichte der Revolutionszeit), но Сорель исполнилъ свою задачу гораздо лучше, давъ предмету болѣе широкую постановку и отнесшись къ событіямъ и безъ того національнаго пристрастія, которымъ проникнутъ трудъ Зибеля. Что касается самыхъ новыхъ трудовъ по исторіи революціи Олара (1901) и Жореса, то въ первомъ изъ нихъ господствуетъ чисто политическая точка зрѣнія и главное вниманіе обращено на происхожденіе демократіи и республики, а во второмъ болѣе всего отведено мѣста соціально-экономической исторіи и въ частности прелюдіямъ соціалистическаго движенія XIX вѣка. На русскомъ языкѣ важны книги *М. М. Ковалевскаго* „Происхожденіе современной демократіи", первый томъ котораго содержитъ въ себѣ изображеніе стараго порядка и изложеніе новыхъ идей, а самой революціи посвящены томы второй и третій [1]) и *В. И. Герье* „Идея народовластія и французская революція 1789 года. (Введеніе въ исторію революціи 1789 года)" [2]). Слѣдуетъ еще здѣсь отмѣтить первый томъ извѣстной „Исторіи соціальнаго движенія во Франціи" *Лоренца Штейна* (Geschichte der socialen Bewegung in Frankreich), въ которомъ авторъ даетъ общій очеркъ исторіи французской революціи съ точки зрѣнія борьбы классовъ и въ связи съ соціальнымъ движеніемъ XIX в. [3]). Французской же революціи посвящены наконецъ томы XIII и XIV извѣстныхъ „Etudes sur l'histoire de l'humanité" бельгійскаго ученаго *Лорана*, который главное вниманіе обратилъ на религіозную

---

[1]) Четвертый томъ книги М. М. Ковалевскаго содержитъ исторію паденія аристократическаго режима въ Венеціи. Часть I т. была переведена по-французски: „La France économique et sociale au XVIII siècle.

[2]) На русскомъ языкѣ есть еще „Крушеніе монархіи во Франціи" *Н. А. Любимова*, но это скорѣе политическій памфлетъ, чѣмъ научный трудъ.

[3]) Книга эта вышла въ свѣтъ еще въ 1850 г. Въ послѣднее время французская революція съ аналогичной точки зрѣнія разсматривалась въ нѣмецкомъ сочиненіи *Блоса* (Blos), а также въ общихъ трудахъ по исторіи соціализма. Соч. Блоса вышло по-русски подъ заглавіемъ „На рубежѣ XIX столѣтія" (1902).

сторону всего этого движенія. Книга Токвиля, и первые томы трудовъ Тэна, Сореля и Ковалевскаго могутъ быть разсматриваемы, какъ три наиболѣе подходящія книги для изученія „стараго порядка“ [1]) во Франціи (а книга Сореля и для остальной Европы, причемъ она даетъ понятіе и о „просвѣщенномъ абсолютизмѣ“). Для первоначальнаго знакомства съ эпохой могутъ служить или отмѣченное сочиненіе *Минье*, или нѣмецкая, переведенная и по-русски, книга *Гейсера* „Исторія французской революціи“ (Geschichte der französischen Rovolution), представляющая изъ себя университетскій курсъ [2]). Этимъ, разумѣется, не исчерпывается все главное, что написано по исторіи французской революціи, такъ какъ и помимо трудовъ, не охватывающихъ всей эпохи, біографій и т. п. (на что дѣлаются указанія въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ), есть и цѣльные труды, не вошедшіе въ только что сдѣланный обзоръ [3]).

Французская революція не была явленіемъ мѣстнымъ, и въ ея универсальности заключается все ея значеніе: напримѣръ, сочиненія Зибеля и Сореля прямо и берутъ ее, какъ событіе общеевропейское [4]). Въ этомъ отношеніи для времени послѣ 1789 г. во всей Западной Европѣ она сдѣлалась тѣмъ же, чѣмъ была для другихъ странъ нѣмецкая реформація XVI в. Если мы соединимъ съ революціонными движеніями и съ реформами, шедшими снизу, просвѣщенный абсолютизмъ и преобразованія, шедшія сверху, то будемъ въ состояніи воспользоваться тѣми общими вопросами, которые ставили для реформаціоннаго періода. *Состояніе отдѣльныхъ странъ* въ эту эпоху

---

[1]) Кромѣ того, о старомъ порядкѣ см. *Guglia*. Die konservativen Elemente Frankreichs am Vorabend der Revolution.—*Cherest*. La chute de l'ancien régime.

[2]) Такимъ образомъ на русскій языкъ переведены книги *Минье*, *Тьера*, *Луи-Блана* (1 томъ), *Токвиля*, *Тэна* (1 томъ), *Сореля Олара*, *Зибеля* и *Гейсера*. Кромѣ того, были переведены первый томъ „Французской революціи“ *Карлейля* и книжки *Карно* и *Рамбо*. Существуетъ еще въ русскомъ переводѣ „Исторія французской революціи“ изъ „Всеобщей исторіи“ *Лависса* и *Рамбо*, написанная разными авторами (Шампіономъ, Оларомъ, Вастомъ, Рамбо и др.).

[3]) Ср. библіографическій указатель въ моей книгѣ „Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII в.“. См. *Chassin*. Le génie de la révolution.—*Champion*. Esprit de la révolution française.—*Laferrière*. Histoire des principes, des institutions et des lois pendant la révolution française.—*Laurent*. Etudes sur l'hist. de l'humanité (т. XIII — XV).—*Oncken*. Das Zeitalter der Revolution, des Kaiserreiches und der Befreiungskriege.—*Rambaud*. Histoire de la révolution и его же. Hist. de la civilisation contemporaine.—*Richter*. Staats-und Gesellschaftsrecht der französischen Revolution.—*Boursin et Chalamel*. Dictionnaire de la rév. française.—*Carlyle*. French revolution.—*Stephens*. History of french revolution.

[4]) Одно изъ достоинствъ книги Сореля состоитъ въ томъ, что въ ней разработана эта сторона дѣла.

было далеко не одинаково, а потому, какъ въ эпоху реформаціи, ходъ послѣдней въ разныхъ странахъ былъ различный въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, такъ и преобразовательное движеніе XVIII столѣтія проявлялось различнымъ образомъ у отдѣльныхъ народовъ. За вопросомъ о состояніи страны, въ которой совершались политическія и общественныя преобразованія, слѣдуетъ вопросъ о томъ, *кому принадлежала ихъ иниціатива и кто ими воспользовался*. Съ этой точки зрѣнія особенно важное значеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда движеніе шло снизу, принадлежало третьему сословію, исторія котораго поэтому имѣетъ ближайшее отношеніе къ исторіи революціи. Мы знаемъ, далѣе, что реформаціонное движеніе на Западѣ совершалось *въ разные моменты* (въ Германіи въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, во Франціи въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ XVI в.), но и французская революція была только первымъ моментомъ въ исторіи движенія, охватившаго всю Западную Европу, особенно при Наполеонѣ I и послѣ Наполеона, когда началась такая же реакція противъ этого движенія, какая возникла и противъ реформаціи. И подобно тому, какъ въ серединѣ XVI в. началась борьба католицизма съ протестантизмомъ, опредѣлившая даже характеръ международной политики, такъ и паденіе Наполеона открыло эпоху, въ которой главнымъ историческимъ содержаніемъ сдѣлалось столкновеніе реакціи съ либерализмомъ. Наконецъ, въ исторіи реформаціи большую роль играетъ *характеръ ученія, принятаго тою или другою страною, и ученій, параллельно съ ними развившихся*, чѣмъ опредѣляется и историческое значеніе тѣхъ или другихъ личностей, И здѣсь было то же самое, и направленія просвѣщеннаго обсолютизма (Вольтеръ), конституціоннаго монархизма (Монтескье), республиканизма (Руссо), либерализма (Монтескье), радикализма (Руссо) и т. п. смѣняли одно другое и одно съ другимъ перекрещивались. Вопросы объ иниціативѣ реформъ и объ ихъ результатахъ, равно какъ о моментѣ движенія относятся уже къ самой исторіи этихъ послѣднихъ, но и она можетъ быть понятна только по разсмотрѣніи *старыхъ порядковъ*, которыми опредѣлялось состояніе отдѣльныхъ странъ, и по ознакомленіи съ *новыми идеями*, подъ знаменемъ которыхъ пошло движеніе. Какъ реформаціонный періодъ европейской исторіи не можетъ быть хорошо понятъ безъ обзора политическаго, соціальнаго, религіознаго и культурнаго состоянія, вызвавшаго реформаціонное движеніе со всѣми его осложненіями, такъ и понять исторію политическихъ и соціальныхъ преобразованій болѣе близкаго къ намъ времени нельзя безъ ознакомленія съ культурно-соціальнымъ состояніемъ Европы передъ началомъ новой критической эпохи.

Въ обоихъ случаяхъ—и въ XVI, и въ XVIII в.—политическій

сторону всего этого движенія. Книга Токвиля, и первые томы трудовъ Тэна, Сореля и Ковалевскаго могутъ быть разсматриваемы, какъ три наиболѣе подходящія книги для изученія „стараго порядка“ [1]) во Франціи (а книга Сореля и для остальной Европы, причемъ она даетъ понятіе и о „просвѣщенномъ абсолютизмѣ“). Для первоначальнаго знакомства съ эпохой могутъ служить или отмѣченное сочиненіе *Минье*, или нѣмецкая, переведенная и по-русски, книга *Гейсера* „Исторія французской революціи“ (Geschichte der französischen Revolution), представляющая изъ себя университетскій курсъ [2]). Этимъ, разумѣется, не исчерпывается все главное, что написано по исторіи французской революціи, такъ какъ и помимо трудовъ, не охватывающихъ всей эпохи, біографій и т. п. (на что дѣлаются указанія въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ), есть и цѣльные труды, не вошедшіе въ только что сдѣланный обзоръ [3]).

Французская революція не была явленіемъ мѣстнымъ, и въ ея универсальности заключается все ея значеніе: напримѣръ, сочиненія Зибеля и Сореля прямо и берутъ ее, какъ событіе общеевропейское [4]). Въ этомъ отношеніи для времени послѣ 1789 г. во всей Западной Европѣ она сдѣлалась тѣмъ же, чѣмъ была для другихъ странъ нѣмецкая реформація XVI в. Если мы соединимъ съ революціонными движеніями и съ реформами, шедшими снизу, просвѣщенный абсолютизмъ и преобразованія, шедшія сверху, то будемъ въ состояніи воспользоваться тѣми общими вопросами, которые ставили для реформаціоннаго періода. *Состояніе отдѣльныхъ странъ* въ эту эпоху

---

[1]) Кромѣ того, о старомъ порядкѣ см. *Guglia.* Die konservativen Elemente Frankreichs am Vorabend der Revolution.—*Cherest.* La chute de l'ancien régime.

[2]) Такимъ образомъ на русскій языкъ переведены книги *Минье*, *Тьера*, *Луи-Блана* (1 томъ), *Токвиля*, *Тэна* (1 томъ), *Сореля Олара*, *Зибеля* и *Гейсера*. Кромѣ того, были переведены первый томъ „Французской революціи“ *Карлейля* и книжки *Карно* и *Рамбо*. Существуетъ еще въ русскомъ переводѣ „Исторія французской революціи“ изъ „Всеобщей исторіи“ *Лависса* и *Рамбо*, написанная разными авторами (Шампіономъ, Оларомъ, Вастомъ, Рамбо и др.).

[3]) Ср. библіографическій указатель въ моей книгѣ „Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII в.“. См. *Chassin.* Le génie de la révolution.—*Champion.* Esprit de la révolution française.—*Laferrière.* Histoire des principès, des institutions et des lois pendant la révolution française.—*Laurent.* Etudes sur l'hist. de l'humanité (т. XIII—XV).—*Oncken.* Das Zeitalter der Revolution, des Kaiserreiches und der Befreiungskriege.—*Rambaud.* Histoire de la révolution и его же. Hist. de la civilisation contemporaine.—*Richter.* Staats-und Gesellschaftsrecht der französischen Revolution.—*Boursin et Chalamel.* Dictionnaire de la rév. française.—*Carlyle.* French revolution.—*Stephens.* History of french revolution.

[4]) Одно изъ достоинствъ книги Сореля состоитъ въ томъ, что въ ней разработана эта сторона дѣла.

было далеко не одинаково, а потому, какъ въ эпоху реформаціи, ходъ послѣдней въ разныхъ странахъ былъ различный въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, такъ и преобразовательное движеніе XVIII столѣтія проявлялось различнымъ образомъ у отдѣльныхъ народовъ. За вопросомъ о состояніи страны, въ которой совершались политическія и общественныя преобразованія, слѣдуетъ вопросъ о томъ, *кому принадлежала ихъ иниціатива и кто ими воспользовался*. Съ этой точки зрѣнія особенно важное значеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда движеніе шло снизу, принадлежало третьему сословію, исторія котораго поэтому имѣетъ ближайшее отношеніе къ исторіи революціи. Мы знаемъ, далѣе, что реформаціонное движеніе на Западѣ совершалось *въ разные моменты* (въ Германіи въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, во Франціи въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ XVI в.), но и французская революція была только первымъ моментомъ въ исторіи движенія, охватившаго всю Западную Европу, особенно при Наполеонѣ I и послѣ Наполеона, когда началась такая же реакція противъ этого движенія, какая возникла и противъ реформаціи. И подобно тому, какъ въ серединѣ XVI в. началась борьба католицизма съ протестантизмомъ, опредѣлившая даже характеръ международной политики, такъ и паденіе Наполеона открыло эпоху, въ которой главнымъ историческимъ содержаніемъ сдѣлалось столкновеніе реакціи съ либерализмомъ. Наконецъ, въ исторіи реформаціи большую роль играетъ *характеръ ученія, принятаго тою или другою страною, и ученій, параллельно съ ними развившихся*, чѣмъ опредѣляется и историческое значеніе тѣхъ или другихъ личностей, И здѣсь было то же самое, и направленія просвѣщеннаго обсолютизма (Вольтеръ), конституціоннаго монархизма (Монтескье), республиканизма (Руссо), либерализма (Монтескье), радикализма (Руссо) и т. п. смѣняли одно другое и одно съ другимъ перекрещивались. Вопросы объ иниціативѣ реформъ и объ ихъ результатахъ, равно какъ о моментѣ движенія относятся уже къ самой исторіи этихъ послѣднихъ, но и она можетъ быть понятна только по разсмотрѣніи *старыхъ порядковъ*, которыми опредѣлялось состояніе отдѣльныхъ странъ, и по ознакомленіи съ *новыми идеями*, подъ знаменемъ которыхъ пошло движеніе. Какъ реформаціонный періодъ европейской исторіи не можетъ быть хорошо понятъ безъ обзора политическаго, соціальнаго, религіознаго и культурнаго состоянія, вызвавшаго реформаціонное движеніе со всѣми его осложненіями, такъ и понять исторію политическихъ и соціальныхъ преобразованій болѣе близкаго къ намъ времени нельзя безъ ознакомленія съ культурно-соціальнымъ состояніемъ Европы передъ началомъ новой критической эпохи.

Въ обоихъ случаяхъ—и въ XVI, и въ XVIII в.—политическій

вопросъ игралъ важную роль, но въ обоихъ же случаяхъ онъ осложнялся элементами культурнымъ и экономическимъ, причемъ первый касался религіи и церкви, второй — гражданскихъ правъ и соціальнаго строя. Религіозный, политическій и соціальный элементы обнаруживаются нами въ реформаціонномъ движеніи, но такимъ образомъ, что религіозный доминируетъ надъ соціальнымъ, тогда какъ къ эпохѣ новаго движенія соціальный сталъ доминировать надъ религіознымъ. Гуманизмъ выставилъ идею земного благополучія, но его крайне индивидуалистическій характеръ приводилъ къ тому, что благополучіе на землѣ мыслилось, какъ личное, добываемое индивидуумомъ для себя и своими личными средствами, тогда какъ въ новѣйшее время выставленъ былъ идеалъ общественнаго благополучія, осуществляемаго общественными же силами. Но какъ бы ни распредѣлялись моральныя и экономическія причины, стремленія и слѣдствія эпохи государственныхъ и общественныхъ преобразованій, не слѣдуетъ забывать, что и тутъ, какъ и въ реформаціонную эпоху, они дѣйствовали, проявлялись и осуществлялись такимъ образомъ, что весьма легко впасть въ ту или другую односторонность, выдвигая на первый планъ лишь одну категорію фактовъ. Одностороннимъ будетъ и то идеалистическое представленіе революціи, какъ какого-то потока изъ нѣдръ народной жизни, одушевлявшейся высокими идеями равенства и свободы, какое мы находимъ особенно у Мишле, но не менѣе одностороння и та матеріалистическая концепція, какую мы встрѣчаемъ у Тэна, будто весь историческій смыслъ движенія заключался въ „переходѣ собственности". Съ послѣдней точки зрѣнія пытались объяснить и реформацію, дѣйствительно дающую къ тому поводъ своею секуляризаціею церковнаго землевладѣнія, но изъ того, что въ дѣло замѣшаны были матеріальные интересы, еще не слѣдуетъ, чтобы тутъ не оказывали дѣйствія и идеальные принципы.

Изложенію реформаціоннаго періода мы предпослали анализъ движенія, давшаго это имя періоду, чтобы установить такую общую точку зрѣнія на предметъ, при которой наименѣе можно было бы подвергнуться опасности впасть въ односторонность. То же самое мы должны сдѣлать теперь и для новаго періода, исторію котораго намъ теперь предстоитъ изучать.

Исторія новаго времени характеризуется на западѣ Европы развитіемъ двухъ началъ — государственнаго и личнаго — и въ обоихъ случаяхъ на счетъ началъ церковнаго и сословнаго, господствовавшихъ въ средневѣковой культурно-соціальной системѣ католицизма и феодализма, но сами индивидуализмъ и государственность весьма часто приходили въ столкновеніе между собою, такъ какъ ихъ стремленія очень и даже очень нерѣдко оказывались противоположными.

Поэтому въ главныхъ культурно-соціальныхъ процессахъ новаго времени мы наблюдаемъ, во-первыхъ, борьбу государства съ средневѣковыми католико-феодальными началами; во-вторыхъ, борьбу съ ними и со стороны личности и въ третьихъ, исторію взаимоотношеній между личностью и государствомъ.

Въ средніе вѣка государственный принципъ отрицался и церковью, когда она стремилась господствовать надъ государствомъ, ставя себя выше верховной власти въ отдѣльныхъ странахъ, отрицался также и землевладѣльческимъ сословіемъ, которое смотрѣло на верховную власть, какъ на право, связанное съ землевладѣніемъ. Государство росло и крѣпло въ борьбѣ съ католицизмомъ и феодализмомъ. Реформація освободила половину странъ Западной Европы отъ папской опеки, но въ католическихъ странахъ въ эпоху реакціи между „алтаремъ и трономъ“ былъ заключенъ союзъ, установленъ извѣстный modus vivendi, который не всегда былъ выгоденъ для государства. Поэтому съ паденіемъ реакціоннаго направленія въ политикѣ, съ возникновеніемъ направленія просвѣтительнаго, старая борьба должна была возобновиться, и это произошло во второй половинѣ XVIII в., когда католическія правительства задумали своими церковными реформами установить новыя отношенія въ этой области, причемъ какъ тѣ реформы, которыя производились абсолютными монархами, такъ и тѣ, которыя были предприняты впослѣдствіи дѣятелями революціи, имѣютъ много общаго между собою, главнымъ образомъ въ стремленіи поставить церковь подъ контроль государства и даже въ зависимое по отношенію къ нему положеніе. Съ другой стороны, государство новаго времени, побѣдивъ политическій феодализмъ, долго не трогало феодализма соціальнаго, оставивъ существовать сословныя привилегіи и господство дворянства надъ сельскимъ населеніемъ, но и въ привилегіяхъ этихъ, и въ этомъ господствѣ были невыгодныя стороны и для самого государства, и вотъ въ серединѣ XVIII в. государственная власть впервые начинаетъ накладывать руку на привилегіи и вмѣшиваться въ отношенія, созданныя соціальнымъ феодализмомъ, откуда цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ къ ограниченію дворянскихъ правъ и къ улучшенію быта крестьянъ. Если „просвѣщенный абсолютизмъ“ начинаетъ подкапываться подъ соціальный феодализмъ, то революція наноситъ ему смертельный ударъ. Нивеллируя общество, оба направленія строятъ государство на развалинахъ мѣстной обособленности, нивеллируя и провинціи въ самой страшной централизаціи. И въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ, только что указанныхъ (въ церковномъ и сословномъ), революція лишь довершала то, что было начато вообще абсолютизмомъ и въ особенности производилось абсолютизмомъ просвѣщеннымъ подъ

вліяніемъ однѣхъ и тѣхъ же идей. Мало того: среди дѣятелей революціи можно указать на партію, которая, подобно представителямъ абсолютизма, начиная еще съ Ришелье ставила выше всего государственный принципъ, хотя она и воображала, что дѣйствуетъ во имя свободы: это были якобинцы.

Параллельно съ государственностью развивается и личное начало. Впервые съ особою силою проявляется оно въ новое время въ гуманизмѣ и въ протестантизмѣ, въ которыхъ ранѣе всего и были заявлены индивидуалистическіе принципы и зародились требованія личной свободы, преимущественно въ религіозной сферѣ. Права надъ личностью, принадлежавшія въ средніе вѣка церкви и оставшіяся за нею въ католическихъ странахъ, въ странахъ протестантскихъ перенесло на себя государство, которое стало, какъ и государство католическое, дѣйствовавшее въ союзѣ съ церковью, требовать отъ подданныхъ исповѣданія той или другой вѣры. Въ эпоху „просвѣщеннаго абсолютизма“ государство отказывается отъ такого права во имя идеи вѣротерпимости, но та же идея руководитъ и дѣятелями перваго періода революціи, пока борьба съ католическимъ духовенствомъ и старыя привычки государства, предписывавшаго вѣру своимъ подданнымъ, не увлекли вождей движенія на путь религіозныхъ преслѣдованій. Индивидуализмъ новаго времени, кромѣ того, выдвигалъ идею личнаго права, которое въ эпоху „просвѣщеннаго абсолютизма“ и революціи разсматривалось, какъ „право естественное“, прирожденное личности, по этому принципу противорѣчили сословныя привилегіи, стѣсненія личной свободы, вытекавшія изъ феодальныхъ отношеній, зависимость крестьянъ отъ господъ, крѣпостничество. Интересы государства сходились здѣсь съ требованіями индивидуализма, и „просвѣщенный абсолютизмъ“ началъ ту освободительную работу, которую въ бо̀льшихъ размѣрахъ совершала потомъ французская революція.

Но, находясь въ борьбѣ съ католико-феодальными началами, принципы государственности и индивидуализма и сами могли находиться въ противорѣчіи между собой. Это противорѣчіе съ особенною силою проявилось, когда реформаціонное движеніе создало, съ одной стороны, государственныя церкви, требовавшія подчиненія себѣ со стороны подданныхъ, а съ другой,—личныя вѣрованія, опиравшіяся на принципъ свободы совѣсти. Правда, государство могло терпѣть иновѣріе по политическимъ соображеніямъ и, такъ сказать, изъ милости, но этимъ еще не утверждалось право индивидуальной совѣсти на свободу, которое считалось бы неотъемлемымъ правомъ индивидуума, не подлежащимъ нарушенію со стороны государства. Эта свобода совѣсти была лишь одною изъ тѣхъ свободъ (libertés), которыя вообще стали требоваться во имя индивидуальнаго начала, и этимъ

особенно характеризуется первый періодъ революціи, тогда какъ во второмъ періодѣ личной свободѣ, наоборотъ, наносился ударъ во имя государственной необходимости (правильно ли, или неправильно понятой, другой вопросъ). Но и „просвѣщенный абсолютизмъ" въ извѣстныхъ границахъ. особенно въ области теоретическаго мышленія и даже въ области выраженія своихъ мыслей былъ болѣе благопріятенъ личной свободѣ, чѣмъ предыдущіе режимы, хотя въ практическихъ сферахъ жизни отличался стремленіемъ къ опекѣ надъ индивидуальною дѣятельностью, особенно въ области промышленности, гдѣ равнымъ образомъ XVIII вѣкомъ былъ заявленъ принципъ свободы—въ томъ laisser passer, laisser faire, которое было протестомъ противъ ограниченій, налагавшихся на личную самодѣятельность во имя невѣрно понятаго общественнаго интереса [1]). Во всякомъ случаѣ опредѣленіе отношеній между личностью и государствомъ, какъ теоретическое (въ литературѣ), такъ и практическое (въ законодательствѣ и дѣйствіяхъ правительства) играло видную роль въ исторіи этой эпохи.

Въ связи со всѣмъ этимъ стоятъ другія важныя явленія эпохи, одно—политическаго, другое—соціальнаго характера.

При феодальномъ устройствѣ, когда верховная власть раздѣлялась между крупными землевладѣльцами, государство, такъ сказать, растворялось въ обществѣ, и ростъ новаго государства заключался именно въ томъ, что оно не только получало независимую отъ землевладѣнія основу и нивеллировало общество, но и въ томъ, что лишало его самодѣятельности, подчиняя своему исключительному вѣдѣнію все, что раньше дѣлалось общественными силами. Въ эпоху „просвѣщеннаго абсолютизма" государство въ этомъ отношеніи достигаетъ кульминаціоннаго пункта, но и общество начинаетъ стремиться къ самостоятельному участію въ государственной жизни. Въ реформаціонную эпоху на Западѣ шла, какъ извѣстно, борьба между королевскою властью и сословно-представительными учрежденіями, а въ кальвинистической и интепендентской литературѣ проводилась идея народовластія. Англія въ XVII в. отстояла свою политическую свободу, и въ слѣдующемъ вѣкѣ ея конституція сдѣлалась для Франціи образцомъ, по которому и послѣдняя стала перестраивать свой государственный бытъ, съ чего, какъ извѣстно, и начинается конституціонное движеніе новѣйшаго времени, въ которомъ большую роль играла и идея народовластія. Сама абсолютная монархія подготовила

[1]) Понятное дѣло, современное ученіе о вмѣшательствѣ государства въ экономическую жизнь во имя огражденія интересовъ большинства имѣетъ мало общаго съ тѣмъ опеканіемъ промышленной дѣятельности, которое характеризуетъ „старый порядокъ".

своею нивеллировкой сословій демократическій характеръ этого движенія, но если сословность, выросшая на почвѣ соціальнаго феодализма, пала, то индустріальное развитіе новаго времени въ связи съ дѣятельностью государства, оказывавшаго покровительство крупной промышленности и торговлѣ (меркантилизмъ), создало общественный классъ (буржуазію), который въ экономическомъ отношеніи возвышался надъ массою, дѣлаясь и культурнымъ слоемъ общества, хотя и занимая приниженное положеніе въ государствѣ вслѣдствіе существованія такихъ обидныхъ и тягостныхъ для этого класса аристократическихъ привилегій. Если нѣкоторыя изъ нихъ были невыгодны для государства (изъятіе изъ налоговъ) и противорѣчили идеѣ объ естественномъ равенствѣ людей, то въ особенности были онѣ непріятны третьему сословію, чувствовавшему свое значеніе и стремившемуся занять въ государствѣ болѣе соотвѣтственное этому значенію мѣсто. Это сословіе и сдѣлалось тѣмъ соціальнымъ классомъ, въ которомъ были особенно популярны идеи свободы и равенства. „Старый порядокъ" былъ, собственно говоря, соединеніемъ политическаго абсолютизма и соціальныхъ привилегій, а ставшіе въ оппозицію къ нему общественные элементы начали проникаться демократическими идеями народовластія и гражданскаго равенства. Подъ это знамя стали и низшіе классы общества, такъ какъ въ политическомъ отношеніи ихъ интересы сходились, хотя эти классы (въ особенности сельское населеніе) тяготились не столько существовавшимъ государственнымъ строемъ, сколько остатками соціальнаго феодализма. По отношенію къ аристократіи буржуазія и народъ имѣли общіе интересы, но уже въ эпоху революціи обнаружилось и здѣсь расхожденіе интересовъ, сдѣлавшееся особенно сильнымъ уже въ XIX в. Подобно тому, какъ въ реформаціонный періодъ совершались народныя движенія съ соціальнымъ характеромъ, такъ и теперь повторилось то же самое, но вмѣсто идей религіозныхъ играли здѣсь роль знамени идеи политическія, пока уже въ XIX в. не стало вырабатываться и теоретическое направленіе, соотвѣтственное уже чисто соціальному движенію.

Итакъ, въ общемъ движеніи разсматриваемой эпохи мы наблюдаемъ явленія слѣдующаго рода: уничтоженіе государствомъ остатковъ католико-феодальной системы, развитіе начала личной свободы въ соціальной жизни, стремленіе общественныхъ силъ къ непосредственному участію въ государственной жизни, наконецъ соціальную борьбу главнымъ образомъ противъ сословныхъ привилегій. Многія изъ этихъ явленій наблюдаются нами и въ реформаціонномъ періодѣ, но въ немъ церковный вопросъ господствовалъ надъ государственнымъ, а тѣмъ сословіемъ, которое вызывало противъ себя соціальную

оппозицію, было главнымъ образомъ не дворянство, а духовенство; что же касается до индивидуальной свободы, то и она понималась тогда въ смыслѣ свободы религіозной, и все общественное движеніе (не исключая стремленія къ политической свободѣ) шло подъ знаменемъ теологическихъ ученій. Теперь отношенія къ Риму имѣли вообще менѣе острый характеръ (а для многихъ странъ они и не существовали), но зато сильно обострились внутреннія отношенія политическія и соціальныя.

Основныя явленія эпохи могли комбинироваться между собою различнымъ образомъ, могли выдвигаться на первый планъ или отступать на задній, одни—болѣе въ одно время, другія—въ другое, но между ними была тѣсная связь въ той идеѣ новаго государства и общества, которая разрабатывалась „философіей" XVIII в. Весьма естественно, что самая сложность этихъ отношеній должна была породить одностороннія сужденія объ эпохѣ въ виду того, что послѣдняя дѣйствительно можетъ разсматриваться съ разныхъ сторонъ. Мы это и видимъ въ посвященной эпохѣ исторической литературѣ, въ которой отдѣльными сочиненіями выдвигается на первый планъ отношеніе движенія или къ религіи и церкви (напримѣръ, у Лорана), или къ индивидуальной и политической свободѣ, или къ гражданскому равенству, или къ борьбѣ общественныхъ классовъ (напримѣръ, у Луи Блана). Каждая изъ такихъ точекъ зрѣнія имѣетъ свою raison d'être, но было бы въ высшей степени односторонне смотрѣть на цѣлую эпоху съ такимъ сложнымъ и разнообразнымъ содержаніемъ лишь съ одной какой-либо точки зрѣнія, когда само содержаніе это требуетъ именно принятія въ расчетъ разныхъ жизненныхъ отношеній, затронутыхъ движеніемъ эпохи.

СТАРЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПОРЯДКИ.

II. Сущность „старыхъ порядковъ“ [1]).

Общее понятіе объ «ancien régime».—Сущность дореволюціонныхъ порядковъ.—Историческое происхожденіе соціальныхъ привилегій и главное ихъ содержаніе.—Оппозиція противъ привилегій въ XVIII в.—Роль буржуазіи въ этой оппозиціи.—Аристократическій характеръ старыхъ учрежденій.—Стремленіе въ общественнымъ реформамъ и къ политической свободѣ при старомъ порядкѣ.—Отсутствіе свободы въ политическомъ быту XVIII в.—Противорѣчіе между господствующими идеями и господствующими порядками.—Внутреннее разложеніе «старыхъ порядковъ».—Значеніе французской исторіи XVIII в.

Въ современной исторической литературѣ прочно установился и получилъ весьма опредѣленное значеніе терминъ „ancien régime“ (обыкновенно переводимый по-русски словами: „старый порядокъ“),

---

[1]) Кромѣ сочиненій *Токвиля, Тэна, Сореля* и *М. М. Ковалевскаго*, указанныхъ выше, хорошій компендіумъ исторіи внутреннихъ отношеній во Франціи за послѣднія полтораста лѣтъ передъ революціей представляетъ собою второй томъ книги *A. Rambaud* „Histoire de la civilisation française“.—Ср. *Kautsky*. Die Classengegensätze von 1789 (два русскихъ перевода, изъ которыхъ болѣе полный подъ ред. *В. В. Водовозова*). Внутренняя исторія другихъ странъ съ точки зрѣнія противоположности между современнымъ обществомъ и „старыми порядками“ разработана не такъ обстоятельно, какъ французская. Для Германіи особенно важны труды *Брайса* (Священная Римская имперія), *Hanser'a* (Deutschland nach dem dreissigjährigen Kriege), *Perthes'a* (Das deutsche Staatsleben vor der Revolution), *Berghaus'a* (Deutschland vor hundert Jahren), *Biedermann'a* (Deutschlands geistige, sittliche und gesellige Zustände im XVIII Jahrhundert) и др., по-русски статьи проф. *А. С. Трачевскаго* „Германія наканунѣ революціи“ въ „Вѣстн. Евр.“ за 1875 г., вошедшія потомъ въ составъ книжки „Германія наканунѣ революціи и ея объединеніе“. Для Испаніи: *Desclevises du Dezert*. L'Espagne sous l'ancien régime. Изъ общихъ очерковъ разложенія старой Польши отмѣчу введеніе въ „Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой“ *Костомарова*, книжки *von der Brüggen'a*—Polens Auflösung и *Lehtonen'a*

подъ которымъ разумѣется вся совокупность политическихъ и соціальныхъ отношеній дореволюціонной Франціи. Это понятіе „стараго порядка“ или лучше—„старыхъ порядковъ“ мы имѣемъ право распространить на аналогичныя явленія, представляемыя намъ внутреннею жизнью и другихъ народовъ въ XVIII вѣкѣ, такъ какъ существенныя ихъ черты мы наблюдаемъ не въ одной Франціи. Несмотря на разнообразіе мѣстныхъ условій, придававшихъ исторіи каждой отдѣльной страны своеобразный характеръ, всѣ государства Западной Европы шли въ своемъ историческомъ развитіи по нѣкоторымъ общимъ путямъ, оказывая, кромѣ того, вліяніе одни на другія, вслѣдствіе чего въ ихъ внутреннемъ быту и мы находимъ много аналогичнаго. „Старые порядки“, существовавшіе въ дореволюціонной Франціи, были болѣе или менѣе общи ей съ другими странами европейскаго материка потому, что они были результатомъ длиннаго историческаго процесса, основные элементы котораго были одни и тѣ же повсемѣстно и только комбинировались различнымъ образомъ въ разныхъ странахъ. Сущность указаннаго процесса заключалась въ томъ, что въ сословномъ обществѣ, возникшемъ на феодальной почвѣ, образовалось государство, господствующею формою котораго сдѣлалась абсолютная монархія: какъ мы увидимъ, „старые порядки“ главнымъ образомъ и могутъ быть поняты, какъ соединеніе соціальнаго феодализма среднихъ вѣковъ съ абсолютною монархіей новаго времени. Хотя, употребляя терминъ „ancien régime“, историки имѣютъ въ виду обыкновенно эпоху, непосредственно предшествующую великой революціи, въ сущности слѣдуетъ обозначать этимъ терминомъ вообще тотъ политическій и общественный строй, который, съ одной стороны, смѣнилъ собою болѣе старыя формы политическаго и соціальнаго быта, а съ другой—самъ началъ разрушаться въ революціонную эпоху, дабы уступить мѣсто современному режиму (régime moderne), основывающемуся уже на иныхъ началахъ, нежели тѣ принципы, на какихъ покоился дореволюціонный бытъ. Самое опредѣленіе „стараго порядка“ должно вытекать изъ сравненія съ тѣмъ, что̀ ему предшествовало, и съ тѣмъ, что̀ за нимъ послѣдовало. Съ послѣдняго начать гораздо удобнѣе, потому что самое понятіе, обозначаемое словами „ancien régime“, образовалось путемъ сопоставленія дореволюціонныхъ порядковъ съ тѣми, которые стали господствовать въ XIX в. подъ вліяніемъ французской революціи, стремившейся

Der Untergang Polens, а также и свой „Историческій очеркъ польскаго сейма“. Ср. также посвѣщенный XVIII вѣку седьмой томъ „Всеобщей исторіи“ *Лависса* и *Рамбо* (русск. пер. 1901 г.), въ которомъ внутреннимъ порядкамъ отведены главы VII, IX (§ I), XIII, XIX (§ I) и небольшіе отдѣлы въ другихъ главахъ.

провести въ жизнь извѣстные политическіе и соціальные принципы, несогласные съ принципами „стараго порядка“.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы прежде всего поставимъ вопросъ о томъ, какія основныя идеи руководили историческимъ движеніемъ, ведущимъ свое начало изъ 1789 г., то увидимъ, что это были идеи свободы и равенства, составляющія и существенное содержаніе той литературной проповѣди новыхъ началъ общественной жизни, которая представляетъ собою одну изъ важнѣйшихъ сторонъ философскаго „просвѣщенія“ прошлаго вѣка. Эти два принципа противополагались „философіей XVIII в.“ существовавшимъ тогда фактическимъ отношеніямъ; эти два принципа сдѣлались лозунгомъ оппозиціоннаго движенія, подготовившаго взрывъ 1789 г.; они же легли въ основу преобразовательной дѣятельности, поставившей своею цѣлью созданіе новаго общества и новаго государства, и наконецъ они же стали осуществляться въ политическихъ и соціальныхъ формахъ новѣйшаго времени, въ той политической свободѣ и томъ гражданскомъ равенствѣ, развитіемъ которыхъ характеризуется исторія Западной Европы въ XIX в. Сравнивая эти формы съ тѣми, которыя господствовали въ прошломъ столѣтіи, мы и видимъ главное отличіе однѣхъ отъ другихъ въ томъ, что старые порядки были какъ разъ отрицаніемъ тѣхъ самыхъ принциповъ, которые легли въ основу современныхъ государственныхъ и общественныхъ порядковъ европейскаго Запада. Съ этой точки зрѣнія старые порядки сводятся къ отсутствію политической свободы и гражданскаго равенства, и дѣйствительно, они были—и по тому, чѣмъ являлись на самомъ дѣлѣ, и по своему происхожденію—не чѣмъ инымъ, какъ *соединеніемъ политическаго абсолютизма съ соціальными привилегіями*. Дѣйствительно, хотя абсолютная монархія и не была исключительною государственною формой, существовавшею на Западѣ передъ революціей, тѣмъ не менѣе главныя страны континента, а съ ними и многочисленныя мелкія княжества были абсолютными монархіями, такъ что преобладаніе принадлежало несомнѣннѣйшимъ образомъ королевскому абсолютизму надъ всѣми другими родами правительствъ, на какіе можно указать въ тогдашней Европѣ. Съ другой стороны, вездѣ общество имѣло чисто сословный строй, т.-е. дѣлилось на разные классы, подчинявшіеся—въ своихъ отношеніяхъ какъ къ государству, такъ и между собою—разнымъ законамъ, поставленные одни надъ другими въ іерархическомъ порядкѣ и раздѣлявшіеся на привилегированные и непривилегированные, часто даже безправные, причемъ въ наиболѣе выгодномъ положеніи по отношенію къ государству находилось и занимало первенствующее положеніе въ обществѣ, пользуясь самыми важными привилегіями и даже прямо господствуя надъ самою

значительною частью населенія—дворянство, къ которому въ католическихъ странахъ нужно причислить и высшій клиръ. Государство „стараго порядка" всею своею силою охраняло и поддерживало этотъ общественный строй, и между абсолютнымъ королемъ, съ одной стороны, и свѣтскою и духовною аристократіей, съ другой, существовалъ своего рода тѣсный союзъ, наилучшимъ выраженіемъ котораго былъ столь развитой въ XVIII в. придворный бытъ, соединявшій на одной общей почвѣ короля съ его привилегированными подданными.

Такое пониманіе сущности „стараго порядка", какъ соединенія абсолютной монархіи съ аристократическими привилегіями, находитъ подтвержденіе и въ разсмотрѣніи основныхъ чертъ историческаго процесса, приведшаго Западную Европу къ указанному положенію. Разрушеніе политическаго феодализма и утвержденіе абсолютной монархіи на развалинахъ монархіи сословно-представительной съ существовавшими въ ней политическими правами отдѣльныхъ „чиновъ" государства сопровождалось сохраненіемъ феодализма соціальнаго и тѣхъ привилегій, которыми сословія пользовались въ гражданскомъ быту, т.-е. *въ то время, какъ государство принимало форму абсолютной монархіи, общество продолжало сохранять свой феодальный характеръ*, и въ результатѣ должны были получиться тѣ политическія и соціальныя отношенія, которыя составляютъ сущность „стараго порядка". Королевская власть на Западѣ въ своей борьбѣ съ феодализмомъ понимала предстоявшую ей историческую задачу односторонне. Разрушая феодализмъ политическій, она не только не считала въ своихъ интересахъ налагать руку на феодализмъ соціальный, но даже видѣла въ сохраненіи его, равно какъ и вообще въ привилегированномъ положеніи дворянства, средство заставить это сословіе забыть утрату политическихъ правъ, вознаградить его за эту утрату, сдѣлать изъ него главную свою опору: отсюда—долговременное невмѣшательство королевской власти во взаимныя отношенія дворянства и крестьянства, въ которыхъ главнымъ образомъ и сохранялся въ своей неприкосновенности соціальный феодализмъ; отсюда же—и дворянскія привилегіи не платить государственныхъ налоговъ, исключительно занимать извѣстныя военныя и гражданскія должности и т. п.; отсюда же—стремленіе государей привлечь дворянство ко двору, гдѣ оно было бы всегда на виду, пріучалось бы смотрѣть на короля, какъ на единственный источникъ всякихъ благъ, и, проживая свои доходы, восполняло бы недостатокъ въ средствахъ постоянными и временными выдачами изъ королевской шкатулки. Каждый политическій порядокъ обыкновенно тѣсно соединенъ съ соціальнымъ преобладаніемъ какого-либо общественнаго класса, хотя бы послѣдній непосредственно и не

пользовался властью. Такимъ классомъ въ XVIII в. было именно дворянство, хотя въ эту эпоху оно не имѣло ни суверенной власти, какъ это было во времена политическаго феодализма, ни того политическаго значенія, какое принадлежало ему въ сословно-представительной монархіи. За дворянствомъ, кромѣ привилегій, ведшихъ свое начало главнымъ образомъ изъ феодальныхъ отношеній, было еще вліятельное положеніе въ государствѣ, какъ сословія, постоянно окружавшаго государей при тогдашнемъ развитіи придворной жизни, занимавшаго высшія должности въ государствѣ (и въ католическихъ странахъ и въ церкви), сильнаго своими мѣстными отношеніями по принадлежавшимъ ему землямъ и т. д. Абсолютная монархія нашла уже готовою, вполнѣ сложившеюся эту соціальную силу и вступила съ нею въ союзъ, поскольку послѣдняя не мѣшала собственному ея развитію, такъ что дореволюціонный абсолютизмъ былъ далекъ отъ того демократическаго цезаризма, съ какимъ мы имѣемъ дѣло, напримѣръ, въ новѣйшей исторіи Франціи.

Характеризуя старые государственные и общественные порядки, какъ соединеніе политическаго абсолютизма съ соціальными привилегіями, мы должны видѣть наступленіе эпохи ихъ господства въ томъ историческомъ моментѣ, когда въ феодальномъ обществѣ утвердилась абсолютная монархія. Изъ двухъ составныхъ элементовъ „ancien régime" одинъ былъ гораздо старше другого, а именно, *соціальныя привилегіи были много древнѣе политическаго абсолютизма*, такъ какъ онѣ ведутъ свое начало съ очень давнихъ временъ. Въ самомъ дѣлѣ, различая въ средневѣковомъ феодализмѣ стороны политическую и соціальную, мы находимъ, что первая изъ нихъ не только раньше пала, но также позже и возникла, такъ какъ основныя черты соціальной стороны феодализма существовали еще во времена Римской имперіи. Сколько ни перемѣнилось на западѣ Европы послѣ паденія этой имперіи политическихъ режимовъ (варварскія королевства, имперія Каролинговъ, феодализмъ, сословно-представительная монархія, королевскій абсолютизмъ), всѣ эти государственныя перемѣны, хотя и принимая отъ нихъ ту или другую окраску, *переживалъ старый соціальный строй, основанный на гражданскомъ неравенствѣ, т.-е. на неодинаковости юридическаго положенія отдѣльныхъ классовъ общества*. И въ средніе вѣка, и въ новое время общество на западѣ Европы дѣлилось по своимъ правамъ на отдѣльныя сословія, причемъ наверху соціальной лѣстницы стояли привилегированные и власть имущіе представители крупнаго землевладѣнія, а внизу—безправное или неполноправное, въ той или другой формѣ подвластное имъ крестьянство; середину же занимали лишенные привилегій, но вмѣстѣ съ тѣмъ и лично свободные люди, составлявшіе преимущественно городское

населеніе. Въ XVIII в. сохранялись въ полной силѣ существенныя черты этого соціальнаго строя. Его элементами были—привилегированное дворянство, мѣщанство (bourgeoisie, Bürgerthum) съ сильно урѣзанными правами и крестьянство, находившееся въ зависимости отъ дворянъ и даже во многихъ случаяхъ бывшее еще въ крепостномъ состояніи. Но именно въ XVIII в. этому строю приходилъ конецъ. Соціальная исторія европейскаго Запада съ исхода среднихъ вѣковъ состояла, между прочимъ, въ медленномъ и постепенномъ, но все болѣе и болѣе упрочивавшемся процессѣ высвобожденія народной массы изъ-подъ власти феодальнаго дворянства, особенно въ ростѣ того средняго сословія, которое образовалось въ городахъ и экономически окрѣпло на занятіяхъ промышленностью и торговлею. Это „среднее“ сословіе съ самаго начала явилось главнымъ антагонистомъ землевладѣльческой аристократіи и шло впереди остальной народной массы въ борьбѣ съ соціальнымъ феодализмомъ. Въ эпоху крушенія „стараго порядка“ среднее сословіе, за которымъ упрочилось названіе буржуазіи, и составило главную соціальную силу, игравшую роль въ событіяхъ; въ немъ же и наибольшимъ успѣхомъ пользовались ученія XVIII в., говорившія о гражданскомъ равенствѣ.

Каждый политическій порядокъ не только различнымъ образомъ опирается на отдѣльные общественные интересы, но и различнымъ образомъ имъ служитъ. Государство „стараго порядка“ имѣло такое устройство, какъ будто главнымъ его назначеніемъ было служить интересамъ привилегированныхъ сословій, въ то самое время, какъ не только развились и распространились болѣе высокія представленія о государствѣ, но и сложился новый общественный классъ, пользовавшійся матеріальнымъ благосостояніемъ, достигшій значительной умственной культурности и уже сознавшій свою соціальную силу. Для этого класса старый государственный строй, поддерживавшій и охранявшій аристократическія привилегіи, ставившій дворянство въ исключительно выгодное положеніе и даже какъ бы особенно служившій его интересамъ, могъ быть только предметомъ критики и нерасположенія. При тѣсной связи, существующей между соціальными отношеніями и другими внѣшними формами народнаго быта, всякія перемѣны въ послѣднихъ,—будутъ ли онѣ касаться, напримѣръ, церкви или государства,—всегда получаютъ—и по своимъ причинамъ, и по своимъ слѣдствіямъ — извѣстное соціальное значеніе.

Изучая эпоху религіозной реформаціи, мы видимъ, что съ разнообразными причинами, заставлявшими какъ и отдѣльныя лица, такъ и цѣлыя націи и государства быть недовольными средневѣковою церковью, дѣйствовало заодно и то нерасположеніе, съ какимъ относились разные классы свѣтскаго общества къ духовенству, какъ къ

сословію, пользовавшемуся особыми преимуществами, привилегіями и правами, которыя въ тѣхъ или другихъ отношеніяхъ были тяжелы, обидны, непріятны для другихъ общественныхъ классовъ. Благодаря этому стремленіе къ реформѣ церкви соединялось съ желаніемъ дать и духовенству иное положеніе въ государствѣ и обществѣ, отнявъ у него земельныя владѣнія, судебныя права и другія привилегіи; особенно же дѣятельнымъ антагонистомъ клира была въ ту эпоху свѣтская аристократія, болѣе всего и выигравшая матеріально отъ секуляризаціи церковной собственности. Средневѣковая церковь наиболѣе благопріятствовала соціальной мощи одного общественнаго класса—класса своихъ служителей, и потому въ эпоху движенія, поставившаго своею задачею реформировать эту церковь, главнымъ объектомъ соціальной борьбы, сопровождавшей религіозное движеніе и шедшей тогда подъ его знаменемъ, было духовенство. Въ новое время церковь должна была уступить свое первенство государству, но само государство получило такія формы, что главныя выгоды отъ его существованія выпадали на долю феодальнаго дворянства, совершенно такъ же, какъ прежде старыя церковныя учрежденія служили преимущественно интересамъ духовенства. Послѣ реформаціонной эпохи, когда началось на Западѣ новое историческое движеніе съ опредѣленнымъ общественнымъ содержаніемъ, вопросъ о преобразованіи государства сдѣлался такимъ же жгучимъ вопросомъ, какимъ былъ въ прежнія времена вопросъ о церковной реформѣ, и подобно тому, какъ раньше главнымъ объектомъ соціальной борьбы было духовенство, такъ теперь въ подобномъ же положеніи очутилась феодальная аристократія. Аналогія идетъ и далѣе. Хотя средневѣковой клиръ и вызвалъ противъ себя оппозицію со стороны разныхъ классовъ общества, но настоящее соціальное соперничество у него могло быть только съ дворянствомъ, что́ и отразилось потомъ на судьбѣ церковнаго землевладѣнія въ протестантскихъ странахъ. Совершенно такъ же и дворянство, привилегіями котораго крестьяне должны были тяготиться гораздо болѣе, чѣмъ буржуазія, въ этой послѣдней именно и встрѣтило главнаго своего соперника. Другими словами, въ соціальной исторіи реформаціонной эпохи преимущественное вниманіе обращаетъ на себя тотъ антагонизмъ, въ какой свѣтскій землевладѣльческій классъ сталъ къ землевладѣльческому классу духовному, тогда какъ соціальною подкладкою политическихъ движеній, начавшихся въ 1789 г., былъ антагонизмъ соціальнаго класса, въ основѣ котораго лежало движимое имущество (капиталъ), по отношенію къ сословію, главная экономическая сила котораго заключалась въ недвижимой собственности. Такъ какъ соціальный феодализмъ тяготѣлъ и надъ народомъ, и такъ какъ буржуазія и народъ въ политическомъ смыслѣ

составляли одно цѣлое tiers état во Франціи), то весьма естественно, что оппозиція буржуазіи противъ „стараго порядка“ получила демократическій характеръ.

Само собою разумѣется, что положеніе дворянства въ отдѣльныхъ странахъ было далеко неодинаково, но при всемъ разнообразіи отношеній была одна общая черта, дѣлавшая изъ дворянства главный правящій классъ во всей континентальной Европѣ XVIII вѣка, какъ разнообразны ни были политическія формы отдѣльныхъ странъ.

Страною, гдѣ дворянство было, дѣйствительно, всѣмъ, гдѣ крестьянинъ находился въ самой безусловной отъ него зависимости, гдѣ мѣщанинъ сталъ въ соціальномъ смыслѣ почти ничѣмъ, была польско-литовская шляхетская республика, въ которой одному дворянству принадлежали полныя права гражданства и ему же одному (съ духовенствомъ)—вся поземельная собственность. Рѣчь Посполитая являлась однимъ изъ тѣхъ государствъ, въ которыхъ не было абсолютной королевской власти, но политическая свобода,—плохо притомъ организованная,—проявлялась здѣсь въ строго аристократической формѣ, такъ какъ одна только шляхта пользовалась политическими правами. Аристократическій характеръ имѣла и политическая свобода въ Швеціи, дворянство которой одно время безусловно господствовало надъ страною. Старыя республики, какъ федеративныя (Голландія, Швейцарія), такъ и унитарныя (Венеція, Генуя, вольные города), равнымъ образомъ были весьма далеки отъ демократическаго устройства. Тамъ, гдѣ еще сохранялись сословные чины (большею частью провинціальные), преобладаніе въ нихъ принадлежало также привилегированнымъ. Съ другой стороны, широкая власть помѣщика надъ крѣпостнымъ населеніемъ его земли, съ особою силою развивавшаяся въ имѣніяхъ польской шляхты и во владѣніяхъ нѣмецкаго имперскаго рыцарства, существовала и тамъ, гдѣ дворянинъ былъ подданнымъ обсолютнаго короля или имперскаго князя (въ Германіи). Гдѣ существовало крѣпостное право (а оно существовало въ большей части континентальной Европы), тамъ дворянство видѣло въ своей власти надъ сельскимъ населеніемъ главную свою привилегію, которою особенно дорожило; когда, напримѣръ, передъ частью польской шляхты явилась дилемма—или лишиться политической свободы, сохранивъ власть надъ своими хлопами, не перешедши въ подданство одной изъ сосѣднихъ державъ, или отстаивать политическую независимость, хотя бы съ рискомъ лишиться крѣпостныхъ—очень многіе паны предпочитали сдѣлаться подданными абсолютныхъ монарховъ при обезпеченіи за собою правъ надъ крестьянами. Гдѣ, наконецъ, уже не было настоящаго крѣпостного права, тамъ все еще сохранялись за сеньерами разныя феодальныя права, въ силу кото-

рыхъ даже сама поземельная собственность дѣлилась на привилегированную и непривилегированную. *Въ этомъ аристократическомъ характерѣ старыхъ учрежденій новые общественные классы и видѣли главное зло существующихъ порядковъ.*

Многіе историки замѣчали уже тотъ фактъ, что прежде чѣмъ обнаружить стремленіе къ политической свободѣ, новые общественные классы желали только однѣхъ реформъ гражданскаго характера. Въ томъ культурномъ движеніи, которое охватило образованные классы въ XVIII в., отрицательное отношеніе къ абсолютизму далеко не было раннимъ, по времени возникновенія своего, явленіемъ. И въ обществѣ, и среди передовыхъ его людей, многіе желали только преобразованій въ соціальномъ быту, не касаясь политическаго вопроса, думая даже, что лишь одна обсолютная монархическая власть въ состояніи будетъ осуществить нужныя реформы, каковы уничтоженіе дворянскихъ привилегій, уравненіе гражданскихъ правъ, отмѣна феодальныхъ порядковъ, освобожденіе крѣпостныхъ и т. п., и только разочарованіе въ этомъ объясняетъ до извѣстной степени позднѣйшій походъ противъ абсолютизма. Самъ „просвѣщенный абсолютизмъ", однако, повидимому, дѣлать своею задачею осуществленіе подобной программы. Стремленіе къ политической свободѣ въ западно-европейскомъ обществѣ явилось позже, но въ ея пониманіи обнаружилось разногласіе между представителями стараго соціальнаго строя и новыми общественными классами: въ то время, какъ первые, бывшіе принципіальными противниками всѣхъ преобразованій въ гражданскомъ быту, противорѣчащихъ ихъ интересамъ и традиціямъ, и самую политическую свободу понимали въ старыхъ, сословныхъ, аристократическихъ формахъ, другіе, наоборотъ, и въ данномъ отношеніи становились на сторону принципа демократическаго равенства.

Таковы были въ общихъ чертахъ соціальныя отношенія „стараго порядка". Если они вызывали противъ себя оппозицію средняго сословія и поддерживали постоянное недовольство въ народныхъ массахъ, то и другая сторона этого порядка съ теченіемъ времени стала обнаруживать свою несостоятельность. Политическій бытъ Западной Европы XVIII в. былъ основанъ *на устраненіи изъ публичной жизни свободныхъ общественныхъ силъ и на подавленіи свободы индивидуальной.* Если въ феодализмѣ государство, такъ сказать, растворялось въ обществѣ, то, наоборотъ, въ эпоху стараго порядка общество совершено поглощалось государствомъ. Періодъ равновѣсія обоихъ, когда общественныя силы въ государственномъ дѣлѣ проявлялись въ формѣ сословнаго представительства, миновалъ съ утвержденіемъ абсолютизма. Даже тогда, когда государство XVIII в., въ эпоху „просвѣщеннаго абсолютизма", выступило съ реформатскою дѣятельностью

въ новомъ духѣ, оно относилось съ крайнимъ недовѣріемъ къ общественнымъ силамъ, полагаясь исключительно на одну бюрократію. Мы выяснимъ въ своемъ мѣстѣ причину этого явленія, но здѣсь отмѣчаемъ его, какъ одно изъ наиболѣе характерныхъ для стараго политическаго порядка. Понятное дѣло, что государственная власть не могла совершенно изолировать себя отъ общества, и послѣднее оказывало на ея дѣятельность свое вліяніе, но это было вліяніе случайное, неорганизованное, преимущественно шедшее со стороны того общественнаго слоя, который ближе всего стоялъ къ власти, такъ что иногда все общество въ данномъ случаѣ представлялось лишь однимъ дворомъ. Между тѣмъ обстоятельства стали складываться такъ, что участіе общественныхъ силъ въ государственныхъ дѣлахъ стало признаваться за главное условіе того, чтобы дѣла эти шли надлежащимъ образомъ и вершились къ общему благу, тѣмъ болѣе, что въ извѣстныхъ кругахъ общества не умирали совсѣмъ воспоминанія о тѣхъ временахъ, когда въ той или другой формѣ общественныя силы призывались къ политической дѣятельности. Но особенно давалъ себя знать недостатокъ свободы другого рода—свободы индивидуальной. Государство новаго времени, какъ уже указывалось раньше, сдѣлалось въ XVIII в. всемогущимъ, подчинивъ своей власти и своему контролю всѣ проявленія общественной и личной жизни, но, съ другой стороны, и ростъ индивидуальнаго сознанія является однимъ изъ крупныхъ фактовъ новой исторіи, благодаря чему произволъ власти, характеризующій „старые порядки", долженъ былъ рано или поздно породить общественный протестъ во имя индивидуальной свободы, выразительницею котораго и сдѣлалась просвѣтительная литература XVIII вѣка.

Если главными идеями популярной публицистики прошлаго столѣтія были свобода и равенство, тогда какъ господствовавшіе въ то время порядки были, наоборотъ, основаны на отрицаніи этихъ принциповъ, то весьма естественно, что между тѣми и другими, т.-е. между идеями вѣка, съ одной стороны, и его внѣшними отношеніями, съ другой, должно было произойти враждебное столкновеніе. Хотя принципы свободы и равенства играли видную роль и въ болѣе раннихъ общественныхъ движеніяхъ,—между прочимъ и въ реформаціонномъ,—тѣмъ не менѣе *никогда прежде съ такою ясностью не было сознаваемо и съ такою силою не было выставляемо, какъ въ XVIII в., противорѣчіе между существовавшею политическою и соціальною дѣйствительностью, съ одной стороны, и принципами свободы и равенства, съ другой.* Въ болѣе раннемъ историческомъ движеніи новаго времени, въ движеніи реформаціонномъ, раздвоеніе между тѣмъ, что̀ считалось должнымъ, и тѣмъ, что̀ представляла

собою окружающая дѣйствительность, касалось главнымъ образомъ церковной сферы, такъ что главнымъ зломъ, разъѣдающимъ жизнь общества, казалась такъ называемая „порча церкви“. Конечно, и тогда не было недостатка въ критикѣ современныхъ эпохѣ политическихъ и соціальныхъ порядковъ, но все-таки доминировала критика отношеній, возникавшихъ на почвѣ религіозной жизни (какъ въ XIX в., замѣтимъ кстати, стала преобладать критика экономическаго строя, стоявшая на очень отдаленномъ планѣ и въ эпоху стремленій къ церковной реформѣ, и въ эпоху требованія преобразованій общественныхъ и государственныхъ). Подобно тому, какъ XVI в. пришелъ къ окончательному сознанію глубокаго противорѣчія между существовавшею тогда церковью и основными началами истинной вѣры, такъ и XVIII в. съ особенными ясностью и силою обнаружилъ несоотвѣтствіе между тогдашнею политическою и соціальною дѣйствительностью и общественными идеями, выработанными предыдущимъ культурнымъ развитіемъ. Какъ всѣ тѣ силы, которыя находились въ оппозиціи къ средневѣковому католицизму, стали въ XVI в. подъ знамя идей религіозной реформаціи, такъ точно и идеи XVIII в. сдѣлались лозунгомъ движенія, поставившаго своею цѣлью разрушеніе „старыхъ порядковъ“ въ государствѣ и обществѣ и увлекшаго за собою всѣ общественные элементы, которые были недовольны этими порядками и стремились измѣнить ихъ къ лучшему. Каждый объективно существующій строй учрежденій, будетъ ли то средневѣковая церковь, или „старые порядки“ государственной и общественной жизни, покоится, съ одной стороны, на извѣстныхъ фактическихъ отношеніяхъ, съ другой—на совокупности извѣстныхъ идей. Замѣна однѣхъ идей другими есть одно изъ необходимыхъ условій для того, чтобы въ этомъ строѣ произошло измѣненіе; другимъ же условіемъ являются и перемѣны, происшедшія въ самихъ фактическихъ отношеніяхъ. Какъ въ исторіи религіозной реформаціи XVI в., рядомъ съ разнообразною оппозиціей, какую вызывала противъ себя средневѣковая церковь, большую роль играло и внутреннее разложеніе этой церкви, столь характерно называвшееся ея „порчею“, совершенно такъ же и въ томъ историческомъ движеніи, которое унесло съ собою старые государственные и общественные порядки, мы видимъ не только дѣйствіе оппозиціонныхъ силъ, ставшихъ подъ знамя новыхъ идей, но и результатъ внутренняго разложенія этихъ порядковъ, откуда ихъ безсиліе бороться съ новыми идеями и съ складывающимися независимо фактическими отношеніями. Дѣло въ томъ, что *въ XVIII в. „старые порядки“ находились уже въ періодѣ своего внутренняго разложенія.* Еще разъ позволю себѣ тутъ обратиться къ аналогіи съ реформаціонной эпохой.

Католическая церковь въ XIV и XV вѣкахъ вступила въ періодъ одного изъ наиболѣе острыхъ кризисовъ, какіе когда-либо ей приходилось переживать: съ одной стороны, противъ нея подымалось все то, что стояло внѣ церкви, понимаемой въ смыслѣ іерархіи, съ другой стороны, сама церковь находилась въ состояніи разложенія, въ состояніи деморализаціи и дезорганизаціи. Свѣтское общество, государство, личность выросли изъ тѣхъ рамокъ, которыя созданы были другими временами, другими обстоятельствами и потому все болѣе и болѣе дѣлались анахронизмомъ, но и самыя рамки эти, т.-е. всѣ учрежденія католицизма, стали негодными, такъ какъ представители этой системы жили въ противорѣчіи съ собственными своими принципами и, вмѣсто того, чтобы служить обществу, стремились только его эксплуатировать въ своекорыстныхъ видахъ. Въ XVIII в. европейское общество начало выростать изъ тѣхъ рамокъ, налагавшихся на него тѣмъ соединеніемъ политическаго абсолютизма съ соціальными привилегіями, которое было результатомъ болѣе раннихъ историческихъ отношеній, но, кромѣ того, и самые эти порядки находились въ разложеніи. Лишь указанное обстоятельство и объясняетъ намъ ихъ крушеніе какъ во Франціи въ 1789 г., такъ и въ другихъ западно-европейскихъ странахъ при столкновеніи ихъ съ революціонной Франціей. Каждый объективный строй переживаетъ эпохи зарожденія, полнаго развитія и упадка, и въ этомъ заключается смѣна однихъ порядковъ другими. Французская монархія въ которой такъ рельефно сочетались королевскій абсолютизмъ съ аристократическими привилегіями, достигла своего апогея въ XVII в., когда всѣ другія старыя силы французской націи обнаружили свою несостоятельность, а новыя еще не народились, но въ XVIII столѣтіи, при Людовикахъ XV и XVI эта монархія находилась уже въ разложеніи, очень напоминающемъ намъ ту „порчу церкви во главѣ и членахъ“, которая вызывала религіозный протестъ реформаціонной эпохи. Мѣсто папъ, забывшихъ свои обязанности, заступали короли, мѣсто духовенства и монашества, злоупотреблявшихъ своею властью и сдѣлавшихся въ тягость народу,—дворянство и чиновничество. Другія западныя монархіи позднѣе достигали своего апогея, какъ это было, напримѣръ, съ Пруссіей, достигшей кульминаціоннаго пункта своего существованія въ эпоху „старыхъ порядковъ“ лишь въ XVIII в., но и это государство обнаружило внутреннее свое безсиліе при столкновеніи съ Франціей и окрѣпло въ XIX в. лишь благодаря общественнымъ и государственнымъ преобразованіямъ въ духѣ новѣйшаго времени.

Историческія явленія, имѣвшія въ свое время общеевропейское значеніе, далеко не одинаковы, т.-е. не вездѣ съ одною силою и въ

одно и то же время обнаруживаются въ жизни отдѣльныхъ государствъ. Знакомясь съ тѣми политическими и соціальными порядками, которые были болѣе или менѣе общи всѣмъ главнымъ континентальнымъ странамъ, мы всего лучше наблюдаемъ ихъ на примѣрѣ дореволюціонной Франціи, тѣмъ болѣе, съ другой стороны, что историческое изученіе французской революціи привело къ необходимости обстоятельнаго знакомства съ тѣмъ, чѣмъ былъ во Франціи l'ancien régime, и что благодаря этому именно существуетъ обширная литература объ относящихся къ нему предметахъ. Но и помимо того французскія отношенія XVIII в. весьма характерны. Франція была страною весьма ранней и очень широкой феодализаціи; ея феодальное рыцарство и придворная аристократія сдѣлались образцомъ, по которому складывались воззрѣнія и привычки дворянства въ другихъ странахъ. Своеобразное сочетаніе во Франціи старыхъ, феодальныхъ учрежденій съ новыми, монархическими, просуществовавшее до самой революціи, заслуживаетъ также особаго вниманія. Сама абсолютная монархія развилась съ наибольшею силою во Франціи, такъ что въ правленіе Людовика XIV эта страна сдѣлалась образцомъ, которому стали подражать и другія монархическія правительства, включая въ ихъ число и нѣмецкихъ имперскихъ князей. Съ другой стороны, нигдѣ такъ рано и такъ сильно въ XVIII в. не обнаружилось и разложеніе стараго порядка, какъ опять-таки во Франціи; нигдѣ въ другомъ мѣстѣ на материкѣ не сложились такъ, какъ въ ней, и не проявили себя внѣшнимъ образомъ съ такою силою элементы новаго общества, весьма рано ставшіе здѣсь въ рѣзкую оппозицію съ „старыми порядками"; наконецъ, нигдѣ такъ рѣзко не чувствовался и не выражался съ такою ясностью разладъ между тогдашнею дѣйствительностью и новыми общественными идеями, какъ во французской же литературѣ прошлаго вѣка, оказавшей притомъ практическое вліяніе не только на историческое движеніе въ самой Франціи, но и на культурно-соціальную жизнь другихъ странъ. Вотъ почему, дѣлая выше общую характеристику старыхъ государственныхъ и общественныхъ порядковъ и указывая на историческій процессъ ихъ образованія, мы имѣли въ виду преимущественно французскія отношенія.

III. Періодъ королевскаго абсолютизма[1]).

Періодъ абсолютной монархіи и отдѣльныя его эпохи.—Судьба сословно-представительныхъ учрежденій въ XVIII в.—Абсолютизмъ въ скандинавскихъ государствахъ.—Образованіе Прусской монархіи и утвержденіе въ ней абсолютизма.—Габсбурги и венгерская конституція.—«Просвѣщенный абсолютизмъ» и народное представительство.—Принципъ безусловнаго верховенства королевской власти.—Бюрократическіе порядки и милитаризмъ.—«Полицейское государство».—Административный произволъ и личная свобода.

Дѣля западно-европейскую исторію XVI, XVII и XVIII вв., т.-е. отъ начала религіозной реформаціи до начала французской революціи—на два большихъ періода до и послѣ вестфальскаго мира и присвоивая первому изъ нихъ названіе реформаціоннаго, историки весьма часто обозначаютъ второй, какъ эпоху абсолютной монархіи, хотя названіе это и не охватываетъ такъ полно главнѣйшихъ про-

---

[1]) См., между прочимъ, *Laurent*. La politique royale, X томъ его Etudes sur l'histoire de l'humanité, посвященный главнымъ образомъ, впрочемъ, внѣшней политикѣ. Литература по исторіи Франціи и Испаніи въ эпоху установленія въ нихъ абсолютизма указана въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ второго тома. Въ настоящей главѣ рѣчь идетъ главнымъ образомъ о Даніи, Швеціи, Пруссіи, Австріи и Венгріи. По общей исторіи Австріи см. соч. *Mailath'a*, *Mayer'a*, *Crones'a*, *Huber'a*, *Leger*, а также *Biedermann*. Geschichte der oesterreichischen Gesammtstaatsidee. Особенно обширна и важна литература по исторіи Пруссіи: *Stenzel*. Geschichte des preussischen Staates (въ сборникѣ Геерена и Укерта). — *Ranke*. Zwölf Bücher preussischer Geschichte. — *Droysen*. Geschichte der preussischen Politik.—*Eberty*. Geschichte des preussischen Staats.—*Cosel*. Geschichte des preussischen Staates und Volkes.—*Philippson*.— Geschichte des preussischen Staatswesens. — *Pierson*. Preussische Geschichte. — *Tuttle*. History of Prussia to the accession of Frederic the Great.— *Lavisse*. Etudes sur l'histoire de Prusse. — *Orlich*. Geschichte des preussischen Staates im XVII Jahrhundert. — *Förster*. Friedrich Withelm, der grosse Kurfürst, und seine Zeit. — *Waddington*. L'acquisition de la couronne royale de Prusse par les Hohenzollern. — *Zwiedinek-Südenhorst*. Deutsche Geschichte im Zeitraum der Gründung des preussischen Königthums. — *Cavaignac*. Formation de la Prusse contemporaine. — *Fix*. Die Territorialgeschichte des preussischen Staates. — *H. Peter*. Der Krieg des grossen Kurfürsten gegen Frankreich. — *Lancizolle*. Königthum und Landstände in Preussen. — *Isaacsohn*. Geschichte des preussischen Beamtenthums. — *Bornhak*. Geschichte des preussischen Verwaltungsrechtes. — *Schmoller*. Umrisse und Untersuchungen zur Verfassungs-Verwaltungs und Wirthschaftsgeschichte besonders des preussischen Staates im XVII und XVIII Jahrh. По исторіи Швеціи см. сочин. *Carlsson'a* (продолжавшаго шведскую исторію Гейера), доведенное до начала XVIII в.— *A. Fryxell*. Gesch. Karls XII (переводъ съ шведскаго). — Исторія Даніи — *Allen'a* (есть французскій переводъ).

явленій исторической жизни во второй половинѣ XVII и въ XVIII вв., какъ это можно сказать объ имени, присвоенномъ XVI и первой половинѣ XVII столѣтія. Если, однако, абсолютная монархія не характеризуетъ всѣхъ главныхъ сторонъ исторической жизни въ эпоху, обозначаемую ея именемъ, тѣмъ не менѣе въ данномъ названіи заключается указаніе на важный историческій фактъ. Въ новое время всѣ политическія силы, игравшія роль въ средніе вѣка, склонились передъ государствомъ, преобладающею формою котораго сдѣлалась абсолютная монархія, наибольшаго же развитія своего она достигла именно въ періодъ времени между вестфальскимъ миромъ и французской революціей: „вѣкъ Людовика XIV“ въ началѣ этого періода (1661—1715) и „вѣкъ Фридриха II“ въ концѣ (1740—1786), отдѣленные одинъ отъ другого лишь двадцатью пятью годами, для которыхъ нѣтъ подходящаго названія въ томъ же родѣ, были временами полнаго развитія и почти безраздѣльнаго господства въ политической жизни Европы принциповъ абсолютизма, временами чисто личнаго правленія неограниченныхъ монарховъ и всесильныхъ министровъ, а потому и временами наибольшаго упадка, въ какомъ когда бы то ни было находились съ исхода среднихъ вѣковъ западныя представительныя учрежденія. Разумѣется, всѣ хронологическія дѣленія имѣютъ чисто условное значеніе; такъ и въ данномъ случаѣ исторія абсолютизма на Западѣ не укладывается въ рамки 1648—1789 гг., такъ какъ и начинается она раньше, и кончается позже, но никогда абсолютной монархіи на континентѣ не принадлежало такого неоспоримаго господства и никогда она не обнаруживала такой жизненности, какъ въ указанный періодъ.

Родиной абсолютизма, какъ извѣстно, были итальянскія княжества въ исходѣ среднихъ вѣковъ. Изъ большихъ европейскихъ государствъ ранѣе всего абсолютизмъ утвердился въ Испаніи Карла V и Филиппа II, такъ что въ XVI в. Испанская монархія сдѣлалась главною представительницею этого начала въ политической жизни Европы. Въ слѣдующемъ столѣтіи Испанія была уже въ совершенномъ упадкѣ, истощенная внутреннимъ деспотизмомъ и внѣшними войнами, но это же столѣтіе было эпохою торжества абсолютизма во Франціи и преобладанія самой Франціи въ международной политикѣ. Съ „вѣкомъ Людовика XIV“ миновало, однако, это величіе: въ XVIII столѣтіи старая монархія во Франціи находилась уже въ разложеніи. Если въ XVIII в. отношенія этого міра и осложнились вступленіемъ въ него Россіи, тѣмъ не менѣе, ограничиваясь исторіей однѣхъ западныхъ странъ, мы можемъ сказать, что главною представительницею абсолютизма сдѣлалась тогда Пруссcія, именно въ „вѣкъ Фридриха II“. Такъ въ исторіи западнаго абсолютизма слѣ-

дуютъ одна за другою, какъ главныя ея представительницы, Италія съ ея княжескими тиранніями, Испанія Карла V и Филиппа II, Франція Генриха IV, Ришелье и Людовика XIV, Пруссія Фридриха Вильгельма I и особенно Фридриха Великаго. Гдѣ раньше, гдѣ позже это государственное начало достигало полнаго господства и становилось предметомъ подражанія въ другихъ странахъ, принимая тотъ или иной характеръ въ зависимости не только отъ мѣстныхъ условій, но и отъ общихъ историческихъ теченій: испанскій абсолютизмъ, напримѣръ, испыталъ на себѣ вліяніе католической реакціи, прусскій— вліяніе „просвѣщенія“ XVIII вѣка. Благодаря тому, что однѣ страны отставали отъ другихъ на общемъ историческомъ пути, въ одно и то же время мы можемъ наблюдать одну и ту же абсолютную монархію на разныхъ ступеняхъ развитія: во Франціи это было явленіе уже отживающее, разлагающееся, въ Пруссіи—новое, развивающееся, хотя и носящее уже зародыши своего будущаго паденія въ XIX в. Время отъ смерти Людовика XIV до революціи, и составляющее главнымъ образомъ „восемнадцатый вѣкъ“, можно раздѣлить на двѣ части: въ первую, меньшую половину этого періода (1715—1740) продолжаютъ господствовать традиціи французскаго абсолютизма, какъ онѣ сложились при Людовикѣ XIV, во вторую, бо́льшую—общій тонъ задается Пруссіей, со вступленіемъ на престолъ которой Фридриха II и начинается эпоха „просвѣщеннаго абсолютизма“; это и составляетъ особый интересъ прусской исторіи въ XVIII вѣкѣ, не говоря уже о той роли, какую Пруссія играла въ международной политикѣ въ царствованіе названнаго короля.

Форма монархіи, господствовавшая на Западѣ въ XVIII вѣкѣ, отличалась одинаково и отъ теперешней конституціонной монархіи и отъ болѣе ранней монархіи сословной устраненіемъ общественныхъ силъ отъ непосредственнаго участія въ государственной жизни. Несмотря на глубокое различіе, существующее между новыми парламентами и средневѣковыми государственными чинами, и тѣ, и другіе имѣютъ то общее между собою, что въ такой или иной формѣ ими давалось націи право участвовать въ законодательствѣ, вотировать налоги, контролировать администрацію и даже нѣкоторымъ образомъ вліять на внѣшнюю политику. Если временемъ наибольшаго процвѣтанія старыхъ сословно-представительныхъ учрежденій были XIV и XV вв., то *XVIII столѣтіе было, наоборотъ, эпохой наибольшаго паденія учрежденій, въ которыхъ отдѣльные народы посредствомъ своихъ представителей ограничивали королевскую власть.* Французскіе генеральные штаты собраны были въ послѣдній разъ въ 1614 году, и послѣ этого во Франціи въ теченіе 175 лѣтъ болѣе ни разу не созывалось народное представительство. Испанскіе кортесы, сломленные

деспотизмомъ Карла V и Филиппа II, и государственные сеймы во владѣніяхъ австрійскихъ Габсбурговъ также пришли въ полный упадокъ, такъ какъ и въ Испаніи, и въ Австріи очень рано утвердился совершенный абсолютизмъ. Та же судьба постигла послѣ тридцатилѣтней войны и собранія чиновъ въ отдѣльныхъ княжествахъ Германіи. Извѣстно, что по вестфальскому миру имперскіе князья сдѣлались въ своихъ земляхъ почти совершенно независимыми государями; кромѣ того, они привыкли во время этой войны назначать налоги и собирать войско, не спрашивая на то согласія земскихъ чиновъ, а потому и по окончаніи войны они или совсѣмъ не созывали ландтаговъ, или не обращали никакого вниманія на ихъ рѣшенія и протесты, тѣмъ болѣе, что жалобы на князей въ рейхскаммергерихтъ были прямо запрещены ихъ подданнымъ тѣмъ же вестфальскимъ миромъ. Что касается до императора, то по избирательной капитуляціи онъ даже обязывался помогать князьямъ противъ ихъ подданныхъ. Бывали случаи, что ландтаги и вовсе переставали собираться или собирались только для виду, рѣдко гдѣ (какъ, напримѣръ, въ Брауншвейгѣ, Мекленбургѣ и Вюртембергѣ) сохранивъ еще нѣкоторое значеніе. Примѣромъ того, какъ обращались князья съ земскими чинами, можетъ служить такого рода случай въ исторіи Саксоніи при Августѣ Сильномъ: когда однажды „чины" вздумали протестовать противъ поборовъ этого курфюрста, ихъ заперли въ залѣ ихъ совѣщаній и держали тамъ, пока они не смирились. Дворянство въ отдѣльныхъ княжествахъ превратилось въ придворную знать (Hofadel) и стало жить княжескими подачками, сохраняя подъ деспотическимъ правленіемъ своихъ государей всѣ старыя соціальныя привилегіи. Духовенство въ протестантскихъ земляхъ было въ полной зависимости отъ свѣтской власти и льстило своимъ князьямъ, доходя до того, что̀, напримѣръ одинъ пасторъ объявилъ своему государю (ландграфу гессенскому), что „если бы Господь Богъ не былъ Господомъ Богомъ, то никто на это мѣсто не имѣлъ бы большаго права, чѣмъ его свѣтлость". Наконецъ, княжескіе города (въ отличіе отъ городовъ имперскихъ) никогда не пользовались свободой и вліяніемъ. Понятно, что собранія, на которыхъ были представлены такіе общественные элементы, и не могли играть самостоятельной политической роли. Мы еще увидимъ въ другомъ мѣстѣ, какое значеніе имѣла борьба государя съ земскими чинами въ исторіи возвышенія Бранденбурга-Пруссіи.

Абсолютизму удалось утвердиться и въ двухъ скандинавскихъ государствахъ, гдѣ, до того времени большую силу имѣла аристократія. Данія и Швеція, подобно Польшѣ, представляли собою страны съ ослабленною королевскою властью, съ широкими правами дворян-

ства. Одной Польши не коснулись совершавшіяся повсюду перемѣны въ смыслѣ усиленія монархическаго начала, но Данія и Швеція испытали на себѣ то, что было, такъ сказать, общимъ явленіемъ эпохи. Особенно можно сказать это о первой изъ названныхъ странъ. Датская аристократія до середины XVII в. увеличивала свои права съ каждою перемѣною царствованія, такъ какъ королевская власть все болѣе и болѣе ограничивалась условіями избранія, которыя долженъ былъ подписывать новый король. Положеніе датскаго монарха стало походить на должность простого предсѣдателя государственнаго совѣта, вся же дѣйствительная власть была въ рукахъ аристократіи, и послѣдняя пользовалась ею лишь для того, чтобы расширять свои привилегіи и свои права надъ другими общественными классами, раздражая тѣмъ самымъ противъ себя и духовенство, и горожанъ, и крестьянъ, все болѣе и болѣе попадавшихъ въ крѣпостную зависимость отъ дворянства. Подобно тому, какъ и въ иныхъ странахъ, сословный антагонизмъ, питавшійся преимущественно высокомѣріемъ, властолюбіемъ и своекорыстіемъ дворянства, былъ однимъ изъ условій, благопріятныхъ для королевской власти, которая, опираясь на недовольные общественные элементы, и достигала абсолютизма, такъ и въ Даніи оппозиція, въ какую стали къ дворянству другія сословія, сдѣлалась весьма удобною почвою для утвержденія королевскаго абсолютизма. Случилось это, какъ извѣстно, въ 1660 г. (за нѣсколько мѣсяцевъ до начала самостоятельнаго правленія Людовика XIV во Франціи) при Фридрихѣ III (1648—1670). Аристократическое хозяйничанье довело къ этому времени Данію до крайняго разстройства. Казна была пуста, коронные доходы незначительны, государство обременено долгами. На сеймѣ, собравшемся въ Копенгагенѣ осенью 1660 г., правительство поставило вопросъ о томъ, какъ выйти изъ финансовыхъ затрудненій: дворянство указало на другія сословія, какъ на плательщиковъ новыхъ налоговъ, но духовенство и горожане, наоборотъ, напали на привилегированное сословіи, на его изъятіе изъ обязанности платить налоги, на раздачу ему по дешевой цѣнѣ въ аренду доменовъ, требуя вмѣстѣ съ этимъ ограниченія вообще дворянскихъ привилегій. Результатомъ возникшей отсюда распри былъ государственный переворотъ, лозунгомъ котораго сдѣлались наслѣдственность короны и отмѣна капитуляціи, подписанной королемъ при избраніи. Иниціатива такой перемѣны исходила отъ духовенства и горожанъ; дворянство, нéхотя, должно было подчиниться наслѣдственности королевской власти и уничтоженію прежней конституціи. Переворотъ повлекъ за собою преобразованіе государственнаго совѣта и правительственныхъ коллегій, членами которыхъ были назначены сторонники новаго порядка вещей и противники прежняго

олигархическаго правленія. Особымъ „королевскимъ закономъ“, дававшимъ окончательную санкцію совершившемуся перевороту, Фридрихъ III обязывалъ и своихъ преемниковъ блюсти на будущія времена свято и ненарушимо абсолютную королевскую власть. Этотъ законъ, составленный (1665 г.) при участіи знаменитаго юриста Рейнкинга, былъ опубликованъ при короновании новаго короля, Христіана V, а копенгагенскій профессоръ Вандаль написалъ въ оправданіе его особый трактатъ о правахъ абсолютной королевской власти. Впрочемъ, представители новаго порядка стремились примирить съ нимъ аристократію путемъ сохраненія за нею многихъ старыхъ привилегій и даже образованія новыхъ, такъ что въ соціальномъ отношеніи датскій абсолютизмъ удержалъ прежнее привилегированное положеніе дворянства.

Нѣсколько позже, чѣмъ Данія, но въ той же второй половинѣ XVII в. превратилась въ абсолютную монархію и Швеція, гдѣ равнымъ образомъ притязанія и стремленія дворянства вооружали противъ него другія сословія, а аристократическое правленіе оказалось несостоятельнымъ, послѣ того, какъ довело страну до серьезнаго внутренняго разстройства. Между прочимъ, знать расхитила здѣсь коронныя имущества, и одною изъ задачъ своего царствованія Карлъ XI (1660—1697) поставилъ отобраніе у дворянства земель, ранѣе принадлежавшихъ казнѣ. Въ данномъ случаѣ король опирался на сочувствіе и помощь другихъ сословій—духовенства, горожанъ и крестьянъ, а отчасти и низшаго дворянства, которое оттѣснялось на задній планъ могущественной аристократіей. Въ Швеціи существовалъ государственный совѣтъ, члены котораго принадлежали къ высшему дворянству, и который являлся учрежденіемъ, руководившимъ государственнымъ сеймомъ, ограничивая въ то же время и королевскую власть; опираясь на недовольныхъ олигархіей, Карлъ XI сдѣлалъ изъ этого учрежденія простое совѣщательное учрежденіе подъ именемъ королевскаго совѣта, а сеймъ 1682 г. торжественно заявилъ, что королю въ Швеціи всецѣло принадлежитъ законодательная власть безъ участія государственныхъ чиновъ. Въ самомъ концѣ царствованія Карла XI успѣхи королевской власти въ Швеціи завершились постановленіемъ сейма 1693 г., которымъ утверждались такія положенія: шведскій король есть верховный глава и правитель страны, котораго никто не можетъ ограничивать или стѣснять въ его безспорномъ правѣ издавать законы собственною своею властью; король вовсе не обязанъ созывать сеймъ, такъ какъ онъ имѣетъ право управлять государствомъ по личному своему усмотрѣнію, и потому онъ ни передъ кѣмъ не отвѣтственъ за то, какъ правитъ страною. Однако, абсолютизмъ въ Швеціи удержался ненадолго. По смерти Карла XII,

убитаго въ 1718 г. во время великой сѣверной войны, когда Швеція играла такую видную роль въ международной политикѣ, въ Стокгольмѣ при вступленіи на престолъ сестры покойнаго короля Ульрики Элеоноры, произошелъ аристократическій переворотъ, и Швеція превратилась въ государство, которое только по имени было монархіей: вся власть опять сосредоточилась въ рукахъ знатнѣйшихъ дворянскихъ фамилій, захватившихъ всѣ мѣста въ государственномъ совѣтѣ; это учрежденіе сдѣлалось настоящимъ правительствомъ страны и господствовало на сеймахъ, гдѣ продолжали попрежнему собираться представители четырехъ сословій. Но олигархическая конституція, введенная послѣ Карла XII, просуществовала лишь около пятидесяти лѣтъ: государственный переворотъ, совершонный въ 1772 г. Густавомъ III (1771—1792), снова вернулъ Швецію къ монархическимъ порядкамъ. Государственный совѣтъ превратился въ зависимое отъ короля совѣщательное учрежденіе; государственные чины должны были собираться только по приглашенію короля и заниматься лишь тѣми дѣлами, которыя имъ были предлагаемы; король ограничилъ себя лишь относительно права начинать наступательную войну безъ согласія сейма; позволенія чиновъ болѣе не требовалось для установленія налоговъ. За этимъ переворотомъ въ самый годъ начала французской революціи послѣдовалъ второй переворотъ—уже прямо въ смыслѣ установленія въ Швеціи абсолютизма: когда во время неудачной войны съ Россіей на сеймѣ, засѣдавшемъ весною 1789 г., Густавъ III встрѣтилъ оппозицію, онъ распорядился арестовать главныхъ вождей сопротивленія и заставилъ чины принять „актъ объединенія и охраненія", отмѣнявшій государственный совѣтъ и предоставлявшій королю право начинать войну безъ согласія сейма. Въ обоихъ случаяхъ, т.-е. и въ 1772, и въ 1789 г. Густавъ III опирался на нерасположеніе народа къ дворянской олигархіи. Вообще исторія введенія абсолютизма въ Даніи и Швеціи показываетъ, что главною его противницею была аристократія, и что, утверждая свою власть, монархи опирались на народное неудовольствіе противъ дворянства.

Къ числу крупныхъ абсолютныхъ монархій XVIII в. мы должны причислить и Пруссію, получившую титулъ королевства въ эпоху войны за испанское наслѣдство. Прусская монархія была и создана и возвеличена абсолютизмомъ своихъ государей, а потому въ этомъ общемъ обзорѣ утвержденія абсолютизма на Западѣ нельзя не остановиться и на примѣрѣ Пруссіи, тѣмъ болѣе, что ей пришлось играть столь важную роль въ исторіи обоихъ послѣднихъ вѣковъ.

Напомнимъ прежде всего въ общихъ чертахъ, какъ составились территоріальныя владѣнія Гогенцоллерновъ, изъ которыхъ образовалась прусская монархія. Ядромъ этого государства было маркграфство

Бранденбургское, перешедшее въ началѣ XV в. въ руки Гогенцоллерновъ, происходившихъ отъ бургграфа нюрнбергскаго Конрада (въ XIII в.). Въ эпоху реформаціи одинъ изъ членовъ этой фамиліи, Альбрехтъ Бранденбургскій, ввелъ лютеранство во владѣніяхъ тевтонскаго духовно-рыцарскаго ордена, гросмейстеромъ котораго онъ былъ, превративъ эти владѣнія въ свѣтское герцогство Пруссію въ ленной зависимости отъ Польши. Въ 1618 г. Бранденбургъ и Пруссія соединились подъ властью одного государя (курфюрста Іоанна Сигизмунда), да кромѣ того, Гогенцоллерны пріобрѣли и нѣкоторыя другія, болѣе мелкія владѣнія въ Германіи. Истиннымъ основателемъ прусскаго государства былъ „великій курфюрстъ" (какъ его прозвали впослѣдствіи) Фридрихъ Вильгельмъ, вступившій на престолъ въ 1640 г. и правившій почти полвѣка (до 1688 г.). При немъ окончилась тридцатилѣтняя война и былъ заключенъ вестфальскій миръ, по которому Бранденбургъ, какъ извѣстно, пріобрѣлъ значительныя территоріальныя приращенія. „Великому курфюрсту" удалось освободить герцогство Пруссію отъ ленной зависимости, въ какой оно находилось по отношенію къ Польшѣ (по оливскому трактату 1660 г., а рѣшительною побѣдою при Фербеллинѣ (1675) надъ шведами, бывшими въ союзѣ съ Людовикомъ XIV, онъ сильно поднялъ военное значеніе своего государства, чѣмъ и положилъ начало роли Пруссіи въ международной политикѣ. Сынъ его Фридрихъ III пріобрѣлъ уже королевскій титулъ, данный ему по Пруссіи императоромъ Леопольдомъ I (какъ король прусскій, онъ сталъ называться Фридрихомъ I), послѣ чего Пруссія сдѣлалась одною изъ значительныхъ политическихъ силъ въ Европѣ. Главнымъ неудобствомъ, существовавшимъ въ этой монархіи, была черезполосность ея владѣній: сплошную территорію съ Бранденбургомъ составляли лишь восточная часть Помераніи, архіепископство магдебургское и епископство гальберштадтское, пріобрѣтенныя по вестфальскому миру, но герцогство Прусское, присоединенный по тому же миру Минденъ и часть юлихъ-клевскаго наслѣдства, доставшаяся Гогенцоллернамъ окончательно лишь въ 1666 г. (Клеве, Маркъ, Равенсбергъ), были отдѣлены отъ Бранденбурга чужими владѣніями и не имѣли съ нимъ ничего общаго ни по интересамъ, ни по традиціямъ. Въ этихъ разнородныхъ и разрозненныхъ частяхъ гогенцоллернской монархіи, бывшихъ прежде само-
...ествами, существовали земскіе чины, отстаивавшіе
...сть, а потому сплоченіе отдѣльныхъ земель въ
... могло произойти только въ борьбѣ съ этими чи-
...авленія ихъ стремленій. Царствованіе „великаго
...ившаго, какъ мы увидимъ, начало военно-хозяй-
...русскаго правленія, было временемъ именно такой

борьбы возникавшаго абсолютизма съ сословно-представительными учрежденіями отдѣльныхъ земель и съ областнымъ сепаратизмомъ, весьма естественнымъ при такомъ составѣ государства. Фридрихъ-Вильгельмъ жилъ въ эпоху, когда абсолютизмъ вообще дѣлалъ большіе успѣхи и когда во всей Германіи и послѣ тридцатилѣтней войны происходило значительное усиленіе власти князей, къ числу которыхъ онъ и самъ принадлежалъ въ качествѣ одного изъ курфюрстовъ Священной Римской имперіи. Это одно опредѣляло его политику по отношенію къ земскимъ сеймамъ, а то обстоятельство, что послѣдніе отстаивали лишь мѣстные интересы, еще болѣе приводило его въ столкновеніе съ ихъ стремленіями. Далѣе, охранять неприкосновенность и нераздѣльность гогенцоллернскихъ владѣній могло лишь большое войско, а на его содержаніе нужно было много денегъ; это заставляло курфюрста вводить новые обременительные налоги. Бранденбургскій сеймъ воспротивился-было ихъ увеличенію, но Фридрихъ-Вильгельмъ сломилъ его оппозицію, подобно тому, какъ это дѣлали и другіе имперскіе князья, и послѣ 1653 г. въ маркграфствѣ болѣе не собирались Landstände. Герцогская власть въ Пруссіи также была стѣснена сеймомъ, состоявшимъ изъ дворянства и городскихъ депутатовъ, и ленная зависимость герцога отъ польскаго короля была одной изъ гарантій неприкосновенности правъ прусскаго сейма, такъ какъ послѣдній могъ жаловаться сюзерену своего герцога на испытываемыя притѣсненія и просить его, чтобы онъ заставлялъ герцога, какъ своего вассала, соблюдать законы. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что прусскій сеймъ 1661 г. протестовалъ противъ отторженія герцогства отъ Польши, на которое притомъ у него не спросили и согласія. Отсюда между Фридрихомъ-Вильгельмомъ и земскими чинами возникло острое столкновеніе. Сдѣлавшись государемъ, вполнѣ независимымъ отъ польскаго короля, курфюрстъ не захотѣлъ подтвердить старинныя права сейма и потребовалъ отъ него присяги, но сеймъ на это не соглашался и настаивалъ на томъ, чтобы Фридрихъ-Вильгельмъ далъ обѣщаніе не начинать войны, не заключать союзовъ, не вводить въ страну иностранныхъ войскъ и не установлять новыхъ налоговъ безъ согласія земскихъ чиновъ, и чтобы сеймъ собирался каждые два года, даже въ томъ случаѣ, если бы курфюстъ самъ не сталъ его созывать. Ко всему этому чинами прибавлялось, что если курфюрстъ станетъ нарушать права сейма, присяга, данная ему его подданными, не будетъ имѣть никакой силы. Въ герцогствѣ вообще жаловались на деспотизмъ курфюрста, бывшій „хуже турецкаго“; говорили, что лучше итти въ подданство къ самому чорту, чѣмъ оставаться подъ такимъ игомъ; посылали даже въ Варшаву просьбу о помощи. Въ концѣ-

концовъ Фридрихъ-Вильгельмъ вынужденъ былъ пойти на уступки, и въ 1663 г. между обѣими сторонами состоялось примиреніе; но обѣщанія, данныя курфюрстомъ сейму, впослѣдствіи постоянно нарушались, что вызывало большое неудовольствіе и снова порождало мысль о возвращеніи въ вассальную зависимость отъ Польши. Въ болѣе мелкихъ владѣніяхъ, входившихъ въ составъ прусской монархіи, „великій курфюрстъ" столь же мало церемонился съ разными старыми правами и привилегіями. Между прочимъ, еще въ самомъ началѣ своего правленія (въ пятидесятыхъ годахъ) онъ встрѣтилъ сильную оппозицію въ чинахъ герцогства Клеве, которые даже жаловались на него въ имперскій сеймъ, но борьба окончилась не въ пользу земскихъ чиновъ („рецессомъ" 1661 г.): за ними и было оставлено право вотированія налоговъ, на которые они впослѣдствіи всегда соглашались, курфюрстъ получилъ оспаривавшееся у него раньше право вербовать солдатъ и вводить извнѣ войско. Въ Маркѣ, Помераніи, Магдебургѣ и Гальберштадтѣ у чиновъ было отнято завѣдованіе финансами. Вообще въ XVIII вѣкѣ Пруссія вступаетъ настоящей абсолютной монархіей.

Изъ всѣхъ владѣній австрійскихъ Габсбурговъ одна только Венгрія сохраняла еще послѣ тридцатилѣтней войны старыя свободныя учрежденія, тогда какъ въ другихъ земляхъ господствовалъ совершенный абсолютизмъ, да еще Бельгія, доставшаяся австрійскимъ Габсбургамъ послѣ войны за испанское наслѣдство, продолжала пользоваться своими старинными вольностями. Намъ въ другомъ мѣстѣ придется говорить о нарушеніи этихъ вольностей при Іосифѣ II, вызвавшемъ этимъ даже цѣлую революцію, здѣсь же остановимся лишь на отношеніяхъ между Габсбургами и Венгріей, въ которыхъ, съ одной стороны, обнаруживалось стремленіе къ абсолютизму, а съ другой—желаніе отстоять прежнюю конституцію. Габсбургская монархія была въ сущности конгломератомъ земель, находившихся между собою въ личной уніи и весьма несхожихъ между собою въ разныхъ отношеніяхъ: у государя этихъ земель не было даже общаго титула, такъ какъ императоромъ онъ назывался, какъ избранный глава Священной Римской имперіи, а не какъ наслѣдственный обладатель земель, составлявшихъ „владѣнія Австрійскаго или Габсбургскаго дома". Въ числѣ этихъ владѣній было королевство Венгрія, по которому общій государь габсбургскихъ земель назывался королемъ венгерскимъ, совершенно такъ же, какъ онъ былъ королемъ богемскимъ по Чехіи и т. п.

Венгрія имѣла свою средневѣковую конституцію, въ основѣ которой лежала „золотая булла" (1222 г.) короля Андрея II, установлявшая ежегодное собраніе государственнаго сейма и дававшая ма-

гнатамъ право на вооруженное сопротивленіе въ случаяхъ нарушенія буллы. Габсбургамъ Венгрія досталась при Фердинандѣ I; но своимъ деспотизмомъ и фанатизмомъ государи этой династіи такъ раздражали своихъ венгерскихъ подданныхъ, что послѣдніе за защитою обращались даже къ туркамъ, съ которыми у Габсбурговъ и шла долговременная борьба за обладаніе Венгріей. Королевская власть въ названномъ государствѣ считалась избирательной, но именно только считалась, въ дѣйствительности же таковою вовсе не была, хотя венгры особенно дорожили своимъ правомъ избирать короля. Фердинандъ III, выбранный на престолъ венгерскій еще при жизни своего отца, предложилъ-было сейму 1655 г. сдѣлать венгерскую корону наслѣдственною, но это предложеніе было отвергнуто, хотя сеймъ и выбралъ въ преемники Фердинанду III его сына эрцгерцога Леопольда, который въ 1657 г. сдѣлался римскимъ императоромъ. Царствованіе этого государя было временемъ подавленія венгерскихъ вольностей и въ особенности временемъ гоненій на протестантовъ при помощи австрійскихъ военныхъ постоевъ. Заговоры и попытки возстанія со стороны нѣкоторыхъ магнатовъ вызвали со стороны императора репрессію, распространившуюся на все населеніе Венгріи, преимущественно же на его протестантскую часть; эта репрессія получила совершенно такой же характеръ, какой за полвѣка передъ тѣмъ имѣло подавленіе религіозной свободы и политическихъ правъ въ Чехіи. Наконецъ, національное недовольство разразилось цѣлымъ возстаніемъ подъ предводительствомъ Эммерика Тёкёля (Tököly) и въ союзѣ съ турками, которые въ 1683 г. сдѣлали нападеніе на Вѣну, отбитое только польскимъ королемъ Яномъ Собѣскимъ. Возстаніе окончилось неудачею; виновные въ немъ подверглись суровымъ преслѣдованіямъ и казнямъ. Побѣдителю легко было теперь вынудить у собраннаго въ 1687 г. въ Пресбургѣ сейма отказъ отъ права избранія королей и отъ права вооруженнаго сопротивленія, освященнаго золотою буллою. Война съ Турціей тоже была удачна; и по карловицкому миру (1699 г.) Габсбурги пріобрѣли ту часть Венгріи, которая до того времени составляла вассальное турецкое княжество (Трансильванію). Впрочемъ, формальнаго абсолютизма австрійскимъ государямъ не удалось установить въ Венгріи, какъ не былъ онъ введенъ и въ австрійскихъ Нидерландахъ, т.-е. въ Бельгіи. Только Іосифъ II сдѣлалъ попытку и тамъ, и здѣсь уничтожить старинныя вольности, но въ обѣихъ странахъ онъ встрѣтилъ сильную оппозицію.

Такимъ образомъ періодъ времени между окончаніемъ тридцатилѣтней войны и началомъ французской революціи *характеризуется не только торжествомъ абсолютизма тамъ, гдѣ онъ развился раньше, но и утвержденіемъ его или, по крайней мѣрѣ, попытками утвер-*

концовъ Фридрихъ-Вильгельмъ вынужденъ былъ пойти на уступки, и въ 1663 г. между обѣими сторонами состоялось примиренiе; но обѣщанiя, данныя курфюрстомъ сейму, впослѣдствiи постоянно нарушались, что вызывало большое неудовольствiе и снова порождало мысль о возвращенiи въ вассальную зависимость отъ Польши. Въ болѣе мелкихъ владѣнiяхъ, входившихъ въ составъ прусской монархiи, „великiй курфюрстъ" столь же мало церемонился съ разными старыми правами и привилегiями. Между прочимъ, еще въ самомъ началѣ своего правленiя (въ пятидесятыхъ годахъ) онъ встрѣтилъ сильную оппозицiю въ чинахъ герцогства Клеве, которые даже жаловались на него въ имперскiй сеймъ, но борьба окончилась не въ пользу земскихъ чиновъ („рецессомъ" 1661 г.): за ними и было оставлено право вотированiя налоговъ, на которые они впослѣдствiи всегда соглашались, курфюрстъ получилъ оспаривавшееся у него раньше право вербовать солдатъ и вводить извнѣ войско. Въ Маркѣ, Померанiи, Магдебургѣ и Гальберштадтѣ у чиновъ было отнято завѣдованiе финансами. Вообще въ XVIII вѣкъ Пруссiя вступаетъ настоящей абсолютной монархiей.

Изъ всѣхъ владѣнiй австрiйскихъ Габсбурговъ одна только Венгрiя сохраняла еще послѣ тридцатилѣтней войны старыя свободныя учрежденiя, тогда какъ въ другихъ земляхъ господствовалъ совершенный абсолютизмъ, да еще Бельгiя, доставшаяся австрiйскимъ Габсбургамъ послѣ войны за испанское наслѣдство, продолжала пользоваться своими старинными вольностями. Намъ въ другомъ мѣстѣ придется говорить о нарушенiи этихъ вольностей при Iосифѣ II, вызвавшемъ этимъ даже цѣлую революцiю, здѣсь же остановимся лишь на отношенiяхъ между Габсбургами и Венгрiей, въ которыхъ, съ одной стороны, обнаруживалось стремленiе къ абсолютизму, а съ другой—желанiе отстоять прежнюю конституцiю. Габсбургская монархiя была въ сущности конгломератомъ земель, находившихся между собою въ личной унiи и весьма несхожихъ между собою въ разныхъ отношенiяхъ: у государя этихъ земель не было даже общаго титула, такъ какъ императоромъ онъ назывался, какъ избранный глава Священной Римской имперiи, а не какъ наслѣдственный обладатель земель, составлявшихъ „владѣнiя Австрiйскаго или Габсбургскаго дома". Въ числѣ этихъ владѣнiй было королевство Венгрiя, по которому общiй государь габсбургскихъ земель назывался королемъ венгерскимъ, совершенно такъ же, какъ онъ былъ королемъ богемскимъ по Чехiи и т. п.

Венгрiя имѣла свою средневѣковую конституцiю, въ основѣ которой лежала „золотая булла" (1222 г.) короля Андрея II, устанавлявшая ежегодное собранiе государственнаго сейма и дававшая ма-

гнатамъ право на вооруженное сопротивленіе въ случаяхъ нарушенія буллы. Габсбургамъ Венгрія досталась при Фердинандѣ I; но своимъ деспотизмомъ и фанатизмомъ государи этой династіи такъ раздражали своихъ венгерскихъ подданныхъ, что послѣдніе за защитою обращались даже къ туркамъ, съ которыми у Габсбурговъ и шла долговременная борьба за обладаніе Венгріей. Королевская власть въ названномъ государствѣ считалась избирательной, но именно только считалась, въ дѣйствительности же таковою вовсе не была, хотя венгры особенно дорожили своимъ правомъ избирать короля. Фердинандъ III, выбранный на престолъ венгерскій еще при жизни своего отца, предложилъ-было сейму 1655 г. сдѣлать венгерскую корону наслѣдственною, но это предложеніе было отвергнуто, хотя сеймъ и выбралъ въ преемники Фердинанду III его сына эрцгерцога Леопольда, который въ 1657 г. сдѣлался римскимъ императоромъ. Царствованіе этого государя было временемъ подавленія венгерскихъ вольностей и въ особенности временемъ гоненій на протестантовъ при помощи австрійскихъ военныхъ постоевъ. Заговоры и попытки возстанія со стороны нѣкоторыхъ магнатовъ вызвали со стороны императора репрессію, распространившуюся на все населеніе Венгріи, преимущественно же на его протестантскую часть; эта репрессія получила совершенно такой же характеръ, какой за полвѣка передъ тѣмъ имѣло подавленіе религіозной свободы и политическихъ правъ въ Чехіи. Наконецъ, національное недовольство разразилось цѣлымъ возстаніемъ подъ предводительствомъ Эммерика Тёкёля (Tököly) и въ союзѣ съ турками, которые въ 1683 г. сдѣлали нападеніе на Вѣну, отбитое только польскимъ королемъ Яномъ Собѣскимъ. Возстаніе окончилось неудачею; виновные въ немъ подверглись суровымъ преслѣдованіямъ и казнямъ. Побѣдителю легко было теперь вынудить у собраннаго въ 1687 г. въ Пресбургѣ сейма отказъ отъ права избранія королей и отъ права вооруженнаго сопротивленія, освященнаго золотою буллою. Война съ Турціей тоже была удачна; и по карловицкому миру (1699 г.) Габсбурги пріобрѣли ту часть Венгріи, которая до того времени составляла вассальное турецкое княжество (Трансильванію). Впрочемъ, формальнаго абсолютизма австрійскимъ государямъ не удалось установить въ Венгріи, какъ не былъ онъ введенъ и въ австрійскихъ Нидерландахъ, т.-е. въ Бельгіи. Только Іосифъ II сдѣлалъ попытку и тамъ, и здѣсь уничтожить старинныя вольности, но въ обѣихъ странахъ онъ встрѣтилъ сильную оппозицію.

Такимъ образомъ періодъ времени между окончаніемъ тридцатилѣтней войны и началомъ французской революціи *характеризуется не только торжествомъ абсолютизма тамъ, гдѣ онъ развился раньше, но и утвержденіемъ его или, по крайней мѣрѣ, попытками утвер-*

жденія въ странахъ, гдѣ его прежде не было (не исключая изъ ихъ числа и Англіи при двухъ послѣднихъ Стюартахъ). „Просвѣщенный абсолютизмъ“ второй половины XVIII в. также былъ принципіально враждебенъ народному представительству. Земскіе чины претили самой сущности этой властной системы чисто личнаго правленія. Отстаивавшійся этими чинами мѣстный партикуляризмъ находился въ противорѣчіи съ тѣмъ стремленіемъ къ политической и административной централизаціи, которое повсюду сопровождало установленіе абсолютизма. Наконецъ, привилегированныя сословія, болѣе всего имѣвшія силы въ подобныхъ собраніяхъ, выступали въ большинствѣ случаевъ противъ преобразованій, замышлявшихся представителями государственной власти. Густава III, совершившаго государственный переворотъ въ Швеціи, причисляютъ къ представителямъ „просвѣщеннаго абсолютизма“. Несомнѣннымъ выразителемъ его стремленій былъ Іосифъ II, нарушившій конституціи австрійскихъ Нидерландовъ и Венгріи. Даже областное и мѣстное самоуправленіе не пользовалось сочувствіемъ дѣятелей этой эпохи, повсюду стремившихся замѣнить общественныя силы бюрократіей. Въ 1740 г. Фридрихъ II сказалъ представителямъ герцогства Пруссіи, что государь, заботящійся о благѣ своихъ подданныхъ, лучше всякихъ гарантій въ слѣдующемъ же году онъ объявилъ чинамъ Силезіи, отнятой имъ у Австріи, что право налоговъ отходитъ отъ нихъ къ его коллегіи. Принципъ абсолютнаго верховенства королевской власти сдѣлался главною основою государственной жизни. Во Франціи еще наканунѣ самой революціи (въ парламентскомъ засѣданіи 19 ноября 1787 г.) Людовикъ XVI заявлялъ, что онъ не допуститъ нарушенія или измѣненія началъ монархіи, начала же эти, изложенныя хранителемъ печати Ламуаньономъ, сводились къ тому, что „одному королю принадлежитъ верховная власть въ государствѣ“. Отецъ Фридриха II говорилъ, что онъ „господинъ и король и можетъ дѣлать все, что ему угодно“, и ту же мысль, только въ менѣе грубой формѣ, развивалъ и самъ Фридрихъ II. Даже нѣмецкіе имперскіе князья, которые еще со второй половины XVII в. подражали Людовику XIV, смотрѣли на себя, какъ на неограниченныхъ монарховъ: не даромъ разсказываютъ объ одномъ изъ нихъ, что когда передъ нимъ произнесли слово—„отечество“, онъ сказалъ на это: „отечество?... я—отечество“.

Усиленіе королевской власти повсюду сопровождалось введеніемъ административной централизаціи и бюрократическихъ порядковъ, получившихъ особое развитіе во Франціи и въ Пруссіи. Чиновничество повсюду вытѣсняло общественныя силы изъ дѣлъ управленія, ставя интересы государства выше интересовъ отдѣльныхъ сословій,—пре-

имущественно дворянства,—которые были представлены въ старыхъ органахъ самоуправленія. Прусская бюрократія въ XVIII в. была образцовымъ учрежденіемъ этого рода по своей исполнительности и по своей образцовой дисциплинѣ: все здѣсь исходило изъ центра, отъ самого монарха или отъ правящаго министра, и чиновникамъ оставалось только исполнять доходившія до нихъ предписанія. Другою силою, на которую опирались правительства, были арміи, численность которыхъ впервые теперь достигаетъ своего апогея при „старыхъ порядкахъ". Послѣ періода феодальныхъ дружинъ и муниципальныхъ ополченій, послѣ періода кондотьерства, оканчивающагося эпохой Валленштейна, наступаетъ время большихъ постоянныхъ армій, получающихъ впервые правильную организацію. Многочисленныя войны (между прочимъ за разныя наслѣдства, т.-е. войны династическаго характера) дѣлали необходимымъ содержаніе большихъ военныхъ силъ. Пруссія всѣми успѣхами своей политики въ періодъ своего возвышенія была обязана утвердившемуся въ ней милитаризму, который поглощалъ громадныя средства, тяжело достававшіяся еще не особенно большой и бѣдной монархіи. Даже нѣмецкія княжества средней величины стремились имѣть свои собственныя военныя силы; нѣкоторые изъ имперскихъ князей, какъ извѣстно, продавали своихъ солдатъ Англіи во время возстанія сѣверо-американскихъ колоній [1]). Въ Пруссіи, которая въ XVIII в. сдѣлаласъ на Западѣ образцомъ военнаго государства, духъ милитаризма проникъ и въ гражданскія отношенія, въ которыхъ господствовали принципы субординаціи, дисциплины, исполненія безъ разсужденія.

Какъ отражались эти порядки на частной жизни, лучше всего показываетъ *терминъ „полицейское государство"* (*Polizeistaat*), *который употребляется въ нѣмецкой исторической и юридической литературѣ для обозначенія именно государства разсматриваемаго періода.* Что такое названіе возникло на нѣмецкомъ языкѣ, очень понятно: государство, все на себя берущее, всѣмъ завѣдующее, произвольно всѣмъ распоряжающееся, мелочно вмѣшивающееся въ частную жизнь,—вотъ та форма политическаго быта, которая была господствующею въ нѣмецкихъ княжествахъ прошлаго вѣка. Образцомъ такого „Polizeistaat'a" стала именно Пруссія, особенно при Фридрихѣ-Вильгельмѣ I, когда система правительственнаго вмѣшательства въ частную жизнь проводилась особенно грубо: это было, какъ мы еще увидимъ, правленіе величайшаго произвола, пріучившее пруссаковъ къ самой строгой дисциплинѣ. Самъ Фридрихъ II говорилъ, что ему „надоѣло царствовать надъ рабами". Вообще то, что нѣмцы называютъ „полицей-

---

[1]) *Карр.* Der Soldatenhandel deutscher Fürsten nach America.

скимъ государствомъ", было лишь частнымъ проявленіемъ системы правительственной опеки, которая установилась на континентѣ въ разсматриваемую эпоху. Принципъ вездѣ былъ одинъ и тотъ же, и только внѣшнія формы, въ которыхъ онъ проявлялся, разнообразились соотвѣтственно съ традиціями и учрежденіями отдѣльныхъ странъ. *Что особенно характеризуетъ полицейское государство, такъ это—неуваженіе къ личнымъ правамъ:* послѣднія были лишены какихъ бы то ни было гарантій, и въ этомъ отношеніи особенно характеристичны французскіе административные нравы прошлаго вѣка, lettres de cachet, произвольные аресты, конфискаціи, преслѣдованія иновѣрія, перлюстрація частной переписки, цензурныя запрещенія, сожженія книгъ рукою палача, гоненія, воздвигавшіяся на писателей и т. п. факты, на которые справедливо указываютъ, какъ на главную сторону старыхъ политическихъ порядковъ, наиболѣе соприкасавшуюся съ частною, индивидуальною жизнью. Только въ эпоху „просвѣщеннаго абсолютизма" духовная свобода личности и въ теоріи, и отчасти на практикѣ получила признаніе со стороны государства.

IV. Остатки феодальныхъ учрежденій [1]).

Сохраненіе феодальныхъ началъ и учрежденій въ государственномъ быту.— Парижскій парламентъ.—Борьба королевской власти съ парламентами въ XVIII вѣкѣ.—Феодальное смѣшеніе государственныхъ и частно-правовыхъ отношеній.— Централизація и провинціальныя привилегіи.—Феодальныя начала въ политическомъ строѣ Германіи.—Конгрессивность имперскаго сейма.—Паденіе центральныхъ учрежденій въ Германіи.—Мелкодержавіе и аристократическій строй.— Феодальное пониманіе свободы.—Республики и федераціи.

Королевскому абсолютизму на западѣ Европы пришлось утверждаться въ феодальномъ обществѣ. Мы видѣли, что въ новое время государство, принявшее форму абсолютной монархіи, сочеталось съ соціальнымъ строемъ, который основывался цѣликомъ на началахъ средневѣкового феодализма, и что въ этомъ сочетаніи неограничен-

[1]) *Simonnet.* Les parlements sous l'ancienne monarchie.—*Aubert.* Le parlement de Paris.—Соч. по исторіи мѣстныхъ парламентовъ *Floquet* и *Lair'a* (Нормандія), Des Marches и *De Lacuisine* (Бургундія), *Pillot* (Фландрія и Эльзасъ), *Em. Michel'я* (Метцъ), *Brives-Cazes* (Бордо), *Bascle de Lagrèze* (Беарнъ), *E. Lapierre*, *Dubédat* (Тулуза). Исторіи французскаго права *Laferrière*, *Paul Viollet*, *A. Gautier*, *Guétat*, *Glasson'a*, *H. Beaune* (Droit coutumier), *Warnkönig und Stein* (Franz. Staats- und Rechtsgeschichte) и др. Кромѣ того, во Франціи весьма хорошо разрабатывается провинціальная исторія; литература эта слишкомъ обширна, чтобы на нее здѣсь указывать, а потому отмѣтимъ только работы о провинціальныхъ штатахъ (*De Carné*—О Бретани, *Filon*—объ Артуа и др.).

ной монархіи съ сословными привилегіями и заключалась главная особенность порядковъ, разрушенныхъ французской революціей. Съ другой стороны, и *въ политической сферѣ государственные принципы и формы новаго времени не вытѣснили окончательно феодальныхъ началъ и учрежденій*. Примѣръ Франціи въ этомъ отношеніи особенно характеренъ, такъ какъ до самой революціи старая французская монархія носила на себѣ слѣды своего феодальнаго происхожденія; съ этой стороны французская исторія поучительна именно потому, что на ней съ особенною наглядностью наблюдается, какъ новая власть, возникшая среди устарѣлыхъ учрежденій, уживается съ этими послѣдними и даже принимаетъ отъ нихъ извѣстную окраску. Французская династія происходила отъ феодальныхъ сеньеровъ, и принадлежавшіе къ ней короли до самаго конца существованія „старыхъ порядковъ" продолжали считать себя главнымъ образомъ членами дворянскаго сословія, хотя въ принципѣ королевская власть представляла собою всю націю, была воплощеніемъ всего государства и потому возвышалась надъ отдѣльными общественными классами. Какъ предокъ этой династіи былъ лишь „первый между равными", такъ и его потомки передъ самой революціей считали себя „первыми дворянами своего королевства", хотя и думали вмѣстѣ съ тѣмъ, что послѣднее цѣликомъ воплощается въ королевской особѣ. Въ смыслѣ сохраненія въ государственной жизни Франціи учрежденій феодальнаго происхожденія въ эпоху полнаго господства абсолютизма весьма также интересна судьба парижскаго парламента. Извѣстно, что это было высшее судебное учрежденіе, образовавшееся еще въ XIII вѣкѣ съ наслѣдственностью мѣстъ, распроданныхъ самими королями, и съ довольно значительными привилегіями политическаго свойства: именно парламентъ вносилъ въ свои реестры (droit d'enregistrement) королевскіе ордоннансы и имѣлъ право дѣлать по ихъ поводу представленія, или ремонстраціи (droit de remonstrance). Пользуясь этимъ правомъ, парламентъ отказывался иногда отъ занесенія указовъ короля въ свои списки, и тогда королю оставалось только лично, въ торжественномъ засѣданіи (lit de justice) приказывать исполнить его волю. Хотя съ развитіемъ королевской власти права парламента и были сильно сокращены, но онъ при каждомъ удобномъ случаѣ стремился расширить свою власть. Въ XVII в. парижскій парламентъ съ другими верховными палатами сдѣлалъ даже попытку ограничить королевскую власть въ пользу чиновничьей олигархіи [1]). Вообще съ тѣхъ поръ, какъ прекратились созывы генеральныхъ штатовъ, парламентъ смотрѣлъ на себя, какъ на народное представительство,—

---

[1]) Эта попытка составляетъ видную сторону такъ называемой фронды.

каковымъ онъ на самомъ дѣлѣ не былъ,—какъ на учрежденіе, ограничивающее королевскій произволъ во имя охраны законовъ отъ всякаго на нихъ посягательства.

Въ XVIII в., т.-е. при Людовикахъ XV и XVI, *королевская власть приходила весьма часто въ столкновенія съ парламентами*, и это даже составляетъ весьма любопытную страницу въ исторіи Франціи при „старомъ порядкѣ“, указывая на то, какъ абсолютная монархія до самаго своего конца должна была терпѣть около себя учрежденіе, которое хотя и не было настолько сильно, чтобы ее ограничивать, но тѣмъ не менѣе создавало для нея не мало затрудненій. Между прочимъ, парламенты (ихъ было нѣсколько, такъ какъ существовали они и въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, составлявшихъ независимые отъ парижскаго парламента судебные округи) являлись защитниками консервативныхъ интересовъ въ ту эпоху, когда французское правительство вступало на путь преобразованій.

Царствованіе Людовика XIV было временемъ униженія парижскаго парламента; но послѣ его смерти парламентъ снова началъ играть политическую роль. Первымъ его шагомъ было кассировать духовное завѣщаніе Людовика XIV и за малолѣтствомъ Людовика XV сдѣлать регентомъ герцога Филиппа Орлеанскаго, который и возвратилъ парламенту le droit de remonstrance, отнятое у него въ 1673 г. Еще въ регенство герцога парламентъ сталъ прибѣгать къ этому своему праву, что вызывало, однако, неудовольствіе правительства. Однажды оно даже объявило парламенту (1718 г.), что вмѣшиваться въ дѣла государственныя онъ не имѣетъ права, когда же президентъ и двое членовъ оказали сопротивленіе приказамъ регента, послѣдній велѣлъ ихъ арестовать. Затѣмъ, произошло, напримѣръ, столкновеніе въ началѣ тридцатыхъ годовъ. На этотъ разъ дѣло приняло такой оборотъ. Парламентъ, стоявшій на сторонѣ янсенистовъ, протестовалъ противъ осуждавшей ихъ папской буллы („Unigenitus“) и провозгласилъ въ особомъ постановленіи старыя вольности галликанской церкви. Королевскій совѣтъ кассировалъ это постановленіе, и Людовикъ XV отказался принять ремонстранцію; онъ даже велѣлъ разорвать ее въ присутствіи членовъ парламента, двое изъ которыхъ были вмѣстѣ съ тѣмъ сосланы. Тогда парламентъ прекратилъ судебную дѣятельность, и многіе члены оставили свои занятія. Правительство отвѣчало на этотъ шагъ новыми изгнаніями, но въ концѣ-концовъ уступило и возвратило изгнанныхъ (1732 г.). Черезъ нѣсколько лѣтъ по поводу опять-таки упомянутой буллы парламентъ былъ изгнанъ въ полномъ составѣ и замѣненъ особою „королевской палатой“, но его снова скоро возвратили, такъ какъ онъ нашелъ поддержку, съ одной стороны, въ другихъ центральныхъ учрежденіяхъ, гдѣ также засѣдала

наслѣдственная магистратура, а съ другой—въ провинціальныхъ парламентахъ и въ низшихъ судахъ. Парижское населеніе было тоже за парламентъ, и правительство боялось, что парижане, пожалуй, начнутъ строить баррикады (1753 г.). Въ началѣ семидесятыхъ годовъ, т.-е. уже въ концѣ царствованія Людовика XV, правительство рѣшилось на крайнюю мѣру—на совершенное уничтоженіе парламентовъ; однимъ изъ первыхъ распоряженій Людовика XVI, было ихъ возстановленіе, но съ ихъ стороны и ему, однако, также пришлось встрѣтить оппозицію. Съ парламентами у правительства даже произошла ожесточенная борьба въ самые послѣдніе годы существованія „стараго порядка".

Парламентъ возникъ во Франціи въ первые вѣка старой монархіи: вмѣстѣ они явились на свѣтъ и вмѣстѣ пали. Основою этого учрежденія была феодальная курія пэровъ Филиппа-Августа. Хотя главными его членами и сдѣлались легисты, но продажность должностей, основывавшаяся на феодальномъ началѣ смѣшенія государственныхъ и частно-правовыхъ отношеній, создавала изъ парламентской магистратуры особое аристократическое сословіе (noblesse de robe), привилегированную корпорацію, смотрѣвшую на исполненіе своихъ функцій, какъ на частную свою собственность,—положеніе, совершенно несовмѣстимое съ бюрократическими порядками, вводившимися абсолютною монархіей. Прекращеніемъ своей дѣятельности эта корпорація ставила правительство въ затрудненіе, такъ какъ, только нарушая права законной собственности, королевская власть могла назначить на мѣста непокорныхъ членовъ парламента другихъ судей. Вмѣстѣ съ парламентами, учрежденными въ другихъ частяхъ государства, парижскій парламентъ былъ главнымъ хранителемъ старины—сословныхъ и корпоративныхъ правъ, провинціальныхъ и муниципальныхъ привилегій, и въ этомъ отношеніи всѣ они проявили большую солидарность, когда, напримѣръ, стали смотрѣть на себя, какъ на „классы" одного цѣлаго, во главѣ котораго стояла парижская магистратура.

Королевская власть разрушала во Франціи лишь тѣ остатки средневѣковой старины, которые мѣшали ея усиленію и безраздѣльному господству, скорѣе даже охраняя, чѣмъ разрушая то, что, наоборотъ, представлялось ей покоящимся на томъ же принципѣ, въ которомъ она видѣла собственное свое основаніе. При феодальномъ смѣшеніи понятій собственности и власти, французская династія смотрѣла на свои права, какъ на частную собственность королевской фамиліи, совершенно такую же, какую составляли феодальныя права дворянства или наслѣдственныя должности членовъ парламента. Такое же двойственное отношеніе со стороны власти мы наблюдаемъ и по отношенію къ провинціальному быту. Франція складывалась

постепенно изъ отдѣльныхъ феодальныхъ княжествъ, мало-по-малу превращавшихся въ провинціи единаго государства; но *если всѣ эти провинціи одинаково были подчинены правительству, управлявшему ими посредствомъ своихъ интендантовъ, то въ другихъ отношеніяхъ онѣ представляли большое разнообразіе, какъ наслѣдіе феодальной обособленности.* Интенданта, стоявшаго во главѣ французской провинціи (généralité), сравнивали въ XVIII в. съ персидскимъ сатрапомъ или съ турецкимъ пашею, такъ какъ ему давались самая широкая власть и самыя широкія полномочія, право вмѣшиваться во всѣ стороны провинціальной жизни и возможность величайшаго произвола. Въ этомъ отношеніи всѣ провинціи были приведены къ одному знаменателю; но въ тѣхъ сторонахъ, гдѣ областная жизнь не имѣла прямого отношенія къ правительству, тамъ въ полной почти неприкосновенности сохранялись старыя перегородки, остатокъ феодальнаго раздробленія. Поэтому провинціальный бытъ Франціи представлялъ собою крайнее разнообразіе. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ были провинціальные штаты (états provinciaux), и эти провинціи назывались pays d'états, но число ихъ было очень незначительно [1]), въ большей же части Франціи областное сословное представительство было уничтожено; впрочемъ, значеніе такихъ штатовъ тамъ, гдѣ они существовали, было ничтожно, потому что положеніе интендента оставалось одинаковымъ, былъ ли онъ въ pays d'états, или въ pays d'élection, какъ назывались провинціи, лишенныя мѣстнаго представительства. Составъ провинціальныхъ штатовъ былъ средневѣковой, сословный съ преобладаніемъ аристократіи. Далѣе, въ судебномъ отношеніи однѣ провинціи составляли округъ парижскаго парламента, другія имѣли собственные парламенты, заведенные большею частью во второй половинѣ XV и первой половинѣ XVI в., какъ бы въ утѣшеніе за потерю этими провинціями прежней независимости. Какъ провинціальные штаты, такъ и другія мѣстныя учрежденія, существовавшія въ разныхъ провинціяхъ, имѣли весьма неодинаковое устройство, напримѣръ, въ Бретани или Лотарингіи то устройство, какое имѣли при прежнихъ герцогахъ, въ Артуа, во Фландріи, въ Руссильонѣ—изъ временъ испанскаго владычества. Въ юридическомъ отношеніи Франція дѣлилась на двѣ большія области: въ одной господствовало писанное право, римское (на югѣ), въ другой—обычное, вѣрнѣе кутюмное (на сѣверѣ), но подъ этимъ дѣленіемъ скрывалось великое разнообразіе „кутюмъ", или мѣстныхъ законовъ, число каковыхъ доходило чуть не до трехсотъ.

---

[1]) Languedoc, Provence, Bourgogne, Bretagne, Artois, Hainaut, et Cambrésis, Flandre, затѣмъ четыре маленькія провинціи, составляющія нынѣ одинъ только департаментъ (Ain) и наконецъ мелкія провинціи на сѣверъ отъ Пиренеевъ.

По самымъ важнымъ вопросамъ гражданскаго права кутюмы отдѣльныхъ провинцій и болѣе мелкихъ дѣленій не сходились между собою: однѣ кутюмы не допускали существованія крѣпостного права въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ дѣйствовали (coutumes franches), другія, наоборотъ, признавали серважъ, какъ законное состояніе (coutumes serves); по однѣмъ кутюмамъ каждый земельный участокъ непремѣнно предполагался зависящимъ отъ какого-либо сеньера, который имѣлъ извѣстныя надъ нимъ права, разъ участокъ лежалъ въ предѣлахъ территоріи, на которую простиралась юрисдикція сеньера, т.-е. признавалось феодальное правило: „nulle terre sans seigneur", тогда какъ другія кутюмы этого правила не признавали и требовали, чтобы сеньеръ особымъ документомъ доказывалъ свое право на полученіе оброковъ и пошлинъ съ того или другого земельнаго участка („nul seigneur sans titre"). Система налоговъ, ихъ величина равнымъ образомъ была различная въ разныхъ провинціяхъ. Напримѣръ, при существованіи соляной монополіи (la gabelle), отдававшейся на откупъ, какъ количество соли, которое обязанъ былъ купить каждый житель, такъ и ея цѣна измѣнялись самымъ причудливымъ, самымъ непостижимымъ образомъ. Королевская централизація не уничтожала нѣкоторыхъ хорошихъ сторонъ въ этомъ развитіи мѣстной жизни, но многое представляло изъ себя феодальный анахронизмъ, напоминало тѣ времена, когда „гора была однимъ государствомъ, долина — другимъ", несмотря на политическое и національное единство территоріи и населенія. Какъ устройство и права парламента, такъ и эта провинціальная обособленность были феодальными „переживаніями" при полномъ развитіи королевскаго абсолютизма и административной централизаціи. Однимъ словомъ, *процессъ строенія новаго государства на новыхъ началахъ не былъ завершенъ во Франціи монархіей Бурбоновъ:* то, что сдѣлано было Генрихомъ IV и Ришелье, такъ на этомъ и остановилось—и какъ-разъ въ ту эпоху, когда одною изъ задачъ „просвѣщеннаго абсолютизма" было подвести къ одному знаменателю мѣстныя особенности. Во Франціи эта работа была произведена революціей, завершившей процессъ объединенія въ одно политическое цѣлое крупныхъ и мелкихъ провинцій, составлявшихъ когда-то феодальныя графства и сеньеріи.

Феодальная примѣсь была не чужда и другимъ абсолютнымъ монархіямъ, но *ни одна большая страна до такой степени не была проникнута феодальными началами въ своемъ политическомъ быту, какъ Германія*, или Священная Римская имперія нѣмецкой націи [1]). Если въ ея отдѣльныхъ княжествахъ утвердился настоящій абсолю-

[1]) Указанія на литературу сдѣланы выше (см. стр. 17).

тизмъ, то въ цѣломъ это была чисто феодальная федерація, такъ какъ князья связаны были съ императоромъ (по крайней мѣрѣ, въ теоріи) лишь узами вассальныхъ отношеній. Французская революція, нанесшая окончательный ударъ феодализму на своей родинѣ, въ побѣдоносномъ своемъ шествіи по Европѣ была тѣмъ толчкомъ, отъ котораго разсыпалось и зданіе средневѣковой имперіи, бывшее уже настоящимъ анахронизмомъ въ XVIII столѣтіи. Въ Германіи, разсматриваемой, какъ одно цѣлое, въ концѣ среднихъ вѣковъ восторжествовали начала феодальныя надъ государственными, хотя послѣднія и получили перевѣсъ надъ первыми въ отдѣльныхъ княжествахъ (по крайней мѣрѣ, въ наиболѣе крупныхъ), а главныя событія новой нѣмецкой исторіи—реформація въ XVI в. и тридцатилѣтняя война въ XVII столѣтіи—только содѣйствовали дальнѣйшему разложенію Германіи. Вестфальскій миръ узаконилъ окончательно это разложеніе, и съ середины XVII в. до разрушенія средневѣковой имперіи французами внутреннія политическія отношенія страны не испытывали существенныхъ измѣненій.

Изъ борьбы между центральною и территоріальными властями, перешедшей въ острый періодъ въ эпоху реформъ Максимиліана I, побѣдителями вышли князья. Вестфальскій миръ призналъ за ними полный суверенитетъ (Landeshoheit) съ правомъ заключать союзы какъ между собою, такъ и съ иностранными державами, лишь бы союзы эти не были направлены противъ императора и имперіи. Германія сохранила имя имперіи, но въ дѣйствительности это была федерація великаго множества крупныхъ, среднихъ и мелкихъ владѣній—королевствъ, курфюршествъ [1]), герцогствъ, княжествъ, графствъ, ландграфствъ, маркграфствъ, „окняженныхъ" (gefürstete) графствъ, архіепископствъ, епископствъ, пробствъ, аббатствъ, владѣній духовныхъ орденовъ, владѣній имперскаго рыцарства и вольныхъ городовъ, которые и составляли непосредственные (reichsunmittelbare) чины имперіи въ отличіе отъ чиновъ отдѣльныхъ земель, стоявшихъ лишь въ посредственномъ отношеніи къ имперіи. Всѣхъ княжествъ было болѣе трехсотъ, имперскихъ городовъ въ XVIII в.—51, непосредственныхъ рыцарскихъ владѣній (главнымъ образомъ на западѣ Германіи, гдѣ вообще развилось это „мелкодержавіе")—около полуторы тысячъ. Въ этомъ политическомъ раздробленіи мы должны видѣть первый признакъ политическаго феодализма; вторымъ его признакомъ является, какъ извѣстно, смѣшеніе власти государя съ властью помѣщика вслѣдствіе

[1]) Ихъ было сначала семь, съ тридцатилѣтней войны восемь (прибавилась Баварія), съ 1692 г. девять (Ганноверъ), но съ 1777 г. опять восемь вслѣдствіе сліянія Баваріи и Пфальца.

перехода суверенитета къ крупнымъ землевладѣльцамъ. И этотъ признакъ мы встрѣчаемъ въ Германіи въ XVIII в.: если болѣе значительныя владѣнія были государствами въ полномъ смыслѣ этого слова, то владѣнія болѣе мелкія представляли изъ себя настоящія феодальныя сеньеріи; чѣмъ незначительнѣе были эти княжества и графства, тѣмъ болѣе походили они на большія помѣстья, пока въ имѣніяхъ имперскихъ рыцарей мы не видимъ уже прямо сохраненія самыхъ дробныхъ сеньерій, надъ которыми существовала лишь призрачная власть императора. Наконецъ, что касается до третьяго элемента политическаго феодализма, т.-е. до ленной связи между отдѣльными владѣніями (и ихъ іерархіи), то и она обнаруживается въ политическомъ устройствѣ имперіи: всѣ непосредственные чины послѣдней находились по отношенію къ императору въ чисто вассальной зависимости, дѣлавшей изъ его власти простой призракъ (simulacrum inane) или, какъ выразился Іосифъ II, un fantôme d'une puissance honorifique. Императоръ былъ избранный курфюрстами; его права опредѣлялись и все болѣе и болѣе ограничивались избирательными капитуляціями; наиболѣе могущественные князья уклонялись отъ личнаго принесенія присяги, посылая, вмѣсто себя, замѣстителей, которые и исполняли церемонію. Мало того: въ Германіи сохранилась еще одна важная черта средневѣковаго феодализма. Если реформація нанесла ударъ церковному землевладѣнію вообще, а развитіе королевской власти поставило епископовъ и аббатовъ, сохранившихъ свои земли въ католическихъ странахъ,—въ положеніе подданныхъ, то въ католической Германіи до самой революціи какъ бы не бывало ни реформаціи, ни новыхъ государственныхъ отношеній. Въ средніе вѣка епископы и аббаты были не только землевладѣльцами, но и феодальными сеньерами съ суверенною властью, и такой политическій феодализмъ въ церкви сохранился въ одной лишь Германіи. Въ самомъ дѣлѣ, среди ея княжествъ одни были свѣтскія, другія—духовныя, и между послѣдними находились три архіепископства (майнцское, кёльнское и трирское) съ курфюршескими правами. Все это несомнѣннѣйшимъ образомъ свидѣтельствуетъ о томъ, что въ *Германіи XVIII вѣка еще въ полной силѣ были принципы политическаго феодализма.*

При старыхъ феодальныхъ порядкахъ совмѣстное дѣйствіе территоріальныхъ властей возможно было лишь при взаимномъ ихъ соглашеніи. Поэтому онѣ собирались на съѣзды (сеймы), имѣвшіе характеръ международныхъ конгрессовъ: таково было, напримѣръ, и происхожденіе французскихъ генеральныхъ штатовъ, но въ то время, какъ послѣдніе все болѣе и болѣе превращались въ собраніе сословныхъ представителей единаго государства, нѣмецкій имперскій сеймъ

(Reichstag) изъ съѣзда духовныхъ и свѣтскихъ вельможъ имперіи, по мѣрѣ все усиливавшагося ея раздробленія, все болѣе и болѣе дѣлался какъ бы конгрессомъ самостоятельныхъ государей. Вестфальскій миръ окончательно превратилъ имперскій сеймъ въ такой конгрессъ, для рѣшеній котораго (Reichsconclusum) требовалось единогласіе трехъ его „курій"—курфюршеской, княжеской и городской. Участвовали въ рейхстагѣ всѣ непосредственные чины имперіи, кромѣ имперскаго рыцарства, обладая (послѣ вестфальскаго мира) 230 голосами (8 курфюрстовъ, 69 духовныхъ князей, 96 свѣтскихъ, 51 имперскій городъ, 2 голоса неокняженныхъ прелатовъ, четыре голоса отъ всѣхъ графовъ и „господъ"). На сеймѣ происходили вѣчные раздоры, усложнявшіеся вѣроисповѣдными отличіями (corpus catholicorum и corpus evangelicorum) и частными союзами [1]). Въ 1663 г. имперскій сеймъ изъ временнаго съѣзда превратился въ постоянное учрежденіе (der immerwährende Reichstag), просуществовавшее до 1806 г., и съ тѣхъ поръ въ немъ засѣдали уже не сами князья, а ихъ послы; мѣстомъ его засѣданій сдѣлался Регенсбургъ, и члены регенсбургскаго магистрата весьма часто брали на себя представительство другихъ имперскихъ городовъ. Безсиліе этого учрежденія, медленность его дѣлопроизводства, формализмъ, замѣнявшій собою живое дѣло, пустыя препирательства изъ-за этикета,—все это въ XVIII в. дѣлало имперскій сеймъ общимъ посмѣшищемъ: Фридрихъ II сравнивалъ его съ собраніемъ собаченокъ, лающихъ на луну.

Въ ту эпоху, когда централизація всюду дѣлала большіе успѣхи, *въ Германіи центральныя учрежденія падали*. Императорская власть превратилась въ простое почетное званіе. Князья освободились и отъ военной службы имперіи, и не платили никакой дани императору: у послѣдняго, какъ таковаго (а не какъ у австрійскаго государя), не было своего войска, доходы же его какъ императора упали до полутора десятка тысячъ гульденовъ, складывавшихся изъ взносовъ имперскаго рыцарства (charitatis subsidium), подати городовъ, еврейской пошлины и т. п. Общеимперская администрація, во главѣ которой стоялъ архіепископъ-курфюрстъ майнцскій (архиканцлеръ), существовала болѣе на словахъ, нежели на дѣлѣ. Чѣмъ былъ имперскій сеймъ, обладавшій законодательною властью, мы только-что видѣли, но и общеимперская судебная власть, представлявшаяся верховнымъ имперскимъ судомъ (Reichskammergericht), была не въ лучшемъ положеніи. Рейхскаммергерихтъ, засѣдавшій въ Вецларѣ, долженъ былъ разбирать споры между вассалами и жалобы подданныхъ, но распа-

[1]) *Joachim*. Die Entwickelung des Kleinbundes vom Jahre 1658.—*Joachim und Pribram*. Beitrag zur Gesch. des Kleinbundes von 1658.

деніе имперіи совсѣмъ его обезсилило. Во-первыхъ, еще раньше сталъ съ нимъ конкуррировать имперскій надворный судъ (Reichshofrath), учрежденный въ Вѣнѣ для габсбургскихъ земель, но охотно принимавшій и не подвѣдомственныя ему дѣла; далѣе, наиболѣе значительные князья пользовались привилегіями, освобождавшими ихъ отъ этого суда (privilegium de non evocando и privilegium de non appellando); и наконецъ, возможенъ былъ еще „рекурсъ“ недовольныхъ судебнымъ рѣшеніемъ къ имперскому сейму.

На счетъ этого паденія центральныхъ учрежденій и развились, въ особенности на западѣ Германіи, всѣ черты политическаго феодализма. Мелкодержавіе было сильно преимущественно въ юго-западномъ ея углу, болѣе всего по Рейну, Неккару, Майну и по Дунаю: здѣсь было наибольшее количество мелкихъ княжествъ и графствъ, духовныхъ владѣнія, имперскихъ городовъ; здѣсь же существовала масса имперскаго рыцарства (reichsunmittelbare Ritterschaft), т.-е. феодальнаго дворянства, избѣжавшаго участи тѣхъ членовъ своего сословія, которые сдѣлались подданными князей (Landesadel), и имѣвшаго свою особую федеративную организацію съ рыцарскими съѣздами (Rittertag'и, Kreisconvent'ы и т. п.). Мелкіе князья и имперскіе рыцари были полновластными господами въ своихъ владѣніяхъ, подобно болѣе крупнымъ государямъ, и особенно имперскіе рыцари, лишь теоретически признававшіе надъ собою власть императора, угнетали крестьянъ, жившихъ въ ихъ имѣніяхъ. Члены рыцарскаго сословія, подобно польской шляхтѣ, проводили время въ попойкахъ, въ охотѣ, въ раздорахъ между собою или служили при дворахъ князей, во владѣніяхъ которыхъ были, такъ сказать, вкраплены ихъ помѣстья,—разоряясь на придворную роскошь и дѣлаясь должниками князей, которые часто за неуплаченныя ссуды отбирали у нихъ земли превращая ихъ самихъ въ безземельныхъ господчиковъ и пристраивая ихъ у себя на службѣ. Рыцарство было, кромѣ того, тѣмъ сословіемъ, изъ котораго обыкновенно происходили владѣтельные прелаты. Духовные князья правили своими землями при помощи соборныхъ капитуловъ и избирались изъ среды канониковъ, или „соборныхъ господъ“, какъ они назывались (Domherren), попадать же въ число послѣднихъ могли только лица изъ извѣстныхъ фамилій (stiftsfähige Familien), иногда съ обозначеніемъ необходимаго числа благородныхъ предковъ (16 въ Майнцѣ и Трирѣ), дающаго такое право. Въ сущности, за исключеніемъ крупныхъ князей, всѣ мелкіе державцы были суверенной аристократіей, стремившейся подражать настоящимъ государямъ, и въ ихъ владѣніяхъ самымъ нераздѣльнымъ образомъ соединялись черты патріархально-помѣщичьяго быта и хозяйскаго вмѣшательства въ жизнь крѣпостного крестьянства съ чертами

полицейскаго государства и придворной жизни. Въ самой власти Гогенцоллерновъ въ Бранденбургѣ весьма сильны были черты помѣщичьяго управленія. Императоръ, сколько отъ него зависѣло, охранялъ мелкія княжества и имперское рыцарство отъ болѣе крупныхъ князей, не желая усиленія послѣднихъ.

Въ такомъ устройствѣ Германіи видѣли основу „нѣмецкой свободы“ (deutsche Libertät), но подобное пониманіе свободы носило чисто феодальный характеръ. Это была свобода мѣстной жизни отъ правительственнаго центра, хотя бы самая жизнь эта,—какъ то и было въ Германіи при развитіи княжескаго абсолютизма, — устраивалась на иныхъ началахъ, т.-е. это была свобода лишь территоріальныхъ властей, а не всего населенія, свобода вассаловъ по отношенію къ сюзерену, а не свобода подданныхъ по отношенію къ князьямъ. Священной Римской имперіи приписывалось даже республиканское устройство, такъ какъ верховная власть принадлежала въ ней не одному монарху, а совокупности отдѣльныхъ „чиновъ“, и съ этой стороны Германія, дѣйствительно, была такою же федеративною республикою, какую представляла собою „пресвѣтлѣйшая“ (najjaśniejsza) Рѣчь Посполитая польская, тоже бывшая федераціей республиканскихъ воеводствъ съ широкою свободою шляхты и совершеннымъ безправіемъ народа. Въ феодальномъ обществѣ свобода была вообще привилегіей одной аристократіи, и этотъ же характеръ имѣла deutsche Libertät XVIII в. И настоящія республики XVIII в., какъ муниципальныя, такъ и федеративныя, не были демократіями: и въ нихъ свобода была аристократической привилегіей. Впервые демократическая республика была осуществлена только въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ на новыхъ же началахъ образовалась и политическая федерація.

Вообще западно-европейскія республики, существовавшія еще въ XVIII в., носили на себѣ слѣды своего происхожденія въ феодальномъ строѣ. Въ этомъ отношеніи особенно любопытны Нидерланды съ своими старинными штатами, въ которыхъ представлены были сословно-корпоративные интересы. Устройство ихъ было одинаково и въ той части, которая образовала изъ себя республику, и въ той, которая осталась за Испаніей, а въ XVIII в. перешла къ Австріи. Республика Соединенныхъ Штатовъ состояла изъ семи провинцій: Гельдерна, Голландіи, Зеландіи, Утрехта, Фрисландіи, Гренингена и Оберисселя, въ которыхъ было чисто олигархическое правленіе съ преобладаніемъ буржуазіи надъ дворянствомъ. Штаты отдѣльныхъ провинцій выбирали депутатовъ, собиравшихся въ Гагѣ въ качествѣ представителей республики передъ иностранными державами и рѣшавшихъ вопросы о войнѣ и мирѣ („leurs hautes puis-

sances les états généraux"). Но такіе же штаты существовали и въ отдѣльныхъ провинціяхъ, находившихся въ австрійскихъ Нидерландахъ (Бельгіи), гдѣ, напримѣръ, Брабантъ пользовался особенно большими привилегіями. И здѣсь, и тамъ крайній партикуляризмъ провинцій, бывшихъ когда-то самостоятельными княжествами, страшное разнообразіе мѣстныхъ правъ и устройства, сословныя и корпоративныя привилегіи и т. п. были наслѣдіемъ политическаго феодализма, хотя одна часть Нидерландовъ входила въ составъ абсолютной монархіи, а другая составляла самостоятельную республику. Такимъ образомъ и старое республиканское устройство не уничтожало еще окончательно слѣдовъ феодализма.

V. Англійскій парламентъ въ XVIII в. [1]).

Законодательная власть въ континентальныхъ государствахъ XVIII вѣка.—Законодательная власть въ Англіи. — Общій взглядъ на парламентъ въ XVIII в. — Декларація правъ 1689 и актъ о престолонаслѣдіи 1701 г.—Англійскія политическія партіи и ихъ положеніе при Вильгельмѣ III и при Аннѣ.—Возникновеніе парламентарнаго министерства и положеніе первыхъ двухъ Георговъ.—Господство виговъ и семилѣтній парламентъ.—Министерство Роберта Вальполя.—Что такое кабинетъ?—Взаимныя отношенія законодательной и исполнительной властей въ старыхъ конституціяхъ.—Система подкуповъ въ Англіи.—Отношеніе парламента къ политической прессѣ.—Ученіе Блэкстона о правахъ парламента.

Государственная жизнь для правильнаго своего теченія нуждается въ постоянной законодательной дѣятельности, для которой въ каждомъ государствѣ должны существовать особыя учрежденія, будутъ ли они зависѣть исключительно отъ главы государства или представлять собою общественныя силы. *Однимъ изъ крупныхъ недостатковъ государственной жизни XVIII в. было крайнее несовершен-*

---

[1]) По исторіи Англіи въ XVIII в. вообще, кромѣ общихъ исторій Англіи или XVIII в. (между прочимъ у *Онкена* въ Das Zeitalter Friedrichs des Grossen, о которомъ выше, на стр. 4), см. *Г. Вызинскій*. Англія въ XVIII столѣтія.— *Lecky*. History of England in the XVIII century (нѣм. перев. Löwe).—*Mahon*. History of England, 1713—1783.—*Maccarthy*. A history of the four Georges.— *Cornewal Lewis*. Histoire gouvernementale de l'Angleterre depuis 1770 jusqu'à 1830 (перев. съ англ.). — *Erskine May*. Constitutional history of England, 1760—1860 (есть франц. и нѣм. переводы).—*Alpheus Todd*. Parlamentary government in England (нѣм. перев. Ассманна; сочиненіе это посвящено кабинету, объ образованіи котораго см. еще въ книгѣ *Dupriez* „Les ministres dans les principaux pays d'Europe et d'Amérique"). Кромѣ того, *Schaumann*. Geschichte der Erwerbung der Krone Gross Britaniens von Seiten des Hauses Hannover.— *Meinardus*. Die Succession des Hauses Hannover in England. *M. Brosch*. Lord Bolingbroke und Whigs und Tories seiner Zeit. О Вальполѣ соч. *Morley*'я.

ство учрежденій, вѣдавшихъ эту ея сторону, и притомъ одинаково какъ въ абсолютныхъ монархіяхъ, такъ и въ государствахъ, имѣвшихъ иныя политическія формы. Въ эпоху сословной монархіи законодательная власть дѣлилась между королемъ и государственными чинами, но послѣдніе, какъ мы видѣли, въ XVIII в. или уже болѣе не существовали, или пришли въ упадокъ, и королевская власть сдѣлалась единственнымъ источникомъ законовъ на основаніи принципа римскаго права: quod principi placuit, legis habet vigorem. Переходъ законодательной власти къ королямъ возлагалъ на нихъ задачу создать зависимыя отъ нихъ учрежденія, чрезъ которыя они могли бы осуществлять это свое право, но эта задача была выполнена именно самымъ неудачнымъ образомъ. Съ другой стороны, на материкѣ существовали государства, въ которыхъ законодательная власть принадлежала сеймамъ или штатамъ, но и въ этихъ случаяхъ отправленіе ими законодательной функціи представляло большія несовершенства. Въ самомъ дѣлѣ, старая монархія не особенно заботилась о томъ, чтобы выработать правильный порядокъ законодательства. „Просвѣщенный абсолютизмъ" показалъ, что въ данномъ отношеніи все зависѣло отъ энергіи и личнаго усмотрѣнія монарха или перваго министра, какъ это мы и увидимъ въ другомъ мѣстѣ. Во Франціи ордонансы, эдикты, деклараціи и другіе акты, исходившіе отъ верховной власти, переходили черезъ руки канцлера, бывшаго обыкновенно и хранителемъ королевской печати (garde des sceaux), но это была чуть не единственная форма въ дѣлѣ законодательства, такъ какъ король рѣшалъ всѣ важныя дѣла самымъ различнымъ образомъ, совѣтуясь то съ одними лицами, то съ другими: королевскій или государственный совѣтъ (conseil du roi, conseil d'état) мѣнялся въ своемъ составѣ, смотря по роду разсматриваемыхъ дѣлъ, и даже получалъ различныя названія (для политическихъ дѣлъ conseil d'en haut, conseil étroit, conseil secret, conseil de cabinet), нерѣдко же и просто замѣнялся частнымъ совѣщаніемъ двухъ-трехъ министровъ. Однимъ словомъ, особаго учрежденія, которое вѣдало бы только одно законодательство, не существовало [1]). Нерѣдко, впрочемъ, образовывались особыя коммиссіи для выработки новыхъ законовъ, но и это не было регулировано какимъ-либо постояннымъ порядкомъ. Ненормальность въ устройствѣ этой части увеличивалась вслѣдствіе притязанія парламента на участіе въ законодательствѣ посредствомъ своего veto: права d'enregistrement и de remonstrance были тормазомъ, нерѣдко задерживавшимъ правильное теченіе дѣлъ, не говоря уже о томъ, что этими отношеніями создавалось

---

[1]) *Aucoc.* Le conseil d'état avant et depuis 1789.

въ государствѣ какое-то странное двоевластіе — абсолютнаго короля и наслѣдственной магистратуры. Въ Священной Римской имперіи, бывшей своего рода республикою князей и автономныхъ городовъ, законодательная власть принадлежала имперскому сейму, раздѣленному на три коллегіи, или куріи, и для изданія какого-либо закона требовалось ихъ единогласіе, весьма рѣдко осуществлявшееся. Но въ особенномъ разстройствѣ была законодательная дѣятельность польскаго сейма: въ силу извѣстнаго „liberum veto“ сопротивленіе одного земскаго посла могло уничтожить не только любое постановленіе сейма, но и всѣ уже на данномъ сеймѣ состоявшіяся рѣшенія; такъ называемое срываніе сеймовъ было самымъ обычнымъ дѣломъ съ середины XVII до середины XVIII вѣка; земскіе послы были связаны инструкціями сеймиковъ, ихъ выбравшихъ лишь подъ условіемъ, чтобы дѣло, рѣшенное на сеймѣ, подвергалось еще разсмотрѣнію сеймиковъ, которые были вольны принять или не принять сеймовыя постановленія [1]).

Правильный законодательный порядокъ выработался только въ Англіи. Уже къ концу среднихъ вѣковъ въ этой странѣ развилась законодательная инициатива парламента посредствомъ такъ называемыхъ биллей и утвердился извѣстный порядокъ превращенія ихъ въ законы. Въ XVII в. англійскому парламенту пришлось дважды вступать въ борьбу съ королевскою властью за свое законодательное право. Революція 1689 г. утвердила за нимъ это право и даже повела къ его расширенію въ XVIII вѣкѣ, послѣ чего *конституціонныя учрежденія Англіи сдѣлались предметомъ для подражанія при организаціи законодательной власти и въ континентальныхъ государствахъ.* Дѣло въ томъ, что въ политическомъ строѣ Англіи осуществились совершенно новыя начала сравнительно съ другими странами, въ которыхъ сохранились средневѣковые чины, и вотъ когда на материкѣ Европы началось движеніе въ пользу участія народа въ законодательствѣ, многія формы этого участія, выработанныя англійскимъ парламентомъ, оказались примѣнимыми и въ другихъ государствахъ.

Англійская исторія совсѣмъ не развила замкнутыхъ сословій съ особыми правами и привилегіями, въ силу чего парламентъ не былъ сословнымъ представительствомъ, подобнымъ континентальнымъ государственнымъ сеймамъ, а съ другой стороны, парламенту было чуждо начало конгрессивности, требовавшее единогласія депутатовъ,

---

[1]) *A. Pawiński.* Rządy sejmikowe w Polsce. См. также нашъ „Историческій очеркъ польскаго сейма“. Единогласіе требовалось по нѣкоторымъ дѣламъ и нидерландскими генеральными штатами.

какъ это мы видимъ въ Польшѣ или Нидерландахъ, такъ какъ здѣсь утвердилось право большинства не только рѣшать законодательные вопросы, но и выдѣлять изъ своей среды правительство страны въ лицѣ министровъ или вѣрнѣе—министерства. Опережая другія государства, Англія, однако, сохраняла и многія черты стараго быта. Новѣйшее общественное движеніе получило демократическій характеръ. Между тѣмъ хотя англійскій парламентъ и не былъ представительствомъ сословнымъ, онъ, однако, далеко не былъ и учрежденіемъ демократическимъ, потому что, благодаря существованію имущественнаго ценза, дававшаго политическія права лишь извѣстнымъ классамъ общества, нижняя палата была открыта только для представителей этихъ классовъ. Другія стороны избирательной системы, бывшія, какъ увидимъ, источникомъ большихъ золъ въ государственной жизни Англіи, вели свое происхожденіе прямо изъ среднихъ вѣковъ и стали требовать самымъ настоятельнымъ образомъ реформы, вопросъ о которой и былъ поставленъ во второй половинѣ XVIII в., чтобы впервые быть разрѣшеннымъ (да и то не вполнѣ) только въ 1832 г. Наконецъ, самое правленіе, опиравшееся на парламентское большинство, искажалось на практикѣ тѣмъ, что министры создавали необходимое для себя большинство посредствомъ подкуповъ, и въ результатѣ была продажность членовъ парламента. Все это составляло и въ Англіи свои „старые порядки", за которые крѣпко держались правящіе классы. Но если Англія нуждалась и въ реформѣ парламента, то послѣдняя отнюдь не касалась общихъ принциповъ, на которыхъ основывался ея государственный строй. Наоборотъ, основы этого строя получали дальнѣйшее развитіе, и англійская конституціонная монархія послужила образцомъ для политическихъ преобразованій, начавшихся въ Западной Европѣ съ 1789 г.

Вторая англійская революція, низвергшая Іакова II и посадившая на престолъ Вильгельма III, была началомъ новой эпохи въ исторіи англійскаго парламента. „Декларація правъ" (declaration of rights) 1689 г. вмѣстѣ съ актомъ о „престолонаслѣдіи" (act of settlement), вскорѣ за нею послѣдовавшимъ (1701 г.), являются послѣдними великими законодательными памятниками, ограничившими королевскую власть въ Англіи: magna charta libertatum 1215 г. открываетъ собою, а act of settlement) 1701 г. заключаетъ рядъ хартій, на которыхъ зиждется англійская конституція. Декларація правъ, въ формѣ билля о правахъ (bill of rights) сдѣлавшаяся государственнымъ закономъ Англіи, содержала въ себѣ перечисленіе законовъ, нарушавшихся Стюартами, и подтвержденіе основныхъ принциповъ англійскаго государственнаго права, какъ стоящихъ внѣ всякаго спора. Этотъ билль провозглашалъ именно незаконность суспенсивной и диспенсивной власти, на ко-

торую заявлялось притязаніе со стороны Стюартовъ, т.-е. объявлялъ, что король не имѣетъ права ни останавливать дѣйствіе законовъ безъ согласія парламента, ни кого бы то ни было по своему усмотрѣнію освобождать отъ ихъ исполненія. Далѣе, онъ призналъ незаконность учрежденія какихъ бы то ни было исключительныхъ или чрезвычайныхъ судовъ, взиманія денегъ въ казну безъ согласія парламента или въ теченіе болѣе продолжительнаго срока и иными способами, нежели тѣ, какіе опредѣлялись парламентомъ. Равнымъ образомъ утверждалось право подданныхъ подавать петиціи, а всякіе по ихъ поводу преслѣдованія и аресты запрещались; запрещалось набирать и содержать въ королевствѣ постоянное войско въ мирное время безъ разрѣшенія парламента; парламентскіе выборы должны были быть свободны; вмѣстѣ съ этимъ обезпечивалась свобода рѣчи, преній и образа дѣйствій въ парламентѣ отъ всякаго посторонняго вмѣшательства, обезпечивалось и правильное и свободное дѣйствіе суда присяжныхъ. Наконецъ, для уничтоженія злоупотребленій и для улучшенія законовъ парламенты должны были созываться какъ можно чаще. Въ деклараціи правъ была еще статья, объявлявшая неспособнымъ къ царствованію въ Англіи всякое лицо римско-католическаго вѣроисповѣданія. Актъ о престолонаслѣдіи, собственно говоря, переносилъ право престолонаслѣдія въ Англіи по смерти Вильгельма III на его свояченицу Анну (вторую дочь Іакова II), а послѣ ея бездѣтной кончины—на курфюрстину ганноверскую Софію (внуку Іакова I по его дочери Елизаветѣ и дочь Фридриха V Пфальцскаго) съ ея протестантскимъ потомствомъ, но въ актъ этотъ были включены еще весьма важныя статьи, бывшія какъ бы дополненіями къ биллю о правахъ, вызванными возможностью перехода англійской короны къ иноземнымъ государямъ, т.-е. къ ганноверскимъ курфюрстамъ. Двѣ изъ этихъ статей (запрещеніе королю выѣзжать изъ Англіи, Шотландіи и Ирландіи безъ разрѣшенія парламента и недозволеніе быть членомъ парламента всякому, кто имѣетъ отъ короля оплачиваемую жалованьемъ должность или получаетъ отъ короны содержаніе) были вскорѣ отмѣнены,—одна совершенно, другая замѣнена (1706) постановленіемъ, въ силу котораго каждый членъ парламента, получающій какую-либо коронную должность, долженъ былъ слагать съ себя депутатскія полномочія и подвергаться новымъ выборамъ. Другія статьи акта сдѣлались основными законами: король долженъ принадлежать къ англійской церкви; Англія не обязана была защищать постороннія владѣнія своего короля; всѣ дѣла, рѣшающіяся въ тайномъ совѣтѣ (privy council), попрежнему должны въ немъ рѣшаться, но съ тѣмъ новымъ условіемъ, чтобы каждое состоявшееся въ совѣтѣ постановленіе непремѣнно подписывалось тѣмъ его членомъ, который

далъ на него свой совѣтъ и согласіе; отдѣльной статьей запрещалось поручать какія бы то ни было должности не англичанамъ; судьи, хорошо исполняющіе свою должность, признаны были несмѣняемыми, размѣръ ихъ жалованья долженъ былъ быть прочно и твердо установленъ, и только по представленію обѣихъ палатъ парламента могло происходить ихъ смѣщеніе; наконецъ, королевское помилованіе не могло имѣть мѣста въ случаяхъ обвиненія нижнею палатою парламента. Впервые въ этомъ парламентскомъ актѣ поставлены были внѣ всякаго спора три важные принципа англійской конституціи: 1) отвѣтственность министровъ за всѣ правительственныя дѣйствія, 2) независимость судей отъ короны и 3) исключительная юрисдикція парламента по отношенію къ министрамъ и судьямъ.

Оба разсмотрѣнные акта создавали для парламента положеніе, какого онъ добивался раньше, т.-е. и въ концѣ среднихъ вѣковъ, и въ первую революцію, хотя сами эти акты и не осуществляли еще всего, къ чему стремился долгій парламентъ въ 1642 г., во время окончательнаго разрыва съ Карломъ I. Разъ королевская власть поставлена была въ строго ограниченныя рамки, парламентъ же привыкалъ дѣлать все, въ чемъ препятствовать ему не была болѣе въ состояніи корона, то и безъ новыхъ законодательныхъ актовъ, подобныхъ только-что разсмотрѣннымъ, парламентъ могъ фактически получить и закрѣпить за собою путемъ прецедентовъ, т.-е. въ силу своего рода обычнаго права, наиболѣе важныя изъ тѣхъ привилегій, которыхъ онъ напрасно добивался раньше. Въ числѣ требованій, предъявленныхъ Карлу I, были между прочимъ такія: никто не можетъ засѣдать въ совѣтѣ, кто непріятенъ парламенту; лишь тѣ дѣйствія короля могутъ имѣть силу, которыя прошли черезъ его совѣтъ и подписаны совѣтниками; назначенія на важныя государственныя должности должны дѣлаться съ согласія парламента; новые пэры могутъ быть создаваемы лишь съ согласія обѣихъ палатъ и т. д. Существенное изъ этихъ требованій, какъ мы увидимъ, исполнилось при первыхъ двухъ короляхъ изъ ганноверскаго дома, Георгѣ I (1714—1727) и Георгѣ II (1727—1760), благодаря ловкости министра Роберта Вальполя, занимавшаго свой постъ при обоихъ короляхъ въ теченіе двадцати слишкомъ лѣтъ (1721—1742). Въ это время и было положено начало тому порядку вещей, результатомъ котораго явилось образованіе парламентскаго министерства.

Главными дѣятелями въ установленіи парламентскаго режима въ XVIII в. были виги. Эта партія, образовавшаяся,—какъ и противоположная партія торіевъ,—въ царствованіе Карла II, стояла на той точкѣ зрѣнія, что между королевскою властью и націей существуетъ договоръ, и что въ случаѣ нарушенія договора со стороны короны

нація имѣетъ право сопротивленія. Революція 1689 г. совершилась во имя именно этого самаго принципа и потому должна была доставить перевѣсъ партіи, основывавшей на немъ свою политику. Возведеніе на престолъ Вильгельма Оранскаго и передача короны ганноверскому дому, декларація правъ и законъ о престолонаслѣдіи были какъ-разъ дѣломъ виговъ, тогда какъ крайніе торіи, державшіеся ученія о неотчуждаемости наслѣдственныхъ правъ династіи, сдѣлались даже прямо врагами новаго правительства и начали составлять противъ него заговоры и дѣлать попытки возстанія. „Якобиты", сторонники короля, лишившагося англійской короны, а по его смерти ставшіе на сторону его сына (Іакова III), въ теченіе полувѣка не теряли надежды на реставрацію Стюартовъ: рядъ ихъ попытокъ тянется съ начала царствованія Вильгельма III до середины XVIII вѣка, когда внукъ Іакова II, принцъ Карлъ Эдуардъ съ большою отвагою предпринялъ отвоеваніе короны у царствовавшаго тогда въ Англіи Георга II (1745—1746). Связь торизма съ якобитствомъ заставляла англійскихъ королей первой половины XIII в., особенно же ганноверскую династію, видѣть въ вигахъ защитниковъ существующаго порядка. Хотя у Вильгельма III были столкновенія съ вигами, и хотя онъ охотно сближался съ болѣе умѣренными торіями, тѣмъ не менѣе главною опорою его царствованія были виги, имѣвшіе большинство въ парламентѣ. Энергичная борьба, которую этотъ король велъ противъ Людовика XIV, много содѣйствовала утвержденію парламентскаго вліянія въ духѣ вигистскихъ стремленій. Англичане часто бывали недовольны Вильгельмомъ III, находя, что онъ слишкомъ стремится къ личному правленію и что интересы Голландіи, гдѣ онъ былъ наслѣдственнымъ штатгальтеромъ, онъ ставитъ выше интересовъ Англіи, и думая, что послѣдніе вовсе не требовали войны съ Людовикомъ XIV, но, съ другой стороны, якобитскіе происки и покушенія заставляли англичанъ видѣть въ Вильгельмѣ III, охранителя ихъ политическихъ вольностей и національной независимости. Съ своей стороны, нуждаясь постоянно въ новыхъ средствахъ для предпринятой имъ борьбы противъ Людовика XIV, и самъ король не ограничивался одними убѣжденіями палаты общинъ въ необходимости войны съ Франціей, но дѣлалъ и уступки. Члены парламента стали выбираться лишь на три года (законъ 1694 г.); парламенты стали собираться ежегодно; контроль палаты общинъ надъ государственнымъ бюджетомъ сдѣлался дѣйствительнѣе. Вильгельмъ III не желалъ, однако, опираться исключительно на виговъ и стремился поэтому соблюдать равновѣсіе между обѣими партіями, ища поддержки преимущественно между болѣе умѣренными представителями торизма и вигизма и выбирая своихъ совѣтниковъ среди тѣхъ и другихъ. Но уже тогда парламентское

большинство постоянно нападало на министровъ, которые ему не нравились, и уже намѣтился своего рода выходъ изъ мелочной политической борьбы, заключавшійся *въ установленіи солидарности между парламентскимъ большинствомъ и министерствомъ посредствомъ назначенія министровъ изъ господствующей партіи, чѣмъ достигалась, съ другой стороны, и однородность (homogeneity) министерства.*

Королева Анна, наслѣдовавшая Вильгельму III (1702—1714), вынуждена была опираться на виговъ, несмотря на свои торійскія сочувствія и на то, что вообще держалась принципа, по которому королевская власть не должна быть слугою одной какой-либо партіи, а обязана поддерживать равновѣсіе между всѣми партіями, чтобы надъ ними господствовать. Сила вещей заставляла, однако, королеву во внѣшней политикѣ дѣйствовать заодно съ вигами, требовавшими продолженія борьбы съ Людовикомъ XIV (война за испанское наслѣдство), и только завѣдованіе внутренними государственными дѣлами она не отдавала исключительно въ ихъ руки. Извѣстно, что на сторону виговъ склоняла Анну и ея пріятельница, имѣвшая на нее большое вліяніе, леди Мальборо, знаменитый мужъ которой игралъ такую выдающуюся роль въ войнѣ за испанское наслѣдство; но въ концѣ своего царствованія королева освободилась отъ этого вліянія и открыто перешла на сторону торіевъ, которые, впрочемъ, получили и большинство въ парламентѣ, такъ какъ нація стала выражать неудовольствіе на затянувшуюся войну, бывшую дѣломъ виговъ. На мѣсто павшаго Мальборо, притомъ осужденнаго еще и парламентомъ за утайку ввѣренныхъ ему денегъ, сталъ Болингброкъ, образовавшій торійское министерство (1710) и заключившій выгодный для Англіи утрехтскій миръ (1713). Это былъ первый примѣръ замѣны одного однороднаго министерства другимъ однороднымъ же министерствомъ, хотя и не въ исключительной зависимости отъ перемѣны въ парламентскомъ большинствѣ. *Устанавливавшаяся однородность министерствъ сообщала большую силу правительству, какъ представителю исполнительной власти, но вмѣстѣ съ этимъ эта однородность влекла за собою подчиненіе министровъ парламентскому большинству.* Установленіе новыхъ отношеній между совѣтниками короны и парламентомъ—главный фактъ въ исторіи развитія англійскихъ политическихъ учрежденій въ XVIII вѣкѣ. Мало-по-малу министры, бравшіеся изъ парламентскаго большинства, сдѣлались и вождями этого большинства; меньшинство же, прибѣгавшее раньше къ заговорамъ и возстаніямъ, обратилось въ легальную оппозицію, которая дѣйствовала лишь средствами, дававшимися самою парламентскою жизнью. Анна, при которой произошло окончательное сліяніе (1707) Англіи и Шотландіи въ одну Великобританію съ участіемъ шотландцевъ въ лондонскомъ

парламентѣ, умерла въ 1714 г., и на англійскій престолъ вступила ганноверская династія.

Первые два Георга были иностранцами въ Англіи. Они были болѣе привязаны къ родному Ганноверу, плохо понимали внутреннія отношенія своего новаго королевства, чувствовали себя въ немъ одинокими и притомъ боялись якобитскихъ происковъ, заговоровъ и возстаній. Лично это были люди безъ способностей и энергіи. Возведеніе новой династіи на англійскій престолъ было дѣломъ виговъ, и потому весьма естественно, что первые два короля изъ ганноверскаго дома должны были видѣть главную опору своего трона именно въ этой партіи, которая, кромѣ того, пользуясь и сочувствіемъ большинства націи, сумѣла вдобавокъ прочно организоваться въ сплоченную политическую силу и выставила нѣсколькихъ замѣчательныхъ государственныхъ дѣятелей. Наконецъ, только при восшествіи на престолъ Георга I должны были войти въ силу главныя статьи акта о престолонаслѣдіи, составленныя главнымъ образомъ въ виду возможности перехода короны къ иностранному государю, хотя въ то время, когда онѣ писались, никто еще не могъ предвидѣть, когда, при какихъ обстоятельствахъ, при какихъ отношеніяхъ между партіями это случится.

Незадолго до смерти Анны пало, какъ было упомянуто, министерство Мальборо, принявшее вигистскій характеръ. Однимъ изъ видныхъ его дѣятелей былъ молодой еще въ то время человѣкъ (род. 1776) Робертъ Вальполь, сдѣлавшійся членомъ парламента и примкнувшій къ вигамъ еще въ 1701 г. Преслѣдованія, какимъ онъ подвергся со стороны торіевъ, и энергичная борьба съ ними сдѣлали его предметомъ всеобщаго вниманія, и въ парламентѣ 1714 г. былъ уже однимъ изъ главныхъ бойцовъ оппозиціи. Минута для партіи была рѣшительная: Анна мечтала о передачѣ короны своему брату Іакову III; ожидалась отмѣна акта о престолонаслѣдіи 1701 г. новымъ парламентскимъ биллемъ; якобиты готовы были прямо начать войну за права своего претендента. Смерть королевы разстроила всѣ приготовленія, дѣлавшіяся къ новой реставраціи Стюартовъ, и первымъ дѣломъ Георга I было образованіе министерства исключительно изъ членовъ партіи, поддерживавшей его права на престолъ. Это было для англійской государственной жизни настоящимъ началомъ организованнаго правленія партій. Не зная притомъ англійскаго языка, новый король не могъ лично заниматься дѣлами съ своими министрами, какъ не могъ самъ произнести и тронную рѣчь при открытіи парламента. Съ своей стороны, министерство (Townshend-Stanhope) обратилось къ избирателямъ съ прокламаціей, приглашая прислать въ парламентъ людей, остававшихся вѣрными протестантскому престоло-

наслѣдію въ то время, когда оно подвергалось опасности. Выборы 1715 г. дали перевѣсъ вигамъ, отнявъ значительную часть мѣстъ у торіевъ, которымъ принадлежало большинство въ предыдущемъ парламентѣ. Мало того: побѣдители задумали упрочить свое господствующее положеніе, для чего продолжили свои депутатскія полномочія съ трехъ лѣтъ, установленныхъ закономъ 1694 г., на семь лѣтъ (1716). Какъ извѣстно, Англія не знаетъ различія между конституціонными и обыкновенными законами, и то, что̀ было законно постановлено однимъ парламентомъ, столь же законно могло быть отмѣнено другимъ парламентомъ [1]). Вмѣстѣ съ этимъ виги отмѣнили ту статью акта о престолонаслѣдіи, по которой король безъ разрѣшенія парламента не могъ отлучаться изъ страны. Георга I постоянно тянуло въ родной Ганноверъ, тѣмъ болѣе, что съ сыномъ своимъ онъ жилъ не въ ладахъ и боялся усиленія его значенія въ Ганноверѣ во время своего отсутствія, и обѣ англійскія партіи единогласно согласились на то, чтобы король ѣздилъ въ Ганноверъ, когда ему будетъ угодно. Для развитія парламентскаго правленія это оказалось только выгоднымъ.

Въ 1721 г. первымъ министромъ сдѣлался Робертъ Вальполь, а парламентскіе выборы слѣдующаго года дали вигамъ опять громадное большинство. Еще въ тронной рѣчи 1721 г. Вальполь начерталъ программу своей будущей дѣятельности: это было расширеніе англійской торговли, облегченіе вывоза англійскихъ мануфактурныхъ продуктовъ и ввоза сырья, необходимаго для выдѣлки фабрикатовъ, уничтоженіе вывозныхъ и ввозныхъ пошлинъ и увеличеніе флота, т.-е. торговые и промышленные интересы выдвигались теперь на первый планъ сравнительно со всѣми церковными и политическими вопросами, волновавшими англійскую націю до того времени. Въ этой тронной рѣчи отъ имени короля провозглашалось, что торговля и богатство его народа суть золотые плоды принадлежащихъ ему вольностей и лучшее украшеніе короны. Мы еще увидимъ, что популярность такой правительственной программы сдѣлалась возможною лишь благодаря тому, что старую землевладѣльческую аристократію къ этому времени начала вытѣснять аристократія денежная, стремившаяся сдѣлаться правящимъ классомъ государства. Мы увидимъ также, что этотъ классъ, парламентскимъ вождемъ котораго и былъ Вальполь, скоро превратился въ настоящую олигархію, сдѣлавъ изъ денегъ прямое орудіе власти посредствомъ системы подкуповъ, которую напрасно ставили въ упрекъ исключительно одному Вальполю.

---

[1]) См. доказательства у Дайси (Государственное право Англіи русск. пер. подъ ред. П. Г. Виноградова).

Въ данномъ мѣстѣ важно отмѣтить лишь то, что именно Вальполь, каковы бы ни были его личныя качества и политическія средства, положилъ прочное основаніе парламентаризму, прибѣгая даже къ подкупу членовъ парламента для того, чтобы имѣть на своей сторонѣ большинство, безъ котораго уже мудрено было теперь оставаться у власти.

Положеніе Вальполя сдѣлалось-было весьма затруднительнымъ съ воцареніемъ Георга II. Еще будучи наслѣдникомъ престола, Георгъ II ненавидѣлъ министра своего отца. Онъ зналъ лучше, нежели покойный король, англійскія отношенія, такъ что при немъ первому министру было много труднѣе оставаться хозяиномъ въ правленіи государствомъ, тѣмъ болѣе, что Георгъ II уже говорилъ по-англійски и могъ лично вести дѣла съ министрами. Вальполь тѣмъ не менѣе удержался у власти: только онъ могъ пообѣщать Георгу II, отличавшемуся корыстолюбіемъ, что парламентъ увеличитъ королевское содержаніе (цивильный листъ) и назначитъ большую вдовью пенсію королевѣ, имѣвшей вліяніе на супруга. Поддерживаемый парламентскимъ большинствомъ и склонивъ на свою сторону новаго короля, „великій коммонеръ“ еще нѣсколько лѣтъ оставался господиномъ положенія во главѣ однороднаго министерства. Однако, внѣшняя политика Вальполя, которою онъ тоже старался угодить двору [1]), вызвала противъ него въ концѣ-концовъ оппозицію въ парламентѣ. Король распустилъ его весною 1741 г., но новый парламентъ, собравшійся зимою того же года, уже въ преніяхъ объ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь сдѣлалъ нападеніе на министерскую политику, и голосованіе оставило Вальполя въ меньшинствѣ. Тогда онъ покинулъ свой постъ, и съ тѣхъ поръ сдѣлалось общимъ правиломъ для министровъ, не имѣющихъ большинства, отказываться отъ своихъ должностей (если только они не предпочитали обратиться къ странѣ, распустивъ парламентъ и назначивъ новые выборы).

Министерство Роберта Вальполя такимъ образомъ *было первымъ парламентскимъ кабинетомъ въ новомъ смыслѣ, т.-е. въ смыслѣ исполнительнаго комитета парламентскаго большинства, управляющаго государствомъ и пользующагося правами, которыя обыкновенно называются правами короны*. Этого учрежденія еще не знаетъ государственное право Англіи, вышедшее изъ революціи 1689 г. Хотя въ Англіи уже давно установился принципъ, по которому король не можетъ быть несправедливымъ (the king cannot wrong), и всѣ незаконныя дѣйствія

---

[1]) Это было въ началѣ войны за австрійское наслѣдство, въ которой Англія выступила защитницей прагматической санкціи въ связи съ ганноверскими интересами.

короля вмѣняются въ вину его дурнымъ совѣтникамъ, тѣмъ не менѣе настоящая отвѣтственность министровъ установилась въ Англіи лишь въ XVIII столѣтіи. Мы уже знаемъ, что для законности актовъ, исходящихъ отъ королевской власти, законъ 1701 г. требовалъ подписи подъ нимъ министровъ, но онъ еще не заключалъ въ себѣ прямого указанія на ихъ отвѣтственность. Лишь въ 1711 г. палата лордовъ самымъ положительнымъ образомъ утвердила принципъ, что глава государства не отвѣтствуетъ лично за правительственные акты, и что вся отвѣтственность за нихъ падаетъ на министровъ, а потому прерогатива короны не подлежитъ критикѣ или совѣту парламента. Это было весьма важное заявленіе: дѣлаясь неотвѣтственною за свои дѣйствія, корона въ Англіи лишалась всякой власти надъ министрами и парламентомъ, такъ какъ могла пользоваться теперь своею прерогативою лишь въ зависимости отъ содѣйствія со стороны соотвѣтственныхъ министровъ и какъ бы подъ условіемъ согласія со стороны парламента, передъ которымъ министры были отвѣтственны. Благодаря этому, *вся исполнительная власть перешла въ руки министерства, послѣднее же сдѣлалось только правительственнымъ комитетомъ большинства нижней палаты парламента*. Это хорошо понималъ уже Георгъ II. Когда во время одного политическаго столкновенія въ 1745 г. тогдашній лордъ-канцлеръ въ разговорѣ съ королемъ сказалъ, что назначенные имъ министры суть только орудія его власти, Георгъ II съ горькою усмѣшкою возразилъ на это: „въ здѣшней странѣ королемъ стали министры". Это было первое признаніе новаго политическаго положенія со стороны англійскаго монарха, но вызвано оно было если и первымъ, то далеко не послѣднимъ случаемъ, когда королевская власть должна была мириться съ прямо навязываемой ей системой правленія. Такимъ образомъ въ серединѣ XVIII в. благодаря именно образованію конституціоннаго кабинета окончательно консолидировались права парламента.

Положеніе королевской власти въ Англіи невольно напрашивается на сравненіе съ ея положеніемъ въ Польшѣ. И тамъ эта власть дошла до послѣдней степени ограниченія, но если въ Англіи прерогатива короны перешла къ кабинету, представляющему собою парламентское большинство, которому въ свою очередь фактически стали принадлежать всѣ права суверенитета, то въ Польшѣ ограниченіе королевской власти, наоборотъ, не сопровождалось перенесеніемъ ея правъ на какое-либо учрежденіе, зависящее отъ сейма. Самъ сеймъ не получилъ притомъ полной верховной власти, не съумѣвъ подчинить себѣ сеймики отдѣльныхъ воеводствъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не съумѣлъ поставить въ зависимость отъ себя и министровъ, которые могли совершенно произвольно распоряжаться каждый въ своей об-

ласти, такъ какъ здѣсь не образовалось солидарнаго и отвѣтственнаго министерства, которое опиралось бы на сеймовое большинство. Англія весьма удачно *разрѣшила для себя вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ законодательной и исполнительной власти*, и въ этомъ заключался главнѣйшій результатъ ея парламентской жизни въ XVIII вѣкѣ. Между тѣмъ указанный вопросъ, ставившійся и въ политической литературѣ XVIII в., былъ однимъ изъ наиболѣе трудныхъ для практическаго рѣшенія въ тогдашнихъ государствахъ, еще сохранявшихъ представительныя учрежденія съ законодательною властью. Въ Польшѣ, выступившей на путь внутреннихъ реформъ въ царствованіе Станислава Августа (1764—1795 гг.), установленіе правильныхъ отношеній между законодательною властью сейма и исполнительною властью короны (съ зависящими отъ нея министрами) было одною изъ важныхъ задачъ внутренняго политическаго переустройства [1]). Въ Голландіи тоже не знали, въ какія взаимныя отношенія поставить генеральные штаты и штатгальтерство. Неудовлетворительнымъ было отношеніе обѣихъ властей и въ шведской конституціи, дѣйствовавшей въ 1720—1772 гг., такъ какъ сеймъ, которому принадлежала законодательная власть, собирался лишь разъ въ три года, и аристократическій государственный совѣтъ въ сущности распоряжался безконтрольно дѣлами государства. Эти старыя конституціи одна за другою пали во второй половинѣ XVIII в., но англійская конституція, наоборотъ, продолжала развиваться далѣе на началахъ, установившихся въ первой половинѣ вѣка, хотя въ началѣ новаго царствованія (Георга III) и заявлено было желаніе уничтожить узурпацію королевскихъ правъ кабинетомъ, какъ это видно изъ одной оффиціозной брошюры 1761 года.

Рядомъ съ успѣхами парламентаризма въ исторіи Англіи этой эпохи нужно отмѣтить и дурныя стороны ея политическаго быта. Выше мы упомянули о подкупахъ, возведенныхъ въ систему при образованіи парламентскаго большинства. Это явленіе стоитъ въ тѣсной связи, во-первыхъ, съ переходомъ политическаго вліянія къ торгово-промышленному классу, видѣвшему въ парламентскомъ правленіи средство проводить въ жизнь свои интересы, а во-вторыхъ, съ дурной выборной системой, унаслѣдованной отъ среднихъ вѣковъ. Крупные капиталисты подкупали избирателей деньгами, чтобы попадать въ члены парламента, а тамъ продавали свои голоса министерству, напримѣръ, за разныя концессіи, монополіи и уступки ихъ интересамъ. Съ другой стороны, само избирательное право принадлежало лишь ограниченному числу лицъ, особенно въ городахъ, и голоса

[1]) См. мою книгу „Польскія реформы XVIII вѣка“.

на выборахъ сравнительно легко было покупать, не говоря уже о томъ, что весьма часто высылались въ парламентъ лица, просто угодныя вліятельному въ данной мѣстности лендлорду. Такъ называемыя „гнилыя мѣстечки“, т.-е. незначительныя поселенія, сохранившія отъ среднихъ вѣковъ право посылать депутатовъ въ нижнюю палату,—въ то время, какъ этого права были лишены многіе болѣе важные города,—указываются даже въ краткихъ учебникахъ, какъ главное зло избирательной системы, господствовавшей въ Англіи до первой парламентской реформы 1832 г. Единственными сдержками при господствѣ подкупа членовъ парламента могли быть общественное мнѣніе и его органъ—пресса, но съ послѣднею парламентъ былъ въ болѣе или менѣе постоянной борьбѣ. У парламента было даже для этой борьбы весьма сильное средство, ибо считалось нарушеніемъ привилегіи (breach of privilege) парламента со стороны всякаго опубликованіе чего-либо запрещеннаго большинствомъ членовъ парламента. Въ 1714 г. Вальполю пришлось выступить защитникомъ одного члена парламента (Steele), автора брошюры „Англичане и кризисъ“, котораго торіи предали суду, какъ человѣка, ставшаго поперекъ ихъ дороги, и Вальполь, ссылаясь на свободу прессы, ставилъ вопросъ, какъ можетъ одна часть законодательной власти (палата общинъ) наказывать въ качествѣ преступленія то, что вовсе не называется преступленіемъ въ законахъ, изданныхъ всею законодательною властью. Тѣмъ не менѣе подсудимый былъ признанъ виновнымъ и исключенъ изъ парламента. Такое право палатъ было страшнымъ орудіемъ въ рукахъ господствующей партіи для того, чтобы принуждать къ молчанію оппозиціонные элементы. Такою же своею привилегіей парламентъ считалъ засѣдать при закрытыхъ дверяхъ, безъ постороннихъ слушателей и какихъ бы то ни было публичныхъ отчетовъ о преніяхъ и голосованіяхъ. Въ этомъ смыслѣ издавались даже спеціальныя постановленія, грозившія строгой карой авторамъ, издателямъ, книгопродавцамъ и типографщикамъ, причастнымъ опубликованію письменныхъ и печатныхъ отчетовъ о засѣданіяхъ обѣихъ палатъ. Оппозиція на этотъ вопросъ смотрѣла совершенно такъ же, какъ и правящая партія. Однимъ словомъ, парламентъ ставилъ свои дѣйствія выше какой бы то ни было критики, и это не оставалось мертвой буквой. Въ началѣ царствованія Георга III (1760—1820 гг.), какъ извѣстно, склонившагося къ торійскимъ принципамъ, произвело большой шумъ дѣло члена парламента Джона Вилькса (Wilkes), подвергшагося преслѣдованію за статью въ оппозиціонномъ журналѣ (North Briton) за критику правительственныхъ дѣйствій. Въ этомъ процессѣ были нарушены всѣ законы страны, а министерство, начавшее преслѣдованіе автора, типографщика и издателя, нашло поддержку въ

парламентѣ. Вильксъ долженъ былъ удалиться въ Парижъ, и этимъ палата общинъ прямо воспользовалась, чтобы исключить его изъ числа своихъ членовъ и даже объявить его внѣ закона (outlawed), такъ какъ онъ не предсталъ передъ парламентомъ для своей защиты.

Процессъ Вилькса имѣлъ принципіальное значенія. Нижняя палата въ интересахъ партіи и въ союзѣ съ дворомъ, съ правительствомъ и съ верхней палатой, нарушила свободу печати и одобрила произвольныя дѣйствія министерства, признанныя незаконными со стороны суда, какъ противныя habeas corpus act'у. На парламентъ смотрѣли всегда, какъ на охрану противъ королевскаго деспотизма, и теперь являлся вопросъ о томъ, кто же будетъ охранять націю отъ деспотизма самого парламента. Дѣло Вилькса разыгралось въ 1764—65 годахъ, а въ 1765 г. вышли въ свѣтъ „Комментаріи къ законамъ Англіи" (Commentaries on the laws of England) Вильяма Блэкстона, какъ разъ учившаго о томъ, что парламенту принадлежитъ неограниченная верховная власть или, какъ онъ прямо выражается, „абсолютная деспотическая власть" (absolute despotic power), которая должна же кому-либо принадлежать во всякомъ государственномъ устройствѣ. Ссылаясь на историческіе примѣры и правовые прецеденты, Блэкстонъ доказывалъ, что парламентъ имѣетъ право распорядиться престолонаслѣдіемъ, измѣнить установленную религію, совершить преобразованія въ государственномъ устройствѣ и въ своей собственной организаціи. По его словамъ, всемогущество (omnipotence) парламента распространяется рѣшительно на все, кромѣ невозможнаго по природѣ вещей (naturally impossible), и нѣтъ силы на землѣ, которая могла бы раздѣлать (ne authority upon earth can undo) то, что разъ имъ сдѣлано. Вмѣстѣ съ этимъ Блэкстонъ называетъ власть парламента безусловной и безотвѣтственной (absolute and without control), возражая Локку, который признавалъ, что верховная власть всегда остается у народа и что тѣмъ самымъ законодательное собраніе подлежитъ его контролю. Для Блэкстона парламентъ есть въ то же время безапелляціонный верховный судъ. Только высшая исполнительная власть (supreme executive power), по его представленію, принадлежитъ королю, который пользуется неотвѣтственностью, будучи неспособнымъ дѣлать несправедливое (the king is . . . incapable doing wrong), а кабинетъ, какъ онъ образовался къ эпохѣ Блэкстона, совсѣмъ не упоминается въ его „Комментаріяхъ" [1]). *Фактически, дѣйствительно, англійскій парламентъ достигъ та-*

---

[1]) Вообще значеніе кабинета, какъ постояннаго комитета палатъ, завѣдующаго всею политикой государства, выяснено только въ XIX в. и главнымъ образомъ *Bagehot'омъ* (The english constitution; есть франц. и нѣм. пер.).

кой „абсолютной деспотической власти", но въ Англіи было еще сознаніе индивидуальной свободы, не мирящейся ни съ какимъ деспотизмомъ, кому бы ни принадлежала возможность дѣлать все, что только терпитъ природа вещей. Англія и стала тою страною, гдѣ въ наибольшемъ объемѣ и наиболѣе прочнымъ образомъ осуществилась индивидуальная свобода [1]), сдѣлавшаяся предметомъ общественнаго стремленія и на материкѣ Европы. Нельзя, однако, оставить безъ вниманія тотъ фактъ, что въ XVIII в. англійскій парламентъ самъ еще нарушалъ принципы свободы (особенно во второй половинѣ столѣтія, когда возвратилась къ власти торійская партія и стала подготовляться реакція, усилившаяся, благодаря французской революціи). Одно изъ нарушеній свободы подданныхъ англійскихъ колоній повело къ отторженію Сѣверо-Американскихъ Штатовъ (1776 г.), а демократическій характеръ французской революціи поселилъ въ правящемъ классѣ Англіи опасенія за собственную власть.

Если въ политическомъ отношеніи Англія и не знала континентальнаго абсолютизма, пользуясь своимъ парламентскимъ строемъ, то въ соціальномъ старые порядки материка находили здѣсь соотвѣтствіе въ томъ положеніи, какое занималъ правящій классъ, обѣ партіи котораго были одинаково враждебны демократіи. Отношенія Великобританіи къ Ирландіи также представляютъ собою темную сторону англійской исторіи.

VI. Личная и общественная свобода въ XVIII вѣкѣ [2]).

Условія, въ какія были поставлены личныя права при старыхъ взглядахъ и порядкахъ.—Обстоятельства, служившія поводомъ къ ограниченію личныхъ правъ.—Отсутствіе гарантій личной свободы.—Положеніе во Франціи протестантовъ.—Положеніе во Франціи печати.—Иновѣріе и общественное мнѣніе въ другихъ государствахъ.—Контрастъ между Англіей и материкомъ.—Свобода совѣсти и свобода печати въ Англіи.—Дѣло Вилькса и «Письма Юніуса».

При сословномъ строѣ общества, когда личныя права опредѣляются принадлежностью къ извѣстному сословію и потому имѣютъ

[1]) Вопросъ о томъ, какъ въ Англіи, благодаря господству права, всемогущество парламента соединяется съ широкимъ развитіемъ личной свободы, разработанъ въ книгѣ Дайси.

[2]) Факты, о которыхъ идетъ рѣчь въ этой главѣ, разсматриваются обыкновенно въ юридической литературѣ въ широкомъ смыслѣ этого слова, т.-е. въ литературѣ по государственному, международному, церковному, полицейскому, гражданскому праву и между прочимъ въ общихъ руководствахъ по этимъ наукамъ. Кромѣ того, *Hatin.* Histoire de la presse en France.—*Grant.* New-papers press.—*Fox-Bourne.* English new-papers.—*Duboc.* Geschichte der englischen Presse.—*Fr. Brockhaus.* Die Briefe des Junius.—*Sachse.* Anfänge der Büchercensur in Deutschland.

характеръ привилегій, *сама личная свобода была также одною изъ такихъ привилегій,* и степень ея была различная въ разныхъ общественныхъ слояхъ. Въ этомъ отношеніи однимъ изъ наиболѣе поразительныхъ примѣровъ неравенства личныхъ правъ представляетъ собою общественный строй старой Польши, гдѣ при крайней неразвитости средняго сословія было только два класса — шляхта и крестьянство. Въ то время, какъ послѣднее находилось въ самомъ жалкомъ рабствѣ у своихъ господъ, всѣ лица шляхетскаго званія пользовались, наоборотъ, самою широкою свободою, какую только можно себѣ представить, прямо даже, полною свободою личнаго произвола, приводившею къ политической анархіи. Но въ Польшѣ, благодаря разложенію государства, лишь въ самой рѣзкой формѣ проявилось то, что было вообще принадлежностью старыхъ общественныхъ порядковъ. Сословный строй, сословныя привилегіи создавали разную мѣру свободы въ различныхъ общественныхъ классахъ, существованіе же крѣпостничества или его остатковъ было равносильно отрицанію наиболѣе элементарныхъ правъ личности у большинства или у значительной части населенія. Обращаясь опять къ той же Польшѣ, мы видимъ, что политическая свобода господствовавшаго въ ней сословія дополнялась еще въ XVI в. весьма широкою свободою религіозною, но этой свободѣ пришелъ конецъ съ наступленіемъ католической реакціи, благодаря чему мѣра правъ личности стала опредѣляться въ Рѣчи Посполитой и принадлежностью къ тому или другому вѣроисповѣданію. И это опять-таки не было явленіемъ исключительнымъ. Реформація, создавшая на Западѣ религіозный расколъ, положила начало государственнымъ церквамъ, требовавшимъ подчиненія себѣ отъ всѣхъ подданныхъ подъ угрозою лишенія или умаленія ихъ правъ, такъ что *личныя права опредѣлялись, кромѣ принадлежности къ извѣстному сословію, и принадлежностью къ извѣстному вѣроисповѣданію.* Въ послѣднемъ отношеніи политическая форма ничего не значила: одними и тѣми же принципами руководились и абсолютный король Людовикъ XIV, уничтожившій нантскій эдиктъ, и свободный англійскій парламентъ, признавшій полную правоспособность лишь за лицами англиканскаго вѣроисповѣданія, и анархическая польская шляхта, изгнавшая антитринитаріевъ и вообще притѣснявшая диссидентовъ. Во всѣхъ этихъ и многихъ подобныхъ случаяхъ государство держалось принципа „cujus regio, ejus religio", но и примѣненіе этого принципа было лишь однимъ изъ частныхъ проявленій *той неограниченной власти, какую государство самыхъ разнообразныхъ устройствъ вообще пріобрѣтало надъ личностью.* Мы видѣли, что государство игнорировало личную свободу гражданъ, особенно въ эпоху развитія такъ называемаго полицейскаго государства, тѣмъ

болѣе, что и въ самомъ обществѣ мало было развито сознаніе личной свободы. Поскольку послѣдняя основывалась на сословныхъ привилегіяхъ, а не на томъ, что философія XVIII в. называла „естественнымъ правомъ“, постольку и обезпечиваться лучше всего она могла лишь тамъ, гдѣ сословія сохраняли политическія права. *Паденіе политическаго значенія сословій сопровождалось поэтому вообще умаленіемъ личной свободы ихъ членовъ по отношенію къ государственной власти.* Польская шляхта даже крѣпко держалась за свою анархію (безнарядье, nierząd), видя въ ней основу всѣхъ своихъ правъ (Polska nierządem stoi) и полагая, что сильное правительство несовмѣстимо съ „золотою вольностью“, подъ которою разумѣлось и право свободно располагать имуществомъ и жизнью хлоповъ. Личная свобода, безъ которой индивидуальная жизнь не имѣетъ полноты, и власть, безъ которой не можетъ существовать государственной жизни, равно необходимы въ жизни общества, но при старыхъ порядкахъ одна приносилась въ жертву другой. Польша представляетъ собою примѣръ страны, гдѣ принципъ власти прямо даже отрицался во имя индивидуальной свободы, не говоря уже о томъ, что эта свобода понималась въ смыслѣ произвола и исключительнаго права одного сословія, державшаго въ крѣпостной зависимости народную массу. Въ другихъ государствахъ, наоборотъ, развитіе принципа власти вело за собою отрицаніе правъ личной свободы.

Пользованіе личными правами *опредѣлялось еще принадлежностью къ извѣстной расѣ или національности.* Въ колоніяхъ европейскихъ государствъ развилось рабовладѣльчество, и негры считались расою, обреченною самимъ Богомъ на рабство. Извѣстно также совершенно безправное положеніе евреевъ, начиная еще съ среднихъ вѣковъ. Далѣе, по старому международному праву иностранцы не пользовались тѣми правами, какія за ними признаются современными законодательствами. Во Франціи существовало старинное право d'aubaine. Обеномъ (aubain или forain) считался въ эпоху феодальнаго раздробленія всякій чужой человѣкъ, поселявшійся въ той или другой мѣстности: если онъ тутъ и умиралъ, его имущество переходило къ сеньеру, какъ имущество раба. Въ XVIII в. droit d'aubaine было уже давнымъ-давно правомъ королевскимъ, въ силу котораго король дѣлался наслѣдникомъ ненатурализованныхъ иностранцевъ, умиравшихъ во Франціи. Правда, еще съ XVI вѣка начались изъятія изъ этого суроваго правила въ формѣ привилегій, дававшихся извѣстнымъ категоріямъ лицъ (напримѣръ, купцамъ, пріѣзжавшимъ на французскія ярмарки), и стали также облегчать натурализацію иностранцевъ, а въ XVIII в. съ большею частью государствъ были заключены трактаты, уничтожавшіе на началахъ взаимности droit

d'aubaine, но принципъ сохранялъ свою силу: такъ какъ, напримѣръ, съ Россіей подобнаго трактата не было, то дѣти русскаго не наслѣдовали своему отцу, оставлявшему движимое или недвижимое имущество во Франціи.

Все это показываетъ, что *за личностью, какъ таковою, старое государство не признавало права на свободу*. Весьма естественно поэтому, что тамъ, гдѣ государственный принципъ получилъ наибольшее развитіе, *законодательство не создавало и гарантій личной свободы*. Средневѣковыя сословныя привилегіи обставляли извѣстными условіями задержаніе и наказаніе лицъ, на которыхъ простирались эти привилегіи, чѣмъ создавались для личности извѣстныя судебныя гарантіи, но въ XVIII в. онѣ находились въ полномъ упадкѣ. Въ этомъ отношеніи наиболѣе характерные факты даетъ намъ опять-таки старая Франція, гдѣ полицейскій произволъ парализовалъ правильное правосудіе, и знаменитыя lettres de cachet, дававшія администраціи право безъ какой бы то ни было судебной процедуры сажать кого угодно въ Бастилію и другія государственныя тюрьмы, сдѣлались настоящимъ символомъ личной необезпеченности, тѣмъ болѣе, что иногда и частныя лица могли добывать такіе бланки объ арестѣ. Далѣе, во Франціи съ правильными судами соперничали разныя чрезвычайныя коммиссіи, которымъ совершенно произвольно отдавались на разсмотрѣніе тѣ или другія дѣла. Впрочемъ, и правильная уголовная юстиція была организована безъ соблюденія условій, которыя обезпечивали бы права подсудимаго. Это была вообще эпоха полнаго развитія инквизиціоннаго процесса: обвиняемаго сажали въ одиночное заключеніе; ему не сообщали обвиненія, противъ него возбужденнаго; его лишали совѣтовъ адвоката; его подвергали пыткѣ, если онъ не хотѣлъ признать себя виновнымъ; судъ надъ нимъ не былъ гласнымъ; приговоръ часто постановлялся безъ достаточной мотивировки; казни отличались особенною жестокостью. Въ XVIII в. подъ вліяніемъ вообще гуманныхъ идей и особенно подъ вліяніемъ принциповъ, выставленныхъ великимъ криминалистомъ этой эпохи, итальянцемъ Беккаріей (1738—1794), авторомъ трактата о преступленіяхъ и наказаніяхъ (Dei delitti e delle pene), началось смягченіе уголовныхъ законовъ въ разныхъ государствахъ, но Франція до самой революціи держалась старыхъ началъ уголовнаго судопроизводства. И здѣсь противоположность Франціи (да и вообще всему континенту) представляла собою Англія, гдѣ существованіе habeas corbus act'a, подсудность однимъ присяжнымъ, независимость судей отъ произвола администраціи, отсутствіе пытки въ уголовномъ судопроизводствѣ, заключали въ себѣ гарантіи личной неприкосновенности. Охрана индивидуальной свободы общимъ господствомъ права

и была тою почвою, на которой при всемогуществѣ парламента выработались такія права англійскихъ гражданъ, какъ свобода совѣсти, свобода мысли, свобода слова, свобода печати, свобода общественныхъ собраній, т.-е. все то, что было совершенно чуждо идеямъ, порядкамъ и нравамъ континентальнаго полицейскаго государства. Въ то время, какъ „просвѣщенный абсолютизмъ" въ нѣкоторыхъ странахъ (и лишь въ извѣстныхъ отношеніяхъ и весьма ограниченной мѣрѣ) начиналъ признавать нѣкоторыя изъ этихъ правъ, заключающихъ въ себѣ и элементы общественной свободы, дореволюціонная Франція оставалась вѣрною традиціямъ системы, установившейся при Людовикѣ XIV.

Со времени отмѣны названнымъ королемъ нантскаго эдикта существованіе протестантовъ во Франціи оффиціально не признавалось. Мѣры, которыя предшествовали отмѣнѣ нантскаго эдикта, ее сопровождали и за нею слѣдовали,—дополнялись въ XVIII в. новыми эдиктами, строго приводившимися въ исполненіе. „Дурно обращенныхъ" (les mauvais convertis), какъ называли тайныхъ протестантовъ, наказывали плетьми, тюрьмою, каторгою на галерахъ. Правительство въ этомъ отношеніи поддерживалось духовенствомъ, которое усматривало опасность для алтаря и трона даже въ простомъ существованіи иновѣрцевъ, и напримѣръ, еще Людовикъ XVI, коронуясь въ Реймсѣ, давалъ торжественную присягу церкви въ томъ, что всѣми зависящими отъ него средствами будетъ искоренять еретиковъ въ своихъ владѣніяхъ. Право на эмиграцію за протестантами во Франціи не признавалось съ самыхъ временъ Людовика XIV. Королевская декларація 1778 г. запрещала „вновь обращеннымъ" отчуждать недвижимыя свои имущества и распродавать всю свою движимость безъ разрѣшенія короля или интенданта. Крещеніе и бракъ, не совершонные католическимъ священникомъ, не признавались за законные, т.-е. жены и дѣти протестантовъ, не желавшихъ подчиняться закону, не пользовались правами своего семейнаго положенія; иногда протестантскій бракъ даже прямо приравнивался къ безнравственному и соблазнительному сожительству, каравшемуся уголовнымъ закономъ. Хотя вестфальскій миръ обезпечивалъ за доставшимся Франціи Эльзасомъ свободу вѣроисповѣданія, тѣмъ не менѣе она и тамъ стѣснялась: запрещалось селиться въ Эльзасѣ некатоликамъ (1662); запрещалось самимъ эльзасцамъ-протестантамъ жительствовать въ католическихъ округахъ страны (1762); кальвинистамъ, не имѣвшимъ своего духовенства въ данной мѣстности, не позволялось обращаться къ лютеранскимъ пасторамъ, и предписывалось въ такихъ случаяхъ вѣнчаться, крестить дѣтей и т. д. у католическихъ священниковъ. Сами католики подчинены были строгому режиму гражданскихъ законовъ

при малѣйшемъ отступленіи отъ церковныхъ правилъ. На трактирщиковъ, дававшихъ скоромныя кушанья въ постные дни, налагался штрафъ (въ триста ливровъ); рабочіе, занимавшіеся своимъ дѣломъ по воскресеньямъ и праздникамъ, тоже подвергались штрафу (въ 25 ливровъ) и т. п.

Печать во Франціи подчинена была строжайшей цензурѣ, правами которой пользовались весьма различныя учрежденія, между прочимъ Сорбонна и парламентъ, т.-е. ученое и судейское сословія. Въ XVIII в. подтверждались не разъ болѣе раннія правительственныя распоряженія, направленныя противъ авторовъ, типографщиковъ, издателей, продавцовъ мятежныхъ пасквилей. Исторія французской литературы XVIII в. наполнена отдѣльными случаями преслѣдованія писателей и сожженія книгъ въ родѣ „Философскихъ писемъ" и другихъ сочиненій Вольтера, „Письма о слѣпыхъ" и другихъ произведеній Дидро, трактата Гельвеція „De l'esprit", „Эмиля" Руссо, „Философской исторіи обѣихъ Индій" Рейналя и т. п. Разумѣется, такіе порядки были сильнымъ препятствіемъ для развитія періодической прессы съ политическимъ характеромъ, сдѣлавшей большіе успѣхи только въ Англіи. Между тѣмъ во Франціи создавалось уже общественное мнѣніе и развилась весьма вліятельная литература, многія произведенія которой увидѣли свѣтъ въ печати, впрочемъ, опять-таки лишь благодаря заграничнымъ (голландскимъ, англійскимъ, швейцарскимъ) типографіямъ. Страдали отъ этого и научныя занятія, между прочимъ, въ области исторіи, поскольку ею могли освѣщаться политическіе вопросы эпохи.

Это отсутствіе индивидуальной свободы, которое прежде всего проявляется въ свободѣ совѣсти и въ свободѣ прессы, т.-е. въ безпрепятственномъ выраженіи общественнаго мнѣнія путемъ печатнаго слова, не было явленіемъ, характеризующимъ одну лишь Францію. Страны католической реакціи и политическаго абсолютизма были обыкновенно вообще враждебны какъ иновѣрію, такъ и свободному общественному мнѣнію. Зато онѣ и находились въ сильномъ культурномъ упадкѣ. Напримѣръ, это можно сказать объ Австріи XVIII в. Протестантизмъ здѣсь преслѣдовался, а когда правительство, нуждаясь въ людяхъ и не находя ихъ среди собственныхъ подданныхъ, выписывало ихъ изъ другихъ частей Германіи, то отъ протестантовъ требовался при этомъ хотя бы наружный переходъ въ католическую церковь. Съ другой стороны, австрійское правительство съ величайшимъ подозрѣніемъ относилось къ нѣмецкимъ книгамъ, печатавшимся въ другихъ частяхъ Германіи, и запрещало ввозъ ихъ въ свои владѣнія. Что касается до внутренней цензуры, то она, какъ здѣсь, такъ и въ другихъ католическихъ государствахъ, находилась въ рукахъ

духовенства, и index librorum prohibitorum, составлявшійся въ Римѣ, руководилъ отношеніемъ мѣстныхъ властей къ книгамъ. Инквизиція дополняла мѣры, направленныя къ подавленію духовной свободы и свободнаго общественнаго мнѣнія, которое, конечно, и не могло развиться подъ такимъ режимомъ.

Когда въ двадцатыхъ годахъ XVIII в. образованные французы (Вольтеръ, Монтескье) стали ѣздить въ Англію, ихъ долженъ былъ сильно поразить контрастъ англійскихъ порядковъ съ тѣми, которые существовали на ихъ родинѣ. Впечатлѣнія, вынесенныя изъ трехлѣтняго своего пребыванія въ Англіи, Вольтеръ изложилъ въ знаменитыхъ „Философскихъ письмахъ“ (или „Письмахъ объ англичанахъ“, какъ они также называются), которыя были сожжены во Франціи рукою палача (1734): автора ихъ привлекала къ себѣ прежде всего свобода религіознаго вѣрованія и печатнаго выраженія мыслей въ Англіи. Черезъ нѣсколько лѣтъ (1748) въ „Духѣ законовъ“ Монтескье прославлялъ англійскую конституцію за ту индивидуальную свободу, которую она обезпечиваетъ за каждымъ гражданиномъ. И Фридрихъ Великій въ своей „Histoire de mon temps“ (1746) воздаетъ хвалу религіозной свободѣ Англіи. Дѣйствительно, *Англія, несмотря на всѣ исключительныя права, установленныя государственною церковью, и на всемогущество парламента, относившагося съ нетерпимостью къ независимому общественному мнѣнію, сдѣлалась страною, гдѣ въ XVIII в. полнѣе всего осуществлялись и свобода совѣсти, и свобода печати.*

Переворотъ 1689 г. имѣлъ, какъ извѣстно, антикатолическій характеръ, что и выразилось между прочимъ въ заявленіяхъ великихъ государственныхъ актовъ 1689 и 1701 г. объ исключеніи католическаго потомства династіи изъ права занимать англійскій престолъ. Второю англійскою революціей не отмѣнялись ни „актъ объ единообразіи“ (act of uniformity), которымъ запрещалось иное публичное богослуженіе, кромѣ англиканскаго, ни „актъ о присягѣ“ (test-act), лишавшій права на занятіе должностей лицъ неангликанскаго вѣроисповѣданія. Въ то время въ Англіи было, однако, очень много людей, стоявшихъ за вѣротерпимость, и какъ Вильгельмъ III, такъ и парламентское большинство дали обѣщаніе, что впредь не будетъ никакихъ преслѣдованій за вѣру, Въ Шотландіи власть Вильгельма III и Маріи была признана подъ условіемъ возстановленія въ странѣ національной пресвитеріанской церкви, причемъ и шотландцы съ своей стороны дали увѣреніе въ томъ, что пресвитеріане вовсе не имѣютъ въ виду преслѣдовать приверженцевъ епископальной церкви. Самъ Вильгельмъ III отличался вѣротерпимостью, которой еще все-таки не было въ достаточной мѣрѣ ни въ англійскомъ, ни

въ шотландскомъ обществѣ и духовенствѣ, такъ что этому королю приходилось въ обѣихъ странахъ защищать представителей иновѣрія отъ фанатиковъ государственныхъ церквей. Однимъ изъ характеристическихъ признаковъ вигизма въ началѣ XVIII вѣка сдѣлалось отсутствіе въ партіи, носившей это имя, какого бы то ни было религіознаго фанатизма (борьба виговъ съ ирландскимъ католицизмомъ вызывалась чисто политическими причинами). Все это было весьма благопріятно для англійскихъ диссидентовъ, и только въ послѣдніе годы царствованія Анны, когда у власти находилась партія торіевъ, диссидентовъ снова начали подвергать стѣсненіямъ, но съ возвращеніемъ виговъ старые законы противъ иновѣрія опять болѣе не примѣнялись, а два изъ нихъ, изданные въ концѣ царствованія Анны (въ 1711 и 1713 гг.), и совсѣмъ были отмѣнены. Ни лордъ Стенгопъ, ни Вальполь не смогли или не рѣшились, впрочемъ, настоять на отмѣнѣ test-act'а и corporation-act временъ Карла II; эти законы нерѣдко просто не соблюдались, благодаря тому, что парламентъ ежегоднымъ bill of indemnity освобождалъ отъ наказанія должностныхъ лицъ, которыя въ законный срокъ (прежде трехмѣсячный, потомъ полугодичный) по занятіи своихъ мѣстъ на государственной службѣ, не причащались по англиканскому обряду въ доказательство своей принадлежности къ установленной церкви, и только по отношенію ко всѣмъ выборнымъ должностямъ законъ продолжалъ соблюдаться вплоть до 1828 г. Вальполь даже покровительствовалъ диссидентамъ, среди которыхъ было много занимавшихся промышленностью и торговлею, но онъ не хотѣлъ очень вооружить противъ себя представителей и сторонниковъ „высокой церкви", что непремѣнно случилось бы, если бы онъ началъ настаивать на уравненіи правъ послѣдователей всѣхъ вѣроисповѣданій. Вольтеръ посѣтилъ Англію какъ-разъ въ ту эпоху, когда во главѣ парламентскаго правленія стоялъ Вальполь. Англійская правительственная политика по отношенію къ диссидентамъ должна была обратить на себя особенное вниманіе будущаго „царя философовъ" по своей противоположности съ тѣмъ, что дѣлалось съ протестантами во Франціи. Такая правительственная политика совпала съ развитіемъ въ Англіи религіознаго вольномыслія. Англія, писалъ Вольтеръ, есть страна сектъ, ибо „въ домѣ Отца Моего обителей много", и каждый англичанинъ идетъ на небо по той дорогѣ, какая ему нравится. Такъ какъ, говорилъ онъ еще, этихъ, сектъ три десятка, то и живутъ онѣ въ мирѣ, чего не было бы, если бы существовалъ только одинъ нетерпимый англиканизмъ или если бы рядомъ съ нимъ былъ лишь одинъ еще болѣе нетерпимый пресвитеріанизмъ. Тотъ же Вольтеръ удивлялся и тому, съ какою свободою трактовались въ Англіи основные вопросы христіанской ре-

лигіи. Между тѣмъ въ Англіи не было издано спеціальнаго закона, которымъ обезпечивалась бы свобода совѣсти, какъ таковая, какъ не было издано и закона, которымъ установлялось бы свободное выраженіе мнѣній и мыслей, какъ естественное право личности. Мало того, до сихъ поръ въ Англіи существуютъ законы, карающіе такъ называемое распространеніе богохульственныхъ пасквилей (the misdemeanor ef publishing a blasphemous libel), причемъ подъ это понятіе подводится неуваженіе, напримѣръ, къ общему служебнику (common prayerbook), и тѣмъ не менѣе разъ только судъ присяжныхъ можетъ карать людей, преступающихъ уголовные законы, то при состояніи общественнаго мнѣнія, склоннаго къ допущенію наибольшей свободы, фактически въ Англіи существуетъ самая широкая свобода въ дѣлѣ выраженія мнѣній и мыслей, касающихся религіи [1]).

Свобода печати, которой напрасно добивался Мильтонъ во время первой англійской революціи, равнымъ образомъ стала устанавливаться въ Англіи въ XVIII в., хотя здѣсь политической прессѣ пришлось выдержать борьбу съ парламентомъ, видѣвшимъ нарушеніе своей привилегіи въ публикаціи и обсужденіи извѣстій о его дѣятельности. Обыкновенно уничтоженіе цензуры въ Англіи относятъ къ самому концу XVII вѣка. Дѣло въ томъ, что въ эпоху реставраціи (1662) цензурѣ, существовавшей въ Англіи и ранѣе, было придано строго законное основаніе парламентскимъ статутомъ 13 и 14 г. царствованія Карла II, поддерживавшимся и послѣдующими парламентскими актами, но въ 1695 г. палата общинъ отказалась продолжить дѣйствіе акта, которымъ давалось разрѣшеніе печатать книги отъ королевскаго имени (licencing act). Раньше право печатанія книгъ давалось правительствомъ, какъ особая привилегія, которою пользовалась только гильдія книгопродавцевъ (company of stationers) но палата общинъ 1695 г. нашла нужнымъ отмѣтить такой порядокъ, исходя, однако, изъ соображеній, не имѣющихъ ничего общаго съ принципомъ свободы печати, какъ одного изъ видовъ свободнаго обмѣна мнѣній и мыслей, составляющаго право личности. Палата просто-напросто нашла, что прежній порядокъ создаетъ массу практическихъ неудобствъ, такъ какъ предоставляетъ обществу книгопродавцевъ возможность вымогать деньги у издателей, даетъ право правительственнымъ агентамъ дѣлать домашніе обыски въ силу общихъ приказовъ, стѣсняетъ иностранную торговлю посредствомъ мелочныхъ таможенныхъ правилъ: напримѣръ, таможенные чиновники часто задерживали ящики съ товарами, опасаясь, что въ нихъ имѣются

---

[1]) По исторіи такъ называемыхъ преступленій противъ религіи на русскомъ яз. есть соч. проф. *Бѣлогрицъ-Котляревскаго*.

книги, открывать же такіе ящики они имѣли право лишь въ присутствіи цензоровъ и т. п. Эти соображенія оказались болѣе дѣйствительными, чѣмъ принципіальная защита Мильтономъ свободы печати за полстолѣтіе передъ тѣмъ, но все-таки главная причина отмѣны цензуры заключалась въ томъ, что „актъ о разрѣшеніи" противорѣчилъ общему духу англійскихъ законовъ. „Сотни англичанъ, говоритъ Дайси, которые ненавидѣли терпимость и мало заботились о свободѣ слова, постоянно ревниво и недружелюбно смотрѣли на произволъ и твердо держались рѣшенія подчиняться только закону страны"; уничтоженіе права контролировать печать было лишь уничтоженіемъ привилегіи, противорѣчившей общей тенденціи права. Правда, привилегія самого парламента, о которой было упомянуто выше, являлась важной помѣхой для того, чтобы прицинъ свободы прессы примѣнялся къ обсужденію текущихъ политическихъ вопросовъ, но сила общественнаго мнѣнія взяла верхъ, и политическая пресса мало-помалу достигла большого могущества и значенія въ общественной жизни Англіи.

Впервые это обнаружилось съ достаточною ясностью въ новомъ дѣлѣ, съ которымъ опять было связано имя Вилькса, осужденнаго, какъ мы уже знаемъ, парламентомъ 1764 г. за статью политическаго содержанія. Въ 1768 г. Вильксъ возвратился въ Англію, поставилъ свою кандидатуру въ члены парламента и получилъ значительное большинство голосовъ. Затѣмъ судъ королевской скамьи, передъ которой онъ явился, постановилъ, что объявленіе его внѣ закона „outlawry" было незаконно и потому должно быть отмѣнено, и возстановилъ Вилькса въ его правахъ. Тѣмъ не менѣе за свой проступокъ въ печати (перепечатку своей статьи) онъ былъ приговоренъ къ тюремному заключенію и большому денежному штрафу. Вильксъ подчинился приговору, но громадная толпа народа на себѣ везла экипажъ, въ которомъ онъ ѣхалъ изъ суда въ тюрьму; когда же открылись засѣданія парламента, то опять большая толпа явилась къ мѣсту его заключенія, чтобы съ тріумфомъ проводить его оттуда въ Вестминстеръ. Вилькса, однако, не выпустили изъ тюрьмы, изъ-за чего произошла даже свалка. Когда затѣмъ по требованію правительства нижняя палата исключила Вилькса изъ членовъ парламента и назначила новые выборы въ той мѣстности, которая его выслала, то его снова выбрали въ парламентъ и на этотъ разъ единогласно. Палата отвергла это избраніе, но Вильксъ былъ выбранъ и въ третій разъ, и лишь въ четвертыхъ выборахъ правительственный кандидатъ получилъ около 300 голосовъ противъ почти 1150, которые были поданы за Вилькса; палата тѣмъ не менѣе признала выбраннаго меньшинствомъ голосовъ (1769). Когда наконецъ Вильксъ отбылъ

тюремное заключенiе, Лондонъ отпраздновалъ это событiе иллюминацiей. Впослѣдствiи Вильксъ послѣдовательно занималъ должности альдермена, шерифа и лорда-мера столицы, сдѣлался въ концѣ-концовъ членомъ парламента и всегда оставался влiятельнымъ лицомъ въ лондонской Сити. Противъ поведенiя парламента въ этомъ дѣлѣ поднялись протестацiи въ формѣ адресовъ къ королю, требовавшихъ между прочимъ распущенiя парламента. Но особенное впечатлѣнiе на общество произвели начавшiя появляться открытыя письма къ разнымъ лицамъ (между прочимъ къ Блэкстону, къ самому королю и т. д.), подписанныя псевдонимомъ Junius. На отличномъ англiйскомъ языкѣ, съ превосходнымъ знанiемъ людей и обстоятельствъ и съ большою силою жаловался въ нихъ неизвѣстный авторъ на правительственную систему, установившуюся вообще съ 1760 г. (т.-е. съ воцаренiя Георга III), въ частности на нарушенiе парламентомъ правъ избирателей. Это было цѣлое обличенiе всей неправды, какая гнѣздилась въ правительствѣ, защита праваго дѣла, попраннаго имъ и парламентомъ, сатира на парламентскiе порядки. „Письма Юнiуса“ имѣли громадный успѣхъ въ публикѣ не только благодаря всеобщему интересу, какой возбуждало къ себѣ дѣло Вилькса, но и благодаря тому, что въ нихъ затрогивались общiе вопросы внутренней политики. Во всемъ дѣлѣ, вызвавшемъ „Письма Юнiуса“, равно какъ и въ ихъ успѣхѣ выразилась сила общественнаго мнѣнiя, и въ самомъ парламентѣ раздался въ 1770 г. голосъ лорда Чатама, осуждавшiй нарушенiе парламентомъ правъ избирателей. Съ этого времени возвышается и политическая пресса въ Англiи, которая наконецъ и прiобрѣтаетъ право давать публикѣ постоянные и обстоятельные отчеты о засѣданiяхъ парламента съ обозначенiемъ, кто что говорилъ, хотя и послѣ „Писемъ Юнiуса“ это произошло далеко не сразу [1]).

Разсмотрѣвъ политическiя отношенiя стараго порядка и, между прочимъ, то положенiе, въ какое они ставили личность, мы перейдемъ теперь къ общему обзору отношенiй соцiальныхъ, равнымъ образомъ опредѣлявшихъ личныя права и обязанности.

---

[1]) Письма эти писались до 1772 г., когда были изданы книгой (The letters of Junius), впослѣдствiи перепечатывавшейся много разъ. Авторомъ писемъ былъ sir Philipp Francis, какъ это сдѣлалось извѣстнымъ только въ XIX вѣкѣ.

VII. Аристократія и буржуазія въ XVIII в. [1]).

Старый соціальный строй и антагонизмъ между дворянствомъ и горожанами.— Сословный строй Франціи.—Духовенство.—Дворянство.—Что такое буржуазія?— Положеніе городовъ.—Городъ и деревня.—«Третье сословіе», буржуазія и народъ. — Буржуазія въ роли правящаго класса въ Голландіи и Англіи. — Общій взглядъ на соціальную исторію Англіи. — Торговое и колоніальное могущество Англіи.—Торговые интересы и политика виговъ.

Въ сословномъ обществѣ, ведущемъ свое начало изъ феодальной эпохи, первенствующее положеніе принадлежало представителямъ крупнаго землевладѣнія. Отношеніе церкви къ государству въ средніе вѣка и весь средневѣковый строй жизни выдвигали на первое мѣсто въ обществѣ клиръ, но силѣ этого сословія былъ нанесенъ страшный ударъ реформаціей. Церковное землевладѣніе осталось только въ странахъ, которыя сохранились за католицизмомъ, но въ сущности по своимъ правамъ, вытекавшимъ изъ землевладѣнія, духовенство ничѣмъ не отличалось отъ дворянства и вмѣстѣ съ нимъ составляло одинъ привилегированный классъ, рѣзко выдѣлявшійся изъ остальной массы населенія. Но и эта масса не была однородной. Во-первыхъ, она дѣлилась на городское и сельское населеніе, причемъ первое являлось привилегированнымъ сравнительно со вторымъ, потому что въ то время, какъ въ городахъ давно возобладали принципы личной и имущественной природы, въ деревняхъ, наоборотъ, господствовали еще феодальные порядки, ставившіе и личность, и имущество крестьянина въ бо́льшую или меньшую зависимость отъ сеньера. Горожане главнымъ образомъ и выдѣлили изъ своей среды тотъ общественный классъ, который называли прежде среднимъ сословіемъ, а теперь называютъ буржуазіей въ отличіе отъ народа, какъ городского, такъ и сельскаго, живутъ ли отдѣльные представители этого класса въ городѣ или деревнѣ. Въ новое время буржуазія стала играть роль значительной соціальной силы, основаніемъ которой было раз-

---

[1]) Кромѣ указанныхъ въ I томѣ сочиненій *Aug. Thierry*, *Demolins*, *Luchaire A. Смирнова* и многочисленныхъ исторій отдѣльныхъ городовъ, см. *Perrens*. La democratie en France au moyen âge.—*Giraud-Teulon*. La royauté et la bourgeoisie.—*Bardoux*. La bourgeoisie française.—*A. Babeau*. La ville sous l'ancien régime.—*Ch. Louandre*. La noblesse sous l'ancienne monarchie.—*Bourgain*. Etudes sur les biens écclesiastiques avant la révolution.—*A. de Janzé*. Les financiers d'autrefois. Fermiers généraux.—*Гиббинсъ*. Промышленная исторія Англіи.—*Cunningham*. The growth of english industrie and commerce.—*Levi*. History of british commerce.—*Rogers*. The first 9 years of banc of England.—*М. Виртъ*. Исторія торговыхъ кризисовъ въ Европѣ и Америкѣ.

витіе оптовой торговли, крупной промышленности, денежнаго хозяйства и капитала. Между горожанами и феодальной аристократіей борьба завязалась еще во второй половинѣ среднихъ вѣковъ, но лишь къ XVIII в.—и прежде всего въ Голландіи и Англіи—городское сословіе настолько окрѣпло, что представители его прямо стали соперничать съ землевладѣльческимъ классомъ и даже брать надъ нимъ перевѣсъ. Подобно тому, какъ въ соціальной исторіи реформаціонной эпохи видную роль играетъ антагонизмъ между духовенствомъ и дворянствомъ, такъ и *съ политическою исторіей XVIII—XIX вв. тѣсно связанъ соціальный антагонизмъ между аристократіей и буржуазіей*, стушевавшійся лишь въ XIX в. передъ другимъ классовымъ антагонизмомъ — представителей капитала и труда. *Соціальное значеніе, какого достигла въ XVIII в. буржуазія, находилось въ противорѣчіи съ ея политическимъ положеніемъ*, и это было причиною того, что городское сословіе стремится съ этой эпохи прежде всего къ гражданскому равенству, къ политическимъ правамъ и даже прямо къ власти, въ то самое время, какъ старые государственные порядки, наоборотъ, держали ее въ приниженіи передъ духовною и свѣтскою аристократіей. Изъ всѣхъ континентальныхъ странъ ранѣе всего во Франціи выступила буржуазія на путь политической оппозиціи во имя гражданскаго равенства и политической свободы и вступила въ рѣшительную борьбу противъ аристократическихъ привилегій. Французская буржуазія имѣетъ длинную исторію, хорошо разработанную, благодаря тому, что историки XIX в. отождествили—и не безъ основанія—исторію этого сословія съ исторіей политической свободы во Франціи. Въ концѣ XVIII в. буржуазія явилась въ роли передового класса націи и достигла разрушенія феодальнаго строя общества, хотя ей и не удалось сразу установить свободную форму государства.

Сословный строй Франціи передъ революціей можетъ служить образцомъ того, какъ вообще на материкѣ Европы были устроены соціальныя отношенія. Оффиціально населеніе Франціи дѣлилось на три сословія (ordres): духовенство, дворянство и третье сословіе (tiers état). Въ сущности это дѣленіе не вполнѣ совпадало съ фактическими отношеніями. Въ духовномъ сословіи между высшимъ и низшимъ клиромъ была громадная разница, и, собственно говоря, по своему положенію высшее духовенство, члены котораго были притомъ большею частью изъ дворянъ, и само дворянство сливались въ одинъ аристократическій классъ привилегированныхъ (privilégiés), тогда какъ низшее духовенство тяготѣло, наоборотъ, къ третьему сословію. Между этимъ привилегированнымъ классомъ и остальною массою населенія существовала глубокая пропасть: лица третьяго сословія были для

„благородныхъ" (nobles) ротюрьерами [1]), даже canaille; это былъ классъ податной (taillables), и въ немъ было не мало людей, подвластныхъ (justiciables) духовенству и дворянству (каковы были именно крестьяне, подчиненные сеньерьяльному суду), ихъ вассаловъ и даже „подданныхъ" (sujets), подъ которыми подразумѣвались преимущественно крѣпостные. Съ другой стороны, само третье сословіе дѣлилось на буржуазію и народъ, причемъ въ составъ буржуазіи (городской и сельской) входили не только представители промышленности, торговли и денежнаго капитала или землевладѣльцы и сельскіе хозяева (арендаторы) изъ третьяго сословія, но и люди либеральныхъ профессій, составлявшіе непривилегированную интеллигенцію страны, каковы ученые, писатели, адвокаты, врачи, судьи, чиновники и т. п. Въ народѣ между городскимъ населеніемъ, свободнымъ отъ всякой феодальной власти, и сельскимъ людомъ, подчинявшимся еще многимъ остаткамъ феодализма, также существовала разница общественныхъ положеній, тѣмъ болѣе, что крестьяне раздѣлялись еще на лично свободныхъ и крѣпостныхъ.

Особыми привилегіями пользовалось духовенство. Правда, болонскій конкордатъ 1516 г. отдавалъ его вполнѣ въ зависимость отъ короны, но зато оно одно сохранило во Франціи право политическихъ собраній, на которыхъ вотировало свой „добровольный даръ" (don gratuit), замѣнявшій всѣ налоги, и составляло жалобы (doléances), приносившіяся къ подножію трона. Духовенство считалось, далѣе, первымъ сословіемъ государства и, составляя одну только корпорацію (corps), охватывавшую все государство [2]), пользовалось многими почетными преимуществами, не упоминая уже о его судебной власти, хотя и ограниченной. Духовенство владѣло также большими имѣніями и получало сеньерьяльные оброки, какъ и дворянство: его земли составляли одну пятую, если не цѣлую четверть всей поземельной собственности, и приносили дохода около 125 милліоновъ ливровъ въ годъ, да немного меньше (100 милліоновъ) давали феодальныя права. Кромѣ того, духовенство взимало въ видѣ десятины (dîme) со всѣхъ земель немного менѣе 125 милліоновъ, такъ что всѣ его доходы отъ имѣній, феодальныхъ правъ и десятины простирались до 350 милліоновъ ливровъ. Наконецъ, духовенство обладало и денежными капиталами, такъ какъ имѣло свою особую казну (caisse du clergé), обогащавшуюся разнаго рода операціями и ссужавшую самого короля; передъ революціей король былъ долженъ въ эту казну около ста милліоновъ ливровъ. Эти громадные доходы (которые слѣдуетъ утроить или учетверить для того, чтобы получить

[1]) Roturier, ruptuarius=qui rumpit terram, т.-е. „пахотникъ".

[2]) Кромѣ провинцій, присоединенныхъ послѣ 1516 г.

настоящую сумму по теперешней стоимости денегъ) доставались главнымъ образомъ высшему клиру и монастырямъ, многіе изъ которыхъ сдѣлались своего рода дворянскими (женскими) общежитіями или просто доходными статьями для свѣтскихъ аббатовъ изъ дворянъ же. Сами же епископства раздавались передъ революціей преимущественно придворной знати, за исключеніемъ какихъ-нибудь трехъ-четырехъ „лакейскихъ епархій“ (évêchés de laquais) съ малыми доходами, уступавшихся ротюрьерамъ. Приходское, особенно сельское духовенство находилось, наоборотъ, въ печальномъ экономическомъ состояніи.

Къ духовенству непосредственно примыкало дворянство, въ которомъ тоже существовало два класса: высшее придворное и служебное (noblesse de robe) дворянство было весьма богато; низшее, деревенское большею частью находилось въ разореніи. Политической роли въ XVIII в. французская знать уже не играла, да и мѣстное ея вліяніе было незначительно. Крупные землевладѣльцы не жили въ своихъ помѣстьяхъ; они пріѣзжали въ родовые замки скорѣе въ качествѣ дачниковъ. Кромѣ этого „абсентеизма“, причиной ослабленія мѣстнаго значенія дворянъ было и общее паденіе мѣстнаго самоуправленія, на счетъ котораго все болѣе и болѣе развивалась административная опека. Французская монархія вообще всячески ослабляла политическое значеніе дворянства, оставляя за нимъ почетъ и привилегіи, но не довѣряя ему даже правительственныхъ должностей съ вліяніемъ и властью (напримѣръ, должности интенданта, отдававшейся или ротюрьерамъ, или незнатнымъ и небогатымъ дворянамъ) и всячески содѣйствуя тому, чтобы въ своихъ владѣніяхъ сеньеры превратились просто въ знатныхъ жителей безъ вліянія на населеніе. Интендантъ обыкновенно смотрѣлъ на сеньера какой-либо деревни, какъ на ея перваго обывателя (premier habitant). Дворянство служило при дворѣ, въ церкви, въ арміи, въ чиновникахъ, но служба въ нѣкоторыхъ чиновничьихъ должностяхъ считалась несовмѣстимою съ дворянскимъ званіемъ, какъ и занятіе промышленностью или торговлею, даже лишавшее правъ дворянства (dérogation). Наоборотъ, особенно почетныя или доходныя (напримѣръ, въ церкви) должности давались только представителямъ стараго дворянства, къ которому не примѣшивалась плебейская кровь въ теченіе извѣстнаго числа поколѣній. Вмѣстѣ съ духовенствомъ (и горожанами) дворянство участвовало въ провинціальныхъ штатахъ, гдѣ таковые сохранились, вмѣстѣ съ духовенствомъ оно было освобождено отъ большей части налоговъ; вмѣстѣ съ нимъ оно владѣло чуть не половиною поземельной собственности и сохраняло феодальныя права, многія изъ которыхъ были очень доходны. Вездѣ въ гражданскихъ отношеніяхъ

дворянство было на первомъ планѣ и пользовалось привилегіями, многія изъ которыхъ были унизительны и обидны для людей плебейскаго происхожденія, но принадлежавшихъ къ зажиточному и образованному классу. Людовикъ XIV запретилъ, напримѣръ, людямъ „неблагороднаго рожденія“ вызывать дворянъ на дуэль; извѣстно, какъ поступилъ съ плебеемъ Вольтеромъ одинъ аристократъ, котораго тотъ вызвалъ на дуэль. Для дворянина даже сокращался срокъ университетскаго ученія. Аристократія сама была преисполнена гордости и въ ней утвердилось воззрѣніе одного изъ ея историковъ (Boulainvilliers), по которому ея предки были завоеватели-франки, а третье сословіе представляло собою потомство завоеванныхъ жителей римской провинціи Галліи.

Въ общей массѣ населенія Франціи, доходившаго до 25 милліоновъ, привилегированныхъ было около 250 тысячъ (130 т. духовныхъ и 140 т. дворянъ). Между привилегированными и народомъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова находилось „среднее сословіе“, буржуазія, складывавшаяся изъ людей разныхъ профессій и сама пользовавшаяся нѣкоторыми привилегіями. *Однимъ изъ важныхъ соціальныхъ процессовъ въ исторіи Франціи является ростъ этого класса, но въ процессѣ этомъ нужно отличать двѣ разныя стороны:* возникновеніе класса капиталистовъ и развитіе образованія среди свѣтскаго общества, т.-е. появленіе такъ называемой теперь интеллигенціи. Въ XVIII в. во Франціи буржуазія и интеллигенція сливались, такъ сказать, въ одно цѣлое, хотя, конечно, съ одной стороны, образованные люди встрѣчались и среди привилегированныхъ, а съ другой, и среди буржуазіи образованіе было распространено далеко неравномѣрно. Въ этомъ отношеніи отдѣльныя страны Западной Европы находились въ неодинаковомъ положеніи. Во-первыхъ, хотя вездѣ было городское сословіе, не вездѣ оно было одинаково зажиточно и пользовалось одинаковымъ положеніемъ въ обществѣ и государствѣ. Въ Польшѣ, напримѣръ, процентъ городского населенія былъ самый незначительный, и населеніе это состояло большею частью изъ евреевъ; промышленность и торговля были развиты мало; юридическое положеніе „мѣщанъ“ (отъ miasto—городъ) было незавидное. Въ Германіи болѣе развитое бюргерство мы находимъ только въ имперскихъ городахъ, но послѣдніе въ XVIII в. находились въ упадкѣ, а ихъ населеніе отличалось узкимъ партикуляризмомъ. Въ Англіи, наоборотъ, буржуазія въ XVIII в. была уже весьма большою силою. Во-вторыхъ, и въ культурномъ отношеніи буржуазія разныхъ странъ стояла не на одномъ уровнѣ. Ранѣе всего образованное гражданство, первообразъ современнаго культурнаго класса, или интеллигенціи, возникло въ Италіи, именно въ эпоху Возрожденія, хотя тутъ же и въ ту же

эпоху было положено начало и той придворно-дворянской культурѣ, которая достигла наибольшаго блеска во Франціи при Людовикѣ XIV и была однимъ изъ выдающихся явленій въ общественной жизни другихъ странъ Европы въ XVIII в. Во Франціи въ прошломъ столѣтіи, благодаря тогдашнимъ условіямъ экономическаго быта и экономической политикѣ государства, покровительствовавшаго крупной промышленности и торговлѣ, равно какъ благодаря финансовой его системѣ (откупамъ), буржуазія обогатилась и выдвинулась, какъ передовой общественный классъ, чему особенно содѣйствовало развитіе въ ней образованности, сохранявшей еще въ XVII вѣкѣ придворно-дворянскій характеръ. Буржуазія стремится въ это время занять и соотвѣтственное положеніе въ обществѣ рядомъ съ аристократіей: она роднится съ дворянами посредствомъ браковъ (бывшихъ для дворянъ мезальянсами, хотя и очень выгодными), пріобрѣтаетъ должности, дававшія дворянство, покупаетъ земли разорившихся дворянъ, беретъ въ аренду феодальныя права и т. д.

Хотя буржуазія появилась въ эту эпоху и въ сельскомъ быту, тѣмъ не менѣе настоящимъ мѣстомъ ея дѣйствія былъ городъ. Судьбы городского сословія и города во Франціи не совпадали между собою еще въ средніе вѣка. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, когда города перестаютъ быть суверенными коммунами и вообще лишаются самоуправленія, сословіе горожанъ (bourgeoisie du roy) не одного какого-либо города, а всей Франціи, наоборотъ, возвышается. То же было и въ XVIII в. Городскія общины средневѣковой Франціи были настоящими олигархіями, такъ какъ въ каждой было нѣсколько богатыхъ семействъ, часто находившихся между собою въ родствѣ; опираясь на зависимыхъ отъ нихъ людей, эти семейства смотрѣли на муниципальныя должности, какъ на свое достояніе. Это было, впрочемъ, общимъ правиломъ средневѣкового муниципальнаго быта и тамъ, гдѣ города въ XVIII в. сохраняли еще республиканскую свободу, ихъ устройство было олигархическое, между прочимъ, напримѣръ, и въ Германіи, имперскіе города которой были маленькими олигархическими республиками съ весьма деспотическою властью начальства надъ остальнымъ населеніемъ. Во Франціи города лишились своего самоуправленія, подпавъ подъ административную опеку, вызванную злоупотребленіями муниципальныхъ властей и господствующаго класса, но государственный контроль, который въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ являлся положительною необходимостью, превратился мало-по-малу въ средство извлекать деньги изъ тѣхъ отношеній, какія установились между центральнымъ правительствомъ и городомъ. Выборныя городскія должности въ 1692 г. были замѣнены должностями, которыя, подобно парламентскимъ мѣстамъ, продавались за деньги;

при такомъ порядкѣ бывали случаи, что города сами покупали эти должности и потомъ уже отъ себя ихъ замѣщали выборными лицами, но это не спасало такіе города отъ новой отмѣны выборовъ или отъ новыхъ выкуповъ у правительства отнятыхъ должностей. Такимъ образомъ города утратили во Франціи послѣдніе слѣды своей самостоятельности. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ сохранились провинціальные штаты, т.-е. въ такъ называемыхъ pays d'états, города одни продолжали представлять собою третье сословіе, тогда какъ въ генеральныхъ штатахъ уже съ конца XV в. представляемы были и деревни. Насколько эти штаты имѣли мѣстное значеніе, настолько города пользовались своимъ представительствомъ для того, чтобы вообще облегчить для себя лежавшія на провинціи податныя тяжести, сваливая ихъ на деревни. Но и безъ того *городъ находился въ привилегированномъ положеніи сравнительно съ деревнею*, кромѣ указаннаго отсутствія въ городахъ остатковъ феодальнаго режима[1]). Въ самомъ дѣлѣ, незначительному фермеру приходилось платить, напримѣръ, таліи 300 ливровъ, капитаціи (своего рода подоходный налогъ) 150, добавочныхъ сборовъ столько же, хотя бы его ферма вся не стоила болѣе 10 т. ливровъ, тогда какъ самый богатый городской купецъ, ведшій торговлю на милліонъ и получавшій въ годъ, по крайней мѣрѣ, 10% на свой капиталъ, платилъ капитаціи только 300 ливровъ да еще, пожалуй, промысловаго сбора (taille d'industrie) ливровъ 100. Многіе города пользовались особыми льготами и привилегіями, уменьшавшими налоги, которые должны были падать на ихъ жителей. Такъ какъ въ иныхъ случаяхъ имущественный налогъ взимался съ лица по мѣсту его жительства, а не по мѣсту нахожденія его имущества, богатые деревенскіе собственники изъ третьяго сословія, продолжая жить внѣ города, устраивали фиктивно свое мѣстопребываніе въ городѣ, дабы платить меньше выпадавшаго на ихъ долю налога. Весьма естественно поэтому, что интересы горожанъ и поселянъ рѣзко расходились, и что передъ самой революціей, когда уже рѣшено было собрать генеральные штаты, даже возникла мысль о необходимости рядомъ съ тремя сословіями, на нихъ представленными, учредить „сословіе крестьянъ" или прямо „четвертое сословіе" (le quatrième état), какъ „сословіе бѣдныхъ". Въ это время *уже создавалось то представленіе о противоположности между буржуазій и народомъ*, которое стало вытѣснять всѣ другія соціальныя различія въ XIX вѣкѣ. Хотя весьма часто третье сословіе (tiers état), обозначавшее всю націю, за исключеніемъ привилегированныхъ, смѣшиваютъ съ буржуа-

---

[1]) См. въ моей книгѣ „Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII вѣка" главу II (буржуазія и крестьянство).

зіей и самое выраженіе „tiers (третье) état“ переводятъ словами „среднее сословіе“, что совсѣмъ невѣрно, тѣмъ не менѣе въ сущности подъ tiers état именно разумѣлось среднее сословіе. Еще въ XVI вѣкѣ Сейсель въ „La grande monarchie de France“ различаетъ le tiers état и le menu peuple. Loiseau въ своемъ „Traité des ordres et dignités“ (1636 г.) говоритъ, что „подлыя особы“ (les viles personnes) изъ простого народа (du menu peuple) не имѣютъ права именоваться горожанами (bourgeois), къ числу которыхъ онъ относитъ перечисленные нами выше разряды людей. Мирабо („другъ людей“) отождествляетъ съ буржуазіей людей, живущихъ собственнымъ имуществомъ (gens qu'on appelle vivant de leur bien), а для народной массы это были люди, живущіе побарски (vivant noblement). Въ крестьянскихъ наказахъ (cahiers) въ 1789 г. мы находимъ равнымъ образомъ такія обозначенія общественныхъ состояній во Франціи: „благородные, церковники, буржуа и обыватели“ (habitants) или „церковникъ, благородный, привилегированный (=буржуа) и народъ“. Буржуазія дѣйствительно занимала привилегированное положеніе по отношенію къ народной массѣ. Поэтому совершенно невѣрно утвержденіе нѣкоторыхъ историковъ (особенно Мишле), будто во время революціи не было ни малѣйшаго различія (aucune distinction possible) между народомъ и буржуазіей: во многомъ ихъ интересы совпадали, но во многомъ и расходились. Къ крупной буржуазіи примыкала мелкая, которая въ деревняхъ была представлена поднявшимися изъ крестьянства собственниками и фермерами, въ городахъ — цеховыми мастерами; послѣдніе также были своего рода привилегированнымъ сословіемъ.

Старые политическіе и соціальные порядки, бывшіе соединеніемъ государственнаго абсолютизма съ сословными привилегіями, представляли собою сильное препятствіе къ тому, чтобы буржуазія могла сдѣлаться—при развитіи, конечно денежнаго хозяйства въ странѣ—первенствующею общественною силою или, по крайней мѣрѣ, стать въ уровень съ аристократіей. Только тамъ, гдѣ сословный строй не получилъ развитія или гдѣ муниципальный бытъ поглотилъ въ себѣ бытъ феодальный, и гдѣ вмѣстѣ съ этимъ развилась политическая свобода, *денежная аристократія стала превращаться въ правящій классъ*. Въ исходѣ среднихъ вѣковъ мы видимъ это въ Италіи. Съ перенесеніемъ главныхъ путей всемірной торговли, съ упадкомъ Испаніи и Португаліи, равно какъ въ эпоху тридцатилѣтней войны и нѣмецкихъ имперскихъ городовъ, первыми торговыми странами сдѣлались Голландія и Англія. Въ обоихъ этихъ государствахъ усилилось значеніе торговаго класса, и благодаря тому, что первая была федеративной республикой, а вторая конституціонной монархіей, *буржуазія въ Голландіи и въ Англіи сдѣлалась правящимъ классомъ*, раз-

дѣливъ это значеніе съ классомъ землевладѣльческимъ, благодаря еще и паденію въ обѣихъ же странахъ средневѣковыхъ сословныхъ перегородокъ. Особеннаго вниманія въ этомъ отношеніи заслуживаетъ Англія.

Въ Англіи, какъ извѣстно, не выработалось такого сословнаго строя, какой существовалъ на материкѣ Европы. Здѣсь весьма рано мѣсто континентальныхъ сословій заняли соціальные классы, т.-е. юридическія различія стушевались передъ различіями экономическими. Самое право посылать представителей въ парламентъ опредѣлялось въ Англіи съ конца среднихъ вѣковъ имущественнымъ цензомъ, и лишь по средневѣковымъ экономическимъ условіямъ этимъ цензомъ обладали главнымъ образомъ землевладѣльческіе классы, тогда какъ города и денежная буржуазія развиты были мало. Тѣмъ не менѣе въ Англіи ранѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, общество стало рѣзко дѣлиться на имущихъ и неимущихъ, благодаря именно обезземеленію крестьянской массы, и въ новое время здѣсь рядомъ съ землевладѣльческими классами среди имущихъ выросла богатая денежная знать. Уже въ первую англійскую революцію она отчасти проявляла себя, какъ силу, независимую отъ поземельной аристократіи, но въ XVIII вѣкѣ, при первыхъ короляхъ ганноверской династіи торговые интересы выдвинулись даже на первый планъ въ государственной жизни Англіи. Особенно эпоха реставраціи Стюартовъ была временемъ быстраго роста городского населенія, временемъ развитія промышленности, торговли, денежнаго капитала, коммерческихъ компаній, увеличенія коммерческаго флота, таможенныхъ пошлинъ, почтовой корреспонденціи, расширенія иностраннаго вывоза и ввоза и торговыхъ сношеній съ разными европейскими и внѣевропейскими странами, съ Голландіей, Франціей, Испаніей, Португаліей, Италіей, Германіей, съ прибалтійскими государствами, съ сѣверной Америкой, Остъ-Индіей, Левантомъ и восточной Африкой. Населеніе Англіи въ началѣ XVIII в. было около семи милліоновъ, а между тѣмъ Лондонъ уже заключалъ въ себѣ около 600 тысячъ жителей, тогда какъ Парижъ въ концѣ вѣка при двадцатипятимилліонномъ населеніи всей страны имѣлъ немногимъ больше; Бристоль, Норвичъ, Манчестеръ и др., можно сказать въ самое короткое время прямо удвоили свое населеніе, а Ливерпуль, имѣвшій въ началѣ вѣка 5 т жителей, въ концѣ насчитывалъ ихъ 56 т. Такому росту городовъ способствовало вообще и обезземеленіе сельскаго населенія. Военный флотъ Англіи, состоявшій въ началѣ XVII в. изъ сорока кораблей, въ концѣ этого столѣтія имѣлъ уже 200 кораблей, а въ началѣ XVIII столѣтія болѣе 250, коммерческій флотъ же заключалъ почти 3,300 судовъ. Въ 1700 г. въ лондонскій портъ входило 839 англійскихъ судовъ въ 80,000 тоннъ и 496 иностранныхъ въ 76,995 тоннъ,

въ 1750 г. первыхъ было 1,498 (въ 198 т. тоннъ), въ 1796 г.—2,145 (въ 431,890 т.) при 1,116 судахъ иностранныхъ (въ 149,205 тоннъ). Объ избыткѣ капиталовъ свидѣтельствуетъ пониженіе процента съ 8% на 6%.

Извѣстно и колоніальное могущество Англіи въ эту эпоху [1]). Уже въ концѣ царствованія Елизаветы составилась (1600) для торговли съ внѣевропейскими странами большая компанія лондонскихъ купцовъ, успѣхъ которой побудилъ впослѣдствіи образовать и другую подобную (плимутскую) компанію, а въ началѣ XVIII в. (1708) обѣ онѣ слились въ одну Соединенную Остъ-Индскую компанію. Это общество, благодаря полученному при Іаковѣ II (1686 г.) праву вести войны съ нехристіанскими государствами въ Индіи, превратилось въ цѣлое политическое учрежденіе. Мало-по-малу Англія все болѣе и болѣе утверждалась въ Индіи, гдѣ еще раньше ея завели свои колоніи португальцы, голландцы и французы. Англія вступила съ ними въ соперничество, и, напримѣръ, Франція по парижскому миру (1763), окончившему семилѣтнюю войну, должна была предоставить Англіи преобладаніе въ Индіи. Колонизація Сѣверной Америки также началась въ царствованіе Елизаветы и шла успѣшно въ XVII в. когда, съ одной стороны, религіозныя и политическія смуты и преслѣдованія, а съ другой, обезземеленіе сельской массы заставляли массу англичанъ покидать родину. Кромѣ семилѣтней войны, и война за испанское наслѣдство, въ которой затронуты были коммерческіе интересы Англіи, содѣйствовала своимъ исходомъ англійскому колоніальному могуществу, равно какъ и семилѣтняя война утвердила Англію не только въ Остъ-Индіи, но и въ Сѣверной Америкѣ. Только война за независимость Соединенныхъ Штатовъ (1775—1783) остановила на время колоніальные успѣхи Англіи, что́ было, впрочемъ, наверстано англичанами въ эпоху французской революціи и наполеоновскихъ войнъ. Такимъ образомъ, въ XVIII в. Великобританія все болѣе и болѣе расширяла свое колоніальное могущество.

Разъ, однако, уже и въ самомъ началѣ столѣтія она была сильною морскою, колоніальною и торговою державою, это не могло не отозваться на ея соціальномъ строѣ и внутреннихъ политическихъ отношеніяхъ. При Вильгельмѣ III, когда правительство нуждалось въ большихъ денежныхъ суммахъ для войны съ Людовикомъ XIV, круп-

[1]) *Leroy-Beaulieu.* De la colonisation chez les peuples modernes.—*James Mill.* The history of british India.—*Neumann.* Geschichte des englischen Reiches in Asien.—*Barchou de Penhoen.* Histoire de la conquête de l'Inde par l'Angleterre.—*Pauliat.* Louis XIV et la Compagnie des Indes.—*Malleson.* Histoire des Français dans l'Inde.—*Saint Priest.* La perte de l'Inde sous Louis XV.—*Parkman.* France and England in North-America.—*Я. Гуревичъ.* Война за испанское наслѣдство и коммерческіе интересы Англіи.—*П. Мижуевъ.* Исторія колоніальной имперіи и колоніальной политики Англіи.

ные капиталисты явились въ роли кредиторовъ государства. Военные расходы не покрывались налогами, и поэтому понадобились займы. Разумѣется, заимодавцы хотѣли имѣть гарантіи въ томъ, что проценты будутъ имъ выплачиваться правильно и что правильно же будетъ погашаться и капитальная сумма, и вотъ въ качествѣ посредника между капиталистами и правительствомъ явился банкъ, организованный по образцу генуэзскаго и утвержденный парламентомъ въ 1694 году, несмотря на то, что землевладѣльческій классъ былъ противъ банка, опасаясь, что онъ будетъ только содѣйствовать переходу политическаго вліянія къ денежной знати (какъ это въ дѣйствительности и произошло). Англійскій банкъ весьма скоро принялъ на себя веденіе счетовъ по взиманію налоговъ, храненіе и выдачу казенныхъ денегъ, посредничество при заключеніи государственныхъ займовъ, а также и вообще сдѣлался центральнымъ учрежденіемъ въ денежномъ хозяйствѣ Англіи, упрочивъ кредитъ, какъ государственный, такъ и коммерческій, а это, конечно, не могло не содѣйствовать еще бóльшему развитію не только торговли, но и значенія торговыхъ людей. Коммерческій кредитъ и ассоціація капиталовъ посредствомъ компаніи были двумя главными силами, которыя создавали тогда огромныя богатства, и все, чтó имѣло средства, стремилось съ ихъ помощью попытать счастья въ заморскихъ предпріятіяхъ. Послѣднія становились прямо иногда рискованными, являлись спекуляціями, расчитанными на легковѣріе публики, вслѣдствіе чего нерѣдко происходили и крушенія цѣлыхъ компаній. Напримѣръ, около того же времени, какъ во Франціи лопнула знаменитая „система" Лоу, и въ Англіи былъ страшный кризисъ вслѣдствіе спекулятивной горячки въ одной торговой компаніи, дѣла которой въ концѣ-концовъ разстроились.

Въ Англіи не было сословныхъ привилегій, которыя бы отчуждали землевладѣльческое дворянство отъ денежной знати, хотя, разумѣется, между обоими этими классами и долженъ былъ существовать соціальный антагонизмъ. Англійскіе лорды теперь вступали въ браки съ богатыми купчихами изъ лондонской Сити, отдавали своихъ младшихъ сыновей въ науку къ коммерсантамъ и т. п. Если, однако, торизмъ вербовалъ своихъ приверженцевъ среди землевладѣльческой аристократіи, то *новая денежная знать и та часть знати старой, которая такъ или иначе съ нею сближалась, стояли на сторонѣ виговъ*. Капиталисты внесли въ политику свои денежные расчеты, обращая главное вниманіе на то, какое правительство вѣрнѣе и аккуратнѣе будетъ выплачивать проценты по государственному долгу или содѣйствовать интересамъ промышленности, торговли, коммерческаго флота и колоніальнаго развитія. Это особенно хорошо понималъ Вальполь, когда въ тронной рѣчи 1721 года излагалъ программу своего буду-

щаго правленія въ духѣ интересовъ торговаго класса. Политика виговъ заинтересовывала въ своихъ успѣхахъ и неуспѣхахъ всѣхъ, у кого были деньги, у кого было какое бы то ни было имущество, стóящее денегъ, такъ какъ уже тогда политическія событія оказывали вліяніе на цѣнность всякаго рода „фондовъ", и вотъ какъ бы въ одномъ общемъ дѣлѣ соединялись интересы и вигизма, и ганноверскаго дома, и англійскаго банка, и денежной аристократіи въ то самое время, когда якобиты еще не покидали надежды произвести реставрацію Стюартовъ. Торіи все еще продолжали держаться того принципа, что величіе Англіи зиждется на землевладѣніи и сельскомъ хозяйствѣ, а не на деньгахъ и торговлѣ, и даже думали охранить прежнее преобладаніе землевладѣльческой аристократіи особымъ закономъ [1]) въ концѣ царствованія королевы Анны. Но старыя основы англійскаго землевладѣнія были разстроены, и само сельское хозяйство, благодаря развитію фермерства, получило денежный характеръ, что объединяло интересы капиталистовъ вообще, куда бы ни прилагали они свои капиталы, т.-е. къ торговлѣ и промышленности или же къ земледѣлію и скотоводству. Особенную же помощь англійской буржуазіи оказывала дурная организація выборнаго права, создавшая возможность покупки мѣстъ въ парламентѣ за деньги. Вальполь опирался на эту вигистскую буржуазію, проводя выгодные для нея законы въ парламентѣ, но ему важно было отвлечь и землевладѣльческій классъ отъ торизма, чѣмъ, напримѣръ, объясняется пониженіе въ его правленіе поземельнаго налога съ 4 шиллинговъ (законъ 1692 г.) на 1 шиллингъ (1731 и 1732) съ каждаго фунта стерлинговъ и т. п. Но и помимо единичныхъ мѣръ, самою силою вещей въ Англіи *совершилось сліяніе аристократіи и буржуазіи въ одинъ правящій классъ, который былъ въ концѣ XVIII в. сильно встревоженъ демократическими принципами американской, а еще болѣе французской революціи.* До такого положенія въ государствѣ, какое занимала англійская буржуазія, было далеко буржуазіи французской, но и она въ XVIII в. уже начинала сильно вытѣснять аристократію въ области экономическихъ отношеній, между прочимъ, скупая дворянскія земли. „Система" Лоу, разорившая многихъ аристократовъ и обогатившая, наоборотъ, рантьеровъ, сильно содѣйствовала перемѣщенію имуществъ въ новыя руки.

Въ концѣ XVIII в. изобрѣтеніе разныхъ машинъ и вызванное ихъ примѣненіемъ небывалое развитіе крупной промышленности еще болѣе содѣйствовали усиленію буржуазіи, но пока существовало старое гражданское неравенство, пока были въ силѣ аристократиче-

---

[1]) Landed property qualification act 1711 г.

скія привилегіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, пока буржуазія была лишена возможности при посредствѣ національнаго представительства оказывать вліяніе на внутреннюю и внѣшнюю политику, до тѣхъ поръ она не имѣла на континентѣ возможности развиваться въ такую соціальную силу, какую представляли собою денежные люди въ Англіи.

VIII. Крестьянскія отношенія въ XVIII вѣкѣ [1]).

Неудовлетворительное состояніе крестьянства въ XVIII в. и его причины. — Соціальный феодализмъ, денежное хозяйство и фискальныя требованія въ ихъ отношеніяхъ къ сельскому быту.—Остатки крѣпостничества во Франціи.—Феодальныя кутюмы.—Сеньерьяльныя права.—Мелкая собственность и мелкое хозяйство.—Половничество и фермерство.—Общинныя земли и общинные сервитуты.—Отношеніе государства къ крестьянамъ.—Тяжесть налоговъ.—Нищета французскихъ крестьянъ.—Сравненіе французскаго хозяйства съ англійскимъ.—Англійскія аграрныя отношенія.—Помѣщичье хозяйство въ Германіи.—Нѣмецкіе крестьяне въ новое время.—Юридическая теорія крѣпостничества.

XVIII вѣкъ имѣетъ двоякое значеніе въ исторіи западно-европейскаго крестьянства: съ одной стороны, лишь съ этого столѣтія

[1]) *Maine.* Des causes de la décadence de la propriété féodale en France et en Angleterre.—*Н. Карѣевъ.* Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII вѣка (франц. пер. 1899 г.: *N. Karéiev.* Les paysans et la question paysanne en France dans le dernier quart du XVIII siècle).—*Его же.* Очеркъ исторіи французскихъ крестьянъ съ древнѣйшихъ временъ до 1789 г. (двѣ послѣднія главы).—*Г. Аѳанасьевъ.* Условія хлѣбной торговли во Франціи въ XVIII вѣкѣ.—*Babeau.* Le village sous l'ancien régime.—*Его же.* La vie rurale dans l'ancienne France.—*A. de Colonne.* La vie agricole sous l'ancien régime dans le nord de la France.—*Chassin.* L'église et les derniers serfs.—*Paul Darmstaedter.* Ueber die Vertheilung des Grundeigenthums in Frankreich vor 1789 (статья въ „Festgabe für C. Th. von Heigel).—*Knapp.* Die Bauernbefreiung und der Ursprung der Landarbeiter in den älteren Theilen Preussens.—*Bornhak.* Die Bauernbefreiung und die Gutsherrlichkeit in Preussen.—*П. О. Шумяковъ.* Аграрный строй Пруссіи въ серединѣ XVIII в. (Историч. Обозрѣніе, т. IX).—*K. Grünberg.* Die Bauernbefreiung und die Auflösung des gutsherrlich-bäuerlichen Verhältnisses in Böhmen, Mähren, Schlesien.—*И. Лучинскій.* Крестьяне и крестьянская реформа въ Восточной Австріи (Кіевская Старина 1902).—*Haun.* Bauer und Gutsherr in Kursachsen im XVII und XVIII Jahrhundert.—*Рошеръ.* Наука о народномъ хозяйствѣ въ отношеніи къ земледѣлію (Roscher. Nationaloekonomik des Ackerbaues).—*Prothero.* Pioneers and Progress of english farmers.—*К. Марксъ.* Капиталъ (заключаетъ исторію обезземеленія сельскаго населенія въ Англіи).—*В. Мякотинъ.* Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ въ эпоху раздѣловъ. — *T. Korzon.* Wewnętrzne dzieje Polski za St.-Augusta.—*Е. Тарле.* Крестьяне въ Венгріи до реформы Іосифа II (Русская Мысль, 1896). Спорный вопросъ о мелкой крестьянской собственности во Франціи, котораго мы коснулись двадцать лѣтъ тому назадъ въ указанной выше книгѣ, за послѣднее время снова поднятъ и породилъ большіе споры. Въ русской литературѣ см. особенно работы проф. *И. В. Лучицкаго,* который указываетъ и на

начинается публицистическая разработка крестьянскаго вопроса и дѣлаются первые шаги на пути освобожденія крѣпостныхъ еще по почину старой государственной власти, пока французская революція не подаетъ примѣра совершенной ликвидаціи соціальнаго феодализма, но, съ другой стороны, *XVIII в. былъ временемъ наиболѣе бѣдственнаго состоянія крестьянской массы.* О постановкѣ крестьянскаго вопроса въ литературѣ у насъ будетъ рѣчь еще итти впереди, равно какъ о реформахъ, производившихся къ крестьянскомъ быту государственною властью передъ революціей, здѣсь же мы остановимся лишь на характерныхъ чертахъ этого быта.

Разсматривая сельскія юридическія и экономическія отношенія стараго режима, мы *наблюдаемъ въ нихъ, съ одной стороны, остатки стариннаго соціальнаго феодализма, съ другой—болѣе новые, порядки которые были результатомъ примѣненія къ деревенскому быту денежнаго хозяйства.* Эти двѣ системы находились въ весьма различныхъ отношеніяхъ между собою, то рѣшительно преобладая одна надъ другою, то взаимно одна другую дополняя. Напримѣръ, въ старой Польшѣ денежное хозяйство было развито очень мало; здѣсь преобладало хозяйство натуральное въ томъ видѣ, какъ оно существовало повсемѣстно при феодальномъ режимѣ (хотя Польша и не знала политическаго феодализма): землевладѣніе было дворянское (притомъ исключительно дворянское), хозяйство—крестьянское, т.-е.

новѣйшую литературу предмета: „Вопросъ о крестьянской поземельной собственности во Франціи и продажа національныхъ имуществъ“ (Кіевскія „Университетскія Извѣстія“ за 1894 г. и по-французски въ 59 т. Revue historique), „Крестьянская поземельная собственность во Франціи до революціи и продажа національныхъ имуществъ“ (Кіевскія „Университетскія Извѣстія“ 1895—1896 гг., по-нѣм. въ Zeitschrift für Social- und Wirthschaftsgeschichte за 1895 г. и по-французски отдѣльной брошюрой въ 1897 г., „Новыя изслѣдованія по исторіи крестьянъ во Франціи въ XVIII вѣкѣ“ (Кіевскія „Унив. Изв.“ 1896), „По поводу одной изъ историческихъ легендъ (Сборн. въ пользу недостаточныхъ студентовъ университета св. Владиміра. 1895), „Къ вопросу о крестьянскомъ землевладѣніи во Франціи до и во время революціи“ („Новое Слово“, 1896). По этому вопросу у проф. Лучицкаго произошла полемика съ *М. М. Ковалевскимъ*, который касался того же предмета въ статьѣ „Крестьянское хозяйство во Франціи сто лѣтъ назадъ“ („Русское Бог.“ 1893) и въ своей книгѣ „Происхожденіе современной демократіи“ (т. I). Ср. его статью: „Вопросъ о размѣрахъ крестьянской собственности до революціи и о томъ, въ чьи руки перешла масса конфискованныхъ у церкви земель“ („Русская Мысль“, 1896). См. также статью М. *М. Хвостова* „Новыя работы русскихъ изслѣдователей о земледѣліи и земледѣльческомъ классѣ во Франціи передъ революціей“ (Изданіе Историческаго Общества при Московскомъ университетѣ. Рефераты, читанные въ 1896 и 1897 году. М. 1898). Послѣдняя работа проф. Лучицкаго, посвященная тому же вопросу, вышла въ свѣтъ въ 1900 г. подъ заглавіемъ „Крестьянское землевладѣніе во Франціи наканунѣ революціи, преимущественно въ Лимузенѣ“.

мелкое, и земледѣлецъ въ качествѣ крѣпостного былъ прикрѣпленъ къ землѣ. Англія, наоборотъ, давнымъ-давно уже вышла изъ такого быта, такъ какъ въ ней сельское населеніе было свободно, но вмѣстѣ съ этимъ мелкое крестьянское хозяйство здѣсь все болѣе и болѣе исчезало, уступая мѣсто крупнымъ фермамъ, обрабатывавшимся наемными рабочими (т.-е. обезземеленными поселянами, которые переходили теперь на положеніе батраковъ). Въ другихъ странахъ мы наблюдаемъ соединеніе—въ разныхъ пропорціяхъ и съ разными мѣстными особенностями—обѣихъ системъ или такія формы, которыя могутъ разсматриваться, какъ переходныя отъ одной системы къ другой. Въ этомъ отношеніи весьма характерны многія особенности французскаго крестьянскаго быта: съ одной стороны, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ массою остатковъ и слѣдовъ соціальнаго феодализма, съ другой—съ множествомъ фактовъ, указывающихъ на зарожденіе денежнаго хозяйства въ сельскомъ быту, хотя вмѣстѣ съ этимъ во Франціи и крѣпостная обработка земли, какъ въ Польшѣ, Австріи, Пруссіи и другихъ частяхъ Германіи, и фермерство, какъ въ Англіи, представляютъ изъ себя исключенія, первая—какъ остатокъ стариннаго быта, изъ котораго Франція уже вышла, второе—какъ лишь первые признаки наступленія другихъ условій существованія. Но если крѣпостничество во Франціи было исключеніемъ, то, наоборотъ, многія другія стороны соціальнаго феодализма составляли въ ней все еще общее правило, и равнымъ же образомъ если фермерство во Франціи опять-таки было въ ту эпоху явленіемъ еще исключительнымъ, то иныя отношенія, возникавшія на почвѣ денежнаго хозяйства, были хорошо знакомы и французскому крестьянству. Вотъ почему исторія послѣдняго въ XVIII в. представляетъ особый интересъ, такъ какъ именно здѣсь мы имѣемъ дѣло *съ своеобразнымъ соединеніемъ соціальнаго феодализма среднихъ вѣковъ и денежнаго хозяйства новаго времени.* Но есть и другіе поводы выдвинуть эту исторію на первый планъ. Кромѣ старыхъ феодальныхъ повинностей, лежавшихъ на крестьянствѣ, и новыхъ условій хозяйства, отражавшихся на его экономическомъ быту, *весьма рано на французскую сельскую массу легла и вся тяжесть государственныхъ налоговъ.* Результатомъ этого было страшное разореніе народа, такъ что при сравненіи XVIII столѣтія съ XIV вѣкомъ въ исторіи французскаго крестьянина приходится говорить не объ улучшеніи, а объ ухудшеніи его быта въ новое время. Впрочемъ, и въ другихъ государствахъ, гдѣ сословныя привилегіи оставались неприкосновенными, сильное возрастаніе государственныхъ расходовъ совершалось на счетъ экономическаго благосостоянія народной массы, не говоря уже о томъ, что и тутъ надъ крестьяниномъ тяготѣли феодальныя права или начи-

налось его обезземеленіе. Какъ это ни странно, именно въ новое время усилилось крѣпостничество въ Германіи (послѣ подавленія крестьянскаго возстанія 1524—25 гг. и послѣ тридцатилѣтней войны), въ Польшѣ (съ исхода XV в.), въ Венгріи (съ 1514 г.), въ Даніи (въ эпоху аристократическаго режима); не забудемъ, что и въ Россіи эпохою развитія крѣпостныхъ отношеній были XVII и XVIII вѣка. Крестьянская масса была главною плательщицею государственныхъ налоговъ, и это одно требовало отъ нея усиленнаго добыванія денегъ. Наконецъ, не забудемъ, что въ католическихъ странахъ на ней же лежала и тяжесть церковной десятины, которая, напримѣръ, во Франціи была приблизительно такъ же велика, какъ и доходы клира съ принадлежавшихъ ему земель. Все это, вмѣстѣ взятое, т.-е. и крѣпостничество, и феодальные поборы, и обезземеленіе, и невыгодныя стороны новыхъ хозяйственныхъ отношеній, и церковная десятина, и тяжесть налоговъ—объясняютъ намъ упадокъ, въ какомъ въ XVIII в. находилось матеріальное благосостояніе народныхъ массъ. Правительства прошлаго вѣка обратили наконецъ вниманіе на крестьянскій бытъ и приступили къ реформамъ съ цѣлью его улучшенія, но какъ разъ во Франціи вплоть до самой революціи не дѣлалось почти ничего въ пользу крестьянъ. Извѣстно, что и революція въ значительной мѣрѣ была вызвана печальнымъ состояніемъ народной массы, которая и заявила себя въ самомъ же началѣ переворота повтореніемъ жакеріи XIV в. или даже великой крестьянской войны 1524—25 г.

Переходимъ къ болѣе подробному ознакомленію съ состояніемъ крестьянъ во Франціи передъ революціей.

Общимъ юридическимъ правиломъ въ быту французскихъ крестьянъ передъ революціей была свобода лица. Бо́льшая часть провинціальныхъ кутюмъ не признавала крѣпостничества, т.-е. это были coutumes franches, и лишь въ меньшей части провинцій дѣйствовали такъ называемыя coutumes serves или mainmortables, изъ чего, однако, не слѣдуетъ, чтобы все крестьянское населеніе такихъ провинцій находилось непремѣнно въ крѣпостномъ состояніи. Упорнѣе всего держались остатки серважа въ имѣніяхъ духовенства. Что касается до цифры крѣпостныхъ, то предполагаютъ, что изъ сельскаго населенія Франціи, доходившаго до 18 милліоновъ, въ состояніи серважа было около полутора милліона, т.-е. немного болѣе 8%. Притомъ положеніе сервовъ было неодинаково: одни (hommes de corps, gens de poursuite, mainmortables) находились въ servitude personnelle, т.-е. были прикрѣплены къ землѣ и состояли въ личной зависимости отъ своихъ господъ (таково было положеніе сервовъ монастыря св. Клавдія въ Юрѣ, за которыхъ заступался Вольтеръ, о чемъ ниже), дру-

гіе же состояли въ servitude réelle, т.-е. подчинялись всѣмъ условіямъ крѣпостничества, пока продолжали жить на извѣстныхъ наслѣдственныхъ участкахъ земли; покидая свои земли, они становились лично свободными. Повидимому, „реальныхъ" сервовъ было болѣе, нежели личныхъ, способъ же освобожденія ихъ изъ крѣпостной зависимости стоитъ въ связи съ тѣмъ общимъ фактомъ, что еще съ среднихъ вѣковъ *раскрѣпощеніе крестьянъ сопровождалось ихъ обезземеленіемъ*. Надъ сервами обѣихъ категорій сеньеры продолжали пользоваться тѣми же правами, что̀ и въ средніе вѣка.

Кутюмы, опредѣлявшія личныя и имущественныя права сельскаго населенія, весьма разнообразныя въ отдѣльныхъ провинціяхъ, были составлены въ XV—XVI вв. (лишь очень немногія позже), но всѣ онѣ одинаково закрѣпляли старыя юридическія нормы феодализма: въ сущности гражданское право Франціи въ XVIII в. было тоже, что и въ исходѣ среднихъ вѣковъ. Земли дѣлились на благородныя (nobles), изъятыя отъ налога, называвшагося таліей (taille), и на подлыя (roturières), подчиненныя таліи. Благородною собственностью были по преимуществу феоды (fiefs), которыхъ во Франціи насчитывалось около 70 тысячъ; изъ нихъ три тысячи было титулованныхъ (герцогства, графства, маркизаты, бароніи, (châtellenies) и въ силу этого обладавшихъ высшею и среднею юстиціей, ограниченной, правда, королевскими судами, тогда какъ владѣльцы простыхъ феодовъ имѣли право лишь на низшую юстицію (basse justice). Послѣдняя разрѣшала гражданскіе споры „подданныхъ" (sujets), т.-е. крестьянъ, въ предѣлахъ 60 су и могла налагать штрафы въ 10 су; средняя юстиція вѣдала дѣла большей важности и могла налагать штрафы въ 60 су, высшая же составляла аппеляціонную инстанцію и была компетентна приговаривать своихъ justiciables къ тюрьмѣ, тѣлеснымъ наказаніямъ и даже—съ утвержденія королевскаго суда—къ смертной казни, въ знакъ чего сеньеръ, бывшій haut justicier, имѣлъ право ставить висѣлицу передъ воротами своего замка. Сеньерьяльная юстиція отправлялась особыми судьями, находившимися въ зависимости отъ своихъ сеньеровъ.

Всѣ ротюрныя земли, т.-е. участки, не бывшіе феодами, зависѣли отъ того или другого феода въ силу правила: „nulle terre sans seigneur". Это правило существовало въ большей части кутюмъ, и лишь немногими изъ нихъ признавалось другое правило: nul seigneur sans titre". Т.-е. по первому принципу каждый участокъ земли, лежавшій въ предѣлахъ извѣстной сеньеріи, считался частью феода, уступленною его владѣльцемъ держателю (tenancier), которому принадлежало dominium utile въ отличіе отъ сеньерьяльнаго dominium directum, тогда какъ второе правило требовало отъ сеньера документа

(titre), который доказывалъ бы его право на dominium directum надъ каждымъ участкомъ въ отдѣльности, въ противномъ же случаѣ участокъ считался алодомъ (alleu), т.-е. былъ полною свободною собственностью. Алоды представляли собою рѣдкія исключенія, *общимъ же правиломъ аграрнаго быта Франціи была несвобода земли, надъ которою тяготѣли разныя феодальныя права.* Всѣ земли во Франціи, кромѣ рѣдкихъ дворянскихъ и крестьянскихъ алодовъ, были или феоды, или цензивы (censives), какъ назывались ротюрные участки. Наслѣдственный собственникъ цензивы (цензитарій, чиншевикъ) могъ ее заложить, продать, подарить и т. п. но надъ нею всегда оставались извѣстныя права сеньера, ни въ какомъ случаѣ не подлежавшія выкупу. Самое названіе свое цензива получила отъ ценза, или чинша (cens), т.-е. оброка, платившагося сеньеру, да и самъ держатель назывался поэтому цензитаріемъ. Съ правомъ на полученіе ценза были соединены и многія другія права du seigneur censier. Онъ имѣлъ право возвратить цензиву себѣ, если цензитарій ее дегерпировалъ, т.-е. отказывался ею владѣть: когда цензива перемѣняла владѣльца по праву наслѣдованія, новый владѣлецъ формальнымъ актомъ признавалъ свою цензуальную зависимость; покупщикъ цензивы долженъ былъ представить сеньеру купчую крѣпость и заплатить ему особую пошлину (lods et ventes), причемъ сеньеръ сохранялъ право цензуальнаго выкупа (retrait cencuel), въ силу котораго могъ по своему произволу уничтожить актъ продажи, внесши покупщику заплаченныя имъ за цензиву деньги и оставивъ землю за собою или уступивъ ее третьему лицу; въ нѣкоторыхъ случаяхъ сеньерамъ принадлежало право наложенія штрафовъ и даже конфискованія, когда не уплачивались во-время оброки и пошлины. По образцу этихъ отношеній создавались и другія, когда сами цензитаріи уже отъ себя уступали за вѣчную ренту части своихъ земель другимъ, хотя тутъ уже не могло быть мѣста для развитія такихъ правъ, какими пользовался настоящій сеньеръ; отдача цензитаріемъ земли въ вѣчную аренду только усложняла аграрныя отношенія и обременяла землю новыми повинностями. Денежный цензъ былъ обыкновенно невеликъ, но зато былъ очень тяжелъ соединявшійся съ нимъ шампаръ (champart), составлявшій извѣстную долю (около четверти) жатвы. Въ обезпеченіе исправнаго платежа сеньерьяльныхъ повинностей цензивная собственность подвергалась разнымъ ограниченіямъ, но послѣднія вытекали и изъ другихъ правъ сеньера. Въ силу исключительнаго права охоты (droit de chasse), принадлежавшаго дворянству, собственникъ цензивы не могъ истреблять дичи, портившей его посѣвы, не могъ косить траву или жать хлѣбъ, пока куропатка не выведетъ своихъ цыплятъ; не могъ убивать ни голубей, которыхъ держали сотнями въ своихъ

замкахъ сеньеры въ силу droit de colombier, ни кроликовъ, жившихъ въ заповѣдныхъ участкахъ лѣса (гареннахъ), хотя и птицы эти, и эти звѣрьки наносили большой вредъ сельскому хозяйству. Тѣмъ же правиломъ „nulle terre sans seigneur“ пользовались владѣльцы феодовъ, чтобы отбирать у крестьянъ земли, бывшія въ общинномъ пользованіи цѣлыхъ деревень, каковы пустоши, пастбища, лѣса и т. п. Споліація общинъ началась еще въ XVI в., и хотя въ XVII в. правительство вооружилось противъ этого зла, случаи отобранія у крестьянъ общинныхъ угодій продолжались и въ XVIII в. до самой революціи, какъ это видно изъ многочисленныхъ крестьянскихъ наказовъ (cahiers de doléances) 1789 г., напоминающихъ въ этомъ отношеніи жалобы нѣмецкихъ крестьянъ въ началѣ XVI в. Цензуальныя и общинныя отношенія въ XVIII в. служили, наконецъ, предметомъ разорительныхъ процессовъ вслѣдствіе несправедливыхъ притязаній сеньеровъ, запутанности феодальнаго права, продажности и зависимости сеньерьяльныхъ судовъ и т. п. Особенно *тяжело отзывалось и на народномъ благосостояніи, и на сельскомъ хозяйствѣ обремененіе земли феодальными поборами, съ которыми были связаны и разныя стѣснительныя ограниченія права непривилегированной собственности въ пользу сеньеровъ.*

Сверхъ того, сеньеры духовнаго и свѣтскаго чина продолжали пользоваться надъ сельскимъ населеніемъ,—лично, какъ мы видѣли, въ громадномъ большинствѣ случаевъ свободнымъ, — и нѣкоторыми другими правами феодальнаго происхожденія, но не имѣвшими аграрнаго характера, и это *ставило и свободное крестьянство подъ извѣстнаго рода опеку привилегированнаго землевладѣльческаго сословія.* Во-первыхъ, мы видѣли, что за сеньерами оставалась деревенская юстиція. Правда, имъ принадлежало только право назначенія судей и судебныхъ приставовъ, но они пользовались этимъ правомъ, имѣя въ виду лишь свои выгоды, т.-е. назначая на эти должности преданныхъ или зависимыхъ людей, иногда своихъ же управляющихъ или откупщиковъ феодальныхъ правъ. Сеньерамъ принадлежала, далѣе, полиція въ ихъ владѣніяхъ, между прочимъ, принадлежало право дѣлать распоряженія относительно времени уборки хлѣба, винограда и т. п. Особую категорію составляли сеньерьяльныя монополіи, извѣстныя подъ названіемъ баналитетовъ (banalités): бывали банальныя мельницы, печи, точила, въ которыхъ крестьяне обязаны были молоть свои зерна, печь свой хлѣбъ, выжимать сокъ изъ своего винограда, хотя бы мельница была далеко; за печеніе хлѣба брали дорого, а точило не всегда было свободно и хотя бы все это удобнѣе, дешевле и скорѣе можно было сдѣлать на посторонней мельницѣ или въ собственной печи или точилѣ. Обыкновенно баналитеты отдавались на

откупъ, и арендная плата, поступавшая къ сеньерамъ, составляла для нихъ все-таки извѣстнаго рода доходъ, сильно обременяя массу сельскаго населенія лишними расходами. Наиболѣе распространеннымъ былъ, впрочемъ, только баналитетъ печи. Въ пользу сеньеровъ поступали еще разныя дорожныя, мостовыя, рыночныя пошлины или откупныя деньги, замѣнявшія собою разныя натуральныя повинности, въ родѣ починки замка́ или платившіяся за отмѣну баналитета. Въ отдѣльныхъ провинціяхъ и кантонахъ или въ отдѣльныхъ сеньеріяхъ существовали и особенные поборы съ крестьянъ, разные виды натуральныхъ повинностей (въ родѣ пяти дней барщины въ году) или отдѣльные droits ridicules, какъ называли въ XVIII в. нѣкоторыя обязанности крестьянъ, въ родѣ пуганія по ночамъ лягушекъ въ прудахъ, окружавшихъ сеньерьяльное жилье, дабы своимъ кваканьемъ эти животныя не безпокоили сна его обитателей и т. п. Новыя сеньерьяльныя права даже устанавливались еще въ XVIII в., что влекло за собою весьма часто разорительные для крестьянъ процессы. Сравнивая то, что намъ извѣстно объ юридической сторонѣ личныхъ и имущественныхъ отношеній въ сельскомъ быту наканунѣ революціи, съ тѣмъ, что эти же отношенія представляли изъ себя въ XV—XVI в., мы видимъ, что *особенно большихъ измѣненій въ этой области народной жизни во Франціи не произошло за три столѣтія, отдѣляющія исходъ среднихъ вѣковъ отъ революціи.*

Итакъ, лично крестьяне во Франціи въ большинствѣ случаевъ были свободны, но ихъ земли находились въ феодальной зависимости, а сами они были обложены въ пользу сеньеровъ массою разныхъ поборовъ. Освобожденіе изъ крѣпостного состоянія, начавшееся во Франціи еще въ концѣ среднихъ вѣковъ, сопровождалось обезземеленіемъ освобожденныхъ сервовъ, но *если лишь нѣкоторая, притомъ меньшая часть крестьянъ владѣла мелкою собственностью (разумѣется, цензивною), то большинство крестьянъ все-таки состояло изъ мелкихъ хозяевъ*, снимавшихъ землю въ аренду у крупныхъ и среднихъ землевладѣльцевъ. Въ XVIII в. сельская масса во Франціи раздѣлялась на самостоятельныхъ хозяевъ (laboureurs), сидѣвшихъ на своихъ цензивахъ или на арендованныхъ участкахъ, и на батраковъ (manoeuvres, manouvriers), представлявшихъ изъ себя наемныхъ сельскихъ рабочихъ, жившихъ въ услуженіи у сельскихъ хозяевъ или промышлявшихъ поденною работою. Не революція, какъ думали прежде, создала во Франціи теперешнюю мелкую крестьянскую собственность; она существовала и раньше, и революція лишь освободила ее отъ феодальныхъ повинностей. При всемъ томъ, однако, на этотъ видъ землевладѣнія приходилась во Франціи едва одна четверть всей почвы, быть можетъ, даже одна пятая, во всякомъ случаѣ менѣе

одной трети. Не всѣ мелкіе хозяева изъ крестьянъ, — а таковыми были опять-таки далеко не всѣ крестьяне, часть которыхъ превратилась въ наемныхъ рабочихъ, иногда не имѣвшихъ даже никакой осѣдлости,—не всѣ мелкіе хозяева были собственниками обработывавшихся ими земель, такъ какъ многіе изъ нихъ кормились, снимая землю въ аренду у сеньеровъ и богатыхъ ротюрьеровъ. Во Франціи до революціи вообще было сильно развито мелкое хозяйство, хотя опять-таки не вездѣ, такъ что все государство въ этомъ отношеніи дѣлили на „pays de petite culture", гдѣ существовало, между прочимъ, мелкое фермерство, и на „pays de grande culture", гдѣ особенно было въ ходу батрачество. Мелкое фермерство, однако, рѣдко представляло собою денежную аренду: въ громадномъ большинствѣ случаевъ это было половничество (métayage), при которомъ половникъ (métayer) получалъ ферму (métairie) за обязанность уплачивать ея владѣльцу половину продукта. Можно даже сказать, что *это было наиболѣе типическое отношеніе французскаго крестьянина къ почвѣ въ XVIII в.* Во-первыхъ, области мелкаго хозяйства преобладали надъ областями хозяйства крупнаго, да и тамъ, гдѣ велось послѣднее, дѣло безъ половниковъ не обходилось, а во-вторыхъ, бо̀льшая часть французскихъ крестьянъ, не жившая исключительно заработною платой, снимала земли исполу, даже въ томъ случаѣ, если у половника бывалъ и собственный клочокъ земли, такъ какъ послѣдній весьма часто оказывался слишкомъ малымъ для того, чтобы кормить своего владѣльца съ его семействомъ. Половничество было свободнымъ контрактомъ между свободнымъ крестьяниномъ, у котораго не было своей земли, и землевладѣльцемъ, лишившимся крѣпостного труда. Такимъ образомъ оно было новою формою соединенія крупнаго землевладѣнія съ мелкимъ хозяйствомъ (характерный признакъ феодальнаго устройства), но новою только въ юридическомъ смыслѣ, а не въ экономическомъ отношеніи, такъ какъ при этой формѣ крестьянинъ былъ уже человѣкъ свободный, а не крѣпостной, какъ раньше. Можно сказать, что бо̀льшая часть средневѣковыхъ сервовъ, получившихъ личную свободу, превратилась въ половниковъ, утративъ, однако, ту крѣпкую связь съ землею, какая существовала между сервомъ, прикрѣпленнымъ къ извѣстному участку, и этимъ участкомъ, закрѣпленнымъ въ свою очередь за сервомъ. Другими словами, потеря сеньеромъ права на личность крестьянина сопровождалась потерею со стороны крестьянина права на наслѣдственное пользованіе землею. Правда, крестьянинъ не сгонялся съ земли и продолжалъ платить обычную натуральную ренту, но это происходило лишь потому, что никто не давалъ за метерію (половническую ферму) больше того и притомъ въ видѣ денежной платы.

Появленіе капиталиста, который предлагалъ денежную плату и, конечно, уже не могъ довольствоваться маленькой метеріей, а желалъ соединить нѣсколько метерій въ одну большую ферму, должно было начать разложеніе половничества. Фермерство впервые дѣлается во Франціи замѣтнымъ въ XVI в., но настоящее его усиленіе происходитъ съ двадцатыхъ годовъ XVIII столѣтія. Если половничество было въ экономическомъ отношеніи остаткомъ соціальнаго феодализма и характеризуется, какъ одна изъ формъ натуральнаго хозяйства, то фермерство, гораздо ранѣе уже сильно развившееся въ Англіи, было результатомъ примѣненія къ земледѣлію денежнаго хозяйства. Сначала французскіе фермеры брали въ аренду большія имѣнія лишь для того, чтобы потомъ раздавать ихъ небольшими участками половникамъ, т.-е. являлись простыми посредниками, но мало-по-малу они начали сами заниматься сельскимъ хозяйствомъ, превращая постепенно половниковъ въ наемныхъ рабочихъ. Съ другой стороны, сеньеры предпочитали получать опредѣленный денежный доходъ, а не невѣрную половину продукта, и имѣть дѣло съ однимъ зажиточнымъ фермеромъ, а не съ десяткомъ или двумя нищихъ половниковъ. *Замѣна нѣсколькихъ мелкихъ фермъ одною крупною и натуральной ренты денежною является однимъ изъ процессовъ, вызывающихъ въ XVIII в. жалобы крестьянъ.* Такимъ образомъ въ XVIII в. мы встрѣчаемъ у сельскаго населенія и рабскіе участки земли, обладаніе которыми превращало людей въ крѣпостныхъ, и мелкую собственность, находившую въ феодальной зависимости и обложенную натуральными оброками, иногда, впрочемъ, слишкомъ мелкую (домъ съ огородомъ), чтобы быть основою самостоятельнаго хозяйства, и мелкую аренду съ натуральною рентою,—все разныя формы средневѣковаго пользованія землею,—а рядомъ съ ними и крупную ферму на короткій срокъ и съ уплатою денежной ренты, что, однако, во Франціи было исключеніемъ, и только въ Англіи сдѣлалось къ концу вѣка общимъ правиломъ.

Сельская масса во Франціи такимъ образомъ далеко не было однородна. Въ однихъ отношеніяхъ расходились между собою интересы самостоятельныхъ хозяевъ и земледѣльческихъ наемныхъ рабочихъ, въ другихъ сближались интересы мелкихъ собственниковъ съ интересами фермеровъ и интересы половниковъ съ интересами батраковъ. Послѣднее касалось, напримѣръ, общинныхъ земель и сервитутовъ въ родѣ права выпаса (droit de vaine pâture), т.-е. права высылать свой скотъ пастись по землямъ цѣлой деревни, когда съ нихъ снимался хлѣбъ. Фермеры и собственники тяготились подобными сервитутами и стремились завладѣть общинною землею, исключивъ изъ права пользоваться ею всѣхъ жителей, не имѣвшихъ собственнаго хозяйства, а безземельные и малоземельные крестьяне, напро-

тивъ, отстаивали свои права, такъ какъ съ потерею послѣднихъ они уже совсѣмъ не могли бы содержать скота, имѣть молоко и т. п. Между тѣмъ въ XVIII в. во многихъ мѣстахъ дѣлались общинныя земли, уничтожались общіе выгоны для скота, загораживались поля и исключались такимъ образомъ ихъ vaine pâture, что весьма дурно отзывалось на бѣднѣйшихъ жителяхъ деревень, лишавшихся возможности имѣть свое молоко, свое мясо и т. п., а это въ свою очередь вызывало внутреннія расприи среди односельчанъ, возмущенія, процессы.

Французское крестьянство переживало въ XVIII в. трудную эпоху перехода отъ старыхъ экономическихъ отношеній къ новымъ, а между тѣмъ на немъ лежала еще непомѣрная тяжесть дурно организованной податной системы. Абсолютная монархія Бурбуновъ совершенно забыла „курицу въ горшкѣ крестьянина", о которой говорилъ Генрихъ IV, и *смотрѣла на крестьянъ глазами Ришелье, думавшаго, что народу не должно быть слишкомъ хорошо*, дабы онъ не выходилъ изъ границъ покорности. Съ одной стороны, эта монархія была тѣсно связана съ аристократіей, за которою она признала всѣ ея феодальныя права надъ сельскимъ людомъ, съ другой, государство новаго времени держалось экономической политики меркантилизма, т.-е. покровительства торговлѣ и обрабатывающей промышленности, а съ ними и общественному классу, который имѣлъ въ своихъ рукахъ и ту, и другую, часто въ ущербъ сельскому хозяйству и земледѣльческимъ классамъ. Податныя привилегіи духовенства и дворянства намъ уже извѣстны, но кое-какими привилегіями пользовались и горожане, особенно крупные коммерсанты, и фабриканты—прямо ради вящшаго поощренія ихъ дѣятельности, считавшейся наиболѣе выгодною для обогащенія государственной казны. Налоги во Франціи въ XVIII в. возрастали съ страшною быстротою безъ соотвѣтственнаго увеличенія національнаго богатства, во всякомъ случаѣ безъ соотвѣтственнаго подъема платежныхъ силъ крестьянскаго населенія, главнѣйшаго плательщика налоговъ какъ прямыхъ, такъ и косвенныхъ, падавшихъ на самые необходимые предметы потребленія. Крестьянинъ платилъ государству налоги, духовенству — десятину; землевладѣльческой аристократіи — феодальные оброки, повинности, пошлины; собственникамъ земли, какого бы званія они ни были,—ренту. Въ наилучшемъ положеніи былъ крестьянинъ-собственникъ, но такъ какъ его земля была ротюрная, то она главнымъ образомъ и платила налогъ, отъ котораго была свободна „земля благородная" (la terre noble), и такъ какъ эта ротюрная земля была цензивною, то она же несла на себѣ шампаръ, не говоря уже о томъ, что на ней, какъ и на всѣхъ земляхъ вообще, лежала еще церковная десятина. Положеніе половника было, разумѣется, не лучше. Если не

самъ сеньеръ велъ хозяйство на своей землѣ, участокъ, отданный имъ въ аренду, платилъ поземельный налогъ; если же половникъ снималъ ротюрную землю, то онъ же выплачивалъ и феодальные сборы. Чуть не весь чистый доходъ съ очень мелкихъ хозяйствъ уходилъ на уплату налоговъ, феодальныхъ повинностей и десятины, а съ бóльшихъ хозяйствъ — половина. Многіе мелкіе собственники прямо дегерпировали свои земли, т.-е. возвращали ихъ сеньерамъ или отдавали сборщикамъ податей. Само собою разумѣется, что сельское хозяйство при такихъ порядкахъ находилось въ упадкѣ; земля дурно обрабатывалась или пустовала; голодные годы повторялись весьма часто, и хлѣба или не хватало, или онъ былъ очень дорогъ; крестьяне, оторванные отъ земледѣлія вслѣдствіе невозможныхъ условій, въ какія оно было поставлено, устремлялись за заработками въ города, гдѣ часто, однако, не находили никакой работы,—нищенствовали, бродяжничали, нерѣдко разбойничали или производили безпорядки, поводомъ къ которымъ былъ обыкновенно недостатокъ хлѣба, т.-е. грабили булочныя, хлѣбные амбары, транспорты муки (troubles à cause des grains), какъ это происходило повсемѣстно и постоянно. Была какая-то страшная несообразность во всемъ сельскохозяйственномъ быту Франціи: жаловались постоянно на недостатокъ хлѣба, а между тѣмъ множество земель пустовало, притомъ такихъ, которыя раньше обрабатывались; жаловались, далѣе, на недостатокъ рабочихъ рукъ, которыя можно было бы приложить къ пустующимъ землямъ, а между тѣмъ въ городахъ и деревняхъ не знали, какъ отдѣлаться отъ разныхъ праздношатающихся, не находившихъ себѣ работы и потому жившихъ нищенствомъ; жаловались на это самое нищенство, а между тѣмъ положеніе тѣхъ, которые работали на землѣ, было не лучше, такъ какъ весьма часто половники питались хлѣбомъ и засѣвали поля зерномъ, взятымъ въ долгъ у землевладѣльца, и нерѣдко всякій вообще земледѣлецъ долженъ былъ покупать хлѣбъ на рынкѣ у барышника (accapareur) или агента какой-либо хлѣботорговой фирмы, если только было на что купить, и если только былъ еще продажный хлѣбъ. *Нищета была удѣломъ громаднаго большинства сельскаго населенія Франціи*; объ этомъ свидѣтельствуютъ и оффиціальныя данныя прошлаго вѣка, и литературныя произведенія всякаго рода, свидѣтельствуютъ свои и чужіе (между послѣдними нашъ Фонвизинъ, посѣтившій Францію въ семидесятыхъ годахъ и писавшій оттуда письма гр. Панину, особенно же англійскій агрономъ Артуръ Юнгъ, изъѣздившій всю Францію въ эпоху революціи и оставившій весьма цѣнное описаніе своего путешествія, всего имъ самимъ видѣннаго и слышаннаго). Свидѣтельствуютъ объ этомъ и собственныя жалобы крестьянъ въ 1789 г.

Когда во второй половинѣ XVIII в. бѣдственное положенiе народа и упадокъ сельскаго хозяйства обратили на себя вниманiе общества, причину зла многiе увидѣли не только въ феодальныхъ правахъ, лежавшихъ тяжелымъ бременемъ на землѣ, но и въ той системѣ хозяйства, которая практиковалась во Францiи, и даже, пожалуй, второй причинѣ приписывали бо́льшее значенiе, чѣмъ первой. Для экономической школы физiократовъ было даже несомнѣннымъ, что Францiя должна перейти отъ мелкаго, половническаго хозяйства къ крупному, фермерскому, какое существовало въ Англiи Успѣхи, сдѣланные англiйскимъ земледѣлiемъ, находившимся въ иныхъ условiяхъ, чѣмъ французское, бросалось въ глаза не однимъ физiократамъ, и мысль о томъ, что мелкая культура должна уступить крупной, что большинство крестьянъ должно превратиться въ земледѣльческихъ рабочихъ, служащихъ по найму у сельскохозяйственныхъ предпринимателей, была ходячею во Францiи. Упомянутый Артуръ Юнгъ постоянно сравниваетъ Францiю съ своимъ отечествомъ, чтобы каждый разъ отмѣчать агрономическую отсталость французовъ. Сельское хозяйство во Францiи, дѣйствительно, находилось въ самомъ печальномъ состоянiи, указанiе же на англiйскiе порядки, какъ на нѣчто противоположное французскимъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что *въ Англiи XVIII вѣка можно назвать уже завершившимся процессъ перехода сельскаго хозяйства изъ крестьянскихъ рукъ въ руки фермеровъ съ превращенiемъ сельскаго населенiя въ безземельныхъ земледѣльческихъ рабочихъ*,—процессъ, первые признаки котораго намѣчаются уже въ исходѣ среднихъ вѣковъ. Въ сущности Францiя шла въ сельскомъ своемъ быту по той же экономической дорогѣ, что и Англiя, съ тѣмъ лишь различiемъ, что аналогичные процессы, представляемые соцiальною исторiей обѣихъ странъ, совершались въ Англiи и раньше, и полнѣе, такъ какъ Францiя до сихъ поръ еще сохранила и мелкую собственность, и мелкую культуру, давнымъ-давно исчезнувшiя въ Англiи, а въ XVIII в. въ сравненiи съ Англiей, этою страною денежнаго хозяйства (капитализма) и въ сельскомъ быту, Францiя оставалась еще страною соцiальнаго феодализма. Существованiе сеньерьяльныхъ правъ даже было одною изъ причинъ, задерживавшихъ во Францiи разсматриваемый процессъ.

Ко второй половинѣ XVIII в. въ Англiи, дѣйствительно, завершился процессъ обезземеленiя народной массы. Еще въ началѣ предъидущаго вѣка около третьей части населенiя состояло изъ копигольдеровъ. Въ концѣ того же столѣтiя около седьмой части населенiя (160—180 т. человѣкъ съ ихъ семьями, что составитъ около миллiона) находилось въ положенiи фригольдеровъ, не считая многочисленныхъ еще (около 750 т. душъ) мелкихъ съемщиковъ помѣщичьихъ земель.

Но уже въ семидесятыхъ годахъ XVIII в. Артуръ Юнгъ говоритъ о классѣ мелкихъ землевладѣльцевъ, какъ о совершенно исчезнувшемъ въ Англіи. Во-первыхъ, огораживаніе общинныхъ угодій продолжало въ этомъ столѣтіи производиться съ особою энергіей, и напримѣръ, въ промежутокъ времени между 1719 и 1760 гг. было огорожено около 350 т. акровъ, хотя, собственно говоря, еще быстрѣе пошелъ этотъ процессъ особенно въ концѣ XVIII и началѣ XIX в. Поводомъ для этого была главнымъ образомъ невозможность сельско-хозяйственныхъ улучшеній на земляхъ, подлежавшихъ общинному пользованію: напримѣръ, всѣ лучшіе агрономы эпохи были противъ остатковъ стараго поземельнаго устройства. Лишая крестьянъ прежнихъ выгодъ, это огораживаніе ставило ихъ еще и въ полную иногда невозможность продолжать хозяйство на привычныхъ основаніяхъ, тѣмъ болѣе вдобавокъ, что развитіе въ это же время и фабричнаго производства убивало дополнительные доходы сельскаго населенія, заключавшіеся въ заработкахъ, какіе доставлялись ему прежними кустарными промыслами; въ сельскомъ же хозяйствѣ мелкимъ земледѣльцамъ было трудно конкурировать съ крупными предпринимателями. И вотъ незначительные участки земли усиленно сбываются, находя цѣлый классъ покупщиковъ, жадно набрасывающихся на пріобрѣтеніе недвижимой собственности въ графствахъ: это были богатые мануфактуристы и коммерсанты, стремившіеся стать въ ряды джентри съ ея мѣстнымъ вліяніемъ, вытекавшимъ изъ землевладѣнія съ ея политическимъ господствомъ, опиравшимся на мѣстное вліяніе. Агенты такихъ скупщиковъ прямо иногда заводили разорительныя для мелкихъ владѣльцевъ процессы, нарочно опутывали ихъ неоплатными долгами или просто повышали предлагаемую цѣну за намѣченный для покупки участокъ въ томъ расчетѣ, что въ новыхъ рукахъ онъ будетъ приносить бо̀льшій доходъ. Новые владѣльцы уже не выпускали изъ своихъ рукъ попавшіе къ нимъ участки, и однимъ изъ средствъ для этого была заповѣдность имѣній и система пожизненныхъ владѣній: разъ установлялась заповѣдность, тѣмъ самымъ ограничивались права на землю всѣхъ наслѣдниковъ, находившихся въ живыхъ при этомъ установленіи, т.-е. имъ предоставлялось лишь пожизненное пользованіе, но отнималось у нихъ право продажи земли. Впервые заповѣдныя имѣнія установлены были въ царствованіе Эдуарда I. но суды постоянно боролись съ этою системою, и тѣмъ не менѣе въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій она успѣла настолько упрочиться, что рядомъ съ причинами, которыя вели къ уничтоженію мелкаго землевладѣнія, нужно поставить и это условіе, создававшее неотчуждаемость крупныхъ имѣній. Наконецъ, къ концу XVIII в. въ этихъ имѣніяхъ существовали большею частью уже однѣ крупныя

фермы, бывшія въ рукахъ предпринимателей, которые обладали агрономическими знаніями, усовершенствованными орудіями и отличнымъ скотомъ, ведя хозяйство на раціональныхъ основаніяхъ (плодопеременный сѣвооборотъ) и уже исключительно при помощи наемныхъ рабочихъ. Во второй половинѣ XVIII в. возникла новая наука—политическая экономія, и первые ея представители относились весьма сочувственно къ англійскимъ поземельнымъ и сельско-хозяйственнымъ отношеніямъ, имѣя въ виду агрономическій прогрессъ. Французскіе физіократы, какъ мы увидимъ, сдѣлались поклонниками фермерской обработки земли, которую рекомендовали и своему отечеству, вмѣсто распространеннаго въ немъ мелкаго крестьянскаго хозяйства, какъ не дававшаго хорошихъ результатовъ. Артуръ Юнгъ въ своемъ описаніи путешествія по Франціи равнымъ образомъ, какъ мы видѣли, постоянно отмѣчаетъ отсталость мелкаго французскаго крестьянскаго хозяйства въ сравненіи съ фермерскимъ, установившимся на его родинѣ: по его словамъ, первое находилось еще какъ бы въ X вѣкѣ. Этотъ же соціальный строй, въ основѣ котораго лежало отдѣленіе землевладѣнія (лендлордовъ) отъ непосредственнаго пользованія землею (фермерами), а послѣдняго—отъ дѣйствительнаго земледѣльческаго труда (наемныхъ рабочихъ), и былъ, такъ сказать, нормальнымъ строемъ, изучая который Ад. Смитъ положилъ начало новой школѣ политической экономіи.

Собственно говоря, Англія въ веденіи своего сельскаго хозяйства, замѣняя прежніе способы держанія земли системою временной аренды съ образованіемъ крупныхъ фермъ и установленіемъ денежной ренты, вмѣсто натуральнаго оброка, лишь опережала другія страны, гдѣ вообще еще въ XVI в. начались аналогичныя перемѣны, конечно, съ разными мѣстными отличіями. Между прочимъ, напримѣръ, въ Германіи, гдѣ въ исходѣ среднихъ вѣковъ преобладало мелкое хозяйство, съ XVI в. начинаютъ развиваться помѣщичьи фольварки (Vorwercke), и уже въ этомъ же столѣтіи были мѣстности, гдѣ земли, на которыхъ велось крестьянское хозяйство, сократились вдвое сравнительно съ тѣми, которыя находились въ непосредственномъ завѣдованіи помѣщика (прежде, напр., $^2/_3$ крестьянскихъ, $^1/_3$ помѣщичьихъ, потомъ поровну и тѣхъ и другихъ, наконецъ $^1/_3$ крестьянскихъ и $^2/_3$ помѣщичьихъ). Вмѣстѣ съ этимъ улучшались техническіе способы веденія хозяйства и, благодаря имъ, земля давала гораздо лучшіе доходы, чѣмъ прежде, такъ что съ крупными имѣніями въ этомъ отношеніи не могла конкурировать мелкая крестьянская культура. Обезземеленіе крестьянъ въ Германіи, начавшееся въ концѣ среднихъ вѣковъ и сильно содѣйствовавшее взрыву войны 1524—25 гг., продолжалось и въ слѣдующіе вѣка, причемъ юристы, примѣнявшіе къ

германскимъ аграрнымъ отношеніямъ понятія римскаго права, не переставали смотрѣть на помѣщиковъ (Grundherren), какъ на истинныхъ собственниковъ и крестьянской земли (Bauerngüter), а на тѣ участки, которыми владѣли крестьяне, или какъ на римскій эмфитевзисъ, или же какъ на временную аренду (Zeitpacht); не переставали они прилагать и къ личнымъ отношеніямъ между господиномъ и крестьяниномъ понятія, связанныя съ римскимъ институтомъ рабства т.-е. установляли въ теоріи неограниченную власть помѣщиковъ надъ крестьянами, donec probatur contrarium, т.-е. пока не будетъ представлено несомнѣнныхъ доказательствъ въ личной свободѣ того или другого лица, и во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ (in dubio) вопросъ рѣшался обыкновенно не въ пользу крестьянина. Это вело за собою превращеніе всѣхъ зависимыхъ (Hörige) въ крѣпостныхъ (Leibeigene), и многочисленныя Bauernordungen XVI и XVII вв. *устанавливали въ Германіи два права помѣщика—право собственности надъ крестьянскою землею и неограниченную власть его надъ личностью крестьянина.* Ландтаги, въ которыхъ главную роль играло дворянство, весьма сильно содѣйствовали такого рода законодательнымъ постановленіямъ, подобно тому, какъ и во Франціи въ созданіи кутюмнаго права, регулировавшаго поземельныя отношенія, доля участія падаетъ на провинціальные штаты.

Крестьянскія возстанія въ Германіи въ концѣ XV и началѣ XVI вв. были наиболѣе подходящимъ для дворянъ поводомъ, чтобы закрѣпостить сельское населеніе, особенно въ виду того, что въ это время землевладѣльческое сословіе стало покидать свой прежній военный бытъ и изъ рыцарей превращаться въ сельскихъ хозяевъ, какъ это было, впрочемъ, не въ одной Германіи, но, напримѣръ, и въ Польшѣ. Иногда закрѣпощеніе совершалось, такъ сказать, сразу, подобно тому, какъ это было въ Венгріи, гдѣ въ 1514 г. сеймъ однимъ постановленіемъ ввелъ крѣпостничество, но чаще всего оно было результатомъ медленнаго ухудшенія въ положеніи крестьянъ, которые раньше уплачивали лишь опредѣленный чиншъ (Zins, census) и отбывали опредѣленныя же натуральныя повинности, оставаясь лично свободными. Утверждалась постепенно и власть помѣщика надъ землею. Напримѣръ, въ Бранденбургѣ установился такъ называемый Legen der Bauern или Auskaufen der Bauern, сущность котораго заключалась въ томъ, что крестьяне должны были сносить свои дворы и очищать занимаемые участки, какъ только помѣщикъ пожелаетъ на нихъ устроить новый хуторъ, хотя при этомъ крестьянинъ и получалъ нѣкоторое вознагражденіе. Кромѣ того, помѣщикъ могъ изгонять непокорнаго крестьянина изъ его двора и даже изъ деревни. Вотчинная юстиція и полиція, бывшая въ рукахъ помѣщичьяго класса, облегчала это

дѣло, и благодаря сносу (Legen) крестьянскихъ дворовъ образовалось въ Бранденбургѣ большое количество крупныхъ и богатыхъ помѣщичьихъ хозяйствъ. Этотъ процессъ продолжается и въ XVIII в., вызывая противъ себя законодательныя мѣры прусскихъ королей, но уже въ XVI в. онъ успѣлъ сдѣлать многое. Напримѣръ, деревня Рангдорфъ въ XIV в. состояла изъ однихъ крестьянъ, владѣвшихъ 25 гуфами; въ 1536 г. сносятся два крестьянскихъ двора, владѣвшіе пятью гуфами, въ 1586 г. еще одинъ дворъ съ тремя гуфами, и вмѣсто трехъ дворовъ образуется одинъ хуторъ. Или еще примѣръ; въ деревнѣ Бритцъ помѣщику принадлежало 18 гуфъ, но путемъ Legen'а къ нимъ были присоединены въ 1583 г. три гуфы, въ 1584 г. еще три, въ 1589 г. опять три, въ 1615 г. двѣ, такъ что составилось помѣстье въ 29 гуфъ. Расширяя площадь земель, находившихся въ личномъ завѣдованіи владѣльцевъ или отдававшихся въ аренду, нѣмецкое дворянство стремилось обезпечить за собою и даровой трудъ, стѣсняя свободу передвиженія крестьянъ и распоряженія собственнымъ трудомъ, прикрѣпляя ихъ къ землѣ, установляя барщину. Постановленія ландтаговъ на этотъ счетъ были весьма разнообразны, но общая тенденція ихъ была одна—сдѣлать помѣстное дворянство распорядителемъ крестьянскаго труда. Къ концу XVII в. и къ началу XVIII этотъ процессъ завершается, *и никогда германскій крестьянинъ не находился въ такомъ угнетеніи, какъ именно въ прошломъ вѣкѣ:* въ Германіи его обезземеленіе не сопровождалось даже, какъ то было въ Англіи и Франціи, установленіемъ личной свободы. Совсѣмъ наоборотъ, *обезземеленіе и закрѣпощеніе шли рука объ руку,* т.-е. соціальный феодализмъ получалъ здѣсь иной характеръ, чѣмъ во Франціи: здѣсь его экономическая основа (соединеніе мелкаго хозяйства съ крупнымъ землевладѣніемъ) отрѣшилась отъ юридической формы (крѣпостная зависимость крестьянина), тогда какъ въ Германіи, напротивъ, послѣдняя развилась и сдѣлалась господствующею, но уже въ интересахъ болѣе крупнаго хозяйства, вытѣснявшаго собою крестьянскую культуру. Во многихъ мѣстностяхъ Германіи крѣпостныхъ крестьянъ стали обмѣнивать и продавать, гонять каждый день на барщину, подвергать тѣлеснымъ наказаніямъ за дурную работу и т. п., т.-е. начали обращаться съ ними, какъ съ настоящими рабами. Для оправданія этихъ отношеній въ XVII и XVIII вв. создавались юридическія теоріи. Если во Франціи аристократическая исторіографія (Boulainvilliers) основывала права и привилегіи дворянства изъ завоеванія его предками (франками) всей страны, то нѣмецкіе юристы XVII в. выводили отношенія между помѣщиками и крестьянами изъ договора (какъ и самое государство выводилось изъ договора), создающаго права и обязанности контрагентовъ и поставленнаго подъ

охрану принудительной власти государства. Знаменитый Пуфендорфъ, отказывавшійся понимать устройство Священной Римской имперіи, не встрѣчалъ затрудненій при объясненіи крѣпостничества. Крестьяне закрѣпощались, по его теоріи, нуждаясь въ защитѣ сильныхъ и богатыхъ людей и въ пропитаніи, которое послѣдніе, какъ захватившіе всю поземельную собственность [1]), только и могли имъ дать, такъ что крѣпостное состояніе, по Пуфендорфу, есть не что иное, какъ обязательство платить постоянными услугами за постоянное и вѣрное пропитаніе (do alimenta perpetua, ut praestes operas perpetuas); такъ какъ при томъ землевладѣлецъ прокармливаетъ не только родителей, но и дѣтей, то право господина распространяется и на потомство людей, ставшихъ въ крѣпостныя отношенія. Предполагалось еще, что соглашеніе происходило и съ военноплѣнными, разъ съ нихъ снимали оковы и они обязывались въ качествѣ рабовъ работать на господина. Такимъ образомъ *старая юридическая наука заключала въ себѣ теоріи, крайне неблагопріятныя для крестьянъ*, разрабатывали ли ее февдисты (знатоки феодальнаго права, бывшіе во Франціи вообще защитниками сеньерьяльныхъ правъ) или легисты, изучавшіе римское право, или же, наконецъ, даже и теоретики естественнаго права. Нормы феодальнаго права, толкованіе римскихъ законовъ не въ пользу крестьянъ, теоретическія соображенія оставалось только подкрѣпить исторіей, ея фактами и выводами, за чѣмъ дѣло также не стало. Историческое построеніе Буленвилье не стояло особнякомъ во Франціи, гдѣ сеньерьяльныя права выводились изъ условной передачи земли завоевателями-франками (дворянствомъ) покореннымъ галлоримлянамъ (третьему сословію), но и въ Германіи имѣло свои аналогіи, когда въ XVIII в. юристы, напримѣръ, утверждали, что современныя имъ крестьянскія отношенія существовали испоконъ вѣка, что земля всегда принадлежала благородному сословію, что всѣ крестьяне состояли ихъ крѣпостными (Leibeigene). Такъ какъ въ XVIII в. были сдѣланы первыя попытки реформы крестьянскихъ отношеній, то признано весьма важнымъ знать, были ли эти отношенія основаны на какомъ-либо правѣ, или, наоборотъ, представляли собою результатъ отдѣльныхъ правонарушеній, такъ какъ отъ этого могъ зависѣть самый ходъ реформы. Къ сожалѣнію, въ Германіи получила авторитетъ и наибольшее распространаніе историческая теорія профессора гиссенскаго университета Іоанна Георга Эстора и его многочисленныхъ сторонниковъ, хотя теорія эта и не оставалась безъ возраженій. Небольшой трактатъ названнаго юриста „De praesumptione contra rusticos in causis operarum harumque redemptione“

[1]) Право собственности вообще выводилось изъ первоначальнаго захвата (jus primae occupationis, primi occupantis).

(1734) былъ однимъ изъ первыхъ въ этой литературѣ, сводъ которой сдѣланъ былъ въ 1775—1784 гг. въ восьмитомной „Oeconomia forensis“ Бенкердорфа, гдѣ давалась цѣлая картина историческаго прошлаго нѣмецкаго крестьянства въ смыслѣ исконности дворянскихъ правъ на землю и крѣпостного состоянія крестьянъ. Историческая наука, которой принадлежитъ такая роль въ современной жизни, тогда еще не существовала, и возражать съ исторической точки зрѣнія Эстору и его школѣ было невозможно; поэтому вся полемика велась на почвѣ идеи естественнаго права, какъ мы это видимъ уже въ брошюрѣ юриста Гаушильда „Opusculum historico-juridicum de praesumptione pro libertate naturali in causis rusticorum“ (1738). Французскіе февдисты становились на ту же точку зрѣнія договорнаго происхожденія сеньерьяльныхъ правъ. Въ 1720 г. Поке де Ливоньеръ въ „Трактатѣ о феодахъ“ доказывалъ это по отношенію главнымъ образомъ къ баналитетамъ, другіе распространили ту же теорію и на иныя сеньерьяльныя права. Это ученіе сдѣлалось во Франціи даже оффиціальнымъ, и парламенты взяли его подъ свою защиту.

Намъ придется еще вернуться къ западно-европейскому крестьянству XVIII в. и по поводу теоретической постановки крестьянскаго вопроса въ литературѣ, и по поводу реформъ какъ „просвѣщеннаго абсолютизма“, такъ и французской революціи.

IX. Разложеніе цеховой организаціи [1]).

Крестьянскій и рабочій вопросы.—Мелкое хозяйство на землѣ и цеховое устройство. — Меркантилизмъ и крупная промышленность. — Упадокъ нѣмецкой промышленности въ XVII и XVIII вв. — Злоупотребленія въ нѣмецкихъ цехахъ. — Неодинаковость интересовъ внутри цеха и ея послѣдствія. — Разложеніе французскихъ цеховъ въ новое время.—Цехи и государственная власть во Франціи.— Французскій цехъ въ XVII в. — Характеръ правительственной регламентаціи. — Англійская промышленность въ средніе вѣка и въ новое время.—Цехи и фабрики въ Англіи XVIII в. — Заключительныя замѣчанія.

Въ XVIII в. былъ поставленъ и въ жизни, и въ литературѣ вопросъ крестьянскій, къ рѣшенію котораго и приступили нѣкоторыя

[1]) Дополненія проф. *И. В. Лучицкаго* къ русск. пер. Новой исторіи *Зеворта*, между которыми есть главы о состояніи промышленности въ З. Европѣ въ XVI, XVII и XVIII вв.—*Levasseur*. Histoire des classes ouvrières en France.— *Babeau*. Les artisans et les bourgeois d'autrefois. — *Его же*. L'ouvrier sous l'ancien régime.—*Funck-Brentano*. La question ouvrière sous l'ancien régime.— *Martin Saint-Léon*. Histoire des corporations de métiers depuis leur origine jusqu'à leur suppressions en 1791.—*A. Franklin*. Les corporations ouvrières de

европейскія правительства, хотя дѣло это шло весьма туго, пока французская революція и распространеніе ея идей и учрежденій, въ эпоху войнъ республики и имперіи Наполеона I, по всей почти Западной Европѣ не дали новаго толчка этому дѣлу. Это былъ главный соціальный вопросъ прошлаго вѣка. Въ XIX в. его мѣсто занялъ такъ называемый вопросъ рабочій, порожденный развитіемъ капиталистическаго производства, появленіемъ рабочаго пролетаріата, бѣдствіями пауперизма, особенно послѣ того переворота въ обрабатывающей промышленности, который произошелъ въ концѣ вѣка, благодаря изобрѣтенію великаго множества машинъ и—рядомъ съ этимъ—благодаря отмѣнѣ старыхъ формъ организаціи рабочаго класса, отжившихъ свое время и нуждавшихся въ коренной реформѣ. Имѣя здѣсь въ виду не то новое, которое зарождалось [1]), но то старое, которое разлагалось, требовало реформы или должно было пасть въ общемъ крушеніи „старыхъ порядковъ", мы ограничимся лишь немногими фактами изъ затрогиваемой здѣсь стороны экономическаго быта, получившей особенно важное историческое значеніе въ XIX вѣкѣ.

Между земледѣльческимъ и ремесленнымъ бытомъ въ средніе вѣка существовала аналогія: и въ сельскомъ хозяйствѣ, и въ обрабатывающей промышленности преобладалъ мелкій производитель, каковымъ являлся или крестьянинъ, обрабатывавшій за оброкъ свой наслѣдственный надѣлъ, или цеховой мастеръ, хозяинъ маленькаго ремесленнаго заведенія: какъ у одного, такъ и у другого было въ обладаніи все необходимое для труда—своя земля, свое помѣщеніе для занятія ремесломъ, свой скотъ и свои сѣмена, свой матеріалъ, шедшій въ работу, свои земледѣльческія орудія, свои станки и инструменты. Развитіе денежнаго хозяйства въ обоихъ случаяхъ шло рука объ руку, во первыхъ, съ развитіемъ крупнаго фермерскаго хозяйства и крупныхъ мануфактуръ, а во-вторыхъ, съ распаденіемъ земледѣльческаго и промышленнаго классовъ на предпринимателей, снимающихъ или покупающихъ землю, строящихъ фабрики и заводы, обладающихъ скотомъ, земледѣльческими орудіями, машинами и т. п., и на рабочихъ, живущихъ исключительно трудами своихъ рукъ. Подобно тому, какъ денежное хозяйство не сразу вытѣснило мелкую земледѣльческую культуру, такъ не сразу оно вытѣснило и мелкіе цеховые промыслы, и подобно тому, какъ крестьянское хозяйство тѣсно было связано съ отношеніями средневѣкового соціальнаго фео-

France.—*Его же.* Vie privée d'autrefois. — *A. des Cilleuls.* Histoire et régime de la grande industrie en France aux XVII et XVIII siècles.—*Clément.* Histoire du système protecteur en France depuis Colbert.

[1]) Объ этомъ рѣчь будетъ итти въ IV томѣ.

дализма, такъ и мастерства всякаго рода, которыя еще не перешли къ фабричному устройству, сохраняли корпоративныя формы, столь вообще развитыя въ средневѣковой жизни, когда при безсиліи государства человѣку изъ народа нужно было или найти себѣ какого-либо сеньера, или соединиться съ другими людьми въ корпорацію — въ гильдію, цехъ, коммуну. Каждая средневѣковая корпорація стремилась обыкновенно строго отдѣлить себя отъ всего, что̀ не принадлежало къ ея составу, но и въ замкнутомъ цѣломъ развивались привилегіи, вносившія въ него внутреннее разложеніе, особенно если этому способствовали еще и извнѣ. Въ XVIII в. цехъ не былъ уже единственной формой организаціи обрабатывающей промышленности, да и внутри цеха совершалось разложеніе, происходило разстройство, многое являлось устарѣлымъ, ждавшимъ только наступленія такой минуты, когда должна была притти окончательная гибель.

Въ экономической политикѣ Западная Европа перешла изъ XVII в. въ XVIII при господствѣ той системы, которая получила названіе меркантилизма. Только въ серединѣ XVIII столѣтія новая экономическая теорія, извѣстная подъ названіемъ физіократіи, наноситъ ему сильный ударъ, за которымъ послѣдовалъ вскорѣ (1776) другой — появленіе „Богатства народовъ“ Адама Смита. Теорія и практика Кольбера нашли подражателей не въ одной Франціи; онѣ доводились въ другихъ странахъ, напримѣръ, въ Германіи въ эпоху развитія полицейскаго государства, до такихъ крайностей, какихъ онѣ избѣгали на родинѣ. Эта экономическая политика *была въ высшей степени благопріятна для развитія крупной промышленности, которой она всячески покровительствовала.*

Не одна Франція въ эту эпоху развила у себя крупныя мануфактуры; онѣ появились и въ другихъ странахъ, особенно въ Англіи, которая въ XVIII в. сдѣлалась главною страною промышленности и торговли. Крупная промышленность, которой въ концѣ XVIII в. суждено было вступить въ новую фазу развитія, благодаря главнымъ образомъ изобрѣтенію машинъ, *уже въ значительной мѣрѣ вытѣснила къ тому времени мелкое цеховое производство.* Какъ и всѣ экономическіе процессы, такъ и разложеніе средневѣковой цеховой системы происходило медленно и постепенно, въ разныхъ странахъ въ разное время, въ однихъ отношеніяхъ ранѣе, чѣмъ въ другихъ, подъ вліяніемъ массы причинъ, столь, повидимому, несхожихъ между собою, какъ несхожи причины, убивавшія всякую вообще промышленность (напримѣръ, тридцатилѣтняя война въ Германіи), и наоборотъ, причины, способствовавшія процвѣтанію промышленной дѣятельности, но въ то же время выводившія ее на новую дорогу крупнаго производства.

европейскія правительства, хотя дѣло это шло весьма туго, пока французская революція и распространеніе ея идей и учрежденій, въ эпоху войнъ республики и имперіи Наполеона I, по всей почти Западной Европѣ не дали новаго толчка этому дѣлу. Это былъ главный соціальный вопросъ прошлаго вѣка. Въ XIX в. его мѣсто занялъ такъ называемый вопросъ рабочій, порожденный развитіемъ капиталистическаго производства, появленіемъ рабочаго пролетаріата, бѣдствіями пауперизма, особенно послѣ того переворота въ обрабатывающей промышленности, который произошелъ въ концѣ вѣка, благодаря изобрѣтенію великаго множества машинъ и—рядомъ съ этимъ—благодаря отмѣнѣ старыхъ формъ организаціи рабочаго класса, отжившихъ свое время и нуждавшихся въ коренной реформѣ. Имѣя здѣсь въ виду не то новое, которое зарождалось [1]), но то старое, которое разлагалось, требовало реформы или должно было пасть въ общемъ крушеніи „старыхъ порядковъ", мы ограничимся лишь немногими фактами изъ затрогиваемой здѣсь стороны экономическаго быта, получившей особенно важное историческое значеніе въ XIX вѣкѣ.

Между земледѣльческимъ и ремесленнымъ бытомъ въ средніе вѣка существовала аналогія: и въ сельскомъ хозяйствѣ, и въ обрабатывающей промышленности преобладалъ мелкій производитель, каковымъ являлся или крестьянинъ, обрабатывавшій за оброкъ свой наслѣдственный надѣлъ, или цеховой мастеръ, хозяинъ маленькаго ремесленнаго заведенія: какъ у одного, такъ и у другого было въ обладаніи все необходимое для труда—своя земля, свое помѣщеніе для занятія ремесломъ, свой скотъ и свои сѣмена, свой матеріалъ, шедшій въ работу, свои земледѣльческія орудія, свои станки и инструменты. Развитіе денежнаго хозяйства въ обоихъ случаяхъ шло рука объ руку, во первыхъ, съ развитіемъ крупнаго фермерскаго хозяйства и крупныхъ мануфактуръ, а во-вторыхъ, съ распаденіемъ земледѣльческаго и промышленнаго классовъ на предпринимателей, снимающихъ или покупающихъ землю, строящихъ фабрики и заводы, обладающихъ скотомъ, земледѣльческими орудіями, машинами и т. п., и на рабочихъ, живущихъ исключительно трудами своихъ рукъ. Подобно тому, какъ денежное хозяйство не сразу вытѣснило мелкую земледѣльческую культуру, такъ не сразу оно вытѣснило и мелкіе цеховые промыслы, и подобно тому, какъ крестьянское хозяйство тѣсно было связано съ отношеніями средневѣковаго соціальнаго фео-

France.—*Его же.* Vie privée d'autrefois. — *A. des Cilleuls.* Histoire et régime de la grande industrie en France aux XVII et XVIII siècles.—*Clément.* Histoire du système protecteur en France depuis Colbert.

[1]) Объ этомъ рѣчь будетъ итти въ IV томѣ.

дализма, такъ и мастерства всякаго рода, которыя еще не перешли къ фабричному устройству, сохраняли корпоративныя формы, столь вообще развитыя въ средневѣковой жизни, когда при безсиліи государства человѣку изъ народа нужно было или найти себѣ какого-либо сеньера, или соединиться съ другими людьми въ корпорацію — въ гильдію, цехъ, коммуну. Каждая средневѣковая корпорація стремилась обыкновенно строго отдѣлить себя отъ всего, что̀ не принадлежало къ ея составу, но и въ замкнутомъ цѣломъ развивались привилегіи, вносившія въ него внутреннее разложеніе, особенно если этому способствовали еще и извнѣ. Въ XVIII в. цехъ не былъ уже единственной формой организаціи обрабатывающей промышленности, да и внутри цеха совершалось разложеніе, происходило разстройство, многое являлось устарѣлымъ, ждавшимъ только наступленія такой минуты, когда должна была притти окончательная гибель.

Въ экономической политикѣ Западная Европа перешла изъ XVII в. въ XVIII при господствѣ той системы, которая получила названіе меркантилизма. Только въ серединѣ XVIII столѣтія новая экономическая теорія, извѣстная подъ названіемъ физіократіи, наноситъ ему сильный ударъ, за которымъ послѣдовалъ вскорѣ (1776) другой — появленіе „Богатства народовъ" Адама Смита. Теорія и практика Кольбера нашли подражателей не въ одной Франціи; онѣ доводились въ другихъ странахъ, напримѣръ, въ Германіи въ эпоху развитія полицейскаго государства, до такихъ крайностей, какихъ онѣ избѣгали на родинѣ. Эта экономическая политика *была въ высшей степени благопріятна для развитія крупной промышленности, которой она всячески покровительствовала*.

Не одна Франція въ эту эпоху развила у себя крупныя мануфактуры; онѣ появились и въ другихъ странахъ, особенно въ Англіи, которая въ XVIII в. сдѣлалась главною страною промышленности и торговли. Крупная промышленность, которой въ концѣ XVIII в. суждено было вступить въ новую фазу развитія, благодаря главнымъ образомъ изобрѣтенію машинъ, *уже въ значительной мѣрѣ вытѣснила къ тому времени мелкое цеховое производство*. Какъ и всѣ экономическіе процессы, такъ и разложеніе средневѣковой цеховой системы происходило медленно и постепенно, въ разныхъ странахъ въ разное время, въ однихъ отношеніяхъ ранѣе, чѣмъ въ другихъ, подъ вліяніемъ массы причинъ, столь, повидимому, несхожихъ между собою, какъ несхожи причины, убивавшія всякую вообще промышленность (напримѣръ, тридцатилѣтняя война въ Германіи), и наоборотъ, причины, способствовавшія процвѣтанію промышленной дѣятельности, но въ то же время выводившія ее на новую дорогу крупнаго производства.

Въ Германіи цеховая жизнь достигаетъ высшей точки своего развитія въ вѣкъ гуманизма и реформаціи, когда нѣмецкій народъ переживалъ лучшую пору своей новой исторіи, хотя уже и тогда складывались неблагопріятныя условія для всего послѣдующаго культурнаго и соціальнаго развитія страны. *Въ XV и XVI вѣкахъ нѣмецкій цехъ, такъ сказать, отливается въ свою окончательную форму*, и цеховая организація охватываетъ все большее и большее количество промысловъ, такъ что, наконецъ, даже врачи, учителя, нотаріусы, цырульники, музыканты, гробокопатели тоже организуются на цеховыхъ началахъ. И муниципальныя власти имперскихъ городовъ, и княжескія правительства, все болѣе и болѣе начинавшія вообще вмѣшиваться въ разнообразныя сферы общественной жизни, оставляли основы цеховой организаціи въ неприкосновенности, хотя и начинали регламентировать отдѣльныя ея стороны. Конечно, не всѣ промыслы одинаково процвѣтали, что зависѣло отъ массы крайне разнообразныхъ причинъ, и уже во второй половинѣ XVI в. нѣкоторыя отдѣльныя отрасли нѣмецкой промышленности стали приходить въ упадокъ, но главнымъ образомъ тридцатилѣтняя война нанесла ударъ матеріальному благосостоянію нѣмецкой націи: вмѣстѣ съ земледѣліемъ, страшно пострадавшимъ въ эту эпоху, и съ торговлею, которая пришла въ упадокъ и изъ имперскихъ городовъ Германіи переселилась въ Голландію и Англію,—сильно потерпѣла и обрабатывающая промышленность. Съ вестфальскаго мира княжеская власть дѣлается почти исключительнымъ, чуть не единственнымъ самостоятельнымъ факторомъ въ общественной жизни. Старые имперскіе города, въ которыхъ когда-то процвѣтали промышленность и торговля, уступили мѣсто княжескимъ резиденціямъ, до того времени не игравшимъ никакой роли, въ особенности столицамъ болѣе значительныхъ государей, носившихъ даже по своимъ внѣ-германскимъ владѣніямъ королевскій титулъ: таковы были Дрезденъ, Берлинъ, Ганноверъ, такъ какъ курфюрстъ саксонскій былъ королемъ польскимъ, бранденбургскій — прусскимъ, ганноверскій — англійскимъ. Прежняя общественная самодѣятельность, выражавшаяся въ формѣ разныхъ союзовъ и породившая цеховую организацію промышленности, должна была склониться передъ развитіемъ княжескаго чиновничества, создавшаго своею дѣятельностью полицейское государство прошлаго вѣка. Правительственная регламентація промышленности исходила изъ идей, діаметрально противоположныхъ старымъ традиціямъ цеховъ, заботившихся о томъ, чтобы выгодами отъ ремесла пользовалось наибольшее количество людей, имъ занимающихся: это вѣдь и поддерживало цеховую форму промышленности—небольшія мастерскія, хозяева которыхъ работали сами съ небольшимъ числомъ под-

мастерьевъ и учениковъ. Первыми въ Германіи піонерами новой формы промысловъ, т.-е. фабрикъ, составляющихъ собственность предпринимателей, которые вели свое дѣло трудомъ наемныхъ рабочихъ и постоянно искали правительственной поддержки, были съ конца XVII в. французскіе эмигранты, именно гугеноты послѣ отмѣны нантскаго эдикта, большею частью коммерсанты и фабриканты, которые нашли пріютъ въ Бранденбургѣ, въ Гессенѣ, въ Мекленбургѣ и въ Голштиніи. Общая картина нѣмецкой промышленности въ XVIII в. была самая печальная; ремесленное сословіе было немногочисленно, бѣдно, лишено техническихъ знаній, часто едва влачило самое жалкое существованіе, несмотря на всѣ заботы отдѣльныхъ правительствъ, направленныя къ поднятію мѣстной промышленности, пока не явилась мысль о томъ, что сами цехи—вредное учрежденіе, тормозящее индустріальное развитіе (хотя при этомъ никто не зналъ, что же поставить на мѣсто цеховъ). Старая организація дѣйствительно требовала реформы, такъ какъ въ жизнь цеховъ проникли разнаго рода злоупотребленія, противъ которыхъ боролись съ перемѣннымъ успѣхомъ и прежніе цеховые уставы. Жалоба на злоупотребленія усиливаются съ конца XVI в., дѣлаются благовиднымъ предлогомъ для систематическаго ограниченія прежняго цехового самоуправленія въ пользу княжеской администраціи, которая, однако, не столько заботилась объ устраненіи цеховыхъ золъ, сколько объ общихъ интересахъ государства, такъ или иначе понимаемыхъ. Эти же жалобы служатъ основою для враждебнаго отношенія къ цехамъ въ XVIII в., а вмѣстѣ съ тѣмъ и предметомъ разныхъ законодательныхъ мѣръ этой эпохи. Злоупотребленія, о которыхъ идетъ рѣчь, возникали на почвѣ конкуренціи между отдѣльными цехами, особенно если послѣдніе занимались близкими между собою ремеслами, и на антагонизмѣ между мастерами и ихъ „товарищами" (Gesellen), т.-е. подмастерьями. Въ эпоху процвѣтанія цеховъ злоупотребленія были, такъ сказать, болѣзненными наростами на здоровомъ тѣлѣ, устранявшимися съ большею или меньшею легкостью, но въ эпоху упадка старой организаціи ремесленнаго сословія они превратились во внутренній хроническій недугъ, не поддававшійся никакому лѣченію, тѣмъ болѣе, что и лѣченіе было не особенно умѣло.

Цехъ былъ учрежденіемъ очень сложнымъ, въ образованіи и развитіи котораго участвовали факторы самаго несходнаго значенія, начиная съ нравственно-религіозныхъ потребностей и кончая техническими условіями производства, включая еще въ число этихъ факторовъ моменты экономическіе, юридическіе и политическіе. Поэтому и въ цехахъ заинтересованы были, кромѣ его членовъ, разные соціальные элементы—производители сырья и потребители продуктовъ,

представители городского самоуправленія и сама государственная власть и т. п., и каждая такая общественная сила стремилась приспособить цеховую организацію къ своимъ интересамъ,—разумѣется, средствами, ей, этой общественной силѣ, доступными. Неодинаковы были интересы и отдѣльныхъ членовъ цеха, но одна изъ raisons d'être той регламентаціи, которой цехъ подчинялъ личную дѣятельность своихъ членовъ. того стѣсненія ихъ свободы, какое лежало въ основѣ его уставовъ, заключалась въ томъ, чтобы не дать однимъ членамъ ремесленнаго сословія возвыситься на счетъ другихъ, наоборотъ, предоставить всѣмъ по возможности одинаковый заработокъ, открыть доступъ младшимъ членамъ сословія (ученикамъ и подмастерьямъ) къ званію мастера и, слѣдовательно, къ хозяйственной самостоятельности и такимъ образомъ примирить интересы отдѣльныхъ группъ ремесленниковъ одной и той же спеціальности. Пока цехи были вѣрны этимъ принципамъ, они были явленіемъ жизненнымъ, *внутреннее же разложеніе цеховъ въ томъ и заключалось, что они измѣняли своему назначенію, не только налагая на свободу личности ненужныя стѣсненія, но и создавая внутреннее неравенство въ ремесленномъ сословіи* путемъ предоставленія привилегій меньшинству въ ущербъ правамъ и интересамъ большинства. Это былъ длинный процессъ, и въ немъ дѣйствовали весьма сложныя причины. существо же дѣла состояло въ томъ, что параллельно съ затрудненіями, которыя создавались уже съ конца XVI и начала XVII в. для всѣхъ желавшихъ вступать въ цехи, увеличивалась и требовательность по отношенію къ прохожденію цеховыхъ степеней, безъ котораго нельзя было сдѣлаться мастеромъ. Мало-по-малу право на самостоятельный ремесленный трудъ стало разсматриваться, какъ выгодная привилегія, и лица, ею обладавшія, т.-е. мастера, стали всѣми способами ограничивать число привилегированныхъ ремесленниковъ и стремиться къ тому, чтобы передавать свое право по наслѣдству своимъ вдовамъ и сыновьямъ или дочерямъ, затрудняя доступъ къ званію мастера посредствомъ строгаго отношенія къ пробной работѣ (Meisterstück), если ищущее званія лицо не дѣлало большого взноса или не устраивало дорого стоющаго угощенія для своихъ судей,—и вообще обставляя всю внутреннюю жизнь цеха разнаго рода формальностями. Между мастерами и подмастерьями и ранѣе существовалъ своего рода антагонизмъ, происходили конфликты, но отношенія эти до извѣстной степени регулировались тѣмъ, что подмастерья заключали между собою союзы, съ общимъ же паденіемъ промышленности, съ утратою общественными лицами ихъ прежней самостоятельности вслѣдствіе роста бюрократическаго управленія, союзы эти потеряли свое значеніе.

Еще въ большемъ разложенiи, чѣмъ въ Германiи, былъ цеховой строй во Францiи, гдѣ уже въ XVI столѣтiи между мастерами и подмастерьями шла борьба, сопровождавшаяся стачками послѣднихъ и даже насильственными съ ихъ стороны дѣйствiями. Нерѣдко мастера сами ремесломъ не занимались, живя просто доходами съ своихъ заведенiй, передававшихся отъ отца къ сыну или отдававшихся внаймы подмастерьямъ, которые никакъ не могли сами попасть въ мастера. И здѣсь очень рано стали создаваться затрудненiя для желающихъ добиться званiя мастера, и бывали случаи, что мастера не учили, какъ слѣдуетъ, своихъ учениковъ, дабы они не могли представить надлежащей пробной работы (chef-d'oeuvre). Съ другой стороны, мастеромъ можно было сдѣлаться за деньги раньше всѣхъ законныхъ сроковъ, безъ хорошаго знанiя своего ремесла, безъ собственной пробной работы, которую исполнялъ за кандидата какой-либо мастеръ, тогда какъ отъ бѣднаго человѣка требовали труднаго и дорого стоющаго образцоваго произведенiя. Среди самихъ мастеровъ уже въ XVI в. возникли еще разныя отличiя, такъ какъ они дѣлились на молодыхъ, новыхъ и старыхъ (jeunes, modernes et anciens) съ неодинаковыми правами въ корпоративной жизни, и цехъ все болѣе и болѣе получалъ олигархическое устройство. Въ цеховыя должности выбирались только самые привилегированные мастера, платившiе за свое избранiе подарками и пирушками, такъ какъ на этихъ должностяхъ можно было наживаться взяточничествомъ и разнаго рода обычными доходами, въ родѣ пошлины, платившейся всякимъ вновь принятымъ мастеромъ или при переходѣ мастеровъ изъ низшихъ категорiй въ высшiя. Всѣ эти злоупотребленiя очень рано стали служить поводомъ для правительственнаго вмѣшательства въ цеховую жизнь, но и оно получало очень часто только фискальный характеръ, когда, напримѣръ, короли продавали за деньги и отдѣльныя цеховыя должности, и самое званiе мастера. Благодаря тому, что мастеромъ можно было сдѣлаться по королевскому патенту или lettre de maîtrise (еще съ Людовика XI), въ цехи вступали иногда люди, совершенно имъ чуждые, незнакомые съ своимъ ремесломъ, и они облагались при вступленiи особою пошлиною въ пользу должностныхъ лицъ цеха. Духъ независимости, которымъ отличались многiя французскiя ремесленныя корпорацiи, заставлялъ королевскую власть равнымъ образомъ слѣдить за тѣмъ, что происходило въ ихъ средѣ, всячески устранять изъ ихъ жизни все, что было хотя бы намекомъ на политическое значенiе, на самоуправленiе, но при этомъ власть оставляла неприкосновенными всѣ основы цехового быта, какъ организацiи промышленнаго труда, и даже покровительствовала олигархическому характеру, какой она принимала; только вопiющiя зло-

употребленія находили отпоръ въ законодательствѣ. Регламентація производства, которая въ средніе вѣка принадлежала самимъ цехамъ, дѣлавшимъ ее все болѣе и болѣе мелочною и придирчивою, перешла въ XVI в. въ руки государства, но оно, продолжая въ этомъ отношеніи прежнюю дѣятельность самихъ ремесленныхъ корпорацій, преслѣдовало преимущественно цѣли или фискальныя, или политическія: „король одинъ можетъ дѣлать мастеровъ", „король одинъ имѣетъ право создавать монополіи",—вотъ тѣ принципы, которыми руководствовалось французское правительство, передѣлывая цеховые уставы или вмѣшиваясь въ отдѣльныя проявленія цеховой жизни, тогда какъ, наоборотъ, само ремесленное сословіе крѣпко держалось за свои традиціи. Между прочимъ, цехи отстаивали свои монопольныя права противъ новыхъ способовъ производства, вводившихся во Франціи въ XVII в., особенно въ эпоху Кольбера, который сильно регламентировалъ цеховую промышленность и *разными привилегіями, субсидіями и поощреніями создавалъ небывалыя до того времени во Франціи отрасли индустріи и крупныя предпріятія фабричнаго характера*. Въ XVIII в. регламентація промышленности усилилась донельзя, и всѣ мелочи производства подлежали вѣдѣнію спеціальныхъ правительственныхъ инспекторовъ, несмотря на то, что старыя основы ремесленнаго быта со всѣми злоупотребленіями, сдѣлавшимися въ немъ хроническими, оставались въ полной силѣ.

Французская ремесленная корпорація представляется намъ въ XVIII в. въ слѣдующемъ видѣ. Ея полноправными членами попрежнему являются мастера (maîtres), но сдѣлаться мастеромъ можно или по королевской грамотѣ, купивъ ее за деньги и даже освободившись тѣмъ самымъ отъ необходимости представленія ремесленнаго chef-d'oeuvre, или по наслѣдству отъ стараго мастера, будучи его сыномъ, женившись на его вдовѣ, получивъ званіе и заведеніе въ приданое за его дочерью, съ обязательствомъ, однако, представленія пробной работы и подъ условіемъ взносовъ и угощенія. Ремесленная аристократія была своего рода замкнутой кастой, и, чтобы не пускать чужихъ въ свою среду, она нерѣдко покупала королевскіе патенты на званіе мастера, дабы ихъ не могли пріобрѣсти посторонніе кандидаты. Подмастерью, попрежнему называвшемуся товарищемъ (compagnon), уже трудно было теперь выбиться изъ своего положенія; ему оставалось вѣчно быть простымъ рабочимъ, разъ не находилось такой вдовы или дочери мастера, на которой онъ могъ бы жениться. Положеніе „компаньона" все болѣе и болѣе приближалось къ тому, какое занялъ наемный рабочій на большой фабрикѣ, возникшей въ XVIII в. Между нимъ и хозяиномъ (patron) существовала теперь большая разница; хозяинъ по своему произволу могъ

прогнать рабочаго, оставивъ его безъ крова и куска хлѣба; противъ хозяина у рабочихъ было одно средство—стачка, грозившая ему невозможностью исполнить взятыя на себя обязательства; подмастерья, дѣйствительно, прибѣгали къ этому средству. Положеніе учениковъ въ цехѣ было еще болѣе безотвѣтное. Срокъ ученія былъ длинный; ученикъ могъ сдѣлаться хорошимъ работникомъ и тѣмъ не менѣе пользоваться отъ своего мастера лишь однимъ содержаніемъ, не получая никакого жалованья, т.-е. не переходя въ званіе подмастерья. Управлялся цехъ особымъ совѣтомъ, носившимъ названіе jurande по имени своихъ членовъ, которые назывались jurés, т.-е. присяжными; ихъ было обыкновенно въ каждой корпораціи четверо или шестеро, и выбирались они изъ мастеровъ, причемъ право избирать этихъ присяжныхъ принадлежало иногда только старымъ мастерамъ, иногда даже лишь самому присяжному совѣту, который такимъ образомъ пополнялся самъ собою, если только присяжныхъ не назначали муниципальныя власти или королевскіе чиновники, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже сеньерьяльные агенты. Въ компетенцію жюранды входило дѣлать оцѣнку пробной работѣ, наблюдать за исполненіемъ уставовъ и регламентовъ съ правомъ наложенія штрафовъ на отступающихъ отъ предписанныхъ правилъ, иногда раскладывать прямые налоги между членами цеха, смотрѣть за тѣмъ, чтобы въ городѣ лицо, постороннее цеху, не занималось ремесломъ или чтобы въ окрестныхъ деревняхъ равнымъ образомъ не смѣли имъ заниматься. Ремесленные регламенты касались даже мелочей производства, опредѣляя, напримѣръ, ширину ткани, длину каждаго отдѣльнаго ея куска, число нитокъ въ ея основѣ, или предписывая, какимъ инструментомъ выдѣлывать ту или другую вещь, и запрещая отступать отъ установленныхъ образцовъ, фасоновъ. Но и отъ этихъ регламентовъ можно было избавиться посредствомъ пріобрѣтенія новой привилегіи—титуловаться поставщикомъ короля или принца крови и какого-либо важнаго сеньера. Регламенты разграничивали области промышленности между отдѣльными цехами, но предусмотрѣть все было трудно, и отсюда возникали постоянные процессы между отдѣльными корпораціями, обходившіеся одному Парижу въ цѣлый милліонъ ливровъ ежегодно. Одинъ такой процессъ тянулся чуть не черезъ все XVIII столѣтіе, такъ какъ судьи никакъ не могли рѣшить вопросъ объ основательности претензій спорящихъ сторонъ и постановить рѣшеніе, которое удовлетворило бы и ту, и другую стороны; судились въ данномъ случаѣ портные и тряпичники, занимавшіеся починкою ношенаго платья. *Старыя формы цеховой жизни совсѣмъ не соотвѣтствовали потребностямъ новой жизни.* Онѣ уже не служили тѣмъ интересамъ, которые ихъ создали, а между тѣмъ дробныя под-

раздѣленія ремеслъ и рутина, поддерживаемая регламентаціей, мѣшали техническому совершенствованію, требовавшему часто соединенія въ однѣхъ рукахъ двухъ разныхъ по закону производствъ или введенія новыхъ пріемовъ работы, новыхъ образцовъ, развитія личной иниціативы, дѣланія опытовъ. Что касается рѣзкой замкнутости цеха, имѣвшей смыслъ только подъ условіемъ допущенія къ самостоятельному ремеслу людей, дѣствительно способныхъ вести его, знающихъ свое дѣло, опытныхъ въ немъ, добросовѣстныхъ, то уже ничего этого не было во французскомъ цехѣ XVIII в. Старые уставы ограничивали число учениковъ или подмастерьевъ одного и того же мастера ради того, чтобы установить между мастерами равенство, но ограниченное число учениковъ и подмастерьевъ было и однимъ изъ условій для того, чтобы всякій впослѣдствіи могъ расчитывать сдѣлаться мастеромъ; теперь же эти ограниченія получали иной смыслъ, такъ какъ цехи смотрѣли на себя, какъ на привилегированныя корпораціи, доступъ къ которыя нужно затруднять всяческими путями. Однимъ словомъ, французскіе цехи имѣли характеръ учрежденій, отжившихъ свое время, не соотвѣтствовавшихъ условіямъ вѣка остатковъ средневѣковой старины. Кромѣ фискальныхъ поборовъ, отъ которыхъ терпѣли ремесленныя корпораціи Франціи, онѣ погибали матеріально и отъ внутренняго своего разстройства, на что указываетъ и страшная ихъ задолженность.

Правительственная регламентація промышленности, въ силу которой создавались должности особыхъ фабричныхъ инспекторовъ (1670) для наблюденія за шириной и длиной тканей, наложенія на нихъ клеймъ и т. п., или особыхъ контролеровъ надъ цеховыми присяжными (inspecteurs et contrôleurs dans les communautés des arts et métiers) и т. п., коснулась въ XVIII в. и взаимныхъ отношеній между предпринимателями и рабочими. Когда первымы были исключительно мастера, а вторыми ихъ „компаньоны" и когда послѣдніе могли расчитыватъ на то, чтобы современемъ самимъ сдѣлаться хозяевами ремесленныхъ заведеній, взаимныя отношенія тѣхъ и другихъ не обострялись до такой степени, какъ теперь, тѣмъ болѣе, что они усложнились развитіемъ новой формы—крупныхъ мануфактуръ. Заботы правительства о правильномъ ходѣ фабричныхъ предпріятій заставляли его, начиная со временъ Кольбера, *придумывать мѣры къ тому, чтобы, такъ сказать, прикрѣпить рабочаго къ заведенію, въ которомъ онъ работалъ*, путемъ наложенія штрафовъ за самовольный уходъ, и поставить рабочаго лицомъ къ лицу съ предпринимателемъ посредствомъ запрещенія какихъ-либо рабочихъ союзовъ въ родѣ старыхъ союзовъ подмастерьевъ. Въ такомъ именно смыслѣ былъ изданъ въ 1749 г. общій рабочій регламентъ, опредѣ-

лявшій, при соблюденіи какихъ условій ремесленникъ могъ покинуть своего патрона. Рабочій, получившій деньги отъ хозяина впередъ, этимъ регламентомъ отдавался ему во властъ и могъ быть вытребованъ въ случаѣ ухода черезъ полицію даже тогда, когда съ нимъ дурно обращались у того хозяина, котораго онъ покидалъ. Стремленіе все регламентировать не касалось, однако, положенія самихъ рабочихъ, уже вышедшихъ изъ патріархальныхъ условій стараго цехового быта. Впрочемъ, вопросу объ отношеніяхъ между фабрикантами и рабочими пришлось выдвинуться впередъ лишь въ XIX в., послѣ того, какъ введеніе машинъ въ концѣ прошлаго вѣка произвело цѣлый промышленный переворотъ, сильно отразившійся и на соціальныхъ отношеніяхъ.

Извѣстно, что родиной, мѣстомъ перваго правленія этого переворота была Англія Въ средніе вѣка въ этой странѣ городская жизнь, обрабатывающая промышленность, цеховая организація ремеслъ (такъ называемыя гильдіи), самостоятельность ремесленныхъ союзовъ были развиты весьма мало, и ранѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, *государственная власть начала именно здѣсь заниматься по собственному почину организаціей и регламентаціей зарождавшейся промышленности*, въ то время, какъ во Франціи и Германіи, гдѣ въ соотвѣтствующія эпохи среднихъ вѣковъ и государство было слабѣе, и городская жизнь получила широкую автономію, цехи были результатомъ самодѣятельности самихъ ремесленниковъ. Взявъ на себя завѣдованіе такимъ сложнымъ дѣломъ, какъ промышленность, государственная власть въ Англіи заботилась главнымъ образомъ о томъ, чтобы воспрепятствовать образованію крупной промышленности, отъ которой могли бы пострадать интересы рабочихъ классовъ, почему, напримѣръ, законъ не допускалъ соединенія въ однѣхъ рукахъ нѣсколькихъ производствъ, ограничивалъ число учениковъ и помощниковъ у одного и того же ремесленника, запрещалъ даже вводить нѣкоторыя техническія усовершенствованія, въ родѣ сукноваленъ, къ которыхъ работала вода, какъ въ мельницѣ, а не руки рабочихъ, т.-е. дѣлалъ все то, обратное чему происходило въ той же Англіи позднѣе, когда въ ней создались большія и сложныя производства съ массою рабочихъ рукъ, отнятыхъ отъ сельскаго хозяйства обезземеленіемъ крестьянства, съ разнообразными машинами, замѣняющими человѣческій трудъ. Въ новое время въ Англіи развились многія отрасли промышленности но всѣ онѣ долго находились въ рукахъ отдѣльныхъ ремесленниковъ, хотя мало-по-малу въ экономическую жизнь и начинало проникать и крупное производство, которому было впослѣдствіи суждено сдѣлаться господствующимъ. Здѣсь этотъ процессъ совершился съ особенною быстротою, т.-е. если въ промышленномъ отношеніи она прежде

отставала отъ Германіи и Франціи, то впослѣдствіи она опередила какъ ту, такъ и другую и именно на поприщѣ крупнаго производства. На первыхъ порахъ зарожденія въ Англіи промышленнаго капитала *крупныя предпріятія были рѣдкими исключеніями, но зато весьма часты были случаи, когда за промышленность брались обладатели небольшихъ капиталовъ*, вызывая тѣмъ неудовольствіе со стороны прежнихъ ремесленниковъ, работавшихъ не на коммерческихъ началахъ, а какъ работаютъ теперь русскіе деревенскіе кустари, т.-е. ради собственнаго пропитанія, тогда какъ небольшіе капиталисты имѣли въ виду уже обогащеніе. Въ XVI в. Англія была еще страною земледѣльческою, въ XVIII столѣтіи она сдѣлалась, наоборотъ, страною торговою и промышленною: этому, между прочимъ, содѣйствовали переселенія въ нее континентальныхъ ремесленниковъ и промышленниковъ изъ протестантовъ, гонимыхъ на родинѣ, обезземеленіе крестьянъ, заставлявшее ихъ искать городскихъ заработковъ и др. подобныя причины, позднѣе изобрѣтеніе машинъ. *Страшное обогащеніе торговлею одного класса общества и увеличеніе числа лицъ, ищущихъ заработка внѣ земледѣльческихъ занятій, должны были способствовать съ особою силою созданію фабричной дѣятельности*, съ которою не могла конкурировать прежняя кустарная форма производства, когда, напримѣръ, бумажныя ткани выдѣлывались такимъ образомъ: мастерскою служилъ коттеджъ ткача, который былъ главою работавшей вмѣстѣ съ нимъ семьи, такъ какъ пряжу для него приготовляли тутъ же его жена и дочери, да и онѣ же сами и чесали хлопчатую бумагу особыми ручными чесальными щетками. Первые признаки будущаго капитализма, которые существовали въ XVI в. въ видѣ болѣе богатыхъ мастеровъ, къ концу XVIII в. уже достигли сильной степени развитія. Это отразилось и на исторіи англійскихъ цеховъ въ новое время.

Уже въ началѣ XVII в. *англійскій цехъ получилъ характеръ общества капиталистовъ*. Въ немъ различались наиболѣе богатые члены (livery), обыкновенные мастера (householders) и всѣ остальные рабочіе (freemen, yeomanry или bachelors); управленіе дѣлами цеха было въ рукахъ особаго совѣта (court of assistants), состоявшаго лишь изъ членовъ перваго класса; права младшихъ членовъ были ограничены, и сами они должны были подчиняться строгимъ уставамъ подъ страхомъ разныхъ наказаній. Доступъ рабочихъ къ званію мастера былъ затрудненъ уже тѣмъ, что самостоятельно заниматься ремесломъ по тогдашнимъ условіямъ можно было, лишь обладая извѣстнымъ капиталомъ. Младшіе члены цеховъ стали составлять свои собственные союзы, такъ какъ мастера и ихъ притѣсняли. Но и сами цехи должны были приходить въ упадокъ вслѣдствіе того, что

у мастеровъ явились опасные для нихъ конкуренты въ лицѣ разбогатѣвшихъ купцовъ, начинавшихъ прилагать свои капиталы къ промышленности. Другими словами, если въ нѣдрахъ самихъ цеховъ кореннымъ образомъ разошлись интересы старшихъ и младшихъ членовъ и первые составили изъ себя классъ мелкихъ капиталистовъ, вполнѣ подчинившихъ себѣ классъ простыхъ рабочихъ, то извнѣ старую цеховую организацію подтачивали крупные капиталисты, ведшіе свое промышленное дѣло внѣ цеховой организаціи и прямо въ ущербъ старой формѣ мелкаго производства. И то, и другое было неблагопріятно для большинства рабочаго класса, среди котораго стали поэтому возникать стачки, происходить возмущенія, а въ концѣ XVIII в. образовываться особые союзы, или клубы и подаваться петиціи въ парламентъ съ жалобами на фабрикантовъ.

Однимъ словомъ, старая цеховая организація въ XVIII в. не соотвѣтствовала болѣе ни лучшимъ изъ своихъ прежнихъ принциповъ, ни условіямъ и потребностямъ времени: *она монополизировала занятія ремеслами въ рукахъ привилегированной цеховой аристократіи; она не выдерживала конкуренціи съ системою крупнаго фабричнаго производства; она была тормазомъ для техническихъ усовершенствованій; наконецъ, она стѣсняла личную иниціативу и вообще индивидуальную свободу* въ индустріальныхъ занятіяхъ. Между тѣмъ это была единственная, признававшаяся закономъ форма рабочей ассоціаціи, выгодами которой, однако, громадное большинство рабочаго класса не пользовалось по той причинѣ, что цехи сдѣлались корпораціями, въ которыхъ господствовали принципы олигархіи, попытки же подмастерьевъ, а впослѣдствіи и фабричныхъ рабочихъ устраивать стачки или образовывать болѣе прочные союзы встрѣчали противодѣйствіе со стороны государства.

X. Связь „старыхъ порядковъ“ съ внѣшней политикой [1]).

Связь между внѣшней политикой и внутренней исторіей въ новое время. — Эпохи реформаціи и революціи. — Внѣшняя политика въ XVIII в. — Вліяніе внутренняго строя государства на внѣшнюю политику. — Абсолютная монархія и династическіе интересы. — Внѣшняя политика и коммерческіе интересы. — Колоніальная политика и колоніальныя войны. — Начало народности. — Международный взглядъ на политическія формы и революціи. — Замѣчаніе о книгѣ Сореля. — Разложеніе «стараго порядка».

Исторія внѣшней политики и международныхъ отношеній не входитъ въ задачу нашего обзора развитія внутреннихъ, т.-е. куль-

[1]) *Laurent*. La politique royale. — *Сорель*. Европа и французская революція, т. I. Политическіе нравы и традиціи. — *Himly*. Histoire de la formation

турныхъ, соціальныхъ и политическихъ отношеній въ исторической жизни западно-европейскихъ народовъ, но весьма часто внѣшняя политика, война и миръ между государствами, ихъ взаимные интересы и союзы или, наоборотъ, раздоры находятся въ тѣснѣйшей связи съ внутреннею жизнью отдѣльныхъ народовъ, съ господствующими въ ней историческими теченіями. Такъ было, напримѣръ, въ эпоху реформаціи и католической реакціи, когда однимъ изъ главныхъ внутреннихъ вопросовъ былъ вопросъ вѣроисповѣдный и когда внѣшняя политика государствъ въ значительной мѣрѣ опредѣлялась тѣмъ, какое рѣшеніе въ томъ или другомъ изъ нихъ получалъ указанный внутренній вопросъ. Другими словами, это было время, когда борьба между католицизмомъ и протестантизмомъ велась не только въ отдѣльныхъ странахъ, вызывая въ нихъ даже междоусобія, но и въ международной политикѣ, выражаясь въ образованіи католическихъ и протестантскихъ союзовъ, которые вели между собою продолжительныя войны. Тотъ или другой исходъ подобной войны не только усиливалъ или ослаблялъ извѣстныя государства, не только обусловливалъ разныя территоріальныя измѣненія, не только создавалъ новыя международныя комбинаціи, но и отражался на судьбахъ культурныхъ направленій, находившихся между собою въ борьбѣ. Такой же характеръ получили международныя отношенія новѣйшаго времени, т.-е. съ войнъ французской революціи, начавшихся въ 1792 г.: во враждебномъ столкновеніи тогдашней Франціи съ Европою была принціпіальная сторона, такъ какъ здѣсь происходила борьба между „старымъ порядкомъ“, для защиты котораго образовались цѣлыя коалиціи, и революціей, пропагандою которой занялась Франція. Хотя утвержденіе въ этой странѣ военной диктатуры Наполеона и было своего рода контръ-революціей, но только для Франціи, потому что для старой Европы и побѣдоносная имперія продолжала быть революціей. Паденіе имперіи Наполеона привело Европу къ реакціи,

---

des états de l'Europe centrale. Внѣшняя политика въ періодъ отъ 1715 по 1789 г. излагается, кромѣ общихъ исторій XVIII вѣка, въ исторіи отдѣльныхъ странъ и царствованій въ эту эпоху. Кромѣ того, спеціально по внѣшней политикѣ Франціи, кромѣ устарѣвшаго (1811) соч. *Flassan'a* (Hist. générale de la diplomatie française) и вступительныхъ главъ къ отдѣльнымъ томамъ новаго „Recueil des instructions aux ambassadeurs de France“ (1648—1789), труды *Broglie* (Le secret du roi и Frédéric II et Louis XV), *Boutaric'a* (Correspondance secrète de Louis XV), *Pajot* (Guerres de Louis XV), *Vandal'я* (Louis XV et Elisabeth de Russie) и др. Особенно много соч. по исторіи внѣшней политики Фридриха II, о чемъ свидѣтельствуютъ длинные списки книгъ и статей объ отдѣльныхъ его войнахъ у *Baumgarten'a* (Verzeichniss der Literatur über Friedrich den Grossen). Литература по польскимъ раздѣламъ указана въ моей книгѣ „Паденіе Польши въ исторической литературѣ“.

происходившей не только внутри отдѣльныхъ государствъ, но и въ международной политикѣ: стоитъ только вспомнить легитимистическій характеръ вѣнскаго конгресса, реакціонный духъ Священнаго союза, случаи вмѣшательства во внутреннія дѣла южно-романскихъ народовъ по общеевропейскому уполномоченію для подавленія революціонныхъ движеній, происшедшихъ у этихъ народовъ. Внутреннему раздѣленію политическихъ партій въ отдѣльныхъ государствахъ соотвѣтствовало и раздѣленіе самихъ государствъ на два лагеря, особенно обострившееся послѣ іюльской революціи 1830 г.

Намъ уже не разъ приходилось указывать на то, что во внутренней исторіи западно-европейскаго общества въ новое время самыми крупными событіями были реформація и революція, а потому весьма естественно, что *и международныя отношенія реформаціонной и революціонной эпохъ, вслѣдствіе отмѣченной связи между внѣшней политикой и внутренней исторіей, получаютъ особый интересъ и по отношенію къ внутренней исторіи*, чего нельзя сказать о международныхъ отношеніяхъ въ тѣ эпохи, когда дипломатія и война рѣшали вопросы, вытекавшіе изъ разнообразныхъ интересовъ отдѣльныхъ государствъ, но не имѣвшіе того принципіальнаго значенія, какое принадлежало вопросамъ религіи и политики въ эпоху реформаціи и католической реакціи или въ эпоху революціи и равнымъ образомъ реакціи, наступившей послѣ паденія имперіи Наполеона I, наоборотъ, почти вся внѣшняя политика европейскихъ государствъ съ конца тридцатилѣтней войны до начала революціонныхъ войнъ лишена этого принципіальнаго значенія. Войны и союзы второй половины XVII и всего XVIII в. возвышали одни государства (напримѣръ, Пруссію), ослабляли другія (напримѣръ, Францію), даже дѣлались опасными для ихъ существованія (напримѣръ, для Австріи въ войну за австрійское наслѣдство, для Пруссіи въ семилѣтнюю войну), а одно изъ нихъ (Польшу) довели до исчезновенія съ политической карты Европы; эти войны и союзы разоряли, далѣе, однѣ страны, способствовали своими результатами обогащенію другихъ (напримѣръ, Англіи), отражали на себѣ смѣны лицъ, стоявшихъ у власти, или побѣды и пораженія правительственныхъ партій и т. п., но у этихъ союзовъ и войнъ *не было такой принципіальной подкладки, какую имѣли международныя отношенія раньше, когда происходила борьба между католицизмомъ и протестантизмомъ, и позже, когда началась борьба стараго порядка и революціи*, перешедшая послѣ паденія наполеоновой имперіи въ борьбу реакціи съ либерализмомъ. Конечно, въ XVIII в. дѣйствовали во внѣшней политикѣ тѣ же силы, что и въ реформаціонную эпоху, проявлялись тѣ же политическіе интересы, вліяли тѣ же національныя традиціи, какъ и до наступленія этой эпохи, и впослѣдствіи, но ко

всему этому и раньше, и позже присоединялось еще нѣчто такое, что международной борьбѣ придавало характеръ борьбы за извѣстнаго рода принципы, за религіозную или политическую свободу, за ту или другую форму церковной или государственной жизни за такія или иныя культурныя и общественныя идеи. Въ международныхъ отношеніяхъ двухъ выше отмѣченныхъ эпохъ рядомъ съ традиціями національной политики и съ соображеніями государственнаго интереса, рядомъ съ принципами собственно международнаго права (въ родѣ началъ политическаго равновѣсія, естественныхъ границъ и т. п.) важдую роль играютъ начала, по которымъ устроется внутренняя жизнь народовъ, и если ужъ говорить вообще о безпринципности въ области внѣшней политики, то съ наибольшимъ правомъ это можно говорить о полутора вѣкахъ, отдѣляющихъ окончаніе тридцатилѣтней войны отъ начала революціонныхъ войнъ (1648—1792). Вотъ почему этотъ періодъ въ исторіи международныхъ отношеній не представляетъ такого интереса съ точки зрѣнія развитія внутреннихъ отношеній, какъ періодъ, ему предшествовавшій, и періодъ, за нимъ послѣдовавшій, хотя дипломатіи и войнѣ—при полномъ почти отсутствіи внутреннихъ движеній въ эту эпоху—принадлежитъ важное значеніе въ исторіи вѣка, который открывается войнами за испанское наслѣдство (1701—1714) и великою сѣверною (1700—1721), имѣвшими такой же европейскій характеръ, какъ и войны за австрійское наслѣдство (1740—1748) и семилѣтняя (1756—1763),—вѣка, когда дипломатіи удалось произвести раздѣлъ между сосѣдями цѣлаго большого государства,—вѣка, наконецъ, когда на политической сценѣ появились новыя могущественныя державы, Россія Петра Великаго и Екатерины II и Пруссія Фридриха II.

Связь между внутренней исторіей и внѣшней политикой государствъ не ограничивается, однако, указанными отношеніями, т.-е. тѣми случаями, когда и во внутреннихъ движеніяхъ, происходящихъ въ отдѣльныхъ странахъ, и въ союзахъ или распряхъ международнаго характера проявляются общія направленія, обнаруживается дѣйствіе однѣхъ и тѣхъ же идей, происходитъ борьба между такими противоположными принципами, каковы принципы протестантизма и католицизма въ XVI в. или принципы либерализма и реакціи въ XIX в. У каждаго государства есть своя національная традиція, свой политическій интересъ: это—то, что составляетъ самое бытіе государства среди другихъ, большею частью враждебныхъ ему державъ. Обыкновенно, однако, эти традиціи, эти интересы суть только традиціи и интересы власть имѣющихъ лицъ и правящихъ классовъ. Смотря по тому, кому принадлежитъ политическая власть въ государствѣ и кто оказываетъ на нее вліяніе, *внѣшняя его политика*

измѣняется, такъ какъ она служитъ до извѣстной степени выраженіемъ стремленій представителей власти или правящаго класса. Въ эпоху господства политическаго феодализма войны были предпріятіями бароновъ, стремившихся къ завоеваніямъ, и оканчивались тѣмъ, что покоренныя страны становились ихъ добычею и дѣлились между ними на ленныя владѣнія. Такъ было съ завоеваніемъ Англіи Вильгельмомъ Нормандскимъ, который привелъ съ собою массу бароновъ чуть не изо всей Франціи и подѣлилъ между ними земли, введши въ Англію феодальную систему. Около того же времени такіе же феодальные сеньеры, какіе были въ войскѣ Вильгельма Завоевателя, начали покореніе Неаполя и Сициліи, а нѣсколько позднѣе утвердились въ Португаліи. Подобный же характеръ имѣли крестовые походы, когда западные христіане завоевывали страны на Востокѣ и основывали въ нихъ феодальныя государства въ родѣ Іерусалимскаго королевства или Латинской имперіи. Однимъ словомъ, въ эту эпоху война служила стремленіямъ и интересамъ феодальнаго дворянства. Возвышеніе королевской власти и превращеніе сословной монархіи въ абсолютную сопровождалось усиленіемъ войнъ, имѣвшихъ уже чисто династическій характеръ, войнъ изъ-за такъ называемой всемірной монархіи, войнъ ради славы престола: походы Карла VIII Людовика XII и Франциска I въ Италію въ концѣ XV и началѣ XVI в., стремленія Габсбурговъ въ XVI и первой половинѣ XVII в., войны Людовика XIV во второй половинѣ XVII в., разныя войны XVIII вѣка, которыя такъ и называются войнами за то или другое наслѣдство, и т. п., знаменуютъ собою цѣлый періодъ въ исторіи международныхъ отношеній, когда династическія права монарховъ, ихъ честолюбивыя стремленія, желаніе увеличить свои владѣнія на счетъ сосѣдей и покрыть себя славою побѣды, играли чуть не первенствующую роль въ дѣлахъ войны и мира. Конечно, этимъ однимъ нельзя объяснять всего въ столь сложномъ дѣлѣ, какъ причины войнъ и союзовъ, но въ разсматриваемую эпоху указанный факторъ замѣтно выдвигается впередъ, особенно послѣ того, какъ съ окончаніемъ тридцатилѣтней войны вѣроисповѣдныя отношенія потеряли прежнюю свою силу въ международной политикѣ. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, разъ мы примемъ въ расчетъ, что *династическіе интересы въ области внѣшней политики вполнѣ гармонировали съ тѣмъ характеромъ, какой получила королевская власть во внутренней жизни отдѣльныхъ государствъ.* Подобно тому, какъ въ итальянскихъ княжествахъ конца среднихъ вѣковъ возникла впервые на Западѣ монархическая власть новаго типа, предшественница королевскаго абсолютизма въ другихъ странахъ, такъ и начало политическаго равновѣсія, заставлявшее европейскихъ монарховъ составлять

коалиціи противъ всякаго чрезмѣрнаго усиленія кого-либо изъ нихъ, впервые стало систематически примѣняться въ Италіи, гдѣ получила начало и вся дипломатія новаго времени. Государство, воплощавшееся, по словамъ Людовика XIV, въ особѣ короля, до такой степени отождествлялось съ государемъ, что личные интересы монарха или его притязанія и права, какъ члена извѣстной династіи, являлись какъ бы интересами, стремленіями и правами самого государства. Вотъ почему англійскій парламентъ, призывая на престолъ ганноверскихъ курфюрстовъ, стремился обезпечить Англію отъ опасности быть втянутую въ какую-либо войну изъ-за Ганновера, хотя то, что въ предупрежденіе этого было сдѣлано, оказалось недостаточнымъ. Династическія права, вызывавшія войны за разныя наслѣдства (испанское, польское, австрійское, баварское), служили въ иныхъ случаяхъ и основою для сплоченія разнородныхъ земель въ одно государственное цѣлое. Такова была испанская монархія Карла I; таковы были владѣнія австрійскаго дома (les états de la maison d'Autriche), не имѣвшія даже общаго имени: называя ихъ Австріей въ XVI, XVII и XVIII в., мы допускаемъ анахронизмъ; такова была и Прусская монархія, составившаяся, кромѣ Бранденбурга и завоеванныхъ земель, изъ наслѣдствъ прусскаго и клевскаго. Общій монархъ, владѣющій разными странами по своимъ династическимъ правамъ, былъ единственною связью между разнородными и часто черезполосными странами, не соединявшимися въ одно цѣлое посредствомъ учрежденій или общихъ интересовъ.

Указывая на то, что династическій характеръ внѣшней политики прошлаго вѣка вполнѣ соотвѣтствовалъ одной сторонѣ „стараго режима", мы не можемъ сдѣлать того же самаго по отношенію къ другой его сторонѣ. Именно если въ политическомъ отношеніи династическая политика и королевскій абсолютизмъ были тѣсно связаны между собою, то *нельзя сказать, чтобы существовала такая же связь между соціальнымъ феодализмомъ и аристократическими привилегіями, составлявшими другую сторону «стараго порядка», съ иностранною политикою государства*, поскольку она служила инымъ, не-династическимъ интересамъ. Дѣло въ томъ, что, кромѣ династическихъ стремленій во внѣшней политикѣ европейскихъ государствъ проявлялись и интересы коммерческіе, изъ-за которыхъ равнымъ образомъ возникали войны, но въ такомъ случаѣ они служили уже интересамъ не дворянства, а буржуазіи, даже прямо направлявшей внѣшнею политику такихъ государствъ, какъ Англія и Голландія. Разъ внѣшняя политика въ дѣлахъ мира и войны особенно заботилась о торговыхъ интересахъ, то въ случаяхъ удачи главный выигрышъ доставался торговымъ людямъ, капиталистамъ, буржуазіи. Дворянство счи-

тало военную службу своею профессiею, но *войны новаго времени служили не дворянскимъ интересамъ, какъ то было въ феодальную эпоху, а интересамъ народившагося коммерческаго сословiя,* и благодаря этому въ процессѣ соцiальныхъ измѣненiй, переживавшихся Западною Европою въ новое время, въ частности въ процессѣ перехода соцiальнаго влiянiя отъ аристократiи къ буржуазiи — не малую роль играла мирная и военная дѣятельность государства по отношенiю къ другимъ государствамъ. Реформацiя съ секуляризацiей церковной и монастырской собственности была послѣднимъ крупнымъ событiемъ, отъ котораго дворянство получило выгоду, присвоивъ себѣ часть секуляризованныхъ имѣнiй, во внѣшней же политикѣ государственная власть, руководимая воззрѣнiями меркантилизма, работала въ интересахъ общественнаго класса, основывавшаго свое благополучiе не на наслѣдственныхъ привилегiяхъ и землевладѣнiи, а на предпрiимчивости и денежномъ капиталѣ.

Не касаясь болѣе отдаленныхъ временъ [1]), ограничиваясь однимъ XVIII в., мы видимъ, что въ династическихъ войнахъ этого времени при защитѣ европейскаго равновѣсiя имѣлись въ виду и торговые интересы. Въ вопросѣ объ испанскомъ наслѣдствѣ значительную роль играли соображенiя о томъ, что сдѣлалось бы съ торговлею Голландiи и Англiи, если бы вся испанская монархiя съ ея колонiями досталась Францiи. Большая война между Австрiей и Пруссiей (за австрiйское наслѣдство и вскорѣ за нею послѣдовавшая семилѣтняя), въ которую были втянуты наиболѣе крупныя державы Европы, велась не въ одной Европѣ; ее сопровождали и враждебныя дѣйствiя воюющихъ сторонъ въ заморскихъ колонiяхъ. Войны, династическiя въ Европѣ, *становились колонiальными въ другихъ частяхъ свѣта.*

Извѣстно какiя выгоды прiобрѣла Англiя, благодаря этимъ войнамъ, отнявъ въ разныхъ частямъ свѣта колонiи у ихъ прежнихъ владѣльцевъ, но это были лишь частные случаи общаго соперничества изъ-за колонiй, начавшагося еще раньше. Колонiи, которыя стали основываться въ другихъ частяхъ свѣта послѣ великихъ географическихъ открытiй конца XV и начала XVI в., были не только предметомъ враждебныхъ столкновенiй между государствами, но и вообще предметомъ правительственныхъ заботъ, считались самымъ лучшимъ средствомъ для подъема государственнаго могущества и увеличенiя нацiональнаго богатства, которыя, по меркантилистической доктринѣ, создавались торговлею, мореплаванiемъ, промышленностью. Колонiи основывались большею частью самими правительствами, регулировавшими всѣ ихъ внутреннiя отношенiя и стремившимися выжать

[1]) Въ XVII в. напомнимъ англо-голландскiя столкновенiя изъ-за торговыхъ интересовъ.

изъ нихъ все, что только можно было, къ выгодѣ метрополіи, но дѣлалось это на частныя средства капиталистовъ и торговыхъ компаній, пріобрѣтавшихъ отъ государственной власти разныя привилегіи и монополіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и обогощавшихъ казну разными взносами и платежами. Погоня за наживою одинаково овладѣвала правительствами и націями, и внѣшней политикѣ это сообщало нерѣдко чисто коммерческій характеръ.

Такимъ образомъ, если во внутренней политикѣ разсматриваемый нами періодъ характеризуется союзомъ между государственною властью и дворянствомъ, то въ политикѣ внѣшней государство самымъ рѣшительнымъ образомъ отстаивало интересы капиталистовъ. Это обнаруживалось не въ однѣхъ войнахъ, но и при заключеніи международныхъ договоровъ, между которыми особое мѣсто стали занимать торговые трактаты. Все искусство въ данномъ случаѣ заключалось въ томъ, чтобы выговорить побольше выгодъ въ собственную пользу, т.-е. побольше разныхъ преимуществъ купцамъ извѣстнаго государства при ввозѣ въ него и вывозѣ изъ него товаровъ. Такихъ трактатовъ въ XVIII в. было заключено очень много, и всѣ они имѣли цѣлью *поставить подъ охрану международнаго права интересы національной промышленности и торговли*, т.-е. въ сущности на первомъ планѣ интересы капиталистовъ страны, кромѣ того, что послѣдніе поощрялись и мѣрами, зависѣвшими отъ ея собственнаго правительства, т.-е. монополіями, привилегіями, субсидіями, регламентаціей рабочихъ въ пользу предпринимателей. Особенно Англія выдвигалась, какъ страна, въ которой національный интересъ открыто отождествлялся съ интересами торговаго и промышленнаго класса, въ то время, какъ на материкѣ онъ все еще не могъ выйти изъ-подъ опеки интереса династическаго.

Слѣдовательно, говоря вообще, въ эпоху, когда сгладились вѣроисповѣдныя противоположности періода религіозныхъ войнъ XVI и XVII в. и еще не возникли политическія противоположности времени, начинающагося съ французской революціи, мѣсто принциповъ въ международной политикѣ занимали главнымъ образомъ государственные и національные интересы, но притомъ такъ, что подъ первыми преимущественно разумѣлись династическія притязанія, а подъ вторыми торговыя выгоды. И здѣсь, значитъ, *политическій абсолютизмъ соединялся съ интересами извѣстнаго сословія*, хотя въ данномъ случаѣ этимъ сословіемъ было не дворянство, а буржуазія. Начало народности (національности) въ областяхъ международной политики и государственнаго права не было еще заявлено, потому что народъ разсматривался лишь какъ матеріальная основа государства, но не какъ моральная личность. Сама государственная терри-

торія съ ея населеніемъ разсматривалась, какъ частная собственность династіи, приносящая извѣстный доходъ; поэтому она подлежала отчужденію, промѣну на другую территорію, передачѣ по духовному завѣщанію и раздѣлу. Войны за наслѣдства были соединены съ дѣлежами: испанскую монархію дѣлили ранѣе, чѣмъ открылось самое наслѣдство; Австрію тоже грозили раздѣлить, едва только открылось наслѣдство, на которое сразу явилось нѣсколько претендентовъ; Пруссія, несомнѣнно, подверглась бы также раздѣлу, если бы не вышла побѣдительницей изъ семилѣтней войны; въ три пріема раздѣлили Польшу. Начало національности отступало на задній планъ передъ династическимъ правомъ во внѣшней политикѣ совершенно такъ же, какъ во внутренней — народъ былъ ничто передъ властью, которая, наоборотъ, была все. Только французская революція вызвала къ жизни тѣ національныя стремленія и народныя силы, которыя въ XIX в. произвели объединеніе Италіи, объединеніе Германіи, освобожденіе славянъ. Вслѣдствіе того, что Италія, бывшая въ культурномъ отношеніи единой націей, политически представляла изъ себя лишь географическое понятіе, или вслѣдствіе того, что и нѣмецкій народъ лишь по имени представлялъ изъ себя имперію, будучи въ сущности конгломератомъ королевствъ, курфюршествъ, княжествъ, вольныхъ городовъ и т. п., и отдѣльныя части однѣхъ и тѣхъ же національностей находились между собою въ международныхъ отношеніяхъ. Особенно были важны послѣднія въ Германіи, гдѣ уже въ XVIII в. возникло соперничество между Австріей и Пруссіей изъ-за гегемоніи, но эти отношенія представляютъ особый интересъ въ исторіи объединенія Германіи, совершившагося уже въ XIX вѣкѣ [1]).

Противополагая періодъ между вестфальскимъ миромъ и началомъ революціонныхъ войнъ, съ одной стороны, эпохѣ религіозныхъ войнъ, а съ другой, той эпохѣ, которая наступила съ момента вооруженной борьбы европейской коалиціи противъ французской революціи, мы должны коснуться еще одного вопроса, имѣющаго прямое отношеніе къ указанному противоположенію. Когда на Западѣ происходила религіозная реформація и послѣдовавшая за нею реакція, протестантскіе государи стремились дать перевѣсъ своему исповѣданію и въ чужихъ земляхъ, тогда какъ католическіе, наоборотъ, дѣлали попытки возвратить римской церкви отпавшія отъ нея страны, хотя бы и не бывшія подъ ихъ властью; въ томъ же смыслѣ дѣйствовали и вообще протестанты и католики, сражавшіеся за торжество своихъ исповѣданій и внѣ собственнаго отечества. Другими словами, весьма

---

[1]) Поэтому мы ихъ и не разсматриваемъ въ настоящемъ томѣ, кромѣ того, что объ этомъ кратко говорится въ главѣ о Фридрихѣ II.

нерѣдко внѣшняя политика государства направлялась стремленіемъ къ торжеству того или другого религіознаго принципа и въ другихъ странахъ. То же мы видимъ и въ эпоху революціонныхъ войнъ и реакціи, когда происходила пропаганда революціи внѣ Франціи и международная ея репрессія. Ни того, ни другого не было въ разсматриваемый періодъ, такъ какъ по отношенію къ религіи международная политика отличалась терпимостью, освященною вестфальскими трактатами, а по отношенію къ политикѣ, наоборотъ, не пріобрѣла еще той нетерпимости, которая была результатомъ французской революціи, т.-е. не думала еще о томъ, чтобы навязывать отдѣльнымъ странамъ тѣ или иныя государственныя формы. Только французская революція положила начало различенію между этими формами, получившему такой же характеръ непримиримости, какимъ отличались въ эпоху реформаціи католицизмъ и протестантизмъ. „Всѣ формы правленія, говоритъ Сорель, существовали въ Европѣ и всѣ онѣ считались равно законными... Идея приписать какому бы то ни было государственному устройству абсолютное превосходство надъ другими, возможность идеальной конституціи, которая была бы примѣнима ко всякой странѣ, и въ особенности идея сдѣлать изъ нея предметъ пропаганды не приходила на умъ государственнымъ дѣятелямъ. Слова республика и демократія не связывались съ идеей переворота. Полагали, что республика и демократія пригодны только для небольшихъ государствъ: онѣ вели за собою мирныя права и сдержанную политику... Республики, бывшія передъ глазами, находились болѣе или менѣе въ состояніи упадка; многія, повидимому, подвергались опасности, но ни одна не казалась опасной". Дѣйствительно, общею мыслью было то, что республики не склонны къ завоевательной политикѣ, и что превращеніе монархіи въ республику выгодно для другихъ государствъ, такъ какъ ведетъ ее къ ослабленію; при этомъ указывали на примѣры Польши, а также и Швеціи въ эпоху господства въ ней олигархіи. „Революцій, говоритъ тотъ же историкъ въ другомъ мѣстѣ [1]), было не мало въ Европѣ, но никто даже не воображалъ, чтобы можно было выдѣлить идею революціи изъ частныхъ событій, среди которыхъ происходили всѣ эти прежнія революціи". Вотъ почему европейскія правительства смотрѣли на внутренніе перевороты въ сосѣднихъ государствахъ, какъ на частные политическіе кризисы, имѣющіе такія-то и такія-то причины, но не

---

[1]) Сорель дѣлаетъ, однако, тотъ выводъ, что правительства конца XVIII в. поступали по отношенію къ революціи „совершенно такъ же", какъ правительства XVI в. съ реформаціей, съ чѣмъ согласиться нельзя, но Сорель въ данномъ случаѣ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ трактаты 1648 г., т.-е. время, когда какъ-разъ принципы были оттѣснены интересами.

связанныя какимъ-либо общимъ принципомъ, какъ связаны были, напримѣръ, одною основною идеей церковныя реформы XVI в., въ силу которыхъ цѣлыя страны отторгались отъ католической церкви. Дѣло въ томъ, что религіозная реформація XVI в. складывалась изъ однородныхъ явленій, одновременно происходившихъ во всѣхъ странахъ Европы, хотя не вездѣ съ одинаковою интензивностью и не одинаковымъ успѣхомъ, и у всѣхъ этихъ явленій былъ одинъ и тотъ же общій принципъ, въ силу чего реформація получила характеръ событія универсальнаго и принципіальнаго. Другое дѣло—политическіе перевороты эпохи стараго порядка: они происходили то здѣсь, то тамъ, иногда даже одновременно (около середины XVII в. революція въ Англіи, фронда во Франціи, отложеніе Португаліи отъ Испаніи, возстаніе Мазаньелло въ Неаполѣ, казацкая война въ Польшѣ, бунты въ Московскомъ государствѣ), но у нихъ не было общаго принципа, который объединялъ бы причины народнаго недовольства, проявлявшагося въ этихъ движеніяхъ, тогда какъ раньше, въ эпоху реформаціи былъ именно такой принципъ, подъ знамя котораго становились всѣ общественные элементы, имѣвшіе причины и поводы находиться въ оппозиціи къ церкви. Конечно, и въ XVI в. бывали случаи, когда въ международный политикѣ свѣтскіе интересы ставились выше вѣроисповѣдныхъ принциповъ, и, напримѣръ, преслѣдуя протестантовъ у себя, государи помогали реформаціонному движенію за границей, но это были факты исключительные, не такіе, которые даютъ общій колоритъ эпохѣ. Наоборотъ, въ разсматриваемую нами эпоху *правительства не только считали выгоднымъ для себя, если у сосѣдей возникали бунты и междоусобія, но даже сами поддерживали и вызывали такія внутреннія замѣшательства*, ослаблявшія сосѣдей, въ чемъ весьма цинично признавались сами, видя въ такомъ поведеніи политическую мудрость. Такъ держала себя Франція по отношенію къ первой англійской революціи, Испанія—по отношенію къ фрондѣ во Франціи, т.-е. абсолютныя монархіи сочувствовали возмущеніямъ подданныхъ въ сосѣднихъ государствахъ противъ своихъ королей. Извѣстно, что поддержка въ Польшѣ ея уродливаго государственнаго устройства, бывшаго причиной вѣчной анархіи, сдѣлалась въ XVIII в. политическимъ правиломъ, и сосѣднія монархіи являлись защитницами республиканскаго строя и шляхетскихъ политическихъ вольностей въ этой странѣ; Екатерина II даже прямо заявляла, что она не допуститъ въ Польшѣ „самодержавія“, подъ которымъ она разумѣла всякое, хотя бы даже самое незначительное усиленіе королевскаго правительства. То же происходило и по отношенію къ Швеціи въ эпоху ея олигархическаго правленія: въ шестидесятыхъ годахъ русская императрица и прусскій король, дѣйство-

вавшіе вполнѣ солидарно по отношенію къ Польшѣ, обязались трактатами не допускать возстановленія самодержавія и въ Швеціи; послѣ переворота 1772 г. Густавъ III долженъ былъ даже оправдываться передъ петербургскимъ и версальскимъ дворами. Франція, одобрявшая стокгольмскій монархическій переворотъ, держала себя совершенно иначе по отношенію къ Англіи, когда въ американскихъ владѣніяхъ послѣдней произошла республиканская революція; поддерживая тамошнихъ демократовъ, Англія, наоборотъ, оказывала помощь женевской олигархіи, когда противъ этой олигархіи возстала мѣстная демократія. Или вотъ еще примѣръ. Іосифъ II, нарушивъ вольности, которыми пользовались его бельгійскіе подданные, вызвалъ противъ себя въ австрійскихъ Нидерландахъ возмущеніе, и одновременно съ этимъ и въ другой части Нидерландовъ, т.-е. въ Голландіи, республиканцы тоже находились въ столкновеніи съ штатгальтеромъ стремившимся къ диктатурѣ (1787 г.). Какъ же отнеслись къ этому иностранныя правительства? Абсолютная французская монархія была на сторонѣ оппозиціи въ обѣихъ странахъ; конституціонная Англія— на сторонѣ честолюбиваго принца, стремившагося къ подавленію вольностей Голландіи; Пруссія—на сторонѣ бельгійскихъ революціонеровъ, которымъ посылала деньги, и на сторонѣ голландскаго штатгальтера, которому оказывала даже военную помощь. Совершенно такъ же, т.-е. вполнѣ безпринципно, отнеслись иностранные дворы сначала и къ французской революціи, видя въ ней лишь кризисъ, на который нужно смотрѣть не съ точки зрѣнія какихъ-либо общихъ принциповъ, а съ точки зрѣнія интересовъ даннаго государства, т.-е. выгодно ли ему или невыгодно, чтобы во Франціи происходили внутреннія смуты, которыя ее ослабляли бы въ качествѣ крупной силы въ международной политикѣ. Не сразу поняли, что этотъ переворотъ имѣлъ принципіальный характеръ и могъ получить универсальное значеніе. Революція внесла измѣненіе въ международныя отношенія. Именно принципы, на которыхъ основывались внутреннія отношенія государствъ, стали играть роль и во внѣшней политикѣ. Французской революціи были противопоставлены монархическія коалиціи конца прошлаго вѣка, и съ ея слѣдствіями послѣ паденія имперіи Наполеона I боролся Священный союзъ, хотя, съ другой стороны, французскія побѣды, особенно при Наполеонѣ I, и заставили многихъ забыть принципы и итти на сдѣлки съ Франціей и участвовать съ нею въ дѣлежѣ Европы, болѣе крупномъ, чѣмъ всѣ дѣлежи XVIII в.

Въ первомъ томѣ замѣчательной книги Сореля „L'Europe et la révolution française“, разсматривающемъ „политическіе нравы и традиціи“ стараго режима, съ большимъ искусствомъ обобщены факты международной политики, свидѣтельствующіе объ этой общей ея

безпринципности. „Государственная польза, какъ основаніе и конечная цѣль, говоритъ онъ, интрига, вмѣсто средства, сила, вмѣсто закона,—вотъ все, что остается отъ общественнаго права". Это было разложеніе старой Европы въ ея цѣломъ, но то же разложеніе было и внутри отдѣльныхъ государствъ. Сорель очень хорошо связываетъ одно съ другимъ, стараясь объяснить, съ одной стороны, и то, какъ это разложеніе вызывало революцію, и то, какъ, благодаря ему, эта революція не могла быть подавлена вооружившимися противъ нея коалиціями, которыя продолжали поступать по старому обычаю, и то, какъ сама революція унаслѣдовала многія злоупотребленія стараго порядка.

Старый порядокъ, дѣйствительно, разлагался и во внутренней жизни государствъ, и въ международной политикѣ. Наканунѣ 1789 г. европейскій политическій міръ представлялъ собою то же, что и католическая церковь наканунѣ 1517 г. И въ цѣломъ католическомъ мірѣ, и въ отдѣльныхъ странахъ церковная жизнь передъ реформаціей находилась въ разстройствѣ, которое напоминаютъ намъ внѣшнія и внутреннія политическія отношенія передъ революціей; въ обоихъ случаяхъ дѣло кончилось переворотами, измѣнившими и общій видъ Европы, и внутреннее состояніе разныхъ государствъ. Общія причины въ обоихъ случаяхъ были однѣ и тѣ же, т.-е. внутреннее разложеніе каждой изъ этихъ системъ, заключавшееся, между прочимъ, въ противорѣчіи, какое наблюдалось между дѣйствительностью и идеей, въ одномъ случаѣ идеей церкви, въ другомъ—идеей государства, и рядомъ съ этимъ внутреннимъ разложеніемъ несоотвѣтствіе самыхъ принциповъ, на которыхъ основывались обѣ системы, съ выросшими наперекоръ имъ новыми отношеніями. Внутреннее разложеніе вызывало въ обоихъ случаяхъ мысль о реформѣ, причемъ, конечно, не могъ быть обойденъ вопросъ о принципахъ этой реформы: новыя фактическія отношенія, разумѣется, требовали и новыхъ принциповъ. И тутъ, какъ и въ случаѣ реформаціоннаго движенія, было важно, откуда выйдетъ и какими силами будетъ осуществлена реформа, какія фактическія отношенія въ каждой отдѣльной странѣ будутъ обусловливать ея ходъ и опредѣлять ея результаты и во имя какихъ принциповъ реформа станетъ совершаться. Мы и перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію новыхъ идей, которыя были отрицаніемъ старыхъ порядковъ какъ въ государствѣ, такъ и въ обществѣ, и которыми руководились при созиданіи новыхъ отношеній.

———

НОВЫЯ КУЛЬТУРНЫЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ ИДЕИ.

XI. Происхожденіе и общій характеръ „просвѣщенія“ XVIII в. [1]).

Несоотвѣтствіе старыхъ порядковъ, санкціонированныхъ правомъ и охранявшихся публичною силою, съ новымъ культурно-соціальнымъ состояніемъ.—Генезисъ «просвѣщенія» XVIII в. изъ гуманизма и отличіе «просвѣщенія» отъ гуманизма.—Самостоятельная философская мысль и развитіе естествознанія. — Общественный характеръ литературы XVIII в.—Различіе между французскимъ и нѣмецкимъ «просвѣщеніемъ».—Оптимизмъ просвѣтительной литературы.—Идея прогресса и просвѣщенія.—Подготовка «просвѣщенія» въ протестантизмѣ.—Отношеніе исторической науки къ просвѣтительной литературѣ.—Раціоналистическій характеръ этой литературы, ея сильныя и слабыя стороны.—Разобщенность теоріи и практики.—Причины успѣха французскихъ писателей XVIII в.—Главныя направленія французской просвѣтительной литературы.

Отдѣльныя стороны исторической жизни не могутъ находиться долгое время въ разладѣ между собою, хотя такой разладъ самъ по

---

[1]) Общая литература указана выше (гл. I). *Ferraz*. Histore de la philosophie en France au XVIII siècle. *Picavet*. Les idéologues.—*Th. Jouffroy*. Le droit naturel.—*Faguet*. Dix-huitième siècle.—*E. Scherer*. Etudes sur la littérature au XVIII siècle.—*Julian Schmidt*. Geschichte der französischen Literatur seit Ludwig XVI.—*Г. Лансонъ*. Исторія французской литературы, томъ II.—*A. Espinas*. La philosophie sociale du XVIII siècle (сборникъ статей). — *И. И. Ивановъ*. Политическая роль французскаго театра въ связи съ философіей XVIII вѣка. Объ этой книгѣ см. статью *П. Н. Шмелева* „Роль французскаго театра прошлаго столѣтія въ дѣлѣ распространенія новыхъ идей“ (Изданія Историческаго Общества при Московскомъ Университетѣ. Рефераты, читанные въ 1896 и 97 году. Москва, 1898). Исторіи философіи *Ибервега-Гейнце*, *Виндельбанда*, *Ланге* (Исторія матеріализма) и др. Общія характеристики умственнаго движенія въ XVIII в. (съ весьма различныхъ часто точекъ зрѣнія) дѣлаютъ и историки французской революціи, каковы *Токвиль*, *Тэнъ*, *Сорель*, *Луи Бланъ*, въ первомъ томѣ большого труда котораго (пер. по-русски) есть цѣлые отдѣлы, посвященные такимъ писателямъ, какъ Вольтеръ, Монтескье, Руссо, Мабли, Дидро и т. д. (см. также нѣкоторыя главы въ трудѣ *Онкена* Das Zeitalter Friedrichs des Grossen).

себѣ возможенъ, естественъ и даже необходимъ, поскольку разныя стороны общественнаго быта развиваются неравномѣрно, опережая однѣ другія или однѣ отъ другихъ отставая и становясь потому однѣ съ другими въ противорѣчіе. Наибольшею косностью отличаются тѣ отношенія, которыя санкціонируются правомъ и охраняются публичною силою, такъ какъ право по самому существу своему стремится наложить печать неизмѣнности на данныя отношенія, а публичная сила, призванная охранять то, что освящено правомъ, осуществляетъ это стремленіе. Старые порядки, съ которыми мы познакомились въ первомъ отдѣлѣ настоящаго тома, какъ разъ санкціонировались правомъ и охранялись публичною силою. Въ свое время, когда эти порядки возникали, они вполнѣ соотвѣтствовали общему настроенію умовъ и состоянію общества: общепризнаннымъ правомъ не могло сдѣлаться то, что шло бы въ разрѣзъ съ общимъ настроеніемъ умовъ, какъ не могло бы получить и охрану со стороны публичной силы то, что не соотвѣтствовало бы состоянію общества. Порядки, получающіе юридическую санкцію и политическую охрану, въ силу своей косности обыкновенно отстаютъ отъ культурнаго и соціальнаго развитія, и дѣло нерѣдко доходитъ до того, что юридико-политическія нормы оказываются въ полномъ разладѣ съ современнымъ имъ культурнымъ и соціальнымъ состояніемъ. Именно то, что при прежнемъ умонастроеніи считалось правомъ, при новомъ состояніи умовъ перестаетъ разсматриваться, какъ таковое, а то, что при прежнемъ состояніи общества было основою публичной силы, уже не можетъ играть этой роли при измѣнившихся соціальныхъ отношеніяхъ, другими словами, объективное право перестаетъ совпадать съ субъективнымъ, и внѣшнія формы общества не соотвѣтствуютъ болѣе взаимоотношенію, фактически существующему между его элементами. Конечно, объективное право, разъ возникшее въ обществѣ, продолжаетъ существовать какъ бы собственною своею силою, но дѣйствительно прочно оно лишь тогда, когда совпадаетъ съ правомъ субъективнымъ, или когда послѣднее не становится, по крайней мѣрѣ, въ рѣзкое съ нимъ противорѣчіе. Но и этого мало для того, чтобы формы общества, охраняемыя объективнымъ правомъ, признавались сами правомъ, а не безправіемъ: нужно еще, чтобы эти формы соотвѣтствовали дѣйствительнымъ отношеніямъ, а не были чѣмъ-то насильственно навязываемымъ обществу, потому что въ первомъ случаѣ онѣ бываютъ прочны уже вслѣдствіе одного того, что имѣютъ подъ собою реальную почву фактическихъ отношеній между отдѣльными группами общества, допускающихъ или даже прямо создающихъ именно данныя формы, тогда какъ въ случаѣ несоотвѣтствія порядковъ, поддерживаемыхъ публичною силою, съ фактическими отноше-

ніями, развивающимися независимо отъ этихъ порядковъ, все, что должно было бы имѣть значеніе законнаго примѣненія силы, получаетъ въ сознаніи общества какъ-разъ значеніе насилія. Между политико юридическимъ строемъ Западной Европы, вырабатывавшимся въ старыя времена при извѣстныхъ культурно-соціальныхъ состояніяхъ, и тѣмъ настроеніемъ умовъ и взаимоотношеніемъ общественныхъ классовъ, какое существовало въ XVIII в., болѣе не было уже соотвѣтствія, и потому объективное право, охраняемое публичною силою, казалось безправіемъ, а публичная сила, охраняющая объективное право, представлялась насиліемъ.

Новое умонастроеніе нашло органъ свой литературѣ XVIII в., принявшей рѣзко оппозиціонный характеръ, а ея успѣхъ въ обществѣ указывалъ на то, что въ немъ выросли и развились элементы, которые недовольны были мѣстомъ, отведеннымъ имъ въ соціальной жизни старыми формами. Въ самомъ дѣлѣ, послѣднія были происхожденія феодальнаго и поддерживались насильно въ то время, какъ реальная жизнь ихъ давно опередила, выдвинувъ впередъ новыя соціальныя силы, съ которыми прежняя политика, пожалуй, могла и не считаться, но которыя начинали теперь чувствовать свое значеніе. Съ другой стороны, принципы, освящавшіе политическіе и соціальные порядки, утверждались еще въ тѣ времена, которыя въ XVIII в. обозначались, какъ „готическія" и „варварскія", т.-е. какъ времена умственнаго мрака и невѣжества. Такимъ образомъ, съ старыми политическими и соціальными порядками находились въ разладѣ и культурное, и соціальное состояніе общества. Въ частности къ XVIII в. весьма значительною общественною силою сдѣлалась буржуазія и сдѣлалась ею въ двоякомъ отношеніи, именно и благодаря своей экономической мощи, и благодаря умственному развитію, и вслѣдствіе этого привилегіи дворянства становились для нея вдвойнѣ ненавистными. Стала также могущественною силою и свѣтская философія, которая сняла старыя схоластическія оковы съ разума и, уже въ силу одного этого подвергнувъ своей критикѣ старые государственные и общественные порядки, нашла хорошій пріемъ и поддержку въ общественномъ мнѣніи, осуждавшемъ эти порядки. Основываясь на дѣятельности отвлеченнаго разума и обращаясь не къ одному какому-либо народу, а ко всему человѣчеству, эта философія получала вдобавокъ характеръ универсальности: она разсматривала вопросы личной и общественной жизни съ самыхъ отвлеченныхъ точекъ зрѣнія и въ своихъ отвѣтахъ на эти вопросы разъясняла тѣ недоумѣнія, которыя въ разныхъ націяхъ порождались несоотвѣтствіями между старыми порядками и новыми требованіями жизни.

То, что называется „философіей“ или „просвѣщеніемъ“ (Aufklärung) XVIII в.,—вѣка, въ свою очередь именуемаго философскимъ или вѣкомъ просвѣщенія (siècle des lumières),—было естественнымъ результатомъ умственнаго развитія, совершавшагося въ европейскомъ обществѣ, благодаря усиліямъ индивидуальной мысли. *По своему свѣтскому характеру умственное движеніе XVIII в. было какъ бы продолженіемъ движенія гуманистическаго*, на время прервавшагося вслѣдствіе того, что западно-европейскимъ обществомъ въ XVI вѣкѣ овладѣло другое движеніе, имѣвшее характеръ религіозный. Церковная реформація XVI столѣтія оживила религіозное чувство, оживила интересъ къ теологическимъ занятіямъ и направила развитіе общественной мысли по иному руслу, нежели то, которое прокладывалось для нея гуманистическимъ направленіемъ, но мало-по-малу реформаціонная горячка улеглась, жизнь выдвинула на первый планъ не тѣ вопросы, которые болѣе всего волновали церковныхъ преобразователей и общественные слои, принимающіе наиболѣе активное участіе въ исторической жизни, и вотъ общія причины, уже разъ вызвавшія къ жизни свѣтскій гуманизмъ, создали и свѣтское „просвѣщеніе“ XVIII в. Хотя въ эпоху просвѣщенія объ исторіи ренессанса имѣли весьма смутное понятіе, и честь выясненія сущности этого историческаго явленія принадлежитъ лишь исторической наукѣ второй половины XIX в., тѣмъ не менѣе „просвѣтители“ XVIII в, чувствовали, что между ними и гуманистами существуетъ внутреннее родство. *Умственное направленіе XVIII в. было въ сущности тѣмъ же гуманизмомъ*, который сдѣлался самымъ выдающимся явленіемъ умственной жизни въ XIV в., *но только съ значительными видоизмѣненіями и осложненіями*.

Если для гуманистовъ античная литература и была лишь опорою въ ихъ стремленіяхъ къ выработкѣ новаго міросозерцанія, тѣмъ не менѣе они все-таки зависѣли сильно отъ воззрѣній классическаго міра. Въ самомъ дѣлѣ, гуманистическая философія была однимъ только возобновленіемъ стоицизма и эпикуреизма, платонизма и аристотелизма, въ XVIII же столѣтіи европейскій умъ уже тверже стоитъ на собственныхъ ногахъ; однимъ изъ признаковъ этого было то, что въ Европѣ еще въ XVII в. зародилась своя собственная философія, родоначальниками которой были Бэконъ (1561—1629), авторъ знаменитаго „Novum organum“ (1620), и Декартъ (1596—1650), изложившій цѣлое міросозерцаніе въ своихъ „Principia philosophiae“ (1644). Въ выработкѣ новаго міросозерцанія приняло, далѣе, большое участіе и естествознаніе, находившееся почти въ пренебреженіи у гуманистовъ. Цѣлый рядъ открытій, начавшихся съ конца XV в., имѣлъ своимъ результатомъ образованіе новаго взгляда на вселенную: путешествія

Колумба и первое кругосвѣтное плаваніе (Магеллана около 1520 г.) окончательно утвердили мысль о шарообразности земли; еще въ XVI в. Коперникъ въ своемъ великомъ трудѣ „О вращеніи небесныхъ тѣлъ" (De revolutionibus orbium coelestium) доказалъ, что земля вовсе не есть центръ вселенной, какъ думали раньше, и тѣмъ разрушилъ геоцентрическую систему, господствовавшую съ Птолемея, а въ XVII в. его дѣло продолжали Кеплеръ (ум. 1630 г.) и Галилей (ум. 1642 г.), открывшіе законы движенія небесныхъ тѣлъ; въ самый годъ смерти Галилея родился Ньютонъ, завершившій выработку новой астрономической системы своимъ закономъ тяготѣнія и своими „Математическими основами естественной философіи", которыя вышли въ свѣтъ въ самомъ концѣ XVII вѣка. Это столѣтіе *было вообще эпохой блестящаго развитія естествознанія,* которое могло стать на свои ноги только тогда, когда перестали знакомиться съ природою лишь по однѣмъ книгамъ и обратились къ ея изслѣдованію путемъ наблюденія и опыта. Въ XVI в. Парацельсъ (1493—1541), отецъ химіи, прямо и началъ съ того, что бросилъ книги и обратился къ непосредственному изученію природы, т.-е. сталъ путешествовать по новымъ странамъ, собирать факты, наблюдать и дѣлать опыты, хоть и продолжая раздѣлять средневѣковыя научныя суевѣрія. Основатель анатоміи Везаль (1514—1564), авторъ „Фабрики человѣческаго тѣла" (1543), равнымъ образомъ занялся трупосѣченіемъ, которое тогда считалось еще грѣхомъ, такъ что онъ могъ предаваться своимъ изслѣдованіямъ лишь тайкомъ, воруя необходимый для нихъ матеріалъ. Бэконъ возвелъ въ систему опытъ и наблюденіе, справедливо вооружившись противъ авторитетовъ классической древности въ области естествознанія и понявъ исторію человѣческаго ума, какъ исторію изобрѣтеній. Благодаря новымъ задачамъ, какія ставила себѣ наука, и новымъ методамъ, къ которымъ она стала прибѣгать, а также благодаря развитію математики, занимавшей философовъ XVII вѣка (Декарта и Лейбница), получили развитіе самыя различныя отрасли естествознанія, и „просвѣщеніе" XVIII в., занявшееся, какъ и гуманизмъ, выработкою новаго міросозерцанія, могло опираться уже не на однихъ классиковъ, но и на новыя науки о природѣ. Такимъ образомъ, *съ одной стороны, самостоятельное философское развитіе, а съ другой—успѣхи естествознанія создавали для просвѣтителей XVIII в. такія опоры, какихъ гуманисты были лишены,* и въ этомъ отношеніи XVII в. былъ для XVIII в. эпохой подготовки. Стоитъ только припомнить наиболѣе выдающіяся имена изъ исторіи философіи и науки и принять въ расчетъ, чѣмъ обязана новая образованность всѣмъ этимъ мыслителямъ и изслѣдователямъ, чтобы увидѣть, на чьихъ плечахъ стояли просвѣтители XVIII в.: Бэконъ, Декартъ, Кеплеръ, Гали-

лей. Гарвей (открывшій кровообращеніе въ 1619 г.), Спиноза (1632—1677), Ньютонъ, Гоббзъ, Локкъ, Лейбницъ (1646—1716) именно и были самыми крупными дѣятелями чисто философскаго и научнаго движенія въ XVII вѣкѣ.

Другою особенностью просвѣтительной литерауры въ ея отличіе отъ литературы гуманистической *былъ ея общественный характеръ*. Эпоха ренессанса была для Италіи временемъ паденія свободной политической жизни и равнодушія къ общественнымъ вопросамъ, и основной характеръ движенія былъ индивидуалистическій (т.-е. на первый планъ ставились индивидуумъ и его развитіе), тогда какъ просвѣтительная литература занялась вопросомъ объ обществѣ и государствѣ, выдвинувъ цѣлый рядъ политическихъ писателей и теоретиковъ соціальныхъ и политическихъ преобразованій. За немногими исключеніями общественныя движенія шли въ предыдущіе вѣка подъ знаменемъ идей религіозныхъ, но въ XVIII столѣтіи вопросы, къ которымъ гуманисты оставались весьма часто равнодушными, а въ эпоху реформаціи протестанты и католики подходили съ вѣроисповѣдными точками зрѣнія,—сдѣлались самыми главными и существенными для тогдашней литературы, освободившись притомъ отъ теологическихъ и схоластическихъ вліяній. Она значительно опередила и чисто ученую разработку политики и права такими людьми, какъ въ XVI в. Макіавелли, Бюде (Будей), Кюжасъ (Куяцій), Боденъ, въ XVII столѣтіи родоначальникъ государственнаго и международнаго права Гуго Гроцій (1573—1645 гг., авторъ книги „О правѣ войны и мира“), Пуфендорфъ, авторъ „Естественнаго права“ и др. Не забудемъ и того, что XVIII вѣкъ положилъ еще начало новой общественной наукѣ—политической экономіи.

Впрочемъ, такой *общественный характеръ принадлежитъ преимущественно французской литературѣ, тогда какъ нѣмецкое „просвѣщеніе“ XVIII в. было болѣе индивидуалистично*, являясь въ этомъ отношеніи какъ бы повтореніемъ итальянскаго гуманизма, ограничивавшаго кругъ своихъ интересовъ вопросами знанія, морали, эстетики и педагогіи. Поэтому на общее историческое движеніе французская литература оказала гораздо большее вліяніе, чѣмъ нѣмецкая, которая сама притомъ испытывала на себѣ дѣйствіе французскихъ идей. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, какъ французская „философія“ прошлаго вѣка была протестомъ противъ разнаго рода общественныхъ несправедливостей и проповѣдью политической перестройки, нѣмецкая литература даже въ самый разгаръ „періода бури и натиска“ (Sturm und Drangperiode) отличалась характеромъ чистаго индивидуализма. „Эпоха, въ которую мы жили, говоритъ Гёте, можетъ быть названа эпохою требованій, потому что тогда и отъ себя, и

отъ другихъ требовали того, чего никто еще не сдѣлалъ. Именно у лучшихъ мыслящихъ и чувствующихъ умовъ явился лучъ сознанія, что непосредственный оригинальный взглядъ на природу и основанная на этомъ взглядѣ дѣятельность есть лучшее, чего человѣкъ можетъ желать... Духъ свободы и природы каждому сладко шепталъ въ уши, что безъ большихъ внѣшнихъ вспомогательныхъ средствъ у него довольно матеріала и содержанія въ самомъ себѣ, и все дѣло лишь въ томъ, чтобы достойно развить его". Эти слова великаго поэта, извѣстнаго своимъ политическимъ индифферентизмомъ, весьма характерны для тогдашняго нѣмецкаго настроенія. Конечно, и нѣмецкая дѣйствительность XVIII в. была неприглядна; чувствовалось и здѣсь, какъ и во Франціи, раздвоеніе между дѣйствительностью и идеаломъ, но если французъ стремился поднять дѣйствительность до идеала, то нѣмецъ, болѣе индивидуалистичный и менѣе политически развитой, предпочиталъ просто-напросто отвернуться отъ пошлой дѣйствительности, „ища матеріала и содержанія въ самомъ себѣ". Раздвоеніе идеи и дѣйствительности свелось въ Германіи на антитезу желанія единицы, какъ поэзіи, и общественныхъ правилъ, какъ прозы, отнюдь не на антитезу индивидуальной свободы противъ традиціонной соціальной необходимости, и это направленіе необходимо вело къ идеальнымъ требованіямъ отъ личной только жизни. Съ такимъ характеромъ нѣмецкая литература переходитъ и въ XIX столѣтіе.

Выгодно отличалась просвѣтительная литература отъ гуманистической,— беря послѣднюю въ Италіи, гдѣ она получила начало и наибольшее развитіе,—*большею также моральною силою и большимъ убѣжденіемъ.* Итальянскіе гуманисты не вступали въ общественную борьбу, предпочитая приспособленіе къ даннымъ обстоятельствамъ, очень часто они были лишены твердаго убѣжденія, не думали о коренныхъ преобразованіяхъ общественнаго быта и въ концѣ приходили къ весьма пессимистическимъ выводамъ о природѣ человѣка, какъ члена общества (что проявилось особенно замѣтно въ политическомъ ученіи Макіавелли). Другое дѣло—просвѣтители: они выступили въ роли смѣлыхъ борцовъ за личную и общественную свободу, за человѣческое достоинство и гражданское равенство, выступили критиками несовершенствъ окружавшей ихъ политической и соціальной дѣйствительности, и какъ авторы разнообразныхъ плановъ государственной и общественной реформы, и какъ пророки, проповѣдовавшіе наступленіе лучшихъ временъ; они впервые формулировали и оптимистическую мысль о прогрессѣ, какъ о настоящей цѣли исторической жизни человѣчества.

Вообще въ „просвѣщеніи" XVIII в. былъ весьма силенъ оптимизмъ, не тотъ пошлый оптимизмъ который прославляетъ дѣйствительное, а

тотъ, который основывается на чаяніи лучшаго будущаго, осуществляемаго усиліями человѣка. Античный міръ завѣщалъ человѣчеству идею прогресса умственнаго, но онъ предполагалъ, что въ нравственномъ отношеніи человѣкъ, наоборотъ, скорѣе падаетъ, въ соціальномъ же отношеніи совершаетъ вѣчное круговращеніе, переходя изъ однихъ состояній въ другія лишь для того, чтобы отъ новаго опять возвращаться къ старому. Только христіанство внесло въ міръ идею прогресса нравственнаго на почвѣ новыхъ моральныхъ идеаловъ, предъявленныхъ имъ человѣчеству. Классическое возрожденіе вернуло мысль къ точкѣ зрѣнія античнаго міра, и успѣхи человѣческаго ума въ XVI, XVII и XVIII вв. особенно утверждали въ той мысли, что исторія осуществляетъ интеллектуальный прогрессъ, увеличиваетъ сумму человѣческихъ знаній, заставляетъ природу выдавать ея тайны и усиливаетъ власть человѣка надъ природою: проповѣдниками такого воззрѣнія въ XVII в. были Бэконъ и Декартъ, а Паскаль прямо предлагалъ смотрѣть на человѣчество, какъ на одного человѣка, который постоянно учится. На моральную и соціальную сторону исторіи продолжали, однако, смотрѣть глазами древнихъ, и даже Руссо и Вольтеръ въ этомъ отношеніи были какъ бы представителями, первый—той идеи, что умственное совершенствованіе сопровождается нравственнымъ упадкомъ, а второй—того взгляда, что въ этомъ мірѣ все остается попрежнему, кромѣ успѣховъ ума; особеннымъ же защитникомъ теоріи круговорота общественныхъ формъ выступилъ итальянскій мыслитель Вико въ своей „Новой наукѣ" (La scienza nuova, 1726). Честь распространенія идеи прогресса на нравственную сферу—и уже на основахъ чисто философскихъ—принадлежитъ Тюрго, который въ 1750 году выступилъ съ двумя рѣчами историко-философскаго содержанія; и во второй половинѣ XVIII в. идея прогресса сдѣлалась уже одною изъ наиболѣе популярныхъ идей. Великій нѣмецкій философъ Кантъ (1724—1804) въ своей небольшой статьѣ „Идея о всеобщей исторіи съ космополитической точки зрѣнія" (Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlichen Absicht, 1784 г.) прямо говоритъ о необходимости пониманія исторіи, какъ процесса, ведущаго человѣчество къ совершенному гражданскому обществу, и этимъ прямо и рѣзко постановилъ на очередь вопросъ о прогрессѣ соціальномъ. Такимъ образомъ идея прогресса соціальнаго обязана своимъ происхожденіемъ XVIII в. Кромѣ Тюрго и Канта, наиболѣе видными проповѣдниками вѣры въ прогрессъ въ этомъ вѣкѣ были Лессингъ (Die Erziehung des Menschen-Geschlechts, 1780), Гердеръ (Ideen über Philosophie der Geschichte, 1784), Кондорсе (Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain, 1793), и всѣ они въ просвѣщеніи своего вѣка видѣли ручательство того, что человѣчество

достигнетъ высшаго умственнаго, нравственнаго и общественнаго совершенства,—полагая вмѣстѣ съ тѣмъ, что это-то просвѣщеніе и составляетъ главную движущую силу исторіи. Идея прогресса вселяла своего рода религіозную вѣру въ побѣду добра надъ зломъ и призывала людей къ работѣ для доставленія этой побѣды добру, но для того. чтобы человѣкъ дѣйствительно былъ просвѣщеннымъ, Кантъ въ своей статьѣ о томъ, „Что такое просвѣщеніе" (Beantwortung der Frage: was ist Aufklärung?), требовалъ отъ человѣка самостоятельнаго мышленія, а не перениманія того, что сказано другими. Этотъ философскій оптимизмъ, эта вѣра въ высокое предназначеніе человѣка на землѣ, это уваженіе къ просвѣщенію необходимо соединялись съ великодушными чувствами, съ требованіемъ гуманности въ человѣческихъ отношеніяхъ, которая должна истребить всякую неправду, всякое рабство, всякую вражду—расовую, національную, вѣроисповѣдную, сословную. Такія идеи одушевляли лучшихъ поэтовъ, среди которыхъ особенно Шиллеръ (1759—1805) долженъ быть названъ поэтомъ гуманности, какъ Гете (1749 — 1832) былъ поэтомъ новаго философскаго духа.

На такомъ характерѣ философіи XVIII в. сказались и вліянія, шедшія изъ реформаціонной эпохи. *Будучи по свѣтскому характеру своему продолженіемъ гуманизма, по моральной своей силѣ и по непосредственному своему вліянію на жизнь оно было скорѣе наслѣдіемъ протестантизма.* Въ одномъ отношеніи связь культурныхъ идей XVIII в. съ реформаціоннымъ движеніемъ несомнѣнна: французская философская (деистическая) и политическая литература XVIII в. опирается на англійскую XVII столѣтія, а послѣдняя выросла на почвѣ реформаціи. Почти религіозная вѣра въ силу разума и въ достижимость человѣческихъ идеаловъ, а также сознаніе своего долга [1]) содѣйствовать общему благу напоминаютъ намъ крѣпкую вѣру и непоколебимый ригоризмъ реформаціонной эпохи, и даже тѣ мыслители, которые объявляли, что въ основѣ всѣхъ поступковъ человѣка лежитъ эгоизмъ, въ дѣйствительности одушевлялись въ своей дѣятельности принципами, имѣвшими для нихъ значеніе религіозныхъ заповѣдей. Унаслѣдовавъ отъ гуманистовъ свободу мысли и стремленіе къ выработкѣ міросозерцанія на чисто свѣтскихъ основахъ, просвѣтители XVIII в. сдѣлались сверхъ того защитниками той свободы совѣсти, которою, какъ и политическою свободою, мало интересовались гуманисты, и которая впервые была выставлена лишь протестантскимъ движеніемъ. Поэтому у философіи XVIII в. есть точки соприкосновенія не

---

[1]) Ученіе о долгѣ особенно было развито Кантомъ, понявшимъ долгъ, какъ „категорическій императивъ".

только съ гуманизмомъ, но и съ протестантизмомъ, что̀ и было причиною всеобъемлющаго значенія, какое получило въ культурной и соціальной жизни Западной Европы умственное движеніе XVIII в.

Къ „философіи“ XVIII в. образовались въ исторической литературѣ два отношенія: преклоняясь передъ успѣхами человѣческаго ума, XVIII вѣкъ гордился своими завоеваніями въ области мысли, но подъ вліяніемъ французской революціи, ужасы которой стали цѣликомъ сваливаться на „ложную философію“ эпохи, произошла реакція, и „просвѣщеніе“ XVIII в. подверглось огульному осужденію. Понятно, что историческая наука среди противоположныхъ мнѣній, которыя стали высказываться о XVIII в., должна была стать на точку зрѣнія анализа явленій, дѣлающаго невозможными ни восторженную хвалу ни огульную хулу, т.-е. должна была обратиться къ критикѣ отдѣльныхъ фактовъ, обнаружить ихъ неоднородность, показать, какъ къ истинѣ примѣшивалось заблужденіе и какъ въ самихъ заблужденіяхъ было зерно истины, должна была, однимъ словомъ, отнестись къ просвѣтительной литературѣ, какъ и ко всякому другому историческому явленію. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ совокупностью принциповъ, которымъ суждено было играть роль историческихъ факторовъ рядомъ съ другими факторами идейнаго и неидейнаго характера, въ связи съ характерами, страстями, привычками и интересами самихъ дѣйствующихъ лицъ, не ставя принципамъ въ исключительную заслугу или въ исключительную вину того, что́ дѣлалось другими факторами, и помня, что историческое объясненіе есть прежде всего объясненіе генетическое, т.-е. такое, которое имѣетъ главнымъ своимъ предметомъ происхожденіе извѣстныхъ явленій и ихъ участіе въ порожденіи другихъ явленій.

XVIII в. былъ героическимъ вѣкомъ раціонализма, беря это слово въ смыслѣ направленія, ставящаго всѣ вопросы мысли и жизни на точку зрѣнія идей разума, и въ этомъ именно заключаются какъ сила, такъ и слабость „философіи“ прошлаго столѣтія. Когда мы говоримъ о раціонализмѣ, прежде всего мы его противополагаемъ направленію, основывающемуся на вѣрѣ во внѣшніе авторитеты: раціонализмъ ничего, повидимому, не принимаетъ на вѣру, для всего требуетъ разумныхъ доказательствъ, все подвергаетъ анализу и критикѣ съ точки зрѣнія началъ разума, но и въ этомъ отрицаніи всего традиціоннаго, какъ не выдерживающаго провѣрки разума, въ свою очередь заключается глубокая и сильная вѣра, именно вѣра въ самый разумъ, въ его могущество, въ возможность все объяснить и все создать силою разума, въ прогрессъ, обусловливаемый просвѣщеніемъ, основаннымъ на дѣятельности разума. Далѣе, говоря о раціонализмѣ, мы можемъ еще противопоставлять его всякому направленію, пола-

гающемуся не столько на отвлеченную дѣятельность разума, сколько на данную дѣйствительность, на опытъ и наблюденіе: раціонализму свойственно объяснять вещи и построять знаніе, исходя изъ извѣстныхъ идей и идя гистологическимъ путемъ, т.-е. дѣйствуя, такъ сказать, идеологически и діалектически. Ничего не принимая на вѣру, что не оправдывалось разумомъ, и отвергая въ качествѣ предразсудковъ преданія, которыми жило общество, а съ ними отвергая и все исторически сложившееся, разъ оно не выводилось изъ началъ разума, эта философія была глубоко антиисторична, противоположивъ всему созданному исторіей, какъ чему-то искусственному, простыя идеи разума, какъ согласныя съ законами природы, какъ начала естественныя. Идея естественнаго (въ условномъ смыслѣ) доминировала въ этой философіи: деисты противополагали естественную религію религіи, основанной на откровеніи и преданіи; юристы и политики говорили объ естественномъ правѣ, которое и противопоставляли положительному законодательству, объ естественныхъ свободѣ и равенствѣ, противополагавшихся существующимъ соціальнымъ формамъ, и объ основанномъ на общемъ согласіи порядкѣ, который признавался естественнѣе того, какой сложился историческимъ путемъ; экономисты равнымъ образомъ стремились открыть естественный порядокъ хозяйственной жизни, затемненной и искаженной вмѣшательствомъ въ эту сферу человѣческихъ установленій, да и самое названіе экономической школы „физіократовъ“ указываетъ на то, что своимъ принципомъ она ставила „господство природы“ или господство естественнаго закона; наконецъ, Руссо прямо ставилъ вопросъ о томъ, какъ возвратить человѣка и общество къ естественности, а изъ своего „естественнаго состоянія“ сдѣлалъ даже какой-то золотой вѣкъ или рай, утраченный человѣчествомъ Во всемъ этомъ были и слабыя, и сильныя стороны. Дѣйствіе этой философіи по силѣ своей можетъ быть сравниваемо только съ дѣйствіемъ религіи, потому что основывалась эта философія на глубокой вѣрѣ въ разумъ, и брала она человѣка въ самомъ себѣ безъ осложненій создаваемыхъ въ его жизни исторической обстановкою, разсматривала права и обязанности людей, какъ таковыхъ, а не какъ французовъ или англичанъ, нѣмцевъ или итальянцевъ и т. п., кладя въ основу своихъ ученій отвлеченное пониманіе природы человѣка. Благодаря этому, она и получала свой универсальный характеръ, свою способность къ самому широкому распространенію. При всемъ томъ эта философія подняла массу вопросовъ, указала новые пути для ихъ рѣшенія, освободила мысль отъ массы схоластическихъ традицій и множества всякаго рода предразсудковъ, породила благородные чувства, порывы и стремленія и многихъ одушевила на дѣятельность въ пользу общаго блага. Слабую сторону этой фи-

лософіи составляла ея, наоборотъ, идеологія: признавая естественнымъ лишь то, что основывалось на чистыхъ идеяхъ разума, отождествляя законы природы съ тѣми или другими положеніями, выведенными діалектически изъ извѣстныхъ теоретическихъ или этическихъ идей, она не считалась въ достаточной мѣрѣ съ дѣйствительностью, мало обращала вниманія на то, что было естественно на самомъ дѣлѣ въ силу настоящихъ законовъ природы, открываемыхъ опытомъ и наблюденіемъ, а потому была лишена историческаго чутья, подчасъ лишена была и чувства дѣйствительности, преувеличивала значеніе индивидуальныхъ силъ, не соразмѣряла ихъ съ условіями, обстоятельствами и препятствіями, создаваемыми мѣстомъ и временемъ а иногда дѣлала даже свои построенія, вовсе не принимая въ расчетъ того, какіе результаты могло бы дать ихъ примѣненіе къ дѣйствительной жизни. Если благодаря своимъ сильнымъ сторонамъ, „философія" XVIII в. ставила обществу высокія цѣли, поселяла въ немъ благородныя стремленія, одушевляла его на борьбу во имя гуманныхъ идей, то вслѣдствіе присущихъ всему направленію недостатковъ дѣлались ошибки при выборѣ средствъ, игнорировались реальныя условія, съ которыми нужно было сообразоваться, и не различались вещи, непосредственно достижимыя, отъ тѣхъ, которыя могутъ быть только конечнымъ идеаломъ культурно-соціальнаго прогресса. И эта сила идей, какъ факторовъ, опредѣлявшихъ собою поведеніе историческихъ дѣятелей, и это безсиліе отвлеченнаго разума передъ громадною задачею сразу преобразовать дѣйствительность по даннымъ идеямъ, одинаково проявились во время французской революціи. Одною изъ причинъ такого явленія было, кромѣ свойствъ самой раціоналистической философіи, еще и то обстоятельство, что вслѣдствіе тогдашнихъ условій политической жизни, лишавшихъ общество всякой самодѣятельности, ему была доступна лишь одна теоретическая дѣятельность ума и наоборотъ, совершенно недоступна какая бы то ни было практическая дѣятельность въ сферѣ тѣхъ вопросовъ и отношеній, которые наиболѣе интересовали тогдашній культурный слой общества. Теорія, касавшаяся вопросовъ соціальной жизни, но не смѣвшая и думать о томъ, чтобы примѣнять ихъ на практикѣ или изъ самостоятельной практики почерпать для себя новыя указанія, естественно и необходимо должна была отдалиться отъ жизни, замкнуться въ отвлеченностяхъ, совершенно оградиться отъ области реальныхъ фактовъ, составлявшей монополію однихъ власть имущихъ. Поэтому иногда занятіе наиболѣе важными въ практическомъ отношеніи вопросами дѣлалось совершенно абстрактнымъ, нравясь только, какъ занятіе ума, но не вызывая мысли о практическомъ примѣненіи идей, къ которымъ теоретически приходилъ тотъ или другой мыслитель. Бывало, наконецъ, и такъ,

что ради литературнаго успѣха писатель высказывалъ мысли, въ сущности вовсе не бывшія выраженіемъ того, что онъ на самомъ дѣлѣ думалъ. Морелле, одинъ изъ этихъ писателей, говоритъ, напримѣръ, что „тогда все казалось невиннымъ въ этой философіи, оставшейся замкнутою въ своихъ границахъ и искавшей въ наиболѣе смѣлыхъ своихъ заявленіяхъ (dans ses plus grandes hardiesses) лишь мирнаго упражненія для ума". Другой писатель, Мармонтель, самъ признается, что въ пятидесятыхъ годахъ онъ не зналъ, чего хотѣлъ достигнуть своей философіей. „Всю жизнь свою, писалъ Рэйналь національному собранію въ началѣ революціи, — всю жизнь свою я размышлялъ о тѣхъ идеяхъ, которыя вы теперь прилагаете къ возрожденію королевства, — я размышлялъ о нихъ въ тѣ времена, когда онѣ, отвергнутыя всѣми общественными учрежденіями, всѣми предразсудками, имѣли только привлекательность утѣшающаго желанія. Тогда не было у меня никакого побужденія ни прилагать ихъ, ни предугадывать ихъ слѣдствія". Въ 1780 г. Бриссо, впослѣдствіи одинъ изъ дѣятелей революціи, издалъ „Философскія разысканія о правѣ собственности и кражи" гдѣ теоретически разрушалъ собственность, но потомъ онъ называлъ это свое сочиненіе „болтовнею ученика, который упражняется надъ парадоксомъ", и указывалъ на то, что не слѣдуетъ примѣнять къ гражданскому состоянію взгляды, высказанные имъ объ естественномъ состояніи. Многія тирады въ сочиненіяхъ Неккера, которыя Луи Бланъ принимаетъ за чистую монету, какъ выраженіе соціалистическихъ воззрѣній этого финансиста, были расчитаны просто на литературный успѣхъ. Лишь мало-по-малу теорія стала стремиться перейти въ практику, но и тогда опять-таки представлялось такъ, будто для реализаціи новыхъ идей не существуетъ никакихъ иныхъ препятствій, кромѣ сопротивленія со стороны двора, духовенства и знати. Благодаря тому, что между отвлеченною мыслью и дѣйствительною жизнью не было тѣсной связи, „философія" XVIII в. пользовалась успѣхомъ и въ такихъ кругахъ общества, которые впослѣдствіи сдѣлались самыми ярыми ея врагами. „Мы,—говоритъ де Сегюръ въ своихъ воспоминаніяхъ, — мы, аристократическая молодежь Франціи, безъ сожалѣнія о прошедшемъ, безъ опасенія за будущее, весело шли по цвѣтущему лугу, подъ которымъ скрывалась пропасть. Есть удовольствіе спускаться внизъ, когда думаешь, что снова можно подняться, и безъ предусмотрительности мы вкушали выгоды патриціата и прелести плебейской философіи. Такимъ образомъ хотя это были наши привилегіи, жалкій остатокъ нашего могущества, которыя подкапывались подъ нашими ногами, намъ нравилась эта маленькая война. Мы не испытывали ея ударовъ, и передъ нами развертывалось только ея зрѣлище. Это были битвы лишь на словахъ и на

бумагѣ, и намъ не казалось, чтобы онѣ могли поколебать то высокое положеніе, которое мы занимали и которое намъ казалось несокрушимымъ, такъ какъ мы обладали имъ столько столѣтій. Мы смѣялись надъ тревогой стараго двора и духовенства, возставшихъ противъ этого духа нововведеній. Мы апплодировали республиканскимъ сценамъ въ нашихъ театрахъ, философскимъ рѣчамъ нашихъ академій, смѣлымъ сочиненіямъ нашихъ литераторовъ". Такимъ образомъ *и раціоналистическій характеръ самой философіи, ставившей свои вопросы совершенно отвлеченно, и разобщенность теоріи съ практикой, зависѣвшая отъ политическихъ условій временно, были причиною того, что когда наступила пора примѣненія новыхъ идей къ дѣйствительной жизни, надежды, возлагавшіяся на всеобщую приложимость этихъ идей, не оправдались*, хотя бы эти идеи все-таки и сослужили свою службу.

Произведенія философовъ XVIII вѣка пользовались громаднымъ успѣхомъ. Дворъ Людовика XIV, бывшій какъ бы громаднымъ салономъ для всей Франціи и задававшій тонъ литературѣ, разбился въ XVIII в. на массу настоящихъ салоновъ, въ которыхъ протекала жизнь свѣтскаго интеллигентнаго общества. Старыя идеи были убиты въ этомъ обществѣ самимъ Людовикомъ XIV, поставившимъ королевскій деспотизмъ на мѣсто всѣхъ традицій, какія прежде пользовались уваженіемъ въ обществѣ, но собственная его система вызвала критику и даже среди аристократіи. Дворянство въ общемъ было довольно оппозиціоннымъ характеромъ новой литературы, хотя причины его собственнаго оппозиціоннаго настроенія были иныя, нежели тѣ, которыми опредѣлялся характеръ литературы. Зато для интеллигентныхъ и зажиточныхъ круговъ третьяго сословія идеи свободы и равенства, развивавшіяся въ этой литературѣ, не были пустыми словами и принимались ими съ наибольшею искренностью. Способствовали успѣху произведеній, выходившихъ изъ-подъ пера просвѣтителей, и чисто литературныя достоинства, ихъ отличающія. Какъ бы мы ни смотрѣли на французскую изящную словесность „вѣка Людовика XIV", никто не рѣшится отнять у нея ея формальныя преимущества: ясность и прозрачность мысли, точность и силу выраженія, а то обстоятельство, что съ Людовика XIV французскій языкъ сдѣлался языкомъ дипломатіи, придворнаго быта и высшаго общества во всей Европѣ, и что литература другихъ странъ долгое время находилась въ зависимости отъ французской, обезпечивало за французскими книгами широкій сбытъ внѣ самой Франціи. Философы XVIII в. были свѣтскими людьми и умѣли писать для свѣтскаго общества; они излагали свои мысли въ популярной формѣ и изящнымъ языкомъ и привлекали къ себѣ читателей живостью непринужденной бесѣды, игрою остроумія, задо-

ромъ сатиры, насмѣшки, сарказма и ироніи. Они овладѣли всѣмъ образованіемъ эпохи и сдѣлались господами въ области мысли. Ихъ вліянію подчинились даже коронованныя особы [1]).

Само собою разумѣется, что нельзя представлять себѣ „просвѣщеніе" XVIII в., какъ нѣчто однородное. Мы видѣли, напримѣръ, что въ Германіи оно отличалось инымъ характеромъ, чѣмъ во Франціи; съ другой стороны, въ самой Франціи *нужно различать разныя эпохи и разныя направленія этого умственнаго движенія*. Приблизительно до 1750 г. главнымъ предметомъ нападенія была католическая церковь, и указывалась необходимость гражданскихъ реформъ, но еще не предъявлялось требованія политической свободы. Во второй половинѣ XVIII в. стали подвергаться критикѣ государственныя учрежденія и соціальныя отношенія и начала выдвигаться на первый планъ идея политической свободы. Еще бо̀льшую разнородность представитъ намъ собою это движеніе, если мы ближе подойдемъ къ отдѣльнымъ его направленіямъ. Въ области философіи господствовалъ сначала занесенный изъ Англіи деизмъ, принявшій у Вольтера характеръ разсудочности и скептицизма, у Руссо—характеръ сентиментальности и идеализма, но рядомъ съ деизмомъ во второй половинѣ XVIII в. развивается матеріализмъ, одинъ изъ видныхъ представителей котораго, Дидро, самъ началъ, однако съ деизма. Въ морали деисты охотно становились на точку зрѣнія врожденныхъ нравственныхъ идей, тогда какъ матеріалисты проповѣдовали теорію эгоистичности всѣхъ человѣческихъ дѣйствій, и если для идеалистической философіи (развившейся особенно въ Германіи) человѣкъ былъ вѣнцомъ творенія, носящимъ въ своемъ разумѣ искру Божества, то для матеріалистическаго взгляда исчезала почти всякая разница между человѣкомъ и животнымъ. Далѣе, рядомъ съ встрѣчающеюся весьма часто привычкою противополагать свой просвѣщенный вѣкъ „готическому" варварству прежнихъ временъ, мы имѣемъ въ этой литературѣ и примѣръ возведеннаго въ систему противопоставленія здороваго естественнаго состоянія—испорченной цивилизаціи, т.-е. тому самому просвѣщенію, которымъ такъ гордился философскій вѣкъ. Въ вопросахъ политическихъ и общественныхъ наблюдается то же разнообразіе. Вольтеръ—сторонникъ „просвѣщеннаго абсолютизма" и аристократизма интеллигенціи, Монтескье стоитъ на точкѣ зрѣнія конституціонной монархіи и дворянскихъ привилегій, Руссо является республиканцемъ и демократомъ. Самая идея свободы понимается то въ

---

[1]) Отдѣльные факты, свидѣтельствующіе о томъ почетѣ, какимъ пользовались французскіе писатели XVIII в. у монарховъ и у государственныхъ людей, будутъ еще приведены послѣ.

смыслѣ свободы индивидуальной, то въ смыслѣ полнаго народовластія, и въ то время, напримѣръ, какъ Монтескье ищетъ гарантій для личной свободы, Руссо не хочетъ знать никакихъ ограниченій власти державнаго народа надъ отдѣльными членами общества.

Это разнообразіе направленій воплотилось въ нѣсколькихъ типическихъ личностяхъ, которыя, кромѣ того, оказали и наибольшее вліяніе на культурную и политическую жизнь своихъ современниковъ и ближайшаго потомства.

XII. Жизнь и идеи Вольтера [1]).

Общее значеніе Вольтера.—Жизнь Вольтера до путешествія въ Англію.—Англійское вліяніе на Вольтера.—Время сожительства Вольтера съ маркизой дю-Шатле.—Вольтеръ въ Пруссіи.—Ферней и борьба съ католицизмомъ.—Отношеніе Вольтера къ мѣстному духовенству.—Поѣздка въ Парижъ и смерть Вольтера.—Оцѣнка современниками значенія Вольтера.—Защита имъ вѣротерпимости и личной свободы.—Политическія и общественныя воззрѣнія Вольтера.—Деизмъ и его оттѣнки.—Религіозные взгляды Вольтера.—Отношеніе Вольтера къ философскимъ вопросамъ.—Литературная дѣятельность Вольтера и его вліяніе на другихъ писателей.

Вольтеръ былъ несомнѣнно главнымъ представителемъ „философіи" XVIII в., первымъ вождемъ въ томъ умственномъ движеніи, которое характеризуетъ эпоху: такъ смотрѣли на него современники, такъ оцѣнивали его значеніе сторонники этого движенія и его враги, такъ, наконецъ, смотритъ на его личность и современная историческая наука. „Вы думаемъ, говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ его біографовъ [2]), что вольтеріанизмъ во Франціи имѣетъ въ нѣкоторой степени такое же значеніе, какъ католицизмъ, эпоха возрожденія и кальвинизмъ", такъ какъ „онъ является одною изъ основъ, на которыхъ зиждется умственное освобожденіе новаго поколѣнія". Конечно, въ исторіяхъ философіи, какъ особой отрасли знанія, гдѣ блещутъ

[1]) *Кондорсе*. Жизнь Вольтера.—*Дж. Морлей*. Вольтеръ.—*Strauss*. Voltaire (русскій переводъ *И. Андреева* въ изд. товарищества „Знаніе" вышелъ въ 1899 г.).—*Desnoiresterres*. Voltaire et la société au XVIII siècle (4 тома).—*Его же*. Voltaire et J. J. Rousseau.—*Mährenholz*. Voltaire, sein Leben und seine Werke.—*Bungener*. Voltaire et son temps.—*Everiste Bavoux*. Voltaire à Ferney.—*Edme Champion*. Voltaire.—*Maugras*. Voltaire et Jean Jaques Rousseau.—*В. Коршъ*. Вольтеръ, его жизнь и сочиненія (Этюды В. Ѳ. Корша, т. I).—*Н. Михайловскій*. Вольтеръ-человѣкъ и Вольтеръ-мыслитель (Сочиненія, т. VI по изд. 1897 г.).—*Dubois-Reymond*. Voltaire als Naturforscher.—*E. Saigey*. Les sciences au XVIII siècle. Physique de Voltaire.—Для сочиненій Вольтера и о Вольтерѣ см. *G. Bengesco*. Voltaire, bibliographie des ses oeuvres и *Quérard*. Bibliographie Voltairienne.

[2]) Морлей.

имена Платона и Аристотеля, Бэкона и Декарта, Спинозы и Канта и т. д., имя Вольтера едва только упоминается; равнымъ образомъ онъ не дѣлалъ никакихъ открытій въ области естествознанія, гдѣ его имя никакъ не можетъ стоять рядомъ съ именами Коперника, Галилея, Ньютона и т. п.; въ исторіи политическихъ ученій, наконецъ, онъ не можетъ итти въ сравненіе съ современниками своими—Монтескье, Руссо, Мабли, физіократами. Вообще Вольтеръ представляется намъ не особенно крупною величиною, разъ мы становимся на какую-либо спеціальную точку зрѣнія, не исключая, пожалуй, и точки зрѣнія изящной литературы, въ которой онъ былъ, въ качествѣ представителя такъ называемаго классицизма (или ложноклассицизма), также далеко не тѣмъ, чѣмъ въ свое время были Буало, Корнель и Расинъ. Но, становясь на самую общую точку зрѣнія исторіи культуры, мы можемъ сказать, что никто изъ современниковъ Вольтера, играющихъ первыя роли въ исторіи философіи, науки и литературы, *не выражалъ въ своей дѣятельности такъ полно и такъ всесторонне духъ XVIII в., какъ именно Вольтеръ.* Его долгая жизнь (1694—1778),—а онъ рано сдѣлался писателемъ и до конца дней своихъ не покидалъ литературной дѣятельности,—охватываетъ почти весь періодъ отъ конца царствованія Людовика XIV до кануна революціи. Масса имъ написаннаго, едва укладывающаяся въ цѣлые десятки томовъ [1]), свидѣтельствуетъ о необычайной энергіи его ума, а громадный успѣхъ его сочиненій указываетъ на то вліяніе, какое онъ въ теченіе десятковъ лѣтъ оказывалъ на общество. Крайнее разнообразіе его литературной дѣятельности объясняется его широкимъ энциклопедизмомъ, и онъ вліялъ на общество многосторонне и самыми разнообразными средствами, такъ какъ выступалъ въ литературѣ въ качествѣ поэта и романиста, философа и популяризатора естественно-историческихъ знаній, моралиста и публициста, литературнаго критика и историка, оставивъ послѣ себя великое множество одъ, поэмъ, трагедій, романовъ, повѣстей, серьезныхъ трактатовъ, журнальныхъ статей, полемическихъ памфлетовъ, историческихъ работъ и т. п. И все это было отмѣчено у Вольтера не только печатью самобытной переработки идейнаго матеріала, какой онъ находилъ въ книгахъ, но и неистощимаго личнаго творчества, не только печатью широкаго ума, но и необыкновеннаго литературнаго таланта. Притомъ это была натура боевая, не сносившая никакой тираніи, и удары, сыпавшіеся изъ-подъ пера Вольтера на враговъ новаго движенія, были особенно мѣтки и

---

[1]) Напр., изданіе Бодуэна, выходившее въ свѣтъ въ 1824—34 гг., заключаетъ въ себѣ около ста томовъ, а другія изданія состоятъ изъ 70, 75 и т. п. томовъ.

сильны, а потому и особенно страшны. Правда, въ личномъ характерѣ, въ нравственныхъ качествахъ „короля философовъ“ были очень значительные недостатки, весьма часто даже плохо гармонировавшіе съ его замѣчательнымъ умомъ, но если въ своей дѣятельности онъ и ставилъ главною цѣлью эманципацію человѣческаго разума, то отъ торжества истины онъ вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не отдѣлялъ торжества справедливости. Въ послѣднемъ смыслѣ Вольтеръ былъ воплощеніемъ гуманистическаго индивидуализма, какъ защитникъ человѣческаго разума, инстинктовъ человѣческой природы, личнаго достоинства человѣка, его права на свободу отъ тиранніи. Въ общемъ такимъ образомъ *вольтеріанизмъ былъ не чѣмъ инымъ, какъ раціонализмомъ, нашедшимъ блестящее воплощеніе въ геніи отдѣльнаго человѣка.*

Фамилія „Вольтеръ“ была литературнымъ псевдонимомъ [1]). Настоящее имя Вольтера было Аруэ (Arouet, François Marie). Его отецъ происходилъ изъ третьяго сословія и занималъ скромную должность нотаріуса. Окончивъ курсъ въ іезуитскомъ коллежѣ, Вольтеръ весьма рано проявилъ свои дарованія и получилъ доступъ въ большой свѣтъ. Смѣлость мысли, какую онъ обнаружилъ еще въ школѣ, вызвала даже предсказаніе одного изъ его учителей, что онъ сдѣлается корифеемъ деизма во Франціи. Его крестный отецъ, аббатъ Шатонёвъ, ввелъ его еще совсѣмъ юношей въ веселые и беззаботные свѣтскіе кружки Парижа. Здѣсь онъ познакомился и съ старухою Нинонъ де л'Анкло, когда-то знаменитою куртизанкою. Эта женщина, отличавшаяся большимъ умомъ, была поражена раннимъ развитіемъ Вольтера и даже отказала ему по духовному завѣщанію небольшую денежную сумму на покупку книгъ. Вскорѣ съ молодымъ человѣкомъ случилась большая непріятность. Послѣ смерти Людовика XIV, совпавшей съ очень тяжкими временами для Франціи, стали ходить по рукамъ разныя эпиграммы и другого рода сатирическія произведенія, среди которыхъ особое вниманіе обратили на себя Les „j'ai vu“, описывавшія въ мрачныхъ краскахъ рабство французскаго народа; авторъ этого произведенія прибавлялъ, что ему еще нѣтъ двадцати лѣтъ, а онъ уже видѣлъ всѣ эти бѣдствія (j'ai vu ces maux et je n'ai pas vingt ans). Вольтера, уже тогда прославившагося своими стихами, заподозрили въ авторствѣ пасквиля на покойнаго короля и засадили въ Бастилію, хотя въ данномъ случаѣ онъ ни въ чемъ не былъ повиненъ. Такимъ образомъ, едва вступивъ въ жизнь, онъ на собственномъ опытѣ познакомился съ административнымъ произволомъ, лишавшимъ во Франціи личную свободу всякихъ гарантій. Въ Бастиліи Вольтеръ про-

---

[1]) Анаграмма изъ Arouet l. j. (= le jeune), при чемъ *u* принято за *v* а *j*—за *i* (Arouetlj=Arovetli=Voltaire).

должалъ свои литературныя занятія; между прочимъ здѣсь онъ задумалъ свою „Генріаду“, эпическую поэму, прославлявшую Генриха IV, какъ представителя вѣротерпимости. Около того же времени онъ написалъ трагедію „Эдипъ“, которая въ 1718 г. была поставлена на сцену и имѣла успѣхъ. Время чистаго искусства въ исторіи французской драмы миновало, и уже здѣсь Вольтеръ далъ волю своему оппозиціонному настроенію, высказавъ, напримѣръ, ту мысль, что „наши жрецы совсѣмъ не то, что̀ о нихъ думаетъ народъ“, и что „лишь наше легковѣріе составляетъ всю ихъ мудрость“. Въ Бастиліи Вольтеру пришлось провести тогда почти годъ. Черезъ нѣсколько времени послѣ того, какъ его оттуда выпустили, ему суждено было вторично познакомиться съ этою тюрьмою. На этотъ разъ онъ пострадалъ уже ни отъ одного административнаго произвола, но и отъ аристократическаго высокомѣрія одного вельможи, съ которымъ у него вышло столкновеніе. Именно однажды въ домѣ герцога Сюлли онъ встрѣтился съ молодымъ шевелье де-Рогановъ, съ которымъ у него произошла ссора. Аристократъ не снесъ обиднаго отвѣта плебея на сказанную имъ дерзость и черезъ нѣсколько дней велѣлъ своимъ слугамъ палками приколотить молодого поэта, который, съ своей стороны, рѣшилъ вызвать его на дуэль. Де-Роганъ нашелъ такую дуэль для себя унизительной, и вотъ кончилось тѣмъ, что вліятельная родня де-Рогана добилась приказанія посадить Вольтера опять въ Бастилію, откуда онъ былъ выпущенъ лишь съ приказаніемъ немедленно оставить Парижъ. Двѣ главныя стороны „старыхъ порядковъ“ такимъ образомъ дали себя очень рано почувствовать писателю, которому суждено было сдѣлаться героемъ вѣка, защитникомъ свободы и равенства. Немудрено, что впослѣдствіи чувство личной безопасности заставляло его искать связей у сильныхъ міра сего, а иногда и отказываться отъ авторства тѣхъ или другихъ произведеній, за которыя можно было бы снова попасть въ Бастилію.

Въ 1726 г. Вольтеръ поѣхалъ въ Англію. Эта поѣздка имѣла рѣшительное вліяніе на его дѣятельность. *Да и вообще Англія, гдѣ установились порядки, столь несходные съ французскими, и гдѣ къ началу XVIII в. сдѣланы были громадные успѣхи въ философіи, наукѣ и политической литературѣ*, была тогда страною, оказывавшею большое вліяніе на французовъ, совершавшихъ даже своего рода паломничества въ это царство личной, духовной и политической свободы. Время, когда Вольтеръ посѣтилъ Англію, было замѣчательное. Ея умственная жизнь находилась еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ тѣхъ толчковъ, которые исходили отъ Локка (ум. 1704) и Ньютона (ум. 1727), а Шэфтсбери и Болингброкъ стояли еще въ главѣ свободныхъ мыслителей. Подъ вліяніями, шедшими отъ новой общественной обстановки

и отъ новой умственной среды, Вольтеръ изъ поэта, только лично склоннаго къ вольномыслію, превратился въ философа, поставившаго своей литературной дѣятельности общественную цѣль, именно задачу „разрушить тѣ предразсудки, рабомъ которыхъ было его отечество“, какъ выразился Кондорсе въ своей небольшой біографіи Вольтера. Деистическая философія и политическая литература, развивавшая идею свободы, были двумя наслѣдіями, завѣщанными Англіей XVII в. Англіи слѣдующаго столѣтія, и Вольтеръ, проникшись основными принципами этой философіи и литературы, оставался имъ вѣрнымъ до конца своей жизни. Уже въ глубокой старости онъ благословилъ маленькаго внука американскаго патріота Франклина, возложивъ руку на голову мальчика со словами: „Богъ и свобода“ (God and liberty).

Все въ Англіи было ново для живого француза, и тѣмъ болѣе еще были новы для Франціи тѣ идеи, которыя Вольтеръ сталъ въ ней популяризировать по возвращеніи на родину. Напримѣръ, французы того времени въ философіи и наукѣ продолжали еще строго держаться устарѣлыхъ воззрѣній Декарта, какъ-будто на свѣтѣ еще не было ни Локка, ни Ньютона. Поразилъ Вольтера и этотъ почетъ, какой правительствомъ и обществомъ оказывался въ Англіи мыслителямъ и ученымъ, поразила и та свобода, которою пользовались здѣсь писатели, типографщики и книгопродавцы. Въ Англіи Вольтеръ, если можно такъ выразиться, окончательно увѣровалъ въ разумъ, въ присущую ему силу открывать тайны природы, въ его побѣду надъ суевѣріями и предразсудками, въ необходимость для него свободы, въ его могущественное вліяніе на общественную жизнь. и онъ созналъ, что мыслители, ученые. писатели призваны бытъ истинными вождями общества. Разные контрасты, какіе представляла Англія двадцатыхъ годовъ XVIII в. съ тогдашнею Франціей, также бросались въ глаза наблюдательному путешественнику. Всѣ свои впечатлѣнія Вольтеръ обобщилъ и изложилъ въ знаменитыхъ „Lettres sur les Anglais“, вышедшихъ въ свѣтъ, однако, лишь черезъ нѣсколько лѣтъ (1734) послѣ его возвращенія на родину. Хотя въ этой книгѣ онъ и урѣзывалъ себя и долженъ былъ выжидать сколько-нибудь благопріятное время и для ея опубликованія, тѣмъ не менѣе она по необходимости получила характеръ критики на французскіе порядки, такъ какъ все-таки Вольтеръ не отказывалъ себѣ въ удовольствіи дѣлать кое-гдѣ сопоставленія чужого съ своимъ. Извѣстно, что парижскій парламентъ приговорилъ книгу къ публичному сожженію рукою палача. Главнымъ, что̀ поразило Вольтера въ Англіи, была все-таки духовная свобода. Монтескье (посѣтившій Англію вскорѣ послѣ того, какъ Вольтеръ ее покинулъ) сдѣлался горячимъ сторонникомъ уже ея политическаго строя, какъ обезпечивающаго личную и политическую свободу. Еще

позднѣе для физіократовъ Англія сдѣлалась страною самыхъ образцовыхъ хозяйственныхъ порядковъ (чего на дѣлѣ не было, но что было справедливо сравнительно съ Франціей). Вольтеръ и былъ первый изъ французовъ, открывшихъ путь англійскому вліянію во Францію, и то, что этого многосторонняго человѣка не интересовали ни политическія формы, ни экономическій строй, указываетъ, съ одной стороны, еще на слабость политическаго интереса въ началѣ просвѣтительнаго движенія, а съ другой стороны, на чисто отвлеченный, индивидуалистическій и раціоналистическій источникъ этого умственнаго движенія.

Возвратившись изъ Англіи, Вольтеръ приступилъ къ тому, что сталъ считать главною задачею всей его жизни, опираясь на обширныя знанія, пріобрѣтенныя имъ еще до поѣздки за границу и вывезенныя изъ посѣщенной имъ страны. Въ своей борьбѣ съ стариной онъ пользовался орудіемъ злой, колкой, убійственной насмѣшки, рѣзкими характеристиками людей и вещей, всѣми другими способами, какими только могъ заставить читать себя и говорить о себѣ и во Франціи, и внѣ Франціи. Мѣняя сначала по своему обыкновенію мѣсто жительства, онъ въ 1735 г. надолго поселился въ замкѣ Сире, съ владѣтельницей котораго, маркизой дю-Шатле, близко сошелся за два года передъ этимъ, и продолжалъ тамъ жить до самой ея смерти въ 1749 г. Эта недюжинная женщина, изучавшая, между прочимъ, Ньютона, много помогала Вольтеру въ его литературныхъ занятіяхъ. Самая напряженная работа поглощала почти все его время, и онъ все шире и шире въ эту пору жизни развивалъ свою дѣятельность. Его труды прерывались только путешествіями, которыя онъ очень любилъ и которыя иногда прямо были ему необходимы, такъ какъ иногда ему просто нужно было уѣзжать куда-нибудь изъ опасенія за свою свободу. Между прочимъ маркиза, какъ и самъ Вольтеръ конкурировали въ академіи наукъ по одному научному вопросу (объ условіяхъ горѣнія), предложенному на премію; вообще въ эту пору Вольтеръ довольно много занимался естествознаніемъ и даже самъ дѣлалъ разнаго рода физическіе опыты [1]),—черта, которую мы встрѣчаемъ и у другихъ писателей XVIII в., не бывшихъ, однако, спеціалистами естествознанія (напримѣръ, у Монтескье). Въ годы сожительства съ маркизой дю-Шатле Вольтеръ написалъ особенно много, и въ это время онъ находился уже наверху своей славы. Благодаря покровительству г-жи Помпадуръ, метрессы Людовика XV, лично ненавидѣвшаго Вольтера, онъ получилъ даже придворную должность

---

[1]) Вольтеръ важенъ и какъ популяризаторъ философіи Ньютона во Франціи своимъ сочиненіемъ Eléments de la phil. de Newton (1738).

(gentilhomme ordinaire de la chambre du roi) и былъ сдѣланъ исторіографомъ Франціи. Около того же времени (1746) его выбрали въ члены французской академіи. Впрочемъ, дабы добиться такихъ почестей, онъ долженъ былъ написать пьесу для придворнаго театра, посвятить папѣ Бенедикту XIV своего „Магомета“ и публично заявить свою преданность той самой церкви, на которую онъ постоянно нападалъ.

Въ 1750 г., по смерти маркизы, Вольтеръ отправился въ Пруссію, къ Фридриху II, который, еще бывши наслѣднымъ принцемъ, вступилъ съ нимъ въ переписку и потомъ неоднократно звалъ его къ себѣ. Вольтеръ поселился въ королевскомъ дворцѣ и получилъ должность камергера, орденъ pour le mérite и 20 т. ливровъ ежегодной пенсіи. Извѣстно, однако, что эти два замѣчательные человѣка своего времени не ужились другъ съ другомъ. Существуетъ цѣлая анекдотическая исторія пребыванія Вольтера при прусскомъ дворѣ, сущность которой сводится къ тому, что по своимъ характерамъ и Вольтеръ, и Фридрихъ II не умѣли уступать другъ другу, чему помогали еще добрые люди, передававшіе одному о другомъ разныя сплетни. То Вольтеръ узнавалъ, что король сравнивалъ его съ лимономъ, который бросаютъ, когда выжмутъ изъ него сокъ, то, наоборотъ, доводили до свѣдѣнія Фридриха II о томъ, какъ философъ жалуется, что король поручаетъ ему стирать свое грязное бѣлье, разумѣя подъ нимъ стихи, которые Фридрихъ II любилъ писать и отдавалъ Вольтеру для поправокъ. Были и другія причины взаимнаго неудовольствія. Между прочимъ Вольтеръ весьма зло осмѣялъ подъ именемъ „доктора Акакіи“ президента королевской академіи въ Берлинѣ, французскаго ученаго Мопертюи, который изображался съ болѣе нежели странными научными планами, въ родѣ того, что хорошо было бы провертѣть дыру до центра земли, или производить анатомированіе мозга у живыхъ людей, дабы узнать, какъ дѣйствуетъ душа, или еще построить особый городъ, гдѣ всѣ говорили бы по-латыни, и гдѣ такимъ образомъ можно было бы учиться латинскому языку. Фридрихъ II самъ смѣялся злой сатирѣ, когда она была еще въ рукописи, но не желалъ, чтобы она была напечатана. Вольтеръ, однако, издалъ ее въ Голландіи. Прусскій король тогда вступился за честь президента своей академіи, и произведеніе, осмѣивавшее Мопертюи, по королевскому приказанію, было публично сожжено. О крайнемъ раздраженіи Фридриха II свидѣтельствуютъ и тѣ слова, въ которыхъ онъ высказываетъ свой взглядъ на Вольтера, какъ на низкую душонку, какъ на мартышку, которую нужно было бы отодрать за ея продѣлки, и т. п. Вольтеръ не снесъ оскорбленія; онъ отослалъ королю камергерскій ключъ, орденъ и патентъ на пенсію при записочкѣ, въ

которой сравнивалъ эти вещи съ сувенирами, которые покинутый любовникъ возвращаетъ своей возлюбленной. Хотя между хозяиномъ и гостемъ и произошло примиренiе, но Вольтеръ въ концѣ-концовъ (весною 1753 г.) оставилъ Пруссiю. Въ скоромъ времени ему пришлось, однако, подвергнуться новому оскорбленiю. Уѣзжая изъ Пруссiи, онъ захватилъ съ собою томъ стихотворенiй Фридриха II, среди которыхъ были и непристойныя, и неудобныя въ политическомъ отношенiи.—прусскiй король давалъ въ нихъ волю своему злому языку на счетъ нѣкоторыхъ коронованныхъ особъ. Въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ къ философу явился прусскiй президентъ и потребовалъ у него возвращенiя стиховъ, но такъ какъ чемоданъ, въ которомъ они были спрятаны, находился не при Вольтерѣ, и потому пришлось ждать, пока всѣ его вещи не будутъ привезены, то ему пришлось подвергнуться своего рода аресту болѣе, чѣмъ на мѣсяцъ (хотя Франкфуртъ былъ имперскимъ городомъ и, слѣдовательно, прусскiе чиновники не имѣли права въ немъ распоряжаться, да еще съ французскимъ подданнымъ). Несмотря на этотъ инцидентъ, переписка между Фридрихомъ II и Вольтеромъ продолжалась и впослѣдствiи. Даже изданное имъ сочиненiе о частной жизни прусскаго короля, бывшее крайне неблагопрiятнымъ для Фридриха II, не лишило автора этой книги пенсiи, которая ему была назначена обиженнымъ королемъ.

Посѣтивъ нѣкоторые нѣмецкiе дворы, Вольтеръ въ 1755 г. появился въ Женевѣ, не желая и даже опасаясь возвратиться во Францiю. „Я боюсь монарховъ и епископовъ“,—такъ объяснялъ онъ выборъ мѣстожительства въ республиканскомъ и протестантскомъ городѣ. Вскорѣ затѣмъ онъ купилъ себѣ—уже на французской территорiи, неподалеку отъ Женевы—знаменитый Ферней, помѣстье, въ которомъ прожилъ послѣднiя двадцать лѣтъ своей жизни. Это помѣстье представляло то удобство, что отъ Женевы было близко и въ случаѣ преслѣдованiя можно было быть въ нѣкоторой безопасности [1]). Вольтеру было уже 64 года, когда онъ поселился въ Фернеѣ; онъ былъ болѣзненнымъ и слабымъ старикомъ и тѣмъ не менѣе продолжалъ работать съ прежнею неутомимостью, иногда по восемнадцати часовъ въ сутки, занимаясь даже по ночамъ и едва поспѣвая оканчивать начатыя работы при помощи секретарей. Къ этому перiоду его жизни главнымъ образомъ и относится его борьба противъ католицизма,—борьба, девизомъ которой сдѣлались слова, столь часто встрѣчающiяся въ его письмахъ „écrasez l'infâme“. То было время, когда во Францiи, несмотря на изгнанiе iезуитовъ, общее направленiе внутренней по-

---

[1]) Вольтеръ былъ весьма богатый человѣкъ, наживъ свое состоянiе отчасти разными денежными спекуляцiями.

литики отличалось большою нетерпимостью: преслѣдовали не только новую философію въ лицѣ ея представителей и въ томъ ихъ предпріятіи, которое получило названіе Энциклопедіи, но и безобидный протестантизмъ. Въ Лангедокѣ, напримѣръ, повѣсили одного гугенотскаго пастора за исполненіе имъ обязанностей своего сана, а трое молодыхъ протестантовъ были обезглавлены за то, что пришли съ оружіемъ по звуку набатнаго колокола, оповѣщавшаго объ арестѣ еретическаго пастыря. Въ Тулузѣ жилъ одинъ протестантъ по имени Жанъ Каласъ. Его младшій сынъ перешелъ въ католицизмъ, и когда вскорѣ сынъ, ведшій безпутную жизнь, покончилъ съ собою самоубійствомъ, то обвинили отца, будто онъ самъ умертвилъ сына, не желая видѣть его перехода въ католицизмъ. Несмотря на отсутствіе какихъ бы то ни было уликъ, несчастный старикъ былъ колесованъ по приговору мѣстнаго парламента, а его жена и дѣти были подвергнуты пыткѣ и только съ большимъ трудомъ спаслись въ Женеву къ Вольтеру. Самоубійцу фанатики объявили мученикомъ и даже говорили о чудесахъ, совершающихся на его могилѣ (1762). Это дало Вольтеру поводъ написать трактатъ о вѣротерпимости, онъ заинтересовалъ въ этомъ дѣлѣ Парижъ, Францію, Европу, добился пересмотра процесса, результатомъ чего была реабилитація казненнаго и выдача его семьѣ большой пенсіи. Три года занимало Вольтера дѣло Каласа: ни разу, говоритъ онъ, за это время улыбка не показывалась на его лицѣ, такъ какъ онъ самъ счелъ бы ее за несправедливость. Въ одинъ годъ съ исторіей Каласа епископъ кастрскій насильно отнялъ у нѣкоего Сирвена, тоже протестанта, его молодую дочь и помѣстилъ ее въ женскомъ монастырѣ для воспитанія въ католической вѣрѣ. Дѣвушка сошла съ ума, бѣжала изъ монастыря и утопилась въ колодцѣ. Сирвенъ былъ обвиненъ въ смерти дочери и спасся отъ участи Каласа только бѣгствомъ. Среди лишеній труднаго пути онъ потерялъ жену и нашелъ пріютъ лишь у Вольтера. Между тѣмъ тулузскій парламентъ приговорилъ бѣглеца къ смертной казни и конфискаціи имущества, но Вольтеръ и тутъ выступилъ защитникомъ праваго дѣла, заинтересовавъ въ судьбѣ Сирвена европейскихъ монарховъ (между прочимъ Екатерину II), и добился пересмотра процесса. Нѣсколько лѣтъ спустя (1766) въ Аббевиллѣ двое восемнадцатилѣтнихъ юношей, де ла Барръ и д'Эталондъ, были обвинены въ томъ, будто изломали распятіе, хотя доносъ не имѣлъ никакой фактической подкладки, кромѣ сплетни, выросшей на почвѣ фанатизма и личной злобы. Д'Эталондъ спасся бѣгствомъ и по рекомендаціи Вольтера получилъ мѣсто у Фридриха II, а де ла Барръ былъ приговоренъ амьенскимъ судомъ къ отсѣченію руки и языка и къ сожженію на кострѣ, и только парижскій парламентъ замѣнилъ такую казнь

отсѣченіемъ головы. Эти и другіе подобные факты объясняютъ намъ ту страстную ненависть, которую проявлялъ Вольтеръ по отношенію къ католицизму. Кромѣ того, живя въ Фернеѣ, Вольтеръ узналъ о бѣдственномъ положеніи крѣпостныхъ крестьянъ, принадлежащихъ монастырю св. Клавдія въ Юрскихъ горахъ, и написалъ по поводу ихъ рабства нѣсколько небольшихъ статей. Слухъ объ этомъ дошелъ до забитыхъ сервовъ, и они готовы были замѣнить въ церковной нишѣ статую святого статуей заступившагося за нихъ Вольтера.

Въ Фернеѣ Вольтеръ выстроилъ новый замокъ, привлекъ въ свое помѣстье небольшое населеніе,—преимущественно изъ часовщиковъ, которымъ доставлялъ заказы,—устроилъ театръ и сдѣлался „трактирщикомъ цѣлой Европы", такъ какъ Ферней сталъ навѣщаться множествомъ посѣтителей разныхъ національностей. Фернейскою жизнью интересовались даже иностранные дворы; императоръ Іосифъ II во время путешествія во Францію посѣтилъ это помѣстье, но ограничился прогулкою по парку и уѣхалъ, не повидавшись съ хозяиномъ въ угоду своей благочестивой матери. Изъ Фернея Вольтеръ переписывался съ Фридрихомъ II, съ Екатериною II и другими государями. Христіанъ VII Датскій считалъ нужнымъ оправдываться передъ нимъ въ томъ, что ему не подъ силу сразу сокрушить все препятствующее гражданской свободѣ его народа. Густавъ III Шведскій относился къ Вольтеру съ большимъ почтеніемъ, и гордился, какъ наградою, его интересомъ къ дѣламъ Сѣвера. Обращались къ Вольтеру и старые, и начинающіе писатели, и разныя высокопоставленныя особы, въ родѣ маршаловъ и епископовъ, и многія частныя лица, прося у него совѣтовъ, указаній, ставя вопросы, напримѣръ, о существованіи Бога и о безсмертіи души, какъ это сдѣлалъ какой-то бургомистръ изъ Мидльбурга, или о правильности нѣкоторыхъ оборотовъ рѣчи,—вопросъ, съ которымъ обратились къ нему однажды два поспорившіе между собою кавалериста. Вольтеръ имѣлъ обыкновеніе отвѣчать на всѣ письма, и по своему объему его корреспонденція достойна занять мѣсто рядомъ съ его сочиненіями; она заслуживаетъ, впрочемъ, вниманія и по содержанію своему, и по своей литературности. Боясь преслѣдованій и, напримѣръ, не рѣшившись по этой причинѣ съѣздить въ Италію, Вольтеръ нерѣдко и теперь издавалъ наиболѣе смѣлыя свои сочиненія анонимно или приписывалъ ихъ умершимъ авторамъ, или же прямо отъ нихъ отрекался. Съ своей стороны онъ готовъ былъ на многое, чѣмъ только могъ надѣяться примирить съ собою властныхъ и опасныхъ людей. Какъ фернейскій помѣщикъ, онъ, напримѣръ, выстроилъ на своей землѣ церковь съ горделивою надписью: „Богу воздвигъ Вольтеръ" (Deo erexit Voltaire) и держалъ у себя 13 лѣтъ капуцинскаго монаха Адама, о которомъ

говорилъ, что онъ хоть и не первый человѣкъ, но тѣмъ не менѣе человѣкъ хорошій. Но по поводу освященія церкви, во время котораго Вольтеръ, какъ патронъ храма, произнесъ нѣчто въ родѣ проповѣди противъ воровства, у него вышло столкновеніе съ духовенствомъ. Епископъ той епархіи, гдѣ былъ Ферней, увидѣлъ во всемъ поведеніи Вольтера въ этомъ дѣлѣ кощунство и сталъ добиваться, чтобы фернейскій владѣлецъ былъ изгнанъ изъ Франціи. Вольтеръ счелъ тогда нужнымъ примириться съ церковью и поэтому говѣлъ въ своей церкви на Пасху 1768 г. Со стороны епископа это вызвало крайне суровое письмо, на которое Вольтеръ отвѣчалъ вопросомъ, почему исполненіе такой христіанской обязанности встрѣчено было епископомъ только бранью. Не одинъ, впрочемъ, епископъ, знавшій религіозныя воззрѣнія Вольтера, былъ въ негодованіи по этому поводу: и друзья Вольтера отнеслись къ его поступку съ порицаніемъ, и философъ оправдывался лишь тѣмъ, что, отнюдь не имѣя охоты горѣть на кострѣ, онъ въ этомъ поступкѣ видѣлъ средство заставить замолчать всякаго рода шпіоновъ. Между тѣмъ епископъ запретилъ фернейскому священнику впредь исповѣдовать и причащать своего помѣщика. Тогда у Вольтера явилось желаніе досадить непріятелю, и разными правдами и неправдами онъ добился-таки того, что настоятель фернейской церкви преступилъ повелѣніе епископа, хотя Вольтеру для этого нужно было прибѣгнуть къ помощи нотаріуса. Мало того, Вольтеръ выхлопоталъ для себя санъ почетнаго попечителя ордена капуциновъ, который ему доставили вліятельные люди, и его очень забавляло писать письма епископу и подписываться подъ ними „† Voltaire, capucin indigne“.

Вольтеръ дожилъ до начала царствованія Людовика XVI и привѣтствовалъ наступленіе эры реформъ съ назначеніемъ философа и экономиста Тюрго въ министры (1774 г.), хотя ему же пришлось видѣть и паденіе Тюрго (1776 г.), повергшее „фернейскаго отшельника“ въ отчаяніе. Тогда же еще онъ сталъ хлопотать, чтобы ему было позволено побывать въ Парижѣ, но только весною 1778 г. онъ получилъ разрѣшеніе пріѣхать въ столицу Франціи. Торжественная встрѣча, сдѣланная ему на парижскихъ улицахъ, и оваціи, устроенныя во французской академіи и въ театрѣ, гдѣ поставили одну изъ его пьесъ, сильно потрясли старика, которому шелъ уже девятый десятокъ лѣтъ, и 30-го мая 1778 г. послѣ непродолжительной болѣзни онъ скончался всего за нѣсколько лѣтъ до начала той революціи, которая была подготовлена новыми культурными идеями и общимъ духомъ вольтеріанизма. Въ эпоху великаго переворота прахъ Вольтера былъ перенесенъ въ церковь св. Женевьевы, обращенную въ Пантеонъ, какъ усыпальницу великихъ людей Франціи, и на гробницѣ его сдѣлана

была надпись, характеризующая отношеніе къ Вольтеру свидѣтелей его дѣятельности. „Поэтъ, историкъ, философъ, онъ возвеличилъ человѣческій разумъ и научилъ его быть свободнымъ. Онъ защищалъ Каласа, Сирвена, де ла Барра и Монбальи. Онъ опровергалъ атеистовъ и фанатиковъ. Онъ проповѣдовалъ терпимость. Онъ возстановлялъ права человѣка противъ рабства феодализма". Кондорсе, самъ одинъ изъ философовъ XVIII в., а впослѣдствіи видный дѣятель революціи, такъ опредѣлялъ значеніе Вольтера въ своей біографіи послѣдняго: „русская императрица, короли прусскій, датскій и шведскій старались заслужить похвалу Вольтера; во всѣхъ странахъ вельможи, министры, стремившіеся къ славѣ, искали расположенія фернейскаго философа и повѣряли ему свои надежды на успѣхи разума, свои планы относительно распространенія просвѣщенія и уничтоженія фанатизма. Онъ основалъ во всей Европѣ союзъ, душой котораго былъ самъ. Девизъ этого союза гласилъ: разумъ и терпимость!"

Дѣйствительно, *словами „разумъ и терпимость" опредѣляется главное содержаніе проповѣди Вольтера*. Онъ, напримѣръ, самъ объясняетъ, почему онъ примкнулъ къ англійскому деизму: „секту англійскихъ деистовъ, пишетъ онъ, упрекаютъ въ томъ, что она слушается голоса разума и свергаетъ иго вѣры, но во всякомъ случаѣ это единственная секта, которая никогда не нарушала спокойствія и мира человѣческаго общества безплодными спорами. Эти люди согласны со всѣми иными въ почитаніи единаго Бога; они отличаются только тѣмъ, что у нихъ нѣтъ никакихъ твердыхъ положеній ученія и никакихъ храмовъ, и что они, вѣря въ Божіе правосудіе, одушевлены величайшею терпимостью". Защита вѣротерпимости составляетъ вообще очень видную сторону въ дѣятельности Вольтера; и религіозный фанатизмъ духовенства былъ главною причиною его нападокъ на христіанство, которое въ его умѣ отождествлялось преимущественно съ нетерпимымъ католицизмомъ. Его вмѣшательство въ дѣла Каласа, Сирвена, де ла Барра, занимавшія его по нѣскольку лѣтъ, показываетъ, какъ дорога была ему идея вѣротерпимости. Эта же идея вызвала и нѣкоторыя изъ лучшихъ его произведеній. Именно онъ не могъ не обобщить такихъ случаевъ, какъ названныя дѣла, и изъ того, что онъ писалъ по поводу каждаго изъ нихъ, возникла принципіальная защита терпимости въ его замѣчательномъ „Essai sur la tolérance" (1763). Требованія Вольтера въ этомъ отношеніи были, однако, весьма умѣренны. Онъ готовъ былъ удовольствоваться тѣмъ, чтобы протестантамъ во Франціи предоставили положеніе, какимъ католики пользовались въ Лондонѣ, т.-е. чтобы имъ была дана охрана ихъ естественныхъ правъ, чтобы признавалась ихъ личная свобода, законность протестантскихъ браковъ и дѣтей, происходящихъ отъ

такихъ браковъ, право наслѣдовать имущество своихъ отцовъ, но пусть ужъ у нихъ, какъ у лондонскихъ католиковъ, не будетъ ни публичнаго богослуженія, ни права занимать общественныя и государственныя должности. Преслѣдованія, которымъ протестанты уже цѣлое столѣтіе подвергались во Франціи, дѣлали необходимою эту борьбу, и если Вольтеру своимъ „Опытомъ о терпимости“ не удалось достигнуть отмѣны строгихъ законовъ о протестантахъ, онъ все-таки предупредилъ, по крайней мѣрѣ, замышлявшееся общее на нихъ гоненіе. Въ 1763 г. во время переговоровъ о мирѣ между Англіей и Франціей герцогъ Бедфордъ отъ имени архіепископа кентерберійскаго просилъ герцога Шуазеля, чтобы были освобождены 37 протестантовъ, томившихся на галерахъ, и 20 протестантокъ, которыя засажены были въ одинъ монастырь. Шуазель на это согласился, но другой министръ (Saint Florentin), къ которому онъ обратился по этому поводу, не только объявилъ, что считаетъ неудобнымъ это сдѣлать, но прямо отвѣтилъ Шуазелю, что нужно возобновить строжайшія мѣры, дабы окончательно истребить протестантовъ, и вотъ это намѣреніе стало уже приводиться въ исполненіе, хотя вскорѣ само же правительство отказалось отъ него, боясь возбудить противъ себя общественное мнѣніе. Среди такихъ-то обстоятельствъ и появился „Essai sur la tolérance“ Вольтера. Интересно, далѣе, сравнить мотивы борьбы противъ католицизма у всѣхъ болѣе раннихъ его противниковъ — у легистовъ и моралистовъ, у гуманистовъ и реформаторовъ—съ тѣми мотивами, которые дѣйствовали на просвѣтителей XVIII в.: никогда именно такъ ясно и опредѣленно не ставилась въ вину католицизму его нетерпимость и столь твердо и прочно не отстаивались права разума. Другое явленіе, которое равнымъ образомъ вооружало противъ себя Вольтера, было точно также средневѣкового происхожденія: *это было крѣпостничество, въ которомъ Вольтеръ видѣлъ нарушеніе самыхъ элементарныхъ естественныхъ правъ*, прямое оскорбленіе человѣческаго достоинства. Такимъ образомъ въ лицѣ Вольтера „просвѣщеніе“ XVIII в. протестовало противъ всѣхъ переживаній средневѣковой католико-феодальной старины, представлявшихъ изъ себя посягательства на индивидуальную свободу. Выше было уже упомянуто, что Вольтеръ заступился за крѣпостныхъ крестьянъ монастыря св. Клавдія, познакомивъ министровъ и образованную публику съ печальнымъ положеніемъ сервовъ, томившихся въ неволѣ у монаховъ. Непосредственнаго практическаго значенія все то, что̀ по этому поводу написалъ Вольтеръ, не имѣло, и крѣпостничество просуществовало во Франціи до самаго 1789 г..

Будучи главнымъ образомъ борцомъ за духовную свободу и за человѣческое достоинство, Вольтеръ былъ очень далекъ отъ того,

чтобы желать свободы политической и стремиться къ какому-либо перевороту. Прославляя Англію и описывая жизнь англичанъ, онъ менѣе всего обратилъ вниманія на ихъ политическія права и конституціонныя учрежденія, хотя и не разъ высказывалъ (болѣе платоническое, впрочемъ) уваженіе къ англійскому парламенту и англійскимъ порядкамъ, при которыхъ „у короля руки свободны, чтобы дѣлать добро, и связаны, чтобы дѣлать зло“. Въ героическій періодъ своей жизни, въ эпоху борьбы за вѣротерпимость и противъ крѣпостничества онъ писалъ д'Аржансону, что не такой переворотъ нуженъ, какъ во времена Лютера и Кальвина, а другой—именно переворотъ въ умахъ людей, призванныхъ къ управленію народами. *Политическимъ міросозерцаніемъ Вольтера былъ „просвѣщенный абсолютизмъ“*, неограниченная власть монарха, умѣряемая терпимостью и просвѣщеніемъ. Его взорамъ рисовался союзъ королей и философовъ, и онъ говорилъ, что главные враги тѣхъ и другихъ—священники, которые нѣсколько разъ возставали противъ государей, тогда какъ философы съ послѣдними жили всегда въ мирѣ; передъ нимъ было всемогущее государство, повинующееся голосу разума, и онъ уже видѣлъ залогъ будущихъ побѣдъ терпимости и просвѣщенія въ томъ уваженіи, съ какимъ относились къ нему самому, бойцу за эти идеи, прусскій король, русская императрица, другіе государи и князья. Вообще *Вольтеръ ждалъ общественныхъ преобразованій сверху, а не снизу*, мало довѣряя массѣ: „когда чернь пускается разсуждать, все потеряно“, говорилъ онъ, — и въ данномъ случаѣ въ его взглядахъ *выражался своего рода аристократизмъ интеллигентности и обезпеченности*, въ силу котораго онъ и вообще дѣлалъ строгое различіе между просвѣщенными людьми и чернью. Разумъ, писалъ онъ, напримѣръ, д'Аламберу, восторжествуетъ у порядочныхъ людей (les honnêtes gens), сволочь же (la canaille) вовсе не для него создана. Обратите вниманіе на католицизмъ, писалъ онъ Дидро: его нужно уничтожить у порядочныхъ людей, оставивъ его у сволочи. Порицая „ворчливыхъ бѣдняковъ, кричащихъ противъ роскоши“, Вольтеръ вообще находилъ нужнымъ, чтобы въ государствѣ существовали люди, у которыхъ были бы лишь руки да охота работать при свободѣ продавать свой трудъ, такъ какъ эта свобода должна замѣнить имъ собственность. „Я понимаю, говоритъ онъ еще, подъ народомъ чернь (populace), у которой есть руки, чтобы жить. Я опасаюсь, что этотъ народъ никогда не будетъ имѣть времени и способности научиться; мнѣ кажется даже необходимымъ, чтобы существовали невѣжды“. Тѣмъ не менѣе Вольтеръ хотѣлъ, чтобы этотъ народъ былъ свободенъ отъ „ненавистнаго и унизительнаго рабства“, подъ понятіе котораго онъ подводилъ и столь же несправедливое различіе между благородными

и ротюрьерами. Онъ говорилъ, напримѣръ, что лишь тогда увѣруетъ въ божественное право рыцарей, когда увидитъ, что крестьяне рождаются на свѣтъ съ сѣдлами на спинахъ, а рыцари со шпорами на ногахъ. Не довѣряя такимъ образомъ невѣжественной массѣ, Вольтеръ и ждалъ всего хорошаго только отъ государственной власти, слушающейся голоса разума и проникнутой идеями просвѣщенія. Свобода, въ честь которой онъ написалъ извѣстную оду и которую онъ прославлялъ, какъ необходимое условіе благосостоянія, опредѣлялась имъ, какъ зависимость отъ однихъ только, одинаковыхъ для всѣхъ законовъ, но его не интересовалъ вопросъ о внѣшнихъ гарантіяхъ такой свободы. Онъ вѣрилъ въ силу просвѣщенія, думая, что оно одно въ состояніи избавить человѣчество отъ рабства, отъ произвола власти, отъ насилій и несправедливостей, и въ духовной свободѣ, т.-е. въ свободѣ мысли, совѣсти, слова, печати видѣлъ лучшее средство къ тому, чтобы восторжествовалъ разумъ. Кто хочетъ опредѣлить, чего же желалъ Вольтеръ отъ властей въ смыслѣ упорядоченія общественныхъ отношеній, тотъ долженъ обратиться къ статьѣ о законахъ въ его „Философскомъ словарѣ“ (Dictionnaire philosophique). Въ требованіяхъ, какія онъ здѣсь предъявляетъ, мы узнаемъ въ сущности программу „просвѣщеннаго абсолютизма“. Это—равенство гражданъ передъ закономъ, обязанность всѣхъ платить налоги, пропорціонально притомъ распредѣляемые, единство законовъ, мѣры и вѣса, ограниченіе законодательной власти церкви, подчиненіе духовенства государству, уничтоженіе духовныхъ судовъ и десятины и т. п., т.-е. другими словами, *все, что въ общественныхъ отношеніяхъ оставалось еще отъ средневѣковаго католицизма и феодализма, нашло противника въ лицѣ Вольтера*, который, возставая во имя разума, просвѣщенія, терпимости и человѣческаго достоинства противъ этихъ остатковъ старины, и *указывалъ абсолютной монархіи, выросшей на развалинахъ католико-феодальнаго строя, задачу — построить новое государство и новое общество на началахъ разума*. Во Франціи это было общимъ желаніемъ до середины XVIII в., когда вообще хотѣли только реформъ, но не стремились еще къ политической свободѣ; во второй же половинѣ столѣтія, когда внѣ Франціи стала проводиться программа „просвѣщеннаго абсолютизма“, въ самой Франціи уже сдѣлала большіе успѣхи въ умахъ идея политической свободы. Когда въ 1774 г. Людовикъ XVI назначилъ министромъ Тюрго, дѣйствовавшаго въ духѣ „просвѣщеннаго абсолютизма“, Вольтеръ радостно привѣтствовалъ это событіе, какъ восходъ блестящей зари лучшихъ дней, какъ наступленіе новой эпохи, какъ время, когда „царственная философія (l'auguste philosophie), которую такъ долго преслѣдовали, начинаетъ диктовать свои торжествующіе законы“. Эта радость Воль-

тера была, однако, непродолжительна. Предчувствовалъ ли Вольтеръ революцію, которая разразилась черезъ одиннадцать лѣтъ послѣ его смерти? Указываютъ на одно мѣсто въ его сочиненіяхъ, какъ на выраженіе именно такого предчувствія. „Французы, писалъ онъ однажды, всегда поздно достигаютъ цѣли, но все-таки достигаютъ. Свѣтъ все болѣе и болѣе распространяется, и при первомъ удобномъ случаѣ произойдетъ страшная кутюрьма. Счастливъ тотъ, кто молодъ: онъ увидитъ еще прекрасныя вещи“. Было бы, впрочемъ, слишкомъ смѣлымъ утверждать, чтобы Вольтеръ дѣйствительно предвидѣлъ страшный политическій переворотъ.

Таковы были политическія и общественныя воззрѣнія Вольтера, въ которыхъ дальше его ушли два другіе крупные представителя литературы XVIII вѣка—Монтескье и Руссо. Въ области философіи, сдѣлавшейся во Франціи второй половины столѣтія какъ бы синонимомъ матеріализма, *Вольтеръ равнымъ образомъ представлялъ собою до конца дней своихъ деизмъ*, вынесенный имъ изъ Англіи. Онъ полемизировалъ одинаково и противъ откровенной религіи, противопоставляя ей „религію естественную“, и противъ атеистовъ, которымъ онъ возражалъ, доказывая бытіе Верховнаго Существа. Христіанскій деизмъ первыхъ англійскихъ послѣдователей этого направленія былъ, какъ извѣстно, своего рода (по ихъ же собственному представленію) завершеніемъ религіозной реформаціи, и только у позднѣйшихъ писателей того же направленія деизмъ дѣлается антихристіанскимъ. На этой-то ступени и усвоилъ его Вольтеръ, который изъ арсенала англійскихъ деистовъ и заимствовалъ всѣ свои аргументы противъ откровенія, Библіи и чудесъ. Но этотъ деизмъ—христіанскій или антихристіанскій, сентиментальный, какъ у Руссо, или разсудочный, какъ у Вольтера—*былъ не чѣмъ инымъ, какъ раціоналистической религіей*, и съ этой точки зрѣнія вѣрованія фернейскаго философа являются лишь частнымъ, хотя и весьма характернымъ случаемъ того раціонализма въ религіи, зачатки котораго мы находимъ у гуманистовъ и у протестантскихъ сектантовъ, но который достигаетъ полнаго развитія лишь въ XVIII в. Притомъ мы встрѣчаемъ его не у однихъ англійскихъ или французскихъ деистовъ, но и у многихъ нѣмецкихъ философовъ XVIII в., у которыхъ только сильнѣе были элементы вѣры и привязанность къ христіанству, хотя и оно получало раціоналистическія объясненія (напримѣръ, у Канта). Раціоналистическая религія нѣмецкихъ философовъ была предметомъ настоящаго и глубокаго убѣжденія, не особенно нуждавшагося въ доказательствахъ бытія Бога и безсмертія души; за этими доказательствами Кантъ даже отрицалъ всякую силу, вовсе не думая тѣмъ колебать религіозной вѣры. Англійскій деизмъ въ послѣдней стадіи своего раз-

витія представлялъ собою систему болѣе скептическую: Богъ вложилъ въ человѣка разумъ, отъ признанія которымъ только и зависитъ истинность того или другого мнѣнія, и Богъ же сотворилъ природу, а она уже сама создала міръ. Такимъ воззрѣніемъ значительно ослаблялась идея Бога, что и случилось въ дальнѣйшемъ развитіи этой концепціи у французскихъ матеріалистовъ. Вольтеръ стоялъ, такъ сказать, посрединѣ. Его вѣра не была продуктомъ религіознаго чувства. Она скорѣе вытекала изъ требованій его мысли и была постулатомъ морали: Вольтеру нуженъ былъ Творецъ міра и Верховный Судья человѣческихъ дѣлъ. „Философія, писалъ онъ, говоритъ намъ, что есть Богъ, но она не въ состояніи сказать, что такое Онъ есть, почему Онъ дѣйствуетъ, существуетъ ли Онъ во времени и пространствѣ, дѣйствовалъ ли Онъ только одинъ разъ или Онъ дѣйствуетъ постоянно. Нужно было бы стать самимъ Богомъ, чтобы знать все это". Вѣра въ откровеніе, вѣра, основанная на религіозномъ чувствѣ, не требуетъ доказательствъ бытія Божія, но въ философской религіи утвержденіе этого бытія доводами разума играетъ, наоборотъ, первостепенную роль. Вольтеръ ссылался охотно на всеобщее согласіе (consensus omnium gentium), которое, какъ доказательство, было опровергаемо Локкомъ, и пользовался другими, уже прежде существовавшими доводами, впослѣдствіи разбиравшимися Кантомъ. Первое доказательство Вольтера заключалось въ томъ, что мысль наша, восходя по ряду причинъ, останавливается передъ первою, самобытною причиною: она-то и есть Богъ, и это—причина разумная и сознательная, разъ существуемъ мы, разумныя и сознательныя существа: „Vous existez donc il y a un Dieu". Далѣе, наблюдаемая въ природѣ цѣлесообразность предполагаетъ Высшій разумъ, „какъ часы предполагаютъ сдѣлавшаго ихъ часовщика". Матерія, по представленію Вольтера, вѣчна, но создалъ изъ нея гармоническій міръ только Великій Зодчій. Самымъ главнымъ доказательствомъ бытія Бога у Вольтера было, однако, доказательство моральное: идея Бога была для него основаніемъ нравственности, залогомъ справедливости и возмездія. Вольтеръ не раздѣлялъ воззрѣнія Бэйля на возможность существованія государства атеистовъ. „Настоящая, говоритъ онъ, главная причина, почему вѣра въ Бога необходима, заключается, по моему мнѣнію, не въ метафизическихъ основаніяхъ, но въ томъ, что для общаго блага необходимъ Богъ, вознаграждающій и карающій. Кто признаетъ, что вѣра въ Бога удерживаетъ хоть нѣсколькихъ людей отъ преступленія, тотъ признаетъ, что эта вѣра должна быть принята всѣмъ человѣчествомъ". Эту свою мысль съ ссылкою на доказательства иной категоріи Вольтеръ выразилъ въ извѣстномъ двустишіи: „Если бы Бога не было, Его нужно было бы выдумать, но вся природа свидѣтельствуетъ о

томъ, что Онъ существуетъ" (si Dieu n'existait pas, il faudrait l'inventer, mais toute la nature crie, qu'il existe).—Откровенная религія объясняетъ существованіе зла въ мірѣ, религія философская, какою былъ деизмъ Вольтера, нуждалась въ своихъ объясненіяхъ того, почему Всеблагое Существо допускаетъ бытіе зла, т.-е. чувствовала нужду въ теодиціи, или оправданіи Божества. Такихъ теодицій писалось много, и наиболѣе извѣстными изъ нихъ были принадлежавшія англійскому поэту Попу (1688—1744) и нѣмецкому философу Лессингу, пока Кантъ особымъ сочиненіемъ о тщетности какихъ бы то ни было теодицій не положилъ конца этого рода попыткамъ. По воззрѣнію Попа, Богъ создалъ много міровъ, представляющихъ собою разныя ступени совершенства, и земля есть лишь одна изъ этихъ ступеней; Лейбницъ же училъ, что Богъ могъ создать только одинъ міръ, гдѣ добро превышаетъ зло, въ силу чего нашъ міръ есть наилучшій изъ возможныхъ. Эта проблема сильно занимала и Вольтера; онъ посвятилъ ей „Discours sur l'homme", гдѣ, ставъ на оптимистическую точку зрѣнія, возражаетъ Паскалю, утверждавшему, что въ мірѣ болѣе зла, чѣмъ добра; онъ посвятилъ ей также свои романы „Задигъ" и „Мемнонъ", въ которыхъ становится на точку зрѣнія Попа. Страшное лиссабонское землетрясеніе 1755 г. поколебало, однако, оптимизмъ Вольтера: оно, находилъ онъ, не могло быть карой за грѣхи, потому что въ такомъ случаѣ Богъ скорѣе покаралъ бы Парижъ. По случаю этого бѣдствія Вольтеръ написалъ оду и въ ней высказалъ ту мысль, что мы должны надѣяться, что все лучшее впереди хорошо, но что было бы самообманомъ распространять это и на настоящее: „un jour tout sera bien—voilà notre espérence; tout est bien aujourd'hui—voilà l'illusion". Романъ Вольтера „Кандидъ" уже представляетъ собою прямое осмѣяніе оптимизма; герой этого повѣствованія, человѣкъ вполнѣ нравственный и честный, терпитъ незаслуженныя несчастья, но остается безъ опредѣленнаго мнѣнія по спорному вопросу, а рядомъ съ нимъ выведены пессимистъ Мартинъ и доктринеръ оптимизма Панглоссъ, находящій все наилучшимъ въ этомъ наилучшемъ изъ міровъ. Между прочимъ, по поводу казни еретиковъ въ Португаліи Вольтеръ спрашиваетъ, что же дѣлается въ другихъ мірахъ, если такія вещи совершаются „въ семъ наилучшемъ изъ міровъ". Вольтеръ вообще часто возвращался къ мысли о злѣ въ мірѣ и высказывалъ предположеніе, что Богъ или не хотѣлъ, или не могъ устроить совершеннаго міра, какъ, напримѣръ, не могъ сдѣлать такъ, чтобы сумма угловъ треугольника была больше двухъ прямыхъ или чтобы организмъ могъ существовать безъ себялюбія. Вообще Вольтеръ постоянно колебался въ своихъ отвѣтахъ на занимавшіе его философскіе вопросы (напримѣръ, по вопросамъ о свободѣ воли, о врожденныхъ идеяхъ) и въ

нѣкоторыхъ отношеніяхъ *онъ чаще всего являлся представителемъ скептицизма и даже прямо невѣрія.* Онъ защищалъ скептицизмъ и теоретически называя истинными философами лишь тѣхъ, которые не знаютъ, что существуетъ, но прекрасно знаютъ, чего не существуетъ, а по частнымъ вопросамъ нерѣдко высказывался въ зависимости отъ настроенія духа. Напримѣръ, мы находимъ у него чисто скептическія мысли объ отношеніи Бога къ міру, о благости Божіей, о провиденціальномъ міроправленіи и т. п., и потому самый деизмъ его отличался непослѣдовательностью. Особенному сомнѣнію подвергался у Вольтера вопросъ о безсмертіи души, вѣра въ которое была вторымъ кардинальнымъ пунктомъ „естественной религіи". Разсужденія о природѣ души казались Вольтеру вопросомъ одного слѣпца другому о томъ, что такое свѣтъ, и онъ осмѣялъ метафизическіе споры на эту тему въ своемъ „Микромегасѣ", гдѣ одинъ ученый говоритъ, что душа есть аристотелева энтелехія, хотя смыслъ этого слова ему неизвѣстенъ, такъ какъ онъ всегда прибѣгаетъ къ греческимъ названіямъ, когда чего-либо не понимаетъ. Матеріалистическій взглядъ на душу вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, не удовлетворялъ Вольтера, и онъ говорилъ, что „не всегда у лучшихъ желудковъ бываютъ лучшія головы".

Мы уже упомянули, что литературная дѣятельность Вольтера была весьма разнообразная, и что онъ пользовался всѣми литературными родами и формами въ стихахъ и прозѣ, одами и трагедіями, романами и повѣстями, философскими трактатами и памфлетами, нерѣдко и невполнѣ пристойными произведеніями (въ родѣ Pucelle d'Orléans), чтобы пропагандировать свои идеи въ обществѣ, но особенно удачны были въ этомъ отношеніи его романы и повѣсти, въ которыхъ онъ являлся одновременно и моралистомъ, и сатирикомъ, и публицистомъ. Нельзя не указать и на историческіе труды Вольтера, сохраняющіе свои литературныя достоинства и по настоящее время („Исторія Карла XII", „Исторія Петра Великаго", „Исторія парижскаго парламента", „Анналы имперіи", „Вѣкъ Людовика XIV", „Вѣкъ Людовика XV"), но наиболѣе важное значеніе имѣетъ его „Опытъ о духѣ и нравахъ народовъ" (Essai sur les moeurs et l'esprit des nations, 1757), которымъ онъ положилъ начало философской исторіи культуры. Для Вольтера придворныя, дипломатическія и военныя событія уже не были главнымъ содержаніемъ исторіи, и въ этомъ отношеніи его вліяніе сказалось не только на французахъ, бравшихся послѣ него за историческія произведенія, но и на великихъ англійскихъ историкахъ XVIII в., каковы Гиббонъ („History of the decline and fall of the roman empire", 1776—1788), Робертсонъ (History of Charles V", 1769), Юмъ (History of England", 1752—1763), Фер-

гюссонъ („Essai on the history of civil society", 1767), хотя, конечно, на нихъ во многомъ (особенно на Юмѣ) сказался только общій духъ французскаго просвѣщенія. Самъ Вольтеръ, впрочемъ, въ своемъ „Опытѣ о духѣ и нравахъ народовъ" находился отчасти подъ вліяніемъ „Духа законовъ", Монтескье. Главный недостатокъ историко-философскаго міросозерцанія Вольтера заключается въ томъ, что онъ научную критику замѣнялъ простымъ здравымъ смысломъ и не умѣлъ относиться объективно ко многимъ явленіямъ прошлаго, стараясь, напримѣръ, всячески унизить христіанство и просто, какъ историческое явленіе.

Вольтеръ оказывалъ вообще весьма сильное вліяніе на другихъ писателей XVIII в., которые были моложе его годами. Руссо, напримѣръ, самъ говоритъ, что первой книгой, заставившей его серьезно поработать и возбудившей въ немъ стремленіе къ умственному труду, были „Lettres sur les Anglais", и что переписка Вольтера съ наслѣднымъ принцемъ прусскимъ внушила ему желаніе выработать себѣ такой же стиль, какъ у Вольтера. Или вотъ что писалъ Дидро, бывшій также значительно моложе фернейскаго философа: „если я назову его величайшимъ человѣкомъ, какого только произвела природа, найдутся люди, которые согласятся со мною; но если я скажу, что природа еще никогда не производила и, вѣроятно, никогда снова не произведетъ столь необыкновеннаго человѣка, то только одни его враги станутъ противорѣчить мнѣ".

XIII. Монтескье и его политическая теорія [1]).

Жизнь Монтескье.—«Персидскія письма».—Раннія политическія воззрѣнія Монтескье. — Его деизмъ. — Значеніе «Разсужденія о причинахъ величія и упадка римлянъ».—Двоякое значеніе «Духа законовъ».— Философская и ученая сторона «Духа законовъ».—Ученіе Монтескье о формахъ правленія вообще, о монархіи въ частности и о наслѣдственномъ дворянствѣ.—Ученіе Монтескье о свободѣ.—Раздѣленіе и равновѣсіе властей.—Изображеніе англійской конституціи въ «Духѣ законовъ». — Изложеніе конституціонной теоріи Монтескье. — Его взглядъ на современныя ему монархіи.

Монтескье принадлежалъ къ тому же поколѣнію, что и Вольтеръ. Разница въ ихъ годахъ была самая незначительная: Монтескье,

[1]) *Vian*. Histoire de Montesquieu.—*Сорель*. Монтескье (пер. М. Г. Васильевскаго). — *J. Schvarcza*. Montesquieu und die Verantwortlichkeit der Räthe des Monarchen in England, Aragonien, Ungarn, Siebenbürgen und Schweden. — *J. Janssen*. Montesquieu's Theorie von der Dreitheilung der Gewalten im Staate auf ihre Quelle zurückgeführt.—*М. Ковалевскій*. Статья о Монтескье въ приложеніи къ новому русскому переводу „Духа законовъ" (изд. Л. Ѳ. Пантелѣева).

родившійся въ годъ второй англійской революціи (1689), былъ только пятью годами старше Вольтера. „Патріахъ философовъ" пережилъ его, однако, на двадцать три года; Монтескье умеръ въ томъ году, когда Вольтеръ только еще переселился на жительство въ Женеву. Оба они и почти въ одно и то же время выступили на литературное поприще: Монтескье выпустилъ въ свѣтъ первое свое замѣчательное сочиненіе („Персидскія письма") въ 1721 г., черезъ три года послѣ того, какъ былъ поставленъ на сцену вольтеровъ „Эдипъ". Вліяніе Монтескье на свое время не было такъ сильно и многосторонне, какъ вліяніе его младшаго современника, зато онъ былъ *наиболѣе глубокимъ и вдумчивымъ политическимъ мыслителемъ своего вѣка, вліяніе котораго сказалось главнымъ образомъ на политическихъ событіяхъ, наступившихъ черезъ полвѣка послѣ его смерти.*

Біографія Монтескье несложна и не представляетъ такого интереса, какъ біографія Вольтера или Руссо, и ее можно разсказать въ двухъ-трехъ словахъ. Карлъ-Людовикъ Монтескье де ла Бредъ происходилъ изъ старинной дворянской фамиліи. По наслѣдству отъ своего дяди онъ получилъ мѣсто въ бордосскомъ парламентѣ, гдѣ былъ сначала совѣтникомъ (1714 г.), а потомъ президентомъ (1716). Впослѣдствіи онъ оставилъ эту должность, продавъ ее за деньги (1726). Въ 1728 г. онъ сдѣлался членомъ французской академіи и отправился путешествовать и посѣтилъ Германію, Австрію, Венгрію, Италію, Швейцарію и Англію. Возвратившись на родину, онъ жилъ главнымъ образомъ, какъ кабинетный ученый, работая надъ важнѣйшимъ своимъ трудомъ, „Духомъ законовъ", появленію котораго въ свѣтъ (въ 1748 г.) предшествовало, впрочемъ, другое важное его сочиненіе „О причинахъ величія и паденія римлянъ" (1737 г.). Умеръ Монтескье въ 1755 г., достигши шестидесятилѣтняго возраста. Въ послѣдніе годы жизни онъ почти ничего не писалъ, наслаждаясь европейскою славою, какую доставило ему его главное сочиненіе.

Первымъ замѣчательнымъ произведеніемъ Монтескье были „Lettres persanes" [1]), представляющія изъ себя сборникъ писемъ, которыя ако бы были написаны персидскими путешественниками по Европѣ. Это—сатира на современное общество, своего рода „Похвала глупости" XVIII столѣтія: „одно меня удивляло, говоритъ Ментескье въ своемъ предисловіи къ письмамъ, какъ могли эти персіане такъ хорошо изучить нравы и обычаи французской націи, и какъ могли они подмѣтить такія вещи, которыя навѣрно ускользнули отъ вниманія нѣмцевъ, путешествовавшихъ по Франціи"; а въ изображеніи нравовъ,

[1]) Есть въ русскомъ переводѣ (1892 г.). Выдержки сдѣланы по этому переводу.

обычаевъ и другихъ сторонъ жизни французовъ и заключается главнымъ образомъ содержанiе этого сатирическаго произведенiя. Персiане путешествуютъ въ послѣднiе годы царствованiя Людовика XIV и въ первые годы регентства, что даетъ Монтескье поводъ высказаться о системѣ покойнаго короля. „Французскiй король — самый могущественный государь во всей Европѣ. Къ тому же, этотъ король искусный чародѣй: онъ властвуетъ даже надъ умами своихъ подданныхъ и заставляетъ ихъ думать все, что ему угодно. Онъ увѣрилъ ихъ даже въ томъ, что однимъ своимъ прикосновенiемъ можетъ излѣчить ихъ отъ всевозможныхъ болѣзней, до такой степени сильна его власть надъ всѣми умами. Не разъ слыхали, какъ онъ говорилъ, что турецкое государство и царство нашего августѣйшаго султана было бы ему больше по вкусу, чѣмъ всѣ другiя государства въ свѣтѣ; такъ онъ высоко ставитъ восточную политику“ и т. д. „Королевская милость, пишетъ еще одинъ персiанинъ, считается у французовъ самымъ главнымъ божествомъ. Министръ не что иное, какъ великiй жрецъ, приносящiй ему многочисленныя жертвы. Его приближенные не носятъ бѣлыхъ одеждъ: то они ему приносятъ жертвы, то приносятъ ихъ самихъ въ жертву, и они поклоняются своему идолу наравнѣ съ прочимъ народомъ. Въ Европѣ государственное право лучше извѣстно, чѣмъ въ Азiи, а между тѣмъ можно сказать, что страсти государей, долготерпѣнiе народовъ и лесть сочинителей извратили его основные принципы. Теперь это право не что иное, какъ наука, которая учитъ государей тому, насколько они могутъ нарушать правосудiе безъ ущерба своимъ интересамъ. Неограниченная власть нашихъ высокихъ султановъ, которая не руководится никакими посторонними соображенiями, порождаетъ не болѣе чудовищъ, чѣмъ это недостойное искусство, которое стремится извратить справедливость, хотя она должна быть непреклонной“. „Говорятъ,—читаемъ мы еще,—что характеръ западнаго короля только тогда можетъ опредѣлиться, когда онъ пройдетъ черезъ два великiя испытанiя: любовницу и духовника“, и это мѣсто оказалось своего рода пророчествомъ по отношенiю къ Людовику XV.

Изображая французскую монархiю, какъ восточную деспотiю, Монтескье въ одномъ мѣстѣ высказываетъ республиканскiя воззрѣнiя, отъ которыхъ позже онъ отказался. Именно въ письмахъ XI—XIV излагается исторiя троглодитовъ, умертвившихъ своего короля, перебившихъ всѣхъ сановниковъ и наконецъ истребившихъ другъ друга; остались только два добродѣтельныхъ человѣка, отъ которыхъ произошло новое, добродѣтельное же племя, жившее долго въ невинности и благочестiи; когда троглодиты размножились, они выбрали въ короли одного добродѣтельнаго старца, на котораго, однако, это произвело

тягостное впечатлѣніе, и онъ даже заплакалъ, собираясь умереть съ горя отъ того, что ему пришлось видѣть, какъ троглодиты, которые были свободны, когда онъ родился, попадаютъ теперь въ неволю (de les voir assujettis.). Такимъ образомъ Монтескье, который впослѣдствіи доказывалъ, что лишь въ однѣхъ монархіяхъ возможна свобода, въ эпоху „Персидскихъ писемъ" отождествлялъ установленіе королевской власти съ введеніемъ политическаго рабства. Онъ даже сомнѣвался въ возможности существованія монархіи, которую, какъ мы увидимъ, понималъ въ смыслѣ старой монархіи сословной. „Большая часть европейскихъ государствъ, говоритъ онъ въ „Персидскихъ письмахъ", суть государства монархическія, или, по крайней мѣрѣ, такъ называются; не знаю, существовали ли они и въ самомъ дѣлѣ, но во всякомъ случаѣ трудно себѣ представить, чтобы они надолго сохранили монархическое устройство во всей его чистотѣ. Это острое состояніе всегда переходитъ въ деспотизмъ или республику. Власть никогда не можетъ быть поровну раздѣлена между народомъ и государемъ; она непремѣнно усиливается на сторонѣ одного и уменьшается на сторонѣ другого; но обыкновенно преимущественно на сторонѣ государя, такъ какъ онъ стоитъ во главѣ войска". Обращаясь къ современной ему дѣствительности, Монтескье и находитъ, что европейскіе короли „обладаютъ такой властью, какой сами захотятъ".

Таковы были раннія политическія воззрѣнія Монтескье, насколько они выразились въ „Персидскихъ письмахъ". Отмѣтимъ еще, что въ этомъ произведеніи онъ является въ религіозномъ отношеніи деистомъ; здѣсь было разсѣяно имъ немало отдѣльныхъ замѣчаній о религіи вообще, а въ частности о христіанствѣ, папствѣ, духовенствѣ, религіозныхъ преслѣдованіяхъ, богословскомъ комментаторствѣ и т. п., и все это было написано въ деистическомъ или скептическомъ духѣ.

Вторымъ крупнымъ произведеніемъ Монтескье было „Разсужденіе о причинахъ величія и паденія римлянъ", написанное на историческую тему, но съ точки зрѣнія политика. Въ исторіи политическаго мышленія, бывшаго въ XVIII в. раціоналистическимъ, Монтескье, также заплатившій свою дань раціонализму, былъ, однако, человѣкомъ, впервые задумавшимъ поставить политическую науку на историческую почву. Исходя изъ той идеи, что у людей во всѣ времена были однѣ и тѣ же страсти, онъ хотѣлъ найти основныя причины историческихъ перемѣнъ, какъ бы послѣднія ни разнились между собою, и думалъ достигнуть этого, изучая именно дѣйствіе страстей въ исторіи. Своей концепціей общихъ причинъ (causes générales), проявляющихся въ жизни народовъ, Монтескье значительно способствовалъ развитію научнаго духа къ исторіографіи. Въ этомъ отношеніи онъ раздѣляетъ съ Вольтеромъ честь стоять во главѣ

новѣйшей исторической науки. То, что было начато „Разсужденіемъ", было завершено главнымъ трудомъ Монтескье „Духомъ законовъ", на который *можно смотрѣть съ двухъ точекъ зрѣнія: какъ на ученое изслѣдованіе, занимающее весьма важное мѣсто въ развитіи исторической науки, государствовѣдѣнія, юриспруденціи, и какъ на политическій трактатъ, оказавшій большое вліяніе на самую политическую жизнь.* По общему характеру нашего изложенія, второе значеніе „Духа законовъ" должно быть выдвинуто впередъ, но и съ чисто научной стороны этотъ важнѣйшій трудъ Монтескье заслуживаетъ особаго вниманія.

Надъ „Esprit des lois" Монтескье работалъ цѣлыя двадцать лѣтъ, начавъ эту свою книгу въ 1729 г. и выпустивъ ее въ свѣтъ въ 1748 г. Онъ собралъ громадный историческій и этнографическій матеріалъ, на основніи котораго строилъ свои заключенія или которымъ иллюстрировалъ и доказывалъ свои положенія. Онъ стремился открыть законы или „необходимыя отношенія, вытекающія изъ природы вещей", для человѣческаго общества и въ этомъ отношеніи былъ однимъ изъ предшественниковъ новѣйшей соціологіи, хотя слово „законъ" употреблялось у него далеко не въ научномъ смыслѣ, такъ какъ въ одномъ и томъ же понятіи онъ смѣшивалъ законы разума, закона природы и законы въ юридическомъ смыслѣ. Общая точка зрѣнія Монтескье — раціоналистическая: „есть, говоритъ онъ, первичный разумъ, и законы суть отношенія, существующія между нимъ и разными существами, и взаимныя отношенія этихъ существъ; нужно, прибавляетъ онъ, признать отношенія справедливости, предшествующія положительному закону, который ихъ устанавливаетъ". Конечно, эти заявленія имѣютъ чисто раціоналистическій характеръ. „Законъ вообще, говоритъ еще Монтескье, есть человѣческій разумъ, поскольку онъ управляетъ всѣми народами земли, а политическіе и гражданскіе законы каждой націи должны быть лишь частными случаями приложенія этого человѣческаго разума". Въ сущности, однако, Монтескье разсматриваетъ политическіе и гражданскіе законы, лишь какъ слѣдствія разныхъ условій, въ зависимости отъ которыхъ слагается историческая жизнь народа. По его представленію законы возникаютъ не по человѣческому произволу, а суть результаты дѣйствія многихъ факторовъ, каковы природа страны, ея климатъ (вліяніе климата— любимая тема Монтескье), образъ жизни ея населенія, нравы, обычаи, правительственная форма, религія (которую Монтескье разсматриваетъ, какъ всякое другое учрежденіе) и т. п. Совокупность всѣхъ этихъ отношеній онъ и назвалъ „духомъ законовъ". Въ частности онъ является здѣсь историкомъ и юристомъ. Нѣкоторые отдѣлы книги, не говоря уже о разбросанныхъ повсюду мѣстахъ историческаго ха-

рактера, суть прямо небольшія историческія изслѣдованія (напримѣръ, въ концѣ разсужденія о „варварскихъ правдахъ“ и о феодальномъ правѣ). Кромѣ того, Монтескье касается практическихъ вопросовъ государственнаго международнаго, гражданскаго и уголовнаго, полицейскаго и финансоваго права, благодаря чему „Духъ законовъ“ сдѣлался настольною книгою для государственныхъ людей XVIII в. (какъ въ XVI в. „Государь“ Макіавелли). Недаромъ, напримѣръ, Екатерина II, составляя свой знаменитый „Наказъ“, обобрала, какъ она сама выражается, президента Монтескье, повторивъ въ этомъ своемъ произведеніи множество мѣстъ изъ его „Духа законовъ“. Въ дальнѣйшемъ, впрочемъ, мы будемъ разсматривать Монтескье, не какъ философа, историка и юриста, а какъ публициста, политическія воззрѣнія котораго интересны съ двухъ точекъ зрѣнія: съ одной стороны, мы познакомимся съ тѣмъ, какъ смотрѣлъ Монтескье на современную ему Францію, и каковъ былъ его государственный идеалъ, съ другой узнаемъ тѣ идеи, подъ вліяніемъ которыхъ происходило конституціонное движеніе, начавшееся въ эпоху французской революціи.

Въ своемъ политическомъ ученіи Монтескье *является сторонникомъ монархіи въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала въ эпоху сословно-представительныхъ учрежденій или въ современной ему Англіи.* Дѣля всѣ государства на республиканскія, монархическія и деспотическія, онъ разумѣетъ подъ монархіей такое правленіе, гдѣ „правитъ одинъ, но на основаніи опредѣленныхъ и установленныхъ законовъ“, которые и называются у него les lois fondamentales, причемъ, по его мнѣнію, для того, чтобы образовать монархическое правленіе, нужны еще „посредствующія, подчиненныя и зависимыя власти“. Такую власть Монтескье видитъ прежде всего въ сословіи, къ которому принадлежалъ самъ: „самымъ естественнымъ“ онъ признаетъ, чтобы это мѣсто занималось въ государствѣ дворянствомъ (noblesse), и говоритъ, что „гдѣ нѣтъ монарха, тамъ нѣтъ дворянства, и гдѣ нѣтъ дворянства, тамъ нѣтъ монарха, а есть только деспотъ“. „Уничтожьте въ монархіи, прибавляетъ онъ, прерогативы (т.-е. привилегіи) сеньеровъ, духовенства, дворянства и городовъ, и у васъ скоро будетъ или демократія (un état populaire), или деспотія“. Кромѣ дворянства, онъ считалъ нужнымъ въ монархіи существованіе еще особаго „хранилища законовъ“ (un dépôt de lois) въ видѣ политическихъ корпорацій, которыя объявляютъ законы, когда они изданы (lorsqu'elles sont faites), и напоминаютъ о нихъ, если они забываются. „Невѣжество, свойственное дворянству, говоритъ онъ, его нерадѣніе, его презрѣніе къ гражданской службѣ требуютъ, чтобы существовала корпорація, которая постоянно извлекала бы законы

изъ-подъ пыли, подъ которою въ противномъ случаѣ они были бы погребены". Не называя учрежденія, Монтескье здѣсь разумѣетъ, конечно, парламенты, въ одномъ изъ которыхъ онъ самъ занималъ должности совѣтника и президента. Отъ сущности или природы (nature) того или другого образа правленія Монтескье отличаетъ дальше его принципъ, противополагая данному устройству (structure particulière) тѣ силы, которыя приводятъ его въ движеніе, и разумѣя подъ послѣдними извѣстныя человѣческія страсти. По его мнѣнію, не нужно большой честности (probité) для поддержки монархіи или деспотіи: въ первой сила законовъ, въ другой „всегда поднятая рука государя" все приводятъ въ порядокъ, но „въ демократіи, говоритъ Монтескье, нужна еще лишняя пружина", и этою пружиною онъ считаетъ доблесть (la vertu), которая замѣняется въ аристократіи умѣренностью въ пользованіи властью. Въ монархіи мѣсто указанныхъ принциповъ заступаетъ чувство чести (l'honneur), которое Монтескье опредѣляетъ, какъ извѣстный „предразсудокъ (préjugé) каждаго лица или каждаго состоянія, и это связывается у него прямо съ ученіемъ о дворянствѣ, какъ необходимой принадлежности монархіи. Дѣло въ томъ, что „монархическое правленіе, по его опредѣленію, предполагаетъ извѣстныя преимущества, ранги и даже наслѣдственное дворянство (noblesse d'origine)", а сущность чувства чести и заключается въ томъ, чтобы требовать предпочтеній и отличій: и вотъ по самому существу вещи оно и находится (est placé) въ этомъ государственномъ устройствѣ. Честолюбіе (ambition), продолжаетъ Монтескье, гибельно въ республикѣ, но оно приноситъ хорошіе результаты въ монархіи: оно даетъ жизнь этому правленію, и выгода здѣсь заключается въ томъ, что честолюбіе тутъ неопасно, такъ какъ можетъ постоянно быть подавляемо". Наконецъ, принципомъ деспотіи Монтескье считаетъ страхъ. Въ особой „книгѣ" Монтескье доказываетъ, далѣе, что законы должны сообразоваться съ принципомъ даннаго государственнаго устройства. Именно съ точки зрѣнія, дѣлавшей принципомъ монархіи чувство чести, онъ требовалъ, чтобы законы поддерживали (travaillent à soutenir) дворянство, такъ сказать, порождаемое честью и ее рождающее. „Нужно, прибавляетъ онъ, чтобы законы сдѣлали наслѣдственнымъ это званіе, не для того, чтобы оно отдѣляло могущество государя отъ слабости народа, но чтобы служило между обоими связью". Въ данномъ случаѣ Монтескье *является защитникомъ дворянскихъ привилегій, основанныхъ на соціальномъ феодализмѣ:* „дворянскія земли (les terre nobles), говоритъ онъ, должны пользоваться привилегіями, какъ и лица благороднаго происхожденія. Нельзя отдѣлить достоинство монарха отъ достоинства его королевства, и равнымъ образомъ нельзя разлучить до-

стоинство дворянина (d'un noble) отъ достоинства его феода" (de son fief). Съ этой точки зрѣнія Монтескье допускаетъ лишь въ монархіяхъ учрежденіе маіората. Или, напримѣръ, Монтескье не допускалъ, чтобы въ республикахъ можно было отказываться отъ предлагаемой должности, видя въ предложеніи должности знакъ довѣрія къ доблести гражданина, долженствующаго жить, дѣйствовать и думать только ради отечества, но онъ думалъ, что въ монархіяхъ отказываться отъ предлагаемыхъ должностей можно, какъ отъ „свидѣтельствъ чести", ибо „таково уже странное свойство (la bezarrerie) чувства чести, что оно принимаетъ лишь то, что хочетъ, и тѣмъ способомъ, какимъ хочетъ". Тутъ же выражаетъ Монтескье и ту мысль, что продажность должностей (существовавшая, какъ извѣстно, во Франціи) „хороша лишь въ государствахъ монархическихъ, ибо она заставляетъ исполнять въ качествѣ фамильнаго ремесла то, что не стали бы дѣлать вслѣдствіе доблести предначертываетъ каждому его обязанность и позволяетъ распоряженіямъ государства быть болѣе прочными". Такимъ образомъ Монтескье защищалъ и наслѣдственность мѣстъ въ парламентѣ; еще Вольтеръ обратилъ вниманіе на то, что самъ авторъ „Духа законовъ" получилъ по наслѣдству такую должность отъ своего дяди. Въ этой же „книгѣ" Монтескье даетъ такое изображеніе деспотизма: „когда дикари Луизіаны хотятъ сорвать съ дерева плодъ, они срубаютъ дерево и срываютъ плодъ,— таково и деспотическое правленіе". „Въ деспотическомъ правленіи, говоритъ еще Монтескье, власть цѣликомъ переходитъ въ руки того, кому ее вручаютъ. Визирь самъ является деспотомъ, и каждый отдѣльный чиновникъ (officier) есть визирь. Въ монархическомъ правленіи власть примѣняется не такъ непосредственно: вручая ее, монархъ ее и умѣряетъ. Онъ такъ распредѣляетъ свой авторитетъ, что никогда не отдаетъ кому-либо одну его часть, не удерживая за собою другой, большей". Каждое правленіе приходитъ въ упадокъ, когда искажается (se corrompt) его принципъ, но „принципъ деспотизма постоянно портится, ибо онъ испорченъ въ самомъ своемъ существѣ". Что касается до другихъ формъ правленія, то прежде всего „принципъ демократіи искажается не только когда утрачивается духъ равенства, но и когда происходитъ крайнее развитіе самаго равенства и каждый хочетъ быть равнымъ тѣмъ, кого онъ выбираетъ для начальствованія надъ собою". Точно такъ же и „аристократія искажается, когда власть благородныхъ дѣлается произвольною: въ такомъ случаѣ не можетъ быть уже доблести ни въ управляющихъ, ни въ управляемыхъ". „Какъ демократіи гибнутъ, когда народъ лишаетъ сенатъ, сановниковъ и судей ихъ должностей, такъ и монархіи портятся, когда отнимаютъ постепенно прерогативы сосло-

вій (corps) и привилегіи городовъ... Монархія гибнетъ, когда государь, относя все исключительно къ самому себѣ, притягиваетъ все государство къ столицѣ, столицу къ своему двору, а дворъ къ собственной своей особѣ". Въ данномъ мѣстѣ Монтескье разумѣлъ Людовика XIV, на что указываетъ одно аналогичное замѣчаніе въ „Персидскихъ письмахъ".

Монархистъ и аристократъ, Монтескье былъ вмѣстѣ съ тѣмъ *проповѣдникомъ индивидуальной и политической свободы*. Этому предмету онъ посвятилъ XI и XII „книги" „Духа законовъ" разсмотрѣвъ въ одной „законы, образующіе политическую свободу въ ея отношеніи къ государственному устройству (constitution)", а въ другой— отношеніе свободы къ гражданину. Въ послѣднемъ смыслѣ свобода, по его опредѣленію, заключается въ личной безопасности (sûreté) или въ увѣренности (opinion) касательно этой безопасности: все содержаніе XII „книги" относится къ огражденію личныхъ правъ, и съ этой же точки зрѣнія Монтескье разсматриваетъ свободу и въ ея отношеніи къ государственному устройству. Указавъ на то, что слову „свобода" даются самыя разнообразныя значенія, онъ предостерегаетъ отъ смѣшенія власти народа (le pouvoir du peuple) съ свободою народа (la liberté du peuple). „Свободу, говоритъ онъ, обыкновенно помѣщаютъ въ республикахъ и думаютъ, что ея не существуетъ въ монархіяхъ. Дѣйствительно, продолжаетъ онъ, въ демократіяхъ народъ, повидимому, дѣлаетъ все, что хочетъ, но политическая свобода вовсе не въ томъ заключается, чтобы дѣлать все, что захочешь. Въ государствѣ, т.-е. въ обществѣ, имѣющемъ законы, свобода можетъ состоять лишь въ томъ, чтобы имѣть возможность дѣлать то, чего должно хотѣть, и не быть принуждаемымъ къ дѣланію того, чего не должно хотѣть... Свобода есть право дѣлать все, что дозволяютъ законы, и если бы гражданинъ могъ дѣлать то, что ими запрещается, не могло бы больше быть свободы, ибо и другіе точно такъ-же имѣли бы подобную власть". Давъ такое опредѣленіе свободы, Монтескье высказываетъ мысль, что возможною бываетъ она лишь въ монархіяхъ. „Демократія и аристократія, говоритъ онъ, не суть государства свободныя по самой своей природѣ. Политическая свобода встрѣчается лишь при умѣренныхъ правленіяхъ. Но она и не всегда бываетъ въ умѣренныхъ государствахъ: она существуетъ въ нихъ лишь тогда, когда не происходитъ злоупотребленія властью". Разсуждая такимъ образомъ, Монтескье имѣлъ въ виду античныя и современныя ему республики, въ которыхъ *не было раздѣленія и равновѣсія властей, считавшагося имъ за главную гарантію свободы*. „Дабы не могло быть злоупотребленія властью, продолжаетъ онъ, чтобы вслѣдствіе самаго расположенія вещей

одна власть сдерживала другую (le pouvoir arrête le pouvoir). Государственное устройство можетъ быть таково, что никто не будетъ принуждаемъ дѣлать вещи, которыхъ законъ не обязываетъ его дѣлать,—и никому не будетъ препятствовать дѣлать то, что законъ ему разрѣшаетъ". Ученіе о равновѣсіи отдѣленныхъ одна отъ другой властей—центральный пунктъ политической теоріи Монтескье: эту-то мысль онъ и развиваетъ въ знаменитой шестой главѣ XI книги, носящей титутъ—„объ англійской конституціи". Хотя уже давно указывали на то, что большую часть изложенныхъ здѣсь принциповъ авторъ „Духа законовъ" заимствовалъ изъ „Трактата о правительствѣ" Локка, кромѣ того, для ученія Монтескье находили и иные источники, но во всякомъ случаѣ въ Англіи, гдѣ дѣйствительно оно имѣетъ свое начало, тѣмъ не менѣе полное свое развитіе идея раздѣленія властей получила лишь въ „Духѣ законовъ Монтескье", и не только была принята отъ него въ многія книги по государственному праву, какъ самое основное правило политики, послуживъ и для самихъ англичанъ руководящею идеей при разработкѣ теоріи ихъ конституціи, но даже *легла въ основу политическаго законодательства въ эпоху французской революціи,* когда было даже заявлено, что государство безъ раздѣленія властей не имѣетъ конституціи (въ томъ новомъ значеніи, какое получило тогда послѣднее слово).

Было время, когда сами англичане думали, что изображеніе англійской конституціи, сдѣланное Монтескье на нѣсколькихъ страницахъ указанной главы, вполнѣ совпадаетъ съ дѣйствительностью, но въ настоящую минуту историки сильно критикуютъ „Духъ законовъ" съ этой стороны, имѣя на то, дѣйствительно, весьма вѣскія основанія. Указавъ въ главѣ 5, что въ мірѣ есть нація, ставящая прямою цѣлью своей конституціи политическую свободу, Монтескье обѣщаетъ разсмотрѣть принципы, на которыхъ она основывается, но онъ не даетъ при этомъ подробнаго описанія этой конституціи, не разсказываетъ ея исторіи, не приводитъ ея главныхъ законоположеній, не иллюстрируетъ своихъ тезисовъ историческими примѣрами, ходячими формулами англійскаго государственнаго права, заявленіями государственныхъ людей и писателей Англіи о ея конституціи или объ отдѣльныхъ частяхъ и сторонахъ послѣдней. Монтескье не только проглядѣлъ многія важныя особенности англійскаго государственнаго устройства, но и представилъ его, какъ цѣлое, не въ надлежащемъ свѣтѣ, потому что списывалъ свое изображеніе не съ самаго предмета, а съ политической теоріи Локка, которая, конечно, не одно и то же, что дѣйствительная англійская конституція. Не приступая еще къ пересказу воззрѣній Монтескье, мы отмѣтимъ, что онъ проглядѣлъ коронныхъ судей, дѣйствующихъ рядомъ съ присяжными, проглядѣлъ

парламентарное министерство, или кабинетъ, какъ комитетъ большинства „законодательнаго учрежденія“, пользующійся исполнительною властью, проглядѣлъ, наконецъ и англійское мѣстное самоуправленіе, играющее такую роль въ исторіи англійской политической свободы, и многое изъ того, что онъ такимъ образомъ проглядѣлъ или чего не зналъ, какъ-разъ противорѣчитъ его общему представленію о строгомъ раздѣленіи властей въ Англіи. Вопреки завѣреніямъ Монтескье, въ этой странѣ скорѣе произошло, наоборотъ, сосредоточеніе верховной власти въ парламентѣ, такъ какъ парламенту принадлежала законодательная власть, а въ извѣстныхъ случаяхъ и власть судебная: исполнительная же власть, которую Монтескье отдаетъ королю, была на дѣлѣ въ рукахъ министровъ, зависѣвшихъ отъ парламентскаго большинства. Но если изображеніе англійской конституціи, сдѣланное въ „Духѣ законовъ“, не соотвѣтствовало дѣйствительности, то въ немъ дана была цѣлая система принциповъ, оказавшихъ сильное вліяніе на политическую мысль и политическое законодательство послѣдующаго времени. Именно Монтескье выдвигаетъ на первый планъ ту идею, что правильное государственное устройство должно гарантировать личную неприкосновенность. Указанная система принциповъ кажется Монтескье приложимою повсюду, и какъ-разъ то обстоятельство, что авторъ „Духа законовъ“ изображалъ не настоящую англійскую конституцію со всѣми ея корнями въ прошломъ страны, со всѣми ея основаніями въ соціальномъ строѣ, нравахъ и привычкахъ націи, а совершенно абстрактную схему, какъ бы продиктованную самимъ разумомъ,—и было причиною того, что его пониманіе конституціи могло сдѣлаться предметомъ пропаганды. Если отступленіе французской монархіи отъ ея „традиціонной конституціи“ должно было разсматриваться, какъ ея порча, ведущая къ деспотизму, то и съ точки зрѣнія теоріи, изложенной въ кн. XI, гл. 6 „Духа законовъ“, абсолютная королевская власть во Франціи должна была казаться узурпаціей.

Таковъ характеръ главы, которую мы теперь изложимъ по возможности словами подлинника.

„Въ каждомъ государствѣ, говоритъ Монтескье, есть троякаго рода власть: власть законодательная, власть исполнительная въ дѣлахъ, относящихся къ области международнаго права, и власть исполнительная въ дѣлахъ, касающихся гражданскаго права“. Эту послѣднюю власть онъ предлагаетъ назвать судебною, а предшествующую ей просто исполнительной властью въ государствѣ. „Политическая свобода въ гражданинѣ, продолжаетъ Монтескье, есть то спокойствіе духа, которое происходитъ отъ увѣренности каждаго въ своей безопасности, а для того, чтобы обладать этой свободой, надо, чтобы

правительство было таково, чтобы ни одному гражданину не пришлось бояться другого. Если въ рукахъ одного и того же лица или учрежденія власть законодательная соединена съ исполнительной,—свободы не существуетъ, такъ какъ можно бояться, чтобы одинъ и тотъ же монархъ или одинъ и тотъ же сенатъ не создавали тиранническихъ законовъ для того, чтобы самимъ же ихъ приводить въ исполненіе тиранническимъ образомъ. Нѣтъ свободы и въ томъ случаѣ, если власть судебная не отдѣлена отъ законодательной и исполнительной. Если бы она была соединена съ законодательною властью,—власть надъ жизнью и свободой гражданъ была бы произвольной: ибо судья былъ бы законодателемъ. Если бы она была соединена съ исполнительною властью, судья могъ бы имѣть силу притѣснителя. Все было бы потеряно, если бы одинъ и тотъ же человѣкъ, или одна и та же корпорація начальниковъ, или знати, или народа распоряжалась всѣми тремя видами власти: властью создавать законъ, властью приводить въ исполненіе общественныя рѣшенія и властью судить преступленія и разрѣшать тяжбы частныхъ лицъ". Вотъ теоретическія основанія всей системы Монтескье. Судебную власть онъ прямо не совѣтуетъ „вручать постоянному сенату: она должна находиться въ рукахъ людей, взятыхъ изъ среды народа въ опредѣленное время года, способомъ, предписаннымъ закономъ, для образованія суда, который дѣйствовалъ бы лишь столько времени, сколько требуетъ необходимость. Такимъ образомъ, говоритъ Монтескье, судебная власть, которая кажется такой страшной въ глазахъ людей, не будучи болѣе исключительнымъ достояніемъ ни извѣстнаго сословія, ни извѣстной профессіи, становится, такъ сказать, незамѣтной и несуществующей (invisible et nulle): судей постоянно предъ глазами нѣтъ, и начинаютъ бояться учрежденія, а не лицъ, его составляющихъ. Нужно даже, чтобы въ случаѣ особенно важныхъ обвиненій, обвиняемый самъ выбиралъ своихъ судей, или по крайней мѣрѣ, чтобы онъ могъ отвести настолько значительное число изъ нихъ, чтобы оставшіеся могли считаться судьями по его выбору". Вотъ здѣсь мы и видимъ изображеніе англійскаго суда присяжныхъ съ полнымъ отсутствіемъ коронныхъ судей. Что касается до двухъ другихъ видовъ власти, то Монтескье ихъ отдаетъ въ руки „постоянныхъ правительственныхъ лицъ или учрежденій, такъ какъ эти виды власти не затрогиваютъ интересовъ частнаго лица, представляя изъ себя не что иное, какъ первый—только общую волю государства, а второй — исполненіе этой воли". Первая отдается имъ народному представительству, вторая—монарху. „Такъ какъ, разсуждаетъ Монтескье, въ свободномъ государствѣ всякій, имѣющій свободную душу, долженъ былъ бы быть управляемъ самъ собою, то слѣдовало бы, чтобы весь народъ въ полномъ своемъ составѣ обладалъ законо-

дательной властью; но такъ какъ это невозможно въ большихъ государствахъ, а въ маленькихъ сопряжено со множествомъ неудобствъ, то нужно, чтобы народъ при посредствѣ своихъ представителей дѣлалъ то, чего самъ дѣлать не въ состояніи. Люди знаютъ нужды собственнаго города гораздо лучше, чѣмъ нужды другихъ городовъ, и о способности своихъ сосѣдей судятъ гораздо вѣрнѣе, чѣмъ о способностяхъ другихъ своихъ соотечественниковъ. Поэтому не слѣдуетъ, чтобы члены законодательнаго учрежденія были взяты безразлично изъ всей націи: надо, чтобы въ каждомъ главномъ мѣстѣ жители выбирали себѣ представителя... Всѣ граждане, говоритъ Монтескье нѣсколько далѣе, въ различныхъ округахъ должны пользоваться правомъ голоса при выборѣ представителя, за исключеніемъ тѣхъ. которые находятся въ такомъ приниженіи (dans un tel état de bassesse), что не могутъ считаться имѣющими собственную волю". Но въ Англіи, кромѣ палаты общинъ, которую въ данномъ случаѣ имѣетъ въ виду Монтескье, есть еще верхняя палата, которая должна была соотвѣтствовать и аристократическимъ его симпатіямъ, и вотъ какъ онъ мотивируетъ ея существованіе. „Въ каждомъ государствѣ есть люди, отличающіеся своимъ происхожденіемъ, богатствомъ или почестями; если бы они были смѣшаны съ народомъ, и если бы у нихъ, наравнѣ со всѣми другими, былъ только одинъ голосъ, общая свобода сдѣлалась бы ихъ рабствомъ, и у нихъ не было бы никакого интереса ее защищать, такъ какъ большая часть рѣшеній была бы противъ нихъ. Поэтому участіе ихъ въ законодательствѣ должно быть пропорціонально прочимъ преимуществамъ, которыми они пользуются въ государствѣ, а это произойдетъ, если они образуютъ особое учрежденіе, которое имѣло бы право останавливать предпріятія народа, подобно тому, какъ народъ имѣетъ право останавливать ихъ предпріятія... Корпорація знати должна быть наслѣдственной. Она наслѣдственна, во-первыхъ, по самому своему существу, и во-вторыхъ, необходимо, чтобы она имѣла очень большой интересъ въ сохраненіи своихъ прерогативъ, ненавистныхъ самихъ по себѣ, а въ свободномъ государствѣ тѣмъ болѣе подверженныхъ постоянной опасности". Наконецъ, исполнительная власть отдается у Монтескье монарху, такъ какъ эта часть правленія, требуя почти всегда быстраго дѣйствія, завѣдуется лучше однимъ человѣкомъ, чѣмъ многими, тогда какъ то, что зависитъ отъ законодательной власти, часто лучше ведется многими, чѣмъ однимъ. Если бы не было монарха и исполнительная власть была бы вручена извѣстному числу лицъ, взятыхъ изъ законодательнаго учрежденія, свободы бы больше не существовало, такъ какъ обѣ власти были бы соединены вслѣдствіе того, что одни и тѣ же лица принимали бы иногда и всегда могли бы принимать участіе въ обѣ-

ихъ". Вотъ въ этомъ разсужденiи Монтескье и видно, что онъ совсѣмъ не обратилъ вниманiя на кабинетъ, существованiе котораго въ Англiи, ни малѣйшимъ образомъ не противорѣчащее политической свободѣ, опровергаетъ разсужденiе Монтескье.

Указавъ на необходимость перiодическихъ созывовъ законодательнаго учрежденiя и на необходимость перiодическихъ обновленiй его состава, Монтескье разсматриваетъ далѣе взаимныя отношенiя обѣихъ властей. „Законодательное учрежденiе, говоритъ онъ, отнюдь не должно собираться само собою, ибо всякое учрежденiе только тогда считается имѣющимъ волю, когда оно находится въ сборѣ, и если бы оно не собиралось единодушно, нельзя бы было сказать, которая изъ его двухъ частей составляетъ настоящее законодательное собранiе: та ли, которая бы находилась въ сборѣ, или другая. Если бы оно имѣло право само себя отсрочивать, то могло бы случиться, что оно никогда бы себя не отсрочивало, а это было бы опаснымъ въ томъ случаѣ, если бы оно сдѣлало покушенiе противъ исполнительной власти... Поэтому необходимо, чтобы исполнительная власть опредѣляла время засѣданiя и продолжительность собранiй, сообразно съ обстоятельствами, которыя ей извѣстны. Если исполнительная власть не имѣетъ права останавливать предпрiятiя законодательнаго учрежденiя, послѣднее будетъ деспотическимъ; ибо такъ какъ оно будетъ въ состоянiи дать себѣ всю ту власть, какая ей можетъ вздуматься то она уничтожитъ всѣ остальныя власти. Но не слѣдуетъ, чтобы законодательная власть съ своей стороны имѣла право останавливать исполнительную: такъ какъ исполнительная власть, по самой сущности своей, есть власть ограниченная, то ее ограничивать безполезно, не говоря уже о томъ, что исполнительная власть дѣйствуетъ только по отношенiю къ вещамъ преходящимъ. Но если въ свободномъ государствѣ законодательная власть не должна имѣть право останавливать власть исполнительную, она имѣетъ право и должна имѣть возможность слѣдить за тѣмъ, какимъ образомъ законы, которые она создала, были приведены въ исполненiе... Каковъ бы, однако, ни былъ этотъ контроль, законодательное учрежденiе ни въ какомъ случаѣ не должно имѣть права судить личность, а слѣдовательно и поведенiе того, который исполняетъ. Его особа должна быть священна, ибо она необходима государству для того, чтобы зеконодательное учрежденiе не сдѣлалось въ немъ тиранническимъ: съ того момента, когда она была бы предана обвиненiю и суду, свободы больше не существовало бы. Въ подобнаго рода случаяхъ государство было бы не монархiей, но несвободной республикой. Но такъ какъ тотъ, кто исполняетъ, не можетъ ничего дурно исполнять безъ дурныхъ совѣтниковъ, которые ненавидятъ законы, какъ министры, хотя эти за-

коны и защищаютъ ихъ, какъ людей, послѣдніе (т.-е. эти совѣтники) могутъ разыскиваться и наказываться"... „Исполнительная власть, говоритъ Монтескье нѣсколько далѣе, должна принимать участіе въ законодательствѣ черезъ свое право останавливать; безъ этого она скоро будетъ лишена своихъ прерогативъ. Но если законодательная власть принимаетъ участіе въ исполненіи, исполнительная власть равнымъ образомъ погибнетъ. Если бы монархъ принималъ участіе въ законодательствѣ черезъ право постановлять, свободы болѣе не существовало бы. Но такъ какъ тѣмъ не менѣе необходимо, чтобы онъ для своей защиты имѣлъ участіе въ законодательствѣ, надо, чтобы онъ принималъ въ немъ участіе чрезъ право останавливать"... „Вотъ основное устройство того правленія, о которомъ мы говоримъ,—читаемъ мы въ заключительной части главы:—законодательное учрежденіе составлено изъ двухъ частей, которыя, въ силу права останавливать другъ друга, будутъ другъ друга удерживать. Обѣ будутъ связаны исполнительною властью, которая, съ своей стороны, будетъ связана законодательною. Эти три власти должны бы были находиться въ состояніи покоя или бездѣйствія, но такъ какъ неизбѣжнымъ ходомъ вещей онѣ будутъ принуждены итти впередъ, онѣ будутъ принуждены итти въ согласіи. Такъ какъ исполнительная власть, прибавляетъ еще Монтескье, составляетъ часть законодательной власти только въ силу своего права останавливать, она не можетъ входить въ обсужденіе дѣлъ. Даже не необходимо, чтобы она предлагала, такъ какъ, имѣя всегда возможность не одобрить рѣшенія, она можетъ отклонить рѣшенія тѣхъ предложеній, проведенія которыхъ она не хотѣла бы",—и опять тутъ Монтескье высказываетъ принципы, совершенно идущіе въ разрѣзъ съ дѣйствительной англійской конституціей. Но вотъ въ чемъ онъ вѣрно схватилъ сущность дѣла. „Если, говоритъ онъ, исполнительная власть дѣлаетъ постановленія о взиманіи налоговъ иначе, какъ въ силу согласія народа, свободы больше не будетъ, ибо исполнительная власть сдѣлается законодательной въ самомъ важномъ пунктѣ законодательства. Если законодательная власть дѣлаетъ постановленіе о наложеніи податей не изъ года въ годъ, а навсегда, то она рискуетъ лишиться свободы, потому что исполнительная власть не будетъ болѣе зависѣть отъ нея; а когда пользуются подобнаго рода правомъ навсегда, то довольно безразлично, пользуются ли имъ въ силу собственной власти, или въ силу чужой. То же самое будетъ и въ томъ случаѣ, когда законодательная власть постановляетъ не изъ года въ годъ, а разъ навсегда касательно сухопутныхъ и морскихъ силъ, которыя она должна ввѣрить исполнительной власти".

Такова въ представленіи Монтескье система, которую англичане,

какъ онъ думалъ, нашли въ лѣсахъ тацитовской Германіи. „Не мнѣ изслѣдовать, говоритъ онъ, пользуются ли англичане въ дѣйствительности этою свободою или нѣтъ, ибо мнѣ достаточно сказать только, что она установлена ихъ законами, и болѣе я ничего не ищу“. Вопросу о современныхъ ему монархіяхъ Монтескье посвящаетъ едва нѣсколько строкъ, составляющихъ слѣдующую главу: „онѣ, говоритъ онъ, имѣютъ своею цѣлью не свободу, а славу гражданъ, страны и государя. Три власти въ нихъ не распредѣляются по способу изображенной конституціи. Въ каждомъ государствѣ существуетъ свое особое распредѣленіе, вслѣдствіе чего они болѣе или менѣе приближаются къ политической свободѣ, и если бы они не приближались, монархія выродилась бы въ деспотію“. По Монтескье, Франція именно шла по пути къ послѣдней формѣ, и онъ думалъ водворить въ ней свободу, вдохнувъ жизнь въ старыя феодальныя учрежденія, въ дворянство и въ парламентъ, имѣя въ то же время передъ глазами образецъ англійской конституціи, обезпечивавшей ту индивидуальную свободу, которой удивлялись въ Англіи и онъ, и Вольтеръ, и многіе другіе французы. Аристократическій характеръ теоріи Монтескье сдѣлалъ то, что на нее ссылались не только прогрессивные элементы французскаго общества, но и консервативные, когда имъ пришлось защищать старыя привилегіи. Тѣмъ не менѣе на Монтескье можно смотрѣть, какъ *на родоначальника политическаго либерализма новѣйшаго времени.*

XIV. Руссо, его характеръ и идеи [1].

Вольтеръ, Монтескье и Руссо.—Причины большого вліянія Руссо.—Его дѣятельность и окружавшая его среда.—Революціонное и реакціонное значеніе Руссо.—Связь его жизни съ его произведеніями.—Біографія Руссо до первой диссертаціи.—Дижонская академія и ея конкурсныя темы.—Руссо въ періодъ своей литературной дѣятельности.—Ссора его съ философами.—Послѣдніе годы жизни Руссо.—Его диссертація о наукахъ и искусствахъ и о причинахъ неравенства.—Значеніе «Эмиля».—«Исповѣданіе вѣры савойскаго викарія».—Раціоналистическая основа «Общественнаго договора».—Ученіе Руссо о договорномъ происхожденіи государства и о верховной власти народа.—Отсутствіе гарантій личной свободы.—Гражданская религія.—Взглядъ Руссо на представительство и на раздѣленіе властей.—Правительство и формы правленія.—Республиканская монархія Руссо.

Жанъ-Жакъ Руссо (1712—1778) занималъ совершенно особое мѣсто среди писателей XVIII в. и равнымъ образомъ оказывалъ на

---

[1]) *Moreau.* Jean-Jacques Rousseau et le siècle philosophe.—*Saint-Marc Girardin.* Jean-Jacques Rousseau, sa vie et ses ouvrages.—*J. Grand Cartaret.* Rousseau jugé par les Français d'aujourd'hui. Сборникъ: Rousseau jugé par les Génevois.—Въ соч. Денуартерра о Вольтерѣ томъ II: Voltaire et Jean-Jacques

современниковъ и на ближайшее потомство совсѣмъ особенное вліяніе. И съ Вольтеромъ, и съ Монтескье у него было мало общаго, съ первымъ—въ характерѣ и философскомъ міросозерцаніи, со вторымъ—въ методѣ политическаго мышленія и въ политическихъ воззрѣніяхъ. Вольтеръ—человѣкъ разсудка, оружіемъ котораго была злая и колкая насмѣшка, Руссо—человѣкъ душевныхъ эмоцій, смотрѣвшій на міръ Божій совсѣмъ иными глазами, чѣмъ фернейскій философъ. Въ сравненіи съ реалистомъ Вольтеромъ, бодро смотрящимъ на окружающую дѣйствительность, Руссо является мечтателемъ, на которомъ болѣзненно отзывается разладъ этой дѣйствительности съ идеаломъ и у котораго несовершенства жизни вызываютъ не смѣхъ или негодованіе, а угнетенное состояніе духа, выражавшееся въ страстной, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и чисто риторической декламаціи, и Вольтеръ, и Руссо были деисты, но ихъ деизмъ имѣлъ различный характеръ: „естественная религія“ одного была чисто разсудочная, у другого, наоборотъ, она удовлетворяла извѣстной потребности сердца и получала оттѣнокъ сентиментальности. Своей задачей Вольтеръ поставилъ освобожденіе человѣческаго ума отъ всего, что стѣсняло свободную его дѣятельность, и потому онъ высоко цѣнилъ просвѣщеніе своего вѣка, которое, напротивъ, встрѣтило въ лицѣ Руссо страстнаго обличителя, такъ какъ для него всѣ успѣхи ума были ничто въ сравненіи съ огорчавшимъ его паденіемъ „добродѣтели“. Далѣе, Вольтеръ лишь вскользь затрогивалъ соціальные и политическіе вопросы, а они-то и были однимъ изъ любимыхъ предметовъ Руссо: въ послѣднемъ отношеніи онъ стоитъ ближе къ Монтескье, съ которымъ другими сторонами онъ такъ рѣзко вообще расходился. У Вольтера была нѣкоторая доля презрѣнія къ непросвѣщенной черни, тогда какъ Руссо, самъ вышедшій изъ народа, наоборотъ, идеализировалъ этотъ народъ, противополагая ему культурные классы общества, какъ тронутые порчей цивилизаціи: защита трудящагося

Rousseau.—*Brockerhoff*. Rousseau's Leben und Werke.—*Texte*. J. J. Rousseau et les origines du cosmopolitisme littéraire.—*J. Vuÿ* Origine des idées politiques de Rousseau.—*Морлей*. Руссо.—*Грей Грэхэмъ*. Ж. Ж. Руссо, его жизнь, произведенія и окружающая среда.—*Тюке*. Руссо.—*Гефдингъ*. Ж. Ж. Руссо и его философія.—*Проф. Алексѣевъ*. Этюды о Ж. Ж. Руссо.—*В. И. Герье*. Понятіе о народѣ у Руссо (Русская Мысль. 1882 и соотвѣтственная глава въ книгѣ „Идея народовладѣнія и французская революція 1789 г.; см. также его статью о Руссо въ „Энц. слов.“ Брокгауза-Ефрона“.)—*Н. Карѣевъ*. Жанъ Жакъ Руссо.—*Fr. Haymann*. J. J. Rousseau's Sozialphilosophie.—*M. Liepmann*. Die Rechtsphilosophie des J. J. Rousseau.—*Greifenhagen*. Rousseau's Schrift über die Ungleicheit der Menschen.—*М. Ковалевскій*. Новыя данныя о Руссо (въ сборникѣ „Помощь евреямъ“, 1901 и соотвѣтств. мѣста въ „Происх. совр. дем.“.—См. также *Landmann*. Der Souveraenetätsbegriff bei den französischen Theoretikern von Bodin bis auf Rousseau.

люда была даже одною изъ наиболѣе сильныхъ по своему дѣйствію на умы темъ Руссо. Съ Вольтеромъ онъ сходился въ томъ, что подобно ему интересовался вопросами чисто индивидуальнаго существованія, сравнительно мало занимавшими Монтескье, писателя политическаго по преимуществу. Руссо даже обратилъ особое вниманіе на вопросы воспитанія и образованія, создающихъ человѣческую личность и здѣсь онъ положительно превосходилъ Вольтера; извѣстно, какое громадное вліяніе имѣли въ свое время педагогическія воззрѣнія Руссо.

Еще болѣе, какъ было уже замѣчено, интересовался Руссо вопросами общественными, и въ данномъ отношеніи онъ пошелъ гораздо далѣе не одного Вольтера, но и Монтескье. Вольтеръ, такъ сказать, всецѣло принималъ существовавшую въ его время форму государства и общества и изъ внѣшнихъ учрежденій нападалъ главнымъ образомъ лишь на одну церковь; Монтескье стоялъ уже въ оппозиціонномъ отношеніи къ абсолютизму, который отождествлялся у него съ деспотизмомъ, но онъ не скрывалъ своихъ аристократическихъ стремленій и прямо отстаивалъ сословный строй общества; наоборотъ, Руссо нападаетъ какъ-разъ на этотъ самый строй, находя его несправедливымъ, и не только проповѣдуетъ политическое равенство, но и высказываетъ такія идеи, которыя позволили соціальнымъ реформаторамъ XIX в. видѣть въ немъ одного изъ своихъ предшественниковъ [1]. Аристократизмъ Монтескье сказался на его сочувствія къ старой феодальной монархіи и къ дворянскимъ привилегіямъ; Руссо—страстный противникъ всякаго неравенства, и его идеаломъ является не англійская конституція, которой восхищался свободолюбивый Монтескье, а античная демократія, не считавшаяся авторомъ „Духа законовъ“ за свободное государственное устройство. И свободу оба эти политическіе писателя понимали различнымъ образомъ: одинъ—болѣе въ новомъ смыслѣ индивидуальной свободы, для огражденія которой отъ правительственнаго произвола онъ придумываетъ свою систему одна отъ другой отдѣленныхъ и одна другую сдерживающихъ властей, предупреждая, что „не нужно смѣшивать свободу народа съ властью народа“; другой же—именно исходя изъ такого стѣшенія понятій, т.-е. беря свободу въ античномъ смыслѣ и создавая въ своемъ представленіи государство, вполнѣ поглощающее личность, подобно государству Гоббза. Политическая теорія Руссо была цѣликомъ построена на совершенно отвлеченныхъ идеяхъ. Можно сказать, что ни на чьемъ мышленіи такъ характерно не отразился раціонализмъ XVIII в., какъ на мышленіи именно Руссо, и наоборотъ, если кто изъ политическихъ писателей прошлаго столѣтія менѣе другихъ былъ раціоналистомъ и

[1]) См., напр., взглядъ Луи Блана въ I т. „Исторіи французской революціи“.

болѣе, чѣмъ кто-либо, пытался строить политическую теорію на данныхъ историческаго опыта, такъ это былъ какъ-разъ авторъ „Духа законовъ“. И по направленію своего ума, и по характеру своего образованія Руссо, наоборотъ, менѣе всего былъ способенъ къ историческому пониманію дѣйствительности, составляющему сильную сторону Монтескье. Послѣдній былъ однимъ изъ ученѣйшихъ людей своего времени, систематически и въ теченіе многихъ лѣтъ собиравшимъ матеріалъ для своего капитальнаго труда, а Руссо въ сущности былъ самоучкою, хватавшимъ знанія на лету и приступавшимъ къ работѣ не съ готовымъ запасомъ фактическаго матеріала, а съ предвзятою идеей, требовавшей только логическаго развитія. Какъ ни несходны были, однако, между собою оба писателя, они дѣйствовали въ одномъ направляніи, проповѣдуя, что законодательная власть во Франціи должна быть взята изъ рукъ короля, и что за королемъ должно было бы быть оставлено лишь значеніе власти исполнительной. Въ политическомъ вопросѣ Монтескье и Руссо расходились между собою, какъ представители либерализма и радикализма, но оба они являлись противниками абсолютизма.

Руссо оказывалъ могущественное вліяніе на современниковъ: страстный тонъ его рѣчи, столь несхожій съ холоднымъ сарказмомъ Вольтера или спокойной ироніей Монтескье; его настроеніе, невольно подчинявшее себѣ чувство читателя, тогда какъ Вольтеръ и Монтескье дѣйствовали больше на одинъ умъ; его умѣніе затрогивать самыя больныя стороны индивидуальной и соціальной жизни въ то время, какъ Вольтеръ и Монтескье или касались менѣе захватывающихъ общій интересъ вопросовъ, или резсматривали ихъ въ болѣе спокойномъ тонѣ; самый демократизмъ Руссо, наконецъ, въ обществѣ, въ которомъ плебейскіе элементы начинали играть уже болѣе видную роль,—вотъ что, собственно говоря, создавало для Руссо то вліятельное положеніе, какое онъ занялъ среди писателей XVIII в. Однимъ словомъ, Вольтеръ былъ философъ, Монтескье—политикъ, а Руссо прежде всего моралистъ, а вѣдь вопросы морали всегда больше привлекаютъ къ себѣ людей, чѣмъ вопросы знанія и вопросы политики. Предметомъ размышленій Руссо, какъ и у родоначальниковъ гуманизма, былъ прежде всего самъ человѣкъ; съ первыми гуманистами, можно сказать, Руссо раздѣляетъ нерасположеніе къ отвлеченной метафизикѣ и къ теоретическому естествознанію, несмотря на то, что онъ сильно любилъ природу и доводилъ свое субъективное отношеніе къ ней до чувствительности, но онъ не раздѣлялъ зато съ гуманистами ихъ соціальнаго индифферентизма. Какъ моралистъ, Руссо не ограничивалъ этической сферы одною индивидуальною жизнью: съ этической точки зрѣнія онъ разсматривалъ и самое гражданское общество, подходя

къ нему не съ вопросомъ, что такое оно есть, а чѣмъ оно должно быть. *Сила Руссо и заключалась въ его моральномъ и соціальномъ идеализмѣ*, дѣйствовавшемъ не на единичные умы, склонные къ философіи или къ политикѣ, но и на ту большую публику, которая ищетъ прежде всего отвѣтовъ не на вопросы отвлеченнаго знанія и не на вопросы высшей политики, а на вопросы о томъ, въ чемъ заключается назначеніе человѣка и какъ люди должны жить между собою. Настроеніе Руссо передавалось въ тонѣ его сочиненій,—то страстномъ, то задушевномъ, то элегическомъ, но всегда убѣжденномъ; способствовала распространенію его сочиненій и внѣшняя форма, которою онъ владѣлъ въ совершенствѣ, и, быть можетъ, между прочимъ, помогала успѣху даже та самая риторика, какую мы встрѣчаемъ во всемъ, что было имъ написано.

Разсматривая причины моральнаго вліянія одной личности на цѣлое общество, мы вообще должны отвлекать свое вниманіе отъ логическихъ противорѣчій, обнаруживаемыхъ болѣе пристальнымъ изученіемъ воззрѣній данной личности, и не должны касаться проявленій ея характера въ жизни. Привычка къ анализу читаемаго, а тѣмъ болѣе къ анализу, лежащему въ основѣ научнаго изученія, вообще весьма мало развита въ большихъ кругахъ читателей, обыкновенно воспринимающихъ лишь то, что поражаетъ ихъ воображеніе или что наиболѣе соотвѣтствуетъ ихъ собственному настроенію а кромѣ того авторъ въ книгѣ и человѣкъ въ жизни—далеко не одно и то же. Въ настоящее время критиковать Руссо очень легко, такъ какъ многія его воззрѣнія суть совершеннѣйшіе парадоксы, между отдѣльными его взглядами встрѣчаются противорѣчія, въ его сочиненіяхъ довольно-таки много риторики, а въ чувствахъ его немало напускного, въ личномъ же его характерѣ есть черты крайне несимпатичныя, въ лучшемъ случаѣ объясняемыя его болѣзненностью. Руссо нужно, наоборотъ, разсматривать въ его исторической обстановкѣ, а не лицомъ къ лицу съ отвлеченною критикою, которая, обобщая слабыя стороны его ума, образованія, таланта и характера, пожалуй, легко могла бы притти къ тому выводу, что Руссо былъ только софистъ-самоучка и риторъ-неудачникъ. Далѣе, историки и біографы нерѣдко въ оцѣнкѣ историческаго значенія того или другого дѣятеля исходятъ изъ разсмотрѣнія его духовныхъ свойствъ, тогда какъ въ подобныхъ случаяхъ объясненіе вліянія, оказаннаго имъ на современниковъ, нужно искать прежде всего въ идеяхъ, носителемъ которыхъ онъ былъ: не всегда самые умные, самые нравственные и самые сильные волей люди занимаютъ наиболѣе вліятельное положеніе въ обществѣ, и очень даже часто человѣкъ только потому выдвигается впередъ и оказываетъ вліяніе на общество, что съ особою убѣжденностью, страстностью и

силою высказываетъ идеи, которыя должны быть встрѣчаемы съ наибольшимъ сочувствіемъ въ данномъ обществѣ. Съ Руссо такъ именно и случилось: въ извѣстныхъ соціальныхъ слояхъ, въ которыхъ уже сильна была политическая и соціальная оппозиція противъ абсолютизма и привилегій, *идеи свободы и равенства, проповѣдникомъ которыхъ онъ сдѣлался, должны были найти особенно сочувственный пріемъ*, тѣмъ болѣе, что свобода являлась у Руссо безъ сословныхъ привилегій, сопровождающихъ ее у Монтескье, и равенство представлялось не только, какъ равенство передъ закономъ, но и какъ равенство во власти: какъ теорія Монтескье льстила аристократическимъ стремленіямъ, такъ теорія Руссо подходила къ настроенію буржуазіи.

Какъ проповѣдникъ новыхъ политическихъ и общественныхъ идей, Руссо былъ такимъ же теоретическимъ предвѣстникомъ революціи, какъ и другіе писатели XVIII в.; онъ былъ даже первымъ между ними по своему сильному и многостороннему вліянію на дѣятелей революціи и на общество той эпохи. Но онъ же, съ другой стороны, является, и предвѣстникомъ той реакціи, которая наступила послѣ революціи противъ всего XVIII вѣка. „Будучи, говоритъ Морлей, первымъ открыто-революціоннымъ мыслителемъ въ политикѣ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ самымъ горячимъ реакціонеромъ въ религіи. Его вліяніе отразилось не только на Робеспьерѣ, но и на Шатобріанѣ, не только на якобинцахъ, но и на католицизмѣ реставраціи. Такимъ образомъ онъ болѣе, чѣмъ кто-либо другой, далъ направленіе первымъ эпизодамъ революціи и далъ свои силы первому эпизоду реставраціи". Это замѣчаніе одного изъ лучшихъ авторовъ, писавшихъ о Руссо, можно обобщить. Одною изъ характерныхъ чертъ философіи XVIII вѣка, какъ было сказано, является ея культурный оптимизмъ, на почвѣ котораго выросла идея прогресса: золотой вѣкъ еще впереди, и человѣчество, руководимое просвѣщеніемъ, шествуетъ къ этому золотому вѣку. Напротивъ, для Руссо времена блаженства были далеко позади, въ первобытномъ „естественномъ состояніи"; просвѣщеніе же въ его глазахъ прямо являлось зломъ. Основною мыслью всего философствованія Руссо было возвращеніе къ естественному состоянію, когда человѣкъ былъ будто бы невиненъ и наивенъ, и во имя этого возвращенія онъ объявлялъ войну разуму, ставя на его мѣсто чувство, которое вообще играетъ первую роль въ его философіи. Руссо, дѣйствительно, замѣнялъ здравое и положительное философское мышленіе, представителями котораго было большинство писателей этого вѣка, чувствительностью, такъ сильно дѣйствовавшею на современныхъ ему читателей. Въ его особомъ способѣ рѣшать жизненные вопросы заключалась одна изъ приманокъ его философія для громаднаго большинства читателей, но въ то же время онъ шелъ въ разрѣзъ съ

умственными стремленіями, бывшими въ ходу въ XVIII в. и ставившими на первый планъ здравый смыслъ, а не чувство. Такимъ образомъ политическій революціонеръ былъ культурнымъ реакціонеромъ. Въ послѣднемъ отношеніи онъ ближе подходилъ къ массѣ общества, жившей болѣе эмоціями, чѣмъ разсудкомъ, и эта масса лучше его понимала, чѣмъ кого-либо другого изъ писателей XVIII в., все-таки ушедшихъ отъ нея далеко впередъ. Руссо ставилъ передъ глазами своихъ современниковъ новыя политическія цѣли, но не только не научалъ ихъ новымъ умственнымъ методамъ, а прямо, наоборотъ, поддерживалъ въ нихъ привычку жить не столько разсудкомъ, сколько чувствомъ. Своею проповѣдью онъ, несомнѣнно, возбуждалъ благородныя чувства, вызывалъ интересъ и состраданіе со стороны обезпеченныхъ классовъ къ оскорбленнымъ и униженнымъ, и указывалъ обществу на новыя задачи въ этой области, но вмѣстѣ съ тѣмъ почти исключительное развитіе чувства было реакціей противъ той умственной дисциплины, которую создавала философія XVIII в., тѣмъ болѣе вдобавокъ, что методъ разсужденій Руссо былъ какъ-разъ наиболѣе рельефнымъ проявленіемъ того, что составляло самую слабую сторону въ мышленіи прошлаго столѣтія, разсматриваемомъ съ точки зрѣнія теперешнихъ нашихъ требованій отъ научности. Въ вѣкъ развивавшейся критики Руссо былъ наиболѣе догматикомъ, дававшимъ абсолютныя рѣшенія самыхъ жгучихъ вопросовъ жизни на основаніи чисто логическихъ построеній и заставлявшимъ вѣрить въ непреложную истинность этихъ рѣшеній. Въ этомъ и заключалась его сила надъ умами современниковъ, но въ этомъ же заключалась и слабая его сторона, разъ настроеніе заступало мѣсто пониманія.

Понимать произведенія такого писателя, какъ Монтескье, можно, почти совсѣмъ не касаясь его біографіи. Работа мыслителя, имѣющаго строго научный характеръ или наиболѣе подходящая къ такому характеру, по самой своей сущности не можетъ имѣть такого близкаго отношенія къ чисто личной жизни писателя, какъ творчество поэта или вообще писателя, болѣе или менѣе ярко проявляющаго въ своихъ произведеніяхъ собственную субъективность. Руссо именно принадлежалъ къ людямъ этой послѣдней категоріи. Дѣйствительно, его сочиненія находятъ лучшій свой комментарій въ его личномъ характерѣ и жизненной судьбѣ, какъ извѣстно, имъ самимъ изображенныхъ въ знаменитой „Исповѣди". Конечно, на тѣхъ немногихъ страницахъ, которыя мы можемъ посвятить Руссо, немыслимо разсмотрѣть его біографію съ такой точки зрѣнія, но краткій очеркъ его жизни будетъ все-таки нелишнимъ.

Отецъ Жанъ-Жака Руссо былъ простой женевскій часовщикъ, страстно увлекавшійся чтеніемъ романовъ и передавшій эту привычку

своему сыну, когда послѣдній былъ еще совсѣмъ ребенкомъ. Кромѣ романовъ, отецъ и сынъ зачитывались Плутархомъ, котораго еще отецъ Руссо комментировалъ патетическими рѣчами о любви къ отечеству и о гражданской доблести. Такимъ образомъ уже въ ребенкѣ развивались фантазія, нѣсколько приподнятое настроеніе и книжное отношеніе къ дѣйствительности. Отецъ бросилъ Жанъ-Жака на произволъ судьбы, когда ему исполнилось десять лѣтъ, и мальчику, избалованному въ семьѣ теткою, которая заступала для него мѣсто матери, умершей при его рожденіи, скоро пришлось испытать несправедливое и суровое обращеніе со стороны чужихъ людей; оно-то, вѣроятно, впервые и породило въ душѣ Руссо то чувство протеста противъ всякой неправды, которое впослѣдствіи исторгло изъ его души не одну краснорѣчивую тираду въ его сочиненіяхъ. Тогда же началась и скитальческая жизнь Руссо съ постоянными перемѣнами занятій. Довольно долгое время онъ состоялъ въ ученикахъ у гравера, и грубое обращеніе съ нимъ хозяина ожесточило его вообще противъ людей и, какъ онъ самъ признается, вдобавокъ еще его развратило, сдѣлавъ его лгуномъ, обманщикомъ, воришкой и порядочнымъ трусомъ. Шестнадцати лѣтъ Руссо бѣжалъ отъ патрона, боясь наказанія за одну провинность и мечтая осуществить на полной свободѣ свои вычитанныя изъ романовъ фантазіи. Началась настоящая жизнь бездомнаго бродяги. Въ это время Руссо обратили въ католицизмъ, но не пристроили ни къ какому дѣлу, на мѣстахъ же слуги, на которыя попадалъ подростокъ, онъ не уживался. Болѣе всего привлекало его самого бездѣлье на лонѣ природы, и сильнѣе всего дѣйствовали на его впечатлительную душу простота жизни и участливое къ нему отношеніе крестьянъ во время его скитаній по деревнямъ. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ онъ, впрочемъ, прожилъ около трехъ лѣтъ спокойно у пріютившей его г-жи Варенсъ, посвятивъ это время изученію латинскаго языка и философіи. Тогда только что вышли въ свѣтъ „Lettres sur les Anglais“ Вольтера, и они произвели на юношу весьма сильное впечатлѣніе. Послѣ этого Руссо попрежнему мѣнялъ профессіи, учительствовалъ, занимался музыкой, ѣздилъ въ Венецію въ качествѣ секретаря къ французскому посланнику и т. п., пока на болѣе продолжительное время не поселился въ Парижѣ. Здѣсь онъ завелъ знакомства въ литературныхъ кругахъ, въ которыхъ, однако, страшно разочаровался. Къ этому же времени относится его сближеніе съ Терезой Левассеръ, простою служанкою въ гостиницѣ, гдѣ ему пришлось столоваться; приживавшихся отъ этого союза дѣтей родители отдавали въ воспитательный домъ. Самый выборъ въ подруги жизни весьма неразвитой женщины изъ простонародья, — а съ нею Руссо прожилъ потомъ весь свой вѣкъ, — нѣкоторые біографы объ-

ясняютъ его презрѣніемъ къ научному образованію и къ свѣтскому обращенію, и нужно прибавить, что въ свои отношенія къ Терезѣ онъ не вносилъ той подозрительности, желчности и раздражительности, которыя портили его отношенія къ другимъ людямъ.

Такова была жизнь Руссо, когда онъ написалъ первую свою знаменитую „диссертацію". Она, какъ извѣстно, была вызвана дижонской академіей, предложившей интересную тему для сочиненія на премію. Въ серединѣ XVIII в. во Франціи умственные интересы были довольно сильны и въ провинціальныхъ городахъ; это доказывается, между прочимъ, возникновеніемъ въ ту пору научно-литературныхъ обществъ, принимавшихъ названіе академій. Дижонская академія была одна изъ старѣйшихъ, и въ ней былъ развитъ нѣкоторый интересъ къ философскимъ предметамъ. Въ 1742 году она, напримѣръ, возбудила вопросъ, могутъ ли естественные законы привести общество къ совершенству безъ помощи законовъ политическихъ. Въ 1749 г. ея темой, на которую и писалъ Руссо, былъ вопросъ: „способствовало ли возстановленіе наукъ и искусствъ очищенію нравовъ?" Черезъ нѣсколько лѣтъ та же академія снова объявила конкурсную тему о происхожденіи неравенства между людьми, и Руссо, ободренный успѣхомъ первой диссертаціи, которая была увѣнчана преміей, писалъ и на эту тему. Оба эти вопроса какъ нельзя болѣе отвѣчали настроенію Руссо и его тайнымъ думамъ. Онъ самъ разсказываетъ въ своей „Исповѣди" съ обычнымъ преувеличеніемъ своихъ душевныхъ волненій, какъ поразилъ его вопросъ о вліяніи наукъ и искусствъ на нравственность, когда онъ однажды случайно прочиталъ въ газетѣ объявленіе о дижонской темѣ,—разсказываетъ, что на него внезапно нашло что-то въ родѣ вдохновенія, совершенно его опьянившее, что отъ волненія онъ залился слезами, самъ того не замѣчая, и что если бы онъ могъ записать хотя бы лишь четвертую часть тѣхъ мыслей, которыя въ безпорядкѣ пронеслись въ его головѣ, то онъ съ очевидностью для всѣхъ доказалъ бы всѣ противорѣчія въ нашихъ учрежденіяхъ, портящихъ человѣка, существо по природѣ своей, однако, доброе. Выходомъ въ свѣтъ перваго разсужденія Руссо на тему дижонской академіи открывается періодъ его литературной дѣятельности, бывшій весьма непродолжительнымъ, если считать только самыя крупныя и вліятельныя его произведенія. Въ самомъ дѣлѣ, первая диссертація Руссо вышла въ свѣтъ въ 1750 г., вторая— въ 1754 г.; въ 1761 г. появилась „Новая Элоиза", а въ 1762 г.— „Эмиль" и „Общественный договоръ". Между всѣми этими сочиненіями есть внутренняя связь, и всѣ они были порождены настроеніемъ, аналогичнымъ тому душевному состоянію, какое Руссо испыталъ, когда его такъ сильно поразилъ вопросъ поставленный ди-

жонской академіей. Въ указанные годы Руссо былъ одною изъ знаменитостей и имѣлъ мѣсто, которое матеріально его обезпечивало, но онъ не могъ сжиться съ окружавшимъ его свѣтскимъ обществомъ. Онъ даже какъ бы нарочно, чтобы досадить этому обществу разыгрывалъ роль чудака и циника. Его страшно тяготила такая жизнь, и онъ мечталъ о томъ, чтобы поселиться въ Женевѣ, возвративъ себѣ права гражданина этой республики посредствомъ отказа отъ римской церкви и торжественнаго принятія протестантизма. Среди женевскихъ богослововъ было немало такихъ, которые склонялись къ христіанскому деизму, и съ ними Руссо очень сблизился, противополагая ихъ симпатичную для него религіозность парижскому вольнодумству, котораго онъ, напротивъ, не выносилъ. Руссо уѣхалъ даже изъ Парижа, но поселился, однако, не въ Женевѣ, а недалеко отъ Монморанси, въ сельскомъ уединеніи, Эрмитажѣ, устроенномъ ему одною изъ его почитательницъ и покровительницъ. Здѣсь онъ нашелъ одиночество и природу, которую онъ любилъ съ какою-то болѣзненною впечатлительностью, совершенно, такъ сказать, „опростился", продолжая тѣмъ не менѣе свои занятія; разссорившись спустя нѣкоторое время съ владѣлицей Эрмитажа, онъ нанялъ себѣ квартиру въ томъ же Монморанси. Онъ все болѣе и болѣе расходился съ философами, хотя и поддерживалъ съ ними сношенія, пока наконецъ не разошелся къ ними совершенно, незадолго до выхода въ свѣтъ „Новой Элоизы", „Эмиля" и „Общественнаго договора". Въ открытомъ письмѣ къ д'Аламберу онъ даже предостерегалъ своихъ согражданъ-женевцевъ отъ грозившей имъ опасности со стороны французскаго просвѣщенія.

Изданіе „Эмиля" стоило Руссо гоненія, воздвигнутаго на него парижскимъ парламентомъ. Когда явился приказъ сжечь эту книгу, а автора арестовать, Руссо оставалось только бѣжать въ Швейцарію. Здѣсь, однако, равнымъ образомъ онъ не могъ найти спокойствія; Женевскій городской совѣтъ тоже велѣлъ сжечь „Эмиля", прибавивъ къ нему и „Общественный договоръ", и отдалъ приказъ схватить автора при первомъ его появленіи на территоріи республики. Бернскій сенатъ изгналъ его изъ кантона, и Руссо нашелъ убѣжище лишь въ Невшательскомъ княжествѣ, принадлежавшемъ Фридриху II; здѣсь онъ и поселился въ одной деревушкѣ. Но и отсюда онъ долженъ былъ выѣхать вслѣдствіе нелѣпыхъ слуховъ, ходившихъ о немъ среди крестьянъ и вотъ, не имѣя возможности вернуться въ Женеву, отъ гражданства которой онъ притомъ торжественно отказался, онъ уѣхалъ въ Англію на зовъ философа Давида Юма (1766). Весьма скоро, впрочемъ, и съ Юмомъ Руссо поссорился. Вообразивъ, будто его заманили въ Англію лишь для того, чтобы погубить, онъ бѣжалъ во Францію и лишь послѣ долгихъ скитаній могъ снова поселиться въ Парижѣ,

гдѣ прожилъ еще около восьми лѣтъ, сильно бѣдствуя и уже почти совсѣмъ на занимаясь литературой. Незадолго до смерти по приглашенію одного изъ друзей онъ переѣхалъ въ его помѣстье, гдѣ и скончался скоропостижно, вскорѣ послѣ смерти Вольтера. Ходили слухи о томъ, что внезапная смерть Руссо была самоубійствомъ (1778). Еще въ Англіи онъ началъ писать свою „Исповѣдь", которую кончилъ незадолго до смерти.

Изъ сочиненій Руссо мы должны были бы остановиться главнымъ образомъ на его „Contrat social", оказавшемъ сильное вліяніе на политическое міросозерцаніе французовъ, но заслуживаетъ также вниманія и его отношеніе къ цивилизаціи, равно какъ его педагогическія и религіозныя идеи. Общій характеръ нашего обзора не позволяетъ намъ разсматривать значенія Руссо, какъ романиста („Новая Элоиза"), ни тѣхъ его произведеній, которыя имѣютъ уже болѣе частный характеръ.

Остановимся сначала на первой диссертаціи Руссо. Въ 1749 г. дижонская академія предложила вопросъ историческій, но Руссо превратилъ его въ вопросъ философскій: служатъ ли вообще науки и искусства очищенію нравовъ? Отвѣтъ, данный имъ на этотъ вопросъ, былъ отрицательный, и въ этомъ и заключалась вся его оригинальность. Появленіе въ печати разсужденія Руссо о наукахъ и искусствахъ произвело сильную сенсацію въ обществѣ и вызвало немало возраженій, изъ которыхъ одно принадлежало польскому королю Станиславу Лещинскому; Руссо на нѣкоторыя возраженія отвѣчалъ, по возможности смягчая и умѣряя рѣзкости своей брошюры. О содержаніи этого произведенія лучшее понятіе могутъ дать нѣкоторыя отдѣльныя мѣста. Руссо приступилъ къ своему предмету, какъ моралистъ, обличающій испорченность своихъ современниковъ: откуда же происходитъ порча? „Гдѣ, говоритъ Руссо, нѣтъ никакого слѣдствія, нѣтъ надобности и искать причину, но здѣсь слѣдствіе очевидно: это—настоящее развращеніе, и наши души портились по мѣрѣ того, какъ наши науки совершенствовались. Быть можетъ, скажутъ, что это лишь несчастье нашего времени. Нѣтъ, господа: бѣдствія, причиняемыя нашимъ пустымъ любопытствомъ, столь же стары, какъ міръ... Всегда можно было видѣть, какъ добродѣтель убѣгала по мѣрѣ того, какъ свѣточъ наукъ и искусствъ восходилъ надъ нашимъ горизонтомъ, и это явленіе наблюдалось во всѣ времена и во всѣхъ мѣстахъ". Образованнымъ націямъ Руссо противополагаетъ „небольшое число народовъ, которые, будучи предохранены отъ этой заразы пустыхъ знаній, своими доблестями создали собственное счастье и послужили примѣромъ для другихъ народовъ". Таковы были персы, скиѳы, германцы временъ Тацита и сами римляне „во времена своей

бѣдности и невѣжества". Руссо приводитъ далѣе разные примѣры въ доказательство того положенія, что „роскошь, распущенность и рабство были всегда наказаніемъ за наши надменныя усилія выйти изъ счастливаго невѣдѣнія (l'heureuse ignorance), въ которое насъ поставила вѣчная мудрость... Народы, восклицаетъ Руссо, узнайте разъ навсегда, что природа хотѣла васъ предохранить отъ науки, какъ мать вырываетъ опасное оружіе изъ рукъ своего ребенка, что каждая скрываемая ею отъ васъ тайна есть какое-либо зло, отъ котораго она васъ оберегаетъ, и что тотъ трудъ, съ какимъ дается вамъ наука, долженъ считаться однимъ изъ самыхъ значительныхъ ея благодѣяній!" Руссо ссылается также на старинное сказаніе, перешедшее изъ Египта въ Грецію, по которому изобрѣтателемъ наукъ было божество, враждебно относившееся къ спокойствію людей. „Науки и искусства, продолжаетъ онъ, обязаны происхожденіемъ нашимъ порокамъ": астрономія—суевѣрію, краснорѣчіе—честолюбію, ненависти, лести и лжи, геометрія — жадности, физика — пустому любопытству и т. д., и „такое низкое происхожденіе (le défaut de leur origine) наукъ особенно ярко отражается на ихъ предметахъ. Что стали бы мы дѣлать съ искусствами безъ роскоши, ихъ питающей? Безъ людской несправедливости къ чему служило бы правовѣдѣніе? Что сталось бы съ исторіей, если бы не было тиранновъ, войны, заговорщиковъ?... Если науки пусты по предметамъ, которые себя ставятъ, то еще болѣе онѣ опасны по своимъ слѣдствіямъ. Рожденныя праздностью, онѣ въ свою очередь ее питаютъ, и непоправимая потеря времени есть первый ущербъ, какой онѣ наносятъ обществу... Отвѣтьте мнѣ, знаменитые философы, вы, благодаря которымъ мы знаемъ, какимъ образомъ тѣла взаимно притягиваются въ пустомъ пространствѣ, каковы въ обращеніяхъ планетъ отношенія пройденныхъ пространствъ къ временамъ... отвѣтьте мнѣ, говорю я, вы, отъ кого мы получили столько возвышенныхъ знаній: если бы вы не научили насъ ни одной изъ этихъ вещей, развѣ насъ отъ этого стало бы меньше, развѣ бы мы хуже управлялись были, менѣе грозны, не такъ процвѣтали бы или сдѣлались бы порочнѣе?" Если уже работы наиболѣе просвѣщенныхъ ученыхъ безполезны, то произведенія „неизвѣстныхъ писакъ и праздныхъ литераторовъ" прямо вредны: безъ нихъ „нравы были бы здоровѣе и общество пользовалось бы большимъ спокойствіемъ. Но эти пустые и легкомысленные говоруны приходятъ со всѣхъ сторонъ, вооруженные своими пагубными парадоксами, подкапывая основы вѣры и уничтожая добродѣтель. Они встрѣчаютъ презрительными улыбками старыя слова—*отечество* и *вѣра* и пользуются своими талантами и своей философіей въ цѣляхъ истребленія и униженія всего, что только есть самаго священнаго

между людьми". Уже здѣсь мы встрѣчаемся у Руссо съ идеализаціей естественнаго состоянія. „Нельзя, по его словамъ, размышляя о правахъ, не вызывать въ своемъ умѣ образъ простоты первобытныхъ временъ. Глаза постоянно обращаются къ прекрасному берегу, украшенному рукою одной природы, и сожалѣешь, что отъ него удаляешься". Въ другомъ мѣстѣ Руссо ставитъ вопросъ, „откуда же происходятъ бѣдствія человѣчества, какъ не отъ пагубнаго неравенства, введеннаго между людьми отличіемъ талантовъ и униженіемъ добродѣтелей. Вотъ самое очевидное дѣйствіе нашего ученія и самое опасное изъ его слѣдствій. О человѣкѣ болѣе не спрашиваютъ, честенъ ли онъ, но есть ли у него таланты, и не спрашиваютъ о книгѣ, полезна ли она, но хорошо ли она написана. Награды расточаются остроумію, а добродѣтель остается безъ почета... У насъ есть физики, геометры, химики, астрономы, поэты, музыканты, живописцы, но у насъ нѣтъ болѣе гражданъ, а если и есть еще граждане, разсѣянные по нашимъ покинутымъ деревнямъ, то они тамъ погибаютъ въ бѣдности, презираемые всѣми". Руссо думаетъ, что если только потомки наши „не будутъ безумнѣе насъ, они воздѣнутъ руки къ небу и съ горечью въ сердцѣ своемъ скажутъ: „всемогущій Боже, держащій въ десницѣ своей всѣ души наши! освободи насъ отъ просвѣщенія и гибельныхъ искусствъ нашихъ отцовъ и возврати намъ невѣжество (l'ignorance), невинность и бѣдность,—единственныя блага, способныя создать наше счастье и имѣющія цѣну предъ лицемъ Твоимъ! Разсужденіе Руссо оканчивается такимъ воззваніемъ къ добродѣтели: „о, добродѣтель, возвышенная наука простыхъ душъ! Нужно ли столько труда и подготовки, чтобы тебя познать? Развѣ твои правила не начертаны во всѣхъ сердцахъ? Развѣ недостаточно для усвоенія твоихъ законовъ уйти въ самого себя и прислушиваться къ голосу совѣсти, когда умолкаютъ страсти? Вотъ истинная философія, съумѣемъ же довольствоваться ею!"..

Нельзя было болѣе принципіально вооружиться противъ научнаго образованія. Если Руссо, какъ моралистъ, и высказывалъ немало горькихъ истинъ просвѣщенному обществу своего времени, если впослѣдствіи онъ и смягчалъ свою мысль, доказывая даже, что истребленіе наукъ лишь привело бы къ еще худшему варварству если въ своемъ отвѣтѣ польскому королю, а еще больше во второмъ своемъ разсужденіи онъ и винитъ въ общественномъ злѣ уже не самыя науки и искусства, а неравенство, установившееся въ гражданскомъ состояніи, то все-таки въ разсмотрѣнномъ произведеніи выразилось вполнѣ его отношеніе къ научному образованію, *его протестъ не противъ одной пустоты и испорченности свѣтскаго общества, но и противъ господства ума во всей духовной жизни эпохи*, его нерасположеніе къ

направленію, принятому умственнымъ движеніемъ вѣка, его симпатія къ инстинктивной жизни населенія заброшенныхъ деревень и идеализированнаго первобытнаго состоянія. Все это мы найдемъ и во второмъ его разсужденіи—о причинахъ неравенства между людьми.

Когда дижонская академія предложила свою вторую тему, Руссо тѣмъ болѣе долженъ былъ за нее ухватиться, что уже въ первомъ разсужденіи однимъ изъ наиболѣе опасныхъ слѣдствій образованія онъ поставилъ неравенство, возникающее изъ того, что талантъ предпочитается добродѣтели, а въ отвѣтѣ польскому королю уже объявилъ неравенство источникомъ всѣхъ общественныхъ золъ: отъ него произошло богатство, отъ богатства—роскошь и праздность, а уже отъ послѣднихъ—науки и искусства. Исходнымъ пунктомъ второго трактата Руссо служитъ положеніе о равенствѣ всѣхъ людей по естественному праву, ибо если по природнымъ свойствамъ или возрасту и существуютъ неравенства въ естественномъ состояніи, то здѣсь они еще не влекутъ за собою тѣхъ послѣдствій, каковыми являются богатство, почести и власть. Въ этомъ сочиненіи Руссо сдѣлалъ попытку изобразить первобытное состояніе людей и возникновеніе гражданскаго общества: всѣ его симпатіи на сторонѣ перваго, а второе рисуется, наоборотъ, какъ какое-то паденіе, какъ утрата человѣкомъ его первоначальнаго блаженства, соединеннаго съ жизнью лишь одною животною стороною людской природы и одними естественными ощущеніями и инстинктами,—въ естественномъ состояніи всѣ добродѣтели, въ гражданскомъ—одни пороки! По мнѣнію Руссо, отъ животныхъ человѣкъ отличается не столько разумомъ, сколько свободною волею, да способностью къ совершенствованію, которую Руссо считаетъ, однако, источникомъ всѣхъ бѣдствій рода человѣческаго: безъ этой роковой способности человѣкъ вѣчно пользовался бы „спокойными и невинными днями“ первобытнаго состоянія. Само сознательное существованіе (état de réflexion) казалось Руссо противоестественнымъ, и человѣкъ, который разсуждаетъ—извращеннымъ животнымъ (un animal dépravé). Въ трактатѣ о неравенствѣ въ такихъ чертахъ и такими красками изображалась жизнь первобытныхъ людей, еще мало отличавшихся отъ животныхъ, и жизнь современныхъ намъ дикарей, что Вольтеръ, прочитавъ этотъ трактатъ, пожелалъ въ шутку стать на четвереньки и убѣжать въ лѣсъ.

„Первый, говоритъ Руссо, объясняя возникновеніе общества,—первый, кто, огородивъ кусокъ земли, выдумалъ назвать его своимъ и нашелъ такихъ простаковъ, которые ему повѣрили, былъ истиннымъ основателемъ гражданскаго общества. Сколько преступленій, сколько войнъ, сколько убійствъ, сколько бѣдствій и ужасовъ отвратилъ бы отъ человѣческаго рода тотъ, кто, вырвавши шесты и

засыпавши канаву, закричалъ бы себѣ подобнымъ: берегитесь слушать этого обманщика! вы погибли, разъ вы забудете, что плоды принадлежатъ всѣмъ, а земля никому... Пока, читаемъ мы нѣсколько далѣе, люди довольствовались грубыми хижинами, пока они пользовались, какъ одеждой, звѣриными шкурами, сшиваемыми при помощи рыбьихъ костей, украшали себя перьями и раковинами, расписывали свое тѣло разными красками... словомъ, пока они предавались работамъ, которыя могли дѣлаться однимъ человѣкомъ, и довольствовались искусствами, не требовавшими соединенія многихъ рукъ, они жили свободными, здоровыми, добрыми и счастливыми, насколько были къ этому способны отъ природы, и продолжали пользоваться прелестью независимыхъ взаимныхъ отношеній; но лишь только одинъ человѣкъ почувствовалъ нужду въ другомъ, лишь только стали примѣчать, что хорошо одному располагать пищею для двоихъ, равенство исчезло, водворилась собственность, обширные лѣса превратились въ веселыя поля, которыя нужно было теперь орошать пóтомъ людей и на которыхъ вскорѣ увидѣли всходы рабства и нищеты, возраставшіе вмѣстѣ съ посѣвами хлѣба“. Въ числѣ слѣдствій такого переворота, создавшаго неравенство богатыхъ и бѣдныхъ, Руссо указываетъ на всеобщую войну и необезпеченность, когда, наконецъ, „богатый, вынужденный необходимостью, создалъ самый обдуманный, какой только когда-либо приходилъ въ человѣческую голову, планъ—употребить въ свою пользу силы какъ разъ тѣхъ людей, которые на него нападали, превратить въ своихъ защитниковъ прежнихъ противниковъ, внушить имъ иныя правила и дать имъ другія учрежденія, которыя были бы настолько же для него благопріятны, насколько, наоборотъ, было противъ него естественное право“. И вотъ Руссо вкладываетъ богачу въ уста такого рода слова: „соединимся, чтобы защищать слабыхъ отъ притѣсненій, обуздывать честолюбцевъ и обезпечивать за каждымъ то, что ему принадлежитъ; установимъ правила правосудія и мира, съ которыми всѣ должны были бы сообразоваться;... соединимъ свои силы въ одной высшей власти, чтобы она нами управляла на основаніи мудрыхъ законовъ, охраняла и защищала всѣхъ членовъ союза, отражала общихъ враговъ и поддерживала между нами общее согласіе“. Но, думаетъ Руссо, выгодную сторону соединенія увидѣли всѣ, а то, что можно было обратить во зло, предусмотрѣли лишь тѣ самые люди, которые могли извлекать выгоды какъ разъ изъ опасной стороны союза. „Таково было или должно было быть происхожденіе общества и законовъ, приготовившихъ новыя путы для слабаго и давшихъ богатому новыя силы, безвозвратно разрушившихъ естественную свободу, установившихъ навсегда законъ собственности и неравенства, сдѣлавшихъ не-

оспоримое право изъ ловкаго захвата и подчинившихъ на вѣки ради выгоды нѣсколькихъ честолюбцевъ весь родъ человѣческій труду, рабству и нищетѣ". Затѣмъ Руссо говоритъ о происхожденіи правительства. Внутренніе безпорядки въ рождавшемся обществѣ принудили людей „вручить отдѣльнымъ лицамъ опасный залогъ общественной власти" съ обязанностью блюсти за тѣмъ, чтобы постановленія народа приводились въ исполненіе. Конечно, „народы поставили надъ собою начальниковъ для охраны своей свободы, а не для своего порабощенія", и первые начальники были выборными, но потомъ установилась наслѣдственность должностей въ пользу богатыхъ и знатныхъ, которые и стали пользоваться своею властью произвольно. Мрачными красками описываетъ Руссо послѣдствія установленія гражданскаго общества и такъ резюмируетъ свою общую мысль: „слѣдя за развитіемъ неравенства во всѣхъ этихъ переворотахъ, мы увидимъ, что установленіе закона и права собственности было первымъ шагомъ, учрежденіе начальства (magistrature)—вторымъ, а третьимъ и послѣднимъ — превращеніе законной власти во власть произвольную, такъ что въ первую эпоху было узаконено существованіе богатыхъ и бѣдныхъ, во вторую—различіе между сильнымъ и слабымъ, а въ третью—положенія господина и раба, т.-е. высшая ступень неравенства и предѣлъ, до котораго доходятъ всѣ другія неравенства". Общій выводъ Руссо тотъ, „что законамъ природы противорѣчитъ состояніе, при которомъ возможно, чтобы ребенокъ повелѣвалъ старцу, глупецъ управлялъ мудрымъ, и чтобы небольшая часть людей утопала въ изобиліи, когда голодная масса нуждается въ самомъ необходимомъ".

Это сочиненіе, къ которому, какъ къ произведенію публицистическому, конечно, менѣе всего можно прилагать мѣрку научнаго изслѣдованія или философскаго разсужденія, произвело весьма сильное впечатлѣніе на современниковъ. Хотя дижонская академія на сей разъ отказала Руссо въ преміи, но это не помѣшало автору издать свой трудъ, и слава его поднялась еще выше прежняго. Если въ первой диссертаціи Руссо явился, такъ сказать, культурнымъ реакціонеромъ, то во второй, не сходя съ занятой раньше позиціи, онъ выступилъ уже въ роли политическаго революціонера и даже предшественника соціалистовъ, хотя самъ онъ и не распространялъ свой принципъ политическаго равенства на экономическую сферу. Своимъ разсужденіемъ о неравенствѣ Руссо, кромѣ того, создалъ какъ бы противовѣсъ тому положительному методу изслѣдованія въ политическихъ наукахъ, который былъ введенъ „Духомъ законовъ" Монтескье. Въ научномъ отношеніи это былъ шагъ назадъ, потому что, вмѣсто собиранія фактовъ, какъ перваго условія научной работы, Руссо,

такъ сказать, рекомендовалъ чистую идеологію, и, напримѣръ, подъ его вліяніемъ аб. Мабли (1709—1785), сначала изучавшій политику по методу Монтескье, сталъ, какъ самъ онъ выражается, „для уясненія себѣ обязанностей законодателя заглядывать въ тайники своего сердца и изучать свои чувства".

Мы не будемъ долго останавливаться на философскомъ романѣ Руссо „Эмиль или о воспитаніи". Руссо имѣлъ не только политическое, но и культурное вліяніе на современниковъ, между прочимъ еще своею „Новою Элоизой", которою внушалъ влеченіе къ простому образу жизни, любовь къ природѣ и деревнѣ, гуманныя чувства къ народу, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы приглашалъ отказаться отъ дѣятельнаго пользованія умственными способностями, дабы предаваться мечтательному созерцанію. Но кто хочетъ именно познакомиться съ моральною проповѣдью Руссо, тотъ долженъ обратиться главнѣйшимъ образомъ къ „Эмилю". Руссо вообще стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что все прекрасно, когда только что вышло изъ рукъ Творца, и все искажается въ рукахъ человѣка, т.-е. что человѣкъ по природѣ своей хорошъ, но что жизнь его всегда портитъ. Задача воспитанія по его мнѣнію, въ томъ и состоитъ, чтобы ослабить эту порчу, но отнюдь не въ томъ, чтобы искоренять естественныя наклонности человѣка. „Эмилемъ" (въ теоретической своей сторонѣ опирающимся на Локка) нанесенъ былъ ударъ старой педагогикѣ и открыты въ этой области новыя перспективы. Эта книга сдѣлалась, по выраженію Гете „das Naturewangelium der Erziehung" и оказала вліяніе не только на матерей, которыя въ то время, по выраженію Мишле, всѣ были беременны Эмилемъ, но и на теоретиковъ педагогіи, изъ которыхъ особенное вниманіе обращаетъ на себя знаменитый Песталоцци. Однимъ изъ наиболѣе интересныхъ эпизодовъ книги является знаменитое „Исповѣданіе вѣры савойскаго викарія", важное для характеристики религіозныхъ воззрѣній Руссо. Его религіей былъ деизмъ, но не разсудочный деизмъ Вольтера, а деизмъ, вытекающій изъ потребностей сердца, и связь идеи Бога съ моралью у Руссо иная, чѣмъ у Вольтера. Фернейскій философъ считалъ вѣру въ Бога необходимою санкціею нравственности съ чисто общественной точки зрѣнія, такъ какъ, по его мнѣнію, трудно и даже невозможно было бы управлять государствомъ, состоящимъ изъ атеистовъ, но у Руссо на первомъ планѣ внутренній голосъ совѣсти, этого „инстинкта души". Вольтеръ выступалъ врагомъ христіанства съ раціоналистической точки зрѣнія, для Руссо святость Евангелія была „аргументомъ, говорившимъ его сердцу", и въ христіанской морали онъ находилъ „привлекательность и чистоту" и восторгался „трогательною прелестью въ поученіяхъ" этой книги, „возвышенностью въ ея принципахъ и глубокою мудростью

въ ея бесѣдахъ". Такимъ образомъ критеріемъ истины и здѣсь для Руссо было чувство. Подобными заявленіями онъ не удовлетворилъ, однако, вѣрующихъ, а со стороны невѣрующихъ встрѣтилъ вражду, такъ какъ для первыхъ онъ слишкомъ рѣзко примыкалъ къ деизму, нападая на конфессіональную исключительность и католицизма, и протестантизма, а по отношенію ко вторымъ появленіе „Исповѣданія савойскаго викарія" въ самый разгаръ матеріалистическихъ стремленій было своего рода вызовомъ на борьбу. Нужно, однако, замѣтить, что эта религія сердца, эта индивидуальная вѣра не имѣетъ ничего общаго съ тою гражданской религіей, которую Руссо устанавливаетъ въ „Общественномъ договорѣ". Вообще у него, какъ у человѣка чувства, мы встрѣчаемъ массу противорѣчій, и если онъ, напримѣръ, рекомендуетъ въ „Эмилѣ" домашнее воспитаніе, какъ наилучшимъ образомъ разрѣшающее задачу образованія „естественнаго человѣка", то тамъ, гдѣ онъ разсматриваетъ не индивидуумъ, а общество, онъ, наоборотъ, стоитъ за воспитаніе гражданское.

Переходимъ къ самому главному сочиненію Руссо: „Общественный договоръ" — весьма важный для уразумѣнія духа XVIII в. политическій трактатъ: *онъ можетъ служить образцомъ того чисто раціоналистическаго и абстрактнаго отношенія къ обществу*, которое характеризуетъ философію эпохи. Съ другой стороны, онъ имѣлъ громадное вліяніе на политическое воспитаніе французскаго общества, и идеи этого трактата сдѣлались руководящими принципами революціи, особенно во второмъ фазисѣ ея развитія [1]).

Въ самомъ дѣлѣ, основа „Общественнаго договора" чисто раціоналистическая. „Человѣкъ, по Руссо, родился свободнымъ и вездѣ онъ въ цѣпяхъ", а общественный порядокъ „не дается природою, слѣдовательно, онъ основанъ на соглашеніяхъ (conventions), потому весь вопросъ въ томъ, чтобы узнать, въ чемъ заключаются эти соглашенія". Свободно-рожденный человѣкъ, изъ отвлеченнаго понятія о которомъ такимъ образомъ исходитъ Руссо, является у него вмѣстѣ съ тѣмъ существомъ преимущественно разумнымъ, т.-е. Руссо не принимаетъ въ расчетъ ни тѣхъ отношеній зависимости человѣка отъ другихъ людей, среди которыхъ человѣкъ является въ свѣтъ, ни того обстоятельства, что далеко не всѣ люди поступаютъ разумно, и что вообще не одинъ разумъ руководитъ человѣческими поступками: какъ разъ самые ревностные преслѣдователи Руссо дѣйствовали впослѣдствіи, руководимые прежде всего страстью. Взявъ за исход-

[1]) Лучшее въ настоящее время изданіе *E. Dreyfus-Brisac'a*: *J. J. Rousseau*. Du Contrat social. Edition comprenant avec le texte définitif les versions primitives de l'ouvrage collationnées sur les manuscrits autographe de Genève et de Neuchâtel, une introduction et des notes. 1896.

ный пунктъ своего разсужденія отвлеченную личность, а не реальнаго человѣка, Руссо думалъ, однако, что онъ беретъ людей таковыми, каковы они суть на самомъ дѣлѣ, и даже особенно ставилъ это на видъ читателю. И вотъ у него люди, эти вполнѣ разумныя существа, совершенно сознательно и вполнѣ добровольно вступаютъ въ союзъ на основаніи взаимнаго договора, а затѣмъ и государство является именно такимъ союзомъ, имѣющимъ своею цѣлью общее благо, которое, по Руссо, не только для всѣхъ одинаково, но и всѣми одинаково понимается.

Ученіе о договорномъ происхожденіи государства существовало ранѣе Руссо: за цѣлое до него столѣтіе Гоббзъ уже отрицалъ общежительную природу человѣка, признававшуюся древними, а изъ новыхъ, напримѣръ, Гроціемъ (appetitus societatis), но зато Руссо совершенно по-своему понялъ содержаніе этого договора, не говоря уже о томъ, что у него рѣчь идетъ уже не о договорѣ между правительствомъ и народомъ, о которомъ учили кальвинистическіе и индепендентскіе писатели XVI и XVII вв.; Руссо даже совершенно отрицалъ подобный договоръ. Въ силу изначальнаго договора у него создается верховная власть народа (souveraineté du peuple), и хотя опять-таки въ ученіи о народовластіи Руссо имѣлъ многочисленныхъ предшественниковъ въ средніе вѣка и въ новое время, тѣмъ не менѣе и тутъ онъ особеннымъ образомъ понялъ идею, превративъ прежнее, чисто идеальное представленіе прямо въ какую-то реальную величину, такъ какъ у него вся совокупность народа является какъ бы единственной инстанціей, опредѣляющею всю будущую дѣятельность государства. Содержаніе самого общественнаго договора у Руссо выражено въ слѣдующихъ словахъ: „найти такую форму соединенія (association), которая защищала бы и охраняла всею своею общею силою личность и имущество каждаго своего члена (associé) и посредствомъ которой каждый, соединяясь со всѣми, повиновался бы, однако, лишь самому себѣ, оставаясь столь же свободнымъ, какъ и раньше“. Другими словами, по Руссо, человѣкъ долженъ былъ бы сохранять въ государствѣ всю свободу естественнаго состоянія; но въ той же самой главѣ, гдѣ дана приведенная формула, основнымъ условіемъ договора считается „совершенное отчужденіе личностью всѣхъ своихъ правъ въ пользу общества“ (l'aliénation totale de chaque associé avec tous ses droits à toute la communauté) и притомъ отчужденіе безъ какихъ бы то ни было ограниченій (sans réserve), ибо, поясняетъ Руссо, „если бы у частныхъ лицъ оставались какія-либо права, то въ виду отсутствія высшаго трибунала, который могъ бы разрѣшать споры между нимъ и обществомъ (le public), каждый, будучи нѣкоторымъ образомъ собственнымъ судьею, вообразилъ бы себя скоро и судьею всѣхъ“. Руссо думаетъ, впрочемъ,

что „когда каждый отдаетъ себя въ распоряженіе всѣхъ, онъ въ сущности не отдается никому“. „Разъ, разсуждаетъ онъ еще, носитель верховной власти (le souverain. т.-е. народъ) состоитъ изъ образующихъ его частныхъ лицъ, у него нѣтъ и быть не можетъ интересовъ, противоположныхъ ихъ интересамъ, и слѣдовательно нѣтъ надобности, чтобы верховная власть была обставлена гарантіями со стороны подданныхъ, ибо невозможно, чтобы тѣло захотѣло вредить всѣмъ своимъ членамъ“ (какъ-будто большинство не могло бы нарушать правъ меньшинства или единичныхъ лицъ). Во всякомъ случаѣ *индивидуальная свобода въ государствѣ Руссо ничѣмъ не обезпечивается.* Далѣе, прежнія ученія о народовластіи оставляли за правительствомъ самостоятельное значеніе, но у Руссо суверенитетъ народа понимается не въ смыслѣ первичной основы власти, а въ смыслѣ самаго непосредственнаго ею пользованія, и державный народъ, какъ совокупность всей массы гражданъ, проявляетъ непосредственно законодательную власть. У Гоббза народъ передаетъ абсолютную власть надъ собою правительству, у Руссо, наоборотъ, эта власть сохраняется всецѣло народомъ. По опредѣленію, данному въ „Contrat social“, эта верховная власть народа неотчуждаема, недѣлима, непогрѣшима, неограничима. Вотъ какъ самъ Руссо говоритъ обо всемъ этомъ. „Верховная власть, будучи лишь проявленіемъ (exercice) общей воли, никогда не можетъ быть отчуждаема, и государь (le souverain, т.-е. носитель верховной власти, а у Руссо это — весь народъ), какъ существо собирательное (être collectif), можетъ быть представляемъ только самимъ собою: власть (le pouvoir) можетъ еще передаваться, но не воля... По той же причинѣ, по которой верховная власть неотчуждаема, она и недѣлима, ибо воля есть общая или ея нѣтъ, т.-е. она есть воля всего народа или его части“. Руссо дѣлаетъ здѣсь примѣчаніе такого рода: „для того, чтобы воля была общей, нѣтъ надобности, чтобы она всегда была единодушна, но необходимо, чтобы всѣ голоса были сосчитаны“; но вообще опредѣленіе „общей воли“ у него очень неясно, и если онъ отличаетъ ее (la volonté générale) отъ „воли всѣхъ“ (la volonté de tous), то онъ все-таки не показываетъ, какимъ образомъ можетъ возникнуть общая воля тамъ, гдѣ существуютъ разные классы, партіи и частные интересы, образующіе неодинаковыя воли. „Общая воля, думаетъ онъ далѣе, всегда права и постоянно стремится къ общественной пользѣ... Народъ всегда желаетъ собственнаго блага; но не всегда его видитъ: никогда нельзя подкупить народъ, но его можно обмануть, и лишь тогда кажется, будто онъ желаетъ того, что дурно“. „Какъ природа, наконецъ, даетъ каждому человѣку абсолютную власть надъ всѣми его членами, общественный договоръ (le pacte social) даетъ политическому тѣлу надъ всѣми его членами такую же абсо-

лютную власть, и она-то, направляемая общею волею, носитъ названіе верховной власти“. Однимъ словомъ, государственный абсолютизмъ, отдаваемый Гоббзомъ правительству, у Руссо переносится на весь народъ: *свободу народа онъ смѣшиваетъ съ властью народа, а равенство понимаетъ не въ смыслѣ равенства гражданскихъ правъ, а въ смыслѣ равенства во власти*, и цѣлью равенства у Руссо является не пользованіе личною свободою и индивидуальными способностями, а непосредственное участіе во власти, т.-е. лишь бы всѣ были равны во власти, а тамъ пускай послѣдняя будетъ безпредѣльна, какъ бы Руссо при этомъ ни оговаривался въ томъ смыслѣ, что общая воля, руководимая разумомъ, и потребовать не можетъ, чтобы на личность были наложены безполезныя цѣпи. Между прочимъ, въ самомъ концѣ „Общественнаго договора“ есть глава о гражданской религіи. Руссо находитъ, что христіанство, отвлекая сердца людей отъ всего земного, отрываетъ ихъ и отъ государства,—и потому считаетъ необходимымъ, чтобы верховная власть установила чисто гражданское исповѣданіе вѣры съ правомъ изгнанія изъ государства всякаго, кто не станетъ вѣрить въ ея заповѣди, какъ человѣка непригоднаго къ общественной жизни, а „если, продолжаетъ Руссо, кто-либо, публично признавъ догматъ этой религіи, будетъ вести себя такъ, какъ-будто онъ въ нихъ не вѣритъ, то онъ долженъ быть наказанъ смертью, какъ человѣкъ, который совершилъ величайшее преступленіе, солгавъ передъ законами“. Въ число догматовъ этой религіи (вѣра въ Бога, въ безсмертіе души, въ загробное воздаяніе и въ святость общественнаго договора и законовъ) Руссо включаетъ запрещеніе нетерпимости, и тотъ, кто вѣритъ, что внѣ церкви нѣтъ спасенія, по его мнѣнію, долженъ быть прямо изгоняемъ изъ государства. Врагъ нетерпимости, Руссо не замѣчаетъ, какъ онъ самъ вводитъ нетерпимость въ свою государственную религію. Такимъ образомъ *его политическая теорія, проповѣдуя самое широкое народовластіе, соединяетъ послѣднее въ сущности съ отрицаніемъ индивидуальной свободы.*

Эта теорія существеннымъ образомъ отличается отъ ученія Монтескье. Авторъ „Духа законовъ“ признаетъ за народомъ право участія въ законодательствѣ, но въ формѣ представительства и подъ условіемъ раздѣленія властей; наоборотъ, Руссо былъ сторонникомъ непосредственнаго народовластія и неограниченности государственной власти античныхъ республикъ. Монтескье отказывался признавать чистыя демократіи древняго міра свободными республиками, но *на политическомъ мышленіи Руссо, какъ и на другихъ политическихъ писателяхъ эпохи сильно сказывалось вліяніе именно классическихъ образцовъ*, и та самая Англія, которая авторомъ „Духа законовъ“ ставилась въ примѣръ свободнаго государственнаго устройства, у Руссо и у дру-

гихъ политиковъ того же направленія (напримѣръ, у Мабли) являлась, наоборотъ, примѣромъ, котораго слѣдуетъ остерегаться. „Верховная власть, говоритъ Руссо, не можетъ быть представляема“, а потому „депутаты народа не могутъ быть его представителями, ибо они суть только его приказчики (commissaires), не имѣющіе права дѣлать окончательныхъ постановленій. Всякій законъ, не утвержденный непосредственно народомъ, не имѣетъ силы; это и не законъ вовсе. Англійскій народъ воображаетъ себя свободнымъ и глубоко за блуждается: онъ свободенъ лишь во время выборовъ въ парламентъ, но едва только выборы кончаются, онъ дѣлается рабомъ, онъ ничто. Въ короткія минуты своей свободы онъ пользуется ею такъ, что вполнѣ заслуженно ее теряетъ“. Кромѣ того, признавая недѣлимость верховной власти, онъ вооружается противъ извѣстнаго ученія Монтескье о раздѣленіи властей. Наши политики, говоритъ онъ, „дѣлаютъ изъ суверена существо фантастическое, какъ бы составленное изъ разныхъ кусковъ, какъ если бы они стали составлять человѣка изъ многихъ тѣлъ, изъ которыхъ у одного были бы лишь глаза, у другого руки, у третьяго ноги и больше ничего. Разсказываютъ, что японскіе фокусники разрубаютъ ребенка на глазахъ зрителей, бросаютъ въ воздухъ его члены одинъ за другимъ и получаютъ въ свои руки ребенка живымъ и невредимымъ. Таковы приблизительно и фокусъ-покусы нашихъ политиковъ: расчленивъ общественное тѣло чудеснымъ способомъ, достойнымъ показыванія на ярмаркахъ, они опять соединяютъ его куски неизвѣстно какимъ образомъ“.

Все дѣло въ томъ, далѣе, что у Монтескье исполнительная власть пользуется самостоятельностью по отношенію къ власти законодательной, тогда какъ у Руссо исполнительная власть, или правительство въ тѣсномъ смыслѣ, является лишь вполнѣ зависимымъ приказчикомъ суверевнаго народа. Если, съ другой стороны, у Гоббза народъ отказывается въ пользу правительства цѣликомъ отъ своей верховной власти, то у Руссо послѣдняя, какъ было сказано, остается за народомъ. Авторъ „Общественнаго договора“ считаетъ поэтому деспотіей всякую государственную форму, при которой верховная власть не принадлежитъ народу, а республикою называетъ всякое государство, гдѣ сувереномъ является народъ, хотя бы правительство было монархическое, разъ только правитель есть лишь простой исполнитель воли державнаго народа. И классификація формъ правленія у Руссо отличается отъ общеупотребительной: въ ея основу положено не то, кому принадлежитъ верховная власть, а то, изъ кого состоитъ правительство, и съ этой точки зрѣнія демократическимъ правленіемъ было бы такое, при которомъ всѣ граждане, имѣя законодательную власть, пользовались бы сверхъ того и правомъ приводить въ исполненіе

законы. Самъ Руссо, однако, находитъ, что „если бы существовалъ народъ боговъ, то онъ управлялся бы демократически“, но что „такое совершенное правленіе не подходитъ къ людямъ“. Другими словами правительствомъ не можетъ быть весь народъ. Различая въ государствѣ законодательную и исполнительную власти, какъ волю и силу, Руссо вообще называетъ „правительствомъ, или высшей администраціей законное пользованіе исполнительною властью, а правителемъ (prince) или магистратомъ лицо или учрежденіе, на которое возложена эта администрація“. Онъ отрицаетъ при этомъ существованіе договора между народомъ и правительствомъ, такъ какъ есть только одинъ первоначальный договоръ, образующій государство, и всякій другой былъ бы лишь его нарушеніемъ. Дѣлая весь народъ единственнымъ носителемъ неограниченной верховной власти по отношенію къ отдѣльной личности, Руссо, наконецъ, лишаетъ и правительство не только всякой самостоятельности по отношенію къ суверенному народу, но и всякой устойчивости. Именно дабы правительство не могло захватить верховную власть и сдѣлаться деспотическимъ, Руссо совѣтуетъ, чтобы народъ время отъ времени самъ собою собирался и чтобы на его собраніяхъ непремѣннѣйшимъ образомъ ставились и пускались на голоса два вопроса: желаетъ ли державный народъ сохранить данную правительственную форму и желаетъ ли онъ оставить исполнительную власть въ рукахъ лицъ, которымъ она въ данный моментъ ввѣрена? Мало того: народъ всегда можетъ нарушить и самый договоръ, на которомъ основано государство. Такимъ образомъ однѣми сторонами своей теоріи узаконяя деспотизмъ государства надъ личностью, другими сторонами той же теоріи Руссо вводитъ въ государственную жизнь начало анархіи,—до такой степени въ немъ уживались противорѣчія,—и его теорія поэтому была не столько теоріей государства, сколько теоріей революціи.

Прибавимъ еще, что Руссо не отрицалъ монархію или королевскую власть, какъ государственную форму, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже предпочитая ее коллективному правительству, но его монархъ не государь (souverain), а республиканскій сановникъ, хотя и называющійся королемъ. Подобная королевская власть съ верховенствомъ сувереннаго народа существовала въ Польшѣ, гдѣ роль такого народа играла, какъ извѣстно, шляхта. По просьбѣ поляковъ Руссо написалъ объ ихъ государственномъ устройствѣ особое сочиненіе („Considérations sur le gouvernement de Pologne“), въ которомъ онъ вообще выразилъ сочувствіе польской республиканской монархіи. Во Франціи эта идея равнымъ образомъ сдѣлалась популярной, и если конституція 1791 г. заимствовала у Монтескье представительную систему и принципъ раздѣленія властей, то въ самое основаніе этой конститу-

ціи все-таки были положены идеи Руссо о народовластіи и о монархіи въ смыслѣ учрежденія, существующаго лишь для исполненія воли суверениаго народа.

XV. Дидро и Энциклопедисты [1]).

Эпоха наибольшаго развитія французской оппозиціонной литературы.—Условія, среди которыхъ она развивалась.—Правительство и писатели.—Духовенство и новая литература.—Гуманисты и просвѣтители.—Дидро и его значеніе.—Исторія «Энциклопедіи».—Ея общій характеръ.—Энциклопедисты и ихъ воззрѣнія.—Идеи Дидро.—Гельвецій, Гольбахъ и Рейналь, ихъ идеи и значеніе ихъ книгъ.

Въ тѣхъ рамкахъ, которыхъ приходится держаться нашему изложенію исторіи „просвѣщенія" XVIII вѣка, нѣтъ возможности останавливаться съ такими же подробностями на другихъ выдающихся писателяхъ XVIII в., какъ это было сдѣлано относительно Вольтера, Монтескье и Руссо. Послѣдніе два писателя имѣли рѣшительное вліяніе на выработку политическихъ воззрѣній французскаго общества въ послѣднія десятилѣтія передъ революціей 1789 г., а Руссо сверхъ того сильно содѣйствовалъ въ этомъ обществѣ образованію особаго настроенія ума и чувства, особенно рельефно проявившагося уже въ эпоху самой революціи, подобно тому какъ Вольтеръ своею дѣятельностью наиболѣе способствовалъ перевороту въ общемъ міросозерцаніи эпохи. Другіе писатели этой эпохи равнымъ образомъ или, какъ Вольтеръ, были представителями преимущественно умственной оппозиціи, направленной главнымъ образомъ противъ католической церкви, или представителями политическаго и соціальнаго протеста противъ несправедливостей старыхъ государственныхъ и общественныхъ порядковъ. Въ исторіи „просвѣщенія" XVIII в. нужно вообще различать эти два періода—періодъ борьбы за духовную свободу, бывшій подготовительнымъ по отношенію ко второму періоду, и этотъ второй періодъ—теоретическаго разрушенія старыхъ политическихъ и соціальныхъ принциповъ и порядковъ и проповѣди новыхъ идей, на основаніи которыхъ должно было впослѣдствіи совершиться преобразованіе государства и общества. *Гранью между эпохами, когда философія XVIII вѣка имѣла характеръ преимущественно только умственнаго*

[1]) Кромѣ ранѣе указывавшихся сочиненій (особенно „Исторіи матеріализма" *Ланге*), см. *Cousin*. Philosophie sensualiste au XVIII s.—*Duprat*. Les encyclopédistes.—*Дж. Морлей*. Дидро и энциклопедисты.—*Raumer*. Diderot und seine Werke.—*K. Rosenkranz*. Diderots Leben und Werke.—*Scherer*. Diderot.—*Louis Ducros*. Diderot, l'homme et l'écrivain.—*Ducros*. Diderot.—*Reinach*. Diderot.—*B. A. Бильбасовъ*. Дидро въ Петербургѣ.—*Bertrand*. D'Alembert.

протеста, и когда новыя начала стали прилагаться къ вопросамъ политики и соціальныхъ отношеній, можно считать 1750 годъ. Въ самомъ дѣлѣ, „Духъ законовъ", положившій начало развитію французской политической литературы XVIII в., вышелъ въ свѣтъ лишь въ 1748 г.; и только въ 1749 г. было написано первое разсужденіе Руссо, въ которомъ онъ сдѣлалъ нападеніе на современную цивилизацію, а его „Общественный договоръ" относится лишь къ 1762 г. Съ другой стороны, „Энциклопедія", въ которой объединились духовная оппозиція и оппозиція политическая, задумана была въ концѣ сороковыхъ годовъ, но первый ея томъ вышелъ въ свѣтъ въ 1751 г.; къ 1755 г. относится „Кодексъ природы" аб. Морелле; не ранѣе 1758 г., когда между прочимъ появилась и книга Гельвеція „De l'esprit", началось и развитіе экономической литературы, направлявшей свои удары на тѣ принципы, которые лежали въ основѣ старыхъ хозяйственныхъ порядковъ. Шестидесятые и начало семидесятыхъ годовъ были вообще временемъ, когда философія XVIII в. сказала свое послѣднее слово: въ 1762 г., кромѣ „Contrat social", появился и „Эмиль" Руссо; въ 1765 г. была окончена „Энциклопедія"; черезъ пять лѣтъ послѣ этого вышла въ свѣтъ „Система природы" Гольбаха (1770), за которую черезъ два года послѣдовала весьма вліятельная въ свое время „Философская и политическая исторія европейскихъ колоній и европейской торговли въ обѣихъ Индіяхъ" Рэйналя (1772) и одновременно съ этимъ была закончена вполнѣ „Энциклопедія" изданіемъ 11 томовъ гравюръ. Съ конца семидесятыхъ годовъ дѣятели этой литературы начинаютъ уже сходитъ со сцены: въ 1778 г. умираютъ Вольтеръ и Руссо, а наиболѣе видные изъ энциклопедистовъ, какъ стали называться послѣдователи новой философіи по своему громадному литературному предпріятію, были большею частью сверстниками Руссо: Дидро, глава энциклопедистовъ, родился въ 1713 г., его главный сотрудникъ д'Аламберъ—въ 1717 г., Гельвецій—въ 1715 г., Кондильякъ—въ 1715 г. и т. д. Въ восьмидесятыхъ годахъ передъ революціей сходятъ со сцены Тюрго (ум. 1781), д'Аламберъ (1783), Дидро (1784), Мабли (1785), Гольбахъ (1789) и др. Къ 1789 г. старое поколѣніе теоретиковъ смѣнилось новымъ поколѣніемъ практическихъ дѣятелей, изъ которыхъ лишь очень немногіе могутъ быть причислены къ крупнымъ писателямъ въ духѣ философіи XVIII в. Изъ нихъ здѣсь слѣдуетъ назвать развѣ только Кондорсэ (род. 1743), еще очень молодымъ человѣкомъ принимавшаго участіе въ „Энциклопедіи", а въ зрѣломъ возрастѣ игравшаго роль въ революціи, да Мирабо (род. 1749), который еще до своего выступленія въ роли трибуна прославилъ свое имя, какъ авторъ „Опыта о деспотизмѣ".

Хронологія выхода въ свѣтъ главнѣйшихъ произведеній фран-

цузской просвѣтительной литературы показываетъ, что *наиболѣе боевымъ періодомъ въ ея исторіи были пятидесятые и шестидесятые годы, къ которымъ нужно прибавить еще самый конецъ сороковыхъ и начало семидесятыхъ.* Эта четверть вѣка, на которую приходится и фернейскій, „героическій“ періодъ жизни Вольтера и все время литературной дѣятельности Руссо, была именно второю половиною царствованія Людовика XV. Этотъ король умеръ въ 1774 г. и со вступленіемъ на престолъ Людовика XVI начались новыя времена, когда умственное движеніе предыдущихъ десятилѣтій стало переходить въ движеніе чисто политическое. Чтобы понять боевой характеръ французской литературы въ третьей четверти XVIII в., нужно лишь припомнить условія, въ какія она была поставлена въ эти годы. Въ то время, какъ французскіе писатели были въ большомъ почетѣ у правительствъ другихъ странъ. въ то время, какъ Фридрихъ II, а съ шестидесятыхъ годовъ и Екатерина II были съ ними въ дружбѣ, переписывались съ ними и оказывали имъ покровительство, на родинѣ эти писатели подвергались всякаго рода стѣсненіямъ, гоненіямъ и преслѣдованіямъ. Не одного Вольтера заставляло это издавать свои сочиненія за границей или тайно, безъ обозначенія авторства, или подъ чужими именами, иногда съ невѣрными указаніями на годъ и мѣсто напечатанія книги, а при случаѣ заставляло и отрекаться отъ авторства во избѣжаніе непріятностей; чуть ли не одинъ только Руссо въ этомъ отношеніи не подражалъ примѣру своихъ товарищей. Самимъ писателямъ грозила Бастилія или другія подобныя тюрьмы, ихъ книгамъ — конфискація, сожженіе, а издателямъ и книгопродавцамъ — разнаго рода штрафы и другія наказанія. Правительство накладывало руку и на самое право литературной собственности, когда книга не была ему непріятна, но авторъ ея уже не былъ въ живыхъ; въ 1777 г. королевскій совѣтъ декретировалъ, что литературная собственность есть привилегія, воспользоваться которою можно только съ разрѣшенія короля, т.-е. правительство готово было и къ литературѣ примѣнить систему, практиковавшуюся имъ въ промышленности, когда оно хотѣло дѣлать мастеровъ въ цехахъ и изъ торговли патентами извлекать доходы. Типографіи и книжная торговля были подчинены не только строжайшему надзору, но и цеховому устройству и разнымъ стѣсненіямъ въ родѣ, напримѣръ, права содержать въ Парижѣ заведенія, имѣющія отношеніе къ книжному дѣлу, лишь въ одномъ Латинскомъ кварталѣ. Это, впрочемъ, породило только продажу книгъ въ разносъ, а затѣмъ и сильную контрабанду, такъ какъ разносчики или сами стали перепечатывать книги тайно и даже безъ авторскаго разрѣшенія, или начали покупать ихъ у заграничныхъ контрафакторовъ. Такія отношенія только способствовали распространенію запре-

щенныхъ изданій по дешевымъ цѣнамъ, хотя авторы и терпѣли отъ этого матеріальные убытки.

Въ XVIII в. французское правительство было весьма часто во враждебныхъ столкновеніяхъ съ духовенствомъ и парламентами; въ свою очередь, послѣдніе, представляя собою янсенистскую оппозицію, жили въ постоянной ссорѣ съ іезуитами и вообще съ духовенствомъ. Зато по отношенію къ новой литературѣ и правительство съ духовенствомъ и парламентами, и іезуиты съ янсенистами дѣйствовали вполнѣ единодушно. Въ то время, какъ въ другихъ странахъ принимался принципъ вѣротерпимости, а Фридрихъ II и Екатерина II прославлялись за то, что вступились за попранныя права польскихъ диссидентовъ и наказали первымъ раздѣломъ фанатическую республику, французская монархія была представительницей католической реакціи въ духѣ тѣхъ мѣръ, которыми сопровождалась отмѣна нантскаго эдикта. Вспомнимъ хотя бы дѣла Рошета, Каласа и Сирвена для того, чтобы имѣть примѣры той нетерпимости, какую проявляла католическая церковь во Франціи. Мы видѣли, что поэтому Вольтеру католицизмъ и казался главною крѣпостью фанатизма и предразсудковъ, которую прежде всего слѣдовало разрушить. Этотъ нетерпимый, фанатически преслѣдовавшій все живое и новое, католицизмъ находился во Франціи вдобавокъ въ тѣсномъ союзѣ съ деспотическимъ правительствомъ, несмотря на всѣ ссоры, происходившія между духовною и свѣтской властями, а потому весьма понятно, что писатели XVIII в. видѣли въ церкви какъ бы основу и воплощеніе всѣхъ золъ, съ которыми они считали себя призванными бороться. Французскій клиръ той эпохи не могъ внушать къ себѣ ни уваженія, ни расположенія. Своею нравственною испорченностью, роскошнымъ образомъ жизни, легкомысліемъ и порочностью аристократическіе прелаты и свѣтскіе аббаты, нерѣдко подозрѣваемые даже въ невѣріи, напоминаютъ намъ развращенное итальянское духовенство передъ реформаціей, но въ то же время это сословіе отличалось еще властолюбіемъ, нетерпимостью и жестокостью, переносящими насъ въ эпоху католической реакціи. Государство, поддерживавшее всѣ притязанія духовенства, лишь бы только послѣднее не затрогивало непосредственныхъ интересовъ власти, уже по одному этому должно было сдѣлаться предметомъ нападокъ со стороны писателей, которые, подобно Вольтеру, особенно дорожили духовною свободою. Но критическая мысль не могла остановиться на той точкѣ, далѣе которой почти не шелъ протестъ Вольтера, и умозрительное направленіе оппозиціонной литературы должно было перейти въ направленіе прямо общественнаго характера.

Мы уже знаемъ, что „просвѣщеніе“ XVIII в. въ лицѣ Вольтера въ своей оппозиціи католицизму стало на иную точку зрѣнія, нежели

тѣ точки зрѣнія, на которыя становились всѣ предыдущія культурныя движенія. Оппозиція католицизму въ болѣе раннія времена была или свѣтскою, или религіозною, чему въ культурной сферѣ соотвѣтствовали гуманизмъ и протестантизмъ. „Просвѣщеніе“ XVIII в. являлось продолженіемъ гуманизма, но продолженіемъ, осложненнымъ новыми пріобрѣтеніями человѣческаго ума и новыми вліяніями исторической жизни. Гуманизмъ сталъ въ разрѣзъ съ средневѣковымъ католическимъ міросозерцаніемъ преимущественно въ области индивидуальной морали, но его сравнительно мало интересовали міръ физическій и міръ общественныхъ отношеній; снисходительная же терпимость церкви къ неправовѣрнымъ воззрѣніямъ гуманистовъ не давала поводовъ къ тому, чтобы послѣдніе возставали противъ католицизма на той почвѣ, которую католическая реакція создала для борьбы противъ церкви въ философіи XVIII в. „Просвѣтители“ прошлаго столѣтія были такъ же, какъ и гуманисты XIV—XV вв., противниками аскетизма и защитниками инстинктовъ человѣческой природы, проповѣдуя необходимость слѣдовать естественнымъ влеченіямъ; но въ то же время они не только принципіально отстаивали независимость человѣческаго разума и свободу мысли, проявившуюся уже въ дѣятельности гуманистовъ, а выступили еще и въ качествѣ людей, которые, *не ограничиваясь въ области міросозерцанія одною моралью и въ области практической жизни—одними вопросами индивидуальнаго бытія, захватывали въ кругъ своихъ умозрѣній и внѣшнюю природу, и общественные порядки.* Въ первомъ отношеніи они опирались на успѣхи естествознанія, во второмъ отражали на себѣ ту неудовлетворенность старыми политическими и соціальными формами, которая искала соотвѣтственнаго проявленія въ общественной мысли и должна была найти его, разъ на помощь къ этому чувству недовольства приходила критическая мысль. Въ то самое время, какъ въ умѣ замѣчательнаго натуралиста эпохи, Бюффона (1707—1788), возникла мысль охватить въ одной книгѣ („Естественная исторія“) жизнь всей природы на основаніи новыхъ научныхъ выводовъ и гипотезъ, разрывавшихъ всякую связь съ прежними традиціями въ этой области (около 1750 г.), и въ то время, какъ Руссо набрасывалъ на бумагу первыя мысли, сдѣлавшіяся потомъ исходнымъ пунктомъ его соціальнаго протеста, на сцену выступилъ еще одинъ писатель, который съумѣлъ соединить въ себѣ и научно-философскіе интересы Бюффона, и морально-соціальныя стремленія Руссо, и вотъ онъ задумалъ такое литературное *предпріятіе, въ которомъ всѣ выдающіеся писатели эпохи должны были соединить свои усилія, дабы провести въ широкіе круги читающей публики новыя воззрѣнія на міръ, на человѣка и на государство.* Это былъ Дидро, а предпріятіе называлось „Энциклопе-

діей", которая и сдѣлалась главнымъ памятникомъ XVIII в., какъ литературный протестъ и противъ стараго міросозерцанія, и противъ стараго порядка.

Нѣкоторые писатели (напримѣръ, Ог. Контъ) оспариваютъ у Вольтера право считаться главнымъ представителемъ французской философіи XVIII в., считая величайшимъ геніемъ этого столѣтія именно Дидро. Другіе, устраняя Монтескье, сфера вліянія котораго на общественную жизнь была ограничена лишь областью вопросовъ государственнаго права и законодательства, также ставятъ имя Дидро на ряду съ именами Вольтера и Руссо. Хотя онъ и уступалъ обоимъ въ силѣ литературнаго таланта [1]), но зато у него одного была въ умѣ настоящая идея о научномъ методѣ, которой лишены были и Вольтеръ съ своимъ блестящимъ и проницательнымъ раціонализмомъ, и Руссо, вдохновлявшійся страстью и чувствомъ (Морлей). По своимъ нравственнымъ качествамъ Дидро тоже стоялъ выше обоихъ названныхъ писателей; въ моральномъ отношеніи его даже сравниваютъ съ Сократомъ. Почти всю жизнь Дидро приходилось, подобно Руссо, бѣдствовать и перебиваться, не бросая ремесла независимаго литератора, и онъ съ замѣчательнымъ стоицизмомъ выдерживалъ разныя непріятности и гоненія (заключеніе въ венсенскомъ замкѣ, преслѣдованія „Энциклопедіи"), не впадая въ озлобленіе; его добрыя душевныя качества снискивали ему друзей, его безкорыстіе, доброта, отсутствіе всякаго фанатизма и независимость мнѣній вызывали общее къ нему уваженіе. Между прочимъ Дидро пользовался покровительствомъ Екатерины II. Узнавъ объ его бѣдственномъ матеріальномъ положеніи, она купила у него его библіотеку за 16 т. ливровъ и сдѣлала его самого пожизненнымъ ея хранителемъ, уплативъ ему впередъ и жалованье за нѣсколько лѣтъ. Это было большимъ подспорьемъ при его денежныхъ затрудненіяхъ: вынужденный въ молодости писать за гроши по заказамъ книгопродавцевъ, онъ и во время веденія „Энциклопедіи", издававшейся компаніей книгопродавцевъ, получалъ очень малое вознагражденіе за громадный трудъ, который онъ вкладывалъ въ это дѣло. Въ 1773—74 гг. Дидро самъ пріѣзжалъ въ Петербургъ и во время своего пребыванія въ русской столицѣ часто видѣлся и бесѣдовалъ съ императрицей, для которой написалъ записку о народномъ образованіи въ Россіи. „Если бы, разсказывала потомъ Екатерина, я послушалась Дидро, мнѣ пришлось бы все перевернуть въ моей имперіи вверхъ дномъ, пришлось бы совершенно преобразовать и законодательство, и администрацію, и финансы, дабы очистить мѣсто

---

[1]) Дидро писалъ между прочимъ и романы, а своими драмами мечталъ даже произвести переворотъ въ этой отрасли литературы.

для невозможныхъ теорій". Дидро скончался въ Парижѣ въ 1783 г., достигнувъ семидесятилѣтняго возраста. Передъ смертью его часто навѣщалъ приходскій священникъ, желавшій его обратить, но Дидро неохотно поддерживалъ богословскіе разговоры, хотя и не уклонялся отъ нихъ, когда священникъ особенно настаивалъ. Однажды оба они пришли къ убѣжденію, что стоятъ на одной и той же почвѣ въ вопросахъ, касающихся нравственности и добрыхъ дѣлъ, и этимъ собесѣдникъ Дидро воспользовался, чтобы предложить ему сдѣлать письменное изложеніе своихъ прекрасныхъ правилъ съ „легкимъ отреченіемъ" отъ своихъ прежнихъ сочиненій, такъ какъ это „на всѣхъ произвело бы очень хорошее впечатлѣніе". „Я полагаю, отвѣчалъ Дидро, что впечатлѣніе было бы хорошее, господинъ священникъ, но согласитесь съ тѣмъ, что я поступилъ бы, какъ безстыдный лжецъ". Правдивость была однимъ изъ выдающихся качествъ Дидро, и вся его жизнь шла словно нарочно въ разрѣзъ съ его матеріалистической теоріей нравственности. Это замѣчаніе можно, впрочемъ, распространить и на тѣ случаи, когда другіе энциклопедисты, провозглашая, что эгоизмъ есть единственный источникъ человѣческаго поведенія, тѣмъ не менѣе весьма непослѣдовательно дѣлали отсюда выводы въ смыслѣ необходимости имѣть въ виду прежде всего общее благо.

Дидро, какъ было уже упомянуто, стоялъ во главѣ предпріятія, объединившаго силы почти всего литературнаго міра Франціи въ годы наиболѣе напряженной культурной борьбы. Мысль о томъ, что всѣ человѣческія знанія составляютъ изъ себя одно цѣлое, не была новою; и даже въ средніе вѣка дѣлались попытки объединенія въ одномъ цѣломъ всѣхъ существовавшихъ тогда человѣческихъ знаній; такія попытки повторялись и въ новое время. Та идея, которая собственно одушевляла Дидро, всецѣло принадлежала основателю индуктивной философіи Бэкону, первообразомъ же французской „Энциклопедіи" XVIII в. была англійская „Cyclopaedia or universal dictionary of the arts and sciences" Чемберса, вышедшая въ свѣтъ въ 1727 г. Сначала возникла мысль только перевести эту книгу на французскій языкъ, но книгопродавецъ Лебретонъ, выхлопотавшій у правительства разрѣшеніе на изданіе перевода энциклопедіи Чемберса, не съумѣлъ справиться съ этимъ дѣломъ и обратился за совѣтомъ и содѣйствіемъ къ Дидро, предложивъ ему взять на себя литературную часть предпріятія. Дидро понялъ, какъ удобно будетъ воспользоваться формою энциклопедіи для того, чтобы собрать въ одно цѣлое всѣ идеи и знанія своего времени, и далъ свое согласіе Лебретону. На новое предпріятіе было выхлопотано новое разрѣшеніе, и для веденія изданія къ Лебретону примкнуло еще три книгопродавца. Съ своей стороны

Дидро привлекъ къ ближайшему сотрудничеству въ редактированіи знаменитаго математика д'Аламбера. Этотъ ученый, равнымъ образомъ принадлежавшій къ философскимъ кружкамъ Парижа, думалъ во многомъ сходно съ Дидро. Подобно Дидро и онъ особенно дорожилъ положеніемъ независимаго литератора: Екатерина II приглашала его въ воспитатели къ своему сыну, обѣщая ему сто тысячъ ливровъ жалованья, но онъ отказался отъ этого мѣста; онъ отказался и отъ президентства въ берлинской академіи, предложеннаго ему Фридрихомъ II. Дидро и д'Аламберъ, стоявшіе въ первые годы рядомъ во главѣ предпріятія, придали ему характеръ общаго дѣла, какъ бы совмѣстной работы всѣхъ литературныхъ направленій, отшатнувшихся отъ старой рутины на какомъ бы то ни было поприщѣ мысли и знанія. Въ „Энциклопедіи" принимали большее или меньшее участіе Вольтеръ, Монтескье, Руссо, Бюффонъ, основатель физіократіи Кенэ и самый выдающійся ея представитель Тюрго, Гольбахъ и т. д. Самымъ старымъ сотрудникомъ „Энциклопедіи" былъ Лангле де-Френуа, родившійся еще въ 1674 г., самымъ молодымъ, выступившимъ въ дополнительныхъ томахъ 1776 г. — Кондорсе, который былъ моложе его почти на семьдесятъ лѣтъ; послѣднимъ же изъ сотрудниковъ „Энциклопедіи" умеръ Морелле, дожившій до 1819 г. Проспектъ, объяснявшій задачу изданія, былъ написанъ самимъ Дидро, вступительная статья—д'Аламберомъ.

Первый томъ „Энциклопедіи" появился въ 1751 г., за нимъ слѣдовалъ въ 1752 г. второй томъ, но тутъ-то и начались разныя препятствія и затрудненія. Духовенство съ самаго начала отнеслось враждебно къ предпріятію философовъ; особенно недовольны были ученые іезуиты, которыхъ даже не пригласили составлять статьи богословскаго характера. Они напали прежде всего на одного аббата (де-Прада), писавшаго для „Энциклопедіи" статьи по теологіи; по ихъ проискамъ онъ былъ лишенъ ученой степени, которой добивался въ Сорбоннѣ, потому что его диссертація была объявлена вредной, и по ея поводу парижскій архіепископъ даже написалъ пастырское посланіе, въ которомъ осуждались тезисы аббата и дѣлались намеки на нечестивую „Энциклопедію"; ученому аббату пришлось только спастись бѣгствомъ къ Фридриху II. Другіе два аббата, участвовавшіе въ „Энциклопедіи", тоже подверглись гоненіямъ: Ивонъ долженъ былъ эмигрировать, Морелле былъ посаженъ въ Бастилію. Принадлежавшій къ противоположной церковной партіи янсенистовъ, епископъ Оксерскій уже сдѣлалъ прямое нападеніе на „Энциклопедію", на Бюффона и на Монтескье. Это вызвало со стороны Дидро сильную отповѣдь, въ которой онъ указывалъ на то, что поведеніе духовенства за послѣднія десятилѣтія создало гораздо болѣе невѣрующихъ, чѣмъ всѣ философскія сочиненія, вмѣстѣ взятыя. Вскорѣ

затѣмъ, по настоянію духовенства, королевскимъ совѣтомъ было декретировано уничтоженіе первыхъ двухъ томовъ „Энциклопедіи“, какъ содержащихъ въ себѣ ученія, противныя религіи и королевской власти, и даже была мысль о томъ, чтобы дальнѣйшее веденіе дѣла передать іезуитамъ. Третьему тому, вышедшему въ свѣтъ въ 1753 г., д'Аламберъ предпослалъ краснорѣчивую защиту своего дѣла, въ частности своего товарища, но и его, и его сотрудниковъ продолжали и потомъ преслѣдовать разными клеветами и инсинуаціями; указывали, напримѣръ, на то, будто Дидро, д'Аламберъ, Вольтеръ, Руссо и Бюффонъ составили шайку съ цѣлью ниспроверженія всѣхъ общественныхъ установленій. Когда въ седьмомъ томѣ, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1757 г., появилась статья д'Аламбера, ѣздившаго около этого времени къ Вольтеру въ Женеву, о тамошнемъ духовенствѣ, которое онъ похвалилъ за его социніанскія вѣрованія (чѣмъ онъ въ то же время крайне разобидѣлъ женевскихъ пасторовъ) и за ихъ нравственную жизнь и терпимость, французское духовенство не безъ основанія приняло статью на свой счетъ, а тутъ еще въ 1758 г. появилась книга Гельвеція „О духѣ“ — и буря разыгралась не на шутку. Въ 1758—59 гг. съ Дидро разошелся Руссо, начавшій отзываться о „гольбаховцахъ“ (Holbachiens), какъ о врагахъ человѣческаго рода и распространителяхъ самыхъ ядовитыхъ идей; его покинулъ и д'Аламберъ, котораго до такой степени утомила травля „Энциклопедіи“, что онъ даже совѣтовалъ Дидро совсѣмъ бросить дѣло; противъ „Энциклопедіи“ и книги Гельвеція, считавшейся извлеченіемъ изъ этого изданія, возбуждено было судебное преслѣдованіе въ парламентѣ, и независимо отъ этого государственный совѣтъ декретировалъ (1759 г.) отмѣну выданной издателямъ привилегіи, воспрещеніе продажи вышедшихъ семи томовъ и печатанія новыхъ. „Энциклопедія“ тѣмъ не менѣе продолжала печататься. Правительство Людовика XV особенною твердостью не отличалось, и его отношенія къ духовенству были весьма измѣнчивы: они то ссорились, то мирились, то опять ссорились. Дидро оставался непоколебимымъ въ своей увѣренности, что доведетъ дѣло до конца въ самомъ Парижѣ, хотя Вольтеръ убѣждалъ его или бросить работу, или перенести ее въ какое-либо иностранное государство, напримѣръ, переселиться въ Лозанну или Лейденъ, даже уѣхать въ Берлинъ или Петербургъ, гдѣ ему предлагалось убѣжище царственными покровителями новой философіи. Дидро рѣшился выпустить сразу остальные томы и семь лѣтъ работалъ неустанно надъ выполненіемъ этого плана, имѣя еще непріятности съ издателемъ, такъ какъ послѣдній, напуганный декретомъ 1759 г., безъ вѣдома Дидро выкидывалъ изъ подписанныхъ имъ къ печати корректуръ всѣ сомнительныя мѣста. Въ 1765 году были из-

даны послѣдніе томы, не считая одиннадцати томовъ гравюръ, которые были готовы только къ 1772 г. На заглавномъ листѣ новыхъ томовъ стояла помѣтка *Невшатель* и самые экземпляры раздавались тайно. Духовенство думало обнародовать декретъ, запрещающій изданіе, но парламентъ, бывшій въ ссорѣ съ духовенствомъ, на это не согласился, правительство же потребовало отъ владѣльцевъ „Энциклопедіи" представленія ихъ экземпляровъ въ полицію, гдѣ изъ нихъ только вырѣзали нѣкоторыя мѣста. Извѣстный анекдотъ, будто „Энциклопедія" была спасена тѣмъ, что Людовикъ XV узналъ изъ нея о приготовленіи пороха, а г-жа Помпадуръ—о разныхъ сортахъ румянъ, заимствованъ изъ одной статьи Вольтера, передавшаго въ ней разсказъ одного придворнаго лакея. „Энциклопедія" тотчасъ по выходѣ стала перепечатываться за границей, въ Женевѣ, въ Лозаннѣ, въ Ливорно и въ Луккѣ.

Въ „Энциклопедіи" нужно отличать двѣ стороны: это была не только исполинская осадная машина, не только арсеналъ, изъ котораго можно было брать оружіе для разрушительной работы, какъ очень часто характеризуютъ „Энциклопедію", это была еще—и главнымъ притомъ образомъ—цѣлая сокровищница научнаго духа, положительныхъ знаній и практическихъ совѣтовъ. „Выдавать „Энциклопедію", по словамъ Морлея, за евангеліе отрицанія значило бы упускать изъ виду четыре пятыхъ ея содержанія". Несомнѣнно, однако, что метафизика и психологія энциклопедистовъ, совершенно матеріалистическія и сенсуалистическія, подрывали всѣ идеи, на которыхъ созидалось старое религіозное, научное, моральное и соціальное міросозерцаніе, а идеи терпимости, гуманности и общаго блага, бывшія особенно дорогими сердцу главнаго редактора, направляли мысль на тѣ общественные недуги, отъ которыхъ страдала Франція, и, слѣдовательно, заставляли относиться съ отрицаніемъ къ политическому и соціальному строю, ихъ вызвавшему. Такія слова, какъ земледѣліе, барщина (corvée), габель (соляной налогъ), поденщикъ, цехи (maîtrises), привилегія, талія (taille, главный налогъ, падавшій на населеніе) и т. п. давали поводъ сотрудникамъ говорить о бѣдственномъ положеніи французскаго народа, о нуждахъ трудящейся массы, какъ большинства націи, о необходимости болѣе равномѣрнаго распредѣленія прибылей отъ труда. *Выработаннаго политическаго ученія „Энциклопедія" въ себѣ, однако, не заключала*, да и трудно было требовать отъ нея чего-либо подобнаго при крайнемъ разнообразіи направленій, въ ней представленныхъ; только общій духъ изданія былъ оппозиціонный; какъ по отношенію ко всякаго рода тиранніи, такъ и по отношенію ко всякому фанатизму, языкъ „Энциклопедіи" былъ враждебенъ и рѣзокъ. Въ философскомъ смыслѣ „Энциклопедія"

представляла собою не столько догматическій атеизмъ, сколько раціоналистическій скептицизмъ, тѣмъ болѣе, что авторы статей теологическаго характера всегда имѣли въ виду цензуру, и самъ д'Аламберъ говорилъ, что лишь время научитъ различать то, что они хотѣли сказать, отъ того, что говорили на самомъ дѣлѣ. Болѣе опредѣленныхъ взглядовъ на эти вопросы, упрочившихъ за энциклопедистами извѣстную характеристику, нужно искать скорѣе въ ихъ отдѣльныхъ сочиненіяхъ, но и въ статьяхъ „Энциклопедіи" проявлялся *тотъ же оппозиціонный духъ и по отношенію къ церкви*, поскольку, по мнѣнію авторовъ, ея ученія и установленія противорѣчили общему благу. Идея общаго блага опредѣляетъ и отношеніе энциклопедистовъ, особенно самого Дидро, *къ положительной наукѣ, которая разсматривалась имъ, какъ великое орудіе для матеріальнаго и моральнаго улучшенія общества.* Главными условіями правильнаго знанія д'Аламберъ въ своей вступительной статьѣ ставилъ пренебреженіе къ авторитетамъ и воздержаніе отъ преждевременнаго построенія какихъ бы то ни было системъ, другими словами, самостоятельное изслѣдованіе и подробное и всестороннее обсужденіе подлежащихъ рѣшенію вопросовъ. Самъ Дидро былъ однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ вкладчиковъ статей въ „Энциклопедію": онѣ занимаютъ цѣлые четыре тома въ полномъ собраніи его сочиненій и касаются вопросовъ крупныхъ и мелкихъ, предметовъ возвышенныхъ и обыденныхъ, часто даже вещей самыхъ несходныхъ между собою. Между прочимъ, Дидро самъ бралъ уроки разныхъ ремеслъ, чтобы имѣть возможность писать о нихъ въ „Энциклопедіи", такъ что и съ этой стороны онъ главнымъ образомъ выносилъ на своихъ плечахъ все предпріятіе [1]).

Подъ именемъ энциклопедистовъ разумѣютъ преимущественно группу людей, которые въ философскомъ отношеніи стояли особенно близко къ Дидро и были представителями скептицизма и матеріализма (или сенсуализма). Скептическая точка зрѣнія особенно характеризуетъ д'Аламбера, для котораго изреченіе Монтаня (Montaigne): „que sais-je?" казалось единственно вѣрнымъ въ философіи. „Относительно существованія Высшаго Разума, писалъ онъ, напримѣръ, Фридриху II, я думаю, что отвергающіе его заходятъ гораздо далѣе, нежели въ состояніи доказать свою мысль, и что скептицизмъ есть

---

[1]) Полный заголовокъ „Энциклопедіи", которая съ дополнительными томами дошла до 37 томовъ, былъ таковъ: Encyclopédie ou dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers, recueilli des meilleurs auteurs et particulièrement des dictionnaires anglais de Chambers, d'Harris, de Dyche, etc., par une société de gens da lettres. Mis en ordre et publié par M. Diderot et quant à la partie mathématique par M. d'Alembert.

единственная разумная точка зрѣнія". Представителемъ сенсуализма является главнымъ образомъ Кондильякъ (род. 1715), учившій, что единственнымъ источникомъ человѣческихъ знаній является чувственное воспріятіе (sensation). Онъ изложилъ это ученіе въ „Опытѣ о происхожденіи человѣческихъ знаній" (1746) и „Трактатѣ о чувственномъ воспріятіи" (1754), напечатанныхъ во избѣжаніе непріятностей въ Амстердамѣ и Лондонѣ. Чисто матеріалистическое ученіе излагалъ Ламеттри (род. 1709), военный врачъ, который въ своихъ сочиненіяхъ, появившихся еще въ сороковыхъ годахъ („Естественная исторія души", „Человѣкъ-машина", „Человѣкъ-растеніе"), доказывалъ, что мысль есть свойство организованной матеріи, и что цѣль жизни заключается въ удовлетвореніи чувственности. Въ сущности Ламеттри не принадлежалъ къ группѣ энциклопедистовъ: вынужденный бѣжать изъ Франціи, онъ одно время жилъ въ Лейденѣ и умеръ при дворѣ Фридриха II въ годъ выхода въ свѣтъ перваго тома Энциклопедіи (1751). Двое изъ писателей родственнаго направленія, Гельвецій и Гольбахъ, особенно прославились своими книгами: „О духѣ" и „Система природы", о которыхъ рѣчь будетъ итти ниже (равно какъ и о книгѣ Рэйналя по исторіи обѣихъ Индій, въ которой также выразилось оппозиціонное настроеніе энциклопедистовъ). Общее у этихъ писателей — скептицизмъ по отношенію къ метафизикѣ и сенсуалистическая психологія или прямой матеріализмъ. Скептицизмъ былъ въ духѣ времени, и имъ сильно была проникнута философія деиста Вольтера; сенсуализмъ былъ только дальнѣйшимъ развитіемъ теоріи познанія Локка; матеріализмъ выросталъ на почвѣ особаго толкованія, которому подверглась философія Ньютона. Открытіемъ закона тяготѣнія этотъ великій мыслитель положилъ начало воззрѣнію на міръ, какъ на движеніе, но движеніе косной матеріи вызывало предположеніе о нематеріальномъ существѣ, которое сообщило ей первый толчокъ; на такой именно точкѣ зрѣнія стоялъ Вольтеръ, но младшіе его современники пошли далѣе и стали разсматривать самое движеніе, какъ неотъемлемое свойство матеріи. Далѣе предшествовавшіе мыслители неразрывно связывали между собою врожденную идею о Богѣ и бытіе Божіе. Энциклопедисты, отрицая врожденныя идеи, приходили къ догматическому атеизму. Не всѣ названные писатели соединяли съ своими отвлеченно-философскими или моральными воззрѣніями и взгляды политическаго или общественнаго характера; въ послѣднемъ отношеніи, кромѣ Дидро, изъ ихъ среды слѣдуетъ выдвинуть только Гельвеція, Гольбаха и Рэйналя. На нихъ мы и остановимся нѣсколько подробнѣе.

Дидро выступилъ на литературное поприще незадолго до начала „Энциклопедіи" въ качествѣ переводчика („Принципы философіи"

Шэфтсбери, 1745) и самостоятельнаго писателя („Философскія мысли", 1746 г.) въ скептическомъ духѣ, но съ деистическими идеями. Книга Дидро была переведена на нѣмецкій и итальянскій языки, но въ Парижѣ сожжена по приказанію парламента. Продолженіемъ (1747) названнаго труда Дидро было небольшое сочиненіе, въ которомъ онъ доказывалъ, какъ значится въ заголовкѣ, достаточность одной естественной религіи (De la suffisance de la religion naturelle). За „Письмо о слѣпыхъ для зрячихъ" (Lettre sur les aveugles à l'usage de ceux qui voient, 1749) Дидро попалъ въ Бастилію, хотя, кажется, главнымъ образомъ то той причинѣ, что задѣлъ въ этомъ сочиненіи любовницу одного министра. Этотъ послѣдній трактатъ Дидро имѣлъ цѣлью показать, что человѣческое знаніе относительно, что мысль не можетъ быть критеріемъ бытія и что ясность какого-либо тезиса не есть доказательство его истинности, причемъ онъ изслѣдуетъ, въ какой мѣрѣ отсутствіе одного изъ пяти чувствъ измѣняетъ обыкновенныя понятія людей, обладающихъ всѣми пятью чувствами, и имѣетъ ли, напримѣръ, слѣпецъ такія же основанія вѣрить въ бытіе Божіе, какъ и зрячій, т.-е. идея относительности человѣческаго мышленія распространяется у Дидро на самое понятіе Божества. Но полнѣе всего изложилъ Дидро свои философскія воззрѣнія въ „Pensées sur l'interprétation de la nature (1754): на эти „Мысли" мы можемъ смотрѣть, какъ на раннее проявленіе тѣхъ идей, которыя были обобщены въ XIX в. Огюстомъ Контомъ, — идей о томъ, что философія должна отказаться отъ многихъ проблемъ и строить свое знаніе исключительно на научныхъ данныхъ. Раннія философскія воззрѣнія Дидро были смѣсью скептицизма съ деизмомъ, но впослѣдствіи онъ рѣшительнѣе высказывалъ матеріалистическіе взгляды („Разговоръ между д'Аламберомъ и Дидро", „Сонъ д'Аламбера" и др., 1769), хотя и продолжалъ весьма идеалистически понимать человѣческую природу, приписывая ей самоотверженныя побужденія и страсти, направленныя на благо ближняго, нравственность и добродѣтель, любовь къ благодѣянію и ненависть къ злу, эти вѣчные источники высокихъ подвиговъ доблести, ведущихъ къ единственному безсмертію— къ посмертной славѣ. Дидро никогда не оставляло извѣстнаго рода религіозное настроеніе: „люди, писалъ онъ, между прочимъ, въ „Pensées philosophiques", изгнали Божество изъ своей среды; они заключили его въ святилище; стѣны храма скрываютъ Его отъ взоровъ; внѣ Оно не существуетъ. Безумцы! разрушьте препоны, съуживающія ваши идеи; дайте просторъ Божеству (élargissez Dieu); вы должны видѣть Его повсюду, гдѣ Оно есть, или ужъ говорите, что Оно не существуетъ". Но онъ былъ противникомъ католицизма, говоря, что онъ гораздо хуже лютеранизма, какъ послѣдній хуже каль-

винизма, этотъ — социніанизма, а послѣдній деизма. Политическіе взгляды Дидро, излагавшіеся имъ въ разныхъ статьяхъ для „Энциклопедіи“ (autorité, pouvoir, représentants, souverain), не заключаютъ въ себѣ ничего оригинальнаго и выработаннаго; въ нихъ въ сущности повторяются идеи Монтескье и др. писателей. Заслуживаетъ быть отмѣченнымъ лишь его мнѣніе о представительствѣ. Въ этомъ вопросѣ Дидро придерживается мнѣнія Монтескье и думаетъ, что такъ какъ собственность создаетъ гражданъ, то выборное право должно быть предоставлено лишь однимъ собственникамъ, хотя самъ же говоритъ, что каждый разрядъ гражданъ долженъ имѣть представителями людей, на дѣлѣ знакомыхъ съ его нуждами, наиболѣе же нуждающимися являются самые бѣдные. Дидро, впрочемъ и не ставитъ вопроса о томъ, какъ примирить необходимость участія народной массы въ дѣлахъ управленія съ той характеристикой этой массы, какую онъ самъ дѣлаетъ, говоря, что толпѣ не слѣдуетъ довѣряться ни въ области знанія, ума и вкуса, ни въ области чувствъ. Уже по смерти Дидро издана была его „Политика государей“ (1784) съ крайне оппозиціоннымъ содержаніемъ.

Вліянію Дидро и даже его непосредственному участію приписывали появленіе трехъ книгъ, въ которыхъ наиболѣе рельефно выразились воззрѣнія энциклопедической школы. Это были: „De l'Esprit“ Гельвеція, „Système de la nature“ Гольбаха и „L'histoire philosophique et politique des établissements et du commerce dans les deux Indes“ аб. Рэйналя, вышедшія въ свѣтъ въ 1758, 1770 и 1772 гг.

Гельвецій былъ богатый откупщикъ, бросившій свою профессію тридцати-пяти лѣтъ отъ роду и посвятившій себя занятію философіей. Кромѣ уже названной книги, онъ написалъ еще другую подъ заглавіемъ „О человѣкѣ“, но она была издана (въ 1774 г.) лишь послѣ его смерти, послѣдовавшей въ 1771 году. Его сочиненіе „О духѣ“ имѣло громадный успѣхъ, выдержало въ короткій срокъ пятьдесятъ изданій и было переведено на разные европейскіе языки. Основныя ея мысли произвели сенсацію среди самихъ философовъ, вызвали рѣзкое порицаніе Руссо, несочувствіе со стороны Тюрго, не вполнѣ одобрительный отзывъ Дидро и вооружили противъ себя правительство, духовенство, іезуитовъ, янсенистовъ и парламентъ; книга была поэтому сожжена рукою палача на одномъ кострѣ съ поэмой Вольтера объ естественной религіи, а цензоръ, давшій разрѣшеніе на пропускъ книги, былъ отставленъ. Послѣ этого самъ Гельвецій не могъ болѣе показываться при дворѣ и провелъ потомъ нѣсколько лѣтъ въ Англіи и въ гостяхъ у Фридриха II. Распространенію книги „О духѣ“ въ читающей публикѣ сильно содѣйствовала ея легкая и пріятная форма, смахивающая на остроумный фельетонъ; напримѣръ, англійскій фи-

лософъ Юмъ прямо рекомендовалъ ее Адаму Смиту, отцу политической экономіи, ради пріятнаго изложенія Гельвеція. Крайне рѣзкимъ содержаніемъ книги объясняется произведенная ею сенсація, тѣмъ болѣе, что авторъ былъ извѣстенъ за человѣка благороднаго, честнаго, гуманнаго и добраго, и Руссо даже говорилъ, что умъ Гельвеція свидѣтельствуетъ противъ его принциповъ, и что его добродѣтельное сердце отвергаетъ его ученіе. Дѣло въ томъ, что это была попытка построить мораль не на основахъ теологіи и не на принципахъ философской религіи съ ея врожденными идеями, а на опытѣ, свидѣтельствующемъ о томъ, что человѣкъ стремится къ вещамъ пріятнымъ и избѣгаетъ вещей непріятныхъ, откуда, по ученію Гельвеція, основою справедливости является интересъ, мотивомъ послѣдняго—удовольствіе; что же касается до людскихъ характеровъ, думалъ авторъ, то они цѣликомъ суть продукты внѣшнихъ вліяній—воспитанія, законовъ и т. п. Съ научной точки зрѣнія теорія была односторонняя, не говоря о массѣ парадоксовъ и рѣзкостей, которыми она была наполнена: Гельвецій призналъ существованіе только однихъ эгоистическихъ влеченій, совсѣмъ не обративъ вниманія на противоположныя имъ влеченія (симпатію, альтруизмъ); кромѣ того, совершенно вѣрно указывая на силу воспитанія и обстановки въ образованіи индивидуальныхъ характеровъ, онъ, съ другой стороны, совсѣмъ не хотѣлъ принимать въ разсчетъ тѣ врожденныя человѣку свойства, которыя тѣсно связаны съ его органическими особенностями. Впрочемъ, поверхностная психологія Гельвеція,какъ и вообще вся отвлеченная философія его книги, лишенная глубины и основательности, сама по себѣ не такъ его занимала, *какъ примѣненіе новыхъ началъ къ политикѣ.* Та идея, на которой основывался Гельвецій, впослѣдствіи была развита Бентамомъ (1748—1832), родоначальникомъ утилитаризма, сдѣлавшимъ ее исходнымъ пунктомъ также своей юриспруденціи и законодательныхъ реформъ: это—*принципъ общей пользы, которому суждено было лечь въ основу демократической философіи, значительно отличающейся отъ философіи Руссо.* Гельвецій думалъ именно, что для установленія взаимной связи между законами „необходимо возвести ихъ всѣ къ одному принципу—къ принципу общей пользы, т.-е. пользы самаго большого числа людей“. По словамъ автора книги „De l'esprit“, въ этомъ принципѣ заключены „вся нравственность и все законодательство“; разумѣется, съ этой точки зрѣнія онъ не могъ иначе отнестись къ тогдашнему французскому законодательству, какъ отрицательно. Съ другой стороны, теорія о томъ, что индивидуумъ есть всецѣло продуктъ общества, должна была указывать на необходимость улучшенія общественныхъ отношеній: только хорошіе законы создаютъ добродѣтельныхъ людей, и все

искусство законодателя состоитъ въ томъ, чтобы заставить людей изъ чувства себялюбія быть справедливыми другъ къ другу. Но Гельвецій и не видѣлъ трудности, представляемой необходимостью, чтобы законодатель (хотя бы правящіе классы) подавилъ въ себѣ чувство себялюбія. Въ книгѣ Гельвеція, вслѣдствіе крайней неумѣлости его мышленія, сочетались весьма плодотворныя истины съ прискорбными заблужденіями, вызывавшими уже въ свое время сильные протесты, но во всякомъ случаѣ въ ней былъ указанъ принципъ будущихъ демократическихъ реформъ, хотя послѣднія исходили не изъ того источника общей пользы, на который ссылался Гельвецій.

Еще бо̀льшую сенсацію произвела вышедшая въ свѣтъ черезъ двѣнадцать лѣтъ книга Système de la nature", написанная Гольбахомъ, хотя публика въ большинствѣ случаевъ не знала, кто былъ авторъ книги. Пфальцскій баронъ Гольбахъ, совершенно офранцузившійся въ Парижѣ, собиралъ у себя въ назначенные дни философовъ, т.-е. у него былъ одинъ изъ тѣхъ литературныхъ салоновъ, которые тогда процвѣтали въ Парижѣ и, между прочимъ, прославили имена такихъ дамъ, какъ г-жи Тансенъ, Жоффренъ, дю-Деффанъ, де-л'Эспинасъ. Гольбахъ былъ однимъ изъ наиболѣе образованныхъ людей своего времени и славился своей библіотекой, картинной галлереей, естественно-историческимъ кабинетомъ, а также своимъ гостепріимствомъ, радушнымъ и простымъ обращеніемъ, искренностью и добротою; онъ любилъ веселую компанію, кормилъ на славу парижскихъ философовъ и иностранныя знаменитости, попадавшія въ Парижъ, и былъ въ особенно тѣсной дружбѣ съ Дидро. И вотъ этотъ человѣкъ издаетъ книгу, которую читаютъ нарасхватъ, приходя, однако, въ ужасъ отъ ея содержанія; противъ нея вооружаются между прочимъ Вольтеръ и Фридрихъ II и оба берутся за перо для ея опроверженія. Дѣло въ томъ, что Вольтеръ вообще воздерживался отъ нападокъ на правительство, а Фридрихъ II шелъ рука объ руку съ философіей XVIII в., пока она не дѣлала нападеній на принципъ власти, все же *значеніе книги Гольбаха заключалось въ томъ, что онъ страстно напалъ на правителей.* Онъ заговорилъ о государяхъ языкомъ, какимъ раньше о нихъ еще не говорили, и провозгласилъ необходимость общественнаго освобожденія, которое онъ вдобавокъ ставилъ въ зависимость отъ замѣны деизма натурализмомъ. Съ большою догматическою самоувѣренностью Гольбахъ изложилъ въ своей книгѣ цѣлое матеріалистическое міросозерцаніе съ прямыми нападками на всѣ спиритуалистическія ученія. Подобно Гельвецію, онъ основываетъ нравственность на личномъ благополучіи, но это дѣлается только на словахъ, въ дѣйствительности же и онъ полагаетъ основу морали въ благополучіи большинства. По его мнѣнію, напримѣръ, хорошій человѣкъ—тотъ,

кто понимаетъ, что его собственный интересъ заключается въ такомъ образѣ дѣйствій, который долженъ нравиться другимъ ради ихъ собственныхъ интересовъ, и что лишь путемъ добродѣтели достигается довѣріе другихъ, безъ котораго и жить нельзя; быть добродѣтельнымъ значитъ находить наслажденіе въ пользѣ и радостяхъ, доставляемыхъ нами другимъ. Теоретическая сторона такихъ разсужденій могла быть несостоятельна, но практическіе выводы, дѣлавшіеся отсюда, совпадали съ требованіями соціальной справедливости, которыя въ свою очередь вели къ требованіямъ политическаго характера. Гольбахъ безъ фантастическихъ аллегорій какой-нибудь „Утопіи“ и безъ расплывчатыхъ отвлеченностей Руссо указывалъ на всѣ бѣдствія современной ему общественной жизни, ставя ихъ въ вину преимущественно неспособнымъ, нравственно испорченнымъ, равнодушнымъ къ своимъ обязанностямъ, жаднымъ, властолюбивымъ и несправедливымъ правителямъ (образцомъ которыхъ былъ Людовикъ XV), а рѣзкость языка, какимъ говорилъ Гольбахъ, испугавшая самого Фридриха II, была началомъ той революціонной фразеологіи, въ которую черезъ двадцать лѣтъ по выходѣ въ свѣтъ книги Гольбаха стала облекаться политическая философія Руссо. Основныя идеи своего труда авторъ „Системы природы“ изложилъ въ 1772 г. въ небольшой книжкѣ „Здравый смыслъ или натуральныя понятія въ противоположность сверхъестественнымъ“.

Большого шума надѣлала въ 1772 г. и книга аб. Рэйналя „Философская исторія обѣихъ Индій“. Рэйналь, родившійся въ 1711 г въ большой бѣдности, какимъ-то непонятнымъ образомъ разбогатѣлъ и между прочимъ сталъ тратить свои деньги на то, чтобы путемъ премій за ученыя сочиненія содѣйствовать прогрессу знаній и улучшенію общества. Подобно другимъ философамъ, онъ ѣздилъ къ Фридриху II, но былъ принятъ имъ не очень благосклонно за нѣсколько своихъ строкъ о немъ въ „Исторіи обѣихъ Индій“. Рэйналю пришлось увидѣть революцію, и онъ умеръ только въ 1796 г. въ самой крайней бѣдности. Въ 1791 г. онъ обратился съ письмомъ въ національное собраніе, въ которомъ были такія слова: „я долго имѣлъ смѣлость напоминать королямъ объ ихъ обязанностяхъ, а теперь позвольте мнѣ указать народу на его заблужденія, представителямъ же его—на угрожающія всѣмъ намъ опасности“; въ его критикѣ тогдашнихъ обстоятельствъ было много справедливаго. Что касается „Исторіи обѣихъ Индій“, то она по духу своему принадлежитъ къ энциклопедической школѣ: не даромъ ее, подобно „Системѣ природы“, приписывали Дидро. Какъ и другія сочиненія энциклопедистовъ, трудъ Рэйналя, несмотря на свои большіе размѣры, читался публикой съ охотою, благодаря и чисто внѣшней своей занимательности, а

также благодаря смѣлости мысли и рѣзкости тона, заставившимъ одного изъ его почитателей сдѣлать изъ книги выборку наиболѣе пикантныхъ мѣстъ и издать ее подъ заглавіемъ „L'esprit de Raynal" (подобныя хрестоматіи тогда были въ большомъ ходу). Къ короткое время книга выдержала двадцать изданій. Ею восхищались Франклинъ, Гиббонъ, Робертсонъ, Фридрихъ II—пока не дошелъ до тѣхъ страницъ, гдѣ авторъ обращается къ нему съ нотаціями. Теперь это сочиненіе, разсказывающее исторію открытій и европейской колонизаціи въ заморскихъ странахъ, не выдержало бы и очень снисходительной критики, но не съ ученой стороны его главнымъ образомъ цѣнили современники. Французовъ оно должно было особенно занять, вышедши въ свѣтъ вскорѣ послѣ того, какъ семилѣтняя война изгнала ихъ изъ Канады и изъ Остъ-Индіи, но еще болѣе общему настроенію эпохи соотвѣтствовала тенденція книги. Ко всѣмъ старымъ нападкамъ на религію Рэйналь прибавилъ новыя, изобразивъ жестокость христіанъ-европейцевъ по отношенію къ истреблявшимся ими и обращавшимся въ рабство дикарямъ, бытъ которыхъ, наоборотъ, расцвѣчивался всѣми красками благополучія и добродѣтели въ духѣ идилліи естественнаго состоянія Руссо. Большая публика впервые узнала изъ этой книги, какъ поступали европейцы въ Америкѣ, и впервые же эта книга ввела низшія расы въ семью человѣчества, связанную общими узами правъ и долга; иллюстраціи, сдѣланныя въ началѣ каждаго тома и представляющія, напримѣръ, дикое избіеніе индѣйцевъ, подневольную работу негровъ и т. п., должны были усиливать впечатлѣніе. Эта книга попала въ руки негра Туссена-Лувертюра и произвела свое дѣйствіе [1]). Разсказы Рэйналя пересыпаны наконецъ сентенціями и разсужденіями, въ которыхъ съ точки зрѣнія человѣколюбія дѣлаются нападки на католицизмъ, пуританизмъ, государственныя учрежденія и законы, производящіе или допускающіе несправедливости и притѣсненія.

Философія энциклопедистовъ вліяла на общество главнымъ образомъ, какъ философія моральнаго и политическаго протеста, искавшаго опоры въ новомъ натуралистическомъ міросозерцаніи, но и внѣ связи съ послѣднимъ литература второй половины XVIII в. имѣла рѣзко оппозиціонный въ политическомъ отношеніи характеръ.

---

[1]) Негръ Туссенъ-Лувертюръ былъ предводителемъ возстанія рабовъ.

XVI. Политическія ученія и общественныя идеи XVIII в. [1]).

Характеръ политической философіи XVIII в. и критическое къ ней отношеніе.—Причины, породившія интересъ къ общественнымъ вопросамъ, и условія, опредѣлившія общій характеръ ихъ рѣшенія.—Отношеніе этой литературы къ французской монархіи. — Демократическая монархія маркиза д'Аржансона. — Мабли и его политическія идеи.—Взгляды писателей XVIII в. на исторію Франціи.—Классическіе идеалы.— Начало политической экономіи.—Физіократы и физіократія.—Ученіе физіократовъ сравнительно съ принципами Адама Смита.— Коммунистическія идеи и соціальныя утопіи въ XVIII в.

Отличіе французской просвѣтительной литературы XVIII в. отъ итальянской гуманистической XIV—XV вв. заключается въ ея альтруи-

---

[1]) *Б. Н. Чичеринъ*. Исторія политическихъ ученій.—*Его же*. Политическіе мыслители древняго и новаго міра.—*Н. М. Коркуновъ*. Лекціи по исторіи философіи права.—*Р. Випперъ*. Общественныя ученія XVIII и XIX вв.—*Barni*. Histoire des idées morales et politiques en France au XVIII siècle.—*Henry Michel*. L'idée de l'Etat. Essai critique sur l'histoire des théories sociales et politiques en France depuis la révolution (обширное введеніе о XVIII в., гдѣ между прочимъ разсматриваются и физіократы; недавно переведено по-русски).—*Beudant*. Le droit individuel et l'état.—*G. Koch*. Beiträge zur Geschichte der politischen Ideen und der Regierungspraxis.—*E. Zevort*. Marquis d'Argenson et le ministère des affaires étrangères. *W. Guerrier*. L'abbé de Mably, moraliste et politique. Etude sur la doctrine morale du jacobinisme puritain et sur le développement de l'esprit au XVIII siècle (авторъ, кромѣ того, написалъ о Мабли статью въ „Вѣстн. Евр." за 1887 г.).—*L. Barthelémy*. Vie de Mably.—*А. И. Чупровъ*. Лекціи по исторіи политической экономіи.—*Бланки*. Исторія политической экономіи.—*Kautz*. Theorie und Geschichte der Nationaloekonomik.—*Dühring*. Kritische Geschichte der Nationaloekonomik und des Socialismus.—*Ингрэмъ*. Исторія политической экономіи.—*Eisenhart*.—Geschichte der Nationaloekonomik.—*Эспинасъ*. Исторія экономическихъ ученій. *Oncken*. Geschichte der Nationaloekonomie. Кромѣ того, существуетъ значительная литература по исторіи политической экономіи во Франціи въ XVIII в.—*Гейссманъ*. О сущности физіократическаго ученія и о значеніи его въ исторіи политической экономіи.—*Daire*. Introduction sur les doctrines des physiocrates (въ Collection des principaux économistes).—*Horn*. L'économie politique avant les physiocrates.—*Schelle*. Dupont de Nemours et l'école physiocratique.—*М. Герценштейнъ*. Физіократы и классическая школа (Юрид. Вѣстн. за 1889 г.).—*Kellner*. Zur Geschichte der Physiocratie. *Higgs*. The physiocrats (есть русск. пер.).—*Lavergne*. Les économistes français du XVIII siècle.—*Cadet*. P. de Boisguillebert, précurseur des économistes.—*Vroil*. Etudes sur Clicquot-Blervache, économiste du XVIII siècle.—*Louis de Loménie*. Les Mirabeau (біографія Мирабоотца, пересказанная и по-русски въ „Этюдахъ" *Корша*, т. I). *Oncken*. Der ältere Mirabeau und die oekonomische Gesellschaft in Bern.—*Его же*. Quesnay.—*G. Michel et Liesse*. Vauban économiste.—*W. Skarzynski*. Boisguillebert.—*Fr. Lohman*. Vauban, seine Stellung in der Geschichte der Nationaloeconomie und

стическомъ и соціальномъ характерѣ, тогда какъ гуманизмъ былъ слишкомъ эгоистиченъ и индефферентенъ по отношенію къ вопросамъ общественной жизни. Эта философія XVIII в. отличается и отъ философіи XVII в. тѣмъ, что не только не ограничивается отвлеченными вопросами о Богѣ, душѣ, знаніи, морали, природѣ, но рѣшительно подчиняетъ свои рѣшенія этихъ вопросовъ соображеніямъ о благѣ человѣка, о благѣ общества, а изъ вопросовъ политическихъ, соціальныхъ, юридическихъ и экономическихъ дѣлаетъ предметъ изслѣдованія не столько ради объясненія того, какъ возникаютъ, чѣмъ бываютъ и какимъ цѣлямъ служатъ учрежденія и законы, сколько ради того, чтобы узнать, чѣмъ они должны быть не въ одной лишь теоріи и какъ можно внести истину и справедливость въ людскія отношенія, въ нравы и въ законы, въ общественныя формы и въ государственныя установленія. И проповѣдывались выводы этой новой общественной философіи не въ спеціально-ученыхъ трактатахъ, а въ самыхъ разнообразныхъ литературныхъ формахъ, такъ какъ просвѣтители заботились не объ одномъ томъ, чтобы удовлетворить свою любознательность или просто открыть истину, но и о томъ, чтобы распространить образованіе въ обществѣ, сдѣлать другихъ просвѣщеннѣе, нравственнѣе (болѣе „добродѣтельными“, какъ любили выражаться въ XVIII в.), болѣе счастливыми и чтобы измѣнить къ

---

sein Reformplan (въ XIII т. Forschungen *Шмоллера*). *Hasbach.* Allgemeine Grundlagen der von Quesnay und Smith begründeten politischen Oekonomie. См. также особый § въ моей книгѣ „Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи“.—Сюда же нужно отнести нѣкоторыя сочиненія о Тюрго, на которыя ссылка сдѣлана ниже (глава XXXI) при исторіи его министерства. *I. Marchlewski.* Der physiocratismus in Polen (съ краткимъ очеркомъ физіократіи по новѣйшимъ изслѣдованіямъ).—*Берендтсъ.* Меркантилисты и физіократы въ Швеціи въ XVIII столѣтіи. По исторіи соціальныхъ ученій, кромѣ общихъ трудовъ по исторіи политической экономіи, см. *Sudre.* Histoire du communisme.—*Thonissen.* Le socialisme depuis l'antiquité jusqu'à la constitution de 1852.—*Villegardelle.* Histoire des idées sociales avant la révolution française.—*Le Faure.* Le socialisme pendant la révolution française.—*Graham.* Socialism new and old.—*Д. Щегловъ.* Исторія соціальныхъ системъ.—*A. Lichtenberg.* Le socialisme au XVIII siècle.—*B. Limanowski.* Historja ruchu spolecznegow XVIII stuleciu.—*Ludwig Stein.* Die sociale Frage im Lichte der Philosophie (есть русскій переводъ). —*Gumplowicz.* Socialismus und Rechtsstaat. См. особенно коллективную „Geschichte des Socialismus“ *Бернштейна, Гуго, Каутскаго* и др. Объ экономическихъ и соціальныхъ ученіяхъ XVIII в. см. также въ I томѣ „Происхожденія современной демократіи“ *Ковалевскаго.* Указанія на сочиненія объ отдѣльныхъ авторахъ въ своихъ мѣстахъ. Въ рѣшеніи политическихъ вопросовъ въ XVIII в. начали обращаться къ исторіи. О развитіи исторической науки во Франціи *G. Monod.* Du progrès des études historiques en France depuis le XVI siècle (въ Revue historique, т. I), а объ историческихъ взглядахъ XVIII в. *A. Thierry.* Considération sur l'histoire de France.

лучшему законодательство и правительство. Въ XIX в. общественныя и историческія знанія, науки политическія, юридическія и экономическія сдѣлали громадные успѣхи сравнительно съ XVIII столѣтіемъ, но именно мыслителями прошлаго вѣка были подготовлены всѣ эти успѣхи, а нѣкоторыя книги, вышедшія изъ-подъ пера философовъ XVIII, в., даже оказали особенно сильное вліяніе на развитіе научнаго знанія въ области философіи общества, исторіи, политики, юриспруденціи и народнаго хозяйства. Съ точки зрѣнія современнаго состоянія названныхъ наукъ, конечно, легко критиковать политическую литературу XVIII в. и открывать въ ней серьезные недостатки, но нужно принимать въ расчетъ, въ какомъ состояніи были тогдашнія знанія и тогдашніе методы и отъ какой массы ненаучныхъ традицій и предразсудковъ приходилось очищать писателямъ прошлаго вѣка науку о человѣкѣ и обществѣ. Если съ современныхъ точекъ зрѣнія многія теоретическія основанія тогдашней соціологіи, дѣйствительно, не выдерживаютъ критики, то столь же легко обнаруживаются теперь недостатки этой соціологіи и въ ея практическихъ выводахъ послѣ того, какъ историческій опытъ показалъ людямъ XIX в., что примѣненіе тѣхъ или другихъ идей къ дѣйствительности не дало ожидавшихся отъ нихъ результатовъ, или что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ результаты эти были даже совсѣмъ противоположнаго свойства, чѣмъ предполагалось, но и тутъ ошибки людей, еще не имѣвшихъ историческаго опыта, были простительны. Конечно, всесторонняя историческая критика въ примѣненіи къ политическимъ и общественнымъ идеямъ прошлаго вѣка не можетъ не производить ихъ оцѣнки и даже должна ее производить съ точки зрѣнія ихъ научной основательности и того опыта, который заключается въ исторіи ихъ примѣненія, но остановиться на одномъ этомъ значило бы впасть въ односторонность; забывая тогдашнее состояніе теоріи общества и не принимая въ расчетъ, что лишь позднѣйшій опытъ могъ обнаружить многія ошибки, тогда сдѣланныя, можно и совсѣмъ упустить изъ виду стремленія, породившія эти ученія, условія повліявшія на ихъ характеръ, положительныя пріобрѣтенія, сдѣланныя, благодаря имъ, научною мыслью и то важное обстоятельство, наконецъ, что многое и очень многое хорошее, вошедшее въ жизнь за послѣднія сто лѣтъ, было результатомъ примѣненія какъ разъ нѣкоторыхъ изъ этихъ идей. Конечно, въ настоящей книгѣ не можетъ быть мѣста для такой всесторонней оцѣнки, особенно съ спеціальной точки зрѣнія исторіи науки, и общіе приговоры приходится замѣнять отдѣльными замѣчаніями по одиночнымъ поводамъ, тѣмъ не менѣе это небольшое разсужденіе было необходимо въ виду того, что въ новыхъ историческихъ трудахъ политическая философія XVIII в.

критикуется чуть не исключительно или съ точки зрѣнія современныхъ теорій, или же съ точки зрѣнія историческаго опыта, одинаково обнаруживающихъ теоретическіе и практическіе недостатки этой философіи, какъ-будто мы имѣемъ дѣло съ современными намъ теоріями, требующими именно такой критики по отношенію къ идеямъ и задачамъ нашего времени, а не съ воззрѣніями, которымъ насчитывается болѣе ста лѣтъ, и для которыхъ уже наступила исторія. Историческая оцѣнка идей должна быть основана именно на изученіи отношенія этихъ идей къ ихъ времени, къ причинамъ ихъ возникновенія и къ условіямъ, среди которыхъ имъ пришлось развиваться.

Все, до сихъ поръ нами изложенное изъ исторіи новыхъ идей XVIII в., указываетъ на то, что *умственное настроеніе, создавшее просвѣтительную литературу, заключалось не только въ теоретическомъ интересѣ ко всему человѣческому, отличавшемъ и итальянскихъ гуманистовъ, но и въ сердечномъ участіи къ человѣчеству, заставлявшемъ желать уничтоженія всѣхъ общественныхъ порядковъ, которые мѣшаютъ людскому благополучію*, чего какъ разъ у гуманистовъ почти не было. Съ такой-то именно точки зрѣнія они сдѣлали нападеніе на искаженную религію, на испорченное государство, на несправедливые законы. Въ настоящее время легко объяснять отрицательное отношеніе просвѣтителей къ дѣйствительности изъ одного раціоналистическаго принципа тогдашней философіи, но въ этомъ мы должны видѣть лишь одну сторону дѣла, потому что настоящій источникъ нерасположенія философовъ къ исторически сложившемуся порядку вещей заключался въ чувствѣ негодованія на то, что этотъ порядокъ былъ отрицаніемъ элементарнѣйшихъ правъ личности и заставлялъ страдать народныя массы. Однимъ словомъ, интересъ, возбуждавшійся у писателей прошлаго вѣка явленіями общественной жизни, не былъ отвлеченнымъ интересомъ знанія, пониманія и изслѣдованія и не былъ непосредственнымъ интересомъ, заставляющимъ пріобрѣтать разныя политическія, юридическія и экономическія свѣдѣнія, необходимыя въ практической жизни: этотъ интересъ былъ глубоко проникнутъ этическимъ началомъ, и, *подобно тому, какъ всѣ попытки построить новое міросозерцаніе взамѣнъ началъ теологическихъ на отвлеченныхъ идеяхъ разума или на данныхъ естествознанія имѣли цѣлью дать новую основу для морали, такъ самая мораль разсматривалась только, какъ основа для теоріи общества и общественнаго идеала*. Философія XVIII в. знаменуетъ собою въ исторіи этическихъ ученій наступленіе новой эпохи—эпохи, когда *идея индивидуальной нравственности расширяется въ идею нравственности соціальной*, и этого нельзя не принимать въ расчетъ, дѣлая оцѣнку этой философіи. Съ другой стороны, разложеніе стараго политиче-

скаго и соціальнаго строя вызывало естественное стремленіе къ перемѣнамъ. Францiя передъ 1789 г. удивительно напоминаетъ намъ Германію наканунѣ двадцатыхъ годовъ XVI в., когда государственный строй и общественныя отношенiи прежняго времени были расшатаны и всѣми чувствовалась необходимость выйти изъ тягостнаго положенія, вслѣдствіе чего тогда и возникла цѣлая публицистика, содержаніемъ которой были жалобы на настоящее, проекты реформъ и надежды на будущее. И въ Германіи передъ реформаціей, и во Франціи передъ революціей католическое міросозерцаніе не удовлетворяло образованнаго общества, а церковь возбуждала къ себѣ ненависть и въ обоихъ случаяхъ вслѣдствіе чисто моральныхъ мотивовъ въ то самое время, какъ и государство, и взаимныя отношенія общественныхъ элементовъ вызывали къ себѣ одну только непріязнь. И сочинители памфлетовъ реформаціонной эпохи въ Германіи, и политическіе писатели во Франціи были лишь выразителями того, что̀ болѣе или менѣе накипѣло на душѣ у каждаго, кто только имѣлъ поводы жаловаться на „порчу церкви“ или на „старый порядокъ“. Но политическіе писатели XVIII в. не были простые разрушители, такъ какъ они хотѣли замѣнить дурные порядки хорошими, и это уже другой вопросъ, насколько тогдашняя общественная наука была на высотѣ своей задачи—руководить людьми въ отысканіи новыхъ путей въ политической и общественной жизни и насколько общество, воспитанное старыми порядками, способно было перевоспитаться въ новомъ духѣ для того, чтобы съ успѣхомъ перестроить формы своей жизни.

Кромѣ Монтескье и Руссо, оказавшихъ „Духомъ законовъ“ и „Общественнымъ договоромъ“ большое вліяніе на политическую жизнь, и кромѣ энциклопедистовъ, сильно содѣйствовавшихъ теоретическому разрушенію „стараго порядка“, Франція въ XVIII в. выставила еще цѣлый рядъ писателей, дѣлавшихъ предметомъ своихъ размышленій и изслѣдованій государство и общество и также оказавшихъ не малое вліяніе на исторію политической мысли и жизни. Этихъ писателей можно раздѣлить на три категоріи: 1) публицисты или политическіе писатели въ тѣсномъ смыслѣ, 2) экономисты вообще и въ частности физіократы и 3) соціальные реформаторы съ коммунистическимъ оттѣнкомъ.

Во французской политической литературѣ XVIII в. въ виду того, что она развивалась въ эпоху „просвѣщеннаго абсолютизма“, находившаго сочувствіе у многихъ философовъ, начиная съ Вольтера и кончая Тюрго, но преимущественно въ виду событій, наступившихъ въ 1789 г., особый интересъ имѣетъ вопросъ о королевской власти. Мы уже знаемъ, что Монтескье, сторонникъ средневѣковой сословной

монархіи и англійской конституціи, видѣлъ въ монархѣ главнымъ образомъ власть исполнительную, хотя и съ извѣстною долею участія въ законодательствѣ, отдававшемся этимъ писателемъ народному представительству совмѣстно съ аристократической корпораціей въ родѣ англійской верхней палаты. Руссо, стоявшій на той точкѣ зрѣнія, что верховная власть принадлежитъ непосредственно народу, признавалъ необходимость—для извѣстныхъ случаевъ—монархическаго правительства, но такъ какъ правительство вообще у него играетъ роль только исполнителя народной воли. то весьма естественно, что и монархъ Руссо является обладающимъ лишь одною исполнительною властью, делегированною ему народомъ. Такова была и точка зрѣнія еще одного политическаго писателя XVIII в., хотя и менѣе извѣстнаго, чѣмъ Руссо, но оказавшаго, какъ и онъ, большое вліяніе на политическія воззрѣнія революціонной эпохи, именно аб. Мабли, о которомъ рѣчь будетъ итти впереди. Со всѣхъ этихъ точекъ зрѣнія, справедливость которыхъ отдѣльные писатели стремились подтвердить и исторически, *многія права, какими пользовалась во Франціи королевская власть, казались узурпированными у сословій или у націи* (смотря по тому, имѣлся ли при этомъ въ виду старый сословный строй или новое понятіе націи). Съ другой стороны, и тѣ *писатели, которые оставались сторонниками абсолютной монархіи, совершенно иначе понимали ея значеніе и призваніе, нежели понимали это сами представители власти:* одни, какъ Вольтеръ, приглашали государей къ союзу съ философіей, что до извѣстной степени и осуществилось внѣ Франціи, а другіе стремились разлучить королевскую власть съ привилегіями сословій и превратить ее въ монархію демократическую. Мы еще увидимъ, какъ въ этомъ духѣ думалъ и даже начиналъ дѣйствовать Тюрго, философъ, сдѣлавшійся министромъ; но идея демократической монархіи имѣла и теоретическаго защитника въ литературѣ.

Одинъ изъ министровъ Людовика XV, отставленный отъ своей должности въ 1748 г., маркизъ д'Аржансонъ, отличавшійся большою проницательностью, выступилъ именно теоретикомъ демократической монархіи. О его проницательности свидѣтельствуетъ, напримѣръ, то, что еще въ 1733 г., т.-е. за цѣлое полустолѣтіе, онъ предсказывалъ, что сѣверо-американскія колоніи отложатся отъ Англіи и сдѣлаются независимой республикой, подобно тому, какъ это случилось съ Голландіей по отношенію къ Испаніи, а въ началѣ пятидесятыхъ годовъ онъ очень ясно предвидѣлъ возможность во Франціи общей революціи. Будучи послѣдователемъ извѣстнаго аб. де Сентъ-Пьера (ум. въ 1713 г.), мечтавшаго о вѣчномъ мирѣ и о внутреннихъ преобразованіяхъ въ государствѣ, желавшаго „такой философіи, ко-

торая не заключала бы въ себѣ ничего ненужнаго (vain) и отвлеченнаго, а улучшала бы разныя отношенія (conditions) жизни", д'Аржансонъ еще въ тридцатыхъ годахъ XVIII в. составилъ для бывшаго тогда первымъ министромъ кардинала Флери планъ государственныхъ реформъ, въ которомъ встрѣчаются многія идеи, осуществленныя впослѣдствіи лишь учредительнымъ собраніемъ 1789—91 гг. Предвидя возможность дворянской оппозиціи, такъ какъ планъ велъ къ сліянію аристократіи съ народомъ путемъ уничтоженія ея привилегій, д'Аржансонъ замѣчаетъ, что дворянство можно принудить къ молчанію, разъ облагодѣтельствованный народъ будетъ на сторонѣ правительства, да, наконецъ, король могъ бы и прямо опереться на генеральные штаты. Главная идея маркиза была та, что новый порядокъ долженъ осуществить во Франціи гражданское равенство (égalité entre citoyens). Именно онъ рекомендовалъ уничтоженіе привилегій, освобожденіе крѣпостныхъ, отмѣну феодальныхъ правъ, дабы всѣ земли сдѣлались свободными (franc aleu roturier) и т. д., потому что, какъ выражается д'Аржансонъ, равенство есть un pouvoir inné, изъ него выходитъ свобода не только для отдѣльныхъ лицъ, но и для всѣхъ общинъ,—свобода, которая есть мать всякихъ благъ, разъ она сочетается съ справедливостью. Д'Аржансонъ—сторонникъ наименьшаго правительственнаго вмѣшательства въ жизнь, полагая, что „pour gouverner mieux il faudrait gouverner moins". „Вся власть въ рукахъ одного лица (toute autorité à un seul homme), — такова основная мысль д'Аржансона, — все дѣйствіе въ рукахъ многихъ, демократія въ монархіи (la démocratie dans la monarchie); всѣ власти выборныя, временныя, отнюдь не пожизненныя, еще того менѣе наслѣдственныя, вотъ какъ, прибавляетъ онъ, я представляю себѣ хорошее правленіе". Сочиненіе д'Аржансона долго ходило по рукамъ въ рукописи, пока не было издано въ 1764 г. въ Амстердамѣ, подъ заглавіемъ „Considérations sur le gouvernement ancien et présent de la France". Та административная децентрализація Франціи, которая введена была учредительнымъ собраніемъ черезъ четверть вѣка послѣ выхода въ свѣтъ этой книги, имѣетъ удивительное сходство съ „демократіей въ монархіи" д'Аржансона.

Къ числу видныхъ политическихъ писателей нужно отнести еще аб. Мабли, слишкомъ позабытаго историками XIX в., несмотря на то, что онъ предсказывалъ революцію и вліялъ на политическія идеи, которыя стали осуществляться въ 1789 г., какъ это сознавали сами современники переворота. О немъ говорили еще, какъ объ историкѣ Франціи, и особенно какъ объ одномъ изъ соціальныхъ утопистовъ, но прежде всего онъ былъ именно моралистъ и политическій писатель, потому что и само его соціальное ученіе было ло-

гическимъ выводомъ изъ его моральной доктрины, въ своихъ же „Considérations sur l'histoire de France“ онъ, въ сущности, только доказывалъ свой политическій тезисъ. „Особенно, говоритъ проф. Герье, политическое ученіе Мабли должно было бы интересовать историковъ. Между Монтескье и Руссо, между двумя великими теоретиками конституціонной монархіи и абсолютной демократіи Мабли занимаетъ особое мѣсто. Какъ и Руссо, онъ—сторонникъ принципа равенства, но онъ отвергаетъ политическую теорію общественнаго договора, основывающуюся на непосредственномъ законодательствѣ народа; какъ Монтескье, онъ хочетъ основать свою политическую систему на народномъ представительствѣ и раздѣленіи властей; но совершенно такъ же, какъ и Руссо, онъ относится съ презрѣніемъ къ англійской конституціи; однимъ словомъ, въ своей теоріи Мабли болѣе всего приближается къ системѣ, осуществленной въ 1789 г.“. И среди своихъ современниковъ Мабли стоялъ одиноко, находясь въ ссорѣ съ главными представителями умственнаго движенія эпохи, которыхъ не щадила его критика, съ Вольтеромъ, съ энциклопедистами, съ Руссо. Мабли началъ съ историческаго труда „Parallèle des Romains et des Français par rapport au gouvernement“ (1740), откуда впослѣдствіи вышли его „Observations sur les Romains“ и „Considérations sur l'histoire de France (1751 и 1765); къ нимъ примыкаютъ и его „Observations sur les Grecs“ (1748); кромѣ того, онъ написалъ „Droit public de l'Europe fondé sur le traités“ (1748). Главными моральными и политическими трактатами его являются: „Entretiens de Phocion“ (1763) и „De la législation ou principes des lois“ (1776), не считая написанной по просьбѣ поляковъ книги „Du gouvernement et des lois de la Pologne“ и др. соч. Въ концѣ жизни Мабли издалъ свои „Principes de morale“ (1784), и уже по его смерти (1785). въ самый годъ начала революціи вышли въ свѣтъ его „Les droits et les devoirs du citoyen“. Наконецъ, онъ полемизировалъ съ физіократами въ своемъ сочиненіи „Doutes proposées aux philosophes économistes sur l'ordre naturel et essentiel des sociétés politiques“ (1768).

Не излагая здѣсь политической теоріи Мабли въ ея цѣломъ, мы отмѣтимъ лишь его отношеніе къ Монтескье и Руссо. Мабли былъ сторонникомъ раздѣленія властей и защищалъ этотъ принципъ отъ нападокъ на него физіократа Мерсье де ла Ривьера, но въ сущности онъ проповѣдовалъ не конституціонную монархію, а республику. Уже Монтескье косвенно содѣйствовалъ развитію республиканизма, давъ республикѣ высшій „принципъ“ (доблесть) сравнительно съ монархіей (чувство чести) и назвавъ королевскую власть просто исполнительною, что заключало въ себѣ нѣкоторое ея приниженіе передъ законодательною властью народныхъ представителей, и вотъ

съ легкой руки Монтескье все болѣе и болѣе стала утверждаться мысль о томъ, что королевская власть по существу своему есть un pouvoir exécutif. У него, кромѣ того, высказывалось и нѣкоторое недовѣріе къ этой власти, разъ онъ рекомендовалъ смотрѣть на королевскихъ совѣтниковъ, какъ на людей, совершенно чуждыхъ законодательному учрежденію. Мабли, отстаивая принципъ равновѣсія властей и ссылаясь на англійскую конституцію въ доказательство его возможности, въ сущности, однако, понималъ это отношеніе въ смыслѣ простого подчиненія исполненія законодательству, такъ какъ между обоими, по его мнѣнію, должно быть полное согласіе, безъ чего непремѣнно явилась бы анархія. Съ другой стороны, онъ рекомендовалъ ослабить исполнительную власть раздѣленіемъ ея между разными независимыми однѣ отъ другихъ администраціями. Мабли былъ, въ сущности, противникомъ англійской конституціи („Critique de gouvernement d'Angleterre") и противополагалъ ей шведскую какъ разъ за то, что въ ней были принижены монархическая власть и королевское достоинство. По его мнѣнію, это было даже образцовое произведеніе новаго законодательства, потому что, говорилъ онъ, шведскій сеймъ, гораздо болѣе мудрый, чѣмъ англійскій парламентъ, присвоилъ себѣ всю законодательную власть, а исполнительную власть отдалъ королю совмѣстно съ сенатомъ, приложеніе печати котораго замѣняло подпись короля въ отсутствіе послѣдняго или если онъ заставлялъ долго ожидать подписи, пока не было принято въ случаѣ королевскаго отказа замѣнять эту подпись приложеніемъ штемпеля. Тѣмъ не менѣе Мабли былъ сторонникомъ монархіи, въ которой видѣлъ гарантію противъ тиранніи какого-либо сословія или какой-либо партіи. Полякамъ онъ даже совѣтовалъ ввести у себя наслѣдственную королевскую власть, вмѣсто избирательной, и объявить особу монарха священною и неприкосновенною, хотя въ то же время онъ и имъ доказывалъ, что королю и сенату не нужно давать ни малѣйшаго участія въ законодательной власти: „всякій законодатель долженъ, говоритъ онъ, исходить изъ того принципа, что исполнительная власть была, есть и вѣчно будетъ врагомъ власти законодательной". Такимъ образомъ Мабли весьма категорически высказывается противъ королевскаго veto, которому Монтескье, наоборотъ, приписывалъ большое значеніе.

Что касается до законодательной власти, то она, по Мабли, должна принадлежать народу; онъ, напримѣръ, полемизировалъ противъ физіократа Мерсье де ла Ривьера, который доказывалъ, что естественная склонность людей къ несправедливости и тиранніи мѣшаетъ имъ быть законодателями. Мабли, однако, желалъ, чтобы при народномъ верховенствѣ гражданинъ могъ не повиноваться неспра-

ведливымъ законамъ и имѣлъ поэтому право подвергать законы своей критикѣ. Въ этомъ отношеніи Мабли рѣзко отличается отъ Руссо, но еще важнѣе другая разница: авторъ „Общественнаго договора“ былъ противникомъ представительной системы, которая для Мабли является, наоборотъ, единственнымъ средствомъ основать политическую свободу, ибо, говоритъ онъ, когда самъ народъ создаетъ свои законы, ему ничего не стоитъ относиться къ нимъ съ презрѣніемъ, а потому законодательная власть и должна быть ввѣрена лицамъ, выбраннымъ для того, чтобы представлять народъ. Въ чистой демократіи, пишетъ онъ, „на площади создаются постановленія столь же несправедливыя и нелѣпыя, какъ и въ диванѣ“. При такомъ государственномъ устройствѣ каждый гражданинъ можетъ предлагать свои фантазіи (rêveries), чтобы превращать ихъ въ законы, а свойства толпы таковы, что всѣ дѣла рѣшаются въ ней въ безразсудномъ порывѣ (par vertige). Здѣсь, прибавляетъ онъ, „гражданинъ, всегда склонный къ смѣшенію своеволія и свободы, боится наложить на себя слишкомъ тяжелое ярмо посредствомъ собственныхъ же законовъ, и видитъ въ сановникахъ лишь слугъ (ministres) своихъ страстей. Народъ знаетъ, что ему въ дѣйствительности принадлежитъ верховная власть (qu'il est véritablement souverain), и у него будутъ потакатели и льстецы и, слѣдовательно, всѣ предразсудки и пороки деспота... Демократія сообщаетъ душѣ импульсы, создающіе героизмъ, но при отсутствіи правилъ и просвѣщенія эти импульсы дѣйствуютъ вмѣстѣ съ предразсудками и страстями. Не ищите у этого народа-государя (ce peuple-prince) характера, ибо у него найдете только легкомысліе и непостоянство... Всѣ установленія, всѣ законы, которыми онъ будетъ стараться сохранить свою свободу, будутъ въ сущности лишь новыми ошибками, которыми онъ будетъ поправлять старыя ошибки, а потому онъ рискуетъ быть всегда обманутымъ ловкимъ тиранномъ или подпасть подъ власть сената съ введеніемъ аристократіи въ перспективѣ“. Особенно эту идею Мабли развиваетъ въ одномъ своемъ посмертномъ трудѣ, оставшемся мало извѣстнымъ (Du cours et de la marche des passions de la société). Противъ чистой демократіи онъ приводитъ, кромѣ соображеній психологическаго характера, и историческія свидѣтельства, заимствованныя изъ изученія классическаго міра. Нельзя не согласиться съ новѣйшимъ изслѣдователемъ политической доктрины Мабли [1]), что *его политическій идеалъ былъ чѣмъ-то среднимъ между конституціонной монархіей Монтескье и законодательствующей демократіей Руссо*, такъ какъ Мабли одинаково не довѣрялъ и честолюбивымъ стремленіямъ пред-

---

[1]) Проф. Герье.

ставителей исполнительной власти, и страстямъ невѣжественной толпы. Между прочимъ, онъ совѣтовалъ, чтобы представительное собраніе законодателей было обставлено разными формальностями, которыя не позволяли бы возникновенію въ немъ опасныхъ увлеченій, а въ частности желалъ введенія положительныхъ инструкцій (mandats impératifs) представителямъ со стороны избирателей. Впрочемъ, и у Мабли, какъ и Руссо, было немало противорѣчій: коммунистическій утопистъ, какимъ онъ былъ въ своихъ соціальныхъ воззрѣніяхъ, онъ въ качествѣ политика находилъ возможнымъ ввѣрять политическія права лишь земельнымъ собственникамъ, ссылаясь на упадокъ Аѳинъ, когда онѣ стали „республикой, управляемой рабочими (la république gouvernée par les ouvriers). Или еще, разрѣшая гражданамъ въ извѣстныхъ случаяхъ оказывать сопротивленіе законамъ и властямъ, онъ въ то же время находилъ, что законодатель, дабы сдѣлать людей добродѣтельными и общество счастливымъ, имѣетъ право прибѣгать къ „священному насилію“ (la sainte violence), исторгающему ихъ противъ ихъ воли (par la force) изъ-подъ власти ихъ пороковъ. Если *конституція 1791 г. ближе всего соотвѣтствуетъ политическому идеалу Мабли*, то въ его заявленіяхъ о правѣ гражданъ сопротивляться несправедливымъ законамъ и о правѣ государства употреблять „священное насиліе“ нельзя не видѣть своего рода принциповъ, санкціонировавшихъ все то, что было наиболѣе анархическаго и деспотическаго въ событіяхъ французской революціи. Мабли былъ прежде всего моралистъ, и его желаніе установить въ обществѣ нравственность, такъ сказать, законодательнымъ порядкомъ, необходимо вело къ деспотизму власть имѣющихъ (въ чьихъ бы рукахъ она ни была) надъ единичною личностью, свободу которой онъ, однако, хотѣлъ охранить отъ произвола.

Мабли и исторически хотѣлъ оправдать свою теорію указаніемъ на то, будто такая, о какой онъ говоритъ, республиканская монархія есть исконное достояніе французскаго народа. Примыкая къ „Франко-Галліи“ Готмана (XVI в.), онъ излагалъ политическую исторію своей родины, какъ-будто германцы временъ Тацита или франки, пришедшіе съ Хлодвигомъ, были „souverainement libres“, или замѣна Меровинговъ Каролингами была возстановленіемъ исконной верховной власти французскаго народа; даже Карлъ Великій рисуется у него въ видѣ республиканскаго монарха въ духѣ его собственной теоріи, потому что извѣстные обще-государственные съѣзды при этомъ монархѣ казались ему національными собраніями съ суверенною властью, а самъ Карлъ—королемъ, никогда не препятствовавшимъ тому, чтобы постановленія этихъ собраній дѣлались законами. Генеральные штаты онъ считаетъ лишь слабымъ подобіемъ національныхъ собраній Карла

Великаго. Въ „Etude de l'histoire" [1]), — написанномъ для одного принца, который ахенскимъ миромъ былъ призванъ на тронъ Пармы и для старшей дочери Людовика XV, — Мабли прямо рекомендуетъ правителямъ отдать верховную власть въ руки генеральныхъ штатовъ или собраній народныхъ представителей.

Нужно вообще замѣтить, что во Франціи многіе *уже начинали прибѣгать къ исторіи для оправданія своихъ политическихъ взглядовъ*, хотя сама исторія была еще весьма плохо разработана. Въ 1734 г. вышла въ свѣтъ книга аб. Дюбо подъ заглавіемъ „Критическая исторія водворенія французской монархіи въ Галліи" (Histoire critique de l'établissement de la monarchie française dans les Gaules), написанная противъ теоріи Буленвилье, доказывавшаго, что привилегіи дворянства и приниженное состояніе третьяго сословія во Франціи суть законные результаты завоеванія галловъ франками [2]). Въ своей книгѣ Дюбо доказываетъ, что правленіе французскихъ королей было непосредственнымъ продолженіемъ власти римскихъ императоровъ, которые формальнымъ трактатомъ передали имъ власть. Маркизъ д'Аржансонъ, съ своей стороны, смотрѣлъ на феодальныя права, какъ на узурпацію, доказывая вмѣстѣ съ тѣмъ вредъ аристократіи. Если бы, разсуждалъ онъ, королевская власть не раздавила феодализма, Франція сдѣлалась бы другою Польшею. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ жалѣлъ, что короли, протянувъ руку демократіи, не довели своего дѣла до конца и, укрѣпивъ собственную власть, соединились съ дворянствомъ. Они ничего не выиграли отъ введенія неограниченной власти, ибо всѣ выгоды отъ нея достались аристократіи же. Пусть правительство создастъ новый порядокъ вещей, предоставивъ веденіе всѣхъ внутреннихъ дѣлъ общинамъ съ выборными властями, по возможности само меньше вмѣшиваясь, ибо „демократія всегда была настолько же сильнымъ другомъ монархіи, насколько аристократія являлась ея врагомъ". Такимъ образомъ, прибавивъ къ этому еще воззрѣнія Монтескье, порицавшаго весь новѣйшій періодъ французской исторіи, мы можемъ сказать, что *наиболѣе популярные историческіе взгляды на прошлое и современное состояніе Франціи были направлены противъ того характера, какой получила королевская власть и противъ остатковъ соціальнаго феодализма*. Если Монтескье является еще сторонникомъ аристократіи, то другіе писатели выражаютъ главнымъ образомъ демократическія идеи.

---

[1]) Написанъ около 1767 г., но напечатанъ былъ позднѣе (въ первые годы Людовика XVI).

[2]) Сочиненіе Буленвилье называется Hist. de l'ancien gouvernement de France (1727).

Говоря о политическихъ воззрѣніяхъ писателей XVIII в., нельзя не упомянуть о *вліяніи на нихъ со стороны республиканскихъ идеаловъ античнаго міра.* Никогда классицизмъ въ политикѣ, если можно такъ выразиться, не былъ столь силенъ, какъ въ разсматриваемую эпоху и позднѣе, во время французской революціи. Увлеченіе древностью въ области политическихъ стремленій, которымъ корятъ итальянскихъ гуманистовъ, никогда не было такъ сильно, какъ въ XVIII в. Руссо, властвовавшій надъ умами, было поклонникомъ Спарты, Аѳинъ и республиканскаго Рима, прославлялъ ихъ учрежденія, преклонялся передъ ихъ законодателями. И другіе писатели, напримѣръ, Мабли, равнымъ образомъ пріучали общество проникаться воззрѣніями и даже настроеніемъ античныхъ республиканцевъ, насколько это настроеніе представлялось читателямъ въ сочиненіяхъ древнихъ авторовъ съ извѣстною примѣсью морализующихъ разсужденій или реторическихъ украшеній, относившихся къ такимъ понятіямъ, какъ „отечество", „доблесть", „гражданинъ" и т. п. Жизнеописанія Плутарха дѣлались такимъ же источникомъ нравственнаго и политическаго назиданія, какимъ, напримѣръ, была Библія для англійскихъ пуританъ временъ первой революціи. Читались еще Тацитъ и Светоній, и по нимъ учились ненавидѣть деспотизмъ. Этотъ республиканскій классицизмъ дѣйствовалъ и на подростающее поколѣніе. „Еще ребятами, писалъ одинъ изъ дѣятелей революціи, мы вращались въ обществѣ Ликурга, Солона, обоихъ Брутовъ и удивлялись имъ, а достигши зрѣлаго возраста, мы о томъ лишь и думали, чтобы имъ подражать".

Въ XVIII в. область общественныхъ наукъ расширилась, благодаря возникновенію новой науки—политической экономіи. Настоящимъ ея основателемъ считаютъ обыкновенно Адама Смита, автора „Богатства народовъ" (Wealth of nations), вышедшаго въ свѣтъ въ 1776 г., но уже за десять лѣтъ передъ тѣмъ (1766) Тюрго въ небольшомъ сочиненіи подъ заглавіемъ: „Размышленія объ образованіи и распредѣленіи богатствъ" (Reflexions sur la formation et la distribution des richesses) сдѣлалъ первую попытку систематическаго изложенія естественныхъ законовъ, управляющихъ народнымъ хозяйствомъ, *мысль же о самихъ этихъ законахъ принадлежитъ вообще школѣ физіократовъ,* родоначальникомъ которыхъ былъ придворный врачъ Людовика XV, Кенэ (Quesnay). Вотъ почему французы весьма естественно видятъ начало политической экономіи въ школѣ физіократовъ, предшественниками же ихъ ученій называютъ Вобана и Буагильбера, писавшихъ еще въ концѣ царствованія Людовика XIV. Къ этой школѣ принадлежали всѣ наиболѣе выдающіеся экономическіе писатели передъ французской революціей.

Основатель физіократіи, Кенэ, родившійся въ одномъ году съ

Вольтеромъ (1694) и умершій въ одномъ году съ Людовикомъ XV (1774), участвовалъ въ „Энциклопедіи“, гдѣ ему принадлежатъ двѣ статьи. Въ 1758 г. онъ издалъ въ самомъ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ свой „Tableau économique“, гдѣ изложилъ основы всей физіократической теоріи; затѣмъ слѣдовали его „Общія правила экономическаго правленія въ земледѣльческомъ государствѣ“ [1]). Къ школѣ, какъ только что было упомянуто, принадлежалъ Тюрго, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей XVIII вѣка, экономистъ, философъ и государственный человѣкъ, жизнь котораго впервые описалъ Кондорсэ (1786). Другимъ виднымъ представителемъ физіократіи былъ Дюпонъ де-Нумеръ, издатель сочиненій Кенэ, напечатавшій въ 1778 г. „Физіократію или естественное устройство наиболѣе выгоднаго для человѣческаго рода правленія“ (Physiocratie ou constitution naturelle du gouvernement le plus avantageux au genre humain). Далѣе слѣдуетъ назвать Мерсье де-ла-Ривьера, автора „Естественнаго и существеннаго порядка политическихъ обществъ“ (L'ordre naturel et essentiel des sociétés politiques). Однимъ изъ рьяныхъ приверженцевъ физіократіи былъ также Мирабо, отецъ знаменитаго дѣятеля революціи, еще ранѣе Кенэ высказывавшій многія физіократическія мысли и примкнувшій къ его школѣ и авторъ періодическаго „Друга людей“ (Ami des hommes), сдѣлавшагося его собственнымъ прозвищемъ. Физіократическія воззрѣнія стали обращать на себя вниманіе правительствъ. Баденскій маркграфъ Карлъ-Фридрихъ даже самъ сдѣлался физіократомъ, составивъ на французскомъ языкѣ „Сокращеніе принциповъ политической экономіи“ (1772) и поручивъ нѣмецкому физіократу Шлетвейну сдѣлать опытъ примѣненія экономическихъ принциповъ школы къ тремъ селеніямъ [2]). Со вступленіемъ Тюрго въ министерство, въ которомъ этому философу-экономисту принадлежала руководящая роль, физіократіи на короткое время (1774—1776 гг.) былъ предоставленъ случай широко примѣнить свои принципы на практикѣ. На экономическое законодательство французской революціи эта теорія оказала также значительное вліяніе. Съ другой стороны, ея тезисы вызывали сильную полемику, вращавшуюся особенно около вопроса о хлѣбной торговлѣ, ставшаго во Франціи XVIII в. однимъ изъ наиболѣе жгучихъ практическихъ вопросовъ [3]).

---

[1]) См. *Франсуа Кенэ.* Выбранныя мѣста (съ вступительной статьей проф. *А. Н. Миклашевскаго*). Эта книга составляетъ VI выпускъ „Библіотеки экономистовъ“ изд. Солдатенкова.

[2]) Сочиненія о немъ указаны ниже, въ главѣ XXVI.

[3]) См. книгу *Г. А. Аванасьева* „Условія хлѣбной торговли во Франціи XVIII в.“ (существуетъ и франц. переводъ этой книги). Въ ней указана и литература предмета.

„Физіократія“ значитъ „господство природы“. Это названіе возникло въ связи съ общимъ стремленіемъ къ отысканію естественныхъ началъ въ религіи, морали, правѣ и политикѣ: физіократія была „естественнымъ устройствомъ правленія“, „естественнымъ порядкомъ обществъ“ (какъ значилось въ приведенныхъ заглавіяхъ физіократическихъ книгъ), „естественнымъ теченіемъ хозяйственной жизни“, которое противополагалось тогдашней экономической политикѣ. *Это была реакція противъ меркантилизма, съ которымъ новая экономическая доктрина дѣйствительно расходилась по всѣмъ пунктамъ.* Меркантилизмъ выше всего ставилъ торговлю и промышленность, тогда какъ физіократы *выдвигали на первый планъ земледѣліе*, считая землю и заключенныя въ ней силы природы единственнымъ источникомъ богатствъ (la terre est l'unique source des richesses). По ихъ теоріи, лишь одинъ трудъ на землѣ приноситъ „чистый доходъ“ (le produit net), этотъ плодъ естественныхъ силъ, котораго не даютъ ни обрабатывающая промышленность, ни торговля, а потому, говорили физіократы, лишь одни землевладѣльцы, улучшающіе почву, и земледѣльцы, ее обрабатывающіе, составляютъ настоящій „производительный“ классъ общества, тогда какъ всѣ остальные, получающіе плату за свои услуги изъ „чистаго дохода“, создаваемаго сельскимъ хозяйствомъ, суть классы „непроизводительные“. Еще при жизни главныхъ физіократовъ Адамъ Смитъ положилъ начало болѣе правильному воззрѣнію на эти предметы, доказавъ, что факторами производства вмѣстѣ съ землею (т.-е. естественными силами природы) являются капиталъ (т.-е. сбереженія, безъ которыхъ немыслимо никакое производство) и трудъ. Кромѣ того, онъ создалъ болѣе широкое понятіе народнаго хозяйства, охватывающее и земледѣліе съ скотоводствомъ, и промышленность, и торговлю. Наконецъ, онъ нашелъ и болѣе вѣрный принципъ для причисленія тѣхъ или другихъ людей къ производительнымъ классамъ. Въ одномъ отношеніи, однако, и Адамъ Смитъ стоялъ на точкѣ зрѣнія физіократовъ, именно *возставая противъ правительственнаго вмѣшательства въ хозяйственную жизнь.* Меркантилизмъ былъ системою правительственной регламентаціи въ областяхъ промышленности и торговли; ни производство, ни обмѣнъ продуктовъ не были предоставлены свободной инціативѣ, тогда какъ и физіократы, и Адамъ Смитъ, наоборотъ, стояли за экономическую свободу. Это было какъ бы примѣненіемъ къ промышленности того принципа, который былъ высказанъ д'Аржансономъ: хорошо управлять, значитъ управлять какъ можно меньше. Гурнэ [1]), одинъ изъ французскихъ экономистовъ, не принадлежавшихъ, впрочемъ, къ физіократамъ, выразилъ стремленіе къ эко-

[1]) О немъ см. *Schelle*. Vincent de Gournay.

номической свободѣ въ знаменитомъ изреченіи „laissez passer, laissez faire", т.-е. дайте свободу производству, дайте свободу торговлѣ [1]). Физіократы, какъ и Адамъ Смитъ, требовали, чтобы хозяйственная жизнь была предоставлена своему естественному теченію, и чтобы частная инціатива ничѣмъ не стѣснялась, полагая, что личный интересъ— лучшій указатель для каждаго, что и какъ ему дѣлать, и вѣря въ то, что свободная конкуренція служитъ только общественному интересу, и лишь позднѣйшій опытъ показалъ, что въ такихъ расчетахъ сдѣланы были ошибки, хотя въ отрицательной части своего ученія, нападавшаго на тогдашніе порядки, экономисты XVIII в. и были правы. Роль правительства въ экономической жизни физіократы понимали не въ томъ смыслѣ, чтобы оно должно было законодательствовать, а въ томъ, чтобы признавать и провозглашать „естественные законы". Въ этомъ отношеніи весьма любопытенъ разговоръ Екатерины II съ Мерсье де-ла-Ривьеромъ, котораго она приглашала въ Петербургъ для совѣта съ нимъ о законодательствѣ. „Какихъ правилъ, спросила императрица, слѣдуетъ держаться, чтобы дать наиболѣе подходящіе законы для народа?—Давать или создавать законы—такая задача, государыня, которой Богъ никому не предоставлялъ,—отвѣчалъ Мерсье де-ла-Ривьеръ, чѣмъ вызвалъ новый вопросъ Екатерины: къ чему же онъ сводитъ науку правленія? Свою основную мысль физіократъ выразилъ тогда въ слѣдующихъ словахъ: наука правленія сводится „къ признанію и проявленію законовъ, начертанныхъ Богомъ въ организаціи людей, желать же итти дальше было бы большимъ несчастьемъ, черезчуръ смѣлымъ предпріятіемъ".

Естественный порядокъ казался физіократамъ и единственно разумнымъ, такъ какъ онъ былъ наиболѣе выгоднымъ для людей. Принципы школы находились въ противорѣчіи не только съ теоріей и практикой меркантилизма, но и съ массой другихъ сторонъ стараго порядка. Физіократы были принципіальными противниками сословныхъ привилегій, феодальныхъ правъ, стѣснявшихъ сельское хозяйство, цеховыхъ монополій, старой финансовой системы (рекомендуя замѣнить всѣ налоги однимъ поземельнымъ, который падалъ бы на „чистый доходъ" націи) и пр., и пр., вообще *противниками того экономическаго порядка, который господствовалъ тогда во Франціи*. Между прочимъ, ихъ ученіе играетъ важную роль въ постановкѣ крестьянскаго вопроса, о чемъ будетъ еще говориться ниже. Что касается до политическихъ воззрѣній физіократовъ, то у нихъ мы встрѣчаемся съ сочувствіемъ къ просвѣщенному абсолютизму и, напримѣръ, многія свои идеи

---

[1]) *A. Oncken*. Die Maxime „laissez faire et laissez passer".

Мабли высказалъ въ полемикѣ съ Мерсье де-ла-Ривьеромъ, стоявшимъ за despotisme légal, какъ онъ выражался.

Въ XVIII в. явилось и нѣсколько писателей, въ которыхъ можно видѣть предшественниковъ коммунизма и соціализма XIX в., но ихъ идеи не получили практическаго примѣненія, кромѣ попытки, извѣстной подъ именемъ заговора Бабёфа въ эпоху французской революціи. Нѣкоторые причисляютъ къ этой категоріи писателей и Руссо, но это невѣрно, и уже не разъ замѣчали, что Руссо вѣрнѣе обозначилъ бы суть своего ученія, если бы назвалъ свой „Договоръ" не общественнымъ (Contrat social), а государственнымъ (Contrat politique). Хотя въ его сочиненіяхъ и есть мѣста, толкуемыя въ коммунистическомъ смыслѣ, но не нужно забывать, какую роль у Руссо играетъ фраза, и что въ „Contrat social" онъ признаетъ, какъ и физіократы, частную собственность, хотя и отличаясь отъ физіократовъ по вопросу о ея происхожденіи. (Именно послѣдніе стояли на точкѣ зрѣнія Локка, относившаго ее къ естественному праву, Руссо — на точкѣ зрѣнія Гоббса, видѣвшаго въ ней созданіе государства, хотя при общей несогласованности идей Руссо у него же въ статьѣ „Политическая экономія", помѣщенной въ „Энциклопедіи", мы находимъ опредѣленіе собственности, какъ истиннаго основанія общества и самаго священнаго права гражданина). Но въ XVIII в. были и настоящіе писатели въ духѣ коммунизма. О сочиненіи одного изъ нихъ, Бриссо (Recherches philosophiques sur le droit de propriété et de vol), и о настоящемъ отношеніи его автора къ выраженнымъ въ немъ идеямъ намъ уже пришлось упомянуть выше; нужно только прибавить, что, нападая на право индивидуальной собственности, Бриссо имѣлъ въ виду главнымъ образомъ жестокіе уголовные законы, карающіе бѣдняка, который крадетъ, чтобы не умереть съ голода, а вовсе не какое-либо соціальное переустройство. Съ другой стороны, въ исторіи нерѣдки примѣры соціальныхъ утопій, большею частью бывшихъ простыми „упражненіями ума" или особаго рода „государственными романами" [1]), вовсе не расчитанными на непосредственное приложеніе къ жизни. Если и дѣлались раньше попытки дѣйствительнаго примѣненія идей, родственныхъ коммунизму и соціализму, то только въ религіозномъ сектантствѣ; что же касается до литературныхъ произведеній въ родѣ „Утопіи" Томаса Мора, или подобнаго же произведенія Кампанеллы, то часто они имѣли значеніе лишь моральнаго обличенія современныхъ порядковъ или идеалистическихъ мечтаній о золотомъ вѣкѣ на землѣ. Только въ XIX в. сенсимонисты и фурьеристы выступили на путь практическаго осуществленія своихъ утопій, отъ которыхъ, какъ

---

[1]) Выраженіе Роберта Моля.

таковыхъ, вообще отказались позднѣйшіе представители соціализма, направивъ и теорію, и практику общественнаго переустройства на иные пути. Представителемъ утопіи въ XVIII в. былъ аб. Морелли, который въ своей „Базиліадѣ“ (Iles flottantes ou la Basiliade 1753) и въ своемъ „Кодексѣ природы“ (Code de la nature) проповѣдуетъ коммунистическое устройство общества, напоминающее то, которое мы находимъ въ знаменитой „Утопіи“ XVI в. Самымъ, однако, виднымъ *представителемъ того направленія критической мысли во Франціи, которое касалось вопросовъ общественнаго устройства, былъ уже извѣстный намъ аб. Мабли*. Этотъ моралистъ, политикъ и историкъ былъ вообще однимъ изъ главныхъ представителей общественной идеи равенства, которое онъ восхвалялъ преимущественно, какъ состояніе, выгодное для человѣческой нравственности, видя въ неравенствѣ, наоборотъ, первое звено въ цѣпи всѣхъ человѣческихъ пороковъ и ссылаясь при томъ же и на естественное право. Такъ какъ въ основѣ неравенства состояній лежитъ неравенство имущественное, и такъ какъ личный интересъ, принимавшійся Мабли за основу морали, заставляетъ человѣка стремиться къ пріумноженію своего матеріальнаго достатка, то остается, по его мнѣнію, лишь одно средство основать общественную нравственность на личномъ интересѣ и въ то же время сдѣлать людей счастливыми, именно уничтоживъ самый поводъ къ любостяжанію. Этимъ средствомъ для Мабли была общность имуществъ. И онъ ссылался въ доказательство своего положенія и на естественное состояніе, и на историческіе примѣры, конечно, въ извѣстномъ толкованіи, такъ какъ въ XVIII в. съ исторіей обращались довольно произвольно, а такъ называемое общинное землевладѣніе, исторіей и теоріей котораго усердно занялась лишь наука XIX в., тогда еще не было извѣстно такъ, какъ теперь.

XVII. Отношеніе публицистики XVIII в. къ народу [1]).

Общій характеръ отношенія литературы XVIII в. къ народу.—Гуманность ея принциповъ и плохое знаніе дѣйствительныхъ отношеній.—Крестьянскій вопросъ и его постановка въ XVIII в.—Походъ противъ феодальныхъ правъ.—Отношеніе литературы XVIII в. къ рабству и крѣпостничеству.—Вопросъ о земельномъ обезпеченіи крестьянъ.—Физіократія и ея отношеніе къ крестьянамъ.—Агрономическая литература.—Оппоненты физіократовъ.—Важность крестьянскаго вопроса въ XVIII вѣкѣ.

Въ литературѣ XVIII в. особаго вниманія заслуживаетъ ея отношеніе къ народу: впервые литература, которая всегда отражаетъ на

[1]) *Sugenheim*. Geschichte der Aufhebung der Leibeigenschaft und Hörigkeit in Europa. — *Lorenz Stein*. Die Entwährung in Deutschland, Frankreich

себѣ преимущественно жизнь интеллигентныхъ и обезпеченныхъ слоевъ общества, *обратила особое вниманіе на народную массу только въ XVIII столѣтіи,* чѣмъ положено было начало тому интересу, съ какимъ, особенно въ XIX в., стали относиться къ народу, къ его матеріальнымъ нуждамъ и духовнымъ потребностямъ, къ его экономическому быту и его міросозерцанію. Ни средневѣковой католицизмъ, ни гуманизмъ, ни протестантизмъ не обнаруживали такого участливаго отношенія къ народной массѣ, какъ „просвѣщеніе" XVIII в., а въ иныхъ случаяхъ даже прямо проникались взглядами, не вполнѣ благопріятными для народа. Средневѣковой католицизмъ, мирившійся на практикѣ съ крѣпостничествомъ, выгодами отъ котораго пользовалось и само духовенство, съ своей аскетической точки зрѣнія не придавалъ особаго значенія матеріальному благосостоянію народа. Въ гуманизмѣ было слишкомъ много умственнаго аристократизма и слишкомъ мало альтруистическаго настроенія, чтобы онъ могъ обратить серьезное вниманіе на народныя нужды. Религіозное движеніе XVI в. ближе стояло къ народу и само въ нѣкоторыхъ государствахъ охватило народныя массы, но за исключеніемъ всюду подавлявшагося сектантства, получившаго демократическій характеръ; протестантизмъ былъ далеко отъ того, чтобы взять подъ свое покровительство низшіе классы общества, тѣмъ болѣе, что самъ онъ нерѣдко принималъ аристократическій характеръ, какъ мы это видимъ, напримѣръ, въ Польшѣ или во Франціи, гдѣ кальвинизмъ принимался почти исключительно дворянствомъ, и даже въ такихъ странахъ, какъ Шотландія, гдѣ реформація увлекала и народную массу. Въ частности стóитъ вспомнить еще отношеніе Лютера къ крестьянскому возстанію или то, какъ смотрѣли на народъ политическіе писатели изъ кальвинистовъ и даже индепендентовъ. Правда, и въ XVIII в. мы можемъ указать на Вольтера съ его презрительнымъ отношеніемъ къ непросвѣщенной черни, но тотъ же Вольтеръ горячо возставалъ противъ крѣпостничества. Правда, Монтескье былъ сторонникъ соціальнаго феодализма, но у того же Монтескье мы встрѣчаемся съ осужденіемъ невольничества. Но главное, это—то, что *въ литературѣ XVIII в. много альтруистическаго чувства,* той филантропіи или гуманности, которая—что̀ особенно важно—позволяла ей *съ нравственной точки зрѣнія обсуждать*

---

und England.—*И. В. Лучицкій.* Исторія крестьянской реформы въ Западной Европѣ (Кіевскія Университетскія Извѣстія, 1878, глава I: „Крестьянскій вопросъ въ экономической литературѣ XVIII вѣка").—*Н. Карѣевъ.* Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII в.—*В. Мякотинъ.* Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ въ эпоху раздѣловъ.—*Knapp.* Die Bauernbefreiung in den ältesten Theilen Preussens.—Освобожденіе крестьянъ на Западѣ (изд. М. *И. Водовозовой*). Ср. главу VIII.

общественныя формы. Это настроеніе имѣло громадное значеніе въ виду того, что при другомъ настроеніи тѣ же самые отвлеченные принципы не приводили къ тѣмъ же заключеніямъ, какія дѣлались изъ нихъ только благодаря извѣстной подкладкѣ, данной въ развитомъ нравственномъ чувствѣ. Средневѣковой католицизмъ считалъ себя продолженіемъ высокаго религіознаго ученія, по которому всѣ люди—братья, всѣ—дѣти единаго Отца, но принципъ этотъ оставался въ немъ мертвой буквой. И та же идея естественнаго права, во имя котораго просвѣтителями XVIII в. отрицалось несправедливое неравенство, не мѣшала вѣдь Пуфендорфу считать крѣпостничество вполнѣ совмѣстнымъ съ этой идеей. Все дѣло какъ разъ въ той филантропіи, которою все болѣе и болѣе проникалась литература XVIII в. и которая диктовала ей ея гуманные принципы.

Понятно, однако, что отъ заявленія благородныхъ чувствъ до разработки вопроса о томъ, въ чемъ же заключается зло и какими средствами можно его уврачевать на практикѣ, еще очень далеко, и литература XVIII в. въ дѣйствительности *очень плохо знала народъ, его настоящее положеніе, его нужды, общія условія, при какихъ было бы возможнымъ его благосостояніе*, т.-е. она обличала вопіющія, бросающіяся въ глаза несправедливости, но мало изучала бытъ народа, его исторію. Вина въ этомъ лежала отчасти въ самой литературѣ, но это была вина, вытекавшая не изъ умственной лѣни писателей XVIII в., а изъ молодости самой литературы, впервые представившей себѣ общественное зло во всемъ его объемѣ. Другая доля вины падаетъ и на тогдашнія политическія условія. Многихъ общественныхъ вопросовъ литература не смѣла касаться, и если ей удавалось, напримѣръ, высказывать даже весьма смѣлыя отвлеченныя теоріи, то нигдѣ она не была такъ стѣснена, какъ въ обсужденіи реальныхъ отношеній настоящаго. Революція 1789 г. застала французское общество въ такомъ состояніи, что великому множеству вращавшихся въ немъ идей совершенно не соотвѣтствовало такого же количества фактическихъ знаній. Напримѣръ, до кануна революціи совсѣмъ не разработывался вопросъ о томъ, что̀ представляли изъ себя феодальныя права и какимъ путемъ ихъ можно было бы отмѣнить. Брошюра Бонсерфа „О неудобствѣ феодальныхъ правъ“ (Les inconvénients des droits féodaux, 1776) была чуть не единственнымъ произведеніемъ, гдѣ былъ поставленъ вопросъ такого рода, но и она была сожжена рукою палача по предписанію парижскаго парламента. Вообще не только писатели XVIII в., но и само правительство съ зависѣвшими отъ него органами администраціи весьма плохо знали фактически старые порядки, съ которыми самимъ же имъ приходилось имѣть дѣло. Токвиль въ своей замѣчательной книгѣ „L'ancien régime et la révolution“ говоритъ, что

революція унесла съ собою знаніе тѣхъ порядковъ, которые существовали передъ нею во Франціи, но недавно одинъ историкъ весьма убѣдительно доказалъ, что и въ XVIII в. эти порядки были извѣстны не лучше, нежели и въ XIX столѣтіи, пока не приступили, благодаря Токвилю, къ ихъ научному изслѣдованію [1]). Весьма естественно, что при недостаточномъ знакомствѣ съ дѣйствительностью и не могло создаваться въ литературѣ такихъ сложныхъ вопросовъ, обобщающихъ въ себѣ массу вопросовъ болѣе частнаго свойства, какимъ въ XIX в. сдѣлался, напримѣръ, вопросъ рабочій. Если, положимъ, во Франціи существовали всѣ элементы для возникновенія вопроса крестьянскаго, то они были страшно разрознены, потому что общая связь между частными вопросами, входящими въ составъ этого широкаго соціальнаго вопроса, не была ясна, и даже не существовало выраженія „крестьянскій вопросъ“, хотя дѣйствительность и выдвигала его чуть не на первый планъ въ соціальной исторіи Франціи XVIII в.

Въ самомъ дѣлѣ, при общемъ органическомъ разстройствѣ Франціи невозможно было закрывать глаза на постоянный дефицитъ въ ея финансовомъ хозяйствѣ, на вѣчныя недоимки, на ослабленіе платежныхъ силъ страны, на упадокъ земледѣлія и промышленности, на недостатокъ рабочихъ рукъ, на развитіе нищенства, на частое повтореніе голодныхъ годовъ, на умноженіе преступленій, на безпрестанные бунты. „Просвѣщенный“ вѣкъ не могъ также не обратить вниманія на тѣ внутреннія противорѣчія, которыми страдала общественная жизнь: недоставало хлѣба, а земли пустовали за недостаткомъ рукъ, которыя могли бы ихъ обработывать; не было рабочихъ рукъ, а города и деревни были переполнены разными праздношатающимися, не находившими себѣ работы и потому нищенствовавшими и, наконецъ, тѣ, силы которыхъ были приложены къ производству хлѣба, часто кормились какъ разъ не своимъ, а взятымъ въ долгъ или купленнымъ на рынкѣ хлѣбомъ. Эти патологическія явленія и эти противорѣчія, дѣйствительно, обратили на себя вниманіе высшихъ классовъ и самого правительства, которые такъ или иначе сами терпѣли отъ общаго разстройства. Искорененіе нищенства дѣлается поэтому вопросомъ, разсматривавшимся во множествѣ произведеній тогдашней публицистики, предметомъ желанія всѣхъ сословій и особеннаго вниманія со стороны правительственныхъ органовъ Улучшеніе сельскаго хозяйства становится по той же причинѣ другою задачею времени, о которой толкуетъ пресса и которая дѣлается предметомъ особой заботливости правительства. Потомъ идутъ проекты реформъ финансовыхъ, разсужденія о хлѣбной торговлѣ, о привлеченіи рабочихъ

---

[1]) *Chérest.* La chute de l'ancien régime.

рукъ къ земледѣлію и пр., и пр. Но все это совершалось какъ-то разрозненно: на искорененіе нищенства смотрѣли съ точки зрѣнія одной полиціи нравовъ; въ вопросахъ сельскаго хозяйства господствовали вопросы одной техники; экономисты не обращали вниманія на отношенія юридическія; юристы игнорировали хозяйственную сторону правовыхъ отношеній,—словомъ, не было ничего объединяющаго: *крестьянскій вопросъ ставился и рѣшался по частямъ.* Понятно, что при такой постановкѣ вопроса сами крестьяне являлись чѣмъ-то второстепеннымъ при рѣшеніи отдѣльныхъ спеціальныхъ вопросовъ; для финансистовъ это были лишь плательщики налоговъ, для агрономовъ—только рабочая сила и т. д, Какъ причина возникновенія крестьянскаго вопроса, такъ и свойства вообще соціологическаго метода, господствовавшаго въ XVIII в., и въ частности особенности физіократической теоріи, какъ реакціи противъ меркантилизма, были такого рода, что ни политики, ни экономисты, не могли поставить крестьянскаго вопроса во всей его полнотѣ: одни были слишкомъ отвлеченны, слишкомъ мало думали о практическомъ примѣненіи своихъ ученій, чтобы не только сумѣть поставить крестьянскій вопросъ, но хотя бы оказать своими теоріями какое-либо вліяніе на его постановку; другіе слишкомъ увлеклись своей полемикой съ меркантилизмомъ и взяли изъ окружающей дѣйствительности для изображенія своего идеальнаго общественнаго строя слишкомъ много такихъ чертъ, которыя характеризовали тогдашнія аграрныя отношенія, весьма на дѣлѣ ненормальныя; физіократы раздѣляли точку зрѣнія агрономовъ, у которыхъ на первомъ планѣ стояло хозяйство, а не хозяинъ. Борцы XVIII в. инстинктивно стояли за народъ всюду, гдѣ они могли понять его страданія, но всѣ привычки жизни и мысли отталкивали ихъ отъ вѣрнаго и всесторонняго пониманія причинъ народныхъ бѣдствій. Притомъ у нихъ было столько вопросовъ, волновавшихъ ихъ собственный кругъ, т.-е. культурный слой общества, что только порывами, случайно они становились на защиту страдающаго народа, которому они были, кромѣ того, чужды всѣми частностями своей культуры.

Тѣмъ не менѣе можно указать на цѣлый рядъ писателей и во Франціи, и внѣ Франціи, которые по частямъ разбирали вопросъ объ улучшеніи быта крестьянъ, причемъ у нихъ *главнымъ образомъ подвергались осужденію феодальныя права, тяготѣвшія надъ земледѣльцами,* хотя юристы продолжали еще отстаивать ихъ права на существованіе, и хотя экономическіе писатели главную причину зла видѣли нерѣдко только въ фискальномъ гнетѣ. Походъ противъ феодальныхъ правъ—явленіе, вообще характеризующее эпоху. Въ Италіи противъ нихъ вооружаются неаполитанцы: Броджія, авторъ „Трак-

тата о налогахъ" (Trattato dei tributi, 1748) и Дженовези, бывшій первымъ профессоромъ (съ 1755 г.) политической экономіи въ Европѣ (Lezioni di economia civile), затѣмъ знаменитый Беккарія, не менѣе извѣстный Филанджіери (въ Leggi economiche и издававшейся съ 1780 по 1785 г. Scienza della legislazione). Во Франціи въ томъ же направленіи выступаютъ упомянутые выше Дюло, д'Аржансонъ, физіократы, Бонсерфъ, предлагавшій въ названной раньше брошюрѣ выкупъ феодальныхъ правъ. Въ Германіи, гдѣ юристы дольше всего отстаивали феодальныя права и даже такіе юристы, какъ Томазій, противниками соціальнаго феодализма были Едеръ (Oeder), авторъ брошюры Bedenken über die Frage wie dem Bauernstande Freiheit und Eigenthum in den Ländern, wo ihm beydes fehlet, verschaffet werden könne (1769), Юсти, написавшій Adhandlungen von der Vollkommenheit der Landwirthschaft und der höchsten Cultur der Länder (1761) и т. д. Замѣтимъ, однако, что весьма нерѣдко критика феодальныхъ порядковъ не была ни достаточно всеобъемлюща, ни достаточно смѣла, рекомендуя, напримѣръ, во многихъ случаяхъ лишь нѣкоторыя передѣлки въ отношеніяхъ между помѣщикомъ и крестьяниномъ, а не радикальную ихъ реформу. Во всякомъ случаѣ тѣмъ не менѣе прежней исключительной защитѣ юристами феодальныхъ правъ былъ нанесенъ ударъ уже однимъ тѣмъ, что поставленъ былъ о нихъ вопросъ и даже намѣчались практическіе способы ихъ отмѣны. Въ концѣ концовъ возобладало то мнѣніе, что феодальныя права, вытекавшія по историко-юридической теоріи XVIII в. изъ уступокъ крестьянамъ земель сеньерами, подлежали выкупу, а тѣ, которыя были результатомъ лишенія крестьянъ личной свободы, должны были быть отмѣнены безвозмездно, хотя такое рѣшеніе вопроса казалось еще слишкомъ радикальнымъ.

Вообще о личной свободѣ крестьянъ XVIII вѣкъ выражался рѣшительнѣе, объявивъ походъ противъ рабства и между прочимъ противъ невольничества въ колоніяхъ. Идея естественнаго равенства всѣхъ людей возникла еще въ античномъ мірѣ, но *впервые XVIII вѣкъ потребовалъ широкой реализаціи этой идеи.* Въ древности учили о равенствѣ всѣхъ людей стоики, но для нихъ болѣе важное значеніе имѣла внутренняя свобода отъ порабощенія страстями, чѣмъ свобода внѣшняя, и, совѣтуя рабамъ подняться духомъ выше своего состоянія, которое въ глазахъ мудреца должно быть безразличною случайностью, неспособною угнетать его духъ, они вмѣстѣ съ тѣмъ говорили, что ихъ ученіе не клонится къ уничтоженію рабства. Ученіе стоиковъ, какъ извѣстно, повліяло на римскихъ юристовъ, заявлявшихъ, что по естественному праву всѣ люди рождаются свободными, но и они не думали о реализаціи этой свободы, признавая вмѣстѣ съ правомъ

положительнымъ, т.-е. съ гражданскимъ правомъ самого Рима (jus sivile) и съ правомъ общенароднымъ (jus gentium) фактическое существованіе рабства. Христіанское равенство было также понято лишь въ смыслѣ равенства всѣхъ передъ Богомъ въ грѣхѣ и искупленіи, т.-е. отношенія, не мѣшающаго тому, чтобы въ обществѣ одни были господами, а другіе рабами, хотя вѣрный инстинктъ подсказывалъ и въ средніе вѣка, и въ новое время, что внѣшнее рабство не совмѣстимо съ христіанской свободой. Такимъ образомъ и моральная философія прежнихъ временъ, признававшая человѣческое достоинство и въ рабѣ, и юриспруденція, основывавшаяся на идеѣ естественнаго права, и сама религія, провозгласившая братское равенство всего рода человѣческаго передъ общимъ Небеснымъ Отцомъ, останавливались передъ юридическимъ освобожденіемъ рабовъ, стоя на точкѣ зрѣнія свободы моральной. Такого освобожденія впервые потребовала философія XVIII в. Въ самомъ дѣлѣ, и въ новое время ни гуманисты, ни протестанты (кромѣ сектантовъ) не возставали рѣшительнымъ образомъ противъ рабства, а моралисты обходили какъ бы молчаніемъ этотъ пунктъ; очень боялись прикоснуться къ нему и польскіе социніане. Юристы, изучавшіе римское право, прямо даже содѣйствовали закрѣпощенію народа въ Германіи а польская шляхта, строя свой политическій бытъ на quasi-римскихъ началахъ, прямо переносила на крестьянъ Рѣчи Посполитой римскія идеи о рабствѣ. Ученая юриспруденція XVII в., несмотря на то, что въ XVI в. противъ рабства высказывался Боденъ, защищала этотъ институтъ, какъ мы то видѣли на примѣрѣ Пуфендорфа. Въ Германіи подобныя идеи были сильны и въ XVIII в., когда, напримѣръ, начальникъ берлинской полиціи Филиппи, пользовавшійся расположеніемъ короля-философа, рекомендовалъ отдать крестьянъ въ совершенно рабскую зависимость отъ землевладѣльцевъ. Въ самой Франціи въ 1765 г. нѣкто Ренодонъ издалъ „Историческій и практическій трактатъ о сеньерьяльныхъ правахъ“, гдѣ защищалъ и серважъ, а экономистъ Летронъ преспокойно заявлялъ, что „смотритъ на негровъ, какъ на животныхъ, употребляемыхъ при обработкѣ земли“, и что „весьма многіе смотрятъ на нихъ не иначе“, а потому „интересъ колоній, употребляющихъ этихъ животныхъ, заключается въ томъ, чтобы покупать ихъ какъ можно дешевле“, откуда выводъ—допустить свободную конкуренцію при ввозѣ невольниковъ во французскія колоніи. Наконецъ, и того не нужно еще забывать, что наибольшее количество крѣпостныхъ во Франціи въ XVIII в. сохранилось на церковныхъ земляхъ, и это Вольтеръ также могъ поставить въ пассивъ католицизму.

Однимъ изъ первыхъ заговорилъ противъ рабства въ прошломъ

вѣкѣ Монтескье, за которымъ послѣдовали и другіе (и между ними Рэйналь). Съ убійственной ироніей писалъ онъ въ „Духѣ законовъ“ (кн. XV, гл. 5), что если бы ему предстояло защищать право на обращеніе негровъ въ рабовъ, то онъ сказалъ бы слѣдующее: „такъ какъ народы Европы истребили американскія племена, то должны были поработить африканскія—для расчистки земли. Сахаръ былъ бы очень дорогъ, если бы не заставляли рабовъ воздѣлывать растеніе, которое его производитъ. Тѣ, о которыхъ идетъ рѣчь, черны съ ногъ до головы, и у нихъ такой приплюснутый носъ, что ихъ почти нельзя жалѣть... Нельзя себѣ вообразить, чтобы премудрый Господь вложилъ душу и особенно хорошую душу въ черное тѣло... Невозможно предположить, чтобы они были людьми, потому что если бы мы ихъ вообразили людьми, о насъ стали бы думать, что мы не христіане. Мелкіе умы слишкомъ преувеличиваютъ несправедливость, дѣлаемую африканцамъ, ибо если бы она была такою, какъ говорятъ, то не пришло ли бы въ голову европейскимъ государямъ, которые заключаютъ между собой столько безполезныхъ договоровъ, заключить общій договоръ въ пользу состраданія и милосердія?“ Но касаясь вопроса, какъ освободить рабовъ, Монтескье находилъ, что сразу освобождать опасно: надо сперва подготовить людей къ принятію свободы.

Въ XVIII в. существовалъ вообще взглядъ, по которому не слѣдовало сразу общимъ узаконеніемъ освобождать рабовъ. Во Франціи это касалось главнымъ образомъ колоніальныхъ негровъ, но для другихъ странъ и собственныхъ крѣпостныхъ крестьянъ. Съ другой стороны, тогда еще подвергалось сомнѣнію право государства безвозмездно отнимать у господъ ихъ власть надъ рабами и крѣпостными, и, напримѣръ, Вольтеръ въ своей защитѣ сервовъ монастыря св. Клавдія иронически замѣчаетъ, что, вѣроятно, придется подождать нѣсколько столѣтій, пока государство не уплатитъ своихъ долговъ, чтобы можно было выкупить свободу крѣпостныхъ. Самъ же Вольтеръ, однако, отвѣчалъ въ 1765 г. такъ петербургскому Вольно-экономическому обществу на вопросъ, поставленный послѣднимъ относительно крѣпостничества: „справедливость требуетъ, чтобы государь освобождалъ только церковныхъ сервовъ и своихъ собственныхъ: крѣпостныхъ, принадлежащихъ церкви, потому что она не должна ихъ имѣть, своихъ же потому, что отъ этого онъ выигрываетъ, создавая себѣ дѣятельныхъ подданныхъ и обогащаетъ себя, дѣлая добро. Что касается сеньеровъ, которымъ давнее пользованіе предоставило крѣпостныхъ въ вотчину, то кажется нельзя, не сдѣлавъ несправедливости, принудить ихъ измѣнить сущность ихъ наслѣдственнаго имѣнія. Они должны имѣть право освобождать ихъ по собственному

своему усмотрѣнію. Это ужъ ихъ дѣло — послѣдовать ли примѣру государя. Они должны быть приглашены къ этому, но не обязаны". Этой идеи держался и Людовикъ XVI, когда, по совѣту Неккера, освобождалъ сервовъ въ своихъ доменахъ. „Справедливо тронутые такими обстоятельствами, гласитъ его эдиктъ (1779 г.), мы хотѣли бы отмѣнить безъ различія слѣды этого тягостнаго феодализма; но такъ какъ состояніе нашихъ финансовъ не дозволяетъ намъ выкупить это право изъ рукъ сеньеровъ и такъ какъ мы будемъ во всѣ времена питать уваженіе къ законамъ собственности, въ которыхъ мы видимъ самое твердое основаніе порядка и справедливости, то мы можемъ, не нарушая этого принципа, осуществить только часть блага, которое имѣемъ въ виду, уничтожая рабское право во всѣхъ нашихъ доменахъ".

Извѣстно, что и Руссо не стоялъ вполнѣ на высотѣ идей XVIII в., когда говорилъ о рабствѣ. Хотя въ началѣ „Contrat social" онъ и восклицаетъ съ горечью о томъ, что „человѣкъ родится свободнымъ, а между тѣмъ онъ вездѣ въ цѣпяхъ", хотя онъ и посвятилъ много мѣста опроверженію разныхъ теорій, оправдывавшихъ рабство, тѣмъ не менѣе, когда ему пришлось говорить о томъ, что античная политическая свобода, передъ которою онъ преклонялся, была основана на рабствѣ, онъ написалъ при этомъ слѣдующія строки: „Какъ! свобода не можетъ иначе поддерживаться, какъ опираясь на рабство?— Можетъ быть. Крайности сходятся. Все, что неестественно, имѣетъ свои неудобства и гражданское равенство—болѣе, чѣмъ все остальное. Есть такія несчастныя положенія, въ которыхъ нельзя иначе сохранить свою свободу, какъ опираясь на рабство. Таково было положеніе Спарты. Что же касается до васъ, новые народы, вы не имѣете рабовъ, но вы сами—рабы, вы платите за ихъ свободу своею. Вы находите превосходнымъ это преимущество, а я нахожу въ немъ больше подлости, чѣмъ человѣчности". Или еще когда къ Руссо обратились поляки, прося его совѣтовъ для Польши, онъ написалъ, какъ мы видѣли, особое объ этомъ сочиненіе. „Свобода, заявляетъ онъ и здѣсь, свобода — пища добросочная, но трудная для пищеваренія; нужны крѣпкіе желудки, чтобы ее вынести. Я смѣюсь надъ тѣми погрязшими въ униженіи народами, которые, наущенные демагогами, умѣютъ говорить о свободѣ, не имѣя о ней никакого понятія, и съ сердцемъ, исполненнымъ всѣми пороками рабовъ, воображаютъ, что для того, чтобы стать свободными, достаточно быть бунтовщиками. Гордая и святая свобода! Если бы эти бѣдные люди могли тебя узнать, если бы они вѣдали, какою цѣною тебя можно пріобрѣсти и сохранить, если бы они чувствовали, до какой степени твои законы строже самаго тяжелаго ига тиранновъ, ихъ слабыя души—рабыни страстей—

боялись бы тебя въ тысячу разъ больше, нежели рабства". Поэтому онъ совѣтуетъ не освобождать тѣла польскихъ крѣпостныхъ, пока не освободятся ихъ души. Можно освобождать только тѣхъ, кто заслужитъ свободы хорошимъ поведеніемъ. Руссо какъ-будто забылъ свой основной тезисъ, и свобода является у него тутъ уже не правомъ каждаго, правомъ, котораго никто не можетъ отнять, а наградой за примѣрное поведеніе.

Приведенныя мѣста указываютъ, до какой степени еще колебалась мысль самихъ философовъ XVIII в., разъ передъ ними становился практическій вопросъ о томъ, какъ уничтожить рабство и прекратить крѣпостныя отношенія. Они требовали реализаціи естественной свободы, но обставляли эту реализацію разными условіями; они учили о всемогуществѣ государства и о прирожденномъ правѣ человѣка на личную свободу, а между тѣмъ сомнѣвались въ правѣ государства возвратить свободу рабамъ безъ вознагражденія тѣхъ, которые несправедливо отнимаютъ у людей ихъ свободу, или разсматривали, какъ своего рода награду за хорошее поведеніе то, что было въ сущности—по ихъ же ученію—неотъемлемымъ правомъ личности.

При общемъ благожелательномъ къ народу отношеніи просвѣтительной литературы XVIII в. она такимъ образомъ *не всегда достаточно внимательно входила въ вопросы, касавшіеся отдѣльныхъ сторонъ народнаго быта*. То же самое можно сказать и о ея отношеніи къ вопросу объ обезпеченіи крестьянъ землею. Главную причину народной нищеты въ XVIII в. съ легкой руки Вобана видѣли въ тяжести и неравномѣрномъ распредѣленіи налоговъ, а не въ томъ, что крестьяне пользовались землею на крайне невыгодныхъ для нихъ условіяхъ, если не имѣть въ виду феодальныхъ правъ, подвергавшихся также осужденію, на томъ основаніи, что и они въ сущности были обременительными повинностями. Теоретики крестьянскаго вопроса, большею частью экономисты, желали свободы личности, труда и имущественныхъ договоровъ, отмѣны феодальныхъ повинностей, лежавшихъ на землѣ, реформы въ системѣ налоговъ съ болѣе правильнымъ ихъ распредѣленіемъ и съ уничтоженіемъ всѣхъ податныхъ изъятій, и хотя все это было важно и было необходимо, этимъ дѣло крестьянской реформы не исчерпывалось. Юридическое освобожденіе крестьянъ, уже совершившееся къ XVIII в. въ значительной части Европы, не только не сопровождалось ихъ экономическимъ обезпеченіемъ, но даже вело прямо къ противоположному результату, бывшему слѣдствіемъ того, что личная эманципація соединялась съ обезземеленіемъ. Среди писателей, касавшихся крестьянскаго быта, нѣкоторые были на сторонѣ развитія крестьянской собственности. Та-

ковы были д'Аржансонъ, Мирабо-отецъ, Гельвецій, Гольбахъ, особенно Филанджіери, аб. Васко изъ Пьемонта, авторъ трактата „La felicità pubblica considerata nei coltivatori di terre proprie (написаннаго въ отвѣтъ на вопросъ петербургскаго Вольно-экономическаго общества въ 1667 г. о томъ, что полезнѣе для общественнаго блага—существованіе крестьянъ-собственниковъ или крестьянъ-безземельныхъ), нѣмецъ Бенцель, написавшій „Gedanken über willkürliche Zertheilung der Bauerngüter, 1795 и др., но господствующимъ мнѣніемъ—особенно у физіократовъ—сдѣлалось то, что наилучшая форма поземельныхъ отношеній и сельскаго хозяйства—англійская, т.-е. крупное фермерство, соединенное съ обработкою земли наемными рабочими, хотя девизомъ родоначальника физіократіи, Кенэ, и эпиграфомъ его книги и было изреченіе: „pauvres paysans—pauvre royaume, pauvre royaume, pauvre roi“, т.-е. если бѣдны крестьяне, бѣдно королевство, если бѣдно королевство, бѣденъ и король.

Мы уже упомянули, что физіократія была реакціей противъ меркантилизма. Въ своемъ увлеченіи господствомъ природы въ народномъ хозяйствѣ физіократы называли только одинъ классъ земледѣльцевъ (laboureurs) производительнымъ, окрестивъ всѣхъ городскихъ жителей названіемъ безплоднаго класса. Дѣло въ томъ, что въ основу своего ученія они положили дѣленіе общества не на основаніи положенія отдѣльныхъ классовъ, какъ получающихъ ренту собственниковъ, извлекающихъ процентъ изъ своихъ оборотовъ капиталистовъ и живущихъ платой за свой трудъ рабочихъ, а на основаніи существованія въ обществѣ различныхъ занятій: физіократы были представителями сельскаго хозяйства въ его противоположеніи къ обрабатывающей промышленности и потому представителями всего сельскаго населенія въ противоположеніи горожанамъ. По этой причинѣ крестьянскій вопросъ, какъ таковой, не могъ быть выдѣленъ ими изъ вопроса агрономическаго: вѣдь земледѣліемъ, или, вѣрнѣе, сельскимъ хозяйствомъ занимались лица очень различнаго положенія въ обществѣ. Это было капитальнымъ промахомъ физіократовъ, что видно изъ того, какой экономическій строй считали они и другіе экономисты XVIII вѣка за нормальный и желательный. Физіократія была именно проповѣдью крупнаго хозяйства. Уже Кенэ считалъ нормальнымъ такой порядокъ вещей, при которомъ земли, обработывающіяся подъ посѣвы, соединяются въ большія фермы, находящіяся въ рукахъ богатыхъ землевладѣльцевъ (de riches cultivateurs; только богатые фермеры составляютъ, по его мнѣнію, силу и могущество націи, только они могутъ дать занятіе рабочимъ рукамъ и удержать въ деревнѣ жителей; при этомъ Кенэ объясняетъ, что подъ словами „богатый фермеръ“ не слѣдуетъ понимать работника, который самъ пашетъ, а именно хозяина,

имѣющаго наемныхъ рабочихъ; всѣ мелкіе хозяева должны были поэтому превратиться въ батраковъ, работающихъ на крупныхъ фермеровъ, которые и суть „истинные земледѣльцы". По словамъ другого экономиста (аб. Бадо), „въ обществѣ, истинно благоустроенномъ на основахъ экономическихъ принциповъ", должны существовать простые земледѣльческіе рабочіе, которые жили бы только своимъ трудомъ. Подобнаго взгляда держались и не-экономисты, напримѣръ, Вольтеръ. Отождествляя землю и землевладѣльца, интересы земледѣлія и интересы сельскихъ хозяевъ, экономисты часто, говоря объ интересахъ производительнаго класса, имѣютъ въ виду именно только фермеровъ. Отсюда недалеко было до особенной заботливости о послѣднихъ, и дѣйствительно, уже Кенэ совѣтуетъ правительству наградить фермеровъ всякими привилегіями, такъ какъ въ противномъ случаѣ, благодаря своему богатству, они могутъ приняться за другія занятія, а правительство должно поощрять ихъ въ занятіи земледѣліемъ. Заботясь объ увеличеніи національного дохода, который для физіократовъ заключался въ суммѣ доходовъ отдѣльныхъ сельскихъ хозяевъ, они признавали необходимость благосостоянія рабочихъ едва лишь не потому только, что для пользы націи продукты должны потребляться какъ можно въ большемъ количествѣ. Однако, содѣйствовать увеличенію рабочей платы они не были намѣрены: Кенэ совѣтуетъ для жатвы брать пришлыхъ савойскихъ рабочихъ, которые берутъ меньше своихъ, — ибо отъ этого уменьшаются расходы производства и увеличиваются доходы собственниковъ и короля, а съ ними возрастаютъ могущество націи и фондъ рабочей платы. Этотъ фондъ (le revenu disponible, по физіократической терминологіи) доставитъ рабочимъ возможность существовать лучшимъ образомъ, думали экономисты, видѣвшіе вокругъ себя часто просто недостатокъ въ хлѣбѣ для прокормленія народа. Они только не съумѣли отдѣлить общаго накопленія капиталовъ отъ обогащенія въ частности землевладѣльцевъ и крупныхъ фермеровъ; наблюдая вокругъ себя одну бѣдность, желая поднять національное богатство, они обращали вниманіе исключительно на массу предметовъ, находящихся въ странѣ, безъ всякаго отношенія къ ихъ распредѣленію. Необходимость капиталовъ на ихъ языкѣ переводилась въ необходимость капиталистовъ. Крестьянинъ-хозяинъ рисовался имъ либо въ видѣ мелкаго собственника, едва существующаго доходами съ своей землицы, либо въ видѣ половника, вѣчно находящагося въ долгу у своего землевладѣльца, а тутъ еще рядомъ съ ними жилъ безземельный батракъ, которому ни тотъ, ни другой не могли доставить работы: по мнѣнію физіократовъ, крупное фермерство, обогащая государство, лучше всего и могло занять свободныя руки безземельнаго крестьянства. Что касается до нищеты послѣдняго,

то причину ея физіократы видѣли исключительно въ финансовомъ гнетѣ.

Физіократы сходились въ этомъ отношеніи съ весьма многими агрономическими писателями, которые указывали на то, что мелкое хозяйство крестьянъ-собственниковъ и половниковъ, невѣжественныхъ и бѣдныхъ, не въ состояніи служить основою для тѣхъ улучшеній въ способахъ обработки земли, которыя требуются необходимостью поднять ея производительность, вслѣдствіе чего агрономами одобрялось также уничтоженіе общинныхъ сервитутовъ и угодій,—которые мѣшали введенію интенсивнаго хозяйства,—но при этомъ не обращалось вниманія на то, что отъ лишенія права выпаса (vaine pâture) или отъ раздѣла общинныхъ угодій страдали интересы бѣднѣйшихъ жителей деревень.

Физіократы вообще вѣрили въ то, что „господство природы", „естественный порядокъ", свобода экономическихъ отношеній при наиболѣе выгодномъ способѣ пользованія землею въ смыслѣ улучшенія системы хозяйства и увеличенія чистаго дохода создадутъ всеобщее благосостояніе, какъ вѣрили Адамъ Смитъ и его школа, что для достиженія общаго блага нужна только свобода частнаго интереса и свободная конкуренція. Экономическая жизнь Англіи въ концѣ XVIII и началѣ XIX в. далеко не оправдала подобныхъ ожиданій, но уже и въ прошломъ столѣтіи были люди, скептически относившіеся къ надеждамъ физіократовъ. На эту школу напали, напримѣръ, венеціанскій монахъ Джаммаріа Ортесъ и французскій публицистъ Ленгэ (Théorie des lois civiles), которые доказывали весьма убѣдительно неосновательность физіократическихъ теорій по отношенію къ надеждамъ, возлагавшимся на ихъ примѣненіе, но они не находили ничего лучшаго, какъ феодализмъ и рабство. На сторонѣ перваго стоялъ именно Ортесъ, полагавшій, что лучшихъ порядковъ, чѣмъ существующіе, и придумать нельзя, тогда какъ Ленгэ цинически рекомендовалъ предпочесть рабство свободнымъ отношеніямъ предпринимателя и наймита, такъ какъ у рабовладѣльца есть прямой расчетъ беречь своего раба, и невольникъ по одному этому никогда не умретъ съ голоду. Въ число оппонентовъ физіократовъ нужно поставить и аббата Мабли, который въ своихъ „Сомнѣніяхъ объ естественномъ и существенномъ порядкѣ обществъ" (Doutes sur l'ordre naturel et essentiel des sociétés, 1768) пришелъ къ иному способу избѣжать послѣдствій, связанныхъ съ экономическимъ идеаломъ физіократовъ, именно къ отрицанію частной собственности. Въ спорахъ физіократовъ съ ихъ противниками крестьянскій вопросъ переходилъ уже въ вопросъ соціальный въ томъ смыслѣ, какъ онъ былъ поставленъ въ XIX в., на сей разъ на почвѣ вопроса рабочаго, возникшаго въ связи съ пере-

воротомъ, который къ концу XVIII в. произошелъ въ области обрабатывающей промышленности.

Какіе бы недостатки ни обнаруживались въ постановкѣ и теоретическихъ рѣшеніяхъ крестьянскаго вопроса въ XVIII в., не нужно забывать, что онъ возникъ главнымъ образомъ именно въ литературѣ этого столѣтія, благодаря не только ея общественному характеру и этическимъ началамъ, которыми она была проникнута, но благодаря и тому, что крестьянскій бытъ, все болѣе и болѣе приходившій въ разстройство, которое отражалось на упадкѣ сельскаго хозяйства и платежной способности массы, на трудности увеличенія налоговъ и т. п., обращалъ на себя также вниманіе правительствъ и государственныхъ людей. Крестьянскому вопросу принадлежитъ поэтому видное мѣсто не только въ исторіи публицистики XVIII в., но и въ исторіи законодательства, правительственныхъ мѣропріятій и т. п. Уже старое государство было вынуждено обратить вниманіе на положеніе сельской массы: „просвѣщенный абсолютизмъ" начинаетъ, революція кончаетъ въ XVIII в. разрушеніе соціальнаго феодализма, а имперія Наполеона пропагандируетъ новые гражданскіе порядки, созданные революціей, на всемъ Западѣ, и только реакція, наступившая въ 1815 г., останавливаетъ на время это историческое движеніе. Крестьянскому вопросу суждено было перейти и въ XIX в., который практически рѣшалъ его и въ зависимости отъ обстоятельствъ (1830 и 1848 гг. сильно ему содѣйствовали), и въ зависимости отъ теоретическихъ отвѣтовъ, которые давались публицистикой и наукой.

XVIII. „Просвѣщеніе" XVIII в. внѣ Франціи [1]).

Общеевропейскій характеръ «просвѣщенія».—Господство французской цивилизаціи въ XVIII вѣкѣ.—Націонализмъ и космополитизмъ.—Взаимныя отношенія англійской и французской цивилизацій.—Умственная жизнь Германіи въ XVIII вѣкѣ.—Новыя направленія въ теологіи, философіи, морали, педагогикѣ и общественныхъ наукахъ въ Германіи.—Вліяніе французской литературы на нѣмецкую.—Новыя идеи въ другихъ странахъ.—Общее значеніе распространенія французскихъ идей.

Въ исторіи культурныхъ и политическихъ идей, характеризующихъ „просвѣщеніе" XVIII в., первое значеніе принадлежитъ фран-

---

[1]) По исторіи вліянія Франціи на Европу вообще см. старыя сочиненія: *Rühs.* Historische Entwickelung des Einflusses Frankreichs und der Franzosen auf Deutschland und die Deutschen. — *Sugenheim.* Frankreichs Einfluss auf und Beziehungen zu Deutschland seit der Reformation bis zur ersten französischen Staatsumwälzung. — *Honegger.* Kritische Geschichte der französischen Kultureinflüsse in den letzten Jahrhunderten. — *Crouslé.* Lessing

цузской литературѣ. Можно даже сказать, что XVIII в. въ умственной исторіи Европы былъ по преимуществу французскимъ вѣкомъ, такъ какъ нигдѣ съ такою силою и съ такимъ разнообразіемъ не проявились въ то время новыя историческія стремленія, какъ именно во Франціи, и никогда вообще умственная жизнь остальной Европы не находилась подъ столь сильнымъ французскимъ вліяніемъ, какъ въ XVIII столѣтіи. Тогдашняя французская литература была поистинѣ литературой всей Европы, и *„просвѣщеніе“, органомъ котораго она была, само имѣло общеевропейскій характеръ.* Разсматривая культурную и соціальную исторію Западной Европы, какъ исторію одного историческаго міра, мы наблюдаемъ тотъ общій фактъ, что общественныя явленія и движенія, имѣющія общеевропейскій характеръ, проявляются съ наибольшею силою лишь въ нѣкоторыхъ странахъ; получая поэтому въ извѣстной степени характеръ мѣстный, они тѣмъ не менѣе не утрачиваютъ и общеевропейскаго характера. Такъ, родиной гуманизма и страною, гдѣ съ наибольшею силою развилось это направленіе, была Италія. Въ исторіи реформаціи — въ первый ея періодъ—главная роль принадлежитъ Германіи. Такъ и „просвѣщеніе“ XVIII в. есть преимущественно достояніе Франціи. Никогда, однако, раньше этого мѣстное культурное движеніе не принимало сразу и на столь продолжительное время, а также столь исключительнымъ образомъ характеръ общеевропейскій, какъ то, которое совершалось во Франціи въ XVIII столѣтіи. Это объясняется и свойствомъ французскихъ идей тогдашняго времени, и превосходствомъ французской цивилизаціи надъ всѣми другими національными циви-

---

et le goût français en Allamagne. — *Fester*. Rousseau und die deutsche Geschichtsphilosophie. — См. также отдѣльныя главы въ соч. *Сореля*, которое вообще важно въ указанномъ отношеніи (въ т. I подъ заглавіемъ „Вліяніе французскаго духа“), *Рамбо* (во II томѣ глава Eclat de la civilisation française en XVIII siècle) и т. п. О французской литературѣ внѣ Франціи есть книга *Sayous* (Hist. de la littérature à l'étranger depuis le commencement du XVII siècle. — Le dix-huitième siècle à l'étranger). По исторіи культуры и литературы XVIII в. въ Англіи и Германіи см. указанныя соч. Геттнера, Стефана, Бидермана и др. (см. выше, гл. I), а также *Bruno Bauer*. Geschichte der Politik, Cultur und Aufklärung des XVIII Jahrhunderts. — *Wilhelm Scherer*, Geschichte der deutschen Literatur.—*Zeller*. Geschichte der deutschen Philosophie seit Leibniz.—*Julian Schmidt*. Geschichte des geistigen Lebens in Deutschland.— *Rob. von Mohl*. Gesch. und Literatur der Staatswissenschaften. — *Roscher*. Die Geschiche der Nationaloekonomik in Deutschland. — *Sierke*. Schwärmer und Schwindler zu Ende des XVIII Jahrhunderts.—*Lévy-Bruhl*. L'Allemagne depuis Leibnitz.—Объ отдѣльныхъ писателяхъ: *Куно Фишеръ*. Лессингъ.—*E. Schmidt*. Lessing.—*Н. Г. Чернышевскій*. Лессингъ.—*Льюисъ*. Жизнь Гете.—*А. Шаховъ*. Гете и его время.—*Бѣльшовскій*. Жизнь Гете.—*Куно Фишеръ*. Публичныя лекціи о Шиллерѣ.—*Minor*. Schiller.—*Гаймъ*. Гердеръ.

лизаціями эпохи. *Французскія идеи прошлаго столѣтія отличаются именно своею отвлеченностью и универсальностью*, и въ этомъ заключается одна изъ причинъ ихъ успѣха, другая же была въ томъ, что и прочія европейскія страны страдали отъ тѣхъ же золъ, что и Франція, и вотъ благодаря этому *французскій протестъ могъ найти сочувствіе въ образованномъ обществѣ и иныхъ національностей.* Не всегда народы умѣютъ придать своимъ домашнимъ дѣламъ такой характеръ, чтобы заинтересовать въ этихъ дѣлахъ весь міръ; то же самое позволительно сказать и объ идеяхъ: примѣромъ можетъ служить Англія въ XVII в., пережившая двѣ революціи, развившая у себя религіозно-философскую и соціально-политическую литературу и тѣмъ не менѣе не оказавшая такого непосредственнаго вліянія на Европу, какое имѣла Франція въ своемъ умственномъ движеніи XVIII в. и въ своей великой революціи. Дѣло въ томъ, что англійскіе мыслители и политическіе дѣятели и говорили, обращаясь къ англичанамъ, и дѣйствовали, имѣя въ виду опять-таки англичанъ, тогда какъ французы XVIII в. брали человѣка въ самомъ себѣ, безъ всякихъ осложненій, вытекающихъ изъ отношеній національныхъ и политическихъ, и имѣли въ виду какъ бы весь человѣческій родъ. Отвлеченно-универсальнымъ характеромъ отличались и идеи итальянскаго гуманизма, но французская философія своимъ соціальнымъ содержаніемъ превосходила и его, такъ какъ проповѣдовала не только освобожденіе индивидуума отъ всего традиціоннаго, какъ это дѣлали итальянскіе гуманисты, не только нравственное перевоспитаніе личности, бывшее главною темою нѣмецкихъ „просвѣтителей“ прошлаго вѣка, но и общественное переустройство, что придавало особое значеніе французской проповѣди. Подъ живыми импульсами, шедшими со стороны родной дѣйствительности, французы, благодаря методу своей раціоналистической философіи, обобщали и уясняли передъ сознаніемъ другихъ народовъ тѣ общественныя отношенія, которыя были болѣе или менѣе общими во всей Западной Европѣ, вслѣдствіе чего совершенно отвлеченныя положенія, навѣянныя притомъ французскою дѣйствительностью, находили откликъ въ душѣ и нѣмца, и итальянца, и всякаго другого европейца.

Конечно, *этому распространенію французскихъ идей способствовало и превосходство французской образованности*, заставлявшее подчиняться ея вліянію другія страны. Въ Италіи, которая когда-то стояла во главѣ европейскаго образованія, католическая реакція убила всякую умственную жизнь, и если въ XVIII в. началось нѣкоторое оживленіе итальянской мысли, то главнымъ образомъ подъ вліяніемъ французскаго же просвѣщенія. Въ Германіи равнымъ образомъ образованности, съ такимъ блескомъ начавшей развиваться въ

концѣ XV и началѣ XVI в., нанесли ударъ и направленіе, какое приняла здѣсь реформація, и послѣдовавшая за ней католическая реакція, и неудача общественнаго движенія, давшаго только усилиться княжескому деспотизму, и особенно, наконецъ, тридцатилѣтняя война. Другія страны всегда болѣе или менѣе отставали отъ Италіи, Германіи и Франціи на континентѣ Европы, и одна лишь Франція развила у себя великую литературу въ то время, когда итальянская и нѣмецкая находились въ упадкѣ. Французскій классицизмъ вѣка Людовика XIV сдѣлался даже предметомъ подражанія во всей Европѣ. Напримѣръ, нѣмецкая литература начала̀ становиться на свои ноги лишь во второй половинѣ XVIII в., когда французская достигла уже своего апогея. Изящная литература XVII столѣтія проложила путь философской литературѣ XVIII в., а распространеніе французскаго языка въ придворныхъ сферахъ и въ образованномъ обществѣ всей Европы создало для французскихъ писателей громадную международную публику, которой у нея не могли оспаривать писатели другихъ національностей — ни англичане, ни итальянцы, ни нѣмцы. Французская наука также сдѣлала въ XVIII столѣтіи громадные успѣхи и достигла первенства въ Европѣ, такъ что французскій языкъ, бывшій дотолѣ языкомъ дипломатіи, придворной жизни и изящной литературы, сдѣлался какъ бы и языкомъ науки. На немъ писали многіе ученые и внѣ Франціи, какъ нѣкогда писали по-латыни, имѣя въ виду международную публику читателей. Нѣмецкій философъ Лейбницъ философствуетъ по-французски; на томъ же языкѣ сочиняетъ свои произведенія Фридрихъ II Прусскій; нѣмецкій политическій писатель Билефельдъ на французскомъ же языкѣ составляетъ на поученіе германскимъ князьямъ свои „Institutions politiques“. Великій англійскій историкъ Гиббонъ написалъ первое свое сочиненіе по-французски. Отъ этого, конечно, страдаютъ національныя литературы: предпочитаются почти повсюду французскія книги или переведенныя съ французскаго, и, напримѣръ, Фридрихъ II такъ-таки до конца своей жизни и не нашелъ нужнымъ познакомиться съ нѣмецкой литературой, влачившей еще жалкое существованіе въ его молодые годы. Въ 1783 году берлинская академія наукъ даже предложила написать на премію сочиненіе, въ которомъ должно было быть выяснено, „что̀ собственно сдѣлало французскій языкъ всемірнымъ“, и премія была выдана французу Риваролю, который развилъ ту мысль, что „точный, общественный и разумный языкъ этотъ пересталъ быть французскимъ, сдѣлавшись языкомъ всего человѣчества“. Мы отчасти уже видѣли и еще увидимъ, въ какомъ почетѣ при нѣкоторыхъ европейскихъ дворахъ были ученые французы и французскіе писатели, но, кромѣ

того, масса французовъ распространяется по Европѣ въ качествѣ людей разныхъ профессій и между прочимъ наставниковъ юношества. „Настало время сказать: французскій міръ“, говоритъ упомянутый Ривароль. „Я съ удовольствіемъ вижу, писалъ Вольтеръ въ 1767 г., что въ Европѣ образуется громадная республика просвѣщенныхъ умовъ“: вся эта республика читала и даже думала по-французски.

Общимъ идеямъ свойственно объединять народы, создавать между ними извѣстную солидарность на почвѣ духовной жизни, побѣждать національную исключительность. Извѣстно, что послѣ Александра Македонскаго наступила такъ называемая эпоха эллинизма, когда распространеніе греческой образованности сгладило національныя различія въ извѣстныхъ кругахъ общества и слово „эллинъ“ какъ бы стало обозначать не столько грека по происхожденію, сколько вообще образованнаго человѣка. Католицизмъ создалъ для средневѣковой Европы такое же духовное единство народовъ. Гуманизмъ равнымъ образомъ сблизилъ между собою ученыхъ всѣхъ странъ Европы, образовавъ изъ нихъ единую „rempublicam literarum“ съ своими особыми духовными интересами, и то же самое слѣдуетъ сказать о кальвинизмѣ, получившемъ характеръ международнаго протестантизма (при болѣе національномъ характерѣ лютеранизма). Въ XVIII в. господство въ Европѣ французской философіи съ ея отвлеченными идеями, доступными пониманію всѣхъ народовъ, и съ ея филантропическою и космополитическою проповѣдью было такимъ же международнымъ цементомъ для образованныхъ людей во всѣхъ странахъ Европы.

Въ сравненіи съ XIX столѣтіемъ, въ которомъ общественное настроеніе сдѣлалось болѣе националистическимъ *прошлый вѣкъ былъ вѣкомъ космополитическимъ*, въ чемъ были и свои сильныя, и свои слабыя стороны. Послѣднія заключались въ томъ, что на почвѣ поверхностнаго „мірового гражданства“ въ образованномъ обществѣ развивалось пренебреженіе къ собственной народности, что правители и дипломаты совершенно игнорировали начало національности въ политической жизни и т. п., но, съ другой стороны, не было въ тогдашнемъ обществѣ и духа той національной исключительности, которая въ XIX в. нерѣдко заставляла забывать не только благородныя чаянія прошлаго вѣка о наступленіи временъ братскаго единенія всѣхъ народовъ, но и принадлежность европейскихъ націй къ единому христіанскому міру, къ религіи, которая двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ провозгласила законъ общечеловѣческой солидарности. Станемъ даже преувеличивать слабыя стороны космополитическаго настроенія, господствовавшаго въ XVIII в., и, наоборотъ, умалять

значеніе того, что́ въ немъ было благороднаго и благотворнаго, фактъ все-таки останется фактомъ: XVIII в. былъ вѣкомъ гуманнаго космополитизма, въ которомъ были и свои хорошія, и свои дурныя стороны. Династическія столкновенія, даже войны, въ которыхъ бывали затронуты политическіе и матеріальные интересы, не вооружали другъ противъ друга народовъ, не дѣлали изъ нихъ смертельныхъ враговъ. Никогда не была такъ популярна, какъ въ XVIII в., идея вѣчнаго мира. Если XVII в. создалъ международное право въ лицѣ Гуго Гроція (Jus pacis et belli, 1625) и Пуфендорфа (De jure naturae et gentium, 1672), учившихъ придерживаться извѣстныхъ принциповъ по отношенію къ другимъ націямъ даже во время войны, то прошлое столѣтіе уже мечтало о прекращеніи войнъ, о такъ называемомъ вѣчномъ мирѣ (la paix perpetuelle). Извѣстно, какую славу стяжалъ себѣ аббатъ де С.-Пьеръ своимъ сочиненіемъ на эту тему [1]). Довольно распространеннымъ было тогда убѣжденіе, что главными виновниками войнъ бываютъ обыкновенно честолюбивые правители, стремящіеся къ завоеваніямъ и славѣ, но что интересы народовъ не расходятся до такой степени, чтобы нужно было браться за оружіе и истреблять другъ друга. Въ то самое время, какъ меркантилистическая политика была основана на стремленіи какъ можно болѣе вредить торговымъ интересамъ другихъ странъ, физіократы, наоборотъ, учили, что вовсе не слѣдуетъ основывать собственное благополучіе на разореніи другихъ странъ.

Особенно космополитическимъ характеромъ отличалась въ XVIII в. общественная мысль въ Германіи. Религіозная реформаціи XVI в., раздѣлившая нѣмцевъ на католиковъ и протестантовъ, политическое раздробленіе страны на множество государствъ, въ которыхъ вырабатывался свой мѣстный патріотизмъ, общее паденіе культуры и литературы, утратившей было даже общегерманскій характеръ,—все это содѣйствовало ослабленію въ нѣмецкомъ народѣ сознанія о національномъ единствѣ. Уже во время войнъ Людовика XIV нѣмцы съ восточныхъ окраинъ имперіи относились къ военнымъ событіямъ, происходившимъ на западныхъ ея границахъ, какъ къ чему-то, словно ихъ самихъ и не касающемуся. Въ XVIII в. при общемъ идеалистическомъ настроеніи идея единаго человѣчества, всемірнаго гражданства (Weltbürgerthum) и т. п. была уже одною изъ наиболѣе популярныхъ въ Германіи. Всѣ крупные дѣятели нѣмецкой литературы стояли на космополитической точкѣ зрѣнія. Выше уже пришлось упомянуть о Кантѣ, какъ авторѣ брошюры о всемірной исторіи съ космополитической точки зрѣнія (Idee zu einer allgemeinen Ge-

[1]) Saint-Pierre (1658—1743), гуманный писатель первой половины XVIII в., авторъ сочиненія „Projet de paix perpetuelle“ (1713).

schichte in weltbürgerlicher Absicht), гдѣ между прочимъ приводится та мысль, что цѣль историческаго процесса — ein allgemeiner weltbürgerlicher Zustand, но это лишь одно изъ незначительныхъ проявленій его космополитическаго настроенія [1]). Шиллеръ предлагалъ своимъ соотечественникамъ не стремиться къ тому, чтобы образовать націю а удовольствоваться просто званіемъ людей. Фихте, — тотъ Фихте, который въ началѣ XIX в. своими „Рѣчами къ нѣмецкой націи" сильно содѣйствовалъ пробужденію въ нѣмцахъ національнаго духа и, благодаря этой книжкѣ, сдѣлался родоначальникомъ новѣйшаго національзма, опирающагося иногда на историко-философскихъ соображеніяхъ о превосходствѣ извѣстнаго народнаго духа надъ другими націями,—этотъ самый до порабощенія нѣмцевъ Наполеономъ держался противоположнаго воззрѣнія и дѣлалъ заявленія въ рѣзко космополитическомъ духѣ. Въ сочиненіи своемъ „Grundzüge des gegenwärtigen Zeitalters" онъ поставилъ, напримѣръ, вопросъ о томъ, гдѣ находится отечество истинно просвѣщеннаго европейца его времени, и отвѣчалъ на этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что прежде всего это — Европа, а потомъ самое цивилизованное государство Европы: для земнородныхъ отечество — въ землѣ, рѣкахъ, горахъ, но родственный солнцу духъ непреоборимо влечется и обращается туда, гдѣ свѣтъ и вселенная. „И въ этомъ,—прибавляетъ Фихте,— всемірно-гражданскомъ чувствѣ (Weltbürgersinne) мы можемъ быть совершенно спокойными за себя и за своихъ потомковъ до конца дней, относительно дѣяній и судебъ отдѣльныхъ государствъ". Къ числу нѣмецкихъ проповѣдниковъ космополитизма нужно отнести и Гердера. Во Франціи настроеніе было подобнаго же рода, и не существовало, напримѣръ, ненависти ни къ Фридриху II даже послѣ Росбаха, при которомъ онъ разбилъ французовъ, ни къ англійскому министру Питту, даже послѣ потери Франціей части ея прежнихъ колоній. Прусскій король пользовался, наоборотъ, особою популярностью во Франціи, а сынъ Питта, пріѣхавъ въ Парижъ, былъ очень хорошо принятъ публикой.

Одна Англія держала себя особнякомъ и не раздѣляла космополитическихъ увлеченій. Да и англійская литература въ XVIII в. была свободнѣе отъ увлеченія французскими идеями, и тѣмъ не менѣе, несмотря на свою самостоятельность въ нѣкоторыхъ отрасляхъ (романъ, комедія, ораторское искусство, исторіографія, періодическая пресса и т. п.), она, съ одной стороны, не оказывала особенно большого вліянія на иностранныя литературы, а съ другой, сама не из-

[1]) Кантъ также писалъ о вѣчномъ мирѣ ((Zum ewigen Frieden), гдѣ онъ разсматриваетъ установленіе всемірнаго союза государствъ, какъ непремѣнное требованіе права.

бѣжала французскихъ вліяній. Путешествія, предпринятыя въ Англію Вольтеромъ и Монтескье, какъ извѣстно, были весьма важны для умственнаго развитія самой Франціи, гдѣ англійскую литературу до того времени совершенно игнорировали, благодаря постоянному соперничеству между обѣими націями, но мало-по-малу и сами англичане стали интересоваться развитіемъ французской мысли; нѣкоторые англійскіе писатели, какъ отчасти уже пришлось видѣть, прямо заимствовали у французскихъ авторовъ ихъ идеи. Самое поразительное въ данномъ случаѣ явленіе, это—то, что свою собственную конституцію они понимаютъ по Монтескье, книга котораго сдѣлалась настольною и у англійскихъ государственныхъ людей. У Монтескье явились даже ученики среди англичанъ, пользовавшихся до него своей конституціей, не подвергая ее анализу. Блэкстонъ основывается на идеяхъ Монтескье, когда излагаетъ государственное устройство Англіи, а всѣ послѣдующіе комментаторы конституціи основываются на Блэкстонѣ. Даже та часть англійской націи, которая возстала въ сѣверо-американскихъ колоніяхъ противъ метрополіи, была знакома съ политическими идеями Монтескье, и ихъ вліяніе на конституцію Сѣверо-Американскихъ Штатовъ не можетъ подлежать сомнѣнію, какъ и то, что въ предназначенной для европейскаго общественнаго мнѣнія декларацін о своей независимости американцы повторяли идеи, составлявшія главное содержаніе „Общественнаго договора“ Руссо. На нѣкоторыхъ англійскихъ писателяхъ XVIII в., особенно на Юмѣ, Гиббонѣ и Робертсонѣ сильно сказывается французское вліяніе, и, напримѣръ, Гиббонъ, поддерживавшій дружескія отношенія съ Вольтеромъ и самъ писавшій по-французски, въ своей знаменитой „History of decline and fall of roman empire“ [1]) вполнѣ усвоилъ взглядъ Вольтера на христіанство, на которое возложилъ всю вину за гибель античной цивилизаціи, противопоставлявшуюся имъ мрачному варварству среднихъ вѣковъ. (Вообще нужно замѣтить, что „просвѣщеніе“ XVIII в. было крайне враждебно ко всему средневѣковому, и реабилитація этой эпохи въ жизни Европы начата была лишь историками начала XIX в.). Несмотря, однако, на взаимодѣйствіе англійской и французской литературъ, между обѣими націями была большая разница. Многое изъ того, что во Франціи было только идеей, въ Англіи было фактомъ, но когда французское движеніе приняло и въ области фактовъ демократическій и антирелигіозный характеръ, это отшатнуло отъ него англичанъ. Дѣло въ томъ, что правящій классъ въ Англіи, въ которомъ воедино сливались аристократія и буржуазія, не имѣлъ основаній увлекаться французскими демо-

[1]) „Исторія упадка и разрушенія Русской имперіи“ есть въ русскомъ переводѣ.

кратическими идеями, а вольномысліе и невѣріе были только въ немногихъ кружкахъ, масса же джентри и буржуазіи оставалась глубоко вѣрующею, если что и шло здѣсь въ разрѣзъ съ ученіями оффиціальной церкви, такъ только многочисленныя секты, а всякій, кто стремился къ какой-либо перемѣнѣ, ссылался не на естественныя права человѣка, а на св. писаніе, какъ это было во времена индепендентства. Самое образованіе демократической партіи въ Англіи фактъ довольно поздняго происхожденія.

Духовная жизнь въ Германіи XVIII в. также имѣла свои особенности, которыя ее отличали отъ французскаго движенія умовъ въ ту же эпоху. Мы уже видѣли, что нѣмецкое „просвѣщеніе" отличалось болѣе индивидуалистическимъ направленіемъ сравнительно съ соціальнымъ содержаніемъ французской философіи. Но не въ одномъ этомъ заключалась разница: новыя идеи, которыя проповѣдовала нѣмецкая литература, не имѣли такого разрушительнаго характера, какъ французскія, тѣмъ болѣе, что самое смѣлое умозрѣніе въ ней такъ и оставалось умозрѣніемъ, не требуя, чтобы его, хотя бы и на бумагѣ только, прилагали къ практической жизни, несмотря на всю страстность языка, съ какою часто говорили и нѣмецкіе писатели въ періодъ „бури и натиска" (Sturm und Drangperiode). Общее настроеніе нѣмецкаго общества было такое, что въ немъ замѣчается болѣе стремленія мирить вѣру съ знаніемъ, чѣмъ отрицать первую во имя второго, болѣе стремленія реформировать существующее на основаніи новыхъ началъ, нежели совсѣмъ его ниспровергать, и вообще въ этомъ настроеніи было много мѣста для такихъ чувствъ, которыя въ французской литературѣ были представлены развѣ однимъ лишь Руссо, почему онъ, помимо своего политическаго радикализма, такъ и пришелся по сердцу нѣмцамъ XVIII в. Правда, лютеранское духовенство, раболѣпствовавшее передъ деспотическими князьями, подрывало въ образованныхъ кругахъ общества уваженіе къ установленной религіи, но это не уничтожало въ обществѣ самой религіозности, и даже тѣ писатели, которые становились на точку зрѣнія деизма или развивали родственныя ему религіозныя воззрѣнія, все-таки вносили въ естественную религію болѣе потребности въ вѣрѣ, чѣмъ той разсудочности, которую мы находимъ, напримѣръ, у Вольтера и которая граничила съ скептицизмомъ, если только не вела прямо къ невѣрію. И въ политическомъ отношеніи передовые умы Германіи ближе всего подходятъ къ тому, что̀ на практикѣ было „просвѣщеннымъ абсолютизмомъ": они ждутъ реформъ сверху, отъ государей, и если находятъ послѣднихъ недостаточно „просвѣщенными", то не дѣлаютъ отсюда общихъ выводовъ о монархической власти, а относятъ свое недовольство къ образу дѣйствія отдѣльныхъ лицъ, возлагая надежды

на то, что ихъ преемники будутъ править въ большемъ согласіи съ просвѣщеніемъ вѣка. Притомъ нѣмецкая литература стала и позже приходить къ новымъ идеямъ, чѣмъ литературы англійская и французская. Первый нѣмецкій писатель, дѣйствовавшій совершенно въ новомъ духѣ, былъ Лессингъ (1729—1781), только родившійся около того времени, когда Вольтеръ и Монтескье уже были извѣстными писателями. Виландъ былъ моложе его лишь на четыре года. Гердеръ (1744—1803) и Гете (1740—1832) родились въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія, когда Монтескье окончилъ свой „Духъ законовъ", Дидро приступалъ къ „Энциклопедіи", Руссо уже выступилъ съ своею первою диссертаціей. Шиллеръ (1759—1805) явился на свѣтъ также уже послѣ того, какъ Монтескье умеръ, когда „Энциклопедія" успѣла вполнѣ проявить свой характеръ, всего лишь за три года до выхода „Эмиля" и „Общественнаго договора" Руссо. Кантъ (1724—1804), бывшій на пять лѣтъ старше Лессинга, только въ шестидесятыхъ годахъ вступилъ на ту дорогу, которая привела его къ „Критикѣ чистаго разума", вышедшей въ свѣтъ только за восемь лѣтъ до начала французской революціи. Мы видѣли, что къ началу семидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка французская просвѣтительная литература уже заканчивала свое развитіе, сказавъ послѣднія свои слова, но для Германіи это была лишь пора расцвѣта ея литературы, въ которой притомъ первенствующая роль принадлежала не публицистикѣ, а поэзіи: главныя поэтическія произведенія Гете начинаютъ появляться съ семидесятыхъ годовъ („Вертеръ", относящійся еще къ юношеской порѣ его творчества, вышелъ въ свѣтъ въ 1774); къ этимъ же годамъ относятся драмы Лессинга („Натанъ Мудрый", 1779); въ концѣ того же десятилѣтія начинается ранняя поэтическая дѣятельность Шиллера („Разбойники" были написаны въ 1777 г.). Извѣстно, что это и была эпоха, окрещенная названіемъ Sturm und Drangperiode.

Отвлеченно-индивидуалистическій характеръ нѣмецкой литературы XVIII в., ея неоригинальность въ большей части вѣка, поздній ея расцвѣтъ, да и то главнымъ образомъ въ области поэзіи (Гете и Шиллеръ) и философскаго умозрѣнія (Кантъ), въ то время, когда готовились важные политическіе перевороты,—все это объясняетъ намъ, почему нѣмецкое „просвѣщеніе" не играло такой роли въ исторіи эпохи, какая выпала на долю французской философіи. Притомъ умственная жизнь Германіи долгое время оставалась неизвѣстною за предѣлами нѣмецкаго племени, и, напримѣръ, французы, только переживъ свою революцію и успѣвши произвести переворотъ во всей Западной Европѣ, узнали изъ книги г-жи Сталь „О Германіи" (De l'Allemagne) о томъ могучемъ духовномъ развитіи, которое къ тому времени произошло

въ Германіи. Сами нѣмцы нерѣдко не подозрѣвали, какія сокровища заключаетъ въ себѣ ихъ литература, а Фридрихъ II такъ и сошелъ въ могилу съ тѣмъ общимъ представленіемъ о родной словесности, какое естественно должно было у него сложиться въ его молодые годы. Правда, этотъ поздній расцвѣтъ нѣмецкой литературы подготовлялся всѣмъ движеніемъ XVIII в., который и въ Германіи съ самаго же начала обѣщалъ нарожденіе новыхъ умственныхъ явленій.

Прежде всего это было замѣтно въ области теологіи, стремившейся въ Германіи съ самаго начала реформаціи и паденія свѣтскаго гуманизма господствовать во всѣхъ областяхъ умственной жизни, какъ это было въ средніе вѣка. XVIII вѣкъ былъ для нѣмцевъ какъ разъ эпохой постепеннаго освобожденія отъ теологической опеки: хотя продолжаются еще богословскіе споры, и въ чисто теологическую полемику вмѣшиваются писатели, главное значеніе которыхъ было въ области философіи (напримѣръ, Вольфъ) или литературы (напримѣръ, Лессингъ), тѣмъ не менѣе, съ одной стороны, различныя сферы умственной дѣятельности начали порывать связи съ схоластическими традиціями, въ духѣ которыхъ теологія пріучала обсуждать вопросы философіи, морали, политики и права, а съ другой, сами богословскія занятія стали проникаться новымъ духомъ отчасти подъ иноземными, именно деистическими вліяніями [1]), отчасти въ силу дальнѣйшаго развитія тѣхъ началъ, которыя возникли на нѣмецкой же почвѣ. Въ Германіи сухой формализмъ лютеранскаго богословія сначала вызвалъ реакцію въ видѣ такъ называемаго піетизма, основателемъ котораго былъ пасторъ Шпенеръ (1635—1705), который стремился возвратить религію къ сердечности, исчезнувшей изъ нея, благодаря сектантской нетерпимости богослововъ, а вышедшій изъ его школы Готфридъ Арнольдъ (1666—1714) въ своей „Безпристрастной исторіи церкви и ересей“ къ великому соблазну правовѣрныхъ лютеранъ доказывалъ, что во всѣ времена господствующая церковь менѣе воодушевлялась настоящими христіанскими чувствами, чѣмъ преслѣдовавшіяся и угнетавшіяся секты. Піетизмъ былъ только первымъ проявленіемъ сердечнаго недовольства состояніемъ тогдашней теологіи, но она вызывала и умственный протестъ, который выразился ранѣе всего у отца нѣмецкой философіи Лейбница (1646—1716), правда, весьма тщательно избѣгавшаго противорѣчій съ откровеніемъ, но учившаго, что отличительными признаками истинной религіи являются просвѣщеніе и добродѣтель. Систематизировавшій его философію Вольфъ (1679—1754) впервые создалъ въ Германіи цѣлое направленіе (вольфіанизмъ), поставившее своею задачею доказать и утвердить неопровержимо такъ

---

[1]) Произведенія англійской деистической литературы охотно переводились на нѣмецкій языкъ.

называемую естественную теологію, предоставивъ уже самимъ богословамъ приводить ее въ соглашеніе съ откровеніемъ. Подъ такими умственными вліяніями въ Германіи въ серединѣ XVIII в. возникло особое умѣренное направленіе теологіи, бывшее чѣмъ-то среднимъ между правовѣріемъ и раціонализмомъ, между историческимъ христіанствомъ и деизмомъ. Это была какъ бы новая религіозная реформація, продолжавшая дѣло Лютера, но уже скорѣе на началахъ Эразма. Въ св. писаніи различали существенное отъ несущественнаго (напримѣръ, относя сюда слогъ и грамматику, которые не считались боговдохновенными), и къ изученію Библіи прилагались пріемы филологической, литературной, археологической и исторической критики. Догмату о первородномъ грѣхѣ давали толкованія, смягчающія его суровость. Понятія покаянія, обращенія, вѣры оправданія и т. п. замѣнялись понятіями невинности, добродѣтели, разума, просвѣщенія, нравственнаго исправленія, совершенствованія и т. п. Идея гуманности все болѣе и болѣе проникала въ выработывавшееся такимъ образомъ религіозное міросозерцаніе, въ атмосферѣ котораго складывались религіозныя воззрѣнія и такихъ людей, какъ Лессингъ, Гердеръ и Кантъ, ставившіе чистоту помысловъ, нравственную силу и любовь къ ближнему выше церковной догматики. Эта новая теологія находилась, однако, въ борьбѣ съ англійскимъ вольнодумствомъ и французскимъ матеріализмомъ. На ея почвѣ развивались въ тогдашней нѣмецкой философіи и метафизика, и этика, и на совершенно новую дорогу эта философія была выведена только къ концу разсматриваемаго періода Кантомъ.

Особенно сильно сказалось стремленіе къ нравственно совершенной личности, сдѣлавшейся предметомъ нѣмецкаго умозрѣнія и творчества, въ сферѣ педагогіи, съ точки зрѣнія которой Лессингъ и Гердеръ понимали самую исторію человѣчества, какъ исторію его воспитанія—къ достиженію человѣчности. XVIII вѣкъ выставилъ въ Германіи нѣсколько крупныхъ дѣятелей на поприщѣ педагогической реформы. Таковъ былъ Базедовъ (1723—1790), думавшій о перевоспитаніи всего міра на основахъ идей, заимствованныхъ имъ у извѣстнаго чешскаго педагога Яна Коменскаго (1592 — 1671) и у Руссо, главнымъ образомъ именно въ духѣ естественности, филантропіи и космополитизма. Таковъ былъ и Песталоцци (1745—1827), указывавшій на великое значеніе демократизаціи образованія чрезъ его развитіе въ народныхъ массахъ, какъ на средство общаго улучшенія жизни. Это была единственная область, въ которой нѣмецкая мысль прошлаго вѣка съ особымъ рвеніемъ прилагала новыя идеи къ вопросу о средствахъ улучшить жизнь человѣчества, и это вполнѣ со-

отвѣтствовало болѣе индивидуалистическому направленію всего нѣмецкаго „просвѣщенія".

Но если своею разработкою общественныхъ вопросовъ, бывшей вообще весьма слабою въ нѣмецкой литературѣ XVIII в., Германія не оказала замѣтнаго вліянія на политическую жизнь эпохи, то и въ этой области все-таки развивались новыя идеи. Правда, здѣсь долго еще приходилось бороться съ теологической схоластикой и оффиціально признанными политическими догматами, продолжавшими находить защитниковъ въ лицѣ видныхъ ученыхъ [1]), и даже крупные представители независимаго направленія не всегда стояли на высотѣ своего положенія, тѣмъ не менѣе старыя начала все-таки теряли подъ собою почву. Уже во второй половинѣ XVII в. Пуфендорфъ освободилъ нѣмецкую юриспруденцію отъ теологіи, объявивъ, что основами законодательства должны служить разумъ и человѣческая природа, а не откровеніе, и что государство должно предоставлять всякому вѣроисповѣданію свободу культа. Пуфендорфъ утверждалъ также, что королевская власть не происходитъ непосредственно отъ Бога, а другъ Вольфа Томазій (1655—1728), впервые рѣшившійся читать лекціи на нѣмецкомъ, а не на латинскомъ языкѣ и нанесшій ударъ весьма частымъ до того времени процессамъ по обвиненію въ колдовствѣ, даже написалъ сочиненіе („Искреннія мысли"), навлекшее на него непріятности за то, что въ немъ онъ напалъ на одного датскаго проповѣдника за защиту имъ божественнаго происхожденія власти. Въ серединѣ XVII в. Фридрихъ Карлъ Мозеръ (1723—1798), занимавшій разныя государственныя должности, въ цѣломъ рядѣ сочиненій публицистическаго характера („Господинъ и слуга", „Политическія мысли, „О правленіи властителей и о министрахъ") вооружался противъ деспотизма князей, произвола бюрократіи, придворной испорченности, общественнаго раболѣпства, дурныхъ сторонъ административной системы и судопроизводства, стоя, однако, на той точкѣ зрѣнія, что просвѣщенные правители могутъ осуществить благо подданныхъ безъ участія общественныхъ силъ. На той же точкѣ зрѣнія стоялъ неустрашимый публицистъ и историкъ Августъ Людвигъ Шлецеръ (1735—1809), издатель періодическихъ публикацій, обличавшій несправедливыя дѣйствія и злоупотребленія нѣмецкихъ князей, особенно порядки въ духовныхъ владѣніяхъ, а также и дурное внутреннее управленіе въ имперскихъ городахъ: въ лицѣ Шлецера передъ самой революціей зарождалась въ Германіи политическая печать.

---

[1]) Напр., систематикъ имперскаго права Іоганнъ-Стефанъ Пюттеръ (1725—1807) и особенно страшный консерваторъ Юстусъ Мозеръ (1720—1794), желавшій, однако, улучшенія крестьянскаго быта.

Таковы были новыя направленія въ духовной жизни Германіи. Французская литература не могла не оказать на нее своего вліянія, хотя нѣкоторыя стороны этой литературы (главнымъ образомъ, напримѣръ, матеріализмъ и сенсуализмъ, идея народовластія и т. п.) не прививались къ нѣмцамъ, а въ области поэзіи, начиная съ Лессинга, было прямо выражено стремленіе освободиться отъ подражательности французамъ. Во многихъ, однако, отношеніяхъ французскіе писатели оказывали вліяніе на нѣмецкихъ, напримѣръ, въ области политической экономіи, такъ какъ физіократія нашла сторонниковъ и въ Германіи. Особенно сильное вліяніе оказывалъ на духовную жизнь Германіи Руссо съ своимъ призывомъ къ природѣ, къ естественности, съ своею чувствительностью и свободолюбіемъ. Юношескіе годы Гете (эпоха „Вертера") и Шиллера (эпоха „Разбойниковъ") прошли подъ вліяніемъ этого настроенія, которое можно назвать предтечею позднѣйшаго романтизма, и преимущественно на поэзіи Шиллера продолжалось это вліяніе и впослѣдствіи. Гердеръ, въ бытность свою въ Парижѣ сошедшійся со многими тамошними писателями (особенно съ Дидро), заимствовалъ прямо у Руссо идеализацію народной массы, его сентиментальный взглядъ на простоту естественнаго состоянія. „Эмиль" Руссо вдохновлялъ нѣмецкихъ педагоговъ; для Базедова онъ былъ цѣлымъ откровеніемъ; его идеями былъ проникнутъ и Песталоцци. Самъ Кантъ въ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ примыкаетъ къ женевскому гражданину, вмѣстѣ съ которымъ онъ признаетъ первобытный договоръ, какъ актъ, образующій изъ народа государство, какъ идею, являющуюся критеріумомъ правомѣрности политическаго порядка, хотя, съ другой стороны, Кантъ уже въ духѣ теоріи Монтескье раздѣляетъ всѣ образы правленія на республиканскій и демократическій, смотря по тому, отдѣлена ли въ государствѣ исполнительная власть отъ законодательной или нѣтъ, и полагая, что болѣе всего къ деспотизму клонится демократія, тогда какъ легче всего совершить отдѣленіе исполнительной власти отъ законодательной въ монархіи [1]). Даже на отдаленную Сѣверную Америку въ эпоху ея борьбы за независимость (1776—1783) оказали свое вліяніе политическія воззрѣнія Руссо, ибо изъ его сочиненій заимствовали американскіе колонисты идеи и выраженія великихъ актовъ, которыми основывались новые штаты. Это относится одинаково и къ деклараціи 1776 г., и къ конституціямъ отдѣльныхъ штатовъ. „Государство, говорится во введеніяхъ къ конституціямъ Пенсильваніи и Массачусетса, есть общественный договоръ, черезъ который весь

[1]) Государственное ученіе Канта не оказало вліянія на политическую жизнь, и потому, не излагая его подробно, мы лишь отмѣчаемъ здѣсь тотъ фактъ, что и на немъ сказалось вліяніе Руссо.

народъ соглашается съ каждымъ отдѣльнымъ гражданиномъ, а каждый гражданинъ—съ цѣлымъ народомъ, что всѣ будутъ управляемы извѣстными законами для общей пользы". Французамъ даже могло показаться, что самое возникновеніе великой заатлантической республики было лишь простымъ примѣненіемъ къ жизни ихъ политической философіи.

Новыя идеи изъ Франціи проникали повсюду. Миланецъ Беккаріа (1738—1794) въ своемъ трактатѣ „О преступленіяхъ и наказаніяхъ" возставалъ противъ варварскаго уголовнаго судопроизводства, противъ пытокъ, противъ смертной казни. Неаполитанецъ Филанджіери (1752—1788), писавшій подъ вліяніемъ Монтескье, въ своей „Наукѣ о законодательствѣ" (Scienza della legislazione, 1780) указывалъ на необходимость просвѣщеннаго правительства, которое обезпечивало бы матеріальное благосостояніе и духовную свободу за гражданами, нападалъ на церковную іерархію и феодализмъ, требовалъ свободы печати, преобразованія уголовнаго суда и наказаній и т. п. Идеи Монтескье и Беккаріа легли въ основу знаменитаго „Наказа" Екатерины II. Польская политическая литература второй половины XVIII в., въ которой былъ поставленъ и крестьянскій вопросъ, была проникнута французскими политическими идеями, и особенно было много написано въ духѣ Руссо [1]).

Господство французской цивилизаціи подчиняло всѣ континентальныя націи тѣмъ культурнымъ и политическимъ вліяніямъ, которыя шли изъ Франціи. То, что разъединяло европейскіе народы и дѣлало ихъ непохожими одинъ на другой, вскрылось и получило силу лишь впослѣдствіи, но общность моральныхъ и соціальныхъ идей при однородности старыхъ порядковъ должна была создавать нѣкоторую общую почву, стоя на которой образованное общество въ разныхъ странахъ болѣе или менѣе одинаково смотрѣло на многія вещи. Вотъ почему, когда во Франціи началось примѣненіе новыхъ идей къ жизни, къ этому отнеслись сочувственно передовые люди всѣхъ странъ, хотя впослѣдствіи настроеніе и измѣнилось. Особенно нѣмецкіе поэты и филантропы прославляли начавшуюся революцію, видя въ ней зарю новыхъ дней для всего человѣчества. Въ этомъ выразился свойственный нѣмцамъ XVIII в. космополитизмъ, который только въ XIX в. уступилъ мѣсто совершенно противоположному направленію. Сами французы понимали дѣло не иначе. Стоя во главѣ „просвѣщенія", какъ общепризнанные его вожди, они привыкли смотрѣть на себя, какъ на націю, проливающую свѣтъ на всю Европу, и весьма естественно, что во время революціи, они были убѣждены, что все, что

[1]) Указанія на литературу см. въ моей книгѣ „Польскія реформы въ XVIII вѣкѣ".

пріобрѣтается Франціей, отстаивающей свободу, равенство и права человѣка, тѣмъ самымъ пріобрѣтается и для всего человѣчества. Въ этой мысли поддерживало французовъ то сочувствіе, какое ихъ войска на первыхъ порахъ встрѣчали въ сосѣднихъ странахъ. Отсюда и тотъ универсальный характеръ, какой получила революція, въ которой правительства сначала видѣли, наоборотъ, только мѣстную неурядицу, даже выгодную для многихъ государствъ по причинявшемуся ею ослабленію французской монархіи [1]). Но новыя идеи повліяли не на одно общество (притомъ далеко не въ равной степени въ разныхъ странахъ), а также и на правительства, и прежде чѣмъ французская революція стала перестраивать старые государственные и общественные порядки на новыхъ началахъ, абсолютными монархами или ихъ всесильными министрами уже производились разныя преобразованія въ духѣ философіи XVIII вѣка.

---

[1]) Мы не останавливаемся здѣсь на масонствѣ, иллюминатахъ и т. п., которымъ прежде приписывалась подготовка къ принятію революціонныхъ идей, ибо во всемъ этомъ много преувеличеній, хотя и несомнѣнно, напримѣръ, что масоны, организація которыхъ была распространена по всей Европѣ, мало-по-малу отъ религіозно-нравственныхъ интересовъ и обратились къ интересамъ соціально-политическимъ. По исторіи масонства см. соч. *Kloss*'а, *Keller*'а, *Findel*'я (всѣ по-нѣм.), *Rebold*'а (франц.) и др.

ПРОСВѢЩЕННЫЙ АБСОЛЮТИЗМЪ.

XIX. Общій характеръ просвѣщеннаго абсолютизма [1]).

Эпохи въ исторіи западно-европейскаго абсолютизма.—Общій взглядъ на «просвѣщенный абсолютизмъ» въ отличіе отъ предыдущей королевской политики.—Права и обязанности государственной власти.—Традиціи абсолютизма и просвѣщеніе.—Хронологическіе предѣлы эпохи просвѣщеннаго абсолютизма.—Монархи и философы.—Вольтеръ и физіократы.—Государство и общественная самодѣятельность въ эпоху просвѣщеннаго абсолютизма.—Отношеніе его къ историческому и естественному праву.—Противорѣчія просвѣщеннаго абсолютизма.

Мы уже проводили аналогію между реформаціоннымъ движеніемъ XVI в. и эпохою государственныхъ и общественныхъ преобразованій, которыя начались въ западно-европейскихъ государствахъ около середины XVIII в. При этомъ нами было обращено вниманіе на то, что и въ XVI, и въ XVIII вѣкѣ преобразовательныя стремленія или обнаруживались среди представителей государственной власти, и тогда осуществлялись путемъ реформъ, шедшихъ сверху, или же возникали въ болѣе или менѣе широкихъ кругахъ общества и даже въ народныхъ массахъ и принимали въ такихъ случаяхъ прямо революціонный характеръ. Мало того, за исключеніемъ реформаціоннаго движенія въ Германіи, которое съ самаго начала сдѣлалось революціоннымъ,—мы замѣчаемъ еще и другое сходство, состоящее въ томъ, что церковныя преобразованія, шедшія сверху, предшествовали въ XVI в. преобразованіямъ, которыя шли снизу, и что въ такомъ же отношеніи находились между собою преобразовательныя стремленія XVIII вѣка, т.-е. сначала они обнаружились у представителей государственной власти, позднѣе проявились въ различныхъ слояхъ

[1]) О литературѣ по исторіи „просвѣщеннаго абсолютизма“ см. общія замѣчанія, сдѣланныя во вступительной главѣ этого тома. Здѣсь укажемъ для исторіи Германіи въ эту эпоху на новыя сочиненія: *Wenck.* Deutschland vor hundert Jahren (Politische Meinungen und Stimmungen bei Ansbruch der Revolutionszeit).—*Levy-Brühl.* L'Allemagne depuis Leibnitz.—Исторія Германіи отъ вестфальскаго мира до Фридриха II излагается въ трудѣ *Эрдмансдёрфера* (въ коллекціи Онкена).

общества. Мы можемъ даже хронологически отмѣтить, когда кончается одно явленіе и начинается другое. Именно гранью между двумя эпохами долженъ служить 1789 г., когда во Франціи вспыхнула великая революція, такъ сильно потрясшая весь европейскій Западъ и, между прочимъ, совершенно измѣнившая политическое направленіе монархическихъ правительствъ, до того момента дѣйствовавшихъ въ духѣ идей XVIII в. Дѣло въ томъ, что въ теченіе пятидесятилѣтій, предшествовавшихъ французской революціи, въ большей части западно-европейскихъ государствъ совершались преобразовательныя попытки, съ одной стороны, по иниціативѣ абсолютныхъ монарховъ или ихъ всесильныхъ министровъ, а съ другой, въ направленіи, на которомъ сказывалось вліяніе „просвѣщенія" XVIII в: вотъ это-то и даетъ намъ *право говорить о цѣлой эпохѣ западно-европейской исторіи, которую по всей справедливости можно назвать эпохой „просвѣщеннаго абсолютизма"*.

Намъ и раньше приходилось указывать на то, что въ исторіи западно-европейскаго абсолютизма можно различать разныя эпохи, между прочимъ, въ зависимости отъ тѣхъ культурныхъ началъ, которыя господствовали въ то или другое время въ исторической жизни [1]). Абсолютизмъ, утвердившійся ранѣе всего въ итальянскихъ княжествахъ конца среднихъ вѣковъ, по существу своему былъ совершенно свѣтскимъ: теоретическое его обоснованіе было заимствовано у античнаго міра, сначала въ формѣ ученія римскихъ юристовъ о томъ, что воля государя имѣетъ силу закона (quod principi placuit legis habet vigorem), такъ какъ на государя народъ переноситъ все свое право и всю свою державную власть (omne suum jus et omne imperium), позднѣе— въ формѣ античной тиранніи, главнымъ теоретикомъ которой сдѣлался Маккіавели, такъ что на образовавшемся этимъ путемъ понятіи объ абсолютной власти отразился свѣтскій и классическій ренессансъ, политическая традиція котораго, представленная въ XVI в. Боденомъ, завершилась въ XVII столѣтій государственною теоріей Гоббза, положившаго въ основу абсолютизма свѣтскую же идею естественнаго права, столь характеристичную и для раціонализма XVIII в. Религіозная реформація и послѣдовавшая за нею католическая реакція дали политической мысли иное направленіе, и абсолютизмъ получилъ

---

[1]) Ср. интересную статью *R. Koser'a.* Die Epochen der absuluten Monarchie in der neueren Geschichte въ Hist. Zeitschrift Зибеля за 1889 годъ. Ср. *М. Рейснеръ.* Общественное благо и абсолютное государство. Идея просвѣщеннаго абсолютизма существовала еще въ эллинистическую и римскую эпохи древней исторіи. Ср. *J. Kaerst.* Studien zur Entwickelung und theoretischen Begründung der Monarchie in Alterthum, а также въ главахъ XI и XVII моей книги „Монархіи древняго Востока и греко-римскаго міра" (1904)

вѣроисповѣдную окраску, выразившуюся, быть можетъ, лучше всего въ принципѣ: „cujus regio, ejus religio". Цѣлый и притомъ весьма длинный періодъ европейской исторіи характеризуется какъ разъ этою формою абсолютизма, и если, напримѣръ, французская монархія при Генрихѣ IV и кардиналѣ Ришелье, повидимому, вступала на иную дорогу, то Людовикъ XIV снова вернулъ ее на путь чисто конфессіональнаго абсолютизма. Эпоха просвѣщеннаго абсолютизма тѣмъ и отличается отъ предыдущей, что *государственная власть въ это время начинаетъ отрѣшаться отъ традицій, которыми она главнымъ образомъ жила со временъ реформаціи и католической реакціи*. Во-первыхъ, ученіе о божественномъ происхожденіи королевской власти, развитое въ XVII в. въ сочиненіяхъ Боссюэта и Фильмера, снова уступаетъ теперь мѣсто тѣмъ свѣтскимъ политическимъ идеямъ, которыя формулировались юристами, Макіавелли, Боденомъ, и мы имѣемъ полное право смотрѣть на Гоббза именно какъ на родоначальника политической идеи просвѣщеннаго абсолютизма, поскольку теорія послѣдняго основывалась не на теологическихъ соображеніяхъ, а на понятіяхъ раціоналистической философіи естественнаго права. Во-вторыхъ, обнаруживая наклонность къ вѣротерпимости, за которую ратовала та же философія XVIII в., абсолютизмъ второй половины этого столѣтія возвращался къ политикѣ Генриха IV и кардинала Ришелье. Такимъ образомъ въ просвѣщенномъ абсолютизмѣ выразилась та идея свѣтскаго государства, которая въ разныхъ формахъ и раньше выступала одинаково и противъ средневѣковаго католицизма, и противъ конфессіональной политики XVI и XVII вв. Подобно тому, какъ абсолютизмъ вѣроисповѣдный,—все равно, католическій или протестантскій,—отразилъ на себѣ идеи религіозной реформаціи и послѣдовавшей за нею католической реакціи, такъ „просвѣщенный абсолютизмъ" второй половины XVIII в. былъ окрашенъ воззрѣніями раціоналистической философіи этой эпохи. Вотъ почему мы считаемъ возможнымъ давать это имя не вообще нѣкоторому направленію, подъ которое историки подводятъ иногда мыслителей и дѣятелей разныхъ эпохъ (напр., Ришелье, Срафферда, Валленштейна или Макіавелли и Гоббза), а только опредѣленной эпохѣ, именно періоду отъ вступленія на престолъ Фридриха II до начала французской революціи, потому что этотъ періодъ главнымъ образомъ и характеризуется своего рода союзомъ между абсолютною государственною властью и раціоналистическимъ просвѣщеніемъ вѣка,—союзомъ, которому притомъ ставились извѣстныя преобразовательныя цѣли (бывшія, напримѣръ, чуждыми политической философіи Гоббза).

Это одна сторона дѣла, обращающая на себя наше вниманіе при разсмотрѣніи просвѣщеннаго абсолютизма. Другая заключается

въ слѣдующемъ. Абсолютизмъ новаго времени былъ однимъ изъ воплощеній государственной идеи, пришедшей на смѣну средневѣковымъ принципамъ католицизма и феодализма. Прежде всего эта идея мыслилась, лишь какъ право государственной власти, заслонявшее собою понятіе объ обязанностяхъ, соединенныхъ съ пользованіемъ этою властью. То, что можно назвать практическимъ макіавеллизмомъ въ политикѣ новаго времени, вытекло естественно и необходимо изъ взгляда, по которому у короля были права, но не было обязанностей. И общее понятіе государства само представлялось уму главнымъ образомъ со стороны совокупности тѣхъ правъ, которымъ оно надѣлено по природѣ вещей или по изначальному договору, лежащему въ его основѣ, и только позднѣе на государство стала возлагаться обязанность служить высшимъ цѣлямъ человѣческой жизни путемъ ея постепеннаго совершенствованія. Въ двухъ разныхъ формулахъ выразилось поэтому различіе въ пониманіи того отношенія, въ какомъ должны находиться между собою носитель государственной власти и само государство: одна формула—именно знаменитое „l'état c'est moi" Людовика XIV дѣлала изъ особы короля какъ бы воплощеніе государства, тогда какъ другая превращала монарха въ „перваго слугу государства", по выраженію Фридриха II, тѣмъ самымъ налагая на королевскую власть извѣстныя обязанности по отношенію къ государству. Эпохѣ „просвѣщеннаго абсолютизма" принадлежитъ болѣе высокое пониманіе государства, нежели то, съ какимъ мы имѣетъ дѣло на протяженіи всего времени, протекшаго отъ Макіавелли до Гоббза, этихъ главныхъ теоретиковъ свѣтскаго абсолютизма. По представленію обоихъ этихъ писателей, задачи государства исчерпываются охраною внутренняго мира и внѣшней безопасности; Ришелье даже находилъ ненужнымъ, скорѣе прямо вреднымъ, чтобы народу было хорошо. Къ XVIII вѣку мы встрѣчаемся уже съ болѣе широкимъ пониманіемъ государственной идеи. Извѣстный Томазій училъ, что цѣлями государства являются эвдемонія и антаркія: первая есть гражданское благополучіе (bürgerliche Glückseligkeit), состоящее въ продолжительности и счастливомъ теченіи человѣческой жизни, и все это достигается второю, т. е. достаточностью внѣшнихъ благъ и предметовъ, — вотъ ради достиженія этой-то цѣли и существуетъ государство, которому потому должно принадлежать высшее господство. Такой взглядъ, въ сущности служившій оправданіемъ „полицейскому государству", въ то же время подготовлялъ собою взглядъ, по которому *государство должно было сдѣлаться главнымъ органомъ улучшенія человѣческой жизни.* Другой знаменитый нѣмецкій философъ первой половины XVIII вѣка, Вольфъ, находилъ, что нравственный и естественный законъ предписываетъ человѣку совершенствоваться и способствовать совершенствованію дру-

гихъ. Понимая это совершенствованіе не только въ моральномъ смыслѣ, но и въ смыслѣ улучшенія внѣшнихъ условій людского существованія, Вольфъ указывалъ на то, что единичными силами человѣкъ не въ состояніи достигнуть такой цѣли, и выводилъ отсюда необходимость и обязательность взаимной помощи, ложащейся въ основу государства. Такимъ образомъ послѣднему прямо указывается цѣль способствовать совершенствованію человѣческой жизни. Насколько можно говорить о теоріи просвѣщеннаго абсолютизма, въ ней безграничная власть государства оправдывалась, какъ единственное средство создать земное благополучіе и усовершенствовать внутреннія отношенія общества.

Разъ государство стало признавать за собою не одни права, но и обязанности, оно теоретически должно было наложить на себя и извѣстныя ограниченія. Съ точки зрѣнія этихъ ограниченій исторія западно-европейскаго абсолютизма можетъ быть раздѣлена на три періода. Въ болѣе раннюю эпоху абсолютизмъ былъ болѣе практическаго, чѣмъ принципіальнаго свойства. Характернѣйшимъ проявленіемъ такого абсолютизма была королевская диктатура Тюдоровъ въ Англіи, мирившаяся съ существованіемъ парламента, но можно указать и на другіе примѣры государственныхъ и земскихъ чиновъ, продолжавшихъ собираться, хотя и безъ важнаго политическаго значенія при полномъ развитіи абсолютизма, какъ это было, напримѣръ, въ нѣмецкихъ княжествахъ отъ тридцатилѣтней войны до французской революціи. Теоретикомъ такого абсолютизма былъ во Франціи въ XVI в. Боденъ, который полагалъ, что генеральные штаты, въ то время еще собиравшіеся во Франціи, отнюдь не ограничиваютъ королевской власти. Даже въ XVII в. Стюарты въ Англіи, стремясь къ абсолютизму, думали видѣть его основу въ той же самой конституціи, которою признавался и парламентъ. Наконецъ, въ самой Франціи въ XVIII в. абсолютизмъ Людовиковъ XV и XVI существовалъ рука объ руку съ парламентами, сдерживавшими произвольное пользованіе властью. Но этотъ первоначально скорѣе практическій, нежели принципіальный абсолютизмъ все болѣе и болѣе дѣлался уже прямо принципіальнымъ, выразившись наилучшимъ образомъ въ извѣстныхъ политическихъ заявленіяхъ Людовика XIV. Съ исчезновеніемъ или крайнимъ упадкомъ сословно-представительныхъ учрежденій на западѣ Европы и восторжествовала эта форма. „Просвѣщенные деспоты" (despotes éclairés) XVIII в. не менѣе ревниво, чѣмъ Людовикъ XIV, относились къ своей власти и не менѣе его были принципіальными противниками сословнаго представительства, но тѣмъ не менѣе они умѣряли свою власть, подчиняли ее извѣстнымъ ограниченіямъ (по крайней мѣрѣ, въ теоріи), сами *становясь на точку зрѣнія договорнаго происхожденія государства*, какъ налагающаго на монарховъ

извѣстныя обязанности. Факторомъ, умѣряющимъ абсолютизмъ, признавалось „просвѣщеніе", которое, кромѣ того, указывало государственной власти на ея задачи въ культурной и соціальной жизни.

Но и этимъ еще не исчерпывается вопросъ объ основныхъ признакахъ просвѣщеннаго абсолютизма второй половины XVIII в. Воплощая въ себѣ государственную идею новаго времени, королевская власть выросла въ борьбѣ съ средневѣковыми силами католицизма и феодализма или, говоря вѣрнѣе, съ политическою стороною того и другого. Но у католицизма была еще сторона культурная, какъ у феодализма—сторона соціальная, и абсолютизмъ новаго времени, нанесши ударъ политической силѣ клира и аристократіи, въ то же время вступилъ съ ними въ союзъ въ отношеніяхъ культурнаго и соціальнаго характера и взялъ ихъ подъ свое покровительство, самъ вмѣстѣ съ тѣмъ подчинившись ихъ вліянію, какъ это особенно рельефно выразилось въ конфессіональномъ и придворномъ абсолютизмѣ Филиппа II или Людовика XIV. Политика просвѣщеннаго абсолютизма была *возобновленіемъ прекратившейся было борьбы новаго государства съ католицизмомъ и феодализмомъ* и на этотъ разъ не только въ политической ихъ сторонѣ, но и *въ культурно-соціальныхъ ихъ проявленіяхъ*. Продолжая такимъ образомъ старую антикатолическую и антифеодальную традицію государственной власти съ исхода среднихъ вѣковъ, политика второй половины XVIII в. отражала на себѣ одновременно и идеи тогдашняго „просвѣщенія", отстаивавшаго права общества на свободное культурное развитіе и вмѣстѣ съ тѣмъ вооружавшагося противъ сословныхъ привилегій, которыя выросли на феодальной почвѣ, равно какъ противъ несвободы лица и земли въ сельскомъ быту, наиболѣе удерживавшемъ остатки средневѣковаго феодализма. Весьма и весьма многія мѣропріятія „просвѣщеннаго абсолютизма" были поэтому направлены противъ двухъ сословій, представлявшихъ собою старыя католическія и феодальныя традиціи, чѣмъ, конечно, и объясняется глухая, а иногда и открытая вражда клира и аристократіи противъ представителей новой политики. Въ этомъ отношеніи „просвѣщенный абсолютизмъ" началъ дѣйствовать въ томъ же направленіи, въ какомъ дѣйствовала потомъ революція, и тѣ же общественные классы, которые явились врагами просвѣщеннаго абсолютизма, сдѣлались впослѣдствіи врагами и революціи. Такъ какъ послѣдняя приняла, однако, республиканскій характеръ, то въ вызванной ею реакціи абсолютизмъ сблизился именно съ тѣми самыми общественными классами, съ которыми онъ находился въ натянутыхъ отношеніяхъ во второй половинѣ XVIII вѣка.

Все, что было сказано до сихъ поръ, имѣло цѣлью показать, что на просвѣщенный абсолютизмъ мы имѣемъ право смотрѣть, какъ

на историческое явленіе, характеризующее собою именно извѣстную эпоху въ политической и культурно-соціальной исторіи Западной Европы, а не какъ на общее понятіе, которое можетъ безразлично прилагаться всюду, гдѣ только встрѣтятся нѣкоторые его признаки [1]). Другими словами, этотъ терминъ долженъ былъ бы имѣть такое же значеніе, какъ ренессансъ, реформація, католическая реакція, т.-е. служить названіемъ для опредѣленнаго круга явленій въ извѣстныхъ хронологическихъ предѣлахъ. Вмѣстѣ съ этимъ на основаніи сказаннаго мы имѣемъ право и точнѣе опредѣлить границы эпохи просвѣщеннаго абсолютизма. Именно начало ея слѣдуетъ отнести къ 1740 г. когда вступилъ на престолъ Фридрихъ II, „король-философъ" и притомъ философъ въ духѣ XVIII в., т.-е. вольтеріанецъ, а конецъ — къ 1789 г., около котораго сходятъ со сцены и наиболѣе видные дѣятели эпохи, самъ Фридрихъ II (ум. въ 1786 г.) и его младшій современникъ Іосифъ II (ум. въ 1790). На эти полвѣка приходятся, кромѣ того, слѣдующія царствованія: Карла III Испанскаго (1759—1788), при которомъ дѣйствовалъ министръ Аранда; Іосифа-Эмануила Португальскаго и его министра Помбаля (1750—1777); упомянутаго Карла III и его сына Фердинанда IV въ Неаполѣ съ министромъ Тануччи; Леопольда въ Тосканѣ (1765—1790); Христіана VII въ Даніи (1766—1807) съ министромъ Струензе (1769—1772); Густава III въ Швеціи (1771—1792); Карла-Фридриха въ Баденѣ. Къ этимъ представителямъ просвѣщеннаго абсолютизма во многихъ отношеніяхъ можно причислить и Екатерину II и назвать рядомъ съ ними и польскаго короля Станислава-Августа Понятовскаго (1764—1795), который хотя и не былъ абсолютнымъ монархомъ, но также выступилъ въ роли реформатора [2]).

Тѣсная связь между абсолютизмомъ и „просвѣщеніемъ" въ эту эпоху доказывается между прочимъ тѣми отношеніями, какія существовали тогда между монархами и философами, и тѣми надеждами, которыя возлагались философами на монарховъ. Мы уже знаемъ, что Фридрихъ II, еще будучи кронпринцемъ, вступилъ въ переписку съ Вольтеромъ, и съ этого времени началось *сближеніе между представителями государственной власти и представителями философіи*, примѣры котораго нами неоднократно приводились выше. Насколько были искренни отношенія между мыслителями и государями, это вопросъ особый, но фактъ все-таки тотъ, что государи и министры второй половины XVIII в. раздѣляли многія воззрѣнія философовъ,

[1]) Въ исторической литературѣ приходится встрѣчаться даже съ зачисленіемъ сюда царствованія Людовика XIV, такъ какъ этотъ король былъ „покровителемъ наукъ и искусствъ".

[2]) См. мою книгу „Польскія реформы XVIII вѣка".

сообщали имъ свои предположенія, искали у нихъ сочувствія и популярности, оказывали имъ поддержку. приглашали ихъ къ себѣ на службу и вступали съ ними въ переписку. Около 1765 г. Дидро не безъ основанія писалъ поэтому, что тогда въ Европѣ не было ни одного монарха, который вмѣстѣ съ тѣмъ не былъ бы философомъ. Съ своей стороны „просвѣтители“ прошлаго столѣтія *возлагали большія надежды на абсолютную монархическую власть, какъ на политическую силу, которая одна только могла бы дать въ жизни побѣду новымъ идеямъ*. Въ этомъ союзѣ монарховъ и философовъ совершалось сближеніе между началами государственности, нашедшей свое воплощеніе въ абсолютизмѣ, и раціонализма, бывшаго самою характерною чертою „философіи“ XVIII вѣка: государство должно было слѣдовать указаніямъ разума.

Въ своемъ мѣстѣ мы отмѣтили, что именно на такой точкѣ зрѣнія стоялъ самъ Вольтеръ. Его политическій идеалъ можно опредѣлить, какъ деспотизмъ, умѣряемый „терпимостью“ и „просвѣщеніемъ“ и онъ думалъ, что все дѣло не во внѣшнемъ переворотѣ, а въ измѣненіи мыслей тѣхъ, которые призваны управлять людьми. Кондорсе въ своей біографіи Вольтера даже защищаетъ его отъ обвиненія „въ слишкомъ большой любви къ единоличному правленію“. Вмѣсто того, говоритъ онъ, чтобы „объявить войну деспотизму прежде, чѣмъ разумъ сдѣлается достаточно сильнымъ, и призывать народы къ свободѣ прежде, чѣмъ они ее узнаютъ и полюбятъ“, философъ долженъ „указать какъ имъ, такъ и ихъ владыкамъ на злоупотребленія, въ уничтоженіи которыхъ одинаково заинтересованы и повелѣвающіе, и повинующіеся. Но Вольтеръ хотѣлъ сочетать политическій абсолютизмъ съ культурною свободою, съ свободою совѣсти, мысли и слова, какъ устнаго, такъ и печатнаго. Вотъ почему онъ привѣтствовалъ вступленіе въ министерство философа и экономиста Тюрго, который, прибавимъ, самъ стоялъ на точкѣ зрѣнія просвѣщеннаго абсолютизма. Защищая „просвѣщеніе“ отъ католическаго фанатизма, Вольтеръ въ духовенствѣ видѣлъ главнаго врага и государственной власти. Онъ указывалъ монархамъ на то, что имъ всегда приходилось выдерживать борьбу со стороны властолюбивыхъ священниковъ, тогда какъ философы никогда не становились на дорогѣ государей, а потому между тѣми и другими, имѣющими въ клирѣ общаго врага, по его мнѣнію, долженъ былъ быть заключенъ тѣсный союзъ, отъ котораго только и могло бы произойти общее благо.

На точкѣ зрѣнія „просвѣщеннаго абсолютизма“ стояла и школа физіократовъ. Уже Кенэ, мечтая о реализаціи своей экономической системы, нуждался въ такой власти, которая могла бы совершить эту реализацію. Онъ требовалъ поэтому полнаго единства и безуслов-

наго господства верховной власти, возвышающейся во имя общаго блага надъ противоположными интересами частныхъ лицъ. Мерсье де-ла-Ривьеръ, одинъ изъ наиболѣе вѣрныхъ истолкователей принциповъ физіократіи, въ своемъ сочиненіи „Ordre naturel et essentiel des sociétés politiques“ развивалъ ту мысль, что „законный деспотизмъ“ (le despotisme légal), какъ онъ выражался, одинъ въ состояніи осуществить общее благо, установивъ естественный общественный порядокъ, чѣмъ, какъ мы знаемъ, онъ вызвалъ полемику со стороны Мабли. Нападая на теорію раздѣленія и равновѣсія властей, или ученіе о политическихъ противовѣсахъ, Мерсье де-ла-Ривьеръ разсуждалъ такимъ образомъ: если основы хорошаго правленія очевидны для власти, и она захочетъ поступать сообразно съ ними на благо общества, то „контрофорсы“ могутъ лишь помѣшать ей въ этомъ дѣлѣ, и наоборотъ, въ этихъ противовѣсахъ нѣтъ надобности, разъ основы хорошаго правленія остаются неизвѣстными власти, такъ что напрасно изъ боязни, что правитель можетъ быть невѣжественнымъ, ему противопоставляютъ людей, едва умѣющихъ управлять самими собою. Мы еще увидимъ, почему къ числу литературныхъ защитниковъ просвѣщеннаго абсолютизма нужно причислить и Тюрго, реформаторская дѣятельность котораго въ царствованіе Людовика XVI можетъ разсматриваться, какъ одно изъ частныхъ проявленій системы.

И Вольтеръ, и физіократы съ министромъ-реформаторомъ Тюрго вовсе не думали о политическомъ переустройствѣ, надѣясь, что для желаемыхъ ими реформъ „le despotisme légal“ былъ вполнѣ подходящею формою государственной власти. Несовершенство тѣхъ учрежденій, въ которыхъ въ тогдашней Европѣ осуществлялся принципъ политической свободы, могло только служить для нихъ лишнимъ аргументомъ въ пользу ихъ основной идеи, тѣмъ болѣе, что сословно-представительныя учрежденія, выросшія на католико-феодальной почвѣ, отстаивали тѣ самые интересы, которые „философія“ XVIII в. желала подчинить идеѣ общаго блага. Защищая Вольтера отъ упомянутаго обвиненія въ пристрастіи къ единоначалію, Кондорсе замѣчаетъ, что философа „никогда не обманывали ни французская магистратура (парламенты), ни шведскіе и польскіе дворяне, называвшіе свободою иго, подъ которымъ они хотѣли давить народъ“. Вольтеръ желалъ прежде всего культурныхъ измѣненій, физіократы—соціальныхъ, и ихъ противниками были два общественныхъ класса, противъ которыхъ пришлось выступить и государственной власти. Фридрихъ II не менѣе физіократовъ былъ противникомъ теоріи раздѣленія властей, развитой въ „Духѣ законовъ“ Монтескье.

И теоретики, и практики просвѣщеннаго абсолютизма *относи-*

лись съ величайшимъ недовѣріемъ къ общественнымъ силамъ, такъ что ихъ девизомъ могло бы быть изреченіе: „все для народа и ничего посредствомъ народа". Ихъ системѣ пришлось дѣйствовать въ наиболѣе отсталыхъ странахъ, гдѣ правительство шло впереди общества, продолжавшаго жить конфессіонально-сословными традиціями, и если абсолютизмъ встрѣчалъ здѣсь какую-либо оппозицію, то главнымъ образомъ со стороны консервативныхъ элементовъ. Южно-романскія страны находились въ полномъ культурномъ упадкѣ, и то же самое можно сказать объ Австріи: всѣ онѣ испытали на себѣ слѣдствія католической реакціи. Въ Даніи деспотизмъ былъ не лучше турецкаго, какъ выражается Шлоссеръ. Пруссія второй половины XVIII в. могла даже своею косностью вызвать у Фридриха II признаніе въ томъ, что ему „надоѣло царствовать надъ рабами". Въ обществѣ такихъ странъ не могло быть преобразовательной иниціативы,—могла быть, наоборотъ, лишь оппозиція противъ начинаній, затрогивавшихъ консервативные интересы. Реформа шла сверху, отъ государственной власти, на сторонѣ которой была сила и которая считала себя въ правѣ дѣйствовать посредствомъ силы во имя принципа: „salus populi suprema lex". Все дѣлалось путемъ власти, ничего не оставлялось на долю общественной самодѣятельности. Впрочемъ, послѣдняя, выражавшаяся раньше въ феодальныхъ, муниципальныхъ и сословно-представительныхъ формахъ, давно находилась въ упадкѣ, такъ сказать, совершенно почти изсякла въ то время, когда, наоборотъ, государство, сдѣлавшись первѣйшею силою, въ сознаніи именно этой своей силы считало себя въ правѣ разсматривать само общество, какъ чисто пассивный матеріалъ, подлежащій обработкѣ со стороны власти и зависящихъ отъ нея органовъ управленія. Притомъ всякое участіе общественныхъ силъ въ государственныхъ дѣлахъ, принимая характеръ ограниченія власти, не только казалось несоотвѣтствующимъ тѣмъ правамъ, которыя должны были принадлежать государямъ, но и вреднымъ, поскольку со стороны консервативно настроенныхъ общественныхъ силъ можно было скорѣе ожидать не содѣйствія, а противодѣйствія преобразовательнымъ начинаніямъ. Въ самомъ дѣлѣ, тамъ, гдѣ сохранялись еще „чины", они проявляли оппозиціонное отношеніе ко многимъ мѣропріятіямъ, которыхъ требовала новая государственная политика. Часто между новымъ и старымъ сдѣлки быть не могло, и въ монархіи Іосифа II распря дошла до насильственнаго образа дѣйствій со стороны короля, сдѣлавшагося „революціонеромъ на тронѣ", и до возстанія подданныхъ, которые защищали вмѣстѣ съ отжившими культурно-соціальными принципами и политическую свободу. Наконецъ, государство стремилось къ централизаціи, къ ослабленію провинціальной обосо-

бленности (особенно бывшей сильною въ такихъ монархіяхъ, какъ Пруссія и Австрія), а отвлеченная идея государства, развивавшаяся въ политической литературѣ XVIII в., прямо была враждебна какимъ бы то ни было областнымъ отличіямъ, основывавшимся на историческомъ правѣ; между тѣмъ разные ландтаги были именно проникнуты духомъ провинціализма.

Мы уже видѣли, что раціонализмъ, отличающій „просвѣщеніе" XVIII в., былъ самъ по себѣ направленіемъ антиисторическимъ. Абсолютизмъ равнымъ образомъ былъ явленіемъ, враждебнымъ историческому праву сословій и областей; поэтому онъ находился въ борьбѣ съ привилегіями духовенства и дворянства и съ провинціальнымъ сепаратизмомъ, опиравшимися на свои историческія права, которому *онъ тоже противопоставилъ естественное право тогдашней философіи*, бывшее основою и самой государственной власти въ новыхъ политическихъ теоріяхъ. Съ другой стороны идея естественнаго права, неблагопріятная исторически сложившемуся соціальному строю, была, наоборотъ, весьма благопріятна для личной свободы. Просвѣщенный абсолютизмъ относился весьма двойственно къ этому предмету: поскольку онъ самъ былъ лишь примѣненіемъ къ жизни—государственной идеи Гоббза, а главное—былъ лишь видоизмѣненіемъ „полицейскаго государства", постольку онъ не давалъ свободы проявленію индивидуальныхъ силъ, но это касалось преимущественно тѣхъ отношеній, въ которыхъ была заинтересована сама государственная власть. Зато въ другихъ отношеніяхъ, гдѣ права личности ограничивались въ пользу не власти, а разныхъ традиціонныхъ культурныхъ и соціальныхъ отношеній, *просвѣщенный абсолютизмъ содѣйствовалъ, наоборотъ, эманципаціи личности*, главнымъ образомъ устанавливая вѣротерпимость, вводя въ извѣстной мѣрѣ приципъ свободы и духовную жизнь общества, содѣйствуя его эманципаціи отъ клерикальной опеки, стремясь къ отмѣнѣ крѣпостного права или вообще къ ослабленію и ограниченію помѣщичьей власти и т. п. Эта двойственность, впрочемъ, должна считаться лишь однимъ изъ проявленій тѣхъ противорѣчій, которыми вообще отличается система просвѣщеннаго абсолютизма. Будучи одновременно продолженіемъ старой королевской политики и примѣненіемъ новой государственной идеи въ духѣ свѣтскаго абсолютизма Гоббза, система эта не всегда жила въ ладу не только съ старыми историческими силами, но и съ новыми требованіями „просвѣщенія", поскольку послѣднее защищало права личности и общества, не говоря уже о томъ, что консервативная оппозиція часто вынуждала представителей власти прибѣгать прямо къ насилію для утвержденія началъ просвѣщенія, терпимости и гуманности. Этими противорѣчіями исполнена и дѣятельность двухъ

наиболѣе видныхъ представителей „просвѣщеннаго абсолютизма", съ которыми мы познакомимся подробнѣе, но тѣ же противорѣчія встрѣтимъ въ исторіи революціи.

XX. Страны просвѣщеннаго абсолютизма и его представители [1]).

Англія, Польша и Франція въ эпоху просвѣщеннаго абсолютизма.—Протестантскія и католическія страны въ эту эпоху.—Сравненіе между Пруссіей и Австріей.—Фридрихъ II и Іосифъ II.—Швеція при Густавѣ III.—Данія въ XVIII в.—Два недостатка системы.—Абсолютные государи и всесильные министры.—Португалія при Помбалѣ.—Испанія при Карлѣ III.—Тануччи.—Нѣсколько общихъ замѣчаній.

Просвѣщенный абсолютизмъ былъ явленіемъ универсальнаго характера: представляя изъ себя совершенно особый моментъ въ культурно-соціальной исторіи западно-европейскаго государства, сбрасывавшаго съ себя средневѣковыя клерикально-феодальныя формы, онъ не былъ порожденъ условіями какой-либо одной страны, какъ ни различно проявлялся онъ въ каждой изъ нихъ въ отдѣльности. Изъ общаго правила были, конечно, исключенія. Первымъ изъ нихъ была, разумѣется, Англія и понятно—по какой причинѣ: во-первыхъ, въ ней еще въ XVII в. окончательно побѣдила конституціонная монархія; во-вторыхъ, многія изъ тѣхъ отношеній, которыя въ другихъ странахъ только еще предстояло установить (вѣротерпимость, освобожденіе общества отъ клерикальной опеки, уничтоженіе крѣпостничества и т. п.), въ Англіи были уже раньше осуществлены, и если „просвѣщенный абсолютизмъ" былъ далекъ отъ какого бы то ни было намѣренія подражать англійскому политическому режиму, то наоборотъ, культурный и соціальный бытъ Англіи былъ какъ разъ тѣмъ, что въ концѣ-концовъ должно было бы сдѣлаться результатомъ системы, если бы только она проводилась послѣдовательно, полно и достаточно продолжительно. Затѣмъ мы не видимъ просвѣщеннаго абсолютизма въ Польшѣ и опять понятно, почему это такъ было: во-первыхъ, и тутъ не было абсолютной королевской власти, а во-вто-

[1]) О Густавѣ III соч. *Arndt'a*, *Posselt'a*, *Geffroy* (Gustave III et la cour de France), *Léouzon Le Duc'a*, *De Nervo* (Gustave III et Anckarström) и др.—О Струензе соч. *K. Wittich*. Sruensee.—*Jensen-Tusch*. Die Verschwörung gegen Karoline-Mathilde und Struensee.—*De Lagrèze*. La reine Caroline-Mathilde et le comte Struense.—О Помбалѣ см. *Schäfer*. Geschichte von Portugal (т. V).—*John Smith*. Memoirs of the Marquis of Pombal.—*Gomes*. La marquis de Pombal.—*Duhr*. Pombal, sein Charakter und seine Politik (іезуитская точка зрѣнія).—*Du Hamel du Breuil*. Un ministre philosophe (Revue Historique, 1895—1896).—*A. Billot*. Pombal et les Favora (Revue Bleue, 1889).

рыхъ, здѣсь какъ разъ господствовали тѣ два сословія, духовенство и дворянство (шляхта), противъ которыхъ направлялась бо́льшая часть культурныхъ и соціальныхъ мѣропріятій просвѣщеннаго абсолютизма. Тѣмъ не менѣе, правда, Польша особенно нуждалась въ такихъ реформахъ, какъ вѣротерпимость и уничтоженіе крѣпостничества, и общій духъ преобразовательной дѣятельности второй половины XVIII в. коснулся и этой страны при ея послѣднемъ королѣ, Станиславѣ-Августѣ. Если Англія переросла необходимость „просвѣщеннаго абсолютизма", то Польша, наоборотъ, не доросла до того, чтобы принять просвѣтительныя преобразованія, такъ какъ ея культурный слой былъ настроенъ и нетерпимо, и крѣпостнически. Во Франціи, главномъ очагѣ „просвѣщенія", весьма значительная часть зажиточнаго и образованнаго класса, напротивъ того, желала реформъ въ духѣ новыхъ идей, но хотя въ этой странѣ существовала абсолютная королевская власть, однако, и здѣсь система просвѣщеннаго абсолютизма не примѣнялась; впослѣдствіи же, не получивъ желательныхъ реформъ, французское общество уже прямо стало добиваться политической свободы. Причины того, почему Франція XVIII в. не знала просвѣщеннаго абсолютизма, мы разсмотримъ послѣ, а здѣсь отмѣтимъ лишь то, что эти причины не совпадаютъ съ тѣми, которыя дѣйствовали въ Англіи и въ Польшѣ: страна была абсолютной монархіей, нуждалась въ реформахъ, въ которыхъ Англія уже не нуждалась,—и обладала прогрессивнымъ общественнымъ классомъ, какого не было въ Польшѣ. Въ послѣднемъ отношеніи дѣло реформъ во Франціи находилось въ лучшемъ положеніи, чѣмъ въ другихъ монархіяхъ. Французское правительство могло бы имѣть въ буржуазіи такую опору, какой были лишены правительства другихъ странъ, встрѣчавшія въ обществѣ больше несочувствія, чѣмъ сочувствія, такъ какъ въ обществѣ этихъ странъ преобладали клерикальные и аристократическіе элементы и было весьма слабо развито среднее сословіе.

За указанными исключеніями всѣ главныя западно-европейскія государства въ большей или меньшей степени испытали на себѣ дѣйствіе просвѣщеннаго абсолютизма. Но и въ нихъ общее начало системы разнообразится въ своихъ примѣненіяхъ въ зависимости отъ мѣстныхъ условій. Прежде всего *нужно различать между протестантскими и католическими странами*. Въ эпоху религіозной реформаціи въ первыхъ изъ нихъ произошло освобожденіе государства отъ внѣшней власти папы, подчиненіе правительству національнаго духовенства, ослабленіе его соціальнаго значенія вслѣдствіе секуляризаціи церковной собственности и т. д., и въ XVIII в. этимъ странамъ существеннымъ образомъ уже ничего не приходилось измѣнять въ церковной области. Напротивъ, католическія правительства раз-

сматриваемой эпохи вынуждены были, не касаясь существа религіи, реформировать церковно-политическія и церковно-общественныя отношенія и какъ разъ въ томъ же духѣ, въ какомъ это сдѣлано было протестантскими государствами еще въ реформаціонную эпоху. Представительницей протестантскихъ странъ въ XVIII в. можетъ служить Пруссія, представительницей католическихъ—Австрія. Первая изъ нихъ уже въ XVI в. достигла того, къ чему вторая только еще стремилась въ концѣ XVIII в., именно при Іосифѣ II, желавшемъ освободить государство и общество отъ опеки куріи и клира и превратить духовенство въ зависимое отъ правительства чиновничество.

Мы главнымъ образомъ и остановимся на этихъ двухъ нѣмецкихъ державахъ въ занимающую насъ эпоху, тѣмъ болѣе, что два самые крупные представители просвѣщеннаго абсолютизма были прусскій и австрійскій государи—Фридрихъ II и Іосифъ II. Къ тому же между Пруссіей и Австріей существовало не только одно вѣроисповѣдное различіе, дѣлавшее далеко неодинаковыми задачи государственной власти въ той и другой странѣ, но были и различія иного рода. Во-первыхъ, хотя прусское государство и составилось изъ разныхъ княжествъ, тѣмъ не менѣе здѣсь гораздо легче было провести централизацію, чѣмъ въ государствахъ габсбургскаго дома, которыя мы теперь лишь анахронически называемъ въ XVIII в. Австріей; въ то самое время, какъ въ составъ Пруссіи входили земли съ нѣмецкимъ населеніемъ, габсбургская монархія состояла изъ разныхъ національностей, изъ которыхъ нѣкоторыя (Венгрія, Бельгія) даже съ успѣхомъ отстаивали свои историческія права противъ всеуравнивавшей централизаціи. Во-вторыхъ, *Австрія была страною, и болѣе феодальною, чѣмъ Пруссія*, такъ что власть встрѣтила здѣсь болѣе сильныя препятствія, чѣмъ въ государствѣ Фридриха II, особенно въ области соціальныхъ преобразованій, къ которымъ главнымъ образомъ относилось измѣненіе крестьянскаго быта. Пруссія въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ могла быть даже прямо образцомъ, которому болѣе отсталая Австрія должна была подражать. Обѣ страны, кромѣ того, жили въ постоянномъ политическомъ антагонизмѣ, причемъ уже тогда замѣчался разладъ между ними по вопросу о томъ, кому суждено играть первенствующую роль въ Германіи, т.-е. по тому вопросу, который разрѣшился лишь въ 1866 г.

Сравненіе между прусской и австрійской исторіями въ XVIII в. любопытно и въ другомъ отношеніи. Фридрихъ II, этотъ „король-философъ“, и Іосифъ II, „революціонеръ на тронѣ“, являются двумя „просвѣщенными деспотами“ совершенно различнаго характера. Одинъ не измѣнялъ существеннымъ образомъ династическимъ традиціямъ Гогенцоллерновъ, ихъ военно-хозяйственному режиму, другой,

наоборотъ, пошелъ въ разрѣзъ съ консервативной, клерикально-феодальной политикой габсбургской династіи. Отношеніе обоихъ къ философіи XVIII в. было также различнымъ: одинъ проникался больше ея раціонализмомъ, усвоивъ себѣ преимущественно ея скептическую сторону; на другого сильнѣе дѣйствовала филантропическая, гуманная сторона философіи. Одинъ былъ реалистъ, другой — идеалистъ, и если одинъ, какъ практикъ, проявлялъ свою дѣятельность преимущественно въ мѣропріятіяхъ техническаго характера, то другой, наоборотъ, исходя изъ теоріи, ставилъ вопросы внутренней политики съ принципіальной точки зрѣнія. Въ Пруссіи, собственно говоря, и измѣнять приходилось меньше, чѣмъ въ Австріи, да и самъ прусскій король былъ менѣе склоненъ къ крутымъ перемѣнамъ, чѣмъ Іосифъ II. Въ Пруссіи къ тому же и общество было вообще пассивнѣе, тогда какъ въ Австріи, наоборотъ, была сильна консервативная оппозиція, и личный характеръ монарха толкалъ его на путь болѣе радикальныхъ реформъ. Если въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ существуетъ прямое родство между просвѣщеннымъ абсолютизмомъ и французской революціей, то оно, главнымъ образомъ, касается именно Іосифа II. Между Іосифомъ II и Фридрихомъ II приблизительно такая же разница, какая была между Руссо и Вольтеромъ, бывшими „сердцемъ“ и „головой“ XVIII в. Однимъ словомъ, это—двѣ историческія фигуры, отлично дополняющія одна другую, столь же рельефно представляющія собою двѣ различныя стороны новой политики, какъ Вольтеръ и Руссо представляли собою два разные полюса „философіи“ XVIII в.

Такимъ образомъ, на примѣрѣ Пруссіи и Австріи весьма легко познакомиться съ очень разнообразными видоизмѣненіями просвѣщеннаго абсолютизма, и потому другія страны могутъ быть привлечены къ разсмотрѣнію лишь для сравненія и для большей полноты общей картины. Къ числу этихъ странъ нужно отнести два скандинавскія государства—Швецію и Данію.

Въ первой изъ нихъ въ 1772 г. Густавъ III произвелъ государственный переворотъ, усилившій королевскую власть, которая передъ тѣмъ находилась въ совершенномъ упадкѣ. Поступокъ Густава III, спасшаго Швецію отъ судьбы Польши, встрѣтилъ одобреніе со стороны „просвѣтителей“ XVIII в., но причины ихъ сочувствія заключались не въ томъ, что король избавилъ страну отъ губившей ее анархіи, а въ томъ, что, считая Густава III однимъ изъ своихъ сторонниковъ „просвѣщенія“, они расчитывали на него, какъ на будущаго сокрушителя суевѣрій и несправедливостей. Воспитанникъ гр. Тессина, бывшаго прежде шведскимъ посланникомъ въ Парижѣ, большого почитателя французской литературы, Густавъ III освоился съ ея идеями, хотя далеко не проникался ими настолько, чтобы не

на однихъ только словахъ быть ученикомъ Вольтера и Монтескье. Вольтеру было извѣстно, что будущій шведскій король принадлежитъ къ числу поклонниковъ философіи, и потому онъ возлагалъ большія надежды на его царствованіе. Съ своей стороны, наслѣдный принцъ шведскій, еще своему отцу совѣтовавшій совершить государственный переворотъ, видѣлъ въ сочувствіи „философовъ", задававшихъ тонъ общественному мнѣнію, своего рода поддержку въ задуманномъ имъ дѣлѣ. Въ 1770 г. онъ совершилъ путешествіе на континентъ и посѣтилъ Парижъ, съ которымъ уже раньше находился въ литературныхъ сношеніяхъ. Вотъ почему и Густава III мы можемъ причислить къ „просвѣщеннымъ деспотамъ" XVIII в. Хотя переворотъ 1772 г. не уничтожилъ въ Швеціи государственнаго сейма, но значеніе послѣдняго было донельзя ограничено: король могъ его не созывать, а въ случаѣ нужды могъ устанавливать новые налоги и безъ его согласія; у сословій не было притомъ законодательной инициативы. Можно сказать, что конституція 1772 г. позволяла Густаву III править Швеціей совершенно неограниченно. Не обращая никакого вниманія на то, что по конституціи для изданія новыхъ законовъ требовалось согласіе государственныхъ чиновъ, Густавъ III предпринялъ рядъ реформъ, подобныхъ тѣмъ, которыя вводились въ другихъ странахъ просвѣщеннаго абсолютизма. Правда, въ его преобразовательной дѣятельности многое было расчитано только на показъ, такъ какъ онъ добивался прежде всего популярности среди вождей общественнаго мнѣнія за границей, внутри же страны гнался больше за пышностью и блескомъ, и по существу дѣла онъ былъ скорѣе ученикомъ версальскаго двора, чѣмъ „просвѣтителей" XVIII вѣка. Притомъ онъ хотѣлъ удивить міръ громкими подвигами, уже прославившими имена его предковъ—Густава Адольфа и Карла XII, что было не по средствамъ такой бѣдной странѣ, какъ Швеція. Густавъ III вооружилъ противъ себя дворянство, но не сумѣлъ расположить въ свою пользу народъ; духовенство также было имъ недовольно. Все это заключало въ себѣ сѣмена реакціи противъ короля, который и самъ въ свою очередь сдѣлался въ концѣ своей жизни однимъ изъ главныхъ представителей монархической реакціи противъ французской революціи. Глубокаго значенія преобразовательная дѣятельность Густава III, кромѣ совершеннаго имъ переворота, поэтому, не имѣла, и его просвѣщенный абсолютизмъ былъ болѣе внѣшній и поверхностный. Во всякомъ случаѣ, однако, Швеція при этомъ королѣ находилась въ числѣ тѣхъ странъ, на которыя было оказано вліяніе общимъ духомъ новой политики абсолютизма.

Нѣсколько раньше, чѣмъ Швеція, подверглась дѣйствію новаго направленія и Данія. Абсолютизмъ, установившійся въ этомъ государ-

ствѣ въ 1660 г., соединялся съ рѣзкою лютеранскою исключительностью, особенно при Христіанѣ VI (1730—1746). Но уже преемникъ этого короля Фридрихъ V (1746—1766), началъ дѣйствовать въ духѣ просвѣщеннаго абсолютизма, имѣя опытнаго и образованнаго совѣтника въ лицѣ ганноверскаго уроженца графа Бернсторфа, ставшаго проводникомъ нѣмецкаго культурнаго вліянія въ Даніи. Впрочемъ, настоящимъ представителемъ новой политики сдѣлался въ Даніи уже въ царствованіе слѣдующаго короля, Христіана VII, знаменитый Струензе, по происхожденію также нѣмецъ. Человѣкъ недюжинныхъ способностей и обширнаго образованія, большой притомъ честолюбецъ, строившій, однако, планы, отъ исполненія которыхъ онъ самъ ожидалъ общаго блага, Струензе, не въ примѣръ Бернсторфа, чуждавшагося французской культуры, былъ поклонникомъ тогдашней „философіи". Овладѣвъ довѣріемъ молодого, нравственно испорченнаго и лѣниваго короля и сдѣлавшись любовникомъ королевы (англійской принцессы Матильды), онъ скоро взялъ въ свои руки бразды правленія, отстранивъ Бернсторфа (1769). Съ самыми прекрасными намѣреніями—просвѣтить и осчастливить Данію—Струензе, къ сожалѣнію, не соединялъ правительственной опытности, а кромѣ того, ему много мѣшали нѣкоторыя его личныя слабости, его надменное обращеніе, пустое чванство своимъ вліяніемъ и т. п. Понятное дѣло, что человѣкъ, начавшій ограничивать дворянскія привилегіи и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствовавшій въ духѣ вольномысленнаго „просвѣщенія", долженъ былъ возбудить противъ себя аристократическую и піетистическую оппозицію. Враги новыхъ идей и порядковъ воспользовались введенною Струензе свободою печати для того, чтобы бороться путемъ прессы противъ его нововведеній и противъ него самого. Простой народъ не могъ сразу понять, что многія правительственныя мѣропріятія имѣли цѣлью облегченіе его положенія, и нѣкоторыя ошибки Струензе прямо эксплуатировались во вредъ министру, тѣмъ болѣе, что временщикъ былъ нѣмецъ, не считавшій даже нужнымъ переводить по-датски королевскія распоряженія, и обогащалъ на казенный счетъ своихъ родныхъ и приспѣшниковъ. Всеобщее недовольство заставило Струензе,—получившаго титулъ графа и должность кабинетъ-министра, подпись котораго была равносильна королевской,—дѣйствовать посредствомъ насилія. Противъ министра-реформатора, въ теченіе полутора лѣтъ издавшаго около шестисотъ новыхъ распоряженій, составился заговоръ. У слабохарактернаго короля вынудили приказъ объ арестѣ Струензе, и онъ кончилъ жизнь на эшафотѣ, обвиненный въ государственной измѣнѣ и преступленіи противъ религіи. Реформы Струензе были отмѣнены, и только лишь послѣ того, какъ наслѣдный принцъ (впослѣдствіи Фридрихъ VI) вынудилъ у короля для себя

регентство (1784), Данія снова выступила на путь либеральныхъ реформъ, проводившихся на этотъ разъ Бернсторфомъ Младшимъ (племянникомъ вышеназваннаго) уже съ гораздо большею осмотрительностью.

Болѣе или менѣе внѣшнее и поверхностное отношеніе Густава III къ „просвѣщенію“ XVIII в. и отсутствіе всякой опытности и осмотрительности въ преобразовательной дѣятельности Струензе не составляютъ собою единичныхъ исключеній. Вообще далеко *не всѣ дѣятели просвѣщеннаго абсолютизма были глубоко и искренне проникнуты новыми общественными идеями, да и подчиняясь имъ въ той или другой мѣрѣ, на самомъ дѣлѣ не всегда обнаруживали умѣлость въ проведеніи ихъ на практикѣ*. Мы увидимъ еще, что въ первомъ отношеніи Густавъ III былъ лишь наиболѣе рѣзкимъ представителемъ тѣхъ государственныхъ людей XVIII в., которые, стараясь заслужить похвалу „философовъ“, были весьма далеки отъ того, чтобы руководствоваться преимущественно „философіей“ въ своемъ политическомъ поведеніи; изъ числа такихъ дѣятелей былъ именно и Фридрихъ II. То, что можно поставить въ укоръ Струензе, равнымъ образомъ характеризуетъ, напримѣръ, Іосифа II: и у него страшно развитая самонадѣянность и деспотизмъ въ проведеніи недостаточно обдуманныхъ мѣропріятій соединялись съ самыми благими намѣреніями и съ большею, чѣмъ у Фридриха II или Густава III, зависимостью отъ „просвѣщенія“. Весьма часто тѣ или другія мѣры просвѣщеннаго абсолютизма болѣе объясняются абсолютизмомъ съ его старыми традиціями, чѣмъ духомъ вѣка, вслѣдствіе чего онѣ становились нерѣдко даже въ противорѣчіе съ идеями „просвѣщенія“. Да и самонадѣянность эта, вѣра въ собственную непогрѣшимость, какою отличалось, пожалуй, большинство представителей системы, выросли на почвѣ стараго абсолютизма, и уже прямо отъ склада ума и личнаго характера того или другого дѣятеля зависѣло, насколько дѣло, имъ на себя одного бравшееся, соотвѣтствовало его уму, способностямъ, знаніямъ, опытности и умѣнію.

На примѣрѣ Даніи въ эпоху Струензе мы видимъ, кромѣ того, что *иниціатива преобразовательной дѣятельности въ эпоху просвѣщеннаго абсолютизма не всегда принадлежала самой королевской власти*, такъ какъ въ реформахъ, задуманныхъ и проведенныхъ Струензе, Христіанъ VII былъ ни при чемъ. И это опять-таки не единственный случай. Гораздо раньше того времени, когда духъ просвѣщеннаго абсолютизма коснулся скандинавскихъ государствъ, новое политическое направленіи дѣйствовало уже въ южно-романскихъ странахъ, именно въ Португаліи, въ Испаніи и въ Неаполитанскомъ королевствѣ, гдѣ въ роли просвѣщенныхъ деспотовъ выступили не сами царствовавшіе тамъ короли, а ихъ всемогущіе министры. Въ эпоху

полнаго развитія абсолютизма вообще не всѣ носители верховной власти обладали необходимыми иниціативой и энергіей, и въ такихъ случаяхъ фактически управляли государствомъ первые министры (примѣръ—кардиналъ Ришелье при Людовикѣ XIII). Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, если и въ разсматриваемую эпоху въ однихъ государствахъ въ роли реформаторовъ выступаютъ сами государи, а въ другихъ эту роль берутъ на себя министры менѣе способныхъ и менѣе дѣятельныхъ королей. Такъ было въ Даніи, гдѣ притомъ Струензе удалось продержаться во главѣ правленія лишь очень короткое время,—фактъ, опять-таки находящій аналогію въ другихъ странахъ, гдѣ положеніе такихъ временщиковъ тоже не отличалось особою прочностью.

Исторія просвѣщеннаго абсолютизма въ Португаліи связана съ именемъ маркиза Помбаля. Въ первой половинѣ XVIII в. въ этой странѣ,—съ XVI в. находившейся во власти католической реакціи,—царствовалъ Іоаннъ V (1706—1750), получившій отъ куріи названіе „самаго вѣрнаго короля“ (rex fidelissimus), такъ какъ въ его правленіе господство клира достигло въ странѣ своего апогея. Уже при немъ будущій министръ-реформаторъ обратилъ на себя вниманіе своими способностями и ученостью и сталъ получать важныя дипломатическія порученія. Преемникъ Іоанна V, Іосифъ I (1750—1777) сдѣлалъ Помбаля министромъ иностранныхъ дѣлъ, но весьма скоро и вообще все правленіе сосредоточилось въ его рукахъ. Помбаль поставилъ своею задачею освободить Португалію отъ всякаго политическаго вліянія извнѣ, а государственную власть—отъ церковнаго соправительства. Мы уще увидимъ, къ какимъ мѣрамъ обратился Помбаль, чтобы утвердить права свѣтскаго государства и отнять народное просвѣщеніе изъ рукъ духовенства; отмѣтимъ здѣсь лишь то, что именно онъ подалъ первый примѣръ изгнанія іезуитовъ (1759), примѣръ, которому черезъ нѣсколько лѣтъ послѣдовали и другія католическія правительства. Въ своей преобразовательной дѣятельности, задѣвавшей также и интересы дворянства, Помбаль встрѣтился съ сильной оппозиціей, противъ которой сталъ дѣйствовать съ несокрушимой энергіей и даже жестокостью; недаромъ еще Іоаннъ V разгадалъ въ немъ „щетинистое сердце“. Старому порядку, поддерживавшему культурное господство духовенства и соціальныя привилегіи дворянства, онъ противопоставилъ иную систему, сложившуюся подъ вліяніемъ „философіи“ XVIII в., и, опираясь на довѣріе короля, онъ началъ сокрушать все, что встрѣчалъ на пути къ достиженію указанной цѣли. По общему характеру этой дѣятельности Помбаль былъ настоящій деспотъ, не останавливавшійся передъ средствами и не обращавшій никакого вниманія ни на то, что считалось правомъ, ни на враждебное ему общественное

мнѣніе, разъ въ этомъ мнѣніи находили свое выраженіе консервативные интересы, ни на препятствія, наконецъ, лежавшія въ нравахъ, привычкахъ и предразсудкахъ націи. Въ общемъ его преобразовательная дѣятельность, глубоко шедшая въ культурную и соціальную жизнь націи, охватывавшая церковь и народное образованіе, право и финансы, промышленность и торговлю и т. п., поэтому напоминаетъ намъ властное пересозданіе русской жизни Петромъ Великимъ. Противъ Помбаля при дворѣ велась постоянная интрига, но король крѣпко держался министра, поднявшаго Португалію изъ упадка, въ какомъ прежде она находилась. Когда по смерти Іосифа I на престолъ вступила его дочь Марія, министръ, въ то время почти уже восьмидесятилѣтній старикъ (род. въ 1699 г.), подалъ въ отставку, присоединивъ къ прошенію отчетъ о своемъ управленіи. Королева, женщина слабоумная, и ея супругъ Донъ-Педро, отличавшійся ханжествомъ, согласились на эту отставку, и вслѣдъ за тѣмъ началась реакція противъ всего того, что сдѣлано было министромъ-реформаторомъ. Враги Помбаля, многіе изъ которыхъ сидѣли въ тюрьмахъ за участіе въ заговорахъ или за противодѣйствіе реформамъ, начали получать важныя и вліятельныя должности, а затѣмъ стали одно за другимъ отмѣняться и мѣропріятія Помбаля. Самого реформатора пытались обвинить въ казнокрадствѣ, но онъ доказалъ неосновательность такого обвиненія. Затѣмъ на него посыпались печатныя обвиненія и иного рода, на которыя онъ также отвѣчалъ въ печати. Наконецъ, надъ нимъ наряжено было слѣдствіе, которое признало его виновнымъ въ разныхъ преступленіяхъ, но королева помиловала престарѣлаго министра, пережившаго только на пять лѣтъ свою отставку (ум. въ 1782 г.). Побѣда реакціи надъ просвѣщеннымъ абсолютизмомъ выразилась въ Португаліи между прочимъ въ томъ, что въ число наиболѣе чествуемыхъ святыхъ были тогда включены папа Григорій VII, провозгласившій ученіе о главенствѣ церкви надъ государствомъ, и Игнатій Лайола, основатель изгнаннаго изъ Португаліи Памбалемъ ордена іезуитовъ. Эта реакція—являніе общее всѣмъ странамъ Европы: реформы просвѣщеннаго абсолютизма вызывали противъ себя клерикально-аристократическую оппозицію, съ которою приходилось необходимо считаться преобразователямъ, и эта же оппозиція была предшественницей и той реакціи, которая наступила послѣ французской революціи.

Въ Испаніи ту же роль, что Помбаль въ Португаліи, игралъ Аранда при королѣ Карлѣ III (1759—1788). Когда умеръ Фердинандъ VI, второй испанскій король изъ дома Бурбоновъ, наслѣдовавшій своему отцу Филиппу V, но самъ не оставившій дѣтей, испанскій престолъ достался его сводному брату Карлу, королю неаполитанскому, который, отъѣзжая въ Испанію, передалъ Неаполь

своему младшему сыну Фердинанду, назначивъ регентомъ своего министра Тануччи. Воцарившись въ Испаніи, Карлъ III окружилъ себя людьми новаго образа мыслей: не даромъ въ своемъ прежнемъ королевствѣ онъ возвысилъ Тануччи, бывшаго однимъ изъ дѣятельныхъ представителей просвѣщеннаго абсолютизма. Среди этихъ людей особенно выдвигался арагонскій грандъ гр. Аранда, человѣкъ рѣшительнаго характера и ревностный поклонникъ французскихъ просвѣтителей, съ которыми онъ даже находился въ сношеніяхъ (между прочимъ съ Вольтеромъ). Самъ Карлъ III, подобно своему португальскому современнику, былъ ревностнымъ католикомъ, но это не мѣшало ему отстаивать права свѣтской власти отъ притязаній куріи и клира, какъ то дѣлалъ за двѣсти лѣтъ передъ нимъ даже такой фанатикъ католицизма, какимъ былъ Филиппъ II; въ такомъ смыслѣ Карлъ III уже дѣйствовалъ раньше въ Неаполѣ, руководимый Тануччи. Съ этимъ стремленіемъ короля совпадали и намѣренія, какія относительно католической церкви должны были сложиться подъ вліяніемъ идей XVIII в. и у Аранды. Сначала нѣкоторое время Карлъ III пользовался совѣтами двухъ итальянцовъ, привезенныхъ имъ изъ Неаполя, Сквилаче и Гримальди, но они возбудили противъ себя народное неудовольствіе, разыгравшееся цѣлымъ бунтомъ (1766), въ которомъ замѣшаны были іезуиты. Аранда, сдѣлавшійся послѣ этого первымъ министромъ, нанесъ (1767) ордену такой же ударъ, какой постигъ его незадолго передъ тѣмъ въ Португаліи, и ввелъ многія реформы, напоминающія мѣропріятія Помбаля. И подъ испанскаго реформатора постоянно подкапывалась консервативная оппозиція. Духовнику Карла III, монаху-доминиканцу, удалось въ концѣ-концовъ убѣдить этого короля въ томъ, что, держа такого министра, какъ Аранда, можно попасть въ адъ, да и похвалы, расточавшіяся министру энциклопедистами, не могли не повредить ему въ мнѣніи набожнаго короля. Аранда былъ удаленъ изъ министерства, получивъ постъ испанскаго посла въ Парижѣ (1773). Послѣ этого уже трудно было держаться и сторонникамъ Аранды въ Испаніи. Однимъ изъ такихъ сторонниковъ былъ Кампоманесъ, продолжавшій и по удаленіи Аранды дѣйствовать въ духѣ новыхъ идей, съ большею только осторожностью. Реакція все болѣе и болѣе поднимала голову, что можно видѣть на судьбѣ другого сторонника Аранды, Олавидеса. Это былъ человѣкъ новаго образованія, котораго всесильный министръ сдѣлалъ генералъ-интендантомъ Андалузіи. Олавидесъ задумалъ колонизировать пустынную Сіерру Морену иностранными выходцами, обѣщавъ имъ свободу вѣроисповѣданія, но повелъ это дѣло крайне неумѣло. Въ страну явилось много разнаго сброда, неспособнаго ни къ какой работѣ, пріѣхали ремесленники и фабричные рабочіе, когда нужны были прежде всего

пахари, а протестантскіе выходцы изъ Германіи и Голландіи были вдобавокъ обмануты въ своихъ ожиданіяхъ относительно вѣротерпимости. Послѣ паденія Аранды Олавидесъ былъ обвиненъ передъ инквизиціей въ томъ, что дружилъ съ французскими безбожниками и привлекъ въ святую католическую Испанію всякаго рода еретиковъ, и вотъ Олавидеса сажаютъ въ тюрьму, подвергаютъ черезъ два года суду и приговариваютъ къ пожизненному монастырскому заключенію, изъ котораго онъ, впрочемъ, бѣжалъ въ Парижъ.

Между министрами-реформаторами южно-романскихъ странъ видное мѣсто принадлежитъ и упоминавшемуся только что Тануччи. Какъ юристъ, занимавшій прежде каѳедру въ пизанскомъ университетѣ, онъ былъ большимъ знатокомъ публичнаго права; какъ монархистъ по убѣжденію, онъ былъ противникомъ клерикально-аристократическаго строя, нарушавшаго, по его мнѣнію, права абсолютной монархіи. Карлъ III привезъ его съ собою въ Неаполь и сдѣлалъ первымъ министромъ, послѣ чего около двадцати лѣтъ Тануччи былъ главнымъ помощникомъ и совѣтникомъ этого короля. Когда послѣдній уѣхалъ въ Испанію, оставивъ въ Неаполѣ своего малолѣтняго сына, Тануччи былъ сдѣланъ регентомъ, но и по достиженіи Фердинандомъ IV совершеннолѣтія онъ продолжалъ еще стоять во главѣ правленія, дѣйствуя въ духѣ просвѣщеннаго абсолютизма. Этотъ министръ-реформаторъ опирался на партію патріотовъ, видѣвшихъ въ монархическихъ реформахъ зарю лучшаго будущаго для Неаполя, но надежды этой партіи не оправдались въ виду того деспотическаго характера, какой приняло дальнѣйшее царствованіе Фердинанда IV. При Тануччи совершилось изгнаніе іезуитовъ и изъ королевства Обѣихъ Сицилій (1767).

Такимъ образомъ въ Неаполѣ, въ Португаліи, въ Испаніи и въ Даніи просвѣтителями и преобразователями явились не сами монархи, а министры. Повидимому, и Франціи предстояло также вступить на тотъ же путь при герцогѣ Шуазелѣ, равнымъ образомъ изгнавшемъ изъ Франціи іезуитовъ (1764), а еще болѣе при Тюрго, имѣвшемъ цѣлый планъ реформъ, которыя должны были возродить государство къ новой жизни. Но положеніе министровъ-реформаторовъ при слабыхъ короляхъ, подчинявшихся клерикально-аристократическимъ вліяніямъ, было весьма непрочно: свидѣтельствуютъ объ этомъ какъ вышеприведенные факты, такъ и судьбы реформаціонныхъ попытокъ во Франціи при Людовикахъ XV и XVI. Изъ западно-европейскихъ монарховъ XVIII в. просвѣщенный абсолютизмъ могъ увлечь только тѣхъ, которые способны были отречься отъ конфессіонально-сословной политики, характеризующей старый порядокъ, но рядомъ съ ними существовали другіе, которые сами, по собственной иниціативѣ, частью

вслѣдствіе отсутствія необходимой энергіи, частью вслѣдствіе вліянія на нихъ старыхъ традицій, не предприняли бы преобразованій, затрогивавшихъ интересы привилегированныхъ сословій. Во всякомъ случаѣ всѣ наиболѣе предпріимчивые и энергичные государи эпохи дѣйствовали въ новомъ духѣ, хотя бы и можно было сомнѣваться въ ихъ искренности или отмѣчать непослѣдовательности и противорѣчія въ ихъ поведеніи, и въ свою очередь короли, охотно отдававшіе власть министрамъ, находили почти постоянно такихъ людей, которые равнымъ образомъ дѣйствовали или стремились дѣйствовать въ духѣ просвѣщеннаго абсолютизма. Государства Западной Европы какъ бы переживали такой моментъ, когда силою вещей правительства вынуждались на внутреннюю политику опредѣленнаго направленія, а общее вліяніе просвѣщенія придавало этой политикѣ особый характеръ. Конечно, нельзя отрицать и того, что примѣръ однихъ дѣйствовалъ на другихъ. Изъ монарховъ этой эпохи Фридрихъ II былъ своего рода образцомъ, которому подражали очень многіе правители, и въ концѣ періода Іосифъ II во многомъ шелъ уже по проторенным путямъ. Помбаль въ Португаліи показалъ, изгоняя іезуитовъ, примѣръ, которому послѣдовали Шуазель, Аранда, Тануччи. Людовикъ XVI, дѣлая „философа" Тюрго министромъ, тоже думалъ итти по стопамъ другихъ государей эпохи. Когда въ разныхъ мѣстахъ возникаютъ одинаковыя задачи, когда повсюду распространаются однѣ и тѣ же идеи, когда люди начинаютъ присматриваться къ тому, какъ тотъ или другой вопросъ разрѣшается у сосѣдей, и ищутъ въ этомъ указанія для того, какъ поступать у себя дома, тогда создается нѣкоторое общее направленіе, и рядомъ съ крупными представителями этого направленія являются другіе, менѣе замѣтные, но своею многочисленностью свидѣтельствующіе о томъ, что новое направленіе не есть нѣчто случайное. Намъ пришлось бы значительно пополнить нашъ списокъ дѣятелей, болѣе или менѣе подчинявшихся новому духу, если бы мы захотѣли назвать и болѣе второстепенныхъ дѣятелей, которыхъ коснулось „просвѣщеніе" XVIII в., какъ культурное направленіе, призывавшее правителей къ воздѣйствію на жизнь общества во имя новыхъ соціальныхъ идей. При систематическомъ обзорѣ реформъ намъ придется встрѣтиться и съ новыми именами дѣятелей эпохи.

XXI. Фридрихъ II и прусская политика [1]).

Политическое значеніе царствованія Фридриха II въ общеевропейской, общенѣмецкой и прусской исторіи.—Важность его роли для внутренней исторіи Пруссіи —Фридрихъ II въ нѣмецкой исторической литературѣ.—Вопросъ о «просвѣщенномъ абсолютизмѣ» Фридриха II. — Прусская династическая традиція. — Военно-хозяйственное управленіе Великаго Курфюрста и Фридриха Вильгельма I.— Абсолютизмъ и сословность.—Идея правительственнаго долга. — Необходимость ознакомленія съ личностью Фридриха II.

Второй половинѣ XVIII в. до начала французской революціи нерѣдко усвоивается названіе „вѣка Фридриха Великаго". Это обозначеніе цѣлаго историческаго періода именемъ одного государя,— подобно тому, какъ это дѣлается и по отношенію къ вѣку Людовика XIV,

---

[1]) Литературу по исторіи Пруссіи до начала XVIII в. см. выше, гл. III. Кромѣ того *Reimann*. Neuere Geschichte des preussischen Staates vom Hubertsburger Frieden bis zum Wiener Congress (доведена до смерти Фридриха II). Литература о Фридрихѣ II громадная. Все, что было написано о немъ до 1886 г. (сотая годовщина его смерти), перечислено въ книгѣ *M. Baumgart'a* „Die Literatur des In- und Auslandes über Friedrich den Grossen". Наиболѣе извѣстны труды *Preuss'a*, *Fr. Kugler'a* (перев. по-анг., по-франц. и по-русски), *Campbell'я* (давшаго поводъ Маколею написать свою извѣстную статью о Фридрихѣ II; русск. пер. въ XIV т. Сочиненій), *Carlyle* (перев. по-нѣмецки), *Klopp'a* *Duncker'a* (Aus der Zeit Fr. des Gr. und Fr. Wilh. III), *Oncken'a* (Das Zeitalter Friedrichs des Grossen, въ извѣстной коллекціи Онкена), Cauer'a (Zur Geschichte und Charakteristik Friedrichs des Grossen), *Dove* (Das Zeitalter Fr. des Grossen und Josephs II, шестой томъ его Deutsche Geschichte), *Koser'a* (König Fr. der Gr.), Miscellanen zur Gesch. Fr. d. Gr., а также отдѣльныя статьи (и брошюры) о Фр. II такихъ писателей, какъ *Маколей*, *Тренделенбургъ* (въ Kleine Schriften), *Гейсеръ* (*Häusser*. Zur Beurtheilung Fr. des Grossen), *Ранке* (Sämmtl. W.), *Блунчли*, *Дройзенъ* (Zur Charakteristik Preussens, 1740—1750) и т. п. За послѣднее время вышли въ свѣтъ важныя работы о молодости Фридриха II: *Koser*. Fr. der Gr., als Kronprinz. — *Bratuschek*. Die Erziehung Fr. des Gr.—*Lavisse*. La jeunesse du Grand Frédéric. Изъ новѣйшихъ изданій см. также *Reimann*. Abhandlungen zur Geschichte Fr. des Gr.— *K. Bleibtreu*. Fr. der Gr. und die Revolution (по военной исторіи). Особенно велика литература по дипломатической и военной исторіи Фридриха II, о чемъ см. у *Baumgart'a*, въ „Лекціяхъ по всемірной исторіи" Петрова (IV, 93—94) и въ нашей книгѣ „Паденіе Польши въ исторической литературѣ". Здѣсь отмѣтимъ лишь немногое. *Bernhardi*. Friedrich der Grosse als Feldherr. — *Ranke*. Die deutschen Mächte und der Fürstenbund.—*А. Трачевскій*. Союзъ князей и нѣмецкая политика Екатерины II, Фридриха II и Іосифа II.—*Erdmannsdörfer*. Aus der Zeiten des deutschen Fürstenbundes.—*De-Broglie*. Frédéric II et Marie-Thérèse. *Его-же* Frédéric II et Louis XV. Указанія на литературу о политическихъ идеяхъ и правительственной дѣятельности Фридриха II см. ниже (глава XXIII).

лерны, наоборотъ, дѣлались представителями національныхъ стремленій нѣмецкаго народа. Уже побѣда Фридриха II надъ французами при Росбахѣ (1757), смывавшая съ нѣмцевъ позоръ прежнихъ постоянныхъ пораженій со стороны западной сосѣдки, сдѣлала прусскаго короля національнымъ героемъ Германіи, и вся его послѣдующая нѣмецкая политика, завершившаяся основаніемъ прусскаго союза князей, лишь поддерживала представленіе о томъ, что главной выразительницей и защитницей нѣмецкихъ національныхъ интересовъ является Пруссія. Не даромъ и Мирабо въ сочиненіи своемъ „De la monarchie prussiene“ совѣтуетъ нѣмцамъ держаться этого государства.

Говоря коротко, значеніе Фридриха II въ политической исторіи эпохи заключалось въ томъ, что *онъ возвысилъ Пруссію, увеличивъ ея территорію, сдѣлавъ изъ нея соперницу Австріи въ Германіи, намѣтивъ будущее объединеніе послѣдней подъ прусской гегемоніей и превративъ свое небольшое государство въ первоклассную державу, которая въ теченіе полувѣка играла при немъ самую видную роль въ международныхъ отношеніяхъ*. Мы сдѣлали этотъ краткій очеркъ внѣшней политики Фридриха II и резюмировали главные факты въ немногихъ словахъ, имѣя главнымъ образомъ въ виду двѣ цѣли: во-первыхъ, внѣшняя политика Фридриха II сильно отражалась — не съ принципіальной, впрочемъ, стороны — на внутренней его дѣятельности, какъ одного изъ представителей просвѣщеннаго абсолютизма; во-вторыхъ, значеніе Фридриха II, какъ творца прусскаго могущества и какъ національнаго нѣмецкаго героя, сильно повліяло на изображеніе его личности и дѣятельности въ нѣмецкой исторіографіи. Въ самомъ дѣлѣ, обсуждая внутреннюю политику короля-философа въ вѣкъ просвѣщеннаго абсолютизма, мы постоянно должны имѣть въ виду, что *въ дѣятельности Фридриха II, создавшаго новую великую державу, должны были преобладать цѣли и интересы внѣшней политики*, передъ которыми всѣ внутренніе распорядки должны были играть роль средствъ, ведущихъ къ этимъ цѣлямъ и служащихъ этимъ интересамъ, такъ что и общее благо, которое должно было осуществляться государствомъ, само мыслилось скорѣе, какъ опора внѣшней силы, чѣмъ какъ вещь, сама по себѣ важная. Пруссія, слабая и черезполосная, поставленная среди сильныхъ монархій, въ вѣкъ, когда замышлялись всякіе раздѣлы, нуждалась для своего сохраненія главнымъ образомъ въ арміи и въ деньгахъ, а военно-хозяйственное управленіе, созданное предшественниками Фридриха II, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало этой потребности въ войскѣ и финансахъ, такъ что королю-философу не было и надобности выдумывать какую-либо новую систему. Мы увидимъ, что въ организаціонной работѣ Фридрихъ II и не проявилъ большого творчества, поддержавъ только и улучшивъ старую систему,

въ силу чего *съ этой стороны онъ наименѣе можетъ быть названъ представителемъ просвѣщеннаго абсолютизма*, какъ разрыва съ прошлымъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ среди европейскихъ правителей той эпохи не было ни одного другого, кто былъ бы такъ проникнутъ духомъ „просвѣщенія".

Особое значеніе Фридриха II въ нѣмецкой исторіи вообще и въ частности въ исторіи прусской объясняетъ намъ также весьма многое и во взглядахъ на прусскаго короля, съ которыми мы встрѣчаемся въ германской исторической литературѣ. Однимъ изъ недостатковъ нѣмецкихъ историковъ, особенно изъ пруссаковъ или симпатизирующихъ Пруссіи ученыхъ, является крайній націонализмъ, выражающійся въ напыщенномъ тонѣ всего, что говорится о Германіи и ея великихъ дѣятеляхъ, и въ надменномъ отношеніи ко всему, что касается другихъ странъ, а также въ пристрастномъ и искаженномъ— въ ту или другую сторону—изображеніи родной или чужой дѣйствительности. Господствующее отношеніе въ нѣмецкой исторіографіи къ личности и дѣятельности Фридриха II панегирическое: замѣчательныя способности короля-философа, его военные, дипломатическіе и правительственные таланты, доходящіе до геніальности, его импонирующая личность, проницательный умъ, сильный характеръ, тяжелыя испытанія, посылавшіяся ему судьбой, наконецъ, его популярность у подданныхъ, слава у современниковъ и потомства,—все это только даетъ пищу для стремленія сдѣлать изъ Фридриха II главнаго героя своего вѣка, надѣливъ его всѣми совершенствами, освободивъ его отъ всего, что, наоборотъ, могло бы вызвать порицаніе. Такое настроеніе весьма неблагопріятно для критики, для анализа: слова принимаются за дѣла; малымъ дѣламъ приписывается большое значеніе; крупныя ошибки стушевываются; всякія противорѣчія замалчиваются или оправдываются натянутыми объясненіями и т. п. Между прочимъ, представленіе о Фридрихѣ II, какъ героѣ, переносится и на внутреннюю исторію Пруссіи его времени, какъ государства высшей культуры, будто бы опередившаго всѣ другія страны Европы; впрочемъ, такое отношеніе къ Фридриху II особенно господствуетъ лишь въ прусской исторіографіи, тогда какъ нѣмецкіе ученые, не имѣющіе особенной надобности быть пруссаками, относятся къ Фридриху II объективнѣе и съ большею критикой.

Къ числу вопросовъ, имѣющихъ особенно важное значеніе при изученіи эпохи, относится вопросъ о томъ, какое мѣсто занимаетъ Фридрихъ II среди „просвѣщенныхъ деспотовъ" XVIII в. Мы только что видѣли, насколько внутренняя политика Пруссіи должна была опредѣляться условіями ея международнаго положенія и стремленіями въ этой области, и замѣтили при этомъ, что старая гогенцоллернская

организація государства хорошо служила главнымъ цѣлямъ всей внѣшней политики Фридриха II. Достиженіе этихъ цѣлей требовало массы жертвъ со стороны общества и народа. Поэтому весьма часто вновь возникавшія потребности и стремленія не могли удовлетворяться именно по той причинѣ, что государственная цѣль требовала, наоборотъ, сохраненія старыхъ отношеній, какъ бы они ни осуждались съ теоретической точки зрѣнія. При всей своей прогрессивности въ области отвлеченныхъ идей королю-философу приходилось быть на практикѣ консерваторомъ, т.-е. держаться старыхъ гогенцоллернскихъ традицій, хотя бы онѣ шли въ разрѣзъ съ усвоенной имъ „философіей". Это такъ вообще бросается въ глаза безпристрастному наблюдателю, что одинъ иностранный историкъ Фридриха II далъ ему такого рода характеристику: „на словахъ онъ былъ французскій философъ, а на дѣлѣ—прусскій деспотъ". Разумѣется, кое-что въ данномъ случаѣ объясняется личной психологіей Фридриха II, прирожденнымъ характеромъ, условіями его воспитанія, вліяніемъ окружающей обстановки; но многаго нужно искать въ самомъ историческомъ положеніи Фридриха II. При немъ для Пруссіи ставился вопросъ „быть или не быть" [1]), и для благополучнаго разрѣшенія нужны были войско и деньги; старая прусская система давала и то и другое, а потому ея нужно было держаться. Держаться старой системы и слѣдовать традиціонной политикѣ значитъ одно и то же, а традиціонная политика Гогенцоллерновъ въ сущности была далека отъ требованій „просвѣщенія": Фридрихъ II, который въ культурномъ отношеніи былъ вполнѣ монархомъ во вкусѣ Вольтера, въ отношеніи соціальномъ, наоборотъ, наименѣе могъ бы удовлетворить его программѣ. Усвоивъ, какъ человѣкъ, культурныя идеи вѣка, *Фридрихъ II, какъ правитель, продолжалъ слѣдовать старымъ гогенцоллернскимъ традиціямъ.*

Выше намъ уже пришлось—въ другой только связи—бросить бѣглый взглядъ на возникновеніе прусской монархіи. Мы видѣли, что истиннымъ ея основателемъ былъ Фридрихъ-Вильгельмъ, „Великій Курфюрстъ", царствовавшій за сто лѣтъ до Фридриха II. Но, говоря объ этомъ родоначальникѣ Пруссіи, мы обратили главное вниманіе на сдѣланныя при немъ территоріальныя пріобрѣтенія и на его отношеніе къ земскимъ чинамъ въ отдѣльныхъ частяхъ монархіи, только упомянувъ о началѣ военно-хозяйственнаго режима Пруссіи при этомъ государѣ. Этотъ режимъ и долженъ теперь насъ занять на нѣкоторое время, какъ одна изъ характерныхъ особенностей монархіи Гогенцоллерновъ и въ частности внутренней дѣятельности самого Фридриха II.

---

[1]) Ср. въ соч. *Онкена* „книгу VII", такъ и озаглавленную: „Der Weltkrieg um Preussens Sein und Nichtsein".

Одною изъ отличительныхъ чертъ Гогенцоллерновъ было ихъ скопидомство. Получивъ бургграфство нюрнбергское, они въ XIII и XIV вв. скопили довольно много денегъ, и одинъ изъ нихъ (Фридрихъ VI) пріобрѣлъ отъ императора Сигизмунда, вѣчно нуждавшагося въ деньгахъ, Бранденбургское маркграфство сначала по закладной (1411), а потомъ (1415) и въ полное владѣніе съ курфюршескимъ достоинствомъ. Бранденбургская „украина“ (марка) была страна негостепріимная, равнина, покрытая лѣсами и болотами, и въ ней предстояла очень большая работа потомству нюрнбергскихъ маркграфовъ, поставившихъ своею задачею культивировать новое свое владѣніе. Съ другой стороны, въ XIV вѣкѣ здѣсь развился феодализмъ, воплотившійся въ буйномъ и пьяномъ „юнкерствѣ“, которое высокомѣрно смотрѣло на своего перваго князя изъ Гогенцоллерновъ (Фридриха VI=I), какъ на „нюрнбергскую дрянь“; но это рыцарство было бѣдно и неорганизовано, и Фридриху I съ своими франконцами весьма скоро удалось положить конецъ грабительствамъ юнкеровъ. Такимъ образомъ, въ Бранденбургѣ сталъ устанавливаться хозяйственный режимъ, создавшій матеріальныя средства, безъ которыхъ трудно было бы изъ разныхъ кусковъ, попадавшихъ впослѣдствіи въ руки Гогенцоллерновъ, создать единое государство. Сложилось это государство вполнѣ въ эпоху тридцатилѣтней войны, когда все спасеніе мелкихъ земель было въ государственномъ объединеніи. Мы знаемъ, что послѣ этого повсюду въ Германіи стали падать земскіе чины, и князья начали заводить крѣпости и войска: государственное объединеніе гогенцоллернскихъ владѣній могло произойти только путемъ принужденія—противъ провинціальнаго партикуляризма, поддерживавшагося земскими чинами, и сохранить подъ единою властью всѣ черезполосныя земли новой монархіи представлялось возможнымъ, лишь обладая очень хорошей арміей, на содержаніе которой нужны были матеріальныя средства; земскіе же чины скорѣе мѣшали, чѣмъ помогали гогенцоллернскому военно-хозяйственному режиму. Послѣдній тоже сложился окончательно при Великомъ Курфюрстѣ.

Фридрихъ-Вильгельмъ въ молодости жилъ въ Голландіи и даже учился въ лейденскомъ университетѣ. Это обстоятельство имѣетъ весьма важное значеніе. Въ XVII в. Голландія, счастливо вышедшая изъ борьбы съ Испаніей, была страною богатою и образованною, и Фридрихъ-Вильгельмъ насмотрѣлся въ ней на многое такое, что впослѣдствіи счелъ нужнымъ ввести и въ собственныхъ владѣніяхъ, бѣдныхъ, разоренныхъ войною, отсталыхъ въ культурномъ отношеніи. Но то, что въ нидерландской республиканской федераціи было результатомъ народной самодѣятельности, у себя онъ хотѣлъ ввести путемъ своей власти, такъ сказать, предвосхищая политику просвѣ-

щеннаго абсолютизма съ его стремленіемъ дѣлать „все для народа", но „ничего посредствомъ народа". Курфюрстъ копилъ деньги, устраивалъ финансы страны на новыхъ началахъ, поощрялъ промышленность и торговлю, содѣйствовалъ подъему народнаго образованія и привлекалъ въ свои владѣнія полезныхъ работниковъ; особенно охотно принималъ онъ французскихъ гугенотовъ послѣ отмѣны нантскаго эдикта, и ихъ тогда переселилось въ Пруссію около 200 т. Бранденбургъ сдѣлался при немъ однимъ изъ наиболѣе благоустроенныхъ нѣмецкихъ государствъ, благодаря экономіи и дисциплинѣ, положеннымъ въ основу управленія страною. Мы видѣли уже, что Великій Курфюрстъ былъ въ антагонизмѣ съ земскими чинами, но и вообще онъ не терпѣлъ независимыхъ элементовъ въ странѣ, да ихъ почти и не было. Протестантское духовенство находилось въ подчиненіи у свѣтской власти, городское сословіе было развито очень слабо, а сломить политическія права „юнкерства",—что и сдѣлалъ Фридрихъ-Вильгельмъ,—не представлялось особенно труднымъ. Опираясь на чиновничество и на войско, вводя систему бюрократической опеки и внутренняго милитаризма, курфюрстъ, однако, считалъ нужнымъ не раздражать дворянства. Поэтому, отнявъ у юнкеровъ остатки политическихъ правъ, онъ утвердилъ за ними ихъ соціальныя привилегіи и оставилъ въ неприкосновенности ихъ судебно-полицейскія права надъ крестьянствомъ. Однимъ словомъ, въ Пруссіи *военно-хозяйственный абсолютизмъ, консолидированный Великимъ Курфюрстомъ, соединялся съ поддержкою соціальнаго феодализма*, и вотъ эта-то система и была унаслѣдована преемниками Великаго Курфюрста, а въ ихъ числѣ и Фридрихомъ II. Въ данномъ отношеніи гогенцоллернская Пруссія была одной изъ представительницъ „старыхъ порядковъ", во Франціи уже разлагавшихся, здѣсь, наоборотъ, только что вступившихъ въ фазисъ полной своей силы. Зато въ культурномъ отношеніи *Пруссія пошла по иному пути, отказавшись отъ вѣроисповѣдной исключительности*, столь характерной для „ancien régime" во Франціи. Судьбы прусской монархіи тѣсно связаны съ исторіей реформаціи и протестантизма. Образованіемъ своимъ герцогство Прусское обязано было секуляризаціи владѣній тевтонскаго ордена (1525), а другая изъ главныхъ составныхъ частей монархіи, Бранденбургъ, сдѣлалась однимъ изъ важнѣйшихъ оплотовъ германскаго протестантизма, благодаря введенію и здѣсь реформаціи (1539). Въ обѣихъ земляхъ протестантизмъ былъ введенъ въ лютеранской формѣ, но въ началѣ XVII в. курфюрстъ бранденбургскій (Іоаннъ-Сигизмундъ, 1608—1618), сдѣлавшійся вмѣстѣ съ тѣмъ и герцогомъ прусскимъ, перешелъ въ реформатство, что сопровождалось эдиктомъ о взаимной терпимости обѣихъ евангелическихъ церквей въ гогенцоллернскихъ

земляхъ, подъ угрозою наказанія лютеранскимъ духовнымъ, которые стали бы нападать на иновѣріе (1614). Великій Курфюрстъ, воспитавшійся въ Голландіи, былъ также чуждъ нетерпимости, а въ концѣ его царствованія масса французскихъ кальвинистовъ нашла пріютъ среди лютеранскаго населенія Бранденбурга. Фридрихъ II только слѣдовалъ въ этомъ отношеніи политикѣ своихъ предковъ, совпадавшей и съ требованіями „философіи" XVIII в. Кромѣ того, у него были и особые мотивы быть вѣротерпимымъ: уже въ началѣ своего царствованія онъ отнялъ у Австріи Силезію, страну съ католическимъ населеніемъ, и присоединеніе этой провинціи къ монархіи лишило послѣднюю строго протестантскаго характера, а защита вѣротерпимости въ Польшѣ, гдѣ такъ фанатически преслѣдовали диссидентовъ, представляла хорошій поводъ для вмѣшательства во внутреннія дѣла республики, у которой прусскій король стремился отнять нужную ему для „округленія" государства область.

Въ ряду Гогенцоллерновъ, придерживавшихся экономіи и терпимости, столь отличавшихъ прусскую внутреннюю политику отъ французской, дѣдъ и отецъ Фридриха II составляли, впрочемъ, исключеніе, первый (Фридрихъ III, царствовавшій отъ 1688 — 1713, принявшій съ королевскимъ титуломъ имя Фридриха I), какъ одинъ изъ подражателей Людовика XIV, тщеславный и расточительный, но терпимый государь, второй (Фридрихъ-Вильгельмъ I [1]), бережливый до скаредности хозяинъ [2]), солдатъ въ душѣ, вмѣстѣ съ этимъ нетерпимый гонитель новаго просвѣщенія [3]). Въ исторіи военно-хозяйственнаго режима прусской монархіи расточительное царствованіе Фридриха I было, впрочемъ, только эпизодомъ: строгая экономія и суровая дисциплина вполнѣ утвердились въ жизни страны при Фридрихѣ-Вильгельмѣ I, который, можно сказать, вполнѣ осуществилъ идею полицейскаго государства своимъ вмѣшательствомъ въ частную жизнь подданныхъ. Утверждая свой суверенитетъ, „какъ скалу изъ бронзы", признавая за собою „право дѣлать все, что угодно", Фридрихъ-Вильгельмъ I, однако, понималъ свои обязанности по отношенію къ государству, и какъ ни тяжко было жить подъ его режимомъ, все-таки во всей Германіи не было другого государства, которое могло бы поспорить съ Пруссіей относительно порядка въ управленіи, въ финансахъ и въ военномъ дѣлѣ. Сочетаніе абсолютизма съ сословностью получило въ Пруссіи своеобразный характеръ: на дворянство тоже былъ возложенъ долгъ—поставлять офицеровъ въ армію и помогать

[1]) О немъ см. соч. *Förster'a*, *Droysen'a* и др.

[2]) *R. Stadelmann.* Friedrich Wilhelm in seiner Thätigkeit für die Landeskultur Preussens.

[3]) *Ed. Zeller.* Wolfs Vertreibung aus Halle.

королю въ дѣлѣ управленія. Военная дисциплина вносилась и въ соціальныя отношенія: помѣщики распоряжались крестьянами, помѣщиками—король, и крестьянинъ, повиновавшійся въ обыденной жизни дворянину, какъ помѣщику, поступая въ армію, долженъ былъ повиноваться тому же дворянину, какъ офицеру. По типу той же военной дисциплины управлялись церковь, чиновничество, судьи: все подчинялось идеѣ долга.

Такова была атмосфера, въ которой воспитался Фридрихъ II, бывшій въ сущности только „вторымъ изданіемъ" своего отца, унаслѣдовавшій отъ него тотъ же деспотизмъ, ту же бережливость, ту же страсть къ военному быту, но вмѣстѣ съ тѣмъ и идею долга, сдѣлавшуюся одною изъ основныхъ чертъ всей династіи, какъ бы узко и односторонне иногда ни понимался этотъ долгъ отдѣльными представителями династіи. Вотъ одинъ анекдотъ, указывающій на то, какъ рано идея правительственнаго долга сдѣлалась правиломъ политическаго поведенія Гогенцоллерновъ. Въ 1668 году, т.-е. около того времени, когда формулировалось знаменитое „государство, это—я" Людовика XVI, Фридрихъ-Вильгельмъ Бранденбургскій продиктовалъ своимъ сыновьямъ латинскую сентенцію, за переводъ которой тому, кто его сдѣлаетъ, обѣщанъ денежный подарокъ; сентенція же эта заключала въ себѣ указаніе на то, что государь долженъ управлять, имѣя въ виду, что это есть дѣло народное, а не частное дѣло государя (sic gesturus sum principatum, ut sciam, rem populi esse, non meam privatam). Интересно сопоставить эту фразу съ правилами, внушавшимися французскимъ королямъ—даже въ прописяхъ, гдѣ говорилось, что имъ всецѣло принадлежитъ государство. Положимъ, отецъ Фридриха II былъ неспособенъ возвыситься до того пониманія, какое обнаружилъ Великій Курфюрстъ,—и смотрѣлъ на Пруссію не иначе, какъ помѣщикъ на свое имѣніе, но и онъ видѣлъ въ прусскомъ королѣ какое-то идеальное существо, по отношенію къ которому онъ самъ былъ лишь „фельдмаршаломъ и министромъ финансовъ короля прусскаго", и потому вся его система также была построена на идеѣ долга, въ требованіяхъ котораго онъ воспитывалъ и своего сына, во многомъ бывшаго потомъ только послѣдователемъ его принциповъ [1]).

Цѣлью этой главы было собрать нѣкоторыя данныя для того, чтобы имѣть историческую основу для сужденія о характерѣ царствованія Фридриха II, но однѣхъ этихъ данныхъ, т.-е. внѣшнихъ факторовъ, опредѣлявшихъ политическое поведеніе Фридриха II, еще

---

[1]) *Breda.* Friedrich der Grosse als Erbe der Regierungsmaximen Friedrichs Wilhelms I.

недостаточно для объясненія его правительственной системы. Не одни только общія условія, въ какія была поставлена Пруссія, и не однѣ гогенцоллернскія династическія традиціи направляли умъ и волю Фридриха II: онъ жилъ еще въ вѣкъ „просвѣщенія" и самъ былъ весьма одаренною личностью, выдававшеюся надъ общимъ уровнемъ своею оригинальностью. Если, съ одной стороны, многое въ немъ объясняется тѣми или другими условіями тогдашней прусской дѣйствительности, тѣми или другими правилами гогенцоллернской политики, то, съ другой стороны, несомнѣнно, что Фридрихъ II съ своимъ умомъ и своей волей не могъ быть пассивнымъ исполнителемъ плана, заранѣе предначертаннаго предыдущей исторіей прусскаго государства и политикой его предшественниковъ, и, относясь сознательно къ своему историческому положенію, не могъ не внести въ свою работу того, что должно разсматриваться, какъ вліяніе „философіи" XVIII в. Сама личность короля-философа, его воспитаніе, его міросозерцаніе заслуживаютъ поэтому вниманія.

XXII. Воспитаніе и характеръ Фридриха II.

Отецъ Фридриха II.—Его надежды на сына.—Происхожденіе столкновенія между отцомъ и сыномъ.—Воспитаніе Фридриха II.—Мать и старшая сестра Фридриха II.—Попытка бѣгства Фридриха II и судъ надъ нимъ.—Служба въ кюстринской военной и доманіальной палатѣ.—Примиреніе отца и сына.—Характеръ Фридриха II въ молодые годы.—Фридрихъ II и Вольтеръ.—Первые шаги царствованія Фридриха II.

Фридрихъ II родился въ 1712 г., за годъ и мѣсяцъ до вступленія на престолъ его отца Фридриха-Вильгельма I, второго короля прусскаго. Мы уже представили себѣ въ общихъ чертахъ, чѣмъ былъ этотъ король, соединявшій въ себѣ свойства хозяйственнаго помѣщика (скажемъ даже—старосвѣтскаго помѣщика) съ свойствами педантическаго фельдфебеля; отмѣтимъ еще его весьма ограниченный умъ и значительную долю самодурства, чтобы закончить самую общую характеристику этого короля, принадлежащаго къ числу тѣхъ историческихъ личностей, при имени которыхъ тотчасъ вспоминаются болѣе или менѣе забавные анекдоты, хотя, съ другой стороны, можно указать въ его характерѣ и на многія почтенныя качества—сознаніе долга, большое трудолюбіе, неустанную заботливость о государствѣ. Въ общемъ это была очень грубая натура, которой не могли задѣть ни утонченность придворнаго быта, столь развитого во всей Европѣ послѣ Людовика XIV, ни тѣмъ болѣе философія и наука, бывшія для него „Windmacherei" и пустымъ дѣломъ. Если противъ придворнаго блеска была его скупость, то противъ философіи и науки возставало

въ немъ его правовѣріе. Знаменитаго философа Вольфа онъ изгналъ изъ Галле подъ страхомъ висѣлицы, какъ человѣка, ученіе котораго противно откровенной религіи, потому что нашлись люди, увѣрившіе короля въ томъ, что, основываясь на теоріи Лейбница о предустановленной гармоніи, могли бы разбѣжаться безъ зазрѣнія совѣсти всѣ потсдамскіе гренадеры. Была у него къ тому же и извѣстная доля презрѣнія къ ученымъ: Гундблинга, отличавшагося большою эрудиціей и неменьшею страстью къ вину, Фридрихъ-Вильгельмъ держалъ постоянно при себѣ чѣмъ-то въ родѣ юрисконсульта и придворнаго шута, спрашивалъ у него практическихъ совѣтовъ и потѣшался надъ штуками, которыя онъ выдѣлывалъ въ пьяномъ видѣ, и этого же Гундблинга онъ назначилъ церемоніймейстеромъ въ видѣ насмѣшки надъ придворными чинами и президентомъ общества наукъ, созданнаго его отцомъ по совѣту Лейбница. Удовольствія этого короля были также грубы: извѣстны его засѣданія съ пріятелями въ табачномъ коллегіумѣ съ трубками и кружками пива, за разсказами и шутками самаго вульгарнаго свойства. Фридрихъ-Вильгельмъ I еще любилъ музыку, но, напримѣръ, и тутъ забавлялся, слушая съ особымъ удовольствіемъ нарочно для него сочиненный секстетъ хрюкающихъ свиней. Его занимали также фарсы и театръ маріонетокъ. И въ обращеніи король былъ грубъ, не умѣя сдерживать своей досады и раздраженія; то и дѣло прибѣгалъ онъ къ собственноручной палочной расправѣ, которая нерѣдко происходила на улицахъ Берлина во время королевскихъ прогулокъ. На Фридриха-Вильгельма I по временамъ даже что-то „находило“ и тогда самодурству его въ домашней и публичной жизни не было предѣловъ; онъ впадалъ въ такое состояніе, когда ему что-либо не удавалось или что-либо у него плохо шло, и онъ тогда яростно вымещалъ свою досаду на семьѣ, на приближенныхъ, на всякомъ встрѣчномъ-поперечномъ. Личное самодурство въ соединеніи съ представленіемъ о неограниченности королевской власти порождало страшный деспотизмъ: самыя жестокія и притомъ произвольныя наказанія налагались этимъ королемъ, который даже вмѣшивался въ ходъ правосудія не для того, чтобы смягчать участь или миловать, а чтобы усиливать наказанія до замѣны болѣе легкихъ каръ прямо смертною казнью. Даже иностранные посланники чувствовали себя не совсѣмъ по-себѣ, когда Фридрихъ-Вильгельмъ I приходилъ въ состояніе особой раздражительности. Самая строгая, самая суровая дисциплина, которой онъ подчинялъ все—и свою семью, и армію, и чиновничество, и духовенство, равно какъ народное образованіе, промышленность и торговлю, вполнѣ гармонировали съ деспотическимъ правомъ короля, въ сущности только усиливавшимъ то, что было въ духѣ тогдашняго

„полицейскаго государства“ вообще и въ частности въ духѣ гогенцоллернскаго военно-хозяйственнаго режима. Можно сказать, что этотъ король-самодуръ выдрессировалъ пруссаковъ и подготовилъ для своего сына тотъ матеріалъ, который тотъ пустилъ въ дѣло.

Фридрихъ-Вильгельмъ I въ своемъ увлеченіи солдатами, казармами, парадами и смотрами доходилъ до настоящей маніи. Но въ то время Пруссія была страной маленькой и бѣдной; она едва прокармливала свое населеніе, не доходившее и до двухъ милліоновъ, а между тѣмъ все честолюбіе короля заключалось въ томъ, чтобы имѣть армію не меньшую австрійской, хотя у Габсбурговъ подданныхъ было въ десять разъ больше. Къ своему войску онъ относился, впрочемъ, какъ скупой рыцарь—къ своему золоту,—любовался имъ, но не пускалъ его въ ходъ: онъ не любилъ рисковать, и у него были извѣстныя нравственныя правила, не позволявшія ему желать чужого, а онъ былъ по-своему религіозенъ и боялся Бога [1]). Унаслѣдовавъ отъ отца любовь къ военному дѣлу, Фридрихъ II, наоборотъ, проявилъ и наклонность къ риску, и весьма малую охоту считаться съ своею совѣстью, если что плохо лежало. Фридрихъ-Вильгельмъ I готовилъ деньги и солдатъ для своего сына, „Курфюрстъ Фридрихъ-Вильгельмъ, писалъ онъ въ 1722 въ инструкціи для своего наслѣдника, возвеличилъ нашъ домъ; мой отецъ пріобрѣлъ ему королевское достоинство; я привелъ въ порядокъ войско и страну, а уже преемнику моему надлежитъ сохранить то, что намъ принадлежитъ, и добыть новыя земли, которыя должны принадлежать намъ отъ Бога и по нашему праву“. „Вотъ кто отмститъ за меня“, сказалъ онъ однажды, указывая на кронпринца. Для него „прусскій король“ былъ какое-то идеальное существо, на службѣ у котораго находился онъ самъ, реальный король, сынъ и отецъ другихъ такихъ же королей. Считая себя какъ бы фельдмаршаломъ и министромъ финансовъ этого „прусскаго короля“, сосредоточивая въ одномъ высшемъ учрежденіи министерства военное и финансовъ (General-Ober-Finanz-Kriegs-und Domänen-Directorium), требуя отъ чиновниковъ этого соединеннаго вѣдомства „такой работы, какая только въ силахъ человѣческихъ“, видя въ подданныхъ прежде всего податную силу и источникъ для наполненія арміи [2]), Фридрихъ-Вильгельмъ I не выдѣлялъ самого себя изъ государства, чтобы поставить себя внѣ его и выше его, и весьма естественно, что его преемникъ, на котораго онъ возлагалъ надежды, какъ на будущаго пріобрѣтателя новыхъ земель и мстителя

[1]) Фридрихъ-Вильгельмъ велъ двѣ войны (съ Швеціей и участвовалъ въ войнѣ за польское наслѣдство), но безъ большой энергіи.

[2]) Для характеристики этой системы см. также *Riedel*. Der brandpreussische Staatshaushalt in den letzten beiden Jahrhunderten.

въ немъ его правовѣріе. Знаменитаго философа Вольфа онъ изгналъ изъ Галле подъ страхомъ висѣлицы, какъ человѣка, ученіе котораго противно откровенной религіи, потому что нашлись люди, увѣрившіе короля въ томъ, что, основываясь на теоріи Лейбница о предустановленной гармоніи, могли бы разбѣжаться безъ зарѣнія совѣсти всѣ потсдамскіе гренадеры. Была у него къ тому же и извѣстная доля презрѣнія къ ученымъ: Гундблинга, отличавшагося большою эрудиціей и неменьшею страстью къ вину, Фридрихъ-Вильгельмъ держалъ постоянно при себѣ чѣмъ-то въ родѣ юрисконсульта и придворнаго шута, спрашивалъ у него практическихъ совѣтовъ и потѣшался надъ штуками, которыя онъ выдѣлывалъ въ пьяномъ видѣ, и этого же Гундблинга онъ назначилъ церемоніймейстеромъ въ видѣ насмѣшки надъ придворными чинами и президентомъ общества наукъ, созданнаго его отцомъ по совѣту Лейбница. Удовольствія этого короля были также грубы: извѣстны его засѣданія съ пріятелями въ табачномъ коллегіумѣ съ трубками и кружками пива, за разсказами и шутками самаго вульгарнаго свойства. Фридрихъ-Вильгельмъ I еще любилъ музыку, но, напримѣръ, и тутъ забавлялся, слушая съ особымъ удовольствіемъ нарочно для него сочиненный секстетъ хрюкающихъ свиней. Его занимали также фарсы и театръ маріонетокъ. И въ обращеніи король былъ грубъ, не умѣя сдерживать своей досады и раздраженія; то и дѣло прибѣгалъ онъ къ собственноручной палочной расправѣ, которая нерѣдко происходила на улицахъ Берлина во время королевскихъ прогулокъ. На Фридриха-Вильгельма I по временамъ даже что-то „находило" и тогда самодурству его въ домашней и публичной жизни не было предѣловъ; онъ впадалъ въ такое состояніе, когда ему что-либо не удавалось или что-либо у него плохо шло, и онъ тогда яростно вымещалъ свою досаду на семьѣ, на приближенныхъ, на всякомъ встрѣчномъ-поперечномъ. Личное самодурство въ соединеніи съ представленіемъ о неограниченности королевской власти порождало страшный деспотизмъ: самыя жестокія и притомъ произвольныя наказанія налагались этимъ королемъ, который даже вмѣшивался въ ходъ правосудія не для того, чтобы смягчать участь или миловать, а чтобы усиливать наказанія до замѣны болѣе легкихъ каръ прямо смертною казнью. Даже иностранные посланники чувствовали себя не совсѣмъ по-себѣ, когда Фридрихъ-Вильгельмъ I приходилъ въ состояніе особой раздражительности. Самая строгая, самая суровая дисциплина, которой онъ подчинялъ все—и свою семью, и армію, и чиновничество, и духовенство, равно какъ народное образованіе, промышленность и торговлю, вполнѣ гармонировали съ деспотическимъ нравомъ короля, въ сущности только усилившимъ то, что было въ духѣ тогдашняго

будетъ тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ былъ быть, что сынъ не пойдетъ по дорогѣ отца, разстроитъ дѣло, на которое положено столько усилій. Какъ бы ни смотрѣть на столкновеніе между Фридрихомъ-Вильгельмомъ I и его сыномъ, во всякомъ случаѣ у прусскаго короля не было ничего похожаго на циническое „послѣ насъ хоть потопъ“ Людовика XV. Фридрихъ-Вильгельмъ I былъ неохотникъ до иностранцевъ, а между тѣмъ поручилъ воспитаніе своего сына французамъ. Самого его воспитывала одна француженка, и ей же, своей старой боннѣ, онъ ввѣрилъ кронпринца, а потомъ взялъ къ нему въ „информаторы“ молодого офицера Дюганъ-де-Жандена (Duhan de Jandun), отецъ котораго, одинъ изъ многочисленныхъ гугенотовъ, спасшихся въ Бранденбургѣ, былъ секретаремъ Великаго Курфюрста. Дѣло въ томъ, что къ своей старой боннѣ, женщинѣ, не лишенной образованія и даже серьезныхъ умственныхъ интересовъ, король чувствовалъ искреннюю привязанность, а „информаторъ“ понравился ему храбростью во время осады Штральзунда, причемъ Фридрихъ-Вильгельмъ и не подозрѣвалъ, что молодой прусскій офицеръ изъ французовъ былъ человѣкомъ большого и разносторонняго образованія. Рядомъ съ ними были поставлены въ качествѣ дядекъ два уже настоящихъ прусскихъ офицера: они должны были дать кронпринцу военное воспитаніе. Такимъ образомъ Фридрихъ II росъ подъ двойнымъ вліяніемъ—французской образованности и прусскаго милитаризма. Этимъ воспитателямъ и учителямъ дана была королемъ инструкція: латыни не нужно; учить по-нѣмецки и по-французски; древнюю исторію пройти слегка, но самымъ подробнымъ образомъ изучить исторію послѣднихъ полутораста лѣтъ и въ особенности исторію Бранденбурга съ указаніями на то, что сдѣлано было хорошо и что дурно; математика нужна больше всего для фортификаціи; главное дѣло — внушать принцу мысль, что въ ремеслѣ солдата единственный путь къ славѣ. Система, расчитанная на то, чтобы приготовить „Фрица“ прямо къ практической жизни, дополнялась частыми экзаменами въ присутствіи короля и всего двора. Въ изученіе военнаго дѣла мальчикъ былъ введенъ игрою въ солдатики; уже для шестилѣтняго кронпринца была организована рота изъ 131 мальчугана. Но вѣчно эта забава продолжаться не могла. Фридрихъ II развился весьма рано, да и Дюганъ отступалъ отъ королевской инструкціи, хотя Фридрихъ-Вильгельмъ I и слѣдилъ постоянно за выполненіемъ своей программы. Напримѣръ, въ фоліантахъ „Theatrum Europaeum“, по которымъ принцъ учился новой исторіи, учитель началъ было отмѣчать лишь наиболѣе замѣчательныя событія, но король потребовалъ, чтобы сынъ заучивалъ всѣ событія; Дюганъ находилъ нужнымъ, чтобы Фридрихъ больше разсуждалъ о событіяхъ, а отецъ настаивалъ, чтобы все заучивалось на память.

Учитель былъ неуступчивъ и особенно не могъ пожертвовать исторіей грековъ и римлянъ, которая „ни къ чему не нужна“, какъ думалъ король; уже одно чтеніе „Телемака“ давало Дюгану постоянные поводы говорить ученику о древнихъ, а потомъ и самъ воспитанникъ сталъ зачитываться классиками во французскихъ переводахъ. Онъ дѣлалъ это украдкою, вставая по ночамъ, и такимъ образомъ пріучался къ нарушенію воли отца, который не потерпѣлъ бы такого ослушанія.

Когда кронпринцъ сталъ подростать, стала также все болѣе и болѣе обнаруживаться и противоположность между его стремленіями, вкусами и настроеніемъ и всѣмъ тѣмъ, что особенно характеризовало его отца. Фридрихъ-Вильгельмъ I былъ до скаредности скупъ, а кронпринцъ обнаруживалъ наклонность къ роскоши; король любилъ солдатчину, его наслѣдникъ находилъ военныхъ грубыми и смѣшными; первый считалъ себя прежде всего хорошимъ христіаниномъ, а по отношенію къ Фридриху II придворный законоучитель имѣлъ право выражать нѣкоторое неудовольствіе; юноша интересовался всѣми науками, но плохо учился закону Божію. Къ тому же еще мать и старшая сестра вооружали его противъ отца. Королева Софія-Доротея не сходилась во вкусахъ со своимъ мужемъ, а принцесса Вильгельмина, связанная съ братомъ узами самой тѣсной дружбы, была даже особенно виновна въ обостреніи отношеній между Фридрихомъ и ихъ отцомъ. Между прочимъ Софія-Доротея мечтала выдать замужъ старшую дочь за внука англійскаго короля Георга I, а сына женить на его внучкѣ, тогда какъ у Фридриха-Вильгельма I были свои планы на этомъ счетъ.

Въ 1727 году учебные годы кронпринца окончились, но его продолжали держать подъ самымъ строгимъ надзоромъ, и юношѣ еще болѣе приходилось таиться съ своими стремленіями. Онъ, напримѣръ, завелъ себѣ большую библіотеку (болѣе чѣмъ въ три тысячи томовъ), но держалъ ее въ наемной квартирѣ неподалеку отъ дворца, лишь украдкою заглядывая въ свое книгохранилище, гдѣ были и „Государь“ Макіавелли, и „Утопія“ Моруса, и „Республика“ Бодена, и „Вѣчный миръ“ аб. де С. Пьера. Поѣздка въ 1728 г. въ Дрезденъ, къ самому блестящему двору въ Германіи, при которомъ шестнадцатилѣтняго Фридриха чествовали, какъ настоящаго принца, особенно дала ему почувствовать несносность своего положенія. Въ слѣдующемъ году онъ даже задумалъ добиться свободы отъ тяжкаго домашняго гнета посредствомъ бѣгства въ Англію, къ родственникамъ своей матери, ганноверской принцессы. Два молодые человѣка, находившіеся на прусской службѣ, Кейтъ и Катте, были посвящены въ этотъ планъ, и онъ долженъ былъ быть приведенъ въ исполненіе при первомъ

удобномъ случаѣ. Въ 1730 г., когда кронпринцу было уже 18 лѣтъ, король предпринялъ путешествіе въ свои прирейнскія владѣнія, взявъ съ собою и Фридриха, и вотъ онъ рѣшился воспользоваться этимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ, чтобы бѣжать. Братъ Кейта, бывшій пажемъ при дворѣ Фридриха-Вильгельма I, однако, открылъ заговоръ королю, и Фридрихъ былъ задержанъ. Юный „арестантъ“ обнаружилъ во всей этой исторіи замѣчательную сдержанность и хладнокровіе съ не менѣе замѣчательною изворотливостью. Уже раньше строгость отца пріучила его къ притворству и лжи; онъ и теперь пустился на хитрости, чтобы смягчить свою судьбу и выпутать изъ дѣла своихъ пособниковъ. Возвратившись въ Берлинъ, Фридрихъ-Вильгельмъ I впалъ въ самое неистовое состояніе, однимъ ударомъ повалилъ на полъ принцессу Вильгельмину и хотѣлъ растоптать ее ногами, ругался съ пѣною у рта и велѣлъ начать самое строгое слѣдствіе по дѣлу сына. Къ вопроснымъ пунктамъ, предъявленнымъ судьями „арестанту“, король прибавилъ еще нѣсколько своихъ, въ которыхъ шла рѣчь о томъ, можетъ ли дезертиръ наслѣдовать тронъ и не предпочелъ ли бы Фридрихъ сохранить жизнь, отказавшись отъ своихъ наслѣдственныхъ правъ. Предавая себя милосердію короля и не считая себя въ правѣ быть судьею въ собственномъ дѣлѣ, кронпринцъ съ большимъ достоинствомъ заявилъ, что онъ не признаетъ себя человѣкомъ, нарушившимъ долгъ чести, и что жизнью онъ не дорожитъ, хотя и не думаетъ, что его королевское величество дойдетъ до послѣднихъ предѣловъ строгости; въ заключеніе онъ просилъ прощенія. Король былъ раздраженъ хладнокровіемъ отвѣтовъ сына и велѣлъ подвергнуть его самому тяжкому заключенію. Между тѣмъ была открыта тайная библіотека кронпринца, которую онъ надѣялся современемъ перевести въ Англію; король велѣлъ отправить всѣ книги въ Гамбургъ и тамъ ихъ продать, причемъ Дюганъ, завѣдывавшій библіотекой, былъ сосланъ въ Мемель. Самое дѣло казалось Фридриху-Вильгельму I болѣе серьезнымъ, чѣмъ оно было въ дѣйствительности. Онъ подозрѣвалъ кронпринца въ преступныхъ сношеніяхъ съ иностранцами, въ государственной измѣнѣ, даже въ заговорѣ на его собственную жизнь. Ходили слухи о томъ, что Фридрихъ будетъ подвергнутъ казни, и иностранныя правительства ходатайствовали передъ прусскимъ королемъ за его сына [1]). Одно время Фридрихъ-Вильгельмъ I, повидимому, думалъ о томъ, чтобы лишить кронпринца права наслѣдовать ему на прусскомъ престолѣ; онъ относился съ величайшимъ недовѣріемъ къ его просьбамъ о прощеніи.

---

[1]) Спасеніе Фридриха II отъ смерти отцомъ Маріи-Терезіи нужно отнести къ числу историческихъ легендъ.

Какъ бы тамъ ни было, поступокъ своего сына король квалифицировалъ, какъ дезертирство, и потому отдалъ дѣло на разсмотрѣніе военнаго суда. Вмѣстѣ съ кронпринцемъ былъ преданъ суду и Катте, не успѣвшій спастись бѣгствомъ. Судьи постановили повергнуть кронпринца высочайшему и отеческому милосердію короля, заключить Катте на вѣчныя времена въ крѣпость, а бѣжавшаго Кейта казнить in effigie. Фридрихъ-Вильгельмъ I остался недоволенъ приговоромъ и потребовалъ его пересмотра, но судьи объявили, что, постановивъ приговоръ по чистой совѣсти, они болѣе не считаютъ себя въ правѣ дѣлать въ немъ какія-либо измѣненія. Тогда король самъ измѣнилъ то, что ему не нравилось въ приговорѣ: пожизненное заключеніе въ крѣпости было для Катте замѣнено смертною казнью—передъ окномъ, къ которому, по приказанію короля, былъ подведенъ плѣнный кронпринцъ; самому Фридриху жизнь была, правда, дарована, но ему предстояло еще выдержать цѣлый рядъ испытаній до полученія полнаго помилованія. Началось съ пасторскихъ увѣщаній, которыя должны были обратить молодого человѣка на путь истины. Потомъ онъ былъ освобожденъ изъ заключенія, но долженъ былъ жить въ крѣпости (Кюстринѣ), которая дѣлалась какъ бы только болѣе просторною тюрьмою и вмѣстѣ съ тѣмъ мѣстомъ его служенія въ должности аудитора бывшей тамъ военной и доманіальной палаты.

Исторія съ бѣгствомъ и судомъ оставила сильный слѣдъ на характерѣ Фридриха II: уже и безъ того привыкшій притворяться и скрытничать, теперь еще болѣе онъ вынуждался всею этою передрягою къ неискренности и лицемѣрію. Тяжелое испытаніе закалило восемнадцатилѣтняго юношу, но въ то же время сдѣлало его еще болѣе черствымъ и озлобленнымъ. Наказаніе, наложенное на него отцомъ, въ свою очередь, имѣло также весьма важное значеніе къ его жизни. Въ качествѣ мелкаго чиновника административнаго учрежденія онъ, по предписанію короля, долженъ былъ работать наравнѣ съ другими служащими, а въ свободное отъ обязательныхъ занятій время—изучалъ старыя дѣла палаты, хранившіяся въ ея архивѣ, или велъ бесѣды со старшими о словѣ Божіемъ, объ устройствѣ государства, объ администраціи, финансахъ, судѣ, мануфактурахъ, но „отнюдь не о войнѣ и мирѣ и другихъ политическихъ дѣлахъ“. Пребываніе Фридриха II въ Кюстринѣ было для него *практической школой, въ которой онъ познакомился съ системой прусскаго военно-хозяйственнаго управленія.* У молодого человѣка нашлись здѣсь опытные учителя, сумѣвшіе его заинтересовать въ финансовыхъ и коммерческихъ вопросахъ, такъ какъ ставили ихъ въ связь съ возвышеніемъ Бранденбурга. Еще здѣсь будущій герой двухъ войнъ, которыя велись за обладаніе Силезіей, узналъ изъ бесѣдъ о прусской торговлѣ, какъ

важна была для послѣдней названная провинція монархіи Габсбурговъ. Съ другой стороны, и отца своего Фридрихъ расчитывалъ расположить въ свою пользу, занявшись вопросами государственнаго хозяйства. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ кронпринцъ былъ повышенъ въ рангѣ и могъ посѣщать свое присутственное мѣсто лишь три раза въ недѣлю; ему позволено было даже отлучаться изъ крѣпости, доводя объ этомъ каждый разъ до свѣдѣнія коменданта, но бывать въ окрестности Кюстрина онъ долженъ былъ главнымъ образомъ для того, чтобы посѣщать королевскіе домены и присматриваться къ тому, какъ въ нихъ ведется хозяйство. Среди такихъ занятій Фридриха, однако, не покидали философскіе интересы: если, напримѣръ, впослѣдствіи онъ весьма охотно съ Вольтеромъ обсуждалъ вопросъ о свободѣ человѣческой воли, то этотъ же самый вопросъ въ его богословской формѣ интересовалъ Фридриха еще ранѣе того, какъ онъ попалъ въ Кюстринъ, и еще тогда старый король уже принималъ свои мѣры, чтобы выбить изъ его головы фаталистическую „ересь" о предопредѣленіи. Кронпринца интересовали также и вопросы физики и механики, а поэзія попрежнему была самымъ любимымъ его занятіемъ. Своему отцу Фридрихъ писалъ изъ Кюстрина письма, въ которыхъ посылалъ хозяйственные отчеты о своихъ поѣздкахъ по сосѣднимъ доменамъ, и, сильно начиная наконецъ скучать въ провинціальномъ захолустьѣ, просилъ „не изъ желанія угодить, а отъ чистаго сердца", чтобы ему позволили снова сдѣлаться солдатомъ. Король долго не вѣрилъ искренности сына и высказывалъ въ отвѣтныхъ письмахъ огорченіе по поводу того, что не съумѣлъ ему внушить любви къ военному дѣлу. „Гренадеры, конечно, въ твоихъ глазахъ только сволочь, писалъ, напримѣръ, Фридрихъ-Вильгельмъ I, а вотъ франтики, французики, остротцы да музычка (ein Musiquechen) только и кажутся чѣмъ-то благороднымъ, королевскимъ, digne d'un prince. Сдѣлаться снова солдатомъ! Но вѣдь прежде нужно быть хорошимъ хозяиномъ: Карлъ XII былъ храбрый воинъ, но расточалъ деньги и, разъ побѣжденный, не имѣлъ средствъ выставить новое войско". Въ концѣ-концовъ Фридрихъ-Вильгельмъ I долженъ былъ, однако, убѣдиться въ томъ, что его наслѣдникъ будетъ хорошимъ хозяиномъ: въ своихъ письмахъ къ отцу кронпринцъ дѣлался все болѣе и болѣе обстоятельнымъ и даже сообщалъ разныя предположенія объ улучшеніи торговли; отвѣтныя письма короля становились, въ свою очередь, болѣе ласковыми. Моментъ окончательнаго примиренія приближался, но кронпринцу нужно было принести еще одну жертву суровому нраву отца—жениться на выбранной имъ невѣстѣ, принцессѣ Брауншвейгъ-Бевернской, но, уступая желанію отца, онъ заранѣе рѣшился не связывать себя ничѣмъ въ будущей жизни съ женою.

Послѣ свадьбы Фридрихъ, которому въ то время (1733) былъ 21 годъ, получилъ отъ отца полкъ въ Ней-Руппинѣ (недалеко отъ Берлина), а вскорѣ затѣмъ помѣстье Рейнсбергъ, близъ мекленбургской границы, гдѣ онъ и зажилъ счастливою жизнью—подальше отъ „Юпитера“ и располагая своимъ временемъ уже по своему усмотрѣнію. Въ послѣдніе годы старый король имѣлъ утѣшеніе видѣть, что изъ его когда-то непокорнаго сына вышелъ хорошій хозяинъ и хорошій солдатъ,—а потому и самъ мирился уже съ тѣмъ, что въ своей частной жизни „Фрицъ“ отступалъ отъ обычаевъ тогдашняго берлинскаго двора.

Суровая школа, которую прошелъ Фридрихъ II въ свои молодые годы, какъ было сказано, отразилась на его характерѣ. Когда онъ изъ Кюстрина пріѣзжалъ въ Берлинъ на свадьбу своей старшей сестры, выданной замужъ за маркграфа Байрейтскаго, его едва узнавали близкія лица; даже самоё Вильгельмину поразила его необыкновенная сдержанность. Кронпринцъ многому научился, но многое прежнее такъ-таки въ немъ и осталось. Весьма интересную характеристику Фридриха II во время его кюстринской жизни можно составить на основаніи писемъ Гилле, служившаго съ нимъ въ одномъ присутственномъ мѣстѣ: этотъ современникъ отмѣтилъ нѣкоторыя черты, которыя и впослѣдствіи характеризовали великаго короля. Молодой человѣкъ уже тогда гнался за тѣмъ, что французы называютъ esprit, и находилъ, что нѣмцы не соотвѣтствуютъ его идеалу цивилизованнаго человѣка. Увлекаясь французами, онъ представлялъ себѣ ихъ такъ, какъ сами они себя изображали въ своихъ книгахъ, и думалъ, что лично ему знакомые французы уже немного попорчены своимъ общеніемъ съ нѣмцами. Далѣе, въ минуту недовольства кронпринцъ, уже тогда (1731) похожій на Громовержца, былъ изысканно вѣжливъ, но это была вѣжливость grand-seigneur'а. Онъ былъ проникнутъ сознаніемъ своего превосходства надъ всѣми окружающими въ качествѣ кронпринца и въ качествѣ дворянина и относился съ пренебреженіемъ къ разночинцамъ, въ родѣ самого Гилле. Вѣчно насмѣшливый, онъ въ то же время нерѣдко скандализировалъ своихъ собесѣдниковъ заявленіями, заставлявшими ихъ качать головою относительно его нравственныхъ правилъ. Гилле находилъ также, что кронпринцу нужно было бы имѣть больше благочестія, но на этотъ счетъ онъ могъ бы выразиться и гораздо сильнѣе. Иногда, впрочемъ, Фридрихъ для краснаго словца преувеличивалъ свои недостатки и подсмѣивался надъ тѣмъ, къ чему въ душѣ относился серьезно. Напримѣръ, въ 1731 г. онъ рисовалъ свой торжественный въѣздъ въ Берлинъ верхомъ на ослѣ и въ предшествіи цѣлыхъ стадъ свиней, овецъ и быковъ и т. п., но въ сущности къ „экономіи“ онъ относился уже весьма серьезно.

Впрочемъ, эта экономія интересовала его преимущественно съ политической стороны. Его въ то время преимущественно занималъ вопросъ о торговлѣ съ Силезіей, о которой онъ бесѣдовалъ съ Гилле, а впослѣдствіи написалъ цѣлый планъ для своего отца. Въ воображеніи молодого человѣка носилась тогда Пруссія, увеличенная новыми пріобрѣтеніями — въ силу, какъ уже тогда выражался Фридрихъ II, „политической необходимости". Не всѣ, однако, люди, имѣвшіе возможность наблюдать молодого кронпринца, вѣрно о немъ судили. Иные, плохо понимавшіе, что выйдетъ изъ двадцатилѣтняго юноши, думали, что по вступленіи на престолъ онъ будетъ только предаваться служенію музамъ и удовольствіямъ, предоставивъ управленіе для блага народа министрамъ, и что воина изъ него не выйдетъ. Нѣчто подобное думалъ еще въ 1740 г. и Вольтеръ, съ которымъ Фридрихъ II незадолго передъ тѣмъ вступилъ въ переписку. Но это была большая ошибка.

По мѣрѣ того, какъ кронпринцъ больше и лучше знакомился съ хозяйственнымъ управленіемъ и военною силою Пруссіи, тѣмъ все болѣе и болѣе онъ проникался уваженіемъ и къ своему отцу, и къ прусскому устройству, что отразилось и на его письмахъ къ Вольтеру, и на „Mémoires de Brandenbourg". Въ Прусской исторіи XVIII в. Фридрихъ II былъ лишь продолженіемъ своего отца, но онъ умѣлъ сочетать свою приверженность къ унаслѣдованной отъ отца системѣ съ поклоненіемъ генію Вольтера, съ которымъ онъ вступилъ въ переписку, когда жилъ въ Рейнсбергѣ. Взаимныя отношенія Фридриха II и Вольтера были разсмотрѣны нами выше, но мы не можемъ еще не коснуться интеллектуальнаго сходства, существующаго между этими двумя крупными представителями XVIII вѣка. Дѣйствительно, у обоихъ было немало общаго: оба, одинаково великіе честолюбцы, были прежде всего людьми большого ума, который господствовалъ у нихъ надъ всѣми другими душевными способностями; обоихъ живо интересовали важнѣйшія проблемы знанія, но оба въ сущности оставались скептиками, умѣя лучше всего во всѣхъ явленіяхъ жизни подмѣчать лишь отрицательную ихъ сторону, но не думая о коренной ломкѣ существующихъ порядковъ во имя какого-либо отвлеченнаго идеала; поэтому оба они принимали дѣйствительность, какъ она есть. Вольтеръ и Фридрихъ II были какъ бы созданы другъ для друга, раздѣляя одни и тѣ же моральные и политическіе взгляды. Можно сказать, что прусскій король былъ точно созданъ для того, чтобы исполнять программу фернейскаго философа, хотя эта программа и не была имъ выполнена, такъ какъ идеи Вольтера были сами по себѣ, а гогенцоллернскіе традиціи сами по себѣ, и когда Фридриху II приходилось выбирать между тѣми и другими, онъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ оказы-

Послѣ свадьбы Фридрихъ, которому въ то время (1733) былъ 21 годъ, получилъ отъ отца полкъ въ Ней-Руппинѣ (недалеко отъ Берлина), а вскорѣ затѣмъ помѣстье Рейнсбергъ, близъ мекленбургской границы, гдѣ онъ и зажилъ счастливою жизнью—подальше отъ „Юпитера" и располагая своимъ временемъ уже по своему усмотрѣнію. Въ послѣдніе годы старый король имѣлъ утѣшеніе видѣть, что изъ его когда-то непокорнаго сына вышелъ хорошій хозяинъ и хорошій солдатъ,—а потому и самъ мирился уже съ тѣмъ, что въ своей частной жизни „Фрицъ" отступалъ отъ обычаевъ тогдашняго берлинскаго двора.

Суровая школа, которую прошелъ Фридрихъ II въ свои молодые годы, какъ было сказано, отразилась на его характерѣ. Когда онъ изъ Кюстрина пріѣзжалъ въ Берлинъ на свадьбу своей старшей сестры, выданной замужъ за маркграфа Байрейтскаго, его едва узнавали близкія лица; даже самоё Вильгельмину поразила его необыкновенная сдержанность. Кронпринцъ многому научился, но многое прежнее такъ-таки въ немъ и осталось. Весьма интересную характеристику Фридриха II во время его кюстринской жизни можно составить на основаніи писемъ Гилле, служившаго съ нимъ въ одномъ присутственномъ мѣстѣ: этотъ современникъ отмѣтилъ нѣкоторыя черты, которыя и впослѣдствіи характеризовали великаго короля. Молодой человѣкъ уже тогда гнался за тѣмъ, что французы называютъ esprit, и находилъ, что нѣмцы не соотвѣтствуютъ его идеалу цивилизованнаго человѣка. Увлекаясь французами, онъ представлялъ себѣ ихъ такъ, какъ сами они себя изображали въ своихъ книгахъ, и думалъ, что лично ему знакомые французы уже немного попорчены своимъ общеніемъ съ нѣмцами. Далѣе, въ минуту недовольства кронпринцъ, уже тогда (1731) похожій на Громовержца, былъ изысканно вѣжливъ, но это была вѣжливость grand-seigneur'а. Онъ былъ проникнутъ сознаніемъ своего превосходства надъ всѣми окружающими въ качествѣ кронпринца и въ качествѣ дворянина и относился съ пренебреженіемъ къ разночинцамъ, въ родѣ самого Гилле. Вѣчно насмѣшливый, онъ въ то же время нерѣдко скандализировалъ своихъ собесѣдниковъ заявленіями, заставлявшими ихъ качать головою относительно его нравственныхъ правилъ. Гилле находилъ также, что кронпринцу нужно было бы имѣть больше благочестія, но на этотъ счетъ онъ могъ бы выразиться и гораздо сильнѣе. Иногда, впрочемъ, Фридрихъ для краснаго словца преувеличивалъ свои недостатки и подсмѣивался надъ тѣмъ, къ чему въ душѣ относился серьезно. Напримѣръ, въ 1731 г. онъ рисовалъ свой торжественный въѣздъ въ Берлинъ верхомъ на ослѣ и въ предшествіи цѣлыхъ стадъ свиней, овецъ и быковъ и т. п., но въ сущности къ „экономіи" онъ относился уже весьма серьезно.

Впрочемъ, эта экономія интересовала его преимущественно съ политической стороны. Его въ то время преимущественно занималъ вопросъ о торговлѣ съ Силезіей, о которой онъ бесѣдовалъ съ Гилле, а впослѣдствіи написалъ цѣлый планъ для своего отца. Въ воображеніи молодого человѣка носилась тогда Пруссія, увеличенная новыми пріобрѣтеніями — въ силу, какъ уже тогда выражался Фридрихъ II, „политической необходимости“. Не всѣ, однако, люди, имѣвшіе возможность наблюдать молодого кронпринца, вѣрно о немъ судили. Иные, плохо понимавшіе, что выйдетъ изъ двадцатилѣтняго юноши, думали, что по вступленіи на престолъ онъ будетъ только предаваться служенію музамъ и удовольствіямъ, предоставивъ управленіе для блага народа министрамъ, и что воина изъ него не выйдетъ. Нѣчто подобное думалъ еще въ 1740 г. и Вольтеръ, съ которымъ Фридрихъ II незадолго передъ тѣмъ вступилъ въ переписку. Но это была большая ошибка.

По мѣрѣ того, какъ кронпринцъ больше и лучше знакомился съ хозяйственнымъ управленіемъ и военною силою Пруссіи, тѣмъ все болѣе и болѣе онъ проникался уваженіемъ и къ своему отцу, и къ прусскому устройству, что отразилось и на его письмахъ къ Вольтеру, и на „Mémoires de Brandenbourg“. Въ Прусской исторіи XVIII в. Фридрихъ II былъ лишь продолженіемъ своего отца, но онъ умѣлъ сочетать свою приверженность къ унаслѣдованной отъ отца системѣ съ поклоненіемъ генію Вольтера, съ которымъ онъ вступилъ въ переписку, когда жилъ въ Рейнсбергѣ. Взаимныя отношенія Фридриха II и Вольтера были разсмотрѣны нами выше, но мы не можемъ еще не коснуться интеллектуальнаго сходства, существующаго между этими двумя крупными представителями XVIII вѣка. Дѣйствительно, у обоихъ было немало общаго: оба, одинаково великіе честолюбцы, были прежде всего людьми большого ума, который господствовалъ у нихъ надъ всѣми другими душевными способностями; обоихъ живо интересовали важнѣйшія проблемы знанія, но оба въ сущности оставались скептиками, умѣя лучше всего во всѣхъ явленіяхъ жизни подмѣчать лишь отрицательную ихъ сторону, но не думая о коренной ломкѣ существующихъ порядковъ во имя какого-либо отвлеченнаго идеала; поэтому оба они принимали дѣйствительность, какъ она есть. Вольтеръ и Фридрихъ II были какъ бы созданы другъ для друга, раздѣляя одни и тѣ же моральные и политическіе взгляды. Можно сказать, что прусскій король былъ точно созданъ для того, чтобы исполнять программу фернейскаго философа, хотя эта программа и не была имъ выполнена, такъ какъ идеи Вольтера были сами по себѣ, а гогенцоллернскіе традиціи сами по себѣ, и когда Фридриху II приходилось выбирать между тѣми и другими, онъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ оказы-

вался въ гораздо большей степени сыномъ Фридриха-Вильгельма I, чѣмъ другомъ Вольтера. Во всякомъ случаѣ, для „просвѣщеннаго абсолютизма“ въ Пруссіи весьма характерно то, что въ завязавшейся между двумя крупнѣйшими людьми XVIII в. перепискѣ, философъ дѣйствовалъ на честолюбіе будущаго прусскаго короля, привлекая его на сторону „просвѣщенія“, а этотъ будущій король изображалъ съ хорошей стороны старый военно-хозяйственный режимъ своего отца. Проповѣдуя союзъ философовъ и монарховъ, Вольтеръ готовъ былъ представлять себѣ будущую прусскую политику царствомъ музъ, тѣмъ болѣе, что самъ Фридрихъ II вводилъ его въ заблужденіе своими заявленіями. Старый король былъ дальновиднѣе, и не чувствуй онъ, что „Фрицъ“ пойдетъ по его стопамъ, онъ не могъ бы умереть спокойно, а Фридрихъ-Вильгельмъ I именно съ полною вѣрою въ своего сына передалъ ему власть, вызвавъ его передъ смертью своею въ Потсдамъ.

Нѣкоторые ожидали, что новый прусскій король будетъ государь миролюбивый и что онъ передастъ всѣ дѣла министрамъ. Ничего не было болѣе ошибочнаго, какъ такое ожиданіе. Молодой честолюбивый и энергичный монархъ, еще чуть не мальчикомъ думавшій о расширеніи предѣловъ Пруссіи, получившій притомъ въ наслѣдство богатую казну и хорошую армію и до тонкости понимавшій выгодныя для себя стороны тогдашняго политическаго положенія Европы, тотчасъ по вступленіи на престолъ увеличилъ армію на 16 баталіоновъ пѣхоты, 5 эскадроновъ гусаръ и эскадронъ гвардіи и въ томъ же году началъ войну съ Австріей. Мудрено было расчитывать и на то, чтобы такой человѣкъ, ради служенія музамъ, отказался отъ власти. Фридрихъ II не только не передалъ правленіе министрамъ, но самъ сдѣлался первымъ и единственнымъ своимъ министромъ, превративъ совѣтниковъ въ простыхъ секретарей, которые должны были только исполнять его предначертанія [1]). Не ошибся Вольтеръ только въ томъ, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ—тамъ именно, гдѣ не затрогивалось существо старой прусской системы и ничто не грозило авторитету власти — *Пруссія, дѣйствительно, должна была вступить на новый путь, указывавшійся „философіей“ той эпохи.* Не прошло и мѣсяца со дня вступленія Фридриха II на престолъ, какъ изъ прусскаго уголовнаго судопроизводства исчезла пытка, отмѣнены были

---

[1]) Существуютъ отдѣльныя біографіи лицъ, окружавшихъ Фридриха II, начиная съ его жены Елизаветы-Христины (*Hahnke*, *Ziethe*) и кончая генералами. См. именно работы о дипломатѣ Герцбергѣ (*Lehmann'a*), о министрѣ нар. просв. Цедлицѣ (*Decker'a Rethwisch'a*), о великомъ канцлерѣ Кокцеи (*Trendelenburg'a*) и т. п. См. также недавно вышедшую книгу *Natzmer'a* „Lebensbilder aus dem Jahrhundert nach dem grossen deutschen Kriege“.

нѣкоторыя стѣсненія при вступленіи въ бракъ, введена была вѣротерпимость, дозволявшая каждому „спасаться auf seiner Façon“ и указывавшая на государство, какъ на такую силу, которая можетъ заставить жить въ мирѣ разныя вѣроисповѣданія, если бы они вздумали ссориться. Пожалуй, и царство музъ наступило: Фридрихъ II окружилъ себя образованными и учеными французами, съ которыми любилъ бесѣдовать, сталъ покровительствовать берлинской академіи, возвратилъ Вольфа на его каѳедру, не преслѣдовалъ газетъ и самъ, наконецъ, занимался поэзіей и философіей. Но и это все нисколько не мѣшало Пруссіи Фридриха II оставаться Пруссіей Фридриха-Вильгельма I, т.-е. государствомъ, въ которомъ все должно было ходить по стрункѣ и вездѣ былъ виденъ хозяйскій глазъ. Для своего времени во многихъ отношеніяхъ оно могло считаться образцовымъ, но въ немъ было очень тяжело жить.

XXIII. Политическія идеи и правительственная дѣятельность Фридриха II [1]).

Фридрихъ II, какъ писатель.—Фридрихъ II и нѣмецкая литература.—Фридрихъ II и «философія» XVIII в.— Отношеніе Фридриха II къ религіи. — Его политическая теорія.—Allgemeines Landrecht.— Прусская государственная традиція и раціоналистическая философія. — Отношеніе Фридриха II къ сословному строю Пруссіи.—Правительственныя преобразованія Фридриха II.—Прусская монархія и «старый порядокъ».—Мирабо о прусской монархіи.—Впечатлѣніе, произведенное Фридрихомъ II, какъ правителемъ на современниковъ.

Фридрихъ II оставилъ послѣ себя весьма обширное литературное наслѣдство, являющееся богатымъ историческимъ матеріаломъ

---

[1]) См. Oeuvres de Frédéric le Grand въ тридцати томахъ, изд. 1846—1857 годовъ. Первые семь томовъ заключаютъ въ себѣ историческія сочиненія, слѣдующіе два — сочиненія философскія (между прочимъ Antimachiavel, Miroir des princes, Dissertation sur les raisons d'établir ou d'abroger les lois, Examen critique du „Système de la nature“, Discours de l'utilité des sciences et des arts dans un État, Exposé du gouvernement prussien, Essai sur les formes du gouvernement et sur les devoirs des souverains, Lettres sur l'amour de la patrie), шесть томовъ—поэтическія, двѣнадцать—письма Фридриха II и три тома—сочиненія военнаго содержанія. Ср. изданную въ 1878 г. Verzeichniss sämmtlicher Ausgaben und Uebersetzungen der Werke Fr. d. Gr. Въ 1879 г. предпринято изданіе политической переписки Фр. Вел. Значеніе источника для характеристики личности Фр. II имѣютъ также Unterhandlungen mit Fr. dem Grossen. Memoiren und Tagebücher von H. de Catt. Историческихъ работъ о правительственной дѣятельности Фридриха II весьма мало сравнительно съ тѣмъ, что писалось о немъ, напр., какъ о полководцѣ и дипломатѣ. Кромѣ общихъ трудовъ (и сборниковъ статей) и очень устарѣлыхъ сочиненій (*Бюшинга*,

для характеристики его личности, его взглядовъ, его дѣятельности. Сочиненіе и переписка Фридриха II наполняютъ собою цѣлые томы, которые уже изучались весьма многими историками. Если въ об-

---

Геріберга, *Ад. Мюллера*, *Реденбека*, *Мирабо* и др.). см. *Beheim-Schwarzbach.* Fr. der Gr. als Gründer deutscher Colonien in dem im Jahre 1772 erworbenen Landen. — *Lippe.* Westpreussen unter Fr. d. Gr. — *Stadelmann.* Fr. d. Gr. in seiner Thätigkeit für den Landbau Preussens.—Второй томъ его же Preussens Könige in ihrer Thätigkeit für die Landescultur. -- *Seidel.* Fr. d. Gr. und die Volksschule.—*Grünhagen.* Schlesien unter Fr. d. Gr.—*Ring.* Asiatische Handelskompanien Fr. d. Gr.—*Schmoller.* Die Einführung der franz. Regie.—*Stadelmann.* Aus der Regierungsthätigkeit Fr. des Gr. и нѣкоторыя другія. Понятно, что правительственной дѣятельности Фридриха II касаются и спеціальныя сочиненія по ист. прусской администраціи, права, финансовъ и т. п., каковы указанныя въ главѣ III соч. *Bornhak'a*, *Isaaksohn'a*, кромѣ того, *Niebuhr.* Gesch. d. kön. Bank in Berlin.—*Poschinger.* Bankwesen und Bankpolitik in Preussen.—*Riedel.* Der brandenburgisch-preussische Staatshaushalt.— *W. Schultze*, Gesch. der preussischen Regieverwaltung.—*Stephan.* Gesch. der preuss. Post.—*A. Stölzel.* Brandenburg-preuss. Rechtsverwaltung und Rechtsverfassung. — *Его же.* Fünfzehn Vorträge aus der brandenburg-preuss. Rechts- und Staatsgeschichte и др. Фридриха II изучали, какъ писателя: *Preuss.*—Fr. d. Gr. als Schriftsteller.—*Biedermann.* Fr. d. Gr. und sein Verhältniss zur Entwickelung des deutschen Geisteslebens. — *Th. Droz.* Fr. le Gr. et ses écrits. — *Boretius.* Fr. d. Gr. in seinen Schriften. — *Merkens.* Gedanken Fr. d. Gr. aus seinen Schriften gesammelt. — *Pröhle.* Fr. d. Gr. und die deutsche Literatur. *Jacoby* (съ тѣмъ же заглавіемъ).— *M. Posner.* Zur literarischen Thätigkeit Friedrichs des Grossen. — *Rigollot.* Frédéric II philosophe. — *Merkens.* Friedrichs des Grossen Philosophie, Religion und Moral (брошюра).—*Ed. Zeller.* Fr. d. Gr., als Philosoph (издано въ столѣтнюю годовщину смерти Фридриха II). См. также сочиненія объ отношеніи Фридриха II къ Вольтеру (*Thiériot.* Voltaire en Prusse.—*Schulthess.* Friedrich und Voltaire in ihren persönnlichen und litterarischen Wechselverhältnisse), д'Аламберу (*Aug. Boeckh.* D'Alembert und Fr. der Grosse über das Verhältniss der Wissenschaft zum Staat), Монтескье (*Edm. Meyer.* въ Zeitschr. für preuss. Gesch. за 1879 г.), Руссо (*Du Bois Reymond* въ Deutsche Rundschau за 1879 г. и т. п. О религіозныхъ воззрѣніяхъ Фридриха II см. *Tersteegens.* Gedanken über die relig. Ansichten Fr. des Gr. und den rationalistischen Geist überhaupt.— *F. Nippold.* Religion und Kirchenpolitik Fr. d. Gr.—Ср. *M. Lehmann.* Preussen und die kath. Kirche seit 1640. О педагогическихъ взглядахъ Фридриха II есть работа *Meyer'a*, въ которой разсматриваются и его школьныя реформы. Воззрѣнія Фридриха II на государство давно сдѣлались предметомъ обработки. Изъ старыхъ соч. см. *Demophilos.* Fr. d. Gr. Gedanken über den Staat, Kirche, Fürsten und Volk.— *Wolff.* Fr. des Grossen Staatsrechtliche Grundsätze (1840) и др., а изъ наиболѣе новыхъ: *E. Kauer.* Fr. des Grossen Gedanken über die fürstliche Gewalt (ср. выше, главу XXI, гдѣ указанъ сборникъ статей Кауера).— *W. Herbst.* Fr. des Gr. Antimachiavel.—См. также отдѣльныя статьи (напр., въ сборникѣ статей Реймана, гдѣ есть статья и о философскихъ и религіозныхъ воззрѣніяхъ Фридриха II), или главы въ соч. болѣе общаго характера (напр. въ соч. Э. Целлера о Фридрихѣ II, какъ философѣ, гл. 6, занимающая стр. 89—124).

ширной литературѣ, посвященной этому королю, большая часть работъ разсматриваетъ его, какъ полководца и дипломата и, къ сожалѣнію, лишь меньшая—какъ правителя, то все-таки рядомъ съ этими трудами, для которыхъ Фридрихъ II прежде всего—государственный дѣятель, можно указать немало трудовъ, изучающихъ этого короля въ его сочиненіяхъ, изучающихъ его, какъ писателя. Фридрихъ II не только много писалъ, но и писалъ въ самыхъ различныхъ родахъ—стихами и прозой, по философіи и по исторіи, по политикѣ и по военному дѣлу и т. п. Само собою разумѣется, что съ той точки зрѣнія, съ какой мы здѣсь разсматриваемъ великаго короля, особое значеніе должны имѣть для насъ философскія и главнымъ образомъ, политическія сочиненія Фридриха II. Мы знаемъ уже, что интересъ къ философскому знанію пробудился у него очень рано и нужно прибавить, что интересъ этотъ никогда и не покидалъ „короля-философа“. И среди тревогъ военной жизни, и среди правительственныхъ заботъ находилъ Фридрихъ II время бесѣдовать и переписываться съ философами и составлять разсужденія на философскія темы. Его метафизическія, религіозныя, моральныя и педагогическія воззрѣнія уже давно сдѣлались предметомъ спеціальнаго изученія, равно какъ его отношенія къ современнымъ ему философамъ. Вдвигая его въ число писателей въ духѣ идей XVIII в., мы должны обратить особое вниманіе на то, что Фридрихъ II самъ былъ не только „просвѣщеннымъ“ монархомъ, но и „просвѣтителемъ“, не только практическимъ представителемъ, но и теоретикомъ „просвѣщеннаго абсолютизма“, такъ какъ написалъ нѣсколько сочиненій, въ которыхъ изложилъ свои взгляды на государство, на его права и задачи, на обязанности государей и т. п. Это равнымъ образомъ послужило для многихъ писателей весьма благодарною темою—выяснить политическое міросозерцаніе Фридриха II, какъ одного изъ наиболѣе крупныхъ представителей „просвѣщеннаго абсолютизма“.

Фридрихъ II получилъ чисто французское образованіе, писалъ почти исключительно по-французски; только письма къ отцу, будучи кронпринцемъ, онъ долженъ былъ писать по-нѣмецки. Въ его молодые годы нѣмецкая литература влачила жалкое существованіе и не могла итти въ сравненіе съ блестящею литературою французскою, но Фридрихъ II и до конца жизни такъ и остался при томъ мнѣніи, что нѣмецкіе писатели не заслуживаютъ большого вниманія. Незадолго до своей смерти онъ даже написалъ (1780) особую статью „De la littérature allemande“, въ которой разсматриваетъ нѣмецкую литературу, какъ дѣло болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго, хотя въ эту пору Германія уже имѣла нѣсколько замѣчательныхъ писателей—Лессинга, Гердера, Гете и др. Между королемъ-философомъ и нѣ-

мецкими писателями его времени существовало своего рода взаимное отчужденіе; многіе историки даже думають, что это невниманіе Фридриха II спасло нѣмецкую литературу отъ королевскаго меценатства, которое могло бы лишить ее благородной независимости, ее отличающей, тогда какъ другіе, наоборотъ, предполагаютъ, что сближеніе между Фридрихомъ II и нѣмецкими писателями его времени могло бы освободить послѣднихъ отъ безпочвеннаго космополитизма и содѣйствовать развитію у нихъ національнаго духа и политическаго интереса. Конечно, весьма трудно рѣшить, какое вліяніе произвело бы на нѣмецкую литературу иное отношеніе къ ней Фридриха II, тѣмъ болѣе, что ея космополитическія стремленія и отсутствіе въ ней политическихъ интересовъ объясняются болѣе глубокими причинами, чѣмъ невнимательность къ ней прусскаго короля, но фактъ и самъ по себѣ заслуживаетъ быть отмѣченнымъ, а фактомъ было то, что *Фридрихъ II совершенно пренебрегалъ нѣмецкой литературой*, и былъ всецѣло представителемъ спеціально французскаго просвѣщенія.

Нѣкоторое время, именно въ тридцатыхъ годахъ, Фридрихъ II еще увлекался философіей Вольфа, которую ему переводили, однако, на французскій языкъ. Подъ ея вліяніемъ онъ даже начиналъ „замѣчать возможность существованія у себя души и, пожалуй, возможность ея безсмертія“. Въ духѣ вольфіанскаго оптимизма онъ самъ сочинялъ по-французски оды о „благости Божіей“ и о „любви къ Богу“. „Такіе, какъ вы, философы, писалъ онъ тогда Вольфу, учатъ тому, что должно быть, а короли существуютъ лишь для того, чтобы приводить въ исполненіе ваши идеи“. И въ своихъ письмахъ къ Вольтеру Фридрихъ II, бывшій въ то время еще кронпринцемъ равнымъ образомъ хвалилъ Вольфа, а по восшествіи своемъ на престолъ онъ тотчасъ же возвратилъ философа на каѳедру, отнятую у него старымъ королемъ. Но скоро Фридрихъ II охладѣлъ къ Вольфу. Метафизика этого мыслителя мало соотвѣтствовала складу ума Фридриха II и тому вліянію, какое на него уже успѣлъ оказать Вольтеръ: „Богъ, писалъ онъ однажды, далъ намъ достаточно разума, чтобы умѣть вести себя, какъ слѣдуетъ, но слишкомъ мало, чтобы еще знать; того, чего не могли найти ни Декартъ, ни Лейбницъ, никто никогда и не найдетъ“. Подобно Вольтеру, онъ не сомнѣвается въ бытіи Бога, но отказывается отъ познанія сущности Божества. Скептическое отношеніе Фридриха II къ метафизическимъ вопросамъ заставляло его особенно дорожить философіей Бэйля, котораго онъ называлъ „княземъ европейскихъ діалектиковъ“; самъ онъ считалъ себя главнымъ образомъ ученикомъ Бэйля. Въ 1765 г. Фридрихъ II составилъ даже краткое изложеніе идей этого скептика; переиздалъ его вторично въ 1767 г. и въ предисловіи назвалъ философію Бэйля „бревіаріемъ

здраваго смысла". Королю-философу, конечно, некогда было вырабатывать стройную и послѣдовательную систему, но у него все-таки было извѣстное философское міросозерцаніе болѣе эклектическаго, чѣмъ синтетическаго характера, которое его удовлетворяло и сближало съ представителями передовой мысли XVIII в. *По своему образу мыслей онъ наиболѣе подходитъ къ Вольтеру, а энциклопедисты въ общемъ были ему скорѣе антипатичны*, особенно, когда касались политическихъ и общественныхъ вопросовъ. Въ самомъ дѣлѣ, между представителемъ „просвѣщеннаго абсолютизма" и „предшественниками революціи" и не могло быть большого согласія. Фридрихъ II даже полемизировалъ со многими воззрѣніями энциклопедистовъ. Въ одномъ изъ его сочиненій говорится, между прочимъ, напримѣръ, слѣдующее: „неужели, господинъ философъ, покровитель нравственности и добродѣтели, вы не знаете, что хорошій гражданинъ долженъ уважать ту форму правленія, подъ какою живетъ? Или вамъ неизвѣстно, что частному лицу не подобаетъ оскорблять власти (insulter les puissances)?.. Развѣ могутъ судить тѣхъ, кому дано править міромъ, какіе-то неизвѣстные люди, стоящіе далеко отъ дѣлъ, видящіе лишь совокупность событій, но не знающіе, что̀ ихъ производитъ, видящіе дѣйствія, но не понимающіе ихъ мотивовъ, люди, почерпающіе свои политическія свѣдѣнія изъ газетъ?"—„Философъ не станетъ кричать, что все идетъ дурно, не показавъ, а какъ же можно было бы устроить все хорошо; его голосъ не будетъ служить призывомъ къ неповиновенію, къ образованію союза недовольныхъ, предлогомъ для возстанія. Онъ съ уваженіемъ будетъ относиться къ обычаямъ, установленнымъ и освященнымъ націей, къ правительству, къ лицамъ, его составляющимъ и защищающимъ". Особенно антипатиченъ былъ для Фридриха II Гольбахъ, съ которымъ онъ охотно полемизировалъ, написавъ между прочимъ разборъ его „Системы природы". Король-философъ бралъ подъ свою защиту старую французскую монархію, на которую нападалъ Голбахъ,—и указывалъ на то, что если бы этотъ писатель хоть нѣсколько мѣсяцевъ поуправлялъ какимъ-нибудь маленькимъ городкомъ, онъ лучше понималъ бы людей, чѣмъ на основаніи всѣхъ своихъ пустыхъ умозрѣній. Руссо точно такъ же не могъ приходиться по вкусу Фридриха II, и король-философъ не очень высоко его ставилъ въ своемъ „Разсужденіи о государственной пользѣ наукъ и искусствъ" (1772), хотя и не называетъ здѣсь женевскаго философа по имени. Свое общее отношеніе къ современнымъ философамъ Фридрихъ II весьма недурно выразилъ въ одномъ изъ своихъ писемъ: „я покровительствую только такимъ свободнымъ мыслителямъ, у которыхъ приличныя манеры и разсудительныя воззрѣнія" (idées raisonnables). Одна изъ основныхъ чертъ „просвѣщеннаго абсолютизма" въ томъ и

заключалась, что *государственная власть охотно признавала и поддерживала свободу мысли, поскольку свободная мысль держала себя далеко отъ политики*. Короли и философы должны были, такъ сказать, размежеваться, и если государи предоставляли полную свободу мыслителямъ въ ихъ области, то и эти послѣдніе, съ своей стороны, не должны были вмѣшиваться съ своею критикою въ государственныя дѣла. Этимъ въ общемъ опредѣлялась и та мѣра свободы, какою пользовалась въ Пруссіи печать при Фридрихѣ II.

Въ дѣлѣ религіознаго вольнодумства король-философъ даже самъ подавалъ примѣръ. Отношеніе Фридриха II къ религіи напоминаетъ намъ отношеніе къ ней Вольтера. Какъ Вольтеръ возражалъ Бэйлю, считавшему возможнымъ существованіе государства атеистовъ, такъ и Фридрихъ II полемизировалъ противъ Гольбаха, совѣтовавшаго упразднить религію, хотя послѣдняя въ народныхъ массахъ и казалась королю необходимо связанною съ суевѣріемъ. Въ одномъ изъ частныхъ своихъ писемъ онъ даже прямо писалъ: „il n'y a pas d'idée plus extravagante que de vouloir détruire la superstition". Вмѣстѣ съ другими писателями XVIII в. и онъ видѣлъ въ религіяхъ дѣло жрецовъ, придумавшихъ ихъ для управленія людьми. Вмѣстѣ съ этимъ Фридрихъ II былъ далекъ и отъ мысли о религіозномъ единообразіи въ государствѣ. И старая гогенцоллернская политика, и новыя условія, въ которыхъ очутилось прусское государство послѣ присоединенія земель съ католическимъ населеніемъ, и современная идея вѣротерпимости, наконецъ, и собственное міровоззрѣніе Фридриха II заставляли его, какъ онъ выражался, держаться нейтралитета между Римомъ и Женевой и позволять всякому спасаться auf seiner Façon. Такимъ образомъ его *абсолютизмъ отрѣшался отъ вѣроисповѣдной точки зрѣнія*,—одна, какъ мы видѣли, изъ главныхъ чертъ „просвѣщеннаго абсолютизма" вообще.

Соотвѣтственно съ этимъ и политическая теорія Фридриха II покоилась не на богословскихъ основаніяхъ, а на идеяхъ той раціоналистической философіи, которая господствовала въ XVIII в. при рѣшеніи теоретическихъ вопросовъ политики. За два года до вступленія своего на престолъ Фридрихъ II написалъ „Considérations sur l'état présent du corps politique de l'Europe", гдѣ самымъ рѣзкимъ образомъ заявилъ свое несогласіе съ тѣмъ воззрѣніемъ на королевскую власть, которое рельефнѣе всего было выражено Людовикомъ XIV. „Вотъ въ чемъ, писалъ тогдашній прусскій кронпринцъ, заблуждается бо́льшая часть государей. Они воображаютъ, что Богъ нарочно и изъ особаго вниманія къ ихъ величію, благополучію и гордости создалъ ту массу людей, попеченіе о которой имъ ввѣрено, и что подданные предназначаются лишь къ тому, чтобы быть орудіями и слугами ихъ

нравственной распущенности". На той же точкѣ зрѣнія онъ стоялъ и позднѣе. „Нашъ врагъ королей, писалъ онъ, полемизируя съ Гольбахомъ, увѣряетъ, что власть государей вовсе не имѣетъ божественнаго происхожденія, и мы отнюдь не намѣрены придираться къ этому пункту". Дѣло въ томъ, что Фридрихъ II представлялъ себѣ королевскую власть, какъ чисто человѣческое учрежденіе, необходимость котораго онъ доказывалъ соображеніями совершенно раціоналистическаго свойства, бывшими тогда въ ходу. Вообще *политическая теорія Фридриха II весьма характерна для просвѣщеннаго абсолютизма.*

Еще ребенкомъ Фридрихъ II, упражняясь въ „сочиненіяхъ", написалъ нѣсколько строкъ подъ заглавіемъ „Manière de vivre d'un prince d'une grande naissance". Вопросъ объ обязанностяхъ монарха занималъ его и впослѣдствіи, когда онъ уже не въ качествѣ благонравнаго ребенка, воспитаннаго въ евангелической вѣрѣ, а въ качествѣ „философа", какимъ сталъ считать себя чуть не съ пятнадцатилѣтняго возраста, разсуждалъ о томъ, какъ подобаетъ вести себя человѣку его рожденія. Вольтеръ внушалъ ему свою идею просвѣщеннаго абсолютизма; самъ онъ писалъ Вольфу, что короли должны осуществлять предначертанія мыслителей, а старая гогенцоллернская традиція подсказывала кронпринцу, что король долженъ быть первымъ слугою (le premier domestique, позднѣе le premier serviteur) государства. Эту мысль Фридрихъ II высказываетъ уже въ первыхъ своихъ политическихъ сочиненіяхъ, написанныхъ незадолго до вступленія на престолъ, а именно въ „Considérations sur l'état présent de l'Europe" и въ „Опроверженіи макіавелліева *Государя*". Если весь практическій макіавеллизмъ вытекаетъ изъ того представленія, что у королей есть только права̀ и нѣтъ обязанностей, то Фридрихъ II, наоборотъ, противопоставлялъ ему идею монархическаго долга, при чемъ онъ исходитъ изъ того представленія, что люди избрали короля для исполненія извѣстнаго рода обязанностей. „Народы, пишетъ Фридрихъ II въ своемъ „Anti-Machiavel'ѣ, нашли нужнымъ, ради своего спокойствія и сохраненія имѣть судей для разрѣшенія возникающихъ между ними тяжбъ и защитниковъ, которые охраняли бы ихъ отъ враговъ", и вотъ „они избрали изъ своей среды тѣхъ, кого считали наиболѣе мудрыми, наиболѣе безкорыстными, наиболѣе человѣчными, наиболѣе храбрыми, дабы эти люди ими управляли". Впослѣдствіи, уже королемъ, въ другихъ своихъ сочиненіяхъ Фридрихъ II только развиваетъ мысли, высказанныя впервые въ этихъ раннихъ его произведеніяхъ. Нигдѣ, впрочемъ, не приводя доказательствъ, почему, съ его точки зрѣнія, королевская власть должна быть наслѣдственною (какъ онъ, напримѣръ, заявлялъ это въ полемикѣ съ Гольбахомъ),

король-философъ особенно настаивалъ на необходимости предоставленія государямъ неограниченной власти, какъ единственномъ условіи, при которомъ они могутъ надлежащимъ образомъ исполнять свои обязанности. Въ своемъ „Опытѣ о формахъ правленія и объ обязанностяхъ государей“ (1777 г.) онъ говоритъ, что только сумасшедшій можетъ представить себѣ людей, которые сказали бы себѣ подобному человѣку такія слова: „мы ставимъ тебя надъ собою потому, что намъ нравится быть рабами, и мы даемъ тебѣ власть направлять наши мысли по своему усмотрѣнію“. Напротивъ того, продолжаетъ Фридрихъ II, вотъ что̀ они сказали: „мы нуждаемся въ тебѣ для поддержанія законовъ, которымъ мы хотимъ повиноваться, для мудраго нами управленія, для нашей защиты, а за всѣмъ тѣмъ мы требуемъ, чтобы ты уважалъ нашу свободу“. Государь, написавшій эти строки, въ извѣстной мѣрѣ, хотя и весьма ограниченной, дѣйствительно, уважалъ свободу своихъ подданныхъ—въ области вопросовъ совѣсти и отвлеченной мысли, но самое опредѣленіе мѣры этой свободы принадлежало всетаки ему самому, какъ представителю неограниченной власти въ государствѣ, видѣвшему, что̀ совмѣстимо и что̀ несовмѣстимо съ общимъ благомъ. Идеѣ государства должно было подчиниться и поведеніе самого его главы. „Государь, писалъ Фридрихъ II въ томъ же самомъ „Опытѣ“, есть только первый слуга государства, обязанный поступать добросовѣстно, мудро и вполнѣ безкорыстно, какъ-будто бы каждую минуту онъ долженъ былъ быть готовымъ дать отчетъ согражданамъ своимъ въ своемъ управленіи“. Если, думалъ онъ еще, государи ведутъ себя иначе, то лишь по той причинѣ, что мало размышляютъ о своемъ званіи (institution) и вытекающихъ изъ него обязанностяхъ. По его идеѣ правильно понимаемые интересы монарха и интересы подданныхъ неразлучны. Въ другомъ своемъ сочиненіи (Lettres sur l'amour de la patrie, 1779) Фридрихъ II сравниваетъ государство съ машиной, въ которой главное колесо—королевская власть. „Король, говоритъ онъ, не деспотъ, руководящійся лишь своимъ капризомъ: его нужно представлять себѣ, какъ центральную точку, къ которой сходятся всѣ линіи отъ окружности“. Кромѣ того, онъ сравниваетъ еще хорошо управляемое государство съ семьей, въ которой монархъ есть отецъ, а подданные—дѣти: „у нихъ добро и зло одни и тѣ же, потому что государь не можетъ быть счастливъ, когда несчастны его народы“. Или такое, напримѣръ, сравненіе: „государь для общества, имъ управляемаго, то же самое, что голова для тѣла; онъ долженъ смотрѣть, думать и дѣйствовать за все общество, дабы доставлять ему всѣ выгоды, какія оно только можетъ получить“. Наконецъ, въ своемъ „Политическомъ завѣщаніи“ Фридрихъ II уподобляетъ идеальное государство (un gouvernement bien conduit) фило-

софской системѣ, гдѣ все между собою тѣсно связано: правительство также должно имѣть свою систему, „дабы всѣ мѣропріятія были хорошо обдуманы, и дабы финансы, политика и военное дѣло стремились къ одной и той же цѣли, которая заключается въ укрѣпленіи государства и въ увеличеніи его могущества" (l'affermissement de l'état et l'accroissement de sa puissance). Послѣднія слова заключаютъ въ себѣ указаніе на истинную цѣль всѣхъ политическихъ стремленій Фридриха II. *Король-философъ былъ однимъ изъ самыхъ крупныхъ въ исторіи представителей государственной идеи*, въ ея отвлеченіи отъ непосредственнаго блага народа. Хотя онъ и заявлялъ, что государство существуетъ для блага всѣхъ его жителей, и что государь во всѣхъ своихъ мѣропріятіяхъ долженъ имѣть въ виду, что́ сказало бы о нихъ большинство населенія, котораго эти мѣропріятія касаются, тѣмъ не менѣе на практикѣ общее благо—и именно благосостояніе мѣщанства и крестьянства, составлявшихъ большинство подданныхъ,—приносилось Фридрихомъ II въ жертву государственнымъ потребностямъ, и самъ онъ въ дѣйствительности менѣе всего думалъ о томъ, какъ понимаютъ это общее благо его подданные, полагая, что онъ одинъ схватываетъ все своимъ умомъ и знаетъ, что имъ нужно и чего не нужно. Выше всего государственный интересъ, судить о которомъ можетъ только самъ государь,—вотъ правительственная формула Фридриха II, слѣдуя которой, онъ считалъ даже излишнимъ обсуждать дѣла въ совѣтѣ министровъ.

Заботясь о томъ, чтобы въ правительственной системѣ все было тѣсно между собою связано, какъ въ системѣ философской, Фридрихъ II между прочимъ предпринялъ составленіе для своего государства общаго кодекса (Allgemeines Landrecht), надъ которымъ работали наиболѣе видные государственные люди и юристы тогдашней Пруссіи. Хотя кодексъ этотъ былъ обнародованъ лишь въ 1794 г., при преемникѣ Фридриха II (Фридрихѣ-Вильгельмѣ II, его племянникѣ), тѣмъ не менѣе по своему происхожденію и по своимъ принципамъ онъ принадлежитъ еще вѣку короля-философа и иллюстрируетъ его политическую теорію. *Вліяніе философіи на законодательство—одна изъ любопытныхъ чертъ XVIII вѣка* и притомъ не только для просвѣщеннаго абсолютизма [1]), но и для французской революціи. Послѣдняя въ своей знаменитой „деклараціи правъ человѣка и гражданина" перевела на языкъ законодательнаго акта философію естественнаго права, утверждавшаго принципы индивидуальной свободы и народовластія. Исходя изъ той же самой раціоналистической философіи, прусское „Общее земское право", задуманное въ духѣ политической

---

[1]) Вспомнимъ еще „Наказъ" Екатерины II.

теорія Фридриха II, сдѣлалось, по удачному опредѣленію одного историка, „настоящей деклараціей правъ государства и государя“. Въ основу этого законодательнаго памятника положены были нѣкоторыя общія идеи, выраженныя въ философской и отвлеченной формѣ. Благо государства и его жителей есть цѣль существованія общества и граница закона. Законы могутъ ограничивать свободу и права гражданъ лишь въ цѣляхъ общей пользы. Каждый членъ государства обязанъ работать для общаго блага сообразно съ своимъ положеніемъ и достаткомъ. Права отдѣльныхъ личностей должны отступать на задній планъ передъ государственнымъ интересомъ. Кодексъ ничего не говоритъ о наслѣдственномъ правѣ короля и о правахъ королевской фамиліи, но высказываетъ зато нѣсколько положеній о правахъ частныхъ лицъ, поскольку эти права не должны преклоняться передъ общей пользой. Самыя права эти основываются кодексомъ на естественной свободѣ дѣлать себѣ добро, не вредя другимъ; поэтому всѣ дѣянія, не запрещаемыя естественнымъ или положительнымъ закономъ, нужно считать дозволенными; каждый житель имѣетъ право, чтобы государство защищало его личность и собственность, и пользуется правомъ самообороны, разъ государство не приходитъ къ нему на помощь. Считая государство представителемъ общества и подчиняя государству права частныхъ лицъ, кодексъ въ то же время дѣлаетъ государя единственнымъ представителемъ государства, передавая ему всѣ права, какія только имъ признаются за обществомъ. Король есть глава государства, и въ силу этого ему одному принадлежитъ право производить общее благо, эту единственную цѣль человѣческаго общежитія; одинъ онъ уполномоченъ направлять всѣ дѣйствія отдѣльныхъ лицъ къ этой цѣли; одинъ онъ законодательствуетъ, установляетъ налоги, управляетъ при помощи чиновниковъ, приказаніямъ которыхъ нужно такъ же повиноваться, какъ и его собственнымъ. Кое-что изъ того, что упомянутая французская декларація считала неотъемлемымъ правомъ человѣка и гражданина, въ этомъ кодексѣ подвергалось уголовной карѣ; это-то и расположило въ пользу „Общаго земскаго права“ реакціонно настроеннаго преемника Фридриха II: непочтительная критика правительственныхъ дѣйствій наказывалась; авторы, издатели и продавцы опасныхъ сочиненій равнымъ образомъ подвергались гоненію; право публичныхъ собраній (до банкетовъ и маскарадовъ включительно) стѣснялось и т. п. Есть еще одна замѣчательная черта въ кодексѣ: онъ возлагаетъ на государство серьезную обязанность—заботиться о матеріальномъ благосостояніи тѣхъ, которые не могутъ сами пропитываться.

Основное содержаніе политическихъ трактатовъ Фридриха II и „Общаго земскаго права“ — одно и то же: и тутъ, и тамъ утвер-

ждаются права государства и государя. *Традиціи прусскаго абсолютизма облеклись въ сочиненіяхъ Фридриха II въ философскую форму, а положенія политической философіи переводились въ законодательный актъ, задуманный въ духѣ этихъ традицій.* Фридрихъ II унаслѣдовалъ общее представленіе о государствѣ и государѣ отъ своихъ преемниковъ и возвелъ это представленіе на степень философской идеи при помощи ученія объ естественномъ правѣ, на которомъ основывались и всѣ теоретики государственности, начиная съ Гоббза. Въ данномъ отношеніи между Фридрихомъ-королемъ и Фридрихомъ-философомъ не было никакого противорѣчія: практическій дѣятель и теоретикъ шли рука объ руку. Тѣмъ не менѣе великій монархъ не всегда былъ послѣдователенъ, когда изъ теоретическихъ посылокъ слѣдовало дѣлать практическіе выводы даже при полной поддержкѣ основныхъ принциповъ старой традиціи и новой философіи, совпадавшихъ между собою. Отвлеченное государство раціоналистической философіи XVIII вѣка, — мыслилось ли оно въ формѣ абсолютной монархіи, какъ у Фридриха II, или въ формѣ демократической республики, какъ у Руссо,—было отрицаніемъ традиціоннаго, исторически-сложившагося государства, какъ естественное право было отрицаніемъ права историческаго: государство въ идеѣ не было ни сословнымъ, ни вѣроисповѣднымъ, ни состоящимъ изъ самостоятельныхъ областныхъ частей. Провозглашая въ религіозномъ отношеніи вѣротерпимость, политическая философія XVIII в., съ другой стороны, во имя идей государственнаго единства и общаго блага требовала устраненіи областныхъ и сословныхъ перегородокъ, что лучше всего и проявилось въ томъ примѣненіи этой философіи къ жизни, которое мы наблюдаемъ въ законодательствѣ французской революціи. Если вѣроисповѣдная политика Фридриха II совпадала съ гогенцоллернской традиціей и съ требованіемъ „просвѣщенія", если создавая единое централизованное государство, въ которомъ долженъ былъ исчезнуть областной сепаратизмъ, этотъ король продолжалъ дѣло своихъ предшественниковъ и осуществлялъ отвлеченную идею единаго государства (одушевлявшую впослѣдствіи якобинцевъ во время французской революціи), то въ отношеніи къ сословному строю прусскаго государства, сложившемуся исторически, но осуждавшемуся философіей XVIII в., Фридрихъ II держался, наоборотъ, не новыхъ идей, а старыхъ традицій. *По отношенію къ прежнему соціальному строю король-философъ оказался консерваторомъ*, не внесшимъ въ этотъ строй никакихъ измѣненій. Въ прусскомъ государствѣ, какъ и вездѣ вообще въ XVIII в., за дворянствомъ сохранялись соціальныя привилегіи въ видѣ вознагражденія за лишеніе политическаго значенія, а потомъ и за службу въ арміи, такъ какъ дворянство поставляло офицеровъ, плохо оплачивавшихся

государствомъ и потому нуждавшихся въ доходахъ съ крестьянъ, Фридрихъ II не только сохранилъ этотъ порядокъ вещей, но и самъ смотрѣлъ на дворянство, какъ на людей высшей расы. Уже въ роли аудитора кюстринской палаты онъ высказывалъ аристократическія воззрѣнія, а сдѣлавшись королемъ, продолжалъ думать, что только дворянамъ присущи чувство чести и храбрость и что поэтому лишь они одни способны занимать офицерскія мѣста. То же самое Allgemeines Landrecht, которое основывало государство на служеніи общему благу, а права гражданъ—на естественной свободѣ, строго охраняло дворянскія привилегіи, рѣзко противополагая привилегированное сословіе всѣмъ остальнымъ. По закону для одного дворянства были открыты почетныя мѣста, одно оно имѣло доступъ ко двору (было hoffähig), а за его мнѣніями признавались разныя льготы: чиновничество было поставлено ниже дворянства, потому что не могло занимать высокихъ мѣстъ, пріобрѣтать рыцарскія имѣнія, появляться при дворѣ; чтобы дворянинъ не ронялъ своего достоинства, ему запрещалось занятіе промыслами и торговлею; не дозволялись такъ называемые мезальянсы и т. п. Только податныхъ изъятій не существовало въ Пруссіи для дворянства, но это было введено ранѣе Фридриха II. Подобно очень строгой границѣ, проводившейся прусскимъ правомъ между дворянствомъ и чиновничествомъ, существовала не менѣе рѣзкая граница между этимъ послѣднимъ и бюргерствомъ, не говоря уже о приниженномъ положеніи крестьянства. Потребности государства, удовлетворявшіяся старымъ военно-хозяйственнымъ режимомъ, часто заставляли Фридриха II смотрѣть на бюргерское и крестьянское населеніе Пруссіи, исключительно какъ на податную массу, нуждающуюся прежде всего въ строгой государственной и помѣщичьей дисциплинѣ. Объ отношеніи Фридриха II къ крѣпостному состоянію сельскаго населенія рѣчь будетъ еще итти впереди, а здѣсь мы только отмѣтимъ, что философскій Landrecht позволялъ помѣщикамъ наказывать неисправныхъ крестьянъ палочными ударами.

Однимъ словомъ, въ общемъ Фридрихъ II не былъ преобразователемъ, дѣятельность котораго была бы направлена къ коренному измѣненію внутреннихъ отношеній страны, и если тѣмъ не менѣе по своему относительному благоустройству прусская монархія занимала первое мѣсто среди континентальныхъ странъ, то этимъ она была обязана порядкамъ, заведеннымъ еще до Фридриха II, а имъ только поддержаннымъ и усовершенствованнымъ. Реформы короля-философа касались главнымъ образомъ администраціи, финансовъ, суда и отчасти взаимныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами при полномъ сохраненіи старыхъ основъ политическаго и соціальнаго строя. *Многія изъ такихъ преобразованій Фридриха II сдѣлались предметомъ под-*

ражанія для другихъ правительствъ и между прочимъ для Австріи. Однимъ изъ важныхъ его дѣлъ въ этомъ отношеніи была судебная реформа, главнымъ дѣятелемъ которой явился канцлеръ Самуилъ фонъ Кокцеи, ученый юристъ, державшійся доктрины естественнаго права. Фридриху II не удалось ввести задуманное имъ общее земское право, но онъ реформировалъ судоустройство и судопроизводство и способствовалъ созданію въ Пруссіи хорошаго судебнаго персонала [1]). Установленіе правильнаго порядка вмѣсто прежняго произвола въ судахъ вполнѣ соотвѣтствовало болѣе высокому пониманію задачъ государства. Генеральная директорія въ одномъ году (1748) съ судебной реформой получила новую инструкцію, вносившую улучшеніе въ ея дѣятельность, хотя одновременно расширялась компетенція королевскихъ чиновниковъ насчетъ земскихъ чиновъ въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ они еще сохранялись. Особенно развивалъ Фридрихъ II свою правительственную дѣятельность въ области государственнаго и народнаго хозяйства. У него была своя собственная экономическая теорія, въ существенныхъ своихъ частяхъ меркантилистическая; она сводилась къ тому, чтобы удерживать золото и серебро въ странѣ, покровительствуя развитію промышленности въ самой Пруссіи, но въ то же время охраняя и улучшая сельское хозяйство. Фридрихъ II заботился о колонизаціи малонаселенныхъ земель, объ осушкѣ болотъ, о введеніи новыхъ культуръ, объ основаніи заводовъ и фабрикъ, объ облегченіи кредита, объ улучшеніи путей сообщенія и условій торговли, объ увеличеніи государственной казны и т. д., и во всемъ этомъ достигъ весьма многаго, хотя въ то же время надѣлалъ немало крупныхъ ошибокъ. Заботы Фридриха II распространились и на народное образованіе. Въ 1763 г. онъ издалъ указъ о сельскихъ школахъ (General-Land-Schul-Reglement), во введеніи къ которому говорится о невѣжествѣ деревенскихъ жителей, какъ о великомъ злѣ и потому о необходимости просвѣщенія народныхъ массъ. Комментаріемъ къ этому регламенту могли бы служить нѣкоторыя мѣста въ сочиненіяхъ самого Фридриха, свидѣтельствующія о томъ, какъ вѣрно судилъ онъ о значеніи „воспитанія юношества“ съ точки зрѣнія общаго блага. Регламентъ 1763 г. дѣлалъ посѣщеніе первоначальныхъ школъ дѣтьми поселянъ обязательнымъ (Schulzwang), и за несоблюденіе этого правила должны были отвѣчать родители, опекуны и помѣщики.

Правительственная дѣятельность Фридриха II, направленная на

---

[1]) Project des Codicis Fridericiani Marchici oder eine, nach Sr. Kön. Majestät von Preussen Selbst vorgeschriebenem Plan entworfene Kammer-Gerichts-Ordnung nach welche alle Processe in einem Jahr durch alle drey Instanzen zum Ende gebracht werden sollen und müssen. 1748.

подъемъ матеріальныхъ и духовныхъ силъ страны, представляетъ изъ себя одно изъ капитальнѣйшихъ явленій прусской исторіи XVIII в., но сохраненіе старой политической и соціальной организаціи задерживало эти силы. Если во многихъ отношеніяхъ, какъ выражаются нѣмецкіе историки, Фридрихъ II и пересоздавалъ прежнее полицейское государство (Policeistaat) въ государство культурное (Kulturstaat) новѣйшаго времени, то это нисколько не измѣняетъ главнаго факта: старые государственные и общественные порядки, состоящіе въ соединеніи политическаго абсолютизма съ соціальными привилегіями, *пережили въ Пруссіи эпоху просвѣщеннаго абсолютизма*, но черезъ двадцать лѣтъ по смерти великаго короля эти порядки не выдержали первой серьезной пробы, когда одна битва въ войнѣ съ Наполеономъ I привела монархію Фридриха Великаго на край гибели и когда для спасенія будущности Пруссіи пришлось начать реформы именно въ той сферѣ внутреннихъ отношеній, въ которой король-философъ былъ прежде всего консерваторомъ. Вскорѣ послѣ смерти великаго короля и незадолго до начала французской революціи Мирабо издалъ свою знаменитую книгу „De la monarchie prussienne", въ которой прославлялась Пруссія Фридриха II и восхвалялся самъ этотъ король. Будущій дѣятель революціи, игравшій такую видную роль въ ея исторіи написалъ, собственно говоря, апологію личнаго правленія, разъ оно было въ рукахъ великаго короля, но и онъ видѣлъ, какъ все величіе Пруссіи держалось на этой личности. Совѣтуя „гражданамъ Германіи" признать въ бранденбургскомъ знамени палладіумъ своей свободы, Мирабо, между прочимъ, высказываетъ ту мысль, что ни одна страна въ Европѣ не созрѣла въ такой степени, какъ Пруссія, для того, чтобы осуществить идеалъ свободы—гражданской свободы всѣхъ подданныхъ, свободы промышленнаго труда, свободы торговли, свободы религіи, свободы мысли, свободы печати, свободы всѣхъ вещей и людей. Конечно, будущій народный трибунъ увлекался, но самое увлеченіе его Пруссіей и ея королемъ весьма характерно для такого политическаго дѣятеля, какимъ былъ Мирабо. Въ сравненіи съ тѣмъ застоемъ, который царствовалъ въ правительственной дѣятельности его собственной родины, прусскія отношенія должны были казаться чѣмъ-то необычайнымъ. Мирабо даже думалъ, что если Пруссія погибнетъ, то искусство управлять государствомъ, пожалуй, вернется къ младенческому состоянію.

Не одинъ Мирабо преклонялся передъ правительственною дѣятельностью прусскаго короля. Его прославляли Вольтеръ, Рейналь, и даже Руссо, „врагъ королей, обѣщалъ умереть у подножія его трона", если онъ „дастъ, наконецъ, счастье народу въ своемъ государствѣ и сдѣлается его отцомъ". Фридрихъ II производилъ силь-

ное впечатлѣніе на умы современниковъ, ожидавшихъ счастья народовъ отъ великихъ монарховъ, какимъ онъ былъ признанъ уже въ началѣ своего царствованія. Нѣмецкіе и иностранные государи и ихъ министры равнымъ образомъ видѣли въ Фридрихѣ идеалъ правителя и преобразователя, и изъ этихъ дѣятелей самымъ увлекающимся ученикомъ короля-философа оказался „римскій" императоръ Іосифъ II, другая интересная фигура изъ эпохи просвѣщеннаго абсолютизма. Онъ несравненно болѣе, нежели Фридрихъ II изъ двухъ основныхъ элементовъ этого направленія—старой государственной традиціи и новой философской идеи—отразилъ на своей дѣятельности стремленіе вѣка сдѣлать изъ неограниченной монархической власти орудіе радикальнаго преобразованія государства и общества.

XXIV. Марія-Терезія и Іосифъ II [1]).

Консервативный и прогрессивный абсолютизмъ въ Австріи и въ Пруссіи.—Династическія традиціи австрійскихъ Габсбурговъ.—Австрія при вступленіи на престолъ Маріи-Терезіи.—Марія-Терезія и значеніе ея преобразованій.—Ея помощники.—Ея мужъ и сынъ, какъ ея соправители.—Взаимныя отношенія Маріи-Терезіи и Іосифа II.—Характеръ и воспитаніе Іосифа II.—Іосифъ II въ эпоху соправительства.—Іосифъ II во Франціи.

Въ исторіи отдѣльныхъ западно-европейскихъ странъ и въ разныя эпохи королевскій абсолютизмъ игралъ далеко не одинаковую роль. Возникши въ католико-феодальномъ обществѣ, онъ долженъ былъ дѣйствовать на этотъ строй разлагающимъ образомъ, служа государственной идеѣ: прусскій военно-хозяйственный режимъ при всѣхъ своихъ сдѣлкахъ со старыми соціальными отношеніями былъ именно проникнутъ началомъ государственности, и вотъ почему традиціонная политика Гогенцоллерновъ такъ хорошо подготовляла собою просвѣщенный абсолютизмъ Фридриха II. Будучи продуктомъ роста госу-

[1]) Для эпохи Маріи-Терезіи особенно много сдѣлано *Arneth'омъ*, авторомъ десятитомной исторіи ея царствованія и издателемъ переписки ея и ея дѣтей, *Wolf'омъ* (Geschichtliche Bilder aus Oesterreich. II Bd.: Aus dem Zeitalter des Absolutismus und der Aufklärung.—Hist. Skizzen aus Oesterreich-Ungarn.—Aus dem Hof-Leben Maria-Theresia's. — Oesterreich unter Maria-Theresia, Joseph II und Leopold—послѣдній трудъ въ коллекціи Онкена). См. еще *Herrmann.* Maria-Theresia, als Gesetzgeberin.—По исторіи Іосифа II, кромѣ старой книги *Гроссъ-Гоффингера* (Lebens und Regierungsgeschichte Josephs II), см. монографіи *Meynert'a*, *J. Wendrinsky*, *A Beer'a*, *S. Brunner'a*, *Ritter'a*, *Jäger'a* и др. Столѣтняя годовщина со дня смерти Іосифа II оживила интересъ къ его царствованію и вызвала нѣсколько небольшихъ работъ объ Іосифѣ, изъ которыхъ наиболѣе цѣнною является „Josephina" проф. *Вольфа*.

подъемъ матеріальныхъ и духовныхъ силъ страны, представляетъ изъ себя одно изъ капитальнѣйшихъ явленій прусской исторіи XVIII в., но сохраненіе старой политической и соціальной организаціи задерживало эти силы. Если во многихъ отношеніяхъ, какъ выражаются нѣмецкіе историки, Фридрихъ II и пересоздавалъ прежнее полицейское государство (Policeistaat) въ государство культурное (Kulturstaat) новѣйшаго времени, то это нисколько не измѣняетъ главнаго факта: старые государственные и общественные порядки, состоящіе въ соединеніи политическаго абсолютизма съ соціальными привилегіями, *пережили въ Пруссіи эпоху просвѣщеннаго абсолютизма*, но черезъ двадцать лѣтъ по смерти великаго короля эти порядки не выдержали первой серьезной пробы, когда одна битва въ войнѣ съ Наполеономъ I привела монархію Фридриха Великаго на край гибели и когда для спасенія будущности Пруссіи пришлось начать реформы именно въ той сферѣ внутреннихъ отношеній, въ которой король-философъ былъ прежде всего консерваторомъ. Вскорѣ послѣ смерти великаго короля и незадолго до начала французской революціи Мирабо издалъ свою знаменитую книгу „De la monarchie prussienne“, въ которой прославлялась Пруссія Фридриха II и восхвалялся самъ этотъ король. Будущій дѣятель революціи, игравшій такую видную роль въ ея исторіи написалъ, собственно говоря, апологію личнаго правленія, разъ оно было въ рукахъ великаго короля, но и онъ видѣлъ, какъ все величіе Пруссіи держалось на этой личности. Совѣтуя „гражданамъ Германіи“ признать въ бранденбургскомъ знамени палладіумъ своей свободы, Мирабо, между прочимъ, высказываетъ ту мысль, что ни одна страна въ Европѣ не созрѣла въ такой степени, какъ Пруссія, для того, чтобы осуществить идеалъ свободы—гражданской свободы всѣхъ подданныхъ, свободы промышленнаго труда, свободы торговли, свободы религіи, свободы мысли, свободы печати, свободы всѣхъ вещей и людей. Конечно, будущій народный трибунъ увлекался, но самое увлеченіе его Пруссіей и ея королемъ весьма характерно для такого политическаго дѣятеля, какимъ былъ Мирабо. Въ сравненіи съ тѣмъ застоемъ, который царствовалъ въ правительственной дѣятельности его собственной родины, прусскія отношенія должны были казаться чѣмъ-то необычайнымъ. Мирабо даже думалъ, что если Пруссія погибнетъ, то искусство управлять государствомъ, пожалуй, вернется къ младенческому состоянію.

Не одинъ Мирабо преклонялся передъ правительственною дѣятельностью прусскаго короля. Его прославляли Вольтеръ, Рейналь, и даже Руссо, „врагъ королей, обѣщалъ умереть у подножія его трона“, если онъ „дастъ, наконецъ, счастье народу въ своемъ государствѣ и сдѣлается его отцомъ“. Фридрихъ II производилъ силь-

ное впечатлѣніе на умы современниковъ, ожидавшихъ счастья народовъ отъ великихъ монарховъ, какимъ онъ былъ признанъ уже въ началѣ своего царствованія. Нѣмецкіе и иностранные государи и ихъ министры равнымъ образомъ видѣли въ Фридрихѣ идеалъ правителя и преобразователя, и изъ этихъ дѣятелей самымъ увлекающимся ученикомъ короля-философа оказался „римскій" императоръ Іосифъ II, другая интересная фигура изъ эпохи просвѣщеннаго абсолютизма. Онъ несравненно болѣе, нежели Фридрихъ II изъ двухъ основныхъ элементовъ этого направленія—старой государственной традиціи и новой философской идеи—отразилъ на своей дѣятельности стремленіе вѣка сдѣлать изъ неограниченной монархической власти орудіе радикальнаго преобразованія государства и общества.

XXIV. Марія-Терезія и Іосифъ II [1]).

Консервативный и прогрессивный абсолютизмъ въ Австріи и въ Пруссіи.—Династическія традиціи австрійскихъ Габсбурговъ.—Австрія при вступленіи на престолъ Маріи-Терезіи.—Марія-Терезія и значеніе ея преобразованій.—Ея помощники.—Ея мужъ и сынъ, какъ ея соправители.—Взаимныя отношенія Маріи-Терезіи и Іосифа II.—Характеръ и воспитаніе Іосифа II.—Іосифъ II въ эпоху соправительства.—Іосифъ II во Франціи.

Въ исторіи отдѣльныхъ западно-европейскихъ странъ и въ разныя эпохи королевскій абсолютизмъ игралъ далеко не одинаковую роль. Возникши въ католико-феодальномъ обществѣ, онъ долженъ былъ дѣйствовать на этотъ строй разлагающимъ образомъ, служа государственной идеѣ: прусскій военно-хозяйственный режимъ при всѣхъ своихъ сдѣлкахъ со старыми соціальными отношеніями былъ именно проникнутъ началомъ государственности, и вотъ почему традиціонная политика Гогенцоллерновъ такъ хорошо подготовляла собою просвѣщенный абсолютизмъ Фридриха II. Будучи продуктомъ роста госу-

---

[1]) Для эпохи Маріи-Терезіи особенно много сдѣлано *Arneth'омъ*, авторомъ десятитомной исторіи ея царствованія и издателемъ переписки ея и ея дѣтей, *Wolf'омъ* (Geschichtliche Bilder aus Oesterreich. II Bd.: Aus dem Zeitalter des Absolutismus und der Aufklärung.—Hist. Skizzen aus Oesterreich-Ungarn.—Aus dem Hof-Leben Maria-Theresia's. — Oesterreich unter Maria-Theresia, Joseph II und Leopold—послѣдній трудъ въ коллекціи Онкена). См. еще *Herrmann*. Maria-Theresia, als Gesetzgeberin.—По исторіи Іосифа II, кромѣ старой книги *Гроссъ-Гоффингера* (Lebens und Regierungsgeschichte Josephs II), см. монографіи *Meynert'a*, *J. Wendrinsky*, *A Beer'a*, *S. Brunner'a*, *Ritter'a*, *Jäger'a* и др. Столѣтняя годовщина со дня смерти Іосифа II оживила интересъ къ его царствованію и вызвала нѣсколько небольшихъ работъ объ Іосифѣ, изъ которыхъ наиболѣе цѣнною является „Josephina" проф. *Вольфа*.

стическою между ними связью, не было нарушено какимъ-либо кореннымъ измѣненіемъ въ существующихъ отношеніяхъ. Правда, основныя стремленія абсолютизма находились въ противорѣчіи съ необходимостью держаться такой политики, и вѣнское правительство не всегда ей слѣдовало, но обстоятельства постоянно заставляли его къ ней возвращаться. Въ сущности та же политическая необходимость и въ первой половинѣ XIX в., въ эпоху Меттерниха заставляла Австрію быть оплотомъ консерватизма въ центрѣ Европы. Поддерживать statum quo значило дѣлать уступки не только областному сепаратизму, но и тѣмъ общественнымъ классамъ, на которыхъ этотъ сепаратизмъ держался; затронуть въ Габсбургскихъ владѣніяхъ аристократическія привилегіи и соціальный феодализмъ значило вызвать противъ себя не только консервативную оппозицію, но и сепаратистическія стремленія. Такимъ образомъ самъ по себѣ консервативный *абсолютизмъ австрійскихъ Габсбурговъ былъ, дѣйствительно, какъ мы сказали выше, клерикально-аристократическимъ.* Въ духѣ этихъ традицій воспитывались поколѣнія габсбургскихъ государей, повидимому, унаслѣдовавшихъ отъ своей прабабки (Іоанны Безумной) наклонность къ меланхолической бездѣятельности. Старшая, испанская линія Габсбурговъ вымерла при самомъ переходѣ въ XVIII в. Однимъ изъ кандидатовъ на „испанское наслѣдство", какъ извѣстно, былъ младшій сынъ императора Леопольда I (1657—1705) Карлъ, который по смерти своего старшаго брата императора Іосифа I (1705—1771) сдѣлался самъ австрійскимъ государемъ, но со смертью его прекратилась и младшая линія Габсбурговъ (1740), въ силу чего открывалось „австрійское наслѣдство", и монархіи грозило распаденіе.

Дочери и преемницѣ Карла VI, Маріи-Терезіи, вышедшей замужъ за Франца-Стефана Лотарингскаго, *предстояла двойная задача— охранить „наслѣдство" отъ расхищенія и вмѣстѣ съ тѣмъ внести въ жизнь подвластныхъ земель необходимыя перемѣны.* Не имѣя потомства мужескаго пола, Карлъ VI составилъ подъ названіемъ „прагматической санкціи" государственный актъ, въ силу котораго всѣ земли, находившіяся подъ его властью, должны были составить одно нераздѣльное цѣлое съ переходомъ правъ на корону къ его дочери. Въ 1720 г. этотъ актъ былъ принятъ сеймами австрійскихъ и чешскихъ земель, въ 1722 г.—сеймами венгерскимъ и трансильванскимъ, а потомъ поставленъ и подъ гарантію иностранныхъ державъ. Но эта „прагматическая санкція" не обезпечила вполнѣ цѣлости монархіи, которой пришлось вести тяжелую борьбу изъ-за Силезіи, ставшей добычею Фридриха II. Враги Маріи-Терезіи прямо думали о раздѣлѣ ея владѣній, а ни одно другое государство по своему пестрому составу не представляло столько удобствъ въ этомъ отно-

шеніи, какъ монархія Габсбурговъ. Австрія, однако, уцѣлѣла,— благодаря особенно содѣйствію мадьяръ, привилегіи которыхъ были подтверждены Маріей-Терезіей, — но при этомъ пострадала Чехія, лишившаяся трети земель своей „короны“ (Силезія) и многихъ областныхъ вольностей. Съ другой стороны, государство нуждалось въ реформахъ. Успѣхи Фридриха II въ войнѣ за австрійское наслѣдство до очевидности показывали, что оставаться при устарѣлыхъ формахъ было болѣе невозможно. Австрія была одною изъ наиболѣе отсталыхъ странъ, и даже сама нѣмецкая національность, въ ней первенствовавшая въ культурномъ отношеніи, не стояла на томъ уровнѣ цивилизаціи, какого она достигала въ другихъ нѣмецкихъ странахъ. Католическая реакція сдѣлала свое дѣло. Школа и печать, находившіяся въ рукахъ іезуитовъ, были постоянно дѣйствовавшими орудіями этой реакціи, и культура протестантской Германіи почти не проникала въ Австрію. Общій упадокъ выразился между прочимъ въ томъ, что въ странѣ, какъ говорится, „не было людей“, и правительству приходилось выписывать нужныхъ людей изъ другихъ нѣмецкихъ земель; если, однако, пріѣзжіе были протестанты, то отъ нихъ требовали — хотя бы только чисто наружнаго — обращенія въ католицизмъ, дабы они могли жить въ Австріи и находиться на службѣ у ея правительства. Культурному упадку соотвѣтствовало и полное разстройство въ управленіи. Габсбурги словно боялись хоть въ чемъ-нибудь тронуть старые порядки въ администраціи, судѣ, финансовомъ вѣдомствѣ и потому сквозь пальцы смотрѣли на злоупотребленія чиновниковъ.

Когда въ 1740 г. умеръ Карлъ VI, его наслѣдницѣ было только 23 года. Молодая женщина проявила необычайную энергію въ защитѣ своихъ правъ и съ честью вышла изъ борьбы съ Фридрихомъ II, вступившимъ на прусскій престолъ въ одномъ съ нею году. Марія-Терезія была, дѣйствительно, замѣчательной государыней. Хотя отецъ держалъ ее, къ великому ея огорченію, далеко отъ государственныхъ дѣлъ, но, несмотря на свою молодость и неопытность, она нашлась среди трудныхъ обстоятельствъ, въ которыя ее поставила война за австрійское наслѣдство. Весьма естественно, что къ Фридриху II она воспылала страшною ненавистью, причиною которой было не одно то, впрочемъ, что прусскій король лишилъ ее Силезіи. Марія-Терезія получила строго-католическое воспитаніе и была ревностною дочерью римской церкви, и Фридрихъ II былъ для нея злымъ безбожникомъ. Тѣмъ не менѣе она считала возможнымъ учиться у этого врага и, дѣйствительно, у него училась, вводя преобразованія въ своемъ государствѣ. Въ характерѣ Маріи-Терезіи совсѣмъ не было того, что отличало впослѣдствіи ея сына, не было именно страсти къ нововведе-

ніямъ, но она понимала, что по старому внутреннія дѣла въ ея владѣніяхъ итти болѣе уже не могли. *Въ преобразовательной дѣятельности Маріи-Терезіи мы встрѣчаемся со многими чертами просвѣщеннаго абсолютизма*, хотя сама она ни въ какомъ отношеніи не можетъ считаться представительницей или сторонницей новыхъ идей, Дѣло, конечно, въ томъ, что не однѣ новыя отвлеченныя идеи были источникомъ реформъ XVIII в., но реальныя потребности, которыя сами порождали нерѣдко и самыя эти идеи или, по крайней мѣрѣ, придавали имъ жизненную силу. Въ австрійской политикѣ, какъ и во всякой другой, боролись между собою два теченія—консервативное и инноваторское, при большемъ или меньшемъ преобладаніи перваго изъ нихъ. Разсматривая преобразованія Маріи-Терезіи, мы имѣемъ полное право сопоставить ихъ со всѣми тѣми мѣропріятіями въ другихъ государствахъ и въ другія времена, со всѣми тѣми нововведеніями, которыя имѣли своею цѣлью большую централизацію, упорядоченіе администраціи и финансовъ, улучшеніе судебныхъ порядковъ и подъемъ народнаго богатства. Реформы Маріи-Терезіи не коснулись только Венгріи, которая какъ мы видѣли, выговорила себѣ сохраненіе старыхъ отношеній, чѣмъ и объясняется энергичная поддержка мадьяръ, помогшая Маріи-Терезіи отстоять свою монархію отъ полнаго распаденія.

Въ своей правительственной дѣятельности Марія-Терезія нашла выдающихся помощниковъ. Главнымъ организаторомъ бюрократическаго правленія въ Австріи былъ силезскій графъ Гаугвицъ; его значеніе сама монархиня опредѣлила такимъ образомъ въ письмѣ къ его вдовѣ послѣ его смерти, послѣдовавшей въ 1765 г.: „онъ одинъ водворилъ въ государствѣ порядокъ, вмѣсто хаоса“ (confusion). Въ области финансовъ особенно много сдѣлалъ для Австріи чешскій графъ Хотэкъ, и лишь благодаря его умѣлому заправленію финансами, Марія-Терезія могла вести семилѣтнюю войну. Во главѣ иностранной политики стоялъ графъ, впослѣдствіи (съ 1764 г.) князь Венцель Кауницъ, самая крупная личность въ тогдашнемъ австрійскомъ мірѣ. Между прочимъ, въ должности канцлера и перваго министра онъ создалъ въ 1760 г. для нѣмецкихъ и чешскихъ земель государственный совѣтъ (Staatsrath), главное орудіе централистическаго абсолютизма при Маріи-Терезіи и Іосифѣ II, учрежденіе, вносившее извѣстное единство и порядокъ въ веденіе дѣлъ. Къ числу помощниковъ Маріи-Терезіи нужно отнести и мужа ея Франца-Стефана Лотарингскаго, который вмѣстѣ съ Хотэкомъ управлялъ финансами.

По вѣнскому миру (1738) Францъ-Стефанъ уступилъ Лотарингію Станиславу Лещинскому, получивъ взамѣнъ Тоскану, гдѣ прекрати-

лась династія Медичи, а въ началѣ царствованія своей супруги онъ сдѣлался ея соправителемъ по Богеміи, какъ курфюршеству; въ 1745 г. его выбрали въ римскіе императоры по смерти Карла VII (Карла-Альбрехта Боварскаго, одного изъ претендентовъ на „наслѣдство“), причемъ онъ принялъ имя Франца I [1]). Самъ по себѣ это былъ человѣкъ, сильно любившій удовольствія, игру, охоту и, пожалуй, еще больше—деньги, что и дѣлало его спеціалистомъ въ области финансовъ; извѣстно, что онъ создалъ и лично для себя большое состояніе. Францъ I умеръ въ 1765 г. Отъ брака съ нимъ Марія-Терезія имѣла шестнадцать дѣтей, старшимъ изъ которыхъ и былъ Іосифъ, родившійся въ 1741 г. По смерти отца, имѣя тогда 24 года отъ роду, онъ сдѣлался императоромъ, и тогда же мать назначила его своимъ соправителемъ, ограничивъ, впрочемъ, его дѣятельность придворными, военными и финансовыми дѣлами, да и тутъ не давая ему полной самостоятельности. Съ этого времени въ австрійскихъ высшихъ сферахъ образовалось два направленія: одно было направленіе самой императрицы, направленіе, враждебное французскому „просвѣщенію“, главнымъ представителемъ котораго среди государей былъ Фридрихъ II, а къ другому принадлежалъ ея сынъ, который былъ сторонникомъ новыхъ идей и преклонялся передъ прусскимъ королемъ. Какъ ни противоположны были стремленія Маріи-Терезіи и Іосифа II, между ними было и много общаго. Ихъ раздѣляли преимущественно вопросы, въ которыхъ особенно ярко выступали идеи „просвѣщенія“, но ихъ сближала общая почва политики абсолютизма. Іосифъ II постоянно представлялъ своей матери проекты реформъ, и нѣкоторые изъ нихъ были осуществлены какъ въ военномъ дѣлѣ, въ которомъ образцомъ для императора служилъ Фридрихъ II, такъ и въ области финансовъ, гдѣ сдѣланы были нѣкоторыя улучшенія. Въ большинствѣ случаевъ реформаторскія стремленія Іосифа II поселяли, однако, въ его матери тревогу, и сынъ, не находя у нея сочувствія, охотно соглашался даже сложить съ себя соправительство. Только во внѣшней политикѣ Іосифъ II умѣлъ настаивать на проведеніи своихъ идей [2]).

Вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ между Маріей-Терезіей и Іосифомъ II имѣетъ весьма большой интересъ для опредѣленія характера и значенія реформаторской дѣятельности самого Іосифа II.

---

[1]) *H. Meynert.* Kaiser Franz I.

[2]) По первому польскому раздѣлу Австрія пріобрѣла Галицію (1772), захватила Буковину (1775) и отняла у Баваріи такъ называемый Innviertel (между Зальцбургомъ и Нассау). См. между прочимъ *Gross-Hoffinger.* Die Theilung Polens und die Geschichte der österreichischen Herrschaft in Galizien.—*Biedermann.* Die Bukowina unter österreichischen Verwaltung.

Говоря это, мы имѣемъ въ виду не материнскія и сыновнія чувства, которыя касаются ихъ обоихъ, какъ частныхъ людей, а ихъ правительственныя программы. Дѣло, конечно, не въ томъ, что Марія-Терезія отличалась добродѣтелями хорошей семьянинки, и что самъ Іосифъ II былъ добрымъ сыномъ, искренне, напримѣръ, опечаленнымъ смертью матери и видѣвшимъ большое несчастье въ невозможности называться болѣе сыномъ. Главный вопросъ касается того, какъ можно опредѣлить отношеніе царствованія Іосифа II, уже при жизни матери носившагося съ планами крупныхъ реформъ, къ царствованію Маріи-Терезіи, которая также прославила себя преобразовательною дѣятельностью. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что императоръ порвалъ съ старыми габсбургскими традиціями и на австрійскомъ тронѣ явился настоящимъ революціонеромъ, но этимъ еще не рѣшается вопросъ, насколько эта революціонная дѣятельность вытекала исключительно изъ отвлеченныхъ идей „философіи" XVIII в., для которой ошибки и неудачи Іосифа II снискали—въ отношеніи къ его внутренней политикѣ—названіе безпочвенной идеологіи. Императору-преобразователю ставятъ часто въ вину, что вся его дѣятельность вытекала изъ отвлеченнаго умозрѣнія, совершенно отрѣшившагося отъ условій и потребностей жизненной практики,—упрекъ, который нерѣдко дѣлается и многимъ дѣятелямъ французской революціи, и при этомъ ошибки и неудачи Іосифа II играютъ роль доказательствъ того, что вся его дѣятельность была безсодержательна. Ей вообще противополагаютъ болѣе умѣлую и успѣшную политику Фридрихъ II, менѣе зараженнаго духомъ раціоналистической идеологіи; противополагаютъ Іосифу II и его мать, которая своими мѣропріятіями лишь удовлетворяла назрѣвшимъ потребностямъ, не забѣгая впередъ. Что Іосифъ II не отличался тою практичностью, которая характеризуетъ Фридриха II и Марію-Терезію, что многое начато имъ было неумѣло и не увѣнчалось успѣхомъ, это не подлежитъ никакому сомнѣнію, но отсюда еще далеко до утвержденія, будто всѣ его начинанія не имѣли ничего общаго съ потребностями времени. Двумя главными дѣлами своего царствованія онъ считалъ введеніе вѣротерпимости и уничтоженіе крѣпостничества. Несмотря на католическую реакцію, въ Габсбургской монархіи все-таки еще были протестанты [1]), и сама политика требовала, чтобы силы протестантскихъ подданныхъ государства не пропадали для него даромъ вслѣдствіе тѣхъ стѣсненій, какимъ они подвергались. Этотъ мотивъ такъ сильно дѣйствовалъ на Іосифа II, что, по представленію одного историка, это именно и было

[1]) *G. Wolf*. Die Protestanten in Oesterreich unter der Kaiserin Maria-Theresia.

главною причиною введенія императоромъ вѣротерпимости. Что касается до крестьянскаго вопроса, особенно сильно интересовавшаго Іосифа II, то это было больное мѣсто не въ одной Австріи, да и въ ней самой Марія-Терезія, которую никто не обвиняетъ въ реформаторскомъ зудѣ, своими мѣропріятіями и въ этой области положила начало крестьянскимъ реформамъ сына. Іосифъ II могъ быть неумѣлъ и непредусмотрителенъ, могъ больше полагаться на вѣрность основной идеи и на силу своей власти, чѣмъ это допустимо въ политической дѣятельности, требующей бо́льшей внимательности къ реальнымъ условіямъ и бо́льшей выработки практическихъ средствъ, но все это имѣетъ значеніе для характеристики пріемовъ его дѣятельности, а не ея цѣлей. *То, къ чему стремился Іосифъ II, въ сущности не противорѣчило задачѣ, какую ставила себѣ Марія-Терезія*—возвысить государство надъ всѣми остатками старины, столь сильными въ Австріи, ввести въ него начала централизаціи и бюрократическаго правленія, поставивъ ихъ на мѣсто областного сепаратизма и сословнаго самоуправленія: т.-е. это была старая задача абсолютизма, которую разрѣшали многіе государи и правители новаго времени. Различіе между Іосифомъ II и его матерью заключается лишь въ томъ, что онъ шелъ къ своей цѣли прямѣе и открытѣе, дѣйствовалъ рѣшительнѣе, но и неосмотрительнѣе, думая быстрыми и крупными мѣрами осуществить то, чего Марія-Терезія хотѣла достигнуть исподволь и болѣе ловкостью, чѣмъ примѣненіемъ силы. Все дѣло было въ темпераментѣ императора и въ томъ, что у него былъ своего рода фанатизмъ, именно фанатизмъ идеи просвѣщеннаго абсолютизма, роднящій его съ такими революціонными государственниками, какими были якобинцы. И Іосифъ II, подобно этимъ дѣятелямъ революціи, былъ убѣжденъ, что счастье народовъ зависитъ отъ осуществленія государственной идеи, да и общее благо, взятое въ наиболѣе реальномъ своемъ пониманіи—благосостоянія отдѣльныхъ личностей, было, дѣйствительно, однимъ изъ стимуловъ дѣятельности императора. Не нужно, наконецъ, еще забывать, что Іосифъ II жилъ въ самомъ концѣ періода просвѣщеннаго абсолютизма: во многихъ отношеніяхъ ему не приходилось прокладывать новыхъ путей, и на него дѣйствовали не только бывшія тогда въ ходу идеи, но и примѣры другихъ правительствъ; это касается особенно его церковныхъ реформъ, наиболѣе подвергавшихся критикѣ.

Уже ребенкомъ Іосифъ II обнаруживалъ тѣ свойства, которыя отличали его, какъ взрослаго человѣка. Въ немъ не было и слѣда меланхолической подавленности его мужскихъ предковъ съ материнской стороны; это скорѣе былъ непосѣда, съ которымъ его воспитателямъ трудно было справляться и изъ котораго выросъ впослѣдствіи

Говоря это, мы имѣемъ въ виду не материнскія и сыновнія чувства, которыя касаются ихъ обоихъ, какъ частныхъ людей, а ихъ правительственныя программы. Дѣло, конечно, не въ томъ, что Марія-Терезія отличалась добродѣтелями хорошей семьянинки, и что самъ Іосифъ II былъ добрымъ сыномъ, искренне, напримѣръ, опечаленнымъ смертью матери и видѣвшимъ большое несчастье въ невозможности называться болѣе сыномъ. Главный вопросъ касается того, какъ можно опредѣлить отношеніе царствованія Іосифа II, уже при жизни матери носившагося съ планами крупныхъ реформъ, къ царствованію Маріи-Терезіи, которая также прославила себя преобразовательною дѣятельностью. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что императоръ порвалъ съ старыми габсбургскими традиціями и на австрійскомъ тронѣ явился настоящимъ революціонеромъ, но этимъ еще не рѣшается вопросъ, насколько эта революціонная дѣятельность вытекала исключительно изъ отвлеченныхъ идей „философіи“ XVIII в., для которой ошибки и неудачи Іосифа II снискали—въ отношенія къ его внутренней политикѣ—названіе безпочвенной идеологіи. Императору-преобразователю ставятъ часто въ вину, что вся его дѣятельность вытекала изъ отвлеченнаго умозрѣнія, совершенно отрѣшившагося отъ условій и потребностей жизненной практики,—упрекъ, который нерѣдко дѣлается и многимъ дѣятелямъ французской революціи, и при этомъ ошибки и неудачи Іосифа II играютъ роль доказательствъ того, что вся его дѣятельность была безсодержательна. Ей вообще противополагаютъ болѣе умѣлую и успѣшную политику Фридрихъ II, менѣе зараженнаго духомъ раціоналистической идеологіи; противополагаютъ Іосифу II и его мать, которая своими мѣропріятіями лишь удовлетворяла назрѣвшимъ потребностямъ, не забѣгая впередъ. Что Іосифъ II не отличался тою практичностью, которая характеризуетъ Фридриха II и Марію-Терезію, что многое начато имъ было неумѣло и не увѣнчалось успѣхомъ, это не подлежитъ никакому сомнѣнію, но отсюда еще далеко до утвержденія, будто всѣ его начинанія не имѣли ничего общаго съ потребностями времени. Двумя главными дѣлами своего царствованія онъ считалъ введеніе вѣротерпимости и уничтоженіе крѣпостничества. Несмотря на католическую реакцію, въ Габсбургской монархіи все-таки еще были протестанты [1]), и сама политика требовала, чтобы силы протестантскихъ подданныхъ государства не пропадали для него даромъ вслѣдствіе тѣхъ стѣсненій, какимъ они подвергались. Этотъ мотивъ такъ сильно дѣйствовалъ на Іосифа II, что, по представленію одного историка, это именно и было

---

[1]) *G. Wolf.* Die Protestanten in Oesterreich unter der Kaiserin Maria-Theresia.

главною причиною введенія императоромъ вѣротерпимости. Что касается до крестьянскаго вопроса, особенно сильно интересовавшаго Іосифа II, то это было больное мѣсто не въ одной Австріи, да и въ ней самой Марія-Терезія, которую никто не обвиняетъ въ реформаторскомъ зудѣ, своими мѣропріятіями и въ этой области положила начало крестьянскимъ реформамъ сына. Іосифъ II могъ быть неумѣлъ и непредусмотрителенъ, могъ больше полагаться на вѣрность основной идеи и на силу своей власти, чѣмъ это допустимо въ политической дѣятельности, требующей бо́льшей внимательности къ реальнымъ условіямъ и бо́льшей выработки практическихъ средствъ, но все это имѣетъ значеніе для характеристики пріемовъ его дѣятельности, а не ея цѣлей. *То, къ чему стремился Іосифъ II, въ сущности не противорѣчило задачѣ, какую ставила себѣ Марія-Терезія*—возвысить государство надъ всѣми остатками старины, столь сильными въ Австріи, ввести въ него начала централизаціи и бюрократическаго правленія, поставивъ ихъ на мѣсто областного сепаратизма и сословнаго самоуправленія: т.-е. это была старая задача абсолютизма, которую разрѣшали многіе государи и правители новаго времени. Различіе между Іосифомъ II и его матерью заключается лишь въ томъ, что онъ шелъ къ своей цѣли прямѣе и открытѣе, дѣйствовалъ рѣшительнѣе, но и неосмотрительнѣе, думая быстрыми и крупными мѣрами осуществить то, чего Марія-Терезія хотѣла достигнуть исподволь и болѣе ловкостью, чѣмъ примѣненіемъ силы. Все дѣло было въ темпераментѣ императора и въ томъ, что у него былъ своего рода фанатизмъ, именно фанатизмъ идеи просвѣщеннаго абсолютизма, роднящій его съ такими революціонными государственниками, какими были якобинцы. И Іосифъ II, подобно этимъ дѣятелямъ революціи, былъ убѣжденъ, что счастье народовъ зависитъ отъ осуществленія государственной идеи, да и общее благо, взятое въ наиболѣе реальномъ своемъ пониманіи—благосостоянія отдѣльныхъ личностей, было, дѣйствительно, однимъ изъ стимуловъ дѣятельности императора. Не нужно, наконецъ, еще забывать, что Іосифъ II жилъ въ самомъ концѣ періода просвѣщеннаго абсолютизма: во многихъ отношеніяхъ ему не приходилось прокладывать новыхъ путей, и на него дѣйствовали не только бывшія тогда въ ходу идеи, но и примѣры другихъ правительствъ; это касается особенно его церковныхъ реформъ, наиболѣе подвергавшихся критикѣ.

Уже ребенкомъ Іосифъ II обнаруживалъ тѣ свойства, которыя отличали его, какъ взрослаго человѣка. Въ немъ не было и слѣда меланхолической подавленности его мужскихъ предковъ съ материнской стороны; это скорѣе былъ непосѣда, съ которымъ его воспитателямъ трудно было справляться и изъ котораго выросъ впослѣдствіи

тельность. Іосифъ II съ самаго же начала проникся идеей долга передъ государствомъ, работать на пользу котораго онъ считалъ самою священною своею обязанностью, и ему было досадно, что его взгляды не получали хода въ правительственной дѣятельности матери. Тѣмъ не менѣе онъ дѣлалъ, что могъ. Получивъ въ наслѣдство отъ отца нѣсколько милліоновъ гульденовъ, онъ подарилъ ихъ казнѣ, дабы можно было уменьшить цифру лежавшихъ на ней долговъ. Придворные расходы были сокращены. Подвижной и дѣятельный, съ гуманными стремленіями и мало расположенный къ удовольствіямъ, императоръ искалъ работы и, не довольствуясь тѣмъ, что предоставлено ему было дѣлать, объѣзжалъ разныя части монархіи, чтобы видѣть все собственными глазами. „Провидѣніе, писалъ онъ еще до начала своей правительственной дѣятельности,—не милліоны создало для государя, а государя поставило на то, чтобы онъ всецѣло посвящалъ себя служенію этимъ милліонамъ“. Одною изъ любимыхъ идей его была идея вѣротерпимости, но какъ разъ она-то была и непонятна, и несимпатична католичкѣ-императрицѣ. Въ одномъ изъ своихъ частныхъ писемъ (1772) Марія-Терезія жаловалась, что у ея сына „слишкомъ много антипатіи къ старымъ правамъ и духовенству и слишкомъ свободные принципы въ морали“. „Я слишкомъ стара, писала она еще (1775), чтобы обратиться къ такимъ принципамъ, и молю Бога, чтобы къ нимъ никогда не обратился мой преемникъ“. Іосифу II пришлось объяснять своей матери, что дарованіе свободы вѣроисповѣданія протестантамъ не есть еще личная измѣна католической церкви, но Марія-Терезія стояла на своемъ: „дѣло идетъ о вашемъ спасеніи, писала она ему въ одномъ изъ своихъ писемъ (1777); все это происходитъ отъ ложныхъ сужденій и отъ дурныхъ книгъ“. Кромѣ того, Іосифъ II настаивалъ на необходимости болѣе энергичнаго вмѣшательства во взаимныя отношенія между помѣщиками и крестьянами. Иногда между императрицей и соправителемъ дѣло доходило до настоящаго столкновенія. Іосифъ II даже отказывался отъ соправительства. И это, какъ и неудачная попытка болѣе дѣятельной политики въ имперіи, раздражало будущаго реформатора, а завѣдованіе военными дѣлами, предоставленное ему матерью, наоборотъ, пріучило его повелѣвать, требовать повиновенія безъ разсужденія, держать подчиненныхъ въ строгой дисциплинѣ. Понятно, что когда смерть Маріи-Терезіи сдѣлала его полновластнымъ распорядителемъ въ габсбургскихъ земляхъ, тогда все, что сдерживало порывы Іосифа II, исчезло, и онъ съ увлеченіемъ бросился въ дѣятельность реформатора.

Отмѣтимъ изъ этой эпохи еще одно изъ заграничныхъ путешествій Іосифа II. Въ 1777 г. онъ посѣтилъ Францію, гдѣ была за-

мужемъ за королемъ (Людовикомъ XVI) его сестра (Марія-Антуанета). Іосифъ II пріѣхалъ сюда incognito, подъ именемъ гр. Фалькенштейна и главное вниманіе обратилъ на парижскія благотворительныя учрежденія, художественныя собранія, промышленныя заведенія и, наоборотъ, не только не обнаружилъ большого интереса къ версальской придворной жизни, но даже высказалъ по ея поводу немало горькихъ истинъ. Своимъ пребываніемъ въ столицѣ Франціи Іосифъ II воспользовался и для того, чтобы ближе познакомиться и съ умственною жизнью страны въ лицѣ ея представителей; онъ видѣлся съ Руссо, съ д'Аламберомъ, съ Тюрго, съ Мармонтелемъ, съ Бюффономъ, съ Неккеромъ. Ему хотѣлось повидаться и съ Вольтеромъ, жившимъ тогда въ Фернеѣ, но Марія-Терезія самымъ настоятельнымъ образомъ потребовала отъ сына, чтобы онъ во время своего путешествія не вздумалъ посѣтить этого защитника вѣротерпимости. Дорога путешествующаго императора лежала черезъ Ферней; когда мѣняли лошадей на станціи, Іосифъ II гулялъ въ саду, расчитывая случайно встрѣтить философа, но Вольтеръ не вышелъ, повидимому, ожидая, что императоръ будетъ къ нему въ гости самъ; оба обманулись въ своихъ надеждахъ, и Іосифъ II продолжалъ путь, такъ-таки и не повидавшись съ Вольтеромъ. У сына Маріи-Терезіи не было такого стремленія къ разрѣшенію отвлеченныхъ вопросовъ и не образовалось такихъ прочныхъ связей съ „просвѣтителями" XVIII в., какъ у Фридриха II, но общій духъ ихъ философіи былъ вообще ему симпатиченъ, и онъ считалъ ихъ идеи наиболѣе годными для того, чтобы осчастливить человѣчество. Во время своего путешествія онъ посѣтилъ нѣсколько странъ, много видѣлъ и возвратился съ желаніемъ пересадить на родную почву многое изъ того, что ему пришлось видѣть. На его сторону склонялся и Кауницъ, бывшій въ личныхъ сношеніяхъ съ французскими философами.

Въ 1780 г. Марія-Терезія умерла, и Іосифъ II сдѣлался правителемъ Австріи. „Voilà un nouveau ordre des choses!" воскликнулъ Фридрихъ II при этомъ извѣстіи.

XXV. „Іозефинизмъ" и консервативная оппозиція [1]).

Общій характеръ реформаторской дѣятельности Іосифа II.—Его правительственная система и ея сходство съ революціей.—«Іозефинизмъ».—Національная оппозиція централистической политикѣ Іосифа II. — Венгрія, Чехія, Нидерланды. — Событія въ Бельгіи и Венгріи и французская революція. — Іосифъ II и католическая церковь.—Вѣротерпимость Іосифа II.— Аристократическая оппозиція при Іосифѣ II.—Внутреннія затрудненія, встрѣченныя Іосифомъ II.—Его реформаторская дѣятельность и внѣшняя политика.

Царствованіе Іосифа II въ Австріи было непродолжительно: вступивъ на престолъ въ концѣ 1780 г., онъ умеръ въ началѣ 1790 г. Для Австріи эти девять лѣтъ съ тремя мѣсяцами были эпохой, когда, повидимому, сразу должны были сдвинуться съ мѣста вѣковые устои ея историческаго бытія. Преобразовательная дѣятельность императора отличалась поистинѣ лихарадочнымъ характеромъ. Разсматривая его реформы въ цѣломъ, мы можемъ, однако, сказать, что Іосифъ II, съ одной стороны, продолжалъ—только ускореннымъ темпомъ—преобразованія своей матери, а съ другой—спѣшилъ перенести въ Австрію то, что уже сдѣлано было представителями просвѣщеннаго абсолютизма въ другихъ странахъ. Онъ болѣе серьезно, чѣмъ кто-либо, думалъ „сдѣлать философію законодательницею своего государства", управлять государствомъ по собственнымъ принципамъ и сообщить ему совершенно новый видъ. *Его реформы, дѣйствительно, охваты-*

---

[1]) Сочиненія по исторіи Венгріи и Бельгіи при Іосифѣ II: *Krones*. Ungarn unter Maria-Theresia und Joseph II.—*Ziglauer*. Die politische Reformbewegung in Siebenbürgen in der Zeit Josephs II und Leopolds II.—О Венгріи при Іосифѣ II есть еще соч. *Marczali* на венгерскомъ языкѣ.—*O. Lorenz*. Joseph II und die belgische Revolution.—*L. Delplace*. Joseph II et la révolution brabançonne.—*Juste*. Hist. du règne de Joseph II et la révolution belge.—Объ идеяхъ Іосифа II и его реформаторской дѣятельности вообще см. *А. Ону*. Іосифъ II и философія XVIII вѣка (Истор. Обозр., т. II).—*Hock und Biedermann*. Der oesterreichische Staatsrath.—*Lustkandl*. Die Josephinischen Ideen und ihr Erfolg.—*A. Brunner*. Der Humor in der Diplomatie und Regierungskunde.—*Его же*. Die theologische Dienerschaft.—*Его же*. Die Mysterien der Aufklärung.—*D. Elvert*. Zur oester. Verwaltungsgeschichte.—*H. Schmidt*. Gesch. der Kathol. Kirche Deutschlands von der Mitte des XVIII Jahrhunderts.—*Ritter*. Kaiser Joseph II und seine kirchlichen Reformen.—*A. Riehl und Reinöhl*. Joseph II als Reformator auf kirchlichem Gebiete.—*A. Wolf*. Die Aufhebung der Klöster in Innerösterreich.—*G. Frank*. Das Toleranzpatent Josephs II.—*E. v. Münch*. Gesch. des Emser Kongresses und seiner Punktata.—*П. Соколовъ*. Церковная реформа Іосифа II.—*W. Müller*. Johann Leopold von Hay. Ein biographischer Beitrag zur Josephinischen Kirchenpolitik.

вами всѣ стороны гражданской жизни, духовную культуру и соціальныя отношенія, церковь, школу и внѣшнее положеніе печати, правительственныя учрежденія, судоустройство, право, сословный строй, крестьянскій бытъ, промышленность и торговлю. Подробнѣе объ этихъ преобразованіяхъ Іосифа II мы будемъ говорить послѣ, въ другой связи (именно сопоставляя однородныя правительственныя мѣропріятія въ разныхъ странахъ), здѣсь же мы ограничимся общею характеристикой этой дѣятельности и разсмотрѣніемъ причинъ ея неудачи.

Попытку Іосифа II *преобразовать Австрію въ духѣ идей XVIII в. можно назвать революціей, произведенною сверху.* Если существуетъ извѣстнаго рода сродство между просвѣщеннымъ абсолютизмомъ и французской революціей, при всей той противоположности, какая прежде всего бросается въ глаза, когда мы ихъ сопоставляемъ, то особенно замѣтнымъ образомъ проявляется это сродство въ царствованіи Іосифа II. Всеобъемлемость реформы, ея радикализмъ, вѣра въ силу правительственнаго декрета, желаніе осуществить по возможности въ чистомъ видѣ принципы общественной философіи вѣка, извѣстнаго рода фанатизмъ въ преслѣдованіи разъ поставленныхъ цѣлей, деспотическое отношеніе ко всякому противорѣчію, — вотъ общія черты, наблюдаемыя при сравненіи цѣлей и пріемовъ дѣятельности Іосифа II и, напримѣръ, якобинцевъ, бывшихъ притомъ такими же, какъ и онъ, государственниками. (Все различіе было въ томъ, что австрійскій монархъ исходилъ изъ идеи абсолютизма, а якобинцы — изъ идеи народовластія, одинъ, какъ просвѣщенный деспотъ, осуществлялъ идею Вольтера, а тѣ, наоборотъ, шли подъ знаменемъ Руссо). У императора существовала въ головѣ цѣлая система, согласно съ которою должна была быть перестроена жизнь Австріи: ея исходнымъ пунктомъ была идея всевѣдущаго и всемогущаго государства, всему дающаго жизнь и движеніе, все устраивающаго и все направляющаго, надъ всемъ господствующаго и все объединяющаго, а конечною цѣлью — представлялось искорененіе всякихъ золъ, пользованіе каждымъ человѣкомъ его естественною свободою, народное благополучіе. Церкви, какъ политической силѣ, духовенству, какъ сословію, держащему народъ въ духовномъ рабствѣ, остаткамъ феодализма, какъ соперника государственности, дворянству, держащему въ крѣпостной зависимости крестьянскую массу, этою системою объявлялась война, какъ объявлялась она во имя идеи единаго и нераздѣльнаго государства и областному сепаратизму. Система эта, бывшая въ сущности *возведеніемъ на степень идеи изначальной государственной практики въ ея отношеніяхъ къ католицизму, феодализму и провинціальной обособленности*, вызвала противъ себя оппозицію со стороны всего, что только могло опираться на историче-

ское право, т.-е. оппозицію всѣхъ консервативныхъ силъ, подобно тому, какъ это произошло и во Франціи въ эпоху революціи. Разница въ томъ, что тамъ эта оппозиція была сломлена, ибо движеніе шло снизу и выдвигало на сцену новые общественные классы, тогда какъ въ Австріи инициатива движенія принадлежала одному монарху съ небольшимъ кругомъ лицъ, ему сочувствовавшихъ или на него вліявшихъ. Реформаторы надѣялись исключительно на силу отвлеченнаго разума и на силу государственной власти, а общество въ однихъ своихъ слояхъ было враждебно реформѣ, въ другихъ—относилось съ пассивностью и инертностью, присущими малоразвитымъ массамъ. Своей системѣ императоръ, дѣйствительно, придалъ совершенно личный характеръ: „государство, въ которомъ я царствую, должно управляться по моимъ принципамъ", писалъ Іосифъ II, излагая въ одномъ письмѣ свою правительственную программу. Его принципы были окрещены его именемъ, и его направленіе получило названіе „іозефинизма" [1]). Можно вообще сказать, что этотъ „іозефинизмъ" былъ квинтъ-ессенціей просвѣщеннаго абсолютизма, соединеніемъ всего, что въ абсолютной монархіи новаго времени было враждебно средневѣковому католико-феодальному строю и мѣстной автономіи, со всѣмъ тѣмъ, въ чемъ система естественнаго права становилась въ разрѣзъ съ историческимъ правомъ отдѣльныхъ сословій и областей; но можно также сказать, что „іозефинизмъ" былъ лишь монархическою формой того государственнаго принципа, республиканскую форму котораго представлялъ собою французскій революціонный якобинизмъ.

Мы еще увидимъ, что во Франціи революція вообще завершила процессъ централизаціи, надъ которымъ работала, но котораго не довела до конца старая монархія. Во Франціи правительственной дѣятельности въ этомъ отношеніи весьма много помогало національное единство ея населенія, но въ Австріи монарху-централизатору пришлось имѣть дѣло съ разнороднымъ національнымъ матеріаломъ, и одною изъ силъ, о которыя разбилась іозефинская централизація, *была національная оппозиція главныхъ частей, изъ которыхъ складывалась габсбургская монархія*. Іосифъ II хотѣлъ сразу совершить то, чего не могли сдѣлать его предки въ теченіе вѣковъ, несмотря на удачныя подавленія національныхъ возстаній. Въ единой монархіи долженъ былъ господствовать единый языкъ. Іосифа II часто выставляютъ германизаторомъ въ духѣ націоналистическихъ тенденцій нашего вре-

---

[1]) Мы здѣсь придаемъ этому выраженію вообще болѣе широкій смыслъ: объ „іозефинизмѣ" говорятъ главнымъ образомъ по отношенію къ церковной политикѣ Іосифа II.

мени. Это менѣе всего похоже на космополитическій XVIII вѣкъ, и тѣмъ не менѣе стремленія Іосифа II нельзя иначе опредѣлить, какъ словомъ „германизація“. Дѣло въ томъ, однако, что въ данномъ случаѣ Іосифъ II дѣйствовалъ не какъ нѣмецъ, а какъ монархъ, желавшій, чтобы въ его государствѣ господствовалъ одинъ языкъ, которымъ „естественнѣе всего“ было быть языку нѣмецкому. Мадьяры были недовольны замѣною латинскаго языка нѣмецкимъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ, и Іосифъ II писалъ по этому случаю одному венгерскому магнату: „каждое представленіе должно основываться на неопровержимыхъ доводахъ разума. Нѣмецкій языкъ есть общій языкъ моей имперіи. Я императоръ Германіи; владѣнія, мнѣ принадлежащія, суть лишь провинціи, образующія единое цѣлое съ государствомъ, во главѣ котораго я стою. Если бы королевство венгерское было самымъ главнымъ изъ моихъ владѣній, я не задумался бы ввести его языкъ и въ другія земли“. Іосифу II, какъ представителю прежде всего идеи единой Австріи, важно было, чтобы въ государственныхъ дѣлахъ употреблялся одинъ языкъ, — нѣмецкій ли, мадьярскій, это былъ уже вопросъ второстепенный. На практикѣ, конечно, его требованіе влекло за собою германизацію разноплеменнаго состава монархіи, хотя Іосифъ II только будилъ такими мѣрами дремавшее національное чувство своихъ не-нѣмецкихъ подданныхъ. Въ системѣ естественнаго права съ ея отвлеченной идеей государства совсѣмъ не находилось мѣста для національнаго элемента, а абсолютизмъ уже ранѣе выработалъ принципъ религіознаго единообразія, который легко было перенести изъ внутренней сферы совѣсти во внѣшнюю сферу языка.

Австрійская монархія имѣла характеръ федераціи нѣкогда самостоятельныхъ государствъ подъ скипетромъ одного и того же монарха, продолжавшихъ сохранять извѣстную степень автономіи. Наибольшими правами пользовались Венгрія, привилегіи которой подтвердила Марія-Терезія, и австрійскіе Нидерланды, т.-е. Бельгія, присоединенная къ монархіи послѣ войны за испанское наслѣдство. Обособленное владѣніе составляла также Чехія, лишившаяся своихъ прежнихъ правъ еще въ эпоху тридцатилѣтней войны и еще болѣе подчиненная центральному правительству послѣ войны за австрійское наслѣдство. Іосифъ II *поставилъ своею задачею, такъ сказать, привести всѣ свои владѣнія къ одному знаменателю.* Венгрія для него не была особымъ государствомъ. Онъ не только не захотѣлъ короноваться короной св. Стефана, но даже велѣлъ (1784) перевести этотъ священный символъ венгерской независимости въ Вѣну, гдѣ корона должна была храниться вмѣстѣ съ другими фамильными драгоцѣнностями. Оффиціальнымъ языкомъ въ земляхъ короны св. Стефана

былъ латинскій; Іосифъ II приказалъ замѣнить его нѣмецкимъ, давъ на это срокъ лишь полтора года (съ мая 1784 г. по ноябрь 1785 г.). Венгерскій сеймъ пересталъ созываться, а затѣмъ были уничтожены и собранія отдѣльныхъ комитатовъ, на которые распадалась Венгрія, причемъ страна была раздѣлена на десять округовъ, во главѣ которыхъ были поставлены особые начальники, какъ и въ другихъ частяхъ монархіи. Іосифъ II не захотѣлъ также короноваться и чешской короной, которая еще возлагалась въ Прагѣ на голову Маріи-Терезіи, но тотчасъ вслѣдъ за этимъ была перевезена въ Вѣну (отчасти изъ опасенія за судьбу этой короны въ войнѣ за австрійское наслѣдство). Уже Марія-Терезія вводила нѣмецкій языкъ въ чешскія присутственныя мѣста и школы, какъ единственный оффиціальный языкъ, а Іосифъ II лишь продолжалъ это дѣло съ особымъ рвеніемъ. При немъ Прага лишилась названія резиденціи (Residenzstadt), которое было теперь предоставлено одной Вѣнѣ. Права мѣстнаго сейма были сокращены. Однимъ словомъ, Венгрія и Богемія должны были превратиться въ простыя австрійскія провинціи. Іосифъ II прямо раздѣлилъ свои владѣнія на 13 губерній съ подраздѣленіемъ на округи, и во главѣ каждаго изъ нихъ былъ поставленъ особый начальникъ (Kreishauptmann). Эта система была дополнена реформой центральныхъ учрежденій, заключавшеюся въ томъ, что однородныя учрежденія отдѣльныхъ частей монархіи сливались воедино. Кстати нужно замѣтить, что государственный совѣтъ при Іосифѣ II мало-по-малу лишился прежняго значенія, такъ какъ императоръ предпочиталъ или рѣшать дѣла безъ совѣтниковъ, или совѣщаться лишь частнымъ образомъ съ отдѣльными членами государственнаго совѣта. Въ эту общую систему управленія должны были быть втянуты и черезполосные австрійскіе Нидерланды. Генералъ-губернаторство въ этихъ провинціяхъ было въ рукахъ сестры Іосифа II, Маріи-Христины [1]) и ея мужа, герцога Альберта Саксенъ-Тешенскаго, но императоръ безъ ихъ вѣдома рѣшалъ важнѣйшія дѣла, касавшіяся провинцій, чрезъ своего министра въ Брюсселѣ, графа Бельджойозо. Реформы Іосифа II въ области церковныхъ и школьныхъ дѣлъ сильно уже раздражали клерикальное населеніе страны, но еще болѣе возрасло недовольство, когда въ 1787 г. началась реформа внутренняго управленія Нидерландовъ на централистически-бюрократическихъ началахъ взамѣнъ старыхъ принциповъ федераціи и сословнаго самоуправленія. Брабантскіе и генегаускіе чины протестовали и отказались платить налоги; въ странѣ произошло возстаніе, которое пришлось подавлять силой, причемъ Іосифъ II объявилъ (1789) уничтоженіе старой бель-

---

[1]) *A. Wolf*. Marie-Christine, Erzherzogin von Oesterreich.

гійской конституціи, и послѣ этого весьма скоро „брабантская" революція слилась съ революціей французской, начавшейся въ томъ же году. Хотя осенью 1789 г. Іосифъ II и взялъ назадъ свои указы, но въ началѣ слѣдующаго года, незадолго до смерти императора, бельгійцы объявили себя независимыми „соединенными штатами" подъ властью сувереннаго конгресса. Просвѣщенный абсолютизмъ Іосифа II имѣлъ для этой части Нидерландовъ такіе же результаты, какъ и католико-реакціонный деспотизмъ Филиппа II Испанскаго для другой части—за двѣсти лѣтъ передъ тѣмъ. Въ то же время происходило и враждебное Іосифу II движеніе въ Венгріи. Мадьярскіе вельможи прямо уже думали объ отложеніи отъ Габсбурговъ и просили себѣ новаго короля и гарантіи ихъ конституціи у Фридриха-Вильгельма II Прусскаго; имъ даже указывался кандидатъ въ лицѣ Карла-Августа Саксенъ-Веймарскаго, впрочемъ, отклонившаго эту честь. Іосифъ II на смертномъ одрѣ взялъ назадъ всѣ свои нововведенія и въ Венгріи (кромѣ вѣротерпимости и освобожденія крестьянъ), хотя и не созвалъ сейма. Преемнику Іосифа II, его брату Леопольду II (1790—1792) пришлось умиротворять недовольныя провинціи отмѣною распоряженій своего предшественника [1]).

Таковъ былъ исходъ всѣхъ начинаній Іосифа II. „*Іозефинизмъ*" *разбился о консервативную оппозицію*, наиболѣе рѣзкимъ образомъ проявившуюся въ бельгійской революціи и въ сепаратистическихъ стремленіяхъ Венгріи. Помогать разрушенію дѣла Іосифа II для спасенія цѣлости монархіи довелось Леопольду II, который передъ этимъ четверть вѣка управлялъ Тосканою (1765—1790) самъ въ духѣ просвѣщеннаго абсолютизма [2]). Революціонное движеніе въ габсбургской монархіи совпало по времени съ началомъ французской революціи: одно было направлено противъ просвѣщеннаго абсолютизма во имя попраннаго имъ историческаго права, другая начиналась противъ абсолютизма клерикально-аристократическаго во имя естественнаго права. Духовенство и дворянство стояли во главѣ революціоннаго движенія въ монархіи Іосифа II, французская революція совершалась какъ разъ противъ этихъ двухъ сословій, но въ обоихъ случаяхъ борьба велась за политическую свободу, приходилось ли отстаивать старую конституцію, какъ то было въ Бельгіи и Венгріи, или еще только завоевывать новую, какъ это случилось во Франціи. Какъ бы тамъ ни было, *консервативная оппозиція противъ просвѣщеннаго абсолютизма въ австрійской монархіи пошла подъ знаменемъ національной независимости и политической свободы*. Іосифъ II не только центра-

[1]) *Jäger*. Kaiser Joseph II und Leopold II. Reform und Gegenreform.— *Huber*. Die Politik Kaiser Josephs, beurtheilt von seinem Bruder Leopold.

[2]) Ср. *Scaduto*. Stato e chiesa sotto Leopoldo I.

былъ латинскій; Іосифъ II приказалъ замѣнить его нѣмецкимъ, давъ на это срокъ лишь полтора года (съ мая 1784 г. по ноябрь 1785 г.). Венгерскій сеймъ пересталъ созываться, а затѣмъ были уничтожены и собранія отдѣльныхъ комитатовъ, на которые распадалась Венгрія, причемъ страна была раздѣлена на десять округовъ, во главѣ которыхъ были поставлены особые начальники, какъ и въ другихъ частяхъ монархіи. Іосифъ II не захотѣлъ также короноваться и чешской короной, которая еще возлагалась въ Прагѣ на голову Маріи-Терезіи, но тотчасъ вслѣдъ за этимъ была перевезена въ Вѣну (отчасти изъ опасенія за судьбу этой короны въ войнѣ за австрійское наслѣдство). Уже Марія-Терезія вводила нѣмецкій языкъ въ чешскія присутственныя мѣста и школы, какъ единственный оффиціальный языкъ, а Іосифъ II лишь продолжалъ это дѣло съ особымъ рвеніемъ. При немъ Прага лишилась названія резиденціи (Residenzstadt), которое было теперь предоставлено одной Вѣнѣ. Права мѣстнаго сейма были сокращены. Однимъ словомъ, Венгрія и Богемія должны были превратиться въ простыя австрійскія провинціи. Іосифъ II прямо раздѣлилъ свои владѣнія на 13 губерній съ подраздѣленіемъ на округи, и во главѣ каждаго изъ нихъ былъ поставленъ особый начальникъ (Kreishauptmann). Эта система была дополнена реформой центральныхъ учрежденій, заключавшеюся въ томъ, что однородныя учрежденія отдѣльныхъ частей монархіи сливались воедино. Кстати нужно замѣтить, что государственный совѣтъ при Іосифѣ II мало-по-малу лишился прежняго значенія, такъ какъ императоръ предпочиталъ или рѣшать дѣла безъ совѣтниковъ, или совѣщаться лишь частнымъ образомъ съ отдѣльными членами государственнаго совѣта. Въ эту общую систему управленія должны были быть втянуты и черезполосные австрійскіе Нидерланды. Генералъ-губернаторство въ этихъ провинціяхъ было въ рукахъ сестры Іосифа II, Маріи-Христины [1]) и ея мужа, герцога Альберта Саксенъ-Тешенскаго, но императоръ безъ ихъ вѣдома рѣшалъ важнѣйшія дѣла, касавшіяся провинцій, чрезъ своего министра въ Брюсселѣ, графа Бельджойозо. Реформы Іосифа II въ области церковныхъ и школьныхъ дѣлъ сильно уже раздражали клерикальное населеніе страны, но еще болѣе возрасло недовольство, когда въ 1787 г. началась реформа внутренняго управленія Нидерландовъ на централистически-бюрократическихъ началахъ взамѣнъ старыхъ принциповъ федераціи и сословнаго самоуправленія. Брабантскіе и генегаускіе чины протестовали и отказались платить налоги; въ странѣ произошло возстаніе, которое пришлось подавлять силой, причемъ Іосифъ II объявилъ (1789) уничтоженіе старой бель-

[1]) *A. Wolf.* Marie-Christine, Erzherzogin von Oesterreich.

гійской конституціи, и послѣ этого весьма скоро „брабантская" революція слилась съ революціей французской, начавшейся въ томъ же году. Хотя осенью 1789 г. Іосифъ II и взялъ назадъ свои указы, но въ началѣ слѣдующаго года, незадолго до смерти императора, бельгійцы объявили себя независимыми „соединенными штатами" подъ властью сувереннаго конгресса. Просвѣщенный абсолютизмъ Іосифа II имѣлъ для этой части Нидерландовъ такіе же результаты, какъ и католико-реакціонный деспотизмъ Филиппа II Испанскаго для другой части—за двѣсти лѣтъ передъ тѣмъ. Въ то же время происходило и враждебное Іосифу II движеніе въ Венгріи. Мадьярскіе вельможи прямо уже думали объ отложеніи отъ Габсбурговъ и просили себѣ новаго короля и гарантіи ихъ конституціи у Фридриха-Вильгельма II Прусскаго; имъ даже указывался кандидатъ въ лицѣ Карла-Августа Саксенъ-Веймарскаго, впрочемъ, отклонившаго эту честь. Іосифъ II на смертномъ одрѣ взялъ назадъ всѣ свои нововведенія и въ Венгріи (кромѣ вѣротерпимости и освобожденія крестьянъ), хотя и не созвалъ сейма. Преемнику Іосифа II, его брату Леопольду II (1790—1792) пришлось умиротворять недовольныя провинціи отмѣною распоряженій своего предшественника [1]).

Таковъ былъ исходъ всѣхъ начинаній Іосифа II. „*Іозефинизмъ*" *разбился о консервативную оппозицію,* наиболѣе рѣзкимъ образомъ проявившуюся въ бельгійской революціи и въ сепаратистическихъ стремленіяхъ Венгріи. Помогать разрушенію дѣла Іосифа II для спасенія цѣлости монархіи довелось Леопольду II, который передъ этимъ четверть вѣка управлялъ Тосканою (1765—1790) самъ въ духѣ просвѣщеннаго абсолютизма [2]). Революціонное движеніе въ габсбургской монархіи совпало по времени съ началомъ французской революціи: одно было направлено противъ просвѣщеннаго абсолютизма во имя попраннаго имъ историческаго права, другая начиналась противъ абсолютизма клерикально-аристократическаго во имя естественнаго права. Духовенство и дворянство стояли во главѣ революціоннаго движенія въ монархіи Іосифа II, французская революція совершалась какъ разъ противъ этихъ двухъ сословій, но въ обоихъ случаяхъ борьба велась за политическую свободу, приходилось ли отстаивать старую конституцію, какъ то было въ Бельгіи и Венгріи, или еще только завоевывать новую, какъ это случилось во Франціи. Какъ бы тамъ ни было, *консервативная оппозиція противъ просвѣщеннаго абсолютизма въ австрійской монархіи пошла подъ знаменемъ національной независимости и политической свободы.* Іосифъ II не только центра-

---

[1]) *Jäger.* Kaiser Joseph II und Leopold II. Reform und Gegenreform.— *Huber.* Die Politik Kaiser Josephs, beurtheilt von seinem Bruder Leopold.

[2]) Ср. *Scaduto.* Stato e chiesa sotto Leopoldo I.

лизировалъ и бюрократизировалъ свое государство, по своими церковными и сословными реформами наносилъ ударъ католическому духовенству и феодальному дворянству.

Въ отношенiи къ католической церкви Iосифъ II былъ. во-первыхъ, преемникомъ и послѣдователемъ тѣхъ правителей, которые защищали права свѣтскаго государства отъ теократической и клерикальной опеки; во-вторыхъ, однимъ изъ представителей „философiи" XVIII в., т.-е. въ немъ соединялись *абсолютизмъ и «просвѣщенiе» въ ихъ отрицательномъ отношенiи къ традицiямъ властолюбиваго и нетерпимаго католицизма.* Въ этой области Iосифъ II отчасти продолжалъ политику своей матери, отчасти дѣйствовалъ наперекоръ ей,— продолжалъ въ тѣхъ мѣропрiятiяхъ, которыя касались взаимныхъ отношенiй между церковью и государствомъ, дѣйствовать наперекоръ, сходя съ дороги безусловнаго подавленiя иновѣрiя. Преобразованiя Iосифа II въ области церковныхъ отношенiй, какъ это мы еще увидимъ, были однородны съ тѣми, какiя производились Тануччи въ Неаполѣ, Помбалемъ въ Португалiи, Арандой въ Испанiи, и въ сущности тѣ же принципы лежали въ основѣ „гражданскаго устройства духовенства" временъ французской революцiи. Уже въ началѣ своего царствованiя Iосифъ II начерталъ программу своихъ отношенiй къ католицизму: „презирая, по собственнымъ его словамъ, суевѣрiе и саддукеевъ", онъ поставилъ себѣ задачу „освободить отъ нихъ свой народъ". Принципы монашества онъ разсматривалъ, какъ „противные человѣческому разуму", и смотрѣлъ на монаховъ, какъ „на самыхъ опасныхъ и безполезныхъ членовъ государства"; у него они даже обозначались какъ „факиры". „Въ Римѣ, писалъ онъ своему посланнику при курiи, сочтутъ, пожалуй, вмѣшательствомъ въ права Божiи", если его предначертанiя „исполнятся безъ одобренiя раба рабовъ Божiихъ",—и, пожалуй, будутъ жаловаться на паденiе Израиля, если „законъ запретитъ левитамъ присвоивать себѣ монополiю человѣческаго разума". Желая безраздѣльно господствовать въ своемъ государствѣ, Iосифъ II стремился къ тому, чтобы ограничить права курiи областью „догмата и души". „Но и тутъ онъ не хотѣлъ предоставлять безусловной власти римской курiи надъ совѣстью своихъ подданныхъ. Уже подъ конецъ своего царствованiя (1787) онъ въ письмѣ къ одному изъ своихъ сподвижниковъ [1]) объяснялъ, почему онъ снялъ съ протестантскихъ своихъ подданныхъ „ярмо, тяготѣвшее надъ ними": „въ началѣ своего царствованiя я рѣшился украсить корону свою народною любовью и издалъ законы вѣротерпимости. Пусть въ моихъ владѣнiяхъ на будущее время фанатизмъ будетъ извѣстенъ

---

[1]) Г. фанъ Свитену, о которомъ см. соч. *W. Müller'a.*

лишь по питаемому мною къ нему презрѣнію. Никто впредь не будетъ принуждаемъ къ исповѣданію государственнаго евангелія, разъ оно противорѣчитъ его убѣжденію. Вѣротерпимость рождена благотворнымъ просвѣщеніемъ, озаряющимъ Европу, въ основѣ котораго лежитъ философія, а виновниками являются великіе люди. Она ясно доказываетъ, что умъ человѣческій идетъ впередъ, пролагая смѣло себѣ чрезъ царство суевѣрія дорогу, ставшую, къ счастью для человѣчества, и путемъ монарховъ".

Такіе принципы Іосифа II и первыя же его мѣропріятія въ духѣ этихъ принциповъ сильно встревожили духовенство габсбургскихъ владѣній, да и самоё римскую курію. Первое думало подѣйствовать на императора просьбами, представленіями и увѣщаніями, вторая также сначала выступила было на путь увѣщанія, но когда Кауницъ на бреве Пія VI, поддержанное представленіями папскаго нунція, отвѣчалъ весьма рѣшительно въ томъ смыслѣ, что государство никогда не поступится своими правами въ дѣлахъ чисто человѣческаго происхожденія, то Пій VI даже рѣшился самъ пріѣхать въ Вѣну. Здѣсь его приняли съ почетомъ, но не сдѣлали ему ни малѣйшей уступки. Это было въ 1782 г., а въ слѣдующемъ 1783 г. Іосифъ II посѣтилъ папу въ Римѣ уже прямо съ цѣлью войти съ нимъ въ соглашеніе по нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ, въ которыхъ курія вынуждена была прямо уступить настойчивому императору. Посѣщеніе Вѣны Піемъ VI дало пищу для сатирическаго изображенія папскаго пребыванія при австрійскомъ дворѣ въ многочисленныхъ памфлетахъ, выходившихъ изъ вѣнскихъ типографій. Враждебныя клиру реформы продолжались, и было даже опасеніе, что императоръ, не измѣняя догмата и обряда, отторгнется отъ власти папы. Во всякомъ случаѣ *въ вліятельномъ и могущественномъ клирѣ Іосифъ II создалъ для себя опаснаго врага.*

Эдиктъ о вѣротерпимости, изданный Іосифомъ II, равнымъ образомъ не могъ снискать ему сочувствія въ клерикалахъ. Нужно замѣтить, что Іосифъ II въ своемъ эдиктѣ далъ гораздо менѣе, чѣмъ, повидимому, считалъ нужнымъ въ принципѣ: передъ изданіемъ этого указа онъ писалъ Екатеринѣ II, что, къ сожалѣнію, не можетъ выполнить „все то, что казалось ему справедливымъ и разумнымъ". Мы еще увидимъ, что въ своемъ законодательствѣ онъ былъ далекъ отъ религіозной свободы, такъ какъ терпимость была имъ распространена лишь на протестантизмъ и на православіе; да и то послѣдователи этихъ двухъ исповѣданій не могли пользоваться такою же свободою вѣроисповѣданія, какъ католики, что было причиною недовольства и съ ихъ стороны. Государство объявляло, что оно будетъ терпѣть такія-то и такія-то исповѣданія, но оно не объявляло

преемнику Іосифа II пришлось выступить въ роли противника революціонной Франціи.

XXVI. Реформы въ области администраціи, финансовъ, суда и культурной жизни

«Государственный интересъ» и «общее благо» въ реформахъ XVIII в.—Законодательство и администрація.—Экономическая политика и финансы.—Право и судебная часть.—Народнсе образованіе и печать.— Благотворительныя учрежденія.—Нѣсколько заключительныхъ замѣчаній.

Общій очеркъ просвѣщеннаго абсолютизма мы закончимъ сравнительнымъ обзоромъ произведенныхъ въ эту эпоху реформъ, представивъ послѣднія въ извѣстной системѣ. Нами уже не разъ указывалось на то, что *исторія просвѣщеннаго абсолютизма есть не что иное, какъ одинъ изъ моментовъ въ развитіи на западѣ Европы государственнаго начала*. Многія правительственныя реформы этой эпохи имѣли своею цѣлью укрѣпленіе государства и такимъ образомъ вызывались и оправдывались государственною необходимостью. Государственныя соображенія (raison d'état) стояли всегда и во всемъ на первомъ планѣ у Фридриха II, задававшаго тонъ почти всей тогдашней эпохѣ. Прусское бюрократическое управленіе, прусская армія, прусскіе финансы были предметомъ зависти и образцомъ для подражанія, и сама консервативная Австрія при воспитанной въ старыхъ понятіяхъ Маріи-Терезіи выступила на путь преобразованій именно потому, что Австріи это нужно было для собственнаго ея спасенія. Въ другомъ мѣстѣ [1]) мы старались доказать, что изъ соображеній подобнаго же порядка исходили и первые польскіе реформаторы XVIII в. Рѣчь Посполитая была въ полномъ упадкѣ, утрачивала свою самостоятельность и дѣлалась добычей сосѣдей, и нужны были особыя мѣры для того, чтобы укрѣпить и тѣмъ самымъ спасти это государство. Только съ теченіемъ времени польскіе преобразователи оставили исключительную точку зрѣнія „государственнаго интереса“, чтобы поставить реформамъ, которыя ими замышлялись, и *другую цѣль, независимую отъ укрѣпленія государства, а именно „общее благо“ въ непосредственномъ смыслѣ народнаго благосостоянія*, важнаго самого по себѣ, а не въ качествѣ простой основы государственнаго могущества, т.-е. дѣйствительное благополучіе входящихъ въ составъ государства людей. И вообще въ эту эпоху вездѣ, гдѣ проводились преобразованія, послѣднія имѣли цѣлью, кромѣ укрѣ-

---

[1]) *Н. Карѣевъ*. Польскія реформы XVIII вѣка.

пленія государства, стоявшаго, впрочемъ, на первомъ планѣ, и общее благосостояніе: недаромъ новыя культурныя и соціальныя идеи благопріятствовали во имя естественнаго права и человѣколюбія какъ свободѣ отдѣльной личности, такъ и улучшенію быта народныхъ массъ. Отсюда двѣ категоріи реформъ XVIII в.: однѣ совершаются во имя государства, другія—во имя человѣка: однѣ совершаются въ области администраціи, финансовъ, войска и т. п., другія—во всѣхъ тѣхъ сферахъ, гдѣ затрогивается непосредственно жизнь личности и общества съ ихъ интересами и правами. Государство новаго времени выросло въ борьбѣ съ католицизмомъ и феодализмомъ, и въ исторіи этой борьбы эпоха просвѣщеннаго абсолютизма также составляетъ отдѣльный моментъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ абсолютизмъ борется съ старыми, отжившими силами не только ради „государственнаго интереса“, но и во имя „общаго блага“, понимаемаго въ смыслѣ личной свободы и народнаго благосостоянія. Разсмотрѣвъ реформы, которыми государство укрѣпляло себя и осуществляло идею общаго блага, мы остановимся нѣсколько подробнѣе на церковныхъ и сословныхъ реформахъ, посредствомъ которыхъ просвѣщенный абсолютизмъ содѣйствовалъ разложенію католико-феодальныхъ отношеній, завѣщанныхъ новой Европѣ средневѣковою ея исторіей.

Въ области реформъ, имѣвшихъ главнымъ образомъ государственное значеніе, обращаютъ на себя вниманіе мѣропріятія, касавшіяся администраціи, финансовъ и арміи. Весьма любопытно то обстоятельство, что просвѣщенный абсолютизмъ *слишкомъ мало заботился о правильной организаціи законодательной дѣятельности государства.* Главную роль въ послѣдней играли личный починъ и личная воля монарха или, какъ это было въ нѣкоторыхъ странахъ, первенствующаго министра. Только австрійскій государственный совѣтъ, организованный въ серединѣ царствованія Маріи-Терезіи, игралъ роль законодательнаго учрежденія въ эту эпоху преобразованій, хотя Іосифъ II въ иныхъ случаяхъ обходился и безъ его помощи. *Гораздо болѣе обращено было вниманія на учрежденія административныя,* по отношенію къ которымъ главныя преобразованія имѣли цѣлью бюрократическую централизацію, все болѣе и болѣе уничтожавшую остатки сословнаго самоуправленія. Наиболѣе важною задачею чиновничьяго управленія ставилось содѣйствіе тѣмъ мѣрамъ правительства, которыя имѣли въ виду увеличеніе государственнаго дохода, причемъ въ расходѣ одно изъ первыхъ мѣстъ занимало содержаніе войска. Далѣе, государство стремилось и къ подъему производительныхъ силъ— главнымъ образомъ въ духѣ меркантилистической системы, хотя уже начинало сказываться на экономической политикѣ этой эпохи вліяніе и физіократіи, особыми сторонниками которой были маркграфъ

баденскій Карлъ-Фридрихъ [1]) и Іосифъ II. Не забудемъ, что физіократія сама возникла лишь въ эту эпоху и потому не могла еще значительно повліять на дѣятельность государственныхъ людей, которые воспитались въ идеяхъ меркантилизма. Особенно же важно то обстоятельство, что физіократія была проповѣдью экономической свободы, тогда какъ государство XVIII в. стремилось удержать за собою завѣдованіе всѣми отраслями народной жизни, и весьма далеко было отъ того, чтобы отказаться отъ вмѣшательства въ торговлю, промышленность и земледѣліе. Въ эпоху просвѣщеннаго абсолютизма *государство усиленно содѣйствовало и покровительствовало производительной дѣятельности народа, но въ то же время ее опекало и своею силою насаждало новые промыслы*, такъ что многія страны въ это время переживали ту же эпоху въ своей индустріальной исторіи, какая была во Франціи за сто лѣтъ передъ тѣмъ, т.-е. при Кольберѣ. Эта правительственная дѣятельность весьма часто имѣла въ виду преимущественно фискальные интересы, а не интересы производителей и потребителей. Сознавая, что источникомъ государственныхъ доходовъ является народное хозяйство, правительства и заботились объ улучшеніи послѣдняго. Физіократическая литература должна была произвести впечатлѣніе уже по одному тому, что обращала особое вниманіе на эту сторону дѣла. Необходимо прибавить, что правительства этой эпохи не были односторонне расположены въ пользу одной торговли и обрабатывающей промышленности,—обращалось вниманіе и на сельское хозяйство, и вотъ уже чисто экономическія или финансовыя соображенія, — въ чемъ не можетъ быть никакого сомнѣнія,—заставляли правительства позаботиться о смягченіи, по крайней мѣрѣ, феодальныхъ правъ и крѣпостничества, задерживавшихъ экономическое развитіе многихъ странъ. *Соціальный феодализмъ оказывался несовмѣстимымъ съ правильнымъ удовлетвореніемъ матеріальныхъ нуждъ государства*, а нужды эти росли съ развитіемъ бюрократическаго управленія и увеличеніемъ военныхъ силъ, не говоря о войнахъ эпохи, поглотившихъ большія средства.

Обративъ большое вниманіе на увеличеніе производительныхъ силъ въ интересахъ государства, въ тѣхъ же интересахъ тогдашнія правительства должны были заняться и улучшеніемъ государственнаго хозяйства, изыскивая новые источники налоговъ, придумывая лучшіе способы ихъ распредѣленія и взиманія, заботясь объ упоря-

[1]) *A. Kleinschmidt*. Karl-Friedrich von Baden. — *Erdmannsdörfer*. Politische Korrespondenz Karl-Friedrichs von Baden. Особенно новѣйшее изданіе: *K. Knies*. Karl-Friedrichs von Baden brieflicher Verkehr mit Mirabeau und Dupont, bearb. und engeleitet durch einen Vortrag zur Vorgeschichte der ersten französischen Revolution und der Physiocratie. Ср. *Garçon*. Un prince allemand phisiocrate (Revue du droit public, 1895).

доченіе казенныхъ расходовъ и т. п. Въ этой области народнаго и государственнаго хозяйства главнымъ образцомъ для подражанія была прусская система. Фридриху II во второй половинѣ его царствованія (1763—1786) предстояла трудная задача залѣчить раны, нанесенныя Пруссіи семилѣтнею войною, и онъ, дѣйствительно, исполнилъ эту задачу съ большимъ умѣньемъ. На его системѣ легко познакомиться и съ положительными, и съ отрицательными сторонами той экономической политики, родоначальникомъ которой считаютъ Кольбера. Направляя всю свою дѣятельность къ тому, чтобы накопить денегъ въ казнѣ (Фридрихъ II оставилъ послѣ себя 70 милліоновъ талеровъ) и искусственно создать несуществовавшія раньше отрасли промышленности, не всегда нужныя и даже не всегда возможныя въ такой странѣ, какъ Пруссія (напримѣръ, шелководство), Фридрихъ II доводилъ платежныя силы населенія до крайняго напряженія, жертвуя вмѣстѣ съ тѣмъ частными интересами исключительнымъ надобностямъ казны. Косвенные налоги на самые необходимые предметы доходили до чудовищныхъ размѣровъ, сокращая потребленіе, напримѣръ, соли, пива, кофе и т. п. Монополіи порождали контрабанду и шпіонство. Особенно ненавистна была такъ называемая „régie", или „генеральная администрація акцизовъ и пошлинъ", организованная Фридрихомъ II вопреки мнѣнію „генеральной директоріи" и отданная въ завѣдованіе французамъ. Это учрежденіе, къ которому пристроились разнаго рода проходимцы, въ самомъ дѣлѣ увеличило королевскіе доходы, но къ крайнему отягощенію и неудовольствію народа, подвергавшагося всякаго рода поборамъ, притѣсненіямъ и т. п. Любопытно, что, организуя одновременно (1766) и почтовое вѣдомство на новыхъ началахъ, и тутъ Фридрихъ II на первый планъ выдвинулъ французовъ. Для возникавшей школы физіократіи экономическая политика прусскаго короля доставляла немало поводовъ высказываться неодобрительно, но практическіе дѣятели ей подражали, и къ ихъ числу съ бóльшимъ или меньшимъ правомъ можно отнести всѣхъ представителей просвѣщеннаго абсолютизма.

Другою заботою просвѣщеннаго абсолютизма было *улучшеніе правосудія, причемъ уже прямо имѣлись въ виду частные интересы подданныхъ*, страдавшихъ отъ дурныхъ и устарѣлыхъ законовъ, отъ ихъ безсистемности, отъ плохихъ судебныхъ порядковъ. Въ Пруссіи правосудіе передъ вступленіемъ Фридриха II на престолъ представляло изъ себя самую отсталую часть управленія. Одною изъ первыхъ мѣръ новаго царствованія была отмѣна пытки въ уголовномъ процессѣ. Первымъ условіемъ для общей реформы было добиться привилегіи de non appellando, которою изъ всѣхъ прусскихъ земель пользовалось одно только Бранденбургское курфюршество: освободивши

всѣ владѣнія отъ подчиненія имперскому судоустройству, Фридрихъ II только и могъ начать свои преобразованія. Король въ принципѣ стоялъ за полную независимость суда отъ администраціи и прямо въ противоположность идеямъ и практикѣ своего отца находилъ, что судьи „не должны обращать вниманія на рескрипты, хотя бы они выходили изъ королевскаго кабинета". Реформированные суды прониклись этой идеей, и прусская юстиція справедливо стала считаться образцовой по независимости и добросовѣстности судей. Извѣстенъ анекдотъ о мельникѣ, не желавшемъ снести свою мельницу, какъ того требовалъ король, которому она мѣшала въ его резиденціи Сансуси; упрямый мельникъ пригрозилъ жалобою въ судъ, и король уступилъ: „il y a des juges à Berlin", сказалъ онъ, узнавъ о смѣлости мельника. Но исторія съ другимъ мельникомъ, Арнольдомъ, показываетъ, какъ властный нравъ Фридриха II плохо мирился съ его собственной доктриной: королю показалось, что высшій судъ несправедливо рѣшилъ дѣло этого Арнольда, и вотъ онъ отмѣняетъ приговоръ и сажаетъ судей въ крѣпость. Въ свое время эта исторія надѣлала немало шуму. Въ дѣлѣ организаціи судебной части Фридриху II, какъ мы упомянули, помогалъ Кокцеи, положившій начало также выработкѣ матеріальнаго и процессуальнаго права. Работу надъ этимъ дѣломъ продолжали фонъ-Кармеръ (съ 1779 г. канцлеръ) и особенно помощникъ его Сварецъ [1]), но она была, какъ извѣстно, окончена лишь въ слѣдующее царствованіе, когда и была опубликована (1794) подъ названіемъ „Allgemeines Landrecht". Нѣкоторые прусскіе писатели ставили впослѣдствіи „Общее земское право" выше „гражданскаго кодекса", созданнаго французской революціей, но если между обоими есть сродство по вліянію на нихъ идей естественнаго права, то не нужно забывать, что прусское законодательство все-таки еще освящало общественное неравенство, отъ котораго не осталось и слѣда во французскомъ.

Судебныя реформы происходили и въ Австріи—еще при Маріи-Терезіи. Въ 1749 г. она выдѣлила судебную часть въ особое вѣдомство (die oberste Justizstelle), независимое отъ общей администраціи. Въ 1753 г. была учреждена коммиссія для кодификаціи общеавстрійскаго гражданскаго и уголовнаго права (Kompilationskommission), выработавшая крайне, впрочемъ, несовершенный „Codex Theresianus" (1767), который потребовалъ дальнѣйшихъ кодификаціонныхъ работъ по мысли Іосифа II. Рядомъ съ этой работой слѣдуетъ поставить уголовный кодексъ (1768), дѣйствовавшій подъ названіемъ „Nemesis Theresiana" или „Constitutio criminalis Theresiana" до 1788 г. съ

---

[1]) О немъ есть соч. *Stölzel'я*.

измѣненіями, внесенными въ него въ 1776 г. (отмѣна пытки, ограниченіе смертной казни). Потерпѣвъ неудачу въ реформѣ имперскаго суда, Іосифъ II въ Австріи продолжалъ дѣло, начатое матерью, и поставилъ своею цѣлью создать по возможности независимый и для всѣхъ равный судъ. Не дожидаясь общей кодификаціи, онъ издалъ частные уставы (брачное право по „Ehepatent'у" 1783 г., наслѣдственное по „Erbfolgeordnung" 1786 г., что вмѣстѣ составило первую часть „Josephinischen Gesetzbuchs", общее уложеніе о наказаніяхъ 1787 г. и общій судебный уставъ 1788 г.), но кондификація въ Австріи завершилась лишь въ 1811 г., когда появился „Allgemeines bürgerliches Gesetzbuch". *Отдѣленіе суда отъ администраціи, независимость судей, кодификація гражданскаго и уголовнаго права, улучшеніе законовъ въ духѣ гуманныхъ идей*,—таковы были задачи, которыя просвѣщенный абсолютизмъ поставилъ практической юриспруденціи, и нельзя не признать, что лучшее судоустройство и судопроизводство имѣли для общества и воспитательное значеніе.

Судебныя реформы предпринимались и въ другихъ странахъ. Отмѣтимъ здѣсь, напримѣръ, что Помбаль въ Португаліи отдѣлилъ судъ отъ администраціи и издалъ сводъ законовъ, который въ свое время былъ предметомъ удивленія юристовъ. Тануччи тоже помышлялъ о кодификаціи. Вездѣ, кромѣ того, государственному суду *приходилось еще конкурировать съ остатками суда феодальнаго*, но начало государственности повсюду утверждалось въ области суда. Наконецъ, законодательство проникалось все бо̀льшимъ и бо̀льшимъ уваженіемъ къ человѣческой личности: независимость суда была все-таки одною изъ гарантій, а уничтоженіе пытки, смягченіе уголовныхъ наказаній, ограниченіе случаевъ смертной казни (и намѣреніе Іосифа II ее совсѣмъ прекратить) представляли собою результатъ дѣйствія гуманныхъ началъ въ области уголовнаго права въ духѣ теоретическихъ требованій извѣстнаго Беккаріи.

Государство въ эпоху просвѣщеннаго абсолютизма беретъ на себя и задачу народнаго образованія, что и понятно въ вѣкъ просвѣтительства. Въ католическихъ странахъ къ общему сознанію важности этого дѣла присоединились еще двѣ причины—стремленіе государственной власти ослабить вліяніе духовенства на народъ посредствомъ секуляризаціи школы и необходимость замѣнить государственными училищами іезуитскія учрежденія послѣ уничтоженія папою этого ордена. Мы видѣли, какое важное значеніе приписывалъ народной школѣ Фридрихъ II. Къ сожалѣнію, на практикѣ его идея осуществлялась плохо. Законъ объ обязательномъ посѣщеніи начальной школы оставался мертвою буквою; учителя были мало подготовленные, часто ими были отставные унтеръ-офицеры, которымъ учительство

давалось, вмѣсто пенсіи; Фридрихъ II даже скупился выдавать деньги на дѣло образованія. Въ Пруссіи школьное дѣло еще не выдѣлилось въ особое вѣдомство народнаго просвѣщенія (какъ это было уже введено въ сосѣдней Польшѣ, гдѣ возникла особая „эдукаціонная коммиссія"), и роль министра народнаго просвѣщенія игралъ министръ юстиціи фонъ-Цедлицъ [1]). Пожалуй, гораздо больше сдѣлано было въ Австріи Маріей-Терезіей и Іосифомъ II. Здѣсь главнымъ дѣятелемъ въ этой сферѣ въ оба царствованія былъ Гергардъ фанъ-Свитенъ. Марія-Терезія реформировала гимназіи, создала высшія школы (Терезіанумъ, восточную и „рыцарскую" академіи) и положила начало образованію простого народа (Schulordnung 1774 г.), доведши общее число школъ до 6 тысячъ. При Іосифѣ II существовало особое учебное вѣдомство (Studienhofkommission), которому ввѣрена была и цензура книгъ. Особенно Іосифъ II заботился о развитіи народной школы, для которой онъ установилъ обязательное обученіе. Относительно высшаго образованія онъ держался утилитарной точки зрѣнія и видѣлъ въ университетахъ главнымъ образомъ высшія школы для подготовки чиновниковъ [2]). Изъ другихъ дѣятелей эпохи особаго вниманія въ области народнаго просвѣщенія заслуживаетъ Помбаль, который своими низшими, средними и высшими училищами съ новыми предметами и методами преподаванія, съ многочисленнымъ штатомъ подготовленныхъ преподавателей, съ вновь написанными учебниками и т. п. хотѣлъ превзойти старыя іезуитскія школы. Правда, все это было только начало болѣе широкаго развитія западно-европейскаго школьнаго дѣла, только въ XIX в. ставшаго на ноги, но уже самое заявленіе о государственной важности народнаго образованія было дѣло новое, указывавшее правительствамъ на новую задачу—содѣйствовать просвѣщенію общества и народа. Культурное значеніе указанныхъ начинаній не подлежитъ сомнѣнію.

Заговоривъ о школѣ, нельзя не коснуться литературы и прессы. Если исключить отношеніе правителей XVIII в. къ французскимъ писателямъ, то нельзя будетъ говорить объ ихъ меценатствѣ въ духѣ Людовика XIV, а съ другой стороны, они все-таки предоставляли больше свободы печати, чѣмъ то вообще бывало прежде съ самаго начала абсолютизма, хотя, съ другой стороны, нерѣдко въ данномъ случаѣ—какъ это можно сказать и о Фридрихѣ II, и объ Іосифѣ II—относительная свобода, какою пользовалась печать, была результатомъ не признанія ея, какъ одного изъ правъ личности, а того пре-

---

[1]) *Rethwisch.* Der Staatsminister v. Zedlitz und Preussens höheres Schulwesen im Zeitalter Friedrichs des Gorssen.

[2]) *G. Wolf.* Das Unterrichtswesen in Oesterreich unter Joseph II.

зрительнаго отношенія къ прессѣ, какое являлось у государей, чувствовавшихъ свою силу и видѣвшихъ все безсиліе общественнаго мнѣнія въ странахъ, гдѣ оно не играло еще такой роли, какую играло въ Англіи, и начинало играть во Франціи. Во всякомъ случаѣ *государство снимало клерикальную опеку съ печати:* свѣтская цензура была не такъ строга, какъ духовная, и давала болѣе простора свободному выраженію мысли, особенно, когда дѣло шло не о политическихъ вопросахъ. Въ католическихъ странахъ мѣры государства, касавшіяся духовной цензуры, имѣли весьма важное значеніе, входя въ общую систему борьбы съ клиромъ. Изъ всѣхъ правительственныхъ мѣропріятій эпохи, касающихся положенія печати, наиболѣе либеральнымъ былъ цензурный уставъ (1781) Іосифа II, постоянно говорившаго объ ограниченіи цензурныхъ стѣсненій, несмотря на то, что введеніемъ относительной свободы печати въ Австріи воспользовались главнымъ образомъ враги императора для того, чтобы напасть на его реформы и выставить ихъ въ ненавистномъ свѣтѣ. Въ другихъ государствахъ цензура, наоборотъ, была очень строга—особенно по отношенію къ католическому духовенству, разъ оно расчитывало вести путемъ печати борьбу съ государственной властью. При низкомъ культурномъ уровнѣ общества въ странахъ, гдѣ католическая реакція подавила всякое свободное умственное движеніе, снятіе съ печати прежнихъ ограниченій не могло, конечно, сразу вывести ее на новую дорогу, и, напримѣръ, въ Австріи при Іосифѣ II новыми условіями воспользоваться не столько для изданія серьезныхъ трудовъ, сколько для того, чтобы наводнить книжный рынокъ всякаго рода пустяками.

Реформы въ области администраціи, финансовъ, народнаго хозяйства, суда, школьнаго дѣла и внѣшняго положенія печати имѣютъ немаловажное значеніе въ исторіи эпохи: онѣ показываютъ, что государственная власть почувствовала серьезную необходимость измѣнить дотолѣ существовавшія отношенія. Нельзя, однако, сказать, чтобы всѣ ея начинанія были одинаково энергичны и успѣшны: на то были многочисленныя причины. Отмѣтимъ наиболѣе важныя изъ нихъ. Во-первыхъ, не всегда принципіальная сторона реформъ вполнѣ отчетливо и ясно представлялась реформаторамъ: многое, напримѣръ, что имѣетъ не одно политическое, но и культурное значеніе, разсматривалось съ односторонне-государственной точки зрѣнія. Кромѣ того, и техническая сторона преобразованій оказывалась неудовлетворительною. Спеціальныя дисциплины, которыя существуютъ въ наше время, какъ предметы научнаго изслѣдованія и университетскаго преподаванія, или вовсе тогда не существовали, или только что зарождались. Что касается до практическаго опыта, то нерѣдко

и его не было, и потому часто приходилось, пролагая новые пути, итти, такъ сказать, ощупью, не говоря уже о томъ, что вообще законодательная подготовка реформъ въ большинствѣ случаевъ была крайне неудовлетворительна. Наконецъ, у государства не всегда были въ достаточномъ количествѣ матеріальныя средства, необходимыя при всякомъ преобразованіи, особенно, если были другія нужды, казавшіяся болѣе настоятельными, да и исполнители не всегда были на высотѣ своего призванія, лучшихъ же взять было негдѣ. Такъ и случалось нерѣдко, что новизна оставалась только на бумагѣ, на практикѣ же продолжала господствовать старина, всячески мѣшавшая обновленію преобразуемыхъ порядковъ. Нѣкоторыя изъ этихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ оказывали свое вліяніе и на тѣ реформы, которыя совершались во Франціи въ эпоху революціи. Когда съ исторической точки зрѣнія разсматриваются какія бы то ни было преобразованія, слѣдуетъ принимать въ расчетъ не только то, что хотѣли и чего не хотѣли сдѣлать люди, и не только то, что имъ нужно было дѣлать, но особенно условія времени, т.-е. то, что они могли и чего не могли. Во всякомъ случаѣ, имѣя въ виду намѣренія преобразователей, мы должны сказать, что ихъ цѣлью было главнымъ образомъ все-таки *одно укрѣпленіе государства безъ соотвѣтственнаго развитія внутренней свободы*.

XXVII. Государственная власть и католическая церковь во второй половинѣ XVIII в. [1])

Значеніе эпохи «просвѣщеннаго абсолютизма въ исторіи взаимныхъ отношеній церкви и государства на западѣ Европы.—Изгнаніе іезуитовъ изъ разныхъ странъ и уничтоженіе ордена папой.—Международное давленіе на папство.—Враждебныя отношенія между церковью и государствомъ. — Церковныя реформы въ южно-романскихъ странахъ. — Церковная политика Маріи-Терезіи и Леопольда Тосканскаго. — Теоретическая разработка церковно-политическихъ вопросовъ.— Церковныя реформы Іосифа II.

Одною изъ наиболѣе видныхъ сторонъ въ дѣятельности католическихъ правительствъ эпохи была ихъ борьба съ римской куріей

---

[1]) См. нѣкоторыя изъ назнанныхъ выше общихъ и спеціальныхъ сочиненій, а кромѣ того: *De Crouzaz-Crétet*. L'église et l'état au XVIII siècle. По исторіи уничтоженія ордена іезуитовъ, кромѣ нѣкоторыхъ общихъ исторій ордена, гдѣ говорится и объ этомъ, напр., въ книгѣ *Губера* Der Jesuitenorden (есть русск. переводъ), см. старое соч. *De Saint-Priest*. Histoire de la chute des Jésuites.—*Crétineau-Joly*. Clément XIV et les Jésuites.—*Theiner*. Geschichte des Pontificates Clemens XIV.—*Fr. Masson*. Le cardinal de Bernis.

и съ мѣстнымъ духовенствомъ. Въ протестантскихъ государствахъ не существовало тѣхъ отношеній, которыя обострились въ католическихъ странахъ около середины XVIII в. Въ цѣлой половинѣ Западной Европы реформація уничтожила всякій поводъ къ тому, что должно было произойти въ другой ея половинѣ: въ протестантскихъ странахъ государи освободились отъ иноземной власти папы, подчинили себѣ мѣстное духовенство, лишили его прежней силы, отобравъ у него его земли, тогда какъ въ католическихъ государствахъ по-прежнему продолжали существовать отношенія, которыми свѣтская власть сильно тяготилась уже съ исхода среднихъ вѣковъ. Мало того: католическая реакція создала еще особый органъ, получившій большое политическое и культурное значеніе,—орденъ іезуитовъ, который подчинилъ своему вліянію и государственную власть, и духовную жизнь общества. Во второй половинѣ XVIII в. въ своей церковной политикѣ католическія государства выступаютъ на новую дорогу—*устраненія всего того, что было результатомъ католической реакціи, и даже пріобрѣтенія многаго изъ того, что протестантскимъ странамъ дано было реформаціей.* Въ первомъ отношеніи особаго вниманія заслуживаетъ изгнаніе іезуитовъ изъ отдѣльныхъ католическихъ странъ, за которымъ по настоянію католическихъ правительствъ послѣдовало и уничтоженіе самаго ордена; во второмъ же отношеніи важны мѣропріятія этихъ правительствъ, имѣвшія своею цѣлью оградить государство отъ чрезмѣрной власти куріи, подчинить духовенство свѣтской власти и сломить его культурно-соціальное могущество. Въ длинной исторіи западно-европейскихъ отношеній между церковью и государствомъ эпоха просвѣщеннаго абсолютизма имѣетъ поэтому свое особое значеніе: антагонизмъ между духовною и свѣтскою властью былъ явленіемъ старымъ, хотя особенно обострялся онъ только по временамъ, а въ новой исторіи (исключая новѣйшую) *двумя эпохами наибольшаго обостренія была эпоха религіозной реформаціи и эпоха просвѣщеннаго абсолютизма.* Въ XVI в. опредѣленіе отношеній между церковью и государствомъ на новыхъ началахъ сопровождалось преобразованіями въ самой религіи, чего не было въ XVIII в., когда внутреннее существо вѣры не затрогивалось само по себѣ, а лишь измѣнялись внѣшнія отношенія. Послѣднее происходило подъ соединеннымъ дѣйствіемъ двухъ факторовъ—абсолютизма, утверждавшаго государственное начало, и „просвѣщенія", враждебнаго теократіи и клерикализму. Общій духъ эпохи и сказался въ этомъ отношеніи на судьбѣ ордена іезуитовъ.

„Общество Іисуса" было главнымъ продуктомъ и главнымъ орудіемъ католической реакціи съ середины XVI в. Орденъ противодѣйствовалъ не одному протестантизму, но и вообще духу новаго

времени, работая въ цѣляхъ возстановленія средневѣковой церковной опеки надъ государствомъ и образованіемъ. Іезуиты создали громадную международную организацію, игравшую весьма видную роль въ политической и культурной исторіи Запада, — организацію, имѣвшую характеръ международнаго тайнаго общества, громаднаго заговора противъ самостоятельности государства и общества. Члены ордена дѣйствовали на нихъ въ качествѣ духовниковъ и вообще руководителей королей, въ качествѣ проповѣдниковъ, преподавателей, ученыхъ и писателей. Въ каждой католической странѣ орденъ былъ какъ бы государствомъ въ государствѣ, сосредоточивая въ то же время въ своихъ рукахъ и школьное дѣло. *Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ третьей четверти XVIII в. орденъ терпитъ пораженіе за пораженіемъ:* въ 1759 г. іезуиты изгоняются изъ Португаліи, а ихъ имущества конфискуются; въ 1764 г. та же судьба постигаетъ іезуитовъ французскихъ; въ 1767—1768 гг. примѣру двухъ странъ, уничтожившихъ у себя орденъ, слѣдуютъ Испанія, Неаполь, Парма; въ Австріи дѣло не дошло до этого по той лишь причинѣ, что здѣсь тогда правилъ не Іосифъ II; впрочемъ и Марія-Терезія впослѣдствіи была вынуждена поступить такъ же, когда въ 1773 г. самъ папа Климентъ XIV подъ давленіемъ со стороны католическихъ дворовъ совсѣмъ уничтожилъ орденъ. Отъ изгнанія іезуитовъ изъ Португаліи до уничтоженія ордена папой прошло полтора десятка лѣтъ, и это были, какъ намъ извѣстно, годы, когда просвѣтительная литература приняла наиболѣе боевой характеръ, но нѣкоторые изъ видныхъ дѣятелей литературы и не одобряли пріемовъ, употреблявшихся свѣтскою властью въ борьбѣ съ іезуитами.

Португалія была одною изъ первыхъ странъ, давшихъ пріютъ іезуитамъ, и здѣсь они получили особую силу. Между прочимъ въ XVIII в. они пользовались большимъ вліяніемъ на Іоанна V. Португальскіе іезуиты занимали высшія должности въ государствѣ, сдѣлали изъ народнаго образованія свою монополію, стояли во главѣ промышленныхъ и коммерческихъ предпріятій и даже владѣли цѣлой страной въ Новомъ Свѣтѣ (Парагваемъ и Урагваемъ), лишь номинально зависѣвшею отъ лиссабонскаго правительства. Между этимъ государствомъ въ государствѣ и министромъ-реформаторомъ Помбалемъ возникла борьба: министръ стремился къ поднятію государственной власти и освобожденію свѣтскаго общества отъ клерикальной опеки, а это было противно интересамъ іезуитовъ. Воспользовавшись впечатлѣніемъ, произведеннымъ на суевѣрный народъ страшнымъ лиссабонскимъ землетрясеніемъ 1755 г., іезуиты стали агитировать противъ Помбаля и даже прямо возмущать народъ. Министръ отвѣтилъ на эти козни удаленіемъ отъ двора іезуитскихъ духовниковъ короля, королевы и

принцевъ съ запрещеніемъ имъ возвращаться назадъ (1757), а португальскій посланникъ при куріи предъявилъ папѣ доказательства того, что члены ордена занимаются политическими интригами, контрабандой, ростовщичествомъ и торговлей рабами въ колоніяхъ. Папа Бенедиктъ XIV велѣлъ кардиналу Сальданья произвести ревизію и реформу ордена въ португальскихъ владѣніяхъ, и іезуитамъ было запрещено заниматься торговлею (1758). Іезуиты, однако, ловко обошли преемника названнаго папы (Климента XIII), который въ угоду имъ потребовалъ новаго слѣдствія по дѣлу, возбужденному Помбалемъ. Въ томъ же году на жизнь португальскаго короля было произведено покушеніе. Всѣ враги министра поплатились, будучи привлечены къ обвиненію въ заговорѣ противъ правительства. Начался настоящій терроръ—пытки, казни, конфискаціи, заключенія въ тюрьму, и между заподозрѣнными оказалось немало іезуитовъ. Принимались мѣры и противъ всего ордена. Пославъ Клименту XIII просьбу нарядить слѣдствіе надъ іезуитами и подвергнувъ жизнь и дѣятельность всѣхъ членовъ ордена въ Португаліи крайнимъ стѣсненіямъ, Помбаль готовился къ нанесенію удара. Во всѣхъ странахъ Европы, гдѣ только были іезуиты, стали писаться и издаваться памфлеты противъ португальскаго министра, а кардиналы и епископы обратились къ папѣ съ просьбою, чтобы онъ заступился за орденъ. Узнавъ, что отвѣтъ папы былъ составленъ не особенно уступчиво, Помбаль посовѣтовалъ Іосифу-Эммануилу не принимать его, а затѣмъ издалъ указъ, по которому всѣ португальскіе іезуиты были схвачены, посажены на корабли и отправлены въ Чивитта-Веккію, гавань Рима (кромѣ тѣхъ, которые содержались подъ арестомъ, какъ заговорщики и ихъ пособники). Хотя Іосифъ-Эммануилъ и былъ ревностный католикъ, Помбаль сумѣлъ застращать его іезуитскими кознями. Дѣло дошло до разрыва съ Римомъ, до прекращенія дипломатическихъ сношеній, до высылки изъ Папской области португальскихъ подданныхъ и изъ Португаліи—папскихъ, что сопровождалось и литературной полемикой съ обѣихъ сторонъ, такъ какъ Помбаль стремился оправдать свою крутую мѣру и передъ общественнымъ мнѣніемъ (1760). Въ 1761 г. была совершена въ Португаліи конфискація всѣхъ орденскихъ движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ, и въ томъ же году Помбаль не остановился передъ сожженіемъ—по приговору инквизиціи — восьмидесятилѣтняго патера Малагриды, замѣшаннаго въ заговорѣ и обвиненнаго въ ереси. Во время этой борьбы Помбаль дѣйствовалъ еще изданіемъ новыхъ законовъ противъ куріи и клира и терроромъ противъ враговъ своей политики. Буллою „Apostolicum pascendi munus". Климентъ XIII взялъ орденъ подъ свое покровительство (1765), но булла не была принята въ Португаліи, правительство которой уже тогда вступило

съ Франціей (а потомъ и съ Испаніей) въ переговоры относительно полнаго уничтоженія ордена, чего рѣшено было добиться отъ папы: обѣ страны уже слѣдовали—каждая сама по себѣ—примѣру Португаліи. Между тѣмъ и среди самого португальскаго духовенства возникло движеніе въ пользу бо̀льшей самостоятельности отъ Рима. Въ 1768 г., по иниціативѣ Помбаля, посланники бурбонскихъ дворовъ, поддержанные военными демонстраціями своихъ правительствъ, настойчиво потребовали у Климента XIII уничтоженія ордена.

Въ это время іезуиты были уже изгнаны и изъ другихъ странъ. Дѣло происходило такимъ образомъ. Французскій іезуитъ Лавалеттъ, ведшій обширную торговлю, занялъ въ одномъ марсельскомъ торговомъ домѣ громадную сумму денегъ, которую обязался уплатить колоніальными товарами, но когда его грузъ былъ во время войны захваченъ англичанами, орденъ, въ пользу котораго Лавалеттъ велъ свои предпріятія, отказался уплатить долгъ и, расчитывая на свои связи при дворѣ, рѣшился сопротивляться приговору суда, состоявшемуся въ пользу истцовъ. При Людовикѣ XV былъ духовникомъ одинъ іезуитъ, Перюссо, возбудившій ненависть къ королевской метрессѣ, г-жѣ Помпадуръ, своимъ требованіемъ, чтобы она была удалена отъ двора, а она имѣла весьма сильное вліяніе на короля, и даже благодаря ей, въ то время первенствующій постъ во французскомъ правительствѣ занималъ герцогъ Шуазёль, сторонникъ „философовъ“ эпохи и особенный поклонникъ Вольтера. Общественное мнѣніе во Франціи также было настроено враждебно къ іезуитамъ. Парламентъ, куда былъ перенесенъ искъ противъ Лавалетта, давно находился по своему янсенисткому духу во враждѣ съ орденомъ, и приговоръ, имъ постановленный въ пользу кредиторовъ Лавалетта, публикою былъ встрѣченъ съ восторгомъ. Мало того: парламентъ потребовалъ у іезуитовъ уставы ихъ ордена и назначилъ коммиссію для ихъ разсмотрѣнія, по докладу которой объявилъ о несовмѣстимости ихъ съ государственными законами и призналъ поведеніе іезуитовъ безнравственнымъ. На помощь парламенту пришла пресса: съ ея стороны на іезуитовъ посыпались разныя обвиненія и обличенія. Даже лица, относившіяся невраждебно къ ордену, находили нужнымъ его реформировать. Наконецъ Людовикъ XV уступилъ общему желанію и пересталъ покровительствовать іезуитамъ. Сначала онъ потребовалъ отъ генерала ордена Риччи, чтобы онъ назначилъ для Франціи особаго намѣстника и согласился на нѣкоторыя измѣненія въ уставахъ, но Риччи отказалъ знаменитой фразой: „sint ut sunt, aut non sint“. Поддерживаемые своимъ начальствомъ, французскіе іезуиты не хотѣли подчиниться королевскимъ распоряженіямъ, собственно говоря, уничтожавшимъ ихъ организацію (1762), а потому были изгнаны изъ страны, послѣ

чего орденъ былъ объявленъ во Франціи упраздненнымъ (1764). Это было дѣломъ преимущественно Шуазёля. Риччи выхлопоталъ у папы упомянутую буллу „Apostolicum pascendi", но этимъ только еще болѣе раздражилъ французское правительство.

И въ Испаніи въ 1765 г., когда появилась эта булла, въ полномъ разгарѣ была борьба министра-реформатора Аранды съ іезуитами, столь же могущественными и вліятельными, какъ въ Португаліи, какъ и тамъ, бунтовавшими народъ, какъ вездѣ, наконецъ, издававшими памфлеты противъ правительства, которое пошло по новой дорогѣ; и здѣсь друзья преобразованій отвѣчали своими обличеніями. Въ 1766 г. въ Мадридѣ вспыхнуло народное возстаніе, подготовленное и руководимое іезуитами; этимъ и воспользовался Аранда, чтобы покончить съ орденомъ: въ одну ночь (4 апрѣля 1767 г.) всѣ испанскіе іезуиты, число которыхъ дошло до пяти тысячъ, были схвачены и на корабляхъ высланы въ Папскую область, и только тогда, когда этотъ ударъ былъ нанесенъ, былъ обнародованъ королевскій манифестъ объ уничтоженіи ордена. Совершенно такъ же и въ томъ же году поступилъ въ Неаполѣ Тануччи. Производившіяся въ это время реформы въ Пармѣ, которую курія считала папскимъ леномъ, вызвали со стороны Климента XIII предостереженіе герцогу съ угрозою отлученія отъ церкви, но управлявшій герцогствомъ за малолѣтствомъ дона Фернандо, бурбонскаго принца, французскій дворянинъ дю-Тилло, отвѣтилъ на угрозу уничтоженіемъ и въ Пармѣ ордена іезуитовъ и высылкою самихъ іезуитовъ изъ предѣловъ герцогства, а также конфискаціей ихъ имуществъ (1768). Тогда же дядя дона-Фернандо, Карлъ III Испанскій, заступился за своего племянника, склонивъ бурбонскія правительства Франціи и Неаполя къ совмѣстному давленію на курію какъ въ этомъ дѣлѣ, такъ и въ вопросѣ объ уничтоженіи іезуитовъ.

Помбаль, которому принадлежала иниціатива всей борьбы съ орденомъ, особенно настаивалъ на необходимости добиться уничтоженія Общества Іисуса, опасаясь возможности его возстановленія въ Португаліи, но Шуазёль совѣтовалъ отложить это до вступленія на престолъ новаго папы. Между тѣмъ испанское правительство устроило соглашеніе бурбонскихъ дворовъ для дѣйствія на папу въ указанномъ смыслѣ. Климентъ XIII вскорѣ послѣ этого умеръ (1769), и въ Римѣ посланники бурбонскихъ державъ, — къ которымъ присоединился и португальскій, возвратившійся на свой постъ послѣ смерти Климента XIII,—стали дѣйствовать въ пользу избранія на папскій престолъ прелата, который удовлетворилъ бы ихъ требованіямъ. Выборъ палъ на францисканца Лоренцо Ганганелли, принявшаго имя Климента XIV. Новый первосвященникъ пошелъ на уступки, примирилъ

папство съ Португаліей (1770), предпринялъ изслѣдованіе ученія и дѣятельности іезуитовъ и, рѣшивъ, наконецъ, что орденъ долженъ быть уничтоженъ, объявилъ о томъ всему католическому міру своимъ бреве „Dominus ac Redemptor" (1773). Въ слѣдующемъ, 1774 г. Климентъ XIV скончался, и въ смерти его винили іезуитовъ, будто бы его отравившихъ. Лишь Фридрихъ II и Екатерина II дозволили іезуитамъ существовать въ своихъ владѣніяхъ, въ католической Силезіи и въ окатоличенной Бѣлоруссіи, только-что пріобрѣтенной Россіей отъ Польши. Орденъ просуществовалъ 233 года (1540—1773) и былъ снова возстановленъ послѣ сорокалѣтняго перерыва—въ эпоху реакціи наступившей за паденіемъ имперіи Наполеона I.

Уничтоженіе іезуитовъ папою было *результатомъ похода на нихъ, получившаго международный характеръ*. Правительства Португаліи, Франціи, Испаніи и Неаполя дѣйствовали солидарно, такъ какъ Помбаль, Шаузель, Аранда и Тануччи, какъ руководящіе министры, одинаковыми глазами смотрѣли на орденъ. Совокупному давленію этихъ державъ на папу много помогало то обстоятельство, что три королевскихъ трона занято было Бурбонами, между которыми Шуазель въ 1761 г. устроилъ тѣсный фамильный союзъ (pacte de famille), между прочимъ заступившійся за бурбонское герцогство Парму, когда оно подверглось нападенію со стороны папы [1]). Коалиція католическихъ королей, носившихъ почетные титулы Fidelissimus (португальскій), Catholicus (испанскій) и Christianissimus (французскій), противъ главы церкви, бывшаго въ то же время и свѣтскимъ государемъ, была однимъ изъ наиболѣе любопытныхъ эпизодовъ международной политики XVIII в. Когда Климентъ XIII сталъ грозить герцогу пармскому отлученіемъ отъ церкви, Франція и Неаполь заняли папскія владѣнія, одна — Авиньонъ и Венессенъ, другой—Беневентъ и Понте-Корво, заявивъ, что будутъ очищены эти земли лишь по исполненіи требованій, предъявленныхъ папѣ, и лишь по упраздненіи ордена папство получило ихъ обратно. Этотъ фактъ нужно разсматривать въ тѣсной связи съ общей исторіей отношеній католическихъ монарховъ къ церкви. Въ своей борьбѣ съ остатками старины просвѣщенный абсолютизмъ долженъ былъ видѣть самыхъ опасныхъ своихъ враговъ въ куріи и въ клирѣ, вдобавокъ весьма богатомъ, когда государственная казна была пуста. Столкновеніе съ папствомъ по поводу іезуитовъ было лишь эпизодомъ въ той войнѣ, которую католическія государства XVIII в. объявили церкви во имя тѣхъ же принциповъ, какія защищались

---

[1]) У Онкена (Zeitalter Friedrichs des Grossen) глава объ уничтоженіи ордена такъ и называется „Die Verschwörung der Bourbonen gegen die Jesuiten" etc.

свѣтскою властью въ реформаціонную эпоху. Передъ нѣкоторыми дѣятелями разсматриваемаго времени носились идеалы галиканизма, т.-е. тѣхъ сравнительно наиболѣе благопріятныхъ для государства условій, въ какихъ находилась католическая церковь во Франціи, а иные шли и далѣе, мечтая и о большей независимости. Между Португаліей и папствомъ произошелъ формальный политическій разрывъ, продолжавшійся цѣлыя десять лѣтъ (1760—1770). Въ Португаліи начали даже подумывать объ отдѣленіи отъ Рима и былъ подвергнутъ изслѣдованію вопросъ о главенствѣ папы, причемъ высказывалась мысль о томъ, что мѣстный епископатъ можетъ быть вполнѣ самостоятеленъ. При Іосифѣ II существовало опасеніе, какъ бы и Австрія не вступила на такую же дорогу. Братъ Іосифа II, Леопольдъ, въ то время великій герцогъ тосканскій, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ императору, говоря объ упрямствѣ папы, припоминалъ древнія времена, когда папа былъ только первый между равными. Такія же натянутыя отношенія, какія существовали между католическими монархами и папствомъ въ XVIII в., повели въ XVI в. къ образованію чисто государственныхъ церквей, но тогда дѣйствовалъ могучій культурный факторъ, котораго не было въ XVIII в. и безъ котораго въ XVI столѣтіи не могло бы произойти отторженіе отъ Рима: факторъ этотъ — народно-религіозное движеніе, выразившееся въ протестантизмѣ и сектантствѣ. *Антицерковное направленіе въ XVIII в. сильно было лишь въ правительствахъ, руководившихся государственными интересами*, тогда какъ въ народныхъ массахъ не совершалось никакого новаго религіознаго броженія.

Въ первый періодъ эпохи просвѣщеннаго абсолютизма въ области церковныхъ (католическихъ) отношеній, особенно обращаетъ на себя вниманіе преобразовательная дѣятельность южно-романскихъ правительствъ. Въ Португаліи, Испаніи и Италіи власть церкви была особенно сильна и, слѣдовательно, государству предстояла и наиболѣе упорная борьба. Возведеніе бурбонскихъ принцевъ на престолы Испаніи, Неаполя и Пармы имѣло результатомъ перенесеніе на почву этихъ странъ принциповъ французской церковной политики, никогда не бывшей благопріятною политической мощи куріи и клира. Борьба съ іезуитами только обострила новыя отношенія. Южно-романскія правительства создали немало прецедентовъ и для той преобразовательной дѣятельности въ области церковныхъ отношеній, которая закипѣла въ Австріи при Іосифѣ II, т.-е. уже къ концу разсматриваемой эпохи. Безъ всякаго вліянія со стороны „философіи„ государство XVIII в. дѣлало свое дѣло, какъ дѣлало его и раньше, и помимо, напримѣръ, религіозныхъ идей, породившихъ реформацію XVI в., но если тогда тѣмъ не менѣе нѣкоторыя правительства въ

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]ъ этихъ идей, но и теперь [illegible] [illegible] [illegible] „философія"—особенно для Іосифа II. [illegible] [illegible] [illegible] церковныя реформы въ южно-романскихъ [illegible], [illegible] [illegible] принципіальной постановки вопроса въ [illegible] [illegible], [illegible] на реформы Іосифа II.

[illegible] [illegible] 17[illegible] г. Карлъ III воцарился въ Неаполѣ и привезъ [illegible] [illegible] Тануччи, страна была въ полной власти духовенства: здѣсь [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] жителей около 115 т. духовенства, по 28 [illegible] [illegible] [illegible] населенія, т.-е. около 3%, и въ самой столицѣ [illegible] [illegible] $16\frac{1}{2}$ т.; однихъ архіепископовъ (22) и [illegible] [illegible] было въ этой небольшой странѣ 138, а монашествующихъ [illegible] (31,800) и женщинъ (25,600) болѣе 57 тысячъ, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] превышало число бѣлаго духовенства, не доходившего до послѣдней цифры ($56\frac{1}{2}$ т.); въ рукахъ этого сословія [illegible] по приблизительному исчисленію около двухъ третей всей [illegible] собственности, за исключеніемъ королевскихъ доменовъ; духовныя лица не подлежали свѣтскому суду, ихъ жилища, наравнѣ съ церквами и часовнями, пользовались правомъ убѣжища отъ полицейскаго и судебнаго преслѣдованія, ихъ земли не несли на себѣ государственныхъ налоговъ,—однимъ словомъ, *въ Неаполѣ въ началѣ XVIII в. были вполнѣ осуществлены притязанія средневѣковаго котомнизма*[1]. Вотъ въ какой средѣ пришлось дѣйствовать Тануччи, „легисту", проникнутому идеей государственной власти, правъ государства. Онъ поручилъ одному аббату (Дженовези) подробно изобразить невозможность такого положенія дѣлъ, и министръ тотчасъ же нашелъ сочувствіе среди горожанъ столицы. Въ смыслѣ необходимости реформы тогдашнему папѣ (Клименту XII) сдѣланы были представленія отъ имени короля, но курія начала по этому поводу длиннѣйшіе переговоры, окончившіеся лишь при новомъ папѣ Бенедиктѣ XIV, вступившемъ на св. престолъ въ 1740 г. Неаполитанское правительство заключило съ нимъ конкордатъ, по которому курія согласилась отмѣнить изъятіе церковныхъ имуществъ изъ обязанности платить налоги, затруднить какъ пріобрѣтеніе церковью новыхъ земель, такъ и поступленіе въ духовное званіе, ограничить епископскую юрисдикцію и сохранить право убѣжища за однѣми только церквами, да и то по отношенію лишь къ лицамъ, не совершившимъ тяжкихъ преступленій. Опираясь на этотъ конкордатъ, Тануччи пошелъ дальше, принявъ со второй половины сороковыхъ годовъ рядъ новыхъ мѣръ въ томъ же духѣ. У папскихъ буллъ, не утвержденныхъ королемъ, было отнято всякое юридическое значеніе. Были

---

[1]) *Colletta*: Storia del reame del Napoli.

объявлены не имѣющими силы церковныя наказанія, налагавшіяся епископами на людей, которые лишь исполняли королевскую волю или законы государства. Клиръ былъ подчиненъ свѣтскимъ судамъ. Было постановлено, чтобы не приходилось болѣе десяти духовныхъ на одну тысячу душъ населенія. Былъ предпринятъ общій кадастръ для опредѣленія того, что принадлежитъ церкви и что частнымъ лицамъ, и для правильнаго обложенія церковныхъ имуществъ. Кромѣ того, было закрыто въ Неаполѣ инквизиціонное судилище. При Фердинандѣ IV, вступившемъ на престолъ въ 1759 г., Тануччи продолжалъ итти по тому же пути, уничтоживъ немалое количество монастырей, имѣнія которыхъ были отобраны въ казну, запретивъ дѣлать завѣщанія въ пользу всякихъ духовныхъ учрежденій, расширивъ права свѣтскихъ судовъ, отдавъ на ихъ рѣшеніе брачныя дѣла, къ которымъ было примѣнено понятіе гражданскаго договора, подчинивъ постановленія духовной цензуры контролю свѣтской власти и нанесши, наконецъ, ударъ ордену іезуитовъ.

Въ Испаніи еще до перехода (1759) на ея престолъ Карла III, при которомъ въ Неаполѣ началось ограниченіе правъ куріи и клира, именно еще въ послѣдніе годы Фердинанда VI начата была подобная же работа. Въ 1753 г. Испанія заключила съ Бенедиктомъ XIV конкордатъ, уступавшій коронѣ право замѣщенія большей части церковныхъ должностей и сократившій папскіе доходы съ Испаніи. Карлъ III перенесъ и въ новое свое королевство систему, уже примѣнявшуюся при немъ въ Неаполѣ, и, какъ извѣстно, нашелъ помощниковъ, изъ которыхъ самыми выдающимися были Аранда и Компоманесъ. Послѣдній, какъ и Тануччи, спеціально занимался вопросомъ объ отношеніи между церковью и государствомъ и доказывалъ экономическую несостоятельность церковнаго землевладѣнія. На испанскомъ престолѣ Карлъ III чувствовалъ себя даже сильнѣе, чѣмъ въ Неаполѣ, считавшемся папскимъ леномъ и сосѣдившемъ съ Церковною областью. Папскія буллы и бреве и здѣсь не могли болѣе обнародываться безъ разрѣшенія короля. Власть иноземныхъ генераловъ надъ испанскими монастырями была ограничена. Инквизиція была превращена въ полицейское учрежденіе, и монастыри были подчинены полицейскому надзору. Приняты были мѣры къ тому, чтобы ограничить церковное землевладѣніе, которое, кромѣ того, было обложено податями. У монаховъ было отнято почти исключительное право заниматься воспитаніемъ юношества. Наконецъ, и въ Испаніи, какъ мы видѣли, былъ отмѣненъ орденъ іезуитовъ.

По стопамъ большихъ бурбонскихъ державъ шла и маленькая Парма, гдѣ правительство такъ называемой „прагматической санкціей“ сильно ограничило папскія права. Распоряженія папы нужда-

своей политикѣ пошли подъ знаменемъ этихъ идей, но и теперь такимъ знаменемъ сдѣлалась „философія"—особенно для Іосифа II. Мы и разсмотримъ сначала церковныя реформы въ южно-романскихъ странахъ, потомъ коснемся принципіальной постановки вопроса въ литературѣ и, наконецъ, укажемъ на реформы Іосифа II.

Когда въ 1734 г. Карлъ III воцарился въ Неаполѣ и привезъ съ собою Тануччи, страна была въ полной власти духовенства: здѣсь было на четыре милліона жителей около 115 т. духовенства, по 28 на каждую тысячу населенія, т.-е. около 3%, и въ самой столицѣ насчитывалось духовныхъ 16½ т.; однихъ архіепископовъ (22) и епископовъ (116) было въ этой небольшой странѣ 138, а монашествующихъ мужчинъ (31,800) и женщинъ (25,600) болѣе 57 тысячъ, такъ что ихъ число превышало число бѣлаго духовенства, не доходившаго до послѣдней цифры (56½ т.); въ рукахъ этого сословія находилось по приблизительному исчисленію около двухъ третей всей поземельной собственности, за исключеніемъ королевскихъ доменовъ; духовныя лица не подлежали свѣтскому суду, ихъ жилища, наравнѣ съ церквами и часовнями, пользовались правомъ убѣжища отъ полицейскаго и судебнаго преслѣдованія, ихъ земли не несли на себѣ государственныхъ налоговъ,—однимъ словомъ, *въ Неаполѣ въ началѣ XVIII в. были вполнѣ осуществлены притязанія средневѣковаго католицизма* [1]. Вотъ въ какой средѣ пришлось дѣйствовать Тануччи, „легисту", проникнутому идеей государственной власти, правъ государства. Онъ поручилъ одному аббату (Дженовези) подробно изобразить невозможность такого положенія дѣлъ, и министръ тотчасъ же нашелъ сочувствіе среди горожанъ столицы. Въ смыслѣ необходимости реформы тогдашнему папѣ (Клименту XII) сдѣланы были представленія отъ имени короля, но курія начала по этому поводу длиннѣйшіе переговоры, окончившіеся лишь при новомъ папѣ Бенедиктѣ XIV, вступившемъ на св. престолъ въ 1740 г. Неаполитанское правительство заключило съ нимъ конкордатъ, по которому курія согласилась отмѣнить изъятіе церковныхъ имуществъ изъ обязанности платить налоги, затруднить какъ пріобрѣтеніе церковью новыхъ земель, такъ и поступленіе въ духовное званіе, ограничить епископскую юрисдикцію и сохранить право убѣжища за однѣми только церквами, да и то по отношенію лишь къ лицамъ, не совершившимъ тяжкихъ преступленій. Опираясь на этотъ конкордатъ, Тануччи пошелъ дальше, принявъ со второй половины сороковыхъ годовъ рядъ новыхъ мѣръ въ томъ же духѣ. У папскихъ буллъ, не утвержденныхъ королемъ, было отнято всякое юридическое значеніе. Были

---

[1]) *Colletta*: Storia del reame del Napoli.

объявлены не имѣющими силы церковныя наказанія, налагавшіяся епископами на людей, которые лишь исполняли королевскую волю или законы государства. Клиръ былъ подчиненъ свѣтскимъ судамъ. Было постановлено, чтобы не приходилось болѣе десяти духовныхъ на одну тысячу душъ населенія. Былъ предпринятъ общій кадастръ для опредѣленія того, что принадлежитъ церкви и что частнымъ лицамъ, и для правильнаго обложенія церковныхъ имуществъ. Кромѣ того, было закрыто въ Неаполѣ инквизиціонное судилище. При Фердинандѣ IV, вступившемъ на престолъ въ 1759 г., Тануччи продолжалъ итти по тому же пути, уничтоживъ немалое количество монастырей, имѣнія которыхъ были отобраны въ казну, запретивъ дѣлать завѣщанія въ пользу всякихъ духовныхъ учрежденій, расширивъ права свѣтскихъ судовъ, отдавъ на ихъ рѣшеніе брачныя дѣла, къ которымъ было примѣнено понятіе гражданскаго договора, подчинивъ постановленія духовной цензуры контролю свѣтской власти и нанесши, наконецъ, ударъ ордену іезуитовъ.

Въ Испаніи еще до перехода (1759) на ея престолъ Карла III, при которомъ въ Неаполѣ началось ограниченіе правъ куріи и клира, именно еще въ послѣдніе годы Фердинанда VI начата была подобная же работа. Въ 1753 г. Испанія заключила съ Бенедиктомъ XIV конкордатъ, уступавшій коронѣ право замѣщенія большей части церковныхъ должностей и сократившій папскіе доходы съ Испаніи. Карлъ III перенесъ и въ новое свое королевство систему, уже примѣнявшуюся при немъ въ Неаполѣ, и, какъ извѣстно, нашелъ помощниковъ, изъ которыхъ самыми выдающимися были Аранда и Компоманесъ. Послѣдній, какъ и Тануччи, спеціально занимался вопросомъ объ отношеніи между церковью и государствомъ и доказывалъ экономическую несостоятельность церковнаго землевладѣнія. На испанскомъ престолѣ Карлъ III чувствовалъ себя даже сильнѣе, чѣмъ въ Неаполѣ, считавшемся папскимъ леномъ и сосѣдившемъ съ Церковною областью. Папскія буллы и бреве и здѣсь не могли болѣе обнародываться безъ разрѣшенія короля. Власть иноземныхъ генераловъ надъ испанскими монастырями была ограничена. Инквизиція была превращена въ полицейское учрежденіе, и монастыри были подчинены полицейскому надзору. Приняты были мѣры къ тому, чтобы ограничить церковное землевладѣніе, которое, кромѣ того, было обложено податями. У монаховъ было отнято почти исключительное право заниматься воспитаніемъ юношества. Наконецъ, и въ Испаніи, какъ мы видѣли, былъ отмѣненъ орденъ іезуитовъ.

По стопамъ большихъ бурбонскихъ державъ шла и маленькая Парма, гдѣ правительство такъ называемой „прагматической санкціей“ сильно ограничило папскія права. Распоряженія папы нужда-

лись въ герцогскомъ одобреніи. Запрещалось переносить судъ по духовнымъ дѣламъ въ Римъ. Положенъ былъ предѣлъ увеличенію церковнаго землевладѣнія. Имущества духовенства должны были участвовать въ платежѣ налоговъ. Мы уже видѣли, что за все это папа пригрозилъ Пармѣ отлученіемъ, но за нее заступились бурбонскія державы.

Еще болѣе рѣзкимъ характеромъ отличалась политика Помбаля, подавшаго примѣръ изгнанія іезуитовъ и доведшаго Португалію до дипломатическаго разрыва съ Римомъ. Уже въ 1751 г. онъ отнялъ у „священнаго судилища“ (инквизиціи) его права и отмѣнилъ auto da fe, а затѣмъ подчинилъ приговоры духовныхъ судовъ свѣтскимъ. Буллы и бреве, опубликованныя безъ королевскаго разрѣшенія, были объявлены незаконными (особенно іезуитская булла „La coena Domini“). Духовенству было запрещено отлучать отъ церкви государственныхъ чиновниковъ. Клерикальная печать была подчинена королевской цензурѣ, и пастырское посланіе одного епископа было предано публичному сожженію; самого епископа отрѣшили отъ должности и посадили въ тюрьму. Изданы были распоряженія, долженствовавшія остановить ростъ церковнаго землевладѣнія: поступая въ монастырь, нужно было отказаться отъ правъ на наслѣдство; лишь извѣстную часть имущества разрѣшалось завѣщать церкви на поминъ души. Было уничтожено не малое число монастырей, и безъ разрѣшенія короля запрещено было постригаться въ монахи моложе двадцати лѣтъ. Что особенно отличаетъ дѣятельность Помбаля, такъ это его заботы о народномъ образованіи, которое онъ задумалъ исторгнуть изъ рукъ клира. Это былъ громадный трудъ, завершенный въ 1772 г. реформою коимбрскаго университета.

Сравнивая дѣятельность министровъ-реформаторовъ по церковному вопросу въ Неаполѣ, въ Испаніи, въ Пармѣ, въ Португаліи мы находимъ, что вездѣ она имѣла однородный характеръ, и мѣры, принимавшіяся въ одномъ государствѣ, были часто какъ бы скопированы съ того, что дѣлалось въ другомъ. Всѣ эти мѣры сводились къ тому, чтобы освободить свѣтскую власть отъ теократической опеки и подчинить духовенство государству, но при этомъ очень мало обращалось вниманія на культурные интересы общества. Благочестіе такихъ государей, какъ Іосифъ-Эмануилъ, не мѣшало имъ санкціонировать дѣйствія ихъ менистровъ, направленныя противъ католической церкви. Въ этомъ отношеніи и набожная Марія-Терезія не отставала отъ движенія вѣка, когда сталкивались права короны съ клерикальными притязаніями, хотя, съ другой стороны, она никакъ не хотѣла допустить вѣротерпимости. Поэтому въ сферѣ церковно-политическихъ отношеній Марія-Терезія, весьма часто, впрочемъ, дѣйствовавшая и

подъ вліяніемъ „партіи просвѣщенія“, была предшественницей своего сына-реформатора. И другой ея сынъ, Леопольдъ Тосканскій, ограничивалъ права куріи и клира въ своемъ владѣніи: и его реформы, которыя во многомъ совпадаютъ съ тѣмъ, что дѣлалось въ названныхъ выше католическихъ государствахъ, прямо вытекали изъ того убѣжденія, что государство должно господствовать надъ церковью.

Господство государства надъ церковью вообще проповѣдовалось многими писателями XVIII в. Вольтеръ, напримѣръ, находилъ, что нація достигаетъ силы и могущества, когда „государство приказываетъ религіи“. Рэйналь не хотѣлъ признавать иныхъ соборовъ, кромѣ совѣщаній министровъ. Руссо проповѣдовалъ необходимость „гражданской религіи“, установляемой государствомъ. Сами ученые канонисты этой эпохи разрѣшали спорные вопросы церковно-политическихъ отношеній въ пользу преобладанія свѣтской власти. Таковы были, напримѣръ, Тануччи и Кампоманесъ. Въ 1765 г. Іог.-Ник. фонъ-Гонтгеймъ, трирскій викарій, издалъ подъ псевдонимомъ Юстина Февронія [1]) книгу „О современномъ состояніи церкви и о законной власти римскаго первосвященника“, написанную въ томъ же духѣ. Благодаря изложенію въ ней каноническаго права, какимъ оно было до тридентскаго собора, она сдѣлалась весьма популярной и нѣсколько разъ переиздавалась даже въ Италіи, Испаніи и Португаліи. На нее, между прочимъ, ссылался Кампоманесъ, составляя опроверженіе папскаго бреве противъ герцога пармскаго. Впослѣдствіи на нее же опирался и Іосифъ II, производя свои церковныя реформы. Февроній былъ притомъ не одинъ: и другіе канонисты защищали его теорію или писали въ томъ же духѣ („Доводы за и противъ привилегій духовенства“ Верекунда фонъ-Лохштейна, подъ именемъ котораго скрывался нѣкій Петръ фонъ-Остервальдъ). Іезуиты, — которыми стали тяготиться въ это время и нѣкоторые нѣмецкіе католическіе князья, стремившіеся къ усиленію своей власти па счетъ правъ церкви, — вели интригу противъ церкви Февронія и добивались у Маріи-Терезіи, чтобы она запретила ненавистное сочиненіе, но фанъ-Свитенъ убѣдилъ императрицу, что въ качествѣ государыни она должна, наоборотъ, защищать книгу Февронія. Оппозиція противъ папства проникла даже въ духовныя княжества Германіи. Архіепископъ кельнскій (младшій братъ Іосифа II и Леопольда) раздѣлялъ воззрѣнія своихъ братьевъ. Въ 1785 г. духовные курфюрсты объявили папѣ, что они не намѣрены поступаться своими правами и желаютъ, чтобы папскія буллы поступали на ихъ утвержденіе, грозя въ противномъ случаѣ созывомъ національнаго собора.

Особенно интересны церковныя реформы Іосифа II. Опираясь

[1]) *O. Meyer.* Febronius.— *J. Kuntziger.* Febronius et le febronianisme.

имущество пошло на дѣла благотворительности и на школы. Эти мѣры вызвали страстную борьбу въ печати. Одни стояли на сторонѣ императора и прославляли его, какъ, напримѣръ, авторъ сатирической „Монахологіи“, или капуцинскій монахъ Игн. Фесслеръ (подвергшись клерикальнымъ преслѣдованіямъ, онъ уѣхалъ въ Силезію, гдѣ принялъ протестантизмъ, а оттуда въ Россію [1]). Съ другой стороны, раздавались голоса, обвинявшіе Іосифа II въ нечестіи, въ нарушеніи права собственности, въ алчности Упрекъ въ алчности императоръ получилъ незаслуженнымъ образомъ, такъ какъ многіе весьма богатые монастыри были нетронуты, а затѣмъ большая часть средствъ, добытыхъ изъ секуляризаціи, пошла на нужды самой церкви и школы. Если и случалось, что монастырскія зданія превращались иногда въ казармы и въ фабрики, то все-таки главнымъ ихъ назначеніемъ было сдѣлаться воспитательными домами, благотворительными учрежденіями, училищами, а доходы уничтоженныхъ монастырей и братствъ шли въ такъ называемый государственный „религіозный и школьный фондъ“, расходовавшій деньги на устройство новыхъ приходовъ, на дѣла благотворенія, на народное образованіе. Впрочемъ, въ такомъ дѣлѣ, какъ уничтоженіе 738 монастырей и секуляризація ихъ собственности, было сдѣлано немало ошибокъ. да и исполнители понагрѣли себѣ руки около церковныхъ богатствъ, что дало немалую пищу католическимъ историкамъ „іозефинизма“. Не всегда также съ должнымъ выборомъ уничтожали и оставляли монастыри; цѣнныя библіотеки продавались за безцѣнокъ; старыя рукописи и печатныя изданія XV в., какъ никуда яко-бы негодный хламъ, шли въ макулатуру; драгоцѣнныя вещи пропадали или оказывались во владѣніи чиновниковъ, производившихъ отобраніе монастырскихъ имуществъ, и т. п. но подобныя же некрасивыя вещи совершались и въ эпоху реформаціонной секуляризаціи XVI в. Сила духовенства была еще ослаблена и тѣмъ, что Іосифъ II отнялъ у духовенства книжную цензуру и школу. Запрещалось печатать только то, что противно христіанству и добрымъ нравамъ, и разные пасквили, но критика правительственныхъ мѣръ разрѣшалась, и этимъ какъ разъ воспользовалась клерикальная оппозиція, чтобы нападать на Іосифа II. Въ Австріи даже университеты были учрежденіями чисто церковными, но монархъ-реформаторъ придалъ всей системѣ образованія свѣтскій характеръ, хотя и подчинилъ школьное дѣло самой мелочной бюрократической регламентаціи. Учебная система Іосифа II продержалась въ Австріи до середины XIX в. Реформа коснулась и спеціально духовныхъ школъ, готовившихъ церковныхъ пастырей. Эти училища должны были воспитывать будущихъ клириковъ въ духѣ іозефинскихъ идей. Для

[1]) *Ign. Fessler.* Rückblick auf meine siebzigjährige Pilgerschaft.

куріи расширялась диспенсаціонная власть епископовъ, и монашескіе ордена освобождались отъ исключительной власти генераловъ, жившихъ въ Римѣ. Наконецъ, молодымъ людямъ, ѣздившимъ учиться въ римскій Collegium Germanicum для приготовленія къ духовному званію, было запрещено на будущее время это дѣлать, и для нихъ была даже основана особая школа въ Павіи.

Вторая категорія мѣръ Іосифа II имѣла болѣе радикальный характеръ. Смотря на духовенство, какъ на сословіе, долженствующее проповѣдовать евангеліе, отправлять богослуженіе, совершать таинства и наблюдать за церковною жизнью, но вовсе не къ тому предназначенное, чтобы пользоваться исключительными правами и господствовать надъ обществомъ, — Іосифъ II, съ одной стороны, не хотѣлъ, чтобы въ его государствѣ были люди, не приносящіе никакой пользы и даже вредные, какими ему представлялись монахи, а съ другой — желалъ, чтобы духовенство находилось въ такомъ же подчиненіи у свѣтской власти, какъ и всѣ другіе подданные. „Мнѣ, писалъ Іосифъ II къ архіепископу зальцбургскому, предстоитъ сдѣлать трудное дѣло — сократить армію монаховъ, превратить въ людей этихъ факировъ, передъ бритыми головами которыхъ простонародье становится на колѣна и которые господствуютъ надъ умами гражданъ съ такою силою, какъ никто никогда не вліялъ на душу человѣка“. Нѣкоторые католическіе писатели, неблагосклонно судящіе Іосифа II, соглашаются, что монастырей въ Австріи, дѣйствительно, было слишкомъ много и что они приносили очень мало пользы. Сама Марія-Терезія начала уже сокращать ихъ число. Но у Іосифа II былъ еще тотъ взглядъ, что, подчиняясь иноземнымъ генераламъ, монастыри опасны даже въ политическомъ отношеніи, почему онъ и изъялъ ихъ изъ-подъ иноземной власти; кромѣ того, онъ видѣлъ въ монахахъ классъ людей, ничего не производящій, но много потребляющій. Изъ цѣлаго ряда мѣръ, посредствомъ которыхъ онъ началъ ограничивать монашество, отмѣтимъ лишь наиболѣе крупныя. Въ началѣ 1782 г. императоръ издалъ указъ, уничтожавшій въ его владѣніяхъ всѣ монашескіе ордена созерцательной жизни, т.-е. которые не содержали школъ или больницъ, не проповѣдовали и не были духовниками, не предавались и научнымъ занятіямъ и т. д.; все ихъ имущество поступало въ казну. Всѣхъ монастырей было такимъ образомъ уничтожено 738 и распущено 36 т. человѣкъ — для поступленія въ другіе монастыри или для перехода въ бѣлое духовенство, а не то такъ и для того, чтобы вступить въ частную жизнь или уѣхать за границу; но за всѣмъ тѣмъ оставалось еще 1324 монастыря съ 27 т. монаховъ и монахинь, и они были подчинены теперь весьма строгому надзору. Кромѣ того, было распущено 642 религіозныхъ братства, и отобранное у нихъ

имущество пошло на дѣла благотворительности и на школы. Эти мѣры вызвали страстную борьбу въ печати. Одни стояли на сторонѣ императора и прославляли его, какъ, напримѣръ, авторъ сатирической „Монахологіи“, или капуцинскій монахъ Игн. Фесслеръ (подвергшись клерикальнымъ преслѣдованіямъ, онъ уѣхалъ въ Силезію, гдѣ принялъ протестантизмъ, а оттуда въ Россію [1]). Съ другой стороны, раздавались голоса, обвинявшіе Іосифа II въ нечестіи, въ нарушеніи права собственности, въ алчности. Упрекъ въ алчности императоръ получилъ незаслуженнымъ образомъ, такъ какъ многіе весьма богатые монастыри были нетронуты, а затѣмъ большая часть средствъ, добытыхъ изъ секуляризаціи, пошла на нужды самой церкви и школы. Если и случалось, что монастырскія зданія превращались иногда въ казармы и въ фабрики, то все-таки главнымъ ихъ назначеніемъ было сдѣлаться воспитательными домами, благотворительными учрежденіями, училищами, а доходы уничтоженныхъ монастырей и братствъ шли въ такъ называемый государственный „религіозный и школьный фондъ“, расходовавшій деньги на устройство новыхъ приходовъ, на дѣла благотворенія, на народное образованіе. Впрочемъ, въ такомъ дѣлѣ, какъ уничтоженіе 738 монастырей и секуляризація ихъ собственности, было сдѣлано немало ошибокъ, да и исполнители понагрѣли себѣ руки около церковныхъ богатствъ, что дало немалую пищу католическимъ историкамъ „іозефинизма“. Не всегда также съ должнымъ выборомъ уничтожали и оставляли монастыри; цѣнныя библіотеки продавались за безцѣнокъ; старыя рукописи и печатныя изданія XV в., какъ никуда яко-бы негодный хламъ, шли въ макулатуру; драгоцѣнныя вещи пропадали или оказывались во владѣніи чиновниковъ, производившихъ отобраніе монастырскихъ имуществъ, и т. п. но подобныя же некрасивыя вещи совершались и въ эпоху реформаціонной секуляризаціи XVI в. Сила духовенства была еще ослаблена и тѣмъ, что Іосифъ II отнялъ у духовенства книжную цензуру и школу. Запрещалось печатать только то, что противно христіанству и добрымъ нравамъ, и разные пасквили, но критика правительственныхъ мѣръ разрѣшалась, и этимъ какъ разъ воспользовалась клерикальная оппозиція, чтобы нападать на Іосифа II. Въ Австріи даже университеты были учрежденіями чисто церковными, но монархъ-реформаторъ придалъ всей системѣ образованія свѣтскій характеръ, хотя и подчинилъ школьное дѣло самой мелочной бюрократической регламентаціи. Учебная система Іосифа II продержалась въ Австріи до середины XIX в. Реформа коснулась и спеціально духовныхъ школъ, готовившихъ церковныхъ пастырей. Эти училища должны были воспитывать будущихъ клириковъ въ духѣ іозефинскихъ идей. Для

[1]) *Ign. Fessler.* Rückblick auf meine siebzigjährige Pilgerschaft.

императора священники должны были быть прежде всего наставниками народа и хорошими гражданами: первая цѣль достигалась новыми учебниками, составленными на основахъ того раціоналистическаго католицизма XVIII в., который сводилъ религію на моральную философію, а вторая цѣль—обученіемъ новому церковному праву, въ которомъ выдвигались на первый планъ права государства и внушалось слѣпое повиновеніе свѣтской власти. Воспитанный въ новыхъ принципахъ, священникъ долженъ былъ сдѣлаться своего рода духовнымъ чиновникомъ, и судьями въ церковныхъ дѣлахъ должны были быть свѣтскіе чиновники. Въ австрійскомъ епископатѣ нашлись люди іозефинскаго образа мыслей или просто угождавшіе правительству, но большинство вступило въ борьбу. Эта оппозиція дѣйствовала и на школьную молодежь. Противъ новой системы духовнаго образованія протестовали въ Бельгіи епископы, а когда въ Лувенѣ появились новые профессора съ новыми руководствами, тамошніе студанты теологіи подняли цѣлый бунтъ.

Всѣ эти реформы касались главнымъ образомъ духовенства, и народная масса относилась къ нимъ спокойно, пока нѣкоторыми необдуманными мѣрами Іосифъ II не затронулъ ея религіознаго чувства, вмѣшавшись въ обрядовую сторону религіи. Государственная власть считала для себя все позволительнымъ и возможнымъ, но при этомъ не принимала въ соображеніе, что вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла самой религіи нарушались права вѣрующей совѣсти, которыя сама же она брала подъ свою защиту во имя терпимости. Іосифъ II признавалъ своимъ правомъ безъ соглашенія съ церковными властями измѣнять границы епархій и приходовъ, учреждать новые, основывать капитулы и производить преобразованія въ культурѣ. Ему хотѣлось упростить богослуженіе, а потому онъ уничтожилъ нѣкоторые праздники, запретилъ разныя процессіи, велѣлъ удалять изъ церквей лишнія иконы, статуи и украшенія (чѣмъ, напримѣръ, вызвалъ сопротивленіе крестьянъ въ Тиролѣ), сталъ вводить новый служебникъ съ гимнами, въ которыхъ усматривали протестантскій характеръ, измѣнилъ было обрядъ погребенія, приказавъ хоронить, вмѣсто гробовъ, въ холщевыхъ мѣшкахъ и при томъ въ общихъ ямахъ, заливаемыхъ известью, такъ какъ на гробы выходило много дерева, а подъ кладбищами пропадало много земли и т. п., но народъ былъ всѣмъ этимъ очень недоволенъ. У Іосифа II, исходившаго изъ одной идеи правъ государства, не было настоящаго уваженія къ чужой совѣсти, хотя въ принципѣ онъ и высказывался въ смыслѣ религіозной свободы. Самый эдиктъ о вѣротерпимости не признавалъ за православными и протестантами права имѣть церкви съ колокольнями, звономъ и входными дверями съ улицы; затѣмъ, кромѣ названныхъ исповѣданій, другія

не допускались. Въ Чехіи, напримѣръ, была секта абраамитовъ, по Іосифъ II приказалъ каждаго, кто заявилъ бы свою къ ней принадлежность, наказывать двадцатью-четырьмя палочными ударами „не потому, что онъ деистъ (такъ именовались сектанты), а потому, что онъ претендуетъ быть чѣмъ-то такимъ, чего и самъ не понимаетъ“ (weil er vorgiebt etwas zu seyn, von dem er nicht weiss, was es ist). Абраамитская община воспротивилась слиться съ однимъ изъ главныхъ исповѣданій и была раскассирована. Съ тѣмъ же малымъ уваженіемъ относился Іосифъ II и къ протесту католической совѣсти. Однажды католики не хотѣли допустить похоронъ крестьянина-гусита на своемъ кладбищѣ, но Іосифъ II увидѣлъ въ этомъ нетерпимость и велѣлъ, выкопавъ мертвеца изъ другой могилы, похоронить его непремѣнно на католическомъ кладбищѣ, для чего было послано изъ пражскаго гарнизона 600 пѣхотинцевъ и 30 кавалеристовъ, дабы не было сопротивленія. Такими распоряженіями Іосифъ II возбуждалъ противъ своихъ мѣръ и народную массу. Если Фридрихъ II въ своемъ государствѣ позволялъ каждому спасаться nach seiner Façon, то Іосифъ II все еще былъ проникнутъ принципомъ „cujus regio, ejus religio“. Преемнику его, Леопольду II, разнаго рода уступками пришлось поправлять дѣло, испорченное ошибками монарха, который не сумѣлъ сочетать въ дѣлахъ религіи правъ государственной власти съ правами вѣрующей совѣсти. Не умѣли этого сдѣлать, какъ мы еще увидимъ, и дѣятели французской революціи, которая въ началѣ объявила религіозную свободу, а кончила религіозными преслѣдованіями. Но, разсматривая эти отношенія, не нужно забывать, что католическая церковь представляла изъ себя политическую силу, и что борьба съ нею часто увлекала государственную власть гораздо далѣе той границы, за которою уже нарушался принципъ свободы совѣсти, съ такимъ трудомъ пролагавшій путь къ своему признанію.

XXVIII. Реформы въ области сословныхъ отношенiй и крестьянскаго быта [1]).

Просвѣщенный абсолютизмъ и соцiальный феодализмъ.—Борьба съ аристократическими привилегiями въ разныхъ государствахъ.—Iосифъ II и дворянство.—Физiократы и ихъ влiянiе на государственныхъ людей.—Неблагопрiятныя условiя крестьянской реформы.—Разный ея характеръ въ разныхъ странахъ.—Отзывъ Мирабо объ отношенiи Фридриха II къ крестьянству.—Прусское законодательство XVIII в. въ крестьянскомъ вопросѣ.—Крестьянскiй вопросъ въ нѣмецкихъ княжествахъ.—Крестьянскiя реформы Марiи-Терезiи и Iосифа II.—Савойская реформа. Заключенiе.

Церковныя реформы просвѣщеннаго абсолютизма были предпринимаемы во имя государственной идеи противъ одной изъ основъ средневѣкового быта, которая пережила въ католическихъ странахъ эпоху реформацiи, положившей конецъ прежнимъ отношенiямъ между церковью и государствомъ въ протестантскихъ странахъ. Другою основою средневѣкового быта былъ феодализмъ, соцiальная сторона котораго сохранилась въ сословномъ строѣ, и въ юридической зависимости сельскаго населенiя отъ крупныхъ землевладѣльцевъ, духовныхъ и свѣтскихъ. Мы уже знаемъ, что соцiальный феодализмъ пережилъ феодализмъ политическiй, такъ какъ королевская власть разрушала старыя права аристократiи тамъ, гдѣ эти права ее стѣсняли, гдѣ ей приходилось дѣлиться своими собственными правами; но, ревниво оберегая эти права и даже расширяя ихъ, короли оставляли неприкосновенными аристократическiя привилегiи, тяготѣвшiя надъ народною массою; такая политика только и сдѣлала возможными порядки, господствовавшiе въ XVIII в. Однако, въ томъ же XVIII в. *началось разрушенiе соцiальнаго феодализма сверху, прежде нежели совершилось его паденiе подъ напоромъ народнаго движенiя.* Общее направленiе внутренней политики XVIII в. было враждебно главнымъ остаткамъ соцiальнаго феодализма. Государство было вынуждено вмѣшаться въ эту область, которая долго не подлежала сколько-нибудь энергичному, постоянному и систематическому воздѣйствiю со стороны правительства. Государству нужно было оберегать народную массу, какъ податную силу, отъ излишнихъ поборовъ со стороны господъ, а тутъ еще у господъ сохранялись нерѣдко и такiя права, которыя были своего рода узурпацiей правъ государства въ области суда и полицiи. Къ этому присоединилось еще дѣйствiе новыхъ идей: ученiе естественнаго права въ концѣ-концовъ дѣлалось проповѣдью гражданской

[1]) См. литературу, указанную въ главѣ VIII и XVII.

свободы гражданскаго равенства, которымъ противорѣчило крѣпостничество, да и идея государства, какъ учрежденія, существующаго для общаго блага, приводила къ мысли объ уравненіи правъ населенія и въ другихъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ *реальныя потребности государства и общественная философія эпохи одинаково участвовали въ исторіи законодательства, имѣвшаго своимъ предметомъ реформу соціальныхъ отношеній*. Въ общемъ, однако, и въ этой области, какъ и въ реформахъ административно-финансовыхъ, и въ мѣропріятіяхъ, касавшихся церковныхъ отношеній, на первый планъ выдвигался все-таки интересъ государства, какъ таковаго. По отношенію къ свободѣ личности отъ феодальныхъ правъ и въ частности отъ крѣпостничества и теорія, и практика эпохи оказались довольно робкими и нерѣшительными. Выше было показано, что всемогущее государство не было твердо увѣрено въ своемъ правѣ осуществить силою своей власти требованіе естественной свободы посредствомъ законодательнаго акта о безвозмездномъ уничтоженіи крѣпостничества. Было также упомянуто, что Фридрихъ II въ сущности не внесъ никакого измѣненія въ сословный строй Пруссіи, который во всей неприкосновенности былъ даже прямо освященъ философскимъ „Allgemeines Landrecht“. Если въ комъ изъ представителей просвѣщеннаго абсолютизма и выразилась съ особою силою освободительная идея вѣка, то именно въ Іосифѣ II, который, менѣе чѣмъ за десять лѣтъ до начала французской революціи, объявилъ крѣпостное состояніе отмѣненнымъ въ своихъ владѣніяхъ. Подобно тому, какъ его церковное законодательство находитъ аналогію въ гражданскомъ устройствѣ духовенства“, изданномъ французскимъ учредительнымъ собраніемъ, такъ и его попытку уничтожить крѣпостничество можно до извѣстной степени поставить рядомъ съ декретами 4 августа 1789 г., посредствомъ которыхъ французская революція отмѣняла весь феодальный режимъ. Но даже и законодательство Іосифа II не рѣшило крестьянскаго вопроса, *и XVIII вѣкъ, впервые его постановившій, завѣщалъ этотъ вопросъ слѣдующему столѣтію*, когда ему пришлось получить рѣшеніе уже при измѣнившихся условіяхъ. Въ настоящей главѣ мы разсмотримъ законодательство XVIII в. въ области сословныхъ отношеній вообще и крестьянскаго вопроса въ частности.

Въ политической исторіи XVIII в. замѣчается одно явленіе, которое должно обратить на себя особенное наше вниманіе: это — стремленіе абсолютной монархіи сократить и ограничить аристократическія привилегіи, бывшія наслѣдіемъ феодальной эпохи, наслѣдіемъ, которое сохранялось, благодаря именно тому, что ранѣе, — наоборотъ, королевская власть была въ союзѣ съ аристократіей, подобно тому, какъ была въ союзѣ и съ духовенствомъ, съ которымъ, однако, всту-

пила въ борьбу въ серединѣ XVIII в. Если во Франціи старые общественные порядки оставались неприкосновенными до самой революціи, и если въ Пруссіи король-философъ былъ самымъ строгимъ консерваторомъ въ отношеніи къ соціальному строю своего государства, то въ другихъ странахъ, наоборотъ, *шла упорная борьба государственной власти противъ остатковъ феодальной старины.* Это наблюдается прежде всего въ южно-романскихъ странахъ, гдѣ министры-реформаторы ограничивали права не однихъ только духовныхъ, но и дворянъ. Португальское дворянство, занимавшее всѣ наиболѣе важныя должности въ государствѣ, расхищавшее домены, отличавшееся крайнимъ своеволіемъ и страшно притѣснявшее народъ, увидѣло въ лицѣ Помбаля энергичнаго врага, который подчинилъ дворянъ правительственному контролю и положилъ предѣлъ расширенію ихъ поземельной собственности въ ущербъ доменамъ и мелкому землевладѣнію свободнаго крестьянства; въ то же время онъ покровительствовалъ среднему сословію, какъ общественному классу, занятому промышленностью и торговлею. Въ Неаполѣ подобнымъ образомъ дѣйствовалъ Тануччи, видѣвшій въ привилегіяхъ духовенства и дворянста узурпацію королевскихъ правъ. На дворянскіе суды была установлена аппеляція къ королевскимъ судьямъ, или же эти суды и совсѣмъ отмѣнялись. Правительство дѣятельно вмѣшивалось въ тяжбы, происходившія между феодальными землевладѣльцами и сельскимъ населеніемъ и разрѣшало спорные пункты въ пользу послѣдняго. Испанскіе министры-реформаторы равнымъ образомъ сдерживали дворянство, хотя и не предпринимали какихъ-нибудь особенно рѣшительныхъ мѣръ. Въ Тосканѣ преобразованія великаго герцога Леопольда, исходившія изъ новыхъ государственныхъ идей, были направлены прямо противъ феодализма [1]). Въ Даніи, гдѣ еще Бернсторфъ стремился къ облегченію участи крестьянъ, особымъ врагомъ дворянскихъ привилегій выступилъ Струензе.

Нигдѣ, однако, взаимныя отношенія между правительствомъ и дворянствомъ не обострилось въ эту эпоху до такой степени, какъ въ Австріи при Іосифѣ II. Феодальная знать въ габсбургской монархіи, не игравшая, какъ то было въ Пруссіи, роль служилаго сословія, представляла изъ себя весьма значительную соціальную силу, съ которою власть должна была постоянно ладить. Новое бюрократическое государство, устроивавшееся въ Австріи въ XVIII в. и вербовавшее своихъ слугъ изъ разночинцевъ, начало приходить въ столкновеніе

---

[1]) См. *C. Tiravoni.* L'Italia prima della rivoluzione francese.—*Reumont.* Geschichte Toscana's. — *G. Capponi.* Storia di Pietro Leopoldo. — *Ferd.Hirsch.* Leopold II als Grossherzog von Toscana (въ Hist. Zeitschr. Зибеля, т. 40).

съ этимъ сословіемъ, и Іосифъ II, любившій ставить ребромъ вопросы внутренней политики, содѣйствовалъ лишь обостренію новыхъ возникавшихъ отношеній. Для этого государя значеніе монархической власти заключалось въ томъ, чтобы быть нейтральнымъ между сословіями и приходить на помощь лишь къ тому, которое по слабости своей въ этомъ наиболѣе нуждается. Съ такой точки зрѣнія его весьма сильно занимали сословныя отношенія; а въ качествѣ государственника, желавшаго сдѣлать счастливыми своихъ подданныхъ, онъ былъ врагомъ разнаго рода привилегій, поскольку ими нарушались интересы государства и большинства его жителей. Между прочимъ онъ задумалъ уничтожить податныя изъятія дворянства, ссылаясь на другія страны, гдѣ это сословіе не было освобождено отъ налоговъ, и потому онъ ввелъ поземельный налогъ, падавшій вообще на всѣхъ землевладѣльцевъ. Гр. Хотэкъ, канцлеръ чешско-австрійской придворной канцеляріи, возражалъ противъ этой мѣры, ссылаясь на то, что отъ нея потеряетъ дворянство: „но зато выиграютъ крестьяне", возражалъ императоръ. Іосифъ II и съ практической точки зрѣнія убѣждалъ Хотэка въ правильности своей мѣры: „не лучше ли будетъ, если мы что-либо уступимъ крестьянамъ, чѣмъ ждать, что они не дадутъ намъ ничего?" Хотэкъ возражалъ, что бояться этого нечего, такъ какъ можно и силою принудить платить. „Силою?! воскликнулъ Іосифъ II:— но вѣдь перевѣсъ физической силы находится на сторонѣ третьяго сословія. Повѣрьте мнѣ, что если мужикъ не захочетъ платить, всѣмъ намъ придется итти прочь" (Wenn der Bauer nicht will, sind wir alle pritsch). Гр. Хотэкъ оставилъ свое мѣсто; „моя совѣсть, писалъ онъ императору, не позволяетъ мнѣ подписать свое имя подъ распоряженіемъ, которое причиняетъ дворянству такую несправедливость". Въ этомъ дѣлѣ оппозицію Іосифу II оказывали не только духовенство и дворянство, но и его собственные министры и совѣтники, защищавшіе интересы привилегированныхъ сословій или указывавшіе на практическія неудобства задуманной мѣры. Императоръ настаивалъ на ея проведеніи, но эта крупная реформа была совершена безъ достаточной выработки подробностей, и указъ Іосифа II о налогахъ (1789) былъ отмѣненъ Леопольдомъ II. Въ сословномъ вопросѣ Іосифъ II былъ полною противоположностью Фридриху II. То же самое обнаружилось и въ ихъ отношеніяхъ къ крестьянству.

До XVIII в. на западѣ Европы государственная власть почти ничего не предпринимала, чтобы покончить съ соціальнымъ феодализмомъ и снять съ крестьянства узы крѣпостничества. Въ XVIII столѣтіи, какъ мы видѣли, и реальныя нужды государства, и новая общественная философія, въ которой важное значеніе принадлежало экономической доктринѣ физіократовъ, впервые заставили власть

взяться за разрѣшеніе крестьянскаго вопроса. Если физіократы явились сторонниками абсолютной монархіи, то между прочимъ это объясняется ихъ взглядомъ, по которому государство должно было возстановить „естественный порядокъ“ хозяйственной жизни, а это лучше всего могла бы, по ихъ мнѣнію, сдѣлать всемогущая королевская власть. Экономисты не переставали взывать къ правительствамъ, указывая на необходимость отмѣны сословныхъ различій и привилегій, личной зависимости крестьянъ и феодальныхъ повинностей, на нихъ лежащихъ, и т. п., а затѣмъ уже предполагалось, что экономическому быту будетъ предоставлена полная свобода развиваться по законамъ, присущимъ „естественному порядку“. Экономисты заинтересовывали государственную власть въ этомъ дѣлѣ, доказывая, что предлагаемыя ими мѣры повлекутъ за собою подъемъ народнаго благосостоянія и, какъ результатъ этого, обогащеніе казны. До сихъ поръ подъ вліяніемъ меркантилистической теоріи правительства думали объ обогащеніи главнымъ образомъ путемъ содѣйствія обрабатывающей промышленности и торговлѣ, но физіократія указывала на землю, на сельское хозяйство, на крестьянскій трудъ. Воззванія экономистовъ не были напрасными. Государственнымъ дѣятелямъ новаго направленія требованія физіократіи не казались вовсе опасными для существовавшаго политическаго строя, какъ ни расходились эти требованія съ тѣмъ, что составляло основу внутренней королевской политики въ предыдущія времена. Сами физіократы, отрицавшіе пригодность какихъ бы то ни было иныхъ политическихъ формъ, кромѣ монархіи, дѣйствующей на основаніи экономическихъ принциповъ (monarchie économique аб. Бодо), располагали тѣмъ самымъ въ свою пользу монархическія правительства. Въ эпоху финансовыхъ неурядицъ, отъ которыхъ страдали почти всѣ тогдашнія государства, ученіе физіократовъ не только привлекало своими обѣщаніями на счетъ благъ всякаго рода, но и давало высшую санкцію тѣмъ реформамъ, которыя предпринимало государство. *Цѣлый рядъ правителей XVIII в. съ полною вѣрою въ успѣхъ своихъ начинаній подчиняется ученію физіократовъ.* Леопольдъ въ Тосканѣ былъ ревностнымъ сторонникомъ Кенэ; Іосифъ II въ Австріи считался послѣдователемъ аб. Бодо и Мерсье де-ла-Ривьера; Густавъ III Шведскій создалъ орденъ Вазы для поощренія сельскаго хозяйства и однимъ изъ первыхъ украсилъ имъ Мирабо-отца, извѣстнаго своими физіократическими сочиненіями, и друга Карла-Фридриха Баденскаго, тоже поклонника физіократовъ. Екатерина II приглашала къ себѣ для совѣтовъ Мерсье де-ла-Ривьера. Во многихъ государствахъ управленіе дѣлами отдавалось экономистамъ или ихъ послѣдователямъ, и нѣкоторые дѣятели просвѣщеннаго абсолютизма были особенными сторонниками физіократіи. Испанскій ми-

нистръ Кампоманесъ, равно какъ Флорида Бланка писали физiократическiе трактаты. При савойскомъ правительствѣ игралъ важную роль экономистъ Солера, въ Неаполѣ—Филанджiери и Пальмiери. Въ Баденѣ министерскiй постъ занималъ экономистъ Шлеттвейнъ. Наконецъ, Тюрго, во Францiи былъ наиболѣе знаменитымъ представителемъ физiократiи на посту руководящаго министра.

Широкое влiянiе физiократiи на правительственныя сферы было благопрiятно для освобожденiя сельскаго населенiя и земли отъ феодальнаго гнета. Впервые подъ этимъ влiянiемъ правительства сколько-нибудь серьезно взялись за крестьянскую реформу, но у послѣдней были и неблагопрiятныя условiя разнаго рода—между прочимъ сбивчивое представленiе о правахъ государственной власти въ этой области и соображенiе о томъ, что всякое измѣненiе, произведенное властью въ соцiальныхъ отношенiяхъ, будетъ нарушенiемъ частной собственности. Слѣды феодальнаго происхожденiя самого государства и сильная консервативная оппозицiя также были условiями, неблагопрiятными для рѣшенiя крестьянскаго вопроса. Отсюда *многiя реформы въ крестьянскомъ быту имѣли значенiе лишь полумѣръ*, да и то нерѣдко предпринимались нерѣшительно, проводились медленно, въ исполненiи оказывались совсѣмъ уже незначительными, тѣмъ болѣе, что и въ чисто теоретической постановкѣ крестьянскаго вопроса были крупные недостатки.

Исторiя крестьянской реформы въ XVIII в. представляетъ большое разнообразiе въ зависимости отъ мѣстныхъ условiй. Въ однихъ государствахъ производилось меньше, въ другихъ больше измѣненiй; въ однихъ случаяхъ эти измѣненiя обусловливались преимущественно практическими потребностями государства, какъ онѣ понимались правителями эпохи, въ другихъ—новыми экономическими ученiями. Примѣромъ государства, въ которомъ рѣшительнаго ничего не предпринималось, была Пруссiя Фридриха II въ отличiе отъ Австрiи Iосифа II, гдѣ, наоборотъ, задумана была болѣе радикальная реформа. Та же Пруссiя можетъ служить примѣромъ того, какъ главныя мѣропрiятiя относительно крестьянъ диктовались практическими соображенiями государственной пользы, тогда какъ небольшой Баденъ является типическою страною осуществленiя физiократическихъ принциповъ.

Изъ правителей XVIII в. вообще наименѣе подчинился общему духу физiократической теорiи Фридрихъ II. Знаменитый Мирабо-сынъ посвятившiй свою книгу о прусской монархiи своему отцу физiократу, изложивъ собственные взгляды на экономическую политику, выражаетъ сожалѣнiе, что великiй король не слѣдовалъ такимъ правиламъ: „увы! если бы онъ ихъ зналъ, онъ былъ бы имъ неизмѣнно вѣренъ, но ихъ не было въ его время, ибо развѣ можно чему-либо научиться

на верху славы и къ старости"? Тотъ же Мирабо не разъ указываетъ на то, какъ мало сдѣлалъ Фридрихъ II для крестьянъ. Онъ называетъ его „вѣрнымъ великому правилу измѣнять поменьше" (fidèle à la grande maxime de très peu changer) и правилу „оставлять все на прежнихъ основаніяхъ" (de laisser tout sur les bases qu'il avait trouvées ou posées), и во многихъ мѣстахъ возвращается къ вопросу о крестьянахъ. Онъ очень хорошо опредѣлилъ всю прусскую политику въ этомъ отношеніи: „прусскіе государи не желали задѣвать дворянъ (choquer les nobles) уничтоженіемъ крѣпостничества, но они очень хорошо понимали свои собственные интересы для того, чтобы не заключить крѣпостничество въ тѣсныя рамки". Фридрихъ II, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, вовсе не хлопоталъ о томъ, чтобы измѣнить такое положеніе. Какъ изъ всего явствуетъ, онъ не видѣлъ въ свободѣ крестьянина великаго средства процвѣтанія, но если бы и видѣлъ, многія соображенія остановили бы его передъ такимъ шагомъ, особенно въ Помераніи. Въ этой провинціи бѣднаго дворянства масса. Могъ ли онъ рисковать d'aliéner la noblesse poméranienne, en lui ôtant un droit" и т. д.?.. То же самое отмѣчаетъ Мирабо и еще въ одномъ мѣстѣ: „безъ сомнѣнія, онъ (Фридрихъ II) могъ бы заставить всѣхъ крупныхъ собственниковъ своей страны освободить крестьянъ, но такимъ актомъ власти (coup d'autorité) онъ не хотѣлъ отвратить дворянство, въ которомъ онъ нуждался для своей арміи". Выразивши удивленіе (on doit s'étonner), что „столь просвѣщенный государь не сдѣлалъ попытки уничтожить барщину, замѣнивъ ее оброкомъ", Мирабо въ другомъ мѣстѣ уже безъ всякаго изумленія замѣчаетъ, что „этотъ великій монархъ не пытался отмѣнить барщину и крѣпостничество: онъ чувствовалъ, безъ сомнѣнія, что такой переворотъ (une telle révolution) выходитъ за предѣлы всей его власти, всего его могущества, какъ бы велики они ни были". Эти отзывы о Фридрихѣ II одного изъ крупнѣйшихъ людей XVIII в. заключаютъ въ себѣ вѣрную характеристику отношенія короля-философа къ крестьянскому вопросу.

Тѣмъ не менѣе Пруссія была однимъ изъ первыхъ государствъ въ которыхъ правительство обратило вниманіе на крестьянскую массу, но заботы прусскаго правительства въ этомъ отношеніи ограничивались улучшеніемъ быта крестьянъ при сохраненіи стараго строя. Уже первый прусскій король, вскорѣ послѣ полученія новаго титула, выразилъ желаніе (1702) освободить всѣхъ крѣпостныхъ въ королевскихъ доменахъ, съ чѣмъ соединялся цѣлый планъ и хозяйственнаго быта крестьянъ, но у него не хватило характера привести въ исполненіе свои намѣренія. Кромѣ того, Фридрихъ I въ 1709 г. издалъ указъ въ защиту крестьянъ отъ дурного обхожденія господъ. Фридрихъ-Вильгельмъ I оказался нѣсколько энергичнѣе. Въ 1719 и 1720 гг.

для привлеченія новыхъ жителей въ малонаселенную Восточную Пруссію онъ отмѣнилъ въ тамошнихъ королевскихъ доменахъ крѣпостничество, надѣливъ крестьянъ наслѣдственными участками земли. Подобная же мѣра была задумана и по отношенію къ прусской Помераніи, но встрѣтила затрудненія со стороны самихъ же крестьянъ, привыкшихъ подозрительно относиться ко всѣмъ нововведеніямъ, тѣмъ болѣе, что въ сущности предполагавшаяся отмѣна крѣпостничества сводилась лишь къ нѣкоторому его смягченію. Важнѣе былъ указъ 1739 г., запрещавшій сносъ (Legen) крестьянскихъ дворовъ, а за годъ передъ этимъ король вооружился строгими наказаніями противъ жестокаго обращенія съ крѣпостными. Какъ мало, однако, дѣйствовали королевскія запрещенія, видно изъ того, что Фридриху II пришлось дважды подтверждать указъ о сносѣ дворовъ (1749 и 1764) подъ угрозою все бо̀льшихъ и бо́льшихъ штрафовъ, и что не разъ ему представлялся случай выступать противъ особенно вопіющихъ злоупотребленій помѣщичьею властью. Чиновники сами являлись притѣснителями народа, какъ-будто,—говорилось по этому поводу въ одномъ указѣ короля-философа,—крестьяне были совсѣмъ ихъ крѣпостными людьми. Указъ 1749 г. грозилъ чиновнику, побившему крестьянина палкою, шестилѣтнимъ заключеніемъ въ крѣпости, хотя и это не устранило грубыхъ насилій всѣхъ власть имущихъ надъ крестьянами; знаменитая прусская бюрократическая дисциплина была безсильна противъ того, что глубоко вкоренилось въ нравы общества. Дворянство и чиновничество не только не исполняли королевскихъ предписаній, разъ дѣло шло о крестьянахъ, но и всячески мѣшали новымъ мѣропріятіямъ. Послѣ губертсбургскаго мира, окончившаго разорительную семилѣтнюю войну, Фридрихъ II предпринялъ было реформу крестьянскихъ отношеній въ Помераніи, гдѣ положеніе сельской массы было особенно жалкое. Въ 1763 г. померанская доманіальная и военная палата получила такого рода предписаніе: „абсолютно и безъ малѣйшаго разсужденія (absolut und ohne das geringste Raisonniren) должны быть немедленно совершенно освобождены всѣ крѣпостные въ деревняхъ королевскихъ, дворянскихъ и принадлежащихъ городамъ“, но когда этотъ указъ былъ сообщенъ мѣстнымъ чинамъ, послѣдніе единогласно объявили, что волю монарха никакъ нельзя исполнить, и послали королю представленіе, въ которомъ говорилось слѣдующее: въ провинціи крѣпостничества, собственно говоря, нѣтъ, а существуетъ лишь „благодѣтельная“ и „весьма выгодная“ для крестьянина (zum wichtigen Beneficio) „связь“ (Verbindung) между нимъ и землевладѣльцемъ, и лишить провинцію этой связи значитъ подвергнуть ее обезлюденію (Depeuplirung), дороговизнѣ и еще одной очень большой опасности; дѣло въ томъ, что означенная „Verbindung“ доселѣ

служила средствомъ удерживать крестьянъ въ странѣ и поставлять рекрутъ въ королевскую армію, такъ какъ помѣщики всячески разыскиваютъ уклоняющихся отъ вербовки, а это можетъ прекратиться, разъ старый порядокъ будетъ отмѣненъ. Послѣдній аргументъ подѣйствовалъ на Фридриха II, и изданная черезъ годъ для Помераніи „Bauerverordnung“ не заключала въ себѣ никакихъ измѣненій въ крѣпостническихъ отношеніяхъ провинціи Только въ области, отнятой у Польши, Фридрихъ II пришелъ на помощь къ сельскому населенію, находившемуся въ еще болѣе печальномъ положеніи, чѣмъ въ старыхъ частяхъ монархіи, смягчивъ рабство, въ какомъ народъ находился у своихъ господъ [1]). Даже въ собственныхъ доменахъ Фридрихъ II былъ безсиленъ добиться точнаго исполненія своей воли. Въ 1756 и 1763 гг. онъ издалъ распоряженіе, по которому сыновья доманіальныхъ крестьянъ должны были наслѣдовать надѣлы своихъ отцовъ, разъ хозяйство на нихъ ведется хорошо, но чиновники продолжали преспокойно отдавать участки умершихъ крестьянъ, кому вздумается, и въ 1777 г. король еще разъ подтвердилъ свой указъ для мѣстностей, гдѣ онъ не былъ приведенъ въ исполненіе (an allen Orten, wo noch nicht geschehen). По смерти Фридриха II Пруссія оставалась крѣпостною, а опубликованный послѣ его смерти преемникомъ его „Allgemeines Landrecht“ измѣнилъ не существо дѣла, а лишь названіе, когда, вмѣсто стараго термина „крѣпостничество“ (Leibeigenschaft), ввелъ другой — „наслѣдственное подданничество“ (Erbunterthänigkeit). Впрочемъ, и въ остальныхъ нѣмецкихъ земляхъ дѣлалось то же самое. Исключеніе составляетъ Баденъ, гдѣ маркграфъ Карлъ-Фридрихъ, не разъ уже упоминавшійся поклонникъ физіократіи, въ 1783 г. безвозмездно отмѣнилъ крѣпостное состояніе крестьянъ и разныя повинности, кромѣ барщины. Маркграфъ былъ такъ проникнутъ идеями физіократовъ, что сталъ даже дѣлать опыты сельскохозяйственнаго устройства по этимъ идеямъ. Это единственный примѣръ освобожденія крѣпостныхъ нѣмецкимъ княземъ передъ французской революціей. Уже послѣ этого событія, имѣвшаго вообще громадное значеніе въ исторіи паденія соціальнаго феодализма, отмѣнили у себя безвозмездно крѣпостничество незначительные князья Вольфгангъ-Эрнстъ Изенбургскій (1795) и Германъ-Фридрихъ Гогенцоллернъ-Гехингенскій (1798). *Дальнѣйшее освобожденіе нѣмецкаго крестьянства отъ крѣпостной зависимости совершалось уже подъ вліяніемъ событій, вызванныхъ французской революціей.*

---

[1]) *Gr. Lippe-Weissenfeld.* Westpreussen unter Friedrich dem Grossen.— „Въ з. Пруссіи, писалъ Фридрихъ II Вольтеру, я уничтожилъ рабство (esclavage) и преобразовалъ варварскіе законы“.

Въ Австріи не было недостатка въ иниціативѣ въ дѣлѣ улучшенія быта крестьянъ и освобожденія отъ крѣпостной зависимости, но и здѣсь дворянство было противъ крестьянской реформы, а чиновничество плохо исполняло мѣропріятія правительстка. Уже Марія-Терезія начала вносить измѣненія въ дотолѣ существовавшіе порядки. Окружные начальники, учрежденные въ ея царствованіе, должны были наблюдать за тѣмъ, чтобы между помѣщиками и крестьянами были „правомѣрныя и Богу угодныя" отношенія, и чтобы бѣднымъ не чинилось обидъ. Со времени соправительства Іосифа II, весьма сильно интересовавшагося крестьянскимъ вопросомъ еще при жизни матери, правительственная дѣятельность усиливается въ этомъ направленіи, но императоръ сначала надѣялся на то, что можно будетъ достигнуть полюбовнаго соглашенія между помѣщиками и крестьянами относительно обоюдныхъ правъ и обязанностей. Въ 1769 г. была ограничена уголовная юстиція господъ. Принимались мѣры противъ обезземеленія крестьянъ помѣщиками. Особенно много правительство Маріи-Терезіи занималось вопросомъ о барщинахъ, или „Roboten", какъ онѣ назывались въ габсбургской монархіи. До этого времени господа могли большею частью требовать какого имъ было угодно барщинскаго труда, хотя бы и по шести дней въ недѣлю, а когда барщина была ограниченная, то все-таки она была не менѣе трехдневной. Въ 1771 г. была назначена особая коммиссія для пересмотра барщинныхъ повинностей, такъ какъ Марія-Терезія рѣшилась собственною властью регулировать эти повинности. Результатомъ работъ коммиссіи были такъ называемые „Robot-und Urbarial-Patente" для отдѣльныхъ провинцій. Первый патентъ былъ изданъ для Чехіи, но и мѣстное дворянство, и мѣстное крестьянство создали немало затрудненій правительству при его проведеніи. Дворяне сдѣлали представленіе, что этимъ-де нарушается ихъ законная собственность и что патентъ противорѣчитъ коронаціонной присягѣ государыни, да и вредъ одинъ только принесетъ, ибо крестьянинъ начнетъ лѣниться и разоритъ своего помѣщика. Крестьяне, съ своей стороны, поняли дѣло не въ смыслѣ ограниченія барщины тремя днями, но въ смыслѣ полной ея отмѣны; иные еще утверждали, что въ Чехію присланъ не настоящій патентъ, а подложный; крестьяне отказывались ходить на барщину, требовали себѣ вольныхъ грамотъ и кончили возстаніемъ (1775). Глухое броженіе проникло и въ другія земли. Издавая „Robot-Patent" для Моравіи, Марія-Терезія оговаривается въ немъ, что ея мѣра есть только нѣкоторое „облегченіе крестьянина", отнюдь не полная или частичная отмѣна этихъ повинностей (Schuldigkeiten), за которыя стоятъ законы страны о правѣ собственности. Въ Венгріи своею Urbarial-Ordnung 1764 г. Марія-Терезія также нѣсколько смягчила настоящее рабство,

въ какомъ находился народъ съ начала XVI в. Іосифъ II между тѣмъ сильно раздражался тѣмъ направленіемъ, какое принимало крестьянское дѣло. Онъ все болѣе и болѣе приходилъ къ мысли о томъ, что рѣшить его можетъ лишь авторитетъ власти (Machtspruch). Мысль о полной отмѣнѣ крѣпостничества не чужда была самой Маріи-Терезіи, и тѣмъ болѣе она ее лелѣяла, что злоупотребленія господскими правами вызывали въ Австріи въ послѣдніе годы ея царствованія частыя народныя волненія. Она даже жаловалась, что Іосифъ II недостаточно ее поддерживаетъ въ этомъ дѣлѣ и скорѣе ей мѣшаетъ, такъ какъ министры, которые сами изъ землевладѣльцевъ, колеблютъ рѣшимость императора.

По смерти матери Іосифъ II не задумался, однако, отмѣнить крѣпостничество авторитетомъ своей власти. Осенью 1781 г. императоръ издалъ указъ о подданничествѣ (Unterthanspatent) и указъ о наказаніяхъ (Strafpatent), по которымъ для австрійско-богемскихъ провинцій уничтожалась произвольная помѣщичья власть надъ крестьянами, тяжбы между ними и господами должны были рѣшаться государственными чиновниками, отнимались у помѣщиковъ принудительныя средства по отношенію къ крестьянамъ, запрещались денежные штрафы и т. п. За этими мѣрами въ 1782 и 1785 гг. послѣдовала отмѣна и самого крѣпостного состоянія. Оно существовало въ Чехіи, Моравіи, Крайнѣ, Галиціи и Лодомеріи, и здѣсь еще было отмѣнено указомъ 15 января 1782 г., послѣ чего оно еще удерживалось только въ Венгріи, гдѣ было уничтожено черезъ три съ половиною года (1 авг. 1785 г.), хотя въ сущности „Leibeigenschaft“ замѣнялась здѣсь болѣе сносной „Hörigkeit“, какая существовала въ эрц. Австріи. Крестьяне получали право вступать въ бракъ безъ разрѣшенія господъ, свободу передвиженія и труда, право пріобрѣтать собственность и т. д.; но они должны были отбывать барщинныя повинности и подчиняться, хотя и ограниченной, патримоніальной юстиціи. Дворянство было страшно раздражено на Іосифа II, но и народъ не былъ вполнѣ доволенъ, такъ какъ мечталъ о большей свободѣ, да и аграрныя отношенія не были вполнѣ разработаны въ новомъ законодательствѣ [1]). По смерти Іосифа II началась реакція, и его крестьянская реформа погибла въ смутахъ, начавшихся еще при его жизни.

Крестьянскій вопросъ былъ поставленъ, и даже начали приступать къ его рѣшенію. Между прочимъ, жизнь выдвинула его на весьма видное мѣсто и въ шляхетской Рѣчи Посполитой. Онъ, какъ

---

[1]) Одною изъ наиболѣе извѣстныхъ брошюръ противъ Іосифа II была брошюра: „Warum wird der Kaiser Joseph von seinem Volke nicht geliebt?“.

увидимъ, получилъ еще очень важное значеніе и въ исторіи французской революціи, дѣятелямъ которой, впрочемъ, приходилось рѣшать его совсѣмъ заново, такъ какъ въ эпоху его окончательной постановки во Франціи лишь одно савойское законодательство въ крестьянскомъ вопросѣ обращало на себя вниманіе, какъ наиболѣе подходившее къ тогдашней Франціи, поскольку соціальныя отношенія въ обѣихъ странахъ были сходны и поскольку крестьянская реформа, произведенная герцогомъ савойскимъ, казалась нѣкоторымъ публицистамъ примѣромъ достойнымъ подражанія. Въ 1762 г. Карлъ-Эммануилъ III освобождалъ безвозмездно сервовъ въ доменахъ и отказывался отъ своей части выкупной цѣны, какую получали сеньеры съ освобождавшихся крѣпостныхъ. Эдиктъ 1771 г. обязывалъ сельскія общины выкупать лица и земли изъ сеньерьяльныхъ правъ. Еще два эдикта (1773 и 1778 г.) устанавливали правила этого выкупа. Не входя въ подробности законодательства Карла-Эммануила III, можно сказать, что такимъ образомъ и въ Савойѣ начиналась ликвидація соціальнаго феодализма.

Съ Фридрихомъ II и Іосифомъ II сходили со сцены почти одновременно самые видные представители просвѣщеннаго абсолютизма. Въ тѣ же годы начиналось во Франціи политическое движеніе, которое вскорѣ получило значеніе общеевропейское, открывъ такимъ образомъ новый періодъ всемірной исторіи. Старые порядки расшатались. Общая реформа была необходима, что и выразилось въ почти повсемѣстной преобразовательной дѣятельности второй половины XVIII в. Перевороту, который начался во Франціи въ 1789 г., предшествовала и здѣсь попытка реформы путемъ власти, при чемъ явился и министръ-реформаторъ въ лицѣ физіократа Тюрго; но и здѣсь реформа встрѣчена была консервативною оппозиціей, которая выступила было противъ государственной власти, но которую потомъ сломили новыя общественныя силы.

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ [1]).

XXIX. Мѣстное и европейское значеніе революціи.

Старая и новая Франція въ XVIII в.—Положеніе между ними французскаго правительства.—Двоякое отношеніе революціи къ старой монархіи.—Политическое воспитаніе французскаго общества.—Судьба политической свободы во Франціи.—Общеевропейское значеніе революціи.

Въ теченіе XVIII в. въ соціальной жизни Франціи совершался глубокій внутренній процессъ. Старая Франція Людовика XIV продолжала сохранять свои прежнія формы, не затрогиваемая никакими серьезными преобразованіями, которыя бы ихъ измѣнили замѣтнымъ образомъ; но въ этихъ старыхъ формахъ развивалась новая жизнь, правда, сдерживаемая обветшалыми рамками, но все сильнѣе и сильнѣе ихъ расшатывавшая, пока подъ напоромъ новыхъ силъ старыя формы не подались, и на развалинахъ прежнихъ отношеній не сформировался новый общественный строй, подготовленный предыдущимъ развитіемъ. Система Людовика XIV продолжала въ общемъ господствовать въ оффиціальной жизни Франціи, но что рядомъ съ Франціей оффиціальной, т.-е. Франціей королевской власти и версальскаго двора, католическаго духовенства и феодальнаго дворянства, существовала другая Франція, самымъ рельефнымъ проявленіемъ этого была ея литература съ принципами, діаметрально противоположными тѣмъ, которые лежали въ основѣ системы Людовика XIV. Мы видѣли, что самыми популярными идеями французской литературы XVIII в. были идеи духовной и политической свободы и гражданскаго равенства. Порвавъ связь съ традиціями прошлаго, эта замѣчательная литература сдѣлалась органомъ совсѣмъ новаго обще-

---

[1]) Общія указанія на литературу см. во вступительной главѣ къ этому тому.

ства, въ которомъ главную роль играли не представители стараго католико-феодальнаго строя, а иныхъ общественныхъ слоевъ, люди либеральныхъ профессій разнаго званія и люди промышленно-торговыхъ предпріятій. Интеллигентная буржуазія XVIII в. сдѣлалась главною сторонницею поступательнаго движенія впередъ и въ требованіи реформъ заняла поэтому положеніе передового класса націи. Въ первой половинѣ XVIII в. она пошла бы еще за правительствомъ, которое выступило бы на поприще преобразовательной дѣятельности, и ему она оказала бы поддержку, какой, напримѣръ, не имѣлъ въ Австріи просвѣщенный абсолютизмъ Іосифа II: выразителемъ новыхъ стремленій былъ тогда Вольтеръ. Между тѣмъ на сцену не являлось ни монарха, ни министра, подобныхъ позднѣйшимъ реформаторамъ въ другихъ странахъ. Правительство поддерживало старыя отношенія, и представители старой Франціи не думали, чтобы имъ откуда-нибудь угрожала опасность, кромѣ развѣ вольнодумной литературы, да и та увлекала немало людей изъ тѣхъ самыхъ общественныхъ слоевъ, подъ которые она подкапывалась. Новая Франція, между тѣмъ, росла и дѣлалась болѣе требовательною. Съ срединѣ XVIII в. ее уже не удовлетворяла программа Вольтера, т.-е. реформы всякаго рода, но безъ политической свободы, и вотъ именно свобода, проповѣдниками которой являются Монтескье, Руссо, Мабли и нѣкоторые энциклопедисты, дѣлается одною изъ наиболѣе популярныхъ политическихъ идей, одинаково раздѣлявшихся передъ 1789 г. и буржуазіей, и привилегированными. Когда умеръ Людовикъ XV, двѣ Франціи уже стояли одна противъ другой, готовыя къ борьбѣ: вопросъ былъ только въ томъ, на чьей сторонѣ будетъ государственная власть и уступитъ ли она новымъ вліяніямъ времени. Революція 1789 г. была побѣдою новой Франціи надъ старою, но старая не умерла, и когда палъ властелинъ, самъ побѣдившій революцію, чтобы дѣйствовать въ духѣ своего рода просвѣщеннаго абсолютизма [1]), она сдѣлала отчаянную попытку клерикально-аристократической реакціи противъ новыхъ общественныхъ слоевъ, поднявшихся въ XVIII в. изъ прежняго униженія.

Однимъ словомъ, *французской націи предстояло выйти на новую дорогу, но французскіе правители оказались не на высотѣ своего положенія.* Въ эпоху, когда троны другихъ великихъ державъ занимали Фридрихъ II, Марія-Терезія, Іосифъ II, Екатерина II,—во Франціи царствовали совершенно опустившійся Людовикъ XV (1715—1774) и слабохарактерный Людовикъ XVI. Они оказались неспособными къ

---

[1]) О родствѣ наполеоновскаго режима съ просвѣщеннымъ абсолютизмомъ см. въ IV томѣ настоящаго труда.

роли иниціаторовъ реформъ, вытекавшихъ изъ практическихъ нуждъ государства, и это было въ обществѣ, которое, наоборотъ, не такъ, какъ въ другихъ странахъ, само требовало реформъ. Своею привязанностью къ старымъ формамъ и неспособностью осуществить желанія общества названные короли поселяли недовѣріе къ власти, носителями которой являлись: то, чего не могла совершить старая монархія, должна была взять на себя „нація", замѣнившая въ сознаніи передовой части общества прежнія сословія (états). Правда, и положеніе французскихъ правителей было болѣе затруднительнымъ, чѣмъ гдѣ-либо. Въ странахъ просвѣщеннаго абсолютизма правительствамъ приходилось имѣть дѣло съ одною консервативной оппозиціей, но такая оппозиція существовала и во Франціи, имѣя органомъ своимъ парламенты, но рядомъ съ нею существовала еще и оппозиція либеральная, какой не было въ другихъ странахъ, да и она видѣла въ тѣхъ же парламентахъ учрежденіе, обезпечивающее права націи посредствомъ ограниченія произвола власти. Съ разныхъ точекъ зрѣнія обѣ эти оппозиціи,—старая и новая Франція,—могли быть и бывали недовольны правительствомъ, но обѣ сходились на почвѣ идеи политической свободы, хотя понимали ее различно, одни—въ аристократическихъ формахъ Монтескье, другіе—въ демократическихъ формахъ Руссо и Мабли, одни—думая объ участіи въ правленіи для охраны своихъ привилегій, другіе—стремясь къ власти, дабы, обладая ею, измѣнить общественный строй въ духѣ новыхъ идей. Все это ставило правительственную власть между двухъ огней: и охранительная, и преобразовательная политика вызывали или ту, или другую оппозицію, а разъ правительство рѣшалось на сколько-нибудь крутую мѣру, противъ него готовы были соединиться обѣ оппозиціи. При такихъ обстоятельствахъ во главѣ Франціи должны были бы стоять не такіе люди, какими были Людовики XV и XVI и бо̀льшая часть ихъ совѣтниковъ и руководителей, тѣмъ болѣе, что и реформы требовались не однимъ общественнымъ мнѣніемъ, которое еще кто-нибудь могъ бы обвинять въ несоотвѣтствіи съ реальными нуждами страны, а общимъ разстройствомъ и полнѣйшею негодностью старой системы. Французская монархія, взявшая подъ свою опеку общественныя силы, пріучила націю смотрѣть на себя, какъ на нѣчто всемогущее, какъ на силу, во власти которой осчастливить или сдѣлать несчастною всю страну; привыкши ожидать всего отъ власти, ей преимущественно и стали ставить въ вину—и не безъ основанія—печальное положеніе государства. Монархія Людовиковъ XV и XVI въ сущности охраняла консервативные интересы, но это не мѣшало духовенству и дворянству наканунѣ взрыва 1789 г. мечтать объ ограниченіи благосклоннаго для нихъ абсолютизма и тѣмъ самымъ итти вмѣстѣ съ буржуазіей,

которая не отдѣляла политической свободы отъ соціальной реформы, Бѣдственное положеніе народной массы, бывшее источникомъ смуты, и революціонныя идеи, органомъ которыхъ стала пресса, дѣйствовали въ томъ же направленіи, подготовляя насильственный переворотъ [1]).

Этотъ переворотъ, разрушившій „старый порядокъ" (l'ancien régime) и создавшій современную Францію, не могъ уничтожить вполнѣ консервативные элементы прежней Франціи, которые заняли по отношенію къ нему оппозиціонное положеніе, а послѣ 1814 г. стали во главѣ католико-феодальной реакціи,—и въ то же время не могъ быть полнымъ разрывомъ съ прошлымъ, отъ котораго революціонная Франція унаслѣдовала весьма многое и по отношенію къ которому революція очень часто являлась не переломомъ, а завершеніемъ предыдущаго развитія. Въ самомъ дѣлѣ, революція, разрушившая прежній строй, *во многомъ лишь завершала работу старой монархіи, остановившейся, такъ сказать, на полдорогѣ*. Работа эта заключалась въ разрушеніи старыхъ католико-феодальныхъ основъ быта и производилась совмѣстно королевскою властью и народною массою, союзъ которыхъ— одинъ изъ крупнѣйшихъ фактовъ въ исторіи Франціи; но въ общемъ старая монархія исполняла эту работу лишь настолько, насколько прежніе порядки были неудобны и стѣснительны для самой королевской власти, сдѣлавшейся даже, наоборотъ, охранительницей тѣхъ сторонъ въ этихъ порядкахъ, которыя были невыгодны и тягостны для одной народной массы. Если бы королевская власть и нація шли вмѣстѣ, рука объ руку, Франція должна была бы пережить свой періодъ просвѣщеннаго абсолютизма и притомъ съ болѣе широкимъ значеніемъ и съ болѣе глубокимъ вліяніемъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было; но французская исторія приняла другое направленіе, и работа, начатая, но не оконченная старой монархіей, была завершена уже новыми силами. Централизируя страну, королевская власть, поскольку дѣло касалось ея самой, привела къ одному знаменателю отдѣльныя провинціи Франціи, но онѣ продолжали сохранять во всемъ остальномъ такія особенности, которыя стояли въ полномъ противорѣчіи съ національнымъ единствомъ страны, какъ результатомъ объединительной политики королей. Нивеллируя общественные классы, старая монархія и здѣсь по отношенію къ власти поставила все въ одинаково безправное положеніе и тѣмъ не менѣе сохранила всѣ сословныя перегородки, съ которыми плохо мирилось новое, въ политическомъ отношеніи нивеллированное общество. Болѣе чѣмъ гдѣ-либо въ другой католической странѣ, во Франціи монархіи удалось поставить церковь въ положеніе, особенно благопріятное для государ-

---

[1]) См. особенно *Rocquain*. Esprit révolutionnaire avant la révolution.

ства, и вмѣстѣ съ тѣмъ католическій клиръ пользовался здѣсь привилегіями, которыя давали ему особую силу надъ культурною жизнью той самой націи, которая сдѣлалась главнымъ очагомъ свободнаго свѣтскаго просвѣщенія, между прочимъ, потому, что само же государство не допускало крайностей католической реакціи, до какихъ послѣдняя доходила въ другихъ странахъ. Многое изъ того, что во Франціи фактически существовало въ отношеніяхъ между государствомъ, съ одной стороны, и его областями, его сословіями и католическою церковью, съ другой, въ иныхъ странахъ въ эпоху просвѣщеннаго абсолютизма было лишь цѣлью, которой нужно было еще достигнуть. Но если королевская власть не чувствовала здѣсь неудобствъ со стороны областныхъ, сословныхъ и церковныхъ привилегій, ея не затрогивавшихъ, и потому сама по себѣ такимъ образомъ не нуждалась въ измѣненіи этихъ отношеній, то нигдѣ, наоборотъ, въ такой степени, какъ во Франціи, не тяготился указанными привилегіями народъ, который выдвинулъ впередъ зажиточное и образованное среднее сословіе, все болѣе и болѣе проникавшееся новыми общественными взглядами. Остановившись въ своей исторической работѣ, французская династія, такъ сказать, отстала отъ развитія, совершившагося въ націи, и послѣдняя собственными своими силами и средствами завершила процессъ, въ которомъ прежде такую дѣятельную роль играла старая монархія,—завершила объединительную, всеуравнивающую и устраняющую всякій дѣлежъ власти работу государства надъ разрозненными областями, надъ обособленными сословіями, надъ притязаніями церкви. Взявъ на себя окончаніе невыполненныхъ задачъ, ставившихся старой власти общественнымъ ростомъ Франціи, *революція унаслѣдовала у низвергнутой ею монархіи и многіе пріемы, посредствомъ которыхъ та достигала своихъ цѣлей.* И съ этой стороны новая Франція не совсѣмъ порвала свои связи съ Франціей старой.

Во многихъ отношеніяхъ просвѣщенный абсолютизмъ и французская революція были явленіями одной и той же категоріи, представляя изъ себя два разные момента или двѣ разныя формы въ процессѣ перехода западно-европейскихъ народовъ отъ средневѣковаго соціальнаго строя къ строю новѣйшаго времени. Но между ними была и существенная разница. Одно направленіе было направленіемъ по преимуществу правительственнымъ и государственнымъ: реформы исходили отъ власти безъ участія общественныхъ силъ и предпринимались прежде всего во имя государства. Переворотъ, совершившійся во Франціи, ставилъ своею цѣлью достиженіе свободы въ двухъ смыслахъ этого слова, т.-е. свободы политической, какъ участія націи въ правленіи, и свободы индивидуальной, какъ эманципаціи личности

изъ-подъ безграничной опеки государства. Старый порядокъ во Франціи являлся полнымъ отрицаніемъ свободы въ обоихъ этихъ смыслахъ, и благодаря этому, *французское общество въ XVIII в. было воспитано въ привычкахъ, наименье благопріятствовавшихъ дѣйствительному установленію свободы при новыхъ порядкахъ.* Въ Англіи и въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ французы искали для себя политическихъ поученій, то, что было цѣлью стремленій французовъ, являлось результатомъ долгаго историческаго процесса, во время котораго принципы свободы входили постепенно въ привычки, въ нравы, въ жизненную практику народа и тѣмъ самымъ создавалось уваженіе къ чужой свободѣ, безъ котораго желаніе свободы только для себя не въ состояніи осуществить настоящую свободу въ жизни. Исторія протестантизма показываетъ, съ какимъ трудомъ пролагалъ себѣ дорогу принципъ свободы совѣсти, несмотря на то, что въ теоріи права индивидуальной совѣсти были поставлены выше всякой принудительной силы уже родоначальниками движенія; воспитанные въ извѣстнаго рода привычкахъ, создававшихся старою церковною жизнью, они переносили эти привычки и въ новую церковную жизнь. То же было и во Франціи: привычки и нравы, привитые обществу прежнимъ режимомъ, пережили этотъ режимъ и породили многія явленія, бывшія лишь перелицовкою старыхъ. Къ тому же значительная часть передового общества понимала свободу народа въ смыслѣ власти народа: будь власть въ рукахъ народа и будь всѣ равны во власти, послѣдняя могла быть, пожалуй, и безпредѣльной. Такова была государственная идея Руссо, а этотъ писатель былъ однимъ изъ главныхъ политическихъ воспитателей французскаго общества въ XVIII в. Все это было крайне неблагопріятно для того порыва къ свободѣ, какой ощутила Франція въ 1789 г., но было тутъ еще и нѣчто другое.

Исполнить то дѣло, которое не было совершено старой монархіей, т.-е. осуществить новую государственную идею, значило во многихъ отношеніяхъ прямо продолжать чисто правительственную и государственную политику монархіи. Революція встрѣтилась съ консервативной оппозиціей, противъ которой она вооружилась всѣми средствами власти. *Защита новаго строя, основаннаго на гражданскомъ равенствѣ, требовала усиленія власти и отодвигала на задній планъ интересы свободы.* Новому строю грозили не только внутренніе враги, но и враги внѣшніе, и чрезвычайныя обстоятельства требовали чрезвычайныхъ мѣръ, особенно, когда Франціи угрожало иноземное завоеваніе. Изъ этихъ всѣхъ затрудненій Франція вышла побѣдительницей, но не достигнувъ желанной свободы. Имперія Наполеона I была своего рода просвѣщеннымъ абсолютизмомъ въ обществѣ, снявшимъ съ себя феодальную оболочку. Тѣмъ не менѣе попытка осно-

ванія свободнаго государства, сдѣланная французами въ 1789 г. и на первыхъ порахъ окончившаяся, собственно говоря, неудачей, не осталась безслѣдной въ исторіи какъ самой Франціи, такъ и другихъ западно-европейскихъ народовъ. Первая французская конституція (1791 г.) просуществовала самое короткое время, но тѣ принципы, которые были положены въ ея основу, сдѣлались руководящими при созданіи послѣдующихъ конституціонныхъ учрежденій во Франціи и внѣ Франціи.

Таково значеніе революціи въ самой французской исторіи. Но событіе это получило громадное значеніе въ исторіи другихъ западно-европейскихъ государствъ. Подобно тому, какъ нѣмецкая реформація въ XVI в., объясняясь изъ мѣстныхъ причинъ и въ свою очередь объясняя дальнѣйшую исторію Германіи, вмѣстѣ съ тѣмъ находилась въ тѣсной связи съ болѣе общими условіями всей западно-европейской исторіи и потому оказала сильное вліяніе на другія страны,— такъ и французская революція, имѣя особое отношеніе къ мѣсту своего происхожденія, получаетъ и болѣе общій смыслъ съ точки зрѣнія всей западно-европейской исторіи. Вотъ тѣ два главные историческіе факта, къ которымъ она имѣетъ отношеніе: *разрушеніе феодализма, поскольку послѣдній господствовалъ въ соціальной сферѣ и даже окрашивалъ отношенія политическія*, съ одной стороны, и *внесеніе въ государственную и общественную жизнь началъ свободы политической и индивидуальной*, съ другой. Постепенное разрушеніе феодализма — одинъ изъ основныхъ фактовъ западно-европейской исторіи; другой не менѣе важный фактъ—ростъ личнаго и общественнаго самосознанія, соединенный съ стремленіемъ къ самоопредѣленію въ сферахъ индивидуальной и національной жизни. То, что вытекало во Франціи изъ условій, общихъ для нея и для другихъ странъ Западной Европы, и что, по мѣстнымъ причинамъ, совершилось въ ней ранѣе, чѣмъ въ этихъ другихъ странахъ (хоть и позднѣе, чѣмъ въ Англіи), должно было—въ иныхъ только формахъ—произойти вездѣ, гдѣ историческая жизнь развивалась изъ такихъ же точно основъ. Но въ исторіи дѣйствуетъ еще и примѣръ: распространеніе французскихъ идей среди разныхъ народовъ подготовило почву для того, чтобы и примѣръ приложенія этихъ идей къ жизни, поданный Франціей, могъ также найти подражаніе. Такимъ образомъ, общія условія быта и общія политическія идеи сами по себѣ были условіями, благопріятными для перехода движенія, начавшагося изъ Франціи, въ другія страны, подобно тому, какъ это уже было съ переходомъ реформаціи изъ Германіи къ другимъ народамъ католической Европы. Но въ данномъ случаѣ на сцену выступилъ и еще одинъ факторъ.

Въ 1792 г. между революціонной Франціей и монархической

Европой началась война, почти безпрерывно продолжавшаяся около четверти вѣка. Въ этой борьбѣ побѣда была на сторонѣ Франціи. Въ концѣ-концовъ она отстояла свои новыя учрежденія и произвела цѣлый переворотъ въ самой этой Европѣ, принудивъ даже ея монархическія правительства вступать въ сдѣлки съ правительствомъ, вышедшимъ изъ нѣдръ революціи. *Французская революція была началомъ цѣлаго ряда крупныхъ перемѣнъ*: въ періодъ, о которомъ идетъ рѣчь, не только была передѣлана политическая карта Европы, но и во внутренней жизни разныхъ государствъ подъ прямымъ или косвеннымъ вліяніемъ Франціи происходили значительныя измѣненія. Вся новѣйшая западно-европейская исторія развивается поэтому въ направленіи, которое ей даль толчекъ, вышедшій изъ Франціи. „Великая" революція разрушала не только старую Францію, но и вообще старую Европу. Борьба между новыми началами и стариною тотчасъ же получила международный характеръ, какъ то было и въ эпоху борьбы реформаціи и католической реакціи. Однимъ изъ ближайшихъ результатовъ французскаго переворота было то, что королевская власть и клерикально-феодальные элементы, не особенно между собою ладившіе въ эпоху просвѣщеннаго абсолютизма, теперь одинаково подвергаясь опасности со стороны конституціоннаго и демократическаго движенія, начинаютъ сближаться между собою. Союзъ этотъ одерживаетъ побѣду въ 1814 г.; но побѣдою этою онъ былъ обязанъ новой силѣ, впервые проявленной опять-таки Франціей, силѣ націй, пробудившихся къ исторической жизни подъ вліяніемъ все тѣхъ же великихъ событій эпохи. Старый феодальный строй разлагалъ націи на обособленныя сословія, а при политическомъ режимѣ новаго времени нація поглощалась въ государствѣ, но вотъ и для этихъ отношеній наступали новыя времена [1]).

XXX. Царствованіе Людовика XV [2]).

Общее значеніе царствованія Людовика XV.—Личный характеръ Людовика XV.—Уничтоженіе завѣщанія Людовика XIV.—Ссылки на права націи.—Нравственное разложеніе высшаго французскаго общества.—Система Лоу и значеніе ея исторіи.—Разложеніе стараго общества и литература XVIII в.—Роль парламентовъ при Людовикѣ XV.—Министерство Террэ и Мопу.—Борьба съ парламентами въ концѣ царствованія Людовика XV.—Дѣло Бомаршэ и памфлеты противъ Мопу.—Необходимость реформы.

Исторія долгаго царствованія Людовика XV была исторіей слабаго, малодѣятельнаго и нерадиваго правительства, исторіей посте-

[1]) *Laurent.* Les nationalités (X т. его „Etudes sur l'histoire de l'humanité").

[2]) О регентствѣ: *Lemontey.* Histoire de la Régence et de la minorité de Louis XV.—*Barthélemy.* Les filles du régent.—*De Seilhac.* Vie de l'abbé Du-

пеннаго упадка и разложенія старыхъ порядковъ, но зато и исторіей роста новыхъ общественныхъ силъ и нарожденія новыхъ общественныхъ идей. Уже въ концѣ царствованія Людовика XIV Франція находилась въ весьма тяжеломъ состояніи и нуждалась въ энергичныхъ реформахъ, и тогда уже зарождалось во французской литературѣ оппозиціонное направленіе. Изъ предыдущаго изложенія „старыхъ порядковъ“ и „новыхъ идей“ мы познакомились съ наиболѣе важными сторонами быта дореволюціонной Франціи и съ главнѣйшими направленіями французской оппозиціонной литературы. Изученіе исторіи царствованія Людовика XV показываетъ, какъ мало при немъ измѣнились въ существѣ дѣла старые порядки и какъ мало имѣли практическаго значенія новыя идеи. Чѣмъ неподвижнѣе было само правительство и чѣмъ далѣе уходили впередъ новыя требованія, предъявлявшіяся государству; чѣмъ неизмѣннѣе оставались дряхлѣвшіе порядки и чѣмъ быстрѣе происходило общественное развитіе,—тѣмъ все болѣе и болѣе увеличивалась пропасть между практикой и теоріей, между объективною и субъективною сторонами жизни. Еще въ концѣ царствованія Людовика XIV намѣчался будущій разладъ. Эпоха Людовика XV ничего не сдѣлала для устраненія старыхъ золъ, ставшихъ совершенно очевидными, и для удовлетворенія новыхъ потребностей, явившихся результатомъ измѣненій въ самой глубинѣ соціальной жизни: пропасть только все увеличивалась въ своихъ размѣрахъ. Конечно, это должно было отразиться и на общемъ ходѣ дѣлъ въ государственномъ организмѣ, гдѣ все такъ было тѣсно связано между собою. Народное и государственное хозяйство, земледѣліе, промышленность, финансы, были въ разстройствѣ, администрація и правосудіе—также, законодательная дѣятельность — равнымъ образомъ. *Франція досталась Людовику XVI въ такомъ видѣ, что требовалась самая радикальная реформа:* такъ все обветшало, все расшаталось и все

---

bois.—*И. Бабстъ.* Джонъ Лоу.—*Thiers.* Histoire de Law.—*Horn.* Jean Law.—*Levasseur.* Recherches historiques sur le système de Law. *A. Vuitry.* Le désordre des finances et les excès de spéculation à la fin du règne de Louis XIV et au commencement du règne de Louis XV.—*Daire.* Economistes financiers au XVIII siècle.—*М. Виртъ.* Исторія торговыхъ кризисовъ. О Людовикѣ XV и его царствованіи: *A. Jobez.* La France sous Louis XV.—*H. Bonhomme.* Louis XV et sa famille. Соч. *De Broglie*, *Boutaric*, *Pajot*, *Vandal*'я, указанныя въ главѣ X этого тома. Новѣйшій трудъ: *Perkins.* France un der Louis XV. Кромѣ того, въ соч. Онкена о „Вѣкѣ Фридриха Великаго“ см. отдѣльныя мѣста, посвященныя Франціи при Людовикѣ XV, а также главу VII девятаго тома *Лависса* и *Рамбо*, гдѣ есть и подробная библіографія.—О Помпадуръ соч. *Capefigue*, *Compardon*, *Pawlowski* и др. о Дю-Барри *Vatel*'я, объ обѣихъ *E. et J. Goncourt.*—*Flammermont.* Le chancelier Mopeou et le parlement.—*Louis de Loménie.* Beaumarchais et son temps.—*Алексѣй Веселовскій.* Бомаршэ („Вѣстн. Евр.“ 1887). О немъ см. еще новѣйшее (1898 г.) соч. *Hallays.*

разстроилось, такъ все было запущено, благодаря безпечности и бездѣятельности верховной власти.

Людовикъ XV вступилъ на престолъ пятилѣтнимъ ребенкомъ. Воспитатели сумѣли ему внушить то представленіе о безграничныхъ правахъ королевской власти, которое сдѣлалось оффиціальнымъ политическимъ догматомъ Франціи Людовика XIV, но не внушили мальчику-королю ни малѣйшаго понятія о королевскомъ долгѣ. Въ циническихъ заявленіяхъ, приписываемыхъ Людовику XV: „на нашъ вѣкъ хватитъ“ (après nous le déluge) и „будь я на мѣстѣ моихъ подданныхъ, я сталъ бы бунтовать“,—были, такъ сказать, формулированы логическіе выводы изъ принциповъ, внушавшихся ему въ дѣтствѣ. Ему было только пять лѣтъ, когда его гувернеръ Вильруа, показывая ему на народъ, собравшійся подъ окнами дворца, говорилъ: „государь! все, что вы видите,—ваше“ (tout ce que vous voyez est à vous). До тринадцатилѣтняго возраста Людовикъ XV находился подъ регентствомъ своего родственника, герцога Филиппа Орлеанскаго (1715—1723), прославившагося своимъ развратомъ. Пришедши въ возрастъ, самъ Людовикъ XV оказался человѣкомъ также порочныхъ наклонностей, легко подчинявшимся вліянію своихъ любовницъ и собутыльниковъ, очень мало интересующимся дѣлами. Сначала послѣдними завѣдовалъ герцогъ Бурбонъ, потомъ кардиналъ Флери (до 1743 года), послѣ чего въ политику стали вмѣшиваться королевскія фаворитки: герцогиня де-Шатору и маркиза де-Помпадуръ (ум. въ 1764 г.), при которой возвысился герцогъ Шуазель, а подъ конецъ царствованія—графиня де-Барри, добившаяся отставки и ссылки Шуазеля. Сначала къ Людовику XV французы относились съ большою преданностію, называя его Возлюбленнымъ (le-Bien-aimé); напримѣръ, опасная его болѣзнь во время войны за австрійское наслѣдство (въ которой Франція была противъ Австріи) повергла страну въ искреннюю печаль, смѣнившуюся шумною радостью, когда молодой король выздоровѣлъ. Мало-по-малу, однако, это чувство перешло въ ненависть и презрѣніе, вызывавшіяся зазорнымъ поведеніемъ Людовика XV и его дурнымъ правленіемъ, предоставленнымъ разнымъ фаворитамъ и креатурамъ метрессъ. Двадцать лѣтъ продолжалось господство г-жи Помпадуръ, которая склонила Людовика XV къ участію въ семилѣтней войнѣ въ союзѣ съ Австріей послѣ того, какъ Марія-Терезія написала всесильной фавориткѣ любезное письмо, назвавъ ее своей „кузиной“. Когда съ лѣтами г-жа Помпадуръ стала утрачивать свою красоту, она продолжала держать Людовика XV въ своихъ сѣтяхъ, между прочимъ, пріискивая ему новыхъ красавицъ, къ которымъ, однако, не позволяла ему привязываться, боясь, какъ бы та или другая не сдѣлалась ея соперницею по вліянію на короля. Расточительность двора при

г-жѣ де-Помпадуръ достигла страшныхъ размѣровъ: маркиза распоряжалась государственной казной, какъ собственной шкатулкой, раздавала деньги направо и налѣво, тратила громадныя суммы на придворныя увеселенія, которыми старалась развлекать пресыщеннаго короля и устранять отъ занятія дѣлами, проигрывала въ карты, а не то и просто брала себѣ, такъ что по смерти у нея оказалось весьма значительное состояніе. Если Людовикъ XV чѣмъ особенно интересовался, такъ это разнаго рода интригами: напримѣръ, при немъ одновременно съ официціальной дипломатіей дѣйствовала еще дипломатія тайная, личный „секретъ короля“ [1]). Безнравственные поступки Людовика XV совершались открыто, а народная молва ихъ еще преувеличивала, такъ что о королѣ во вторую половину его царствованія ходили чудовищные слухи, все болѣе и болѣе дискредитировавшіе королевскую власть въ глазахъ подданныхъ [2]). Въ Людовикѣ XV съ грубымъ развратомъ и съ цинически-легкомысленнымъ отношеніемъ къ государственнымъ дѣламъ соединялись еще страсть къ придворному блеску и большая набожность, поддерживавшія старый союзъ королевской власти съ аристократіей и клиромъ. Общественное настроеніе по отношенію къ нему дѣлалось все враждебнѣе и враждебнѣе, тѣмъ болѣе, что и во внѣшней политикѣ Франція роняла свое достоинство. Особенно болѣзненно отзывалась на національномъ чувствѣ потеря Франціей сѣверо-американскихъ и остъ-индскихъ колоній, перешедшихъ въ руки англичанъ. Польша была старой союзницей Франціи, и послѣдняя ничего не могла сдѣлать, чтобы помѣшать совершиться первому польскому раздѣлу.

Таковъ общій харектеръ царствованія Людовика XV. Мы остановимся еще на нѣкоторыхъ его эпизодахъ, наиболѣе характерныхъ для исторіи разложенія старыхъ порядковъ, подготовившаго революцію.

Людовикъ XV, какъ мы уже видѣли, вступилъ на престолъ ребенкомъ. Въ послѣдніе годы царствованія Людовика XIV перемерли почти всѣ члены его семьи: его сынъ, старшій внукъ (герцогъ Бургундскій) съ женою и двумя своими старшими сыновьями и младшій

[1]) *De Broglie*. Le secret du roi.

[2]) Между прочимъ, и въ историческую литературу попало извѣстіе объ особомъ „Обществѣ голодовки“ (pacte de famine), т.-е. хлѣбной спекуляціи на счетъ народнаго голода, въ которой участникомъ называли самого Людовика XV. Въ настоящее время это нужно признать за легенду, имѣвшую свою основу въ плохо понятыхъ правительственныхъ мѣропріятіяхъ по хлѣбной торговлѣ. *G. Bard*. Le pacte de famine.—*Biollay*. Le pacte de famine.—*Afanassief*. Le pacte de famine.—*Г. Е. Аѳанасьевъ* изложилъ результаты прежнихъ изслѣдованій и свои собственныя разысканія въ одной главѣ своей книги: „Условія хлѣбной торговли во Франціи въ XVIII в.“ и въ отдѣльной статьѣ (Истор. Обозр., т. II).

внукъ (герцогъ Беррійскій), такъ что престолъ долженъ былъ достаться третьему сыну старшаго внука, надъ которымъ должно было быть учреждено регентство. Права на послѣднее принадлежали королевскому племяннику, герцогу Филиппу Орлеанскому, но Людовикъ XIV очень его не любилъ, а въ обществѣ ходилъ даже слухъ, будто этотъ принцъ крови былъ прямымъ виновникомъ всѣхъ смертей въ королевскомъ семействѣ, пролагавшимъ себѣ путь къ регентству или даже къ коронѣ. Престарѣлаго Людовика XIV сильно занималъ вопросъ о регенствѣ, занималъ и вопросъ о возможности прекращенія династіи. У него еще были незаконные сыновья отъ одной изъ его метрессъ (г-жи де Монтеспанъ), которыхъ онъ легитимировалъ, и онъ составилъ въ ихъ пользу духовное завѣщаніе, признавъ за „легитимированными принцами" наслѣдственное право на престолъ, дабы династія не могла прекратиться, и тѣмъ отстранивъ отъ трона герцога Орлеанскаго, хотя онъ былъ ближайшимъ родственникомъ королевскаго дома. Мало того: старшій легитимированный принцъ назначался опекуномъ малолѣтняго Людовика XV, а герцогъ Орлеанскій долженъ былъ быть лишь предсѣдателемъ совѣта регентства, въ составъ котораго входили легитимированные принцы, маршалы и министры и который долженъ былъ рѣшать всѣ дѣла по большинству голосовъ. За легитимированныхъ принцевъ стояли дворъ, іезуиты, высшіе чины арміи, на сторонѣ герцога Орлеанскаго были парламентъ, янсенисты, люди промышленности и торговли. Парламентъ кассировалъ завѣщаніе Людовика XIV, и герцогъ Орлеанскій, возвратившій парламенту старыя права, былъ объявленъ единоличнымъ регентомъ. *Уничтоженіе завѣщанія Людовика XIV было первымъ шагомъ реакціи противъ его системы*, но герцогъ Орлеанскій былъ далекъ отъ того, чтобы принципіально измѣнить прежніе правительственные порядки, и дѣло ограничилось нѣсколькими мѣрами, лишенными всякой послѣдовательности. Въ одномъ только отношеніи онъ, а съ нимъ и его противники отступили отъ идей покойнаго короля. Людовикъ XIV не признавалъ за французской націей никакихъ правъ, теперь эти права стали въ теоріи признаваться. Принцы крови, враждебно относившіеся къ легитимированнымъ, объявляли, что завѣщаніе Людовика XIV противорѣчитъ самому прекрасному праву націи— праву по собственному усмотрѣнію распорядиться короной въ случаѣ прекращенія династіи. На это легитимированные имъ отвѣчали, что, будучи также королевской крови, они тѣмъ самымъ включены въ договоръ, существующій между націей и царствующимъ домомъ, и что вообще всякое важное государственное дѣло можетъ быть рѣшено въ малолѣтство короля лишь тремя чинами королевства. Права націи опредѣленно признавались въ эдиктѣ маленькаго короля, ко-

торымъ отмѣнялось распоряженіе его прадѣда: тутъ прямо говорилось, что въ случаѣ прекращенія династіи нація одна могла бы исправить дѣло мудрымъ выборомъ, королевская же власть не имѣетъ права распоряжаться короной. Въ то же время тридцать девять членовъ высшаго дворянства заявляли, что такого рода дѣло касается всей націи и потому можетъ быть рѣшено лишь на собраніи трехъ чиновъ королевства. Такимъ образомъ парламенту возвращались его права, что возобновляло его оппозицію противъ неограниченнаго законодательнаго права короля, а заявленія о томъ, что царствующая династія получила свою корону отъ націи, — заявленія, исходившія отъ принцевъ крови, отъ пэровъ Франціи, отъ высшаго дворянства и даже отъ самого короля и соединявшіяся съ ссылками на три чина государства,—указывали, что *въ обществѣ еще не умерла память о генеральныхъ штатахъ*, не собиравшихся уже около ста лѣтъ. Прежде нежели политическая литература второй половины XVIII в. распространила теоріи о народномъ верховенствѣ и національномъ представительствѣ, сама власть какъ бы отрекалась отъ политическихъ принциповъ Людовика XIV, не признававшаго за націей никакихъ правъ и утверждавшаго, что она цѣликомъ заключается въ особѣ короля. Указанными заявленіями правительство собственными руками подкапывало подъ собою старыя основы политическаго быта, и первое начинало проповѣдовать идеи, несогласныя съ теоріями Людовика XIV.

Въ эпоху регентства власть не только теоретически подрывала свои прежнія права, но и *морально роняла себя въ глазахъ общества.* Герцогъ Орлеанскій былъ человѣкъ блестящихъ способностей, но безъ всякаго внутренняго содержанія. Своими скандальными поступками онъ ронялъ достоинство той власти, которую представлялъ, и то, что въ этомъ отношеніи было начато регентомъ, продолжалось съ неменьшимъ успѣхомъ и самимъ Людовикомъ XV, едва онъ пришелъ въ возрастъ. Вмѣстѣ съ монархіей въ лицѣ ея представителей *разлагалось и высшее французское общество, утрачивая въ развращенной жизни, какой стало предаваться съ эпохи регентства, всякое уваженіе со стороны народныхъ массъ.* Привилегированные, на которыхъ во Франціи не лежало мѣстной службы и которые бѣжали изъ своихъ помѣстій, вели праздную, полную удовольствій жизнь, центромъ которой былъ королевскій дворъ. Безконечныя траты на роскошь, удовольствія и разгулъ, приводившія къ разоренію, вѣчная праздность, протекавшая среди постоянныхъ развлеченій, полное отсутствіе сознанія, что должны же быть у людей обязанности по отношенію къ отечеству, къ народу, легкомысленная веселость и шутливое остроуміе, прикрывавшія внутреннюю пустоту,—вотъ обычныя черты, характеризующія жизнь высшаго французскаго общества въ

XVIII в.,—общества, равнодушнаго къ общественнымъ дѣламъ, небрежнаго и по отношенію къ частнымъ своимъ дѣламъ, не понимавшаго опасности, въ какой находилось собственное его положеніе, благодаря общему разстройству страны [1]).

Уже въ эпоху регентства проявилась вполнѣ вся эта порча старой Франціи. Особенно въ этомъ отношеніи характеренъ одинъ эпизодъ, — извѣстная исторія финансовой системы Джона Лоу, представляющая для насъ двоякій интересъ. Во-первыхъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ однимъ изъ крупныхъ финансовыхъ кризисовъ, или „краховъ", и съ этой точки зрѣнія „система" Лоу—явленіе весьма любопытное въ исторіи крупныхъ кредитныхъ и промышленно-торговыхъ предпріятій, тѣмъ болѣе, что Франція долго не могла оправиться отъ бѣдственныхъ слѣдовъ краха начала двадцатыхъ годовъ XVIII в. Во-вторыхъ,—и именно эта сторона теперь для насъ особенно любопытна,—исторія „системы" Лоу—весьма важная страница въ исторіи деморализаціи высшаго французскаго общества. Регента въ 1716 г. расположилъ въ свою пользу шотландскій авантюристъ Джонъ Лоу, сколотившій себѣ милліонное состояніе денежными аферами и уже успѣвшій потерпѣть не одну неудачу въ попыткахъ заинтересовать разныя правительства своими проектами вѣрнаго и быстраго обогащенія. Сначала все шло хорошо: Лоу получилъ разрѣшеніе основать акціонерный банкъ, ссужавшій деньги частнымъ лицамъ на выгодныхъ условіяхъ и выпускавшій билеты, которые казна принимала наравнѣ съ деньгами (1717). Но Лоу на этомъ не остановился, а соединилъ съ своимъ банкомъ еще другое предпріятіе—Вестъ-индскую компанію, тоже акціонерную. Ея акціи стоили при выпускѣ 500 ливровъ, но скоро цѣна ихъ поднялась до 18 и даже до 20 тысячъ ливровъ, т.-е. увеличилась въ 36—40 разъ, благодаря чему многіе быстро обогатились, купивъ акціи по номинальной цѣнѣ и продавъ ихъ съ громадною прибылью, тогда какъ другіе впослѣдствіи, наоборотъ, разорились, пріобрѣтши эти бумаги по высокой цѣнѣ передъ тѣмъ, какъ онѣ начали затѣмъ падать. Герцогъ Орлеанскій всячески помогалъ Лоу расширять предпріятіе: въ 1718 г. банкъ былъ объявленъ королевскимъ, и его акціи были выкуплены у первоначальныхъ владѣльцевъ; затѣмъ Лоу получилъ монопольныя права Остъ-индской компаніи, право чеканки монеты, табачную монополію, откупъ налоговъ. Въ то же время Лоу неумѣренно выпускалъ денежные знаки, на которые былъ большой спросъ въ публикѣ, жадной до легкой наживы, тѣмъ болѣе, что о будущихъ барышахъ разсказывались чудеса. Начался страшный ажіотажъ, и спекулятивныя сдѣлки на

[1]) См. блестящее изображеніе нравовъ высшаго общества у Тэна (въ I т. его „Происхожденіе современной Франціи").

акціи приняли ужасающіе размѣры. Первый признакъ пониженія ихъ цѣны былъ, однако, сигналомъ къ началу паники. Прежде всего бросились мѣнять банковые билеты на золото, но золота въ кладовыхъ банка не было. Лоу, назначенный въ 1720 г. генералъ-контролеромъ финансовъ, добился приказа, запрещавшаго частнымъ лицамъ имѣть болѣе 50 ливровъ звонкой монеты подъ страхомъ строжайшаго наказанія (конфискація и 10 т. л. штрафа), но эта и другія подобныя мѣры не спасли компанію отъ краха, разорившаго массу людей; только кто вòвремя успѣлъ реализировать свои бумажныя цѣнности, наоборотъ, обогатился. Въ биржевой игрѣ на повышеніе и пониженіе смѣшиваясь съ толпою разночинцевъ и простолюдиновъ, принимала участіе вся аристократическая Франція. Знатью овладѣла жажда легкой наживы и сильныхъ ощущеній. Герцогъ Бурбонъ хвастался своимъ портфелемъ, набитымъ акціями, и ему напоминали о томъ, что у его предка были actions (подвиги) получше этихъ. Лица, принадлежавшія къ высшему свѣту, толпились въ передней финансоваго генія, какъ незадолго передъ этимъ толпились развѣ только въ пріемной версальскаго дворца. Многіе изъ нихъ заискивали у лакея Лоу, отъ котораго зависѣло впустить въ кабинетъ своего барина, или льстили любовницѣ Лоу. За самимъ директоромъ компаніи ухаживали великосвѣтскія дамы. Весьма важный баринъ, маркизъ д'Уазъ, сдѣлался женихомъ трехлѣтней дочери одного ловкаго спекулянта, нажившаго милліоны, и въ ожиданіи брачнаго возраста невѣсты получалъ отъ будущаго тестя приличную своему званію пенсію. Принцъ Кариньянъ для заключенія сдѣлокъ выстроилъ баракъ и выхлопоталъ ордонансъ, запрещавшій совершать ихъ гдѣ-либо, кромѣ его помѣщенія. Одинъ молодой аристократъ, родственникъ регента, заманилъ въ кабачокъ биржевого маклера, который принесъ съ собою акцій на большую сумму и былъ зарѣзанъ съ цѣлью грабежа; потомъ убійцу всенародно казнили на Гревской площади. Матеріально аристократія также немало проиграла во время господства „системы", но *главнымъ образомъ она себя обезславила*, вмѣстѣ съ регентомъ, обнаружившимъ страшное легкомысліе во всей этой исторіи. Духовенство тоже проявило жадность къ деньгамъ, столь легко достававшимся, когда „система" еще процвѣтала, и это впослѣдствіи давало въ руки враговъ духовенства лишній противъ него аргументъ. Возбужденное катастрофой общественное мнѣніе нашло самое полное и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма рѣзкое выраженіе въ той сатирической литературѣ, которою во время регентства было начато воспитаніе французскаго общества въ оппозиціонномъ духѣ.

Со временъ Филиппа Орлеанскаго высшіе представители власти, дворъ, духовная и свѣтская аристократія, все болѣе и болѣе катились

по наклонной плоскости къ той пропасти, которая должна была ихъ поглотить. Вообще отрицательное отношеніе къ королевской власти, къ католической церкви, къ феодальному дворянству, характеризующее литературу въ царствованіе Людовика XV, не было результатомъ одного только теоретическаго разсужденія, извлекавшаго свои выводы изъ посылокъ раціоналистической философіи, но отражало на себѣ и все то презрѣніе и негодованіе, какое должны были ощущать въ себѣ лучшіе люди изъ всѣхъ общественныхъ классовъ, непосредственно наблюдая жизнь высшихъ сословій, въ рукахъ которыхъ были вся власть, все вліяніе на общественныя дѣла, всѣ почести, привилегіи и права, недоступныя для другихъ. Начиная съ памфлетовъ, явившихся по поводу катастрофы „системы“ Лоу или вообще направленныхъ противъ регента, начиная съ знаменитыхъ „Les j'ai vu“, приписывавшихся молодому Вольтеру, и съ написанныхъ около того же времени „Персидскихъ писемъ“ Монтескье — до самаго кануна революціи жизнь высшаго французскаго общества давала писателямъ XVIII в. немало аргументовъ противъ „стараго порядка“, оказывавшагося несостоятельнымъ и съ другой точки зрѣнія—въ томъ именно общемъ внутреннемъ разстройствѣ, которое мало озабочивало развѣ лишь самого Людовика XV и его дворъ. Въ то время, какъ въ литературѣ проповѣдывались новые принципы, привилегированные, съ своей стороны, не выставили ни одного крупнаго писателя, который вооружился бы въ защиту порядка, подкапывавшагося въ самыхъ своихъ основахъ. Мало того: на словахъ аристократы нерѣдко раздѣляли воззрѣнія „плебейской философіи“, и среди великосвѣтскихъ аббатовъ часто были вольнодумцы.

Хотя „старый порядокъ“ основывался на солидарности между королевскою властью и привилегированными, дѣло все-таки не обходилось безъ столкновеній между этими союзниками, — столкновеній, впрочемъ, не оказывавшихъ значительнаго вліянія на общій ходъ дѣлъ. Главнымъ оплотомъ консервативныхъ интересовъ были парламенты, съ которыми, какъ мы видѣли въ другомъ мѣстѣ, у королевской власти происходили въ XVIII в. довольно рѣзкія коллизіи. Защищая „старый порядокъ“, парламенты, однако, хранили въ себѣ традиціи прежней сословной монархіи, давно уже уступившей мѣсто королевскому абсолютизму; въ то же время они ссылались на новыя политическія идеи, и ихъ оппозиція получала поэтому революціонный характеръ, чѣмъ и располагала въ свою пользу общественное мнѣніе, находившееся подъ вліяніемъ этихъ идей. *Борьба между королевскою властью и парламентами въ царствованіе Людовика XV представляетъ изъ себя одинъ изъ наиболѣе ясныхъ признаковъ разложенія ancien régime.* Людовикъ XIV не допускалъ никакой самостоятель-

ности парламента, и если послѣдній тѣмъ не менѣе сталъ играть снова политическую роль, начавъ съ уничтоженія его завѣщанія, то это одно уже указываетъ на ослабленіе абсолютизма. Съ другой стороны, не нужно забывать, что члены парламента въ сущности были чиновники, и ихъ оппозиція получала харакреръ, такъ сказать, прямого противодѣйствія правительству со стороны собственныхъ его слугъ. Не представляя собою закономѣрнаго ограниченія королевской власти отъ имени націи, парламентское вмѣшательство въ законодательную сферу тѣмъ не менѣе было однимъ изъ препятствій, тормозившихъ во Франціи преобразованія. Когда правительство задумывало реформы, парламентская оппозиція становилась поперекъ дороги, и нація дѣлалась свидѣтельницей распри между королевскою властью и стариннымъ учрежденіемъ, насчитывавшимъ чуть не столько же вѣковъ существованія, какъ и сама монархія, и еще болѣе, нежели сама она, бывшаго оплотомъ консервативныхъ интересовъ. Нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ сказать, что парламентъ жилъ въ мирѣ и съ другими силами старой Франціи: между парламентской аристократіей, т.-е. такъ называемой noblesse de robe, и аристократіей феодальной, или noblesse d'épée существовалъ сословный антагонизмъ; въ дѣлѣ изгнанія изъ Франціи іезуитовъ, пользовавшихся большимъ вліяніемъ въ духовенствѣ, парламенту принадлежала одна изъ самыхъ главныхъ ролей. Наконецъ, не менѣе любопытно и то, что члены учрежденія, стоявшаго на стражѣ всякихъ привилегій, защищавшаго все старое и обветшалое, преслѣдовавшаго „философовъ" и сжигавшаго ихъ сочиненія, сами начинали говорить революціоннымъ языкомъ, заимствуя изъ оппозиціонной литературы ея идеи и даже ея фразеологію. И въ этомъ нельзя не видѣть одного изъ признаковъ разложенія „стараго порядка", потому что разъ вещь не соотвѣтствуетъ своему принципу, это уже указываетъ на начало ея паденія. Вообще интересно, то, что *первое нападеніе на королевскую власть сдѣлано было во Франціи со стороны представителей стараго порядка.*

Въ другой связи мы упоминали уже о главныхъ случаяхъ столкновеній между королевскою властью и парламентами при Людовикѣ XV. Въ серединѣ XVIII в. составилась такая теорія, будто парламенты суть лишь отдѣленія (classes) общефранцузскаго учрежденія, безъ согласія котораго не можетъ быть издано ни одного закона. Въ этомъ смыслѣ писались сочиненія, въ которыхъ доказывалась изначальность (съ меровингской эпохи) правъ парламентовъ. Вскорѣ послѣ этого парижскому парламенту пришлось играть упомянутую уже роль въ дѣлѣ уничтоженія ордена іезуитовъ во Франціи, при чемъ на сторонѣ магистратуры было тогда и большинство „философовъ", хотя самъ пар-

ламентъ былъ далекъ отъ того, чтобы пользоваться тогдашними философскими аргументами противъ ордена; въ доводахъ противъ іезуитовъ, шедшихъ еще съ середины XVI в., во Франціи никогда не бывало недостатка, да и самая вражда парламента къ іезуитамъ была очень старинной. Около того же времени (1763) парижскій парламентъ объявилъ, протестуя противъ новыхъ эдиктовъ о налогахъ, что обложеніе, вынужденное посредствомъ lit de justice, есть низверженіе основныхъ законовъ королевства. Къ такого рода заявленію примкнули парламенты въ Руанѣ и Бордо, такъ какъ ученіе, по которому всѣ парламенты, какъ „классы“ единаго учрежденія, должны дѣйствовать солидарно,—все болѣе и болѣе входило въ сознаніе провинціальной магистратуры. На этой почвѣ и подготовился самый рѣзкій конфликтъ между парламентами и королевскою властью въ концѣ царствованія Людовика XV.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ правительство проявило нѣкоторую энергію. Еще при Шуазелѣ, положеніе котораго покачнулось послѣ смерти г-жи де-Помпадуръ и подъ вліяніемъ не любившей его г-жи дю-Барри, канцлеромъ Франціи былъ назначенъ (1768) Мопу (Мореоu), а генералъ-контролеромъ финансовъ (1769) его другъ аб. Террэ. Оба они были люди рѣшительные, и старыя преданія надъ ними не имѣли никакой силы. Первымъ выступилъ Террэ съ новыми финансовыми мѣрами. Финансы во Франціи были оченъ разстроены. Система налоговъ была крайне несовершенна; расходы не соотвѣтствовали доходамъ и не подлежали никакому контролю; никто не зналъ настоящей цифры ни тѣхъ, ни другихъ; казна не выходила изъ долговъ, и самые долги эти возрастали непомѣрно. Единственная попытка уменьшить цифру долга посредствомъ ежегоднаго погашенія сдѣлана была при Людовикѣ XV, когда Машо (Machault) создалъ для этого въ 1764 г. особую кассу (caisse d'amortissement), которая въ шесть лѣтъ уменьшила долгъ на 76 милліоновъ. Террэ захватилъ предназначенныя для этой цѣли суммы и прекратилъ дальнѣйшее погашеніе государственнаго долга: министръ менѣе всего отличался церемонностью. Въ 1770 г. ему предстояло прямо выбирать между объявленіемъ полнаго банкротства или сокращеніемъ платежей по долговымъ обязательствамъ кредиторамъ государства; онъ предпочелъ послѣднее, т.-е. произвольно уменьшилъ ренты, выплачивавшіяся казною своимъ кредиторамъ, что вызвало всеобщее негодованіе. Парламентъ, членовъ котораго эта мѣра не задѣвала, не протестовалъ, однако, противъ такого правонарушенія. Нельзя не замѣтить, что у Террэ все-таки еще было нѣкоторое пониманіе истиннаго положенія дѣлъ: онъ стремился къ экономіи и дѣлалъ Людовику XV указанія на необходимость перемѣны въ способахъ веденія государствен-

наго хозяйства, хотя совершенно тщетно, такъ какъ на одни свадебныя торжества, когда будущій Людовикъ XVI, внукъ и наслѣдникъ короля, женился на дочери Маріи-Терезіи, были потрачены громадныя суммы денегъ.

Между тѣмъ произошли нѣкоторыя событія, приведшія парламенты въ столкновеніе съ правительствомъ. Губернаторъ Бретани, герцогъ д'Эгильонъ, запятналъ себя разными злоупотребленіями по своей должности и былъ наконецъ отозванъ. Мѣстный парламентъ (реннскій), жившій съ нимъ въ ссорѣ, и провинціальные штаты Бретани возбудили противъ него процессъ и нашли поддержку со стороны парижскаго парламента, но дворъ взялъ герцога подъ свою защиту, и король рѣшилъ прекратить все дѣло. Процессъ тянулся въ парижскомъ парламентѣ уже около двухъ мѣсяцевъ, когда Людовикъ XV предписалъ считать герцога д'Эгильона свободнымъ отъ всякаго обвиненія (1770), но парламентъ не повиновался. Объявивъ герцога лишеннымъ правъ и привилегій пэра, пока онъ не очистится отъ подозрѣній, позорящихъ его честь, онъ протестовалъ противъ стремленія двора „низвергнуть старое государственное устройство и лишить законы ихъ равной для всѣхъ власти", поставивъ на ихъ мѣсто голый произволъ. Провинціальные парламенты заявили свою солидарность съ парижскимъ. Тогда 24 ноября 1770 г. былъ опубликованъ составленный канцлеромъ Мопу королевскій эдиктъ противъ парламентовъ. Они обвинялись въ томъ, что проповѣдуютъ новые принципы, будто они представители націи, непремѣнные выразители королевской воли, стражи государственнаго устройства и т. п. „Мы, говорилъ Людовикъ XV въ своемъ эдиктѣ,—мы держимъ власть нашу исключительно отъ Бога: право издавать законы, которыми должны управляться наши подданные, принадлежитъ намъ вполнѣ и безраздѣльно". Поэтому парламентамъ запрещалось говорить объ ихъ единствѣ и о „классахъ" единаго учрежденія, сноситься между собою, прерывать отправленіе правосудія и протестовать посредствомъ коллективныхъ отставокъ, какъ это дѣлалось прежде. Парламентъ протестовалъ противъ этого эдикта, увидѣвъ въ немъ нѣчто противное основнымъ законамъ королевства, и члены парламента, объявивъ, что не считаютъ себя достаточно свободными, чтобы постановлять приговоры о жизни, имуществѣ и чести подданныхъ короля, прекратили отправленіе правосудія. Тогда Мопу рѣшился на самую рѣзкую мѣру. Добившись у Людовика XV отставки Шуазеля, со стороны котораго онъ опасался противодѣйствія, канцлеръ послалъ въ ночь съ 19 на 20 января 1771 г. мушкетеровъ ко всѣмъ членамъ парламента съ требованіемъ немедленно отвѣтить посредствомъ письменнаго „да" или „нѣтъ", желаютъ ли они возвратиться къ исполненію своихъ

обязанностей. Сто двадцать членовъ отвѣчало отказомъ, и ихъ сослали, а потомъ сослали и другихъ 38 человѣкъ, которые, давъ сначала согласіе, потомъ заявили, что солидарны съ своими товарищами. Ихъ должности, составлявшія частную ихъ собственность, были конфискованы и объявлены вакантными, а обязанности судей должны были исполняться особыми коммиссіями изъ членовъ государственнаго совѣта. Въ былыя времена ссылка членовъ парламента была лишь средствомъ заставить ихъ быть сговорчивѣе и уступчивѣе, но теперь дѣло получило болѣе серьезный характеръ. 23 февраля Мопу объявилъ судебной коммиссіи, заступившей мѣсто парламента, что король рѣшилъ въ округѣ парижскаго парламента учредить шесть новыхъ высшихъ судовъ (conseils supérieurs) и начать общую судебную реформу, уничтоживъ продажность должностей, замѣнивъ наслѣдственныхъ судей судьями, назначаемыми отъ правительства и оплачиваемыми жалованьемъ, отмѣнивъ взносы тяжущихся въ пользу судей, наконецъ, упростивъ, ускоривъ и удешевивъ судопроизводство. Эти обѣщанія никого не удовлетворили, такъ что совершенно безуспѣшно Вольтеръ, сочувствовавшій возвѣщенной реформѣ, напоминалъ обществу процессы Каласа и Сирвена, лежавшіе несмываемымъ пятномъ на старомъ судопроизводствѣ. Оставаясь вѣрнымъ идеѣ просвѣщеннаго абсолютизма, Вольтеръ привѣтствовалъ ударъ, нанесенный парламенту рукою министра, но громадное большинство думало иначе: парламентъ, говорили въ обществѣ, защищалъ свободу отъ деспотизма, а „революція“ [1]), совершонная Мопу, наоборотъ, уничтожала всякія преграды, сдерживавшія произволъ власти. Къ тому же и поводъ, изъ-за котораго произошла распря съ парламентомъ, былъ выбранъ весьма неудачно. Новый судъ не пользовался довѣріемъ, и адвокаты даже отказывались имѣть въ немъ дѣла. Въ тогдашней прессѣ чуть не одинъ Вольтеръ указывалъ на то, что „основными законами“, защищавшимися парламентомъ, были въ сущности лишь тѣ злоупотребленія, отъ которыхъ страдалъ народъ. Бо̀льшая часть тогдашнихъ памфлетовъ обрушилась на „майордома“ (le maire du palais) Мопу, какъ на врага націи. Провинціальные парламенты объявили, что все совершившееся противозаконно и что лица, которыя возьмутъ на себя исполненіе судейскихъ обязанностей въ новыхъ судахъ, суть негодяи. Протестовала и высшая финансовая палата (cour des aides), осмѣлившаяся даже потребовать созванія генеральныхъ штатовъ и заявившая при этомъ, что она защищаетъ „дѣло

---

[1]) Ср. лондонскій памфлетъ 1774 г. Journ. hist. de la révolution opérée dans la constitution de la monarchie française par M. de Maupeou, chancelier de France.

народа, отъ котораго и во имя котораго (par qui et pour qui) король царствуетъ". За парламентъ заступились также принцы крови и пэры Франціи, подавшіе королю объ этомъ особый мемуаръ. Ничего подобнаго не происходило во Франція со временъ фронды, но Мопу былъ непреклоненъ. Протестовавшіе парламенты были уничтожены, и судьи лишены своихъ должностей; cour des aides была равнымъ образомъ уничтожена; принцы крови и пэры, подписавшіе мемуаръ, удалены отъ двора. Такимъ образомъ *въ началѣ семидесятыхъ годовъ королевская власть была въ открытой борьбѣ съ консервативными силами Франціи*, и монархія наносила ударъ учрежденіямъ, которыя были почти столь же древни, какъ и сама она. У Мопу былъ цѣлый планъ судебной реформы въ духѣ новыхъ идей, но пора для опыта примѣненія къ Франціи просвѣщеннаго абсолютизма, повидимому, миновала. Вновь учрежденный въ Парижѣ судъ (апрѣль 1771 г.) получилъ насмѣшливое названіе „парламента Мопу", которое было распространено и на суды, открытые передъ тѣмъ въ шести другихъ городахъ. Въ памфлетахъ эпохи къ „парламенту Мопу" относились, какъ къ „вертепу разбойниковъ" (caverne des voleurs). Мѣсто его засѣданій пришлось окружить войскомъ, чтобы народъ не сдѣлалъ на него нападенія, но и это также эксплуатировалось врагами новаго суда: могли ли-де быть свободными приговоры судей, находившихся подъ военной охраной? Къ лицамъ, принявшимъ на себя должности въ новомъ судѣ, въ обществѣ относились съ нескрываемымъ презрѣніемъ. Реформа тѣмъ не менѣе была проведена, и мало-по-малу общественное мнѣніе успокоилось; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ народу новые суды стали даже нравиться, и бывали случаи, что толпа прямо выражала свое неодобреніе членамъ прежнихъ судовъ. Старая магистратура продолжала оказывать сопротивленіе; ея представители въ большинствѣ не хотѣли возвращаться къ судейской службѣ и не соглашались брать предлагавшихся имъ денегъ въ видѣ выкупа за принадлежавшія имъ мѣста, несмотря на то, что для этого былъ назначенъ срокъ, послѣ котораго выдача отступного прекращалась (1 апр. 1773 г.), и королевская казна поэтому оставалась въ выигрышѣ на цѣлыхъ 80 милліоновъ. Успокоеніе общественнаго мнѣнія было, однако, лишь временнымъ: едва скончался Людовикъ XV, какъ общество стало высказываться съ такою силою за парламенты, что Людовикъ XVI счелъ нужнымъ ихъ возстановить. Мы еще увидимъ, что *въ новое царствованіе парламенты сдѣлались главными противниками реформъ, и что между ними и королевскою властью произошла новая борьба*, бывшая, такъ сказать, уже прелюдіей къ великой революціи.

Какъ отнеслось общество къ судебной реформѣ Мопу, видно

изъ одного любопытнаго эпизода, характеризующаго тогдашнее настроеніе. Въ это время во Франціи начиналъ свою литературную дѣятельность знаменитый Бомаршэ, публицистъ и драматургъ, впослѣдствіи авторъ „Севильскаго цирюльника“ (1775) и „Свадьбы Фигаро“ (1784) и издатель полнаго собранія сочиненій Вольтера. У Бомаршэ былъ въ новомъ парижскомъ судѣ процессъ по взысканію одного долга; онъ проигралъ этотъ процессъ, возбудивъ противъ себя еще обвиненіе въ попыткѣ подкупить судью. Дѣло въ томъ, что Бомаршэ, нуждаясь переговорить съ докладчикомъ по своему дѣлу и не получивъ къ нему доступа, сдѣлалъ подарокъ женѣ этого судьи, и та ему устроила свиданіе съ мужемъ; это и послужило потомъ поводомъ къ осужденію Бомаршэ за подкупъ судьи. Остроумный и не особенно застѣнчивый писатель перенесъ свое дѣло на судъ общественнаго мнѣнія, сумѣлъ смѣшать съ грязью „парламентъ Мопу“ въ блестящихъ памфлетахъ, въ которыхъ личное свое дѣло представилъ, какъ имѣющее общественный интересъ. Читая „мемуары“ Бомаршэ, смѣялась вся грамотная Франція и съ нею вмѣстѣ самъ Людовикъ XV. Молодой писатель сдѣлался героемъ дня, и представители высшаго общества всячески выражали ему свое сочувствіе, хотя свое личное дѣло онъ связалъ не съ тою консервативною оппозиціей, которая проявилась въ протестахъ парламента и принцевъ крови, а съ новыми либеральными идеями, нашедшими впослѣдствіи выраженіе и въ его извѣстныхъ комедіяхъ. Вообще тогдашняя памфлетная пресса въ вопросѣ о парламентахъ становилась на точку зрѣнія господствовавшей политической теоріи, а таковою была доктрина Руссо. Правительственныя заявленія въ смыслѣ абсолютизма королевской власти встрѣчали возраженія въ духѣ ученія о народномъ верховенствѣ. Напримѣръ, угроза одного изъ министровъ британскимъ провинціальнымъ штатамъ, что они въ три дня будутъ кассированы, если станутъ отстаивать парламентъ, вызвала летучій листокъ подъ заглавіемъ „Le propos indiscret“, гдѣ конфликтъ правительства съ сословно-представительнымъ учрежденіемъ названной провинціи разсматривался съ точки зрѣнія „общественнаго договора“, нарушаемаго королемъ, „т.-е. агентомъ націи“, желающимъ превратить въ „рабовъ“ двадцать милліоновъ „свободныхъ гражданъ“. *Прежде чѣмъ сдѣлаться основою новаго политическаго порядка, новыя политическія идеи послужили знаменемъ, подъ которое стала консервативная оппозиція*, въ сущности относящаяся къ той же самой категоріи явленій, къ которой принадлежитъ бельгійская и венгерская клерикально-аристократическая оппозиція противъ просвѣщеннаго абсолютизма Іосифа II. Въ концѣ царствованія Людовика XV французскій абсолютизмъ сдѣлалъ попытку уничтожить все, что въ „старомъ порядкѣ“ было для него

стѣснительно, но оппозиція, встрѣченная имъ со стороны защитниковъ всякой старины, искала санкціи въ новыхъ политическихъ ученіяхъ революціоннаго характера и находила поддержку въ обществѣ, уже не довольствовавшемся программою Вольтера.

„Парламентъ Мопу“, которому по старому обычаю были представлены распоряженія Террэ относительно повышенія многихъ налоговъ и вообще увеличенія доходовъ казны, разумѣется, не подымалъ никакихъ споровъ. Террэ не удалось только завести экономію. За свадьбою дофина послѣдовала свадьба его брата, гр. Прованскаго, стоившая страшно дорого, и расходы двора возрасли до $42^1/_2$ милліоновъ ливровъ, что въ 1774 г. составляло $^1/_7$ всѣхъ доходовъ государства. Всѣ худшія стороны старой финансовой политики въ годы управленія Террэ только получили дальнѣйшее развитіе, но министръ видѣлъ, что такъ итти далѣе нельзя, и думалъ о необходимости реформы. Съ Мопу и Террэ французская монархія какъ бы вступала въ періодъ правительственныхъ преобразованій. Новое царствованіе, начавшееся въ 1774 г., въ этомъ отношеніи обѣщало, повидимому, уже и весьма многое, такъ какъ къ власти прямо призывался настоящій „философъ“, успѣвшій засвидѣтельствовать свои административныя способности въ качествѣ интенданта одной провинціи, гдѣ онъ произвелъ кое-какія реформы. 10 мая Людовикъ XVI вступилъ на престолъ, а 19 іюля въ министерство былъ призванъ Тюрго.

XXXI. Тюрго и неудача его реформы [1].

Людовикъ XVI и придворная обстановка.—Новые министры.—Прошлое Тюрго.—Его правительственная программа.—Преобразовательные планы Тюрго.—Мемуаръ о муниципалитетахъ.—Идея самоуправленія.—Намѣренія Тюрго относительно феодальныхъ правъ.—Реформы Тюрго.—Консервативная оппозиція и судьба этихъ реформъ.—«Мучная война».—Тюрго и парламентъ.—Тюрго и духовенство.—Роль королевы въ паденіи Тюрго.—Отставка министра-реформатора.—Общій взглядъ на его историческое значеніе.

Людовику XVI при вступленіи на престолъ было только двадцать лѣтъ. Воспитанный клерикальнымъ гувернеромъ въ полномъ

---

[1]) О царствованіи Людовика XVI см. *Droz*. Hist. du règne de Louis XVI.—*Renée*. Louis XVI et sa cour.—*Jobez*. La France sous Louis XVI.—Реформы Людовика XVI: *Semichon*. Les réformes sous Louis XVI.—*Souriau*. Louis XVI et la Révolution. *Lavergne*. Les assemblées provinciales sous Louis XVI.—*Deluçay*. Les assemblées provinciales sous Louis XVI.—*Goletty*. Tentatives d'organisation provinciale en Dauphiné.—*И. Лучицкій*. Провинціальныя собранія при Людовикѣ XVI и ихъ политическая роль.—О Маріи—Антуанетѣ соч. *Concourt*, *De Lescure*, *P. de Nolhac*, *Viel Castel* и др.—О Тюрго большая литература: *Муравьевъ*. Тюрго, его ученая и административная дѣятельность.—*Г. Афанасьевъ*.

незнаніи жизни и въ совершенномъ незнакомствѣ съ государственными дѣлами, благожелательный и одушевленный лучшими намѣреніями, но не обладавшій необходимыми для правителя способностями. онъ былъ къ тому же еще человѣкомъ безхарактернымъ, нерѣшительнымъ, легко подчинявшимся вліянію окружающей среды. Его пассивную натуру могли расшевелить только охота да полюбившееся ему слесарное дѣло. Рядомъ съ нимъ стояла молодая, легкомысленная, любившая увеселенія и расточительная королева Марія-Антуанета, которую во Франціи очень не любили, какъ „австріачку" (l'Autrichienne), нарочно яко-бы выданную замужъ за Людовика XVI, чтобы подчинить французскую политику видамъ вѣнскаго двора. Она имѣла на своего мужа пагубное вліяніе, равно какъ его братья — гр. Прованскій и гр. д'Артуа. Молодые люди предавались, очертя голову, веселой придворной жизни, на которую ухлопывались громадныя суммы денегъ, и первые шаги короля на пути реформъ, требовавшихъ экономіи, тотчасъ же непріятнымъ образомъ подѣйствовали на его жену, на его братьевъ, на придворныхъ, начавшихъ упрекать Людовика XVI въ мѣщанскомъ поведеніи. Слабохарактерному молодому человѣку трудно было сопротивляться вліянію придворной жизни. Французскій король, отдаленные предки котораго были когда-то лишь „первыми между равными" и который продолжалъ считаться „первымъ дворяниномъ" въ королевствѣ, благодаря развитію придворнаго быта, сдѣлался какъ бы „первымъ придворнымъ": вся его жизнь протекала при дворѣ; съ утра до ночи, вставая съ постели, принимая пищу, отходя ко сну, онъ былъ окруженъ куртизанами; церемоніи, пріемы, увеселенія, въ которыхъ онъ долженъ былъ участвовать, не оставляли ему времени, чтобы уединиться отъ людей, чтобы чѣмъ-либо заняться; вѣчно окруженный придворными, онъ на все смотрѣлъ ихъ глазами, во всемъ раздѣлялъ ихъ идеи; придворные интересы, интриги, сплетни отодвигали на задній планъ внутреннія дѣла государства; отъ этой жизни на показъ, отъ этой вѣчной выставки королю нуженъ былъ по временамъ отдыхъ, и Людовикъ XVI отдыхалъ только за своимъ станкомъ. Фридрихъ II, въ государствѣ котораго дворянство служило въ арміи и въ канце-

---

Главные моменты министерской дѣятельности Тюрго.—*Daire*. Notice sur la vie de Turgot.—*D'Hugues*. Essai sur l'administration de Turgot dans la généralité de Limoges.—*Batbie*. Turgot philosophe, économiste et administrateur.—*Mastier*. Turgot, sa vie et sa doctrine.—*De Larcy*. Louis XVI et Turgot.—*Tissot*. Turgot, sa vie, son administration, ses ouvrages.—*Neymark*. Turgot et ses doctrines.—*Foncin*. Essai sur le ministère de Turgot.—*Léon Say*. Turgot (въ коллекціи „Les grands écrivains français").—*Nourisson*. Trois révolutionnaires (Turgot. Necker et Bailly).—*Scheel*. Turgot als Nationaloeconom. (въ 24 т. Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft).—*Feilbogen*. Smith und Turgot.

ляріяхъ, удивлялся распорядку жизни французскаго короля и говорилъ, что будь онъ на его мѣстѣ, онъ первымъ своимъ указомъ назначилъ бы особаго короля, который былъ его замѣстителемъ при дворѣ. До самой революціи Версаль продолжалъ жить своею веселою, беззаботною, дорого стоившею жизнью, и Людовикъ XVI былъ безсиленъ освободиться отъ тяжкаго рабства, на которое былъ обреченъ установившимися порядками. Если онъ и вырывался на свободу, то только для охоты. Его дневникъ былъ, по мѣткому выраженію одного историка, дневникомъ скорѣе доѣзжачаго, чѣмъ короля, да и впослѣдствіи, когда революція пересилила его изъ Версаля въ Парижъ и обрекла на сидячую жизнь въ Тюльери, онъ страшно тосковалъ, что больше нельзя было охотиться, и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за тѣмъ, какъ другіе предавались этой благородной страсти. Мы уже упоминали, что въ своемъ дневникѣ онъ отмѣчалъ словомъ „ничего" числа, въ которыя не было охоты, но въ которыя совершались самыя крупныя событія революціи.

Таковъ былъ новый король и такова была его жизненная обстановка. Съ новымъ царствованіемъ выступили на сцену новые люди. Герцогъ д'Эгильонъ и покровительствовавшая ему графиня дю-Барри были удалены отъ двора, а на постъ перваго министра назначенъ семидесятитрехлѣтній гр. Морепа, занимавшій когда-то (до 1749) постъ морского министра, но лишившійся этого мѣста и высланный въ провинцію за злую эпиграмму на г-жу де-Помпадуръ. Цѣлыя двадцать пять лѣтъ этотъ попавшій въ немилость вельможа жилъ въ удаленіи отъ всякихъ дѣлъ, нисколько не измѣнивъ своего легкомысленнаго нрава и не отказываясь отъ удававшагося ему острословія, за которымъ скрывалась совершенная пустота мысли. Это былъ выборъ короля; Марія-Антуанета скорѣе желала бы видѣть у власти Шуазеля, всегдашняго сторонника болѣе тѣснаго союза съ Австріей. Выборъ самъ по себѣ былъ не изъ удачныхъ, но Морепа стремился къ популярности и, вовсе не будучи представителемъ какой-либо правительственной идеи, думалъ, отчего же было бы и не попробовать съ реформами, которыхъ требовало общественное мнѣніе. Назначивъ на постъ министра иностранныхъ дѣлъ Вержена, онъ лишилъ должностей Мопу и Террэ, которые были даже сосланы въ свои имѣнія къ великому удовольствію публики. Въ то же время на постъ сначала морского министра (19 іюля), а потомъ генералъ-контролера финансовъ (24 авг.) былъ призванъ лиможскій интендантъ Тюрго.

Тюрго—одна изъ самыхъ крупныхъ личностей предреволюціонной Франціи. Мыслитель, принадлежавшій къ числу „философовъ", одинъ изъ наиболѣе крупныхъ представителей физіократической школы экономистовъ, *онъ выступилъ въ роли государственнаго человѣка, у*

котораго былъ цѣлый планъ преобразованій, долженствовавшихъ пересоздать Францію. Реформы Тюрго потерпѣли, однако, неудачу, разбившись, какъ и преобразованія Іосифа II, о консервативную оппозицію, по тѣмъ не менѣе на нихъ съ интересомъ останавливались историки, а нѣкоторые изъ нихъ даже утверждали, что не помѣшай министру-реформатору эта оппозиція и безхарактерность короля, во Франціи была бы предотвращена революція, т.-е. въ исторіи возрожденія Франціи революцію замѣнила бы мирная реформа.

Тюрго, происходившій изъ древняго нормандскаго рода, родился въ 1727 г. въ Парижѣ и получилъ богословское образованіе въ Сорбоннѣ, гдѣ обратилъ на себя вниманіе своими выдающимися способностями, съ которыми какъ-то не гармонировали его робость, неловкость и застѣнчивость, не покидавшія его всю жизнь. Уже будучи министромъ, онъ однажды извинялся передъ Людовикомъ XVI въ томъ, что чувствуетъ себя смущеннымъ, и король на это ему отвѣтилъ, что знаетъ о его конфузливости. Въ Сорбоннѣ молодой Тюрго, уже тогда интересовавшійся экономическими вопросами [1]), изучалъ главнымъ образомъ богословскіе предметы, выдерживалъ установленные экзамены и получалъ соотвѣтственныя званія. Въ 1749 г. онъ достигъ почетнаго званія пріёра (prieur), въ качествѣ каковаго въ слѣдующемъ году произнесъ двѣ рѣчи, имѣющія важное значеніе въ исторіи идеи прогресса въ XVIII в. Въ одной рѣчи молодой клирикъ говорилъ о выгодахъ, доставленныхъ человѣческому роду введеніемъ христіанства, во второй—о послѣдовательныхъ успѣхахъ человѣческаго ума. Въ томъ же году Тюрго оставилъ Сорбонну, отказавшись вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ церковной карьеры; въ это время онъ уже посылалъ Вольтеру свои стихи, выходившіе, впрочемъ, совсѣмъ неудачными. Послѣ этого Тюрго поступилъ на государственную службу и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ занималъ уже должность интенданта въ Лиможѣ. До своего отъѣзда изъ Парижа въ Лимузенъ онъ близко сошелся со многими „философами“ (съ д'Аламберомъ, Гельвеціемъ, Кондорсэ и др.) и экономистами (съ Кенэ, Мирабо-отцомъ, Дюпонъ-де-Немуромъ), а около 1762 г. познакомился и съ Адамомъ Смитомъ. Черезъ д'Аламбера онъ свелъ личное знакомство съ Вольтеромъ, который впослѣдствіи привѣтствовалъ его вступленіе въ министерство, какъ зарю новаго будущаго и былъ крайне опечаленъ его отставкой (во время своихъ предсмертныхъ тріумфовъ въ Парижѣ Вольтеръ поцѣловалъ руку Тюрго, „подписавшую спасеніе народа“). Д'Аламберъ пригласилъ Тюрго сотрудничать въ Энциклопедіи,

---

[1]) Въ 1749 году онъ написалъ опроверженіе одного сочиненія, составленнаго въ защиту „системы“ Лоу.

гдѣ онъ написалъ нѣсколько статей, между прочимъ, статью о „существованіи“ (existence), появленіе которой сдѣлалось цѣлымъ литературнымъ событіемъ. Главною специальностью Тюрго стала, однако, не философія, а политическая экономія. Въ этой области онъ сочеталъ идеи Кенэ съ идеями Гурнэ, сторонника полной свободы промышленности и торговли, которому принадлежитъ знаменитая формула „laissez faire, laissez passer“. Въ 1752 г. Тюрго написалъ статью объ этомъ послѣднемъ экономистѣ, а черезъ нѣсколько лѣтъ (1766) свой „Essai sur la formation et la distribution des richesses“, только на десять лѣтъ предшествовавшій „Богатству народовъ“ Адама Смита. Это сочиненіе обратило на себя вниманіе Давида Юма, и онъ вступилъ съ Тюрго въ переписку по поводу нѣкоторыхъ пунктовъ физіократической теоріи. Въ 1761 г. Тюрго былъ сдѣланъ лиможскимъ интендантомъ, т.-е. получилъ весьма широкую власть надъ одною изъ 35 généralités, на которыя въ административномъ отношеніи была раздѣлена Франція. Ему досталась бѣдная и обремененная налогами провинція, надъ улучшеніемъ быта которой онъ проработалъ около тринадцати лѣтъ, отказываясь отъ другихъ назначеній, дабы довести свое дѣло до конца. Населеніе Лимузена относилось къ нему двояко: порвавъ съ традиціей прежнихъ интендантовъ, которые всячески мирволили дворянству, онъ сдѣлался для него крайне непріятнымъ человѣкомъ, но крестьяне полюбили Тюрго и жалѣли, когда онъ оставлялъ провинцію.

Подобно другимъ физіократамъ и Тюрго былъ сторонникомъ неограниченной королевской власти, полагая, что „равновѣсіе властей“ можетъ сдѣлаться еще большимъ зломъ, чѣмъ то, противъ котораго оно направлено. Вооружая короля всѣми „правами государства“, онъ думалъ, однако, что когда послѣднія выходятъ за предѣлы необходимаго, пользованіе ими можетъ привести къ тиранніи, и потому требовалъ, чтобы власть прежде всего уважала личную свободу, такъ какъ, говорилъ онъ, „правительства слишкомъ привыкли приносить въ жертву счастье отдѣльныхъ лицъ такъ называемымъ правамъ общества“, „забывая, что общество существуетъ для отдѣльныхъ лицъ“. Полагая, что для уваженія къ свободѣ будетъ достаточно безпрепятственнаго и гласнаго заявленія обществомъ своихъ желаній, Тюрго всего хорошаго ожидалъ отъ благодѣтельной власти, приводящей въ исполненіе свои предначертанія чрезъ чиновниковъ, и въ этомъ смыслѣ понималъ свою задачу, какъ интенданта, т.-е. правительственнаго чиновника, облеченнаго широкими полномочіями: лиможская дѣятельность довершила выработку изъ него бюрократическаго реформатора. Лиможскій интендантъ оказался человѣкомъ весьма опредѣленныхъ принциповъ, которые онъ развилъ въ цѣломъ рядѣ

циркуляровъ своимъ подчиненнымъ и донесеній своему начальству и осуществлялъ на практикѣ, внося измѣненія въ распредѣленіе налоговъ, падавшихъ на провинцію, въ систему торговаго кредита, въ хлѣбную торговлю, бывшую больнымъ мѣстомъ дореволюціонной Франціи и т. п. Тюрго оправдывалъ свои мѣропріятія и теоретически, не отказываясь отъ полемики, какую, напримѣръ, возбудилъ вопросъ о хлѣбной торговлѣ въ тогдашней публицистикѣ. Политическая экономія едва зарождалась, Тюрго могъ ошибаться, какъ во многомъ ошибались всѣ физіократы, но къ чести лиможскаго интенданта нужно сказать, „что обязанностью всѣхъ и прямымъ дѣломъ всѣхъ“ онъ считалъ „облегченіе всякаго, кто только страдаетъ“, и что, ставъ на эту точку зрѣнія, онъ предпринялъ рядъ благотворительныхъ мѣръ. У Тюрго было нѣсколько пріятелей и поклонниковъ, оказавшихся въ числѣ друзей Морепа, и они рекомендовали ему лиможскаго интенданта. Въ литературномъ мірѣ, гдѣ Тюрго былъ хорошо извѣстенъ, назначеніе его министромъ произвело впечатлѣніе. Кондорсэ спѣшилъ съ восторгомъ оповѣстить объ этомъ Вольтера, и мы уже знаемъ, какъ отнесся фернейскій патріархъ къ обрадовавшему всю Францію извѣстію.

Когда Тюрго благодарилъ Людовика XVI за назначеніе въ министры (contrôleur général) финансовъ, то сказалъ королю, „не въ руки короля отдаю я себя, а въ руки честнаго человѣка“ [1]), на что Людовикъ XVI ему отвѣчалъ: „и вы не будете обмануты“. При этомъ король взялъ руки министра и, по другому разсказу, на просьбу позволить изложить письменно свои виды, далъ ему честное слово поддерживать его въ его мужественномъ (courageux) предпріятіи. Исполнить свое обѣщаніе, однако, оказалось выше силъ молодого и безхарактернаго короля: назначенный генералъ-контролеромъ финансовъ въ августѣ 1774 г., Тюрго былъ отставленъ въ маѣ 1776 г., всего черезъ двадцать съ половиной мѣсяцевъ. Первыя соображенія, представленныя министромъ королю, резюмировались въ словахъ: „ни банкротства, ни увеличенія налоговъ, ни новыхъ займовъ“. Для этого онъ требовалъ сокращенія расходовъ во имя народнаго блага, а облегчить народъ считалъ возможнымъ лишь посредствомъ отмѣны злоупотребленій, хотя и находилъ это трудною задачею, такъ какъ многіе были заинтересованы въ ихъ сохраненіи,—тѣ именно, которые ими жили. „Мнѣ придется, писалъ Тюрго въ заключеніе, вооружиться противъ естественной доброты, противъ великодушной щедрости (la générosité) вашего величества и особъ, наиболѣе для васъ дорогихъ“;

---

[1]) Эти слова есть и въ запискѣ Тюрго, представленной на другой день королю.

подъ этими особами онъ разумѣлъ королеву, потому что въ черновой послѣ словъ „contre la générosité de Votre Majesté“ стояло „et de la“, но было зачеркнуто и замѣнено посредствомъ „des personnes“: Тюрго предвидѣлъ, съ кѣмъ придется считаться, рекомендуя экономію. При этомъ министръ указывалъ королю на то, съ какимъ трудомъ добываетъ народъ тѣ деньги, которыя онъ, король, по добротѣ своей раздаетъ всѣмъ, кто только у него попроситъ. Краткой программой, изложенной въ этомъ благородномъ письмѣ, не ограничивались преобразовательные планы новаго министра: все, что было, съ его точки зрѣнія „предразсудкомъ“, „привилегіей“, „злоупотребленіемъ“, нашло въ немъ врага, дѣятельно стремившагося искоренить предразсудки, привилегіи и злоупотребленія „стараго порядка“ и встрѣтившаго тайныхъ и явныхъ враговъ во всѣхъ тѣхъ людяхъ, которые, какъ онъ выражался, „жили“ этими непорядками.

Въ дѣятельности Тюрго было много общаго съ дѣятельностью представителей просвѣщеннаго абсолютизма, и въ то же время его преобразовательные планы предвосхищали тѣ реформы, которыя осуществила черезъ полтора десятка лѣтъ французская революція, въ области соціальныхъ отношеній, администраціи, финансовъ, земледѣлія, промышленности и торговли (отнюдь не въ области того, что получило впослѣдствіи названіе политическихъ гарантій). При всемъ бюрократическомъ характерѣ внутренней политики Тюрго, министръ-реформаторъ *считалъ нужнымъ пробудить общественную самодѣятельность, которой не хотѣли знать ни Фридрихъ II, ни Іосифъ II, ни другіе правители эпохи*. Тюрго не былъ сторонникомъ ни старыхъ парламентовъ, которые Людовикъ XVI поспѣшилъ возстановить, и которые потомъ дѣлали оппозицію реформамъ, ни новыхъ политическихъ идей о народномъ верховенствѣ, о раздѣленіи властей и т. п., но онъ видѣлъ въ то же время недостатки господствовавшей системы централизаціи и правительственной опеки и желалъ для ихъ устраненія реформировать все управленіе. По этому вопросу мы имѣемъ цѣлый мемуаръ, въ которомъ Тюрго начерталъ для короля планъ мѣстнаго самоуправленія [1]). Какъ бывшій интендантъ, онъ хорошо зналъ слабыя стороны тогдашней провинціальной администраціи, а какъ министръ—познакомился и съ тѣмъ, что было дурно устроено и въ учрежденіяхъ центральныхъ. „Причина зла, государь,—писалъ онъ въ этомъ мемуарѣ,—заключаеття въ томъ, что ваша нація не имѣетъ устройства (n'a point de constitution). Это—общество, состоящее изъ разныхъ, дурно между собою соединенныхъ сословій (ordres) и изъ

[1]) Mémoire au roi sur les municipalités, sur l'hiérarchie qu'on pourroit établir entre elles, et sur les services que le gouvernement en pourroit tirer.

народа, члены котораго едва находятся въ какихъ-либо общественныхъ связяхъ другъ съ другомъ, въ силу чего почти всякій только и занимается, что своимъ, исключительно частнымъ дѣломъ и никто почти не думаетъ объ исполненіи своихъ обязанностей и знать не хочетъ своихъ отношеній къ другимъ. Въ этой вѣчной борьбѣ притязаній и предпріятій, которыхъ никогда между собою не соглашали разумъ и взаимныя объясненія, ваше величество обязаны рѣшать все по собственному изволенію или черезъ довѣренныхъ лицъ (mandataires). Всѣ ждутъ вашихъ особыхъ (spéciaux) приказаній, чтобы содѣйствовать общему благу, чтобы оказывать уваженіе чужому праву, нерѣдко даже—чтобы пользоваться собственнымъ своимъ правомъ. Вы вынуждаетесь постановлять обо всемъ и чаще всего по частнымъ желаніямъ (par des volontés particulières), тогда какъ вы могли бы управлять подобно Богу на основаніи общихъ законовъ, если бы составныя части вашей державы (empire) имѣли правильную организацію и опредѣленныя взаимоотношенія". Проектъ Тюрго не отмѣнялъ во Франціи абсолютной монархіи: „поскольку ваше величество, писалъ онъ между прочимъ, не будете отступать отъ справедливости, вы можете смотрѣть на себя, какъ на неограниченнаго законодателя (législateur absolu) и расчитывать на свою вѣрную (bonne) націю въ исполненіи вашихъ приказаній". Но, прибавлялъ онъ, дѣло не въ одномъ томъ, чтобы нація повиновалась: нужно обезпечить за собою возможность повелѣвать ею, а дабы это безошибочно дѣлать, нужно знать ея положеніе, ея нужды ея средства и притомъ съ большою обстоятельностью, и это было бы полезнѣе, чѣмъ имѣть историческія справки о прежнихъ отношеніяхъ. Бѣда въ томъ, что во Франціи все разрознено. Правда, въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, называемыхъ pays d'états, есть мѣстныя собранія, но состоя изъ сословій (ordres), стремленія которыхъ весьма неодинаковы, а интересы расходятся между собою и съ интересами націи, собранія эти (провинціальные штаты) далеки отъ того, чтобы осуществлять благо провинцій, въ управленіи которыми они участвуютъ. Тюрго самымъ рѣшительнымъ образомъ предлагалъ Людовику XVI дать и другимъ провинціямъ надлежащее устройство (constitution), которое, по его мысли, должно было быть настолько лучше старыхъ штатовъ, чтобы и провинціи, обладающія послѣдними, пожелали измѣнить свое устройство по новому образцу. Планъ состоялъ въ установленіи общиннаго, окружного (des arrondissements, d'élections, des districts) и провинціальнаго самоуправленія, дабы „вещи, которыя должны дѣлаться, достаточно хорошо дѣлались сами собою", безъ постояннаго вмѣшательства правительства и его агентовъ во всѣ мелочи управленія. Общинныя собранія распредѣляли бы налоги, завѣдовали бы обще-

ственными работами (дорогами), помогали бы бѣднымъ и ходатайствовали бы о мѣстныхъ нуждахъ передъ высшею властью (autorité supérieure). Они состояли бы изъ мѣстныхъ жителей, но не изъ всѣхъ, а только изъ землевладѣльцевъ, которые притомъ пользовались бы правомъ голоса пропорціонально своему доходу: 600 ливровъ дохода давали бы право на одинъ голосъ, 1200—на два, 300—на полголоса (citoyens fractionnaires). Другими словами, въ приходскихъ собраніяхъ должна была быть представлена поземельная собственность, что вполнѣ соотвѣтствовало физіократической теоріи. Въ рамки этой арганизаціи предполагалось ввести и привилегированныя сословія, права которыхъ должны были быть соразмѣрены съ ихъ имущественнымъ цензомъ, т.-е. Тюрго хотѣлъ замѣнить старый сословный строй новымъ, въ основѣ котораго лежало бы лишь одно различіе между экономическими классами. Вмѣстѣ съ сельскимъ самоуправленіемъ предлагалось ввести и городское, бывшее во Франціи въ полномъ упадкѣ. Надъ ними должна была возвышаться „вторая ступень муниципалитетовъ, или окружное самоуправленіе, промежуточное между общиннымъ и провинціальнымъ и состоящее изъ депутатовъ отъ отдѣльныхъ муниципалитетовъ первой ступени“. Здѣсь разсматривались бы общія дѣла цѣлаго округа и выбирались бы депутаты въ „провинціальныя собранія“, какъ „третью ступень муниципалитетовъ“. Все это зданіе сельскаго, городского и земскаго (окружного и провинціальнаго самоуправленія) Тюрго совѣтовалъ увѣнчать „великимъ муниципалитетомъ“, или „королевскимъ“ (municipalité royale), „общимъ муниципалитетомъ королевства“, которое онъ обозначалъ также и именемъ „національнаго собранія“ (assemblée nationale), хотя впослѣдствіи это названіе было дано учрежденію совершенно иного характера. „Великій муниципалитетъ“, состоящій изъ депутатовъ отъ отдѣльныхъ провинцій и королевскихъ министровъ, долженъ бы былъ завѣдовать распредѣленіемъ налоговъ между отдѣльными провинціями, дѣлать постановленія относительно расходовъ на самыя крупныя общественныя работы, оказывать помощь провинціямъ, испытавшимъ какое-либо бѣдствіе или не имѣющимъ собственныхъ средствъ для полезныхъ предпріятій мѣстнаго значенія. Черезъ это же собраніе королевская власть узнавала бы о нуждахъ народа. Посредствомъ такой организаціи Тюрго думалъ достигнуть лучшаго распредѣленія налоговъ между провинціями, округами, городами, деревнями и отдѣльными лицами, болѣе полнаго знанія положенія, потребностей и средствъ разныхъ частей королевства, болѣе совершеннаго удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ самими заинтересованными, болѣе тѣсной связи между правительствомъ и народомъ и вмѣстѣ съ этимъ бо̀льшаго развитія „общественнаго духа“ (esprit

publique), на недостатокъ котораго онъ жалуется въ началѣ мемуара. Въ борьбѣ частныхъ интересовъ, говоритъ Тюрго, никто не чувствуетъ потребности помогать правительству, а на того, кто это дѣлаетъ, смотрятъ косо: „нѣтъ общественнаго духа, потому что нѣтъ видимаго и всѣмъ извѣстнаго общаго интереса“. Поэтому Тюрго предпослалъ своему общему плану разсужденіе о „способѣ подготовить отдѣльныя лица и семьи къ надлежащему вступленію въ хорошее устройство общества“, съ каковою цѣлью онъ совѣтовалъ учредить особый „совѣтъ національнаго образованія“ (conseil de l'instruction nationale), т.-е. министерство народнаго просвѣщенія, и позаботиться о чисто гражданскомъ воспитаніи (éducation civique) юношества, единственномъ средствѣ „создать просвѣщенный и добродѣтельный народъ“, внушивъ дѣтямъ „принципы человѣчности, справедливости, благотворительности, любви къ государству“ и тѣмъ „поднявъ патріотизмъ на высокую степень энтузіазма, нѣкоторые примѣры котораго были даны лишь древними націями“. „И вотъ, сказано въ заключеніи, черезъ нѣсколько лѣтъ у вашего величества будетъ новый народъ и народъ первый между другими народами. Ваше королевство удесятеритъ свои силы. Европа будетъ взирать на васъ съ удивленіемъ и уваженіемъ, а вашъ любящій народъ—съ чувствомъ искренняго обожанія“.

Мы остановились на этомъ обширномъ мемуарѣ [1]), вышедшемъ изъ-подъ пера Тюрго, по слѣдующимъ соображеніямъ. Въ исторіи новаго времени повсемѣстно королевская власть наносила удары старому феодальному и муниципальному самоуправленію, замѣняя его системой бюрократической централизаціи, и просвѣщенный абсолютизмъ не составлялъ въ этомъ отношеніи исключенія на всемъ Западѣ. Сохранялось самоуправленіе неприкосновеннымъ лишь въ немногихъ странахъ, въ Англіи, гдѣ оно имѣло исконную основу въ древнѣйшихъ учрежденіяхъ, да въ Польшѣ, гдѣ каждое воеводство было какъ бы маленькой республикой. *Недостатки бюрократической централизаціи и устраненія общественныхъ силъ отъ завѣдыванія мѣстными дѣлами раньше всего почувствовались во Франціи*, но устранить эти недостатки думали здѣсь не посредствомъ возвращенія къ старымъ сословнымъ чинамъ, а посредствомъ совсѣмъ новой организаціи, которая должна была опираться на представительство недвижимой собственности. Въ лицѣ своего министра французское правительство теперь сознавалось, что и центральная власть, и провинціальные ея представители (интенданты) взяли на себя непосильную задачу, совершенно устранивъ общественныя силы изъ дѣла упра-

[1]) Въ изданіи Oeuvre de M-r. Turgot ministre d'état, которое у насъ подъ руками (Paris. 1809, t. VII) онъ занимаетъ около ста страницъ (387—482).

вленія, и вотъ, не думая нарушать главнаго принципа, лежавшаго въ основѣ тогдашняго государственнаго устройства, это правительство поставило своею задачею привлечь силы общества къ мѣстному самоуправленію. Интенданты, эти „сатрапы“ и „паши“, какъ ихъ называли, были весьма непопулярны, и уже Фенелонъ въ концѣ царствованія Людовика XIV требовалъ ихъ отмѣны (point d'intendants!) въ пользу предоставленія странѣ дѣла управленія посредствомъ провинціальныхъ штатовъ. Мы уже видѣли изъ изложенія французской политической литературы XVIII в., какой широкій планъ децентрализаціи былъ развитъ также маркизомъ д'Аржансономъ, однимъ изъ министровъ Людовика XV, но, кромѣ того, идея самоуправленія нашла еще защитника въ лицѣ Мирабо-отца, о которомъ намъ придется еще говорить. Тюрго такимъ образомъ не стоялъ особнякомъ, Хотя ему и не удалось осуществить свою административную реформу, тѣмъ не менѣе его мысль не осталась безрезультатной, и одному изъ его преемниковъ пришлось даже и приступить къ введенію земскаго самоуправленія во Франціи.

Оставляя неприкосновеннымъ принципъ, лежавшій въ основѣ политическаго устройства Франціи, Тюрго не только стремился къ реформѣ всей системы управленія, но и *желалъ осуществить цѣлый рядъ реформъ, исходнымъ пунктомъ котораго было новое представленіе объ обществѣ*. Это представленіе было по существу дѣла физіократическое, враждебное сословному строю съ его привилегіями. Финансовыя изъятія духовенства и дворянства нашли поэтому въ министрѣ-реформаторѣ принципіальнаго противника, и въ его общемъ планѣ „муниципалитетовъ“ привилегированные должны были вступить въ ряды обыкновенныхъ „гражданъ“ (citoyens). Феодальный режимъ, царствовавшій въ деревняхъ, по плану Тюрго, долженъ былъ исчезнуть съ французской территоріи, какъ того желалъ еще раньше д'Аржансонъ, говорившій, что во Франціи всѣ земли должны сдѣлаться „ротюрными алодами“, и въ этомъ отношеніи Тюрго былъ исключеніемъ среди другихъ физіократовъ, у которыхъ совсѣмъ не было поставлено вопроса о способѣ отмѣны феодальныхъ правъ. Тюрго думалъ именно о томъ, чтобы одни права были выкуплены у ихъ владѣльцевъ, другія же уничтожены безвозмездно: къ первой категоріи онъ относилъ всѣ тѣ права, которыя по тогдашней теоріи возникали изъ земельной уступки, ко второй—тѣ, которыя были узурпаціей у государственной власти или составляли нарушеніе естественнаго права. Одинъ изъ друзей министра-реформатора, Бонсерфъ, изложилъ его идеи на этотъ счетъ въ брошюрѣ „О неудобствѣ феодальныхъ правъ“ (1776), но брошюру парламентъ сжегъ рукою палача, какъ мятежную, и только первое національное собраніе революціи осуществило идею

Тюрго [1]). Уже въ короткое время завѣдованія морскимъ министерствомъ, которому были подчинены и колоніальныя дѣла, онъ мечталъ о возвращеніи естественной свободы рабамъ въ колоніяхъ, а потомъ хотѣлъ освободить сервовъ и въ самой Франціи. Ему не удалось это совершить, а отмѣнять серважъ въ однихъ королевскихъ доменахъ онъ не хотѣлъ, дабы умолчаніе въ эдиктѣ о сервахъ духовенства и дворянства не было принято за молчаливое подтвержденіе королемъ безусловнаго права сеньеровъ надъ ихъ крѣпостными, какъ это и случилось, когда Людовикъ XVI при Неккерѣ (1779) освободилъ доманіальныхъ сервовъ. Заботясь объ облегченіи хлѣбной торговли, Тюрго успѣлъ лишь приступить къ реформѣ феодальныхъ порядковъ, предпринявъ выкупъ сеньерьяльныхъ правъ на зерно и муку, обусловленныхъ существованіемъ баналитетовъ.

Таковы были наиболѣе важные планы Тюрго, осуществленіе которыхъ должно было, дѣйствительно, дать Франціи совершенно новый видъ. Все это было еще впереди, такъ какъ требовало большого времени, но тамъ, гдѣ можно было реформировать быстрѣе, и гдѣ нужда въ преобразованіи казалась Тюрго настоятельнѣе, тамъ онъ сразу и прямо приступалъ къ дѣлу посредствомъ эдиктовъ, въ которыхъ всегда мотивировалъ свои мѣропріятія. Сторонникъ экономической свободы, стѣснявшейся мелочною регламентаціей стараго режима, онъ объявилъ свободу хлѣбной торговли (1774), чѣмъ думалъ достигнуть лучшаго распредѣленія хлѣбныхъ запасовъ по странѣ и удешевленія продукта; затѣмъ онъ распространилъ ту же мѣру и на вино (1776). Находя дла крестьянъ обременительною натуральную дорожную повинность (la corvée) и желая, чтобы къ дорожному дѣлу были привлечены всѣ классы общества, каждый сообразно съ своими достатками, онъ замѣнилъ эту повинность денежнымъ сборомъ, падавшимъ и на привилегированныхъ (1775). Цѣховая организація во Франціи была въ полномъ разстройствѣ, и Тюрго, исходя изъ принципа „laissez passer, laissez faire", объявилъ (1776) уничтоженіе всѣхъ жюрандъ, метризъ и корпорацій съ предоставленіемъ права каждому заниматься какимъ угодно ремесломъ (кромѣ профессій цюрюльниковъ, аптекатей, золотыхъ дѣлъ мастеровъ и типографщиковъ съ книгопродавцами). Тюрго отмѣнилъ и круговую поруку (contraintes solidaires), которой были подчинены крестьяне въ отбываніи повинностей.

---

[1]) О его планѣ см. мою книгу „Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII в.", стр. 292. Планъ этотъ изложенъ тамъ по даннымъ біографіи Тюрго (Vie de Turgot. Londres. 1786), написанной Кондорсе, но онъ подтверждается и сдѣлавшейся мнѣ извѣстною лишь впослѣдствіи книгой „Mémoire sur la vie et les ouvrages de M. Turgot, ministre d'état" (Philadelphie, 1788).

Больше Тюрго не успѣлъ сдѣлать ничего, да и *то немногое, что было имъ сдѣлано, было большею частью отмѣнено послѣ его отставки*—и свобода хлѣбной торговли, и уничтоженіе дорожной повинности, и объявленіе свободы ремесленнаго труда. Противъ министра-реформатора со всѣхъ сторонъ поднялись враги, а врагами его были всѣ тѣ люди, которые жили, по его выраженію, монополіями, привилегіями, злоупотребленіями, т.-е. финансисты, боявшіеся отмѣны откупной системы налоговъ, хлѣбные барышники, извлекавшіе выгоду изъ существовавшихъ тогда стѣсненій торговли, парламенты, стоявшіе на стражѣ всякихъ консервативныхъ интересовъ, привилегированные вообще, чувствовавшіе въ Тюрго своего врага, наконецъ, дворъ, недовольный экономіей, которую министръ стремился ввести въ государственные расходы. Вопросъ о хлѣбной торговлѣ былъ однимъ изъ наиболѣе спорныхъ для тогдашнихъ публицистовъ и администраторовъ, и въ числѣ литературныхъ оппонентовъ министра выступилъ женевскій банкиръ Неккеръ [1]), сторонникъ протекціонизма, незадолго передъ тѣмъ увѣнчанный французской академіей за „Похвалу Кольберу". Вопросъ между тѣмъ имѣлъ большое практическое значеніе. Въ XVIII в. Франція, вслѣдствіе плохого состоянія сельскаго хозяйства и частыхъ неурожаевъ, постоянно чувствовала недостатокъ въ хлѣбѣ, и обнищалый народъ то и дѣло производилъ безпорядки изъ-за недостатка хлѣба, грабилъ пекарни, амбары, обозы съ зерномъ или мукой. Урожай 1774 г. былъ плохой, и ожидался не лучшій урожай въ 1775 г. Весною этого послѣдняго года возникли подобные безпорядки въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Франціи и приняли весьма широкіе размѣры, получивъ даже названіе „мучной войны" (guerre des farines). Эта смута, которую пришлось подавлять силой, поставивъ подъ ружье двадцать пять тысячъ солдатъ, произошла не безъ посторонняго подстрекательства противъ эдикта о свободѣ хлѣбной торговли, будто бы бывшаго причиной вздорожанія хлѣба. Шайки грабителей, нападая на хлѣбные караваны, шедшіе по Сенѣ, топили въ рѣкѣ мѣшки съ хлѣбомъ; другіе жгли сараи съ хлѣбными запасами, производили безпорядки на городскихъ рынкахъ, и все это дѣлалось точно по какому-то приказу; даже ходили слухи, что у многихъ вожаковъ движенія видѣли въ рукахъ большія деньги. 2 мая шайки появились въ самомъ Версалѣ и требовали у короля установленія таксы на хлѣбъ; на другой день они проникли въ Парижъ и произвели тамъ безпорядки, сопровождавшіеся грабежомъ. Только 4 числа военная сила остановила новую попытку грабежа. Въ эти трудные дни Тюрго проявилъ большую энергію, но парижскій парламентъ

---

[1]) La législation sur le commerce des grains.

вступалъ съ нимъ въ пререканія и издавалъ распоряженія, шедшія въ разрѣзъ съ тѣмъ, что дѣлалъ Тюрго для успокоенія народа. 5 мая члены парламента были даже вызваны въ торжественное засѣданіе (lit de justice), гдѣ король поддержалъ мѣры своего министра. Между прочимъ парламентъ мстилъ Тюрго и за то, что тотъ ранѣе высказывался противъ возстановленія этого учрежденія.

„Мучная война" не свалила Тюрго, какъ расчитывали его враги. Напротивъ того, никогда въ такой степени Людовикъ XVI не довѣрялъ своему министру. Тюрго видѣлъ въ парламентской оппозиціи помѣху реформамъ, и ему приписывали слова: „дайте мнѣ пять лѣтъ деспотизма, и Франція будетъ свободна". Возстановляя въ ноябрѣ 1774 г. парламентъ, Людовикъ XVI думалъ нѣкоторыми распоряженіями своими сдѣлать на будущее время невозможною прежнюю борьбу его членовъ съ королевскою властью; но возстановленный парламентъ поспѣшилъ протестовать противъ всякаго умаленія его правъ, *поставивъ вмѣстѣ съ тѣмъ своею задачею препятствовать всякой реформѣ, которая грозила бы всему, что онъ называлъ древней конституціей королевства.* Въ январѣ 1776 г. Тюрго представилъ королю шесть эдиктовъ, изъ которыхъ одинъ касался отмѣны дорожной повинности, другой—уничтоженія цеховой организаціи. Первая мѣра уже раньше была имъ испробована въ Лимузенѣ, но такъ какъ въ общемъ введеніи къ шести эдиктамъ министръ провозгласилъ принципъ равенства всѣхъ земельныхъ собственниковъ передъ налогомъ, то эдиктъ былъ встрѣченъ парламентомъ крайне недружелюбно. По этому пункту среди членовъ самого правительства также не было согласія, и эдиктъ о дорожной повинности былъ подписанъ королемъ послѣ довольно долгихъ споровъ между его совѣтниками. Противъ парламентской оппозиціи эдикту рѣшено было прибѣгнуть къ lit de justice. Между тѣмъ возгорѣлась брошюрная борьба, и правительство запретило появившіеся противъ Тюрго памфлеты, на что парламентъ отвѣчалъ запрещеніемъ и сожженіемъ упоминавшейся ранѣе брошюры Бонсерфа „О неудобствѣ феодальныхъ правъ" и даже привлеченіемъ ея автора къ суду. Тюрго взялъ послѣдняго подъ свое покровительство—къ великой радости Вольтера, слѣдившаго за всѣми перипетіями этой борьбы Тюрго съ защитниками старины; Вольтеръ находилъ брошюру Бонсерфа „превосходною книгою въ интересѣ народа". Кромѣ эдикта о дорожной повинности, парламентъ представилъ „ремонстранцію" и противъ эдикта о цехахъ, установлявшаго свободу труда, какъ одно изъ естественныхъ правъ личности, нарушеніе котораго, какъ сказано было во введеніи къ эдикту, не можетъ быть узаконено ни давностью, ни силою власти. 12 марта состоялось въ Версали lit de justice. Январскіе эдикты, которыхъ парламентъ не хотѣлъ занести въ свой

регистръ, были по приказанію короля, не согласившагося принять ремонстранціи, включены вмѣстѣ съ четырьмя остальными въ парламентскій регистръ, послѣ чего и должны были получить законную силу. Тюрго оказался правъ, когда совѣтовалъ Людовику XVI не возстановлять парламенты. Дѣйствительно, они сдѣлались главною помѣхою реформъ. Если парижскій парламентъ и былъ принужденъ принять эдиктъ о цехахъ, то въ Бордо, въ Тулузѣ, въ Эксѣ, въ Безансонѣ, въ Реннѣ и въ Дижонѣ эдиктъ этотъ такъ-таки и остался не внесеннымъ въ регистры. Протестуя противъ новыхъ законовъ, парижскій парламентъ находилъ ихъ принципы опасными, нарушающими права собственности и влекущими за собой злоупотребленіе свободой; онъ отстаивалъ сословныя и корпоративныя привилегіи и государственную опеку надъ личной свободой. Эдиктъ о цехахъ создалъ новаго врага Тюрго и въ средѣ парижской ремесленной олигархіи, для которой свобода ремесленнаго труда была невыгодна. Кромѣ того, во время выработки шести эдиктовъ Тюрго пришелъ въ столкновеніе и съ другими министрами, и мало-по-малу они его оставили.

Къ числу враговъ Тюрго нужно отнести и духовенство. Это сословіе видѣло въ министрѣ „философа" и ставило ему въ вину его воззрѣнія, касавшіяся религіи и церкви. Министръ-реформаторъ выразился однажды объ отмѣнѣ нантскаго эдикта въ томъ смыслѣ, что, „желая угодить (flatter) Людовику XIV, обезславили религію". Кромѣ того, онъ, расходясь въ этомъ отношеніи съ старой практикой, подновлявшейся въ эпоху просвѣщеннаго абсолютизма, находилъ, что король не долженъ быть главою вѣры, равно какъ и глава вѣры не долженъ быть королемъ: „англійская супрематія и свѣтская власть (папы)—вотъ двѣ противоположныя крайности одного и того же злоупотребленія". Ставилось въ вину Тюрго и то, что онъ настаивалъ на необходимости устранить изъ коронаціонной присяги Людовика XVI торжественное обѣщаніе всячески истреблять еретиковъ въ своихъ владѣніяхъ. Извѣстно, что Морепа, не желавшій ссориться съ епископами, подалъ королю противное мнѣніе, и Людовикъ XVI, не рѣшившись выпустить изъ присяги слова объ еретикахъ, прочиталъ ихъ тѣмъ не менѣе крайне невнятно. Черезъ нѣсколько дней послѣ коронаціи, происходившей въ Реймсѣ, Тюрго передалъ королю „Мемуаръ о вѣротерпимости", гдѣ убѣждалъ его „предоставить каждому своему подданному свободу раздѣлять и исповѣдовать ту вѣру, въ истинности которой каждаго убѣждаетъ его совѣсть". Въ этомъ замѣчательномъ мемуарѣ, котораго, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ въ полномъ видѣ, Тюрго устанавливаетъ права совѣсти на основаніи принциповъ религіи и естественнаго права и по отношенію къ „политическому интересу государства". Понятно, что церковная партія

вооружилась противъ Тюрго, и графъ Прованскій, братъ короля (будущій Людовикъ XVIII), даже написалъ противъ вѣротерпимаго министра памфлетъ, а Людовику XVI стали доносить, что Тюрго не посѣщаетъ мессы. Все это дѣйствовало на короля, а тутъ еще Марія-Антуанета была крайне недовольна экономнымъ министромъ. Морепа замѣтилъ, что королева все болѣе и болѣе забираетъ власть надъ мужемъ, и рѣшилъ, что для сохраненія за собою министерскаго мѣста особенно поддерживать Тюрго не стоитъ. Министерство не было однороднымъ и солидарнымъ, а для положенія Тюрго было не безразлично, какъ относились къ нему его товарищи при той ненависти, какая его окружала со всѣхъ сторонъ. Когда Верженъ и Тюрго посовѣтовали Людовику XVI отозвать изъ Лондона бывшаго тамъ посланникомъ гр. де-Гюина (de-Guines), бывшаго въ большомъ фаворѣ у Маріи-Антуанеты, послѣдняя стала требовать у мужа не только всякихъ милостей для бывшаго посланника, но даже отставки и заключенія въ Бастилію ненавистнаго ей министра. Слабый волею Людовикъ XVI, для котораго мартовское lit de justice уже было причиной большого утомленія, все болѣе и болѣе поддавался вліяніямъ, враждебнымъ для Тюрго, хотя и говорилъ, что только самъ онъ, да этотъ министръ дѣйствительно любятъ народъ. Людовикъ XVI сталъ избѣгать свиданій съ Тюрго, и тогда министръ написалъ ему четыре письма, изъ которыхъ два дошло до насъ. „Я, писалъ онъ въ одномъ изъ этихъ писемъ, смѣло шелъ (j'ai bravé) противъ ненависти всѣхъ, кто только имѣетъ выгоду въ злоупотребленіяхъ. Пока я питалъ увѣренность, что, благодаря поддержкѣ вашего величества, я могу дѣлать доброе дѣло, я ни на что не обращалъ вниманія (rien ne m'a coûté). А какова теперь моя награда?.. Государь! я не заслужилъ этого, осмѣливаюсь вамъ такъ сказать! Я изобразилъ вамъ всѣ бѣдствія, причиненныя слабостью покойнаго короля, я представилъ вамъ ходъ интригъ, постепенно унизившихъ его авторитетъ. Осмѣливаюсь просить васъ перечитать это письмо и спросить себя, желаете ли вы подвергнуться тѣмъ же опасностямъ, скажу даже—опасностямъ еще большимъ". Тюрго предостерегалъ далѣе короля по поводу смѣлаго поведенія парламентовъ, придворныхъ интригъ и слабости министерства, раздѣленнаго внутри, и жаловался на свое положеніе, одинокаго и изолированнаго. Указывая на необходимость правительству быть солидарнымъ и сильнымъ, Тюрго писалъ еще: „никогда не забывайте, государь, что слабость привела Карла I на эшафотъ (a mis la tête de Charles I sur un billot), что она же дѣлала изъ Людовика XIII и теперь дѣлаетъ изъ португальскаго короля коронованныхъ невольниковъ, и опять-таки она же была причиной всѣхъ бѣдствій предыдущаго царствованія. Васъ считаютъ слабымъ, государь, и бываютъ

случаи, когда я боюсь, нѣтъ ли на самомъ дѣлѣ въ вашемъ характерѣ этого недостатка, хотя я и видѣлъ истинное мужество (courage) съ вашей стороны при другихъ и болѣе щекотливыхъ обстоятельствахъ... Правду говоря, я васъ, государь, не понимаю. Пусть вамъ наговорили, что у меня горячая и химерическая голова, но мнѣ кажется, что все мною вамъ сообщаемое не похоже на предложенія сумасшедшаго". Тюрго ставилъ прямо вопросъ о выборѣ между нимъ и Морепа и просилъ отвѣта, но Людовикъ XVI не отвѣчалъ и на это письмо, какъ и на два предыдущія. Король предпочелъ Морепа; Тюрго, казалось ему, хотѣлъ подчинить себѣ его волю, и онъ считалъ себя оскорбленнымъ его письмами. Отставка не замедлила притти, а съ нею не только прекратились дальнѣйшія реформы, но были отмѣнены и тѣ, которыя Тюрго успѣлъ уже провести. Планъ о „муниципалитетахъ" тоже не понравился Людовику XVI; на поляхъ мемуара онъ прямо высказался противъ стремленій новатора, желающаго „Франціи болѣе, нежели англійской" (une France plus qu'anglaise). „Система г. Тюрго, писалъ онъ еще, только прекрасный сонъ,—утопія благонамѣреннаго человѣка, но низвергающая установленные порядки. Идеи г. Тюрго опасны, и ихъ новизна требуетъ отпора".

Послѣ отставки своей Тюрго прожилъ еще пять лѣтъ среди научныхъ и литературныхъ занятій. Нѣкоторые современники винили самого его, что онъ рѣзкими чертами своего характера оттолкнулъ отъ себя людей, съ которыми долженъ былъ ладить. Идеи Тюрго восторжествовали черезъ восемь лѣтъ послѣ его смерти. Какъ мы видѣли, историки ставили вопросъ, не сдѣлали бы реформы Тюрго излишнею революцію 1789 г., если бы ему удалось осуществить свои планы. Объ этомъ можно говорить надвое: да, въ томъ случаѣ, если бы при поддержкѣ Людовика XVI реформа могла совершиться мирно, и нѣтъ, если бы, наоборотъ, дѣятельность Тюрго сама вызвала революцію. Въ самомъ дѣлѣ, если уже то немногое, что сдѣлалъ Тюрго, подняло такую бурю, то дальнѣйшія его преобразованія вызвали бы еще болѣе страстную оппозицію парламентовъ; тогда правительству пришлось бы съ ними вступить въ борьбу, пришлось бы прибѣгнуть къ произвольнымъ мѣрамъ, какъ это было сдѣлано при Людовикѣ XV и какъ потомъ, уже послѣ смерти Тюрго, вынужденъ былъ поступить самъ Людовикъ XVI; но за парламентъ вступились бы и общественное мнѣніе, и народная масса, какъ это и случилось позднѣе, а соединеніе консервативной оппозиціи съ либеральной и было началомъ крушенія стараго порядка. Съ другой стороны, кромѣ реформъ, которыя желалъ осуществить Тюрго, французы стремились еще и къ политической свободѣ, и „la grande municipalité" Тюрго, не понравившаяся Людовику XVI, не удовлетворила бы и француз-

ской націи, въ образованныхъ кругахъ которой были популярны идеи Монтескье, Руссо и Мабли.

Попытка Тюрго была въ сущности проявленіемъ просвѣщеннаго абсолютизма среди особыхъ обстоятельствъ, представлявшихся тогдашнею французскою жизнью. *Многое изъ того, что задумалъ Тюрго, было осуществлено лишь революціей,* а именно, введеніе самоуправленія, освобожденіе крѣпостныхъ, уничтоженіе феодальныхъ правъ, провозглашеніе религіозной свободы, свободы труда, равенства всѣхъ передъ налогами и пр., но такова была и программа Вольтера, ждавшаго осуществленія всего этого отъ королевской власти. Въ 1776 г. французская монархія отказалась отъ выполненія программы Тюрго и бросилась въ объятія клерикально-аристократической реакціи. Между тѣмъ обстоятельства вынуждали правительство итти по иной дорогѣ. Послѣ реакціи, послѣдовавшей за паденіемъ Тюрго, оно дважды выступало на путь реформъ: въ первый разъ при Неккерѣ, за отставкой котораго наступила новая реакція (1781), во второй разъ при Калоннѣ (1783—1787) и Ломени де Бріеннѣ (1788), когда произошло полное объединеніе консервативной и либеральной оппозицій. Въ сущности и *реформы, предлагавшіяся только-что названными министрами, коренились въ планахъ Тюрго.* Министра-реформатора постигла неудача, и разсматривая его дѣятельность, невольно вспоминаешь неудачу, постигшую преобразователя-монарха, его младшаго современника (Іосифа II): имъ пришлось встрѣтиться съ одной и той же консервативной оппозиціей. Иного рода была причина неуспѣха другого крупнаго государственнаго человѣка Франціи той эпохи, также младшаго современника Тюрго (Мирабо), который въ 1789—1791 гг. столь же ясно понималъ положеніе страны, какъ Тюрго въ 1774—1776 годахъ.

Остановившись нѣсколько подробнѣе на первыхъ двухъ годахъ (1774—1776) царствованія Людовика XVI, мы имѣли въ виду представить единственный оригинальный и стройный планъ общей реформы, какой только былъ во Франціи наканунѣ революціи. Исторія слѣдовавшихъ затѣмъ преобразовательныхъ попытокъ можетъ быть разсказана короче, и на первое мѣсто выдвинуто, наоборотъ, то, что непосредственно подготовило переворотъ 1789 года [1])

---

[1]) Одновременно съ Тюрго въ роли министра дѣйствовалъ Malesherbes, предлагавшій Людовику XVI возвратить протестантамъ гражданскія права, уничтожить lettres de cachet и отмѣнить пытку, но и онъ палъ вмѣстѣ съ Тюрго.

XXXII. Францiя наканунѣ революцiи [1]).

Предметъ главы.—Первое министерство Неккера.—Провинцiальныя собранiя.—Паденiе Неккера и усиленiе реакцiи.—Калоннъ и нотабли.—Послѣдняя борьба съ парламентами.—Рѣшенiе созвать генеральные штаты.—Настроенiе французскаго общества.—Бомаршэ.—Общественное мнѣнiе и дворъ.—Влiянiе американской революцiи на общественное настроенiе.—Лафайэтъ и французскiе добровольцы.—Обсужденiе конституцiонныхъ вопросовъ.—Мирабо до 1789 года.—Его отецъ.—Его молодость.—Его сочиненiя. — Два пути, по которымъ могло итти правительство въ 1789 году.

Мы разсмотримъ теперь вкратцѣ исторiю послѣднихъ лѣтъ стараго порядка во Францiи. Намъ нужно показать, какъ сила вещей вынуждала правительство Людовика XVI опять начинать реформы, снова вызывавшiя консервативную оппозицiю, и какъ неудача этихъ реформъ и борьба съ этой оппозицiей заставили наконецъ короля согласиться на созванiе генеральныхъ штатовъ. Намъ нужно также познакомиться съ настроенiемъ французскаго общества въ годы, непосредственно предшествовавшiе перевороту 1789 г., подъ влiянiемъ не только внутреннихъ событiй, но и подъ впечатлѣнiемъ, какое произвело на французовъ основанiе демократической республики въ Сѣверной Америкѣ. Намъ предстоитъ, наконецъ, познакомиться и съ

---

[1]) Кромѣ сочиненiй *Токвиля, Тэна* (т. I), *Cореля* (т. I), *Guglia*. *Chérest'a Каутскаго*, *Jaurès'a* и *М. М. Ковалевскаго*, указанныхъ въ I главѣ этого тома, и моей книгѣ „Крестьяне и крестьянскiй вопросъ во Францiи въ послѣдней четверти XVIII в.“, см. *Boiteau*. Etat de la France en 1789.—*Raudot*. La France avant la révolution — *Vis. de Broc*. La France sous l'ancien régime.—*Pisard*. La France en 1789.—*Beaurepaire*. Renseignements statistiques sur l'état de l'agriculture vers 1789. — *G. d'Avenel*. Hist. économique de la propriété, des salaires, des denrées.—Труды *Babeau*: Le village sous l'ancien régime.—La vie rurale dans l'ancienne France.—La ville sous l'ancien régime.—La vie militaire sous l'ancien régime.—La province sous l'ancien régime.—Paris en 1789.—Le parlement de Paris à Troye en 1787 г.—*П. Ардашевъ*. Провинцiальная администрацiя во Францiи за послѣднюю пору стараго порядка, т. I (съ собранiемъ документовъ подъ заглавiемъ „Les intendants de province sous Louis XVI“).—*Wallon*. Le clergé de 1789.—*Chassin*. L'église et les derniers serfs.—*Sepet*. Preliminaires de la Révolution. Спецiально о финансовомъ положенiи см. *Clamageran*. Hist. de l'impôt en France. — *Vuitry*. Etudes sur le régime financier en France avant la révolution.—*Noël*. Etudes sur l'organisation financière de la France.—*De Nervo*. Les finances françaises sous l'ancienne monarchie etc.—*Stourm*. Les finances de l'ancien régime et de la révolution.—*Bouchard*. Sustème financier de l'ancienne monarchie.—*A. Vührer*. Histoire de la dette publique en France.—*Gomel*. Des causes financières de la révolution française.—*Н. Бржескiй*. Податная реформа. Французскiя теорiи XVIII в. Ср. *Клячинъ*. Значенiе дореволюцiоннаго перiода въ исторiи Францiи XVIII в. (Кiевскiя „Университетскiя Извѣстiя“. 1893)

однимъ изъ политическихъ дѣятелей, котораго событія 1789 г. поставили впереди общественнаго движенія, но который уже въ послѣдніе годы стараго режима былъ представителемъ идей, восторжествовавшихъ въ 1789 году.

Вскорѣ послѣ паденія Тюрго, когда стали усложняться внѣшнія политическія отношенія вслѣдствіе возстанія англійскихъ сѣвероамериканскихъ колонистовъ противъ метрополіи, французское правительство должно было поспѣшить съ дѣломъ улучшенія своихъ разстроенныхъ финансовъ. Эту задачу поручили женевскому банкиру Неккеру, который въ іюнѣ 1777 г. и сталъ во главѣ финансоваго управленія.

Неккеръ [1]) родился въ 1732 г. въ Женевѣ, гдѣ его отецъ, родомъ изъ Бранденбурга, былъ профессоромъ государственнаго права. Составивъ себѣ банкирскимъ операціями значительное состояніе, онъ занялъ во Франціи мѣсто женевскаго резидента при версальскомъ дворѣ и вскорѣ прославился своими экономическими сочиненіями, въ которыхъ онъ защищалъ меркантилистическіе принципы и нападалъ на свободу хлѣбной торговли. Послѣднее обстоятельство обратило на него вниманіе двора, какъ на противника Тюрго, и этого одного было уже достаточно, чтобы Неккеръ сначала получилъ должность въ финансовомъ управленіи, а потомъ сдѣлался и министромъ, хотя ему, какъ протестанту, не дали званія генералъ-контролера, а только „директора финансовъ“ (directeur des finances). Неккеръ стоялъ во главѣ министерства финансовъ четыре года (1777—1781), и все время титуломъ генералъ-контролера пользовалось другое, подставное лицо (Taboureau des Réaux). Хотя Неккеръ былъ поставленъ въ министры реакціей противъ Тюрго и хотя, даже не нося министерскаго титула, онъ долженъ былъ завѣдовать одними лишь финансами, сама уже задача улучшенія финансовъ до такой степени требовала реформъ и самое положеніе лица, взявшаго на себя эту задачу, до такой степени выдвигало его впередъ сравнительно съ другими министрами, что *Неккеръ долженъ былъ не только сдѣлаться руководящимъ министромъ, но и принять на себя выполненіе наиболѣе настоятельныхъ реформъ*. Частныя преобразованія, произведенныя имъ въ финансовомъ вѣдомствѣ, сами по себѣ, однако, не могли одни улучшить общаго положенія дѣлъ, и потому понадобились мѣры общаго характера. Въ 1779 г. Неккеръ уничтожилъ серважъ въ королевскихъ доменахъ. Осудивъ въ гуманномъ вступленіи къ эдикту позорное рабство, Людовикъ XVI продолжалъ такимъ образомъ: „мы хотѣли

---

[1]) Неккеръ и г-жа Сталь, его дочь, оставили свои сочиненія для сужденія о революціи.

бы отмѣнить безъ различія слѣды этого тягостнаго феодализма; но такъ какъ состояніе нашихъ финансовъ не дозволяетъ намъ выкупить это право изъ рукъ сеньоровъ и такъ какъ мы будемъ во всѣ времена питать уваженіе къ законамъ собственности, въ которыхъ мы видимъ самое твердое основаніе порядка и справедливости, то мы можемъ, не нарушая этого принципа, осуществить только часть того блага, какое имѣемъ въ виду", уничтожая рабское состояніе въ королевскихъ доменахъ. Сеньеры лишь приглашались послѣдовать этому примѣру и теряли только прежнія свои права на бѣглыхъ крѣпостныхъ. Такимъ образомъ, *эдиктъ, освобождавшій королевскихъ сервовъ, былъ составленъ въ реакціонномъ смыслѣ*, и многіе сеньеры видѣли въ немъ прямое подтвержденіе ихъ прежнихъ правъ. Внося этотъ этиктъ въ свои регистры, и парламентъ сдѣлалъ еще оговорку, что королевскій указъ отнюдь не долженъ наносить ущерба (nuire) правамъ сеньеровъ. Далѣе, Неккеръ отмѣнилъ пытку при допросѣ обвиняемаго (la question préparatoire), оставивъ, однако, попрежнему существовать пытку, какой подвергали уже осужденныхъ передъ казнью (la question préalable). Онъ не смѣлъ также коснуться суроваго законодательства старой Франціи, лишавшаго правъ протестантовъ, его же собственныхъ единовѣрцевъ.

Особаго вниманія заслуживаетъ административная реформа, предпринятая Неккеромъ, но не доведенная имъ до конна вслѣдствіе отставки. О мемуарѣ, въ которомъ онъ предлагалъ Людовику XVI эту реформу, король выразился, какъ о проектѣ, напоминающемъ ему идеи Тюрго, и онъ былъ правъ, такъ какъ основа плана была заимствована у бывшаго министра. Неккеръ только его исказилъ, и *на его планѣ введенія во Франціи самоуправленія также сказалось вліяніе общей реакціи.* Неккеру стоило большого труда убѣдить Людовика XVI согласиться на это нововведеніе. Были, по признанію самого Неккера, приняты мѣры, дабы земскія собранія постоянно чувствовали необходимость быть достойными оказываемаго имъ довѣрія и знали, что лишь въ этомъ заключается залогъ ихъ существованія. Уже Тюрго придавалъ этимъ собраніямъ только совѣщательный характеръ, и Неккеръ еще болѣе подчеркивалъ, что они должны состоять изъ простыхъ административныхъ коммиссаровъ. Онъ даже не предлагалъ ввести ихъ сразу во всей Франціи, а совѣтовалъ сначала въ видѣ опыта и только на время произвести реформу въ одной провинціи (Берри въ 1778 г.), самой бѣдной, не имѣвшей парламента и считавшейся наиболѣе преданною. Провинціальное собраніе должно было состоять здѣсь изъ 48 членовъ, а именно 12 духовныхъ, 12 дворянъ и 24 лицъ изъ третьяго сословія, такъ что сохранялся сословный принципъ, котораго не признавалъ Тюрго. Члены эти,

далѣе, не выбирались, а назначались въ первый разъ королемъ изъ мѣстныхъ собственниковъ, дабы впослѣдствіи собраніе уже само себя пополняло, выбирая новыхъ членовъ взамѣнъ выбывающихъ по очереди. Собираться такая „assemblée provinciale" должна была на одинъ мѣсяцъ разъ въ два года для занятія вопросами, которые и Тюрго отдавалъ на разсмотрѣніе своихъ „муниципалитетовъ". Рѣшенія собранія нуждались въ утвержденіи королевскаго совѣта, но не иначе, какъ съ согласія особаго правительственнаго коммиссара и съ его замѣчаніями. Тюрго думалъ такими собраніями замѣнить интендантовъ, но теперь интендантъ оставался на своемъ мѣстѣ и контролировалъ дѣйствія собранія. Установленъ былъ и порядокъ дѣлопроизводства, сложный, до мелочей расчитанный на то, чтобы собраніе не могло превысить своихъ полномочій. Исполнительнымъ органомъ собранія была особая управа (bureau intermédiaire), но ея функціи не были строго разграничены съ функціями интенданта, который всегда имѣлъ возможность парализировать ея дѣйствія своими распоряженіями. Въ слѣдующемъ (1779) году Неккеръ ввелъ подобныя собранія въ Дофинэ и Верхней-Гюйени (Haute-Guyenne), но въ первой изъ этихъ провинцій дѣло не пошло, такъ какъ привилегированныя сословія потребовали здѣсь простого возстановленія старыхъ провинціальныхъ штатовъ. Еще черезъ годъ (1780) Неккеръ задумалъ ввести эту реформу и въ четвертомъ округѣ (Bourbonnais, Nivernais и la Marche), но противъ этого протестовали парижскій парламентъ и муленскій (Moulins) интендантъ, и Людовикъ XVI не поддержалъ министра. Когда Неккеръ вышелъ въ отставку (1781), провинціальныя собранія были de facto введены лишь въ двухъ провинціяхъ, гдѣ и удержались до самой революціи. Только Ломени де-Бріеннъ передъ началомъ революціи (1787) ввелъ провинціальныя собранія во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ не было провинціальныхъ штатовъ, внесши въ порядокъ, установленный Неккеромъ, измѣненія, заимствованныя изъ плана Тюрго (приходскія, окружныя и провинціальныя собранія, выборные члены и т. п.). Нѣкоторые историки [1]) приписываютъ этой реформѣ громадное значеніе, какого, однако, она не имѣла и не могла имѣть, такъ какъ беррійское и гюйеньское собранія послѣ отставки Неккера были урѣзаны въ своихъ правахъ, и послѣ возлагавшихся на реформу ожиданій наступило разочарованіе, распространеніе же новаго учрежденія на всю Францію было уже мѣрою запоз-

---

[1]) Особенно *Lavergne*, который вообще изображаетъ царствованіе Людовика XVI, какъ эпоху, когда очень много было сдѣлано для процвѣтанія Франціи. См. также его Economie rurale de la France depuis 1789. Болѣе вѣрный взглядъ въ брошюрѣ *проф. И. В. Лучицкаго.*

далою, хотя и нельзя отрицать частной пользы, какую принесли новыя собранія въ двухъ названныхъ провинціяхъ.

Въ 1781 г. Неккера постигла судьба Тюрго. Людовикъ XVI перессталъ оказывать ему поддержку. Напримѣръ, Неккеръ потребовалъ, чтобы король уволилъ интенданта, прямо отказавшагося открыть провинціальное собраніе въ Муленѣ, но Людовикъ XVI не согласился на отставку непослушнаго чиновника. При дворѣ и Неккера не взлюбили за то, что онъ также мѣшалъ расхищенію казны, въ которомъ участвовали придворные, получавшіе денежные подарки и пенсіи или клавшіе въ свой карманъ значительную часть суммъ, ассигнованныхъ на расходы по содержанію двора. Для покрытія дефицитовъ Неккеръ сталъ прибѣгать къ займамъ, и желая внушить капиталистамъ довѣріе къ государственнымъ финансамъ, онъ рѣшился обнародовать бюджетъ (le compte rendu), который, хоть и не вполнѣ, проливалъ свѣтъ на траты двора. Этого было достаточно, чтобы министра, выдвинутаго самою же реакціей, отставили, а *послѣ его отставки реакція еще болѣе усилилась.* Она прямо приняла теперь строго аристократическій характеръ: недворянамъ былъ закрытъ доступъ къ офицерскимъ чинамъ въ арміи, къ занятію особенно доходныхъ церковныхъ должностей, соединенныхъ съ землевладѣніемъ, къ вступленію въ парламенты; всѣ процессы между привилегированными и ротюрьерами въ парламентахъ стали рѣшаться въ пользу первыхъ; снова оживала вся феодальная старина, а между тѣмъ жизнь требовала движенія впередъ и, слѣдовательно, реформъ.

Съ паденіемъ Неккера усилилось вліяніе Вержена, самаго завзятаго противника реформъ и новыхъ идей; напримѣръ, въ это время подверглась сожженію знаменитая книга Рэйналя. Съ другой стороны, росло и раздраженіе. При Неккерѣ вслѣдствіе новыхъ займовъ государственный долгъ сильно увеличился, а тутъ еще увеличились и расходы, благодаря вмѣшательству Франціи въ войну за американскую свободу. Преемникъ Неккера, Жоли де-Флёри, умѣлъ только увеличивать налоги да занимать деньги на самыхъ обременительныхъ условіяхъ. Его смѣнили, но и новый министръ, Ормессонъ, слѣдовалъ той же политикѣ, еще болѣе разстроивъ финансы. Многіе совѣтовали призвать снова Неккера, но дворъ не хотѣлъ подчиниться экономіи, а Людовикъ XVI и слышать не желалъ о реформахъ. Королева и графъ д'Артуа вмѣстѣ съ Верженомъ рекомендовали на постъ министра финансовъ угодливаго и расточительнаго валансьенскаго интенданта Калонна, который уже прямо держался на практикѣ знаменитаго изреченія Людовика XV: „послѣ насъ хоть потопъ“. Окончательно запутавъ дѣла, увеличивъ государственные долги и дефицитъ, истощивъ казну, раздраживъ общественное мнѣніе, вызвавъ оппозицію

парламентовъ противъ новыхъ налоговъ, Калоннъ рѣшился, наконецъ, описать королю всю безвыходность положенія и рекомендовать „сильныя средства“ къ устраненію зла. Выслушавъ предложенія министра, Людовикъ XVI, которому передъ тѣмъ твердили, что дѣла идутъ превосходно, былъ удивленъ: „но вѣдь вы, сказалъ онъ Калонну, приносите съ собою все того же Неккера“.—„Государь, отвѣчалъ министръ, въ данную минуту ничего лучшаго нельзя придумать“,—и указалъ на то, что нужно прибѣгнуть къ помощи націи, допустивъ ее къ участію въ администраціи. Планъ Тюрго снова выступилъ на сцену, но обстоятельства измѣнились: *въ 1787 году дѣла были болѣе запутаны, чѣмъ въ 1774—76 гг.; общество было настроено болѣе оппозиціонно, да и къ власти, особенно къ легкомысленному Калонну, относились съ недовѣріемъ.* Желая при враждебномъ отношеніи парламентовъ опереться на сочувствіе націи, онъ убѣдилъ Людовика XVI созвать собраніе нотаблей, т.-е. назначенныхъ самимъ правительствомъ представителей трехъ сословій, въ былыя времена замѣнявшее генеральные штаты. Правленіе Калонна подверглось со стороны этого собранія, состоявшаго, главнымъ образомъ, изъ привилегированныхъ, самой строгой критикѣ, и Калоннъ, всѣми покинутый, вынужденъ былъ выйти въ отставку. Его замѣнилъ архіепископъ тулузскій Ломени де-Бріеннъ, возобновившій передъ нотаблями проектъ своего предшественника о поземельномъ налогѣ, который падалъ бы одинаково на всѣхъ собственниковъ королевства, а также планъ введенія провинціальныхъ собраній во всемъ королевствѣ и мысль о дарованіи протестантамъ правъ гражданскаго состоянія (безъ правъ, однако, занимать должности и заниматься нѣкоторыми профессіями, отнятыми у нихъ въ эпоху уничтоженія нантскаго эдикта). Нотабли согласились на эти реформы, но не хотѣли допустить, чтобы новый налогъ падалъ на всѣхъ равномѣрно. Когда они были распущены, противъ министерской реформы выступилъ парижскій парламентъ, объявивъ, что лишь генеральные штаты имѣютъ право давать согласіе на новые налоги. Одинъ изъ совѣтниковъ парламента, оказавшійся особенно несговорчивымъ, именно д'Эпремениль (между прочимъ приравнивавшій дарованіе протестантамъ гражданскихъ правъ къ вторичному распятію Христа) сдѣлался героемъ дня. Пришлось прибѣгнуть къ новому lit de justice, но и послѣ этого парижскій парламентъ протестовалъ. Въ августѣ 1787 г. онъ былъ сосланъ въ Труа [1]), но въ сентябрѣ былъ возвращенъ и возобновилъ свою оппозицію. Тогда хранитель печатей (garde des sceaux) Ламуаньонъ рѣшился послѣдовать примѣру Мопу: эдиктомъ 8 мая 1788 г. у парламентовъ было отнято право дѣлать ремонстранціи, и провинціальные парламенты,

[1]) *Babeau.* Le parlement de Paris à Troyes en 1787.

ставшіе на сторону парижскаго, должны были прекратить свою дѣятельность впредь до выработки новой судебной организаціи. И теперь, какъ и прежде, парламенты служили дѣлу консервативной оппозиціи; какъ и прежде, имъ оказывало поддержку общественное мнѣніе, относившееся съ недовѣріемъ къ правительству; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ произошли даже народныя волненія, принявшія характеръ сопротивленія властямъ въ защиту парламентовъ. Ломени де-Бріеннъ былъ отставленъ, парламенты были снова возстановлены, и судебная реформа Ламуаньона такъ-таки и не осуществилась.

Во время этой послѣдней борьбы съ парламентами *все настойчивѣе и настойчивѣе раздавалось требованіе, чтобы были созваны генеральные штаты.* Уже въ собраніи нотаблей, созванныхъ Калонномъ, о штатахъ заговорилъ одинъ изъ представителей дворянства, проникнутый новыми политическими идеями: это былъ Лафайетъ [1]), герой американской войны за независимость. Выше было упомянуто, что на генеральные штаты сдѣлалъ ссылку и парижскій парламентъ во время борьбы съ Ломени де-Бріенномъ. Въ провинціальныхъ собраніяхъ, только-что введенныхъ этимъ министромъ въ разныхъ частяхъ Франціи, тоже раздавались голоса о необходимости созыва генеральныхъ штатовъ. Ихъ требовали, кромѣ того, провинціальные штаты Дофинэ, собраніе духовенства въ 1787 г., *требовало и общественное мнѣніе безъ различія партій.* Людовику XVI пришлось уступить. Въ декабрѣ 1787 г. онъ обѣщалъ созывъ государственныхъ чиновъ Франціи черезъ пять лѣтъ, но событія приблизили этотъ срокъ. Послѣ неудачи, постигшей Ломени де-Бріенна, въ министерство снова былъ призванъ Неккеръ, и вторично собранные нотабли (ноябрь 1788 г.) также высказались за необходимость созыва генеральныхъ штатовъ. Мы останавливаемся весьма коротко на этой эпохѣ, но, собственно говоря, событія, которыя непосредственно привели къ паденію стараго порядка, начинаются съ созванія нотаблей, и въ этотъ періодъ сопротивленіе предначертаніямъ власти шло со стороны привилегированныхъ, которые сами начали разрушеніе стараго порядка [2]). Не-

---

[1]) Новѣйшее сочиненіе о Лафайетѣ *Bardoux*, а по-русски *В. Я. Богучарскаго* „Маркизъ Лафайетъ, дѣятель трехъ революцій" (составлено главнымъ образомъ по Барду).

[2]) Объ этомъ періодѣ есть старыя (конца прошлаго вѣка) сочиненія *Montjoye* и *Lameth'a*, но въ новое время ими обыкновенно пренебрегали. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ этими годами (1787—1789) занялся *Chérest* въ книгѣ „La chute de l'ancien régime", къ сожалѣнію, неоконченной (вышло два тома и половина третьяго). Авторъ, рѣшительный консерваторъ, какъ онъ самъ себя аттестуетъ въ предисловіи, приступалъ къ своему изслѣдованію съ предвзятою мыслью, что Франція могла бы преобразоваться легально и мирно, однимъ прогрессомъ идей, одною силою вещей, но изученіе исторіи 1787 и

смотря на сказанное, по недостатку мѣста мы остановимся больше на выступленіи на сцену новыхъ факторовъ.

Если привилегированные въ царствованіе Людовика XVI каждый разъ вступали на путь оппозиціи, когда правительство вынуждалось на реформы, задѣвавшія ихъ интересы, то, съ другой стороны, общая реакція клерикально-аристократическаго характера послѣ Тюрго и Неккера, дурное веденіе дѣлъ неспособными министрами, только ухудшавшими и безъ того непригдядное положеніе страны, борьба правительства съ парламентами, на которые французы смотрѣли, какъ на защитниковъ свободы, безразсудное поведеніе двора, продолжавшаго тратить (особенно при Калоннѣ) большія суммы денегъ на роскошь, на увеселенія, на разнаго рода подачки,—все это страшно раздражало и тѣ круги общества, которые желали реформъ, понимали настоящее положеніе дѣлъ, одушевлялись новыми политическими идеями и видѣли въ тогдашнемъ дворѣ главную помѣху въ дѣлѣ осуществленія настоятельныхъ требованій времени. Не нужно забывать, что къ началу царствованія Людовика XVI французская литература XVIII в. уже дала все самое существенное, что ее характеризуетъ, и успѣла воспитать общественное мнѣніе въ извѣстномъ направленіи. На Людовика XVI общество возлагало самыя блестящія надежды—и разочаровалось. Сами привилегированные показывали народу примѣръ сопротивленія власти. Нѣкоторыя событія довершили развитіе оппозиціоннаго духа. Однимъ изъ такихъ событій было появленіе на сценѣ двухъ комедій Бомаршэ. Этотъ писатель-авантюристъ, нравственныя качества котораго совсѣмъ не соотвѣтствовали общественной роли, какую ему пришлось играть, сдѣлался весьма популярнымъ человѣкомъ еще послѣ своего столкновенія съ „парламентомъ Мопу“. Боясь овацій ему со стороны общества, разные круги котораго—и консервативные, и либеральные—видѣли въ Бомаршэ какъ бы своего трибуна, правительство запретило представленіе его комедіи „Севильскій цирюльникъ“, хотя само же потомъ пользовалось услугами ея автора по части секретныхъ порученій за границей, имѣвшихъ подчасъ мало общаго съ политикой (напримѣръ, нужно

1788 гг. произвело на него иное впечатлѣніе: „чѣмъ болѣе, говоритъ онъ, я углублялся въ подробности дѣйствительной исторіи, тѣмъ болѣе моимъ умомъ овладѣвало противоположное убѣжденіе“. Шерестъ показываетъ, какъ революція началась наверху, т.-е. пошла со стороны привилегированныхъ, которые оказывали сопротивленіе королевской власти и призывали народъ къ мятежу. Замѣтимъ, что автору, когда онъ приступалъ къ своему труду, было болѣе пятидесяти лѣтъ. Научный духъ историка побѣдилъ въ немъ предвзятое мнѣніе человѣка партіи. Съ Тэномъ произошло наоборотъ: онъ хотѣлъ изучать исторію революціи, какъ натуралистъ изучаетъ метаморфозы насѣкомаго, но не удержался на этой позиціи и какъ разъ оказался весьма пристрастнымъ въ своихъ сужденіяхъ.

было добиться уничтоженія одного пасквиля противъ графини дю-Барри и предупредить появленіе другого на Марію-Антуанету). Въ 1775 г. послѣ многихъ цензурныхъ пересмотровъ дозволили, однако, поставить на сцену „Севильскаго цирюльника“, но первое же представленіе, имѣвшее блестящій успѣхъ, вызвало въ пьесѣ нѣкоторыя сокращенія, такъ какъ въ ней было много заявленій оппозиціоннаго свойства по отношенію къ высшему свѣту. Послѣ этого Бомаршэ служилъ, главнымъ образомъ, торжеству новыхъ идей, сдѣлался—не безъ помощи правительства — поставщикомъ для арміи американскихъ инсургентовъ, потомъ съ большими затрудненіями издалъ полное собраніе сочиненій Вольтера, выбравъ для этого одинъ городокъ на баденской территоріи и т. п. Однимъ словомъ, дѣятельность его становилась все сознательнѣе, и вотъ онъ пишетъ новую комедію „Свадьба Фигаро“ уже съ прямыми и очень смѣлыми намеками на современность. Четыре года ее разсматривала и пересматривала цензура, а пока Бомаршэ читалъ комедію въ разныхъ кружкахъ и поставилъ на любительской сценѣ. Людовикъ XVI объявилъ прямо, что въ его царствованіе эта комедія играться не будетъ, потому что для того, чтобы оправдать ея содержаніе, нужно было бы немедленно уничтожить Бастилію; но ловкій и настойчивый сатирикъ добился-таки разрѣшенія, и пьеса дана была на публичной сценѣ въ 1784 г. Успѣхъ былъ колоссальный. Людовику XVI сдѣлали на Бомаршэ доносъ въ оскорбленіи величества, и онъ написалъ, играя въ карты, на пиковой семеркѣ приказъ объ арестѣ Бомаршэ. „Свадьба Фигаро“ была направлена противъ знати, достигающей всѣхъ благъ, „потрудившись лишь родиться“, противъ двора, гдѣ „тайна успѣха заключается въ словахъ: давать, брать и требовать“, противъ законовъ, „снисходительныхъ къ богачамъ, суровыхъ къ бѣднякамъ“, и т. п. Надменнымъ и бездарнымъ вельможамъ Бомаршэ противопоставилъ способнаго разночинца Фигаро. Финансовыя операціи обогатили автора оппозиціонныхъ комедій, и онъ рядомъ съ Бастиліей построилъ себѣ домъ, садъ котораго былъ украшенъ статуями энциклопедистовъ. Впрочемъ, Бомаршэ не видѣлъ, куда направляется общественное теченіе, и вѣрилъ еще въ возможность реформы сверху. Ему, однако, пришлось увидѣть революцію, во время которой онъ еще разъ вернулся къ испытанному уже прежде средству обогащенія путемъ поставокъ въ армію.

Успѣхъ комедій Бомаршэ былъ однимъ изъ признаковъ крайне неблагопріятнаго старымъ порядкамъ общественнаго настроенія. Дворъ окончательно дискредитировалъ себя въ глазахъ общества, и „австрічка“ Марія-Антуанета, которую стали называть „госпожей Дефицитъ“, сдѣлалась особенно непопулярною въ публикѣ. Знаменитая исторія съ ожерельемъ (l'affaire du collier) доказываетъ, какъ дурно

смотрѣло на королеву французское общество [1]). Кардиналъ де-Роганъ, епископъ страсбургскій, попалъ въ немилость при дворѣ и изъ всѣхъ силъ пытался вернуть себѣ расположеніе королевы, особенно бывшей къ нему неблагосклонною. Одна авантюристка, называвшая себя графиней Ламоттъ, и извѣстный шарлатанъ Каліостро, снискавшій большой успѣхъ среди легковѣрной аристократіи своими познаніями въ тайныхъ наукахъ и вызовами духовъ, стали эксплуатировать Рогана. Узнавъ, что королева отказалась по неимѣнію денегъ отъ покупки страшно дорогого ожерелья, которое ей очень понравилось, графиня Ламоттъ убѣдила кардинала, что ему легко будетъ вернуть милость королевы покупкою для нея этого ожерелья; Каліостро помогъ ей въ этомъ дѣлѣ, причемъ было устроено тайное свиданіе Рогана съ какою-то женщиной, переодѣвшейся королевою. Ожерелье было пріобрѣтено въ долгъ за поручительствомъ Рогана, увезено въ Англію и тамъ продано, а кардиналъ, и не подозрѣвавшій тутъ никакого обмана, очень удивлялся, видя, что Марія-Антуанета не надѣваетъ ожерелья. Когда онъ не получилъ ожидавшейся имъ министерской должности, а ювелиръ, продавшій ожерелье, — должныхъ ему денегъ, обманъ вскрылся (1785). Епископъ страсбургскій былъ арестованъ во время торжественнаго богослуженія, преданъ суду вмѣстѣ съ обманщицей графиней, и начался скандальный процессъ. Роганъ былъ освобожденъ, графиню клеймили и приговорили къ тюремному заключенію на всю жизнь, но она бѣжала изъ тюрьмы и потомъ участвовала въ раздуваніи всей этой исторіи, бросившей тѣнь и на королеву. Публика готова была вѣрить всему дурному и сильно подозрѣвала Марію-Антуанету въ томъ, что она была тутъ не безъ грѣха. На дворъ посыпались памфлеты, которыми мстила за свое безчестіе и оскорбленная фамилія де-Рогановъ.

Одно событіе въ области внѣшней политики также весьма сильно подѣйствовало на французское общественное мнѣніе [2]). Возстаніе

[1]) *Compardon*. Marie-Antoinette et le procès du collier.

[2]) Касаемся здѣсь сѣверо-американскихъ событій лишь по отношенію къ тому вліянію, какое они оказали на Францію. См. общія сочиненія *Банкрофта* (Hist. of the american revolution и History of the United States), *Laboulaye* (Hist. des Etats-Unis, пер. по-русски), *Неймана* (Gesch. der Vereinigten Staaten von Amerika, перев. по-русски, какъ и соч. *Циммермана*), *П. Г. Мижуева* (Великій расколъ англо-саксонской расы) и др. Объ участіи Франціи въ американской войнѣ за независимость см. *Doniol*. Hist. de la participation de la France à l'établissement des Etats-Unis d'Amérique. — *T. Balch*. Les Français en Amérique.—*Bancroft*. Hist. de l'action commune de la France et de l'Amerique (перев. съ англійскаго). См. еще указанную книгу Ломени о Бомаршэ и статью *М. М. Ковалевскаго* „Англоманія и американофильство во Франціи XVIII вѣка" („Вѣстн. Европы" 1892) а также его „Происхожденіе современной демократіи".

англійскихъ сѣверо-американскихъ колоній противъ своей метрополіи (1774) и начавшаяся между ними война, объявленіе колоніями своей независимости отъ Англіи (1776) и образованіе изъ нихъ республики Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, появленіе во Франціи знаменитаго американскаго патріота Веньямина Франклина, искавшаго помощи своей родинѣ, участіе въ этой войнѣ нѣсколькихъ выдающихся французскихъ добровольцевъ и, наконецъ, посылка самимъ правительствомъ на помощь американцамъ войска подъ начальствомъ Рошамбо,—все это страшно взволновало французское общество. Оно весьма близко приняло къ сердцу дѣло политической свободы въ Америкѣ, видя въ возстаніи англійскихъ колонистовъ и въ образованіи новаго свободнаго государства примѣненіе тѣхъ политическихъ принциповъ свободы и равенства, которые проповѣдовались французской литературой. Успѣхъ новой республики, подтвержденный версальскимъ миромъ (1783), по которому европейскія государства признавали независимость Соединенныхъ Штатовъ, *окрылялъ надежду французовъ на то, что новыя идеи восторжествуютъ и на своей родинѣ.* Громадное большинство французскаго общества не знало, что колоніи давно пользовались и самоуправленіемъ, и правами личной неприкосновенности своихъ гражданъ, и религіозною свободою, и гражданскимъ равенствомъ, и не обращало вниманія на то, что на дѣвственной почвѣ Америки не было тѣхъ историческихъ силъ — королевской власти, католическаго клира и феодальной аристократіи, существованіе которыхъ во Франціи отражалось не на однихъ политическихъ и соціальныхъ порядкахъ, но и на всѣхъ привычкахъ и нравахъ націи. Общество видѣло только освобожденіе цѣлаго народа отъ угнетенія, которое имѣло, однако, совсѣмъ иной характеръ, чѣмъ то, на какое могли жаловаться французы,—и видѣло, что въ данномъ случаѣ играли роль новыя политическія идеи, какъ бы выросшія во Франціи и оттуда перенесенныя въ Америку. Поскольку принципы индивидуальной свободы, раздѣленія властей, народнаго верховенства осуществлялись въ учрежденіяхъ новой республики, они были въ сущности наслѣдіемъ долгаго развитія самой англійской жизни: англійскіе колонисты, гонимые на родинѣ въ эпоху деспотическихъ Стюартовъ, впервые принесли ихъ съ собою на новую почву и уже тогда осуществили ихъ въ своемъ быту. Идеи эти продолжали между тѣмъ развиваться и въ самой Англіи, именно въ ея политической литературѣ, которая, какъ извѣстно, сильно повліяла на литературу французскую. То, что послѣдняя развивала, защищала, доказывала въ области отвлеченнаго умозрѣнія, уже осуществлялось ранѣе этого въ жизни сѣверо-американскихъ колонистовъ. Между старыми американскими порядками и новыми французскими идеями было несомнѣнное родство;

вотъ почему французскіе политическіе принципы естественныхъ правъ личности, гражданскаго равенства, народнаго верховенства, раздѣленія властей были приняты американцами, для которыхъ они имѣли характеръ философской обосновки отношеній, и безъ того осуществлявшихся ихъ жизнью; вотъ почему и *французамъ не знавшимъ фактическихъ отношеній, могло показаться, что американцы у себя создали все это вновь на основаніи новыхъ политическихъ идей.* Сами американцы помогли образованію такого мнѣнія между прочимъ и своей знаменитой декларацією 1776 г. Когда въ 1774 г. американскіе патріоты, представители отдѣльныхъ провинціальныхъ собраній, съѣхались на общій конгрессъ въ Филадельфіи, они составили здѣсь декларацію правъ по образцу декларацій англійской, изданной послѣ второй революціи; ея назначеніемъ было подѣйствовать на общественное мнѣніе въ Англіи, и потому конгрессъ ссылался въ ней преимущественно на разные статуты и грамоты англійскаго государственнаго права, допустивъ, впрочемъ, ссылки и на право естественное. Это было еще передъ началомъ возстанія, но когда война съ Англіей началась, и колоніи рѣшились отложиться отъ метрополіи, то конгрессъ составилъ вторую декларацію и на этотъ разъ уже для всего цивилизованнаго міра: здѣсь уже не было такой надобности ссылаться на государственные законы Англіи, мало извѣстные въ другихъ странахъ, почему и были видвинуты впередъ уже аргументы новой политической философіи, т.-е. ссылки на естественныя права людей и народовъ, права ихъ на равенство, свободу, стремленіе къ счастью и самоуправленіе. Цѣлый народъ исповѣдовалъ эти принципы, и впечатлѣніе этого факта на французовъ было весьма сильное Страстное увлеченіе этой декларацией выразилось въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ эпохи напримѣръ, въ „Révolution de l'Amérique" (1781) аб. Рейналя, который, между прочимъ, писалъ: „зачѣмъ у меня нѣтъ генія и силы рѣчи знаменитыхъ ораторовъ Аѳинъ и Рима! Съ какимъ величіемъ духа я воспрославилъ бы благородныхъ мужей, которые своимъ терпѣніемъ, своею мудростью, своимъ мужествомъ соорудили это великое зданіе!" и пр. И далѣе: „героическая страна! мой преклонный возрастъ не позволяетъ мнѣ побывать въ тебѣ. Никогда не увижу я себя среди почтенныхъ мужей твоего ареопага, никогда мнѣ не доведется присутствовать при совѣщаніяхъ твоего конгресса! Я умру и не увижу жилища вѣротерпимости, нравственности, законности, добродѣтели и свободы! Свободная, святая земля не скроетъ моего праха, но я, по крайней мѣрѣ, желалъ бы этого, и моими послѣдними словами будутъ молитвы къ небу о твоемъ благоденствіи". Декларацію 1776 г. и американскіе порядки прославляли еще Мабли (Notre gloire ou nos rêves, Observations sur le gouvernement et les lois des Etats-Unis de l'Amé-

rique), Бриссо (Nouveau voyage dans les Etats-Unis de l'Amérique, 1788), Кондорсе и др.

Увлеченіе французовъ Америкой выразилось не на однихъ словахъ. Многіе сочли своимъ долгомъ оказать помощь Соединеннымъ Штатамъ въ то время, какъ нѣкоторые представители старыхъ порядковъ, нѣмецкіе князья, наоборотъ, помогали Англіи, отдавая ей за деньги своихъ солдатъ [1]). Однимъ изъ первыхъ французовъ на помощь молодой республикѣ пришелъ Бомаршэ въ качествѣ поставщика и политическаго агента французскаго двора, сначала тайно покровительствовавшаго инсургентамъ. Другимъ выдающимся защитникомъ американской свободы былъ маркизъ де-Лафайетъ, которому пришлось впослѣдствіи играть одну изъ наиболѣе видныхъ ролей въ исторіи революціи. Увлеченный декларацiей 1776 г., онъ рѣшился служить „сынамъ свободы“ своей шпагой. Ему было только 19 лѣтъ, когда онъ, лейтенантъ французской службы, на свой счетъ снарядилъ корабль „Побѣду“ и съ другими офицерами отправился въ Америку подъ менторствомъ нѣмецкаго барона Кальба, тоже офицера французской службы. Общественное мнѣніе было такъ настроено въ пользу американцевъ, что само правительство подчинилось общему увлеченію, тѣмъ болѣе, что имѣло давно въ виду извлечь выгоду для себя изъ ослабленія Англіи. Въ началѣ 1778 г. между Франціей и новой республикой былъ заключенъ союзъ. Пребываніе въ Парижѣ въ эпоху американской войны знаменитаго Франклина усиливало еще болѣе энтузіазмъ: старикъ въ черномъ квакерскомъ сюртукѣ, безъ галуновъ, лентъ и орденовъ, съ сѣдыми волосами безъ пудры и парика, простой въ обращеніи, привѣтливый, разумный въ рѣчахъ, представлялся, какъ истинный типъ „республиканца“ въ духѣ героевъ Плутарха и идеальный человѣкъ, какого создавалъ въ своемъ воображеніи Руссо. Вездѣ, гдѣ ни появлялся Франклинъ, ему устраивались оваціи; его портреты можно было видѣть повсюду. Д'Аламберъ въ академіи наукъ привѣтствовалъ его, какъ человѣка, „исторгнувшаго у неба молнію и скипетръ изъ рукъ тиранновъ“ [2]). Вольтеръ, пріѣхавшій въ Парижъ въ годъ своей смерти, пожелалъ видѣть Франклина, и когда тотъ явился къ нему съ своимъ внукомъ, благословилъ послѣдняго словами: „Богъ и свобода“. Въ 1779 г. Лафайетъ пріѣзжалъ во Францію изъ Америки, гдѣ проникся глубочайшимъ уваженіемъ къ Вашинг-

---

[1]) *Fr. Kapp.* Der Soldatenhandel deutscher Fürsten nach America. Ему же принадлежатъ біографія Ф. Штейбена (Steuben), генерала американской службы, явившагося туда изъ Европы при посредствѣ Бомаршэ, и біографія ген. Кальба, нѣмца на французской службѣ.

[2]) Eripuit coelo fulmen sceptrumque tyrannis. Франклинъ изобрѣлъ громоотводъ.

тону. Его приняли въ Версалѣ благосклонно, хотя по поводу его энтузіазма къ Америкѣ Морепа говорилъ, что молодой маркизъ, охотно разграбилъ бы Версаль, чтобы добыть средствъ на одежду для американскихъ солдатъ. Военнымъ министромъ во Франціи назначенъ былъ въ это время родственникъ Лафайета, маркизъ Сегюръ, который и добился посылки въ Америку вспомогательнаго войска. Когда война окончилась, французы, сражавшіеся за американскую независимость, возвратились, исполненные глубокаго уваженія ко всему, что видѣли въ странѣ новой свободы. Мы уже знаемъ, что сочувствіе къ американскимъ порядкамъ отразилось и на тогдашней политической литературѣ. Не только декларація 1776 г., но и пенсильванская конституція, особенно проникнутая демократическимъ духомъ, останавливали на себѣ вниманіе французскихъ публицистовъ, *получавшихъ въ нихъ поводъ поднять въ печати конституціонные вопросы.* Кромѣ Мабли, оказавшаго своими идеями вліяніе на составителей первой французской конституціи, но не дожившаго до революціи, въ обсужденіи этихъ вопросовъ участвовали будущіе дѣятели революціи: Бриссо и Кондорсе. Первый дважды ѣздилъ въ Америку и написалъ сочиненіе объ этой странѣ. Въ Америкѣ, между прочимъ, ему пришлось выслушать мнѣніе, что едва ли Франція подготовлена къ той свободѣ, какою пользуются Америка и (не въ такой степени) Англія Тѣмъ не менѣе онъ сильно надѣялся на то, что въ Европѣ послѣдуютъ образцамъ, даннымъ конституціями отдѣльныхъ американскихъ штатовъ. Кондорсе въ „Мысляхъ о деспотизмѣ", появившихся уже послѣ того, какъ рѣшено было созвать генеральные штаты, проводилъ ту идею, что знакомство съ американскими учрежденіями должно помочь возрожденію Франціи, и рекомендовалъ начать дѣло съ деклараціи правъ человѣка, на которыхъ покоятся права націи. Нельзя сказать, чтобы эти писатели обнаружили полное пониманіе складывавшихся въ Америкѣ политическихъ порядковъ (какъ и Монтескье не вполнѣ понималъ истинный характеръ англійской конституціи), но дѣло въ томъ, что американскія событія послужили толчкомъ къ новому возбужденію во Франціи политической мысли и притомъ какъ разъ предъ самымъ созваніемъ генеральныхъ штатовъ. Благодаря связямъ, образовавшимся между американскими политическими дѣятелями и нѣкоторыми французами (напримѣръ, между Вашингтономъ и Лафайетомъ), въ Америкѣ съ большимъ интересомъ слѣдили за всѣмъ, что происходило во Франціи. Нѣкоторые изъ американцевъ высказывали свои желанія относительно Франціи и давали совѣты французамъ. Въ числѣ ихъ былъ и американскій посланникъ въ Парижѣ Джефферсонъ, одинъ изъ авторовъ деклараціи 1776 г. Онъ самъ въ одномъ письмѣ весьма ясно указалъ на то, что „американ-

ская война пробудила мыслящую часть французскаго общества отъ сна деспотизма, въ который оно такъ долго и такъ глубоко было повергнуто". Домъ Джефферсона сдѣлался даже сборнымъ пунктомъ для поклонниковъ Америки. Благодаря всему этому, „американофильство" сдѣлалось однимъ изъ источниковъ, изъ которыхъ вытекло политическое движеніе 1789 г.

Въ числѣ лицъ, стремившихся сражаться въ Америкѣ, былъ и самый крупный дѣятель первыхъ двухъ лѣтъ революціи, Мирабо, съ которымъ, какъ съ однимъ изъ самыхъ выдающихся представителей либеральной Франціи еще до революціи, мы теперь и познакомимся [1]). Біографію великаго трибуна 1789 г. нельзя, впрочемъ, отдѣлять отъ біографіи его отца, который и самъ по себѣ былъ человѣкъ замѣчательный.

Фамилія Мирабо произошла отъ названія зàмка, пріобрѣтеннаго однимъ изъ ихъ предковъ Жаномъ Рикетомъ, купеческимъ сыномъ и первымъ консуломъ города Марсели въ серединѣ XVI в. Сто лѣтъ спустя, при Людовикѣ XIV, Мирабо получили титулъ маркизовъ. Позднѣе они старались доказать бóльшую древность своего дворянства и стали вести свой родъ отъ флорентійскихъ выходцевъ Рикетти. Маркизъ Викторъ Мирабо, отецъ трибуна, былъ человѣкъ странный, но неюжинный: въ немъ уживались важный баринъ, проникнутый феодальными традиціями и гордившійся цѣлымъ рядомъ предковъ на разстояніи будто бы пяти вѣковъ,—предковъ, которые лишь одинъ разъ „унизили" свой родъ брачнымъ союзомъ съ Медичи,—и человѣкъ XVIII в., мечтавшій о счастьѣ всего человѣческаго рода, искавшій сближенія съ философами, самъ писавшій въ

---

[1]) О Мирабо, кромѣ его мемуаровъ, сочиненій и рѣчей (см. издáнія *Бакура*, *Дюмона* и др.) и устарѣлыхъ біографій *Пипитца*, *Левитца*, *Верморэля* и т. д., существуетъ цѣлая новѣйшая литература. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ о фамиліи Мирабо предпринялъ обширное изслѣдованіе *Louis de Loménie*, авторъ монографіи о Бомаршэ, но не окончилъ, успѣвъ въ двухъ томахъ только довести до конца біографію Мирабо-отца (см. въ „Этюдахъ" *В. Ө. Корша* статью о послѣднемъ на основаніи книги *Ломени*); продолжалъ эту работу и завершилъ капитальный трудъ (еще три тома) о фамиліи Мирабо, давъ біографію Мирабо-сына, *Ломени-сынъ* (*Charles de Loménie*). Полное заглавіе пяти томовъ Л. и Ш. Ломени: „Les Mirabeau. Nouvelles études sur la société française au XVIII siècle". Одновременно съ нею появилась двухтомная нѣмецкая біографія Мирабо, написанная *Альфредомъ Штерномъ* (см. нашу рецензію въ „Русской Мысли" за 1891 г.). По книги Ломени составлены біографіи Мирабо меньшихъ размѣровъ *Мезьера* (въ русскомъ переводѣ *М. Г. Васильевскаго*), *Edm. Rousse* (въ коллекціи Les grands écrivains français), *Arnoult*, *Г. Е. Аванасьева* (публ. лекція). Наконецъ, о Мирабо существуетъ масса статей, изъ которыхъ отмѣтимъ *Decrue*. Etudes sur les idées politiques de Mirabeau (въ Revue historique за 1883).

новомъ духѣ. На него было даже перенесено названіе одного изъ его сочиненій „Ami des hommes“; и онъ прославился именно. какъ „другъ людей“. Въ 1747 г., тридцати-двухъ лѣтъ отъ роду, онъ пустилъ въ обращеніе въ рукописи свое „Политическое завѣщаніе“, трактатъ о правахъ и обязанностяхъ сеньеровъ, направленный противъ интендантовъ. Черезъ три года онъ выпустилъ въ свѣтъ безъ имени автора мемуаръ о провинціальныхъ штатахъ, гдѣ рекомендовалъ свою систему мѣстнаго самоуправленія съ двойнымъ представительствомъ третьяго сословія и поголовною (а не посословною) подачею голосовъ. Прошло еще нѣсколько лѣтъ, и появляется крайне безпорядочно написанный „Другъ людей“, гдѣ феодальный сеньеръ проповѣдуетъ демократическое братство и бичуетъ праздныхъ рантьеровъ, главныхъ враговъ общества, нападаетъ на крупныя состоянія, „которыя въ государствѣ то же самое, что щуки въ пруду“, на „идіотовъ и висѣльниковъ, утверждающихъ, будто народъ долженъ бѣдствовать“ и пр. Одинъ историкъ хорошо опредѣлилъ общій характеръ „Друга людей“: это было „вторженіе демократическихъ идей въ феодальную голову“. Изданіе имѣло успѣхъ и доставило маркизу европейскую извѣстность. Имъ заинтересовался Кенэ, и они сблизились, и уже подъ обратнымъ вліяніемъ со стороны послѣдователя его же собственныхъ мыслей маркизъ сдѣлался физіократомъ. Въ духѣ идей новой школы онъ написалъ „Теорію налога“, за которую поплатился арестомъ въ венсенскомъ замкѣ и высылкой изъ столицы (1760). Опальный дворянинъ сталъ тогда фрондировать противъ двора, гордый своимъ подвигомъ „друга людей“ и чувствомъ феодальной независимости.

Въ это время у него уже былъ сынъ Габріэль-Оноре, родившійся въ 1749 г. Трехъ лѣтъ мальчикъ былъ изуродованъ оспой, по поводу чего отецъ писалъ своему брату, что его племянникъ безобразенъ, какъ чортъ. Отецъ, по натурѣ своей человѣкъ взбалмошный, то восторгался способностями сына, то находилъ, что у „этого индивидуума“ нѣтъ ни малѣйшаго признака знаменитой „расы“ Мирабо. „Другъ людей“ въ семейной жизни былъ самодуръ, сынъ оказался непокорнымъ. Мирабо-отецъ очень заботился объ образованіи будущаго представителя своего рода и особенно хлопоталъ о томъ, чтобы подростокъ изучилъ физіократическую систему Кенэ. Когда настало время отдать первенца въ военную службу, Мирабо-отецъ выбралъ ему полкъ маркиза Ламбера, молодого аристократа, немного прикосновеннаго къ философіи и политической экономіи. Юному Мирабо съ его необузданнымъ нравомъ пришлось плохо отъ военной дисциплины, и скоро, проигравшись въ карты и соблазнивъ одну дѣвушку, онъ бѣжалъ изъ полка. Дезертира посадили въ цитадель острова Рэ, но

комендантъ пожелалъ отдѣлаться отъ безпокойнаго узника, и его перевели въ другой полкъ, который былъ посланъ усмирять возстаніе въ Корсикѣ. Здѣсь юноша отличился храбростью, но пробылъ недолго; вернувшись во Францію, онъ временно поселился у одного своего дяди, отзывавшагося тогда о немъ такъ: „если онъ не сдѣлается хуже Нерона, то будетъ лучше Марка Аврелія". Онъ пророчилъ даже, что изъ него выйдетъ „или самый великій зубоскалъ (persifleur) въ мірѣ, или самый крупный человѣкъ (le plus grand sujet) въ Европѣ, чтобы сдѣлаться папой, министромъ, полководцѣмъ, канцлеромъ и, можетъ быть, сельскимъ хозяиномъ" (agriculteur). Дядя былъ отъ племянника вообще въ великомъ восторгѣ и сумѣлъ примирить съ нимъ отца. „Другъ людей", бывшій тогда въ ссорѣ съ женою, немедленно вмѣшалъ сына въ семейныя дрязги, но вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ пріучать къ сельскому хозяйству и физіократическому управленію „вассалами" (т.-е. крестьянами) въ своихъ имѣніяхъ. 23 лѣтъ молодой графъ (титулъ сына) женился на дочери маркиза де-Мариньянъ, богатой наслѣдницѣ, добившись этого брака не совсѣмъ-таки чистыми средствами. Подобно отцу, онъ началъ теперь разыгрывать роль важнаго барина и сталъ сорить деньгами, задолжалъ въ пятнадцать мѣсяцевъ 200 тысячъ ливровъ ростовщикамъ и поставщикамъ, но былъ выручёнъ изъ бѣды отцомъ, прибѣгшимъ къ очень простому средству. Вмѣсто того, чтобы расплатиться съ кредиторами, на что у него и денегъ не хватило бы, маркизъ выхлопоталъ повелѣніе, благодаря которому молодой графъ попадалъ, какъ тогда говорили, „подъ королевскую руку" (sous la main du roi), т.-е. освобождался отъ преслѣдованія кредиторовъ, будучи интернированъ въ замкѣ Маноскъ. Отсюда онъ иногда отлучался, и однажды, покинувъ мѣсто ссылки по поводу измѣны своей жены, онъ заѣхалъ къ своей сестрѣ, у которой жестоко исколотилъ одного ея гостя, обвинявшаго потомъ молодого графа въ покушеніи на убійство. Отецъ снова спасъ сына отъ судебнаго преслѣдованія, выхлопотавъ lettre de cachet, въ силу чего молодой Мирабо былъ заключенъ въ замкѣ Ифъ (1774), откуда его перевели въ фортъ Жу. Комендантъ этого форта позволялъ ему отлучаться въ сосѣдній Понтарлье, гдѣ онъ скоро сдѣлался душою общества и сошелся съ Софьей Монье, молодой женой стараго мужа. Нарушивъ честное слово, данное коменданту, Мирабо бѣжалъ изъ форта, а съ нимъ и Софья Монье, прихватившии денегъ изъ шкатулки обманутаго мужа. Они скрылись въ Амстердамѣ, гдѣ имъ пришлось страшно бѣдствовать. Нуждаясь въ средствахъ къ существованію, бѣглецъ познакомился съ нѣсколькими издателями и книгопродавцами и сталъ на нихъ работать, скрывая свое авторство подъ чужими именами. Такъ началась литера-

турная дѣятельность Мирабо, прославившая его еще до начала революціи. Бѣглецовъ, однако, выслѣдили и арестовали, и они были выданы французскому правительству. Мирабо засадили въ венсенскій замокъ, гдѣ онъ провелъ около четырехъ лѣтъ, съ мая 1777 по 1780 г.; Софью Монье тоже подвергли заточенію.

Мирабо пошелъ тридцать второй годъ, когда его выпустили изъ заключенія. Находясь на свободѣ, онъ сталъ вести прежнюю бурную жизнь. Въ это время онъ началъ бракоразводный процессъ съ женою, въ которомъ впервые проявилъ замѣчательныя способности оратора,—уѣзжалъ съ нѣкоей m-me de Nehra въ Англію, гдѣ присмотрѣлся къ политической свободѣ, и былъ одно время агентомъ министра Калонна по части писанія брошюръ о финансахъ. Рассорившись съ нимъ и написавъ ему грубое, но мѣткое письмо, Мирабо очутился въ Берлинѣ, гдѣ, между прочимъ, видѣлся съ Фидрихомъ II. Узнавъ о созывѣ нотаблей Калонномъ, онъ поспѣшилъ во Францію съ предложеніемъ своихъ услугъ правительству, которое ихъ, однако, отвергло.

Въ то время Мирабо былъ уже человѣкомъ весьма извѣстнымъ и по тѣмъ „исторіямъ", которыя создали ему крайне нелестную репутацію, и по тѣмъ брошюрамъ, памфлетамъ и книгамъ, которыхъ онъ немало успѣлъ написать по разнымъ вопросамъ, интересовавшимъ тогда общество. Еще находясь въ Маноскѣ, онъ написалъ свой „Опытъ о деспотизмѣ", гдѣ страстно напалъ на современный ему политическій бытъ Франціи. Въ Голландіи онъ продалъ эту рукопись одному книгопродавцу, напечатавшему ее и извлекшему изъ нея хорошіе барыши, и Мирабо сразу сталъ получать заказы на предисловія, памфлеты, брошюры, статьи и т. п. Когда онъ узналъ, что ландграфъ гессенскій продалъ Англіи солдатъ для войны въ Америкѣ, онъ написалъ не менѣе страстный памфлетъ („Avis aux Hessois"); „вы проданы и для какой цѣли, боги справедливости!.. Чтобы напасть на народъ, подающій столь благородный примѣръ. Да, зачѣмъ вы сами ему не подражаете? Люди существовали раньше князей... Не забывайте, что всѣ не были созданы для одного, что тому, кто приказываетъ совершить преступленіе, не слѣдуетъ повиноваться, и что ваша совѣсть должна быть главнымъ вашимъ начальствомъ". Проводя въ своихъ сочиненіяхъ извѣстные принципы, Мирабо не отказывался и отъ личной полемики, задѣвая въ ней, между прочимъ, и „друга людей, который не былъ другомъ ни своей жены, ни своихъ дѣтей". Въ венсенскомъ замкѣ Мирабо продолжалъ свои литературныя занятія (между прочимъ, написалъ знаменитыя „Письма къ Софьѣ", имѣющія большой интересъ для опредѣленія общаго міросозерцанія Мирабо). Здѣсь именно были составлены „Исторія Фи-

липпа II", „Опытъ о вѣротерпимости", мемуаръ о lettres de cachet, служившій продолженіемъ „Опыта о деспотизмѣ", и др. По выходѣ изъ венсенскаго замка Мирабо продолжалъ издавать брошюры по разнымъ вопросамъ текущей политики, какъ внѣшней, такъ и внутренней, смѣло давая совѣты государямъ и республикамъ, министрамъ и народамъ въ дѣлахъ управленія и финансовъ, войны и торговли, промышленности и сельскаго хозяйства. Подчасъ ему приходилось при этомъ лишь исполнять заказы и порученія отъ сильныхъ міра, обратившихъ вниманіе на его публицистическій талантъ, и онъ иногда выдавалъ ихъ тайны, какъ это было, напримѣръ, когда онъ издалъ свои секретныя донесенія изъ Пруссіи. Въ сотрудничествѣ съ онѣмеченнымъ французомъ Мовильономъ Мирабо написалъ большую книгу „О прусской монархіи", изданную въ нѣсколькихъ томахъ въ 1788 г. Это—цѣлая апологія единодержавія въ рукахъ великаго монарха, хотя, говоря о смерти Фридриха II, авторъ и замѣчаетъ, что его царствованіе утомило всѣхъ до ненависти (on en était fatigué jusqu'à la haine). Прославляя Пруссію, какъ образцовое государство, Мирабо высказываетъ, однако, и весьма рѣзкія о ней мнѣнія. Однимъ изъ величайшихъ золъ, удручающихъ человѣчество, онъ объявляетъ убійственную болѣзнь de vouloir trop gouverner,—болѣзнь, происходящую изъ забвенія, что частныя лица лучше всего могутъ дѣлать собственныя дѣла. Мирабо для доказательства этой мысли и предпринялъ изслѣдованіе о „монархіи, которая болѣе, чѣмъ какая-либо другая, была подчинена абсолютнѣйшему (très absolu) правленію, только тѣмъ и занимавшемуся, что за всѣмъ наблюдало, все регламентировало, предписывало, приказывало". Съ этой точки зрѣнія онъ строго осуждаетъ всю дѣятельность и Іосифа II. Но вотъ что онъ говоритъ о самой Пруссіи, подводя итоги дѣятельности великаго короля. Онъ называетъ зыбкою (la base chancelante) ту основу, на которой Фридрихъ II основалъ свое могущество, но которую можетъ снести одна буря. „Прусская монархія устроена такимъ образомъ, что не выдержитъ ни одного бѣдствія. При всемъ искусствѣ покойнаго короля, эта сложная машина не можетъ быть долговѣчной. Напрасно Фридрихъ II лѣчилъ свое государство палліативами: ему нужно лѣченіе радикальное". Однимъ словомъ, Мирабо строго осудилъ ту систему, представителями которой были и Фридрихъ II, и Іосифъ II, какъ ни прославлялъ онъ одного изъ нихъ и ни унижалъ въ его пользу другого. Онъ считалъ тѣмъ не менѣе Пруссію за страну наиболѣе подготовленную къ тому, чтобы осуществить его собственный общественный идеалъ. О необходимости реформъ онъ докладывалъ преемнику Фридриха II [1]). Трудъ о прусской монархіи сразу высоко поднялъ

[1]) Lettre rémise à Fr. Guil. roi régnant de Prusse le jour de son avéne-

репутацію Мирабо, какъ политическаго писателя, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ для него было очень важно. Объявленіе о созваніи генеральныхъ штатовъ также заставило будущаго трибуна взяться за перо и изложить свои взгляды на потребности минуты. 1789 г. открывалъ передъ нимъ блестящую карьеру, и ему не разъ приходилось впослѣдствіи выражать сожалѣніе о дурно проведенной молодости и о незавидной славѣ, которую онъ себѣ создалъ.

Царствованіе Людовика XVI кончилось банкротствомъ стараго порядка. Монархія Бурбоновъ въ лицѣ этого короля отрекалась отъ традицій, твердо въ ней державшихся около двухъ вѣковъ. Созывались генеральные штаты, но передъ правительствомъ было теперь еще два пути—или представить на утвержденіе государственныхъ чиновъ готовый планъ необходимыхъ реформъ, возвратить себѣ этимъ довѣріе страны и, опираясь на общественное сочувствіе, провести въ жизнь новыя начала, или же, напротивъ, явиться передъ представителями сословій съ пустыми руками, прямо признаться въ своемъ незнаніи, что же нужно дальше дѣлать, и тѣмъ самымъ передать дѣло реформы въ руки генеральныхъ штатовъ. Мирабо находилъ, что нужно было итти по первому пути, и заявлялъ, что у него есть „опредѣленный и прочный планъ“, который представителямъ націи останется только санкціонировать, но Неккеръ, котораго Мирабо считалъ только „шарлатаномъ“, какъ разъ не имѣлъ никакой выработанной программы,—и правительство пошло по другому пути. *Старая власть созывала представителей націи, не имѣя никакого представленія о томъ, что же изъ этого выйдетъ*, и потому оказалась безсильною принять на себя руководящую роль въ движеніи, которое, наоборотъ, формулировало свои принципы и въ прессѣ, и въ публичныхъ рѣчахъ, и въ тѣхъ наказахъ, которыми избиратели снабжали своихъ выборныхъ.

---

ment au trône par le comte de Mirabeau. Мирабо написалъ еще „Секрет исторію прусскаго двора“.

XXXIII. Созывъ генеральныхъ штатовъ и наказы 1789 года [1]).

Революціонное настроеніе Франціи передъ 1789 г.—Намѣренія правительства относительно генеральныхъ штатовъ.—Его поведеніе во время выборовъ.—Агитація въ прессѣ.—Брошюра Сіэса.—Выборы и роль Мирабо.—Наказы 1789 г. и ихъ значеніе.—Общій взглядъ на задачу генеральныхъ штатовъ.—Вопросъ о конституціи.—Сословныя привилегіи въ наказахъ.—Крестьянскій вопросъ.—Заявленія объ индивидуальной и общественной свободѣ.—Требованіе разныхъ реформъ.—Гуманныя пожеланія наказовъ.—Церковные вопросы.

Потребность во внутреннихъ реформахъ болѣе или менѣе чувствовалась во всѣхъ европейскихъ государствахъ XVIII вѣка, но особенно сильно чувствовалась она во Франціи. Здѣсь указывали на ея необходимость министры, далеко не бывшіе новаторами по принципу; здѣсь литература и значительная часть образованнаго общества прямо были проникнуты духомъ преобразованій; здѣсь тяжелѣе, чѣмъ гдѣ-либо, приходилось отъ старыхъ порядковъ народной массѣ, загнанной и разоренной, но все болѣе и болѣе дѣлавшейся безпокойною и выражавшей свое недовольство (хотя бы, напримѣръ, въ столь частыхъ въ XVIII в. хлѣбныхъ бунтахъ, не говоря уже о развитіи нищенства, бродяжничества, разбойничества). Долговременный законо-

---

[1]) О выборахъ въ генеральные штаты и о наказахъ 1789 г. существуетъ масса сочиненій (и документальныхъ изданій, изъ которыхъ главныя—*Laurent et Mavidal.* Archives parlementaires.—*Armand Brette.* Recueil de documents relatifs à la convocation des états généraux de 1789). См. *A. Richard.* La bibliographie des cahiers de dolčances de 1789, а также мою книгу о французскихъ крестьянахъ въ XVIII в., стр. 375 и слѣд. и статью о новѣйшихъ трудахъ по исторіи французской революціи (Истор. Обозрѣніе, т. I, стр. 54—55) и примѣч. проф. В. П. Бузескула на стр. 188—189 четвертаго тома „Лекцій по всемірной исторіи“ Петрова. Особенно много издано работъ по cahiers отдѣльныхъ провинцій. Общія сочиненія (кромѣ трудовъ Токвиля, Шереста; Тэнъ не пользовался этимъ матеріаломъ): *Chassin.* Le génie de la révolution и Les cahiers des curés.—*Poncin.* Les cahiers de 1789.—*В. И. Герье.* Понятіе о власти и народѣ въ наказахъ 1789 г. (и сокращенное изложеніе этой работы въ статьѣ „Истор. Вѣстн.“ за 1884 г.; въ настоящее время вошли въ составъ книги „Идея народовластія и французская революція 1789 г.“ (глава VI).—*Edme Champion.* La France d'aprés les cahirers de 1789.—*A. Onou.* La comparution des paroisses en 1789.—*Его же.* Наказы третьяго сословія во Франціи въ 1789 году (печатается съ 1898 г. въ Журн. Мин. Нар. Просв. и должно выйти отдѣльной книгой).—*В. Хорошунъ.* Дворянскіе наказы во Франціи въ 1789 г., томъ I (второго тома не будетъ за смертью автора). Въ историческомъ памфлетѣ *Любимова* „Крушеніе монархіи во Франціи“ есть нѣсколько страницъ объ отношеніи наказовъ къ народному образованію.—О крестьянскихъ cahiers см. въ указанной моей книгѣ; о дворянскихъ—рефератъ *Б. В. Каттерфельда* въ IV т. „Истор. Обозр.“ (отд. II, стр. 14—22). Объ аб. Сіэсѣ соч. *Mignet*, *Beauverger*, *Bigeon* и др.

дательный застой въ то самое время, когда общественная жизнь шла впередъ, а старыя учрежденія, наоборотъ, приходили въ разстройство, былъ причиной того, что будущая реформа должна была сразу сдѣлаться болѣе глубокой, всесторонней и полной, чѣмъ если бы она производилась своевременно, исподволь, по частямъ. Консервативная оппозиція противъ преобразовательныхъ плановъ и постоянная реакція противъ уже произведенныхъ реформъ, а также полное вырожденіе и внутреннее безсиліе правящей власти дѣлами невозможною энергическую дѣятельность правительства въ смыслѣ проведенія самыхъ настоятельныхъ преобразованій старыми средствами, и осталось одно—обратиться къ самой націи, обратиться притомъ не за поддержкою для какой-либо программы, которая могла бы существовать у правительства,—ея не было,—а за совѣтомъ, что дѣлать. Между тѣмъ господствующимъ настроеніемъ націи было недовѣріе къ власти, ненависть къ старому порядку, стремленіе къ перемѣнамъ. Политическая философія эпохи сообщала этому настроенію, порождавшемуся непосредственно самою жизнью общества при данныхъ условіяхъ, весьма опредѣленный характеръ, вносила въ него элементъ сознательности, указывала на ту цѣль, къ которой слѣдовало стремиться, предлагала средства, которыми можно было бы устранить всякаго рода злоупотребленія. У націи спрашивали совѣта, но, давно отученная отъ завѣдованія собственными дѣлами, нація была лишена опытности, необходимой въ государственныхъ дѣлахъ. Она могла только указать на свои нужды, которыя, впрочемъ, правительству стараго порядка были плохо извѣстны, да предъявить свои желанія, которыхъ правительство раньше не хотѣло знать, съ которыми вступало раньше даже въ борьбу. *Желанія большинства французовъ въ 1789 г. можно резюмировать въ двухъ-трехъ словахъ: полное уничтоженіе старыхъ государственныхъ и общественныхъ порядковъ.* Но общество желало не разрушать только, оно желало и созидать. По какому плану должна была вестись перестройка государства и общества, на это отвѣчали наиболѣе популярныя въ то время общественныя идеи и политическія теоріи, при чемъ нѣкоторыя же изъ этихъ теорій имѣли прямо революціонный характеръ не въ томъ лишь смыслѣ, что подкапывались подъ старыя учрежденія, порядки и отношенія, но, какъ это можно особенно сказать о политической философіи Руссо, были теоріями не нормальнаго теченія государственной жизни, а теоріями революціи. Собственнаго опыта у французовъ не было, чужой опытъ замѣнить его не могъ уже по одному тому, что французы плохо понимали реальныя условія античнаго міра, увлекавшаго ихъ воображеніе риторически разукрашенными гражданскими доблестями „героевъ“, плохо понимали и настоящія основы политической жизни со-

временныхъ свободныхъ государствъ, Англіи и Соединенныхъ Штатовъ. Безсильное правительство отдавало власть въ руки неопытной націи. Реформа, къ которой стремилась послѣдняя, должна была совершиться, но она не могла пройти совершенно гладко, безъ крупныхъ ошибокъ, безъ увлеченій, а также не могла не встрѣтить консервативной оппозиціи и попытокъ реакціи, въ свою очередь, только разжигавшихъ страсти и выдвигавшихъ на самое видное мѣсто наиболѣе крайніе и наименѣе разсудительные элементы общества. Примѣръ страстности въ политической борьбѣ подали сами привилегированные; за ними пошелъ средній классъ, а затѣмъ движеніе проникло и въ народную массу. Въ этой массѣ накопилось множество причинъ къ неудовольствію: ненавистныя феодальныя права, тяжесть государственныхъ налоговъ, дурныя условія, въ какія народъ былъ поставленъ по отношенію къ землѣ, хроническая нищета, голодовки, безработица, — все это было постоянно дѣйствующей причиной возникновенія безпорядковъ, смутъ, сопротивленій власти. Борьба съ правительствомъ, которую вели привилегированные, стремившіеся въ своемъ ослѣпленіи поднять въ свою защиту и народъ, впервые всколыхнула эту массу. „Мучная война“ и народные бунты во время послѣдней борьбы съ парламентами были прямыми предвѣстниками народныхъ возстаній революціонной эпохи. Благодаря дѣятельности лицъ, взявшихъ на себя просвѣщеніе націи на счетъ его правъ передъ выборами въ генеральные штаты, *новыя политическія идеи проникли въ народную среду* и дали своего рода санкцію недовольству массъ. Народное море всколыхнулось и долго не могло успокоиться: главныя причины его недовольства, т.-е. плохое экономическое состояніе, дороговизна хлѣба, безработица сразу исчезнуть не могли, а кромѣ того, и новые правители Франціи по неопытности, по недостаточному пониманію народныхъ нуждъ, по оторванности отъ народной среды надѣлали немало ошибокъ, поддерживавшихъ народное недовольство и впослѣдствіи. Какъ бы тамъ ни было, въ новомъ движеніи приняла участіе народная масса и сообщила ему ту силу, съ которою уже было трудно бороться реакціоннымъ стремленіямъ. Однимъ словомъ, въ 1789 г. вся французская нація съ верха до низа была настроена революціонно,—и привилегированные, и средній классъ, и народная масса,—и памятникомъ этого настроенія явились наказы, которыми отдѣльныя сословія снабдили своихъ депутатовъ въ генеральные штаты.

Первоначальнымъ срокомъ созыва государственныхъ чиновъ былъ назначенъ, какъ было уже сказано, 1792 годъ, но затѣмъ рѣшено было приблизить этотъ срокъ, такъ какъ ждать оказывалось невозможнымъ, и Неккеръ, вторично сдѣлавшись министромъ, съ своей

стороны, указывалъ на необходимость скорѣйшаго созыва штатовъ. Извѣстіе о такомъ рѣшеніи было принято съ великою радостью: Мирабо писалъ, что въ однѣ сутки нація сдѣлала впередъ шагъ, равный цѣлому столѣтію. Неккеръ, съ возвращеніемъ котораго совпало ускореніе срока, сдѣлался однимъ изъ наиболѣе популярныхъ людей во Франціи, но Мирабо смотрѣлъ на него иными глазами. Въ письмѣ къ Мовильону онъ отзывался объ этомъ министрѣ, какъ о человѣкѣ, у котораго нѣтъ „ни такого таланта, какой былъ нуженъ при данныхъ обстоятельствахъ, ни гражданскаго мужества (ame civique), ни истинно либеральныхъ принциповъ". Стремясь попасть въ генеральные штаты и предлагая свои услуги правительству, Мирабо въ письмѣ къ тогдашнему министру иностранныхъ дѣлъ Монморену (въ сентябрѣ 1788 г.) спрашивалъ его, готовится ли министерство къ тому, чтобы дѣйствовать на генеральные штаты, заботится ли оно о средствахъ при помощи которыхъ оно могло бы не бояться ихъ контроля и могло бы, наоборотъ, расчитывать на ихъ содѣйствіе, есть ли, наконецъ, у него „твердый и прочный планъ, который представителямъ націи оставалось бы только санкціонировать". „Да, графъ,—продолжалъ Мирабо, — такой планъ, у меня онъ есть. Онъ заключается въ конституціи, которая могла бы насъ спасти отъ заговоровъ аристократіи, отъ крайностей (excès) демократіи и отъ глубокой анархіи, въ которую вмѣстѣ съ нами попала власть, желавшая быть абсолютною". Монморенъ не обратилъ вниманія на предложеніе Мирабо помочь правительству своимъ планомъ. Но не одинъ Мирабо думалъ такъ. Около того же времени Малуэ, тоже одинъ изъ дѣятелей начинавшейся революціи, говорилъ самому Неккеру: „не нужно ожидать, чтобы генеральные штаты стали у васъ требовать или вамъ приказывать; нужно поспѣшить съ предложеніемъ имъ всего, что только можетъ быть предметомъ желаній благомыслящихъ людей (bons esprits) въ разумныхъ границахъ какъ власти, такъ и національныхъ правъ". Но *у правительства именно и не было никакой опредѣленной программы*, и оно продолжало колебаться изъ стороны въ сторону, какъ человѣкъ, не знающій на что рѣшиться. Планъ Мирабо заключался въ союзѣ королевской власти съ народомъ противъ привилегированныхъ, но при дворѣ думали объ этомъ менѣе всего, въ то же время считая нужнымъ уступать общественному мнѣнію. Въ дѣлѣ реформы все зависѣло отъ состава штатовъ и способа подачи голосовъ, но въ этомъ важномъ вопросѣ правительство съ Неккеромъ во главѣ оказалось непослѣдовательнымъ и нерѣшительнымъ. Неккеръ добился, чтобы въ будущихъ штатахъ у третьяго сословія было столько же представителей, сколько у привилегированныхъ вмѣстѣ взятыхъ. Онъ созвалъ вторично нотаблей для утвержденія этого распоряженія и,

когда они отвергли такое „удвоеніе третьяго сословія“, провелъ свою мѣру черезъ королевскій совѣтъ. Мѣра, однако, могла имѣть дѣйствительный смыслъ лишь подъ условіемъ поголовной подачи голосовъ, а не рѣшенія дѣлъ въ каждомъ сословіи отдѣльно, такъ какъ при послѣднемъ способѣ голосованія у привилегированныхъ было бы два голоса противъ одного голоса всѣхъ представителей остальныхъ классовъ, хотя бы число ихъ было утроено и даже удесятерено, но Неккеръ не сдѣлалъ логическаго вывода изъ своего принципа. За поголовную подачу голосовъ высказывалось все, что желало дѣйствительнаго обновленія Франціи, за посословное голосованіе — привилегированные и вмѣстѣ съ ними парламенты, вдругъ утратившіе поэтому свою популярность, какъ сторонники привилегій и архаической формы генеральныхъ штатовъ. Правительству нужно было рѣшительно высказаться по этому вопросу, но оно колебалось, даже колебалось тогда, когда генеральные штаты были уже въ сборѣ, и вопросъ былъ рѣшенъ помимо правительства. Такъ было и во всемъ остальномъ, т.-е. Неккеръ не проявилъ ни малѣйшей иниціативы. Его намѣренія были самыя похвальныя, но въ его поведеніи, дѣйствительно, не обнаруживалосъ такого таланта, какого требовала серьезность минуты, и вмѣсто того, чтобы направлять движеніе, Неккеръ предоставилъ его на произволъ всѣхъ случайностей. У популярнаго министра было много доброй воли: избирательныя права были весьма широко распространены на все населеніе, и во время выборовъ не было ни оффиціальныхъ кандидатуръ, ни административнаго давленія на избирателей, — но у Неккера не было и никакой иниціативы.

Правительство не только рѣшило дать третьему сословію двойное представительство, такъ какъ „его дѣло связано съ благородными стремленіями и будетъ имѣть за себя общественное мнѣніе“, — но и постановило, чтобы сельскіе священники приняли самое широкое участіе въ избирательныхъ собраніяхъ духовенства, потому что „эти хорошіе и полезные пастыри лучше всего знаютъ народныя нужды, находясь въ самыхъ тѣсныхъ и постоянныхъ соприкосновеніяхъ съ народомъ“. Королевскій регламентъ 24 января 1789 г., созывая на 27 апрѣля генеральные штаты, указывалъ цѣль будущаго собранія въ „установленіи постояннаго и неизмѣннаго порядка во всѣхъ частяхъ управленія, касающихся счастья подданныхъ и благосостоянія королевства, въ наискорѣйшемъ по возможности уврачеваніи болѣзней государства и уничтоженіи всякихъ злоупотребленій“; при этомъ король выражалъ желаніе, чтобы „и на крайнихъ предѣлахъ его королевства и въ наименѣе извѣстныхъ селеніяхъ за каждымъ была обезпечена возможность довести до его свѣдѣнія свои желанія и свои жалобы“. Поэтому избирательное право дано было всѣмъ французамъ,

достигшимъ двадцати-пятилѣтняго возраста, имѣвшимъ постоянное мѣсто жительства и занесеннымъ въ списки налоговъ хотя послѣднее ограниченіе исключало изъ избирательнаго права значительное количество бѣдныхъ гражданъ. Выборы были не прямые, а двухстепенные (и даже иногда трехстепенные), т.-е. выбирались депутаты не самимъ населеніемъ, а выбранными имъ уполномоченными, и тѣ желанія, которыя высказывались въ наказахъ отъ самихъ избирателей, потомъ сводились въ наказы уже отъ цѣлыхъ большихъ округовъ. Только привилегированные непосредственно посылали депутатовъ въ генеральные штаты. Въ составленіи крестьянскихъ наказовъ играли большую роль демократически настроенные сельскіе священники, адвокаты и законовѣды, популяризировавшіе среди деревенскаго населенія идеи тогдашнихъ политическихъ брошюръ, которыя весьма легко принимали, однако, характеръ легендъ о желаніяхъ „лучшаго изъ королей“. Неккеру доносили объ этой пропагандѣ, какъ о чемъ-то въ высшей степени опасномъ, но онъ оставался вѣренъ принципу свободы, съ какою правительство предоставляло всѣмъ классамъ общества выразить свои нужды и желанія.

О мнѣніяхъ, которыя тогда циркулировали во Франціи, мы можемъ составить себѣ представленіе, во-первыхъ, по брошюрной прессѣ 1788—89 гг., во-вторыхъ, по наказамъ, составлявшимся избирателями во время выборовъ.

До 1789 г. во Франціи періодическая пресса была развиты очень мало, и газеты замѣнялись брошюрами, которыя передъ выборами въ генеральные штаты нерѣдко принимали форму проектовъ, программъ и проспектовъ упомянутыхъ наказовъ. Брошюръ публицистическаго характера появилась масса; издавались онѣ и расходовались въ громадномъ количествѣ экземпляровъ и, напримѣръ, одна вліятельная брошюра, о которой будетъ сейчасъ сказано, въ нѣсколько дней была распродана въ количествѣ сорока тысячъ экземпляровъ. Брошюры были весьма различнаго направленія, но консервативныхъ было неизмѣримо меньше, чѣмъ либеральныхъ, написанныхъ въ духѣ идей XVIII в., и благодаря такимъ изданіямъ, идеи политическихъ писателей этой эпохи популяризировались и пропагандировались въ такихъ слояхъ общества, куда раньше онѣ не проникали, а также воспринимались въ своеобразномъ пониманіи и народною массою, дѣлаясь тоже однимъ изъ факторовъ начинавшагося движенія. Нѣкоторыя брошюры были спеціально посвящены интересамъ простого народа, которому иногда дается въ нихъ названіе „четвертаго сословія“,—интересамъ крестьянъ и городского пролетаріата. Другія говорили о правахъ всей націи, о предметахъ, которые должны были интересовать одинаково всѣ классы общества. Главнымъ образомъ,

однако, онѣ выражали взгляды и стремленія тогдашняго средняго сословія, т.-е. интеллигенціи, людей либеральныхъ профессій, буржуазіи, отстаивавшей принципы свободы индивидуальной и политической, гражданскаго равенства, народовластія, громившей деспотизмъ привилегіи, феодальныя права, крѣпостничество и т. п. Идеи Вольтера и энциклопедистовъ, политическихъ писателей и экономистовъ примѣнялись къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, что дѣлать, куда итти. Одною изъ наиболѣе популярныхъ брошюръ сдѣлалась та, авторомъ которой былъ аббатъ Сіэсъ (Sieyès [1]), писавшій и другія, менѣе извѣстныя брошюры (Essai sur les privilèges). Называлась она „Что такое третье сословіе?“ (Qu'est ce que le tiers état?) и заключала въ себѣ три вопроса и три отвѣта: „Что такое третье сословіе?“—Все.— „Чѣмъ оно было до сихъ поръ?“ — Ничѣмъ. — „Чѣмъ оно желаетъ быть?“—Быть чѣмъ-нибудь (être quelque chose). Эти немногія слова вполнѣ *резюмируютъ содержаніе знаменитой брошюры, которая, въ свою очередь, выражала мысль большинства образованныхъ французовъ*. Сіэсъ самъ принадлежалъ къ духовному сословію и даже былъ его представителемъ въ орлеанскомъ собраніи въ 1788 г., но онъ явился выразителемъ демократическихъ стремленій и былъ выбранъ въ Парижѣ представителемъ отъ третьяго сословія въ генеральные штаты, послѣ чего вскорѣ издалъ и еще одну брошюру подъ заглавіемъ. „Признаніе и изложеніе правъ человѣка и гражданина“. Это было время наибольшей славы Сіэса, позволившей ему играть видную роль въ начальной исторіи революціи, когда старые сословные штаты превращались въ новое „національное собраніе“, гдѣ третье сословіе дѣлалось, пожалуй, и чѣмъ-то большимъ, чѣмъ „что-нибудь“ [2]).

Выборы въ генеральные штаты въ общемъ прошли весьма спокойно, и нація отнеслась къ нимъ очень серьезно. Направленіемъ выборовъ овладѣли люди, желавшіе реформъ и ожидавшіе отъ штатовъ полнаго переустройства Франціи. Образованное и либеральное меньшинство вообще стало во главѣ движенія и внесло въ наказы, въ которыхъ населеніе выражало свои нужды, свои жалобы, свои желанія,—массу новыхъ идей, заимствованныхъ изъ тогдашней политической прессы, такъ что иногда въ наказѣ какой-либо заброшенной деревушки мы встрѣчаемся съ ссылками на раздѣленіе властей или на отвѣтственность министровъ. Всѣхъ депутатовъ должно было быть выбрано 1200 (300+300+600), но ихъ было нѣсколько меньше. Среди духовенства преобладали приходскіе священники (болѣе 200), среди

---

[1]) Его брошюра недавно была переиздана „Обществомъ исторіи французской революціи“.

[2]) Извѣстно, что черезъ десять лѣтъ тотъ же аб. Сіэсъ помогалъ государственному перевороту генерала Бонапарта.

третьяго сословія довольно значительную группу (тоже болѣе 200) составляли адвокаты. Кромѣ того, третье сословіе выбрало нѣсколько (полтора десятка) духовныхъ и дворянъ, въ числѣ которыхъ былъ Мирабо.

Въ это время Мирабо былъ однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ публицистовъ, выпуская брошюру за брошюрой (О государственныхъ тюрьмахъ", „О свободѣ прессы" и т. п.), обращая на себя всеобщее вниманіе своими постоянными заявленіями относительно всѣхъ злобъ дня, своими критическими разборами чужихъ мнѣній и мѣръ, своими повелительными совѣтами, что дѣлать и чего не дѣлать. Стремясь попасть въ генеральные штаты, онъ ищетъ сначала поддержки, хотя бы и тайной, у правительства, обращается, какъ мы видѣли, къ министру Монморену. Затѣмъ онъ ставитъ свою кандидатуру въ Эльзасѣ, и потерпѣвъ неудачу, отправляется въ родной Провансъ. Здѣсь онъ также попробовалъ сначала счастья у дворянства, но оно его отвергло, такъ какъ между Мирабо и провансальской знатью съ самаго же начала обнаружилась цѣлая пропасть во взглядахъ и стремленіяхъ. Зато своими рѣчами и брошюрами онъ достигъ большой популярности среди городского населенія провинціи, и его выбрало третье сословіе сразу въ двухъ городахъ: въ Марсели и въ Эксѣ (Aix). Приходилось выбирать между ними, и Мирабо выбралъ Эксъ. Такимъ образомъ, отвергнутый правительствомъ, которому онъ пытался давать совѣты, отвергнутый дворянствомъ, которому онъ также стремился внушить свои идеи, онъ сдѣлался народнымъ трибуномъ, какъ самъ онъ о себѣ выразился [1]). И во время избирательной борьбы Мирабо также высказывалъ свои взгляды на общее положеніе дѣлъ въ странѣ. Онъ уже раньше въ своихъ письмахъ и брошюрахъ указывалъ на необходимость реформъ, торжественное обѣщаніе которыхъ, по его мнѣнію, немедленно успокоило бы народъ, и только боялся, что правительство „сегодня не дастъ добровольно того, что завтра у него исторгнутъ силою". Реформы, думалъ онъ, должны были быть обширны и радикальны, но онъ опасался, что это дѣло будетъ проводиться насильственной революціей, которая можетъ попятить общество назадъ. Главное препятствіе къ реформамъ онъ видѣлъ въ томъ, что называлъ „страшною болѣзнью старой власти—никогда не дѣлать никакихъ уступокъ, какъ бы въ ожиданіи, чтобы у нея исторгли силою то, что она должна была бы дать",—видѣлъ это препятствіе и въ оппозиціи привилегированныхъ. Оправдывая себя въ томъ, что не написалъ ни единой строки въ защиту парламентовъ, когда ихъ оппозиція была еще популярна, онъ говорилъ, что между королемъ

---

[1]) *Guibal*. Mirabeau et la Provence en 1789.

и парламентомъ есть еще маленькая партія, которая носить названіе народа и къ которой должны принадлежать всѣ порядочные люди. Когда Мирабо былъ отвергнутъ собственнымъ своимъ сословіемъ въ Провансѣ, онъ страшно напалъ на аристократію, которая, какъ писалъ онъ тогда, „во всѣхъ странахъ и во всѣ времена неумолимо преслѣдовала враговъ народа. Если, продолжалъ онъ, не знаю, по какимъ случайностямъ судьбы, въ средѣ аристократовъ являлся другъ народа, его-то главнымъ образомъ они и старались поразить, съ яростью стараясь навести страхъ на другихъ выборомъ своей жертвы. Такъ погибъ послѣдній Гракхъ отъ руки патриціевъ. Но, уже пораженный смертельнымъ ударомъ, онъ бросилъ къ небу горсть пыли, взывая къ богамъ-мстителямъ, и изъ этой пыли возникъ Марій, тотъ Марій, который былъ великъ не тѣмъ, что истребилъ кимвровъ, а тѣмъ, что низвергъ въ Римѣ аристократію „знати" (aristocratie de la noblesse). И обращаясь къ плебеямъ Прованса, Мирабо призывалъ ихъ къ единодушію и твердости, обѣщая имъ пойти противъ всей вселенной, если бы ему пришлось поддерживать ихъ своимъ голосомъ и своими трудами въ собраніи націи. „Я былъ, восклицалъ онъ, есть и буду человѣкомъ общественной свободы! Привилегіямъ придетъ конецъ, но народъ вѣченъ!" Чѣмъ болѣе приближался переворотъ, тѣмъ все съ большею тревогою ожидалъ Мирабо его исхода, опасаясь за свободу, которой прежде всего добивался, и плохо довѣряя самой націи. Въ декабрѣ 1789 г. онъ писалъ, напримѣръ, своему германскому другу Мовильону: „Если вы (т.-е. нѣмцы) и опередили насъ, быть можетъ, въ просвѣщеніи, то вы менѣе созрѣли, чѣмъ мы, хотя и мы вѣдь никогда еще не были зрѣлыми. Вы незрѣлы, говорю я, потому что у васъ волнуются только головы, а онѣ съ незапамятнаго времени привыкли къ рабству. Поэтому взрывъ у васъ произойдетъ позже, чѣмъ у націи, способной въ теченіе четверти часа проявить и героизмъ свободы, и самое глубокое рабство". Судьба политической свободы интересовала Мирабо прежде всего: недаромъ, когда ему однажды стали говорить объ „его отечествѣ", онъ возразилъ, что „отечества не бываетъ въ странѣ рабовъ". Въ 1789 г. Мирабо какъ бы предчувствовалъ, что у французовъ старыя привычки могутъ взять верхъ надъ новыми стремленіями.

От выборовъ переходимъ къ наказамъ.

„Cahiers de doléances", какъ назывались наказы депутатовъ или выборщиковъ въ депутаты, представляютъ изъ себя въ высшей степени важный и интересный историческій матеріалъ. Наказовъ первичныхъ, составлявшихся даже въ самыхъ захолустныхъ и маленькихъ деревушкахъ, и наказовъ сводныхъ отъ цѣлыхъ бальяжей существуетъ такая масса, что до сихъ поръ еще не приведены въ

извѣстность всѣ cahiers, которые сохранились въ архивахъ. Въ этихъ документахъ, изъ которыхъ одни состоятъ едва изъ нѣсколькихъ параграфовъ, а другіе достигаютъ размѣровъ чуть не цѣлыхъ книгъ, французская нація *изобразила старые порядки наканунѣ ихъ исчезновенія, высказала свои желанія, изложила свои воззрѣнія по разнымъ вопросамъ общественной жизни и вообще, такъ сказать, дала волю своему настроенію*. Уже въ 1789 г. эти наказы обратили на себя вниманіе: нѣкоторые изъ нихъ тогда же были напечатаны, но кромѣ того, тогда же составлялись печатные своды требованій, заключавшихся въ cahiers, при чемъ, конечно, издатели такихъ сводовъ находили въ бывшихъ подъ ихъ руками наказахъ лишь то, чего искали сами. Долгое время историки революціи, говоря о желаніяхъ націи въ 1789 г., пользовались преимущественно именно такими resumés, пока не обратились къ подлиннымъ cahiers [1]), которые стали также издаваться. Къ сожалѣнію, однако, нѣкоторые историки, спеціально занимавшіеся этимъ матеріаломъ, стремясь опредѣлить желанія Франціи въ 1789 г., не производили настоящаго анализа бывшихъ въ ихъ рукахъ документовъ, выдвигая на первый планъ лишь извѣстныя мысли—каждый историкъ сообразно съ тѣмъ, что лично ему хотѣлось доказать относительно желаній націи передъ революціей, да еще съ такой точки зрѣнія, будто наказы являются выраженіемъ мыслей всего населенія, а не того болѣе образованнаго или болѣе энергичнаго меньшинства, которое стало во главѣ движенія. Поэтому настоящая разработка этого матеріала еще впереди, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые историки до сихъ поръ игнорируютъ этотъ важный матеріалъ [2]). Напримѣръ, если взять первичные, большею частью крестьянскіе cahiers, то въ нихъ мы почти не встрѣчаемъ требованій политическаго характера, играющихъ уже очень большую роль въ сводныхъ наказахъ третьяго сословія, и, наоборотъ, въ послѣдніе иногда совсѣмъ не попадаютъ крестьянскія жалобы и просьбы, или же эти жалобы и просьбы играютъ въ нихъ далеко не первостепенную роль рядомъ съ требованіями горожанъ и вообще видоизмѣняются согласно съ видами составителей сводныхъ cahiers. Бывало и такъ, что крестьянскіе наказы являются выраженіемъ главнымъ образомъ мыслей тѣхъ лицъ, которыя писали эти наказы, а не самихъ крестьянъ; впослѣдствіи же нѣкоторые историки весьма наивно изъ такихъ cahiers дѣ-

---

[1]) *Chancel*, авторъ книги „Angoumois en 1789“, еще въ 1847 г., потомъ Токвиль.

[2]) Семь томовъ изданія Лорана и Мавидаля, вышедшіе въ свѣтъ въ 1869 г., совсѣмъ не были эксплуатируемы ни *Доніолемъ* (La révolution française et la féodalité, 1874), ни *Тэномъ*, ни у насъ г. *Аѳанасьевымъ* въ сочиненіи о хлѣбной торговлѣ во Франціи XVIII вѣка.

лали выводъ о высокомъ уровнѣ образованія въ деревняхъ до революціи или о томъ, что сельскіе жители сознательно желали, напримѣръ, конституціи съ раздѣленіемъ властей. Не нужно забывать и того, что земледѣльческая масса въ это время распадалась во Франціи на самостоятельныхъ хозяевъ (laboureurs) и батраковъ (manoeuvres): иногда крестьянскіе cahiers выражаютъ желанія всей этой массы, иногда—лишь однихъ хозяевъ безъ батраковъ. Выборными изъ деревень въ избирательныя собранія были большею частью не сами крестьяне, а священники, адвокаты, писаря, мелкіе чиновники и т. п., а если и попадались лица крестьянскаго сословія, они должны были дѣлаться иногда простыми зрителями того, что совершали болѣе ихъ образованные люди, составляя сводные cahiers отъ цѣлаго бальяжа. Бывали случаи, что наказы писались по одному шаблону, иногда по печатнымъ образцамъ. Наконецъ, слѣдуетъ помнить и то, что во Франціи въ это время *происходила страшная сословная и классовая борьба*, *вслѣдствіе чего единодушныхъ желаній и не могло высказаться*, не говоря уже о томъ, что редакторы, заносившіе эти желанія въ наказы, *проводили въ нихъ собственныя политическія воззрѣнія, складывавшіяся подъ вліяніемъ весьма различныхъ теорій, какія и раньше существовали въ литературѣ и развивались въ тогдашней брошюрной прессѣ.* Все это необходимо имѣть въ виду, такъ какъ нерѣдко популярные историки слишкомъ обобщаютъ требованія наказовъ, придавая имъ характеръ единодушныхъ желаній всей націи и представляя эти желанія подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія. Эти оговорки не измѣняютъ, однако, существа дѣла: въ cahiers 1789 г. цѣлые милліоны французовъ *начертали программу будущей революціи, тогда какъ у правительства не было своего плана.* Генеральные штаты, превратившіеся въ „національное учредительное собраніе“, поэтому до извѣстной степени лишь выполняли требованія наказовъ 1789 г. Такимъ образомъ въ cahiers de doléances заключалось уже въ зародышѣ все почти законодательство революціи.

Мы видѣли, что, созывая генеральные штаты, правительство не отдавало себѣ яснаго отчета о томъ, что же будетъ оно съ ними дѣлать. Оно хотѣло только выпутаться изъ затруднительнаго положенія главнымъ образомъ относительно финансовъ, но далѣе этого не шло и потому не имѣло общей программы реформъ. Конечно, и крестьянской массѣ былъ чуждъ политическій вопросъ, который вытекалъ изъ созыва генеральныхъ штатовъ: чѣмъ будетъ это собраніе въ политическомъ отношеніи? Наоборотъ, духовенство, дворянство и буржуазія понимали, что вопросъ этотъ имѣетъ важное значеніе, и вездѣ подчинялись мнѣнію тѣхъ лицъ, которыя казались имъ наиболѣе компетентными въ его рѣшеніи. Самый вліятельный въ то время

классъ французскаго общества весьма рѣзко высказался всюду въ смыслѣ полнаго осужденія абсолютизма, который притомъ подвергся этому осужденію съ обѣихъ сторонъ—*и со стороны привилегированныхъ, и со стороны буржуазіи, одинаково выражавшихъ желаніе, чтобы королевская власть была ограничена*. Цѣль созванія генеральныхъ штатовъ въ cahiers опредѣлалась словами: возродить націю, возстановить Францію, обрѣсти снова полноту естественныхъ правъ, утвердить „священный и національный договоръ короля и націи" (le pacte français), но чаще всего указывалось на то, что Франція должна была „возстановить", „упрочить", „получить" свою конституцію, послѣднее же слово употреблялось или въ старомъ смыслѣ вообще опредѣленнаго государственнаго устройства, или въ новомъ, какое оно утвердило за собою главнымъ образомъ въ XIX вѣкѣ. У привилегированныхъ и особенно у дворянъ часто заходитъ рѣчь о „возстановленіи конституціи", т.-е. они думали, что цѣлью генеральныхъ штатовъ должно быть возвращеніе старымъ сословіямъ ихъ прежнихъ политическихъ правъ, возвращеніе къ старой сословной монархіи, нашедшей свое мѣсто и въ политической теоріи Монтескье, но у третьяго сословія преобладало стремленіе къ созданію новыхъ отношеній, дабы „уравновѣсить власть государя и права націи", чего можно было бы достигнуть путемъ раздѣленія властей, которое тотъ же Монтескье усматривалъ въ англійской конституціи.

Cahiers высшихъ сословій и сводные наказы третьяго сословія большею частью совсѣмъ не возбуждали вопроса, кому будетъ принадлежать учредительная власть и въ какомъ отношеніи будутъ находиться штаты къ королю. Одни cahiers представляли изъ себя просьбы къ королю и генеральнымъ штатамъ. другіе—къ королю, „засѣдающему" въ генеральныхъ штатахъ, а относительно реформъ въ наказахъ говорилось. что ихъ „испросятъ", „вотируютъ" или что „будетъ постановлено", или же говорилось о „содѣйствіи" штатовъ въ дѣлѣ реформы, о „согласіи" короля на то-то и то-то, и т. д. въ подобномъ, не вполнѣ опредѣленномъ родѣ. Весьма немногіе изъ тѣхъ наказовъ, которые высказывались точно и ясно, предоставляли учредительную власть, т.-е. право дать Франціи конституцію — одному королю, большинство же разсматривало это право, какъ право, принадлежащее самой націи, хотя и тутъ послѣднюю одни cahiers понимали такъ, другіе—иначе: или это была совокупность всѣхъ избирателей, или это были одни депутаты. или же тѣ и другіе вмѣстѣ, при чемъ, однако, и одни депутаты должны были дѣйствовать не иначе, какъ по указанію избирателей, дающихъ имъ безусловныя инструкціи (mandats impératifs) и лишающихъ ихъ власти, разъ эти инструкціи не исполняются,—требованіе, особенно часто встрѣчающееся въ дво-

рянскихъ наказахъ. Наконецъ, третья категорія cahiers признаетъ учредительное право за самими генеральными штатами, которые разсматриваются въ нихъ, какъ олицетвореніе всей націи, какъ цѣлая нація, собранная въ одномъ мѣстѣ (la nation assemblée), какъ, наконецъ, „національное собраніе",—названіе, довольно часто замѣняющее старое имя генеральныхъ штатовъ. Въ данномъ случаѣ примѣръ былъ еще прежде поданъ брошюрной прессой, которая къ старому сословному строю Франціи примѣняла понятіе націи въ новомъ смыслѣ, какой оно получило въ политической литературѣ XVIII в. Насколько, однако, рѣшенія націи будутъ обязательны для короля, вопросъ этотъ не ставился и не рѣшался съ достаточною ясностью и опредѣленностью, потому что, напримѣръ, говорилось, что „будетъ санкціонировано" или „утверждено" то-то и то-то, возможность же отказа санкціонировать или утвердить при этомъ не предусматривалась. Зато, съ другой стороны, во многихъ cahiers высказывается мысль, что *нѣтъ ничего выше генеральныхъ штатовъ, ибо они—вся нація въ сборѣ*, а націи принадлежитъ верховная власть, т.-е. идея народовластія уже играетъ видную роль въ политическихъ соображеніяхъ cahiers. Мало того: даже тѣ наказы, которые были составлены въ самыхъ смиренныхъ и почтительныхъ выраженіяхъ, рекомендуютъ депутатамъ производить на правительство давленіе, не соглашаться на налоги, пока не будетъ рѣшенъ политическій вопросъ; генеральные штаты созывались для вывода правительства изъ затруднительнаго финансоваго положенія, а штаты-то и не должны были помогать, пока не будутъ исполнены ихъ требованія. При этомъ генеральные штаты и впредь должны были собираться періодически (le retour periodique), по нѣкоторымъ cahiers—въ опредѣленные сроки безъ участія правительства, иные же наказы требовали непрерывныхъ (permanents) штатовъ, иногда еще такъ, чтобы они не могли быть вообще распускаемы (indissolubles) королемъ (въ случаѣ, напримѣръ, конфликта) или могли быть распускаемы лишь не иначе, какъ по собственному на то изволенію. Сами штаты, предполагалось, опредѣлятъ свою организацію, и по вопросу о послѣдней cahiers расходились; все зависѣло отъ того, какъ кто понималъ націю. Въ духовенствѣ, гдѣ существовалъ антагонизмъ между высшимъ и низшимъ его слоями, образовался расколъ: въ однихъ духовныхъ наказахъ воля націи понимается въ смыслѣ единодушія трехъ отдѣльныхъ сословій (ordres); въ другихъ требуется поголовная подача голосовъ, хотя и съ нѣкоторыми предосторожностями; въ третьихъ рекомендуется вотировать по сословіямъ, пока нація не прикажетъ иначе. Дворяне тверже стояли за сохраненіе сословнаго начала; многіе дворянскіе cahiers требовали, чтобы депутаты въ случаѣ установленія поголов-

наго голосованія протестовали и удалились изъ собранія. Третье сословіе, напротивъ, желало именно поголовнаго голосованія, но и тутъ высказывались разныя мнѣнія: одни cahiers (и такихъ было большинство) не требовали слiянія сословій, желая лишь, чтобы tiers-état имѣло двойное представительство и чтобы его депутаты были изъ его же среды, а другіе указывали еще на необходимость выдѣленія особаго крестьянскаго чина (ordre des paysans), но были и такіе, хотя и въ маломъ числѣ, которые утверждали, что третье сословіе есть по существу дѣла сама нація, и что голосованіе должно быть не только поголовное, но и совмѣстное. Каждый такимъ образомъ представлялъ себѣ по-своему конституцію, какую должна была имѣть Франція, посвоему понималъ, что такое нація и чѣмъ будутъ генеральные штаты, но *всѣ одинаково переносили аттрибуты верховной власти съ короля на націю* и, считая себя монархистами, высказывали нерѣдко республиканскія идеи. Будущая конституція рисовалась и привилегированнымъ, и буржуазіи, какъ государственное устройство, въ которомъ главную роль станетъ играть „національное собраніе", сословное съ преобладаніемъ аристократіи—по однимъ cahiers, безсословное, демократическое—по другимъ, но въ обоихъ случаяхъ королевская власть представлялась, какъ нѣчто не только ограниченное въ своихъ правахъ, но и ослабленное. Мы видѣли, что политическая литература XVIII вѣка пріучала французское общество смотрѣть на абсолютную монархію Бурбоновъ, какъ на узурпацію; для однихъ только—узурпированными оказались старыя историческія права сословій, для другихъ—нарушенными естественныя права націи, о которыхъ учила новая философія. Монархія въ лицѣ Людовика XVI отрекалась отъ самой себя, *и вотъ за власть должна была произойти борьба между аристократіей и буржуазіей, между правомъ историческимъ и правомъ естественнымъ.* Въ этой борьбѣ аристократія нашла поддержку въ королѣ, демократія—въ народѣ, который увидѣлъ въ побѣдѣ буржуазіи обезпеченіе того, что вопросы, близко его касавшіеся, будутъ рѣшены въ желательномъ для него смыслѣ. Народную массу, сказали мы, совсѣмъ не интересовали вопросы политическіе, притомъ сами по себѣ ему мало понятные, но онъ хотѣлъ добиться облегченія своей участи отъ гнета государственныхъ налоговъ, отъ феодальныхъ поборовъ, отъ церковной десятины и поддержалъ буржуазію, въ которой особенно была популярна идея демократической и, какъ у Руссо и Мабли, республиканской монархіи.

По вопросу о сословныхъ привилегіяхъ и о соціальномъ феодализмѣ наказы 1789 г. можно рѣзко раздѣлить на двѣ категоріи: *духовенство и дворянство стремились сохранить и поддержать старый общественный строй, третье сословіе, напротивъ, требовало отмѣны*

аристократическихъ привилегій и феодальныхъ правъ. Читая cahiers привилегированныхъ, можно подумать, что представители стараго соціальнаго строя понимали дѣятельность, предстоявшую генеральнымъ штатамъ, не только въ смыслѣ утвержденія всѣхъ привилегій, но иногда даже ихъ пріумноженія. Въ духовномъ сословіи еще замѣчается расколъ, потому что широкое участіе въ выборахъ и въ составленіи наказовъ, какое было дано низшему клиру, т.-е. приходскимъ священникамъ (curés), имѣло результатомъ появленіе въ cahiers духовенства требованій, направленныхъ противъ привилегій, но дворянство упорно отстаивало старину. Въ одномъ лишь отношеніи новыя идеи весьма сильно повліяли на привилегированныхъ: они отказываются отъ налоговыхъ изъятій, соглашаясь въ принципѣ съ той идеей, что всѣ равномѣрно должны нести на себѣ бремя государственныхъ повинностей. Стремясь пріобрѣсти политическія права, духовенство и дворянство дѣлали, по крайней мѣрѣ, эту уступку духу времени и очевидной необходимости измѣнить старую финансовую систему. Иногда между обоими привилегированными сословіями возникалъ антагонизмъ и, напримѣръ, дворянство требовало отмѣны десятины, составлявшей доходъ церкви, духовенство—уничтоженія права охоты, которое было одной изъ привилегій дворянства. Въ вопросѣ о соціальномъ феодализмѣ привилегированные были солидарны: въ своихъ cahiers они высказываютъ опасенія относительно феодальныхъ правъ *и заранѣе иногда протестуютъ противъ ихъ отмѣны* „во имя священныхъ правъ собственности". Сеньеры протестовали даже противъ выкупа крестьянами лежавшихъ на нихъ феодальныхъ повинностей. Многіе ихъ наказы заключаютъ въ себѣ еще просьбы о сохраненіи права суда, права охоты, баналитетовъ и т. п., какъ духовенство, съ своей стороны, отстаиваетъ десятину. *Требованіе отмѣнить феодальный режимъ почти исключительно исходило изъ третьяго сословія.* Нужно только отмѣтить, что по вопросу объ остаткахъ крѣпостничества и привилегированные высказывались въ либеральномъ смыслѣ, какъ о наслѣдіи варварскихъ временъ. Любопытно еще и то, что серважъ сохранился во Франціи передъ революціей преимущественно на церковныхъ земляхъ [1]). Лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ владѣльцы феодальныхъ правъ соглашались на выкупъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, да и то на самыхъ тяжкихъ для населенія условіяхъ. Впрочемъ, и наказы третьяго сословія не были однородны: въ тѣхъ, гдѣ преобладали взгляды горожанъ и сельской буржуазіи, нерѣдко бывшей заинтересованною въ сохраненіи феодальнаго режима, даже прямо защищались интересы сеньеровъ, а также указывалось на то, что это

---

[1]) *Chassin.* L'église et les derniers serfs.

вопросъ очень трудный, и что лучше его отложить до болѣе благопріятнаго времени, но такіе случаи были исключительные, въ большинствѣ же наказовъ горожанъ, равно какъ и въ сводныхъ cahiers отъ всего третьяго сословія вмѣстѣ съ деревнями выражалось желаніе, чтобы феодальный режимъ былъ отмѣненъ. Важно и то, что по вопросу о способѣ уничтоженія феодальныхъ правъ очень многіе cahiers заключаютъ въ себѣ однородныя предложенія, которыя оказываются не чѣмъ инымъ, какъ возобновленіемъ плана, бывшаго на этотъ счетъ у Тюрго, а именно—отмѣнить безвозмездно все то, что вытекало изъ крѣпостничества, и подвергнуть выкупу всѣ права, происхожденіе которыхъ объяснялось уступкою сеньерами земельныхъ участковъ крестьянамъ на извѣстныхъ условіяхъ. Очень немногіе наказы третьяго сословія не дѣлаютъ никакого различія между разными категоріями феодальныхъ правъ, требуя безусловной отмѣны всѣхъ, каково бы ни было ихъ происхожденіе. Зато въ крестьянскихъ наказахъ такое требованіе встрѣчается, напротивъ, чаще, при чемъ высказанъ былъ и такого рода доводъ въ пользу этой мысли: сеньеры вознаграждены уже тѣмъ, что долго не платили податей, а народъ, на которомъ лежала вся тяжесть налоговъ, уже тѣмъ самымъ выкупилъ свою свободу отъ феодальныхъ повинностей.

Наказы 1789 г. вообще имѣютъ большую важность въ исторіи крестьянскаго вопроса во Франціи. Въ этихъ документахъ выразились не только жалобы и желанія самого крестьянскаго сословія, но и тѣ взгляды, какіе существовали на крестьянъ, на ихъ нужды, на ихъ права, на ихъ положеніе среди другихъ классовъ общества. Изъ-за вліянія на крестьянскую массу во время выборовъ въ генеральные штаты даже происходила довольно ожесточенная борьба между аристократіей и буржуазіей. Оба общественные класса стремились представить себя естественными союзниками и защитниками крестьянъ отъ администраціи и другихъ сословій, но, разумѣется, болѣе искренними и болѣе близкими къ истинѣ въ этомъ дѣлѣ были горожане, а не сеньеры. Масса частныхъ вопросовъ крестьянскаго быта поднималась и въ наказахъ самого сельскаго населенія, и въ другихъ cahiers, начиная съ политическаго вопроса объ учрежденіи въ генеральныхъ штатахъ особаго „ordre des paysans“ и кончая экономическимъ вопросомъ о томъ, какъ улучшить бытъ, напримѣръ, безземельныхъ батраковъ. Впрочемъ, въ этомъ вопросѣ доминировала не политическая и не экономическая сторона (земельное обезпеченіе крестьянъ), а сторона юридическая — отмѣна феодальныхъ правъ—вмѣстѣ съ стороной финансовой, т.-е. съ вопросомъ объ облегченіи налоговъ, тяжело падавшихъ на скудный достатокъ сельскаго населенія.

Наказы 1789 г. осуждали старый порядокъ въ его самой харак-

терной чертѣ — въ соединеніи политическаго абсолютизма съ соціальными привилегіями и вмѣстѣ съ тѣмъ заключали въ себѣ требованія, касавшіяся личной и общественной свободы. Религіозная нетерпимость, созданная отмѣною нантскаго эдикта, порицалась наказами, даже наказами духовенства, и выдвигался принципъ равноправности подданныхъ разныхъ исповѣданій. Гарантіи личной свободы занимаютъ также видное мѣсто въ желаніяхъ образованныхъ классовъ: неприкосновенность личности и имущества, отмѣна lettres de cachet, исключительныхъ судовъ, Бастиліи и другихъ подобныхъ тюремъ, ненарушимость тайны писемъ, свобода слова и свобода печати,—вотъ требованія, которыя очень часто встрѣчаются въ наказахъ высшихъ сословій, а cahier города Парижа предлагалъ, разрушивъ Бастилію, сдѣлать на ея мѣстѣ площадь и поставить колонну „Людовику XVI, возстановителю общественной свободы“. Подобнаго рода требованія вполнѣ гармонируютъ съ желаніями, выражавшимися относительно конституціи, и въ дѣлѣ индивидуальной свободы образованные люди безъ различія сословій высказывали одни и тѣ же принципы. Въ числѣ требованій этой категоріи мы встрѣчаемся и съ заявленіями, имѣвшими въ виду свободу труда, свободу промышленныхъ предпріятій, свободу торговли, хотя и тутъ заинтересованные часто отстаивали старые регламенты, создававшіе разнаго рода привилегіи. Во всякомъ случаѣ, идеи естественнаго права и физіократіи отразились на cahiers 1789 г. съ такою же силою, какъ и идеи народовластія или раздѣленія властей. Многіе cahiers требуютъ еще торжественной декларации правъ.

Кромѣ того, наказы 1789 г. заключаютъ въ себѣ массу указаній на бывшія желательными реформы въ области администраціи, права и суда, налоговъ и т. п. Идея мѣстнаго самоуправленія была очень популярна въ наказахъ разныхъ сословій, хотя въ данномъ случаѣ, какъ и въ вопросѣ о конституціи, она представлялась или въ старой сословной формѣ провинціальныхъ штатовъ (états provinciaux), за которую держалась аристократія, или въ новой формѣ только-что введенныхъ провинціальныхъ собраній (assemblées provinciales), болѣе благопріятной для народа. Этимъ одинаково осуждался старый интендантскій порядокъ провинціальнаго управленія. Если еще у консервативныхъ классовъ общества мы встрѣчаемся съ защитою провинціальныхъ привилегій, то въ cahiers третьяго сословія нерѣдко слышится желаніе, чтобы Франція была болѣе объединена. Между прочимъ, жалуясь на отсутствіе единаго частнаго и публичнаго права, выражаютъ желаніе, чтобы въ странѣ существовало общее для всѣхъ право, вмѣсто устарѣлыхъ провинціальныхъ кутюмъ. Податныя привилегіи провинцій также должны были исчезнуть передъ новымъ, равномѣрнымъ для всѣхъ гражданъ обложеніемъ. Единство вѣса и

мѣры равнымъ образомъ имѣлось въ виду составителями наказовъ и не по однимъ практическимъ соображеніямъ. Въ cahiers 1789 г. вообще *чувствуется сильное сознаніе національнаго единства*, потому что передовыя фракціи общества представляли себѣ генеральные штаты не только съ поголовнымъ голосованіемъ, уничтожавшимъ сословныя перегородки, но и съ устраненіемъ изъ нихъ всего, что напоминало бы перегородки провинціальныя.

Демократическое равенство—одна изъ видныхъ особенностей содержанія cahiers третьяго сословія: всѣ должны быть равны передъ закономъ, имѣть одинаковый доступъ къ должностямъ и отличіямъ, подчиняться общей и равной для всѣхъ системѣ обложенія и пр., и пр. Наконецъ, въ области суда предлагается введеніе гласности, присяжныхъ засѣдателей, защитниковъ для подсудимыхъ.

Гуманный духъ философіи XVIII в. точно такъ же отразился на наказахъ 1789 г.: высказываются пожеланія относительно уничтоженія рабства въ колоніяхъ, смягченія уголовныхъ законовъ, ограниченія случаевъ смертной казни, отмѣны конфискаціи имущества и наказаній, налагающихъ позоръ на семью преступника; высказываются желанія и относительно лучшей организаціи благотворительности и т. п. И народное образованіе входитъ въ число предметовъ, которыми занимаются наказы.

Наконецъ, cahiers 1789 г. касаются и церковныхъ вопросовъ. Духовенство, желая сохранить за католическою церковью значеніе государственной религіи и удержать за собою руководительство народнымъ образованіемъ, равно какъ и духовную цензуру, въ то же время выставило изъ своей среды немало лицъ, желавшихъ измѣненій въ самой церкви; именно, сельскіе священники высказывались за ограниченіе власти епископовъ, за возстановленіе независимости церковныхъ выборовъ и даже за отмѣну конкордата. Весьма нерѣдки въ cahiers 1789 г. указанія на необходимость національныхъ соборовъ и провинціальныхъ синодовъ. Приходское духовенство передъ началомъ революціи проявило не только демократическія стремленія, но и либеральный духъ въ смыслѣ идей галликанизма, т.-е. національной независимости.

XXXIV. Первые мѣсяцы революціи [1]).

Раздѣленіе исторіи французской революціи на періоды и планъ послѣдующаго изложенія.—Открытіе генеральныхъ штатовъ.—Повѣрка полномочій.—Провозглашеніе національнаго собранія.—Королевское засѣданіе.—Планы двора и парижское возстаніе.—Король и національное собраніе послѣ 14 іюля.—Эмиграція и ея значеніе.—Впечатлѣніе, произведенное на Европу революціей.—«Жакерія» 1789 г. и ночное засѣданіе 4 августа.—Намѣренія двора и событія 5—6 октября.—Положеніе національнаго собранія и его задача.

Исторія французской революціи распадается на нѣсколько періодовъ, болѣе или менѣе согласно принимаемыхъ всѣми историками. Эпоха французской революціи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова охватываетъ собою десятилѣтіе, протекшее отъ открытія генеральныхъ штатовъ (5 мая 1789 г.) до переворота „18 брюмера“ (9 ноября 1799 г.), съ котораго начинается исторія консульства и имперіи Наполеона I. Этотъ періодъ времени дѣлится довольно рѣзко на два одинаково продолжительныхъ (именно пятилѣтнихъ), но имѣющихъ различный характеръ періода—до „9 термидора“ (27 іюля 1794 г.) и послѣ „9 термидора“. Первое пятилѣтіе характеризуется развитіемъ революціоннаго движенія, достигающаго кульминаціоннаго пункта въ эпоху такъ называемаго „террора“, второй—началомъ реакціи, мало-по-малу приводящей къ бонапартовскому военному деспотизму. Главный интересъ исторіи революціи сосредоточивается на первомъ ея періодѣ (1789—1794), что отражается какъ на числѣ сочиненій, посвященныхъ ему, такъ и на количествѣ страницъ, отводимыхъ обыкновенно на его изложеніе въ общихъ исторіяхъ революціи, сравнительно съ тѣмъ, что дается на второй періодъ. Въ свою очередь въ первомъ пятилѣтіи французской революціи нужно различать два еще меньшихъ періода. Въ 1789 г. генеральные штаты, превратившіеся въ національное учредительное собраніе, предприняли великую работу полной реорганизаціи внутренняго быта Франціи на началахъ, получившихъ названіе „принциповъ 1789 года“. Работа эта была окон-

---

[1]) См. главу I этого тома. Кромѣ того, см. популярныя книги: *Н. Карно*, *Rambaud*, *Paul Janet* (Centanaire de 1789. Hist de la révolution française), m-me *E. Duvergier de Hauranne* (Hist. populaire de la rév. franç.), *Bloss'а* Geschichte der französischen Revolution; русскій пер. этой книги—„Наканунѣ XIX вѣка“), *E. Champion* (Esprit de la révolution française), *Feugère* (La révolution française et la critique contemporaine). Есть еще русскій переводъ „Французской революціи въ показаніяхъ современниковъ и мемуаровъ“ *де-Брока*. Крайне тенденціозную обработку исторіи французской революціи представляетъ книга *Любимова* „Крушеніе монархіи во Франціи“.

чена къ осени 1791 г.; тогда была утверждена новая конституція, въ силу которой учредительное собраніе разошлось, уступивъ мѣсто новому, законодательному собранію, избранному на полтора года. Это было въ сентябрѣ 1791 г., но менѣе, чѣмъ черезъ годъ, 10 августа 1792 г. произошелъ въ Парижѣ новый переворотъ, имѣвшій своимъ результатомъ низверженіе монархической конституціи 1791 г. и образованіе чрезвычайнаго собранія, которое получило названіе національнаго конвента и установило во Франціи республику. Первая эпоха характеризуется господствомъ „принциповъ 1789 г.“, вторая—„принципами 1793 г.“. Между этими эпохами различіе заключалось не въ одной правительственной формѣ, но и въ другихъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, въ соціальномъ отношеніи два разные общественные класса господствуютъ на политической аренѣ: въ 1789 г. буржуазія, поддерживаемая народомъ, разрушаетъ старый порядокъ и на его мѣстѣ созидаетъ новый, расчитанный на то, чтобы ввести въ жизнь французской націи начала личной и общественной свободы, но въ 1793 г. дѣлается попытка замѣнить буржуазію, достигшую господства въ 1789 г., пролетаріатомъ, и на первый планъ выступаетъ идея равенства, правительство же фактически получаетъ характеръ диктатуры, такъ какъ хотя и была составлена новая конституція (республиканская „конституція 1793 г.“), но она никогда не была приведена въ исполненіе. Такимъ образомъ мы можемъ и періодъ отъ 5 мая 1789 г. по 27 іюля 1794 г. (9 термидора) подраздѣлить на эпоху конституціонной монархіи, буржуазіи и „принциповъ 1789 г.“ и на эпоху республики, пролетаріата и „принциповъ 1793 г.“. Насколько можно подводить событія и явленія реальной жизни подъ отвлеченныя теоріи, это будутъ эпохи сначала наибольшаго вліянія Вольтера и Монтескье, затѣмъ энциклопедистовъ и Руссо, хотя, конечно, не слѣдуетъ очень рѣзко понимать это противоположеніе между указанными эпохами. Наконецъ, разсматривая первую эпоху, мы должны положить грань между первыми двумя годами революціи, или временемъ учредительнаго собранія, и третьимъ годомъ, т.-е. временемъ законодательнаго собранія: первые два года были временемъ выработки глубокихъ внутреннихъ реформъ, которыя должны были дать Франціи новый видъ, третій годъ—временемъ ихъ примѣненія къ жизни, окончившагося катастрофой 10 августа 1792 г. Сдѣлавъ въ двухъ главахъ очеркъ внѣшней исторіи учредительнаго собранія, мы разсмотримъ потомъ совершонное имъ преобразованіе Франціи, и, переходя къ исторіи законодательнаго собранія, поставимъ вопросъ: почему реорганизація Франціи учредительнымъ собраніемъ не окончила революціи, почему послѣдняя продолжалась еще нѣсколько лѣтъ и почему, наконецъ, конвентъ повелъ Францію по новой дорогѣ, пока въ

1794 г. не началась реакція? Затѣмъ, когда мы познакомимся съ исторіей крушенія дѣла учредительнаго собранія и съ исторіей попытки основанія во Франціи республики, мы должны будемъ отвѣтить на вопросъ, почему и эта послѣдняя попытка не удалась, какія причины вызвали реакцію противъ „принциповъ 1793 г.“ и какъ эта реакція привела къ наполеоновскому режиму, который, обезпечивъ за французами сдѣланныя ими въ 1789 г. соціальныя пріобрѣтенія (побѣду демократическаго равенства надъ католико-феодальнымъ строемъ), не далъ имъ, однако, политической свободы. Переворотомъ „18 брюмера“ мы и закончимъ настоящій томъ, такъ какъ въ 1799 г. начинается новый періодъ исторіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ Европа вступаетъ въ XIX столѣтіе.

Генеральные штаты собрались въ Версалѣ въ началѣ мая 1789 г. 4-го числа было церковное богослуженіе, 5-го произошло торжественное открытіе засѣданій. Если и правительство не имѣло опредѣленной программы дѣйствій, то церемоніймейстеры, наоборотъ, обдумали все, относившееся къ внѣшней сторонѣ собранія, и при дворѣ было рѣшено, что штаты 1789 г. будутъ держаться формъ штатовъ 1614 г. Депутаты привилегированныхъ сословій должны были присутствовать на обѣихъ церемоніяхъ въ великолѣпныхъ костюмахъ, депутаты третьяго сословія—въ простыхъ черныхъ плащахъ, а когда хранителя печати Барантена спросили, должны ли депутаты третьяго сословія говорить на колѣняхъ, онъ отвѣчалъ: „да, если такъ будетъ угодно королю“. Нансійскій епископъ въ церковной рѣчи просилъ Людовика XVI принять увѣренія въ преданности (les hommages) отъ духовенства и въ уваженіи (les respects) отъ дворянства, а отъ третьяго сословія—всенижайшія просьбы (les humbles supplications). Когда на торжественномъ собраніи 5 мая король, занявъ тронъ, надѣлъ шляпу, духовные и дворяне тоже надѣли свои головные уборы; такимъ же образомъ поступили и члены третьяго сословія, но привилегированные шумомъ выразили свое неудовольствіе, и Людовикъ XVI тотчасъ же снялъ шляпу, дабы заставить всѣхъ обнажить головы.

Въ торжественномъ засѣданіи при открытіи штатовъ произнесены были три рѣчи: говорили король, хранитель печати и Неккеръ, Рѣчь послѣдняго была длиннымъ и скучнымъ финансовымъ отчетомъ, состоявшимъ изъ массы цифръ, словно правительство смотрѣло на собравшіеся штаты, лишь какъ на способъ добыть денегъ посредствомъ новыхъ налоговъ. Вообще, однако, рѣчи эти не содержали прямого указанія относительно самаго важнаго вопроса, отъ котораго зависѣло рѣшеніе и всѣхъ иныхъ, именно какъ должны были подавать голоса—поголовно или посословно, а касательно нововведеній

дѣлалось даже предостереженіе— въ обозначеніе ихъ опасными (des innovations dangereuses). Правительство само не рѣшало главнаго вопроса, и поэтому онъ былъ рѣшенъ помимо правительства. 6 мая три сословія собрались въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ для провѣрки полномочій (verification des pouvoirs), т.-е. документовъ объ избраніи того или другого депутата (ихъ явилось болѣе 1100 человѣкъ), но третье сословіе стало требовать, чтобы этимъ дѣломъ занялись всѣ сообща и въ одномъ помѣщеніи; привилегированные отвѣчали на это отказомъ. Начались пререканія, длившіяся довольно продолжительное время и сопровождавшіяся взаимными обвиненіями въ нежеланіи приступить къ работѣ, ради которой были собраны генеральные штаты; въ этомъ прошли первыя двѣ недѣли собранія. *Послѣдніе генеральные штаты, бывшіе за 175 лѣтъ передъ тѣмъ, окончились ссорою между сословіями, столь характерною вообще для исторіи этого учрежденія, и вотъ въ генеральныхъ штатахъ 1789 г. въ самомъ началѣ происходитъ то же самое.* Въ былыя времена изъ этого извлекала для себя выгоду одна королевская власть, но теперь обстоятельства были иныя, и побѣда осталась на сторонѣ третьяго сословія, отождествившаго себя съ націей: послѣдняя, дѣйствительно, оказывала поддержку своимъ депутатамъ въ то время, какъ привилегированные сносились только съ дворомъ, продолжавшимъ стоять на своей старой точкѣ зрѣнія. Наконецъ 10 іюня авторъ знаменитой брошюры Сіэсъ, нашедши, что „пора же обрѣзать канатъ", предложилъ въ послѣдній разъ въ торжественной формѣ старой судебной процедуры отъ имени „общинъ" вызвать (sommer) духовенство и дворянство, назначивъ имъ срокъ, послѣ котораго не явившіеся (non comparants) лишаются своихъ правъ. 12 числа въ 7 ч. вечера приступили къ повѣркѣ полномочій, а на другой день началось присоединеніе къ третьему сословію представителей другихъ сословій, на первый разъ въ лицѣ трехъ приходскихъ священниковъ, появленіе которыхъ было встрѣчено громкими рукоплесканіями. Когда (15 іюня) провѣрка полномочій была окончена, Сіэсъ указалъ на то, что въ собраніи присутствуютъ представители, по крайней мѣрѣ 96% націи, которые могутъ дѣйствовать и безъ не явившихся депутатовъ отъ кое-какихъ бальяжей или разрядовъ гражданъ, и предложилъ депутатамъ объявить себя „собраніемъ извѣстныхъ и удостовѣренныхъ представителей французской націи". Къ этому присоединился и Мирабо, находившій, однако, лучшимъ назваться „представителями французскаго народа". Три дня происходили пренія по поводу этихъ предложеній, пока не принято было наименованіе—„національное собраніе" (assemblée nationale), не бывшее совсѣмъ новымъ, такъ какъ мы находимъ его уже въ наказахъ 1789 г.; оно было на этотъ разъ подсказано представителямъ третьяго

сословія и присоединившимся къ нимъ депутатамъ высшихъ сословій—однимъ совсѣмъ почти никому неизвѣстнымъ депутатомъ.

Торжественное провозглашеніе національнаго собранія произошло 17 іюня; въ этотъ день *старое сословное дѣленіе французскихъ подданныхъ на три чина (ordres) исчезло, и всѣ французы образовали въ политическомъ отношеніи однородную по своему составу націю.* Это рѣшеніе было принято съ восторгомъ парижскимъ населеніемъ и подѣйствовало на большинство депутатовъ духовенства, рѣшившихся примкнуть къ третьему сословію; дворъ, наоборотъ, былъ страшно раздраженъ. Людовикъ XVI нѣкоторое время колебался еще между совѣтами, съ одной стороны, Неккера, съ другой—жены, младшаго брата, принцевъ крови и вообще привилегированныхъ, но въ концѣ концовъ принялъ рѣшеніе устроить торжественное засѣданіе съ цѣлью отмѣнить своею властью случившееся. Между тѣмъ національное собраніе декретировало: 1) прекращеніе взиманія налоговъ, буде собраніе распустятъ, 2) принятіе государственнаго долга подъ гарантію націи и 3) образованіе особаго продовольственнаго комитета. 20 іюня предсѣдатель національнаго собранія, Байльи, получилъ извѣщеніе отъ Барантена, что засѣданія отсрочиваются; депутаты и многочисленная публика, собравшаяся посмотрѣть на то, какъ бо̀льшая часть духовенства направится въ залу національнаго собранія, нашли эту залу запертою и охраняемою часовыми, и узнали, что въ залѣ идутъ приготовленія къ королевскому засѣданію. Депутаты направились тогда въ манежъ Jeu de paume, гдѣ произошла въ присутствіи большой публики знаменитая присяга [1]) членовъ національнаго собранія—не расходиться и собираться всюду, гдѣ только представится возможность, пока Франція не получитъ прочной конституціи. На другой день было воскресенье. Когда въ понедѣльникъ (22 іюня) представители народа хотѣли опять собраться въ Jeu de paume, имъ уже не дали этого помѣщенія, такъ какъ гр. д'Артуа долженъ былъ тамъ играть въ мячъ. Въ это время уже значительная часть низшаго духовенства присоединилась къ національному собранію, которое и приглашено было засѣдать въ церкви св. Людовика, „храмѣ религіи, сдѣлавшемся храмомъ отечества“ по выраженію одного говорившаго тамъ оратора. Около 150 человѣкъ изъ низшаго духовенства здѣсь присоединилось торжественно къ національному собранію [2]).

---

[1]) *Brette.* Le serment du Jeu de paume (fac-simile du texte et des signatures avec introduction).

[2]) Выше уже говорилось о демократическомъ настроеніи низшаго духовенства во Франціи наканунѣ революціи. См. еще *Élie Mège.* Le clergé sous l'ancien régime. — *Chassin.* Les cahiers des curés. — *B. Robidou.* Histoire du clergé pendant la révolution française, а также указанную ниже работу по

Объявленное королевское засѣданіе состоялось 23 іюня. Со стороны двора и привилегированныхъ *оно должно было быть началомъ реакціи противъ всего, что совершилось во имя новой идеи націи*, и съ такою цѣлью къ собранію представителей народа была примѣнена форма прежнихъ парламентскихъ lits de justice. Для Людовика XVI сочинили повелительную рѣчь, которую онъ и произнесъ въ торжественномъ собраніи, въ присутствіи всѣхъ депутатовъ, но произнесъ неувѣреннымъ голосомъ человѣка, поступающаго не по собственной инициативѣ. Рѣшенія третьяго сословія, какъ противныя законамъ и государственному устройству, были объявлены уничтоженными; предписывалось сохранять въ полной неприкосновенности старое раздѣленіе на сословія, запрещалось затрогивать какія бы то ни было права, принадлежащія привилегированнымъ и королевской власти; возвѣщались кое-какія незначительныя реформы и прибавлялось, что если генеральные штаты не окажутъ поддержки благимъ намѣреніямъ власти, то король одинъ станетъ трудиться для блага своихъ подданныхъ и будетъ считать себя единственнымъ ихъ представителемъ. „Я приказываю вамъ, господа, сказалъ въ заключеніе Людовикъ XVI, немедленно разойтись, а завтра утромъ собраться каждому сословію въ отведенной для него палатѣ". Духовные и дворяне повиновались и удалились вслѣдъ за монархомъ, но третье сословіе осталось на своихъ мѣстахъ. Тогда оберъ-церемоніймейстеръ Дрё-Брезе возвратился въ залу и сказалъ президенту: „Господа!—вы вѣдь слышали приказаніе короля" — на что получилъ такой отвѣтъ отъ Байльи: „Мнѣ кажется, что собравшейся націи нельзя давать приказаній". Мирабо, который ранѣе прихода Дрё-Брезе сказалъ рѣчь противъ оскорбительной диктатуры короля, являющагося лишь уполномоченнымъ (mandataire) націи, и напомнилъ о присягѣ не расходиться, пока Франціи не будетъ дана конституція, теперь поднялся съ своего мѣста и произнесъ знаменитыя слова [1]): „да, мы слышали намѣренія, внушенныя королю, а вы, который не можете быть его органомъ передъ генеральными штатами, не имѣя здѣсь ни мѣста, ни голоса, ни права говорить, вы—не созданы для того, чтобы намъ напоминать о его рѣчи. Однако, во избѣжаніе всякаго недоразумѣнія и всякой прово-

---

исторіи гражданскаго устройства духовенства. Однимъ изъ первыхъ духовныхъ, примкнувшихъ къ третьему сословію, былъ приходскій священникъ Грегуаръ, впослѣдствіи конституціонный епископъ, о которомъ см. *Gazier*. Etudes sur l'histoire réligieuse de la révolution française.

[1]) Полная достовѣрность ихъ подвергается сильному сомнѣнію въ настоящее время, равно какъ (и притомъ особенно) предыдущая рѣчь Мирабо. *Loménie*, VI, 321 sq. Самое обращеніе къ Дрё-Брезе передается въ разныхъ редакціяхъ.

лочки, я объявляю вамъ (легенда сократила все предыдущее въ одну фразу: „идите сказать своему господину“), что если васъ уполномочили заставить насъ уйти отсюда, вы должны потребовать приказаній, чтобы употребить силу, ибо мы оставимъ наши мѣста лишь подъ напоромъ штыковъ“. Дрё-Брезе удалился изъ залы, пятясь назадъ, какъ бы находясь въ присутствіи короля, а одинъ бретонскій депутатъ воскликнулъ: „что это? король говоритъ съ нами, какъ господинъ, когда долженъ былъ бы просить у насъ совѣта“. „Господа!— обратился къ собранію Сіэсъ:—вы остаетесь сегодня тѣмъ же, чѣмъ были вчера: приступимъ же къ преніямъ“. И національное собраніе объявило, что принятыя имъ рѣшенія сохраняютъ всю свою силу, и декретировало неприкосновенность личности депутата подъ угрозою обвиненія въ государственномъ преступленіи всякаго, кто посягнулъ бы на эту неприкосновенность.

При дворѣ не ожидали такого исхода королевскаго засѣданія. Марія-Антуанета радовалась сначала, что все вышло хорошо, и представляя дофина депутатамъ дворянства, сказала, что ввѣряетъ его ихъ охранѣ, но пришло извѣстіе о сопротивленіи третьяго сословія, и настроеніе измѣнилось. *Задуманный дворомъ государственный переворотъ противъ совершившейся революціи пришлось признать неудавшимся*, и растерявшійся Людовикъ XVI заявилъ, что „если они (т.-е. депутаты третьяго сословія) не хотятъ расходиться, то пусть остаются“. Неккера думали-было уволить, но теперь король упросилъ его не покидать своего поста, и популярность этого министра, отсутствіе котораго въ королевскомъ засѣданіи было всѣми замѣчено, сильно послѣ этого возрасла. На другой день въ залу національнаго собранія явилось большинство духовенства, а потомъ вскорѣ этому примѣру послѣдовало незначительное меньшинство дворянства съ герцогомъ Орлеанскимъ во главѣ. Наконецъ, по совѣту Неккера, самъ король приказалъ и другимъ представителямъ привилегированныхъ притти на засѣданіе въ общую залу. 27-го іюня произошло уже окончательное сліяніе депутатовъ духовенства и дворянства съ третьимъ сословіемъ.

Придворная партія съ Маріей-Антуанетой во главѣ не хотѣла примириться съ побѣдою третьяго сословія. *За первою попыткою контръ-революціи, сдѣланною 23 іюня, должна была послѣдовать другая*—на этотъ разъ при помощи тѣхъ самыхъ штыковъ, на ко- рые указывалъ Мирабо. Та консервативная оппозиція, которая раньше препятствовала необходимымъ реформамъ, теперь самымъ рѣшительнымъ образомъ подготовляла новую реакцію, но если прежде этой оппозиціи сообщала силу до извѣстной степени поддержка со стороны народа, переставшаго довѣрять власти, то при новыхъ обстоя-

тельствахъ, наступившихъ послѣ 17 іюня, уже никоимъ образомъ не могло быть ни малѣйшей солидарности между привилегированными и народной массой. Теперь, наоборотъ, *реакціонныя попытки, направленныя противъ національнаго собранія, должны были лишь разжигать народныя страсти, направлять ихъ въ защиту какъ разъ этого самаго національнаго собранія*. Если 23 іюня депутаты третьяго сословія, признавая себя представителями суверенной націи, ослушались королевской воли, не поддержанной физическою силою, то въ серединѣ іюля попытка произвести насильственную, при помощи войска, реставрацію стараго политическаго строя вызвала насильственный же отпоръ со стороны парижскаго народа. Этотъ отпоръ спасъ національное собраніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ выдвинулъ на политическую сцену населеніе столицы, которому потомъ и суждено было играть такую видную роль въ событіяхъ революціи. Въ этомъ и заключается смыслъ іюльскихъ событій за которыми послѣдовали событія октябрьскія, какъ увидимъ, уже менѣе благопріятныя не только для королевской власти, но и для самого національнаго собранія.

Въ исторіи лѣтнихъ и осеннихъ мѣсяцевъ 1789 г. реакціонныя попытки двора и революціонное движеніе въ народѣ идутъ рука объ руку. Одни историки склонны объяснять тогдашнія народныя возстанія исключительно чувствомъ самосохраненія народной массы передъ угрожающимъ положеніемъ двора и готовы поэтому взваливать на одинъ дворъ вину въ той анархіи, которая началась тогда во Франціи, тогда какъ другіе, наоборотъ, пытаются иногда исключительно этой анархіей объяснять репрессивныя мѣры, къ которымъ считала нужнымъ прибѣгнуть придворная партія. Ни то, ни другое нельзя признать вѣрнымъ само по себѣ: вѣрно и то, и другое вмѣстѣ, но опять-таки съ оговоркой, такъ какъ и народные бунты, и придворная реакція имѣли болѣе глубокое происхожденіе. Конечно, реакція сильно подливала масла въ огонь, и она вызвала грандіозныя іюльское и октябрьское возстанія, а эти событія, въ свою очередь, заставляли реакціонную партію думать о болѣе энергичной репрессіи, но народныя волненія задолго еще предшествовали революціи, имѣя свои причины въ тогдашнемъ состояніи Франціи, въ плохомъ экономическомъ положеніи народной массы, въ общей соціальной дезорганизаціи, въ тревожномъ и возбужденномъ настроеніи умовъ [1]), а съ другой стороны, и придворная оппозиція противъ всякихъ нововведеній политическаго и соціальнаго свойства не была явленіемъ новымъ, такъ какъ опять-таки коренилась въ общемъ состояніи Франціи,

[1]) Уже 27 апрѣля 1789 г. въ Парижѣ былъ бунтъ, чуть было не отсрочившій открытіе генеральныхъ штатовъ.

въ томъ значеніи, какое получилъ дворъ въ жизни страны, въ его союзѣ съ консервативными элементами общества, въ его вліяніи на королевскую власть. Обѣ силы вступили теперь въ открытую борьбу: подозрительное поведеніе двора вызывало народныя возстанія, а народныя возстанія служили для двора поводомъ къ тому, чтобы думать о репрессіи. Въ этой борьбѣ двора и народа, обострявшейся главнымъ образомъ вслѣдствіе реакціоннаго направленія придворной партіи, *положеніе національнаго собранія было, какъ увидимъ, весьма затруднительное*, и придворная партія не хотѣвшая признавать совершившихся событій, своимъ поведеніемъ сама подготовляла новый переворотъ, еще болѣе для нея грозный и въ то же время оказавшійся неблагопріятнымъ для національнаго собранія. Если 23 іюня власть изъ рукъ короля переходила въ руки представителей націи, то впереди былъ еще захватъ власти непосредственно парижскимъ населеніемъ, думавшимъ, что этимъ оно спасаетъ свободу отъ козней придворной партіи.

После неудачи королевскаго засѣданія 23 іюня, въ началѣ слѣдующаго мѣсяца къ Парижу и Версалю стали стягиваться войска, состоявшія главнымъ образомъ изъ иностранныхъ наемниковъ разныхъ національностей; во главѣ ихъ были Бретейль и маршалъ Бройль (Broglie), рѣшившіеся на самыя крайнія мѣры противъ національнаго собранія и парижскаго населенія. 9 іюля національное собраніе, принявшее въ этотъ день названіе учредительнаго собранія или конституанты (constituante), просило короля объ удаленіи войскъ,—и въ этомъ дѣлѣ опять одну изъ самыхъ первыхъ ролей пришлось играть Мирабо,—но король отвѣчалъ, что войска необходимы для защиты самого національнаго собранія и что если оно тревожится, то его можно будетъ перевести въ Нойонъ или въ Суассонъ. Между тѣмъ при дворѣ рѣшились снова дѣйствовать. 11 іюля сдѣлалось извѣстнымъ, что Неккеръ получилъ отставку и вмѣстѣ съ нею приказаніе немедленно и безъ огласки покинуть Францію, и что было образовано новое министерство изъ Бройля, Бретейля, клерикала Вогюйона и Фулона, которому молва приписывала такія слова по поводу голода: „если народъ хочетъ ѣсть, пусть питается сѣномъ". Національное собраніе послало къ королю депутацію съ просьбою вернуть Неккера и отослать войска на прежнія мѣста стоянки, но эта депутація не была принята. Тогда собраніе декретировало, что нація напутствуетъ Неккера и его товарищей выраженіемъ довѣрія и сожалѣнія, что новые министры и совѣтники короля, каково бы ни было ихъ званіе и положеніе, будутъ отвѣтственными за свои поступки, и что вѣчный позоръ покроетъ того, кто предложитъ государственное банкротство.

Тревожные слухи, приходившіе изъ Версаля, производили сильное впечатлѣніе на парижанъ, среди которыхъ уже начиналось революціонное броженіе, поддерживавшееся бѣдственнымъ положеніемъ народа, безработицей, дороговизной хлѣба, стеченіемъ массы людей изъ окрестностей и т. п., и въ этомъ броженіи участвовала даже сама французская гвардія. Пресса и рѣчи народныхъ ораторовъ усиливали возбужденное состояніе столичнаго населенія. 12 іюля пришло въ Парижъ извѣстіе объ отставкѣ Неккера. Въ саду Пале-Рояля одинъ молодой человѣкъ, Камилль Демуленъ, проникнутый античными идеями о республиканской свободѣ, которыя онъ вынесъ изъ только-что покинутой школы, въ страстной рѣчи по поводу отставки Неккера сталъ призывать народъ въ возстанію, предложивъ всѣмъ присутствовавшимъ на сходкѣ украсить себя листьями каштановаго дерева, подъ которымъ онъ говорилъ,—прототипъ позднѣйшей національной кокарды. Въ тотъ же день начались уличные безпорядки, а парижскіе избиратели, собравшись въ ратушѣ (hotel de ville), установили новое городское управленіе и декретировали образованіе милиціи въ 48 т. гражданъ; изъ нея возникла затѣмъ національная гвардія. 13 іюля возстаніе приняло еще болѣе грозные размѣры подъ вліяніемъ все болѣе и болѣе тревожныхъ слуховъ. Наконецъ 14 іюля громадная толпа народа разграбила арсеналъ Дома инвалидовъ, гдѣ было захвачено около 30 т. ружей и двадцати пушекъ, а затѣмъ произошло знаменитое взятіе Бастиліи. Толпа хотѣла овладѣть оружейнымъ складомъ крѣпости, но когда ее встрѣтили выстрѣлами, она разсвирѣпѣла и бросилась на приступъ, продолжавшійся пять часовъ и стоившій немало жертвъ. Бастилія была взята, и началась жестокая расправа народа съ ненавистными людьми. Голову коменданта Бастиліи де-Лоне носили по улицамъ вздѣтою на пику; такая же судьба постигла Флесселя, бывшаго парижскимъ городскимъ головой. Самый замокъ, бывшій какъ-бы символомъ стараго порядка, подвергся разрушенію, какъ того требовали нѣкоторые наказы. Лафайетъ послалъ Вашингтону къ подарокъ ключъ отъ главныхъ воротъ Бастиліи [1].

[1]) О Бастиліи и ея взятіи 14 іюля 1789 г. см. соч. *Ravaisson'a* (Les archives de la Bastille), *Funck-Brentano* (статья въ Revue historique за 1890 г. и книга Legendes et archives de la Bastille), *G. Bord'a* (La prise de la Bastille et les conséquences de cet événement dans les provinces), *Fournel* (Les hommes du 14 juillet, gardes françaises et vainqueurs de la Bastille), *Lecocq'a* (La prise de la Bastille et ses anniversaires), *Flammermont'a* (Relations inedites sur la prise de la Bastille), *Pitra* (La journée du 14 juillet 1789) и др. См. также русскую книгу. *С. Д. Ахшарумова*, Исторія Бастиліи. Историческая монографія), а также брошюру Любимова „Первые дни французской революціи 1789 г. по неизданнымъ запискамъ очевидца“ (вошло въ составъ его книги „Крушеніе монархіи во Франціи“, стр. 318—378). Для характеристики

Съ парижскимъ возстаніемъ 12—14 іюля и начинается дѣятельная роль населенія столицы въ исторіи революціи [1]).

Взятіе Бастиліи разстроило всѣ планы двора, которые предполагалось привести въ исполненіе какъ разъ въ ночь съ 14 на 15 іюля: для этого было уже заготовлено 40 тысячъ экземпляровъ королевской прокламаціи къ народу. Когда Людовику XVI сообщили о парижскихъ событіяхъ, онъ воскликнулъ: „Но вѣдь это бунтъ!"—„Нѣтъ, государь, отвѣчалъ герцогъ Ліанкуръ, это—революція!" („Mais c'est une révolte!"—„Non sire c'est une révolution!"). Въ войскахъ, предназначавшихся для совершенія государственнаго переворота, обнаруживались признаки неповиновенія и явнаго нежеланія стрѣлять въ народъ,—военная сила старой монархіи также разлагалась. Національное собраніе, между тѣмъ, должно было стать въ опредѣленныя отношенія къ совершившимся событіямъ. 9 іюля оно слушало мемуаръ (Мунье) объ основахъ будущей конституціи; 11 числа Лафайетъ внесъ свой проектъ декларацін правъ; 13-го опять просили короля удалить войска, но получили отказъ. Намѣренія двора были извѣстны депутатамъ, и тогда они рѣшились не расходиться, дабы снова не очутиться потомъ передъ запертыми дверями; поэтому засѣданіе длилось безпрерывно въ теченіе всей ночи (съ 14 на 15 іюля). Утромъ 15 числа рѣшено было послать къ королю еще одну депутацію,—передъ этимъ Мирабо сказалъ одну изъ наиболѣе пламенныхъ своихъ рѣчей,—и депутаты уже собирались разойтись, когда имъ дали знать, что самъ король желаетъ явиться въ собраніе. Мирабо совѣтовалъ, чтобы „первымъ пріемомъ монарху со стороны представителей несчастнаго народа была мрачная почтительность", такъ какъ, прибавилъ онъ, „молчаніе народовъ—урокъ королямъ". Но когда Лю-

---

второстепенныхъ дѣятелей въ событіяхъ 12—14 іюля см. Mémoires secrets de Fournier l'Americain (изд. подъ ред. *Aulard'a*).

[1]) Исторія Парижа во время французской революціи имѣетъ цѣлую литературу, чему за послѣднее время много способствовалъ особый комитетъ историческихъ работъ при парижскомъ муниципальномъ совѣтѣ (ср. мою статью о новѣйшихъ трудахъ по исторіи французской революціи въ первомъ томѣ „Историческаго Обозрѣнія", 1890). См. его изданія: *Monin*. Etat de Paris en 1789.—*Chassin*. Les élections et les cahiers de Paris en 1789.—*Charavay*. Assemblée électorale de Paris (1790—1791).—*Robiquet*. Le personnel municipal de Paris pendant la révolution—*G. Isambert*. La vie à Paris pendant une année de la révolution (1791—1792) и т. д. См. также *Tourneux*. Bibliographie de l'histoire de Paris pendant la révolution française.—Интересна также юбилейная (1889) книжка знатока „стараго порядка" во Франціи *A. Babeau*. Paris en 1789. Соч. *H. Monin*. Journal d'un bourgeois de Paris pendant la révolution française (année 1789) имѣетъ также интересъ (книга популярная). Изъ болѣе старыхъ сочиненій отмѣтимъ нѣмецкую книгу, переведенную и по-французски, *A. Schmidt*. Pariser Zustände während der Revolutionszeit.

довикъ XVI явился безъ всякой стражи, когда онъ сказалъ, что велѣлъ удалить войска, когда употребилъ выраженіе „національное собраніе“ которому онъ ввѣрилъ притомъ свою безопасность, депутаты привѣтствовали его съ восторгомъ и проводили назадъ до самаго дворца. Сто членовъ національнаго собранія немедленно поѣхали въ Парижъ извѣстить населеніе столицы о радостномъ событіи. Вопреки желанію Маріи-Антуанеты, не покидавшей мысли о контръ-революціи, Людовикъ XVI рѣшился также ѣхать въ Парижъ. Въ столицѣ его встрѣтили и устроили ему торжественный пріемъ новыя муниципальныя власти, бывшія въ то же время членами національнаго собранія— Байльи, сдѣлавшійся меромъ Парижа, и Лафайетъ, ставшій во главѣ національной гвардіи. Неккеръ былъ возвращенъ, король принялъ трехцвѣтную кокарду [1]), утвердилъ Байльи и Лафайета въ ихъ должностяхъ и уѣхалъ обратно въ Версаль, откуда, съ другой стороны, немедленно началась эмиграція дворянъ. Примѣръ подали гр. д'Артуа, принцы Конде, Конти и Полиньякъ, вмѣстѣ съ ними Бройль, Калоннъ и др. лица, совѣтовавшія произвести контръ-революцію.

Была ли причиною этой эмиграціи опасность, которой не хотѣли подвергать себя лица, чувствовавшія, что въ народѣ они не могутъ быть популярны, какъ утверждаютъ одни историки, или же въ эмиграціи дѣйствовала, какъ говорятъ другіе, ненависть къ новымъ порядкамъ, во всякомъ случаѣ гр. д'Артуа и другія знатныя лица оставили территорію Франціи не въ качествѣ бѣглецовъ или жертвъ народной ярости, а въ качествѣ недовольной политической партіи, которая тотчасъ же стала искать союзниковъ при мелкихъ германскихъ дворахъ для возстановленія стараго порядка на родинѣ. Если уже замыслы двора произвели іюльское возстаніе въ Парижѣ, то *вызывающій тонъ эмигрантовъ, ихъ угрозы «мятежникамъ», ихъ союзъ съ иностранцами только поддерживали и усиливали тревогу въ народѣ*; подозрѣвать въ сообщничествѣ съ эмигрантами начинаютъ и дворъ и всѣхъ оставшихся во Франціи дворянъ, вслѣдствіе этого отвѣтственность за многое изъ того, что впослѣдствіи происходило во Франціи падаетъ на эмигрантовъ. Всѣ они вышли изъ тѣхъ самыхъ круговъ, гдѣ сначала противились реформамъ Тюрго и другихъ министровъ Людовика XVI, а потомъ только и думали, что о противодѣйствіи національному собранію. Эти эмигранты первые вмѣшали иностранные дворы и во внутреннія дѣла Франціи, что только обострило положеніе дѣлъ. Любопытно, что и на чужбинѣ принцы и и куртизаны продолжали вести себя столь же легкомысленно въ по-

[1]) Красный и синій—цвѣта парижскаго герба; бѣлый—цвѣтъ королевскаго знамени. Отсюда и трехцвѣтное знамя, которое было національнымъ знаменемъ Франціи, кромѣ эпохи 1814—1830 г.

гонѣ за удовольствіями и въ разнаго рода интригахъ, какъ раньше вели себя на родинѣ, когда играли первенствующую роль при дворѣ [1]).

Въ то самое время, какъ эмигранты обращаются къ иностраннымъ дворамъ съ просьбою о поддержкѣ, *общественное мнѣніе въ самой Европѣ становится на сторону совершившагося во Франціи переворота*. Извѣстіе о взятіи Бастиліи было повсюду встрѣчено съ большою радостью—въ Германіи, въ Англіи, въ Италіи, даже въ Россіи, какъ о томъ доносилъ французскій посланникъ при дворѣ Екатерины II. Въ Англіи устраивались общественныя празднованія по поводу этого событія, а кэмбриджскій университетъ объявилъ паденіе Бастиліи конкурсною темою для студентовъ. Въ Италіи, Альфіери, въ Германіи Эбелингъ писали оды на взятіе Бастиліи. Да и всѣ французскія событія лѣта 1789 г. произвели сильное впечатлѣніе на иностранныхъ мыслителей и поэтовъ и вообще на образованныхъ людей, что весьма понятно при популярности французскихъ идей среди англичанъ, нѣмцевъ, итальянцевъ и въ другихъ націяхъ, и при общемъ космополитическомъ настроеніи XVIII в. Въ числѣ лицъ, привѣтствовавшихъ новую Францію (и даже, что дѣлали, конечно, не всѣ, нарочно пріѣзжавшихъ въ нее „подышать воздухомъ свободы"), были многія историческія знаменитости: Кантъ, Вильгельмъ фонъ Гумбольдтъ, Клопштокъ, Гердеръ, Вортсвортъ и т. п. Для общественнаго мнѣнія Европы французская революція получила такое же значеніе, какое американская имѣла для общественнаго мнѣнія самой Франціи; только позднѣйшія крайности революціи стали вызывать иное къ ней отношеніе, хотя въ то же время тѣ люди, которые, подобно Гёте, сначала не придавали французскимъ событіямъ никакого серьезнаго значенія, скоро поняли всю ихъ важность и не для одной Франціи [2]). Что касается до европейскихъ правительствъ, то они не сразу поняли характеръ начинавшихся во Франціи со-

---

[1]) *Forneron*. Hist. des émigrés.—Труды *F. Daudet*. Les Bourbons et la Russie; Les émigrés et la seconde coalition; Coblentz.—*Pingaud*. Corresp. du c-te de Vaudreuil avec le c-te d'Artois и др.

[2]) Объ этомъ можно найти подробности во многихъ общихъ сочиненіяхъ, (напр., у Сореля, т. II), а также въ сочиненіяхъ по исторіи франц. вліянія въ Германіи, указанныхъ въ главѣ XVIII этого тома. Кромѣ того, см. *Wohlwill*. Weltbürgerthum und Vaterlandsliebe der Schwaben, 1789—1815.—*Venedey*. Die deutschen Republikaner unter der französischen Republik.—*Rambaud*. Les Français sur le Rhin.—*Rieger*. Schillers Verhältniss zur französischen Revolution.—*Franchetti*. Storia d'Italia (глава primi effetti della revoluzione frencese) и др. *Cf. Pingaud*. Les Français en Russie. Четвертый томъ книги *М. М. Ковалевскаго* „Происхожденіе современной демократіи" посвященъ вліянію революціи на Италію.

бытій и первоначально смотрѣли на нихъ не съ принципіальной, а съ утилитарной точки зрѣнія: каждое отдѣльное правительство имѣло въ виду исключительно собственные политическіе интересы, съ точки зрѣнія которыхъ внутреннія замѣшательства, происходившія во Франціи и ее ослаблявшія, могли казаться и выгодными. Только тогда, когда революція начала грозить самому монархическому принципу, эмигранты стали пользоваться бо̀льшимъ успѣхомъ при иностранныхъ дворахъ.

14 іюля отозвалось весьма быстро и на провинціяхъ по всей Франціи. Въ отдѣльныхъ городахъ и деревняхъ начались возстанія, при чемъ, напримѣръ, въ Канѣ (Caen) и въ Бордо народомъ были взяты королевскія цитадели. Главнымъ образомъ борьба шла въ деревняхъ. Это было время жатвы, и крестьяне отказывались платить шампаръ, десятину и др. подобные сборы, а кстати и налоги. Они нападали на замки, разграбляли феодальные архивы, жгли и тѣ, и другіе и даже совершали насилія надъ сеньерами. Это было какъ бы повтореніемъ „жакеріи" середины XIV в. или великой крестьянской войны, бывшей въ Германіи въ началѣ реформаціи. Къ движенію, источникомъ котораго была ненависть къ фискальному гнету и къ феодальному режиму, примыкали голодныя толпы обнищавшаго народа, грабившія хлѣбные запасы и обозы, какъ это часто случалось и раньше, бродяги, контрабандисты, браконьеры, разбойники, а разные слухи, иногда совершенно нелѣпые, только поддерживали въ народѣ это волненіе. Собственно говоря, то, что происходило во Франціи во второй половинѣ іюля 1789 г., началось гораздо раньше еще до созванія генеральныхъ штатовъ, но прежде все это были лишь вспышки, хотя и пророчившія будущій общій взрывъ. Время жатвы, когда сибирали съ крестьянъ разныя повинности, примѣръ Парижа и другихъ городовъ, а также разные слухи, ходившіе въ народной массѣ, подметныя письма, подложные манифесты и агитація, шедшая со стороны людей, впослѣдствіи сдѣлавшихся главными опорами якобинскаго режима,—вотъ что усиливало теперь движеніе и превращало его въ цѣлую крестьянскую войну [1]).

Въ національное собраніе стали приходить грозныя извѣстія изъ провинцій, и оно наконецъ должно было обратить вниманіе на то, что творилось въ деревняхъ. Представители націи спохватились, что не предупредили ужасныхъ сценъ своевременнымъ обращеніемъ къ народу. „Деревни, говорилъ въ засѣданіи 4 августа виконтъ де-Ноайль, высказали свои желанія: не конституціи просили онѣ, ибо эта просьба высказалась только въ бальяжахъ,—онѣ требовали облегченія или

[1]) Въ Парижѣ тоже продолжалось волненіе, во время котораго были убиты Фулонъ и Бертье.

измѣненія феодальныхъ повинностей. Уже болѣе трехъ мѣсяцевъ онѣ видятъ одно—какъ ихъ представители занимаются тѣмъ, что мы называемъ и что въ дѣйствительности есть общественное дѣло, но для нихъ общественнымъ дѣломъ кажется то, чего онѣ сами желаютъ и чего страстно хотятъ добиться. Онѣ уже распознали людей, имъ преданныхъ, стремящихся къ ихъ счастью, и могущественныхъ лицъ, наоборотъ, противящихся этому; онѣ нашли нужнымъ вооружиться противъ силы, и теперь онѣ уже не знаютъ болѣе никакой сдержки". Такимъ образомъ „жакерія" была понята, какъ напоминаніе со стороны народа національному собранію о главномъ содержаніи сельскихъ наказовъ. Для успокоенія провинцій ничего не оставалось болѣе, какъ узаконить оффиціальною волею націи то, что фактически уже было сдѣлано дѣйствительною волею народа, начавшаго войну противъ феодальныхъ правъ. Виконтъ де-Ноайль, либеральный дворянинъ, одинъ изъ первыхъ перешедшій на сторону третьяго сословія, и еще нѣсколько такихъ же дворянъ (герцогъ д'Эгильонъ, герцогъ де-ла-Рошфуко, Александръ де-Ламетъ и др.) вошли въ тайное соглашеніе первыми предложить уничтоженіе феодальныхъ правъ, и въ засѣданіи 4 августа это было ими исполнено. Де-Ноайль заключилъ свою рѣчь, отрывокъ изъ которой приведенъ выше, предложеніемъ возвести въ законъ равенство въ налогахъ, уничтоженіе тяжелыхъ для народа привилегій, выкупъ феодальныхъ повинностей, отмѣну безъ выкупа крѣпостничества и барщинъ и т. п. Его поддержалъ герцогъ д'Эгильонъ. Цѣлый рядъ предложеній слѣдовалъ за ихъ рѣчами,—предложеній, въ которыхъ отдѣльные депутаты отказывались отъ разныхъ сословныхъ, корпоративныхъ и провинціальныхъ привилегій. Появленіе на трибунѣ новыхъ и новыхъ ораторовъ встрѣчалось рукоплесканіями, которыми сопровождались и всѣ предложенія, дѣлавшіяся съ трибуны; многіе плакали отъ умиленія и восторга; среди шума и аплодисментовъ секретари едва успѣвали записывать то, что предлагалось и говорилось. Засѣданіе затянулось далеко за полночь (откуда его названіе „ночного"), и въ нѣсколько часовъ національное собраніе отмѣнило серважъ, сеньерьяльную юстицію, исключительныя права охоты, голубятенъ и гареннъ, всѣ финансовыя привилегіи и податныя льготы, объявило выкупаемость феодальныхъ правъ и десятины и декретировало равенство всѣхъ гражданъ передъ закономъ и въ налогахъ, равный для всѣхъ доступъ къ гражданскимъ и военнымъ должностямъ и т. п. Потребовалось еще нѣсколько дней, чтобы общіе принципы, принятые въ ночномъ засѣданіи 4 августа, формулировать въ декретахъ (декреты 4—11 августа); затѣмъ нужно было назначить особый феодальный комитетъ (12 авг.) для разработки подробностей и частностей всего законодательства о феодаль-

ныхъ правахъ. Этому комитету предстояла очень трудная задача, потребовавшая у него болѣе полугода работы, прежде нежели могли появиться декреты, одинъ—классифицировавшій феодальныя права (15 марта 1790 г.), другой—устанавливавшій способъ и таксу выкупа (3 мая 1790 г.), да и этимъ еще не кончилась работа феодальнаго комитета конституанты, такъ какъ послѣдній подготовленный имъ декретъ былъ помѣченъ 29 сент. 1791 г. [1]). Если 23 іюня палъ политическій абсолютизмъ, то *4 августа совершилось паденіе соціальнаго феодализма*, болѣе древняго, чѣмъ сама старая монархія, выросшая уже на развалинахъ феодальной системы. Поскольку французская революція оказала непосредственное вліяніе на другія западно-европейскія страны, „4-ое августа“ получило важное значеніе въ исторіи и вообще крестьянской реформы, потому что до этого времени еще ни разу не наносилось такого рѣшительнаго и смертельнаго удара соціальному феодализму, какъ въ это засѣданіе.

Уже „просвѣщенный абсолютизмъ“ началъ подкапываться подъ соціальный феодализмъ, встрѣчая несочувствіе и противодѣйствіе привилегированныхъ. Во Франціи декреты 4 августа не нашли одобренія со стороны самого короля, писавшаго архіепископу арльскому, что онъ не раздѣляетъ восторга, овладѣвшаго всѣми классами общества, и никогда не согласится, давъ санкцію декретамъ, обобрать свое духовенство, свое дворянство. Національное собраніе ожидало отъ короля совсѣмъ иного, когда постановляло по поводу состоявшихся рѣшеній объявить Людовика XVI „возстановителемъ свободы Франціи“. Правда, впослѣдствіи онъ вынужденъ былъ согласиться на декреты, но эта временная его оппозиція показывала, какъ сильно онъ подчинялся вліянію придворной партіи.

При дворѣ послѣ неудачъ 23 іюня и 14 іюля все еще подумывали о новомъ coup d'état, расчитывая на генерала Буйлье, стоявшаго въ Мецѣ съ 30-тысячной арміей; предполагали снова стянуть войска къ Версалю и Парижу и съ помощью этого генерала возстановить прежній порядокъ вещей. 1 октября въ Версаль пришелъ „фландрскій полкъ“, которому королевская гвардія устроила пиръ, превратившійся въ манифестацію противъ національнаго собранія. Офицеры срывали съ себя трехцвѣтныя кокарды и топтали ихъ ногами, а придворныя дамы раздавали имъ кокарды бѣлыя—цвѣта королевскаго знамени. Людовикъ XVI съ женою и маленькимъ сыномъ

---

[1]) О возстаніи деревень, засѣданіи 4 авг., декретахъ касательно феодализма и о дѣятельности феодальнаго комитета см. въ моей книгѣ „Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII в.“ (См. также французскій переводъ этой книги: Les paysans et la question paysanne en France au dernier quart du XVIII siècle).

присутствовали на этомъ банкетѣ, а на другой день Марія-Антуанета прямо говорила, что вчерашній день привелъ ее въ восхищеніе.

Въ это самое время въ Парижѣ попрежнему было неспокойно, и народныя скопища собирались то тамъ, то здѣсь. Еще ранѣе этого въ народѣ рождалась мысль итти на Версаль, теперь же, когда въ голодающій Парижъ пришло извѣстіе о версальской „оргіи“, волненіе достигло крайнихъ размѣровъ. Населеніе столицы, пріученное старымъ порядкомъ къ тому, чтобы смотрѣть на правительство, какъ на нѣчто всемогущее, думало, что переѣздъ короля и національнаго собранія въ Парижъ сразу повлечетъ за собою обильное снабженіе города хлѣбомъ и удешевленіе жизненныхъ припасовъ, а политическіе люди (и въ числѣ ихъ Лафайетъ) полагали, что вырвать короля изъ рукъ реакціонной партіи будетъ легче всего, переселивъ его на жительство въ Парижъ. 5 октября стотысячная толпа, въ которой было множество женщинъ, двинулась изъ Парижа на Версаль за „хлѣбопекомъ“ (boulanger), какъ въ шутку называли короля. Лафайетъ во главѣ національной гвардіи, дабы не дать народному походу выродиться въ бунтъ, а въ случаѣ нужды и защитить королевскую семью отъ опасности, поспѣшилъ также въ королевскую резиденцію. Толпа вступила въ Версаль при пѣніи роялистическаго „Vive Henri IV“ и послала къ Людовику XVI депутацію изъ женщинъ. Король принялъ эту депутацію и обѣщалъ ей сдѣлать все для снабженія столицы хлѣбомъ. Подъ утро нѣсколько человѣкъ изъ пришедшей толпы проникло во дворецъ, убивъ часовыхъ, и только Лафайетъ, явившійся на шумъ, спасъ короля и его семью отъ смерти Но теперь Людовикъ XVI, а за нимъ и національное собраніе должны были переселиться въ Парижъ. Населеніе столицы уже 6 октября привѣтствовало въѣздъ короля и его семьи (le boulanger, la boulangère et le petit mitron) радостными криками. Многіе изъ тогдашнихъ публицистовъ раздѣляли восторгъ народа, напримѣръ, Камиллъ Демуленъ, радовавшійся въ своей газетѣ „Révolutions de France et de Brabant“ возвращенію Парижу его значенія, какъ столицы королевства, и побѣдѣ революціи надъ реакціей. Другіе иначе оцѣнивали значеніе событій 5—6 октября, и между прочимъ Мирабо, хотя его и обвиняли (какъ и герцога Орлеанскаго) въ возбужденіи этого новаго возстанія [1]). Болѣе, чѣмъ когда-либо раньше, стремился теперь Мирабо сдѣлаться руководителемъ погибавшей монархіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и умѣрителемъ побѣдоносной революціи. „О чемъ думаютъ эти господа?—спрашивалъ онъ около этого времени своего друга,

[1]) Герцогъ Орлеанскій на другой же день уѣхалъ въ Англію съ дипломатическимъ порученіемъ, котораго вовсе не просилъ. Мирабо пришлось оправдываться.

графа ла-Марка.—Развѣ они не видятъ пропасти, разверзающейся подъ ихъ ногами?.. Все потеряно! Король и королева погибнутъ, и — вы увидите это—чернь будетъ глумиться надъ ихъ трупами. Вы не вполнѣ понимаете опасность ихъ положенія, а между тѣмъ имъ нужно раскрыть глаза на настоящее положеніе дѣлъ". *6 октября дѣйствительно было роковымъ днемъ для монархіи, но оно же было и роковымъ днемъ для самой революціи*: 23 іюня власть перешла изъ рукъ короля въ руки національнаго собранія, и если 14-е іюля спасло собраніе отъ контръ-революціи, то послѣ 6 октября парижское населеніе овладѣло самимъ собраніемъ, и оно уже не могло считать себя свободнымъ среди жителей столицы, терпѣвшихъ отъ нужды, безработицы, дороговизны хлѣба, вѣрившихъ всѣмъ слухамъ, какіе только возникали въ это тревожное время, всегда возбужденныхъ, охотно слушавшихъ страстныя рѣчи народныхъ ораторовъ, ежедневно читавшихъ самыя зажигательныя статьи и брошюры,—и все это въ то время, когда за границей интриговали принцы, когда дворъ оказывалъ противодѣйствіе національному собранію, и когда духовенство и дворянство все болѣе и болѣе враждебно относились къ перемѣнамъ, которыя стали одна за другою совершаться въ государственной жизни Франціи.

Къ осени 1789 г. прежній порядокъ во Франціи рухнулъ окончательно. Старое правительство обнаружило полное свое безсиліе; армія находилась въ совершенномъ разложеніи; народъ совсѣмъ не повиновался законнымъ властямъ. Единственная власть, пользовавшаяся авторитетомъ, была власть національнаго собранія, и оно своими декретами санкціонировало крушеніе политическихъ и общественныхъ порядковъ, господствовавшихъ прежде во Франціи. Трудная задача предстояла этому собранію—при явно враждебномъ отношеніи двора и привилегированныхъ и при полной анархіи въ народныхъ массахъ созидать на развалинахъ стараго новое, перестраивать весь государственный и общественный бытъ страны, заступая въ то же время мѣсто утратившаго всякую власть правительства. Не нужно, оцѣнивая тогдашнее положеніе дѣлъ, забывать и еще одного обстоятельства: члены учредительнаго собранія были люди безъ практическаго опыта въ подобнаго рода дѣлахъ, да и теоретическая разработка частныхъ вопросовъ политики, права и народнаго хозяйства, которыми имъ пришлось заниматься, была въ XVIII вѣкѣ крайне несовершенна.

XXXV. Монархія и нація въ 1789—1791 гг.

Основной взглядъ Мирабо на революцію.—Его роль въ первые ея мѣсяцы.—Сношенія Мирабо съ дворомъ.—Партіи въ національномъ собраніи.—Клубы вообще и въ частности якобинскій клубъ.—Революціонная пресса.—Праздникъ федераціи.—Разработка конституціоннаго вопроса и роль Мирабо въ этомъ дѣлѣ.—Мирабо, Лафайетъ и якобинцы.—Смерть Мирабо.—Людовикъ XVI и учредительное собраніе.—Дворъ и эмиграція.—Бѣгство короля.—Дѣло на Марсовомъ полѣ.—Принятіе королемъ конституціи.—Конецъ учредительнаго собранія.—Внѣшнія отношенія Франціи въ 1789—1791 годахъ.

Въ учредительномъ собраніи 1789 г. соединился цвѣтъ тогдашней французской интеллигенціи. Собраніе провозгласило извѣстные принципы, но ихъ нужно было еще примѣнить къ дѣлу. Королевская власть, которая оказалась неспособною реформировать Францію по собственному почину и тѣмъ предупредить революцію, теперь должна была занять совсѣмъ новое положеніе въ государствѣ, если только не хотѣла окончательно погибнуть въ переворотѣ, такъ глубоко совершавшемся въ старомъ государственномъ и общественномъ строѣ Франціи. Въ то время республиканская идея еще не имѣла за себя въ странѣ партіи, но и монархія могла существовать лишь новаго образца, монархія демократическая, такая, о какой мечтали уже ранѣе нѣкоторые передовые люди, начиная съ д'Аржансона. Людовикъ XVI, какъ по своимъ взглядамъ и привычкамъ, по своей безхарактерности и нерѣшительности, такъ и по своимъ связямъ съ духовенствомъ и дворянствомъ и вслѣдствіи постояннаго вліянія на него со стороны придворной партіи, былъ мало способенъ выступить на новую политическую дорогу, которую открывали передъ нимъ событія первыхъ пяти мѣсяцевъ революціи (съ 5 мая по 5—6 октября 1789 г.) и на которую рѣшительно совѣтовалъ ему вступить Мирабо. Изъ всѣхъ дѣятелей 1789 г. *Мирабо оказался единственнымъ человѣкомъ, правильно понимавшимъ политическое положеніе.* Онъ предчувствовалъ и даже предвидѣлъ, куда могутъ привести тѣ или другія событія, и имѣлъ настоящую правительственную программу. Мы знаемъ уже, кахъ онъ смотрѣлъ на то, что́ совершалось во Франціи еще во время созыва генеральныхъ штатовъ; мы знаемъ именно, что у него былъ планъ, котораго не было у правительства, и что онъ стремился сдѣлаться совѣтникомъ правительства въ проведеніи реформъ. Горячій поклонникъ индивидуальной свободы, которую должна была обезпечить свобода политическая, онъ стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что ради свободы нужно сохранить монархію, придавъ ей только совершенно новый характеръ. Онъ разошелся съ своимъ сословіемъ и

сблизился съ народомъ и въ національномъ собраніи съ самаго начала сдѣлался однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ и популярныхъ защитниковъ новыхъ политическихъ принциповъ. Когда палъ окончательно старый государственный и общественный строй, Мирабо понялъ свою задачу въ смыслѣ упроченія пріобрѣтеній революціи, а для этого, по его мнѣнію, нужно было создать крѣпкое правительство, которое заимствовало бы свою силу прежде всего изъ рѣшительнаго и твердаго перехода на сторону новаго порядка вещей, изъ безповоротнаго разрыва съ прошлымъ, переставшимъ существовать, и торжественнаго признанія совершившихся перемѣнъ. Въ 1789 г. Мирабо не видѣлъ возможности создать такое правительство, не положивъ въ его основу традиціонную королевскую власть, но она, думалъ онъ, должна была прежде всего сбросить съ себя все, что противорѣчило идеямъ и стремленіямъ націи, добившейся наконецъ равенства и свободы. По мысли Мирабо, въ случаѣ надобности король долженъ былъ бы даже отвоевать у національнаго собранія его популярность, но главное—король долженъ былъ бы образовать министерство изъ наиболѣе популярныхъ членовъ національнаго собранія, изъ людей, сдѣлавшихъ революцію и ей обязанныхъ своимъ возвышеніемъ. Быть министромъ демократической монархіи, консолидировать пріобрѣтенія революціи, не дать послѣдней выйти изъ предѣловъ въ данную минуту единственно возможнаго и нужнаго для Франціи,—такова была идея Мирабо, особенно послѣ событій 5 — 6 октября, когда опасность „аристократическихъ заговоровъ", о которыхъ онъ писалъ еще въ концѣ 1788 г. Монморену, миновала, и его стали скорѣе пугать „эксцессы демократіи", о которыхъ онъ тогда тоже писалъ Монморену.

Уже въ первые мѣсяцы революціи Мирабо страшно выдѣлялся среди другихъ членовъ учредительнаго собранія. Его энергія и смѣлость, его замѣчательное краснорѣчіе въ собраніи, выставившемъ немало крупныхъ ораторовъ [1]), дѣлали его популярнымъ и въ самомъ собраніи, и въ публикѣ, да и самъ онъ старался вліять на общество не однѣми рѣчами съ трибуны. Послѣ открытія генеральныхъ штатовъ онъ предпринялъ періодическое изданіе „États généraux", переименованное впослѣдствіи въ „Письма къ своимъ довѣрителямъ" (Lettres à mes commettants), и здѣсь онъ помѣщалъ свои политическія статьи. Въ то же время онъ искалъ сближенія съ Неккеромъ, думая расположить его въ пользу своего плана, но министръ отнесся къ нему съ недовѣріемъ и оттолкнулъ его отъ себя, и Мирабо ясно

---

[1]) *Aulard*. L'éloquence parlementaire pendant la révolution française. Les orateurs de l'assemblée constituante.

сталъ сознавать, до какой степени вредила ему его дурная репутація. Съ другой стороны, дворъ никакъ не могъ простить ему его поведеніе 23 іюня, и это тоже мѣшало осуществленію его плана, въ которомъ личное честолюбіе и глубокая политическая мысль такъ гармонически сливались между собою. Въ самомъ собраніи, далѣе, онъ раздражалъ многихъ своими безцеремонными манерами и повелительнымъ нравомъ. Несмотря на это, онъ все-таки умѣлъ имъ управлять, хотя, повидимому, нерѣдко желалъ совсѣмъ различныхъ вещей. Въ самомъ дѣлѣ, онъ то составлялъ адресъ королю съ просьбою объ отозваніи иностранныхъ полковъ, то предлагалъ выпустить воззваніе къ народу съ призывомъ къ повиновенію законамъ, то защищалъ право общинъ посылать депутаціи въ національное собраніе, то противился предложенію, чтобы присягу войскъ принимали муниципальныя власти, а не „исполнительная власть“, защищая, однако, при каждомъ удобномъ случаѣ свою вѣрность основнымъ принципамъ. Мирабо упрекали въ честолюбіи, но онъ не былъ рабомъ этого честолюбія, и ради того, чтобы во всемъ и всегда оставаться популярнымъ, онъ не отступалъ передъ проповѣдью того, что считалъ истиннымъ и полезнымъ для страны, хотя бы отъ этого могла пострадать его популярность. Мирабо принималъ самое дѣятельное участіе во всѣхъ преніяхъ по наиболѣе важнымъ вопросамъ, занимавшимъ національное собраніе, и всегда являлся съ мѣткою критикою дѣлавшихся въ собраніи предложеній, съ мудрыми совѣтами по самымъ разнообразнымъ предметамъ и съ очень опредѣленными принципами для будущей конституціи, къ выработкѣ которой приступило учредительное собраніе. Его, однако, не всегда понимали и не вездѣ ему довѣряли. Его демократическіе принципы были ненавистны двору, который продолжалъ отождествлять интересы королевской власти съ интересами привилегированныхъ, а его монархизмъ казался, наоборотъ, подозрительнымъ національному собранію, гдѣ все болѣе и болѣе считали нужнымъ быть насторожѣ противъ королевской власти. Его некрасивое прошлое, его дурная репутація, его малая разборчивость въ практическихъ средствахъ, создавали при дворѣ такое о немъ представленіе, что слушаться его не слѣдуетъ, но что можно посредствомъ подкупа сдѣлать его безвреднымъ, и въ національномъ собраніи тоже заподозривали его искренность и считали его способнымъ сдѣлаться измѣнникомъ, продать за деньги и за почести интересы свободы и права націи.

Весь правительственный планъ Мирабо покоился на образованіи парламентарнаго министерства по англійскому образцу и на томъ, чтобы самому сдѣлаться первымъ министромъ, на этотъ планъ требовалъ двухъ условій, которыхъ какъ разъ и не было налицо. Нужно

было, во-первыхъ, чтобы къ нему отнеслись съ сочувствіемъ обѣ стороны, т.-е. и король, и національное собраніе, но ни одна сторона не могла проникнуться идеей Мирабо. Людовикъ XVI, лишь скрѣпя сердце, терпѣлъ около себя національное собраніе, а это послѣднее, въ свою очередь, готово было считать мало заслуживающимъ довѣрія всякаго, кто сдѣлался бы совѣтникомъ короля. Во-вторыхъ, и лично самъ Мирабо не казался ни двору, ни конституантѣ такимъ человѣкомъ, на котораго можно было бы положиться; хотя и удивлялись его талантамъ, но его энергіи въ сущности боялись. Вѣчно нуждаясь въ деньгахъ, Мирабо бралъ ихъ отовсюду, гдѣ только ихъ давали, и, напримѣръ, новѣйшій его историкъ [1]) для того, чтобы доказать несостоятельность мнѣнія, дѣлавшаго изъ него одного изъ агентовъ политики герцога Орлеанскаго, пользуется, между прочимъ, такимъ доводомъ: Мирабо никогда не просилъ денегъ у этого принца.

Не прошло десяти дней послѣ переселенія короля въ Парижъ, какъ Мирабо черезъ своего друга, графа де-ла-Марка, вошелъ въ сношенія съ дворомъ, написавъ мемуаръ, который прежде всего былъ переданъ брату короля, графу Прованскому (15 окт.). Ла-Маркъ былъ пріятелемъ Мирабо и вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкомъ, преданнымъ королевской семьѣ и особенно Маріи-Антуанетѣ; поэтому ему и пришлось играть роль посредника при дальнѣйшихъ переговорахъ, хотя королева, на которую Мирабо страстно напалъ въ одной изъ своихъ рѣчей (5 окт.), долго не рѣшалась входить въ сношенія съ такимъ человѣкомъ. Дворъ сталъ платить Мирабо деньги, Мирабо сталъ давать ему свои совѣты, принимая плату за свои труды, хотя его совѣтамъ не слѣдовали. Въ его сообщеніяхъ двору было немало противорѣчиваго въ зависимости отъ мѣнявшихся обстоятельствъ, но основная мысль ихъ была одна и та же: цѣль оставалась прежняя, но средства для ея осуществленія могли представляться разныя, смотря по условіямъ того или другого момента. Создавались разныя комбинаціи, но дальше переговоровъ дѣло не шло: ужъ очень договаривающіяся стороны смотрѣли на дѣло разными глазами, и при дворѣ, напримѣръ, были очень недовольны, когда узнавали, что Мирабо попрежнему говорилъ рѣчи въ духѣ демократическихъ интересовъ. Его сношенія съ дворомъ стали извѣстными въ обществѣ, его начали обвинять въ государственной измѣнѣ, и ему нужно было показывать, что на дѣлѣ онъ не перемѣнился, т.-е. что онъ постарому остается другомъ народа и защитникомъ его свободы. Въ концѣ концовъ онъ самъ запутался въ противорѣчіяхъ, которыя неминуемо должны были при такихъ обстоятельствахъ возникнуть въ его дѣятельности, разъ цѣлью

[1]) Charles de Loménie.

ея было соединить на немъ. Мирабо, довѣріе двора и довѣріе націи, двухъ силъ, подозрительно относившихся одна къ другой. Мирабо совѣтовалъ королю, рѣшительно ставъ на сторону новыхъ порядковъ, уѣхать, напримѣръ, въ Нормандію, объявивъ, что не считаетъ себя свободнымъ въ Парижѣ, и пригласить національное собраніе, не менѣе его несвободное, послѣдовать его примѣру; въ случаѣ несогласія на это со стороны собранія онъ предлагалъ аппелировать къ народу и созвать чрезвычайный „національный конвентъ", хотя бы это было поводомъ къ гражданской войнѣ, которой, по его мнѣнію, нечего было бояться, разъ партія короля станетъ партіей національной, народной; слѣдовало, думалъ Мирабо, опасаться лишь внѣшней войны. Онъ рѣшительно не совѣтовалъ уѣзжать куда-либо на границу, напримѣръ, въ Мецъ, такъ какъ это могло бы возбудить въ народѣ подозрѣнія; еще же менѣе позволительно было бы просить иностранной помощи, чтобы съ оружіемъ въ рукахъ вторгнуться въ родную землю. Къ сожалѣнію, Мирабо указывалъ еще на такія средства, которыя уже никоимъ образомъ не соотвѣтствовали его цѣли основать королевскую демократію, т.-е. возродить династію посредствомъ революціи и положить въ основу возстановленной власти гражданскую свободу и равенство, обезпеченныя политической конституціей. Этими средствами были иногда просто-на-просто интрига и подкупъ, или, какъ выражался самъ Мирабо, „комбинаціи государственнаго человѣка и средства интриги, мужество великихъ гражданъ и дерзость злодѣевъ", своего рода „политическая аптека", въ которой находились бы одинаково и цѣлебныя лѣкарства, и убійственные яды. Другими словами, имъ предлагались, какъ вѣрно замѣчаетъ Сорель, способы, которыми черезъ десять лѣтъ пользовались консульство Бонапарта и министерство Фуше [1]). Такъ-таки Мирабо не удалось добиться содѣйствія двора своимъ планамъ и, наоборотъ, дворъ, платя ему деньги за совѣты, которымъ не слѣдовалъ, также не добился того, чтобы купить Мирабо, вовсе и не думавшаго продавать себя за деньги.

Столь же мало успѣха имѣлъ политическій планъ Мирабо и въ національномъ собраніи. Когда онъ своимъ бурнымъ и пламеннымъ краснорѣчіемъ дѣйствовалъ на страсти, собраніе шло за нимъ, но едва онъ обращался къ голосу разсудка, ему не удавалось быть достаточно убѣдительнымъ; его идеи оставались непонятными, его совѣтамъ не довѣряли. Въ самомъ собраніи уже въ эпоху переселенія въ Парижъ *стали формироваться партіи*, среди которыхъ Мирабо трудно было проводить свою политику. Партій въ собраніи было нѣсколько: одни (высшее духовенство и дворянство) все еще мечтали о сохраненіи ста-

---

[1]) Извѣстный революціонеръ, а потомъ одно изъ орудій (въ качествѣ министра полиціи) наполеоновскаго деспотизма.

раго порядка; другіе (Неккеръ, Мунье, Лалли-Толлендаль [1]), Клермонъ-Тоннеръ) думали о необходимости предоставить королю одну лишь исполнительную власть и, сохранивъ за духовенствомъ и дворянствомъ первенствующее положеніе, раздѣлить національное собраніе на верхнюю и нижнюю палаты; третьи представляли себѣ будущую конституцію не иначе, какъ съ одной палатой, и такого мнѣнія, кромѣ Мирабо, держались Сіэсъ, Байльи, Лафайетъ; далѣе, были дѣятели, которые желали придать болѣе значенія дѣйствію на собраніе парижскаго населенія и клубовъ (Дюпоръ, Барнавъ, братья Ламеты), и уже намѣчались будущіе дѣятели республики (Робеспьеръ, Грегуаръ, Петіонъ и др.). Кромѣ національнаго собранія, весьма скоро *сдѣлались значительною политическою силою клубы*, засѣданія которыхъ стали впослѣдствіи публичными, привлекая массу народа, и которые мало-по-малу открыли филіальныя отдѣленія въ провинціяхъ, благодаря чему послѣ крушенія стараго центральнаго правительства, не замѣнившагося новой организаціей, одинъ изъ этихъ клубовъ сталъ господствовать не только надъ населеніемъ столицы, но и надъ провинціями, привыкшими при старомъ порядкѣ повиноваться всему, что ни исходило изъ столицы. Этотъ клубъ получилъ названіе якобинскаго, и въ немъ организовалась партія, извѣстная также подъ именемъ якобинцевъ, и выработалось цѣлое политическое направленіе—якобинизмъ [2]).

Первоначальная исторія якобинскаго клуба мало извѣстна. Еще въ самое первое время революціи, до королевскаго засѣданія 23 іюня уже существовалъ въ Версалѣ бретонскій клубъ (club breton), въ которомъ заранѣе обсуждались дѣла, стоявшія на очереди въ національномъ собраніи. Въ засѣданіяхъ клуба участвовали одни депутаты, спачала только бретонцы, сходившіеся въ одинъ кафе для того, чтобы поговорить объ общихъ дѣлахъ, но мало-по-малу притянувшіе къ себѣ единомышленниковъ изъ депутатовъ другихъ провинцій, каковы: герцогъ д'Эгильонъ, Мирабо, Сіэсъ, Барнавъ, Петіонъ, Вольней, аббатъ Грегуаръ, Робеспьеръ, братья де-Ламеты и др. Роялисты смотрѣли на нихъ, какъ на заговорщиковъ. Въ клубѣ (или комитетѣ, какъ его иначе называли) принимались важныя рѣшенія, которыя проводились потомъ въ собраніи. Кажется постановленіе 17 іюня

[1]) См. брошюру *Г. . Аѳанасьева* „Лалли Толандаль и его процессъ о государственной измѣнѣ", но особенно соч. о немъ *Hamont*.

[2]) *Zinkeisen*. Der Jakobiner-Klub. Ein Beitrag zur Geschichte der Parteien und der politischen Sitten im Revolutionszeitalter.—II т. „Революціи" *Тэна*, носящій названіе „La conquête jacobine".—*F. A. Aulard*. La société des Jacobins (обширный сборникъ документовъ съ введеніемъ и примѣчаніями Олара, который далъ и подробную библіографію). Другіе извѣстные клубы въ Парижѣ были: кордельерскій, фельянскій и т. д.

1789 г. прошло первоначально въ этомъ частномъ собраніи; затѣмъ было еще большое засѣданіе въ началѣ двадцатыхъ чиселъ іюня, на которомъ присутствовало около полутораста членовъ національнаго собранія подъ предсѣдательствомъ герцога д'Эгильона. Послѣ 5—6 октября бретонскій клубъ продолжалъ свои засѣданія и въ Парижѣ, гдѣ одновременно возникали и другія подобныя сходки депутатовъ. Версальскій комитетъ патріотовъ реорганизовался осенью 1789 г. въ цѣлое общество, сначала называвшееся „Обществомъ революціи", потомъ „Обществомъ друзей конституціи, засѣдающимъ у якобинцевъ въ Парижѣ", послѣ того, какъ клубъ нанялъ себѣ помѣщеніе въ старомъ якобинскомъ монастырѣ, откуда враги революціи и дали его членамъ кличку—якобинцы. Первоначально члены общества отказывались отъ этой клички, но позднѣе (съ установленіемъ республики) стали сами себя называть „Обществомъ якобинцевъ, друзей свободы и равенства". Составъ клуба расширился весьма быстро пріемомъ въ него писателей, чѣмъ-либо оказавшихъ услугу дѣлу свободы, и всякихъ другихъ лицъ по рекомендаціи шести членовъ, у уже въ декабрѣ 1789 г. пріѣзжіе провинціалы представлялись въ засѣданіяхъ клуба и просили объ учрежденіи подобныхъ засѣданій въ главныхъ городахъ Франціи. 8 февраля 1790 г. общество приняло для своей дѣятельности особый регламентъ, составленный Барнавомъ. Цѣлями клуба обозначались: 1) предварительное обсужденіе вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію въ національномъ собраніи, 2) работа надъ установленіемъ и утвержденіемъ конституціи въ смыслѣ демократическихъ идей и 3) сношенія съ другими обществами того же рода, которыя могутъ образоваться въ провинціяхъ. Засѣданія тогда не были еще публичными; постороннихъ посѣтителей стали допускать въ собраніе общества лишь въ серединѣ октября 1791 г. Бюро клуба состояло изъ предсѣдателя, выбиравшагося на два мѣсяца, четырехъ секретарей и казначея, но кромѣ того въ клубѣ образовалось три комитета, изъ которыхъ одинъ велъ всю корреспонденцію. Что касается до филіальныхъ отдѣленій общества, то къ серединѣ августа 1790 г. ихъ было уже болѣе полутораста; ихъ число увеличилось весною 1791 г. подъ вліяніемъ слуховъ о новыхъ замыслахъ противъ революціи, и по мартовскому списку 1791 г. всѣхъ провинціальныхъ клубовъ числилось уже 227, а по майскому прибавилось къ нимъ еще 118 обществъ, по іюньскому же всего было 406 обществъ (не считая нѣскольскихъ клубовъ, находившихся съ центральнымъ обществомъ лишь въ простыхъ сношеніяхъ). Число это возрастало, и въ эпоху республики оно уже превышало тысячу. Учредительное собраніе сначала благосклонно относилось къ учрежденію подобныхъ народныхъ обществъ (sociétés populaires), такъ какъ они поддерживали

дѣло революціи; но потомъ, когда клубы стали все болѣе и болѣе вмѣшиваться въ дѣла, подлежавшія вѣдѣнію національнаго собранія и муниципальныхъ учрежденій, законодательство начало принимать разныя ограничительныя мѣры. Въ февралѣ 1791 г. въ національномъ собраніи стали даже раздаваться голоса о томъ, что нужно было бы уничтожить „народныя общества", потому что пока они существуютъ, на спокойствіе въ государствѣ надѣяться будетъ трудно. До уничтоженія клубовъ дѣло, однако, не дошло, но у нихъ отняли, напримѣръ, право петицій національному собранію, право расклейки на стѣнахъ улицъ своихъ объявленій и т. п. Расходясь въ концѣ сентября 1791 г., учредительное собраніе даже издало декретъ, запрещавшій вообще всякимъ обществамъ, клубамъ и ассоціаціямъ превышать права чисто частныхъ соединеній гражданъ. Законодательное собраніе (1791—1792) относилось къ клубамъ благосклоннѣе, а при конвентѣ, особенно во II году республики (1793—1794), „народныя общества сдѣлались настоящими государственными учрежденіями и стали играть оффиціальную роль, къ чему ихъ приглашали сами конвентскіе коммиссары въ провинціяхъ. Въ концѣ 1790 года якобинскій клубъ завелъ и свой періодическій (еженедѣльный) органъ подъ названіемъ „Journal des Clubs ou sociétés patriotiques, dédié aux amis de la constitution, membres des différents Clubs français"; онъ поставилъ своей задачею слѣдить за засѣданіями и другихъ клубовъ. Въ сентябрѣ 1791 г. это изданіе слилось съ ежедневнымъ „Journal général d'Europe". Около того же времени возникъ „Journal des amis de la constitution", бывшій также могущественнымъ орудіемъ якобинской пропаганды, но не помѣщавшій еще отчетовъ о засѣданіяхъ, пока съ 1 іюня 1791 г. не сталъ появляться подъ названіемъ „Journal des débats (а съ 1 января 1792 г.: et de la correspondance) de la société des amis de la constitution séante aux Jacobins à Paris". Таково было происхожденіе самаго знаменитаго изъ революціонныхъ клубовъ, съ которымъ ни одинъ другой не могъ сравняться по своей организаціи, мало-по-малу покрывшей всю Францію сотнями „sociétés populaires", по энергіи своихъ членовъ, сдѣлавшихся впослѣдствіи агентами революціоннаго правительства въ странѣ, и по своему вліянію, которое поддерживалось обширной корреспонденціей и публицистическими изданіями. Въ нѣдрахъ этой организаціи и сформировалась партія, которая, опираясь на народъ, захватила впослѣдствіи въ свои руки власть надъ страною.

Кромѣ клубовъ большое развитие въ первые же годы революціи получила и политическая пресса [1]). Брошюру въ это время смѣнила

[1]) *Hatin.* Hist. de la presse en France.—*Chalamel.* Hist. de la liberté de presse en France depuis 1789.—*Gallois.* Histoire des journaux de la Révo-

газета, а газетъ стала возникать громадная масса, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ имѣли колоссальный успѣхъ, какъ, напримѣръ, „Les Revolutions de Paris“ Лустало (200 тысячъ экземпляровъ), „L'Orateur du peuple“ Фрерона, „Les Révolutions de France et de Brabant“ Камилла Демулена, „Point du jour“ Баррера и др.; къ нимъ потомъ прибавились „Ami du peuple“ Марата, „Père Duchêne“ Эбера (Hébert) и иныя крайнереволюціонныя изданія. Дворъ также имѣлъ свои органы, въ которыхъ подвергались нападенію дѣятели революціи (Journal de la Cour et de la Ville“, „Journal des Halles“, „Ami du roi“, „Actes des apôtres“). Мы еще увидимъ, какъ относилось само національное собраніе къ свободѣ прессы, но въ обществѣ, воспитанномъ въ строгостяхъ стараго режима, еще не было ни умѣнія пользоваться свободою, ни уваженія къ свободѣ чужого мнѣнія. Своими крайностями періодическая пресса весьма много способствовала продолженію анархіи, вызванной разложеніемъ стараго порядка, народными бѣдствіями, тревожными слухами, попытками контръ-революціи, и наиболѣе ярые листки только подливали масло въ огонь, отражая на себѣ всеобщее броженіе, ловя слухи, ходившіе въ обществѣ, бросая тѣнь подозрѣнія въ неблагонадежности на своихъ политическихъ противниковъ, выступая съ прямыми обвиненіями противъ отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ категорій гражданъ и проповѣдуя насиліе въ самыхъ грубыхъ и рѣзкихъ выраженіяхъ. Все это, впрочемъ, дѣлали нерѣдко и газеты, получавшія субсидію отъ двора. Съ другой стороны, иногда совершались попытки съ разныхъ сторонъ заставить замолчать противника, хотя бы путемъ насилія, и очень часто издатели и редакторы противныхъ партій подвергались оскорбленіямъ, а ихъ газеты предавались торжественному auto-da-fe передъ дверьми какой-нибудь кофейни, въ которой собирались тѣ или другіе политическіе единомышленники. Подобно тому, какъ по отношенію къ клубамъ національное собраніе приняло нѣкоторыя ограничительныя мѣры, оно подъ конецъ задумало положить предѣлъ и злоупотребленіямъ свободою въ печати. Во всякомъ случаѣ, революціонныя „народныя общества“ и революціонная пресса, говорившія прежде всего языкомъ страсти, *отражали на себя то бурное и вмѣстѣ съ тѣмъ тревожное настроеніе, которое переживалось французской націей*, стремившейся къ свободѣ, но не знавшей ея дѣйствительныхъ правъ и предѣловъ, воспитанной въ традиціяхъ деспотизма и потому не умѣвшей уважать чужую свободу и думавшей, наконецъ, что единственнымъ средствомъ утвержденія свободы должно было быть употребленіе силы противъ всѣхъ несогласно мыслящихъ.

---

lution.—*Champfleury*. Histoire de la carricature en France pendant la Révolution.

Въ эту бурную эпоху французской исторіи было совершено не мало несправедливостей, насилій, жестокостей; но въ сознаніи людей, которые занимались реорганизаціей внутренняго быта или съ сочувствіемъ слѣдили за тѣмъ, какъ велась эта работа, все, что могло наводить на пессимистическія размышленія, отступало на задній планъ передъ фактами, свидѣтельствовавшими, что французская нація пробуждается къ новой жизни, и передъ свѣтлыми упованіями на будущее. Однимъ изъ такихъ моментовъ, когда будущее представлялось въ самомъ радужномъ видѣ, когда всѣ великодушныя стремленія, героическія усилія, безкорыстная работа патріотовъ получали высшую свою награду, былъ праздникъ федераціи, устроенный въ первую годовщину взятія Бастиліи, 14 іюля 1790 г. Уже съ осени 1789 г. чувствовалась народомъ какая-то потребность къ манифестаціямъ, въ которыхъ проявлялись бы новыя стремленія, чувствовалось влеченіе къ „федераціямъ", т.-е. къ громаднымъ сходкамъ съ цѣлью принесенія присяги „націи, закону и королю" и устроенія по этому поводу народныхъ празднествъ. Подобныя торжества свободы устраивались въ разныхъ провинціальныхъ городахъ для цѣлыхъ значительныхъ районовъ, но самая грандіозная манифестація подобнаго рода была устроена въ Парижѣ въ первую годовщину взятія Бастиліи. На Марсовомъ полѣ былъ воздвигнутъ громадный алтарь, при которомъ служило триста священниковъ въ присутствіи полумилліонной толпы и почти десятитысячной національной гвардіи, собравшейся изъ разныхъ мѣстностей, и во время этого торжества приносили присягу новому государственному устройству Лафайетъ отъ имени національной гвардіи, президентъ національнаго собранія и самъ Людовикъ XVI [1]). Подобныхъ театральныхъ сценъ исторія французской революціи представляетъ немало, и въ нихъ было много искренности, много энтузіазма, великодушныхъ порывовъ и того оптимизма, который характеризуетъ французскую литературу XVIII вѣка.

Вотъ среди какихъ вообще обстоятельствъ приходилось учредительному собранію совершать свою преобразовательную работу, результаты которой мы разсмотримъ отдѣльно и въ общей между собою связи. Однимъ изъ главныхъ трудовъ національнаго собранія была выработка новой конституціи, происходившая подъ весьма сложными вліяніями не только господствовавшихъ въ то время теоретическихъ взглядовъ въ области политики, но и отношеній и настроеній, создававшихся поведеніемъ короля и двора, духовенства и дворянства, клубовъ и народной массы. *Громадное большинство въ національномъ*

---

[1]) *Lambert*. Les fédérations en Franche-Comté et la fête de la révolution du 14 juillet 1790.

собраніи желало конституціонной монархіи, но въ то же время раздѣляло политическія теоріи Руссо и Мабли, бывшія въ сущности республиканскими. Оно не довѣряло королевской власти, опасаясь возможности злоупотребленія ея правами со стороны Людовика XVI, и подозрительно относилось ко всякому предложенію, клонившемуся къ тому, чтобы поставить монарха въ независимое положеніе и дать ему дѣйствительную возможность управлять Франціей при помощи парламентарнаго министерства. Мы еще увидимъ, что выработанная учредительнымъ собраніемъ конституція была монархическою лишь по формѣ, по существу же она была конституціей республиканскою, и для того, чтобы объяснить, какъ монархически настроенное собраніе могло основать конституцію на республиканскихъ принципахъ, нужно принять въ расчетъ не однѣ бывшія популярными среди его членовъ идеи Руссо и Мабли о республиканской монархіи, но и тѣ условія, среди которыхъ совершалась выработка конституціи 1791 г. Поведеніе Людовика XVI, планы двора, заграничная агитація эмигрантовъ въ связи съ боязнью передъ возможностью возстановленія абсолютизма *заставляли учредительное собраніе всячески урѣзывать королевскія права въ конституціи, которую оно выработывало;* главнымъ противникомъ такого урѣзыванія былъ Мирабо, а на него и въ самомъ собраніи, и въ клубахъ, и въ прессѣ, и въ обществѣ смотрѣли, какъ на человѣка, продавшагося двору. Поэтому онъ и въ національномъ собраніи потерпѣлъ такую же неудачу съ своимъ планомъ конституціонной монархіи, какъ и при дворѣ.

Работы по составленію конституціи начались еще въ Версалѣ, незадолго до іюльскихъ событій 1789 г. (именно 9 іюля, когда національное собраніе объявило себя учредительнымъ) и съ самаго же начала Мирабо принялъ наиболѣе дѣятельное участіе въ трудахъ собранія по этому вопросу.

Переименованіе генеральныхъ штатовъ въ національное собраніе совершилось противъ желанія Мирабо, предлагавшаго дать имъ другое названіе. Онъ боялся довѣрить всю власть безраздѣльно одному всемогущему собранію и требовалъ, чтобы рѣшенія представителей народа нуждались еще въ королевской санкціи. „Я, говорилъ онъ, не знаю ничего ужаснѣе, какъ суверенная аристократія изъ шестисотъ лицъ, которыя могли бы завтра объявить себя несмѣняемыми, послѣ завтра наслѣдственными и кончили бы, какъ всѣ аристократіи всѣхъ странъ, захватомъ всего въ свои руки“ (par tout envahir). Мирабо принималъ также участіе въ обсужденіи декларации правъ человѣка и гражданина, которой требовали наказы. Въ данномъ вопросѣ онъ былъ противъ „метафизическаго“ и „абстрактнаго“ направленія, какое приняли пренія о декларации, находя, что собраніе

слишкомъ долго оставалось въ области идей (la vaste region des abstractions du monde intellectuel), откуда нужно было, по его мнѣнію, поскорѣе вернуться въ реальный міръ, въ область положительнаго законодательства. При разработкѣ конституціи онъ защищалъ самымъ рѣшительнымъ образомъ раздѣлъ законодательной власти между собраніемъ и королемъ, которому предоставлялъ абсолютное *veto*. Еще въ серединѣ іюня 1789 г. онъ говорилъ, что безъ королевской санкціи онъ скорѣе согласился бы жить въ Константинополѣ, чѣмъ въ Парижѣ, и указывалъ на возможность захвата національнымъ собраніемъ деспотической власти. И потомъ, когда конституція уже разрабатывалась, онъ поддерживалъ абсолютное *veto*, но не имѣлъ никакого успѣха, и собраніе, какъ мы увидимъ, въ концѣ концовъ приняло *veto* отсрочивающее, въ силу котораго король лишь на время могъ останавливать рѣшенія законодательнаго корпуса. Между тѣмъ, не только въ самомъ собраніи, но и въ клубахъ, и въ прессѣ королевское *veto* принималось за нѣчто грозящее деспотизмомъ, и потому самая идея эта была весьма непопулярна. Другой вопросъ, сильно занимавшій Мирабо, былъ вопросъ о министерствѣ. Когда два депутата (Blin и Lanjuinais) сдѣлали предложеніе, чтобы король не могъ назначать министровъ изъ членовъ національнаго представительства, Мирабо, видѣвшій необходимость связующаго звена между законодательнымъ собраніемъ и королевскою властью, т.-е. необходимость того, что уже существовало въ конституціонной Англіи подъ названіемъ кабинета, сталъ съ энергіей и страстью защищать принципъ парламентарнаго министерства. „Я не могу допустить, говорилъ онъ, чтобы довѣріе, оказанное націей гражданину, служило основаніемъ для лишенія его довѣрія со стороны монарха. Я не хочу думать, чтобы желали сдѣлать такую несправедливость по отношенію къ министерству, какъ бы объявляя, что разъ кто-либо входитъ въ его составъ, уже тѣмъ самымъ долженъ быть подозрительнымъ собранію. Неужели лучше будетъ, если король станетъ выбирать министровъ среди своихъ придворныхъ, а не среди избранниковъ народа?“ Когда въ собраніи поднялся шумъ, и стали указывать на то, что Мирабо говоритъ все это pro domo sua, желая самъ сдѣлаться министромъ, оставаясь въ то же время депутатомъ, то Мирабо ради спасенія принципа предложилъ требуемое исключеніе примѣнить лишь къ себѣ, депутату общинъ экскаго сенешельства. Весьма язвительно онъ замѣтилъ при этомъ, что, быть можетъ, депутатъ, внесшій предложеніе, противъ котораго онъ говорилъ, по скромности своей испугался возможности получить отъ короля приглашеніе на министерскій постъ и, желая заранѣе сдѣлать это для себя невозможнымъ, задумалъ закрыть доступъ къ министерству всѣмъ своимъ товарищамъ,

а если предложеніе имѣетъ въ виду лишь его, Мирабо, то пусть же къ нему одному оно и будетъ примѣнено. Законъ состоялся въ смыслѣ нежелательномъ для Мирабо, и конституція 1791 г. такимъ образомъ не заключала въ себѣ пункта, на которомъ онъ особенно настаивалъ. Къ числу конституціонныхъ вопросовъ, вызвавшихъ наиболѣе страстныя пренія, относился еще вопросъ о правѣ войны и мира, и тутъ Мирабо также отстаивалъ прерогативу монарха. Теперь уже громко говорили, что онъ только исполняетъ взятыя имъ передъ дворомъ обязательства, какъ человѣкъ, за деньги защищающій чужіе интересы. Это не останавливало Мирабо, и онъ страстно продолжалъ защищать свою политическую идею. „И меня также, говорилъ онъ, нѣсколько дней тому назадъ, хотѣли съ тріумфомъ нести на рукахъ, а теперь кричатъ [1]) на улицахъ: „великая измѣна графа Мирабо“. Мнѣ не было надобности въ этомъ урокѣ, чтобы знать, какъ незначительно разстояніе отъ Капитолія до Тарпейской скалы; но эти удары снизу не остановятъ меня на моей дорогѣ“. Въ это время, дѣйствительно, объ измѣнѣ Мирабо всюду уже говорили, и Маратъ въ своей газетѣ „Другъ народа“ требовалъ, чтобы граждане просто-на-просто повѣсили „негодяя Рикетти“ съ другими измѣнниками на восьмистахъ висѣлицахъ, которыя онъ совѣтовалъ поставить въ Тюйльерійскомъ саду. Въ самомъ собраніи Мирабо угрожала крайняя партія, но онъ объявилъ, что будетъ говорить, какъ человѣкъ, для котораго все равно—рукоплещутъ ли ему или шикаютъ. Не довѣряя Людовику XVI особенно въ виду осложненія внѣшнихъ отношеній, учредительное собраніе опасалось предоставить королю дѣла войны и мира. Въ то же время возникалъ еще вопросъ о законѣ противъ эмигрантовъ, но Мирабо предлагалъ отвергнуть его безъ преній, какъ противный разуму и личной свободѣ, заявивъ, что если такой законъ состоится, онъ „поклянется никогда ему не повиноваться“.

Мирабо не добился своей цѣли ни при дворѣ, ни въ національномъ собраніи. Въ числѣ комбинацій, роившихся въ его головѣ и бывшихъ не непріятными двору, былъ проектъ союза съ Лафайетомъ для образованія прочнаго большинства въ собраніи. Мирабо обратился къ популярному генералу съ предложеніемъ дѣйствовать сообща (1 іюня 1790), хотя и писалъ королю, что надежда на Лафайета плоха, такъ какъ онъ былъ бы не въ состояніи сопротивляться народнымъ страстямъ, и если его принципы не будутъ тѣми же, что у національной гвардіи, то послѣдняя за своимъ генераломъ и не пойдетъ. Кромѣ того, Мирабо желалъ, чтобы безъ него Лафайетъ ничего не дѣлалъ. Весь планъ разбился о недовѣрчивость Лафайета,

---

[1]) Продавцы газетъ и брошюръ.

подозрѣвавшаго подкупъ, интригу или ловушку въ дѣлѣ, съ которымъ было связано имя Мирабо. Это были два человѣка слишкомъ противоположные для того, чтобы между ними могло состояться какое-либо соглашеніе. Мирабо былъ менѣе всего энтузіастомъ и доктринеромъ; прежде всего это былъ проницательный и трезвый государственный человѣкъ, прекрасно притомъ умѣвшій угадывать людей и не обольщавшійся популярностью, которою были, напримѣръ, окружены тогда имена Неккера и Лафайета. Къ обоимъ онъ относился критически и самъ никогда не искалъ популярности во что бы то ни стало. Другое дѣло—Лафайетъ: человѣкъ лично честный и искренній, онъ былъ большимъ энтузіастомъ и поклонникомъ либеральныхъ принциповъ, но былъ недальновиденъ и непредусмотрителенъ, мало былъ способенъ къ критическому анализу людей, событій и обстоятельствъ и вдобавокъ слишкомъ дорожилъ своею популярностью. Поэтому онъ былъ и не особенно склоненъ тогда, покрайней мѣрѣ—итти противъ того, что считалъ за выраженіе общественнаго мнѣнія. Мирабо видѣлъ въ немъ среди дѣятелей того времени прямо одного изъ наиболѣе опасныхъ для монархіи людей и высказалъ это въ своихъ тайныхъ мемуарахъ двору; онъ соглашался лишь на то, чтобы въ предполагавшемся министерствѣ Лафайету принадлежалъ одинъ почетъ первенства, но не дѣйствительная руководящая роль. Послѣ неудачи комбинаціи съ Лафайетомъ Мирабо рекомендовалъ двору назначить якобинское министерство: „якобинцы, какъ министры, не будутъ якобинскими министрами, говорилъ онъ. Поставленный у дѣлъ, самый завзятый демагогъ, видя вблизи бѣдствія королевства, пойметъ недостаточность королевской власти. Назначайте всѣхъ, ибо если они удержатся, тѣмъ лучше, они вынуждены будутъ вступить въ соглашеніе, а если не удержатся, они потеряны, они (т.-е. вожди) и ихъ партія".

Настроеніе общества по отношенію къ Мирабо было весьма измѣнчиво. Стоило ему дать волю своему негодованію на дворъ, не слушавшій его совѣтовъ, стоило ему произнести (ноябрь 1790 г.) двѣ страстныя рѣчи, которыя своимъ рѣзкимъ тономъ понравились народу, и къ нему снова вернулась прежняя популярность: ему стали дѣлать при встрѣчѣ съ нимъ оваціи, онъ былъ выбранъ предсѣдателемъ якобинскаго клуба, въ чемъ готовъ былъ даже видѣть какъ бы только первую ступень къ предсѣдательству въ самомъ національномъ собраніи. Въ клубѣ Мирабо пользовался большимъ вѣсомъ, хотя здѣсь (28 февраля 1791 г.) за нѣсколько недѣль до его смерти и сдѣлано было на него нападеніе за то, что онъ возражалъ въ національномъ собраніи на проектъ закона противъ эмигрантовъ. При дворѣ (и между прочимъ Ла Маркъ, другъ Мирабо) ставили

ему въ вину его сношенія съ якобинцами, его популярность среди этой партіи, хотя попрежнему читали его проекты, попрежнему, впрочемъ, не особенно имъ довѣряя, и даже одинъ разъ его удостоила свиданіемъ сама Марія-Антуанета, съ каждымъ днемъ начинавшая играть болѣе значительную роль, чѣмъ ея мужъ. Наконецъ, въ началѣ 1791 г. (29 января) Мирабо былъ избранъ въ предсѣдатели національнаго собранія [1]), когда ему уже оставалось жить всего только два мѣсяца.

Застарѣлая болѣзнь, излишества, которыя онъ себѣ позволялъ, и непомѣрная работа въ національномъ собраніи подкосили его силы, хотя онъ и пользовался при подготовкѣ своихъ рѣчей и докладовъ помощью друзей и секретарей. Въ мартѣ Мирабо принималъ участіе въ занятіяхъ собранія уже совсѣмъ больнымъ. Еще 27 марта онъ говорилъ съ трибуны по одному спеціальному вопросу, а 2 апрѣля его уже не было въ живыхъ. Вѣсть о его кончинѣ произвела угнетающее впечатлѣніе на короля, на народъ, на національное собраніе, и на сторонниковъ монархіи, и на защитниковъ народнаго верховенства, и на политическихъ друзей, и на политическихъ противниковъ. Всѣ чувствовали, что съ Мирабо уходила въ могилу крупная сила, которой боялись, но на которую всѣ возлагали свои надежды, каждый съ своей точки зрѣнія, и которою дорожили даже противники, не перестававшіе думать, что эта сила могла бы быть и въ ихъ лагерѣ. Одними изъ послѣднихъ словъ Мирабо было такое пророчество: „я уношу съ собою трауръ по монархіи; теперь партіи могутъ оспаривать другъ у друга ея лохмотья“. Въ народѣ стали говорить объ отравленіи, и пришлось сдѣлать оффиціальное вскрытіе трупа. Похороны Мирабо были блестящія. Въ отданіи ему послѣдняго долга участвовали дворъ, духовенство, національное собраніе, Лафайетъ съ штабомъ національной гвардіи, „народныя общества“, и гробъ былъ поставленъ въ церкви св. Женевьевы, превращенной въ усыпальницу великихъ людей.

На страницахъ исторіи первыхъ двухъ лѣтъ революціи имя Мирабо сдѣлалось самымъ крупнымъ именемъ и для послѣдующихъ поколѣній, какъ бы ни судили его, какъ человѣка, и какъ бы ни оцѣнивали его идеи и планы, какъ политическаго дѣятеля. Мирабо среди дѣятелей 1789—1791 г. *былъ единственнымъ, ясно видѣвшимъ будущія опасности, единственнымъ, хорошо понимавшимъ, при какихъ условіяхъ возможно было во Франціи осуществленіе конституціонной монархіи, единственнымъ, наконецъ, человѣкомъ, который былъ бы способенъ консолидировать революцію*. Въ послѣднемъ отношеніи, однако,

[1]) Предсѣдатели національнаго собранія мѣнялись помѣсячно.

необходимы такія же оговорки, съ какими пришлось раньше оцѣнивать историческую роль Тюрго. Оба они видѣли, въ чемъ заключалось зло и въ чемъ были средства спасенія, но оба оказались не въ состояніи вывести Францію на правильную дорогу по обстоятельствамъ, которыя были сильнѣе ихъ обоихъ. Между прочимъ, самъ Людовикъ XVI (или дворъ, подъ постояннымъ вліяніемъ котораго онъ находился) дѣлалъ и теперь, какъ дѣлалъ и тогда, невозможнымъ осуществленіе новой политической программы, не желая оказать поддержку тому, что требовалось ходомъ событій, идеями времени и настроеніемъ общества. Съ другой стороны, если реформы Тюрго, вовсе не думавшаго о политическихъ гарантіяхъ, не могли уже вполнѣ удовлетворить ту часть общества, которая находилась подъ вліяніемъ идей Монтескье, Руссо и Мабли, то и конституціонная монархія, какъ не понималъ Мирабо, казалась очень и очень многимъ слишкомъ мало гарантирующею политическую свободу, особенно въ виду подозрительнаго поведенія самого Людовика XVI.

Въ отношеніяхъ между королемъ и учредительнымъ собраніемъ, дѣйствительно, не было искренности. Людовикъ XVI, только подъ давленіемъ обстоятельствъ и скрѣпя сердце, давалъ свое согласіе на тѣ или другія мѣры національнаго собранія, но ни самъ онъ, ни его приближенные, ни министры, ни дворъ въ глубинѣ души не могли примириться съ новыми порядками. На короля особенно дѣйствовало духовенство, которое протестовало противъ новаго устройства, даннаго учредительнымъ собраніемъ французской церкви подъ названіемъ „constitution civile du clergé“. Самъ папа Пій VI обратился къ Людовику XVI съ бреве (10 іюля 1790 г.), въ которомъ писалъ, что, утвердивъ декреты національнаго собранія, онъ погубитъ всю націю, все королевство. Когда тѣмъ не менѣе Людовикъ XVI далъ свою санкцію декретамъ, папа опять писалъ ему, что онъ огорченъ донельзя такимъ шагомъ съ его стороны. Между тѣмъ новые церковные законы встрѣтили оппозицію среди весьма значительной части духовенства, и тогда національное собраніе особымъ декретомъ (27 ноября 1790 г.) потребовало отъ духовныхъ лицъ спеціальной присяги новому устройству церкви. Людовикъ XVI былъ вынужденъ и этому декрету дать свою санкцію, но онъ только о томъ и думалъ, какъ бы при первой же возможности взять свое согласіе назадъ, такъ какъ въ новомъ церковномъ законодательствѣ онъ видѣлъ нападеніе на религію, и его совѣсть сильно возмущалась противъ того, на что онъ смотрѣлъ, какъ на нарушеніе правъ церкви. Даже Мирабо поддерживалъ Людовика XVI въ его нерасположеніи къ декретамъ національнаго собранія, касавшимся церковныхъ дѣлъ. Поэтому король все болѣе и болѣе считалъ свое положеніе невыносимымъ, и при дворѣ давно уже

замышлялось бѣгство короля изъ Парижа. Особенно мечтала объ этомъ Марія-Антуанета, расчитывавшая на матеріальную помощь иностранныхъ дворовъ. Людовикъ XVI равнымъ образомъ не считалъ себя не въ правѣ употребить всѣ, какія представляются, средства для того, чтобы наказать людей, бывшихъ съ его точки зрѣнія государственными преступниками. Ему казалось, что всѣ сдѣланныя имъ уступки, какъ вынужденныя, не имѣютъ обязательной для него силы, такъ какъ благо государства выше всего, а надъ королями судья одинъ Богъ. Сначала онъ уступалъ по слабости характера и изъ осторожности, но потомъ дѣлать притворныя уступки вошло въ его систему. Пришлось, конечно, уступать и въ церковномъ вопросѣ, но въ этомъ дѣлѣ Людовикъ XVI чувствовалъ себя особенно тяжело. Съ осени 1790 г. онъ все болѣе и болѣе сталъ входить въ виды своей жены на счетъ бѣгства изъ Парижа и обращенія за помощью къ монархической Европѣ. Предполагали ѣхать въ Мецъ, гдѣ начальствовалъ надъ войскомъ вѣрный королю Буйлье (мечтавшій, впрочемъ, о конституціи по англійскому образцу) и откуда легко было въ случаѣ надобности бѣжать въ Германію. Этотъ планъ *ставилъ, однако, виды двора въ слишкомъ близкое сосѣдство съ происками эмигрантовъ*; съ точки зрѣнія приверженцевъ революціи такой планъ уже прямо имѣлъ характеръ государственной измѣны. Такъ или иначе дворъ связывалъ интересы короля съ интересами добровольныхъ эмигрантовъ, которые, съ своей стороны, однако, нисколько не думали о томъ, какъ ихъ заграничное поведеніе будетъ отзываться на судьбѣ оставленнаго ими во Франціи монарха; они были исключительно заняты мыслью, какъ бы вернуть себѣ старое положеніе въ государствѣ. Еще Мирабо говорилъ, что, грозя возвращеніемъ деспотизма, эмигранты доведутъ Францію до того, что она станетъ искать спасенія въ республикѣ. Эмигранты, особенно гр. д'Артуа и Калоннъ, даже прямо интриговали противъ двора. Въ свою очередь и лично Людовикъ XVI съ Маріей-Антуанетой не хотѣли содѣйствія эмигрантовъ, расчитывая главнымъ образомъ на вооруженное вмѣшательство Европы, но въ этомъ послѣднемъ отношеніи виды двора и виды эмиграціи между собою сходились. Приближенные короля даже говорили о территоріальныхъ уступкахъ иностраннымъ державамъ за помощь противъ революціи. Замыслы двора сдѣлались извѣстными національному собранію и повергли его въ большую тревогу.

Весною 1791 г. Людовикъ XVI получилъ отъ папы письмо, въ которомъ говорилось, что присяга новымъ церковнымъ законамъ прямо влечетъ за собою обвиненіе въ ереси. При такихъ обстоятельствахъ Людовикъ XVI считалъ себя не въ правѣ говѣть и въ этомъ поддерживалъ его одинъ епископъ. Между тѣмъ сторонники новаго церков-

наго устройства требовали у короля, чтобы онъ показалъ примѣръ повиновенія законамъ и причащался у приходскаго священника, присягавшаго „гражданскому устройству духовенства“. Въ Парижѣ по этому поводу начинались волненія, и Людовикъ XVI, чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, задумалъ уѣхать въ С. Клу (18 апрѣля). Его, однако, задержала толпа, предводимая Дантономъ, и несмотря на вмѣшательство Лафайета, король такъ-таки и не могъ выѣхать изъ Тюйльери. Тайные агенты двора за границей ссылались теперь на этотъ фактъ, какъ на лучшее доказательство несвободы короля, и говорили, что европейскіе монархи не должны будутъ удивляться тому, на что будутъ вынуждаемы соглашаться Людовикъ XVI и Марія-Антуанета; такъ какъ оба они рѣшились притворяться до конца и усыплять подозрительность народа, который въ одномъ намѣреніи ихъ уѣхать въ С. Клу уже видѣлъ начало приведенія въ исполненіе измѣнническаго плана. Сдержки, какую для короля всетаки составляли совѣты Мирабо, со смертью послѣдняго не стало, и при дворѣ теперь болѣе всего боялись, съ одной стороны, что Людовика XVI задержатъ революціонеры, и что съ другой, гр. д'Артуа, какъ шла молва, вступитъ во Францію съ австрійскимъ войскомъ,— боялись и этого по той причинѣ, что видѣли здѣсь для короля пока большую опасность.

20 іюня Людовикъ XVI съ семьей тайно покинулъ Парижъ, но на другой день вечеромъ бѣглецы были задержаны въ Вареннѣ; одному только гр. Прованскому удалось пробраться въ Бельгію. Извѣстіе объ исчезновеніи короля произвело страшный переполохъ въ Парижѣ, но національное собраніе осталось спокойно. Оно взяло теперь въ свои руки и исполнительную власть, отправило миролюбивыя завѣренія къ иностраннымъ дворамъ, разослало своихъ коммиссаровъ по войскамъ для принятія присяги на имя націи, декретировало сборъ 300 т. національной гвардіи и велѣло арестовать каждаго, кто хотѣлъ перейти границу. Уѣзжая, Людовикъ XVI оставилъ письмо, наполненное упреками національному собранію и заключавшее въ себѣ отреченіе отъ даннаго имъ уже согласія на декреты собранія. Этимъ письмомъ монархическое большинство конституанты было весьма смущено и постановило, вопреки очевидности, считать это происшествіе не бѣгствомъ короля, а похищеніемъ его злонамѣренными людьми. Тѣмъ не менѣе *попытка бѣгства наносила сильный ударъ монархіи*. Многіе говорили, что „le Grand Embarras“ хорошо сдѣлалъ, что уѣхалъ, а другіе прибавляли, что настоящій король вотъ тамъ, въ національномъ собраніи, другой же можетъ ѣхать, куда ему угодно. Возвращеніе арестованнаго Людовика XVI въ Парижъ было встрѣчено народомъ съ чувствомъ непріязни къ бѣглецу. Само національное

собраніе нашло нужнымъ временно отрѣшить короля отъ исполнительной власти до принятія имъ конституціи и взяло его подъ стражу. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно внесло въ конституцію статьи, въ силу которыхъ король въ извѣстныхъ случаяхъ долженъ былъ считаться отказавшимся отъ престола. Въ клубахъ, въ прессѣ, въ парижскомъ населеніи начинали уже пропагандироваться республиканскія мысли, хотя въ этотъ моментъ еще не существовало республиканской партіи, и идея республики приходила въ голову отдѣльныхъ лицъ. Составлена была даже петиція о низложеніи Людовика XVI, и народъ былъ приглашенъ подписывать ее на „алтарѣ отечества", сооруженномъ на Марсовомъ полѣ для праздника федераціи (17 іюля 1791 г.). Это шло далѣе того, чего желало національное собраніе и муниципальныя власти. На Марсово поле явились Байльи и Лафайетъ [1]) съ вооруженной силой, но въ приведенное ими войско изъ толпы, собравшейся подписывать петицію, полетѣли камни. Національная гвардія отвѣчала ружейнымъ залпомъ въ воздухъ, отрядъ регулярнаго войска— прямо въ народъ, случившійся на ступеняхъ алтаря, и эти ступени обагрились кровью убитыхъ и раненыхъ. Этимъ событіемъ была сильно подорвана прежняя популярность учредительнаго собранія, Лафайета и Байльи. Група роялистовъ въ національномъ собраніи задумала воспользоваться республиканской манифестаціей для того, чтобы при общемъ пересмотрѣ составлявшейся собраніемъ конституціи внести въ нее поправки въ монархическомъ смыслѣ, но другая группа оказала дружный отпоръ въ виду того, что послѣ бѣгства Людовика XVI еще менѣе, чѣмъ прежде, могло быть довѣрія къ „исполнительной власти" (pouvoir exécutif), какъ называли короля. Въ якобинскомъ клубѣ въ связи съ этими обстоятельствами произошелъ расколъ; и отъ него отдѣлились, чтобы основать свое особое общество (клубъ фельяновъ, feuillants), конституціонные монархисты Дюпоръ, Барнавъ, братья Ламеты; послѣ этого главное вліяніе въ клубѣ якобинцевъ стало принадлежать людямъ, которые считали нужнымъ вести революцію дальше.

Между тѣмъ учредительное собраніе окончило свою работу надъ конституціей. Съ короля сняли теперь запретъ, и конституціонный актъ былъ предложенъ ему на свободное принятіе (3 сентября). Черезъ нѣсколько дней послѣ многихъ колебаній (13 сентября) Людовикъ XVI далъ знать собранію, что принимаетъ конституцію. Послѣ этого 14 сентября король лично явился въ національное собраніе и при-

---

[1]) Отмѣчаемъ только-что вышедшую въ свѣтъ книгу *В. А. Богучарскаго* „Маркизъ Лафайетъ—дѣятель трехъ революцій", которой не могли еще назвать въ своемъ мѣстѣ.

несъ присягу въ вѣрности націи и закону. Считая свое дѣло оконченнымъ, учредительное собраніе объявило 30 сентября прекращеніе своихъ засѣданій, дабы уступить мѣсто законодательному собранію, которое было тѣмъ временемъ избрано и должно было начать свою дѣятельность уже по конституціи 1791 г. Расходясь, конституанта *сдѣлала большую политическую ошибку, объявивъ, что никто изъ ея членовъ не подлежитъ переизбранію въ законодательное собраніе.* Рѣшеніе было великодушно, но непрактично: въ новое собраніе должны было явиться люди безъ того опыта, какой пріобрѣли члены учредительнаго собранія въ два слишкомъ года своего нахожденія у власти,—люди, которые въ 1789 г. не имѣли за себя достаточнаго количества голосовъ и во многомъ уступали дѣятелямъ 1789—91 гг.,—наконецъ, люди, которымъ нечего было дорожить дѣломъ учредительнаго собранія, хотя, съ другой стороны, въ данный моментъ, они, быть можетъ, и лучше отражали на себѣ господствующее настроеніе націи. Вмѣстѣ съ этимъ Байльи счелъ нужнымъ сложить съ себя званіе парижскаго мера, Лафайетъ—должность начальника національной гвардіи.

Ко времени послѣднихъ мѣсяцевъ учредительнаго собранія французская революція стала сильно озабочивать монархическія правительства Европы. Отъ того взгляда, который образовался сначала у иностранныхъ государственныхъ людей, видѣвшихъ во французскихъ смутахъ обстоятельство благопріятное или неблагопріятное для политическихъ интересовъ той или другой державы, правительства перешли постепенно къ другому взгляду: примѣръ, подаваемый французами, сталъ считаться вообще опаснымъ. Кромѣ того, начались столкновенія и на почвѣ реальныхъ интересовъ. Во-первыхъ, провозглашеніе народнаго суверенитета и отмѣна феодальнаго режима задѣли права нѣмецкихъ князей, владѣвшихъ землями въ Эльзасѣ. Затѣмъ, возникъ еще вопросъ о папскихъ Авиньонѣ и Венессенѣ, составлявшихъ чужую территорію (enclave) въ королевствѣ: подъ вліяніемъ революціи обнаружилось въ мѣстномъ населеніи сильное стремленіе къ слiянію съ Франціей. Далѣе, въ національномъ собраніи и въ народѣ проявлялось сочувствіе къ бельгійской революціи, вспыхнувшей въ послѣдніе годы Іосифа II, и среди французовъ, все популярнѣе и популярнѣе дѣлалась мысль, что ихъ революція не должна ограничиваться одной Франціей, но должна распространиться на весь „человѣческій родъ“ (самымъ яркимъ представителемъ идеи космополитической революціи сдѣлался переселившійся въ Парижъ нѣмецъ Анахарсисъ Клотцъ [1]). Когда эмигранты стали подбивать европейскія

---

[1]) *G. Avenel.* Anacharsis Clootz.

правительства,—слишкомъ въ то время занятыя другими дѣлами [1]),—къ возстановленію во Франціи стараго порядка, то находясь подъ угрозою насильственнаго подавленія революціи, французы впервые начали думать о перенесеніи ея принциповъ въ сосѣднія страны.

Уже подъ вліяніемъ ареста королевской семьи въ Вареннѣ императоръ Леопольдъ II обращался къ государямъ Европы и къ нѣмецкимъ князьямъ съ предложеніемъ согласиться на счетъ общихъ дѣйствій въ пользу французскаго короля. Переговоры между державами и хлопоты эмигрантовъ при дворахъ послѣ этого усилились. Въ концѣ августа 1791 г. между Леопольдомъ II и прусскимъ королемъ состоялось свиданіе въ Пильницѣ, недалеко отъ Дрездена, куда пріѣхали и принцы-эмигранты съ самыми дикими предложеніями (напр., совершеннаго истребленія Парижа). Монархи вели себя, однако, осторожно и ограничились манифестомъ, въ которомъ выражали надежду на то, что другіе государи вмѣшаются въ дѣла, совершающіяся во Франціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ объявили, что лишь въ случаѣ общаго согласія и они, императоръ и король, будутъ дѣйствовать за одно съ другими, а пока лишь приказываютъ своимъ войскамъ быть наготовѣ. Во Франціи этотъ манифестъ былъ принятъ какъ бы за прямое объявленіе войны революціи, и это только ухудшило положеніе короля. Въ сущности Леопольдъ II вовсе не думалъ о войнѣ и употреблялъ все свое вліяніе на то, чтобы привести короля и національное собраніе къ соглашенію. Но во Франціи пильницкій манифестъ былъ понятъ не только въ смыслѣ угрозы войною, но и какъ общее дѣло самого двора съ эмигрантами и со всѣми иностранными державами, такъ какъ никто не зналъ, что между дворомъ и эмигрантами солидарности не было, и что эмигранты даже интриговали противъ Людовика XVI; что принцы въ Пильницѣ были отвергнуты, и что имъ вообще не везло въ ихъ планахъ при иностранныхъ дворахъ, и что, наконецъ, Леопольдъ II давалъ самые благоразумные совѣты своей сестрѣ, Маріи-Антуанетѣ и ея мужу. Впечатлѣніе отъ манифеста было еще усилено прокламаціей принцевъ (10 сентября), въ которой они хвастались поддержкою всей Европы и, заранѣе протестуя противъ принятія Людовикомъ XVI конституціи, заявляли, что развѣ подъ постороннимъ давленіемъ король можетъ говорить о свободѣ своей въ этомъ дѣлѣ. Гр. Прованскій даже заговорилъ о необходимости регенства въ виду несвободы Людовика XVI, что страшно оскорбило послѣд-

---

[1]) Австрія была занята дѣлами въ Бельгіи и Венгріи, а также войной съ Турціей; Россія вела войну съ Швеціей и тоже съ Турціей; подготовлялись, кромѣ того, событія, приведшія ко второму раздѣлу Польши, въ которыхъ видную роль играла Пруссія, и т. п.

няго, такъ что онъ подъ вліяніемъ фельяновъ даже послалъ братьямъ вызовъ вернуться во Францію.

Впрочемъ, съ другой стороны, хотя Людовикъ XVI торжественно извѣстилъ иностранныхъ государей о принятіи имъ конституціи, тайнымъ агентамъ двора было поручено сообщать повсюду, что не нужно вѣрить оффиціальнымъ заявленіямъ, что все это формальности, вынужденныя необходимостью, что это лишь средство усыпить подозрительность бунтовщиковъ, пока Европа не придетъ ихъ усмирить силою. Иностранныя правительства, однако, были довольны, что теперь не было оффиціальной надобности въ замышлявшемся конгрессѣ и въ оказаніи вооруженной помощи, тогда какъ принцы, наоборотъ, хлопотали о вмѣшательствѣ и громко говорили объ этомъ самомъ конгрессѣ. Что дѣлалось за кулисами политики, французская нація не знала, но все, что бросалось въ глаза, *заставляло ее вѣрить въ участіе Людовика XVI въ громадномъ заговорѣ противъ своего отечества*.

Конституціонная монархія установлялась во Франціи при неблагопріятныхъ условіяхъ, и Барнавъ, задумавшій итти по стопамъ Мирабо, оказался въ этомъ дѣлѣ не болѣе счастливымъ, чѣмъ его предшественникъ: между монархіей и націей образовался разрывъ, и нужно было очень большое искусство, чтобы соединить въ одно цѣлое монархію и націю, не довѣрявшія одна другой.

XXXVI. Принципы индивидуальной свободы и народовластія въ законодательствѣ конституанты [1]).

Общій взглядъ на законодательство учредительнаго собранія, на его отношеніе къ требованіямъ времени, на причины его недостатковъ и на его историческое значеніе.—«Декларація правъ человѣка и гражданина».—Принципъ индивидуальной свободы въ законахъ учредительнаго собранія.—Конституція 1791 года, ея характеръ и недостатки.—Организація административная и судебная по конституціи 1791 года.—Судьба конституціи 1791 г.—Значеніе «принциповъ 1789 г.» въ исторіи.

Работа, совершенная учредительнымъ собраніемъ, поражаетъ своею громадностью. Мы не разъ уже говорили, до какой степени Франція нуждалась въ коренной внутренней реформѣ, и эту реформу

[1]) Литература по вопросамъ, разсматриваемымъ въ этой и слѣдующей главахъ, весьма обширна: кромѣ общихъ исторій революціи и соч. *Лаферьера*, *Рихтера*, *Рамбо* (Hist. de la civil. contemp.) и *М. М. Ковалевскаго*, указанныхъ въ первой главѣ этого тома, см.: *Sagnac*. La législation civile de la révolution française. — *Ferneuil*. Les principes de 1789 et la science sociale. — *А. Градовскій*. Государственное право иностранныхъ державъ (т. I).—*Faustin Hélie*. Les constitutions de la France. — *Trippier*. Constitutions qui ont régi la

довелось выполнить учредительному собранію. Старый строй рушился самъ собою, и въ виду общаго крушенія тѣхъ порядковъ, которые вѣками складывались во Франціи и притомъ безъ всякаго содѣйствія со стороны королевской власти (если не говорить о противодѣйствіи) и среди общественной анархіи, собранію предстояло созидать новую Францію, не имѣя за собою ни опытности, которой въ дѣлахъ подобнаго рода и не могло существовать при старомъ порядкѣ, ни той теоретической подготовки по многимъ практическимъ вопросамъ, какой тоже не могло быть при состояніи общественныхъ наукъ въ ту эпоху. Понятно, что въ такомъ сложномъ и трудномъ дѣлѣ, при тогдашнихъ ненормальныхъ обстоятельствахъ, тоже слишкомъ сильно вліявшихъ на разработку законодательныхъ вопросовъ, чтобы она могла совершаться спокойно, при недостаточной опытности и съ не особенно большими научными знаніями, какія въ 1789 г. имѣли депутаты, возможны были въ законодательной дѣятельности учредительнаго собранія и частныя ошибки, и ошибки общаго характера, которыя впослѣдствіи—и при томъ съ весьма различныхъ точекъ зрѣнія—подвергались критикѣ, часто основательной, но часто и незаслуженной. Разсматривая эту дѣятельность, нужно помнить, что учредительное собраніе, включавшее въ себѣ массу умныхъ талантливыхъ и образованныхъ людей, серьезно смотрѣвшихъ на свою задачу, было неизмѣримо выше представителей стараго правительства, и что весь raison d'être этого собранія заключался въ необходимости преобразованія всѣхъ внутреннихъ отношеній государства.

Въ какомъ направленіи должны были совершаться реформы, это *зависѣло не столько отъ доброй воли членовъ собранія, сколько отъ общаго положенія страны, созданнаго предыдущимъ ходомъ исторіи, и отъ идей, выработанныхъ передъ тѣмъ теоретическою мыслью и*

France.—*Duvergier de Hauranne.* Histoire du gouvernement parlementaire.—*Troplong.* Du principe d'autorité depuis 1789.—*Chalamel.* Histoire de la liberté en France depuis 1789. — *A. Bardoux.* La bourgeoisie française. — *Levasseur.* Histoire des classes ouvrières en France depuis 1789. — *Doniol.* La féodalité et la révolution française.—*L. de Lavergne.* Economie rurale de France depuis 1789.—*Н. Карѣевъ.* Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи.—*Lauren* (см. выше, стр. 9).— *Vuitry.* Etudes sur le régime financier de la France sou la révolution.—*Gomel.* Histoire financière de l'essamblée constituante.—*L. Sciout.* Histoire de la constitution civile de clergé et de la persécution révolutionnaire (есть, кромѣ большого изданія въ 4 томахъ, сокращенное въ одномъ томѣ).—*E. de Pressensé.* L'église et la révolution française. — *Gazier.* Études sur l'histoire religieuse de la révolution française.—*A. Debidour.* Histoire des rapports de l'église et de l'état en France de 1789 à 1870.—*Boris Minzes.* Die Nationalgüterveräusserung während der französischen Revolution.—Кромѣ того, о національныхъ имуществахъ см. работы, указанныя въ VIII главѣ этого тома (особенно работы проф. *И. В. Лучицкаго*).

принятыхъ обществомъ. Во-первыхъ, само правительство приходило къ мысли о необходимости „установленія постояннаго и неизмѣннаго порядка во всѣхъ частяхъ управленія... и уничтоженія злоупотребленій всякаго рода“, какъ было сказано въ королевскомъ регламентѣ, созывавшемъ генеральные штаты. Во Франціи дѣйствительно крайне были нужны и уже предпринимались реформы административныя, судебныя и финансовыя: въ сущности здѣсь *учредительному собранію пришлось дѣлать то же, что дѣлали, хотя и не въ такомъ объемѣ, правительства просвѣщеннаго абсолютизма, предпринимая административныя, финансовыя, судебныя и т. п. преобразованія.* Во-вторыхъ, во Франціи продолжали надъ новымъ обществомъ тяготѣть старыя католико-феодальныя формы, и если въ другихъ государствахъ XVIII в. уже предпринимались мѣры, касавшіяся католической церкви и сословнаго строя, то и Франція не могла не пойти по той же дорогѣ, *тѣмъ болѣе, что нигдѣ въ такой степени, какъ здѣсь, церковныя и сословныя отношенія, требовавшія реформы и въ странахъ просвѣщеннаго абсолютизма, не противорѣчили стремленіямъ самого общества.* Кромѣ того, во Франціи *борьба съ провинціализмомъ, какую велъ просвѣщенный абсолютизмъ въ другихъ странахъ во имя государственнаго единства, должна была еще вестись на почвѣ единства національнаго,* которому противорѣчили старыя областныя перегородки. Въ-третьихъ, если въ дѣлѣ преобразованія администраціи, суда, финансовъ и т. п., съ одной стороны, а съ другой въ борьбѣ съ старыми силами католицизма и феодализма (сословностью и провинціализмомъ) учредительное собраніе брало на себя то, что должна была бы сдѣлать еще старая власть (и что правительства другихъ странъ совершали на самомъ дѣлѣ), то главная причина этого заключалась не только въ безсиліи этой власти и въ оппозиціи привилегированныхъ, но и *въ полномъ разложеніи прежней системы законодательства, устанавливавшей въ странѣ двоевластіе правительства и наслѣдственной магистратуры;* благодаря этому, проведеніе реформъ королевскою властью дѣлалось невозможнымъ, какъ это и показалъ опытъ Людовика XVI, а потому здѣсь требовалась еще организація законодательной власти на новыхъ началахъ. Между тѣмъ старыя учрежденія или были такъ плохи, что нужна была замѣна ихъ новыми, или возбуждали въ народѣ такую ненависть, что о сохраненіи ихъ трудно было и думать, или же, наконецъ, до такой степени сами противились преобразованіямъ, что для одного даже проведенія послѣднихъ необходимо было прежде всего полное уничтоженіе этихъ учрежденій. Чѣмъ болѣе противились всякой реформѣ парламенты, старыя сословно-представительныя собранія въ провинціяхъ, церковь, дворянство и, наконецъ, сама королевская властъ, тѣмъ все менѣе и

менѣе дѣлалась возможною изъ реформа, тѣмъ все болѣе и болѣе они обрекали себя на уничтоженіе и своей оппозиціей заставляли сторонниковъ преобразованія итти далѣе того, что послѣдніе имѣли въ виду первоначально. Но, съ другой стороны, чѣмъ болѣе старая Франція упорствовала и тѣмъ самымъ приводила новую Францію къ убѣжденію, что изъ стараго нужно какъ можно менѣе переносить въ будущія учрежденія, тѣмъ *все болѣе и болѣе старыя традиціи должны были уступать мѣсто въ дѣлѣ реформы новымъ идеямъ*. Мы уже знакомы съ этими идеями: идея естественнаго права была враждебна всякому историческому праву, и чѣмъ сильнѣе отстаивали послѣднее сама королевская власть, парламенты, церковь, провинціи, сословія, корпораціи, чѣмъ менѣе они шли на сдѣлку съ новыми требованіями, тѣмъ все болѣе и болѣе они *подготовляли переходъ реформы въ революцію*, т.-е. замѣну исправленія старыхъ порядковъ полнымъ ихъ уничтоженіемъ. Не по своему произволу учредительное собраніе занялось разрушеніемъ стараго: старое само приходило въ упадокъ, само обрекало себя на гибель, а извнѣ разрушалось прежде всего народнымъ движеніемъ, такъ что учредительному собранію пришлось лишь принять участіе въ общей работѣ всего народа. Но учредительное собраніе при этомъ и созидало. Спрашивается, чѣмъ же собраніе должно было руководиться въ такомъ дѣлѣ, какъ не новой политической философіей, принятой обществомъ?

Конституантѣ ставится въ вину, что въ области политическихъ учрежденій и соціальной организаціи она поступала не какъ „легислатура практическихъ дѣятелей“, а какъ „академія утопистовъ“, хотя даже самые строгіе критики находятъ, что во всѣхъ вопросахъ частнаго быта учредительное собраніе сдѣлало много хорошаго. Дѣйствительно, *слабыя стороны политической философіи XVIII в. отразились и на законодательной дѣятельности учредительнаго собранія, но у этой философіи были вѣдь не одни же слабыя стороны:* ея общественные принципы не были случайнымъ порожденіемъ разложенія стараго порядка, а вырабатывались въ длинномъ историческомъ процессѣ, въ которомъ участвовали и гуманизмъ XIV—XV вв., и религіозная реформація XVI в., и политическое развитіе Англіи въ XVII в., и новая философія и т. п. *Законодательство учредительнаго собранія впервые признало за этими принципами силу въ жизни, перестроивъ на ихъ основаніи многія ея стороны*, хотя и допустило отступленіе отъ нихъ, когда этого не требовалось, и, наоборотъ, прилагало ихъ къ такимъ случаямъ, гдѣ жизнь не была еще достаточно подготовлена къ тому, чтобы ихъ воспринять надлежащимъ образомъ. Главными изъ этихъ принциповъ были свобода и равенство, и, руководясь ими, учредительное собраніе создавало новое общество, въ

которомъ должны были исчезнуть *безправность личности передъ государствомъ и зависимость ея правъ отъ условій рожденія въ томъ или другомъ состояніи.* И съ этой стороны дѣло учредительнаго собранія подвергалось порицанію: программа дѣятелей 1789 г. объявлялась слишкомъ узкой и своекорыстной,—слишкомъ узкой потому, что ею не ставился во всемъ объемѣ вопросъ соціальный, какъ вопросъ прежде всего экономическій,—и слишкомъ своекорыстной потому, что учредительное собраніе, будто бы, было проникнуто исключительно одними буржуазными интересами. Тутъ нужно замѣтить двѣ вещи. Во-первыхъ, при тогдашнемъ состояніи теоретической разработки экономическихъ и соціальныхъ вопросовъ, наиболѣе искренніе публицисты и дѣятели были убѣждены, что матеріальное благосостояніе придетъ съ одной политической свободой и гражданскимъ равенствомъ, и смотрѣли на соціальныя отношенія глазами физіократовъ: только позднѣйшій историческій опытъ научилъ отдѣлять одно отъ другого и рѣзко различать отношенія политическія и соціальныя. Во-вторыхъ, учредительное собраніе ставило такъ обще вопросъ о правахъ человѣка и гражданина, что провозглашаемыя имъ права не были правами лицъ только извѣстнаго общественнаго класса. Нельзя, однако, не замѣтить, что, конечно, *во многихъ отношеніяхъ главныя выгоды перемѣнъ выпали на долю буржуазіи, и что народъ могъ быть дѣйствительно недовольнымъ многими законами учредительнаго собранія,* но этого отнюдь не слѣдуетъ обобщать. Каковы бы вообще ни были ошибки и промахи законодательства 1789—91 годовъ и вообще слабыя стороны самой конституанты, отнюдь не нужно упускать изъ виду ни трудности и сложности дѣла, ни нелегкихъ условій, въ какихъ его приходилось дѣлать, да и того не слѣдуетъ, наконецъ, забывать, что учредительное собраніе приступило къ реализаціи лучшихъ, наиболѣе справедливыхъ и наиболѣе гуманныхъ идей философіи XVIII в. и что *его законодательство не только обновило внутренній бытъ самой Франціи, но и повліяло впослѣдствіи на культурно-соціальное развитіе другихъ странъ Европы.*

Во главѣ законодательства 1789—91 гг. нужно поставить „Декларацію правъ человѣка и гражданина“ [1]). Уже нѣкоторые наказы 1789 г.

---

[1]) О „Декларацін правъ человѣка и гражданина“ существуетъ цѣлая литература, въ составъ которой, кромѣ отдѣльныхъ сочиненій, входятъ и посвященныя ей главы и параграфы многихъ книгъ о французской революціи. Напр., въ соч. *М. М. Ковалевскаго* см. главу, которая первоначально составляла самостоятельную статью въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“ за 1889 г. Новѣйшія работы объ этомъ предметѣ: *Jellinek.* Erklärung der Bürgerrechte (есть франц. пер. и готовится русскій).— *U. Marcaggi.* Les origines de la déclaration des droits de l'homme de 1789.

требовали провозглашенія такой декларацій, а въ собраніи особенно настаивалъ на ней Лафайетъ, въ данномъ случаѣ увлекавшійся американскимъ примѣромъ. Мирабо былъ противъ „метафизическихъ тонкостей“, съ которыми рискуешь „быть понятымъ лишь немногими и заслужить восторгъ всѣхъ, кто не понялъ бы“ этихъ тонкостей, но громадное большинство собранія было настроено въ пользу декларацій. Многіе историки впослѣдствіи также находили, что учредительное собраніе занималось въ данномъ случаѣ рѣшеніемъ вопросовъ, подлежащихъ скорѣе вѣдѣнію ученой академіи; но тѣмъ не менѣе догматы политической вѣры, провозглашенные первымъ національнымъ собраніемъ Франціи, получили въ жизни новѣйшихъ обществъ не одно теоретическое значеніе, и прежде всего въ самой Франціи они легли въ основу новаго порядка вещей. Приводимъ поэтому цѣликомъ знаменитую „декларацію правъ человѣка и гражданина“.

„Представители французскаго народа,—говорится во вступленіи къ документу,—составляющіе національное собраніе, принимая во вниманіе, что незнаніе, забвеніе или презрѣніе правъ человѣка суть единственныя причины общественныхъ бѣдствій и порчи правительствъ, рѣшились изложить въ торжественномъ объявленіи естественныя, неотчуждаемыя и священныя права человѣка, дабы объявленіе это, будучи постоянно въ виду всѣхъ членовъ общественнаго тѣла, непрерывно напоминало имъ объ ихъ правахъ и обязанностяхъ; дабы дѣйствія властей законодательной и исполнительной, будучи ежеминутно сравниваемы съ цѣлью всякаго политическаго установленія, были чрезъ это болѣе уважаемы; дабы требованія гражданъ, основанныя отнынѣ на началахъ простыхъ и безспорныхъ, обращались всегда къ поддержанію конституціи и къ общему счастью“.

„Въ силу этого національное собраніе признаетъ и объявляетъ, предъ лицомъ и подъ покровительствомъ Верховнаго Существа, слѣдующія права человѣка и гражданина:

1. „Люди рождаются и остаются свободными и равными въ правахъ. Общественныя различія могутъ быть основаны только на общей пользѣ“.

2. „Цѣль всякаго политическаго союза есть сохраненіе естественныхъ и неотчуждаемыхъ правъ человѣка. Права эти суть: свобода, собственность, безопасность (sûreté) и сопротивленіе угнетенію“.

3. „Принципъ всей верховной власти находится существеннымъ образомъ въ націи. Никакое учрежденіе, никакое лицо не можетъ осуществлять власти, не происходящей прямо отъ націи“.

4. „Свобода состоитъ въ правѣ (à pouvoir) дѣлать все, что не вредитъ другому: такимъ образомъ, пользованіе каждаго человѣка его естественными правами не имѣетъ границъ, кромѣ тѣхъ, ко-

торыя обезпечиваютъ за другими членами общества пользованіе тѣми же правами. Эти границы могутъ быть опредѣлены только закономъ".

5. „Законъ можетъ запрещать лишь дѣйствія, вредныя для общества. Все, что не воспрещено закономъ, дозволено (ne peut être empêché), и никто не можетъ быть принужденъ къ тому, чего законъ не предписываетъ".

6. „Законъ есть выраженіе общей воли. Всѣ граждане имѣютъ право лично или черезъ представителей участвовать въ изданіи законовъ. Законъ долженъ быть равный для всѣхъ, имѣетъ ли онъ цѣлью защиту или наказаніе. Такъ какъ всѣ граждане передъ нимъ равны, то они должны быть одинаково допускаемы ко всѣмъ званіямъ, мѣстамъ и общественнымъ должностямъ по своимъ способностямъ и безъ иныхъ различій, кромѣ существующихъ въ ихъ добродѣтели и талантахъ".

7. „Никто не можетъ быть обвиненъ, задержанъ или заключенъ иначе, какъ въ случаяхъ, опредѣленныхъ закономъ, и по предписаннымъ имъ формамъ. Тѣ, которые испрашиваютъ, отдаютъ, исполняютъ или заставляютъ исполнять произвольныя повелѣнія, подлежатъ наказанію, но каждый гражданинъ, вызванный или схваченный въ силу закона, долженъ немедленно повиноваться: онъ дѣлается виновнымъ, оказывая сопротивленіе".

8. „Законъ долженъ устанавливать наказанія только строго и очевидно необходимыя, и никто не можетъ быть наказанъ иначе, какъ въ силу закона, установленнаго и обнародованнаго раньше преступленія и законно примѣненнаго".

9. „Такъ какъ каждый человѣкъ предполагается (étant présumé) невиннымъ, пока его не объявятъ (на судѣ) виновнымъ то въ случаѣ необходимости его ареста всякая строгость, которая не нужна для обезпеченія (за судомъ) его личности, должна быть строго подавляема закономъ".

10. „Никто не долженъ быть тревожимъ за свои мнѣнія, даже религіозныя, лишь бы ихъ проявленіе (manifestation) не нарушало общественнаго порядка, установленнаго закономъ".

11. „Свободное сообщеніе мыслей и мнѣній есть одно изъ самыхъ драгоцѣнныхъ правъ человѣка: каждый гражданинъ можетъ, слѣдовательно, свободно говорить, писать, печатать, подъ условіемъ отвѣтственности за злоупотребленія этою свободою въ случаяхъ, опредѣленныхъ закономъ".

12. „Для гарантіи правъ человѣка и гражданина нужна публичная сила; такимъ образомъ, эта сила установлена для счастья всѣхъ, а не для частной выгоды тѣхъ, кому она ввѣрена".

13. „Для содержанія общественной силы и для расходовъ администраціи необходимо общее обложеніе (contribution): налоги должны

быть распредѣлены равномѣрно между гражданами сообразно съ ихъ средствами (facultés)".

14. „Всѣ граждане имѣютъ право лично или чрезъ своихъ представителей опредѣлять необходимость общественныхъ налоговъ, свободно на нихъ соглашаться, слѣдить за ихъ употребленіемъ, устанавливать ихъ размѣръ, основанія раскладки, способъ взиманія и срокъ".

15. „Общество имѣетъ право требовать отчета у каждаго публичнаго агента своей администраціи".

16. „Каждое общество, въ которомъ не обезпечена гарантія правъ и не установлено раздѣленіе властей, не имѣетъ конституціи (n'a point de constitution).

17. „Такъ какъ собственность есть ненарушимое (inviolable) и священное право, то никто не можетъ быть ея лишаемъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда того очевидно требуетъ общественная надобность, законно засвидѣтельствованная, и подъ условіемъ справедливаго и предварительнаго вознагражденія".

Вотъ и все содержаніе декларацiи. Въ ней, какъ мы видимъ, положенія политической философіи XVIII в. въ качествѣ требованій „естественнаго закона" ставятся выше самой конституціи; этимъ ея составители думали ограничить суверенитетъ государства по отношенію къ свободѣ личности, содержаніе которой опредѣляется статьями 7—11 и 17. *Индивидуалистическій характеръ деклараціи явствуетъ изъ заявленія, что люди рождаются и остаются свободными* (и равными) въ правахъ,—заявленія, поставленнаго во главѣ деклараціи (ст. 1). *Другая основная черта деклараціи это—признаніе ею принципа народовластія* (ст. 3), хотя декларація и не дѣлаетъ отсюда никакого вывода относительно формы правленія. Въ первомъ отношеніи декларяція примыкаетъ къ индивидуалистической традиціи Монтескье, во второмъ—къ идеямъ Руссо, отъ котораго, впрочемъ, отступаетъ въ вопросахъ о представительствѣ (ст. 6) и о раздѣленіи властей (ст. 7), равно какъ о гарантіи личныхъ правъ. Идея личности, какъ обладающей прирожденною и неотчуждаемою свободою, и идея націи, какъ обладательницы верховной власти въ государствѣ,—вотъ два основныхъ принципа приведенной деклараціи; мы и посмотримъ теперь, какъ обѣ эти идеи осуществлялись въ законодательствѣ учредительнаго собранія, послѣ чего намъ можно будетъ перейти и къ реформамъ, не имѣющимъ непосредственнаго отношенія къ указаннымъ идеямъ.

Принципъ индивидуальной свободы въ общественной жизни, въ политической философіи и въ законодательствѣ имѣетъ весьма длинную исторію, въ которой принципамъ 1789 г. принадлежитъ весьма видное мѣсто. Мы только-что видѣли, какъ „декларація правъ чело-

вѣка и гражданина" провозгласила прирожденность людямъ извѣстныхъ естественныхъ и неотчуждаемыхъ правъ (ст. 1—2), пользованіе которыми не должно было имѣть иныхъ границъ, кромѣ обезпечивающихъ и за другими пользованіе тѣми же правами (ст. 4), причемъ законъ какъ можно менѣе долженъ стѣснять индивидуальную свободу, а внѣ закона она ничѣмъ не должна стѣсняться. Мы видѣли также, что декларація обезпечивала личную неприкосновенность отъ произвольнаго ареста (ст. 7) или отъ обратнаго дѣйствія законовъ (ст. 8), равно какъ отъ излишнихъ строгостей въ случаѣ уголовнаго обвиненія (ст. 9), что деклараціей обезпечивались, далѣе, свобода совѣсти, свобода мысли, свобода слова (ст. 10—11), и что собственность гражданина признавалась ненарушимымъ и священнымъ правомъ личности (ст. 17). Всѣмъ этимъ не ограничивалось еще то, что учредительное собраніе сдѣлало для расширенія личныхъ правъ, хотя это уже другой вопросъ, насколько все это было гарантировано не на словахъ только, но и на дѣлѣ, именно постановкою этихъ правъ подъ защиту суда отъ возможнаго ихъ нарушенія со стороны законодательной и исполнительной власти, по примѣру охраны, существовавшей въ Англіи (habeas corpus). Послѣдняго, къ сожалѣнію, сдѣлано не было, ибо въ угоду теоріи раздѣленія властей собраніе считало невозможнымъ ставить дѣйствія администраціи подъ контроль судебныхъ мѣстъ. Кромѣ того, само національное собраніе, высказывавшееся сначала за почти безусловную свободу слова, сходокъ и эмиграціи, мало-по-малу сошло съ этой точки зрѣнія, когда эти виды свободы, по его мнѣнію, стали приходить въ столкновеніе съ интересами государства (raison d'état). Уже формулируя принципъ свободы совѣсти, конституанта ограничивала ее условіемъ, чтобы проявленіе религіозныхъ мнѣній не нарушало общественнаго порядка, т.-е. оговоркою, не дававшею права, напримѣръ, протестантамъ на свободное отправленіе своего культа, и напрасно тутъ Мирабо горячо поддерживалъ одного депутата, предлагавшаго внести въ статью еще слова: „и никто не долженъ встрѣчать препятствій въ отправленіи своего культа", дабы свобода совѣсти, дѣйствительно, установилась во Франціи, гарантируемая закономъ. Гораздо либеральнѣе отнеслось собраніе къ свободѣ слова устнаго, письменнаго (неприкосновенность частной переписки) и печатнаго (освобожденіе печати отъ предварительной цензуры), но и здѣсь, когда собраніе нашло, что періодическая пресса стала грозить опасностью общественному порядку, проступки по дѣламъ печати стали вызывать не столько судебныя преслѣдованія, сколько административныя мѣропріятія, какъ это было послѣ знаменитаго дѣла на Марсовомъ полѣ 17 іюля 1791 г. То же самое было и съ

правомъ сходокъ и петицій. Сначала собраніе было къ нимъ благосклонно, но подъ конецъ оно стало ограничивать, напримѣръ, дѣятельность клубовъ и право петицій, установивъ въ послѣднемъ отношеніи правило, по которому содержаніе подаваемой петиціи должно было быть заранѣе извѣстно властямъ, и самыя петиціи должны были быть подписаны опредѣленными именами, а не подаваться, напримѣръ, просто отъ имени народа. Кромѣ того, національное собраніе издало такъ называемый военный законъ противъ мятежныхъ скопищъ (loi martiale). Мирабо былъ противъ такого закона, когда онъ только-что былъ предложенъ,—но самъ вошелъ въ коммиссію, вырабатывавшую его подробности, дабы смягчить его въ дѣйствіи предоставленіемъ права его примѣнять выборнымъ муниципальнымъ властямъ, допущеніемъ переговоровъ съ скопищемъ и, наконецъ, разрѣшеніемъ дѣйствовать силою лишь послѣ троекратнаго увѣщанія и выкидки краснаго знамени. Мирабо, какъ мы видѣли, отстаивалъ и право эмиграціи отъ стѣсненій, которому конституанта задумала подвергнуть выѣздъ ихъ за границу въ виду политической опасности, какую представляли выходцы, интриговавшіе при иностранныхъ дворахъ. Такимъ образомъ, учредительное собраніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ само нашло *нужнымъ ограничивать индивидуальную свободу во имя государственной необходимости*, а впослѣдствіи борьба революціи съ враждебными ей силами, опасности, которымъ новый порядокъ подвергался со стороны дѣйствительныхъ или мнимыхъ враговъ, старая привычка къ административному произволу въ связи съ необходимостью диктатуры, вызывавшеюся внѣшнимъ положеніемъ Франціи, и съ политической теоріей, не дорожившей принципомъ индивидуальной свободы и, наоборотъ, ничѣмъ не ограничивавшей суверенную власть народа,—все это впослѣдствіи должно было взять перевѣсъ надъ этимъ порывомъ французскаго общества къ обезпеченію правъ личности.

Впрочемъ, *въ нѣкоторыхъ сферахъ законодательство учредительнаго собранія установило принципъ личнаго права весьма прочно*, уничтоживъ разныя стѣсненія, которымъ подлежала индивидуальная свобода въ силу прежнихъ отношеній. Личность освобождалась не только отъ полнаго произвола, господствовавшаго въ отношеніяхъ къ ней со стороны государства прежнихъ временъ, но и отъ всего того, въ чемъ *феодализмъ и католицизмъ ограничивали ея права*: пало крѣпостничество и всякія стѣсненія правъ личной свободы и собственности, вытекавшія изъ сеньерьяльныхъ правъ; отмѣнена была утрата монашествующими ихъ гражданскихъ правъ [1]), равно какъ исключеніе изъ пользованія правами французскаго гражданства—про-

[1]) Имъ нельзя было только наслѣдовать имущество.

тестантовъ и евреевъ, получившихъ теперь полную равноправность съ католиками. Только свободную человѣческую личность учредительное собраніе хотѣло видѣть и въ лицахъ низшихъ расъ, и въ иностранцахъ: негръ-невольникъ, попавъ на французскую территорію, становился свободнымъ [1]), а по отношенію къ иностранцамъ отмѣненъ былъ обэнажъ, лишавшій ихъ права оставлять въ наслѣдство своимъ дѣтямъ собственность, находившуюся во Франціи. Разъ „естественныя и неотчуждаемыя права“ личности признавались за всѣми людьми, каковы бы ни были ихъ общественное положеніе, ихъ религія, ихъ происхожденіе, тотъ же принципъ долженъ былъ опредѣлить собою и многія отношенія права семейнаго и имущественнаго. По законодательству учредительнаго собранія, дѣти обоихъ половъ, достигшія совершеннолѣтія (21 года), эманципировались отъ родительской власти, равно какъ уравнивались въ правахъ на наслѣдство всѣ дѣти однихъ и тѣхъ же родителей безъ различія старшинства и пола. За преступленіе, совершонное однимъ членомъ семьи, другіе не должны были страдать въ своемъ добромъ имени и въ имущественныхъ правахъ, въ силу чего, напримѣръ, конфискація имущества вычеркивалась изъ уголовнаго кодекса [2]). Наконецъ, признавалась за собственникомъ полная свобода посмертнаго распоряженія своимъ имуществомъ (посредствомъ завѣщанія), и уничтожалось право наслѣдниковъ на родовой выкупъ (retrait lignager) проданнаго имѣнія: собственность получила чисто идивидуальный характеръ, такъ какъ законы, ограничивавшіе право распоряженія ею въ интересахъ наслѣдниковъ (принципъ фамильной собственности), отмѣнялись во имя безусловнаго личнаго права. Наконецъ, учредительное собраніе отмѣнило всѣ старыя,—цеховыя и отчасти протекціонистическія—стѣсненія, лежавшія на выборѣ занятій, уничтоживъ корпораціи, жюранды и метризы и объявивъ свободу труда и промышленности. Мы видѣли, что уже Тюрго думалъ о томъ же самомъ, и что старая цеховая организація, дѣйствительно, не соотвѣтствовала болѣе ни духу, ни потребностямъ времени. Но въ своей погонѣ за безусловною свободою индивидуума въ сферѣ этихъ отношеній, боясь возстановленія подъ новымъ именемъ старыхъ цеховъ со всѣмъ, что въ нихъ было противнаго индивидуальной свободѣ, учредительное собраніе зашло слишкомъ далеко, запретивъ и на будущее время всякія промышленныя и рабочія ассоціаціи. Впослѣдствіи это запрещеніе дало себя знать въ экономической жизни не одной Франціи, когда надежды на свободную конкуренцію инди-

[1]) Рабство въ колоніяхъ было отмѣнено лишь декретомъ 4 февр. 1794 г.

[2]) Но на дѣлѣ позднѣе она практиковалась въ страшныхъ размѣрахъ за преступленія политическія.

видуальныхъ силъ оказались неоправдавшими тѣхъ надеждъ, какія на нихъ возлагались.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что *во имя принципа личной свободы и тѣсно связаннаго съ нимъ гражданскаго равенства учредительное собраніе разрушало цѣлый рядъ прежнихъ правовыхъ нормъ, коренившихся въ старыхъ феодальныхъ католическихъ, цеховыхъ и даже родовыхъ учрежденіяхъ*, поскольку именно этими нормами нарушались равно всѣмъ людямъ прирожденныя естественныя права. Философія „естественнаго права" давала новую основу для личнаго начала въ общественной жизни, и учредительное собраніе полнѣе, чѣмъ кто-либо раньше, вводило принципы этой философіи въ самую жизнь общества, давая имъ законодательную санкцію. По этой же философіи изъ такихъ равныхъ другъ другу въ правахъ и рожденныхъ свободными людей образуется совокупность гражданъ, составляющая изъ себя націю, которой все по тому же естественному праву и должна была принадлежать верховная власть въ государствѣ. Разсмотримъ теперь, какъ былъ проведенъ этотъ другой принципъ философіи „естественнаго права" въ учрежденіяхъ, созданныхъ первымъ національнымъ собраніемъ Франціи.

„Верховная власть, гласитъ конституція 1791 г., едина, нераздѣльна, неотчуждаема и неотъемлема; она принадлежитъ націи; никакая часть народа и никакое отдѣльное лицо не можетъ приписывать себѣ пользованіе ею. Нація, отъ которой единственно происходятъ всѣ власти, можетъ пользоваться ими лишь посредствомъ делегаціи. Французская конституція есть представительная: представители суть законодательный корпусъ (le corps législatif) и король". Такимъ образомъ по конституціи 1791 г. державная нація проявляла свою верховную власть черезъ двухъ своихъ уполномоченныхъ, изъ которыхъ однимъ былъ наслѣдственный король, но такъ какъ историческая монархическая власть не была властью делегированною и потому самое понятіе делегаціи несовмѣстимо съ представленіемъ о монархіи, то *по существу дѣла конституція 1791 г. была республиканская, имѣя лишь монархическую форму*, такъ какъ превращала королевское достоинство въ наслѣдственную республиканскую магистратуру совершенно въ духѣ политической теоріи Мабли и отчасти Руссо. Между этими двумя уполномоченными націи, т.-е. законодательнымъ корпусомъ и королемъ, конституція 1791 г., согласно ученіямъ Монтескье и Мабли, раздѣляетъ власть законодательную и исполнительную. Первая „поручается (est délégué) національному собранію, составленному изъ временныхъ представителей, свободно избранныхъ народомъ, дабы собраніе это пользовалось ею съ королевскою санкціей, такъ что и въ данномъ случаѣ конституція 1791 г. воспроизводитъ

идеи Монтескье и Мабли, считавшихъ наилучшею формою представительство, а не идеи Руссо, который не допускалъ ни раздѣленія властей, ни представительства, тогда какъ по взгляду на королевскую власть эта конституція заимствуетъ свои тезисы скорѣе только у Руссо и Мабли. „Правительство есть монархическое: исполнительная власть делегируется королю, чтобы отправляться отъ его имени (sous son autorité) министрами и другими отвѣтственными агентами". Наконецъ судебная власть, совсѣмъ какъ у Монтескье, делегируется судьямъ, на время выбраннымъ народомъ. По конституціи 1791 г. для замѣщенія должностныхъ лицъ широкое значеніе давалось принципу народнаго избранія, совершавшагося въ первичныхъ собраніяхъ (assemblées primaires) самихъ гражданъ или въ департаментскихъ собраніяхъ лицъ, выбранныхъ въ первичныхъ. *Вопреки „деклараціи правъ человѣка и гражданина", признавшей общее равенство въ правахъ, конституція 1791 г. раздѣлила гражданъ на активныхъ и пассивныхъ* признавъ значеніе первыхъ лишь за тѣми природными или натурализованными французами, которые достигли двадцатипятилѣтняго возраста, имѣли осѣдлость въ городѣ или кантонѣ въ теченіе извѣстнаго времени, платили прямой налогъ, по крайней мѣрѣ, не менѣе, чѣмъ трехдневная заработная плата, не состояли ни у кого въ услуженіи за жалованье, числились на мѣстѣ жительства въ спискахъ національной гвардіи и принесли гражданскую присягу. Этою статьею конституціи устранялась изъ пользованія политическими правами бѣднѣйшая часть націи,—напримѣръ, въ деревняхъ всѣ батраки, нанимавшіеся въ услуженіе къ сельскимъ хозяевамъ,—хотя цензъ, установленный для активныхъ гражданъ (не безъ вліянія теорій Монтескье и Мабли), не былъ настолько великъ, чтобы конституцію 1791 г. въ этомъ пунктѣ нужно было считать прямо буржуазной. Активные граждане составляли первичныя собранія, въ которыхъ должны были выбираться, кромѣ муниципальныхъ властей, выборщики (électeurs)—съ болѣе уже значительнымъ имущественнымъ цензомъ—для образованія въ каждомъ департаментѣ, на какіе была раздѣлена Франція, особаго избирательнаго собранія (assemblée électorale), выбиравшаго, кромѣ департаментской администраціи, и представителей въ національное собраніе, каковыми могли быть вообще активные граждане. Представители выбирались на два года (на одну легислатуру) съ правомъ переизбранія безъ перерыва лишь еще на два года [1]) и считались представителями не отдѣльныхъ департаментовъ, а всей націи, которыхъ притомъ не могъ связывать никакой mandat impératif. Законодательный корпусъ, состоявшій лишь изъ одной палаты, дол-

[1]) Но по разд. III, гл. I, ст. 3, первое законодательное собраніе должно было разойтись въ концѣ апрѣля 1793 г.

женъ былъ непрерывно засѣдать два года,—что и называлось одной легислатурой,—обновляясь лишь на основаніи закона (de plein droit), т.-е. безъ созыва королемъ, который не могъ также и распускать законодательнаго корпуса. Конституція одному законодательному корпусу предоставляла право предлагать и декретировать законы; въ его распоряженіе отдавались финансы, національныя имущества, сухопутныя и морскія силы; объявленіе войны могло произойти не иначе, какъ въ силу декрета національнаго собранія, изданнаго по формальному предложенію короля. Послѣднему предоставлялось право отказывать въ согласіи своемъ на декреты законодательнаго корпуса, но этотъ отказъ могъ быть только отсрочивающимъ: „разъ двѣ легислатуры, слѣдующія за тою, которая представила декретъ (на королевскую санкцію), одна за другою снова представятъ тотъ же самый декретъ и въ тѣхъ же выраженіяхъ, въ такомъ случаѣ будетъ считаться, что король далъ свою санкцію" (le roi sera censé avoir donné la sanction). Это и было то отсрочивающее „veto" (veto suspensif), которое было предметомъ долгихъ споровъ и въ концѣ концовъ восторжествовало надъ безусловнымъ „veto" (veto absolu), игравшимъ большую роль въ политической теоріи Монтескье и защищавшимся Мирабо. Мы увидимъ, что когда была примѣнена конституція 1791 г., французы не снесли и этого отсрочивающаго „veto".

Авторы конституціи 1791 г. находились подъ сильнымъ вліяніемъ политической теоріи Мабли, представлявшей изъ себя нѣчто среднее между теоріями Монтескье и Руссо. Стоя вмѣстѣ съ первымъ изъ послѣднихъ двухъ писателей на точкѣ зрѣнія необходимости раздѣленія властей съ предоставленіемъ королю власти исполнительной, учредительное собраніе вмѣстѣ со вторымъ понимало, однако, значеніе монархическаго правительства въ смыслѣ простого исполненія народной воли. Облекая „короля французовъ" такимъ „pouvoir exécutif", конституція 1791 г., такъ сказать, требовала чтобы онъ немедленно передалъ ее министрамъ и другимъ отвѣтственнымъ агентамъ; но конституція не устанавливала парламентарнаго министерства, т.-е. такого органа исполнительной власти изъ членовъ самого законодательнаго корпуса, какимъ былъ англійскій кабинетъ и какого добивался Мирабо. Въ этомъ было большое неудобство, ибо не создавалось связующаго звена между королевскою властью и народнымъ представительствомъ, и въ законодательномъ корпусѣ отвѣтственные министры короля могли встрѣчать только критику и оппозицію, но не могли имѣть ниоткуда поддержки. Впослѣдствіи сама жизнь указала на необходимость парламентарнаго министерства и дѣйствительно вызвала нѣчто подобное къ жизни. Такимъ образомъ, король не созывалъ и не распускалъ національнаго собранія, не поль-

зовался самостоятельной законодательной инціативою и имѣлъ право лишь отсрочивающаго „veto", а кромѣ того, долженъ былъ дѣйствовать не иначе, какъ чрезъ посредство отвѣтственныхъ министровъ, которые, однако, не были членами законодательнаго собранія. Всѣ эти ограниченія королевской прерогативы (мы сравниваемъ конституцію 1791 г. съ англійской) были введены въ монархическую конституцію, какую хотѣло создать учредительное собраніе, изъ личнаго недовѣрія къ Людовику XVI и изъ боязни, какъ бы малѣйшая самостоятельность монарха не послужила впослѣдствіи способомъ возстановленія абсолютизма, что и дѣлало наиболѣе популярною идею республиканской монархіи Руссо и Мабли. Тѣмъ не менѣе конституція 1791 г. объявляла—въ духѣ теоріи Монтескье—личность короля священной и неприкосновенной, и король долженъ былъ только считаться отказавшимся отъ престола (sera censé avoir abdiqué la royauté) въ слѣдующихъ случаяхъ: если не присягнетъ конституціи или возьметъ назадъ данную присягу; если станетъ во главѣ арміи противъ націи или формальнымъ актомъ не воспротивится такому предпріятію, задуманному во имя короля; если, удалившись изъ королевства, не вернется въ назначенный срокъ по приглашенію законодательнаго корпуса (ст. 5—7). Эти статьи явились въ конституцію подъ вліяніемъ всего поведенія Людовика XVI и особенно подъ вліяніемъ его попытки бѣгства. Послѣ отреченія король долженъ былъ сдѣлаться простымъ гражданиномъ, и тогда его можно было судить и обвинить за дѣйствія, совершонныя послѣ отреченія.

Принципъ народовластія, какъ мы только-что видѣли, былъ вполнѣ осуществленъ въ организаціи законодательной власти, которая была почти безраздѣльно ввѣрена національному собранію, да и самымъ отсрочивающимъ „veto" король пользовался въ силу делегированнаго ему народомъ права. На томъ же принципѣ была основана организація исполнительной и судебной властей. Конституція 1791 г., передавая первую изъ нихъ васлѣдственному королю, въ сущности не давала ему органовъ для отправленія этой функціи: ни король, ни министры не участвовали въ замѣщеніи административныхъ должностей и не могли смѣшать чиновниковъ, ибо и *вся администрація была построена на началѣ народнаго избранія*. Мы еще увидимъ, что учредительное собраніе дало Франціи новое административное дѣленіе на департаменты, дискрикты и муниципалитеты, при чемъ не только не было сдѣлано различія между органами центральнаго управленія и самоуправленія, но введенъ былъ принципъ замѣщенія административныхъ должностей путемъ народнаго избранія въ первичныхъ и департаментскихъ собраніяхъ. Отдѣливъ строжайшимъ образомъ въ силу теоріи Монтескье администрацію отъ суда и сдѣлавъ

первую совершенно независимою отъ контроля со стороны второго (къ ущербу гарантій личной свободы), учредительное собраніе построило всѣ органы администраціи по одному типу: вездѣ были совѣщательныя коллегіи и исполнительные комитеты. Мѣстныя и притомъ именно выборныя власти вѣдали и общегосударственныя дѣла, оставаясь, однако, совершенно независимыми отъ центральнаго правительства, мало того,—считая даже себя въ правѣ ему не повиноваться по примѣру старыхъ парламентовъ. Организовавъ законодательную власть, учредительное собраніе совершенно такимъ образомъ дезорганизовало власть исполнительную: то, что̀ давалось королю или вообще центральному правительству подъ этимъ именемъ, было въ сущности фикціей, ибо у короля не было даже органовъ для контроля надъ дѣйствіями административныхъ лицъ и учрежденій. Учредительное собраніе понимало всѣ недостатки старой централизаціи (хотя, какъ мы еще увидимъ, само способствовало усиленію этого принципа въ будущемъ), но вмѣсто того, чтобы сочетать принципы центральнаго правительства и самоуправленія, построило всю администрацію на началахъ самой крайней децентрализаціи, какъ бы осуществляя старую мысль д'Аржансона о королевской демократіи. Франція, дѣйствительно, раздѣлена была какъ бы на отдѣльныя республики, совершенно независимыя отъ центральнаго правительства, что̀ вносило уже прямо анархію въ дѣло управленія. Недовѣріе къ королевской власти, къ ея прежнимъ органамъ въ провинціяхъ (къ интендантамъ), къ административной централизаціи вообще склонило учредительное собраніе къ тому, чтобы не только ввести въ жизнь Франціи мѣстное самоуправленіе, но и передать въ вѣдѣніе его органовъ то, что̀ должно было бы остаться въ рукахъ центральнаго правительства и его органовъ въ отдѣльныхъ селахъ, городахъ и цѣлыхъ провинціяхъ.

Въ судебной организаціи произошло то же самое: не довѣряя старому судейскому сословію, учредительное собраніе не только не установило особыхъ аппеляціонныхъ палатъ, подъ видомъ которыхъ могли бы возродиться старые парламенты, но даже и не требовало, чтобы судьи обладали необходимыми юридическими знаніями, опасаясь, какъ бы не возродилось старое судейское сословіе. Введши институтъ присяжныхъ засѣдателей для уголовныхъ дѣлъ (большое jury для преданія суду и малое для произнесенія приговора), учредительное собраніе сдѣлало выборными и судейскія должности, какъ мировыхъ судей, такъ и членовъ департаментскихъ трибуналовъ (окружныхъ судовъ), т.-е. и здѣсь былъ примѣненъ принципъ народовластія. Судебное вѣдомство съ кассаціоннымъ судомъ во главѣ, впрочемъ, наименѣе подвергалось впослѣдствіи перемѣнамъ, если не считать например, позднѣйшаго введенія аппеляціонныхъ палатъ и т. п.

Судопроизводство было также реформировано и во многихъ отношеніяхъ въ духѣ гарантій личной неприкосновенности.

Конституція 1791 г. просуществовала недолго. Хотя ея составители сами отказались отъ возможности сдѣлаться и проводниками ея въ жизнь, тѣмъ не менѣе они проявили большую заботливость объ упроченіи ея существованія особымъ конституціональнымъ же закономъ. Признавъ за націей неотъемлемое право измѣнять конституцію [1]), но въ то же время считая, что было бы прямо въ національномъ интересѣ пользоваться правомъ реформировать ея статьи, неудобства которыхъ укажетъ опытъ, не иначе, какъ способомъ, указаннымъ въ самой же конституціи, учредительное собраніе обставило „пересмотръ (la revision) констуціонныхъ декретовъ" такими формальностями, что первымъ двумъ легислатурамъ не давалось вообще права поднимать этотъ вопросъ, а затѣмъ требовалось, чтобы то или другое измѣненіе предлагалось одинаковымъ образомъ тремя послѣдовательными легислатурами, послѣ чего лишь четвертая, да и то усиленная 249 новыми членами (всѣхъ было 743), могла приступить къ самому пересмотру. При соблюденіи этихъ условій конституція 1791 г. должна была бы просуществовать неизмѣнною, по крайней мѣрѣ, десять лѣтъ, но она просуществовала лишь съ небольшимъ десять мѣсяцевъ. Кромѣ внѣшнихъ обстоятельствъ, на которыя своевременно будетъ указано. тутъ дѣйствовали причины, лежавшія и въ самой конституціи 1791 г. Декларація правъ поставила естественныя права человѣка и гражданина выше всякаго положительнаго закона, а между тѣмъ, конституціонный актъ 1791 г. въ одномъ отношеніи (по вопросу о пересмотрѣ) долженъ былъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ связывать національную волю, а въ другомъ (въ раздѣленіи гражданъ на активные и пассивные) противорѣчилъ деклараціи, объявлявшей равенство всѣхъ гражданъ. Нѣсколько параграфовъ конституціоннаго акта оказались плохой гарантіей противъ новаго проявленія національной воли, какъ бы ни было случайно послѣднее, а установленіе имущественнаго ценза, притомъ такого низкаго, при которомъ гражданинъ очень легко могъ лишаться политическихъ правъ въ силу какихъ-либо случайностей, вооружало противъ конституціи массу гражданъ. Въ этомъ заключалось одно внутреннее противорѣчіе конституціи. Другимъ противорѣчіемъ было то, что въ ней монархическая форма совсѣмъ не соотвѣтствовала республиканскому содержанію: первая показалась впослѣдствіи помѣхою людямъ, настроеннымъ на республиканскій ладъ, тогда какъ второе было причиной оппозиціи, въ какую стали къ ней не только дворъ, но и

[1]) Въ Англіи нѣтъ различія между обыкновенными и конституціонными законами.

многіе конституціонные монархисты. Наконецъ, конституція 1791 г. совершенно разрушала всякую возможность управленія Франціей законною центральною властью, хотя и подготовила почву для еще большей, чѣмъ прежде, централизаціи полнымъ уничтоженіемъ всѣхъ областныхъ особенностей, но такъ какъ Франція привыкла къ повиновенію приказамъ, которые исходили изъ центра, то мѣсто правительства, оставленное въ конституціи 1791 г. незанятымъ, занято было впослѣдствіи якобинскимъ клубомъ, стоявшимъ во главѣ цѣлыхъ сотенъ филіальныхъ отдѣленій въ провинціяхъ.

Хотя конституція 1791 г. не продержалась и года, хотя послѣ нея во Франціи смѣнилось еще нѣсколько конституцій донынѣ дѣйствующей конституціи 1875 г., но въ основѣ ихъ всѣхъ и великаго множества другихъ конституцій, издававшихся въ иныхъ странахъ подъ прямымъ или косвеннымъ вліяніемъ французской революціи, мы *находимъ однѣ и тѣ же политическія идеи, сдѣлавшіяся основными принципами государственнаго права западно-европейскихъ народовъ въ XIX вѣкѣ*, такъ что о конституціи 1791 г. нужно судить не только по отношенію къ ея недостаткамъ и къ современному ей положенію дѣлъ во Франціи, но и по отношенію ко многимъ изъ ея принциповъ, утвердившихся въ новѣйшемъ государственномъ правѣ не одной Франціи, но и другихъ странъ Западной Европы. Этими принципами являются свобода индивидуальная въ смыслѣ личной неприкосновенности и разныхъ видовъ независимаго проявленія личности въ области вѣры, мысли, слова и свобода политическая въ смыслѣ народнаго участія чрезъ представителей въ законодательствѣ и управленіи, т.-е. тѣ начала, которыя уже осуществлялись раньше въ англійской государственной жизни. Поэтому 1789 г. для Западной Европы былъ какъ бы началомъ „рецепціи" конституціонныхъ учрежденій, выработанныхъ въ Англіи. Какъ бы свысока и не смотрѣли во Франціи на англійскія учрежденія и нѣкоторые публицисты XVIII в., и весьма многіе дѣятели 1789 г., думавшіе создать нѣчто болѣе совершенное, чѣмъ во многихъ сторонахъ своихъ чисто „готическая" англійская конституція, все-таки въ сущности „принципы 1789 г." были перенесеніемъ во Францію основныхъ началъ англійской же конституціи лишь въ демократической оболочкѣ. Принципы эти, однако, не нашли для себя во Франціи сразу вполнѣ подходящей почвы: торжество индивидуальной свободы было кратковременнымъ, такъ какъ всѣмъ предыдущимъ политическимъ воспитаніемъ своимъ Франція была мало подготовлена къ тому, чтобы ее осуществить, учредительное же собраніе не создало для нея сколько-нибудь реальныхъ гарантій, и такъ какъ чрезвычайныя событія, переживавшіяся государствомъ, создавали потомъ надобность въ диктатурѣ, и, наконецъ, многіе

дѣятели революціи стали „смѣшивать свободу народа съ властью народа“, даже прямо не дорожили принципомъ индивидуальной свободы. И народовластіе, столь прочно привившееся къ американской почвѣ, не осуществило дѣйствительнаго политическаго самоуправленія, и старая королевская власть Божіею милостью смѣнилась — послѣ неудачи съ конституціонной монархіей—такимъ же, какъ и прежде, абсолютизмомъ диктатуры во имя народа—сначала якобинскою, потомъ военною.

XXXVII. Преобразованіе общественнаго строя Франціи во время революціи.

Разрушеніе католико-феодальнаго строя въ новое время.—Старыя провинціи и административная реформа конституанты.—Права корпорацій и личное начало.—Паденіе сословнаго устройства французскаго общества.—Буржуазія и народъ.—Французская демократія.—Отмѣна феодальныхъ правъ.—Отношеніе революціи къ крестьянамъ.—Французская революція и духовенство.—Гражданское устройство духовенства.—Продажа національныхъ имуществъ.

Революція 1789 г. имѣла значеніе не только политическаго переворота, съ которымъ соединены были реформы административныя, судебныя, финансовыя и т. п., но и *значеніе весьма крупнаго событія въ соціальной исторіи Франціи и другихъ странъ*, на которыхъ сказалось вліяніе этой революціи. Уже не разъ нами указывалось на то, что старые государственные и общественные порядки, противъ которыхъ была направлена революція, заключались въ соединеніи политическаго абсолютизма съ соціальными привилегіями. Конституція 1791 г., основные принципы которой были изложены въ „деклараціи правъ человѣка и гражданина“, имѣла своею цѣлью замѣнить прежнюю абсолютную монархію представительнымъ образомъ правленія, но въ той же деклараціи заключались принципы, въ силу которыхъ долженъ былъ быть реформированъ и соціальный строй Франціи. Именно общество, раздѣлявшееся на отдѣльныя сословія съ разными правами, привилегіями и обязанностями, должно было превратиться въ націю, состоящую лишь изъ равноправныхъ гражданъ, при чемъ и духовенство должно было утратить значеніе особаго привилегированнаго сословія, превратившись въ простой, такъ сказать, профессіональный классъ служителей религіи. Вся новая исторія имѣетъ своимъ содержаніемъ— въ соціальной своей сторонѣ — постепенное разрушеніе католико-феодальнаго строя, ведущаго свое начало изъ среднихъ вѣковъ. Процессъ этотъ въ различныхъ странахъ совершался различнымъ образомъ, т.-е. гдѣ раньше, гдѣ позже, когда путемъ дѣйствія государственной власти, когда путемъ народныхъ движеній и т. п. Ранѣе

всего безсословная нація стала вырабатываться въ Англіи, гдѣ поэтому уже въ XVIII в. осуществлялось то, къ чему Франція въ прошломъ столѣтіи только стремилась и чего достигла лишь благодаря революціи 1789 г. Если въ эпоху просвѣщеннаго абсолютизма королевская власть во имя интересовъ государства и новой государственной идеи начинала рѣшительнѣе, чѣмъ прежде, дѣйствовать въ области соціальныхъ отношеній, завѣщанныхъ новой Европѣ средневѣковымъ католико-феодальнымъ строемъ, то уже не одна государственная идея революціи, сводившаяся къ принципамъ естественнаго права, верховенства націи и осуществленія государствомъ общаго блага и т. п., требовала уничтоженія всего, что̀ существовало лишь въ силу права историческаго, раздробляло націю на сословія, создавало привилегіи и имѣло въ виду не интересы государства, а отдѣльныхъ общественныхъ группъ. Уничтоженія всего этого требовала еще и идея естественнаго права личности, права, принадлежащаго ей, какъ таковой, а не въ силу ея случайнаго рожденія въ томъ или другомъ общественмомъ состояніи,—права на свободу и равенство, которыя нарушались существованіемъ сословныхъ перегородокъ и привилегій. Религіозная реформація въ XVI в. уничтожила въ протестантскихъ странахъ духовенство, какъ особое привилегированное сословіе; къ тому же до извѣстной степени стремился просвѣщенный абсолютизмъ [1]); ту же цѣль поставила себѣ и французская революція: духовныя лица должны были сравняться въ правахъ со всѣми остальными гражданами государства. Въ такомъ же направленіи совершалась и борьба, какую просвѣщенный абсолютизмъ начиналъ противъ привилегій феодальнаго дворянства и всего соціальнаго феодализма. Въ обоихъ случаяхъ имѣлись въ виду и интересы государства, и интересы большинства, какъ совокупности отдѣльныхъ личностей, права которыхъ страдали отъ общественнаго неравенства, но до французской революціи въ борьбѣ правительствъ съ разными сторонами католико-феодальнаго строя ставились главнымъ образомъ цѣлью права̀ и интересы государства, тогда какъ права̀ и интересы личности и народа, какъ совокупности отдѣльныхъ индивидуумовъ, очень мало принимались въ расчетъ. Въ другомъ мѣстѣ мы указывали уже, что католико-феодальный строй былъ одинаково стѣснителенъ и для государства, и для личности и что борьба съ этимъ строемъ велась во имя началъ государственности и индивидуализма, но что первое изъ этихъ началъ развивалось быстрѣе и успѣшнѣе, чѣмъ второе, и что оно даже стало само во враждебное отношеніе къ этому второму началу, потребовавъ для государства безусловныхъ правъ, а на долю личности оставивъ однѣ обязанности. Въ эпоху

[1]) Имѣемъ въ виду Іосифа II.

французской революціи мы впервые *имѣемъ дѣло съ разрушеніемъ католико-феодальнаго строя не только во имя идеи государства, но и во имя естественныхъ, прирожденныхъ и неотъемлемыхъ правъ личности.* Съ этой точки зрѣнія французская революція открываетъ собою совершенно новую эпоху въ исторіи цивилизованнаго міра. Въ борьбѣ своей съ старыми порядками учредительное собраніе исходило между прочимъ изъ того представленія, что главная причина народныхъ бѣдствій заключается въ законахъ и учрежденіяхъ, лишающихъ личность ея естественной свободы и нарушающихъ гражданское равенство; но утверждая права личности, учредительное собраніе, какъ мы еще увидимъ, не сознавало необходимости заботиться о матеріальномъ ея обезпеченіи, полагая, что каждый лучше, чѣмъ кто-либо посторонній можетъ пещись о собственномъ интересѣ, и что равномѣрное распредѣленіе налоговъ, уничтоженіе феодальнаго режима, провозглашеніе свободы труда и т. п., сами по себѣ способны создать народное благосостояніе. Въ этомъ была, конечно, большая ошибка, но изъ того, что учредительное собраніе ее сдѣлало, вовсе не слѣдуетъ, будто сами по себѣ индивидуальная свобода и гражданское равенство ничего не значили и будто „принципы 1789 г." были нужны только для буржуазіи.

Въ своихъ реформахъ соціальнаго строя учредительное собраніе исходило изъ отвлеченныхъ принциповъ государства (или націи) и личности (или гражданина), какъ принципы эти были поставлены въ философіи естественнаго права. Въ послѣдней государство мыслилось внѣ историческихъ его формъ, каковыми являются слѣды происхожденія государства изъ бывшихъ прежде самостоятельными княжествъ, сдѣлавшихся его провинціями, существованіе въ немъ рѣзко одно отъ другого ограниченныхъ сословій, извѣстныя отношенія, установившіяся между нимъ и космополитическимъ учрежденіемъ католической церкви. По конституціи 1791 г. королевство признавалось единымъ и нераздѣльнымъ (un et indivisible) въ согласіи съ единствомъ французской націи и съ отвлеченнымъ представленіемъ о государствѣ. Для удобства управленія оно было распредѣлено (distribué) на 83 департамента, вмѣсто стараго историческаго дѣленія на провинціи, при чемъ въ основу новаго дѣленія были положены отвлеченные же, именно математическіе принципы — возможной равновеликости территоріи отдѣльныхъ департаментовъ (принципъ геометрическій) и возможной равнонаселенности этихъ территорій, полагая на каждый департаментъ приблизительно 400 т. жителей (принципъ ариѳметическій). Если бы мыслимо было осуществить вполнѣ эти принципы, то пришлось бы раздѣлить территорію королевства на подобіе шахматной доски и постараться, чтобы число жителей на одномъ квадратѣ не

превышало числа жителей на другомъ. Это искусственное дѣленіе не принимало въ расчетъ ни историческихъ границъ между прежними провинціями, генеральствами, бальяжами и т. п., ни другихъ мѣстныхъ условій: бытового, экономическсго и т. п., такъ что каждый департаментъ представлялъ изъ себя чисто искусственную административную единицу; это только способствовало еще бо́льшему развитію принципа централизаціи, когда позднѣе во главѣ каждаго департамента былъ поставленъ правительственный чиновникъ. Франція нуждалась въ бо́льшемъ объединеніи относительно порядка администраціи, права, финансовой системы и т. п., нуждалась въ уничтоженіи устарѣлыхъ областныхъ привилегій, т.-е. *жизнь требовала уничтоженія остатковъ феодализма, поскольку онъ лежалъ въ основаніи неравенства между отдѣльными частями государства*, но самое дѣло свободы требовало болѣе осмотрительнаго отношенія къ реальнымъ условіямъ и потребностямъ мѣстной жизни. Искусственно выкроенные департаменты съ ихъ столь же искусственными подраздѣленіями на дистрикты, а дистриктовъ на кантоны и съ іерархическимъ подчиненіемъ однихъ другимъ, были весьма мало приноровлены къ тому, чтобы сдѣлаться живыми общественными организмами, несмотря на широкую свободу, имъ предоставленную конституціей 1791 г. Во имя абсолютнаго равенства между отдѣльными частями государства, при всемъ желаніи установить мѣстную свободу, учредительное собраніе отнимало у нея всѣ необходимыя для того условія. Послѣднія могли заключаться лишь въ томъ, чтобы были приняты въ расчетъ при дѣленіи государства на департаменты реальныя отношенія отдѣльныхъ мѣстностей, а не отвлеченныя начала равновеликости и равнонаселенности территорій. Въ своемъ рвеніи къ нивеллированію, прямо унаслѣдованномъ отъ старой монархіи, учредительное собраніе не хотѣло даже дѣлать различія въ способѣ управленія между небольшими деревушками и самыми громадными городами, подводя ихъ одинаково подъ одно понятіе муниципалитетовъ. Мы еще увидимъ, какъ при конвентѣ департаменты и муниципалитеты подчинились фактически одному изъ наиболѣе деспотическихъ центральныхъ правительствъ, какія только существовали когда-либо во Франціи. Къ этому привели, конечно, обстоятельства времени при содѣйствіи привычекъ, привитыхъ націи старой системой административной централизація, но кромѣ того, дѣйствительная мѣстная автономія, какъ слишкомъ напоминавшая консервативныя притязанія старыхъ провинцій, была противна самому духу той концепціи государства „единаго и нераздѣльнаго“, главными представителями котораго явились якобинцы, прямо отождествлявшіе „федерализмъ“ съ наиболѣе опасными государственными преступленіями. Передъ отвлеченной идеей

государства должна была пасть всякая мѣстная обособленность, и въ этомъ отношеніи французская революція представляетъ немало аналогій съ централистическими стремленіями старыхъ правительствъ, не исключая просвѣщеннаго абсолютизма (особенно Іосифа II).

Съ тѣмъ же недовѣріемъ, какъ къ старымъ провинціямъ отнеслось учредительное собраніе и къ прежнимъ корпораціямъ, имѣвшимъ характеръ юридическихъ лицъ. Мѣстная самобытность съ одной и той же точки зрѣнія должна была казаться столь же опасною для государственнаго единства (хотя въ то же время и вводилась самая широкая децентрализація), какъ должны были казаться опасными для индивидуальной свободы какія бы то ни было корпораціи (хотя вмѣстѣ съ тѣмъ допускалось, однако, весьма широкое развитіе клубовъ). Мы уже упомянули, что, уничтожая цехи, учредительное собраніе запрещало и впредь устраивать какія бы то ни было ассоціаціи подобнаго рода. Читая декретъ національнаго собранія (14 іюня 1791 г.), уничтожающій „всякаго рода корпораціи гражданъ одного и того же состоянія и профессіи“ и запрещающій „возстановлять ихъ подъ какимъ бы то ни было предлогомъ и подъ какимъ бы то ни было видомъ“, мы видимъ, что національное собраніе усматривало въ возможныхъ попыткахъ основанія новыхъ ремесленныхъ ассоціацій нѣчто „неконституціонное и заключающее въ себѣ покушеніе (attentoirs) на свободу и декларацію правъ человѣка“, ибо, какъ пояснилъ докладчикъ декрета, въ государствѣ не должно быть иныхъ интересовъ, кромѣ частнаго интереса каждаго отдѣльнаго лица и интереса общаго: „никому не дозволяется внушать гражданамъ какой-то промежуточный интересъ (intérêt intermédaire), отдѣлять ихъ отъ общаго дѣла (de la chose publique) корпоративнымъ духомъ“ (ésprit de corporation), съ другой же стороны корпораціи противорѣчатъ принципу свободныхъ соглашеній лица съ лицомъ (conventions libres d'individu à individu). Такимъ образомъ учредительное собраніе не хотѣло знать ничего промежуточнаго между государствомъ и отдѣльнымъ лицомъ и во имя индивидуальной свободы лишало отдѣльныя лица права соединяться между собою ради достиженія нѣкоторыхъ общихъ цѣлей въ смыслѣ извѣстной профессіи. Мы откладываемъ до другого мѣста разсмотрѣніе того, какое значеніе получилъ позднѣе этотъ законъ въ исторіи борьбы капитала съ трудомъ [1]),—законъ, поставившій отдѣльнаго наймита лицомъ къ лицу съ предпринимателемъ, отмѣчаемъ здѣсь лишь политическую сторону дѣла, тѣмъ болѣе, что декретъ запрещалъ ассоціаціи не однихъ рабочихъ, но и предпринимателей (entrepreneurs), какъ это было прямо заявлено въ декретѣ. Все, что становилось между личностью и государствомъ въ видѣ

[1]) См. томъ IV настоящаго труда.

старыхъ провинцій и прежнихъ корпорацій съ ихъ особыми интересами, должно было исчезнуть во имя правъ государства и свободы личности, хотя право ассоціаціи является какъ разъ однимъ изъ средствъ обезпеченія личности въ ея жизненной борьбѣ. Позднѣйшіе историки объясняли иногда такое распоряженіе конституанты не одностороннимъ примѣненіемъ принципа — да еще подъ вліяніемъ боязни, какъ бы не возродились старыя привилегированныя корпораціи, нарушавшія свободу труда и бывшія орудіемъ эсплуатаціи,— а тонкимъ буржуазнымъ расчетомъ, хотя именно часть буржуазіи (мастера) и теряла отъ уничтоженія цеховъ. Конвентъ въ этомъ отношеніи не отступилъ отъ конституанты, и для него—при господствѣ якобинскаго принципа государственности—корпорація являлась чѣмъ-то враждебнымъ государству, отвлекающимъ гражданина отъ того, чтобы посвящать всѣ свои силы только одному отечеству.

На вопросѣ о провинціяхъ и корпораціяхъ мы старались выяснить тотъ общій принципъ, который былъ положенъ въ основу общественнаго переустройства Франціи. Передъ тою высшею государственною идеею, которую выработала общественная философія XVIII в., не было мѣста для неравенства правъ гражданъ одного и того же отечества, какъ бы они ни различались между собою по своему соціальному положенію, и въ этомъ отношеніи требованія, вытекавшія изъ идеи государства, которое существуетъ единственно для общаго блага, только подкрѣпляли силу индивидуалистическаго принципа „декларація правъ человѣка и гражданина“. Мы уже знаемъ, что 4 августа 1789 г. рухнулъ весь соціальный феодализмъ: *результатомъ этого было созданіе во Франціи безсословнаго гражданства*, сдѣлавшагося однимъ изъ наиболѣе прочныхъ пріобрѣтеній революціи. Уже превращеніе генеральныхъ штатовъ съ ихъ сословнымъ раздѣленіемъ въ новое учрежденіе—національное собраніе, какъ собраніе представителей всего народа (17 іюня 1789 г.), было первымъ шагомъ на пути демократизаціи французской націи, а черезъ годъ послѣ этого (19 іюня 1791 г.) были отмѣнены и всѣ дворянскіе титулы (titres nobiliaires) вмѣстѣ съ наслѣдственнымъ дворянствомъ. Конституція 1791 г. съ первыхъ же строкъ своихъ объявляла безповоротно уничтоженными всѣ учрежденія, оскорблявшія свободу и равенство правъ: „нѣтъ больше, сказано въ ней, ни дворянства, ни перства, ни наслѣдственныхъ отличій, ни сословнаго раздѣленія (distinction d'ordre), ни феодальнаго режима, ни патримоніальной юстиціи, ни какихъ-либо титуловъ, званій (dénominations) и прерогативъ, изъ всего этого возникающихъ, ни какихъ-либо рыцарскихъ орденовъ, корпорацій и украшеній, для которыхъ требовались бы доказательства дворянства или которые предполагали бы неравенство рожденія, ниже какихъ бы то

ни было другихъ случаевъ превосходства, кромѣ того, которое принадлежитъ представителямъ власти (fonctionnaires publics) при исполненіи ими ихъ обязанностей". Содержаніе декретовъ 4 августа 1789 г. было резюмировано въ самой конституціи, которая „гарантировала въ качествѣ естественныхъ и гражданскихъ правъ: 1) что всѣ граждане могутъ быть допускаемы ко всѣмъ мѣстамъ и должностямъ безъ какихъ бы то ни было другихъ отличій, кромѣ добродѣтели и таланта; 2) что всѣ налоги будутъ распредѣляться между всѣми гражданами равномѣрно въ соотвѣтствіи съ ихъ средствами; 3) что одни и тѣ же преступленія будутъ наказываться одинаковымъ образомъ безъ всякаго различія лицъ". Наконецъ, конституція прямо признавала только одно состояніе гражданъ (état des citoyens), при чемъ для всѣхъ безъ различія жителей устанавливался одинъ и тотъ же способъ удостовѣренія своей личности.

Паденіе сословнаго строя старой Франціи обнажило отъ историческихъ наслоеній раздѣленіе общества на два большіе класса, которымъ позднѣе окончательно были присвоены названія буржуазіи и народа, какъ то уже давно было въ Англіи, гдѣ, несмотря на сохраненіе многихъ аристократическихъ формъ, гораздо раньше въ сущности всѣ соціальныя различія стали сводиться къ раздѣленію общества на имущихъ (землевладѣльцы, фермеры-капиталисты, купцы, фабриканты и т. п.) и неимущихъ (сельскій и городской пролетаріатъ). До 1789 г. во Франціи буржуазія и народъ составляли одно и то же третье сословіе, у котораго было много общихъ интересовъ, противоположныхъ интересамъ привилегированныхъ. *Революція 1789 г. вообще имѣла прежде всего демократическій характеръ въ противоположность старому аристократическому строю*, т.-е. имѣла характеръ ни исключительно буржуазный, ни исключительно простонародный, хотя внутри этой демократіи въ разные періоды и выдвигался на первый планъ сначала одинъ, потомъ другой соціальный элементъ. Дѣятели 1789 г. шли въ этомъ отношеніи подъ знаменемъ демократовъ Руссо и Мабли, а не подъ знаменемъ аристократа Монтескье. Вотъ почему, между прочимъ, во Франціи не было учреждено верхней палаты національнаго собранія, подобной палатѣ лордовъ англійскаго парламента. Дѣятели 1789 г., относившіеся съ недовѣріемъ къ королевской власти, къ административной централизаціи, къ парламентамъ, къ провинціальной самобытности, къ корпораціямъ, не могли отнестись съ довѣріемъ и къ аристократическому началу, тѣмъ болѣе, что вся старая знать была главною противницею новыхъ общественныхъ идей, стремленій и преобразованій. Въ началѣ учредительное собраніе колебалось между однопалатнымъ и двупалатнымъ устройствомъ законодательнаго корпуса: за двѣ палаты говорили примѣры англійскаго парла-

мента и конгресса Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, конституція которыхъ была утверждена въ 1789 г., равно какъ разныя политическія соображенія, въ родѣ того, что необходимы противовѣсъ увлеченіямъ единственной палаты и извѣстная гарантія противъ возможности превышенія имъ своей власти, или что нужно имѣть въ виду также возможность конфликтовъ между законодательною и исполнительною властями, а на сей конецъ и понадобилась бы другая палата въ качествѣ учрежденія, которое могло бы мирно улаживать подобныя столкновенія. Защитниками двухпалатной системы были Лалли-Толендаль, Клермонъ-Тоннеръ, Мунье, Малуэ, Дюпонъ де-Немуръ, Сіэсъ, но на противоположной сторонѣ были Мирабо и многіе другіе вліятельные дѣятели, доказывавшіе, что учрежденіе верхней палаты было бы нарушеніемъ народнаго верховенства, разъ собраніе, представляющее народъ, ограничивалось бы еще какимъ-то другимъ собраніемъ. Они говорили, что народъ единъ, и что потому не должно быть двойственности въ его представительствѣ, что единая общая воля и не могла бы проявляться посредствомъ разныхъ органовъ, что, наконецъ, и Англія, и Сѣверо-Американскіе Штаты въ данномъ случаѣ не указъ, такъ какъ мало ли какіе бываютъ аристократическіе предразсудки. Въ сущности одержали побѣду не столько теоретическія соображенія, сколько боязнь, какую внушала новой Франціи старая аристократія. Сила демократическаго настроенія учредительнаго собранія выразилась въ томъ, что однопалатная система была принята большинствомъ почти пятисотъ человѣкъ противъ меньшинства, не доходившаго и до сотни.

Не въ этомъ только отношеніи французская конституція оказалась демократичнѣе англійской. Хотя она и не допустила всеобщей подачи голосовъ, но и не установила для пользованія политическими правами въ качествѣ избирателей того высокаго ценза, благодаря которому въ Англіи лишь незначительное меньшинство населенія пользовалось правомъ посылать депутатовъ въ палату общинъ. Вотъ почему демократическій духъ французской революціи сильно встревожилъ правящій классъ въ самой Англіи, и вотъ почему этотъ классъ, боявшійся за прочность своего положенія въ государствѣ, въ теченіе многихъ годовъ (до 1832 г.) сопротивлялся сдѣлавшейся до очевидности необходимою парламентской реформѣ. Мы уже знаемъ, что цензъ, введенный учредительнымъ собраніемъ для такъ называемыхъ активныхъ гражданъ, былъ вовсе не такъ великъ, чтобы конституцію 1791 г. нельзя было назвать демократической. Въ собраніи была небольшая группа депутатовъ, которая желала установить цензъ, равный 60 франкамъ прямыхъ налоговъ, но противъ этого было громадное большинство, въ составъ котораго входили Ми-

рабо и Робеспьеръ, и дѣло ограничилось принятіемъ ценза въ 3—6 франковъ, т.-е. столь незначительнаго ценза, что въ число активныхъ гражданъ въ 1791 г. попало болѣе четырехъ милліоновъ лицъ. Примемъ въ расчетъ, что въ эпоху конституціоннаго режима реставраціи (1814—1830) и іюльской монархіи 1830—1848) число избирателей, благодаря высокому цензу, было менѣе ста тысячъ (въ эпоху реставраціи) и не доходило до четверти милліона (въ эпоху іюльской монархіи), несмотря на то, что населеніе Франціи къ этому времени возрасло почти въ полтора раза. Правда, въ 1791 г. число пассивныхъ гражданъ, т.-е. такихъ, которые не пользовались правомъ избранія, было тоже весьма большое (около двухъ милліоновъ), но исключеніе наиболѣе бѣдныхъ гражданъ изъ пользованія политическими правами объясняется тогдашними политическими теоріями (необезпеченные не могутъ быть надежными гражданами въ смыслѣ независимости голосовъ) или физіократической концепціей общества (только одни поземельные собственники суть истинные граждане). Дѣленіе гражданъ на активныхъ и пассивныхъ сдѣлалось сразу непопулярнымъ, и противъ него стали раздаваться протесты, въ которыхъ неимущіе вооружались противъ мѣры, лишающей ихъ главнаго политическаго права, тѣмъ болѣе, что, какъ говорилось въ нѣкоторыхъ брошюрахъ того времени, именно бѣдные особенно нуждаются въ представительствѣ для защиты своихъ интересовъ. Нельзя, впрочемъ, отрицать и того, чтобы въ разсмотрѣніи всего этого вопроса не выражалось опасеніе, какъ бы неимущіе—будь на ихъ сторонѣ большинство—не экспропріировали имущихъ. Во всякомъ случаѣ въ установленіи ценза до такой степени чувствовалось противорѣчіе съ основнымъ демократическимъ принципомъ революціи, что 11-го августа 1792 г. законодательное собраніе, какъ мы увидимъ, уничтожило всякое различіе между активными и пассивными гражданами, а якобинская конституція 1793 г.,—которая, впрочемъ, никогда не была приводима въ дѣйствіе,—и такъ называемая конституція III (1795) года удержали принципъ всеобщей подачи голосовъ. Если въ чемъ и видѣть буржуазный принципъ въ конституціи 1791 г., такъ развѣ только въ установленіи ею уже болѣе высокаго ценза для права быть избирателемъ, т.-е. членомъ департаментскаго собранія, выбиравшаго департаментскія власти и депутатовъ. Законъ 22 декабря 1789 г. опредѣлялъ этотъ цензъ только въ три съ небольшимъ раза бо̀льшій сравнительно съ цензомъ активнаго гражданина (уплата прямого налога въ размѣрѣ десятидневной рабочей платы, т.-е. отъ 10 до 20 франковъ); но въ конституціи 1791 г. уже требуется поземельный доходъ въ размѣрѣ отъ 150 до 200 дней рабочей платы, т.-е. отъ 150 до 400 франковъ дохода. Впрочемъ, и

тутъ по сравненію съ конституціями 1814 и 1830 гг., по которымъ избирательное право давалось лишь прямымъ налогомъ (а не доходомъ) въ 300 и 200 франковъ, былъ болѣе проведенъ демократическій принципъ, при чемъ по конституціи 1791 г. въ депутаты могъ выбираться каждый активный гражданинъ; тогда какъ по хартіямъ 1814 и 1830 гг. отъ депутата требовалась уплата прямого налога въ тысячу и въ 500 франковъ, благодаря чему во Франціи, напримѣръ, при реставраціи было лишь 15 т. человѣкъ, подходившихъ подъ условіе избираемости въ депутаты. Все это указываетъ на то, что *конституція 1791 г. отличалась въ сущности демократическимъ характеромъ и что тѣ отступленія отъ строю демократическаго принципа, которыя мы въ ней находимъ, далеко не вытекали изъ сколько-нибудь рѣзкой противоположности между буржуазіей и народомъ*, хотя бы введеніе ценза и подавало уже тогда поводъ поднимать вопросъ о противоположности интересовъ между отдѣльными экономическими классами.

Сословный строй старой Франціи былъ замѣненъ демократическимъ равенствомъ въ политическомъ (и юридическомъ) смыслѣ, но это не касалось непосредственно отношеній экономическихъ, которыми опредѣляется существованіе разныхъ соціальныхъ классовъ и въ безсословномъ обществѣ. „Старые порядки", какъ соединеніе политическаго абсолютизма съ соціальными привилегіями, пали, и вотъ, если мы поставимъ вопросъ, какой же общественный классъ наиболѣе выигралъ отъ этого переворота, то должны будемъ отвѣтить, что это была *далеко не одна буржуазія, на долю которой пришлись самыя крупныя выгоды, но и та часть крестьянства, которая имѣла земельное обезпеченіе* (не касаясь, конечно, тѣхъ выгодъ, какія давались новыми порядками безразлично всѣмъ гражданамъ, и не упоминая о томъ, что отмѣна крѣпостничества являлась величайшимъ благодѣяніемъ въ особенности для тѣхъ крестьянъ, которые были ему подчинены, и что вообще уничтоженіе феодальнаго режима было однимъ изъ главныхъ пріобрѣтеній всего сельскаго населенія Франціи. Соціальный феодализмъ, рухнувшій во время ночного засѣданія 4 августа 1789 г., тяжелымъ бременемъ лежалъ не только на личности крестьянина, но и на *непривилегированной (крестьянской и буржуазной) собственности, которая теперь и освобождалась отъ своего рода крѣпостной зависимости, въ какой она находилась у духовенства и дворянства.*

Декретъ 4 августа, уничтожая безвозмездно лишь тѣ сеньерьяльныя права, которыя имѣли происхожденіе въ крѣпостничествѣ, объявилъ, что всѣ остальныя будутъ подлежать выкупу. Этотъ общій принципъ предстояло примѣнить къ отдѣльнымъ категоріямъ и ви-

дамъ феодальныхъ правъ, и это-то вызвало образованіе особаго феодальнаго комитета, который долженъ былъ заняться подробной разработкой соотвѣтственнаго законодательства. Привилегированные члены собранія и землевладѣльцы старались рѣшить всѣ возникавшіе въ этой области вопросы въ наиболѣе благопріятномъ для себя смыслѣ. Интересы поземельной собственности вообще тоже нашли защитниковъ среди членовъ собранія. 4 августа рѣшено было покончить и съ церковною десятиною, но весь вопросъ заключался въ томъ, должны ли будутъ земельные собственники освободиться отъ нея посредствомъ выкупа, или же она будетъ уничтожена безвозмездно, а тѣ средства, какія она давала на содержаніе клира, будутъ приняты на счетъ государственнаго казначейства. Первый способъ былъ, несомнѣнно, наиболѣе выгоднымъ для землевладѣльцевъ, освобождая ихъ отъ тяжелаго налога, но онъ былъ менѣе выгоденъ для всей націи, со включеніемъ въ нее и такихъ плательщиковъ налоговъ, у которыхъ не было никакой собственности, такъ какъ то, что духовенство имѣло отъ десятины, приходилось теперь возмѣщать изъ средствъ всей націи. Такъ дѣло и было рѣшено, при чемъ отъ безвозмезднаго уничтоженія десятины выиграли одинаково всѣ землевладѣльцы свѣтскаго званія безъ различія сословій—дворяне, буржуа, крестьяне, а средства на содержаніе духовенства должна была давать вся нація. Это былъ одинъ изъ вопросовъ, передъ рѣшеніемъ которыхъ остановились англичане въ эпоху первой своей революціи, когда и въ Англіи ставился подобный же вопросъ объ освобожденіи собственниковъ отъ налога, который, однако, не былъ отмѣненъ въ виду признанной за государствомъ обязанности содержать клиръ. Уничтожая безвозмездно десятину, учредительное собраніе дарило землевладѣльцамъ около 125 милліоновъ франковъ въ годъ, которые теперь для содержанія духовенства должны были быть взяты изъ другихъ источниковъ, т.-е. уже со всего населенія. Послѣ этого рента собственника увеличилась, и землевладѣльцы подняли арендную плату, такъ какъ десятину платилъ обыкновенно фермеръ.

Наиболѣе выдающимися членами феодальнаго комитета были Мерленъ, знающій и способный человѣкъ, но неустойчивый въ своихъ мнѣніяхъ, и Тронше, слишкомъ гнувшій въ сторону владѣльцевъ феодальныхъ правъ. Брошюрная пресса, въ которой участвовалъ и Бонсерфъ, весьма подробно разсматривала общіе и частные вопросы, возникавшіе въ этой области. Между прочимъ въ ней высказывалась и такая мысль: пусть король безвозмездно освободитъ своихъ непосредственныхъ вассаловъ съ условіемъ, чтобы они безвозмездно же освободили своихъ вассаловъ и т. д. до послѣдняго цензитарія, ибо нѣтъ другого способа уничтожить эту старую несправедливость.

Феодальный комитетъ не раздѣлялъ такой точки зрѣнія, но если Мерленъ стремился дать первенство соображеніямъ формальнаго права, т.-е. дѣлать логическіе выводы изъ принятыхъ принциповъ, не взирая на то, кому будутъ полезны или вредны эти выводы, то Тронше открыто заявилъ, что ему были болѣе дороги интересы сеньеровъ. Формальная точка зрѣнія превращала всѣ феоды и цензивы въ алоды, какъ того требовалъ еще д'Аржансонъ, а сеньеровъ и цензитаріевъ—въ простыхъ кредиторовъ и должниковъ, но Тронше находилъ нужнымъ отступать отъ нея, напримѣръ, не требуя у „кредитора" документа на его право или установляя, что не каждый „должникъ" въ отдѣльности долженъ выкупаться, а всѣ цензитаріи одного и того же сеньера коллективно. Кромѣ того, многія права сомнительнаго характера изъ подлежавшихъ отмѣнѣ безвозмездно были переведены въ категорію выкупаемыхъ. Это и отразилось на феодальномъ законодательствѣ учредительнаго собранія. *Декреты 15 марта и 3 мая 1790 установляли очень тяжелыя условія для выкупа сеньерьяльныхъ правъ:* во-первыхъ, оченъ много было такихъ правъ отчислено къ подлежащимъ только выкупу; во-вторыхъ, отъ сеньера не требовалось документа на пользованіе извѣстнымъ правомъ, но цензитарій какъ разъ лишь документально приглашался доказывать, что онъ не долженъ былъ платить; въ-третьихъ, до окончательнаго выкупа всѣ повинности должны были продолжать существовать на прежнихъ основаніяхъ; въ-червертыхъ, во многихъ случаяхъ одинъ цензитарій безъ своихъ товарищей не могъ выкупать своего участка, да и самый выкупъ объявлялся лишь факультативный; въ-пятыхъ, всѣ повинности должны были выкупаться разомъ и т. п. При такихъ условіяхъ выкупъ дѣлался совершенно невозможнымъ, а тутъ еще конституанта декретомъ 30 мая, 1, 6 и 7 іюня 1791 г. признала одну форму феодальнаго держанія (le domaine congéable) не за цензивную собственность, подлежавшую выкупу, а за простую аренду, на которую у держателя нѣтъ никакихъ правъ. Не этого ожидали крестьяне, которые сразу стали къ декретамъ во враждебныя отношенія, да и сеньеры часто не хотѣли подчиняться новымъ декретамъ, желая все оставить постарому. *Вообще феодальное законодательство конституанты было очень неудачно,* причина чего лежала, между прочимъ, въ недостаточности теоретической разработки этого вопроса, которая могла бы служить подготовкой для практическаго разрѣшенія такой важной задачи, какъ освобожденіе земли отъ феодальнаго режима.

Рѣшенія 4 августа встрѣтили оппозицію со стороны короля и привилегированныхъ, хотя послѣдніе и выигрывали отъ уничтоженія десятины. Отношенія между дворянами и крестьянами были самыя

обостренныя въ теченіе всего этого времени (съ лѣта 1789 г.), что немало способствовало продолженію народныхъ волненій, хотя въ очень многихъ мѣстахъ крестьяне и не выходили изъ прежней покорности. Въ большинствѣ случаевъ крестьяне, ожидавшіе отъ учредительнаго собранія гораздо болѣе, чѣмъ получили въ силу декретовъ 15 мая и 3 марта 1790 года, отказывались платить всякія феодальныя повинности, захватывали сеньерьяльную собственность, рубили лѣса, истребляли дичь, а потомъ по-своему толковали декреты, передѣлывая въ то же время свои cahiers въ болѣе радикальномъ смыслѣ, отправляя въ національное собраніе петиціи, жалобы, протесты и т. п. Въ общемъ указанные декреты произвели такимъ образомъ дурное впечатлѣніе на сельскую массу, движеніе въ которой не улеглось; напротивъ, оно усилилось послѣ появленія декретовъ. Муниципальныя власти не только не въ состояніи были поддерживать порядокъ но нерѣдко сами (поневолѣ иногда) становились во главѣ возмутившихся приходовъ, терроризировавшихъ всякаго, кто не подчинялся ихъ требованіямъ. Когда учредительное собраніе уступило свое мѣсто (по конституціи 1791 г.) собранію законодательному, въ послѣднее посыпались крестьянскія петиціи, заключавшія въ себѣ уже прямыя угрозы. Составители этихъ просьбъ указывали на то, что дворяне, которымъ хотѣли „угодить“ декретами 15 марта и 3 мая, находятся въ эмиграціи и угрожаютъ отечеству войной, и что представителями третьяго сословія были большею частью горожане, позабывшіе крестьянъ, такъ какъ сами не страдали отъ феодальныхъ правъ. Народное недовольство обратило на себя вниманіе общества, и въ 1790—1792 гг. вышло нѣсколько брошюръ въ защиту правъ и интересовъ крестьянской массы. Такимъ образомъ, *учредительное собраніе оставляло слѣдующимъ собраніямъ задачу пересмотра феодальнаго законодательства.*

Чтобы не возвращаться болѣе къ этому вопросу, укажемъ теперь же на судьбу его въ законодательномъ собраніи и въ конвентѣ. Первое назначило новый феодальный комитетъ, признавъ, что конституанта не исполнила даннаго ею обѣщанія помочь освобожденію почвы отъ феодальнаго гнета, и комитетъ этотъ въ апрѣлѣ 1792 г. внесъ въ собраніе проектъ декрета, которымъ безвозмездно уничтожались феодальныя пошлины [1]), разрѣшался индивидуальный выкупъ, а сеньеры обязывались доказывать существованіе своихъ правъ на отдѣльныя повинности; вслѣдъ за тѣмъ сдѣлано было и еще нѣсколько облегчительныхъ предложеній, хотя старый принципъ различенія между двумя категоріями правъ и былъ оставленъ въ силѣ съ перенесеніемъ, впрочемъ, наиболѣе сомнительныхъ случаевъ въ категорію

[1]) Lods et ventes.

правъ, отмѣняемыхъ безвозмездно. Своими декретами 18 іюня и 25 августа 1792 г. законодательное собраніе объявило всякую собственность вольною и свободною отъ какихъ бы то ни было феодальныхъ и цензуальныхъ правъ, если лица, имѣющія на нихъ какія-либо притязанія, не докажутъ противнаго, чѣмъ безповоротно уничтожалось одно изъ главныхъ и основныхъ правилъ французскаго соціальнаго феодализма: „nulle terre sans seigneur". Конвентъ пошелъ еще далѣе: изданный имъ 17 іюля 1793 г. декретъ уничтожалъ безъ вознагражденія даже то, что должно было выкупаться по закону 25 августа 1792 г., и повелѣвалъ подъ страхомъ пятилѣтняго тюремнаго заключенія всѣмъ владѣльцамъ феодальныхъ документовъ передать ихъ муниципальнымъ властямъ для сожженія. Такъ *кончилъ свое существованіе во Франціи соціальный феодализмъ*, и французская революція, благодаря тому радикализму, какой она проявила въ рѣшеніи этого вопроса въ эпоху легислативы и конвента, открываетъ новую эпоху въ исторіи крестьянскаго вопроса, которому суждено было на западѣ Европы стать опять на очередь въ первой половинѣ XIX в.—и на этотъ разъ для окончательной ликвидаціи крѣпостничества и феодализма. На рѣшенія легислативы и конвента, кромѣ народнаго недовольства и теоретической разработки вопроса въ болѣе радикальномъ духѣ, сильное вліяніе оказало и то обстоятельство, что выкупную сумму должны были бы получить съ населенія, главнымъ образомъ, дворяне, находившіеся въ громадномъ количествѣ въ эмиграціи, заявлявшіе свою ненависть къ революціи и ожидавшіе отъ побѣды образовавшейся противъ Франціи коализаціи возстановленія на родинѣ прежнихъ порядковъ. Съ этой точки зрѣнія окончательное уничтоженіе феодальныхъ правъ безъ всякаго выкупа получало значеніе и простой политической мѣры.

Крестьянскій вопросъ не рѣшался, конечно, однимъ *освобожденіемъ почвы отъ феодальныхъ повинностей, приносившимъ выгоду, кромѣ землевладѣльцевъ изъ буржуазіи, и мелкимъ собственникамъ изъ крестьянъ*. Правда, декреты 25 августа 1792 г. и 17 іюля 1793 г. весьма много содѣйствовали успокоенію сельскаго населенія и превратили ту часть крестьянства, которая была обезпечена землею, въ самыхъ надежныхъ защитниковъ новыхъ порядковъ, поскольку послѣдніе заключались въ полной отмѣнѣ феодальныхъ повинностей, но въ сельскомъ населеніи Франціи были еще неимущіе, нуждавшіеся главнымъ образомъ какъ разъ въ земельномъ обезпеченіи. Вопросъ о послѣднемъ вообще не игралъ большой роли въ публицистикѣ XVIII в., а физіократы (и агрономы) были даже сторонниками крупной, фермерской обработки земли при помощи наемныхъ рабочихъ. И въ учредительномъ собраніи серьезно не заходило рѣчи о земельномъ обез-

печеніи неимущихъ, хотя та распродажа національныхъ имуществъ, о которой еще будетъ итти у насъ рѣчь, представляла хорошій случай помощи безземельной массѣ, если бы было организовано пріобрѣтеніе ею поступавшихъ въ продажу участковъ. Вообще этотъ вопросъ выдвинулся лишь въ XIX в., когда и вопросъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости (безъ земли или съ землею) сталъ рѣшаться въ болѣе благопріятномъ для земледѣльческаго сословія смыслѣ.

Какъ бы тамъ ни было, сравнивая законодательство революціи въ области феодальныхъ отношеній и крестьянскаго быта съ аналогичными мѣрами нѣкоторыхъ правительствъ въ эпоху просвѣщеннаго абсолютизма, мы видимъ, что соціальная реформа 1789 и слѣдующихъ годовъ была полнѣе и шла гораздо глубже. Съ другой стороны, революція (подобно религіозной реформаціи XVI в. въ протестантскихъ странахъ) *наносила ударъ соціальному могуществу католическаго духовенства*, превращая его изъ особаго сословія (ordre или état) въ простой классъ служителей религіи, отнимая у него земли и десятину, чтобы замѣнить такую форму его матеріальнаго обезпеченія жалованіемъ отъ государства, дѣлая его, наконецъ, болѣе зависимымъ отъ свѣтскаго правительства, при чемъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ учредительное собраніе шло въ церковномъ вопросѣ и по стопамъ такихъ монархическихъ дѣятелей XVIII в., какъ Іосифъ II или Помбаль.

Мы уже знаемъ, что низшее духовенство оказало большія услуги національному дѣлу въ началѣ революціи, но высшее духовенство, которое состояло большею частью изъ дворянъ и пользовалось разнаго рода привилегіями, упорно держалось за старый порядокъ. Приходскіе священники между 13 и 20 іюня 1789 г. первыми присоединились къ третьему сословію, превратившему генеральные штаты въ національное собраніе, а въ засѣданіи 4 августа отказались отъ платы за требы. Низшее духовенство поддержало и дальнѣйшіе шаги учредительнаго собранія, пока послѣднее *не оттолкнуло его отъ себя, вмѣшавшись во внутренніе распорядки самой церкви.* Уже 6-го августа 1789 г. было сдѣлано въ національномъ собраніи заявленіе (Бюзо), что церковныя имущества принадлежатъ націи, а 8-го предложено было однимъ членомъ объявить ихъ гарантіей государственныхъ займовъ; взамѣнъ же того Мирабо высказалъ мнѣніе, что націи самой слѣдуетъ оплачивать жалованіемъ (salarier) „своихъ наставниковъ морали“ (ses officiers de morale et d'instruction). Черезъ четыре дня послѣ этого (12 авг.) была отмѣнена десятина. Зимою 1789 г. реформа внѣшняго положенія церкви была окончательно завершена: декретъ 2 ноября отдавалъ церковныя имущества въ распоряженіе

націи, дабы они служили гарантіей для „ассигнатовъ“ (assignats), т.-е. новыхъ бумажныхъ денегъ, опредѣливъ вмѣстѣ съ тѣмъ духовенству жалованье, а декретъ 19 декабря назначилъ въ продажу церковныхъ имуществъ на 400 милліоновъ. Всѣ эти мѣры не задѣвали интересовъ низшаго духовенства, и значительная часть приходскихъ священниковъ все еще поддерживала національное собраніе. Разрушая корпоративное устройство клира, секуляризируя церковную собственность, уничтожая десятину, принимая на счетъ государства содержаніе служителей алтаря, учредительное собраніе, дѣйствительно, вводило во Франціи тѣ порядки, которые создавались въ протестантскихъ странахъ реформаціей XVI в.: во всѣхъ этихъ отношеніяхъ уже въ первый годъ революціи установлялось то внѣшнее положеніе католической церкви во Франціи, которое сохранилось и доселѣ.

Учредительное собраніе задумало, кромѣ того, реформировать и внутреннее устройство церкви и въ еще большей степени, чѣмъ стремился къ тому же самому и Іосифъ II. Передъ національнымъ собраніемъ было три пути—или войти въ соглашеніе съ папою о внутреннихъ реформахъ, которыя были необходимы въ церкви, или поручить совершеніе этихъ преобразованій собору епископовъ, т.-е. національной церковной власти, или, опираясь на идею, по которой государство могло „приказывать“ религіи, произвести реформу собственною властью, какъ это дѣлалъ и Іосифъ II. Первый путь былъ закрыть, ибо папа враждебно относился къ революціи; о благопріятномъ рѣшеніи національнаго собора и думать было нечего, поскольку епископы были сами привилегированные, *идея же суверенной націи заключала въ себѣ и право націи или государства на вмѣшательство во внутреннія дѣла церкви.* Мысль не была новой: такъ производились церковныя реформы XVI в. народомъ и республиканскими властями швейцарскихъ кантоновъ и нѣмецкихъ имперскихъ городовъ государственными чинами и парламентами (шотландскимъ и англійскимъ), наконецъ, самими королями, и во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣйствовалъ одинъ и тотъ же принципъ, который въ Германіи былъ формулированъ, какъ „cujus regio, ejus religio“. Національное собраніе пошло по стопамъ республиканскихъ и монархическихъ правительствъ XVI в., которыя въ свое время находили поддержку въ народномъ стремленіи къ религіозной реформѣ, чего въ данномъ случаѣ во Франціи не было. *Національное собраніе властью государства реформировало французскую церковь и потребовало отъ клира и отъ народа повиновенія реформѣ,* исходившей не отъ церковной власти,—притомъ отъ клира и отъ народа, которые оставались вѣрными старой церковной власти. Но это требованіе противорѣчило самимъ же національнымъ собраніемъ провозглашенному прин-

ципу религіозной свободы, которой, впрочемъ, весьма послѣдовательно съ своей точки зрѣнія не хотѣли знать и протестантскія правительства XVI в. Въ такое же противорѣчіе сталъ въ XVIII в. и Іосифъ II, да и вообще оно не было случайностью. Отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла церкви былъ одинъ шагъ до уничтоженія свободы совѣсти. На этотъ довольно скользкій путь и выступило національное собраніе своимъ „гражданскимъ устройствомъ духовенства“ (constitution civile du clergé), послѣ чего оставалось только, чтобы конвентъ установилъ свою гражданскую религію, которую многіе были не прочь силою навязать католическому большинству населенія.

„Гражданское устройство духовенства“ было и большою политическою ошибкою; оно оттолкнуло отъ революціи большинство низшаго духовенства, внесло религіозную смуту въ народъ, заставило національное собраніе вооружиться репрессивными мѣрами противъ людей, отстаивавшихъ права своей совѣсти, и создало одно изъ самыхъ сильныхъ, какъ мы видѣли, препятствій къ тому, чтобы Людовикъ XVI, бывшій строгимъ католикомъ, могъ примириться съ переворотомъ.

Новый законъ, отмѣнявшій (12 іюля 1790 г.) болонскій конкордатъ Франциска I и Льва X послѣ двухсотъ семидесяти четырехъ лѣтъ его существованія, заключался въ слѣдующемъ; Церковныя границы Франціи должны были совпадать съ границами государственными, въ силу чего отмѣнялась власть нѣкоторыхъ иноземныхъ епископовъ надъ пограничными французскими приходами; далѣе, епархіи должны были совпадать съ департаментами, и тѣмъ самымъ число епископствъ уменьшалось до 83, вмѣсто прежнихъ 134 (116 эпископствъ и 18 архіепископствъ), при чемъ историческія названія каѳедръ замѣнялись новыми, и уничтожалось право архіепископствъ именоваться этимъ титуломъ въ отличіе отъ епископствъ. Перераспредѣлялись равнымъ образомъ и приходы. Уничтожались всѣ церковные титулы, кромѣ епископа и настоятеля (curé), а прежніе капитулы и каноники превращались въ епископскій совѣтъ и въ епископскихъ викаріевъ. Должности епископовъ и приходскихъ священниковъ были выборныя, а выбирали—однихъ департаментскія собранія, которымъ принадлежало право выбирать депутатовъ, судей и департаментскую администрацію, другихъ же—избиратели, назначавшіе членовъ административныхъ собраній въ дистриктахъ. Такимъ образомъ духовныя лица избирались совершенно такъ же, какъ и чиновники, при чемъ законъ ничего не говорилъ относительно вѣроисповѣданія избирателей; въ числѣ послѣднихъ могли участвовать и не католики, т.-е. протестанты, евреи, деисты и даже атеисты. Собраніе

прямо отвергло предложеніе аб. Грегуара, чтобы избирателями духовныхъ лицъ могли быть только католики. Утвержденіе епископовъ папою отмѣнялось, и новый епископъ долженъ былъ лишь извѣстить о своемъ назначеніи папу, „какъ видимаго главу вселенской церкви, во свидѣтельство единства вѣры и общенія, которое епископъ долженъ поддерживать съ папою". Въ случаѣ отказа епископомъ въ каноническомъ водвореніи (installation) священнику, послѣдній могъ жаловаться свѣтской власти, самихъ же епископовъ утверждали старшіе изъ нихъ. По вступленіи въ должность каждое духовное лицо обязано было присягать въ присутствіи муниципальныхъ властей и обѣщать хорошо исполнять пастырскія обязанности, быть вѣрными націи, закону и королю и поддерживать по мѣрѣ силъ своихъ конституцію. Присяга въ повиновеніи папѣ уничтожалась.

Мы знаемъ, что Людовикъ XVI счелъ себя вынужденнымъ дать санкцію этому закону, но папа и курія воспротивились новому устройству церкви, хотя и склонялись къ тому, чтобы оно ради религіознаго мира было только согласовано съ каноническими правилами. Не такъ думали французскіе епископы, протестовавшіе противъ новаго устройства безъ оговорокъ, и они увлекли за собою множество низшаго духовенства, не обращая никакого вниманія на новые церковные порядки. Національное собраніе еще болѣе обострило положеніе, потребовавъ отъ служителей религіи" или „общественныхъ чиновниковъ" (fonctionnaires publiques) духовнаго званія—спеціальной присяги „гражданскому устройству духовенства" (декретъ 27 ноября 1790 г.) подъ угрозою отставки, въ случаѣ же нарушенія присяги или сопротивленія декрету угрожали и другими карами до потери правъ активнаго гражданства. Новый декретъ внесъ расколъ въ духовенство, раздѣливъ его на присяжное (assermenté), или конституціонное, и неприсяжное, или отщепеническое (rafractaires). Первымъ присягнулъ по утвержденіи декрета королемъ Грегуаръ, за нимъ два епископа (Талейранъ и Гобель), но вообще изъ 300 духовныхъ членовъ національнаго собранія присягнуло лишь около ста, въ Парижѣ изъ 666 духовныхъ только 236, въ остальной Франціи вообще около одной трети. Сорбонна объявила гражданское устройство церкви еретическимъ и схизматическимъ. Тѣмъ не менѣе началось назначеніе посредствомъ выборовъ новыхъ епископовъ,—при чемъ парижскимъ епископомъ былъ выбранъ Гобель,—но папа объявилъ выборы противозаконными и не призналъ новыхъ епископовъ. Это такъ подѣйствовало на духовенство, что многіе изъ самыхъ лучшихъ священниковъ, бывшихъ патріотами и демократами, т.-е. сторонниками новыхъ государственныхъ и общественныхъ порядковъ, стали отказываться отъ присяги или нарушать уже данную присягу. Этотъ

расколъ въ духовенствѣ повелъ къ смутамъ, во время которыхъ присяжные и неприсяжные священники оспаривали другъ у друга церкви, и въ эти распри вмѣшивались и народныя толпы, и муниципальныя власти. *Учредительное собраніе само спохватилось, что сдѣлало ошибку, вызвавъ религіозныя междоусобія*, ничѣмъ притомъ не оправдывавшіяся внѣ созданнаго имъ самимъ раскола. Декретомъ 7 мая 1791 г. оно разрѣшило неприсяжнымъ священникамъ служить мессы во всѣхъ церквахъ, посвященныхъ національному культу, и даже открывать частныя церкви, но только лишило такихъ духовныхъ лицъ права занимать должности епископа и кюре́, поставивъ имъ условіе не проповѣдовать противъ новыхъ порядковъ. Религіозныя страсти, однако, уже настолько разгорѣлись, что національное собраніе было безсильно положить конецъ насиліямъ, которыя одинаково позволяли себѣ одна надъ другою обѣ церковныя партіи, и революція, такимъ образомъ, совершенно безъ всякой надобности превратила многихъ изъ своихъ прежнихъ союзниковъ въ ожесточенныхъ враговъ. Произошло это по той причинѣ, что *въ церковномъ вопросѣ учредительное собраніе стало на точку зрѣнія государственной церкви, а не религіозной свободы*. Эту свободу оно само же нарушало, навязывая странѣ новое церковное устройство совершенно въ духѣ пресвитеріанизма. Церковное законодательсгво конституанты дополнялось уничтоженіемъ (13 февр. 1790) монашескихъ орденовъ съ безповоротными обѣтами и превращеніемъ ихъ имуществъ въ національную собственность.

Благодаря секуляризаціи церковной и монастырской собственности, образовавшей такъ называемыя національныя имущества (biens nationaux), въ составъ которыхъ вошли помимо ея еще домены и позднѣе конфискованныя имѣнія эмигрантовъ, во Франціи въ распоряженіи государства образовался громадный земельный фондъ, которымъ обезпечивались теперь государственные долги и новыя бумажныя деньги, выпущенныя учредительнымъ собраніемъ на 1800 милліоновъ. Мы видѣли, что національное собраніе предприняло для уничтоженія дефицита и уплаты долговъ распродажу части національныхъ имуществъ. Многіе совѣтовали при этомъ продавать землю по возможности мелкими участками для того, чтобы увеличить число собственниковъ и уменьшить число нищихъ, но никому въ голову не приходило организовать для этого какой-либо кредитъ. Покупщиками національныхъ имуществъ являлись поэтому большею частью люди, у которыхъ уже и безъ того была земельная собственность, или спекулянты, покупавшіе (иногда цѣлыми компаніями) очень большія помѣстья. Поэтому *нельзя принять сдѣлавшееся традиціоннымъ у нѣкоторой части французскихъ историковъ утвержденіе, будто мелкая*

собственность во Франціи ведетъ свое происхожденіе отъ революціц и обязана своимъ существованіемъ распродажъ національныхъ имуществъ. Уже Токвиль опровергъ такой взглядъ, указавши на развитіе мелкой крестьянской собственности (хотя и несвободной, т.-е. цензивной или крѣпостного владѣнія) въ дореволюціонной Франціи (впрочемъ, изъ этого и не слѣдуетъ дѣлать преувеличеннаго вывода о хорошей обезпеченности землею крестьянскаго населенія во Франціи XVIII в. Основа современной мелкой собственности французскихъ крестьянъ существовала еще до революціи, и если площадь крестьянскихъ участковъ послѣ нея расширилась, то лишь потому, что французскій земледѣлецъ постоянно прикупалъ новыя земли къ тому, что у него было уже раньше. Если что и досталось ему въ руки изъ biens nationaux, то часто не непосредственно и не сразу: въ эпоху революціи главными покупщиками иногда являлись капиталисты, спекулянты, люди „черной банды" или просто буржуа, пріобрѣтавшіе земли по дешевымъ цѣнамъ, дабы вести на нихъ хозяйство или отдавать въ аренду. Подобно тому, какъ въ эпоху реформаціи отъ секуляризаціи церковной и монастырской собственности выиграло наиболѣе дворянство, такъ въ эпоху революціи *большая часть секуляризованныхъ имѣній духовенства и конфискованныхъ земель дворянства досталась посредствомъ покупки буржуазіи*, и въ этомъ заключался одинъ изъ главныхъ соціальныхъ результатовъ революціи, на который давно уже указывали историки [1]).

Объявленіе равенства всѣхъ гражданъ передъ закономъ, установленіе равномѣрнаго обложенія [2]), отмѣна феодальныхъ правъ, переходъ части поземельной церковной и дворянской поземельной собственности въ руки буржуазіи,—все это *создало изъ громаднаго большинства бывшаго третьяго сословія ревностныхъ защитниквъ новаго общественнаго строя*, замѣнившаго собою старую католико-феодальную организацію. То обстоятельство, что монархія и церковь стали на сторону прежняго строя, дало впослѣдствіи перевѣсъ республиканскому и антикатолическому движенію, а еще позднѣе для обезпеченія гражданскихъ пріобрѣтеній революціи крестьянская масса, никогда не стремившаяся къ политической свободѣ, какъ таковой, и буржуазія, сильно разочаровавшаяся въ этой свободѣ, готовы были

---

[1]) Вопросъ все еще спорный. Въ настоящее время пересмотръ его предпринятъ на основаніи архивныхъ матеріаловъ проф. И. В. Лучицкимъ.

[2]) Учредительное собраніе ввело въ качествѣ прямыхъ налоговъ: поземельный налогъ (contribution foncière), личный (въ размѣрѣ трехдневной заработной платы) и соединенный съ нимъ квартирный (cote mobilière et d'habitation) и торгово-промышленные патенты.

опять подчиниться политическому абсолютизму въ формѣ военнаго деспотизма, подобно тому, какъ передъ тѣмъ и якобинская диктатура для многихъ была гарантіей того, что старый общественный строй болѣе не вернется во Францію.

XXXVIII. Переходъ Франціи къ республикѣ.

Почему французская революція не окончилась въ 1761 г.? — Народное движеніе и политическая агитація.—Революціонная роль якобинцевъ.—Выборы въ законодательное собраніе и его составъ. — Политическія партіи легислативы. — Жирондисты и ихъ политика.—Законодательное собраніе и Людовикъ XVI.—Вопросъ объ эмигрантахъ и неприсяжныхъ священникахъ.—Внѣшняя война.—Жирондистское министерство.—Объявленіе войны Австріи.—Ссора короля съ жирондистскимъ министерствомъ.—Возстаніе 20 іюня.—«Отечество въ опасности».—Манифестъ герцога Брауншвейгскаго.—Возстаніе 20 августа.—Сентябрьскія убійства.—Конецъ законодательнаго собранія.—Республика во Франціи.

Окончивши свою преобразовательную работу, учредительное собраніе разошлось, но революція не кончилась въ 1791 г. Общія экономическія причины, на которыя намъ уже не разъ приходилось указывать [1]), какъ на главнѣйшія въ исторіи народныхъ возстаній, продолжали дѣйствовать и послѣ того, какъ рухнулъ старый порядокъ, и создавшій тѣ неблагопріятныя условія, въ которыхъ въ матеріальномъ, собственно говоря, отношеніи находилась почти вся масса французскаго населенія. Общая нищета, какъ наслѣдіе прежнихъ экономическихъ порядковъ, и безработица, какъ слѣдствіе переживавшагося кризиса, конечно, должны были только поддерживать народное броженіе. Были, кромѣ того и новыя причины недовольства. Особенно вооружали противъ себя крестьянъ декреты учредительнаго собранія о выкупѣ феодальныхъ правъ, дѣлавшіе этотъ выкупъ, дѣйствительно, совершенно невозможнымъ. Раздѣленіе конституціей 1791 г. гражданъ на активныхъ и пассивныхъ тоже не нравилось значительной части населенія, хотя главнымъ образомъ уже подъ вліяніемъ политической агитаціи со стороны болѣе радикальныхъ партій. Гражданское устройство духовенства внесло еще новую причину смутъ, такъ какъ церковное раздѣленіе произошло не въ одномъ духовенствѣ, но и въ народѣ, и дѣло дошло до религіозныхъ междоусобій. Тревожные слухи о замыслахъ двора, о козняхъ эмигрантовъ, о планахъ иностранныхъ державъ равнымъ образомъ давали пищу революціонному настроенію массъ. Конечно, такое настроеніе было весьма

---

[1]) Ср. между прочимъ *Biollay*. Les prix en 1790.

благопріятною почвою для успѣха демагогической агитаціи, которую вели политическіе клубы, газетная и брошюрная пресса, народные ораторы и вѣстовщики. Старое правительство пало, новое не успѣло еще да и не могло организоваться, потому что административная система конституанты вводила во Франціи самое широкое самоуправленіе, которое, конечно, сразу не въ состояніи было дать тѣхъ результатовъ, какіе отъ него ожидались. Напротивъ, оно сдѣлалось въ сущности орудіемъ въ рукахъ самаго безпокойнаго элемента мѣстнаго населенія и филіальныхъ отдѣленій якобинскаго клуба.

Конституція 1791 г., приводить которую въ исполненіе пришлось людямъ, не принимавшимъ участія въ ея созданіи, не нашла поддержки ни въ королѣ, принявшемъ ее лишь поневолѣ, ни въ новомъ законодательномъ собраніи, гдѣ начинало уже складываться еще болѣе республиканское направленіе. Для Людовика XVI конституція была слишкомъ мало монархической, для наиболѣе выдающихся дѣятелей 1792 г. она казалась, наоборотъ, слишкомъ много дающею значенія монарху. Столкновенія между королемъ и законодательнымъ собраніемъ, начавшіяся весьма скоро по введеніи конституціи 1791 г., въ свою очередь не обѣщали ничего хорошаго для упроченія того, что было уже сдѣлано. Чѣмъ болѣе Людовикъ XVI противился мѣрамъ собранія,которыя были направлены противъ духовенства, отвергавшаго гражданскую конституцію клира, и противъ дворянства, находившагося въ эмиграціи, тѣмъ все больше и больше вырывалась пропасть между монархіей и націей,—пропасть, уже и раньше бывшая весьма значительной. Старая солидарность королевской власти съ бывшими привилегированными, находившимися теперь въ самой рѣзкой оппозиціи съ представительствомъ націи, влекла монархію къ гибели, потому что народъ ничего такъ не боялся, какъ возврата старыхъ порядковъ съ церковными десятинами и феодальными правами. Иностранныя отношенія, т.-е. угрозы, дѣлавшіяся Франціи изъ-за границы, сборы другихъ королей помочь французскому и возстановить привилегированныхъ въ ихъ правахъ, еще болѣе должны были вооружить извѣстную часть населенія противъ монархіи, какъ это предсказывалъ еще Мирабо. Всѣмъ этимъ пользовались якобинцы, прекрасно организованные и дисциплинированные, научившіеся двигать народными массами въ Парижѣ и руководить революціей въ провинціяхъ. Они сознательно хотѣли вести революцію дальше, еще болѣе демократизировать конституцію въ смыслѣ непосредственнаго народовластія, идея котораго воспринималась населеніемъ притомъ въ такомъ смыслѣ, будто разъ верховная власть принадлежитъ народу, то и каждая отдѣльная часть народа должна пользоваться тѣмъ же правомъ. На сцену все болѣе и болѣе

выступала политическая теорія Руссо, но это, какъ мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, была теорія не нормальнаго государственнаго бытія, а революціоннаго состоянія. Сама декларація правъ, помѣщая въ число естественныхъ правъ, стоящихъ выше конституціи, сопротивленіе угнетенію, тѣмъ самымъ давала и свою санкцію дальнѣйшему развитію революціоннаго движенія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ движеніи все болѣе и болѣе рядомъ съ насиліемъ снизу разливалось и насиліе сверху, т.-е. анархія шла рука объ руку съ деспотизмомъ, какъ это было не только въ теоріи Руссо, но и въ теоріи Мабли, который, разрѣшая въ извѣстныхъ случаяхъ народу сопротивляться правительству, вмѣстѣ съ тѣмъ позволялъ и власти прибѣгать къ „священному насилію" (la sainte violence), дабы при его посредствѣ и хотя бы противъ собственной воли народа приводить послѣдній къ добродѣтели и счастью. *Нѣтъ ничего удивительнаго, что при такомъ состояніи общества и такомъ настроеніи умовъ революція не окончилась въ 1791 г.*, когда, повидимому, реорганизація внутренняго быта Франціи была приведена къ благополучному окончанію.

Продолженіе революціи было *результатомъ совокупнаго дѣйствія народнаго движенія и агитаціи политическихъ партій.* Въ данномъ случаѣ въ исторіи Франціи въ концѣ XVIII в. повторилось то же самое, что было, напримѣръ, въ Чехіи въ эпоху гуситскихъ войнъ, или въ Германіи во время крестьянской войны 1524—1525 гг., съ тѣмъ лишь различіемъ, что въ XV и XVI вѣкахъ агитація заимствовала свои идеи изъ происходившаго тогда движенія религіознаго, изъ совершавшейся въ то время реформы церкви, тогда какъ въ эпоху французской революціи народное броженіе имѣло характеръ прежде всего политическій, а его идеи выводились изъ „философіи" XVIII в. Самъ народъ не былъ, однако, однородной массой, и различные его элементы принимали далеко не одинаковое участіе въ движеніи. Говоря объ участіи народа во французской революціи, мы должны, конечно, имѣть дѣло не съ отвлеченнымъ собирательнымъ понятіемъ народа, а съ реальными единицами, изъ которыхъ онъ складывался. Дѣло въ томъ, что словомъ „le peuple" нерѣдко злоупотребляла и французская литература XVIII в., въ которой очень часто абстрактная идея заслоняла дѣйствительный предметъ, обозначаемый даннымъ словомъ; злоупотребляли имъ и дѣятели революціи, считавшіе возможнымъ отождествлять весь народъ съ извѣстными лишь его частями; злоупотребляли, наконецъ, и историки революціи, которые соединяли идеологическое представленіе о народѣ съ отождествленіемъ цѣлаго и частей. Напримѣръ въ „Исторіи французской революціи" Мишле мы даже прямо имѣемъ дѣло съ какою-то персонификаціей народа, который является главнымъ и даже почти един-

ственнымъ „героемъ“ революціи, совершающимъ въ ней все великое, все главное и все благодѣтельное, что только было сдѣлано революціей, тогда какъ все, чѣмъ запятнала себя революція въ памяти потомства, все ненавистное, все насильственное, все кровавое съ точки зрѣнія этого историка, было яко бы лишь дѣломъ отдѣльныхъ лицъ и партій, вообразившихъ себя выше народа, но бывшихъ въ сущности „честолюбивыми миріонетками“. Мишле не хочетъ даже допустить существованія какого-либо различія въ отношеніи къ „братскому знамени“ между отдѣльными классами общества, между буржуазіей и народомъ, не хочетъ признавать существованія въ эпоху революціи рабочаго вопроса, такъ какъ въ то время, по его мнѣнію, и рабочій классъ совсѣмъ еще не народился. Таковъ народъ въ представленіи Мишле, и отсюда его патетическое отношеніе къ этому народу, какъ главному герою революціи, съ котораго снимаются всѣ обвиненія въ насиліяхъ и злодѣяніяхъ, принадлежащихъ „честолюбивымъ маріонеткамъ“. Съ другой стороны, такъ какъ главныя сцены революціонной драмы разыгрывались въ Парижѣ при участіи парижскаго пролетаріата (санкюлотовъ), то очень часто, когда въ исторіяхъ революціи идетъ рѣчь о народѣ, подъ нимъ разумѣются главнымъ образомъ одни низшіе классы столичнаго, вообще городского населенія, сельское же населеніе, менѣе волновавшееся по политическимъ мотивамъ, отступаетъ какъ-то на задній планъ. Напримѣръ, Луи Бланъ, видѣвшій въ дѣлѣ учредительнаго собранія только одно стремленіе замѣнить духовную и дворянскую аристократію аристократіей буржуазной, привилегіи рожденія—привилегіями богатства, подъ народомъ, противополагаемымъ буржуазіи, разумѣлъ преимущественно одинъ городской пролетаріатъ, въ особенности же низшіе классы парижскаго населенія, какъ бы и заступающаго у него поэтому мѣсто всего народа. Какъ Мишле относитъ все печальное въ исторіи революціи на счетъ отдѣльныхъ личностей и политическихъ партій изъ интеллигенціи (les partis qui reçurent leur impulsion des lettrés), такъ Луи Бланъ приписываетъ все нехорошее буржуазіи съ ея индивидуалистическимъ и потому противообщественнымъ стремленіемъ къ личной свободѣ, въ ущербъ принципу братства, къ которому, по его представленію, стремился народъ и во имя котораго будто бы дѣйствовали якобинцы. Насколько невѣрно понималъ названный историкъ истинный характеръ якобинизма, это мы еще увидимъ, но нельзя и у Луи Блана не отмѣтить огульной идеализаціи народа въ событіяхъ революціи. Народныя возстанія, имѣющія обыкновенно въ своей основѣ причины экономическаго свойства, всегда заключаютъ въ себѣ и элементъ сильнаго нервнаго возбужденія подъ вліяніемъ той или другой идеи (религіозной, политической и т. п.), или какого-

либо чувства. Благодаря этому послѣднему обстоятельству, на первый планъ выступаютъ тогда самыя сильныя человѣческія страсти, начиная съ наиболѣе возвышенныхъ и благородныхъ, заставляющихъ человѣка жертвовать имуществомъ, здоровьемъ и самою жизнью во имя свободы, во имя любви къ ближнему при любви къ отечеству, во имя идеи долга, и кончая низменными инстинктами злобы, мщенія, разрушенія, грабежа и мелкаго честолюбія или ненасытнаго властолюбія. Народное движеніе французской революціи не было исключительно ни героическимъ порывомъ воодушевленнаго великою идеею народа, ни однимъ рядомъ звѣрствъ, которыя будто бы совершались цѣлой націей, уподобляемой въ извѣстномъ сочиненіи Тэна человѣку, опившемуся до бѣлой горячки „скверною водкою общественнаго договора и другихъ поддѣльныхъ или горячительныхъ напитковъ“. Французская нація въ эпоху революціи не состояла, конечно, ни изъ однихъ героевъ, воодушевлявшихся только великими идеями, ни изъ однихъ разнузданныхъ насильниковъ, въ которыхъ дѣйствовалъ лишь инстинктъ разрушенія. Во французской націи были, конечно, люди весьма различныхъ категорій, и, какъ это всегда бываетъ, отклоненія отъ человѣческой нормы не-героя, но и не-злодѣя были въ ней все-таки исключеніями, хотя бы исключеніями и болѣе многочисленными по обстоятельствамъ времени, чѣмъ при спокойномъ теченіи жизни. Притомъ эти исключенія могли встрѣчаться въ разныхъ классахъ націи, а не въ томъ или другомъ классѣ и болѣе нигдѣ. Плохое экономическое состояніе и тревожные слухи поддерживали вызванное революціей нервное напряженіе націи, которое было источникомъ и подвиговъ, прославившихъ революціонныя арміи въ борьбѣ съ европейскими коалиціями, и злодѣяній, ставившихся близорукими людьми въ вину самимъ политическимъ принципамъ. Собственно говоря, однако, на сценѣ въ наиболѣе мрачную эпоху революціи *дѣйствуетъ только меньшинство, энергично навязывающее свою волю пассивному большинству*, уже ранѣе пріученному больше къ повиновенію силѣ, чѣмъ къ самостоятельности, хотя и это большинство иногда все-таки выводилось изъ терпѣнія и оказывало сопротивленіе,—новая причина продолженія революціонныхъ смутъ. По мѣрѣ того, какъ перевѣсъ въ общемъ ходѣ событій брали наиболѣе крайнія политическія партіи,—все болѣе и болѣе насильственно устранялись—или сами добровольно себя устраняли отъ участія въ активной политической жизни цѣлыя общественныя группы, а къ нимъ присоединялись и тѣ соціальные элементы, которые, наконецъ, добивались своего, какъ это можно сказать о крестьянской массѣ, послѣ окончательнаго уничтоженія феодальныхъ правъ въ 1792—93 гг. Всколыхнувшееся народное море стало мало-по-малу успокоиваться, а между тѣмъ ходомъ

событій у власти очутилась партія, рѣшившаяся во что бы то ни стало осуществить свой собственный государственный идеалъ,—партія, хорошо дисциплинированная и организованная, умѣвшая дѣйствовать на народныя страсти и устранять противниковъ изъ нужныхъ ей самой позицій,—партія, своей энергіей гарантировавшая и болѣе умѣреннымъ элементамъ общества невозможность возвращенія къ старому порядку и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мы увидимъ далѣе, обезпечивавшая побѣду надъ внѣшними врагами. Это были якобинцы, уже тревожившіе своимъ задоромъ многихъ членовъ учредительнаго собранія, которые говорили, что спокойствія въ странѣ не будетъ, пока будутъ во все вмѣшиваться якобинцы.

Революціонная агитація якобинцевъ имѣла сравнительно мало успѣха въ крестьянской массѣ. Будущіе правители Франціи вербовали своихъ сторонниковъ преимущественно среди людей, получившихъ нѣкоторое образованіе,—безъ котораго трудно было бы понимать отвлеченную политическую догматику партіи,—въ мелкой буржуазіи, между представителями полуинтеллигентныхъ профессій, среди ремесленниковъ, а также и простыхъ рабочихъ. Еще въ эпоху учредительнаго собранія якобинскій клубъ, съ своими отдѣленіями въ провинціяхъ, представлялъ большую силу, тѣмъ болѣе, что хорошо организованныя „народныя общества" провинцій принимали дѣятельное участіе въ разнаго рода выборахъ на всевозможныя должности, какъ того требовала новая административная машина, между тѣмъ какъ вообще громадное большинство населенія, непривыкшаго къ публичной жизни и даже тяготившагося слишкомъ частыми выборами то на ту, то на другую должность, наоборотъ, не являлось въ собранія для исполненія обязанностей активныхъ гражданъ; не являлось, напримѣръ, три четверти, семь восьмыхъ, девять десятыхъ того числа, которое должно было бы присутствовать на собраніяхъ.

Лѣтомъ 1791 г. вышли изъ клуба болѣе умѣренные его элементы, и это произошло какъ разъ въ то время, когда подходило время общихъ выборовъ въ законодательное собраніе, которому предстояло смѣнить конституанту. Въ эпоху общей дезорганизаціи якобинцы были хорошо организованы, и для ихъ стремленія къ вмѣшательству во всѣ проявленія общественной жизни, къ преобладанію надъ всѣми другими партіями, къ господству надъ массой открылось теперь широкое поле дѣятельности. Правда, они составляли меньшинство въ общемъ числѣ избирателей, какихъ-нибудь 300 (много 400) тысячъ на слишкомъ шесть милліоновъ гражданъ, но на ихъ сторонѣ,—какъ за полтора вѣка передъ тѣмъ на сторонѣ индепендентовъ въ Англіи,—были фанатическая вѣра, громадное честолюбіе, страшная энергія и сильная организація. Децентрализація, созданная консти-

туціей 1791 г., совсѣмъ лишала правительство возможности руководить выборами въ законодательное собраніе, а между тѣмъ, при непривычкѣ населенія къ свободному пользованію своими правами, выборами на мѣстахъ—и притомъ не всегда при помощи однихъ законныхъ средствъ—овладѣло меньшинство, не останавливавшееся передъ запугиваніемъ и насиліями, само же оно играло болѣе или менѣе вездѣ роль орудія парижскаго „Общества друзей конституціи“, а въ немъ самомъ все болѣе и болѣе брало перевѣсъ то мнѣніе, что можно пускать въ ходъ и насиліе, когда цѣлью его дѣлается превращеніе французской націи въ добродѣтельный, свободный и счастливый народъ.

Не нужно еще забывать, что выборы въ законодательное собраніе лѣтомъ 1791 г. происходили подъ вліяніемъ такихъ событій, какъ бѣгство короля, республиканская манифестація на Марсовомъ полѣ, пильницкій манифестъ, прокламація эмигрантовъ объ иностранной помощи: все это представляло почву, особенно благопріятную для якобинской агитаціи, и вотъ эта партія получила въ законодательномъ собраніи цѣлую треть мѣстъ (около 250 изъ 745); въ первыя же недѣли въ клубъ записалось около 140 новыхъ депутатовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ важныя муниципальныя должности Парижа были заняты людьми, также не считавшими революцію оконченной, Петіономъ (меръ), Манюэлемъ (procureur-syndic), Дантономъ (его товарищъ), Робеспьеромъ (accusateur public) и др. Составъ новаго собранія былъ вообще своеобразный: въ немъ преобладали адвокаты (400 членовъ), было нѣсколько (около 20) конституціонныхъ духовныхъ, небольшое количество поэтовъ и литераторовъ, большею частью люди молодые, имѣвшіе менѣе тридцати лѣтъ отъ роду,—человѣкъ шестьдесятъ было въ собраніи двадцати пяти лѣтъ,—получившіе политическое воспитаніе въ клубахъ или на всевозможныхъ выборныхъ должностяхъ, учрежденныхъ менѣе чѣмъ за два года передъ тѣмъ, какъ они сдѣлались „законодателями“ (législateurs, оффиціальный терминъ). Дѣловой характеръ, какой приняли подъ конецъ засѣданія конституанты послѣ того, какъ она отдала свою дань академическому обсужденію отвлеченныхъ вопросовъ, снова смѣнился философскими разсужденіями, риторической фразеологіей, полутеатральными представленіями,—доказательство малой опытности въ дѣлахъ новыхъ представителей народа.

Въ легислативѣ образовались три политическія партіи. „Правую“ составляли конституціонные монархисты, называвшіеся фейльянами по одноименному клубу или фаетистами, т.-е. сторонниками Лафайета, вскорѣ получившаго команду надъ сѣверной арміей. Они раздѣляли политическія идеи членовъ конституанты Барнава, Дюпора и Ламета, лѣтомъ и осенью болѣе всего хлопотавшихъ объ утвержденіи во

Франціи конституціонной монархіи. „Лѣвая“ дѣлилась на жирондистовъ (girondins) и монтаньяровъ (т.-е. горцевъ). Между этими двумя партіями было сильное соперничество между прочимъ изъ-за преобладанія въ якобинскомъ клубѣ и въ парижской коммунѣ. Партія жирондистовъ [1]) получила названіе отъ департамента Жиронды, изъ котораго происходили ея главари—Верньо, Гюаде, Жансонне, бордосскіе адвокаты, къ которымъ нужно присоединить еще Инара (Isnard), а также уже извѣстныхъ намъ Бриссо и Кондорсе. Монтаньяры, получившіе свое названіе отъ верхнихъ скамей, на которыхъ они сидѣли (гора, la montagne), считали наиболѣе выдающимися своими дѣятелями Мерлена (de Thionville), Базира, Шабо (капуцина), Кутона, но самые выдающіеся члены этой партіи были внѣ собранія, а именно Робеспьеръ, бывшій членъ учредительнаго собранія, мало-по-малу ставшій главою якобинскаго клуба, Дантонъ и Камиллъ Демуленъ, игравшіе первую роль въ клубѣ кордельеровъ, Сантерръ, имѣвшій большое вліяніе на рабочее населеніе Сентъ-Антуанскаго предмѣстья, и наконецъ Маратъ, неистовавшій въ своемъ „Другѣ народа“ противъ всѣхъ, кого только могъ такъ или иначе подвести подъ кличку „аристократа“. Правая сторона состояла изъ сотни членовъ, но къ нимъ примыкало еще около полутораста членовъ центра, бывшихъ членами клуба фейльяновъ (всего около 260 депутатовъ); изъ членовъ лѣвой лишь около 140 было записано въ якобинскомъ клубѣ, но съ ними всегда вотировало около сотни другихъ депутатовъ. Наконецъ было еще около 250 членовъ „независимыхъ“, считавшихъ себя не принадлежавшими ни къ какой партіи, но въ сущности совершенно несамостоятельныхъ, легко подчинявшихся вліянію лѣвой стороны. Самую вліятельную группу послѣдней составляли жирондисты, большею частью молодые адвокаты и литераторы, прежде всего убѣжденные теоретики, пламенные ораторы, самоувѣренные политики, свысока относившіеся къ учредительному собранію, считавшіе себя единственными способными во Франціи государственными людьми и единственными настоящими патріотами въ духѣ героевъ Плутарха. Въ дѣйствительности это были люди недостаточно дальновидные, мало способные къ партійной дисциплинѣ и безъ организаторскаго таланта, люди, наконецъ, не всегда послѣдовательные и рѣшительные. Сначала они думали пользоваться демагогами крайней лѣвой (т.-е. Мерле-

---

[1]) *Lamartine*. Histoire des Girondins (недавно переведено на русскій языкъ, но въ сущности очень устарѣло).—*Ch. Vatel*. Charlotte de Corday et les Girondins.—Mémoires inédits de Petion, de Buzot et de Barbaroux (съ введеніемъ *Dauban'a*).—*Girardot*. Roland et M-me Roland.—*Dauban*. Étude sur M-me Roland et son temps.—*Мировичъ*. Госпожа Ролань.—*М. М. Ковалевскій*. Зарожденіе республиканской партіи во Франціи (Историческое Обозрѣніе, т. V).

номъ, Базиромъ, Шабо, Кутономъ и др.) и дѣятелями какъ клубовъ (Робеспьеромъ и Дантономъ), такъ и революціонной прессы, какъ орудіемъ для достиженія своихъ цѣлей, не подозрѣвая, что въ этихъ орудіяхъ они готовили опасныхъ для себя соперниковъ, которые проявятъ больше дисциплины и организаторскихъ способностей, больше послѣдовательности и рѣшительности и возьмутъ перевѣсъ надъ ними самими. Составляя меньшинство собранія, лѣвая искала поддержки въ клубахъ и въ народной толпѣ, которая, напримѣръ, разгоняетъ клубъ фейльяновъ, шумно поддерживаетъ якобинцевъ въ собраніи изъ галлерей, отведенныхъ для публики, совершаетъ нападеніе на ихъ противниковъ и на улицахъ. Парижскому народу лѣвою постоянно сообщалось къ свѣдѣнію, какихъ членовъ собранія онъ долженъ считать своими врагами, какихъ—друзьями. „Независимые“ все болѣе и болѣе подчинялись якобинскому вліянію или переставали показываться въ собраніи.

Между законодательнымъ собраніемъ и Людовикомъ XVI отношенія сдѣлались натянутыми съ самаго начала. Иначе и быть не могло, потому что изъ того, что одно національное собраніе смѣнилось другимъ, не вытекало никакихъ перемѣнъ въ общемъ положеніи дѣлъ. При дворѣ отнеслись даже съ насмѣшкой и презрѣніемъ къ церемоніямъ, которыми сопровождалось открытіе легислативы, и король какъ бы нарочно заставилъ долго себя ждать депутацію, которая была къ нему прислана, чтобы извѣстить его объ открытіи собранія. Послѣ этого (по требованію Кутона) легислатива въ отместку за такую невѣжливость декретировала лишить короля титуловъ: „государь“ (sire) и „величество“ (majesté) и замѣнить королевскій тронъ такимъ же кресломъ, какое было у предсѣдателя собранія, поставивъ вдобавокъ это кресло по лѣвую руку отъ предсѣдательскаго. Впрочемъ, на другой день депутаты одумались, и когда Людовикъ XVI лично явился въ собраніе, пріемъ ему былъ оказанъ хорошій, и его привѣтствовали криками: „vive le roi!“ Хотя среди представителей націи и господствовало еще монархическое настроеніе, однако, этотъ эпизодъ не обѣщалъ ничего хорошаго для взаимныхъ отношеній между законодательною и исполнительною властями.

Королю, какъ мы знаемъ, по конституціи принадлежало отсрочивающее „veto“. Людовикъ XVI сталъ пользоваться этимъ своимъ правомъ, но такъ какъ онъ не давалъ своего согласія на декреты законодательнаго собранія, которыми оно особенно дорожило, то пользованіе со стороны короля его законнымъ правомъ было прямо поставлено ему въ вину, а двусмысленная политика двора по отношенію къ иностраннымъ державамъ только дѣлала отношенія обѣихъ сторонъ еще болѣе натянутыми. *Главными и притомъ открытыми про-*

тивниками новыхъ порядковъ были оба привилегированныя сословія старой Франціи—духовенство и дворянство. Первое проявляло свою оппозицію, не желая (хотя далеко не все) подчиниться гражданскому устройству духовенства, другое продолжало эмигрировать и хлопотать о возвращеніи во Францію съ иностранными войсками. Уже учредительное собраніе, обративъ вниманіе на неприсяжныхъ священниковъ и на эмигрантовъ, ставило вопросъ о тѣхъ и другихъ, какъ о врагахъ общественнаго порядка, законодательное же собраніе издало строгіе декреты, въ которыхъ грозило наказаніями и духовнымъ, не желавшимъ принести установленной присяги, и дворянамъ, уѣзжавшимъ за границу. Это были боевыя средства, которыми собраніе считало нужнымъ вооружиться противъ враговъ новаго порядка вещей, но отъ нихъ страдали и тѣ священники, которые находили лишь противнымъ своей совѣсти присягать новой церковной организаціи, но не вмѣшивались въ политику, и тѣ эмигранты, которые спасались отъ усилившихся смутъ (между прочимъ религіозныхъ), а не для того, чтобы готовиться къ вооруженному вторженію во Францію. Конечно, собраніе думало поразить своими декретами именно своихъ политическихъ враговъ, и отказъ Людовика XVI, вѣрнаго сына католической церкви и въ собственномъ представленіи все еще „перваго дворянина въ королевствѣ“, санкціонировать эти декреты былъ, разумѣется, принятъ не за защиту индивидальной свободы, ими попиравшейся, а за защиту интересовъ тѣхъ общественныхъ классовъ, которые были самыми ожесточенными врагами демократіи. Отсюда та страстность, съ какою ведется борьба за декреты объ эмигрантахъ и неприсяжныхъ духовныхъ.

Въ ноябрѣ 1791 г. былъ изданъ декретъ, объявлявшій смертную казнь и конфискацію имуществъ эмигрантамъ, которые не вернутся на родину къ 1 января 1792 г., а другимъ декретомъ назначались очень строгія кары (отъ лишенія правъ съ отдачею подъ надзоръ до двухлѣтняго тюремнаго заключенія) не присягнувшимъ священникамъ, которые будутъ оказывать неповиновеніе и возмущать народъ. Оба декрета не получили королевской санкціи. Собраніе, между тѣмъ, совершенно напрасно смѣшивало воедино эмигрантовъ, большею частью дѣйствительныхъ враговъ новаго государства, съ неприсяжными священниками, преимущественно отстаивавшими лишь права своей совѣсти, и тѣмъ самымъ толкало и клиръ на путь сопротивленія. Эмигранты и якобинцы были вообще двумя крайними политическими противоположностями тогдашней Франціи, и боязнь націи передъ возвращеніемъ эмигрантовъ (конечно, съ оружіемъ въ рукахъ для возстановленія стараго порядка) придавала особую силу якобинцамъ. Сопротивленіе духовенства въ свою очередь развивало

въ послѣднихъ ненависть къ самой церкви, которая дошла въ эпоху конвента до попытки уничтожить самый католицизмъ во Франціи. Своимъ несогласіемъ на декреты легислативы король при такихъ условіяхъ подписывалъ, однако, смертный приговоръ самой монархіи.

Отношенія Франціи къ иностранцамъ также обострялись. На угрозы, шедшія изъ-за границы, отвѣчали угрозами. Уже въ концѣ 1791 г. вожди жирондистовъ говорили о необходимости войны. „Скажемъ Европѣ, восклицалъ Инаръ въ одной изъ своихъ рѣчей, что если кабинеты подбиваютъ королей къ войнѣ противъ народовъ, мы призовемъ народы къ войнѣ противъ королей".—„Вамъ нужно самимъ напасть на державы, которыя дерзнутъ вамъ угрожать", говорилъ Бриссо. Между тѣмъ, Людовикъ XVI тайно сносился съ иностранными дворами, предлагая устроить „конгрессъ главныхъ державъ Европы, опирающійся на вооруженную силу, какъ лучшее средство остановить успѣхи бунтовщиковъ", „обнаруживающихъ намѣреніе на счетъ совершеннаго уничтоженія остатковъ монархіи" во Франціи, „и воспрепятствовать тому, чтобы зло распространилось по другимъ государствамъ Европы". Дворъ замышлялъ коалицію королей [1]), а въ якобинскомъ клубѣ говорились рѣчи о всесвѣтной революціи. „Франція, говорилъ Инаръ, испустить страшный крикъ, и ей отвѣтятъ всѣ народы. Земля покроется бойцами, и враги свободы будутъ вычеркнуты изъ списковъ людей". По вопросу о войнѣ *впервые начался разладъ между жирондистами и монтаньярами.* Первая изъ этихъ партій надѣялась посредствомъ войны консолидировать революцію, въ то же время ослабивъ престижъ королевской власти, въ защиту которой ополчались за границей: иностранцы и эмигранты были враги отечества и революціи; война съ ними будетъ популярна; они, жирондисты, начнутъ эту войну, сдѣлаются господами положенія, вождями побѣдоносной революціи, освободителями Европы, благодѣтелями человѣчества. Нѣмецъ Анахарсисъ Клотцъ въ качествѣ „оратора отъ человѣческаго рода" оффиціально приглашалъ легислативу вести такую войну. Иначе смотрѣли на дѣло монтаньяры, сильные особенно въ якобинскомъ клубѣ: счастливая война, думали они, усилитъ престижъ королевской власти и создастъ послушную ей армію, несчастная же низвергла бы правительство, но лишь для того, чтобы отдать Францію въ руки жирондистовъ. Якобинцы сами были не менѣе пьяными сторонниками революціонной пропаганды, но они желали начать ее не ранѣе того, какъ сдѣлаются сами господами положенія во Франціи. Великодушные идеалисты, жирондисты мечтали о братствѣ народовъ и отталкивали отъ себя мысль

[1]) 2 янв. 1792 г. Австрія и Пруссія заключили наступательный и оборонительный союзъ.

о диктатурѣ, какъ о вещи, несовмѣстимой съ свободою, а настоящіе якобинцы уже въ концѣ 1791 г. совѣтовали на случай войны предпринять мѣры, которыя показались бы слишкомъ суровыми во время мира, такъ какъ все то, что̀ имѣетъ цѣлью спасеніе государства, справедливо, и бываютъ случаи, когда нужно накинуть покрывало на статую свободы, какъ выразился якобинецъ Геро-де-Сешель.

Жирондисты проповѣдовали всеобщее вооруженіе, необходимость готовить оружіе, и подъ ихъ вліяніемъ Франціей овладѣлъ воинственный пылъ, символомъ котораго явился красный фригійскій колпакъ, скоро смѣнившій символъ конституанты—трехцвѣтную кокарду. Съ начала 1792 г. иностранная политика все болѣе и болѣе начала останавливать на себѣ вниманіе собранія и націи. Гюаде въ страстной рѣчи нападалъ на проектъ европейскаго конгресса, предлагая указать измѣнникамъ на ихъ настоящее мѣсто, но такъ, чтобы этимъ мѣстомъ былъ эшафотъ. Между тѣмъ въ измѣнѣ все болѣе и болѣе подозрѣвался и прямо обвинялся дворъ, обвинялись министры короля. „Съ этой трибуны, восклицалъ Верньо, я вижу дворецъ, гдѣ созданотся ковы контръ-революціи, гдѣ подготовляется интрига, которая предастъ насъ Австріи... Пришелъ день, когда вы можете положить конецъ такой дерзости и смутить заговорщиковъ. Страхъ и ужасъ исходили часто изъ этого дворца въ старыя времена во имя деспотизма: пусть же они теперь туда войдутъ во имя закона; пусть они проникнутъ въ сердца его обитателей, и пусть обитатели эти знаютъ, что конституція дѣлаетъ неприкосновеннымъ только короля. Законъ поразитъ виновныхъ безъ всякаго различія. Нѣтъ такой преступной головы, къ которой не могъ бы прикоснуться мечъ правосудія“. Натискъ жирондистовъ на королевскихъ министровъ былъ такъ силенъ, что Людовикъ XVI былъ вынужденъ дать имъ отставку и призвать на ихъ мѣста жирондистовъ (24 марта 1792 г.). Такимъ образомъ во Франціи *возникло нѣчто въ родѣ парламентарнаго министерства*, котораго тщетно добивался въ свое время Мирабо и котораго не полагалось по конституціи 1791 года. Вмѣсто того, однако, чтобы обратиться къ вождямъ партіи и составить вполнѣ однородное министерство, Людовикъ XVI призвалъ въ него людей менѣе извѣстныхъ, среди которыхъ главная роль принадлежала министру юстиціи Ролану, тогда какъ министерство иностранныхъ дѣлъ, изъ-за котораго, главнымъ образомъ, и велась вся борьба, досталось Дюмурье, талантливому авантюристу, еще въ очень молодыхъ годахъ искавшему дѣятельности и отличій на поляхъ битвъ, потомъ игравшему роль въ тайной дипломатіи Людовика XV, теперь явившемуся во фригійскомъ колпакѣ въ якобинскій клубъ и цѣловавшемуся тамъ съ Робеспьеромъ. Министръ Роланъ былъ человѣкъ знающій и опыт-

ный, такъ какъ занималъ прежде должность инспектора торговли и мануфактуръ, обладалъ холоднымъ и строгимъ умомъ, отличался большими нравственными качествами и неподкупною честностью. Его жена была одна изъ наиболѣе замѣчательныхъ женщинъ французской революціи [1]), такъ что не даромъ жерондистское министерство окрестили именемъ министерства г-жи Роланъ [2]). Молодая, красивая и умная жена министра отличалась страстнымъ темпераментомъ, энтузіазмомъ политической свободы, горячею привязанностью къ республиканскому идеалу античнаго міра и умѣла группировать около себя недюжинныхъ людей своей партіи.

Жирондистское министерство было за войну, которая дѣлалась тѣмъ болѣе неизбѣжною, что Францъ II, преемникъ Леопольда II, скончавшагося 1 марта 1792 года, ограниченный и фанатически настроенный государь, съ своей стороны рѣшилъ ускорить событія. 20 апрѣля Людовикъ XVI явился въ законодательное собраніе и взволнованнымъ голосомъ предложилъ ему на основаніи конституціи объявить войну королю венгерскому и богемскому (т.-е. Францу II, тогда еще не коронованному императорской короной). Только семь голосовъ было противъ предложенія, и война была такимъ образомъ рѣшена. *Такъ началась международная борьба, которой суждено было продолжаться съ небольшими перерывами почти цѣлую четверть вѣка (1792—1815) и оказать громадное вліяніе не только на международныя отношенія Европы, но и на внутреннюю исторію ея государствъ и народовъ.* Уже въ засѣданіи 20 апрѣля войнѣ приписывался характеръ революціонной пропаганды: „Вы, говорилъ одинъ депутатъ, декретируете свободу всего міра“. „Объявимъ войну королямъ и миръ націямъ“, говорилъ другой. Вопреки тому, чтò случилось впослѣдствіи, манифестъ о войнѣ заключалъ въ себѣ „обѣщаніе не предпринимать войнъ съ завоевательными цѣлями и не дѣлать посягательствъ на свободу другихъ націй“. Людовикъ XVI, между тѣмъ, составилъ протестъ противъ собственнаго своего предложенія и послалъ разнаго рода тайные совѣты и указанія иностраннымъ дворамъ, а также эмигрантамъ, которыхъ просилъ, впрочемъ, воздержаться отъ участія въ войнѣ [3]).

---

[1]) *Шлоссеръ*. Женщины французской революціи.—*Michelet*. Les femmes de la révolution.

[2]) *Н. Мировичъ*. Госпожа Роланъ. Ея мемуары въ русскомъ переводѣ были изданы Историческимъ Обществомъ при Петербургскомъ университетѣ.

[3]) Исторія революціонныхъ войнъ см. главнымъ образомъ въ сочиненіи *Сореля*. Кромѣ того, см. „Исторію XIX вѣка“ *Файфа* (перев. подъ ред. проф. И. В. Лучицкаго), которая начинается съ 1792 года. См. еще *Ranke*. Ursprung und Beginn der Revolutionskriege.—*Hüffer*. Oesterreich und Preussen gegenüber der französischen Revolution. См. также вышедшее недавно въ русск. пер.

Объявленіе войны подняло на ноги всю Францію, рѣшившуюся защищать до послѣдней крайности родную землю и революцію. Знаменитые волонтеры 1792 г. положили начало революціоннымъ арміямъ, игравшимъ такую видную роль въ событіяхъ эпохи [1]. Скоро возникла и сдѣлавшаяся славною „марсельеза" (la Marseillaise), революціонный гимнъ, составленный Руже-де-Лилемъ (Rouget de Lisle) и впервые распѣвавшійся марсельскими волонтерами. Толпы преимущественно молодежи, часто потомъ оказывавшейся, правда, недостаточно годною для военной службы, спѣшили къ границамъ. Первыя дѣйствія французовъ, направившихся на Монсъ и Турнэ, были неудачны. Офицеры эмигрировали или относились къ революціи враждебно; интендантская часть организована была плохо; солдатъ кормили дурно, волонтеры были неопытны, недисциплинированы, и первыя стычки съ непріятелемъ кончились паникой, пораженіемъ, при чемъ одинъ отрядъ даже изрубилъ своего генерала. Въ то же время дворъ продолжалъ свои тайныя сношенія съ за границей, и въ обществѣ стали говорить о существованіи въ Парижѣ, даже въ самомъ дворцѣ, особаго „австрійскаго комитета", душою котораго была королева. Между тѣмъ и Пруссія, связанная съ Австріей договоромъ, объявила Франціи войну.

Военныя неудачи сдѣлались предметомъ взаимныхъ обвиненій и попрековъ, Лафайетъ ссорился съ Дюмурье, Робеспьеръ въ якобинскомъ клубѣ нападалъ на Бриссо и на жирондистовъ. 23 мая жирондисты указали собранію на существованіе австрійскаго комитета, а черезъ шесть дней собраніе уничтожило „конституціонную гвардію" короля, какъ заподозрѣнную въ антиреволюціонномъ настроеніи. Въ началѣ іюня военный министръ изъ жирондистовъ предложилъ отъ себя собранію организовать подъ Парижемъ вооруженный лагерь изъ двадцати тысячъ „федератовъ" (fedérés), и собраніе приняло это предложеніе. Людовикъ XVI согласился на распущеніе гвардіи, но продолжалъ платить жалованье составлявшимъ ее лицамъ, бывшимъ большею частью роялистами, прежними членами королевской стражи, но на созывъ федератовъ онъ не далъ своего согласія. Равнымъ образомъ онъ наложилъ *veto* на декретированное собраніемъ (27 мая) усиленіе наказаній противъ неприсяжныхъ священниковъ, продолжавшихъ свою агитацію, именно на высылку неприсяжныхъ изъ кантоновъ, департаментовъ и даже изъ самой страны по донесенію два-

---

соч. американца *Мэхэна* „Вліяніе морской силы на французскую революцію и имперію".

[1]) *Bonnal.* Les armées de la république.—*E. d'Hauterive.* L'armée sous la révolution (1789—1794).—*Boissonade.* Hist. des volontaires de la Charrente pendant la révolution.—*Chuquet.* Les guerres de la Révolution.

дцати активныхъ гражданъ, подтвержденному мѣстными властями. *Между жирондистскимъ министерствомъ и королемъ отношенія сдѣлались невозможными.* Роланъ, находившій поведеніе Людовика XVI неискреннимъ, говорилъ, что король или самый честный человѣкъ въ мірѣ, или наоборотъ, величайшій обманщикъ, потому что такъ, какъ онъ, притворяться невозможно. Самъ Людовикъ XVI совѣтовался больше съ посторонними лицами, чѣмъ съ оффиціальными своими совѣтниками. Когда онъ отказалъ дать свою санкцію декретамъ, Роланъ обратился къ нему съ письмомъ, авторомъ котораго была г-жа Роланъ. Она гораздо ранѣе своего мужа и его товарищей поняла, что для довѣрія, съ какимъ жирондистское министерство относилось сначала къ Людовику XVI, не было въ сущности никакихъ реальныхъ основаній, да и въ данную минуту эта замѣчательная женщина явилась вдохновительницей мужа. Письмо, составленное именно въ минуту горячности, было страстно по содержанію и рѣзко по формѣ. Настоящее положеніе Франціи невыносимо и должно привести къ взрыву. Въ этомъ виноватъ король, вступающій въ союзъ съ врагами конституціи и дѣйствующій противъ законодательной власти. Но время поправить дѣло еще не ушло. „Престолу вашему,—говорилось въ письмѣ далѣе,—угрожаютъ страшныя бѣдствія, если онъ не будетъ утвержденъ на основахъ конституціи и упроченъ миромъ... Общественное мнѣніе уже подвергаетъ осужденію намѣренія вашего величества: еще отсрочка—и опечаленный народъ будетъ видѣть въ своемъ королѣ друга и сообщника заговорщиковъ". Людовикъ XVI отвѣтилъ на письмо отставкой жирондистскаго министерства, за которою послѣдовалъ и выходъ въ отставку Дюмурье послѣ того, какъ новые министры (изъ фейльяновъ) объявили собранію королевское *veto* на декреты (первая половина іюня). Собраніе съ своей стороны заявило, что отставные министры унесли съ собою его прежнее къ нимъ довѣріе, и вотировало отправку письма Ролана во всѣ 83 департамента. Между тѣмъ Лафайетъ, стоявшій лагеремъ у Мобежа, прислалъ собранію заявленіе, въ которомъ выражалъ свое удовольствіе по поводу отставки жирондистовъ, обвинялъ во всѣхъ безпорядкахъ якобинскую „шайку" и совѣтовалъ собранію замѣнить господство клубовъ господствомъ закона. Его письмо произвело въ собраніи сенсацію между прочимъ своимъ повелительнымъ тономъ, и, напримѣръ, Гюаде выражалъ недоумѣніе, могъ ли сподвижникъ Вашингтона говорить языкомъ Кромвеля, когда тотъ наносилъ ударъ свободѣ Англіи. Тогда же Лафайетъ написалъ письмо и королю, совѣтуя ему крѣпко держаться за власть, делегированную ему національной волей, и обѣщая ему поддержку всѣхъ настоящихъ (bons) французовъ.

Непринятіемъ декретовъ, отставкой министровъ-„патріотовъ", письмомъ Ролана къ королю и вызовомъ Лафайета воспользовалась партія демагоговъ, чтобы поднять населеніе парижскихъ предмѣстій, страдавшее отъ нищеты, безработицы, дороговизны съѣстныхъ припасовъ, жившее уже около трехъ лѣтъ въ крайнемъ возбужденіи, все болѣе и болѣе подпадавшее вліянію революціонныхъ клубовъ, демагогической прессы и уличныхъ ораторовъ. *Жирондисты сами были не прочь пользоваться содѣйствіемъ демагоговъ*, но не въ смыслѣ насилія и кровопролитій, а въ смыслѣ внушительныхъ народныхъ манифестацій. „Истинные патріоты, говоритъ г-жа Роланъ въ своихъ мемуарахъ, оставляли дѣйствовать демагогію, какъ шумную свору собакъ, и не прочь были воспользоваться ею, чтобы произвести давленіе на исполнительную власть". Но демонстраціи пошли гораздо далѣе, и то орудіе, которымъ жирондисты хотѣли пользоваться, обратилось впослѣдствіи противъ самихъ же жирондистовъ.

Два народныя возстанія, бывшія въ Парижѣ 20 іюня и 10 августа, низвергли монархію. Якобинцы успѣли внушить парижскому населенію, что оно представляетъ собою всю Францію, что оно-то и есть прежде всего „народъ". Парижане повѣрили, что народная толпа на улицахъ столь же суверенна, какъ и вся нація на своихъ собраніяхъ. У инсургентовъ 20 іюня явились и вожди уже изъ ихъ собственной среды, каковы пивоваръ Сантерръ, мясникъ Лежандръ, Фурнье Американецъ, человѣкъ безъ опредѣленныхъ занятій. Толпа въ нѣсколько тысячъ совершила вторженіе во дворецъ, ея вожди добрались до Людовика XVI, заставили его пить прямо изъ бутылки за здоровье націи и надѣть красный колпакъ, но не могли заставить утвердить декреты. Петіонъ, меръ Парижа, явившійся на мѣсто происшествія, успокоилъ народъ, но многіе, расходясь, говорили, что если теперь ничего не было получено, то нужно вернуться еще разъ. Легислатива выразила сожалѣніе по поводу всего случившагося. Кромѣ того, собранію подана была петиція съ 20 тысячами подписей, протестовавшая противъ безпорядка 20 іюня. Пріѣхалъ въ Парижъ и Лафайетъ, чтобы потребовать у собранія наказанія якобинцевъ и предложить свои услуги королю, но уѣхалъ въ главную квартиру своей арміи, ничего не достигши. Въ собраніи Гюаде поставилъ на видъ, что не дѣло арміи мѣшаться въ политику, а Марія-Антуанета говорила, что она скорѣе готова погибнуть, чѣмъ пользоваться услугами такого человѣка, какъ Лафайетъ. Между тѣмъ возбужденіе въ городѣ росло: говорили о внутренней измѣнѣ, о заговорахъ, о внѣшнихъ опасностяхъ; въ Парижъ съѣхались изъ провинцій „федераты", большею частью находившіеся подъ вліяніемъ якобинцевъ, и еще болѣе усиливали броженіе. Законодательное собраніе не избѣжало

общей судьбы, кого только касалось это возбужденіе: оно само находилось въ весьма тревожномъ состояніи. Въ собраніи даже заговорили о томъ, что нужно было бы принять мѣры на тотъ случай, если бы опасность стала грозить со стороны исполнительной власти. По этому случаю Верньо сказалъ одну изъ наиболѣе краснорѣчивыхъ своихъ рѣчей—на ту именно тему, что все это происходитъ во имя короля—и французскіе принцы сдѣлали попытку поднять всю Европу, и заключенъ былъ пильницкій договоръ, и началъ войну съ Франціей король венгерскій и богемскій, и Пруссія направляется къ ея границамъ. Въ этой рѣчи онъ указывалъ на то, что король, пользуясь всѣми средствами, какія ему давала конституція, стремится низвергнуть эту самую конституцію,—напоминалъ, что по конституціи король считается лишеннымъ престола, разъ онъ формальнымъ актомъ не противится предпріятію, совершаемому противъ націи, и спрашивалъ, былъ ли Людовикъ XVI на высотѣ своей задачи въ виду нападенія Австріи и Пруссіи. Если бы, однако, король сталъ указывать на то, что онъ не нарушалъ конституціи, дающей ему такія-то и такія-то права, французы имѣли бы право ему сказать,—и тутъ Верньо какъ бы отъ имени Франціи обратился къ самому королю съ такими, напримѣръ, словами: „о король, вѣрящій по примѣру тиранна Лизандра, что истина не дороже лжи, и что можно взрослыхъ людей забавлять клятвами, какъ забавляютъ дѣтей игрушками... не думаешь ли ты, что и теперь можешь обмануть насъ лицемѣрными увѣреніями?.. Человѣкъ, котораго не могло тронуть великодушіе французовъ, которому доступна только жажда власти, не долженъ пожать плодовъ своего клятвопреступленія. Ты уже ничто въ глазахъ конституціи, такъ недостойно попранной тобою, ничто для народа, такъ низко тобою преданнаго“. Въ заключеніе Верньо предложилъ объявить „отечество въ опасности“, что влекло за собою непрерывность засѣданія всѣхъ выборныхъ властей и призывъ подъ оружіе всѣхъ, способныхъ его носить. Рѣчь эта была произнесена 3 іюля, а 11 числа состоялось въ собраніи провозглашеніе „отечества въ опасности“. Подъ впечатлѣніемъ этого событія была отпразднована третья годовщина взятія Бастиліи (14 іюля), а 22 іюля состоялось въ Парижѣ объявленіе объ опасности отечества съ пушечными выстрѣлами, военными парадами, церемоніальными шествіями муниципальныхъ властей, читавшихъ декретъ, который былъ составленъ въ звучныхъ и красивыхъ фразахъ, а на парижскихъ площадяхъ были поставлены столы для записи волонтеровъ. На защиту революціи и въ концѣ іюля приходили еще въ Парижъ федераты, въ честь которыхъ устраивались публичныя празднества. Происходили, кромѣ того, частыя народныя сходки, гдѣ обсуждалось трудное положеніе государства. Вожди

жирондистовъ и якобинцевъ, между тѣмъ, держались выжидательнаго образа дѣйствій, и во главѣ готовившагося движенія стояли большею частью совсѣмъ неизвѣстные люди. Въ горючій матеріалъ упала еще одна искра. Этою искрою былъ манифестъ герцога Брауншвейгскаго, главнокомандующаго союзной австро-прусской арміей, написанный кѣмъ-либо изъ эмигрантовъ и, какъ думали, на основаніи свѣдѣній, сообщенныхъ изъ Тюйльери. Онъ заключалъ угрозы наказаній мятежнымъ подданнымъ Людовика XVI, угрозы казней, военныхъ экзекуцій, сожженія и срытія домовъ, разрушенія Парижа и т. п. Въ концѣ іюля этотъ манифестъ, тонъ котораго привелъ придворныхъ въ восхищеніе, былъ напечатанъ въ газетахъ. Общее волненіе немедленно усилилось, принявъ прямо республиканскій характеръ, и изъ столицы оно распространилось въ провинціи. Въ началѣ августа Петіонъ уже подалъ собранію петицію отъ 47 изъ 48 секцій, на которыя былъ раздѣленъ Парижъ, о необходимости низложенія Людовика XVI. Увѣреніямъ короля въ преданности конституціи, когда онъ самъ сообщилъ собранію о манифестѣ герцога Брауншвейгскаго, не придали ни малѣйшаго значенія. 10 августа послѣдовалъ взрывъ. Его предвидѣли, и съ обѣихъ сторонъ шли приготовленія.

Возстаніе началось еще ночью, когда главные вожаки іюньскаго движенія овладѣли ратушей и организовали изъ себя новую парижскую общину (коммуну); при этомъ былъ убитъ начальникъ національной гвардіи (Мандатъ). Защита Тюйльерійскаго дворца была ненадежная: національная гвардія кричала или „да здравствуетъ нація" или „долой тиранна", и лишь наемные швейцарцы, тайно введенные во дворъ, оказались хорошей стражей, но ихъ было сравнительно мало. Съ восьми часовъ утра началась осада дворца, который наконецъ и былъ взятъ приступомъ. Король съ семьей долженъ былъ искать убѣжища въ національномъ собраніи, гдѣ Верньо обѣщалъ ему безопасность. Въ ложѣ, помѣщавшейся за предсѣдательскимъ кресломъ, Людовикъ XVI былъ свидѣтелемъ того, какъ рѣшался вопросъ о монархіи. По предложенію Верньо собраніе декретировало пріостановку (suspension) исполнительной власти, какъ это разъ уже было послѣ бѣгства короля въ іюнѣ 1791 г., рѣшеніе же о самомъ королевскомъ санѣ должно было принадлежать чрезвычайному собранію—національному конвенту (convention nationale), выборы въ который должны были совершиться всѣми гражданами, достигшими совершеннолѣтія (21 года) безъ раздѣленія на активныхъ и пассивныхъ. Послѣ этого Людовикъ XVI съ семьей сталъ жить плѣнникомъ въ цитадели Тампль, когда-то принадлежавшей храмовникамъ [1]).

---

[1]) *Beaucourt*. Captivité et derniers moments de Louis XVI.

Организовано было новое министерство изъ жирондистовъ, и въ немъ мѣсто министра юстиціи досталось главарю кордельерскаго клуба Дантону. Лафайетъ, уже раньше помышлявшій о военномъ переворотѣ въ пользу конституціонной монархіи и даже чуть было не попавшій подъ судъ [1]), протестовалъ противъ событія 10 августа, но ничего не могъ сдѣлать и перебрался за границу, чтобы уѣхать въ Голландію или Америку. Онъ попалъ однако, въ руки австрійцевъ засадившихъ его въ тюрьму.

Выборы въ конвентъ должны были произойти 26 августа (первичные) и 2 сентября (департаментскіе). До окончанія своихъ засѣданій законодательному собранію пришлось бороться съ парижской „коммуной", занявшей ратушу въ ночь на 10 августа и стремившейся захватить въ свои руки власть надъ Парижемъ, а съ нимъ и надъ всею Франціей. Къ неизвѣстнымъ дотолѣ лицамъ, считавшимъ себя въ правѣ извлечь для себя всѣ выгоды изъ побѣды надъ монархіей, присоединились Робеспьеръ и Маратъ. По предложенію своего министра юстиціи Дантона собраніе учредило чрезвычайный судъ для наказанія сообщниковъ двора. Противъ эмигрантовъ и неприсяжныхъ священниковъ изданы были новые декреты. Возбужденіе столицы росло все болѣе и болѣе: въ самомъ Парижѣ подозрѣвали существованіе роялистическихъ заговоровъ; изъ провинцій приходили извѣстія о роялистическихъ возстаніяхъ; прусаки завладѣли одною крѣпостью (Longwy) вслѣдствіе измѣны коменданта. Дантонъ счелъ нужнымъ напугать роялистовъ (il faut faire peur aux royalistes), предписавъ повальные домовые обыски въ Парижѣ, съ цѣлью захвата спрятаннаго оружія и ареста „подозрительныхъ". Между тѣмъ непріятель обложилъ Верденъ. Роланъ, снова сдѣлавшійся министромъ, предлагалъ перенести собраніе и правительство за Луару, въ Туръ или Блуа, но Дантонъ былъ противъ этого. По его предложенію собраніе между прочимъ декретировало смертную казнь всякому, кто отказался бы служить лично или выдать свое оружіе, или же сталъ бы противиться и мѣшать мѣропріятіямъ исполнительной власти. Для спасенія отечества Дантонъ прежде всего требовалъ смѣлости il nous faut de l'audace, toujours de l'audace, et la France est sauvée). Онъ не только не остановилъ избіенія арестованныхъ, ожидавшихъ въ тюрьмахъ суда надъ собою за защиту монархіи и за измѣну отечеству (часто мнимую), но даже взялъ на себя часть отвѣтственности, падавшей на тѣхъ, которые задумали и привели въ исполненіе это ужасное дѣло. Еще 26 августа національное собраніе во имя общечеловѣческаго

---

[1]) 8 августа законодательное собраніе 406 голосами противъ 224 рѣшило вопросъ о преданіи Лафайета суду отрицательно.

братства дало права французскаго гражданства знаменитымъ иностранцамъ, оказавшимъ услуги дѣлу свободы (въ числѣ ихъ были Вашингтонъ, филантропы Вильберфорсъ и Кларксонъ, проповѣдывавшіе уничтоженіе рабства негровъ, Шиллеръ, педагогъ Песталоцци, англійскій ученый Пристлей, юристъ Бентамъ, Анахарсисъ Клотцъ), а черезъ нѣсколько дней Маратъ, давно уже проповѣдовавшій убійство въ своей газетѣ, теперь попавшій въ парижскій общинный совѣтъ и потомъ даже въ члены конвента, и его единомышленники организовали избіеніе всѣхъ арестованныхъ въ тюрьмахъ Парижа, Версаля и другихъ городовъ, продолжавшееся нѣсколько дней въ началѣ сентября; въ провинціальные города объ этомъ послано даже было циркулярное повелѣніе, напечатанное въ типографіи Марата. Убійства эти получили названіе сентябрьскихъ, а ихъ участники — сентябристовъ (septembriseurs). Бриссо просилъ Дантона спасти хотя бы невинныхъ, но министръ юстиціи заявилъ, что между избиваемыми нѣтъ ни одного, который былъ бы невиненъ. Тѣмъ не менѣе Дантонъ спасъ жизнь своихъ политическихъ противниковъ Дюпора и Ламета, а Манюэль (procureur syndic)—своего смертельнаго врага Бомаршэ. Впослѣдствіи всѣ отреклась отъ этого злого дѣла или выражали по его поводу негодованіе или сожалѣніе, не исключая и самого Марата.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ возникала во Франціи первая республика, а между тѣмъ и дѣла на границѣ шли дурно для французовъ: Верденъ былъ принужденъ сдаться пруссакамъ. Для защиты отечества, однако, политическіе дѣятели революціи оставляли свои ссоры, и Дюмурье, котораго считали наиболѣе способнымъ генераломъ и жирондисты, и якобинцы, и Дантонъ, всѣ одинаково его не любившіе, былъ отправленъ командовать войскомъ на границѣ въ виду наступавшаго врага. 20 сентября онъ при Вальми отбилъ аттаку пруссаковъ съ герцогомъ Брауншвейгскимъ и самимъ прусскимъ королемъ во главѣ. Вечеромъ на бивуакѣ Гете, сопровождавшій армію, сказалъ окружающимъ: „На этомъ мѣстѣ и въ этотъ день началась новая эра во всемірной исторіи, и вы всѣ можете потомъ говорить, что присутствовали при ея рожденіи". На другой день послѣ этой битвы въ Парижѣ собирался національный конвентъ, первымъ дѣломъ котораго было провозгласить республику.

XXXIX. Жирондисты и якобинцы [1]).

Періоды въ исторіи первой республики.—Вопросъ о революціонной диктатурѣ и о свободной республикѣ. — Республика безъ республиканцевъ. — Республика и война.—Жирондисты и якобинцы передъ судомъ историковъ.—Главныя черты якобинизма. — Якобинское «народничество». — Союзники якобинцевъ «санкюлоты».—Чѣмъ жирондисты отличались отъ якобинцевъ?—Ихъ достоинства и недостатки.—Жирондистскій проектъ конституціи.

Первая французская республика, смѣнившая собою конституціонную монархію, которую думало создать учредительное собраніе, просуществовала двѣнадцать лѣтъ (1792—1804), но въ сущности если вычесть изъ нихъ такъ называемое консульство генерала Бонапарта, впослѣдствіи императора французовъ Наполеона I, бывшее лишь замаскированной монархіей (1799—1804), то на республику придется только семь лѣтъ. Далѣе изъ этихъ семи лѣтъ лишь въ теченіе четырехъ лѣтъ, составляющихъ вторую половину этого періода (1795—1799), Франція управлялась въ силу настоящей конституціи: первые три года были временемъ диктатуры, вызывавшейся внѣшними и внутренними осложненіями политической жизни страны. Хотя уже въ октябрѣ 1792 г. былъ назначенъ комитетъ, долженствовавшій выработать для Франціи республиканскую конституцію, а въ іюнѣ 1793 г. была принята и самая конституція, проектированная якобинцами, тѣмъ не менѣе введеніе ея было отсрочено до возстановленія мира, и особымъ декретомъ на все это время установлялась власть временнаго правительства, которое само дало себѣ названіе „революціоннаго“ [2]) и установило свою организацію въ декабрѣ того же

[1]) По исторіи жирондистовъ и якобинцевъ, ровно какъ конвента и террора см. указанныя сочиненія *Ламартина*, *Ватея*, *Жирардо*, *Добана*, *Мировичъ*, *М. М. Ковалевскаго* (по исторіи жирондистовъ), и *Цинкейзена*, *Тэна*, *Олара* и др. (по исторіи якобинцевъ). Кромѣ того, см. *Barante*. Hist. de la convention nationale (устарѣло).—*Mortimer-Ternaux*. Histoire de la Terreur.—*Biré*. Journal d'un bourgeois de Paris pendant la Terreur. — *Его же*. Paris en 1793.—*Flery*. Les grands terroristes. Carrier à Nantes.—*Adolf Schmidt*. Tableaux de la révolution française.—Recueil des actes du commité du salut public etc. (подъ ред. *Олара*).—*Compardon*. Histoire du tribunal révolutionnaire.—*Vallon*. 1) Histoire du tribunal révolutionnaire de Paris. 2) La révolution du 31 mai et le féderalisme de 1793 ou la France vaincue par la commune de Paris. 3) La Terreur. 4) Représentants du peuple en mission et la justice révolutionnaire dans les départements en l'an II.—*Eugène Despois*. Le vandalisme révolutionnaire (снятіе съ конвента упрека въ вандализмѣ).—*Julius Eckart*. Figuren und Ansichten der Pariser Schreckenszeit (1792 bis 1794). Кромѣ того, болѣе частныя монографіи *Fayard*, *Rabaud*, *Guillois*, *E. Carette* et *A. Sanson*, *Fr. Mège* и др. указанныя между прочимъ въ моей статьѣ о новѣйшихъ трудахъ по исторіи фр. рев. (Истор. Обозр. I).

[2]) Le gouvernement provisoire de la France est révolutionnaire jusqu'à la paix.

1793 г. Такимъ образомъ первые три года французской республики могутъ быть названы *временемъ революціонной диктатуры, дѣйствовавшей во имя общественнаго спасенія (salut public), которое было въ сущности другимъ выраженіемъ принципа государственной необходимости (raison d'état)*, т.-е. одного изъ самыхъ основныхъ принциповъ прежняго абсолютизма. Индивидуальная свобода должна была склониться передъ режимомъ, исходившимъ изъ правила: salus populi—suprema lex. Сначала шла еще борьба за власть между двумя крупными фракціями той партіи, которая послѣ 10 августа очутилась у власти, между жирондистами и якобинцами; но уже весною 1793 г. якобинцы одолѣли своихъ противниковъ и сдѣлались господами положенія, выдвинувъ на первое мѣсто своего главу Робеспьера. По своимъ политическимъ принципамъ, заимствованнымъ изъ „Общественнаго договора" Руссо; по своему чисто сектантскому фанатизму, заставлявшему ихъ видѣть свою миссію въ насильственномъ проведеніи въ жизнь этихъ принциповъ; по своей организаціи, дѣлавшей изъ ихъ парижскаго клуба центральное правительство для цѣлыхъ сотенъ подобныхъ учрежденій въ провинціяхъ; по своимъ пріемамъ, заключавшимся въ отдачѣ безпрекословныхъ приказаній, въ угрозахъ, застращиваніяхъ, принужденіи силой; по своему неограниченному, наконецъ, вліянію на часть народа, въ которой поддерживалась анархія, какъ одно изъ политическихъ средствъ,—якобинцы были людьми наиболѣе пригодными къ той роли революціонныхъ диктаторовъ, какую приходилось принять на себя правителямъ Франціи при тогдашнихъ трудныхъ обстоятельствахъ. Жирондисты оказались къ такой роли неспособными. У нихъ не было ни той послѣдовательности и прямолинейности во взглядахъ, ни той неразборчивости въ выборѣ средствъ, ни той практичности, ни той партійной дисциплины, ни того, наконецъ, организаторскаго таланта, которые помогли якобинцамъ вырвать изъ ихъ рукъ революціонную диктатуру. Мы увидимъ, что жирондисты сами задумали судъ надъ Людовикомъ XVI, и первые же потомъ хлопотали о томъ, чтобы его спасти; мы увидимъ, что извѣстная нравственная щепетильность, извѣстная брезгливость мѣшала имъ итти заодно съ Дантономъ, сдѣлавшимся ихъ союзникомъ послѣ 10 августа и бывшимъ единственнымъ человѣкомъ, который могъ организовать жирондистское правленіе; мы увидимъ, какой непрактичный проектъ республиканской конституціи выработали жирондисты; да и отсутствіе партійной дисциплины весьма часто вредило партіи, которой поэтому и не удалось организовать ничего прочнаго. Впрочемъ, жирондисты и сами не гнались такъ за диктатурой, какъ якобинцы. Если послѣдніе, крайніе государственники по своимъ принципамъ и въ сущности деспоты по своимъ пріемамъ, менѣе всего

способны были основать свободную республику, то республика, которую стремились организовать жирондисты, болѣе дорожившіе индивидуальной свободой и менѣе склонные къ дѣйствію однимъ путемъ власти должна была бы быть государствомъ свободнымъ, чего, однако, достигнуть они и не сумѣли, и не смогли.

Во Франціи формально установилась республика, но *этимъ не было еще рѣшено, чѣмъ будетъ эта республика, революціонной ли диктатурой именно, или же организаціей политической свободы.* Все сложилось въ пользу диктатуры—и внѣшняя опасность, и внутреннія смуты съ анти-революціоннымъ характеромъ, и политическая неспособность жирондистовъ, и средства, которыми располагала партія, стремившаяся къ диктатурѣ. Но и помимо всего этого Франція, еще за какіе-нибудь три-четыре года передъ тѣмъ жившая подъ однимъ изъ наиболѣе абсолютныхъ правительствъ, *была способна скорѣе принять извнѣ диктатуру одной партіи, сумѣвшей сдѣлать свое правленіе необходимымъ, чѣмъ создать изъ самой себя свободное правленіе.* Республика была безъ республиканцевъ, т.-е. громадное большинство націи совсѣмъ не было республиканскимъ. Монархію низвергли въ сущности парижскій пролетаріатъ и немногіе федераты изъ провинцій. Способъ, какимъ это было сдѣлано, напугалъ однихъ, деморализировалъ другихъ: Франція, привыкшая повиноваться всему, что исходило изъ центра, пассивно подчинилась и этому перевороту. Громадное большинство націи еще въ 1790 г. устранялось отъ политической жизни, что можно видѣть изъ того, какое значительное число гражданъ—три четверти, пять шестыхъ, девять десятыхъ—не являлось на выборы, такъ это и продолжалось до конца революціи. Въ націи не было ни одного общественнаго класса, который могъ бы принять на себя бремя республиканскаго правленія. Духовенство находилось въ открытой ссорѣ съ республикой, которая рѣшилась подъ вліяніемъ этой ссоры декретировать даже отмѣну самого христіанства. Та часть дворянства, которая не эмигрировала, была настроена роялистически и ненавидѣла революцію вообще, а въ частности республику, окончательно отмѣнившую безъ выкупа феодальныя права. Да и вообще республика, конечно, могла бы расчитывать на поддержку лишь тѣхъ общественныхъ классовъ, которые выиграли отъ революціи. Этими классами были преимущественно буржуазія и крестьянство (хотя послѣднее далеко не все), но сельское населеніе вообще мало интересовалось политическими вопросами и еще менѣе ихъ понимало, а потому безъ малѣйшаго воспитанія въ привычкахъ политической свободы готово было поддерживать всякое сильное правительство и вполнѣ ему подчиняться, лишь бы оно обезпечило невозможность возврата стараго порядка. Если, наоборотъ, въ буржуазіи было больше

политическаго развитія, то и она въ массѣ ставила свои интересы выше общихъ принциповъ: не привыкшая къ самоуправленію, безъ традицій политической свободы, она такъ же, какъ и крестьянская масса, дорожила соціальными пріобрѣтеніями революціи и боялась при этомъ не только роялистовъ, стремившихся къ реставраціи стараго порядка,—но и городского пролетаріата, при помощи котораго якобинцы овладѣли властью. Буржуазія подчинялась якобинской диктатурѣ, гарантировавшей для нея невозможность реставраціи старыхъ отношеній, такъ же, какъ охотно приняла потомъ и военную диктатуру, охранявшую этотъ классъ и отъ возвращенія эмигрантовъ, и отъ пролетаріата, ставшаго къ буржуазіи въ непріязненныя отношенія. Первая французская республика, какъ и англійская за полтораста лѣтъ передъ тѣмъ, такимъ образомъ *была создана чисто временными обстоятельствами, а не вытекала изъ общихъ условій соціальной жизни,—была навязана странѣ энергичнымъ меньшинствомъ, а не являлась исполненіемъ сознательнаго требованія всей націи или даже сколько-нибудь значительнаго ея большинства или вліятельнаго класса.* Когда во время суда надъ Людовикомъ XVI возникъ вопросъ объ отдачѣ рѣшенія конвента на утвержденіе первичныхъ собраній, то и жирондисты, и якобинцы были вполнѣ убѣждены, что эта мѣра спасла бы короля, а потому, имѣя на этотъ счетъ разные виды, одни хлопотали о такой аппеляціи къ народу, другіе, наоборотъ, ей противились. Оставался, наконецъ, одинъ пролетаріатъ, стоявшій еще за республику, но онъ и по матеріальному своему положенію, и по культурному уровню, и по совершенному отсутствію какихъ-либо политическихъ традицій и привычекъ, годился только для роли болѣе или менѣе послушнаго орудія въ чужихъ рукахъ, а никакъ не для роли вліятельнаго и дѣйствительно правящаго соціальнаго класса. Притомъ пролетаріатъ мало-по-малу разочаровался въ республикѣ и, когда пронеслась революціонная буря, скоро впалъ въ прежнюю политическую апатію.

Война не въ одномъ лишь томъ отношеніи благопріятствовала болѣе диктатурѣ, чѣмъ политической свободѣ, что требовала сосредоточенія власти въ однѣхъ сильныхъ рукахъ, въ силу чего, напримѣръ, якобинская диктатура Робеспьера подготовила только военную диктатуру Бонапарта. Въ 1789 г. общественное движеніе было общенаціональнымъ, но по мѣрѣ того, какъ большинство получало удовлетвореніе тѣмъ своимъ требованіямъ, которыя съ наибольшею настоятельностью предъявлены были въ наказахъ, оно все болѣе и болѣе отставало отъ движенія, и послѣднее все сильнѣе и сильнѣе стало принимать окраску воззрѣній и стремленій якобинизма, притянувшаго къ себѣ вообще одно болѣе энергичное и менѣе спокойное меньшинство. Для тѣхъ общественныхъ элементовъ, которые были наиболѣе

проникнуты революціоннымъ духомъ, рвались въ активную борьбу и искали подвиговъ, война съ врагами Франціи, съ врагами революціи, съ врагами республики была поприщемъ, открывавшимъ дорогу къ широкой дѣятельности такого же революціоннаго характера, такъ какъ войны республики получали значеніе пропаганды новыхъ идей и введенія новыхъ порядковъ у сосѣдей, низверженія, какъ тогда выражались, „тиранновъ", „аристократовъ" и „ханжей". Такую цѣль революціоннымъ войнамъ поставили впервые жирондисты; якобинцы ничего не имѣли противъ того, чтобы и въ свою политическую программу включить тотъ же принципъ. Революція перестала быть внутреннимъ дѣломъ Франціи, а получила значеніе и въ международной исторіи, такъ что внѣшняя политика, въ свою очередь, тѣсно связалась съ внутренними дѣлами Франціи. Передъ грандіозными событіями, происходившими за границей, передъ успѣхами французской арміи, начавшей дѣлать завоеванія въ чужихъ странахъ, передъ основаніемъ новыхъ республикъ, которыя сдѣлались какъ бы дочерьми республики французской, внутреннія отношенія впослѣдствіи стали отходить на задній планъ. Революціонныя арміи, отправившіяся вести войну съ королями и освобождать народы, начали все болѣе и болѣе забывать эту послѣднюю цѣль ради стяжанія славы, добычи, господства. Пока на родинѣ республика, не имѣвшая прочныхъ корней въ странѣ, не умѣла организоваться, внѣ Франціи создавалась военная организація, въ которой и подготовилось правительство, смѣнившее собою республику, подобно тому, какъ правительство, ее основавшее, само выработалось въ нѣдрахъ якобинской организаціи. Между паденіемъ якобинизма и воцареніемъ милитаризма прошло около пяти лѣтъ,—цѣлый періодъ въ исторіи революціи, когда сдѣлана была попытка организаціи политической свободы въ республиканской формѣ, дабы избавить страну отъ диктатуры демагогической, имѣвшей еще приверженцевъ и послѣ, и избѣжать диктатуры солдатской, грозившей уже опасностью свободѣ. Неудача, постигшая и эту попытку, подобно попыткѣ организаціи конституціонной монархіи въ 1789—1792 гг., *показываетъ, какъ мало было основъ для того, чтобы республиканскій режимъ могъ упрочиться во Франціи конца XVIII вѣка.* Республиканцы прошлаго столѣтія могли имѣть успѣхъ, какъ имѣли его за полтора столѣтія передъ тѣмъ индепенденты въ Англіи, когда имъ тоже удалось достигнуть своего—основать республику, но въ обоихъ случаяхъ успѣхъ былъ только временный.

Въ борьбѣ французскихъ политическихъ партій, ведущихъ свое начало съ 1789 г., на крушеніе монархіи и на установленіе республики высказывались въ XIX вѣкѣ историками весьма различные взгляды, въ которыхъ очень часто сквозитъ желаніе осудить или оправдать—

тамъ, гдѣ прежде всего дѣло должно было бы итти о простомъ объясненіи. И въ той распрѣ, которая возникла межну обѣими республиканскими партіями, историки становятся нерѣдко исключительно на ту или на другую сторону. Тутъ существуетъ великое разнообразіе мнѣній. У Тьера, у котораго правыми всегда оказываются побѣдители, жирондисты, напримѣръ, оправдываются, какъ партія, одержавшая перевѣсъ надъ конституціонными монархистами, но когда ихъ самихъ побѣждаютъ якобинцы, то и сочувствіе историка переходитъ на сторону послѣднихъ. Въ данномъ случаѣ, однако, какъ и вездѣ, Тьеръ судитъ не съ принципіальной точки зрѣнія, а съ точки зрѣнія смягчающихъ обстоятельствъ и оказанныхъ услугъ. Въ эпоху іюльской монархіи, въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія въ исторіографіи французской революціи возобновилась якобинская традиція, т.-е. исторія революціи стала освѣщаться съ той точки зрѣнія, что только одинъ якобинизмъ (да и то лишь робеспьеровскій) воплощалъ въ себѣ истинный духъ революціи. Католическій демократъ Бюшезъ, который вмѣстѣ съ Ру издалъ сорокатомную „Парламентарную исторію французской революціи“, напалъ на учредительное собраніе, яко бы пожертвовавшее идеей долга идеѣ права, такъ какъ, по его мнѣнію, у революціи и у христіанства одна формула: равенство посредствомъ братства [1]). Оба эти писателя отождествили съ католицизмомъ и догматъ народовластія, поскольку послѣдній предписываетъ повиновеніе каждаго всѣмъ и устанавливаетъ законъ равенства,—и объявили, что верховенство народа есть въ сущности только верховенство цѣли (souveraineté du but) общей дѣятельности, образующее націю, а потому и верховенство тѣхъ, которые сознаютъ эту цѣль. Братству, какъ принципу якобинизма, Бюшезъ и Ру противоположили, какъ нѣчто вредное—индивидуализмъ, подъ которымъ они разумѣютъ свободу. По ихъ мнѣнію, французская революція внѣ якобинскаго періода была произведеніемъ этого индивидуализма въ интересахъ опять-таки индивидуализма, дѣломъ буржуазіи въ буржуазныхъ же интересахъ, противныхъ принципу братства и народа. Ту же самую точку зрѣнія проводитъ и Луи Бланъ въ своей большой „Исторіи французской революціи“. И онъ противополагаетъ якобинцамъ, представителямъ народной идеи братства, жирондистовъ съ ихъ буржуазнымъ принципомъ индивидуализма, и только христіанскій оттѣнокъ, какой идеѣ равенства придаютъ Бюшезъ и Ру, у Луи Блана получаетъ характеръ соціалистическій. Историкъ, бывшій, какъ извѣстно, самъ однимъ изъ видныхъ соціалистовъ сороковыхъ годовъ, приписалъ якобинцамъ, партіи прежде всего политической, проникну-

---

[1]) Наоборотъ, Мишле противополагаетъ христіанство и революцію.

той, главнымъ образомъ, идеей всепоглощающаго и всеуравнивающаго государства, значеніе партіи соціальныхъ реформаторовъ, для которыхъ на первомъ планѣ стоялъ будто бы вопросъ экономическій, дѣйствительно доминирующій въ соціальномъ движеніи XIX вѣка, но едва только нарождавшійся въ прошломъ столѣтіи. Идеализація якобинизма у Луи Блана основана не только на одностороннемъ отождествленіи съ этимъ направленіемъ всего, что для него было симпатично въ революціи, но и на сообщеніи якобинизму такой основной черты, которой у него вовсе не было. Отъ Луи Блана такой взглядъ на якобинизмъ безъ достаточной критической провѣрки его основаній приняли историки другихъ направленій, начавшіе, напримѣръ, колоть глаза политическихъ поклонникомъ якобинизма его мнимымъ соціализмомъ или заимствовать аргументы противъ соціализма изъ исторіи якобинизма, будто бы бывшаго примѣненіемъ на практикѣ соціалистическихъ теорій. Конечно, въ такомъ сложномъ явленіи, какъ французская революція съ ея партіями и съ ея публицистикой мы найдемъ зародыши соціалистическихъ ученій XIX в. [1]), какъ найдемъ ихъ въ сектахъ реформаціонной эпохи, у чешскихъ гуситовъ, у нѣмецкихъ анабаптистовъ, у англійскихъ индепендентовъ въ XV, XVI и XVII вѣкахъ. Было бы, однако, столь же ошибочно приписывать всѣмъ якобинцамъ вообще и наиболѣе яркимъ его представителямъ въ частности соціалистическія стремленія, какъ ошибочно, напримѣръ, отождествлять съ политическими уравнителями (левеллерами) первой англійской революціи тогдашнихъ коммунистовъ или анархистовъ. Якобинизмъ, казавшійся Луи Блану какимъ-то историческимъ просвѣтомъ въ царство грядущаго братства,—что, конечно, плохо мирится съ якобинскимъ терроромъ,—для другихъ историковъ получилъ скорѣе характеръ возведенія въ революціонную систему старой государственной тиранніи съ ея презрѣніемъ къ индивидууму, презрѣніемъ къ свободѣ. Такъ взглянулъ на дѣло Кинэ, по особенное вниманіе обратилъ на эту черту революціи, какъ разъ и усилившуюся въ якобинскій періодъ, т.-е. на недостатокъ уваженія къ индивидуальной свободѣ, на преклоненіе передъ силой, на своего рода культъ всемогущества центральной власти—Токвиль, который вообще указалъ на то, какъ много унаслѣдовала революція отъ абсолютной монархіи по части воззрѣній и правительственныхъ пріемовъ. Абсолютистическій характеръ якобинизма признается и новѣйшими исто-

---

[1]) *Lorenz Stein.* Geschichte der socialen Bewegung in Frankreich.—*Le Faure.* Le socialisme pendant la révolution française.—*Eugen Jäger.* Die französische Revolution und die sociale Bewegung.—*Limanowski.* Historya ruchu spolecznego w XVIII stuleciu. См. также соч. по исторіи франц. революціи *Жореса*, *М. М. Ковалевскаго* и др.

риками французской революціи, Тэномъ и Сорелемъ. Первый противополагаетъ показной конституціи 1793 г., сочиненной якобинцами, ихъ дѣйствительную политику, въ которой они были лишь учениками и послѣдователями старой монархіи, сравниваетъ ихъ деспотизмъ съ деспотизмомъ Филиппа II, Людовика XIV, Петра Великаго. Фридриха II. Подобныя же сравненія мы находимъ и у Сореля. Дѣйствительно, въ исторіи государственной идеи новаго времени рядомъ съ такими государственниками, какъ Ришелье и Гоббзъ или какъ представители просвѣщеннаго абсолютизма, мы должны поставить якобинцевъ и вдохновлявшаго ихъ Руссо съ его неограниченнымъ суверенитетомъ государства, конечно, безотносительно къ тому, была ли видимымъ выраженіемъ этой государственной идеи абсолютная монархія или республиканская диктатура.

Якобинцы были не партіей только, они были сектой, отдѣльные члены которой являются какъ бы вылитыми въ одну форму—съ однѣми и тѣми же идеями въ головѣ, одними и тѣми же словами на устахъ, съ однѣми и тѣми же манерами, съ общимъ всѣмъ имъ фанатизмомъ, съ какимъ именно они относились къ своему политическому догмату, стоящему выше разума и не допускающему никакихъ сдѣлокъ съ противоположными или отличными отъ него началами мысли и жизни. Въ „единой и нераздѣльной республикѣ“ якобинцевъ *воплощалась для нихъ высшая ихъ идея—идея государства, родственная античному пониманію гражданской общины, пониманію его у Ришелье и у всѣхъ практическихъ государственниковъ эпохи абсолютизма, пониманію его, наконецъ, у Гоббза и у Руссо*, изъ которыхъ послѣдній былъ, какъ извѣстно, главнымъ якобинскимъ авторитетомъ. Себя однихъ они считали прежде всего „патріотами“, всѣхъ остальныхъ признавали или врагами „патріотизма“, напримѣръ, „аристократовъ“ и „философовъ“, т.-е. всѣхъ, сколько-нибудь выдающихся надъ общимъ уровнемъ и сторонниковъ индивидуальной свободы (жирондистовъ), или не доросшими до настоящаго „патріотизма“, каковы были для нихъ „санкюлоты“ [1]), т.-е. ихъ союзники, пролетаріатъ. Кто не былъ съ ними, тотъ попадалъ въ разрядъ „подозрительныхъ“ (suspects) прямо въ смыслѣ измѣны отечеству, а видовъ этой измѣны въ ходячемъ уголовномъ кодексѣ якобинцевъ было много: „федерализмъ“, составлявшій покушеніе на единство и нераздѣльность республики, „инцивизмъ“ (incivisme), одинъ изъ признаковъ дурного гражданина, или „модерантизмъ“, т.-е. недостаточно ревностное от-

---

[1]) Высшіе классы французскаго общества носили штаны (culotes) до колѣнъ, тогда какъ простой народъ—длинные штаны (pantalons). Поэтому переводить sansculottes словами „безштанные“ или „голоштанники“ неосновательно

ношеніе къ революціи и т. п. Якобинцы видѣли въ государствѣ великую силу, которая должна подчинить себѣ всѣ проявленія человѣческаго бытія, воспитывать гражданина для своихъ цѣлей, требовать отъ него полнаго повиновенія, опекать во всемъ отдѣльную личность и цѣлое общество, устанавливать въ частной и соціальной жизни все, начиная съ мелочей поведенія и кончая религіей, которая тоже должна была быть гражданской. Якобинцы не только сами стремились воплотить въ себѣ извѣстный типъ „гражданина и патріота", но считали себя призванными по этому образцу передѣлать всѣхъ французовъ. Нежеланіе подчиниться общему режиму во имя государства и было признакомъ „инцивизма", отказа отъ исполненія перваго условія общественнаго договора, заключающагося въ полномъ отчужденіи своихъ правъ въ пользу всѣхъ: такого человѣка нужно было принудить къ „цивизму". Считая необходимою диктатуру для спасенія отечества отъ внѣшнихъ враговъ, якобинцы видѣли въ той же диктатурѣ средство всѣхъ французовъ сдѣлать настоящими „гражданами" и „патріотами". Конституція, составленная ими, не была приведена въ исполненіе. Предлогомъ была война, настоящимъ мотивомъ—намѣреніе сначала создать гражданъ, достойныхъ конституціи и способныхъ ею пользоваться. „Святое насиліе", которымъ, по мнѣнію Мабли, можно было содѣйствовать водворенію добродѣтели и счастья народа, было главнымъ средствомъ, употреблявшимся якобинцами; они возвели терроръ въ систему. Молодой другъ Робеспьера, энтузіастъ якобинизма Сенъ-Жюстъ [1]) оставилъ послѣ себя отрывки сочиненія [2]), въ которомъ общественнымъ идеаломъ выставляется нѣчто въ родѣ спартанскаго устройства съ полнымъ отсутствіемъ личной жизни или же въ родѣ государства Платона, какъ извѣстно, возведшаго на степень идеи древнюю гражданскую общину съ полнымъ исчезновеніемъ въ ней личности гражданина. Луи Бланъ, сводящій всѣ принципы общественной жизни къ общимъ категоріямъ власти (autorité), индивидуализма и братства и отождествляющій якобинизмъ съ принципомъ братства, скорѣе долженъ былъ бы признать въ этомъ направленіи одно изъ наиболѣе рѣзкихъ проявленій принципа власти. Во имя государственной идеи, передъ которою всѣ одинаково ничтожны, и требовалось равенство якобинцами. Всепоглощающее государство должно было быть и государствомъ всеуравнивающимъ. Другими словами, равенство было въ ихъ системѣ не столько постулатомъ личности, сознающей свое право на равенство съ другими, сколько постулатомъ государства, передъ

---

[1]) *Fleury*. Saint-Just.—*Мировичъ*. Сенъ-Жюстъ (Истор. Обозр. т. VII).

[2]) Fragments sur les institutions républicaines.

которымъ всѣ должны быть одинаково безправны. Все, что не хотѣло опуститься до этого общаго уровня, вызывало со стороны якобинцевъ косые по отношенію къ себѣ взгляды, и въ число „аристократовъ“, какъ враговъ равенства, попадали люди, никогда не бывшіе аристократами, напримѣръ, буржуазія и интеллигенція. Когда революціонный судъ приговорилъ къ казни знаменитаго химика Лавуазье и тотъ просилъ отсрочки для окончанія одного научнаго изслѣдованія, предсѣдатель суда Коффингаль объявилъ, что „республика не нуждается въ ученыхъ“.

Другое дѣло—„санкюлоты“: они повторяли якобинскую фразеологію, приходили въ движеніе по первому знаку вождей партіи, составляли ея опору и никакъ ужъ не могли навлечь на себя подозрѣнія въ тѣхъ антигосударственныхъ грѣхахъ, которыми были заражены болѣе зажиточные и образованные люди. *На этомъ главнымъ образомъ и былъ основанъ политическій союзъ якобинцевъ и санкюлотовъ*; источникомъ якобинскаго „народничества“ было не столько живое чувство состраданія къ народу съ сознаніемъ долга притти къ нему на помощь, сколько отвлеченная идея демократическаго государства, соединенная съ стремленіемъ сдѣлать изъ народа орудіе для достиженія этого политическаго идеала. Якобинцы были учениками Руссо, у котораго демократія опиралась на отвлеченной идеѣ сувереннаго народа, а не на томъ принципѣ общей пользы, т.-е. „пользы наибольшаго числа людей“, который проповѣдовался въ XVIII в. Гельвеціемъ, потомъ далъ плодотворные результаты въ политической философіи Бентама и вообще всегда лежалъ въ основѣ всѣхъ требованій дѣйствительнаго соціальнаго улучшенія. Какъ бы тамъ ни было, *между якобинизмомъ и пролетаріатомъ установилась весьма тѣсная связь*. Какъ это обстоятельство и нѣкоторыя частныя мѣропріятія въ пользу нуждающихся и бѣдныхъ (или—для противниковъ соціализма—случаи произвольнаго распоряженія съ частною собственностью, бывшіе лишь однимъ изъ видовъ общей произвольности якобинскихъ дѣйствій), такъ и то, что у отдѣльныхъ якобинцевъ возникали коммунистическіе планы и служило своего рода основаніемъ для того, чтобы говорить о якобинцахъ, какъ о предшественникахъ соціализма. Нельзя только отрицать, что революціонный духъ эпохи, крайне демократическая доктрина якобинцевъ, страшная нужда городского пролетаріата, дѣйствительно, способствовали зарожденію во время революціи соціалистическихъ и коммунистическихъ тенденцій, въ которыхъ, однако, вовсе не заключалась сущность якобинизма, хотя бы даже отъ идеи о необходимости истребить всѣ отношенія, мѣшающія индивидууму отдать себя цѣликомъ на служеніе государству, и былъ лишь одинъ шагъ до вывода, что къ

числу этихъ отношеній принадлежитъ между прочимъ частная собственность, какъ питающая антиобщественный и антигосударственный эгоизмъ. Различая въ XIX в. политическихъ и соціальныхъ демократовъ, мы не должны ихъ смѣшивать и въ предыдущія эпохи, а якобинцы, подобно жирондистамъ, были демократами именно политическими; тѣ же, кого можно было бы считать предшественниками соціализма XIX в., играли лишь второстепенную роль между революціонными дѣятелями девятидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка.

Пролетаріатъ тѣмъ не менѣе возлагалъ очень большія надежды на якобинцевъ, и многіе изъ нихъ, конечно, считали нужнымъ помочь народу мѣропріятіями, которыми были недовольны имущіе классы; но только при крайнемъ смѣшеніи понятій возможно подводить всѣ такія мѣропріятія подъ понятія соціализма и коммунизма [1]). Франція съ 1792 г. переживала такія необычайныя времена, находилась въ такихъ исключительныхъ условіяхъ, при какихъ всякое правительство стало бы требовать для спасенія страны чрезвычайныхъ матеріальныхъ жертвъ, а онѣ, конечно, прежде всего должны были пасть на имущіе классы общества. Политическая теорія якобинцевъ, по которой гражданинъ долженъ былъ отдавать все, что требовалось у него государствомъ, и практическіе пріемы ихъ диктатуры, не церемонившейся съ правами частныхъ лицъ, равнымъ образомъ менѣе всего могли встрѣтить сочувствія къ буржуазіи. Необходимость прокармливать населеніе столицы, заставлявшая еще старое правительство принимать на этотъ счетъ экстренныя мѣры, точно такъ же вынуждала якобинцевъ издавать направленныя къ той же цѣли распоряженія, опять-таки встрѣчавшіяся непріязненно людьми, интересы которыхъ при этомъ такъ или иначе задѣвались. Вотъ почему буржуазія съ неудовольствіемъ переносила якобинскій режимъ, и когда послѣдній палъ, начавшаяся въ ней реакція могла бы, пожалуй, прямо привести къ реставраціи монархіи, если бы только возможнымъ было примирить стремленіе буржуазіи сохранить пріобрѣтенія революціи съ стремленіемъ роялистовъ вернуть привилегированнымъ ихъ прежнее положеніе въ государствѣ. Въ 1789 г. бур-

[1]) Напр., въ „Лекціяхъ по всемірной исторіи“ М. Н. Петрова (IV, 221) говорится: „Рядъ коммунистическихъ законовъ, изданныхъ съ тѣмъ, чтобы задобрить чернь и съ помощью ея утвердить свое владычество въ Парижѣ и въ цѣлой Франціи: конфискація имущества эмигрантовъ, аукціонъ имущества сентябрьскихъ жертвъ, выпускъ новыхъ ассигнатовъ съ обязательнымъ курсомъ (ассигнаты пали тогда на 60%), насильственная замѣна найденной при домовыхъ обыскахъ звонкой монеты ассигнатами, правительственная такса на хлѣбъ и понудительный вывозъ его на рынокъ и т. п.“. Это мѣсто можетъ служить образцомъ того, что нерѣдко разумѣется подъ якобинскимъ „коммунизмомъ“.

жуазія побѣдила, благодаря народнымъ возстаніямъ, въ которыхъ видную роль играло населеніе парижскихъ предмѣстій, поднимавшееся 14 іюля и 5 октября 1789 г., какъ оно же низвергло монархію 20 іюня и 10 августа 1792 г. Между обоими классами общества, связанными другъ съ другомъ цѣлымъ рядомъ незамѣтныхъ переходовъ, въ первые годы революціи существовалъ союзъ, хотя въ народной массѣ и сильно ненавидѣли такихъ людей, какъ откупщики налоговъ, хлѣбные барышники, ростовщики, крупные промышленники, привилегированные цеховые мастера и т. п., составлявшіе весьма вліятельную часть буржуазіи.

Вообще на конецъ XVIII в. не слѣдуетъ переносить соціологическихъ понятій, выработанныхъ соціальной исторіей XIX в. Передъ революціей еще не существовало вполнѣ сложившагося пролетаріата, какъ общественнаго класса, рѣзко и вполнѣ сознательно противоположившаго себя буржуазіи; тѣ общественные элементы, которые стали обозначаться въ эпоху революціи именемъ „санкюлотовъ", мало въ сущности походили на рабочихъ современной крупной промышленности, представляя скорѣе массу, жившую, такъ сказать, идеями и интересами мелкаго мѣщанства, или ничѣмъ несплоченную толпу бѣдняковъ, перебивавшихся наемной работой, поденнымъ трудомъ, нищенствомъ, а при случаѣ увеличивавшихъ и контингентъ преступниковъ. Бросаясь въ революцію, населеніе парижскихъ предмѣстій мало чѣмъ рисковало и, наоборотъ, многое расчитывало выиграть, не говоря уже о томъ, что къ движенію примыкалъ значительный процентъ людей, бывшихъ не прочь и непосредственно поживиться чужой собственностью и въ то же время шедшихъ за тѣмъ, кто обѣщалъ больше дать, каковы бы ни были его идеи. Безъ содѣйствія этихъ соціальныхъ элементовъ буржуазія одна не могла бы справиться съ старымъ порядкомъ, и ихъ же содѣйствіе нужно было политическимъ партіямъ въ ихъ взаимной борьбѣ. Изъ союзниковъ санкюлоты сдѣлались, однако, господами положенія. Это случилось потому, что они почувствовали свою силу, организовались, стали смотрѣть на себя, какъ на суверенный народъ, соединились съ якобинскимъ клубомъ, сдѣлавшимся какъ бы центральнымъ правительствомъ для всей Франціи, овладѣли городскимъ представительствомъ Парижа (коммуной) и сочли себя въ правѣ диктовать свою волю представителямъ всей націи. Объявленіе „отечества въ опасности" сдѣлало изъ парижскаго населенія своего рода политическую силу, которая поставила своею задачею—всѣми средствами и способами спасти отечество, вывести измѣну, предупредить даже возможность какого бы то ни было сопротивленія. Но санкюлоты хотѣли спасать не просто Францію, а Францію новую, такую, о какой гово-

рилось въ рѣчахъ клубныхъ ораторовъ, въ демагогическихъ листкахъ, въ патріотическихъ пѣсняхъ,—однимъ словомъ, Францію якобинскую, въ которой, однако, доминировала извѣстная политическая идея, а не принципъ экономическаго переустройства общества, лежащій въ основѣ соціализма [1]). Обстоятельства передали фактически власть надъ всей Франціей парижскому пролетаріату, который сталъ ею пользоваться, конечно, и для облегченія собственнаго своего положенія, только ухудшившагося съ начала войны. Главнымъ способомъ къ этому явилось насильственное вмѣшательство въ экономическую жизнь посредствомъ реквизицій, установленія максимума для цѣнъ на жизненные припасы, казней надъ хлѣбными барышниками, биржевиками, поставщиками въ армію и т. п., что останавливало, въ свою очередь, промышленность и торговлю, вредило интересамъ другихъ классовъ и отражалось на самихъ же санкюлотахъ, такъ что имъ, разъ уже вступившимъ на эту дорогу, оставалось лишь или совершенно отказаться отъ такой системы улучшенія своего матеріальнаго быта, или итти далѣе по тому же пути, т.-е. дѣлать революцію безконечной и усиливать террористическія мѣры. Такимъ образомъ *не только политическія стремленія якобинцевъ, но и экономическая ихъ политика, подсказывавшаяся преимущественно нуждами парижскаго пролетаріата, превращали революцію во что-то такое, чему и конца впереди не предвидѣлось*, и требовали возведенія террора въ систему. Пока страшная энергія, какую проявляли якобинцы и ихъ союзники въ дѣлѣ спасенія отечества, не разбирая при этомъ средствъ, находила еще оправданіе въ критическомъ положеніи государства, террористическая диктатура парижскихъ якобинцевъ и санкюлотовъ еще переносилась страною, т.-е. другими политическими партіями, другими классами націи; но побѣды революціонной арміи надъ внѣшними и внутренними врагами отняли у якобинской организаціи ея raison d'etre. Не создавъ ничего новаго, союзъ якобинцевъ и санкюлотовъ содѣйствовалъ лишь спасенію того соціальнаго строя, который былъ уже созданъ учредительнымъ собраніемъ и окончательно консолидированъ имперіей Наполеона. Якобинскій деспотизмъ, однако, сильно дискредитировалъ республику въ глазахъ значительной массы населенія и между прочимъ въ глазахъ крестьянства, по отношенію къ которому принимались крайне стѣснительныя для него и совершенно произвольныя мѣры.

Якобинцы достигли безраздѣльнаго господства лишь послѣ того, какъ отдѣлались отъ соперничества жирондистовъ, которые составили

---

[1]) Trotz dieses Hasses... waren diese revolutionären Elemente doch keine Socialisten, говоритъ *Kautsky* въ своихъ „Die Klassengegensätze von 1789".

самую вліятельную группу въ конвентѣ, относившуюся притомъ съ крайнимъ отвращеніемъ къ Марату и сентябрьскимъ убійствамъ. Искренніе и убѣжденные республиканцы, идеалисты и теоретики, вѣрившіе въ „Ponattr Social“ Руссо, какъ пуритане вѣрили въ Библію, люди большею частью проникнутые великодушными и благородными чувствами, они считали себя призванными дать Франціи идеальную конституцію, которая была бы лучше о англійской, и американской, въ которой воплотилась бы цѣликомъ демократическая идея Руссо, и которая составила бы счастье народа. Эта конститиція должна была установить правильный государственный порядокъ, положить конецъ анархіи, убійствамъ, грабежамъ, создать настоящую политическую свободу. Жирондисты раньше сами не отказывались отъ содѣйствія толпы, когда нужно было достигнуть извѣстныхъ политическихъ цѣлей, но они были противъ того, чтобы это содѣйствіе было возведено въ систему и продолжалось безконечно. Люди просвѣщенные, съ артистическими и литературными вкусами, они не могли переносить грубостей и циническаго тона, бывшихъ въ ходу у демагоговъ въ родѣ Марата, Эбера (Hébert) и др. авторовъ революціонныхъ статей, полагавшихъ, что истинный демократизмъ заключается въ ругательствахъ и неприличныхъ выраженіяхъ. Простота революціоннаго правительства якобинцевъ равнымъ образомъ не соотвѣтствовала ихъ принципамъ. Они стояли вообще за легальныя формы и потому были противъ произвола, на которомъ основывалась вся якобинская система, хотѣли правильныхъ налоговъ, вмѣсто произвольныхъ конфискацій, требовали судебной процедуры съ гарантіями для обвиняемыхъ въ политическихъ преступленіяхъ, вмѣсто чрезвычайныхъ трибуналовъ, желали наказаній, а не проскрипцій, указывали на необходимость свободы выборовъ, которой не допускали якобинцы. Далѣе, жирондистамъ казалось ненормальнымъ также, что Парижъ, составляющій лишь одну восемьдесятъ третью часть націи, присвоиваетъ себѣ какія-то исключительныя права надъ страною. Жирондисты не прочь были заключить въ легальныя формы даже самое право сопротивленія угнетенію [1]), на которое указывала декларація правъ, предпосланная ими ихъ проекту конституціи: „въ каждомъ свободномъ правленіи, сказано въ 32 ея статьѣ, способъ сопротивленія этимъ различнымъ актамъ угнетенія долженъ быть упорядоченъ (réglé) закономъ. При обыкновенныхъ обстоятельствахъ, съ хорошо организованной администраціей, располагая вооруженной силой, опираясь на спокойное большинство націи, не имѣя противъ

[1]) См. статью 2 „декларацін правъ человѣка и гражданина“ въ конституціи 1791 г.

себя союза якобинцевъ съ санкюлотами, жирондисты могли бы своими принципами осуществлять свою идею, добиваться путемъ убѣжденія, чтобы на ихъ сторонѣ было большинство конвента и чтобы оно издавало законы въ ихъ духѣ, хотя нельзя не замѣтить, что и они готовы были ставить различіе между республиканцами и нереспубликанцами въ такихъ отношеніяхъ, гдѣ должна была господствовать одна легальность. Въ принципѣ они все-таки исходили изъ идеи народовластія, которая требовала равнаго права каждому гражданину, и не раздѣляли взгляда якобинцевъ, говорившихъ, что голосъ одного патріота-монтаньяра долженъ перевѣшивать сто тысячъ голосовъ „бриссотинцевъ", какъ они называли жирондистовъ.

Жирондисты, какъ и якобинцы, не представляли собою одного какого-либо общественнаго класса. И тѣ, и другіе были республиканцы, но во Франціи не было такого класса, который давно стремился бы къ республикѣ. И тѣ, и другіе представляли собою извѣстные принципы, а не интересы, первые—демократическую республику съ гарантіями индивидуальной свободы, другіе—ту же демократическую республику съ безусловнымъ преобладаніемъ государственнаго начала. И тѣ, и другіе имѣли въ виду счастье народа, какъ бы ни заблуждались относительно того, въ чемъ оно заключается и какимъ путемъ его достигнуть. Но якобинцы сумѣли создать себѣ прочное положеніе, вступивъ въ союзъ съ парижскимъ пролетаріатомъ, тогда какъ жирондисты въ сущности оставались почти совсѣмъ изолированными. Мы упоминали еще выше, что, будучи философами, теоретиками, ораторами, они обнаруживали необыкновенную способность къ стройнымъ идейнымъ комбинаціямъ, къ логическимъ рѣшеніямъ теоретическихъ задачъ, къ блестящимъ ораторскимъ импровизаціямъ, но они не были людьми жизни, людьми практики, людьми дѣла: они страдали отъ отсутствія предусмотрительности, организаціи и дисциплины, предоставивъ, напримѣръ, всѣ мѣста въ національной гвардіи и въ муниципалитетѣ якобинцамъ, въ расчетѣ на силу своихъ знаній и талантовъ, на силу своего ума и краснорѣчія. Нравственными качествами они также превосходили якобинцевъ. Въ нихъ, кромѣ того, было больше задушевности, и ихъ трагическая судьба окружила въ памяти потомства особымъ ореоломъ какъ имена главныхъ жирондистовъ, такъ и всю ихъ партію [1]).

Всѣ недостатки жирондистовъ, какъ политическихъ дѣятелей, и многія достоинства ихъ ума воплотились, между прочимъ, въ Кондорсе [2]), авторѣ проекта жирондистской конституціи. Ему въ это

[1]) *Biré*. La légende des girondins.

[2]) О Кондорсе см. *Arago*, *Robinet*, *М. Ковалевскій* (Вѣстн. Евр. за 1894 г.).

время было уже около пятидесяти лѣтъ (род. въ 1743 г.), и онъ былъ давно уже ученой знаменитостью, какъ математикъ, сотрудникъ Энциклопедіи и публицистъ, защищавшій, напримѣръ, американскую свободу. Маркизъ по происхожденію, онъ искренно увлекся демократическимъ движеніемъ и одинъ изъ первыхъ сдѣлался республиканцемъ. Въ законодательномъ собраніи онъ былъ одно время (февр. 1792) президентомъ, въ конвентѣ ему поручили составить манифестъ для Франціи и Европы объ отмѣнѣ королевской власти, а потомъ и проектъ конституціи въ сотрудничествѣ съ другими жирондистами (между прочимъ Бриссо, Верньо, Жансонне и т. п.). Вскорѣ послѣ того, однако, какъ началось обсужденіе этого проекта, жирондисты пали. Извѣстно, что послѣ того Кондорсе въ теченіе восьми мѣсяцевъ долженъ былъ скрываться отъ якобинцевъ и написалъ въ это время свой знаменитый „Эскизъ историческаго изображенія успѣховъ человѣческаго ума“ (1794), проникнутый горячею вѣрою въ безконечный прогрессъ человѣчества [1]). Наконецъ, когда его арестовали, онъ, не желая подвергнуться казни, отравился.—Хотя жирондистская конституція и осталась простымъ проектомъ, она въ высшей степени характерна для всей партіи. У Кондорсе не было, повидимому, ни малѣйшаго чувства дѣйствительности: напримѣръ, за два дня до 20 іюня 1792 г. онъ говорилъ, что народъ вполнѣ спокоенъ и что „по тому, какъ народъ относится къ событіямъ, можно, пожалуй, подумать, что онъ каждый день посвящаетъ нѣсколько часовъ изученію анализа“. Это качество философа-математика отразилось и на его конституціонномъ проектѣ. Мы знаемъ, что Руссо стоялъ не за представительную, а за непосредственную демократію и вотъ за разрѣшеніе задачи ввести этотъ принципъ въ республиканскую конституцію Франціи, собственно говоря, и взялся Кондорсе (какъ потомъ взялись за него и якобинцы). Исполнительная власть вручалась семи министрамъ, выбираемымъ на два года непосредственно всѣмъ народомъ въ первичныхъ собраніяхъ, которыя на одинъ годъ должны были выбирать непосредственно же и законодательный корпусъ. Первичнымъ собраніямъ, кромѣ этихъ и другихъ выборовъ, было предоставлено право принимать и отвергать проекты конституціи или конституціонныя измѣненія, отвѣчать на вопросы законодательнаго корпуса относительно желанія всѣхъ гражданъ, предлагать разные вопросы на обсужденіе законодательному корпусу. Законы дѣлились на

[1]) Въ сборникахъ конституцій, дѣйствовавшихъ во Франціи, она обыкновенно не помѣщается. Ее можно найти у Buchez et Roux XXIV, 106 и слѣд. Декларація правъ состоитъ изъ 33 статей и заключаетъ массу гарантій личности.

законы въ собственномъ смыслѣ и на декреты. Каждому гражданину предоставлялось предлагать новые законы или измѣненія въ старыхъ, разъ онъ находилъ пятьдесятъ человѣкъ въ своемъ первичномъ собраніи, которые подписывали его предложеніе; принятый большинствомъ голосовъ проектъ поступалъ бы на разсмотрѣніе всѣхъ первичныхъ собраній того же округа, потомъ всѣхъ первичныхъ собраній всего департамента, наконецъ, въ законодательный корпусъ (каждый разъ въ случаѣ принятія большинствомъ). Если бы законодательный корпусъ отвергъ такой проектъ, то долженъ былъ бы отправить его на разсмотрѣніе первичныхъ собраній всей Франціи и т. д. Той же процедурѣ стали бы подвергаться и конституціонныя измѣненія, для которыхъ законодательный корпусъ обязанъ былъ бы собирать, не расходясь самъ, особый національный конвентъ. Если бы предложеніе, отвергнутое законодательнымъ корпусомъ, было принято затѣмъ большинствомъ голосовъ во всѣхъ первичныхъ собраніяхъ Франціи, то должно было бы совершиться обновленіе законодательнаго корпуса безъ права переизбранія тѣхъ его членовъ, которые вотировали противъ предложенія. Только декреты не подлежали такой „цензурѣ народа надъ актами національнаго представительства". Конституція выходила похожею на математическое построеніе; и если бы она была приведена въ исполненіе, французскому народу почти ничего не оставалось бы дѣлать, какъ законодательствовать, потому что стоило бы кому-нибудь задумать какую-либо перемѣну въ законахъ, конституція дала бы ему право потребовать созыва первичнаго собранія, и стоило бы согласиться на проектъ пятидесяти гражданамъ, оно должно было бы собраться вторично, и дѣло могло бы затѣмъ при благополучномъ шествіи поступить на разсмотрѣніе всѣхъ гражданъ Франціи и даже кончиться не только замѣною членовъ законодательнаго корпуса новыми, но и созывомъ національнаго конвента для измѣненія самой конституціи. Между тѣмъ во Франціи громадное большинство гражданъ уклонялось отъ присутствія на собраніяхъ. Мы увидимъ, что якобинцы въ конституціи 1793 г. гораздо практичнѣе разрѣшили вопросъ о сочетаніи представительнаго начала и непосредственнаго народовластія.

XL. Борьба партій въ конвентѣ и терроръ.

Общій взглядъ на эпоху террора.—Маратъ, Дантонъ и Робеспьеръ.—Партіи конвента.—Провозглашеніе республики 21 сентября 1792 г.—Начало борьбы партій и вопросъ о судѣ надъ королемъ.—Внѣшнія отношенія и Вандея.—Революціонный судъ и комитетъ общественнаго спасенія.—Дантонъ и жирондисты.—Паденіе жирондистовъ и возстанія въ провинціяхъ.—Конституція 1793 г.—Усиленіе террора.—Отмѣна христіанства.—Единовластіе и паденіе Робеспьера.

Абсолютная монархія во Франціи въ 1789 г. уступила мѣсто монархіи конституціонной, которая въ свою очередь смѣнилась въ 1792 г. республикой, точно такъ же не удержавшейся. Одновременно съ абсолютизмомъ пала и старая католико-феодальная организація общества, уступившая мѣсто безсословному гражданству: конституціонная монархія должна была быть въ то же время и демократическою. Но въ новомъ безсословномъ гражданствѣ, выработанномъ всею предыдущею исторіей Франціи и сбросившемъ съ себя въ 1789 г. обветшалую клерикально-аристократическую оболочку, существовали разные общественные классы, различавшіеся между собою по своему экономическому значенію, по степени образованія, по политическимъ стремленіямъ. Снесши прежній привилегированный классъ, состоявшій изъ духовенства и дворянства, представителей стараго католико-феодальнаго строя, революція поставила на первое мѣсто буржуазію, которая не только освободилась отъ первенства привилегированныхъ, но и обогатилась на ихъ счетъ покупкою конфискованныхъ у духовенства и дворянства земель. Если бы во Франціи могла утвердиться конституціонная монархія, она силою вещей должна была бы сдѣлаться организаціей соціальнаго господства буржуазіи. Событія привели Францію къ республикѣ, которой вовсе не желало громадное большинство французскаго народа, въ томъ числѣ и буржуазія, но которая сдѣлалась необходимостью. Побѣда досталась въ руки республиканской партіи, раздѣлившейся на двѣ части: одна стояла за свободную республику, а послѣдняя при тогдашнемъ соціальномъ состояніи Франціи не могла бы быть чѣмъ-либо инымъ, какъ организаціей господства буржуазіи (что не только имѣло мѣсто послѣ паденія террористовъ, но имѣетъ мѣсто и въ современной намъ Франціи, несмотря на ея политическій демократизмъ); другая же партія стояла за диктатуру и, нашедши опору въ революціонномъ пролетаріатѣ Парижа, захватила власть и сдѣлала такимъ образомъ попытку замѣнить господство буржуазіи господствомъ пролетаріата. Попытка эта имѣла временный успѣхъ, но только при помощи террора. Напра-

вивъ его сначала противъ представителей стараго порядка и противъ конституціоналистовъ, какъ враговъ республики, якобинцы прибѣгли къ нему же и противъ жирондистовъ, хотя послѣдніе были также республиканцами, а затѣмъ среди самихъ террористовъ произошло то же самое, т.-е. одна фракція террористовъ стала истреблять другія, пока, наконецъ, сама не сдѣлалась жертвою коалиціи истребляемыхъ. Съ другой стороны, главныя выгоды отъ террористической системы, поскольку она направлялась не на политическія партіи, а на извѣстный общественный классъ, должны были достаться тому именно классу, который всегда шелъ рука объ руку съ якобинцами и былъ въ ихъ глазахъ народомъ par excellence, но эта правительственная система только разоряла населеніе страны, въ томъ числѣ и крестьянскую массу, и вооружала его противъ республики, ничуть въ то же время не упрочивая благосостояніе пролетаріата, такъ какъ главныя причины его бѣдствій зависѣли отъ общихъ экономическихъ условій. Вотъ та основная точка зрѣнія, съ которой мы разсмотримъ теперь внутреннюю исторію за двадцать два мѣсяца, протекшіе отъ объявленія республики (21 сентября 1792 г.) до паденія террористовъ (27 іюля 1794 г.). Но прежде мы познакомимся съ личностями главныхъ террористовъ, выступившихъ на сцену ранѣе 1792 г. и уже бывшихъ къ тому времени вполнѣ сложившимися революціонными дѣятелями. Это—Маратъ, Дантонъ и Робеспьеръ [1]).

Жанъ-Поль Маратъ, родомъ изъ Невшательскаго княжества (род. 1744 г.), одно время преподаватель французскаго языка въ Эдинбургѣ, гдѣ онъ въ 1774 г. издалъ по-англійски революціонную брошюру подъ названіемъ „Цѣпи рабства“ (The chains of slavery) [2]), позднѣе переѣхавшій въ Парижъ, жившій здѣсь медицинской практикой и даже состоявшій на службѣ у гр. д'Артуа, былъ, внѣ всякаго сомнѣнія, человѣкомъ ненормальнымъ, психопатомъ. Нося на себѣ довольно ясные признаки физическаго вырожденія, онъ еще до начала революціи проявлялъ и нѣкоторыя душевныя свойства, характеризующія вообще маніаковъ: это была сначала манія величія,

---

[1]) Маратъ, Дантонъ и Робеспьеръ были предметомъ не только обстоятельныхъ изображеній въ разныхъ исторіяхъ французской революціи, но даже отдѣльныхъ, посвященныхъ каждому изъ нихъ монографій, написанныхъ большею частью въ тонѣ панегириковъ. *Chevremont*. Jean-Paul Marat.—*Piazzoli*. Marat, l'amico del popolo e la rivoluzione.—*A. Bougeard*. Marat.—*Robinet*. Danton homme d'état.—*Hamel*. Histoire de Robespierre.—Блестящія характеристики всѣхъ трехъ см. въ третьемъ томѣ „Революціи“ Тэна (стр. 159—220 подъ заглавіемъ: „Психологіи якобинскихъ вождей“, а также и у Сореля.

[2]) Франц. переводъ изданъ въ 1792 г.

мало-по-малу осложнившаяся бредомъ преслѣдованія и, наконецъ, дошедшая до маніи убійствъ. Отецъ Марата былъ врачъ и хотѣлъ сдѣлать изъ сына ученаго; мать его, большая идеалистка, мечтала о томъ, что ихъ сынъ будетъ „филантропомъ". Честолюбивымъ стремленіемъ самого Марата далеко не соотвѣтствовали его таланты. Онъ началъ свою карьеру неудачникомъ, преисполненнымъ, однако, величайшаго самомнѣнія и увѣреннымъ въ томъ, что лишь изъ зависти къ нему враги портятъ его репутацію. Первоначально онъ думалъ прославиться въ области философіи и науки, считая себя великимъ мыслителемъ, призваннымъ совершить переворотъ въ физикѣ своими сочиненіями, въ которыхъ онъ, напримѣръ, опровергалъ Ньютона. Въ 1789 г. Маратъ вообразилъ себя не менѣе великимъ политикомъ и началъ рѣзко нападать въ своей газетѣ „Ami du peuple" (называвшейся сначала „Publiciste parisien") на національное собраніе, говоря, что дай ему лишь на время власть, онъ все устроилъ бы наилучшимъ образомъ, и Франція при немъ процвѣтала бы. Когда противъ конвента вспухнуло вандейское возстаніе, Маратъ писалъ, что вотъ онъ нашелъ бы средство однимъ ударомъ нанести пораженіе вандейцамъ, если бы ему только взглянуть на то, какъ они дерутся. Сначала въ заговорѣ противъ себя онъ обвинялъ завистливыхъ академиковъ, не признающихъ его ученыхъ заслугъ, и потому постоянно ихъ ругалъ, но потомъ перенесъ свою ненависть на Неккера, этотъ „позоръ человѣчества", на „мошенниковъ" Байльи и Лафейета, на все національное собраніе, какъ на „скопище людей низкихъ, пресмыкающихся, подлыхъ и неспособныхъ". Кромѣ журнала, онъ издавалъ и революціонныя брошюры (Moniteur patriote, Junius français, C'en est fait de nous), проповѣдовавшихъ убійства. Уже лѣтомъ 1790 г. онъ требовалъ восемьсотъ висѣлицъ, изъ которыхъ на одной долженъ былъ бы болтаться „проклятый Рикетти" [1]). Свои статьи онъ лично прочитывалъ на сходбищахъ народа. На него обратилъ вниманіе Дантонъ и взялъ его подъ свое покровительство, оказавшееся ему нужнымъ, такъ какъ Марату пришлось долгое время скрываться отъ ареста, какимъ ему грозили за его статьи. Попытка бѣгства Людовика XVI вызвала Марата изъ его убѣжища въ какихъ-то подвалахъ, гдѣ онъ все время продолжалъ писать свои статьи, но когда—уже въ законодательномъ собраніи—Гюаде поднялъ вопросъ о его преслѣдованіи, онъ опять нашелъ тайный пріютъ у кордельеровъ. 10-ое августа снова вызвало его на сцену. Попавъ въ городской совѣтъ, а потомъ въ конвентъ, онъ возбуждалъ народъ къ сентябрьскимъ убійствамъ и принималъ участіе во всѣхъ террори-

---

[1]) Т.-е. Мирабо.

стическихъ мѣрахъ, давно уже сдѣлавшись отчаяннымъ врагомъ жирондистовъ. Въ сентябрѣ 1792 онъ требовалъ сорокъ тысячъ головъ, а въ концѣ того же года эта цифра возрасла у него почти до трехсотъ тысячъ. Его безуміе какъ бы все шло въ гору, пока рука Шарлотты Корде (13 іюля 1793) не прекратила его жизни, какъ тирана, погубившаго жирондистовъ.

Совсѣмъ другого покроя, чѣмъ Маратъ, былъ Жоржъ-Жакъ Дантонъ, которому едва исполнилось тридцать лѣтъ въ томъ году, когда вспыхнула революція (род. 1759). Занимая въ это время должность адвоката, онъ съ самаго начала примкнулъ къ движенію и сдѣлался героемъ народной толпы, съ которымъ находилъ нужнымъ считаться, какъ съ важною силою, даже самъ Мирабо. Человѣкъ громаднаго роста, съ большою головою, обладая внушительною наружностью и страшными голосовыми средствами, необыкновенно живой и энергичный въ своихъ движеніяхъ, Дантонъ уже однимъ своимъ видомъ производилъ весьма сильное впечатлѣніе, а его краснорѣчіе, страстное и безпорядочное, образное и мѣткое, то разнузданно-грозное, то грубо-шутливое, вполнѣ овладѣвало слушателями, тѣмъ болѣе, что и содержаніе его рѣчей не сводилось на общія мѣста и шаблонную фразеологію, а было выраженіемъ самобытной натуры, ума недюжиннаго, свободнаго отъ предвзятыхъ взглядовъ, характера смѣлаго до дерзости и необыкновенно стойкаго. Дантонъ обладалъ вообще замѣчательнымъ чувствомъ дѣйствительности, громаднымъ даромъ предвидѣнія, искусствомъ въ выборѣ средствъ для достиженія своихъ цѣлей и обнаружилъ во время революціи такія громадныя политическія способности, что его, какъ государственнаго человѣка революціи, можно поставить только рядомъ съ Мирабо. Въ юности ему, человѣку низменнаго происхожденія, приходилось немало бѣдствовать и кое-какъ перебиваться въ неизвѣстности, но это была натура требовательная и властная, жаждавшая наслажденій и господства, стремившаяся къ шуму и широкой дѣятельности. Это былъ и не Маратъ, не вполнѣ обладавшій своимъ разсудкомъ, и не Робеспьеръ, жившій чужими идеями,—это былъ человѣкъ, психически здоровый и оригинальный. Ему недоставало только идеи, которой онъ считалъ бы себя призваннымъ служить, не хватало нравственной основы дѣятельности, не хватало способности къ постоянному и усидчивому труду. Въ началѣ революціи онъ основалъ свой особый клубъ, получившій названіе кордельерскаго и сдѣлавшійся главною его опорою на первыхъ порахъ его шумной революціонной дѣятельности, и это была своего рода маленькая республика, въ которой онъ былъ диктаторомъ. Уже въ 1790 г. Дантонъ объявлялъ, что граждане Парижа суть естественные представители всѣхъ 83 департаментовъ,—мысль,

выросшая въ идею диктатуры парижскаго населенія. 10-ое августа, несомнѣнно имъ подготовленное, сдѣлало его министромъ юстиціи и дало ему возможность проявить весь свой организаторскій талантъ на самой широкой сценѣ. Сентябрьскія убійства онъ считалъ недурнымъ средствомъ „напугать роялистовъ“, но у него не было ни маніи убійства, которою былъ одержимъ кровожадный Маратъ, ни того безстрастно-холоднаго требованія новыхъ и новыхъ казней, къ какому былъ способенъ Робеспьеръ. Ему даже были доступны чувства жалости и состраданія, и онъ спасалъ отдѣльныя личности. Отвергнутый жирондистами, въ союзѣ съ которыми онъ хотѣлъ организовать диктатуру конвента противъ своеволія якобинскаго клуба, опиравшагося на санкюлотовъ, Дантонъ самъ сблизился потомъ съ якобинцами, хотя и предвидѣлъ, что санкюлотизмъ, „пожравшій жирондистовъ, пожретъ и якобинцевъ, и кончитъ тѣмъ, что пожретъ самого себя“. Въ концѣ своей жизни онъ ничего уже не ожидалъ отъ революціи и смотрѣлъ на будущее весьма пессимистически, предсказавъ, однако, что тѣхъ людей, которые послали его на эшафотъ (5 апрѣля 1794) за то, что онъ сталъ поперекъ дороги Робеспьеру, самихъ постигнетъ та же судьба. Дантонъ оттолкнулъ отъ себя жирондистовъ своими связями съ террористами, братаньемъ съ Маратомъ, одобреніемъ, даннымъ, сентябрьскимъ убійствамъ и т. п., но и перешедши на сторону якобинцевъ, онъ видѣлъ, что дай только полную волю Робеспьеру и С. Жюсту, и они немедленно превратили бы Францію въ „Ѳиваиду съ двумя десятками политическихъ траппистовъ“.

Въ концѣ концовъ господиномъ положенія—на короткое время—оставался Максиміліанъ Робеспьеръ, „сентиментальный тигръ“, какъ отозвался о немъ Пушкинъ. Онъ былъ лишь однимъ годомъ старше Дантона (род. въ 1758 г.). До 1789 г. Робеспьеръ былъ провинціальнымъ адвокатомъ и авторомъ нѣсколькихъ филантропическихъ брошюръ, имѣвшихъ характеръ литературныхъ упражненій, которыя открывали доступъ къ почетнымъ мѣстамъ въ научно-литературныхъ „академіяхъ“ провинціальныхъ городовъ. Человѣкъ не особенно представительной наружности, но франтоватый и прилизанный, чопорный и даже нѣсколько елейный, не безъ извѣстнаго кокетства въ манерахъ и ради литературнаго тщеславія вылащивавшій и украшавшій свои писанія и рѣчи, вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ завистливый ко всякому превосходству надъ собою и дѣлавшій изъ своей недоступности для всякаго рода соблазновъ, изъ своей нравственной безупречности и „неподкупности“ какъ бы нѣкоторую рекламу, умѣвшій говорить только догматическимъ тономъ и въ самомъ безукоризненномъ стилѣ, Робеспьеръ былъ совершенною противоположностью Дантону. У него не было дерзкой смѣлости послѣдняго; онъ даже боялся имѣть дѣло

непосредственно съ народною толпою. Чувство жалости было ему недоступно, но его холодная жестокость, нисколько не напоминавшая, впрочемъ, и кровожадную манію Марата, мирилась съ какою-то сентиментальностью, заставлявшею самого же его вѣчно говорить о „человѣколюбіи“, „справедливости“, „свободѣ“, „добродѣтели“ и бояться самаго вида крови. Дантонъ не скрывалъ своихъ диктаторскихъ стремленій, но „неподкупный“ Робеспьеръ готовъ былъ видѣть личное для себя оскорбленіе въ подозрѣніи, будто онъ стремится къ диктатурѣ. Впрочемъ, онъ не столько хотѣлъ, чтобы его боялись и ему повиновались, сколько, чтобы его любили, ему поклонялись, его прославляли, вѣрили еми и шли за нимъ, какъ овцы за пастыремъ, какъ сектанты за своимъ проповѣдникомъ, какъ вѣрующіе за папою, ибо и якобинизмъ имѣлъ своего папу и своихъ вѣрующихъ—поклонниковъ и поклонницъ Робеспьера (tricoteuses de Robespierre). Попавъ въ учредительное собраніе, Робеспьеръ мало обращалъ на себя вниманія, но зато понемногу сдѣлался однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ членовъ якобинскаго клуба и весьма популярнымъ дѣятелемъ среди парижскихъ санкюлотовъ, что доставило ему послѣ 10 августа мѣсто въ революціонномъ общинномъ совѣтѣ и въ конвентѣ. Республиканцемъ онъ сталъ сравнительно поздно, скорѣе идя за другими, чѣмъ впереди другихъ. Вообще ему понадобилось три года, чтобы занять положеніе, какое Маратъ занималъ уже съ самаго начала революціи; но зато въ его списокъ заговорщиковъ и измѣнниковъ попадали не одни „аристократы“, какъ у Марата, но и атеисты, и развратники, и всѣ противники ортодоксальнаго якобинизма. Для Робеспьера въ 1792—1794 гг. революція отождествлялась съ якобинизмомъ, якобинизмъ—прямо съ нимъ самимъ. Внѣ своей догмы онъ не признавалъ возможности патріотизма и разыскивалъ измѣнниковъ среди собственной партіи, въ конвентѣ, въ его комитетахъ, среди членовъ революціоннаго правительства. Посредствомъ террора вся Франція должна была обратиться къ якобинскому патріотизму, а до того времени конституція должна была быть простымъ клочкомъ бумаги и дѣйствовать должно было революціонное правительство. Робеспьеръ собственно пожалъ тамъ, гдѣ посѣялъ Дантонъ, взявъ въ однѣ свои руки управленіе созданной имъ организаціей, но у него самого, особенно по сравненію съ Дантономъ, не было выдающихся способностей государственнаго человѣка: „Онъ и яйца-то не съумѣетъ сварить“, отзывался о немъ Дантонъ. Робеспьеръ былъ, далѣе, лишенъ чувства дѣйствительности и смотрѣлъ на современность черезъ призму своей политической теоріи, созданной не имъ самимъ и не на основаніи фактовъ и тѣмъ не менѣе не претерпѣвшей ни малѣйшаго измѣненія въ его головѣ отъ соприкосновенія съ дѣйствитель-

ностью. Эта теорія—„Contrat Social" Руссо—была для него догматомъ, въ который нужно было только вѣрить и въ который онъ вѣрилъ. Его вѣра и была источникомъ его вліянія, такъ какъ люди, находившіеся подъ властью тѣхъ же идей, должны были подчиняться Робеспьеру. Онъ и не выводилъ ихъ изъ этого круга идей, не вносилъ въ него ничего посторонняго, личнаго, былъ въ немъ, однако, хозяиномъ, умѣя извлекать принципы изъ принциповъ, овладѣвъ при томъ всей аргументаціей, фразеологіей и терминологіей Руссо, хотя, глядя со стороны, можно сказать, что все это оставалось у него мертвымъ, какъ бы не своимъ, чѣмъ-то чужимъ, усвоеннымъ только внѣшнимъ образомъ. Его концепція государства была донельзя проста, ограничена до послѣдней крайности и въ этомъ отношеніи отличалась необыкновенной цѣльностью. Именно для Робеспьера Франція была населена двумя съ половиною десятками милліоновъ вполнѣ однородныхъ индивидуумовъ, имѣющихъ отъ природы самые добрые задатки, но нуждающихся въ извѣстной очисткѣ и въ надлежащей дрессировкѣ. Воля всей совокупности этихъ гражданъ была для него самъ непогрѣшимый разумъ, но ея настоящему проявленію препятствовали, по его мнѣнію, измѣнники, злодѣи и развратники, къ какимъ причислялись, кромѣ роялистовъ и фейльяновъ, и жирондисты (бриссотинцы), и эбертисты, и дантонисты.

Въ національномъ конвентѣ, собравшемся 21 сентября 1792 г., громадное большинство (около 500) составляло такъ называемую равнину (la plaine), попеременно подпадавшую вліянію двухъ вліятельныхъ группъ—жиронды и „горы" (монтаньяровъ). Кромѣ бывшихъ членовъ конституанты (Петіонъ, Бюзо, Ланжюине) и легислативы (Бриссо, Верньо, Гюаде, Кондорсе, Жансонне, Инаръ), среди жирондистовъ стали играть видную роль и нѣкоторые новые депутаты (Барбару и др.). То же было и среди монтаньяровъ. Здѣсь были и прежніе члены конституанты (Робеспьеръ, Грегуаръ и др.) или легислативы (Карно, Кутонъ и др.), и новички, хотя иногда уже успѣвшіе прославиться внѣ собраній (Дантонъ, Маратъ, Камиллъ Демуленъ), а рядомъ съ ними С. Жюстъ, Коло-д'Эрбуа, младшій Робеспьеръ, Каррье, Фуше, Баррасъ и др., прославившіеся, главнымъ образомъ, впослѣдствіи. Равнина не играла самостоятельной роли въ политикѣ, хотя и выставила немало опытныхъ, дѣльныхъ и работящихъ людей, дѣйствовавшихъ въ комитетахъ конвента. Она помогла сначала жирондистамъ сдѣлаться въ конвентѣ господами положенія, потомъ содѣйствовала монтаньярамъ въ низверженіи жирондистовъ и наконецъ дозволила Робеспьеру отдѣлаться отъ эбертистовъ и дантонистовъ, пока не приняла участія въ низверженіи робеспьеристовъ и т. д. *Съ такимъ измѣнчивымъ большинствомъ трудно было организовать прави-*

тельство, да еще въ государствѣ, гдѣ только что отмѣненная конституціи совершенно дезорганизовала управленіе страною. Новой конституціи еще не было, и конвентъ соединялъ въ своихъ рукахъ неопредѣленныя никакимъ закономъ законодательную, исполнительную и даже судебную власти. Настоящаго, т.-е. прочнаго и постояннаго большинства въ немъ не было, а два враждебныя одно другому меньшинства—жирондистское и якобинское (монтаньяры) объявили другъ другу войну не на животъ, а на смерть. Партія, побитая въ конвентѣ, переносила борьбу внѣ его стѣнъ: жирондисты подымали департаменты, монтаньяры—парижскій пролетаріатъ. Съ конвентомъ въ самомъ Парижѣ соперничали, далѣе, общинный совѣтъ (коммуна) секціи (т.-е. кварталы) Парижа, батальоны національной гвардіи, якобинскій и кордельерскій клубы, случайныя, собранія, принимавшія на себя функціи „державнаго народа", и всѣ эти силы были въ рукахъ озлобленныхъ одна на другую партій. Мы не будемъ, однако, слѣдить за всѣми перипетіями этой борьбы, чтобы остановиться лишь на ея главныхъ моментахъ.

Въ первомъ же засѣданіи конвента по предложенію Колло д'Эрбуа и Грегуара была декретирована отмѣна королевской власти и провозглашена республика, и съ 22 сентября 1792 г. всѣ государственные акты стали датироваться такъ: „въ первомъ году французской республики". Немало при отмѣнѣ монархіи наговорено было рѣзкостей по ея адресу Грегуаромъ, объявлявшимъ, напримѣръ, что „всѣ династіи всегда были породами лютыхъ звѣрей", что „короли въ нравственномъ мірѣ имѣютъ значеніе чудовищъ или уродовъ въ природѣ", и что „исторія королей есть повѣсть о страданіяхъ народа". Въ этомъ актѣ всѣ партіи конвента дѣйствовали еще солидарно; но когда въ собраніи обнаружилось стремленіе наказать виновниковъ сентябрьскихъ ужасовъ и возстановить правильный порядокъ общественной жизни, монтаньяры стали обвинять жирондистовъ въ стремленіи къ диктатурѣ, и тѣ имъ отвѣтили такимъ же обвиненіемъ. Марату, Дантону и Робеспьеру пришлось оправдываться. Первый защищалъ необходимость своей диктатуры и грозилъ застрѣлиться на мѣстѣ, если его обвинятъ; второй отрекался отъ солидарности съ Маратомъ; третій особенно много говорилъ о своихъ „подвигахъ", „спасшихъ" отечество. Жирондисты ограничились тѣмъ, что одержали нѣсколькихъ словесныхъ побѣдъ. Скоро другой вопросъ еще сильнѣе раздѣлилъ партіи. 16 октября конвенту была представлена петиція оксерскихъ (Auxerre) якобинцевъ о преданіи короля суду. И жирондисты, и якобинцы, не желая одни другимъ показаться „умѣренными" и чего добраго, пожалуй, роялистами, высказались за это предложеніе.

Въ дѣлѣ этомъ было, однако, двѣ стороны—юридическая и политическая. Съ юридической точки зрѣнія судъ былъ немыслимъ, такъ какъ принятіе конституціи 1791 г. сопровождалось забвеніемъ всего прошлаго, а по конституціи король пользовался безотвѣтственностью и лишь въ извѣстныхъ случаяхъ долженъ былъ считаться отказавшимся отъ престола. Но въ конвентѣ становились на политическую точку зрѣнія. Какъ индепенденты, казня Карла I, расчитывали этимъ упрочить республику, въ чемъ, однако, ошиблись, такъ думали и члены конвента судомъ надъ Людовикомъ XVI и даже казнью его нанести послѣдній ударъ королевской власти. Вотъ эту-то точку зрѣнія и выдвинули на первый планъ якобинцы. По словамъ С. Жюста (13 ноября) дѣло было не въ томъ, покрываетъ ли короля или нѣтъ его неприкосновенность, и не въ томъ было дѣло, чтобы устроить судъ, а въ томъ, чтобы нанести ударъ, имѣя передъ собою не гражданина, но непріятеля, поступить съ нимъ такъ, какъ поступили съ Цезаремъ въ Римѣ. С. Жюстъ прибавлялъ, что потомство будетъ удивляться, какъ это судили короля: „Судить значитъ примѣнять законъ, а законъ есть отношеніе справедливости, но какое можетъ быть отношеніе между человѣчествомъ и королями? Королевская власть есть вѣчное преступленіе“ и т. д. въ томъ же родѣ. Такъ говорилъ другъ Робеспьера, самъ же онъ (3 дек.) развивалъ ту мысль дальше: „Тутъ нѣтъ никакого процесса. Людовикъ не подсудимый, вы не судьи: вы не можете быть чѣмъ-либо, какъ государственными людьми, представителями націи. Вамъ не приговоръ нужно постановить за или противъ человѣка, но принять мѣру во имя общественнаго спасенія, исполнить актъ національнаго провидѣнія“,—и Робеспьеръ прямо потребовалъ „смерти Людовика XVI, чтобы жила республика“. Такая страшная постановка вопроса испугала жирондистовъ. Верньо (31-го декабря) выступилъ съ пророческою рѣчью. „Развѣ вы не слыхали, какъ тамъ и сямъ разъяренный народъ кричитъ: Дорогъ ли хлѣбъ, виноватъ Тампль [1]); мало ли денегъ, терпятъ ли наши войска нужду, виноватъ Тампль; видимъ ли мы каждый день печальное зрѣлище нищеты, виноватъ Тампль. Кто намъ поручится, что по смерти Людовика тѣ же люди не станутъ кричать: Дорогъ ли хлѣбъ, виноватъ конвентъ; мало ли денегъ, виноватъ конвентъ; терпятъ ли наши войска нужду, виноватъ ковнентъ;... возрастаютъ ли бѣдствія вслѣдствіе заявленій Англіи и Испаніи, виноватъ конвентъ, вызвавшій эти заявленія поспѣшною казнью Людовика?“ Верньо предвидѣлъ внутри государства терроръ, а внѣ—новую войну Между Франціей и Англіей готовился тогда союзъ, но изъ Англіи

---

[1]) Король былъ заключенъ въ Тамплѣ.

дали знать, что союзъ не состоится въ случаѣ умерщвленія Людовика XVI. Среди жирондистовъ возникла тогда мысль о спасеніи короля: пусть конвентъ его судитъ, но приговоръ конвента долженъ будетъ итти на утвержденіе всего народа (appel au peuple) въ его первичныхъ собраніяхъ. Якобинцы, опасаясь, что это можетъ спасти Людовика XVI, наоборотъ, были противъ аппеляціи къ народу.

11 декабря состоялся допросъ „Людовика Капета". Ему позволили выбрать себѣ защитниковъ, и онъ указалъ на Тронше, къ которому добровольно присоединился Мальзербъ, бывшій министромъ при Тюрго, а они выбрали въ помощники молодого адвоката Десеза, взывавшаго въ своей блестящей рѣчи къ состраданію и разбиравшаго юридическую сторону дѣла, но совсѣмъ не обратившаго вниманія на сторону политическую. Съ 15 по 19 января 1793 г. члены конвента поименно подавали свои голоса на три вопроса: Виновенъ ли Людовикъ? Будетъ ли аппеляція къ народу? Какое наказаніе ему назначить? Громаднымъ большинствомъ голосовъ Людовикъ XVI былъ признанъ виновнымъ въ заговорѣ противъ свободы націи и общей безопасности государства, при чемъ многіе мотивировали свое мнѣніе въ длинныхъ рѣчахъ. Appel au peuple былъ отвергнутъ 423 голосами противъ 281. Изъ 721 голоса, поданнаго по третьему вопросу, 387 голосовъ были за смертную казнь, 334 за другія наказанія (за изгнаніе, за каторгу, за тюремное заключеніе). По двумъ послѣднимъ вопросамъ голоса жирондистовъ раздѣлились: одни были противъ аппеляціи къ народу, другіе—за нее, а въ вопросѣ о наказаніи одни были за заточеніе (Кондорсе), другіе—за казнь съ отсрочкой (Верньо, Гюаде, Бюзо, Петіонъ, Бриссо), третьи за безусловную смерть (Инаръ, Барбару). 20 января была большинствомъ 380 голосовъ противъ 310 отвергнута отсрочка. Въ засѣданіи 19 января предсѣдательствовалъ Верньо, которому пришлось объявить результатъ голосованія. Жирондисты не спасли короля: они не обнаружили мужества и партійной дисциплины передъ народными толпами, наполнявшими трибуны и своими криками оказывавшими давленіе на конвентъ, и оправдывались потомъ разными соображеніями политическаго свойства. Монтаньяры подавали голоса за казнь и съ нимъ герцогъ Орлеанскій, теперь „гражданинъ Филиппъ Эгалитэ" (т.-е. Равенство), спасавшій тѣмъ, какъ думаютъ, свои громадныя богатства. 21 января приговоръ надъ Людовикомъ XVI былъ приведенъ въ исполненіе. Въ день казни въ Парижѣ было совершенно тихо.

Опасенія, возникшія среди жирондистовъ относительно какъ внѣшнихъ усложненій, гражданской войны, террора, такъ и ихъ собственной судьбы, стали сбываться. Послѣ битвы при Вальми, остановившей пруссаковъ, дѣла Франціи на войнѣ стали поправляться.

Въ то время, какъ французское дворянство эмигрировало за границу, къ французскимъ генераламъ, изъ-за границы являлись люди разныхъ національностей и просили ихъ содѣйствія для низверженія старыхъ политическихъ порядковъ и въ пограничныхъ странахъ. Революція такимъ образомъ коснулась и сосѣдей, и когда французскія войска перешли въ наступленіе, *населеніе ближайшихъ къ границѣ областей встрѣчало ихъ съ восторгомъ, какъ избавителей отъ стараго утѣсненія.* Осенью 1792 г. почти безъ сопротивленія со стороны сардинскихъ войскъ была занята французами Савойя, и „національное суверенное собраніе аллоброговъ", въ которомъ было представлено 658 общинъ, громаднымъ большинствомъ голосовъ (583 общины) постановило присоединиться къ Франціи (21 октября 1792 г.). Занята была и Ницца. Кюстинъ почти безъ сопротивленія захватилъ Шпейеръ и Вормсъ и 19 октября появился подъ Майнцемъ, который капитулировалъ, послѣ чего въ этомъ городѣ образовался клубъ нѣмецкихъ патріотовъ и собрался конвентъ отъ прирейнскихъ нѣмцевъ, декретировавшій присоединеніе всего лѣваго берега Рейна къ Франціи. Свидѣтельство о томъ, съ какимъ восторгомъ принимали здѣсь французовъ, можно найти въ „Германѣ и Доротеѣ" Гёте. Между тѣмъ Дюмурье одерживаетъ 6 ноября надъ австрійцами побѣду при Жемаппѣ, и затѣмъ вся Бельгія, въ которой уже раньше происходила своя революція, была въ рукахъ французовъ. Весьма скоро изъ-за этой страны между Дюмурье, ее завоевавшимъ, и монтаньярами, желавшими установить въ ней свой режимъ, начались несогласія, тѣмъ болѣе, что у Дюмурье были еще тайные замыслы на счетъ возстановленія монархіи въ пользу герцога Шартрскаго, сына герцога Орлеанскаго (гражданина Филиппа Эгалитэ). Дантонъ поѣхалъ въ Бельгію, чтобы предотвратить разрывъ между генераломъ и конвентомъ. Между тѣмъ послѣдній 19 ноября 1792 г. издалъ декретъ о томъ, что Франція будетъ поддерживать каждую націю, стремящуюся къ свободѣ, а 15 декабря декретировалъ, что повсюду, куда ни явятся французскія арміи, аристократическія правленія будутъ отмѣнены, церковныя имущества конфискованы, сеньерьяльныя права и десятины уничтожены и народъ будетъ призванъ къ свободѣ. Дюмурье былъ крайне раздосадованъ этимъ декретомъ; но Дантонъ объявилъ ему, что настоящій авторъ декрета, это—онъ, Дантонъ,—и немедленно приступилъ къ реализаціи въ Бельгіи конвентскаго распоряженія.

Завоеваніе французами Савойи съ Ниццею, лѣваго берега Рейна и Бельгіи сильно встревожило монархическую Европу, а казнь Людовика XVI послужила послѣднимъ звеномъ въ цѣпи причинъ, вызвавшихъ противъ Франціи большую коалицію. Французскихъ посланниковъ стали выгонять, а въ Римѣ представитель французской рес-

публики былъ даже умерщвленъ. 1 февраля 1793 г. конвентъ объявилъ войну Англіи и голландскому штатгальтеру, 7 марта—испанскому королю, а 22 марта имперскій сеймъ рѣшилъ начать войну съ Франціей отъ имени всей Священной Римской имперіи. Конвентъ обратился къ арміи съ манифестомъ, составленнымъ Инаромъ, гдѣ вопросъ ставился просто: или пораженіе и гибель свободы, торжество тиранніи, или побѣда и пораженіе тиранновъ, братство народовъ, прекращеніе войны между ними: „Васъ провозгласятъ спасителями отечества, основателями республики, возродителями вселенной!“

Въ то самое время, какъ почти полумилліонная армія Англіи, Голландіи, нѣмецкихъ государствъ, т.-е. Австріи, Пруссіи и разныхъ княжествъ имперіи, Сардиніи и Испаніи начала угрожать границамъ Франціи, *загоралась и междоусобная война въ самой республикѣ*: именно въ департаментахъ Пуату и Бретани произошло антиреволюціонное движеніе крестьянъ подъ предводительствомъ неприсяжныхъ священниковъ и дворянъ, давно уже подготовлявшееся и вспыхнувшее, когда конвентъ потребовалъ подъ знамена для защиты отечества рекрутъ. Въ мартѣ вся Вандея (нижній Пуату, Анжу, Нижній Мэнъ и Бретань) была охвачена возстаніемъ, и начались знаменитыя вандейскія войны, въ которыхъ конвентъ имѣлъ противъ себя десятки тысячъ шуановъ (chouans), какъ стали обозначать инсургентовъ по прозвищу одного изъ первыхъ вождей движенія [1]), имѣвшаго сначала скорѣе болѣе религіозный, нежели роялистическій характеръ, но скоро получившаго именно и значеніе антиреспубликанскаго взрыва. Въ то же время Дюмурье былъ разбитъ при Неервинденѣ (12 марта) и, поссорившись съ конвентомъ, но не нашедши поддержки въ арміи, бѣжалъ съ своимъ кандидатомъ на тронъ, герцогомъ Шартрскимъ [2]), къ австрійцамъ. Замѣчательно, что Дюмурье не былъ первымъ генераломъ, думавшимъ, опираясь на военную силу, произвести государственный переворотъ: въ эпоху конституанты таковъ былъ Буйлье, въ эпоху лагислативы—Лафайетъ, но армія тогда, какъ и на этотъ разъ, не была расположена итти противъ представителей народа.

Пораженіе и измѣна Дюмурье оказали весьма большое вліяніе на борьбу партій, происходившую въ конвентѣ. Въ это время самой вліятельной группой собранія были жирондисты, но у нихъ не было единодушія и энергіи, они обнаруживали нерѣшительность и коле-

---

[1]) *Crétineau-Joly*. La Vendée militaire.—*Bournisseaux*. Hist. des guerres de la Vendée et des chouans.—*Lambert*. Henri de la Rochejacquelin et la guerre de la Vendée.—*Port*. La Vendée angevine.—*Chassin*. La préparation à la guerre de Vendée.—*Его же*. La Vendée patriote.—*Его же*. Les pacifications de l'Ouest. и др. Другое объясненіе: chouans-chats huans.

[2]) Впослѣдствіи (1830—1848) Людовикъ-Филиппъ, король французовъ.

банія, и ихъ поведеніе объяснялось монтаньярами въ клубахъ въ смыслѣ измѣны. По старой связи жирондистовъ съ Дюмурье якобинцы сдѣлали послѣдняго прямо „жирондистскимъ генераломъ“ и кричали объ его измѣнѣ, какъ о преступленіи цѣлой партіи. „Равнина“ поддерживала монтаньяровъ каждый разъ, какъ послѣдніе дѣлали какое-либо предложеніе; но приводить рѣшенія конвента въ исполненіе обыкновенно должны были жирондисты, постоянно выбиравшіеся въ предсѣдатели конвентскихъ засѣданій, занимавшіе министерскіе посты и административныя должности въ департаментахъ, такъ что главныя мѣропріятія исходили не отъ нихъ, а отвѣтственность за эти мѣропріятія падала на нихъ. Среди парижскаго населенія, возбужденнаго новымъ объявленіемъ „отечества въ опасности“, уже начиналось въ мартѣ 1793 г. глухое броженіе противъ жирондистовъ.

Необычайныя обстоятельства требовали, по мнѣнію парижской коммуны и якобинцевъ, и чрезвычайныхъ мѣръ, и вотъ 10 марта конвентъ декретировалъ учрежденіе революціоннаго суда [1]) для наказанія измѣнниковъ, бунтовщиковъ, недобросовѣстныхъ поставщиковъ въ армію, поддѣлывателей бумажныхъ денегъ и т. п. Когда Дантонъ, какъ министръ юстиціи, предлагалъ его учрежденіе, онъ имѣлъ въ виду установленіе чрезвычайнаго суда по осадному положенію; но судъ этотъ и превратился потомъ въ главное орудіе террористической тираніи, обрушившееся и на самого Дантона. На извѣстіе о возстаніи Вандеи конвентъ отвѣтилъ объявленіемъ смертнаго приговора всѣмъ эмигрантамъ и неприсяжнымъ священникамъ, которые черезъ недѣлю будутъ найдены въ предѣлахъ Франціи. Далѣе, послѣ пораженія Дюмурье конвентъ декретировалъ учрежденіе во всѣхъ общинахъ революціонныхъ комитетовъ для наблюденія за „подозрительными“ и обезоруженіемъ всѣхъ бывшихъ дворянъ и духовныхъ. Когда, наконецъ, сдѣлалась извѣстною сама измѣна Дюмурье, были приняты новыя экстренныя мѣры, и между прочимъ послали на границы подкрѣпленія и конвентскихъ коммиссаровъ въ армію (что̀ декретировано было раньше еще по предложенія Карно). Тогда же по предложенію Баррера конвентъ организовалъ знаменитый „комитетъ общественнаго спасенія“ (comité du salut public) по декрету, текстъ котораго былъ составленъ жирондистомъ Инаромъ (6 апрѣля). Комитетъ долженъ былъ состоять изъ 9 (впослѣдствіи бо̀льшого числа) членовъ, выбиравшихся на мѣсяцъ, и сосредоточить въ себѣ всѣ власти. При образованіи комитета изъ него систематически были исключены жирондисты и монтаньяры, кромѣ одного Дантона, который явился настоящимъ организаторомъ этого революціон-

[1]) *Compardon.* Le tribunal révolutionnaire.

наго правительства. Органами комитета въ департаментахъ сдѣлались конвентскіе коммиссары (les représentants du peuple en mission) съ самыми широкими полномочіями, но поставленные въ зависимое положеніе по отношенію къ комитету общественнаго спасенія. *Революція, такимъ образомъ, отказывалась отъ идей 1789 г., отъ раздѣленія властей и отъ уничтоженія централизаціи, отъ чрезвычайныхъ судовъ и отъ административнаго произвола, сосредоточивъ неограниченную власть въ рукахъ комитета общественнаго спасенія, сдѣлавъ изъ конвентскихъ коммиссаровъ послушныя орудія этой власти въ провинціяхъ, учредивъ страшный политическій надзоръ надъ всѣми гражданами и установивъ чрезвычайные суды* [1]). Дантонъ сдѣлался настоящимъ правителемъ Франціи, принявъ на себя между прочимъ въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ и завѣдываніе внѣшней политикой Франціи. Теперь его идеей было положить конецъ анархіи, возстановить государственный порядокъ, превратить республику въ настоящее правительство, осуществить права человѣка, доставить странѣ миръ и обезпечить правильное теченіе хозяйственной жизни. „Поспѣшимъ, говорилъ онъ своимъ друзьямъ,—поспѣшимъ окончить революцію: кто дѣлаетъ революцію слишкомъ долгою, не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые извлекаютъ изъ нея выгоду". При пассивности „равнины" изъ двухъ боровшихся между собою партій Дантону приходилось выбирать между жирондой и „горой". Тѣ политическіе выводы, къ которымъ онъ сталъ приходить, должны были располагать его къ союзу съ жирондистами. Быть можетъ, если бы союзъ этотъ состоялся и привлекъ къ себѣ наиболѣе благоразумныхъ и дѣльныхъ монтаньяровъ въ родѣ Карно, то Франція избѣжала бы якобинскаго террора. Дантонъ, дѣйствительно, искалъ сближенія съ жирондой, дѣлалъ все, чтобы избѣжать разрыва съ нею, и между жирондистами были люди, склонявшіеся къ сближенію съ нимъ,—Верньо, Кондорсе, Жансонне,—но большинство, увлекаемое Роланомъ и его женою, Бюзо, Гюаде, Барбару и др., не хотѣло итти заодно съ сентябрьскимъ убійцей и „грабителемъ Бельгіи". Дантонъ употреблялъ всѣ усилія къ тому, чтобы не дать разъединиться наиболѣе значительнымъ политическимъ силамъ, старался предотвратить разрывъ съ

---

[1]) Въ конвентѣ было еще много (15) другихъ комитетовъ, между прочимъ „комитетъ общей безопасности" (comitet de sûreté générale), сдѣлавшійся грозою „подозрительныхъ". *Aulard* издалъ акты комитета общественнаго спасенія и оффиціальную переписку конвентскихъ коммиссаровъ (Recueil des actes du comité du salut public), указывающіе на дѣловую и полезную сторону этихъ учрежденій, тогда какъ *Wallon* въ своемъ сочиненіи о томъ же предметѣ (см. выше, стр. 565) выдвинулъ на первый планъ факты, свидѣтельствующіе о произволѣ и насиліяхъ.

Дюмурье, а на одномъ тайномъ свиданіи съ вождями жирондистовъ (30 ноября 1792 г.) особенно настойчиво убѣждалъ ихъ соединиться съ нимъ, но былъ отвергнутъ. „Гюаде, сказалъ тогда Дантонъ, ты неправъ: ты не умѣешь прощать, не умѣешь подчинить своего чувства отечеству. Ты упрямъ, и ты погибнешь".

Весною 1793 г. борьба жирондистовъ и монтаньяровъ обострилась еще больше, и монтаньяры обнаружили въ ней много сплоченности и энергіи. Между тѣмъ 1 апрѣля былъ принятъ декретъ, лишавшій права личной неприкосновенности каждаго депутата, противъ котораго явилось бы болѣе или менѣе основательное подозрѣніе въ сообщничествѣ съ врагами свободы, равенства и республики. Этотъ декретъ давалъ въ руки наиболѣе смѣлымъ депутатамъ орудіе для истребленія своихъ противниковъ и устрашенія большинства. Дантонъ снова думалъ теперь съ помощью жирондистовъ образовать прочное большинство и предлагалъ вождямъ этой партіи забыть прошлое, прекратить распри, соединиться, обѣщаясь дать клятву, что ради отечества будетъ защищать самаго смертельнаго своего врага, но жирондисты изъ стараго отвращенія къ нему, изъ завистливаго чувства, которое онъ внушалъ нѣкоторымъ изъ нихъ, снова его отвергли. Гюаде прямо ему объявилъ „войну—и пусть погибаетъ одна изъ партій". „Ты хочешь войны, вскричалъ Дантонъ, потрясая его руку, и ты получишь смерть!" Скоро жирондисты первые сдѣлали нападеніе на Дантона, обвинивъ его въ сообщничествѣ съ Дюмурье, на что̀ Дантонъ отвѣчалъ обвиненіемъ жирондистовъ въ стремленіи къ возстановленію монархіи и къ нарушенію единства отечества. 10 апрѣля Робеспьеръ произнесъ длинную рѣчь, въ которой уже жирондисты обвинялись въ сообщничествѣ съ Дюмурье, и около того же времени Камиллъ Демуленъ издалъ убійственный для партіи памфлетъ „Исторія бриссотинцевъ". 14 апрѣля коммуна потребовала у конвента исключенія изъ него двадцати двухъ жирондистовъ, Гюаде настоялъ на преданіи Марата революціонному суду, но судъ его оправдалъ, и толпа съ тріумфомъ внесла его въ конвентъ (24 апрѣля). Дѣло дошло до того, что обѣ партіи считали нужнымъ исключить одна другую, хотя бы вопросъ долженъ былъ рѣшаться первичными собраніями. Верньо былъ, однако, противъ послѣдней мѣры, находя ее опасною для самой республики, а Дантонъ предложилъ „бриссотинцамъ" самимъ убраться и не мѣшать другимъ работать. „Бриссотинцы", однако, этого вовсе не хотѣли, тѣмъ болѣе, что „равнина" продолжала попрежнему ихъ поддерживать и еще 16 мая выбрала Инара въ предсѣдатели собранія. Когда жирондисты воспротивились введенію maximum'а на съѣстные припасы и организовали свой комитетъ изъ 12 членовъ для возстановленія порядка, а этотъ коми-

тетъ арестовалъ Эбера (Hébert), издателя циническаго революціоннаго листка (Père Duchêne), то коммуна, якобинскій клубъ и революціонные комитеты Парижа вошли между собою въ соглашеніе, потребовали исключенія 34 жирондистовъ (прежнихъ 22 и 12 членовъ новаго комитета) и отдачи двѣнадцати изъ нихъ подъ судъ и начали посылать въ конвентъ депутаціи, настаивавшія на этихъ мѣрахъ (25 и слѣд. мая). Первой изъ такихъ депутацій Инаръ отвѣтилъ, что Франція не потерпитъ нарушенія правъ своихъ представителей, и „отъ имени всей Франціи“ объявилъ, что скорѣе будетъ уничтоженъ весь Парижъ. Монтаньяры вотировали отмѣну „комитета двѣнадцати“, но жирондисты добились его возстановленія, что̀ вызвало страшное народное возстаніе 31 мая, заставившее конвентъ уничтожить комитетъ двѣнадцати. Маратъ, коммуна, якобинскій клубъ хотѣли бо̀льшаго и отдѣлились отъ Дантона, сдерживавшаго страсти. Въ ночь съ 1 на 2 іюня клубъ декретировалъ принудительный заемъ съ богатыхъ для содержанія новой революціонной арміи, а утромъ 2 іюня пришло извѣстіе о жирондистскомъ возстаніи въ Ліонѣ и избіеніи ліонскихъ якобинцевъ. Это было сигналомъ къ новому взрыву, въ которомъ игралъ большую роль Маратъ. Толпа бросилась на Тюйльери, гдѣ засѣдалъ конвентъ. Анріо (Hanriot), сдѣлавшійся 31 мая начальникомъ національной гвардіи, заявилъ президенту собранія, что народъ поднялся не для того, чтобы слушать фразы, а чтобы дать приказъ о предоставленіи ему 34 виновныхъ. Во время этой сцены депутаты вели себя мужественно и отстаивали своихъ товарищей, но на конвентъ стали наводиться пушки, и когда депутаты хотѣли удалиться черезъ двери, выходившія въ садъ, тамъ не пустилъ ихъ Маратъ. Дѣло кончилось тѣмъ, чего требовала толпа: жирондисты были исключены (между прочимъ Верньо, Гюаде, Жансонне, Бриссо, Петіонъ, Барбару, Бюзо, Ланжюине и др., всего 27 человѣкъ, а Инаръ и Фоше удалились сами). Исключенныхъ, однако, не отвели въ тюрьму, а только подвергли домашнему аресту. Дантонъ и почти вся „гора“ не хотѣли ихъ гибели и даже ради ихъ собственнаго блага считали нужнымъ, чтобы они устранились отъ дѣлъ. Якобинцамъ самимъ было совѣстно, что національное представительство подверглось такому оскорбленію, особенно было совѣстно такимъ людямъ, какъ Карно; торжествовали только маратисты и робеспьеристы.

Исключеніе жирондистовъ вызвало большое возстаніе въ провинціяхъ и былъ моментъ, когда оно происходило сразу чуть не въ шестидесяти департаментахъ. Противъ конвента поднялись многіе большіе города, Бордо, Ліонъ, Марсель и др., и во многихъ мѣстахъ руководителями явились жирондисты,, въ Нормандіи—Гюаде, Бюзо, Барбару и др., въ Алльe—Бриссо, въ Провансѣ—Ребекки, тогда какъ

Верньо, Жансонне, Фоше и др. остались въ Парижѣ. Это провинціальное движеніе якобинцы, сторонники „единой и нераздѣльной республики", обвиняли въ „федерализмѣ", въ стремленіи къ перенесенію на почву Франціи порядковъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, въ раздробленіи отечества въ то самое время, когда ему грозили внѣшніе враги. Послѣ того, какъ наиболѣе энергичные и дѣльные члены конвента уѣхали коммиссарами въ армію и въ провинціи, а жирондисты были исключены, въ конвентѣ засѣдало только 220—250 депутатовъ, но онъ продолжалъ быть для Франціи такимъ же невидимымъ для нея воплощеніемъ верховной власти, какъ и прежній абсолютный король. Была война, нація рѣшилась защищаться до послѣдней крайности, и ей нужно было сильное правительство; ей не было дѣла до лицъ, стоявшихъ у власти,—ей нужна была власть. какъ оружіе національнаго самосохраненія, и вотъ это-то и придавало силу централистическимъ стремленіямъ якобинцевъ, хотя бы лично имъ самимъ Франція и не симпатизировала. По той же причинѣ „федерализмъ" не имѣлъ успѣха, и конвентъ справился съ движеніемъ. Съ другой стороны, жирондисты, къ крайнему своему удивленію, увидѣли, что вездѣ, гдѣ они являлись защищать свои принципы, они, собственно говоря, вызывали только дремавшія силы роялизма, бывшія даже готовыми на измѣну. 27 августа Тулонъ прямо предался англичанамъ. Положеніе было опасное, тѣмъ болѣе, что и коалиція переходила въ наступленіе: испанцы вторгались въ Руссильонъ, австрійцы овладѣвали Конде и Валансьеномъ, Майнцъ долженъ былъ сдаться пруссакамъ. Конвентъ съ страшною энергіей организовалъ защиту страны и подавлялъ возстанія въ департаментахъ. Борьба была ожесточенная, кровавая. Тогда именно страшный Карье разстрѣливалъ и топилъ въ рѣкѣ тысячи людей. Тогда же конвентъ декретировалъ, къ счастью, не приведенное въ исполненіе разрушеніе Ліона, переименованіе его въ Commune-Affranchie и постройку на его мѣстѣ памятника съ надписью: „Ліонъ возмутился, и Ліона не стало". Тогда же и Тулонъ, возвращенный отъ англичанъ искусствомъ молодого Бонапарта, былъ наказанъ и переименованъ въ Port-de-la Montagne. Въ это же время свирѣпствовали въ Вандеѣ подъ именемъ адскихъ колоннъ бывшіе солдаты майнцскаго гарнизона. Наконецъ, въ ту же эпоху границы государства стойко защищались, но многіе генералы, не хотѣвшіе вполнѣ подчиняться комитету общественнаго спасенія или имѣвшіе несчастье потерпѣть неудачу, сложили головы на плахѣ (напр., Кюстинъ въ августѣ 1793 г. или Богарне въ іюлѣ 1794 г.).

Конвентъ былъ избранъ, однако, не для того, чтобы сдѣлаться правительствомъ Франціи и организаторомъ національной защиты: онъ долженъ былъ дать Франціи конституцію. Мы видѣли, что проектъ

конституціи былъ уже выработанъ жирондистами незадолго до ихъ паденія. Послѣ 31 мая въ составъ комитета общественнаго спасенія вошло пять новыхъ членовъ, изъ монтаньяровъ (между ними Геро-де-Сешелль, Кутонъ и С.-Жюстъ) для передѣлки жирондистскаго проекта. Въ іюнѣ 1793 г. новый проекъ былъ представленъ въ конвентъ, принятъ имъ (24 числа) и представленъ на утвержденіе первичныхъ собраній въ департаментахъ, оставшихся вѣрными конвенту. 9 августа былъ провозглашенъ и результатъ голосованія: за новую конституцію подано было 1.801,918 голосовъ, противъ лишь 11,610. Это былъ первый плебисцитъ во Франціи, въ которомъ, какъ мы видимъ, участвовали далеко не всѣ граждане, да и подавляющее большинство согласныхъ еще ничего не значило, кромѣ того, что, какъ это показали послѣдующіе плебисциты, народъ утверждалъ, особенно когда пускались въ ходъ террористическія средства, все, что ни предлагалось ему со стороны фактическихъ правителей Франціи. Въ одной изъ статей „декларации правъ“, предшествовавшей конституціи, было сказано, что „свободные люди“ должны немедленно умерщвлять всякаго, кто узурпировалъ бы верховную власть, и это санкціонировало впослѣдствіи всѣ казни, совершавшіяся надъ политическими дѣятелями; а другая статья той же декларации объявляла самымъ священнымъ правомъ и самою неуклонною обязанностью каждой фракціи народа возмущеніе (insurrection) противъ нарушенія правительствомъ правъ народа, что въ свою очередь санкціонировало предложеніе революціоннаго движенія. Хотя въ виду обстоятельствъ времени якобинская конституція и не была примѣнена, тѣмъ не менѣе заключавшіеся въ ней принципы были принципами самого революціоннаго правительства, съ его деспотизмомъ и его анархіей.

Послѣ подавленія возстаній и отраженія вражескаго нашествія (побѣды надъ англичанами при Гондшоотѣ 8 сент., надъ голландцами при Мененѣ 18 сент., надъ австрійцами при Ваттиньи 16 окт. 1793 г.) Дантонъ повелъ кампанію противъ прекращенія террора, безъ котораго, по его мнѣнію, Франція вполнѣ могла спасти свою территорію, свое единство, свою республику, и къ тому же, повидимому, склонялся и Робеспьеръ (Маратъ еще 13 іюля былъ зарѣзанъ Шарлоттою Корде [1]). Когда (3 окт.) комитетъ общей безопасности предложилъ конвенту обвинить передъ революціоннымъ судомъ 73 жирондистовъ, протестовавшихъ противъ изгнанія ихъ товарищей, то Робеспьеръ за нихъ заступился, и все пока ограничилось однимъ ихъ арестомъ. Тогда другіе якобинцы стали указывать, что безъ террора нельзя будетъ ни побѣдить роялистовъ, ни обезпечить ре-

---

[1]) О ней соч. *Dubois*, *Chéron*, *de Villers*, *Huard*, *Vatel*, *V. Lamy*, *Renard*, *Rudolf Focke* (нѣм.) и др.

квизиціи, ни поддержать законъ о maximum'ѣ цѣнъ на съѣстные припасы, ни дать принудительный курсъ ассигнатамъ. Можно даже сказать, что терроръ былъ усиленъ и въ послѣдніе три мѣсяца погибли подъ топоромъ гильотины Марія-Антуанета [1]), 21 жирондистъ, арестованный послѣ 31 мая (31 окт.), между ними Верньо, Бриссо, Фоше, Жансонне и др., мужественно и благородно встрѣтившіе смерть, послѣ чего послѣдовали еще новыя казни жирондистовъ (г-жа Роланъ, которой друзья предлагали ядъ, но которая предпочла смерть на эшафотѣ, 8 ноября). Роланъ кончилъ жизнь самоубійствомъ на большой дорогѣ, не будучи болѣе въ силахъ скрываться отъ враговъ, а весною слѣдующаго года отравился и Кондорсе, будучи арестованъ послѣ долгаго скрыванія. Кромѣ того, погибли на гильотинѣ около этого времени или послѣ того Байльи, Барнавъ, химикъ Лавуазье („республикѣ не надо ученыхъ“, сказалъ одинъ якобинецъ), поэтъ Шенье, Мальзербъ, Филиппъ Эгалитэ и др., извѣстные и выдающіеся люди.

Въ эпоху террора среди господствовавшей партіи образовалось теченіе, враждебное христіанству [2]). Въ октябрѣ 1793 г. христіанскій календарь былъ замѣненъ республиканскимъ: годы стали считаться съ 22 сентября 1792 г.; мѣсяцы получили новыя названія (вандемьеръ, брюмеръ, фримеръ—осень; нивозъ, плювіозъ, вантозъ—зима; жерминаль, флореаль, преріаль—весна; мессидоръ, термидоръ и фруктидоръ—лѣто); недѣля была замѣнена декадой (10 дней), воскресенье—десятымъ днемъ (декади). Иниціаторомъ перемѣны былъ Роммъ. Соединившись съ Анахарсисомъ Клотцемъ и съ филантропомъ Шометтомъ, онъ предложилъ замѣнить католицизмъ культомъ разума, и къ этому движенію присоединился самъ парижскій епископъ Гобель, подавшій въ отставку, но еп. Грегуаръ протестовалъ противъ этого. 10 ноября въ соборѣ парижской Богоматери былъ отпразднованъ день Разума, богиню котораго изображала г-жа Майльяръ въ бѣломъ пластьѣ, синемъ плащѣ и красномъ колпакѣ. Конвентскіе коммиссары

---

[1]) 16 октября. Маленькій сынъ Людовика XVI („Людовикъ XVII“) былъ отданъ въ обученіе мастерству, но скоро умеръ. *Chantelauze. Louis XVII.* О Маріи-Антуанетѣ *Lescure*, *Goncourt*, *M. de la Rocheterie*, *de Vyré*, *de Nolhac*. *Gaulot* (Un complot sous la terreur), *Compardon*, *Chaix-d'Est-Ange* и др. Ср, *Tourneux*. Marie Antoinette devant l'histoire.

[2]) См. кромѣ сочиненій, указанныхъ выше по исторіи церкви въ эпоху революціи, особенно XIII и XIV томы „Etudes sur l'histoire de l'humanité“ *Лорана*, которые посвящены революціи. О религіозныхъ преслѣдованіяхъ въ эпоху революціи см. новыя сочиненія *Bauzon'a*, *Rabaud* и др. Спеціально о культѣ разума и культѣ верховнаго существа *Aulard*. Le culte de la Raison et le culte de l'Être Suprême. (Изложеніе этой книжки сдѣлано было *Н. В. Водовозовымъ* въ „Историческомъ обозрѣніи“, т. VI).

распространяли новый культъ въ провинціяхъ, а парижскій общинный совѣтъ 23 ноября велѣлъ закрыть церкви города. Напрасно Робеспьеръ говорилъ и въ конвентѣ, и въ клубѣ рѣчи противъ „крайнихъ“ и атеистовъ, напрасно и Дантонъ возсталъ противъ „религіозныхъ маскарадовъ“, устраивавшихся послѣдователями Эбера (эбертистами),—эти явленія продолжались. Дантонъ, отнявшій у общинъ право созывать революціонные комитеты и утвердившій въ департаментахъ власть конвентскихъ коммиссаровъ, или „національныхъ агентовъ“, сблизился было тогда съ Робеспьеромъ, и тотъ его даже защищалъ въ якобинскомъ клубѣ, гдѣ противъ Дантона было большое негодованіе. Робеспьеръ добился даже того, что католическій культъ все-таки не прекращался, и за главу якобинцевъ прямо молились въ соборѣ парижской Богоматери,

Въ декабрѣ снова поднялся вопросъ о прекращеніи террора, за которое начинали высказываться весьма многіе якобинцы, особенно послѣ новыхъ военныхъ успѣховъ на границѣ. Робеспьеръ, однако, боялся прекратить терроръ, боялся именно перехода вліянія въ клубѣ къ болѣе крайнимъ или торжества надъ собою болѣе умѣренныхъ. Политику милосердія вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ проповѣдовать Камиллъ Демуленъ въ своемъ журналѣ „Vieux Cordelier“, напавъ между прочимъ и на Эбера, который съ своей стороны обвинялъ Демулена, и на Робеспьера, который полагалъ, что тутъ за Демуленомъ скрывается самъ Дантонъ. Въ это время произошло разделеніе между эбертистами, стоявшими за терроръ и, дантонистами проповѣдовавшими милосердіе. Робеспьеръ, не желавшій побѣды надъ собою ни крайнихъ, ни „снисходительныхъ“, обозначалъ свою точку зрѣнія словомъ „правосудіе“, но на дѣлѣ онъ могъ удерживаться у власти, только терроризируя своихъ противниковъ. Якобинизмъ при этомъ все болѣе и болѣе превращался въ какое-то сектантство, въ которомъ Робеспьеръ, игралъ роль непогрѣшимаго пророка: для недалекихъ и узкихъ нетерпимыхъ сектантовъ сами монтаньяры, не раздѣлявшіе ихъ доктрины, казались подозрительными, въ то же время раздражая ихъ тщеславное самолюбіе превосходствомъ такихъ талантовъ, какими обладали Дантонъ и Карно или даже Демуленъ. Но Робеспьеръ, „неподкупный“ и добродѣтельный, какъ его называли поклонники, всегда желавшій дѣйствовать легальнымъ путемъ, т.-е. посредствомъ конвента, членовъ котораго онъ только убѣждалъ, не прибѣгая къ насилію,—рѣшился отдѣлаться отъ соперниковъ посредствомъ конвента же. 5 февраля 1794 г. онъ прочиталъ въ собраніи докладъ, гдѣ говорилось объ опасностяхъ для республики отъ двухъ партій, изъ которыхъ одна проповѣдуетъ ослабленіе энергіи, другая—разныя крайности. Въ сущности имъ пред-

лагалось только продолженіе террора. Главными сотрудниками Робеспьера въ новой борьбѣ, которую онъ затѣялъ, были Кутонъ и С. Жюстъ. Они говорили, что общество должно быть очищено, что кто этому мѣшаетъ, тотъ развращаетъ общество, а кто развращаетъ, тотъ хочетъ его разрушить. Эбертисты въ мартѣ были арестованы, обвинены въ сношеніяхъ съ роялистами и иностранцами (между прочимъ съ „ораторомъ человѣческаго рода“ Анахарсисомъ Клотцемъ, который желалъ присоединенія къ Франціи лѣваго берега Рейна и проповѣдовалъ всемірную республику), преданы революціонному суду и казнены (24 марта). За „крайними“ насталъ чередъ „умѣренныхъ“ или снисходительныхъ. Когда Дантона извѣстили о томъ, что его арестуютъ, онъ сказалъ, что лучше ужъ быть гильотинированнымъ, чѣмъ гильотинеромъ, онъ даже не подумалъ спасаться бѣгствомъ, такъ какъ „нельзя же, сказалъ онъ, унести отечество на подошвахъ своихъ башмаковъ“. 31 марта были арестованы, кромѣ него, Камиллъ Демуленъ и др. его сторонники и преданы суду съ нѣсколькими ворами и иностранцами. На судѣ Дантонъ сказалъ, что онъ зовется Дантономъ, что ему 35 лѣтъ отъ роду, что жительство его завтра будетъ въ „ничто“, а имя останется въ пантеонѣ исторіи. Судьи были смущены такимъ важнымъ подсудимымъ, и между двоими изъ нихъ произошелъ въ сторонкѣ такой разговоръ: „Это,—сказалъ одинъ,—не процессъ, а необходимая мѣра. Вдвоемъ они невозможны, и нужно, чтобы одинъ погибъ. Хочешь убить Робеспьера?—Нѣтъ, отвѣчалъ другой.—Ну, такъ уже тѣмъ самымъ ты хочешь приговорить Дантона“. Дантонъ мужественно держалъ себя на эшафотѣ и просилъ палача показать народу свою голову, потому что „она этого стоитъ“. Съ нимъ погибъ (5 апр.) Демуленъ, сказавшій на эшафотѣ: „Вотъ награда первому апостолу свободы“. Въ слѣдующіе дни были казнены Шометъ, апостолъ культа разума, Гобель, бывшій епископъ парижскій, и др.

Робеспьеръ съ преданными ему Кутономъ и С. Жюстомъ былъ теперь господиномъ положенія: наступило время его личной диктатуры. Одной изъ первыхъ его мѣръ было введеніе „культа Верховнаго Существа“ по мысли „гражданской религіи“ Руссо 7 мая Робеспьеръ произнесъ въ конвентѣ длинную рѣчь противъ атеизма и фанатизма и предложилъ декретировать, что „французскій народъ признаетъ бытіе Верховнаго Существа и безсмертіе души“. 8-го іюня былъ устроенъ и праздникъ въ честь Верховнаго Существа, на которомъ Робеспьеръ разыгрывалъ роль первосвященника. Между тѣмъ у Робеспьера было много враговъ; даже въ комитетѣ общественнаго спасенія за него были лишь Кутонъ и С. Жюстъ, и его единовластіе становилось возможнымъ, лишь благодаря новымъ и

новымъ казнямъ и арестамъ. Враги не дремали и распространяли о Робеспьерѣ всякіе слухи, какіе только могли ему повредить, поводы къ чему всегда были подъ рукой (напримѣръ, одна сумасшедшая старуха Екатерина Тео называла себя богородицей, Робеспьера—своимъ сыномъ и пророчила близкое пришествіе Спасителя и т. п.). Между монтаньярами было распространено убѣжденіе, что у него были совсѣмъ готовые списки новыхъ проскрипцій. 8 термидора (26 іюля) Робеспьеръ произнесъ въ конвентѣ (и повторилъ вечеромъ въ якобинскомъ клубѣ) рѣчь съ неопредѣленными обвиненіями, которыя каждый могъ принять на свой счетъ. Члены конвента, потребовали, чтобы онъ назвалъ имена новыхъ жертвъ, но онъ промолчалъ; въ клубѣ же было сильное раздраженіе противъ конвента, и наиболѣе горячія головы не прочь были повторить 31-ое мая. На другой день Робеспьеру не давали уже говорить въ конвентѣ, кричали: „Долой тиранна", требовали его ареста вмѣстѣ съ младшимъ братомъ, съ Кутономъ, С. Жюстомъ и еще однимъ его сторонникомъ (Леба). За Робеспьера заступился было общинный совѣтъ,—на конвентъ Анріо наводилъ уже пушки,—но собраніе не тронулось съ мѣста, да и парижскія секціи не поддержали движенія противъ конвента. Вечеромъ однако нѣсколько якобинцевъ освободили Робеспьера, привели его въ ратушу, и тутъ его сторонники организовали новый исполнительный, комитетъ объявившій повелѣніе „всѣмъ гражданамъ во имя спасенія народа не признавать иныхъ властей, кромѣ него". Конвентъ, засѣдавшій всю ночь, съ своей стороны объявилъ внѣ закона пятерыхъ депутатовъ со всѣми ихъ сторонниками и послалъ ихъ арестовать вновь. Кутонъ и С. Жюстъ не сопротивлялись, братъ Робеспьера выбросился въ окно, Леба застрѣлился, у самого Робеспьера выстрѣломъ изъ пистолета была раздроблена челюсть: говорили, будто онъ самъ выстрѣлилъ въ себя, но, по другому извѣстію, онъ былъ раненъ однимъ жандармомъ. 10 термидора арестованные и еще нѣсколько человѣкъ были гильотинированы, на другой день — еще семьдесятъ, на третій — тринадцать.

Такъ сходили съ революціонной сцены одни за другими жирондисты, эбертисты, дантонисты, наконецъ робеспьеристы. Съ паденіемъ Робеспьера терроръ, поддерживавшійся послѣднее время взаимнымъ недовѣріемъ и соперничествомъ вождей, окончился. Начиналась уже реакція, но смуты все продолжались.

XLI. Законодательство конвента [1]).

Законодательство конвента.—Жирондистская и якобинская деклараціи правъ.—Конституція 1793 г.—Правленіе конвента.—Термидоріанскій режимъ.—Смуты 1795 года.—Послѣдніе мѣсяцы конвента.—Конституція III года.—Церковь и государство при конвентѣ.—Общественная свобода при конвентѣ.—Дѣловые люди въ конвентѣ и результаты ихъ трудовъ.—Противоположеніе между политическимъ и соціальнымъ періодами революціи.—Предполагаемый соціализмъ конвента.—Вопросъ о правѣ частной собственности.—Право на трудъ.—Національныя имущества и общинныя земли при конвентѣ.

Съ начала революціи до перелома въ ея исторіи, обозначаемаго именемъ 9-го термидора, прошло пять лѣтъ. Старый порядокъ палъ, но не такъ легко было установиться новому. Основаніе ему было положено учредительнымъ собраніемъ, и дѣло, имъ сдѣланное, однако не удержалось. Конвентъ сталъ передѣлывать то, что было выработано учредительнымъ собраніемъ и, расходясь (26 октября 1795 г.), объявилъ, что исполнилъ свою задачу; задача же эта, какъ мы знаемъ, состояла въ томъ, чтобы дать Франціи республиканскую организацію. Разсмотримъ теперь, что оставилъ конвентъ своимъ преемникамъ.

Мы видѣли раньше, что въ 1793 г. сначала жирондисты, потомъ якобинцы составили для Франціи республиканскія конституціи, и что якобинская была принята народомъ, но не была приведена въ исполненіе. Якобинцы исходили въ своей конституціи изъ тѣхъ же общихъ основаній, что и жирондисты, какъ это можно видѣть уже изъ сравненія жирондистской „деклараціи естественныхъ, гражданскихъ и политическихъ правъ человѣка“ съ деклараціей якобинской. Въ *общемъ, впрочемъ, послѣднія мало чѣмъ отличаются и отъ деклараціи 1791 г.*, съ болѣе сильнымъ только заявленіемъ о верховенствѣ націи (напримѣръ, на неограниченный пересмотръ конституціи) и о правѣ сопротивленія, даже о правѣ возмущенія, о которомъ говоритъ декларація 1793 г., и съ нѣкоторыми прибавленіями, изъ которыхъ отмѣтимъ два: статья 23 жирондистскаго проекта провозглашаетъ, „что образованіе есть общая потребность и что общество должно давать его всѣмъ своимъ членамъ“, а статья 24 гласитъ, что „общественная помощь есть священный долгъ общества“, въ силу чего „законъ долженъ опредѣлить ея размѣръ и способъ примѣненія“. Обѣ эти статьи приняты были въ якобинскую декларацію въ такой формѣ: „Общественная помощь есть священный долгъ.

[1]) См. сочиненія, указанныя въ главѣ XXXVI.

Общество обязано давать средства къ существованію несчастнымъ гражданамъ чрезъ доставленіе имъ работы или обезпечивая ихъ пропитаніе, если они не въ состояніи работать (ст. 21). Образованіе есть общая потребность. Общество всею своею властью должно содѣйствовать успѣхамъ общественнаго разума (favoriser de tout son pouvoir les progrès de la raison publique) и сдѣлать образованіе доступнымъ всѣмъ гражданамъ" (ст. 22). Такимъ образомъ обѣ деклараціи 1793 г. возлагаютъ на государство такія задачи, какихъ не знала декларація 1791 г., но одну изъ которыхъ мы находимъ, напримѣръ, въ философскомъ Allgemeines Landrecht Фридриха II. Не нужно, однако, думать, что впервые только конвентъ поставилъ во Франціи вопросъ о правѣ на трудъ. Между прочимъ статья 21 якобинской деклараціи давала иногда поводъ говорить также о соціализмѣ и чуть не коммунизмѣ якобинцевъ, въ противоположность къ индивидуалистамъ-жирондистамъ, но дѣло въ томъ, что совершенно такая же статья была и въ жирондистскомъ проектѣ. Мало того: и одни, и другіе, подобно авторамъ деклараціи 1791 г., включаютъ въ число естественныхъ правъ и собственность (ст. 1 у жирондистовъ, ст. 2 у якобинцевъ), и якобинская декларація не менѣе жирондистской, равно какъ и деклараціи 1791 г., обезпечиваютъ полное право собственности. „Право собственности, сказано въ деклараціи 1793 г., есть право каждаго гражданина пользоваться и располагать по собственному усмотрѣнію (a son gré) своими доходами, плодами своихъ трудовъ и своихъ занятій (ст. 16). Никто не можетъ быть лишаемъ ни малѣйшей части своего имущества безъ собственнаго на то согласія, кромѣ случаевъ, когда того требуетъ общественная надобность, легально установленная, и подъ условіемъ справедливаго предварительнаго вознагражденія (ст. 17)"[1]. Такимъ образомъ *конституція 1793 г. не измѣняла ни въ чемъ того соціальнаго строя, который очерченъ статьями первой деклараціи правъ*. Статья 18 якобинской деклараціи прямо признаетъ существованіе законнаго отношенія между наемщикомъ и наймитомъ. Большій демократизмъ конституціи 1793 г. былъ чисто политическій, такъ какъ выборы были сдѣланы прямыми, т.-е. первичныя собранія непосредственно должны были выбирать представителей (одного на 40 т. жителей), при чемъ цензъ былъ отмѣненъ и предѣльный возрастъ избирателей былъ пониженъ съ 25 лѣтъ на 21 годъ, и, кромѣ того, въ конституцію вводился и принципъ непосредственнаго народовластія.

---

[1]) Мы еще вернемся къ предметамъ, разсматриваемымъ въ этихъ статьяхъ.

Мы знаемъ уже, какъ думали жирондисты сочетать послѣднее съ представительствомъ, но ихъ система была крайне непрактична, даже неосуществима. Якобинцы, стремясь къ той же цѣли, показали большую способность принимать въ расчетъ реальныя условія осуществленія идеи. Конституція 1793 г. въ принципѣ также объявляла непосредственный суверенитетъ народа: „верховный народъ есть совокупность (universalité) французскихъ гражданъ", и ему принадлежитъ право законодательныхъ рѣшеній. Но рядомъ съ суреннымъ народомъ признается существованіе представительнаго учрежденія—законодательнаго корпуса, единаго, нераздѣльнаго и непрерывнаго, выбираемаго на годъ съ правомъ издавать декреты и предлагать (proposer) законы. Проекты законовъ, принятые законодательнымъ корпусомъ, должны были печататься и разсылаться во всѣ общины республики. Если въ теченіе сорока дней одна десятая часть первичныхъ собраній въ половинѣ общаго числа департаментовъ *плюсъ* одинъ департаментъ не опротестуетъ, проектъ дѣлается закономъ, и лишь въ противномъ случаѣ созываются первичныя собранія, на которыхъ, впрочемъ, народъ могъ вотировать только *да* или *нѣтъ*. Такая система, по которой иниціатива законовъ принадлежала исключительно представительству, а народу давалось нѣчто въ родѣ *veto*, была осуществимѣе проекта жирондистовъ. Что касается до исполнительной власти, то конституція 1793 г. вручала ее исполнительному комитету изъ двадцати четырехъ членовъ, назначаемыхъ законодательнымъ корпусомъ изъ лицъ, представленныхъ департаментскими собраніями. Наконецъ, десятая часть первичныхъ собраній, въ половинѣ общаго числа департаментовъ *плюсъ* одинъ, въ каждый моментъ могла требовать пересмотра конституціи. Въ общемъ эта наиболѣе демократическая изъ всѣхъ французскихъ конституцій ослабляла и законодательную, и исполнительную власти, выбиравшіяся лишь на одинъ годъ. Понятно, что сами творцы конституціи при тѣхъ обстоятельствахъ, какія тогда переживала Франція, издавали ее преимущественно лишь въ угоду общественному мнѣнію, но не могли ее приложить къ дѣлу. Административная система сохранялась въ конституціи 1793 г. та же, которая была установлена учредительнымъ собраніемъ, т.-е. оставлялась полнѣйшая децентрализація, какая, дѣйствительно, могла бы повести къ федерализму, въ которомъ обвинялись жирондисты. Замѣтимъ еще, что въ конституціи 1793 г. были статьи, касавшіяся и международныхъ отношеній: „французскій народъ—другъ и естественный союзникъ свободныхъ народовъ; онъ не вмѣшивается въ дѣла правленія другихъ націй и не терпитъ, чтобы другія націи вмѣшивались въ его собственныя дѣла; онъ даетъ убѣжище иностранцамъ, изгнан-

нымъ изъ отечества за дѣло свободы, но отказываетъ въ убѣжищѣ тираннамъ; онъ не заключаетъ мира съ непріятелемъ, занимающимъ его территорію".

Вмѣсто какой-либо конституціи за все время конвента (1792—1795) во Франціи существовала диктатура, какъ на дѣлѣ существовала и диктатура учредительнаго собранія (1789—1791), пока вырабатывалась конституція 1791 г. Дѣйствительно, *власть конвента была столь же неограниченна, какъ и власть абсолютныхъ монарховъ.* Собственно правительственная власть была въ рукахъ разныхъ комитетовъ, изъ которыхъ наиболѣе важную роль играли комитетъ общественнаго спасенія и комитетъ общей безопасности (comité du salut public, comité de la sûreté générale). Первый изъ нихъ,—въ составъ котораго въ разное время входили между прочимъ С. Жюстъ, Кутонъ, Робеспьеръ, при чемъ въ концѣ составъ его не обновлялся,—пользовался исполнительною властью, а второй имѣлъ право предавать революціонному суду. Подъ начальствомъ комитета общественнаго спасенія находились коммиссіи (числомъ двѣнадцать), замѣнившія собою по декрету 12 жерминаля II года (1 апрѣля 1794 г.) министровъ, какъ „учрежденіе монархическое". На практикѣ, далѣе, и муниципальныя, и департаментскія власти, выходившія изъ народнаго выбора, должны были подчиниться установленнымъ въ каждой общинѣ комитетамъ надзора (21 марта 1793 г.) и національнымъ агентамъ, или конвентскимъ коммиссарамъ (représentants en mission), распоряжавшимся революціонной арміей и революціоннымъ судомъ. Этотъ послѣдній дѣйствовалъ безъ какихъ бы то ни было гарантій для подсудимыхъ, хотя бы даже они были и депутаты. Между тѣмъ на словахъ якобинцы продолжали исповѣдовать либеральные принципы 1789 г., оправдываясь тѣмъ, что революціонное правленіе было нужно только на время войны. Въ спеціальныхъ декретахъ о временномъ правительствѣ мы читаемъ: „временное правительство Франціи есть революціонное до заключенія мира", всѣ власти „поставлены подъ надзоръ комитета общественнаго спасенія, который будетъ каждую недѣлю давать отчетъ конвенту", „революціонные законы должны исполняться быстро" (декр. 10 окт. 1793 г.). „Національный конвентъ есть единственный центръ, приводящій въ движеніе правительство", сказано также въ декретѣ 4 декабря 1793 г., установившемъ всю организацію диктатуры и предписавшемъ „очистить" всѣ установленныя власти отъ ненадежныхъ элементовъ. Какъ бы тамъ ни было, однако, *якобинское правленіе и якобинская конституція находились въ самомъ рѣзкомъ между собою противорѣчіи.*

Паденіе Робеспьера, С. Жюста и Кутона, въ которомъ главную

роль игралъ другой тріумвиратъ въ комитетѣ общественнаго спасенія (Колло, Билло и Барёръ), сдѣлалось поворотнымъ пунктомъ въ исторіи террора. Въ оба комитета и въ революціонный судъ были назначены послѣ 9 термидора новые члены, и были возстановлены личныя гарантіи подсудимыхъ. Въ самомъ конвентѣ произошла реорганизація прежнихъ партій. Рядомъ съ монтаньярами, какъ ихъ противники, стали теперь „термидоріанцы", сблизившіеся съ умѣренными, но между новыми партійными комбинаціями продолжалась прежняя борьба съ прежними же поползновеніями къ захвату власти. Термидоріанцы, хотя и говорившіе о продолженіи революціоннаго режима и даже устроившіе перенесеніе въ Пантеонъ праха Марата и Руссо, вели кампанію противъ клубовъ и подъ предлогомъ безпорядковъ даже закрыли (въ ночь съ 11 на 12 ноября 1794 г.) якобинскій клубъ. Вскорѣ (8 дек.) въ конвентъ были возвращены 73 жирондиста, исключенные за свой протестъ противъ „31 мая", что еще болѣе усилило умѣренную партію, въ которой вскорѣ началъ играть очень видную роль Сіэсъ. Ужасный Каррье, обвиненный въ страшныхъ злодѣяніяхъ во время террора и оправдывавшійся тѣмъ, что вѣдь „всѣ же были одинаково виноваты", былъ преданъ (498 голосовъ изъ 500) суду и казненъ. Начались преслѣдованія и противъ другихъ лицъ, хотя общій характеръ новаго режима долженъ былъ заключаться въ амнистіи; даже декреты объ изгнаніи дворянъ и неприсяжныхъ священниковъ были взяты назадъ. Въ 1795 г. реакція усилилась еще болѣе. Въ февралѣ бюстъ Марата былъ вынесенъ изъ залы засѣданій, а въ мартѣ возвращены были въ конвентъ изъ объявленныхъ „внѣ закона" жирондистовъ двадцать два депутата (между ними Инаръ и Ланжюинэ).

Парижъ, однако, все еще продолжалъ волноваться. 12 жерминаля (1 апр. 1795 г.) на конвентъ сдѣлано было нападеніе парижскаго пролетаріата, просившаго „хлѣба и конституціи 1793 г.", что только дало поводъ большинству конвента арестовать и даже казнить нѣкоторыхъ монтаньяровъ, реорганизовать національную гвардію и обезоружить предмѣстья. 1 преріаля (20 мая) произошло еще одно нападеніе на конвентъ народной толпы, убившей даже одного изъ депутатовъ, и это было снова „возстаніе народа для полученія хлѣба и возвращенія своихъ правъ". Въ собраніи произошелъ переполохъ; ворвавшіеся въ залу инсургенты заняли мѣста депутатовъ и вмѣстѣ съ монтаньярами декретировали возстановленіе революціонныхъ мѣръ, но когда бо̀льшая часть этой толпы къ ночи удалилась, а остальныхъ разогнала національная гвардія, мѣры, декретированныя народомъ, были снова отмѣнены, а монтаньяры, виновные въ сообщничествѣ съ инсургентами, были преданы суду. Въ слѣдующіе дни въ

Парижъ были введены войска, совершено было до десяти тысячъ арестовъ; многіе взятые подъ стражу судились затѣмъ военнымъ судомъ и были разстрѣляны, и снова погибло еще нѣсколько человѣкъ изъ конвента, такъ называемые „послѣдніе монтаньяры" [1]). *„Преріаль" III года нанесъ послѣдній ударъ революціонному движенію въ лицѣ санкюлотовъ и „послѣднихъ монтаньяровъ", потерпѣвшихъ пораженіе отъ термидоріанцевъ.* Въ то же самое время начались коегдѣ роялистическія возстанія, нерѣдко прикрывавшіяся, впрочемъ, знаменемъ жирондистовъ и дѣйствовавшія террористическими средствами противъ „патріотовъ". На югѣ Франціи такое движеніе приняло даже довольно значительные размѣры, да и вандейцы не были еще усмирены. Опять конвенту приходилось поэтому принимать чрезвычайныя мѣры.

Но время революціоннаго правительства все-таки приближалось къ концу. 22 августа 1795 г. конвентъ принялъ новую конституцію, которая получила названіе конституціи (5 фрюктидора) III года, и постановилъ, чтобы въ новыя законодательныя собранія („совѣтъ пятисотъ" и „совѣтъ старѣйшинъ") двѣ трети членовъ были избраны непремѣнно изъ членовъ конвента, т.-е. въ данномъ случаѣ была принята мѣра, діаметрально противоположная самоисключенію членовъ учредительнаго собранія. И новая конституція, и декретъ о двухъ третяхъ были приняты въ первичныхъ собраніяхъ—первый милліономъ голосовъ противъ 50 т., второй 168 т. противъ 95 т. [2]). Роялисты, въ это время повсюду поднимавшіе голову, рѣшились въ самомъ Парижѣ произвести возстаніе послѣ того, какъ въ силу упомянутаго закона потеряли надежду получить перевѣсъ на выборахъ и легальнымъ путемъ возстановить монархію [3]). 13 вандемьера (5 октября 1795 г.) они возмутили противъ конвента нѣсколько секцій Парижа и сдѣлали на него нападеніе, имѣя въ распоряженіи около 30 тысячъ человѣкъ, которыхъ и двинули на Тюйльери. Конвентъ былъ спасенъ, благодаря только военной силѣ, особенно благоданя распорядительности молодого артиллерійскаго офицера Бонапарта, встрѣтившаго нападавшихъ картечью. Одержавъ побѣду надъ этимъ возстаніемъ, конвентъ, въ качествѣ „національнаго избирательнаго собранія", назначилъ (по закону о двухъ третяхъ) членовъ въ новыя законодательныя учрежденія. Когда оба совѣта („пятисотъ" и „старѣйшинъ"), полагавшіеся по конституціи III года, окончательно

[1]) *Claretie.* Les derniers montagnards.

[2]) Нужно обратить вниманіе на малое число голосовъ.

[3]) Замѣтимъ, что когда умеръ (8 іюня 1795) дофинъ, сынъ Людовика XVI, европейская коалиція признала королемъ Франціи гр. Прованскаго, подъ именемъ Людовика XVIII.

сформировались (17 октября), то уже сами выбрали пятерыхъ директоровъ, которымъ вручалась исполнительная власть. Это были Ларевельеръ-Лепо, Ревбель, Летурнеръ, Баррасъ и Карно, всѣ республиканцы, подававшіе въ конвентѣ голосъ за казнь короля. Уступая 26 октября свое мѣсто новымъ властямъ, конвентъ декретировалъ уничтоженіе смертной казни послѣ общаго умиротворенія и общую амнистію, изъ которой были исключены лишь эмигранты, неприсяжные священники, поддѣлыватели ассигнатовъ и вандемьерскіе инсургенты. На другой день (27 октября) Тюильерійскій дворецъ былъ занятъ комитетами „пятисотъ" и „старѣйшинъ", а Люксембургскій—директорами, и такимъ образомъ конституція III года вступила въ дѣйствіе. Ею Франція управлялась четыре года: революціонная диктатура уступила теперь мѣсто конституціонной республикѣ.

Со времени принятія конвентомъ конституціи 1793 г. до введенія имъ конституціи III года прошло болѣе двухъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ терроръ успѣлъ достигнуть своего апогея, а затѣмъ успѣла обнаружиться и реакція. Все это сказалось на томъ глубокомъ различіи, которое существуетъ между двумя республиканскими конституціями, бывшими дѣломъ одного и того же конвента. Крайніе демократы, какими были жирондисты и якобинцы, сошедшіе къ 1795 году со сцены, *уступили теперь мѣсто людямъ болѣе умѣреннымъ или такимъ, которые подъ вліяніемъ событій послѣдняго времени отказались отъ многаго изъ того, что сами же прежде защищали.* Дѣйствительно, новое настроеніе отразилось на деклараціи, предпосланной конституціи. Прежде всего изъ правъ человѣка и гражданина было исключено право сопротивленія. И въ декларацію, кромѣ правъ (22 статьи), включены были и обязанности (9 статей). Естественными правами объявлялись попрежнему свобода, равенство, безопасность и собственность (ст. 1—5), при чемъ личная неприкосновенность обезпечивалась цѣлымъ рядомъ спеціальныхъ статей. Законъ попрежнему опредѣлялся, какъ выраженіе общей воли (ст. 6), а верховная власть, какъ заключающаяся въ совокупности гражданъ (ст. 17), но уже съ прибавкою, что частныя соединенія гражданъ не имѣютъ права присвоивать себѣ верховной власти и что „никто безъ законной делегаціи не можетъ пользоваться какою-либо властью или исполнять какую-либо общественную должность" (ст. 18—19). Наконецъ, раздѣленіе властей и отвѣтственность агентовъ власти называются необходимыми условіями общественной гарантіи (ст. 22). Изложеніе обязанностей гражданина имѣетъ характеръ преимущественно моральный: особенно, впрочемъ, выдвигаются требованіе подчиненія законамъ и законнымъ властямъ (ст. 3, 5, 6 и 9) и требованіе поддер-

Парижъ были введены войска, совершено было до десяти тысячъ арестовъ; многіе взятые подъ стражу судились затѣмъ военнымъ судомъ и были разстрѣляны, и снова погибло еще нѣсколько человѣкъ изъ конвента, такъ называемые „послѣдніе монтаньяры“ [1]). *„Преріаль“ III года нанесъ послѣдній ударъ революціонному движенію въ лицѣ санкюлотовъ и „послѣднихъ монтаньяровъ“, потерпѣвшихъ пораженіе отъ термидоріанцевъ.* Въ то же самое время начались коегдѣ роялистическія возстанія, нерѣдко прикрывавшіяся, впрочемъ, знаменемъ жирондистовъ и дѣйствовавшія террористическими средствами противъ „патріотовъ“. На югѣ Франціи такое движеніе приняло даже довольно значительные размѣры, да и вандейцы не были еще усмирены. Опять конвенту приходилось поэтому принимать чрезвычайныя мѣры.

Но время революціоннаго правительства все-таки приближалось къ концу. 22 августа 1795 г. конвентъ принялъ новую конституцію, которая получила названіе конституціи (5 фрюктидора) III года, и постановилъ, чтобы въ новыя законодательныя собранія („совѣтъ пятисотъ“ и „совѣтъ старѣйшинъ“) двѣ трети членовъ были избраны непремѣнно изъ членовъ конвента, т.-е. въ данномъ случаѣ была принята мѣра, діаметрально противоположная самоисключенію членовъ учредительнаго собранія. И новая конституція, и декретъ о двухъ третяхъ были приняты въ первичныхъ собраніяхъ—первый милліономъ голосовъ противъ 50 т., второй 168 т. противъ 95 т. [2]). Роялисты, въ это время повсюду поднимавшіе голову, рѣшились въ самомъ Парижѣ произвести возстаніе послѣ того, какъ въ силу упомянутаго закона потеряли надежду получить перевѣсъ на выборахъ и легальнымъ путемъ возстановить монархію [3]). 13 вандемьера (5 октября 1795 г.) они возмутили противъ конвента нѣсколько секцій Парижа и сдѣлали на него нападеніе, имѣя въ распоряженіи около 30 тысячъ человѣкъ, которыхъ и двинули на Тюйльери. Конвентъ былъ спасенъ, благодаря только военной силѣ, особенно благодаря распорядительности молодого артиллерійскаго офицера Бонапарта, встрѣтившаго нападавшихъ картечью. Одержавъ побѣду надъ этимъ возстаніемъ, конвентъ, въ качествѣ „національнаго избирательнаго собранія“, назначилъ (по закону о двухъ третяхъ) членовъ въ новыя законодательныя учрежденія. Когда оба совѣта („пятисотъ“ и „старѣйшинъ“), полагавшіеся по конституціи III года, окончательно

---

[1]) *Claretie.* Les derniers montagnards.

[2]) Нужно обратить вниманіе на малое число голосовъ.

[3]) Замѣтимъ, что когда умеръ (8 іюня 1795) дофинъ, сынъ Людовика XVI, европейская коалиція признала королемъ Франціи гр. Прованскаго, подъ именемъ Людовика XVIII.

сформировались (17 октября), то уже сами выбрали пятерыхъ директоровъ, которымъ вручалась исполнительная власть. Это были Ларевельеръ-Лепо, Ревбель, Летурнеръ, Баррасъ и Карно, всѣ республиканцы, подававшіе въ конвентѣ голосъ за казнь короля. Уступая 26 октября свое мѣсто новымъ властямъ, конвентъ декретировалъ уничтоженіе смертной казни послѣ общаго умиротворенія и общую амнистію, изъ которой были исключены лишь эмигранты, неприсяжные священники, поддѣлыватели ассигнатовъ и вандемьерскіе инсургенты. На другой день (27 октября) Тюйльерійскій дворецъ былъ занятъ комитетами „пятисотъ" и „старѣйшинъ", а Люксембургскій—директорами, и такимъ образомъ конституція III года вступила въ дѣйствіе. Ею Франція управлялась четыре года: революціонная диктатура уступила теперь мѣсто конституціонной республикѣ.

Со времени принятія конвентомъ конституціи 1793 г. до введенія имъ конституціи III года прошло болѣе двухъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ терроръ успѣлъ достигнуть своего апогея, а затѣмъ успѣла обнаружиться и реакція. Все это сказалось на томъ глубокомъ различіи, которое существуетъ между двумя республиканскими конституціями, бывшими дѣломъ одного и того же конвента. Крайніе демократы, какими были жирондисты и якобинцы, сошедшіе къ 1795 году со сцены, *уступили теперь мѣсто людямъ болѣе умѣреннымъ или такимъ, которые подъ вліяніемъ событій послѣдняго времени отказались отъ многаго изъ того, что сами же прежде защищали*. Дѣйствительно, новое настроеніе отразилось на декларацін, предпосланной конституціи. Прежде всего изъ правъ человѣка и гражданина было исключено право сопротивленія. И въ декларацію, кромѣ правъ (22 статьи), включены были и обязанности (9 статей). Естественными правами объявлялись попрежнему свобода, равенство, безопасность и собственность (ст. 1—5), при чемъ личная неприкосновенность обезпечивалась цѣлымъ рядомъ спеціальныхъ статей. Законъ попрежнему опредѣлялся, какъ выраженіе общей воли (ст. 6), а верховная власть, какъ заключающаяся въ совокупности гражданъ (ст. 17), но уже съ прибавкою, что частныя соединенія гражданъ не имѣютъ права присвоивать себѣ верховной власти и что „никто безъ законной делегаціи не можетъ пользоваться какою-либо властью или исполнять какую-либо общественную должность" (ст. 18—19). Наконецъ, раздѣленіе властей и отвѣтственность агентовъ власти называются необходимыми условіями общественной гарантіи (ст. 22). Изложеніе обязанностей гражданина имѣетъ характеръ преимущественно моральный: особенно, впрочемъ, выдвигаются требованіе подчиненія законамъ и законнымъ властямъ (ст. 3, 5, 6 и 9) и требованіе поддер-

Парижъ были введены войска, совершено было до десяти тысячъ арестовъ; многіе взятые подъ стражу судились затѣмъ военнымъ судомъ и были разстрѣляны, и снова погибло еще нѣсколько человѣкъ изъ конвента, такъ называемые „послѣдніе монтаньяры“ [1]). „*Преріаль*“ *III года нанесъ послѣдній ударъ революціонному движенію въ лицѣ санкюлотовъ и „послѣднихъ монтаньяровъ“, потерпѣвшихъ пораженіе отъ термидоріанцевъ.* Въ то же самое время начались коегдѣ роялистическія возстанія, нерѣдко прикрывавшіяся, впрочемъ, знаменемъ жирондистовъ и дѣйствовавшія террористическими средствами противъ „патріотовъ“. На югѣ Франціи такое движеніе приняло даже довольно значительные размѣры, да и вандейцы не были еще усмирены. Опять конвенту приходилось поэтому принимать чрезвычайныя мѣры.

Но время революціоннаго правительства все-таки приближалось къ концу. 22 августа 1795 г. конвентъ принялъ новую конституцію, которая получила названіе конституціи (5 фрюктидора) III года, и постановилъ, чтобы въ новыя законодательныя собранія („совѣтъ пятисотъ“ и „совѣтъ старѣйшинъ“) двѣ трети членовъ были избраны непремѣнно изъ членовъ конвента, т.-е. въ данномъ случаѣ была принята мѣра, діаметрально противоположная самоисключенію членовъ учредительнаго собранія. И новая конституція, и декретъ о двухъ третяхъ были приняты въ первичныхъ собраніяхъ—первый милліономъ голосовъ противъ 50 т., второй 168 т. противъ 95 т. [2]). Роялисты, въ это время повсюду поднимавшіе голову, рѣшились въ самомъ Парижѣ произвести возстаніе послѣ того, какъ въ силу упомянутаго закона потеряли надежду получить перевѣсъ на выборахъ и легальнымъ путемъ возстановить монархію [3]). 13 вандемьера (5 октября 1795 г.) они возмутили противъ конвента нѣсколько секцій Парижа и сдѣлали на него нападеніе, имѣя въ распоряженіи около 30 тысячъ человѣкъ, которыхъ и двинули на Тюильери. Конвентъ былъ спасенъ, благодаря только военной силѣ, особенно благоданя распорядительности молодого артиллерійскаго офицера Бонапарта, встрѣтившаго нападавшихъ картечью. Одержавъ побѣду надъ этимъ возстаніемъ, конвентъ, въ качествѣ „національнаго избирательнаго собранія“, назначилъ (по закону о двухъ третяхъ) членовъ въ новыя законодательныя учрежденія. Когда оба совѣта („пятисотъ“ и „старѣйшинъ“), полагавшіеся по конституціи III года, окончательно

---

[1]) *Claretie.* Les derniers montagnards.

[2]) Нужно обратить вниманіе на малое число голосовъ.

[3]) Замѣтимъ, что когда умеръ (8 іюня 1795) дофинъ, сынъ Людовика XVI, европейская коалиція признала королемъ Франціи гр. Прованскаго, подъ именемъ Людовика XVIII.

сформировались (17 октября), то уже сами выбрали пятерыхъ директоровъ, которымъ вручалась исполнительная власть. Это были Ларевельеръ-Лепо, Ревбель, Летурнеръ, Баррасъ и Карно, всѣ республиканцы, подававшіе въ конвентѣ голосъ за казнь короля. Уступая 26 октября свое мѣсто новымъ властямъ, конвентъ декретировалъ уничтоженіе смертной казни послѣ общаго умиротворенія и общую амнистію, изъ которой были исключены лишь эмигранты, неприсяжные священники, поддѣлыватели ассигнатовъ и вандемьерскіе инсургенты. На другой день (27 октября) Тюйльерійскій дворецъ былъ занятъ комитетами „пятисотъ" и „старѣйшинъ", а Люксембургскій—директорами, и такимъ образомъ конституція III года вступила въ дѣйствіе. Ею Франція управлялась четыре года: революціонная диктатура уступила теперь мѣсто конституціонной республикѣ.

Со времени принятія конвентомъ конституціи 1793 г. до введенія имъ конституціи III года прошло болѣе двухъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ терроръ успѣлъ достигнуть своего апогея, а затѣмъ успѣла обнаружиться и реакція. Все это сказалось на томъ глубокомъ различіи, которое существуетъ между двумя республиканскими конституціями, бывшими дѣломъ одного и того же конвента. Крайніе демократы, какими были жирондисты и якобинцы, сошедшіе къ 1795 году со сцены, *уступили теперь мѣсто людямъ болѣе умѣреннымъ или такимъ, которые подъ вліяніемъ событій послѣдняго времени отказались отъ многаго изъ того, что сами же прежде защищали*. Дѣйствительно, новое настроеніе отразилось на декларації, предпосланной конституціи. Прежде всего изъ правъ человѣка и гражданина было исключено право сопротивленія. И въ декларацію, кромѣ правъ (22 статьи), включены были и обязанности (9 статей). Естественными правами объявлялись попрежнему свобода, равенство, безопасность и собственность (ст. 1—5), при чемъ личная неприкосновенность обезпечивалась цѣлымъ рядомъ спеціальныхъ статей. Законъ попрежнему опредѣлялся, какъ выраженіе общей воли (ст. 6), а верховная власть, какъ заключающаяся въ совокупности гражданъ (ст. 17), но уже съ прибавкою, что частныя соединенія гражданъ не имѣютъ права присвоивать себѣ верховной власти и что „никто безъ законной делегаціи не можетъ пользоваться какою-либо властью или исполнять какую-либо общественную должность" (ст. 18—19). Наконецъ, раздѣленіе властей и отвѣтственность агентовъ власти называются необходимыми условіями общественной гарантіи (ст. 22). Изложеніе обязанностей гражданина имѣетъ характеръ преимущественно моральный: особенно, впрочемъ, выдвигаются требованіе подчиненія законамъ и законнымъ властямъ (ст. 3, 5, 6 и 9) и требованіе поддер-

Парижъ были введены войска, совершено было до десяти тысячъ арестовъ; многіе взятые подъ стражу судились затѣмъ военнымъ судомъ и были разстрѣляны, и снова погибло еще нѣсколько человѣкъ изъ конвента, такъ называемые „послѣдніе монтаньяры“ [1]). *„Преріаль“ III года нанесъ послѣдній ударъ революціонному движенію въ лицѣ санкюлотовъ и „послѣднихъ монтаньяровъ“, потерпѣвшихъ пораженіе отъ термидоріанцевъ.* Въ то же самое время начались кое-гдѣ роялистическія возстанія, нерѣдко прикрывавшіяся, впрочемъ, знаменемъ жирондистовъ и дѣйствовавшія террористическими средствами противъ „патріотовъ“. На югѣ Франціи такое движеніе приняло даже довольно значительные размѣры, да и вандейцы не были еще усмирены. Опять конвенту приходилось поэтому принимать чрезвычайныя мѣры.

Но время революціоннаго правительства все-таки приближалось къ концу. 22 августа 1795 г. конвентъ принялъ новую конституцію, которая получила названіе конституціи (5 фрюктидора) III года, и постановилъ, чтобы въ новыя законодательныя собранія („совѣтъ пятисотъ“ и „совѣтъ старѣйшинъ“) двѣ трети членовъ были избраны непремѣнно изъ членовъ конвента, т.-е. въ данномъ случаѣ была принята мѣра, діаметрально противоположная самоисключенію членовъ учредительнаго собранія. И новая конституція, и декретъ о двухъ третяхъ были приняты въ первичныхъ собраніяхъ—первый милліономъ голосовъ противъ 50 т., второй 168 т. противъ 95 т. [2]). Роялисты, въ это время повсюду поднимавшіе голову, рѣшились въ самомъ Парижѣ произвести возстаніе послѣ того, какъ въ силу упомянутаго закона потеряли надежду получить перевѣсъ на выборахъ и легальнымъ путемъ возстановить монархію [3]). 13 вандемьера (5 октября 1795 г.) они возмутили противъ конвента нѣсколько секцій Парижа и сдѣлали на него нападеніе, имѣя въ распоряженіи около 30 тысячъ человѣкъ, которыхъ и двинули на Тюйльери. Конвентъ былъ спасенъ, благодаря только военной силѣ, особенно благоданя распорядительности молодого артиллерійскаго офицера Бонапарта, встрѣтившаго нападавшихъ картечью. Одержавъ побѣду надъ этимъ возстаніемъ, конвентъ, въ качествѣ „національнаго избирательнаго собранія“, назначилъ (по закону о двухъ третяхъ) членовъ въ новыя законодательныя учрежденія. Когди оба совѣта („пятисотъ“ и „старѣйшинъ“), полагавшіеся по конституціи III года, окончательно

---

[1]) *Claretie.* Les derniers montagnards.

[2]) Нужно обратить вниманіе на малое число голосовъ.

[3]) Замѣтимъ, что когда умеръ (8 іюня 1795) дофинъ, сынъ Людовика XVI, европейская коалиція признала королемъ Франціи гр. Прованскаго, подъ именемъ Людовика XVIII.

сформировались (17 октября), то уже сами выбрали пятерыхъ директоровъ, которымъ вручалась исполнительная власть. Это были Ларевельеръ-Лепо, Ревбель, Летурнеръ, Баррасъ и Карно, всѣ республиканцы, подававшіе въ конвентѣ голосъ за казнь короля. Уступая 26 октября свое мѣсто новымъ властямъ, конвентъ декретировалъ уничтоженіе смертной казни послѣ общаго умиротворенія и общую амнистію, изъ которой были исключены лишь эмигранты, неприсяжные священники, поддѣлыватели ассигнатовъ и вандемьерскіе инсургенты. На другой день (27 октября) Тюйльерійскій дворецъ былъ занятъ комитетами „пятисотъ" и „старѣйшинъ", а Люксембургскій—директорами, и такимъ образомъ конституція III года вступила въ дѣйствіе. Ею Франція управлялась четыре года: революціонная диктатура уступила теперь мѣсто конституціонной республикѣ.

Со времени принятія конвентомъ конституціи 1793 г. до введенія имъ конституціи III года прошло болѣе двухъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ терроръ успѣлъ достигнуть своего апогея, а затѣмъ успѣла обнаружиться и реакція. Все это сказалось на томъ глубокомъ различіи, которое существуетъ между двумя республиканскими конституціями, бывшими дѣломъ одного и того же конвента. Крайніе демократы, какими были жирондисты и якобинцы, сошедшіе къ 1795 году со сцены, *уступили теперь мѣсто людямъ болѣе умѣреннымъ или такимъ, которые подъ вліяніемъ событій послѣдняго времени отказались отъ многаго изъ того, что сами же прежде защищали.* Дѣйствительно, новое настроеніе отразилось на деклараціи, предпосланной конституціи. Прежде всего изъ правъ человѣка и гражданина было исключено право сопротивленія. И въ декларацію, кромѣ правъ (22 статьи), включены были и обязанности (9 статей). Естественными правами объявлялись попрежнему свобода, равенство, безопасность и собственность (ст. 1—5), при чемъ личная неприкосновенность обезпечивалась цѣлымъ рядомъ спеціальныхъ статей. Законъ попрежнему опредѣлялся, какъ выраженіе общей воли (ст. 6), а верховная власть, какъ заключающаяся въ совокупности гражданъ (ст. 17), но уже съ прибавкою, что частныя соединенія гражданъ не имѣютъ права присвоивать себѣ верховной власти и что „никто безъ законной делегаціи не можетъ пользоваться какою-либо властью или исполнять какую-либо общественную должность" (ст. 18—19). Наконецъ, раздѣленіе властей и отвѣтственность агентовъ власти называются необходимыми условіями общественной гарантіи (ст. 22). Изложеніе обязанностей гражданина имѣетъ характеръ преимущественно моральный: особенно, впрочемъ, выдвигаются требованіе подчиненія законамъ и законнымъ властямъ (ст. 3, 5, 6 и 9) и требованіе поддер-

жанія (maintien) собственности, какъ основы всего общественнаго порядка (ст. 8).

Изъ декларацін правъ III года выпущено было право сопротивленія, такъ какъ составители не хотѣли дѣлать изъ новой деклараціи „арсеналъ для бунтовщиковъ". Вообще опытъ прошлаго сильно дѣйствовалъ на составителей конституціи. Буасси д'Англа, докладывавшій проектъ новаго государственнаго устройства, ссылался прямо не только на чужой историческій опытъ, но и на опытъ свой, французскій. Между прочимъ онъ особенно *настаивалъ на опасности одного собранія* безъ плотины, которая его сдерживала бы, т.-е. безъ раздѣленія представительства на двѣ палаты, дабы одна, подлежа контролю другой, была осмотрительнѣе въ своихъ рѣшеніяхъ, а другая могла предупреждать ошибки первой. „Всѣ власти, прибавлялъ къ этому докладчикъ, происходятъ отъ народа, но такъ какъ онъ не можетъ самъ ими пользоваться, ему нужно делегировать ихъ такимъ образомъ, чтобы ни одна власть не могла его угнетать". Это было прямо возвращеніемъ къ теоріи Монтескье. Мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ, что вопросъ о двухпалатной системѣ представительства ставился въ учредительномъ собраніи, но верхняя палата была тогда отвергнута даже Мирабо, думавшимъ, что достаточно будетъ королевскаго *veto* противъ злоупотребленій властью со стороны собранія. То, чего, однако, опасался Мирабо, случилось, и единое собраніе (конвентъ) сдѣлалось, дѣйствительно, деспотическимъ. Составители конституціи III года во избѣжаніе повторенія тиранніи со стороны національнаго представительства и нашли нужнымъ раздѣлить его на двѣ палаты или „совѣта"—совѣтъ пятисотъ (Conseil des Cinq-Cents) и совѣтъ старѣйшимъ (Conseil des anciens) изъ 250 членовъ: первый „предлагалъ" законы, второй ихъ „одобрялъ". Этой конституціей, далѣе, исполнительная власть поручалась пяти директорамъ, составлявшимъ директорію (directoire), при чемъ ея составъ обновлялся ежегодно выходомъ (по жребію) одного изъ ея членовъ и замѣщеніемъ ваканціи совѣтомъ старѣйшинъ по списку десяти кандидатовъ, представлявшемуся совѣтомъ пятисотъ. Директорія назначала министровъ, посланниковъ, генераловъ и всѣхъ чиновниковъ, которые не были выборными. Раздѣленіе властей было полное: депутаты не могли быть министрами; директоріи не было дано ни малѣйшаго участія въ законодательствѣ; какъ директорія не имѣла права распустить или отсрочить совѣты, такъ и послѣдніе не были въ правѣ низложить директоровъ. Въ этомъ былъ большой недостатокъ: двѣ власти ставились рядомъ, но безъ всякой связи между собою; въ случаѣ же столкновенія между ними не существовало средства разрѣшить кризисъ (напримѣръ, роспускомъ совѣтовъ и обращеніемъ къ націи или вы-

ходомъ въ отставку министровъ), что повело впослѣдствіи къ ряду государственныхъ переворотовъ [1]). Мало того, раздѣленіе исполнительной власти между пятью директорами вело къ конфликтамъ и между ними, выходомъ изъ которыхъ опять являлось простое правонарушеніе. *Все это дѣлало конституцію III года весьма неустойчивою*, и низверженіе ея Наполеономъ Бонапартомъ было лишь завершеніемъ тѣхъ ея нарушеній, которыя начаты были самими конституціонными властями (да и въ заговорѣ Бонапарта участвовали два директора. Наконецъ, въ принципѣ конституція III года удерживала всеобщую подачу голосовъ на выборахъ, но возвращалась къ двухстепенной системѣ выборовъ 1791 г. Что касается до администраціи, то въ конституціи III года замѣтно уже нѣкоторое стремленіе подчинить мѣстныя власти центральному правительству. Это выразилось въ дарованіи послѣднему права временно отрѣшать отъ должности или смѣщать эти власти (выборныя департаментскія и муниципальныя директоріи) и въ учрежденіи при нихъ особыхъ правительственныхъ коммиссаровъ въ роли контролеровъ, наблюдающихъ за исполненіемъ законовъ.

Мы знаемъ, что конвентъ весьма строго преслѣдовалъ неконституціонныхъ духовныхъ (декретъ 12 жерминаля грозилъ смертною казнью всякому, кто принялъ бы неприсяжнаго священника); что одно время отмѣнялось декретомъ конвента само христіанство, а другимъ вводился культъ Верховнаго Существа; что церкви запирались по приказанію муниципалитетовъ и запрещался всякій культъ, кромѣ гражданскаго (т.-е. кромѣ католическаго, запрещались культы протестантскій и еврейскій). Робеспьеръ старался отмѣнить антирелигіозный терроръ, исходившій не столько отъ конвента, сколько отъ муниципальныхъ властей. Самъ конвентъ провозгласилъ потомъ свободу культовъ. Въ сентябрѣ 1794 г. онъ объявилъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что республика не оплачиваетъ никакихъ служителей религіи. Декретъ 21 февраля 1795 г. запрещалъ нарушать свободу культовъ, но не дозволялъ никакого внѣшняго ихъ оказательства (процессіи на улицахъ, колокольный звонъ, религіозные знаки на зданіяхъ, особый духовный костюмъ). Декретъ 30 мая возвратилъ церкви ея зданія, которыя не были еще отчуждены, но декретъ 29 сентября подтвердилъ еще разъ запрещеніе внѣшнихъ знаковъ. Такъ какъ декретъ 21 февраля 1795 г. не дѣлалъ никакого различія между присяжными и неприсяжными священниками, то въ разныхъ мѣстахъ его толковали разнымъ образомъ, да и самъ конвентъ въ 1795 г. то возобновлялъ, то ослаблялъ прежнія мѣры (напримѣръ, согласившись въ

[1]) 18 фрюктидора и 22 флореаля противъ совѣтовъ и 30 преріаля противъ директоріи, о чемъ въ слѣдующей главѣ.

маѣ на то, чтобы священники давали только простое обѣщаніе подчиняться законамъ). Въ это время образовалось во Франціи два культа—присяжный и неприсяжный, но правительство, относясь довольно терпимо ко второму, не оплачивало и перваго и вмѣстѣ съ тѣмъ и ему не позволяло внѣшняго проявленія. Въ самомъ присяжномъ духовенствѣ возникъ также расколъ: нѣкоторые епископы женились и дозволили бракъ своимъ подчиненнымъ, тогда какъ другіе были противъ этого. Во всякомъ случаѣ *съ паденіемъ террора свобода совѣсти снова стала вступать въ свои нарушенныя права*.

Въ эпоху террора не могло быть также ни свободы собраній и сходокъ, ни свободы печати, если только дѣло не касалось клубовъ, сборищъ и изданій самихъ якобинцевъ. Роялистическіе или даже умѣренно-республиканскіе клубы и сходки разгонялись, подобно тому, какъ послѣ 9 термидора началась репрессія противъ якобинцевъ, и дѣло дошло до закрытія ихъ клуба. Законъ 25 вандемьера III года (16 октября 1795 г.) даже прямо запрещалъ какія бы то ни было сношенія между отдѣльными обществами, какъ нѣчто антиправительственное (subversives du gouvernement) и противное единству республики. Свободы прессы вообще не существовало съ 10 августа 1792 г. для роялистовъ, какъ „отравителей общественнаго мнѣнія", по выраженію парижскаго общиннаго совѣта. Де-Розу, редакторъ „Gazette de Paris", даже былъ приговоренъ къ смертной казни, а типографія „Ami du Roi" была отдана жирондистскому публицисту Горсà (Gorsas), издававшему „Courrier des départaments", но въ мартѣ 1793 г. его типографія была разрушена сторонниками якобинцевъ. Та же печальная судьба запрещеній и преслѣдованій постигла послѣ 31 мая 1793 г. вообще всѣ газеты жирондистскаго направленія, а затѣмъ и „Vieux Cordelier" Демулена (дантониста) или „Journal de Paris" поэта Андрея Шенье. Наконецъ, послѣ 9 термидора и якобинскія газеты подверглись подобной же участи. Сначала все это дѣлалось безъ всякаго закона, но 29 марта 1793 г. былъ изданъ декретъ, объявлявшій смертную казнь за призывъ къ убійству, нарушенію правъ собственности и возстановленію монархіи. Конституціи 1793 г. и III года провозгласили свободу печати, но истиннымъ выразителемъ мнѣній тогдашняго общества по этому вопросу были не составители декларацій и правъ, а Шабо, бывшій капуцинъ, который говорилъ, что свобода печати была нужна лишь для установленія свободы, но что затѣмъ роль ея кончилась, такъ какъ свобода прессы могла бы, пожалуй, повредить самой свободѣ. Не было также при террорѣ и свободы мѣстной жизни, несмотря на полную децентрализацію, введенную конституантой и въ принципѣ поддержанную конвентомъ. Противъ деспотизма парижскаго муниципалитета (коммуны) соверша-

лись возстанія въ другихъ городахъ и департаментахъ, но самое простое стремленіе къ пользованію мѣстной свободой разсматривалось, какъ „федерализмъ", за который именно, какъ извѣстно, немало и пострадали жирондисты.

Разсматривая вообще дѣятельность конвента, было бы одностороннимъ (въ томъ или другомъ направленіи) сводить всю его исторію къ борьбѣ его партій, къ организаціи имъ національной защиты, къ его деспотизму и террористическимъ мѣрамъ. Не всѣ якобинцы или ихъ союзники выдвигали на первый планъ клубную агитацію и политическія интриги въ конвентѣ. Между членами послѣдняго были и дѣловые люди, хорошіе работники, энергично трудившіеся въ комитетахъ, хотя (кромѣ Карно, „организатора побѣды") и бывшіе мало замѣтными на поприщѣ публичной жизни. Особенно напряженную дѣятельность развивали лица, завѣдовавшія арміей (Карно), снабженіемъ какъ арміи, такъ и флота всѣмъ необходимымъ (Пріёръ, Жанъ, Бонъ-С.-Андре), народнымъ продовольствіемъ (Ленде), финансами (Камбонъ), народнымъ просвѣщеніемъ (Лаканаль) и т. п. Ихъ преданности дѣлу, ихъ предусмотрительности, ихъ энергіи Франція дѣйствительно была очень многимъ обязана въ трудную пору своей жизни. Дѣловые люди, хорошіе работники были и между конвентскими коммиссарами въ департаментахъ. Противъ данныхъ, несомнѣнно свидѣтельствующихъ о томъ, что очень многіе изъ нихъ запятнали себя насиліями, жестокостями и грабежами, можно выставить рядъ другихъ данныхъ, указывающихъ и на чисто дѣловую и полезную работу этихъ „командированныхъ представителей народа". Кромѣ того, въ конвентѣ шла работа законодательнаго характера съ весьма важными результатами. Въ то самое время, какъ всѣ суды въ эпоху террора превратились въ произвольныя орудія тиранніи, а самъ конвентъ деспотически кассировалъ непонравившіяся ему судебныя рѣшенія, издавались новые законы, касавшіеся семейнаго, имущественнаго и наслѣдственнаго права. Многіе изъ нихъ не удержались, правда, при послѣдующихъ режимахъ, но нѣкоторые вообще вмѣстѣ съ законами конституанты и легислативы вошли потомъ въ составъ современнаго гражданскаго кодекса. Изданія новаго, общаго для всей Франціи кодекса просили еще наказы 1789 г., но первый проектъ кодекса былъ представленъ только конвенту Камбасересомъ (9 августа 1793 г.), а честь завершенія этой работы принадлежитъ эпохѣ консульства. Подобнаго рода предпріятія мы уже встрѣчали въ эпоху „просвѣщеннаго абсолютизма", но тогдашнія кодификаціи уступаютъ французской [1]). Камбонъ, завѣдовавшій финансами, также улучшилъ эту

[1]) *Sevin*. Etudes sur les origines révolutionnaires des codes Napoléon. См. также въ IV томѣ настоящаго труда.

важную сторону государственной жизни. Въ конвентѣ, далѣе, существовалъ особый комитетъ народнаго просвѣщенія, въ числѣ членовъ котораго послѣ Кондорсе, дѣйствовавшаго еще въ легислативѣ, весьма видную роль игралъ знаменитый Лаканаль. Уже наказы 1789 г. выражали извѣстныя желанія относительно народнаго образованія [1]). Первыя два собранія хотя и занимались этимъ вопросомъ, но почти ничего не сдѣлали, тогда какъ конвентъ, члены котораго ставили заботу о народномъ образованіи въ число обязанностей государства въ жирондистской и якобинской декларацiяхъ [2]), весьма много занимался народнымъ просвѣщеніемъ; по этому вопросу конвенту было представлено даже нѣсколько проектовъ. Къ сожалѣнію, и здѣсь дѣло не обошлось безъ колебаній, тѣмъ болѣе, что сразу было трудно выполнить великую задачу. Сначала въ силу декретовъ 30 вандемьера и 29 фримера II года (21 октября и 19 декабря 1793 г.) принятъ былъ принципъ для всѣхъ обязательнаго и дарового образованія, но декретомъ 3 брюмера IV года (25 октября 1795 г.) конвентъ отмѣнилъ это свое распоряженіе. По общему плану въ каждомъ департаментѣ должна была существовать средняя школа, въ которой отводилось широкое мѣсто математикѣ, естествознанію, исторіи и философіи. Для высшаго образованія, для науки и искусства конвентъ сдѣлалъ немало. Онъ создалъ Нормальную школу (9 брюмера III года, т.-е. 30 октября 1794 г.) для приготовленія преподавателей, и въ ней заняли каѳедры крупные ученые (Лангранжъ, Лапласъ, Монжъ, Гаюй, Бертолле) и литераторы (Вольней, Бернарденъ, де С. Пьеръ, Лагарпъ). Онъ создалъ далѣе Центральную школу публичныхъ работъ (позднѣе Политехническая школа), спеціальную Школу восточныхъ языковъ, Бюро долготъ, Консерваторію искусствъ и ремеслъ, Луврскій музей, Національную библіотеку, Національные архивы, Музей французскихъ древностей, Національную консерваторію музыки, Артиллерійскій музей, художественныя выставки и реформировалъ старыя учрежденія. Во главѣ всѣхъ этихъ учрежденій былъ поставленъ Національный институтъ, въ которомъ были слиты воедино реорганизованныя конвентомъ академіи, бывшія раньше, по выраженію Мирабо,

---

[1]) *Allain.* Cahier des états généraux relatifs à l'instruction publique. О томъ же см. нѣсколько страницъ въ книгѣ *Любимова* „Крушеніе монархіи во Франціи". Отмѣчаемъ и вообще литературу предмета: *A. Babeau.* L'école de village pendant la révolution.—*Hippeau* L'instruction primaire pendant la révolution.—*A. Durny* L'instruction publique et la révolution.—*Despois.* Le vandalisme révolutionnaire, fondations littéraires, scientifiques et artistiques de la convention.—*Guillaume.* Procès-verbaux du comité d'instruction publique de l'Assemblée legislative.—*Pouchet.* Les sciences pendant la Terreur.

[2]) Не даромъ авторъ первой былъ Кондорсе, еще легислативѣ представившій общій планъ организаціи народнаго образованія.

школами сервилизма и лжи (1795). Конвентъ напрасно обвиняли въ революціонномъ вандализмѣ: создавая Музей національныхъ древностей, конвентъ даже прямо запретилъ портить памятники старины подъ предлогомъ уничтоженія знаковъ феодализма и королевской власти. Если среди якобинцевъ и были люди, думавшіе, что „республикѣ не нужно ученыхъ“, то въ общемъ конвентъ держался мнѣнія Лаканаля, одного изъ своихъ членовъ, сдѣлавшагося предсѣдателемъ комитета народнаго просвѣщенія: „невѣжественный народъ не можетъ быть свободнымъ“. Конвентъ впервые узаконилъ и право литературной собственности („право генія“, по выраженію Лаканаля, 19 іюля 1793 г.), прежде бывшее королевской привилегіей.

Конвенту немало было хлопотъ съ благотворительностью и продовольствіемъ голодающихъ, что особенно вызывалось тяжелыми обстоятельствами эпохи. Особыя заботы конвента о неимущихъ дали нѣкоторымъ поводъ *противоположить эпоху 1793 г., какъ время реформъ соціальныхъ, эпохѣ 1789 г., какъ времени реформъ исключительно политическихъ.* Нѣтъ ничего неосновательнѣе такого раздѣленія, потому что и конституанта, и конвентъ одинаково были заняты разрѣшеніемъ обѣихъ категорій вопросовъ. Можно даже сказать, что главная соціальная реформа была произведена именно учредительнымъ собраніемъ, и что конвентъ ни въ чемъ не передѣлалъ, да и не пытался передѣлать соціальный строй, возникшій въ 1789—1791 гг. на развалинахъ стараго порядка. Онъ только довершилъ своимъ декретомъ 17 іюля 1793 г. начатое конституантой уничтоженіе феодальныхъ правъ. Односторонніе критики революціи ставили ей въ вину и то, будто она ограничилась однѣми лишь политическими реформами, не тронувъ соціальнаго строя, и то, будто она, наоборотъ, слишкомъ далеко ушла впередъ въ реформахъ соціальнаго характера, не сдѣлавъ ничего существеннаго въ политической области; но самое противорѣчіе это возможно лишь благодаря тому, что вообще исторія 1789—1799 гг. не была ни исключительно политическою, ни исключительно соціальною. Одно только вѣрно, что въ 1793 г.—да и то болѣе лишь теоретически—обострился вопросъ соціальный, откуда еще далеко до утвержденія, будто мыслью конвента было произвести какую-то соціальную революцію въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово употребляется въ XIX вѣкѣ. Хотя мы уже коснулись этого вопроса раньше, но теперь считаемъ нужнымъ къ нему вернуться еще разъ.

Приписываніе законодательству конвента (какъ и вообще якобинизму) соціалистическаго характера основывается на рядѣ недоразумѣній. Во-первыхъ, исходнымъ пунктомъ якобинизма была мысль чисто политическая, тогда какъ у соціалистовъ такою отправною точкою является мысль экономическая. Весь якобинизмъ заключенъ

въ „Общественномъ договорѣ“ Руссо, который было бы правильнѣе называть договоромъ государственнымъ, политическимъ, а не соціальнымъ. Руссо создалъ формулу „братской ассоціаціи“, какъ выражается Морлей, для политической жизни, но если эта формула Руссо нашла потомъ (у Луи Блана) примѣненіе къ жизни экономической, то самъ авторъ „Общественнаго договора“ не дѣлалъ такого примѣненія. Во-вторыхъ, многіе историки слишкомъ склонны видѣть прямой соціализмъ во всѣхъ заявленіяхъ, гдѣ сопоставляются богатство и бѣдность, говорится о неравенствѣ имуществъ и т. п., или въ чисто теоретическомъ отрицаніи правъ собственности, хотя бы отсюда не дѣлалось другихъ выводовъ, кромѣ улучшенія законовъ для облегченія участи бѣдняковъ или кромѣ необходимости организаціи общественной помощи. Въ-третьихъ, основу соціализма составляетъ, какъ извѣстно, ученіе о непримиримости интересовъ имущихъ и неимущихъ классовъ, на точку зрѣнія котораго якобинцы вовсе не становились, и, напримѣръ, Робеспьеръ прямо говорилъ, что весь вопросъ лишь въ томъ, чтобы сдѣлать бѣдность уважаемою, вовсе не уничтожая рядомъ съ нею и богатства. Въ-четвертыхъ, ни якобинцы, ни конвентъ вообще никогда не говорили о томъ, чтобы орудія производства и средства обмѣна должны были находиться въ общемъ обладаніи, или чтобы уничтожены были состоянія наемника и нанимателя, т.-е. продажа и покупка труда; среди членовъ клуба и собранія были даже такіе, которые скорѣе могли опасаться, какъ бы безъ стимула нужды рабочій человѣкъ не облѣнился. Что же касается до коммунизма, больше имѣвшаго чисто отвлеченный характеръ, то его идея распространялась лишь на одну поземельную собственность. Въ-пятыхъ, въ основу соціализма легло ученіе о необходимости обобществленія труда (travail sociétaire С. Симона), тогда какъ якобинцы и конвентъ были не менѣе, чѣмъ конституанта, враждебно настроены ко всякаго рода ассоціаціямъ, при чемъ имѣлось въ виду не только несоотвѣтствіе корпоративнаго интереса съ общимъ благомъ, но и то, что государство будетъ доставлять работу нуждающимся или оказывать помощь престарѣлымъ и больнымъ и тѣмъ самымъ дѣлать ненужными кассы взаимопомощи, которыя могли бы возникнуть при ассоціаціяхъ [1]). Наконецъ, уже въ силу простого смѣшенія понятій, дѣятельность революціоннаго правительства представляется соціалистическою и въ тѣхъ случаяхъ, когда, напримѣръ, это правительство регулировало рыночныя цѣны на припасы, запрещало оптовую ихъ закупку или храненіе ихъ въ большихъ складахъ, установляло maximum

---

[1]) Такое соображеніе высказывалось между прочимъ при обсужденіи закона 14 іюня 1791 г.

цѣны на хлѣбъ или принимало репрессивныя и террористическія мѣры противъ собственниковъ, враждебныхъ революціи.

Въ частности конвенту приписывается вражда къ принципу частной собственности, якобы заимствованная имъ у Руссо и другихъ демократическихъ писателей. Но вѣрно ли это? Въ извѣстномъ мѣстѣ своего разсужденія о неравенствѣ Руссо какъ-будто и въ самомъ дѣлѣ вооружается противъ права собственности, но въ дѣйствительности онъ нигдѣ не говоритъ о томъ, чтобы въ гражданскомъ состояніи возможна была отмѣна этого права. Мало того: въ этомъ же разсужденіи, объяснивъ возникновеніе собственности захватомъ, онъ самъ покидаетъ эту мысль и становится на точку зрѣнія Локка [1]), выводившаго право собственности изъ труда, а въ одномъ изъ примѣчаній прибавляетъ, что „строгое равенство естественнаго состоянія неосуществимо (praticable) въ гражданскомъ обществѣ". Въ статьѣ своей о политической экономіи Руссо даже называетъ собственность однимъ изъ самыхъ священныхъ правъ гражданина, такъ какъ она обезпечиваетъ сохраненіе жизни. Самою цѣлью общественнаго договора ставится у него обезпеченіе не только личности, но и имущества. У Руссо на первомъ планѣ политика, а не экономія, какъ и у Мабли,—поскольку послѣдній былъ представителемъ коммунистическихъ идей,—опять-таки главное дѣло не въ экономіи, а въ морали. Мабли порицаетъ частную собственность, какъ источникъ себялюбія, вреднаго въ моральномъ отношеніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Мабли самымъ рѣшительнымъ образомъ заявляетъ, что нужно ужъ терпѣть послѣдствія сдѣланной „глупости", и никакая людская сила не могла бы вернуть насъ къ естественному состоянію. Точно такъ же и Бриссо, въ сущности только повторявшій идеи Руссо и Мабли, исходилъ въ своихъ „Изслѣдованіяхъ о правѣ собственностя и кражи" изъ юридическихъ, а не экономическихъ соображеній и прямо говорилъ, что его разсужденіе не относится къ гражданскому обществу. Бриссо самъ участвовалъ въ революціи, но стоялъ въ рядахъ партіи, которую никто не обвинялъ въ нападеніи на собственность. Переходя къ якобинцамъ, можно положительно сказать, что Робеспьеръ никогда не призывалъ къ упраздненію частной собственности. Онъ стоялъ на точкѣ зрѣнія Руссо, и самое большее, что допускалось имъ, это было содержаніе бѣдныхъ на счетъ богатыхъ; но это, какъ мы видѣли, было не только принципомъ якобинизма, выраженнымъ въ одной изъ статей декларацiи 1793 г., но и принципомъ жирондистовъ, при чемъ въ концѣ концовъ въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло только съ стремленіемъ установленія во Франціи той практики общественнаго призрѣнія бѣдныхъ, какая утвердилась въ Англіи въ силу законовъ

[1]) Впрочемъ, Руссо колебался, становясь и на точку зрѣнія Гоббза.

о пауперахъ еще при королевѣ Елизаветѣ, т.-е. болѣе чѣмъ за двѣсти лѣтъ до французской революціи. На той же точкѣ зрѣнія стоялъ даже Маратъ, написавшій на основаніи идей Руссо памфлетъ, озаглавленный „Проектъ уголовнаго законодательства", гдѣ онъ говоритъ, во-первыхъ, что въ обществѣ не должно быть людей, лишенныхъ необходимаго, и потому нужно помогать бѣднымъ, впрочемъ, не даромъ кормя бездѣльниковъ, но устраивая національныя мастерскія (англійскіе рабочіе дома въ сущности) для неимущихъ, а во-вторыхъ, что нужно смягчить уголовные законы противъ кражи, ибо между цѣною золота и цѣною жизни нѣтъ ничего общаго, т.-е. Маратъ становится здѣсь на точку зрѣнія Бриссо. Въ эпоху французской революціи образовалась еще „секта равныхъ" (la secte des égaux), къ которой принадлежали Бабёфъ и Антонелль и которые позднѣе устроили заговоръ, извѣстный подъ названіемъ conjuration des égaux. Оба они были послѣдователями Руссо и Мабли и дѣлали изъ ихъ взглядовъ коммунистическіе выводы, но болѣе теоретическаго свойства, практически же они желали, чтобы у каждаго было необходимое и ни у кого не было излишняго. Особенно чисто теоретическимъ характеромъ отличается коммунизмъ Антонелля: въ своихъ „Orateur plébéien" и „Journal des hommes libres" онъ, воздавая хвалу общенію имуществъ въ теоріи, замѣчаетъ, напримѣръ, что никогда нельзя исторгнуть изъ жизни старыхъ народовъ слишкомъ глубоко пустившее въ нее свои корни „роковое учрежденіе" собственности, и что вовсе не слѣдуетъ сейчасъ же вотировать ея отмѣну. Впрочемъ, и Бабёфъ въ своемъ „Tribun du peuple" не разъ заявлялъ, что цѣлью его вовсе не является проведеніе, какъ онъ выражался, аграрнаго закона. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ изъ коммунистическихъ разсужденій, какія можно найти и у другихъ публицистовъ эпохи, дѣлался тотъ практическій выводъ, что право частной собственности должно быть ограничено. На этой именно точкѣ зрѣнія стоялъ и самъ Робеспьеръ, составившій (въ 1792 г.) свою декларацію правъ, гдѣ признавалось гарантированное закономъ право собственности, и вмѣстѣ съ тѣмъ это право ограничивалось (le droit de propriété est borné), какъ и всѣ другія права, обязанностью уважать чужое право. Или, напримѣръ, аб. Фоше заявлялъ прямо, что передѣлъ земель сразу невозможенъ, но что законодательство постепенно (doucement) могло бы привести къ болѣе равномѣрному распредѣленію собственности. „Всякій человѣкъ, говоритъ онъ, имѣетъ право на все для него необходимое", и „право каждаго частнаго лица на его поземельную собственность всегда подчинено праву общества (communauté) надъ всѣми". Въ концѣ концовъ принципъ частной собственности при всемъ теоретическомъ коммунизмѣ, къ какому склонны были и далеко не всѣ, да и не одни

якобинцы, твердо стоялъ и въ законодательствѣ конвента, и въ общественномъ сознаніи, но онъ требовалъ разныхъ ограниченій во имя общественнаго интереса. Даже самые ревностные защитники права собственности, какими были физіократы, и тѣ не останавливались передъ нарушеніемъ этого права во имя общественнаго интереса, когда ради успѣховъ сельскаго хозяйства и промышленности они возставали противъ феодальныхъ правъ и цеховыхъ привилегій, составлявшихъ извѣстные виды собственности сеньеровъ и мастеровъ. Тѣмъ не менѣе остается вѣрнымъ, что въ идеяхъ всей революціи вообще (но не одного конвента) мы видимъ зародышъ той постановки соціальнаго вопроса, какую онъ получилъ въ XIX вѣкѣ.

Конвенту приписывается далѣе изобрѣтѣніе „права на трудъ", но и это невѣрно. Еще Монтескье,—въ данномъ случаѣ, вѣроятно, находившійся подъ вліяніемъ англійской системы общественнаго призрѣнія бѣдныхъ (ея же въ сущности желалъ и Маратъ),—высказалъ мысль, по которой государство не должно ограничиваться раздачей милостыни, а обязано приходить на помощь къ нуждающимся, не имѣющимъ въ данное время работы, для предупрежденія народнаго бѣдствія или даже народнаго возстанія. Затѣмъ и Тюрго говорилъ объ этомъ въ томъ же самомъ смыслѣ. Ему даже удалось въ бытность свою лиможскимъ интендантомъ организовать принудительную помощь пострадавшимъ отъ неурожая, бывшаго въ Лимузенѣ, въ видѣ организаціи общественныхъ работъ (ateliers de charité). Потомъ, уже будучи министромъ, онъ добился ассигнованія особой суммы для устройства благотворительныхъ мастерскихъ во всей Франціи, чтобы оказывать помощь бѣднымъ посредствомъ доставки имъ возможности трудиться. Мало того: въ эдиктѣ, отмѣнявшемъ цехи, Тюрго прямо употребляетъ выраженіе „право трудиться" (droit de travailler), объявляя это право „собственностью каждаго человѣка", а „эту собственность—первою самою священною и самою неотъемлемою изъ всѣхъ". Тутъ же онъ выставляетъ и тотъ принципъ, что „государь (souverain) долженъ особенно заботиться о томъ классѣ общества, у котораго нѣтъ иной собственности, кромѣ труда и промысловъ" (industrie), т.-е. Тюрго не только освобождалъ личный трудъ отъ цеховыхъ стѣсненій, но находилъ еще нужнымъ, чтобы государство и общество приходили на помощь людямъ, нуждающимся именно въ трудѣ. Вопросъ, который такимъ способомъ рѣшался Тюрго, давно уже имѣлъ во Франціи практическое значеніе въ виду страшнаго развитія нищенства, озабочивавшаго и правительство, и общество, и публицистику задолго до 1789 г., озабочивавшаго въ 1789 г. составителей cahier и авторовъ политическихъ брошюръ, озабочивавшаго, наконецъ, и первыя два національныя собранія. Между прочимъ онъ

рѣшался теоретически въ смыслѣ необходимости устройства „благотворительныхъ мастерскихъ“ (ateliers de charité) на общественный счетъ, дабы лица, бѣдствующія отъ безработицы, могли найти занятіе и средства къ пропитанію. Для образованія же необходимыхъ для этого средствъ предлагался налогъ въ пользу бѣдныхъ (taxe des pauvres), и рекомендовалось учрежденіе особыхъ бюро благотворительности (bureau de charité). Можно даже сказать, что и въ данномъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ, наказы и брошюры только повторяли идеи Тюрго, который, по словамъ Кондорсе, написавшаго его біографію, главнымъ образомъ и вызвалъ общее стремленіе къ реформѣ благотворительности. Между тѣмъ и Тюрго, и Кондорсе были физіократы, а это значитъ, что, во-первыхъ, они защищали права собственности и интересы собственниковъ, а во-вторыхъ, стояли на точкѣ зрѣнія теоріи, которая не только не признавала непримиримости интересовъ имущихъ и неимущихъ классовъ, лежащей въ основѣ соціалистическаго ученія, но даже, наоборотъ, доказывала тождественность интересовъ и во имя именно общественнаго блага, создаваемаго лучшей системою сельскаго хозяйства, требовала превращенія мелкихъ хозяевъ въ безземельныхъ рабочихъ на крупныхъ фермахъ. Бонсерфъ, авторъ брошюры о „Неудобствѣ феодальныхъ правъ“, написанной по внушенію Тюрго, тоже высказывалъ въ особой брошюрѣ (De la nécessité et des moyens d'occuper avantageusement tous les gros ouvriers) мысль такого рода: каждый имѣетъ право на существованіе, соединенное съ обязанностью трудиться, общество же должно помогать своимъ членамъ пользоваться этимъ правомъ и исполнять эту обязанность, разъ тѣ или другіе члены общества сами этого не могутъ сдѣлать. Что Бонсерфъ въ данномъ случаѣ не былъ исключительнымъ защитникомъ рабочаго класса, какъ имѣющаго интересы, противоположные съ классомъ собственниковъ, можно видѣть изъ его заботы (такой же, какъ и у Монтескье) о томъ, чтобы бѣдные, не имѣющіе работы, не сдѣлались опасными, особенно соединившись въ какое либо сообщество. Во всякомъ случаѣ, и здѣсь жизнь начинала ставить новые вопросы, и опять-таки участвовалъ въ ихъ разрѣшеніи не одинъ конвентъ.

Въ эпоху конвента вопросъ о распродажѣ національныхъ имуществъ продолжалъ также стоять на очереди. Мы уже видѣли въ другомъ мѣстѣ, что учредительное собраніе въ данномъ случаѣ не обнаружило особенной заботливости о томъ, чтобы облегчить покупку земли крестьянамъ мелкими участками. Для комитета, которому поручена была распродажа національныхъ имуществъ, на первомъ планѣ стояли при этой операція интересы казны, тѣмъ болѣе, что здѣсь господствовалъ физіократическій взглядъ, неблагопріятный мелкому

землевладѣнію и крестьянскому хозяйству. Комитетъ, занимавшійся вопросомъ о нищенствѣ (comité de mendicité, организованный въ 1790 г.), тоже колебался между такимъ взглядомъ и тою мыслью, что надѣлъ бѣдныхъ землею былъ бы хорошимъ средствомъ прекратить нищенство. Между прочимъ въ обществѣ существовало опасеніе, какъ бы при развитіи мелкой собственности не пострадали интересы крупной, и этотъ взглядъ высказывался въ самомъ конвентѣ. Когда здѣсь одинъ депутатъ (Fayau) заявилъ, что народъ не извлекъ выгоды изъ отчужденія національныхъ имуществъ, прибавивъ къ этому, что „безъ благосостоянія и свобода непрочна" (là où le bonheur n'est pas, la liberté chancelle), то другой депутатъ (Lozeau) возразилъ ему, что если бы каждый обрабатывалъ собственное поле или собственный виноградникъ, торговля, ремесла и промышленность скоро погибли бы. Того же мнѣнія держались нѣкоторые конвентскіе коммиссары въ провинціяхъ. Вообще вопросъ этотъ вызвалъ весьма обширную брошюрную литературу, нерѣдко рекомендовавшую и образованіе мелкой собственности, но въ ней почти совсѣмъ незамѣтно соціалистическихъ и коммунистическихъ тенденцій [1]). Возражали авторамъ такихъ брошюръ другіе публицисты, доказывавшіе необходимость крупной собственности и свободныхъ рукъ для ея обработки. Къ эпохѣ конвента вопросъ этотъ получалъ все большее и большее значеніе чисто практическаго свойства. Долговременное революціонное броженіе усиливало бѣдность въ деревняхъ, и крестьяне или уходили въ армію, или отправлялись въ города, гдѣ положеніе низшихъ классовъ населенія было не лучше. Въ народной массѣ все больше и больше развивалось стремленіе къ пріобрѣтенію земли, что не могло не подѣйствовать на демократическихъ дѣятелей революціи, тѣмъ болѣе, что въ этомъ смыслѣ составлялись и крестьянскія петиціи. Якобинцы видѣли въ распродажѣ національныхъ имуществъ политическое средство привязать народъ къ конституціи [2]), а также средство улучшить финансы, къ чему прибавлялось еще соображеніе и о болѣе равномѣрномъ распредѣленіи имуществъ, но оно не было главнымъ соображеніемъ и вообще отличалось нѣкоторою неопредѣленностью. Одинъ весьма популярный среди якобинцевъ памфлетъ, появившійся

---

[1]) Von socialistisch-kommunistischen Tendenzen ist in fast keiner die Rede, und wo irgend eine Schrift derartiges zu äussern scheint, da begnügt sie sich mit einer so allgemeinen Fassung, das man sie als einen ernsthaften Reformvorschlag nicht anerkennen kann, говоритъ (на стр. 45—46) проф. *Минцесъ*, о книгѣ котораго см. выше.

[2]) С. Жюстъ говорилъ, что онъ не вѣритъ въ упроченіе свободы, пока будетъ существовать возможность подымать несчастныхъ (les malheureux) противъ новаго порядка вещей.

еще въ 1790 г., прямо ставилъ вопросъ такимъ образомъ: нація лишь тогда можетъ облегчить бѣднымъ пріобрѣтеніе ея имуществъ, когда успѣетъ расплатиться съ своими долгами. Но особенно для насъ важно то, что среди якобинцевъ было немало лицъ, купившихъ себѣ земли, и что они не обнаруживали ни малѣйшей склонности съ кѣмъ-либо ими дѣлиться. Въ одномъ современномъ памфлетѣ противъ якобинцевъ (Le club des jacobins) отъ имени народа высказывалась даже жалоба, что революція принесла выгоду (aété heureuse) только якобинцамъ, и что народъ всегда будетъ ставиться ни во что. Подобно тому, какъ въ XVI в. особенно рьяными протестантами дѣлались покупщики бывшей монастырской и церковной собственности, такъ въ эпоху революціи нерѣдко записывались въ „народныя общества“ якобинцевъ именно такія лица, которыя пріобрѣли покупкою землю изъ національныхъ имуществъ. Нерѣдко между покупщиками имѣній и крестьянами, державшими въ арендѣ отдѣльные участки, происходили даже столкновенія, вслѣдствіе чего значительно усилились въ это время аграрныя преступленія. Народная масса принимала подчасъ даже такое грозное положеніе, что окончательно пріобрѣтатели національныхъ имуществъ успокоились лишь подъ сильною властью Наполеона. Въ общемъ конвентъ нисколько не измѣнилъ способа отчужденія національныхъ имуществъ, сохраненіе которыхъ за собою сдѣлалось однимъ изъ стремленій буржуазіи за все послѣдующее время. Въ этомъ отношеніи революція конца XVIII в. удивительно напоминаетъ, напримѣръ, секуляризацію монастырской собственности въ Англіи въ серединѣ XVI в., когда члены парламента, попользовавшіеся изъ бывшихъ монастырскихъ земель, готовы были согласиться на возстановленіе католицизма, но ни подъ какимъ видомъ не давали согласія на реставрацію монастырской собственности [1]): тогда это было дворянство (лорды и джентри), теперь — буржуазія. Немудрено, что конституція III года (статьей 374) взяла подъ свою охрану („comme garantie de la foi publique“) законныхъ покупщиковъ (acquéreurs) національныхъ имуществъ, каково бы ни было происхожденіе послѣднихъ. Всѣ послѣдующія конституціи (консульская VIII года, императорская XII года и хартія 1814 г.) гарантировали то же право. Такимъ образомъ, когда якобинцы защищали распродажу національныхъ имуществъ, нерѣдко они далеко не были при этомъ сторонниками идеи о надѣлѣ собственностью народной массы. Когда, однако, политическіе радикалы стали слишкомъ задѣ-

---

[1]) При этомъ лорды заявили, что у нихъ есть мечи, которыми они будутъ защищать свое право. Скорѣе миръ будетъ опрокинутъ, чѣмъ мы отдадимъ назадъ наши мнѣнія, говорили якобинцы.

вать и новыхъ собственниковъ, послѣдніе стали прямо отворачиваться отъ якобинизма, что было однимъ изъ источниковъ реакціи, наступившей послѣ 9 термидора. Нужно еще замѣтить, что сами бывшіе привилегированные нерѣдко возбуждали въ это время крестьянскую массу противъ буржуазіи.

Другимъ важнымъ актомъ конвента, касающимся аграрныхъ отношеній, было изданіе закона о раздѣлѣ общинныхъ земель, т.-е. такихъ угодій, которыя находились въ совмѣстномъ владѣніи всѣхъ жителей одной или нѣсколькихъ общинъ или же одной какой-либо части общины. Еще легислатива декретировала 14 августа 1792 г. эту мѣру по отношенію ко всѣмъ общиннымъ угодьямъ, кромѣ лѣсовъ, при чемъ дѣлала этотъ раздѣлъ обязательнымъ. Конвентъ своимъ декретомъ 10 іюня 1793 г. объявлялъ раздѣлъ лишь факультативнымъ: вопросъ о раздѣлѣ (притомъ поголовномъ) долженъ былъ рѣшаться лицами обоего пола, имѣющими право въ немъ участвовать и достигшими 21 года,—и „если одна треть голосовъ будетъ за раздѣлъ, то раздѣлъ и будетъ рѣшенъ" (притомъ уже безповоротно). Декретъ разрѣшалъ и отчужденіе или отдачу въ аренду общинныхъ земель, какъ позволялъ продолжать ими пользоваться и сообща, деньги же отъ продажи или арендная плата должны были дѣлиться поровну, а не употребляться какимъ-либо инымъ способомъ. Дѣлежъ производился медленно, да и продажа шла туго, и мѣра особаго значенія не имѣла. Любопытно, наконецъ, что въ конвентѣ были еще голоса, требовавшіе присоединенія общинныхъ земель прямо къ національнымъ имуществамъ: это, конечно, значило бы уже просто экспропріировать крестьянъ.

Послѣ всего этого нельзя сказать, чтобы конвентъ сдѣлалъ какую-либо попытку измѣнить тотъ общественный строй, который былъ результатомъ первыхъ двухъ лѣтъ революціи и дѣятельности учредительнаго собранія. Еще менѣе что-либо подобное можно сказать о законодательствѣ временъ директоріи. Все различіе между первымъ и вторымъ періодомъ революціи было такимъ образомъ преимущественно политическимъ.

XLII. Внѣшнія побѣды и внутреннее безсиліе Франціи въ эпоху директоріи [1]).

Общій взглядъ на эпоху директоріи.—Общія причины побѣды Франціи въ международной борьбѣ.—Французскія побѣды послѣ 1793 года.—Революціонная пропаганда въ сосѣднихъ странахъ.—Нарушенія конституціи III года.—Отсутствіе внутренней свободы.—Гракхъ Бабёфъ.—Jeunesse dorée.—Общественное настроеніе.—Генералъ Бонапартъ и 18 брюмера.—Заключеніе.

Общій характеръ исторіи Франціи при директоріи можетъ быть опредѣленъ словами: эпоха внѣшнихъ побѣдъ и внутренняго безсилія. Сама конституція III года не дала Франціи прочной организаціи и скоро стала нарушаться. Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ одной стороны, дѣлались попытки воскресить только что пережитую эпоху, завершившуюся переворотомъ 9 термидора, а съ другой стороны, начавшаяся реакція стала принимать роялистическій характеръ. Всѣ тѣ, которые не желали ни возвращенія якобинской диктатуры, ни возстановленія старыхъ политическихъ и соціальныхъ порядковъ, рухнувшихъ въ 1789 г., — а таковъ былъ наиболѣе вліятельный общественный классъ, буржуазія,—прежде всего нуждались въ прочномъ порядкѣ и въ сильномъ правительствѣ, — въ порядкѣ, который дѣлалъ бы невозможнымъ возобновленіе якобинскаго деспотизма, въ правительствѣ, которое исключало бы возможность повторенія анархіи. Между тѣмъ порядокъ или не устанавливался, или для его установленія приходилось прибѣгать къ нелегальнымъ средствамъ государ-

---

[1]) *Мишле.* Исторія XIX вѣка (т. I: Директорія).—*D'Hericault.* La révolution de thermidor.—*Thibaudeau.* Histoire de la Convention et du Directoire — *Barante.* Histoire du Directoire — *De Goncourt.* Histoire de la société francaise pendant le Directoire.—*Thureau-Dangin.* Royalistes et républicains (здѣсь важна первая часть: La question de monarchie ou de republique du 9 thermidor au 18 brumaire).—*Victor Pierre.* La terreur sous le Directoire.—*Ludovic Sciout.* Le Directoire.—*Ferraz.* Histoire de la philosophie pendant la révolution française.—Для внѣшней политики, кромѣ того, что указано на стр. 557, см. F. *Masson.* Le département des affaires étrangères pendant la révolution.— *Marc Dufraisse.* Histoire du droit de paix et de guerre de 1789 à 1815.—О волонтерахъ и революціонныхъ арміяхъ см. кромѣ указанныхъ выше (стр. 558) соч. *Rousset, Fr. Mège, Michelet, Chassin, Jung, Ch. Comte* (исторія національной гвардіи), *Rambaud* (Les Français sur le Rhin), *Galli* (L'armée française en Egypte), *De Larivière* (Catherine la Grande d'après sa correspondance), *P. Gaffarel* (Bonaparte et les républiques italiennes) и др. Болѣе подробное изложеніе успѣховъ Франціи за границей въ 1792—1799 гг. читатель найдетъ въ главѣ II четвертаго тома „Исторія Западной Европы въ новое время“ (Вліяніе французской революціи на Европу).

ственныхъ переворотовъ; терроръ снова возвращался; правительство оказывалось внутри раздѣленнымъ, а якобинскіе и роялистическіе происки не прекращались. Это было какое-то внутреннее разложеніе, при которомъ общество вдобавокъ страдало своего рода апатіей, утомленіемъ, разочарованіемъ, тяготясь всѣмъ тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ и ища выхода изъ подобнаго состоянія. Все наиболѣе способное, наиболѣе талантливое, наиболѣе живое или погибло въ эпоху террора, уступивъ свое мѣсто посредственностямъ, или же защищало отечество и вело революціонную пропаганду на границахъ Франціи, а потомъ и за ея предѣлами. Можно сказать, что послѣ 9 термидора главный интересъ французской исторіи сосредоточивается на внѣшней политикѣ. Революція сказала послѣднее слово, остановилась, не пошла дальше, даже начала уступать мѣсто реакціи, но это было только внутри Франціи, потому что въ Европѣ, наоборотъ, революціонная Франція только теперь входитъ въ свою роль, одерживая побѣды надъ государствами стараго порядка. На войну въ это время устремляется все, что отличалось революціоннымъ энтузіазмомъ, болѣе энергичнымъ характеромъ, жаждою дѣятельности, подвиговъ, славы, уходитъ все, что не хочетъ переносить дома нужды, ищетъ легкой наживы, шума лагерей и битвъ. На войнѣ создается дисциплинированная и организованная сила, и эта сила мало-по-малу начинаетъ чувствовать и сознавать себя, какъ нѣчто отдѣльное и самостоятельное. Скоро „слава“ и „добыча“ дѣлаются лозунгомъ этой арміи, вмѣсто „отечества“ и „свободы“. Если еще раньше строились планы государственныхъ переворотовъ при помощи арміи, то ни старому двору, ни Буйлье, ни Лафайету, ни Дюмурье не удавалось даже начать осуществленіе своихъ замысловъ. Войско, тогда еще чувствовавшее живую связь съ народомъ, не шло за ними, да и сопротивленіе такимъ попыткамъ было бы оказано сильное. Теперь все стало измѣняться: армія прониклась инымъ духомъ, а страна обезсилѣла. Мало того: правители Франціи сами стали вмѣшивать высшихъ офицеровъ и солдатъ во внутреннюю политику, опираясь на ихъ помощь въ своихъ интригахъ и переворотахъ. За неудачей опыта съ конституціонной монархіей послѣдовала неудача опыта съ республикой, впереди оставалась только военная диктатура. Когда явился человѣкъ, сумѣвшій направить силу арміи противъ конституціонныхъ учрежденій страны, когда въ этомъ человѣкѣ извѣстные общественные элементы увидѣли спасителя внутренняго порядка отъ дальнѣйшей революціи и спасителя пріобрѣтеній революціи отъ реставраціи стараго режима, диктатура эта и была основана. Но если она лишила Францію политической свободы, то по отношенію къ Европѣ она получила, наоборотъ, значеніе дальнѣйшей организаціи революціоннаго прави-

тельства для борьбы съ старыми политическими и соціальными формами. Въ сущности установленіе этой диктатуры *было какъ бы завоеваніемъ дезорганизованной Франціи гражданской организованною Франціею военною.*

Франція, объявившая въ 1792 г. войну Австріи, къ которой присоединилась и Пруссія, и вызвавшая противъ себя въ 1793 г. большую коалицію, спаслась отъ нашествія, благодаря, какъ извѣстно, не одному патріотическому своему порыву и энергіи революціоннаго правительства, не однимъ своимъ арміямъ и способнымъ генераламъ, но и вслѣдствіе того, что старая Европа, вступившая въ борьбу съ Франціей, сама была дезорганизована. Когда французы вступали въ Савойю, въ западную Германію, въ Бельгію, они находили поддержку въ мѣстномъ населеніи, видѣвшемъ въ нихъ избавителей отъ старыхъ политическихъ и соціальныхъ порядковъ, и вообще тогда революціонная пропаганда составляла силу Франціи. Съ другой стороны, коалиція, выступившая на защиту монархическаго принципа, состояла изъ элементовъ, имѣвшихъ свои особые виды, не довѣрявшихъ другъ другу или находившихся между собою въ соперничествѣ, готовыхъ при удобномъ случаѣ принести въ жертву принципъ, ради котораго составилась коалиція, тѣмъ или другимъ своимъ интересамъ. Далѣе, отъ французскихъ дѣлъ Европа, а въ частности Австрія и Пруссія, начавшія войну, отвлекались дѣлами польскими, т.-е. обѣ державы опасались двинуть всѣ свои силы на западъ, чтобы не потерять на востокѣ своей доли добычи. Припомнимъ, что въ 1788 г. и въ Польшѣ началась новая эпоха (четырехлѣтній сеймъ), что въ 1791 г. въ ней произошла революція 3 мая, направленная противъ Россіи, что въ 1792 г. Россія вела войну съ Рѣчью Посполитой, что въ 1793 г. совершился второй раздѣлъ Польши, что въ 1794 г. вспыхнуло возстаніе Костюшки, и что въ 1795 г. остакокъ Рѣчи Посполитой и совсѣмъ подѣлили между собою Россія, Австрія и Пруссія.

Уже осенью 1793 г. Франція освободилась отъ опасности внѣшняго нашествія. Австрія и Пруссія, боявшіяся, что Россія одна захватитъ остатокъ Польши, готовы были даже вступить въ переговоры съ Робеспьеромъ, если бы ему удалось организовать прочное правительство, тѣмъ болѣе, что Франція снова перешла въ наступленіе и вторично завоевала Белгію, отнятую у нея послѣ перваго завоеванія, овладѣла всѣмъ лѣвымъ берегомъ Рейна отъ Голландіи до Эльзаса, за чѣмъ послѣдовало занятіе и самой Голландіи (1795). Эта страна, принявъ декларацію правъ человѣка и гражданина, организовалась по новому образцу въ Батавскую республику и заключила съ Франціей союзъ, а альпійская армія французовъ готовилась уже въ это время къ вступленію въ Италію. Въ томъ же самомъ году

Пруссія заключила съ Франціей миръ въ Базелѣ, уступивъ республикѣ свои владѣнія на лѣвомъ берегу Рейна. Такъ какъ отъ коалиціи отстали еще Тоскана и Испанія, то она теперь начала и совсѣмъ разстроиваться, и Франція вышла изъ этой борьбы съ значительнымъ увеличеніемъ своей территоріи и пріобрѣтеніемъ союзницы въ лицѣ Батавской республики. Въ 1796 и 1797 гг. французскія арміи переходили за Рейнъ, достигали до Дуная, собирались даже итти на Вѣну. Въ то же время генералъ Бонапартъ перешелъ черезъ Альпы (апрѣль 1796) и заставилъ сардинскаго короля (май) уступить Франціи Ниццу и Савойю и позволить ей занять нѣкоторыя изъ своихъ крѣпостей, потомъ занялъ Ломбардію (май), откинувъ австрійскую армію въ Тироль, и заставилъ герцоговъ Пармы и Модены, затѣмъ самого папу, а также венеціанскій и генуэзскій сенаты жить въ мирѣ съ Франціей и заплатить ей денегъ. Папа, кромѣ того, долженъ былъ уступить французской республикѣ Авиньонъ и отказаться отъ Болоньи, Феррары, Анконы и всей Романьи, которыя были присоединены къ Ломбардіи, провратившейся теперь въ республику Цизальпинскую (1797). Такъ какъ путь въ Вѣну для генерала Бонапарта былъ открытъ, то и Австрія запросила мира, который былъ ей данъ по Леобенскому договору: Австрія отказалась въ пользу Франціи отъ Бельгіи и владѣній на лѣвомъ берегу Рейна и потеряла Ломбардію. Въ аристократическихъ Венеціи и Генуѣ произошли вмѣстѣ съ тѣмъ демократическія революціи. Первая изъ этихъ республикъ перестала существовать, раздѣленная между Австріей и Цизальпинской республикой (по Кампо-Формійскому миру), при чемъ Франціи достались Іоническіе острова, а Генуя превратилась въ демократическую республику Лигурійскую (1797). Эти успѣхи Франціи создавали ей вообще союзниковъ среди народовъ, недовольныхъ своимъ положеніемъ: ирландцы просили присылки флота, чтобы освободиться отъ Англіи; поляки шли во французскую службу, надѣясь, что тогда революція приведетъ къ возстановленію Рѣчи Посполитой; нѣмцы въ Майнцѣ, Кельнѣ, Трирѣ и Кобленцѣ дѣлали попытку организоваться въ республику; въ Швецаріи подготовлялось возстаніе демократическихъ кантоновъ противъ аристократическихъ правленій; въ Пьемонтѣ, въ Римѣ, въ Неаполѣ среднее сословіе тоже собиралось низвергнуть свои правительства. Франція вмѣшалась скоро во внутреннія смуты папской столицы, и ея населеніемъ при помощи генерала Бертье была провозглашена республика Римская (15 февр. 1797), при чемъ папа Пій VI былъ увезенъ сначала въ Пизу, потомъ въ Валансъ (въ Дофинэ). Затѣмъ послѣдовало подобное же вмѣшательство въ Швейцаріи, которая обратилась въ демократическую и единую и нераздѣльную республику Гельветическую (12 апрѣля 1798).

Пока Бонапартъ отправился въ египетскую экспедицію (для борьбы съ Англіей на пути въ Индію), противъ Франціи составилась новая коалиція, къ которой примкнули Россія, Турція, Неаполь и Сардинія. Временные успѣхи неаполитанскихъ войскъ смѣнились полнымъ пораженіемъ, и Неаполь превратился въ республику Партенопейскую. (23 января 1799). Такимъ образомъ *Франція въ короткое время создала или преобразовала нѣсколько республикъ*: Батавскую, Гельветическую Цизальпинскую, Лигурійскую, Римскую и Партенопейскую. Только побѣды Суворова вырвали изъ рукъ французовъ Италію, что отразилось на общественномъ мнѣніи Франціи крайне неблагопріятно по отношенію къ директоріи. Итальянскимъ пораженіямъ противопоставляли побѣды Бонапарта въ Египтѣ и Сиріи, хотя французами побѣды были одержаны и въ Швейцаріи, и въ Голландіи, которыхъ коалиціи и не удалось отторгнуть отъ Франціи.

Идея революціонной пропаганды, какъ извѣстно, принадлежала жирондистамъ. Въ 1791 г. учредительное собраніе торжественно отказалось отъ завоевательныхъ войнъ и отъ покушеній на свободу другихъ народовъ, а конвентъ декретомъ 19 ноября 1792 г. объявилъ, что Франція будетъ оказывать братскую помощь всѣмъ народамъ, которые захотятъ добиться свободы. Война, начатая въ этомъ году Франціей, и получила характеръ революціонной пропаганды „правъ человѣка и гражданина". Когда, однако, Франціи пришлось защищать собственныя границы, она временно отказалась отъ пропаганды, и конституція 1793 г., объявивъ, что Франція есть другъ и естественный союзникъ свободныхъ народовъ, прибавляла, что ни она не будетъ вмѣшиваться въ чужія дѣла, ни сама не допуститъ вмѣшательства въ свои. Директорія возвратилась къ политикѣ пропаганды, окруживъ Францію цѣлымъ рядомъ новыхъ республикъ. Кромѣ того, въ это время Франція расширила свою собственную територію до „естественныхъ границъ" старой Галліи (Рейнъ и Альпы), при чемъ, однако, считала въ нѣкоторыхъ случаяхъ нужнымъ сдѣлать это лишь съ согласія жителей присоединяемыхъ странъ по примѣру народнаго голосованія авиньонцевъ въ 1791 г. Высокіе принципы національной независимости, невмѣшательства въ чужія дѣла, братства народовъ, собственнаго согласія занятыхъ странъ на присоединеніе— уступили съ теченіемъ времени старой политикѣ, и въ эпоху директоріи начались тѣ страшныя реквизиціи и военныя контрибуціи, которыя такъ широко были развиты генераломъ Бонапартомъ, превратившимъ революціонную пропаганду—для націи въ войну ради завоеваній и европейской гегемоніи, а для арміи въ войну ради славы и добычи.

Внутреннее состояніе Франціи далеко не соотвѣтствовало внѣш-

нему блеску ея завоеванiй въ перiодъ отъ 1795 по 1799 годъ. Въ конституцiи III года были немаловажные недостатки, заключавшiеся въ томъ, что она не давала никакого легальнаго исхода на случай конфликта конституцiонныхъ властей. Результатомъ этого были нарушенiя конституцiи, дважды совершонныя директорiей противъ совѣтовъ и одинъ разъ совѣтомъ противъ директорiи, при чемъ при первомъ и третьемъ случаяхъ и внутри директорiи происходили раздоры. Самое паденiе конституцiи (18 брюмера) сдѣлалось возможнымъ, лишь благодаря заговору двухъ директоровъ противъ своихъ товарищей и противъ обоихъ совѣтовъ.

Въ законодательныхъ палатахъ въ силу закона, о которомъ было сказано въ своемъ мѣстѣ, двѣ трети членовъ были взяты изъ членовъ конвента, именно изъ бывшихъ жирондистовъ и болѣе умѣренныхъ монтаньяровъ, одинаково не желавшихъ ни реставрацiи монархiи, ни возвращенiя террора, большею частью подававшихъ голоса за казнь Людовика XVI и, кромѣ того, сдѣлавшихъ прiобрѣтенiя при распродаже нацiональныхъ имуществъ. Зато между остальной третью членовъ было нѣкоторое количество роялистовъ или конституцiонныхъ монархистовъ, которые, однако, все-таки были слишкомъ немногочисленны для того, чтобы оказывать какое-либо влiянiе на дѣла. Между тѣмъ начиналось повсемѣстное успокоенiе политическихъ страстей и религiозныхъ раздоровъ, благодаря провозглашенной свободѣ культовъ, а также началось оживленiе сельскаго хозяйства, промышленности и торговли. Вмѣстѣ съ ослабленiемъ прежней энергiи въ представителяхъ новой Францiи какъ бы воскресла Францiя „стараго порядка", возвращались эмигранты и неприсяжные священники, распространявшiе манифесты „Людовика XVIII", пропагандировавшiе съ мѣстными роялистами необходимость возстановленiя законной монархiи, агитировавшiе на выборахъ. Въ 1797 г. на выборахъ прошло даже очень много роялистовъ, которые тотчасъ же открыли свой клубъ (Clichy) и получили вѣсъ въ совѣтахъ, а одинъ изъ нихъ (Бартелеми) занялъ мѣсто вышедшаго изъ директорiи по жребiю Летурнера, такъ что встревоженные конституцiонные монархисты сблизились съ республиканцами и основали общiй клубъ. Въ 1797 г. въ совѣтахъ было уже прямо роялистическое большинство, которое предприняло рядъ мѣръ, явно клонившихся къ подготовленiю реставрацiи, и между прочимъ стояло въ самой рѣзкой оппозицiи къ директорiи, имѣя даже въ ней за себя сторонника роялистовъ Бартелеми и шедшаго съ нимъ вмѣстѣ Карно, не считая еще двухъ министровъ (министра военнаго и внутреннихъ дѣлъ и министра полицiи). Директоръ Баррасъ далъ знать объ опасности положенiя генераламъ Гошу (въ зап. армiю) и Бонапарту, находившемуся въ Италiи. Завое-

ватель Италіи написалъ энергичное письмо директорамъ, а помимо того, и итальянская армія послала директоріи адресъ съ угрозами роялистамъ. Съ обѣихъ сторонъ готовились къ борьбѣ. Нѣкоторые роялисты предлагали отложить дѣло до выборовъ 1798 г., но наиболѣе нетерпѣливые хотѣли дѣйствовать безъ промедленія. Директорія рѣшилась тогда на весьма крутую мѣру. Присланный Бонапартомъ генералъ Ожеро (Augereau) арестовалъ главныхъ роялистическихъ депутатовъ; директорія созвала республиканское меньшинство обоихъ совѣтовъ, которое по предложенію правительства санкціонировало уничтоженіе выборовъ въ 53 департаментахъ, введеніе чрезвычайныхъ судовъ для подавленія роялистическихъ возстаній („бѣлаго террора"), ссылку 42 членовъ совѣта пятисотъ и 12 старѣйшинъ, а съ ними и двухъ директоровъ, равно какъ редакторовъ монархическихъ газетъ, вмѣстѣ съ чѣмъ отмѣнялась на годъ свобода печати, возобновлялись прежніе суровые законы противъ эмигрантовъ и неприсяжныхъ священниковъ и т. п. Этотъ переворотъ, извѣстный подъ названіемъ 18 фрюктидора, нанесъ ударъ возрожденію роялизма, находившагося въ сношеніяхъ съ эмиграціей и коалиціей, но вмѣстѣ съ этимъ усилилъ противоположную партію крайнихъ „патріотовъ". Это послѣднее обстоятельство вызвало со стороны директоріи предложеніе совѣтамъ кассировать и часть выборовъ 1798 г. и замѣнить ихъ другими. Тогда совершился новый переворотъ, получившій названіе 22 флореаля (11 мая). Умѣренные республиканцы снова получили тогда перевѣсъ. Но оба совѣта были не особенно довольны директоріей и помогли двумъ директорамъ (Баррасу и Сіэсу) устранить трехъ другихъ, замѣнивъ ихъ новыми (Роже-Дюко, Гойе и Муленомъ). Этотъ переворотъ извѣстенъ подъ названіемъ 30 преріаля (18 іюля 1799).

Все это указывало на крайнюю ненормальность тогдашней политической жизни. Правительство само же нарушало конституцію и, кромѣ того, принимало экстренныя мѣры, грозившія возвращеніемъ террора. Между прочимъ конституція III года сильно ограничивала право публичныхъ собраній, а термидорскій законъ V года стремился и совсѣмъ ихъ запретить. Свобода печати, провозглашенная конституціей, также стѣснялась. Уже законъ 27 жерминаля (16 апрѣля 1796 г.), направленный противъ роялистовъ и якобинцевъ, прямо грозилъ смертною казнью или ссылкою за предложеніе возстановить королевскую власть или конституцію 1793 г. Такъ какъ присяжные оправдывали журналистовъ, обвинявшихся по этому закону, то правительство вступило прямо на путь административныхъ мѣръ. 18 фрюктидора изъ 70 парижскихъ газетъ было запрещено 54, а ихъ издатели и редакторы были сосланы, при чемъ на цѣлый годъ періодическая пресса была отдана подъ полицейскій надзоръ. Дѣло на

томъ, однако, не остановилось, и за уничтоженіемъ сразу болѣе, чѣмъ пятидесяти газетъ, послѣдовали новыя распоряженія такого же рода. Совѣты пятисотъ и старѣйшинъ давали согласіе на подобныя мѣры и между прочимъ вотировали законъ, устанавливавшій штемпельный налогъ съ каждаго нумера газетъ (19 фрюктидора), но не хотѣли издать общаго закона о печати. Съ своей стороны полиція разгоняла палочными ударами разносчиковъ газетъ, сколько-нибудь неправившихся директоріи. Бо́льшею свободою пользовался при директоріи неприсяжный культъ. Любопытно, что даже при роялистическомъ составѣ обоихъ совѣтовъ въ нихъ господствовало еще вольтеріанское настроеніе относительно религіи. Въ 1797 г. совѣтъ пятисотъ отвергъ, напримѣръ, предложеніе одного депутата разрѣшить снова колокольный звонъ. Интересна также и еще разъ сдѣланная попытка установленія гражданской религіи въ духѣ деизма Руссо: въ 1792 г. возникла секта „теофилантроповъ" (или теоандрофиловъ), къ которой относился благосклонно одинъ изъ директоровъ (Ларевельеръ-Лепо), допустившій сектантовъ совершать свой культъ Верховнаго Существа въ соборѣ парижской Богоматери вмѣстѣ съ католическимъ богослуженіемъ. Послѣ 18 фрюктидора, впрочемъ, гоненія на духовныхъ усилились, и всякій священникъ могъ быть по усмотрѣнію правительства отправленъ въ ссылку. Населеніе, однако, все болѣе и болѣе оставляло присяжныхъ священниковъ и возвращалось къ прежнему культу. Вообще господствовавшему тогда оффиціальному направленію болѣе *приходилось бороться съ реакціей, чѣмъ съ продолженіемъ революціи*. Если, однако, боязнь правительства передъ повтореніемъ 13 вандемьера заставила его рѣшиться на 18 фрюктидора и также при помощи военной силы, то директоріи грозило повтореніе—въ новой только формѣ—и жерминаля, когда парижскій пролетаріатъ требовалъ „хлѣба и конституціи 1793 года", равнымъ образомъ вызвавшее со стороны директоріи экстренныя мѣры: это былъ такъ называемый „заговоръ равныхъ" (conjuration des égaux), во главѣ котораго стоялъ Гракхъ Бабёфъ [1]).

Въ исторіи коммунизма имя „Гракха" (собственно Франсуа-Ноэля) Бабёфа и „бабувизма" получило весьма громкую извѣстность. Бабёфъ

---

[1]) Кромѣ общихъ трудовъ по исторіи революціи и по исторіи эпохи, а также по исторіи коммунизма, см. *Ed. Fleury*. Biographie de Baboeuf.— *Ph. Buonarotti*. Gracchus Baboeuf et la conjuration des égaux.— *Victor Advielles*. Histoire de Gr. Baboeuf et du Babouvisme.—*A. Espinas*. Baboeuf et babouvisme. (La philosophie sociale du XVIII siècle et la révolution, стр. 193—412).— *Е. Тарле*. Дѣло Бабёфа (Міръ Божій. 1898: перепечатано въ „очеркахъ и характеристикахъ изъ исторіи европейскаго общественнаго движенія въ XIX в."— См. еще первый томъ „Исторіи соціальныхъ системъ" *Щеглова*.—Отсылаемъ также къ IV тому „Ист. Зап. Европы", гдѣ объ этомъ говорится въ главѣ 27.

принадлежалъ къ числу теоретиковъ коммунизма, проповѣдовавшихъ свои воззрѣнія въ прессѣ: у него былъ свой органъ „Le tribun du peuple“, а кромѣ того онъ съ своими сторонниками устроилъ особый клубъ (Club de Panthéon или des égaux). Движеніе бабувистовъ имѣло связь съ якобинизмомъ, такъ какъ „равные хотѣли прежде всего“ (какъ и жерминальскіе инсургенты) возстановленія конституція 1793 г. и объявили себя послѣдователями Робеспьера. Директорія закрыла ихъ клубъ, и тогда „равные“ начали тайную агитацію, чтобы подготовить возстаніе, и навербовали въ короткое время до семнадцати тысячъ сторонниковъ. Нѣкоторые изъ бывшихъ террористовъ организовали тогда же „инсуррекціонный комитетъ общественнаго спасенія“, который началъ было пропаганду и въ арміи. Заговоръ былъ, однако, открытъ, и извѣстіе о немъ произвело сильный переполохъ среди буржуазіи, такъ какъ Бабёфу приписано было намѣреніе произвести раздѣлъ земель. Въ сущности планъ не былъ коммунистическимъ въ строгомъ смыслѣ, и „аграрный законъ“ Бабёфа стоялъ даже въ противорѣчіи съ его теоріей объ общеніи имуществъ: такъ сказать, практической подкладкой заговора было недовольство народа тѣмъ, что на его долю осталось слишкомъ мало изъ распроданныхъ національныхъ имуществъ. Бабёфъ поплатился головою (1796) за свой заговоръ, который заставилъ буржуазію начать еще подозрительнѣе относиться къ якобинизму. Между прочимъ страхъ передъ его возвращеніемъ былъ однимъ изъ условій, облегчившихъ Наполеону Бонапарту захватъ власти въ свои руки.

Вообще послѣ 9 термидора *во Франціи началась баржуазная реакція противъ революціи*, подготовившая наступленіе режима консульства и имперіи, но съ наибольшею силою проявившаяся именно въ первые годы XIX вѣка, когда крѣпкая власть перваго консула обезпечила за буржуазіей ея пріобрѣтенія отъ всякой опасности и со стороны народа, и со стороны бывшихъ привилегированныхъ. Поколѣніе, совершившее революцію 1789 г., сходило со сцены, а на сцену выступало новое поколѣніе въ лицѣ такъ называемой „раззолоченной молодежи“ (jeunesse dorée), которая тотчасъ же послѣ паденія Робеспьера заявила себя въ общественной жизни своимъ антиякобинскимъ настроеніемъ. Въ то время, какъ сверстники этой молодежи сражались на разныхъ театрахъ тогдашней грандіозной борьбы, въ Парижѣ ею устраивались „балы жертвъ“, на которыхъ танцовали въ траурѣ и могли присутствовать только лица, потерявшія коголибо изъ родственниковъ во время террора; на этихъ же балахъ принято было кланяться быстрымъ движеніемъ головы, какъ бы падающей подъ ударомъ гильотины.

Можно привести массу фактовъ, свидѣтельствующихъ объ этой

реакціи противъ якобинизма, подъ которою таилось наступленіе реакціи и противъ самой революціи среди общественныхъ классовъ, принимавшихъ участіе въ движеніи и даже наиболѣе отъ него выигравшихъ, таились зародыши реакціи даже противъ всего XVIII в., проявившейся съ наибольшею силою послѣ паденія Наполеона [1]). Въ нижеслѣдующемъ будетъ представлено лишь нѣсколько данныхъ для характеристики общественнаго настроенія во Франціи во второй половинѣ девятидесятыхъ годовъ, т.-е. послѣ паденія Робеспьера.

Вскорѣ послѣ 9 термидора была составлена и сдѣлалась весьма популярной въ нѣкоторыхъ кругахъ общества новая пѣсня, которою многіе не прочь были замѣнить марсельезу. Называлась она „Пробужденіе народа“ (Reveil du peuple) и заключала въ себѣ, напримѣръ, такія слова, направленныя противъ якобинцевъ: „Народъ французскій! народъ братьевъ! неужели ты можешь смотрѣть, не содрагаясь отъ ужаса, какъ преступленіе поднимаетъ знамя рѣзни и террора? Потерпишь ли ты, чтобы лютая орда убійцъ и разбойниковъ оскверняла своимъ свирѣпымъ дыханіемъ землю живыхъ людей?.. Да, мы клянемся на вашей могилѣ именемъ нашей несчастной страны, что устроимъ одну гекатомбу изъ этихъ ужасныхъ людоѣдовъ!“ Особыя надежды возлагала умѣренная партія на молодое поколѣніе. Одинъ изъ дѣятелей буржуазной реакціи Фреронъ написалъ такое воззваніе къ французской молодежи: „Доколѣ тѣ, которые обладаютъ знаніями и богатствами, будутъ довольствоваться тѣмъ, чтобы оглашать воздухъ однѣми безполезными жалобами? Доколѣ будутъ они свободѣ и общественной безопасности платить дань одними напрасными вздохами, да жалостливыми слезами? Или вы годны лишь на то, чтобы наслаждаться удовольствіями жизни, предаваться изнѣженности, говорить только о достоинствахъ актеровъ и поваровъ, о преимуществахъ такого-то пѣвца, такого-то портного? Или для васъ тяжело оружіе?.. Неужели вы дозволите перебить себя, какъ барановъ? Неужели вы допустите, чтобы удавили вашихъ отцовъ, вашихъ женъ, вашихъ дѣтей? Нѣтъ, вы не стерпите, чтобы восторжествовала ненавистная партія! Вы закрыли клубъ якобинцевъ. Вы сдѣлаете больше: вы должны ихъ уничтожить!“ На почвѣ этой реакціи умѣренная партія, поддерживаемая буржуазіей, готова была даже соединиться съ тѣми изъ роялистовъ, которые казались посговорчивѣе.

Причину этого явленія хорошо вообще объясняетъ намъ Бенжаменъ Констанъ въ своемъ сочиненіи „Des réactions politiques“, вышедшемъ въ свѣтъ въ эти годы (1797). „Французская революція, го-

---

[1]) См. подробнѣе въ IV томѣ. Относящаяся къ предмету литература приведена тамъ же.

воритъ онъ, разрушивъ сначала привилегіи, направилась затѣмъ противъ собственности и этимъ самымъ вышла за предѣлы господствовавшихъ понятій. Противъ нея ополчились заинтересованные общественные классы и въ своемъ испугѣ уже не довольствовались противодѣйствіемъ увлеченіямъ и крайностямъ; они попятились еще дальше и стали во враждебное отношеніе ко всему кругу воззрѣній, связанныхъ съ революціей. Такія реакціи порождаются естественною склонностью человѣка распространять свое сожалѣніе на всю обстановку тѣхъ предметовъ, о которыхъ собственно онъ сожалѣетъ... Напуганные событіями люди предполагаютъ, что для того, чтобы успокоиться и стать на ноги, они должны поднять все то, что въ прежнее время ихъ окружало, и даже то, что надъ ними тяготѣло: давленіе сверху считается залогомъ безопасности. И вотъ, куда ни взглянешь, повсюду воскресаютъ старые предразсудки, которые, казалось, давно были уничтожены. Ихъ поддерживаютъ, приплетая къ нимъ мотивы: обсуждая вопросы законодательства, напоминаютъ увлеченія нархіи; нападаютъ на извѣстный законъ изъ-за его автора или изъ-за его даты; обвиняютъ отвлеченныя теоріи, ссылаясь на злодѣянія, которыя не имѣютъ съ ними ничего общаго, кромѣ единовременности; откапываютъ давно забытые софизмы въ защиту старинныхъ заблужденій. Скептики и атеисты, въ былое время щеголявшіе вольнодумствомъ и снискавшіе себѣ нѣкогда популярность своимъ дерзкимъ отрицаніемъ, ударились теперь въ католическую мистику и съ азартомъ проповѣдуютъ религіозную нетерпимость". Таковъ былъ переворотъ въ общественномъ настроеніи. Любопытно познакомиться и съ тѣмъ, что особенно читалось въ это время. Самою популярною газетою сдѣлался „Journal des Débats", а въ немъ печатали, напримѣръ, такія вещи: „Революціонные разбойники были особенно пропитаны моралью и правилами Вольтера; это былъ ихъ глава, ихъ апостолъ; они были его министры; они исполняли самое дорогое и самое пламенное его желаніе, en écrasant l'infâme. Извѣстно, что всѣ чудовища, которыя безчестили и раздирали Францію, ставили себѣ въ заслугу быть философами и учениками Вольтера... Подъ философіей XVIII вѣка, говорится въ другомъ мѣстѣ, я разумѣю все, что ложно въ морали, въ политикѣ, въ законодательствѣ". Или вотъ что было сказано въ той же газетѣ объ одномъ тогдашнемъ писателѣ: „Во всѣхъ пунктахъ онъ выбралъ точку зрѣнія противоположную взглядамъ новѣйшей философіи и, по нашему мнѣнію, это—довольно вѣрное средство не ошибиться въ заключеніяхъ". Въ другой газетѣ, въ „Меркуріи", которая также была очень распространена въ публикѣ, мы встрѣчаемъ даже идеализацію стараго режима. Въ смутныя времена въ Англіи прекращается дѣйствіе *habeas corpus* и лич-

ная свобода преклоняется предъ общимъ интересомъ [1]). А во Франціи, кромѣ только нашихъ безпокойныхъ временъ, развѣ личная свобода подвергалась какой-либо опасности?" Авторъ статьи какъ бы совсѣмъ забылъ о lettres de cachet и о Бастиліи. По поводу выхода въ свѣтъ одного сочиненія тотъ же „Меркурій" писалъ: „Появись эта книжка лѣтъ двадцать или тридцать тому назадъ, ея авторъ пріобрѣлъ бы себѣ извѣстность: она была бы сожжена по приказанію парламента, о ней говорило бы все общество и къ довершенію ея успѣха автора, пожалуй, засадили бы въ Бастилію; теперь подобныя воззрѣнія потеряли интересъ, общество остается равнодушнымъ къ автору и его сочиненію". Классическій республиканизмъ сталъ тоже терять кредитъ. „Чѣмъ болѣе, писалъ Вольней, я изучалъ древность и ея хваленыя государственныя формы, тѣмъ болѣе я убѣждался, что правительства египетскихъ мамелюковъ и алжирскаго бея не отличались существенно отъ спартанскаго и римскаго, и что для столь прославленныхъ грековъ и римлянъ недостаетъ только имени гунновъ и вандаловъ, чтобы во всемъ остальномъ намъ ихъ напоминать". Замѣчательна еще одна сторона въ литературѣ второй половины девятидесятыхъ годовъ XVIII в., это—поворотъ къ религіозности, за которую хватались теперь, какъ за политическое средство, полагая, что религія необходима для обузданія народа. Когда нѣкто Дидье издалъ книгу подъ заглавіемъ: „Du retour à la religion", о ней писали въ газетахъ: „Гражданинъ Дидье разсматриваетъ религію лишь съ точки зрѣнія полезности ея для общества". О книгѣ Жоффре „Du culte public" тоже писали въ газетахъ такимъ образомъ: „Авторъ увидѣлъ, что не въ качествѣ теолога нужно было говорить съ націей мало религіозной, что людямъ, сильно потрясеннымъ политическими переворотами, нужно было показать, что спокойствіе государствъ и здоровая политика покоятся на религіозныхъ идеяхъ, какъ на самой твердой опорѣ".

Буржуазія тѣмъ не менѣе въ концѣ концовъ не могла соединиться съ роялистами въ прочномъ союзѣ, такъ какъ главную силу послѣднихъ составляли эмигранты. „Общественное мнѣніе, писалъ Бенжаменъ Констанъ, представляетъ себѣ принцевъ и эмигрантовъ, какъ завзятыхъ и непримиримыхъ враговъ, отъ которыхъ, какъ отъ Робеспьера, нечего ждать ни свободы, ни безопасности, ни пощады. Ежедневныя писанія, издающіяся за границей, какъ нельзя болѣе утвердили этотъ взглядъ въ обществѣ. Нужно было самое громкое опроверженіе всѣхъ этихъ зажигательныхъ брошюрщиковъ всѣхъ этихъ неистовыхъ разрушителей, которые въ арміи Конде, въ каба-

---

[1]) Не совсѣмъ вѣрное представленіе о habeas corpus'ѣ.

кахъ, въ клубахъ говорятъ, какъ не говорилъ Чингисханъ во главѣ двухсотъ тысячъ своихъ татаръ". Такимъ образомъ если бтржуазія не соединилась съ роялистами, то потому, что за ними стояли люди, проповѣдовавшіе крестовый походъ противъ революціи, отъ которой столько выигралъ средній классъ. Монлозье, очень видный эмигрантъ, самъ писалъ, напримѣръ, по этому поводу: „Насъ убѣждаютъ, что всѣ проклинаютъ революцію, и я этому вѣрю. Но проклинать революцію и желать возстановленія стараго порядка вещей—двѣ вещи разныя. Все, чего желаетъ Франція, это—сохранить теперешнія соціальныя отношенія и пріобрѣсти покой. Никто не желаетъ потерять плодовъ своихъ способностей и протекшихъ событій. Генералы не хотятъ снова сдѣлаться солдатами, судьи—приставами, мэры и президенты—простыми земледѣльцами и ремесленниками, покупщики нашихъ имѣній не хотятъ ихъ возвращенія".

Замѣчательно, кромѣ того, наступленіе какой-то апатіи къ государственнымъ дѣламъ въ тѣхъ общественныхъ слояхъ, которые, казалось, наиболѣе участвовали въ революціи. „Наши неудачи, говорится въ одномъ современномъ свидѣтельствѣ, и наши успѣхи не производятъ ни радости, ни безпокойства. Словно, читая исторію нашихъ битвъ, читаютъ исторію другого народа. Внутреннія перемѣны также не производятъ никакого возбужденія. Изъ любопытства спрашиваютъ другъ друга, отвѣчаютъ безъ интереса, выслушиваютъ безучастно". Директоріи изъ провинцій присылались такія донесенія: „Наши богатые земледѣльцы, которые болѣе всего выиграли отъ революціи, оказываются самыми заклятыми врагами ея формъ; если какой-либо гражданинъ, который отъ нихъ зависитъ, хотя бы въ какой-либо малости, станетъ называть ихъ „citoyen", его тотчасъ же выгоняютъ изъ дома... Это—позоръ цѣлаго класса, который одинъ обогатился вслѣдствіе революціи и ничего не потерялъ; республика не должна была бы ожидать, что ея избалованныя дѣти не захотятъ ее знать". „Деревенскому жителю живется хорошо. Онъ сдѣлался себялюбивъ и не хочетъ принимать участія въ общественныхъ дѣлахъ. Напротивъ, онъ смотритъ на правительство, какъ на своего врага. Всеобщее недовольство, принявшее видъ отчаянія, возбуждаетъ и всеобщее раскаяніе, что тронъ низвергнутъ". Городскому пролетаріату приписывались такія слова: „Французы созданы не для республики. Стоило ли отправить одного короля, чтобы вмѣсто него посадить пятерыхъ? Намъ нуженъ король! Лучше ужъ король, чѣмъ помирать съ голода".

Всеобщее утомленіе и разочарованіе вообще болѣе всего характеризуютъ это общественное настроеніе второй половины девятидесятыхъ годовъ. Особенно замѣчательно въ этомъ отношеніи письмо

Порталиса къ Малле-дю-Пану [1]), написанное за нѣсколько недѣль до переворота 18 брюмера. „Нація слишкомъ утомлена, чтобы дать себѣ самой государя; освободитель Франціи долженъ притти съ готовымъ планомъ, который въ первое же мгновеніе былъ бы подходящимъ къ усталости, въ какой находится масса, потому что во второе мгновеніе тотчасъ выдвигаются на первый планъ честолюбцы“, Такой человѣкъ „съ готовымъ планомъ“ и нашелся. Вотъ что писала позднѣе г-жа Сталь, дочь Неккера, въ своихъ „Considérations sur la révolution française“: „Какъ разъ 18 брюмера я возвращалась изъ Швейцаріи въ Парижъ, и когда я въ нѣсколькихъ миляхъ отъ города мѣняла лошадей, мнѣ сказали, что только что проѣхалъ директоръ Баррасъ въ свое имѣніе Гробуа, сопровождаемый жандармами. Почтари разсказывали новости дня, которымъ много жизни придавалъ народный способъ изложенія. Въ первый разъ со времени революціи на устахъ всѣхъ было собственное имя. До того времени говорили: учредительное собраніе сдѣлало то-то, народъ—то-то, конвентъ—то-то, теперь только говорили о томъ человѣкѣ, который долженъ былъ занять мѣсто всѣхъ, лишивъ родъ человѣческій его имени, захвативъ всю славу для себя одного и мѣшая пріобрѣтать ее всякому живому существу“. Здѣсь рѣчь идетъ, конечно, о Наполеонѣ, но самый фактъ, на который указываетъ г-жа Сталь, сдѣлался возможнымъ, лишь благодаря общей реакціи, апатіи, утомленію и разочарованію.

Итакъ, человѣкъ съ готовымъ планомъ нашелся и привелъ свой планъ въ исполненіе. Въ началѣ октября 1799 г., оставивъ свою армію въ Египтѣ, генералъ Бонапартъ по зову одного изъ своихъ братьевъ вернулся во Францію. За нѣсколько мѣсяцевъ передъ этимъ переворотъ 30 преріаля доставилъ мѣсто въ директоріи Сіэсу, у котораго былъ тоже свой планъ новой конституціи, и Роже-Дюко, большому пріятелю семьи Бонапартовъ. Заговоръ между ними быстро созрѣлъ и былъ приведенъ въ исполненіе. 18 брюмера (9 ноября) подъ предлогомъ будто бы открытаго якобинскаго заговора совѣтъ старѣйшинъ вотировалъ перенесеніе засѣданій съ Сенъ-Клу и назначеніе Бонапарта коммендантомъ Парижа. Сіэсъ и Роже-Дюко подали въ отставку, у Барраса отставку вынудили, Гойе и Мулена взяли подъ стражу. На другой день, 19 брюмера, надъ совѣтомъ пятисотъ въ Сенъ-Клу было совершено прямое насиліе—изгнаніе солдатами народныхъ представителей изъ залы засѣданія, послѣ чего для управленія Франціей было образовано временное консульство изъ Бона-

---

[1]) Порталисъ — политическій дѣятель эпохи (1743 — 1807), Малле-дю-Панъ — консервативный публицистъ.

парта, Сіэса и Роже-Дюко и рѣшено было выработать для страны новую конституцію [1]).

18 брюмера начался новый періодъ не только въ исторіи Франціи, но и въ исторіи всей Европы, которымъ и открывается XIX вѣкъ, нынѣ подходящій къ концу. Гражданинъ Бонапартъ, первый консулъ, и Наполеонъ I, императоръ французовъ, въ одно и то же время и для современниковъ, и для потомства представлялся то какъ первый изъ контръ-революціонеровъ, то, наоборотъ, какъ продолжатель революціи, при чемъ и тотъ, и другой взгляды высказывались и врагами, и сторонниками революціи. Каждая изъ такихъ, повидимому, противорѣчивыхъ точекъ зрѣнія имѣетъ свое основаніе. Если видѣть въ революціи главнымъ образомъ установленіе политической свободы, правленіе Наполеона I было контръ-революціей, но если въ ней ставить на главное мѣсто разрушеніе стараго католико-феодальнаго строя, то Наполеонъ, дѣйствительно, продолжалъ революцію, распространялъ ее на другія страны Западной Европы и до извѣстной степени возобновлялъ въ нихъ политику абсолютныхъ правительствъ, дѣйствовавшихъ въ духѣ идей XVIII в. Въ имперіи Наполеона I воплотилась та же идея всемогущаго, всепоглощающаго и всеуравнивающаго государства, которая была представлена одинаково и абсолютными монархіями второй половины XVIII в., и якобинскою диктатурою 1793 года,—идея, передъ которой должны были склониться и историческое право стараго католико-феодальнаго общества, сметеннаго во Франціи бурей 1789 г., и естественное право личности, провозглашенное знаменитой декларацiей правъ человѣка и гражданина. Если, однако, французская революція и оказала непосредственное вліяніе на другія страны Западной Европы, то главнымъ образомъ именно благодаря тѣмъ переворотамъ, которые въ ней произвелъ Наполеонъ I. Его эпоха охватываетъ 15 лѣтъ (1799—1814), и послѣ его паденія немедленно открывается борьба, въ которой противъ наполеоновскаго режима, противъ французской революціи, противъ просвѣщеннаго абсолютизма и противъ философіи XVIII вѣка приняли участіе представители католико-феодальнаго строя.—На этомъ мы и можемъ теперь остановиться въ исторіи XVIII вѣка, какъ эпохи, имѣющей опредѣленное историческое содержаніе, а потому и составляющей нѣчто цѣльное въ исторіи культурно-соціальнаго развитія народовъ Западной Европы.

---

[1]) Подробно это событіе изложено въ четвертой главѣ IV тома

СОДЕРЖАНІЕ ОТДѢЛЬНЫХЪ ТОМОВЪ

„ИСТОРІИ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ ВЪ НОВОЕ ВРЕМЯ“.

Томъ I. Переходъ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени.

Западно-европейская исторія.—Католицизмъ и феодализмъ.—Культурно-соціальная исторія. — Феодальное устройство. — Муниципальный бытъ.—Сословно-представительныя учрежденія.—Великая хартія.—Возникновеніе парламента.—Права парламента.—Королевская власть во Франціи.—Политическое раздробленіе Германіи. — Политическіе вопросы новаго времени.—Крѣпостничество во Франціи.—Эпоха освобожденія французскихъ крестьянъ.—Положеніе нѣмецкихъ крестьянъ въ концѣ среднихъ вѣковъ.—Соціальный строй Англіи.—Церковное землевладѣніе. — Цеховое устройство промышленности. — Начало денежнаго хозяйства.—Общественный характеръ литературы.—Положеніе личности въ обществѣ.—Католическая церковь и свѣтское общество.—Отношеніе католицизма къ личности. — Политическая оппозиція церкви. — Зарожденіе литературной оппозиціи католицизму.—Средніе вѣка и классическая древность.—Петрарка, какъ первый гуманистъ.—Гуманистическое значеніе Боккачіо.—Главные итальянскіе гуманисты.—Ренессансъ внѣ Италіи.—Гуманистическая мораль.—Гуманистическая политика.—Гуманистическая наука.—Упадокъ папства и монашества.—Суевѣрія и злоупотребленія религіей.—Обличенія духовенства въ литературѣ.—Неудача соборной реформы.—Предшественники реформаціи.—Внѣ-церковныя силы въ дѣлѣ религіозной реформы.—Общественное значеніе религіозныхъ движеній.—Главные общіе выводы.

Томъ II. Исторія XVI и XVII вѣковъ.

Изученіе реформаціоннаго періода.—Политическое состояніе Германіи въ началѣ XVI вѣка.—Культурная борьба и Ульрихъ фонъ-Гуттенъ.—Карлъ V и его общеевропейская политика. — Лютеръ до отпаденія отъ церкви. — Эпоха вормскаго сейма.—Начало религіозной реформаціи въ Германіи.—Рыцарское возстаніе. — Происхожденіе крестьянской войны. — Крестьянская война и ея программы.—Сектантство и соціальныя движенія.—Нѣмецкіе князья и лютеранская реформація.—Борьба князей съ императоромъ.—Цвингліанская реформація. — Происхожденіе кальвинизма. — Характеръ и историческое значеніе

Томъ III. Исторія XVIII вѣка.

Томъ IV. Исторія первой трети XIX вѣка (1800—1830).

полеоновская эпоха и ея исторіографія.—Наполеонъ до 1799 г.—18 брюмера и наполеоновскія конституціи.—Внутренняя политика консульства и имперіи. — Господство Франціи въ Европѣ при Наполеонѣ I. — Внутреннія перемѣны въ западно-европейскихъ государствахъ въ наполеоновскую эпоху. — Разложеніе стараго порядка и попытка реформъ въ Пруссіи. — Внѣшняя и внутренняя оппозиція противъ имперіи Наполеона I.—Паденіе имперіи, „сто дней" и вѣнскій конгрессъ.—Происхожденіе и характеръ реакціонныхъ стремленій эпохи. — Общая характеристика либерализма въ эпоху реставраціи.—Священный союзъ, южно-романскія революціи и конгрессы.—Побѣда партикуляризма и реакціи въ Германіи.—Реставрація и установленіе конституціонной монархіи во Франціи.— Реакціонная политика во Франціи въ эпоху реставраціи.—Борьба французскаго либерализма противъ реакціи.—Происхожденіе англійской реакціи конца XVIII и начала XIX вѣка.—Реакція и борьба за свободу въ Англіи до 1830 года.— Существенное содержаніе соціальной исторіи XIX вѣка и ея изученіе.—Крестьянскій вопросъ въ первой трети XIX в. — Перемѣны въ промышленномъ быту Западной Европы въ концѣ XVIII и началѣ XIX в. — Капитализмъ, пролетаріатъ, пауперизмъ и начало рабочаго вопроса.—Экономическія теоріи эпохи въ связи съ моральными и политическими ученіями.—Соціальныя ученія первой трети XIX вѣка.

Томъ V. Исторія среднихъ десятилѣтій XIX вѣка.

Общій взглядъ на состояніе Западной Европы передъ іюльской революціей.—Іюльская революція. — Вліяніе іюльской революціи на Европу. — Парламентская реформа въ Англіи.—Торжество буржуазіи послѣ 1830 г.—Борьба съ революціей во Франціи въ тридцатыхъ годахъ.—Внѣшняя политика іюльской монархіи.—Реакція тридцатыхъ годовъ въ Германіи.—Общій очеркъ политическихъ, соціальныхъ и національныхъ движеній въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ.—Англійское законодательство тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ.—Чартистское движеніе въ Англіи. — Французскій либерализмъ временъ іюльской монархіи.—Французскій соціализмъ и коммунизмъ временъ іюльской монархіи.— Идеи и настроеніе французской демократіи временъ іюльской монархіи.—Нѣмецкій литературный и философскій радикализмъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. — Нѣмецкія экономическія и соціальныя ученія тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ.—Славянское возрожденіе, панславизмъ и мессіанизмъ.—Состояніе Западной Европы наканунѣ 1848 г.—Министерство Гизо и февральская революція.—Начало второй республики и іюньскіе дни.—Нѣмецкая революція 1848 г. и франкфуртскій парламентъ.—Паденіе нѣмецкой революціи и конецъ франкфуртскаго парламента. — Славянская, венгерская и итальянская революціи. — Французская конституція 1848 г. и декабрьскій переворотъ.—Общая реакція пятидесятыхъ годовъ.—Господство Наполеона III въ Европѣ и во Франціи. — Объединеніе Италіи. — Объединеніе Германіи. — Англія до второй парламентской реформы.—Крестьянскія реформы середины XIX в.—Соціальное движеніе въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ.—Умственный переворотъ средины XIX вѣка.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Вступленіе.

Старые государственные и общественные порядки.

Новыя культурныя и общественныя идеи.

Просвѣщенный абсолютизмъ.

Французская революція.

	DATE DUE		

